

Владимир Васильев

Смерть или слава 2ЧАСТИ

Наследие исполинов 2 части

Смерть или слава – ЧАСТИ 1-2

«Владимир Васильев»: АСТ; 2003
ISBN 5-17-009275-X

Аннотация

На далеких мирах, затерянных где-то в глубинах космоса, схлестнулись две цивилизации – люди, жадно колонизирующие планету за планетой, и Чужие, издавна считающие себя хозяевами Галактики. Отныне тот, кто не убивает, – умирает. Отныне действуют жестокие законы звездной войны – выживает тот, кто успел выстрелить первым. Много тысячелетий Чужие не знали поражения. Но девиз человечества – «Смерть или слава»...

Владимир Васильев
СМЕРТЬ ИЛИ СЛАВА

Уши охотника нужны самцу – но астронавту нужны глаза и мозг.
А из дураков получаются только трупы.

Моки закричал, когда режущий факел на доспехах пилота Кипиру вспыхнул лазерным блеском.
Дэвид Брин, «Звездный прилив».

Часть первая

1. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга.

Эти слова выгравированы на рукоятке моего бласта. «Смерть или слава». С одной стороны. А с другой – «Death or Glory», и если вы еще не позабыли английский, вы поймете, что означает это то же самое. Бласт не раз спасал меня от смерти. Правда, не привел он и к славе, но я пока жив, потому что всегда успевал выстрелить первым.

Не подумайте, что я – убийца. Вовсе нет. Просто... мы живем в таком мире, где все, кто не умеет выстрелить первым, умирают первыми. Такие сейчас времена. Мне кажется, что жившие до нас люди видели свое будущее куда более светлым. Они ошиблись. Их будущее, а мое настоящее – это обычная помойка, размазанная по полусотне обжитых миров. Земля... А что Земля? Болото. Непроходимое болото. Царство жвачной толпы. Все, кто хоть на полпальца возвышается над серой однообразной массой, подались в колонии, потому что там больше свободы и легче заработать. На Земле остались только канцелярские крысы да отчаянные консерваторы. А просто отчаянные – такие, как я или Юлька Юргенсон – в пространстве. На планетах, которые колонизируются землянами уже два с половиной века.

Мой мирок зовется Волга. На Земле река такая есть. А у нас – целая планета. Хорошая, в общем-то, планета, чистенькая пока, уютная. Не успели еще загадить, как Землю, Селентину, или Офелию. Народу здесь – тысяч пятнадцать, в основном старатели, как и я. Один городок, Новосаратов, дюжина поселков да разбросанные по единственному континенту заимки. Рядом с городком – космодром, станция

дальней связи и фактория, куда старатели продают руду. Раз в месяц с Офелии прилетает пошарпанный грузовоз, чтоб увезти на орбитальные заводы все, что мы выковыриваем из недр нашей планетки. Раз в неделю каждый из старателей навещается к фактории сдать руду, получить денежки и немедленно просадить их в ближайшем космодромном кабаке. Американеры называют его салуном, но американеров у нас мало, в основном русские. И на вывеске русским по белому написано: «Кабак». И ниже — «Меркурий».

Обыкновенно в «Меркурии» толкуются все подонки, которые предпочитают не командовать горняцкими роботами, а сшибать деньги при помощи бласта. Таких на Волге едва ли не больше, чем старателей. Теперь вы понимаете, почему мне приходится ежедневно упражняться в стрельбе?

Работаем по-старинке. Штольни, тоннели, виброизмельчители... Как сто, как двести лет назад. А что может измениться в этом болоте? В исконной обители человечества? Роботы спроектированы, по-моему, еще при Херберте Виспере, только процессоры стали монтировать поновей, с расширенным набором инструкций, когда Александр Белокриничный открыл тоннельный эффект в полихордных кристаллах. Да, да, не удивляйтесь, я интересовался даже такой, никому не нужной чепухой как архитектура полихордных кристаллов, потому что с детства люблю читать. Папаша оставил мне в памяти бортового компа внушительную файлоотеку.

Лично мне кажется, что технологии Земли в какой-то момент исчерпали себя. Зашли в безнадежный тупик. Никаких открытий после смерти Белокриничного. Никаких свежих мыслей. Болото. Когда южнее Лондона сел корабль свайгов, казалось — вот оно. Инопланетяне, которым даже не слишком удивились, новые знания, техногенный прорыв, то-се...

Хрен. Свайги без всяких церемоний сожгли роту морских котиков из сил быстрого реагирования, потребовали полтонны бериллия, и убрались восвояси. В космос, где они дома. Самое смешное, что людям в конечном итоге оказалось наплевать на то, что в космосе есть жизнь. А чужим — наплевать на нас. Они считают нас отсталой и безнадежной расой, и многие люди полагают, будто так оно и есть.

И боюсь, что это действительно правда.

Мы редко сталкиваемся с чужими. Они — хозяева галактики, шныряют от звезды к звезде, а нам приходится ползать годами. Освоили сферу в неполных полтора световых лет от Земли, и дальше даже не суеться, потому что миров и так на порядок больше, чем мы в состоянии проглотить за ближайшее тысячелетие. Даже межзвездная война нас практически не затронула, хотя свайги за бериллием на наши планеты и станции навещались еще трижды. Откровенно говоря, мы не подозреваем даже кто с кем воюет — кроме свайгов, рептилий откуда-то из центра галактики, в войну втянуты две птичьих расы, насекомые какие-то и еще одна разновидность чужих, у которой на Земле, Селентине и Офелии и аналогов-то нет. Смешно. Рептилии, птицы, насекомые, и неведомые гады, непохожие ни на что... Только на Земле разум возник у более сложной формы, у млекопитающих. Из-за этого нас считают отставшими безнадежно. Мол, вместо того, чтобы развивать разум, интеллект, развивали тело. Жертвы эволюции.

Вот так и живем. Никому не нужные, даже самим себе.

Вряд ли наши предки видели будущее именно таким... Впрочем, я, например, вообще не вижу будущего. Никак не вижу. Скорее всего, распylimся мы по своим миркам, погрязнем в мелочах и растеряем даже те крупницы знания, которые удалось добыть нашим предкам-мечтателям. Или чужие нас поработят, если война их всех не доконает.

Унылая перспектива.

Вездеход бросало на неровностях почвы. Равнина с шелестом стелилась под днище, и еле слышно урчал привод гравиподушки. Далеко-далеко, в сизой горизонтной дымке угадывались пики Каспийских гор. Там, у подножия изогнутой гряды, моя заимка. И моя жалкая берлога — пятнадцатиметровый спектролитовый купол стоянки и крытые непрозрачным плексом капониры, выполняющие роль и складов, и ангаров, и еще черт знает чего. Всего сразу. Сейчас капониры почти пусты, я ведь из фактории возвращаюсь. В «Меркурий» заглядывать я не стал — надоели мне эти бандитские рожи до боли зубовой. Только в супермаркет Новосаратова наведалься, закупил провизии месяца на два вперед, да пива шесть упаковок. Дорогое у нас пиво, чтоб ему поперек! А все потому, что никто на Волге не желает фермерствовать. Наверное, невыгодно... Странно даже. Цены на продукты, особенно на свежатину, просто запредельные. Казалось бы — трудись, продавай, наживайся. А, впрочем, появись на Волге фермы — цены тут же упадут, а кто же захочет гнуть спину

задарма? К тому же, сельскохозяйственными роботами управлять — тут башка нужна светлая, это не тупоумных механических рудокопов в штольни загонять. Горы ощутимо приближались. Вездеход жрал километры, что твой «крот» породу. М-да. Повезло мне. Хороший участок оставил мне папаша — всего миль сто с гаком до фактории и еще двадцать до Новосаратова. А каково ребятам с западного побережья каждую пятницу таскаться? Через весь континент? Я слышал, братья Хаецкие, Мустяца, Прокудин и еще пяток старателей-западников объединились, и гоняют к фактории старенький планетолет. И правильно, по-моему, в одиночку горючее жечь — сплошное разорение. А в складчину — вполне выгодно.

Далеко не у каждого старателя на Волге есть космический корабль. Да что там, далеко не у каждого — у единиц. Старателей на Волге чуть больше восьми тысяч. А кораблей сколько? Частных, я имею в виду. Правильно, семь. У меня, у Хаецких, у Риггельда, у Шумова, у Василевского, у Смагина да у Юльки Юргенсон. И все посудины — малютки, предел крейсерского радиуса — двадцать световых. Сколько раз наши местные бандиты пытались эти кораблики отнять! Попеременно у каждого. У Шумова однажды отняли, так он поднял братьев, такую резню на Белом мысе устроили, до сих пор многие вздрагивают.

У серьезных людей, конечно, свои корабли, космодромные. Не чета нашим погремушкам. На наши только мелочь бандитская зубы точит, а Тазику, скажем, или Шадрону они просто не нужны. У них другие интересы.

И все-таки, свой корабль для старателя — просто мечта. Спасибо папаше, без его наследства я бы никогда на корабль не заработал. А так... Если честно, у меня даже левая заимка есть. Нерегистренная. На островке, посреди океана. Руда там — ошалеть можно, а обогащать не нужно. Я туда раз в неделю мотаюсь, потому что капониер наполняется, а роботы, дуболомы, останавливаться не умеют. Да и незачем им останавливаться, пусть пашут. Денежки-то нужны, как воздух! Чтоб я делал без корабля, каким бы жалким корытом он не казался?

И еще у меня есть совсем уж безумная мысль. Надо будет собрать летучих ребят и потолковать как следует... Тех же Хаецких, Смагина, Юльку отчаянную. Отличная мысль, больших денег сулит. Не догадались еще?

Правильно. Луну нашу поисследовать — на ней тоже полезных минералов до черта. Представляете? Целый спутник — горстке старателей-разработчиков. Только тут придется дело регистрить, никуда не деться, станция наблюдения мигом отсечет, что братцы-летучие на Луну зачастили. В принципе, можно даже попытаться выкупить лицензию у директората Волги и основать лунную компанию. А что? «Савельев Луна Лимитед», как сказали бы братья-американеры. Сокращенно — «СаЛун лтд». В общем, есть над чем поломать голову разворотливому человеку. Странно, что до меня никто об этом не задумывался, а если и задумывался — почему-то не попытался столь блестящую идею воплотить в жизнь? Не знаю. Но это хорошо, что не попытался. Я — попытаюсь, а первым быть всегда выгоднее.

Горы стали совсем близкими, а равнина к подножию гряды постепенно повышалась. Вездеход пер над травой без видимых усилий. Еще бы, порожняком иду. Да и под грузом верный «Камаз», выносливый и надежный старик, ходит без натуги. Сколько ему лет уже? Сто? Двести? Может, и больше. Во всяком случае, его, как и корабль, папаша мой получил в наследство от деда. От моего деда, папашиного родителя...

Интересно, а кому я все это добро передам? Детей-то у меня до сих пор нет. С Юлькой, что ли, еще и об этом поговорить? Годы-то идут, тля. Обидно будет, если все, чего добились мои деды-прадеды, папаша, да и я сам, достанется какому-нибудь уроду из бродячих...

Вскоре в поле зрения величаво всплыл купол, показавшись из-за отрога. Вездеход, описав геометрически безупречную дугу, сбросил ход, завис над дасфальтовой площадкой и, урча, опустился. Гравиподушка напоследок уикнула и умолкла. К вездеходу уже ковылял дежурный робот-потаскун. Я заранее разблокировал багажник и потянулся за пультом дистанции, чтоб сформулировать потаскуну задачу.

Да-да, не удивляйтесь, горняцкие роботы до сих пор управляются с пульта, а не голосом, потому что в штольнях виброизмельчители так стонут, что голоса просто не услышать. А так — старо, как мир, и надежно, как орбита Волги. Инфракрасные датчики на макушке каждого долдона с любым комплектом насадок. Дави на кнопки и радуйся. Только батареи менять не забывай, а то, бывало, сядут, а спяну не разберешься — и привет! Тычешь в проклятые кнопки, орешь на этих железных уродцев, а им хоть бы хны: ковыряют пустую породу, а на жилу рядом — ноль внимания.

Потаскун уже потащил коробки с продуктами в холодильник, а я отправился в дежурку поглядеть не натворили ли мои балбесы в шахте чего непотребного.

Оказалось — нет, балбесы исправно трудились, жила не отклонялась от рассчитанного среза, насыщенность тоже держалась в норме, и я мог с чистым сердцем идти дуть свежеприобретенное пиво. Мельком взглянув на резервный пульт, с которого управлялись роботы островной заимки, я уже встал и даже пару шагов к двери сделать успел.

Наверное, я что-то почувствовал. Какую-то неправильность, необычность. Ладони у меня мгновенно взмокли, и я машинально потрогал кобуру с бластом, висящую у правого бедра.

Назовите это чутьем, если угодно.

Я был не один на заимке. Кто-то еще здесь прятался. Свой брат-старатель прятаться не станет, это уж точно. Значит, лихие люди пожаловали. Снова. Тем не менее я отправился ко входу в купол, остро чувствуя незащищенность спины. В спину пальнуть хозяину — милое дело. И все, считай заимка твоя. Директорат Волги даже не станет выяснять куда девался предыдущий владелец.

Только гости мои незваные вряд ли станут добывать руду. Выгребут все ценное, а заимку продадут. Такое уже случалось. Соседа моего, Яцека Финкеля, лет пять назад кто-то пристрелил. В спину. Говорят, он нашел хермозолитовую жилу. Не знаю, я не проверял. На месте его купола теперь обглоданный жаром, оплывший скелет из супертитана, а плексовый колпак просто расплавился и опал жгучим дождем на ни в чем не повинную землю Волги... Там теперь даже трава не растет. Неужели моя очередь?

Но роботы мои, каковы болваны! Чужие на заимке, а им хоть бы хны. Ох, сказал бы я их разработчикам пару ласковых!

А, впрочем, разве думали они, разработчики древние, что человечество докатится до такого? До выстрелов в спину и плексового дождя от сожженного купола?

Первого гостя я засек, входя в купол.

Почему они не стреляли, пока я топтался у вездехода и шел к шлюзу — ума не приложу. Может, им не просто грохнуть меня хотелось? Не знаю. И никто теперь уже не узнает.

Внутри, под куполом, я сразу выдернул бласт из кобуры и кинулся на кухню. Бесшумно отодрал лист пластика, заслоняющий вентиляционный канал в компрессорную, и ужом пополз по узкой квадратной трубе. «Гость» прятался во втором капонири, как раз напротив входа в купол, и сейчас, зуб даю, выскочил из укрытия и устремился к выходу.

А в вентиляционном канале, как раз на выходе из-под купола, решеточка встроена. И обращена как раз ко входу. И ячейки у нее на редкость удобные: как раз ствол бласта проходит.

В общем, первого визитера я пристрелил у входа. Он и пикнуть не успел — схлопотал импульс из бласта в грудь, треснулся о купол левее шлюза и стек на залитую дасфальтом площадку. А я пополз дальше, и вывалился из канала в компрессорной. Она, компрессорная, конечно, заперта снаружи, но кому, как не мне, знать секреты собственных замков?

За компрессорной приткнулся вездеход-малютка модели «Таврия», двухместный.

Значит, гостей точно двое. Больше в такого жучка при всем желании не поместится... тем более, что первый из гостей — весьма внушительных размеров паренек. Был. В плечах пошире, чем мой робот потаскун, ей-ей.

Оставшийся в одиночестве налетчик запаниковал, и решил, видно, удрать. Во всяком случае, он выскользнул из-за решетчатой фермы микропогодника и припустил к своему вездеходику. Лопух...

Я его тоже пристрелил, а сам остался цел. Потому что жался к стене компрессорной, а не пер дуrom через голую площадку перед капонирами.

Лохи. Точно, лохи. Маменькины сынки из Новосаратова, захотелось шальной деньги. Вот и нанялись в том же «Меркурии» какому-нибудь мелкому деляге-барыге... на свою же беду.

Жалости я не испытывал. Если бы я испытывал жалость к подобным типам, я еще в первый налет лег бы на дасфальт с импульсом в башке. А так — ничего, живу. Раз в месяц гостей непрошенных отваживаю. И не без успеха.

Я вздохнул, по-прежнему сжимая бласт в обеими руками и не отлепляясь от стены компрессорной. Ну-ка, что там скажет мое безошибочное чутье?

Вроде, чисто, сказала чутье. Вроде.

Я осмотрелся, и как мог осторожно прошвырнулся по заимке. Действительно, чисто. Только потаскун последние ящики из багажника моего «Камаза»-пенсионера добывает. Тела непрошенных гостей я сволок в реакторную, стащил с обоих верхнюю одежду, потому что куртки, комбинезоны и ботиночки на парнях были новые и непропыленные.

Трупы спровадил в топку. Одежду отнес в прачечную, два слабеньких маломощных бласта — спрятал в мастерской. Маленький вездеход загнал в капонир... и даже еще дальше. Есть у меня тупичок-секретик, как раз для таких случаев. И что радует — самостоятельно отыскать его практически невозможно. Папаша мой рассказал об этом тупичке, когда мне уже двадцать три стукнуло. А до того я о нем и не подозревал, хотя на заимке вырос. Вот так-то...

Потом я вызвал одного «крота» и пустил вокруг заимки — пусть сожрет все следы вездеходика, буде таковые найдутся. Подушка подушкой, но вдруг эти олухи на брюхе где-нибудь неведальке поелозили? Лучше перестраховаться.

А документов при парнях, понятно, никаких не оказалось.

Наконец-то я вздохнул спокойно, вернулся в купол, к пультам, и подумал: а не установить ли мне какую-никакую охранную систему? Дорого, конечно, зато польза очевидна. Чувство может и подвести когда-нибудь. Тем более, зачастили что-то ко мне гости. В этом месяце уже второй раз.

Я минут пять поразмышлял — стоит ли тратиться на охранку, и совсем уж собрался идти глотнуть пива, но сегодня мне определенно решили не давать покою.

Коротко пискнул бластер нештатной ситуации. С резервного пульта, на котором висит островная автоматика.

Я замер. Что там еще стряслось? Признаться, внутри у меня снова стусилась эдакая неприятная пустота... Не дай бог, набрел кто еще и на островную заимку. Не дай бог...

Докладывал Швеллер, самый новый и навороченный из роботов-автоматов. Так, так... при проходке штольни обнаружено пустотелое образование... ля-ля, три рубля, анализ воздуха... ага, вот: предположительно искусственного происхождения предмет... бр-р-р, ну и формулировочки у Швеллера! И кто ему только базовые программы прописывал? Маньяк какой-то, не иначе.

Я зацокал по клавиатуре, раздавая инструкции своей землеройной команде. Первым делом: изображение находки мне. Швеллер послушно пригнал сателлита с видеодатчиком.

Ага. Вот оно. С виду — небольшая плоская шкатулка. Действительно, искусственная, природе такую вовек не соорудить. Надо же, наткнулись мои шахтеры на какой-то ветхий артефакт!

Азарт уже захлестнул меня. Я ведь знал, что разумной жизни на Волге никогда не было — по крайней мере в обозримый геологический период. Так что это либо чей-нибудь недавний тайник, наш, земной-волжский, вполне человеческий. Либо очень древняя штукавина, принадлежащая только этой планете — сколько штукавине в таком случае лет, даже представить страшно. Либо, и это самое вероятное, это штучка чужих, неоднократно залетавших, конечно, за свой долгий галактический век и на Волгу.

Все, прощай пиво и прощай любимое кресло! Лечу немедленно.

Я раздал еще инструкций: работу не прекращать, находку сберечь, буде найдутся последующие находки — беречь тако же! Швеллер активно мотал мои приказы на воображаемый металлический ус и вскоре принялся разгонять бездельничавших роботов по рабочим местам. А я помчался к дальнему капониру, где дремала моя верная скорлупка. Мой космический корабль класса «Саргасс», шестиместная посуда тридцати метров в длину, шестнадцати в поперечнике. Плоская, как брикет растворимого супа «Австралия».

А управлять ею можно и в одиночку — остальные пять мест пассажирские.

Торопливо прогнав предстартовые тесты и прикинув в уме сколько будет стоить сожженное горючее, я пристегнулся и велел дистанции откинуть крышку капонира. «Саргасс» встал на подушку и величаво выплыл наружу. Крышка не менее величаво захлопнулась, плавно и солидно, наглухо закупоривая капонир. Только оставь его открытым — моментально найдутся охотники пошуровать, проверено... Даже с учетом того, что двоих я уже сегодня успокоил.

Корабль развернулся дюзами к гряде. Бросив прощальный взгляд на свою заимку (потаскун как раз загонял разгруженный вездеход в свободный капонир), я включил прогрев и чуть позже — зажигание. «Саргасс» рванул вперед, а потом задрал носовые стабилизаторы к небу и скользнул высь. Волга провалилась в бездну, мгновенно, будто по волшебству. А я нетерпеливо забарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Вмешиваться в управление не было резона — я давно настроил параболу в автоматическом режиме, потому что на остров летал еженедельно. А поправки штурман вносил сам, на то он и штурман.

Действенные у нас все-таки автоматы. Хотя и не совершенствуются уже сотни лет, и гостей непрошенных по заимке гонять никак не научатся.

И почему чужие считают нас отсталыми? Точнее — безнадежно отсталыми? Кое-чему мы все-таки научились, хоть и позже них стартовали.

Летел я минут сорок. В принципе, «Саргасс» был в состоянии держать горизонтальный курс, но маневрового горючего я бы при этом сжег на год вперед, да и во времени, скорее всего, проиграл бы. А так — свеча в стратосферу и стремительный спуск уже в точку назначения. Просто и незамысловато, как воскресная телепередача. И, вдобавок, никаких перегрузок, неизбежных при горизонталях. Спасибо антиграву.

Океан на Волге красивый. Особенно в тихую погоду, как сегодня. Впрочем, я все равно никогда не видел других океанов, разве что по телеку. Но по телеку — это не то. Это надо видеть по-настоящему, через прозрачный спектролит кабины. Плоский синий блин лежал под «Саргассом», и лишь чуть-чуть был тронут неясной рябью, похожей на полуденную дымку. Но я знал, что это просто покатые волны без всякой пены. Хорошая сегодня погода!

Солнце, которое мы на Волге так и называем «Солнцем», клонилось к волнам, окрашивая небо на западе в розовые тона. А на востоке уже проглядывали первые звезды и ущербный диск убывающей Луны. Я снова подумал о «СаЛун лимитед», но как-то невнимательно и без былого энтузиазма. Куда больше меня сейчас занимала находка бригады Швеллера.

Сел я на воду, чтоб не морочиться, и выбросился с разгону на узкий песчаный пляжик. Пляжик ощутимо поднимался к центру острова, от воды, и я знал, что с него вполне удобно стартовать без предварительного разгона.

Островок формой напоминал растопырившего клешни краба — овальный массив стабильной породы и две длинные, загибающиеся к северу песчаные косы, дань сильному течению. Моя секретная заимка как раз в центре островка, в самом сердце хаотичного нагромождения гранитных скал, меж которых проглядывает бурая каша — смесь бесполезного шлака и руды. А под скалами, уже на глубине метра, шлака почти нет, он, похоже, наносной.

Швеллер неподвижно торчал в центре расчищенной площадки с находкой в пустом контейнере из-под непросеянной породы в манипуляторе. Остальные ребятишки ковырялись в штольнях. Отвесная шахта уходила вглубь метров на пятнадцать, и все еще не достигла уровня моря. Ниже я, наверное, и соваться не осмелюсь: руда и так небывало богатая, и ее много.

При виде меня Швеллер оживился и заковылял вверх по тропинке, к гребню. Я ждал его на перекате, одним глазом наблюдая за преданным роботом, а вторым любясь видом. Вид впечатлял. Извилистая тропинка спускалась к самому океану, зелень на скалах и скалы посреди зелени олицетворяли нетронутую дикость природы, и я, негласный хозяин всего этого великолепия, глядел с высоты добрых сорока метров.

«Саргасс» притих на песочке, как задремавший скат.

Когда Швеллер оказался рядом и почтительно свистнул, я отвлекся от созерцания пейзажей. Брезгливо отстранив протянутый контейнер, весь в мельчайшей рыжей пыли, я осторожно вынул из него шкатулку.

Она оказалась неожиданно тяжелой, словно была сделана из свинца или золота. И еще — она была запаяна в прозрачную и казавшуюся очень тонкой пленку. Размером — сантиметров двадцать на сантиметров десять, и в толщину сантиметров пять. Эдакий аспидно-черный кирпич с тончайшей риской по периметру, отделяющей крышку от всего остального.

Я взглянул на шкатулку лишь мельком; сразу потянул из кармана пульт управления роботами. Швеллер докладывал: никаких больше находок, плотность руды прежняя, состав — прежний, уровень излучения — в допустимых пределах. Ну, и все такое прочее. Я кивнул, хотя Швеллеру это ровным счетом ничего не дало, и с пульта подтвердил стандартную программу.

Если за... э-э-э... да уже час, чего там! Если за час ничего больше не нашли, то и незачем тут дальше торчать. Артефакты парами, видимо, не встречаются. И я побрел вниз по склону, к «Саргассу», держа тяжелую находку обеими руками. Пленка была гладкая на ощупь и прохладная; я все боялся шкатулку выронить.

Когда я был уже у самого пляжа, далеко на востоке мелькнула в небе косая светлая полоска — патрульный ракетоплан.

«Чего его тут носит?» — неприязненно продумал я.

Из осторожности я выждал с полчаса; начало смеркаться. На всякий случай еще раз связался со Швеллером и убедился, что ничего необычного ребятишки больше не откопали. Так и не узнав чья непостижимая воля забросила патрульный ракетоплан так далеко от побережья материка, я забрался в «Саргасс» и без лишних слов вознесся в стратосферу.

Шкатулка, надежно пристегнутая, покоилась на соседнем кресле, справа от меня. И я на нее постоянно косился.

Дома я сделал контрольный круг над заимкой и только потом пошел на посадку. Чувство мое молчало, но правая рука сама собой тронула кобуру с бластом, рукоятку которого украшал прадедовский девиз на двух языках. «Смерть или слава». «Death or Glory».

Смерти я сегодня счастливо избежал. Неужели мне вдруг улыбнулась переменчивая удача, и я откопал на острове что-то ценное? Что-то, что может изменить человеческие судьбы?

Вовремя найденный артефакт вполне может разбудить впавшую в летаргию расу, если только попадет в нужные руки. В руки, которые он вполне может прославить. Но этот же артефакт может обернуться и смертью. В сущности, у меня было только две линии поведения: открыть шкатулку, или не открывать ее. Любое решение могло привести меня как к смерти, так и к славе.

В задумчивости, двигаясь заученно и привычно, словно любой из моих ребятишек-подчиненных Швеллера, я загнал «Саргасс» в дальний капонир, запер его и опечатал, потому что с неделю мне летать никуда не придется, и в прежней же задумчивости побрел к жилому куполу. Шкатулка оттягивала мне левую руку – вопреки опасениям и кажущейся гладкости, пленка плотно приставала к ладони и я больше не боялся шкатулку выронить.

Внутри я бережно опустил ее в центр стола, вскрыл банку пива и повалился в любимое кресло.

Итак. Что избрать? Действие или бездействие? Как поступил бы в подобном случае мой папаша? Мой дед? Мой прадед, черт побери, о рассудительности которого до сих пор рассказывали старательские байки? Но рассудительность рассудительностью, а я точно знал, что все мои предки дожили до почтенного возраста, за исключением отца, умершего в шестьдесят четыре от рудной лихорадки. Не верю, что они дожили бы до седин, задумываясь они надолго в ключевые моменты жизни. Смерть или слава. Стреляй, иначе опоздаешь. Сомневаюсь, что они выбрали бы бездействие.

И я не стану.

Я решительно выхлебал банку до дна, не глядя швырнул ее в сторону зева утилизатора и как всегда попал. В баскетболисты, что ли, податься? Впрочем, уже поздно, возраст, дядя Рома, у тебя неспортивный. По незванным гостям палить и вентиляционные трубы изнутри протирать ты еще худо-бедно годишься, а вот скакать четверть часа кряду по площадке за непослушным мячом – духу у тебя уже не хватит.

Нож прозрачную пленку, окутывающую артефакт, не взял. Я не слишком удивился, и сбегал в мастерскую за лазерным резакком. Лазер не сразу, но все же проплавил в мгновенно нагретой оболочке длинную щель с лохматыми краями. Убрав луч и водрузив резак на стол, я запустил руку под пленку.

Шкатулка была холодной, как лед. И еще – мне показалось, что я тронул не пластик, не отполированный металл или гладкую кость. Мне показалось, что тронул я охлажденный бархат. Пальцы липли к поверхности шкатулки, но не оставляли ни малейших следов.

Едва я вынул черный брикет из вскрытого прозрачного пакета, как мне открылся рисунок на крышке. Две переплетенные молнии, поддерживающие не то острие штыря обычной садовой ограды, не то наконечник ископаемого копья. А чуть ниже – прямоугольная рамка, которая по логике должна была заключать в себя короткую надпись. Но никакой надписи в рамке я не увидел.

Странно. Неужели я так невнимательно рассматривал шкатулку на острове, что не заметил этот рисунок сквозь пленку?

Я протянул руку и коснулся невесомого пакета, двухслойного прямоугольника, одна из сторон которого была безжалостно оплавлена лазером. Взял его. И взглянул на рисунок сквозь пленку.

Рисунок исчез. Крышка шкатулки выглядела одинаково черной и матовой. Убрал пленку. Рисунок и рамка вновь проступили на черном и матовом фоне. Забавно. В голове почему-то вертелось слово «поляризованный», но внятно сформулировать мысль я так и не сумел. Потом хмыкнул и отложил пленку в сторону. Ладно. Хорошо. Скрытый рисунок. Дальше – как эту шкатулку открыть?

Я больше не сомневался – раз взрезал защитный, несомненно герметичный пакет, так чего останавливаться на полдороге? Поглядим на что больше смахивает содержимое шкатулки, на знак смерти или на крылья славы?

Сначала мне подумалось, что этот брикет в общем-то весьма похож на портативный компьютер в походном состоянии. Потом я обратил внимание на два круглых пятнышка

на уголках крышки, так и зовущих одновременно коснуться их пальцами рук. Ну-ка, проверим, в порядке ли у нас с логикой, которая считается в галактике общепринятой!

Почему-то я окончательно уверился, что шкатулка эта сработана чужими, и люди Земли и колоний не имеют к ней ни малейшего отношения.

С логикой у людей оказалось все в порядке. Крышка едва заметно подалась под моими пальцами, и из раздавшейся щели вырвались струйки белесого пара. Я отшатнулся, стараясь не дышать. Пар быстро растворился в воздухе, а крышка медленно приподнялась, являя миру внутренность шкатулки.

На алой ворсистой подкладке покоился продолговатый черный предмет, подозрительно смахивающий на пульт дистанционного управления горняцкими роботами. Только кнопка на этом пульте была всего одна. Одна большая красная кнопка.

Красная.

Я коротко выругался. И подумал, что происходящее уж слишком похоже на дешевую телеподелку о звездных войнах. До боли зубовой похоже — неизвестно чей артефакт, таинственный рисунок, который не сразу заметен, мистический пар из-под поднимаемой крышки и дурацкий пульт с единственной кнопкой.

Красной кнопкой.

Которая так и манит, да что там — манит! Приказывает: нажми на меня! Утопи большим пальцем, вдави в черное тело пульта! И которая, несомненно, пробудит к жизни какую-нибудь древнюю хрень, которая явится из недр планеты — или из глубин космоса — и разнесет все в округе к чертям свинячьим на атомы или даже на что помельче. Масштаб грядущего катаклизма — в соответствии с воображением. Если с воображением поуже, тогда только планету, или в крайнем случае — звездную систему разнесет. Ну, а если воображение разыграется — тогда, несомненно, целую галактику.

Да только у меня такое воображение, будь оно неладно, что впору опасаться за судьбу всей вселенной!

Ну, и что теперь? Смерть или слава, дядя Рома? Жать или не жать? Жать — глупо.

Не жать — еще глупее. Жать — страшно. Не жать — обидно.

Так и свихнуться недолго!

И вдруг я ненадолго представил себе наше будущее. Увидел его. Впервые. Задворки мира, муравьи на границе космодрома. Серая жвачная толпа, вполне довольная своим болотом. Если Волга развалится на атомы или даже на что помельче — Земля, Селентина и Офелия этого попросту не заметят. Капитан грузовоза, который обыкновенно увозит с Волги руду, с удивлением обнаружит на месте планеты (а если у него с воображением получше — то на месте звездной системы) беспорядочное скопление атомов или чего помельче (тут физик-недоучка внутри меня ехидно захихикал), пожмет удивленно плечами и уберется восвояси, записав в бортжурнал, что рудник переводится в категорию бесперспективных.

Ну, а если у хомо сапиенсов с воображением окажется все в порядке, то и прилетать окажется особенно некому, ибо беспорядочные скопления атомов или чего помельче в гости к соседям обыкновенно не летают. Чужие когда-нибудь обнаружат, что муравейник на краю их космодрома почему-то опустел, и предадутся своим загадочным галактическим делам-заботам, изгнав все воспоминания о человеческой расе из памяти.

Если ничего подобного не произойдет, и Волге по-прежнему придется нарезать годы вокруг Солнца, серая жвачная толпа таковой и останется, а чужие обнаружат, что муравейник на краю их космодрома как и прежде влачит жалкое существование, и предадутся все тем же своим загадочным галактическим делам-заботам. Аминь.

Ну и есть ли между этими вариантами хоть какая-нибудь ощутимая разница? Есть хоть один довод в пользу того или иного варианта? Хуже уже все равно некуда, хоть ты жми, хоть ты не жми на эту треклятую кнопку на пульте, словно сошедшую с экрана очередной дешевой телеподелки о звездных войнах.

Но если ты ее все-таки нажмешь, дядя Рома, что-нибудь может измениться и не к худшему. В конце концов, складываются иногда и позитивные вероятности. Чаше — только теоретически, так и оставаясь вероятностями. Но редко-редко они все же воплощаются — открыл ведь Белокриничный свой тоннельный эффект в полихордных кристаллах? Мог ведь и не открыть. Что если эта кнопка вдруг взбудоражит людское болото, растолкает человечество, выдернет его из летаргического сна?

Я вдруг чуть ли не воочию увидел своего папашу; он протягивал мне бласт слабеющей от рудной лихорадки рукой, и губы его шевелились, а срывающийся голос шептал: «Смерть или слава, сынок. Запомни: смерть или слава. Жизнь никогда не даст нам иного выбора. Всегда, что бы ты не делал и чем бы не занимался,

выбирать тебе придется все равно между смертью или славой. Ибо третий выбор — это вообще ничего не делать, это отсутствие выбора. Но ты не такой идиот чтобы бездействовать, ты хуже идиота, я знаю. И поэтому ты всегда будешь выбирать между смертью или славой, и когда, обманув смерть, ты решишь, что слава тоже миновала тебя, знай: все идет как надо, и новый выбор не заставит себя долго ждать.»

Он знал жизнь, мой папаша, и именно поэтому он мог позволить себе играть со смертью. И — видит бог! — он был не самым плохим игроком, иначе не владеть бы мне ныне лакомой заимкой и космическим кораблем.

Ну и чего ты ждешь, Роман Савельев? Рождества? Нет у тебя выбора, все это иллюзия. Ты все равно нажмешь ее, эту кнопку на пульте. Так жми и не морочь себе голову. С пола упасть нельзя.

И тогда я глубоко вздохнул, потянулся к пульту, казалось, с готовностью прыгнувшему мне в ладонь, и коснулся подушечкой большого пальца шершавой поверхности красной кнопки.

Может эта штуковина и была сработана чужими, но пульт держался в ладони, как влитой, и каждое углубление на этом продолговатом прохладном стержне предназначалось моим пальцам. Пульт казался не то продолжением руки, не то ее порождением. Я не удивился бы, если бы мне сейчас сказали, что я появился на свет с ним в руке.

Все как в дешевой телеподелке.

Я напряг большой палец и до отказа утопил кнопку. Пульт коротко пискнул, удовлетворенно так, победно:

«Пи-и-ип!»

И больше не произошло ровным счетом ничего.

Сначала я стоял зажмурившись, и гадал: я уже развалился на атомы или что помельче, или пока нет? Судя по тому, что в горле пересохло и душа молила о пиве, ничегошеньки со мной не произошло. А поскольку я наощупь добрался до холодильника, нашарил левой рукой запотевший цилиндрок, рванул колечко и разом выхлебал полбанки, то можно было смело предположить, что и с остальным миром ничего плохого не приключилось.

И я открыл глаза. Пульт я по-прежнему сжимал в правой руке; утопленная кнопка равномерно фосфоресцировала, а большой палец начал ныть, потому что я продолжал, как дурной, с силой давить на кнопку. Вздохнув, я отпустил ее. Фосфоресцировать кнопка не перестала, зато палец ныть прекратил.

— Ну, и? — спросил я неопределенно. Потом поднес пульт к глазам и тупо оглядел. Никаких изменений. Только кнопка тлеет все тусклее и тусклее, постепенно возвращаясь к исходной матовости.

Я даже вышел наружу и некоторое время пялился на звездное небо, щурясь от режущего глаза света прожектора. Не знаю, чего я ждал. Что рассчитывал узреть. Звезды виднелись только наиболее яркие, и выглядели как обычно: холодно и равнодушно. В степи монотонно стрекотали кузнечики, а где-то далеко-далеко в горах басом ухал пещерный филин.

Меня охватила досада и разочарование. Тоже мне, потрясатель основ! Руки заламывал, решал, выбирал! Жать-не жать, судьбы человечества, смерть или слава! Тьфу! Чертова машинка неведомых мастеров, прекрасно, впрочем, знакомых со строением кисти вида Homo Sapiens Sapiens, наверняка давно протухла.

Если вообще хоть на что-нибудь годилась изначально.

С другой стороны, даже хорошо, что наметилось хоть какое-то отклонение от сюжета дешевой телеподелки. А то к лицу как-то сама собой стала прилипать глуповатая улыбка, а мысли приобрели какую-то на редкость героически-кретиническую направленность и окраску.

Я вернул пульт в шкатулку, и она сама собой стала закрываться. Хлебнув пива, я собрался обессиленно рухнуть в кресло, но тут крышка как раз встала на место и я снова увидел рисунок на внешней ее стороне.

Нет, в рисунке ничего не изменилось. Зато в рамке возникла надпись. Совсем короткая. На русском языке.

«Смерть или слава».

Недопитая банка с жестяным гроыханием упала на пол, и из нее выплеснулась коричневая струя. Медленно-медленно, как будто все сняли рапидом, и только потом показали мне. Обессиленно опустившись в кресло, я еще раз вспомнил своего бедового папашу. Точнее, одну из его привычных фразочек.

«Не горюй, Рома! Все не так плохо, как кажется. Все гораздо хуже.»

Вот только — кто поведал бы, как соотносятся с этой фразой сегодняшние события? Чем в конце концов обернется нажатие красной кнопочки — явлением джинна из бутылки, или просто безобидными кругами по воде?

В этот вечер я еле заснул. А слова с поверхности шкатулки так, по-моему, и не исчезли. Исчезла сама шкатулка, уже под утро. Вместе с пультом. Только прозрачный пакет, вскрытый лазером, напоминал наутро о вчерашнем, и убеждал, что это все не сон и не горячечный бред.

Но Солнце беззаботно сияло над Волгой, и вовсе не думало распадаться на атомы от чьего-то губительного удара.

Я в который раз выругался, и побрел снимать итоги ночной смены.

2. Шшадд Оуи, адмирал, Svaigh, линейный крейсер сат-клана.

Адмирал был мрачен. Топорщил усохший от возраста гребень, сердито глядел на ряд экранов и ничего не видел. Кроме самих экранов. Пространство было чистым, если не считать далеких звезд из скопления Пста. Даже пыли почти нет — метеориты ее всю растащили, что ли?

— Ищите! — раздраженно проскрипел адмирал. — Он должен быть где-то здесь! Сканировщики приникли к головному вычислителю и масс-уловителям. Чуткие приборы давно отследили возмущения в геометрии обычного пространства. Пространство искривлялось все сильнее и сильнее, готовое проколоться и впустить из-за барьера какое-то массивное тело.

"Какое-то... — адмирал прижал к голове гребень. — Конечно, это корабль. И, конечно, это не корабль азанни и не корабль Роя. Птички прокалывают пространство несколько иначе. Да и корабли у них помельче, раз в три-по-восемь, судя по вероятной массе. А матовые сферы Роя вообще вываливаются из-за барьера без всяких возмущений и без всякого предупреждения... В какие пределы Знания забрались их физики? Любой ученый-свайг был бы рад освоить методы Роя, но Рой — есть Рой, его рептилиям не постичь. Сколько не бейся. Спасибо еще, что Рой союз держит крепко и за долгую историю войны с нетленными ни разу союз не нарушил. Но чей тогда это корабль? Других птичек, тех что покрупнее? Цоофт? Или крейсер а'йшей? Нет, не может быть, слишком уж он массивен. И почему в эфире безмолвие? Давно бы уже назвались по субканалу и не заставляли холодеть кожу и топорщиться чешую..."

Адмирала легко было понять. Незвестный корабль на границе контролируемой сфер-территории — да еще такой крупный... И вдобавок — неизвестно чей. Хорошо, если это союзники... хотя, всякий союз рано или поздно кем-нибудь нарушается. Впрочем, какой резон союзникам восставать именно сейчас? Когда положение сильно усложнилось несколькими стремительными рейдами нетленных на сырьевые базы полярных секторов? Нетленные не принимают сдавшихся, это известно давно и всякому.

Крейсер сат-клана свайгов продолжал нащупывать ломящийся из-за барьера корабль. А тот не спешил, просто гнул и гнул пространство, даже некоторые звезды начали казаться фиолетово-красными.

И вдруг бестелесный космос смялся, как линияя кожа, предостерегающе заверещали датчики инверсного излучения и далеко впереди, в восьмерка-шесть нулей кла, материализовался чужой корабль. Совсем чужой. Не цоофт, ни а'йеши, ни даже нетленные не могли быть его создателями.

Адмирал издал невнятное восклицание, уперся обеими руками в пульт и привстал из кресла.

— Мать-глубина! — вырвалось у него. Приборы проецировали в голограммную муть экрана уплощенную и симметричную, похожую на наконечник древнего копья призму. Эксперт-подклан уже задействовал щит. Крейсер свайгов готовился отразить удар и ответить на него... если, конечно, этот не пойми чей корабль вздумает атаковать. А вполне может вздумать: он раз в два-по-восемь больше корабля свайгов. Раз в два-по-восемь больше линейного крейсера сат-клана, отколовшегося от армады, ушедшего в разведку по зыбкому следу возмущенного пространства. След привел их сюда. К периферийным системам на самом краю разлохмаченного спирального рукава. К гибели или важной информации, а к чему именно — станет ясно в ближайшее же время.

Но чужой корабль не собирался атаковать. Вывалившись в обычное пространство и мощным импульсом уняв энергетическую свистопляску, он просто уходил прочь, не меняя ни скорости, которую обрел в момент прокола барьера, ни направления.

— Он уходит, мой адмирал! — доложил ведущий смены. Ведущий, щуплый пожилой свайг, пребывал в растерянности.

— Рассчитайте стабильную траекторию... Будем преследовать! — принял решение адмирал.

Спустя некоторое время гигантский тор крейсера сат-клана изверг преобразованную энергию в равнодушную космическую глубину и пустился по незримому следу, который оставляла похожая на наконечник копья призма.

Беглец шел на досветовой. Зачем — непонятно. Адмирал терялся в догадках. И еще — гадал, что происходит сейчас в штабах союза? И в штабе нетленных?

Он не верил, что появление такой громадины в контролируемой сфере останется незамеченным. Шшадд Оуи был для этого слишком опытен.

И поэтому он просто вызвал Распределитель по закрытому каналу. Все-таки по закрытому. Но это вряд ли спасло бы ценнейшую информацию от разглашения. Сейчас важнее была не секретность, а скорость, с которой информация доберется до штабов и до Галереи сат-кланов, до вершителей.

Адмиралу ответили почти сразу.

— На канале...

— Линейный крейсер армады, адмирал Шшадд Оуи, мой вершитель!

— А, Шшадд! Что у тебя? Что-нибудь срочное?

Вершитель Наз Тео, родственник по восходящей, и в некотором смысле — добрый приятель адмирала. Когда-то Наз тоже водил в бои крейсер армады, пока не возвысился и не был замечен с Галереи. К чести его, старых знакомцев Наз не забыл и не зазнался на высоком посту.

— Очень срочное, Наз. Чужой корабль.

Адмирал увидел, как встопорщился гребень вершителя. Мгновенно, словно свайг настиг жертву, на которую охотился.

— Нетленные?

— Нет, — уверенно ответил адмирал. — Также и не оре, и не дашт. Я никогда прежде не видел таких кораблей.

Вершитель колебался очень недолго. Случай не тот.

— Я созываю экстренную Галерею. Шли материал.

— Уже, на подканале.

Наз так и не опустил гребня. Он с тоской взглянул на адмирала, и прежде чем отключиться, негромко спросил:

— Скажи, Шшадд... Это могут оказаться Ушедшие?

Адмирал не спешил с ответом. Но честно выложил все, что думал:

— Могут. Эксперт-подклан провел первичный анализ данных сканирования...

Утверждать однозначно нельзя, ведь до сих пор нам встречались лишь жалкие обломки техники Ушедших. А тут — целый корабль. И прекрасно сохранившийся. Но если это действительно их корабль, Ушедшим придется сменить имя на «Вернувшиеся».

Понимающе склонив голову, вершитель сообщил:

— Я высылаю на твое мерцание оперативный клин, три-по-восемь кораблей плюс флагман. Не упустите чужака... если сможете. Глубины!

— Глубины, мой вершитель...

«Если сможете, — эхом отдалось в сознании адмирала. — Вот именно — если сможем. Если это Ушедшие — их не сдержит и вся наша армада.»

И если в галактику вернулись лучшие воины на лучших кораблях, значит им и впрямь пора менять имя.

3. Михаил Зислис, оператор станции планетного наблюдения, Номо, планета Волга.

— И тут, значит, я прицеливаюсь... — Веригин даже показал как он прицеливается: плавно поднял обе руки, склонил голову чуть набок и прищурился. — Я уже вижу его в створе искателя...

— Тебе следовало стать актером, Лелик! — хмыкнул Зислис и зашуршал оберткой сигары. На Зислиса зашикали, а начальник смены даже раздраженно таркнул со своего насеста перед головным экраном:

— Не перебивай, е-мое! Что за манеры!

Начальник, сухопарый, как богомол, американер Стивен Бэкхем, полулежал на пульте, подпирая щеку костлявой ладонью и обратив к экрану бритый затылок. Зислис вздохнул, но ни слова больше не проронил. Веригин все продолжал прицеливаться из воображаемого бласта в головной экран.

— Ну, прицеливаешься ты, и что? — не утерпела девочка-телеметристка по имени Яна.

А с Веригина вдруг разом спал налет драматизма. Он глядел на экран с неожиданно проявившимся на лице недоумением, постепенно переходящим в озадаченность. Молчание становилось все более тягостным.

Наконец Зислис догадался взглянуть на экран. В следующий миг он вскочил, отшвырнул дорожную сигару, словно это был одноразовый карандаш, и отпихнул ногой вертящийся стул.

— Это еще что?

Голос сорвался — наверное от волнения.

Теперь к экрану обернулись все.

К Волге стремительно приближалось какое-то крупное тело. По перпендикуляру к эклиптике. Оно уже пересекло условную орбиту оранжерейного кольца и, судя по скорости, минут через пятнадцать должно было войти в стратосферу.

Это не мог быть грузовоз с Офелии. Во-первых, грузовоз прилетал вчера, а во-вторых рядом с этой громадой грузовоз выглядел бы словно шарик для пинг-понга рядом с подводной лодкой. Гость выглядел на диаграмме как светящееся пятно в ладонь величиной, тогда как объекты до пяти миль в диаметре отображались единственным пикселом, крохотной яркой точкой.

— Твою мать! — восхищенно сказал Суваев. — Комету, что ли, прозевали?

Бэкхем покосился на него дико и очумело.

Это было попросту невозможно. Тело такого размера телеметристы засекли бы еще за орбитой Луны, но по данным телеметрии к Волге вообще никакие тела и не думали приближаться. А появление гостя на головном экране означало что он невидим для приборов дальнего обнаружения и что скоро он станет заметен любому зрячему волжанину. Правда, замечен не из Новосаратова: гость, похоже, намеревался снижаться точно над центром единственного континента.

Бэкхем уже стряхнул оцепенение и срывающимся голосом вызывал патрульные ракетопланы.

Покачивая головой, Зислис некоторое время понаблюдал за эволюциями светлого пятна на экране.

— Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, он переходит в горизонталь. Правда, чересчур плавно.

— В горизонталь? — недоверчиво переспросил Веригин. — На такой скорости?

— Скорость он гасит. Да и не в скорости дело.

Зислис оторвал взгляд от экрана и в упор поглядел на Веригина.

— Что-то мне подсказывает, Лелик, что этой штуковине скорость не помеха. Даже на горизонтали.

Веригин сдавленно промолчал. Девочки-телеметристки трещали клавишами, как угорелые, и Зислис сразу заподозрил очередные новости.

Так и есть: телеметрия засекла еще одного гостя. Размером поскромнее, но тоже не маленького. Идеально очерченный тор, слабо мерцающий на фоне звездной россыпи.

— Твою мать!!! — заорал Суваев вскакивая. Секунду он стоял у своего пульта, потом схватил со спинки кресла куртку и опрометью бросился к выходу.

— Э! Э! — запротестовал Бэкхем, начальник смены. — Ты куда?

Суваев замер, уже в дверях. Обернулся.

— Сначала домой, за семьей. А потом — на космодром.

Все в сухопаром американере — от голоса до позы — выражало демонстративный протест поведению подчиненного. Как старший Бэкхем не мог допустить, чтобы смена разбегалась. Да еще в такой горячий момент.

— Оператор Суваев, вернитесь на рабочее место!

Официальный Бэкхем выглядел жалко, если честно. Но Суваев сейчас не испугался бы и Тазика.

— Место? — рявкнул он зычно. — Какое, ядрить, место? Вы знаете что это? — Суваев ткнул пальцем в материализованный телеметрией бублик на экранах и скользнул взглядом по коллегам, рассредоточенным по всему залу. — Не знаете? А я знаю. Это линейный крейсер свайгов.

И Суваев стремительно выбежал за дверь.

4. Юлия Юргенсон, старатель, Номо, планета Волга.

Юльку отчаянную знали везде. По всей Волге. А уж на космодроме ее знал и боготворил каждый ангарный пес, потому что собак Юлька любила сильнее, чем людей.

Впрочем, космодромная братия Юльку тоже любила. Даже двинутые на прыжках с парашютом ребята с Манифеста.

Сейчас Юлька направлялась именно на Манифест. Серые пузыри космодромных модулей остались далеко на западе; вместо траченной маневровым выхлопом земли под ногами шумела нетронутая трава. Манифест, старый аэродром, прибежище фанатов-парашютистов. Неизвестно отчего, но на Волге каждый двадцатый становился фанатом-парашютистом, и от желающих приобщиться к старинному виду спорта не было отбоя. Зубры Манифеста быстренько организовали платные прыжки и обучение новичков. Нельзя сказать, чтобы Манифест приносил особую прибыль: все денежки без остатка съедались ценами на горючее для двух архаичных бипланов и винтокрылого монстра «Шмель-омега». Кроме того, эти атмосферные летуны периодически требовали ремонта и запасных частей, которые ввиду антикварности тоже стоили немало. Кроме того, каких-то денег приходилось платить тройке авиатехников и двум пилотам, потому что авиатехники и пилоты, как и всякий живой индивидуум, иногда испытывали голод и жажду, а кормить бесплатно на Волге перестали сразу же после возведения шпилястых корпусов директората. Причем голод голодом, но жажда у этих наземных авиаторов порой принимала такие колоссальные формы, что пилоты и техники наутро просто не в состоянии были явиться на летное поле, и за штурвал приходилось сажать кого-нибудь постороннего. Та же Юлька-отчаянная довольно часто пилотировала бипланы и винтокрылого монстра «Шмель-омега». Просто так, из желания полетать на древних аппаратах.

За это Юльку любили на аэродроме еще сильнее.

Плосковерхая, с зубцами, похожая на большую шахматную ладью башня Манифеста вставала прямо из травы. Вокруг ютились низенькие домики, больше походившие на бараки, где маньяки-парашютисты вечерами после прыжков глушили водку и распевали песни. За башней располагался бар «Медуза» (Юлька сначала удивилась, у воздушного люда — и вдруг морское название, но потом выяснилось, что медузой называется какой-то особенный причиндал для парашюта) и волейбольная площадка, а еще дальше — автостоянка. Машины с гравиприводом обыкновенно жались ближе к бару, а колесные беспорядочным стадом застывали в кустах ракит и плакучей жимолости. Ночью в жимолости орали соловьи и пересмешники, даже развеселые горластые песни гуляющих прыгунов их не пугали.

Чуть в стороне от башни вдоль кромки летного поля выгибались лоснящиеся спины куполов над ангарами-капонирами, прибежищем летной техники.

На этот клочок целины у самого Новосаратова никогда не садились звездолеты — им хватало пыльного простора космодрома. Сюда не садились планетолеты старателей и стратосферные джамперы-ракетопланы патруля. Даже Юлька, свой человек на Манифесте, не позволяла себе сажать кораблик, гордо зовущийся «Der Kenner», «Ценитель», на дикие травы старого аэродрома. Всегда снижалась на границе посадочной зоны частного сектора и к башенке прыгунов топала пешком.

Как сегодня.

— Спортсмены, записавшиеся на восьмой взлет приглашаются на старт... — донес ленивый ветерок. Юлька ускорила шаг.

«Шмель-омега» с открытой задницей-рампой лениво вращал винтом на старте. На дорожке перед башней нестройной толпой переминались местные завсегдатаи; от разноцветных пестрых комбинезонов рябило в глазах. На верхушках шлемов у некоторых диковинными гребнями торчали трубки видеообъективов — Юлька сразу поняла, что прыгать собираются зубры, ГА-шники. Воздушные акробаты. Которые перед раскрытием из собственных тел и конечностей составляют разнообразные фигуры и комбинации фигур. С поверхности все это выглядело весьма впечатляюще, при условии, что наблюдатель обладал достаточно острым зрением или, на худой конец, широкоугольным телевизором. Сейчас народ ждал, пока воздух над аэродромом очистится. А пока воздух над аэродромом цвел десятком выпуклых полусферических куполов, а где-то далеко на востоке трудолюбиво жужжал биплан.

Перворазников всегда бросали на полусферических куполах с принудительным раскрытием. Примерно треть из перворазников забывала отключать автоматику запаски после раскрытия основного, и с какого-то момента падала под двумя куполами, похожими на развалившиеся створки морской раковины такураллии. Сходство усиливалось тем, что купола запасок обычно были светлее ткани основных; а у такураллий одна из створок всегда грязная — та, что погружена в ил. Красивое зрелище, думала Юлька, но зубры-акробаты почему-то отпускали в адрес таких незадачливых прыгунов-«моллюсков» язвительные замечания.

Юлька ступила на дорожку и помахала рукой. Ей замахали в ответ, и со старта, и с площадки перед башенкой, где на креслах или просто стоя дожидался своей очереди парашютный люд. Громкоговоритель усталым голосом Ирины Тивельковой призывал:

— Костя Зябликов, срочно подойди на Манифест. Костя Зябликов, срочно подойди...

С Юлькой здоровались, перемигивались, кто-то уже тащил ее к освобожденному креслу; Юлька, смеясь, упиралась: ей нужно было подняться в башенку, на самый верх, в стеклянное гнездо Ирины, откуда велось наблюдение за прыжками.

Одного из перворазников принесло к самой границе поля; он быстро опускался к колышущейся траве, безучастно повиснув на стропах.

— Ноги вместе! Ноги вместе! — хором заорали со старта.

Перворазник встрепенулся, свел ноги и волей-неволей принял приемлемую для благополучного приземления позу. Старт придирчиво пронаблюдал за касанием; перворазник, не забывший, кстати, вовремя отключить автоматику запаски, снизился, взъерошил траву, не удержался на ногах и упал, но купол погасил удачно и по земле его не протащило ни метра. Руки-ноги он явно сохранил в целости, и получил со старта несколько одобрительных реплик вкупе с мнением, что «из этого будут люди».

Мало помалу небо очистилось, перворазники под парными и одиночными куполами приземлялись, собирали парашюты в охапки и сбредались в обнимку с этими текучими комами к старту. Два инструктора шли по полю, поддерживая парнишку, который заметно хромал, а здоровый перворазник тащил за ними следом сразу три купола. Два темных и один посветлее.

Пора было уже объявлять очередной взлет, но громкоговоритель молчал. Народ на старте нетерпеливо поглядывал на стеклянное гнездо Ирины.

Юлька поднялась наверх и толкнула подпружиненную дверь. Гнездо Ирины пронизывал хрустальный, чудившийся плотным и материальным дневной свет; его очень хотелось потрогать, и так и казалось, что ладони вот-вот ощутят что-то прохладное и упругое.

— Эй, на бом-брамселе! — зычно заорали снизу. Казалось, что вот-вот задрожат несчастные стекла. — Взлет давай, да-а?

Ирина неотрывно разглядывала некую точку в пространстве; Юльку она вроде бы и не заметила. Еле заметно склонив голову, Ирина Тивелькова внимательнейшим образом вслушивалась в чьи-то переговоры. Расположенный где-то под столом репродуктор исходил голосами. Интонации и скороговорка очень напоминали репортаж с финального баскетбольного матча.

— Бэкхем, Купцевич, я его вижу! Прет на восток, к побережью, высота — около двенадцати. Боже, ну и инверсия!

— Представляю, какая начнется свистопляска в центральных районах!

— В центральных? Да там и поселений-то нет.

— Дурень, я о бурях. Он же атмосферу баламутит...

— А-а-а... Верно.

— Он снижаться не перестал?

— Нет. Если не будет маневрировать, снизится к самому океану, за Фалагостами.

Юлька, сдвинув брови, прислушивалась. Снаружи нетерпеливо покрикивали заждавшиеся парашютисты. Вдруг в гул переговоров вплелся близкий и отчетливый голос пилотов «Шмеля».

— Ир, ну чего там? Чего тянешь?

Ирина очнулась, потянулась к переговорнику местной связи и посоветовала:

— Ребята, послушайте-ка волну наблюдателей космодрома.

В тот же миг кто-то на космодроме истошно завопил:

— Вот! Глядите! Он уже виден!

— Где? Где?

— На западе, где же еще?

Ирина обернулась и поглядела на запад. Юлька тоже. Далеко-далеко, у самого горизонта, на фоне умопомрачительной голубизны волжского неба чернела продолговатая черта; черту обнимал светлый расползающийся шлейф. Похоже, к Манифесту спешила буря. Торнадо, смерч, или еще какая напасть. Давно на Волге не случалось бурь.

— Да что это такое, мама дорогая? — растерянно спросила Ирина и невпопад поздоровалась: — Здравствуй, Юля.

— Привет, — отозвалась Юлька, не отрывая от горизонта заинтригованного взгляда. Буря с запада накатывалась так стремительно, что вскоре стала заметна не только с башни — парашютисты на старте поутихли, перестали орать и выбежали метров на сто в поле, чтоб удобнее было смотреть. Чтoб строения обзор не закрывали.

А небо на западе исходило вихрями. Бурлил воздух. Взбешенная атмосфера расцветила всеми красками, от фиолетовой до густо-вишневой, текущие клубы, похожие на концертный дым, вырывались из эпицентра и отвоевывали у ровной голубизны кусочек за кусочком.

И это пугающее великолепие распространялось по небу с ошеломляющей скоростью. Только что было безобидной черточкой на горизонте — и вот уже заняло полнеба. А потом в самой гуще вихрей вдруг наметился просвет, и там мелькнуло что-то темное, осязаемо плотное; постепенно просветов становилось все больше, вихри и клубы отеснились к горизонтам, а в небе над Манифестом распласталось что-то огромное, что-то застывшее солнце и бросившее на окрестности аэродрома необъятную тень. Оно походило на гигантский летающий город, только вместо миллионов огней оно было испещрено миллионами темных точек. Более темных, чем основное тело вторгшейся в небо Волги неизвестности. И оно летело на восток, быстро-быстро.

Юлька поглядела на летное поле — трава волновалась и кипела на ветру, парашютисты разбежались, кого-то сбило с ног. Легкий «Шмель» развернуло и влекло вдоль дорожки, тащило по растрескавшемуся покрытию; винт вертолета вращался натушно судорожно, дергал лопастями. Заросли вокруг домиков, обиталище соловьев и пересмешников, кто-то словно причесал невидимыми граблями и безжалостно придавил к грунту.

А башня Манифеста стояла, как ни в чем не бывало. "Крепко же ее возвели! — подумала Юлька растерянно. — А что сейчас с «Ценителем?»

Гигант пронесся над аэродромом добрых три минуты. А потом в небе остался только белесый инверсионный след, совершенно необъятный и выглядящий как разлохмаченный шарф местного атланта. Беспорядочные порывы ветра утрачивали былую свирепость. Застывший в кустах «Шмель-омега» перестал бешено раскачиваться и скрипеть. Винт его намертво заклинило, двигатель заглох, а из кабины осторожно выбирались очумелые пилоты.

— Hol's der Teufel! — пробормотала Юлька. — Что это было, Ирина?

Тивелькова наконец оторвала взор от неба за стеклом своего гнезда.

— Что? Я думаю, это корабль чужих.

Юлька хлопала глазами. Господи, да что понадобилось чужим на Волге? Или, опять свайги за бериллием пожаловали?

Рация продолжала транслировать разговоры на космодромном посту и голоса пилотов патруля.

— Пятый, что гость?

— Снижается. Он уже над океаном. Да, и скорость его стремительно падает.

— Как океан? — поинтересовался кто-то.

— Штормит, — коротко ответил патрульный. — Потрясающее зрелище. Жаль, Фломастер не видит, он бы оценил.

— Крейсер свайгов не снизился?

— Нет, висит в ближнем космосе. Кажется, он просто наблюдает.

— Наше счастье... — проворчал тот, кто только что интересовался состоянием океана.

— Свайги! — встрепелась Ирина. — Ну, точно, опять бериллию желают!

Юлька с сомнением покачала головой.

— Я знаю, у них огромные корабли. Но не такие же! Этот больше некоторых астероидов из внешнего пояса, ей-ей! Да и слышала, что они говорят? Свайги на орбите остались.

— А это тогда кто?

— Ты у меня спрашиваешь? — вздохнула Юлька. — Откуда мне знать, а Ир?

Тивелькова потянулась к радиомикрофону; по Манифесту разнесся ее голос, усиленный электроникой:

— Народ, я думаю самое время расползаться по домам. Заваривается каша, и тут явно замешаны чужие. Костя Зябликов, подойди же в конце концов на Манифест!

Юлька спохватилась:

— Пойду-ка я к своему кораблю...

— погоди, — Ирина встала и защелкала чем-то на пульте. Светящиеся глазки гасли целыми секциями. — Я тебя подброшу. Мне все равно мимо космодрома.

— Я подожду у твоего вездика, — сказала Юлька. Ей почему-то очень захотелось наружу, под открытое небо.

Внизу она чуть не столкнулась со спешащим и озабоченным Зябликовым. Зябликов был упакован в ядовито-желтый комбинезон воздушного акробата.

— Привет, — бросил Костя впечатленно. — Видала, а?

И помчался вверх, к Ирине.

— Видала, — вздохнула Юлька ему вслед. — Все видала.

Ирина и Зябликов спустились минут через пять. На космодроме они оказались еще через пять. Юлькин «Der Kenner», похожий на двадцатиметровый бумеранг, крепко и надежно стоял на опорах. Но Юлька заметила: под крылом, обращенным к востоку, опоры на добрую пядь ушли в слежавшуюся, а значит очень плотную землю.

«Ветер», — поняла Юлька и внутренне содрогнулась, прикинув его силу.

До ее заимки было двадцать минут лету. Предстартовый тестинг и разгон занял вдвое меньше.

Еще сверху она заметила на посадочном пятачке знакомый овал савельевского «Саргасса».

5. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга.

Юлькин «бумеранг» ни с чем не спутаешь. Я выскочил из корабля и, заслонившись ладонью от назойливого света, глядел как она снижается. Снижалась Юлька отчаянно и лихо — не зря прилипло к ней прозвище. Торможение начала километра за полтора до площадки, но ее «бумеранг» строили с учетом атмосферной аэродинамики, так что косые полосатые крылья работали в полную силу. Села она мастерски, погасив горизонтальную скорость коротким маневром — задрала нос «бумеранга», одновременно касаясь площадки задними опорами.

Я вышел из шлюза. В крыле «бумеранга» открылся овальный люк и я увидел Юльку Юргенсон, старателя и пилота, владелицу одного из семи частных звездолетов Волги.

— Ты видал? — без всякого приветствия начала Юлька. — Видал эту штуковину?

Почему-то я сразу понял — о чем она, и мрачно кивнул.

Отчего мрачно? Да оттого что это именно я, а не кто-нибудь другой позавчера нажал на красную кнопку. Кнопку, единственную на загадочном инопланетном приборе. Увидеть связь между нажатием этой кнопки и визитом звездного корабля чужих нетрудно. Когда я перехватил космодромные переговоры и убедился, что громадина идет точно на мою заимку, я тотчас прыгнул в «Саргасс» и дал деру. Я уже представлял гигантский кратер у подножия Каспийских гор — не то от оружия призванного демона, не то от падения его же. Впрочем, зачем ему падать и разбиваться, демону?

Но я ошибся — корабль чужих прошел над моей заимкой, ничего не повредив. Над заимкой, над горами, над побережьем. И тогда я догадался, что он летит на мой островок. И связался со Швеллером.

А теперь эта громадина зависла над моим островком, и ни с места. Уже минут десять. А то и больше, я наблюдал за ней через сателлита, пока не заметил снижающуюся Юльку.

— Боксь, Юля, это из-за меня, — скорбно сказал я и поморщился, до того по-дурацки это прозвучало.

Юлька с сомнением уставилась на меня. Она явно решала — не повредился ли я умом от излишних треволнений? Понять, что эта штука пройдет как раз над моей заимкой было нетрудно, если она точно отследила полет корабля чужих.

— Из-за тебя? — переспросила она. И, видимо решив, что я еще не окончательно сбрендил, потребовала: — Объяснись.

Я вздохнул. Слава богу. Она не стала крутить пальцем у виска или ласково спрашивать у меня как я себя чувствую. Она поверила — если я произнес эти невозможные с точки зрения любого волжанина слова, значит за ними что-то стоит.

— Позавчера вечером я откопал... не сам, конечно, откопал, орлы мои откопали, запаянную в пластик шкатулку. Я так думаю, мейд ин чужие. И очень, думаю, старую. Я ее открыл.

— Псих, — прокомментировала Юлька. — Но ты продолжай, продолжай...

— Там был пульт. Вроде дистанционки к «кротам» и «гномам». Только кнопка всего одна. И, ясен пень, красная.

— И ты, ясен пень, ее нажал, — без тени сомнения сказала отчаянная. — Ты точно псих, Рома.

— А что мне оставалось? — отгрызнулся я без всякой злобы. — Ты бы не нажала?

— Нажала бы, — спокойно уверила меня Юлька. — Я же отчаянная.

Я нервно поскреб подбородок.

— Ну, и что думаешь? Сегодняшний визит и моя находка связаны? Или нет?

— Скажи-ка, — поинтересовалась Юлька. — А шкатулку ты откопал на большой заимке? Или на островке?

Я изумленно уставился на нее.

— Ты знаешь?

Юлька фыркнула.

— Что я — полная дура по-твоему, что ли? Думаешь, у меня нет левых заимок?

— А есть? — дурак-дураком спросил я.

— Две.

Ну, Юлька! Ну, дает! Но осторожность моя всем известная, тут же подвигла на уточняющий вопрос:

— А кроме тебя кто-нибудь знает?

— О чем? — Юлька хитро глядела мне в глаза, и взгляд ее тем не менее оставался невинным-невинным. — О моих заимках или о твоей?

Я помялся.

— Ну, и о твоих тоже.

— Думаю, знает. Ты не проводил сравнительный анализ породы на Каспии и на острове?

— Проводил, конечно...

— И, думаешь, в фактории не заметили, что ты таскаешь руду вовсе не с Каспия?

Я даже рот раскрыл. Господи, ну и балбес же я. Кстати, и патрульник я, строго говоря, не в первый раз увидел со своего островка. Так что, выходит моя тайна — вовсе не тайна? Но почему же тогда директорат молчит?

Хотя, постойте... Директорат ведь тоже платит налоги. С каждого рудника на планете. И довольно высокие. Значит... левые заимки выгодны и директорату. Руду они продают, а налогов не платят. Тля, умник! Мечтатель, тля!

Я тоскливо вздохнул. Выходит, с Луной моя задумка накрылась. Точнее, в том виде, в каком я ее просчитывал — накрылась.

— Судя по твоему несчастному виду, и по тому, что эта штуковина зависла над... ну, в общем, зависла в известной нам точке над Фалагостами, шкатулку ты откопал именно там, — констатировала Юлька. — Что ж. Картинка стройная, хотя я бы не взялась утверждать на все сто, что это ты призвал в гости чужой звездолет.

Я промолчал.

— Пошли в купол, — проворчала Юлька. — Торчим тут, как три тополя...

— Два, — поправил я.

— Какая разница...

Мы подошли к шлюзу, и тут я заметил на сером спектролите колпака темно рыжее расплывчатое пятно. Знаем мы эти пятна... И знаем, отчего они возникают.

От выстрела из бласта навывлет. Кровь толчком выплескивается из прожженного канала. Наверное, у меня сделался очень красноречивый взгляд. Юлька на меня покосилась, набирая входной код.

— Чего уставился? К тебе гости, что ли, не ходят?

— Ходят, — пробормотал я. — А с сегодняшнего дня еще и летают...

Шлюз с шипением отодвинул бронеплиту и убрал перепонку.

— Входи... Рома, — со вздохом пригласила Юлька.

Я вошел. Все еще под впечатлением внезапно открывшихся вещей. Ну, Юлька, ну, пронира! Ничего от нее не скроешь.

Внутри я сразу же повалился на диван, а Юлька принесла бутылку сухого.

— Ого! — удивился я. — А по какому поводу?

Вино, понятно, стоило на Волге приличных денег. Куда дороже пива. Но Юлька любила вино, и некоторый запасец у нее всегда имелся. Иногда она и меня угощала, чаще всего после бурной ночи в этом самом куполе. Во-он там, за занавесочкой, на просторном клькином ложе, куда можно друг подле друга втиснуть человек двадцать нормальной комплекции. Правда, последние пару месяцев таких ночей не случалось, а Юлька подозрительно много времени проводит с Куртом Риггелем.

— Повод простой, — объяснила Юлька с леденящим душу спокойствием. — Что-то подсказывает мне, что нам вскоре придется улепетывать с Волги во все лопатки и ускорители.

— Чужие? — догадался я.

— Конечно! Ты слышал переговоры? Там еще крейсер свайгов на орбите торчит. Мне кажется, он там не в одиночестве.

М-да. Логично. Если вслед за необъятным гостем притащился крейсер свайгов, значит жди целый флот. Знаем, читали хроники. Сожжение Рутании, бой в системе Хромой Черепахи... Теперь там только пыль клубится. Много-много лет подряд. И звездные корабли — человеческие, по крайней мере — обходят эти районы космоса далеко стороной, предпочитая дать солидный крюк, но не влезть в зону какого-нибудь неведомого излучения.

Юлька разлила вино по высоким бокалам и вдруг спохватилась:

— Кстати! А не послушать ли нам космодром?

Она опрометью метнулась в рабочий отсек и завела трансляцию со своего «бумеранга» на акустику купола.

Я чуть не оглох. Сразу же.

— ...цать пять кораблей! Двадцать пять! Это же целый флот, ядри вас всех направо и налево!!!

— Успокойся, Стив, двадцать пять — это еще не флот. У Рутании воевали без малого четыре тысячи.

— Спасибо, успокоил! — не унимался Стив (кстати, я узнал его: американер Стивен Бэкхем, служащий космодрома, редкий, надо сказать, зануда). — Чтоб распылить Волгу хватит и трех крейсеров!

— Кто это тебе сказал? — насмешливо осведомился незнакомый голос.

— Суваев сказал, — проворчал Стив. — Он у нас спец по свайгам.

— Надо же! — хмыкнул собеседник с неприкрытой иронией. — Спец! Оказывается, у нас есть спецы по чужим?

Тут вклинился кто-то явно из директората:

— Прекратите болтовню на канале!

Голос был брызгливый и показушно озабоченный.

— С нами пробовал кто-нибудь связаться? Я имею в виду... э-э-э... гостей.

— Нет, — коротко, и, кажется, неприязненно ответил Бэкхем. — Кстати, звездолеты директората готовы к старту.

— Отлично. Если будет попытка связаться, немедленно переключать на закрытый канал! По приоритету «экстра».

— Понял, — так же коротко отозвался Бэкхем. — Чтонибудь еще, сэр?

— Сэр! Какой я тебе сэр? Дежурь давай, и не задавай идиотских вопросов.

Юлька, слушавшая все это с бокалом в руке, тихонько присела на диван.

— Все ясно. Директорат готовится смотаться с Волги. Звездолеты-то их уже под парами, — заявила она убежденно.

— Твой, между прочим, тоже под парами, — заметил я пригубив вино. Несмотря на ситуацию, я еще был в состоянии получать удовольствие от вина. Прекрасного, надо сказать, вина. «Траминер Офелии», двенадцать спирта, полтора сахара, в меру приглушенный букет полевых трав с легкой примесью тонов меда и подсолнечника.

— Как и твой, — Юлька по обыкновению не осталась в долгу. — На их месте любой бы разводил пары. Любой, у кого имеются мозги, а у директората мозги имеются, можешь не сомневаться. С совестью — да, туго, но не с мозгами.

Тут она права. На все сто. Я вздохнул. И мы стали слушать дальше.

В общем, у Волги, как это водится у чужих — вроде бы из ниоткуда вынырнул небольшой флот. Двадцать четыре крейсера, похожих на исполинские бублики и еще один бублик, малость вытянутый, эдакий гигантский эллипс. Флагман, превышающий размерами обычные крейсера почти вдвое. Все они рассредоточились вблизи Волги по сложной системе взаимоперекрывающихся орбит.

А суперкорабль, появившийся первым, неподвижно висел над моим островком.

Кажется, флот свайгов пас именно этого пришельца. Пока пас без единого выстрела — или чем там обмениваются звездолеты чужих в бою?

А потом кто-то вызвал меня по внутреннему каналу. Вызвал терминал «Саргасса». А сделать это возможно было только из моего купола.

Изумление мое переросло всякие пределы, а вместе с изумлением во мне медленно стала закипать злость. Опять гости, е-мое! Ей-право, надо ставить охранку, да не простую, а с самонаводящимися бластами, чтоб любого чужака сжигали в пепел к чертям собачьим. Без предупреждения. Нечего соваться на частную территорию!

Я настучал на Юлькиной клавиатуре пароль, и на экране возникла хорошо знакомая мне рожа. Некто Плотный, в миру — Феликс Юдин. Бандит и убийца, не заработавший за всю жизнь ни копейки. Он умел только отнимать и убивать. И дружки его — тоже. Меня его банда до сих пор не трогала. Везло, наверное.

— Ты удрал, Сава, — с угрозой сказал Плотный.

Терпеть не могу, когда меня называют Савой.

— От кого?

— Ты удрал, скотина! — Плотный грохнул по пульта рукоятью бласта. — Вместе со своей скорлупкой удрал. Кто тебя предупредил?

Я не успел ответить — Юлька прервала связь. Я вопросительно взглянул на нее.

— Наши корабли, — сказала она с неприкрытой тревогой. — Представь, сколько людей сейчас мечтают убратся с планеты?

Черт возьми! Быстро Юлька соображает. Действительно, сколько? Да сколько есть на Волге — столько и мечтают. А кораблей, как известно, — раз, два, и обчелся.

— Взлетаем, Рома, — Юлька вскочила и заметалась по куполу, что-то собирая. — Помоги мне, и бери только жратву.

Она швырнула мне пластиковый пакет-заплечник.

— У тебя как с горючим?

— Почти под завязку, — угрюмо ответил я, приседая у холодильника. — В четверг заправлялся.

— Это хорошо, — сказала Юлька. — А у меня только полдозы.

Я покосился на нее. На что она, черт возьми, намекает? Что придется уходить отсюда своим ходом, на наших скорлупках? А, впрочем, что нам останется, если чужие действительно разнесут Волгу на атомы и при этом не тронут нас?

— Снимем контейнеры с твоего, — предложил я. — Мой быстрее, и вообще понадежнее.

— Наверное, — согласилась Юлька. — Только не сейчас. Сначала облетим заимки, сколько успеем. И братцев-летунов нужно предупредить, причем всех. Да что ты копаешься, Ром, выгребай все подряд, кроме уже откупоренных!

Банки как попало рушились в пакет.

Облететь заимки. Черт, сам бы ни в жизнь не догадался. Может, наш мир и помойка, но хорошие ребята есть и здесь. Хотя и мало их. И — увы — не у всех хороших ребят есть собственные звездные корабли. Чистякова надо обязательно вывезти, Семяцкого, Мишку Зислиса с космодрома. Хотя, нет, Зислис и сам справится — старый космодромный волк, неужели он не проникнет на борт звездолетов директората?

Бегом, забросив на плечо тяжелые пакеты с провизией, мы выскочили из купола. Юлька даже шлюз закрывать не стала.

Вдали, у самого горизонта, к заимке несло множество вездеходов. Штук пятьдесят, не меньше.

— Быстрее! — рявкнула Юлька. — Ты стартовую не гасил?

— Гасил, — растерянно выдохнул я, открыл внешний люк и швырнул пакет в тамбур.

— Ну и дурак, — крикнула моя отчаянная спутница, взбега по крылу «бумеранга». — Шевелись, еще успеешь.

Я, казалось, стремился опередить собственные мысли. Каюта, кресло, пульт, предстартовые тесты... Готовность!

Зачем я ее погасил, сев у заимки Юльки? Сам не пойму. Эконом, тля. Не догадался, что за корабли быстро начнется драка. Юлька, вот, догадалась. Хотя, стоп, она тоже не сразу догадалась. Но и стартовую не погасила — с другой стороны.

«Саргасс» рванул в небо, когда ближайшие вездеходы приблизились километра на полтора. Кажется, по мне стреляли — по мне и по юлькиному «бумерангу» тоже. Но к счастью — взлетающий звездолет слишком быстрая мишень для живого стрелка. Даже такая утлая скорлупка как «Саргасс» или «бумеранг».

Я оживил модуль связи.

— Наконец-то! — фыркнула Юлька. — Не поджарили?

— А ты принюхайся, — посоветовал я мрачно.

— Вызывай Василевского, Смагина и Риггеля.

— А Хаецких?

— А Хаецких вызову я. И Шумова тоже. Все, до связи.

Юлька отключилась.

Молодец она все-таки, Юлька отчаянная. Действительно молодец. Если у меня когда-нибудь будет сын, то только от такой матери.

К тому же, Риггеля она доверила вызывать мне.

6. Ххариз Ба-Садж, премьер-адмирал, Svaigh, флагманский крейсер сат-клана.

— Глубины, мой премьер!

— Глубины, Шшадд! Без чинов. Докладывай, что здесь стряслось.

— Польщен... Ххариз.

Адмирал Шшадд Оуи, командир линейного крейсера армады, того самого крейсера, который засек приближение чужого корабля, прижал к голове гребень, плотно-плотно. Правду говорят, что Ххариз Ба-Садж, потомственный Сат, прожженный и опытный вояка, ненавидит церемониал, а о свайгах судит только по боевым заслугам.

— Чужой корабль вошел в атмосферу планеты, снизился до посадочной высоты, практически нулевой, и пребывает в полном покое вот уже два-по-восемь нао. Никакого фона и никаких активных действий. Он просто завис над океаном. Точнее,

над крохотным островком в океане. — Адмирал Шшадд пошевелил горловым мешком, что должно было отразить некоторую шутливость последующей фразы. — Там такая уютная бухта, Ххариз, прям Берег Рождений на Свайге!

Премьер тоже пошевелил мешком, показывая, что принял шутку.

— Что докладывает эксперт-подклан?

Адмирал подобрался.

— Высокая вероятность, что это звездолет Ушедших. Порядка семи восьмых.

— Как его засекли?

— Отследили нарастающую кривизну пространства, мой... а-а-а... Ххариз.

Просчитали возможную массу — сначала решили, что ошибка в расчетах. А потом стало не до расчетов, мы его просто увидели. Я много повидал, но Мать-глубина! Мне стало страшно. Этот корабль в восемь с лишним раз крупнее флагмана!

— Никто из союзников не строит таких.

— А нетленные?

— Нетленные... — протянул Ххариз. — На Галерее сейчас переполох. Похоже, что нетленные вообще не строят кораблей. Они сами себе корабли.

— То есть? — не понял адмирал Шшадд. — Они что, биомеханы?

— Сложнее, Шшадд. Помнишь многослойную полевую защиту вокруг их стандартных крейсеров?

— Конечно! — гребень адмирала на миг шевельнулся, но, не успев встать и расправиться, вновь плотно приник к чешуйкам на макушке.

— Оказалось, что под этой защитой вообще нет кораблей. Эксперты Галереи считают нетленных энергетической формой жизни. По последним данным.

Адмирал не слишком удивился. Он знал, что нетленные настолько чужды союзу, что разница между свайгами и любой из четырех остальных рас попросту стирается, делается незаметной.

Неизвестно откуда именно пришли нетленные и их расы-сателлиты, оре и дашт. Из каких далеких галактик — не угадаешь. Откуда-то из Ядра. А теперь оказывается, что у нетленных даже тел нет. Воистину — нетленные! А недавние дерзкие налеты на полярные секторы кое-что прояснили относительно природы давнего противника. Что ж, это к лучшему: противника легче победить, если знаешь его.

Командующий клином армады продолжал:

— Галерея дает вероятность повыше, Шшадд, чем твой эксперт-подклан. Восемь восьмых за то, что там внизу висит корабль Ушедших. И восемь восьмых за то, что самих Ушедших на борту нет. Иначе крейсер вел бы себя по-другому.

Тут премьер приглушил, как заговорщик, голос и выразительно полуприкрыл глаза.

— Галерея оценила твою быстроту и сообразительность, адмирал...

Но Ххариз Ба-Садж не успел сообщить приятную новость. Помешали сканировщики.

— На подходе корабль-матка Роя. Он уже в нормальном пространстве, — донесли премьеру и адмиралам. — Распоряжения?

— Режим «вежливости», — ни мгновения не колебался премьер. — Поле усилить до четырех восьмых!

Оперативный клин армады приготовился к неожиданностям. Конечно, Рой — союзник свайгов. Но когда вдруг находится корабль самой могущественной расы, известной на сегодня, может мигом рухнуть любой союз.

— Поправка: два корабля-матки! — доложили сканировщики. — Поправка: три!

Сканировщики вносили поправки еще три-по-восемь и три раза. Много кораблей Роя, и не просто кораблей — кораблей-маток.

— Запрос на связь, мой премьер! — доложил связь-подклан. — От Роя.

— Канал на Галерею открыт?

— Еще нет, мой премьер! Но вот-вот откроется...

— Отвечайте, — приказал Ххариз и проворчал вполголоса, шевеля гребнем: — Хоть палить сразу не начали, и на том спасибо...

В проекционном стволе сгустилось изображение представителя Роя.

— Да окрепнет союз! — провозгласил Рой.

Ххариз облегченно расслабил гребень. Все в порядке. Рой нападать не станет — иначе их представитель не произнес бы обычного приветствия. Рой не лжет и не лицемерит. Кажется, Роя вообще неведомо понятие лжи. Впрочем, ложь других рас они распознают и понимают. Но сами — никогда не лгут.

По крайней мере не лгали восьмерки и восьмерки восьмерок нао.

— Да окрепнет, — отозвался премьер, разглядывая представителя — особь Роя, способную воспринимать речь союзных рас и транслировать ответы матки.

Рой имел строжайшую пирамидальную структуру, разветвляющуюся только на низших уровнях, на уровнях специализированной деятельности. Солдаты Роя, рабочие Роя,

строители Роя — это низшее звено. Гонцы, коммуникаторы, инженеры, навигаторы — ступенью выше. Матки-стратеги — еще выше, у этих прямая связь с матками высших уровней. А на самой вершине — верховная матка Роя, которая и есть Рой. Особняком — ученые-исследователи, тоже своего рода матки.

Отчасти Рой был цельным живым существом, очень сложно организованным. Существом, состоящим из миллионов субсущств. И в то же время разум Роя не являлся коллективным разумом всех маток.

Рой не нужно было пытаться понять. К нему нужно было просто привыкнуть.

— Именем Галереи сат-кланов Свайге, приветствую дружественный Рой! — сказал премьер без особой радости. Себя он не называл — Рою это не нужно. Рой общается только с Галереей, кто бы ее не представлял. Безразлично, солдат или адмирал.

— Рой приветствует Галерею Свайге и выражает надежду, что чужой корабль пополнит копилку знаний Свайге и Роя. Рой считает изучение чужого корабля архиважным делом и поспешил прислать квалифицированных экспертов. Рой просит огласить время начала исследований, уступая Галерее Свайге, первой обнаружившей чужой корабль, право самостоятельно назначить это время. Да окрепнет союз!

Гребень Ххариз даже не шевельнулся, хотя премьер-адмирала нельзя было счесть спокойным вполне.

— Галерея даст исчерпывающий комментарий в ближайшее же время. Да окрепнет союз!

— Да окрепнет. Рой ожидает и напоминает: ожидание не может длиться слишком долго.

Представитель Роя растворился в зыбкости ствола.

«Да ведь это прямая угроза, — подумал Ххариз озабоченно. — Рой открытым текстом дал понять, что не намерен оставаться в стороне и готов заполучить корабль Ушедших силой. Как бы их не спровоцировать ненароком...»

Премьер обернулся к экрану с бравым адмиралом.

— Надо же! — с некоторым изумлением сказал Шшадд Оуи. — Они уже почуяли вкус нашей находки! Быстро. Я бы даже сказал — оперативно.

Премьер устало вздыбил чешую на теле.

— Да. Не откажешь Рою в оперативности. Впрочем, глупо было бы ожидать, что такое событие ускользнет от внимания остальных рас союза. Глубина, да за право исследовать корабль Ушедших любая раса отдала бы половину имеющейся энергии!

— Но что скажет Галерея? — Шшадд задумчиво пошевелил кончиком прижатого гребня.

— Со стороны это выглядит очень неприглядно: мы не сумели сохранить находку в тайне.

— Никто не сумел бы сохранить подобную находку в тайне, — ответил премьер; пузырь на его шее еле заметно дрогнул. — Галерея спрогнозировала визиты всех представителей союза в течение восьми нао.

Шшадд облегченно расслабился. Что ж... С Галереи виднее.

Адмирал тоже не верил, что находку получится скрыть. С самого начала не верил.

Поэтому сразу же отправил депешу на Галерею.

— Мой премьер! На подходе модульный крейсер а'йшей! — доложили сканировщики. — Семь-по-восемь и две модуль-базы. Ожидаемое время прокола барьера — одна восьмая нао.

— Начинается... — проворчал премьер. — Точнее, продолжается...

И — громче:

— Связь-подклан! Где скоростной канал на Галерею? Гребни отрежу!!!

Связисты заверили, что канал вот-вот откроется; а сканировщики уже засекли новое возмущение за барьером. Пространство вокруг отдаленной звездной системы на краю спирального рукава гнулось и искривлялось.

Слишком много боевых кораблей направлялось сюда. И слишком велика была их суммарная масса.

«Конец планете, — грустно подумал Ххариз Ба-Садж, премьер-адмирал клана. — А жаль: Шшадд говорил, что там оч-чень симпатичные островки с оч-чень симпатичными бухточками.»

Премьер мечтал выкроить время, взять малый истребитель, вручную увести его вниз, к поверхности, сесть, и искупаться в настоящем океане. С настоящей соленой водой. Поплавать, понюхать, попробовать на вкус местную рыбу.

Но он уже понимал: ничего подобного в этот раз не случится. Планета доживала последние нао, последние дни. Скоро искажения метрики станут выплескиваться в виде мощных энергетических прорывов. Планету просто расколет на части, а местная звезда досрочно завершит очередной период жизни, период свечения.

— Кто приближается?

— Цоофт, мой премьер! Целый флот. Больше, чем восемь-по-восемь ударных крейсеров цоофт, мой премьер...

Ххариз Ба-Садж досадливо шевельнул гребнем и отогнал посторонние мысли. Пока нет прямой связи с Галереей вести переговоры с союзниками предстоит ему. А это вовсе не так просто, как может показаться со стороны.

7. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга.

«Саргасс» трудолюбиво неся по параболе. Хорошо, что я оставлял в памяти штурмана старые, проверенные траектории — хоть и редко, но приходилось иногда заглядывать к немногочисленным друзьям-старателям на своей скорлупке. Теперь только на ее быстроту и надежда.

Удивительно, но у меня все-таки есть друзья. Даже на нашей земной и околоземной помойке встречаются люди, к которым не боишься повернуться спиной. Их немного. Но они есть.

Может быть именно поэтому мы так и цепляемся — за жизнь и друг за друга? Может быть поэтому мы иногда заглядываем друг к другу на огонек, и хорошим тоном считается накормить гостя до отвала всякими деликатесами и напоить вдрызг? Может быть поэтому мы выручаем друг друга в тяжелые времена?

А ради чего еще жить, черт возьми? Если бы вокруг шастали только сволочи, я бы давно убрался на своем «Саргассе» куда-нибудь в необитаемые места. В глушь, робинзонить.

Одно удручает: друзей значительно меньше, чем сволочей. Увы.

Я поочередно вызывал Игоря Василевского, Юрку Смагина и Курта Риггеля. Точнее, вызывал их корабли. Но друзья-старатели в данный момент находились где угодно, только не на своих кораблях. Я шипел, ругался, умолял их ответить — все двадцать минут полета.

Тщетно.

Когда я свечой падал на заимку Василевского, я наконец оторвался от пульта и взглянул на экраны.

И вздрогнул. Купол заимки был пробит в нескольких местах, два из шести капониров — разворочены объемными взрывами. Покосившаяся решетчатая ферма микропогодника не рухнула только потому, что длинный шпиль-датчик зацепился за зубец спектролита от пробитого купола. Почерневший вездеход с гравиприводом слабо дымил на взлетной полосе — у Василевского был старенький, еще прямоточный планетолет класса «Хиус-II», похожий на гаванскую сигару. Я знал как выглядят сигары — Мишка Зислис с космодрома сигары обожал и постоянно выписывал их с Офелии за какие-то несусветные деньги.

Я сел прямо на полосу, достал бласт из кобуры и выбрался наружу. На толстый кольцевой нарост поглотителя.

Вездеход, что грудой закопченного металла и керамики торчал совсем рядом, не только дымил, но еще и мерзко вонял. Сквозь эту вонь явственно чувствовалась приторная примесь озона — из бластов тут попалили не слабо.

Я прыгнул на полосу, оглядываясь. Заимка Василевского располагалась в обширной котловине за первым Каспийским хребтом. Сейчас котловина была пуста, как отпечаток копыта в степи. Только разгромленная заимка, чадающий вездеход да мой трудяга-«Саргасс».

Нервно поигрывая бластом, я пробежался к куполу. И почти сразу увидел Семяцкого. Семяцкий лежал на спине, остекленело вытаращившись в небо. Грудь его была разворочена тремя бласт-импульсами. Крохотный «Сверчок», маломощный бласт, валялся рядом с ладонью убитого. На ладони запечатлелся рифленый отпечаток чьего-то ботинка.

Василевского я нашел внутри купола. Этому выстрелили в голову, выпихнули из кресла перед пультом и долго шарили, наверное, по ящикам столов. Стартовые ключи, небось, искали, гады...

Все. Сразу двоих друзей можно было вычеркнуть из списка живых.

— Извините, ребята... — прошептал я, действительно чувствуя себя виноватым. — Я не успел... Я даже похоронить вас по-людски не успеваю.

И бегом вернулся на борт «Саргасса». О, чудо: меня вызывал Смагин. Сам.

Я плюхнулся в кресло, стартовал, даже не пристегнувшись, и немедленно ответил.

— Привет, — сказал Смагин. — Ты меня вызывал, вроде?

— Вызывал, — нетерпеливо перебил я. — Ты сейчас где?

— На заимке, — беспечно ответил Смагин и я окончательно уверился, что он вообще ни о чем еще не знает.

— Взлетай немедленно! — рявкнул я. — И плюй на расход горючего, жизнь дороже. Смагин округлил глаза, но послушно потянулся к пульту и запустил предстартовые тесты.

— А что...

— Чужие, — коротко объяснил я. — Флот свайгов рядом с Волгой. И еще один корабль — неизвестно чей — висит над океаном. И размером он побольше, чем сотня Новосаратовых. Директорат уже наострился драпать, за место в звездолете сейчас убивают.

— Так уж и убивают! — не поверил Смагин.

— Василевский мертв, — сообщил я. — Себецкий тоже, они вместе, наверное, улететь собирались. Корабль Василевского украден.

Во взгляд Смагина медленно прокралась тревога.

— А остальные?

— Риггельда я тоже вызываю — молчит пока. Юлька в воздухе, она ищет Хаецких и Шумова. Я хочу еще за Костей Чистяковым заскочить.

Смагин мелко закивал; потом по экрану пошел легкий снежок и белесые зигзаги — у него запустились взлетные двигатели.

— Тогда я за Янкой смоюсь, — решительно сказал Смагин.

— Давай, — я его поддержал. Не болтаться же ему без толку на орбите? — Только на поверхности не торчи. Взлетай сразу, целее будешь...

— Я понял.

— И связь не отключай. Возможно, придется стыковаться в космосе.

— Зачем? — искренне удивился Смагин.

— Затем, что до Офелии не все корабли дотянут. Да и горючего на всех не достанет. Наверное, придется часть кораблей бросить, и тянуть на самом большом.

— До Офелии? — лицо Смагина странно застыло, как театральная маска. — Ты полагаешь, все так плохо?

— Я полагаю, раз уж чужие пригнали сюда два с половиной десятка крейсеров, то прощай, Волга, — жестко сказал я и откинулся в кресле. «Саргасс» взбирался к вершине очередной парабола. — Все, я Риггельда разыскивать буду. Удачи, Юра.

— И тебе.

Едва Смагин растворился в зыбкости эфира, на канале возникла Юлька.

— Кого нашел?

— Смагина, — ответил я мрачно. — Василевский убит, корабля его нету. Видно, угнали. И Себецкий тоже убит. Риггельд не отвечает.

— А у меня Шумов не отвечает. Хорошо хоть Хаецкие, Мустяца и Прокудин нашлись — эти сами все поняли и дунули с заимки куда подальше.

Я кивнул.

— За кем еще залетишь? — спросила Юлька. Я чувствовал, что ей очень хочется меня отговорить от неизбежных посадок, но знал, что этого она не сделает. Даже пытаться не станет.

— За Костей Чистяковым. И все, убираюсь из атмосферы.

— А Смагин куда делся? За Янкой, конечно, за своей помчался?

— Я бы тоже помчался на его месте.

Юлька вдруг пристально поглядела в створ видеодатчика. Казалось, она глядит мне прямо в глаза, пристально и напряженно, словно хочет сказать нечто очень важное — и не решается.

— Найди Риггельда, Рома, — сказала она тихо. — Пожалуйста. Я далеко, не успею.

Я поспешно кивнул. Когда Юлька меня о чем-нибудь просит, всегда хочется все оставить и сломя голову мчаться исполнять ее просьбу.

«А что? — прикинул я в уме. — Заимка Чистякова на юге, посреди плоскогорья Астрахань. Территория Риггельда несколько дальше к западу, в глубине каспийского массива. Но не настолько, далеко, чтобы я не успел заглянуть и туда. Загляну. Надо ведь убедиться...»

Я не стал уточнять — в чем именно убедиться. Но разгромленная заимка Василевского упорно лезла из памяти. И увечный купол, и сам Василевский с простреленной головой, и Себецкий с простреленной грудью, и чадающий на взлетной полосе ничей вездеход...

Паршивый сегодня день.

Неужели все это натворила маленькая красная кнопка, обратившаяся теперь в прах, в невидимый и неосязаемый прах?

Как трудно в это поверить!

Я стиснул зубы и снова позвал Курта Риггельда. А он снова не ответил. Зато спустя некоторое время объявился Вася Шумов — сигнал был слабенький, еле-еле

пробивающийся сквозь многослойные фильтры. Аниматор так и не ожил, так что я Шумова не видел. Только слышал, да и то неважно.

— Эй, Рома! Что там... (треск и шипение) ...за переполох?

— Вася! Наконец-то! — рывкнул я в микрофон, одновременно выкручивая усиление до отказа. — Ты где?

— (треск) ...леко! Луна! Слышишь? Я на Луне!

— На Луне? — изумился я. Ну, Вася, ну, стервец! опередить меня, что ли, вздумал?

— Что ты там забыл?

— Долго (треск) ...зывать. Слуш, я космодром вызывал (треск) ...лал к чертовой матери и отключились! Я в ужасе.

— Вася, слушай сюда...

— Что-что? Слышно пло... (треск)

— Оставайся, где ты есть! Чужие у Волги, тут уже стрельба началась! Слышишь меня?

— (треск) ...жие? Стрельба? Эй, Ром, ты вчера в «Меркурий», часом, не заглядывал? Я... (треск).

— Черт! — ругнулся я. Надо выходить из атмосферы, с нашими передатчиками толковую связь все равно не установишь. Надо прикинуть, сколько мне понадобится времени. Итак: парабола на Астрахань — двадцать минут, и бросок по горизонтали, хрен с ним, с горячим, к заимке Риггельда — еще двадцать.

— Вася! Будь на канале, я тебя через час вызову! Я или Юлька! Слышишь?

— Слышу! Через час! Я не бу... (треск) ...чатся!

— Правильно! Не выключайся! Через час!

— (треск) ...нял! До свя... (треск).

— Пока, — проворчал я.

Ну, ладно, хоть Вася в безопасности. На Луне его наши молодчики с бластами не достанут. Разве что, чужие... Но их вряд ли заинтересует наша Луна. Что-то мне подсказывает: интересуется их в основном громадина, зависшая над моим злосчастливым островком. Ну и заварил ты кашу, дядя Рома! Будь оно все неладно...

Вскоре «Саргасс» достиг пика параболы и стал медленно валиться вниз, к поверхности. И с каждой секундой валился все быстрее, влекомый могучими объятиями гравитации. Но та же гравитация, только искусственная и более-менее покорная потом его мягко замедлит и опустит на посадочную площадку около чистяковской заимки.

Сотни раз меня и мой кораблик принимали площадки по всей Волге. Однажды мне пришлось даже на Офелию слетать, было дело. Раз двадцать я покидал систему и добирался до периферийных рудников Пояса Ванадия, две десятых светового года от Волги. И до сих пор моя скорлупка не подводила.

До сегодняшнего дня.

Но все когда-нибудь происходит впервые.

Громадное, рыжее с высоты плоскогорье надвигалось на меня, словно подошва сапога на ротозея-таракана. Ближе и ближе. А гравипривод все не срабатывал и не срабатывал. Я уже различал светло-серый пузырек чистяковского купола и темно-серые черточки капониров, округлый котлован с бурными откосами отработанного грунта.

Гравипривод молчал.

Я слотнул и нервно взялся за пестик маневровых. С мольбой взглянул на красный глазок посреди пульта, но он и не подумал сменить цвет на зеленый. «Саргасс» продолжал падать на Астрахань, словно брошенная неведомым гигантом монета, символ скорого возвращения.

— Тля! — выдохнул я и утопил продолговатую кнопку на пестике. Маневровые взвыли, медленно, но неумолимо превращая падение в полет. «Саргасс» отклонился от вертикали, меня вдавило в кресло, и вот я уже не валюсь прямо на чистяковскую заимку, а описав величавую дугу, взмываю над ней. Разворот, маневр, заход на посадку... самое трудное — это сесть без гравипривода.

Но я когда-то тренировался. И сейчас — сел, причем очень удачно. Даже ни одной опоры не сломал.

Утерев вспотевший лоб, я облегченно выдохнул. Но что, е-мое, стряслось с приводом? Самое неприятное в случившемся, это то, что за последние несколько минут «Саргасс» сожрал вдвое больше топлива, чем требовалось для полета к Луне в обычном режиме. Не считая, конечно, непонятки с приводом из-за которой все грядущие неприятности и могут произойти. Впрочем, привод можно починить, он прост, как рычажные весы, был бы инструмент под рукой да приборы. А у меня все есть, что я — псих, что ли, без инструмента летать?

Костя Чистяков встречал меня у люка. Улыбающийся, в рабочем комбезе и разбитых горняцких ботинках, с пультом на шее.

— Привет, Ром! Чего это ты лихачил? Настроение?

Наверное, у меня был чересчур озабоченный вид, потому что улыбка медленно сползла с лица Кости, уступив место настороженности.

— Что-нибудь случилось?

— Да, Костя. Случилось.

Чистяков некоторое время молчал, потом осторожно осведомился:

— Это как-нибудь связано... с кораблями чужих?

Я только кивнул. Хотя не знал наверняка — связано ли?. А с чем это еще может быть связано? Только с ними, проклятыми. Раз крысы (то бишь наш директорат) приготовились бежать с бригантины — бригантине конец. Это каждый пацан знает. Костя вздохнул.

— И что им здесь нужно... Столько кораблей, даже дрожь пробирает. А я-то надеялся, что все обойдется, покрутятся и уйдут...

— Да уж, — вздохнул и я. — Почти три десятка. Хватит, чтоб дюжину Волг распылить...

Теперь удивился Костя.

— Три десятка? Да их уже несколько сотен! Ты что, космодром не слушаешь?

Я опешил.

— Сотен? Нет, не слушаю. Часа полтора уже не слушаю.

Вот оно что. Мы дернулись бежать, едва услышали о первой волне инопланетных звездолетов. А они все прибывали и прибывали, оказывается, выныривали прямо из пустоты, подчиняясь загадочной технике чужих.

Ну и дела. Ты, дядя Рома, не иначе стронул камешек, который в итоге породил лавину.

— Ладно, — буркнул я, собираясь с мыслями. — Некогда разговоры разговаривать. Пакуй жратву, и на борт. А я пока привод почию.

— А, — догадался Костя. — У тебя привод гавкнулся? То-то я смотрю, ты на горизонтали сидишь.

— Ненавижу горизонтальную тягу, — вздохнул я. — Но она меня сегодня спасла.

— Ты ее лучше полюби, — проникновенно посоветовал Костя. — А то в следующий раз спастись не станет.

Он такой — мечтатель и добряк. Улыбчивый и мягкий. Сначала я удивлялся, как он умудряется выжить среди наших местных волков с бластами? А потом однажды увидел его в драке. В «Меркурии». Другой человек. В принципе другой. Шесть человек прирезал — ножом, обычным ножом! «Меркурий» до сих пор помнит. Те шестеро, если начистоту, были подонками и грабителями. Настоящей волжской мразью. И были вооружены бластами, правда пьяны в полный дупель. Они приставали к какой-то девчонке — а оказалось, что Костя ее знает. Ну, он и ввязался. Директорат потом приговорил его к крупному штрафу, но кое-кто из местных скинулся и помог Косте монетой — эта шестерка давно уже многим стала поперек горла.

— Ты шевелись, шевелись, — посоветовал я. — Не приведи-свет, принесет кого. Василевского и Семенского уже застрелили. И заимку его разнесли в щепы. Да и мою, наверное, тоже — меня Плотный по местному вызывал — ругался. Сейчас вся шваль за кораблями охотится, надо взлетать от греха подальше.

— Рома, — ужасающе спокойным голосом позвал Чистяков. — Погляди-ка.

Я, уже наострившись нырнуть в люк, обернулся. И обмер.

К Костиной заимке, вздымая косматые пыльные шлейфы, тянуло несколько вездеходов. Кажется, колесных. Или гусеничных — но точно не гравиприводных.

— Тля! — в груди сконденсировался неприятный холодок — эдакая локальная Антарктида. — У тебя оружие есть?

— Есть, — ответил Чистяков и быстро извлек из узкого кармашка устрашающих размеров нож. Сверкающий, зазубренный с незаточенной стороны, с продольными впадинами на лезвии.

Я не нашелся что ответить. У меня перехватило дыхание.

А вездеходы быстро приближались.

8. Наз Тео, вершитель, Svaigh, зал Галереи, планета Свайге.

Галерея вершила четвертый нао кряду.

Прямой канал пробился, наконец, к далекой звездной системе, около которой был обнаружен крейсер Ушедших. Премьер-адмирал Ххариз Ба-Садж почтительно прижал

гребень перед вершителями расы свайге, но новости целиком оправдали его ожидания.

Союзники, конечно же, перехватили шифрованные депеши адмирала Шшадд Оуи, и не замедлили поиграть мускулами перед первооткрывателями чудо-корабля. Теперь в системе вились четыре мини-флота помимо боевого клина армады свайгов. Больше двух сотен кораблей. Там теперь так тесно и жарко, что вакуум может накалиться...

Наз Тео вновь обратился в слух. Вершитель Гурос спорил с вершителем П'йи; Галерея и представители союзников, которым тоже обеспечили прямой доступ к каналу, внимали.

— Главная проблема состоит в том, что планета обитаема, — Гурос оставался бесстрастным, как известковая статуя с Меченых Отмелей.

— Проблема? — П'йи презрительно шевельнул горловым мешком и кончиком гребня. Одновременно шевельнул, это не укрылось от глаз Наз Тео. — Уважаемый вершитель Гурос считает дикарей-млекопитающих проблемой? Да на них можно просто не обращать внимания!

— Не паясничай, П'йи, — Гуроса трудно было вывести из равновесия. — Ты, как и вся Галерея, прекрасно знаешь, что эти дикари самостоятельно вышли в космос и колонизировали добрых восемь-по-восемь планет...

— Восемь-по-восемь! — П'йи продолжал насмешничать. — Глубина, целых восемь-по-восемь! Ты не боишься, что они нас вытеснят? А? Вытеснят из Галактики, вышвырнут, как мы вышвырнули прочь передовые клинья дашт. Или, как бишь их группы кораблей зовутся?

— Свайги тоже когда-то выходили в космос впервые. Люди отстали от нас, это правда. Но люди развиваются. У них бедные технологии и примитивная наука. Но они совершенствуют технологии и углубляют научные знания. Я бы не стал от них с ходу отмахиваться. Люди — действительно проблема, хотя бы потому, что крейсер Ушедших направился к их дому, а не к нашему.

— Вместо того, чтобы развивать разум, — веско заметил Первый-на-Галерее, — эти существа совершенствовали физиологию. Совершенствовали тело. Их эволюция представляет из себя сущий курьез. Мне кажется, они чересчур сложны, неоправданно сложны для живых организмов, обладающих разумом. Млекопитающие загоняют себя в щели узкой специализации и поэтому они обречены на вымирание, как обречены на вымирание гигантские рептилии любого из исследованных миров. Я не разделяю легкомысленные настроения вершителя П'йи, но и не вижу в людях значимой проблемы, как вершитель Гурос. Что они в состоянии нам противопоставить? Жалкие скорлупки, на которых едва удастся дотянуть до соседней звезды? Примитивное оружие? Мы пришли, и возьмем все, что захотим, не обращая внимания — есть ли рядом люди, нет ли их.

— Рой просит слова! — лишенный интонаций голос представителя Роя неприятно толкался в слуховые перепонки. Наз Тео недовольно приподнял гребень, но тут же спохватился, и прижал его к голове. Первый-на-Галерее покосился на него с неодобрением и дважды мигнул.

Но Первый ничего не скажет — Наз знал наверняка.

— Рой считает разговор о людях беспредметным. Мы зря тратим время. Предлагаем выработать стратегию осады чужого звездолета и приступить к самой осаде.

— Рой спешит? — корректно осведомился Первый-на-Галерее. — Почему? Ведь Рой бывает торопливым только в исключительных случаях.

— Найденный крейсер являет собой лакомую добычу не только для союза. Нетленные тоже с удовольствием заполучили бы его в изучение. Информация имеет свойство рассеиваться. Если союзные расы раздобыли сведения о появлении и нынешнем местонахождении крейсера Ушедших, значит это же сумеют проделать и нетленные. Завязать бой в этой системе — означает потерять находку.

Похожий на продолговатую каплю представитель Роя вообрал в себя членистые конечности и расставил пошире эффекторы-антенны. Он приготовился слушать. Или, как наверное выразился бы он сам, обрабатывать поступающую информацию.

Наз никак не мог подавить двойственное чувство после речи Роя. Обычно Рой изъяснялся на сухом техноподобном языке, лишенным ярких образов, сравнений — лишенным всего, что делает речь речью а не голой информацией. И вместе с тем вдруг то и дело проскальзывают обороты совершенно чуждые подобному стилю общения — взять хотя бы «с удовольствием заполучили бы». Так могли сказать птички-азанни, свайги, или даже люди. Но не Рой. Или это переводчики пытаются придать лексике Роя видимость эмоциональной окраски? Хотя, нет, Рой обходится без

переводчиков. Язык Роя никто, кроме самого Роя, не понимает. Интересно — найди крейсер Ушедших не свайги, а Рой, узнали бы об этом остальные союзники?

Компетенции Наз Тео не хватало, чтоб ответить на подобный вопрос. Наз встопоршил чешую на плечах, выражая неутоляемое сожаление. Тут кто-то говорил о щелях узкой специализации, якобы губительных для некоторых видов? Так вот, на Галерее эта узкая специализация процветает. В своей области Наз — повелитель и творец. Но стоит шагнуть вправо или влево, отклониться от доверенного направления хоть на самую малость, как тут же тебя обволакивает предательская тьма глубины, и бесконечные «Почему?» вязнут в этом осязаемом плотном мраке, оседают навеки где-то за гранью видимости. Обидно. Но выхода, как ни изощрайся, иного нет. Либо специализация, либо дикость, что бы не утверждали догматики Галереи.

Слово взяли правители цоофт — крупных, крупнее свайгов, птиц, утративших способность к самостоятельному полету еще в доразумный период. Цоофт сильно изменились с тех пор. Они совершенно лишились перьев, у них вдвое возрос объем черепной коробки, но, конечно же, сильнее всего изменились бывшие крылья. Теперь это стали руки — настоящие четырехпалые руки, пригодные для тончайших манипуляций. Другие птицы — азанни — умели летать и поныне, и их полуруки-полукрылья казались Наз Тео куда менее приспособленными для созидания. Что до Роя и а'йшей — тут разговор вообще получался особый. Рой, как сообщество квазинасекомых, лепил рабочие особи в соответствии с сиюминутными потребностями. А а'йеши вообще могли поставить в тупик кого угодно — они скорее являлись сложными кристаллами, чем органическими растворами. Ведь в сущности что есть живое существо? Вода плюс органика, и все это достаточно сложно организовано. Исключение — а'йеши, да еще, наверное, нетленные.

Предводитель боевых флотов, угол триады, цоофт в оранжевой накидке по имени Моеммиламай, защелкал и засвистел в восьмерках восьмерок световых лет от Галереи; синхронно на Галерею стали транслировать перевод.

— Цоофт согласны с пожеланием Роя. Нельзя терять время, пора приступить к изучению корабля. Люди — не проблема, а если кто-нибудь считает иначе, цоофт могут выделить подразделение штурмовых кораблей и в течение короткого времени свести следы пребывания людей на планете исключительно к развалинам и исключительно к трупам.

— В этом нет необходимости! — торопливо сказал вершитель Гурос и обернулся к остальным свайгам. — Я полагаю, Галерея меня поддержит хотя бы в этом вопросе. Ни к чему поднимать излишний шум.

Первый-на-Галерею жестом подтвердил мысль Гуроса:

— Галерея действительно поддержит тебя, вершитель Гурос. Но только касательно истребления людей. Незачем тратить силы и энергию на дикарей. Они не в силах нам помешать. Корабль Ушедших нужно вывести из атмосферы, а поверхность планеты, дом людей, нас в общем-то и не интересует.

— Кто возьмется вывести находку в космос? — поинтересовался Рой.

— Свайге, по праву приоритета. Галерея согласна с претензией уважаемых союзников на равноправное изучение механизмов и энергоносителей найденного корабля. Как только он окажется в околопланетном пространстве, можно будет начать обсуждение стратегии осады.

— А что мешает начать обсуждение уже сейчас? — впервые подали голос а'йеши. — Наша диагностическая аппаратура позволяет уточнить любую информацию — от состава обшивки до распределения энергопотоков. Просьба к представителям цоофт, азанни и свайге: немедленно допустить к обсуждению специалистов-техников.

Наз согласно шевельнул кончиком гребня по вертикали — у а'йшей по традиции правит техническая элита. Рой — есть Рой, он един, несмотря на то, что состоит из многих особей. А вот у остальных трех рас политикам действительно лучше отойти на второй план, сделаться наблюдателями.

— Галереей Свайге предложение принято. Вершитель Сенти-Ив, подключайте группу поддержки и сопровождения.

Сенти-Ив, глава ученых и инженеров, послушно развел руки в стороны и забормотал в пристегнутый к мундиру коммуникатор.

— Цоофт присоединяется; наша исследовательская группа готова приступить к работе. Попутное замечание: цоофт согласны взять на себя патрульные функции в системе и в атмосфере планеты. Во избежание любых неожиданностей. Кроме того, нам представляется разумным держать экипажи боевых кораблей в состоянии оборонительной готовности по сетке два. В случае неприятностей находку придется защищать.

«Цоофт демонстрируют миролюбие, — понял Наз Тео. — Предупреждая непредвиденную стычку между союзниками. Предлагая держать корабли в готовности, они как бы сообщают всем, что нападать первыми не собираются, ибо тогда предложение выглядело бы глупым и проигрышным. И в то же время дают понять, что готовы дать отпор в любую секунду.»

Рой бесстрастно вставил реплику:

— Поддержка всех высказанных предложений. Рой готов.

— А от кого придется защищать находку? — проворчал неугомонный П'йи. — Если от Ушедших, то от нас в итоге не останется даже облачка атомов.

— Если верить древним преданиям, — уточнил вожак-азанни, который звался Парящий-над-Пирамидами. Он тоже находился во многих световых годах от Галереи, как и правители всех остальных рас. За исключением, разумеется, Роя, который все время находился везде и нигде одновременно. — Если верить преданиям. А стоит ли им верить, мы скоро узнаем. Что до нас — мы тоже поддерживаем все выдвинутые предложения и в свою очередь предлагаем помощь цоофт в патрулировании. К примеру, атмосферу и поверхность планеты мы можем взять на себя. Цоофт же останется ближний космос и сканирование за барьером.

«Цоофт согласятся, — подумал Наз Тео с уверенностью. — Во-первых согласие продемонстрирует всем открытость и готовность к сотрудничеству. А во-вторых, две птичьих расы всегда ладили между собой заметно лучше, чем с остальными членами союза. Жаль, что рептилии представлены среди разумных лишь нами...»

Цоофт действительно согласились. И еще — порекомендовали взять на контроль и единственную взлетно-посадочную площадку людей рядом с самым крупным поселением, да и само поселение тоже. Вернуть все взлетевшие с планеты регулярные звездолеты, а встреченные мелкие корабли просто уничтожить. В целях профилактики. Изоляция — полная изоляция человеческого мирка, пока ситуация с кораблем Ушедших не прояснится — иного пути нет. Азанни-вожак, Парящий-над-Пирамидами, немедленно отдал соответствующие приказы офицерам флота — все союзники видели и слышали это. Галерея Свайге тотчас предоставила союзникам все доступные сведения о космической технике людей — ведь фактически никто не сталкивался с людьми так плотно, как раса рептилий. Корабли свайгов даже появлялись на материнском мире людей. И даже не однажды.

Два легких крейсера, способных садиться на планеты и вести бои в атмосфере, величаво отделились от плотного строя флота азанни. Их сопровождали несколько линейных рейдеров, которым предстояло остаться на орбите.

Крейсер Ушедших продолжал неподвижно висеть над островком, что затерялся в безбрежном океане. Но Наз Тео, дитя пространства, привычно считал его не неподвижным, а обращающимся вокруг планеты с угловой скоростью, равной скорости суточного вращения.

Считать корабль на стационарной орбите неподвижным — удел дикарей, прикованных к своему миру.

Удел таких, как млекопитающие.

Как люди.

9. Михаил Зислис, оператор станции планетного наблюдения, Номо, планета Волга.

«Смену сегодня хрен дождешься», — мрачно подумал Зислис и с неудовольствием покосился на Бэкхема.

Все телеметристки сбежали вслед за Суваевым — правда, сам Суваев вскоре вернулся. Бэкхем смерил его негодующим взглядом, но смолчал. А Суваев, беззаботно насвистывая, уселся на свое место и перевел телеметрию на себя, раз уж вернулся.

— Ну и переполох в городе! — сообщил он, как ни в чем не бывало. — Директорат в полном составе плюс семьи погрузился на лайнер — тот, что недавно у Офелии отсудили. Давка там была — страсть.

— Ну, своих-то ты пропихнул, — не сомневаясь, сказал Веригин.

— Да уж постарался, — вздохнул Суваев. — Только, не думаю я, что лайнер сумеет улететь.

Голос его сразу стал жестким.

— Почему это? — оживился в своем углу Зислис. — Зачем им пассажирский лайнер, чужим?

— Не знаю, — Суваев неуютно передернул плечами, отчего Зислису захотелось сделать то же самое. — Предчувствие.

— Взлетают! — пробормотал Бэкхем, глядя в полевой монитор.

На канале без устали тараторили десятки голосов — кто-то с кем-то ругался, кто-то кого-то умолял, кто-то нудным голосом требовал некоего инженера-консультанта Самохвалова из директората. Зислис перестал обращать внимание на этот нестройный гул еще час назад.

— Сколько сейчас чужаков на орбите? — спросил Суваев. — Много, поди?

Бэкхем не ответил — только губу выпятил.

— Сотни три, — Веригин подышал на стеклышко часов и принялся полировать его манжетой. — Разных. Побольше, поменьше. Я насчитал четырнадцать типов.

В гул голосов на канале вплелась предупредительная сирена.

— Лайнер пошел... — продолжал бормотать Бэкхем.

Два грузовоза взлетели несколько раньше; сейчас они должны были начинать разгон. Но разогнаться им, видно, было не суждено: Суваев, занявшийся телеметрией, вывел на диаграмму свежие данные. К двум точкам-грузовозам быстро приближалась продолговатая черта — корабль чужих. В некотором отдалении следовал еще один. Суваев сноровисто тасовал схематичные изображения телеметрии и живые картинки со спутников. Постепенно две черточки превращались в округлые пятнышки — крейсеры, формой напоминающие спортивные диски, разворачивались с ребра на плоскость.

— Это легкие крейсеры азанни, — со знанием дела сообщил он. — Причем, стратегические крейсеры, они могут садиться на планеты земного типа.

Он помолчал несколько мгновений, и вдруг спросил:

— Миша, а ты с семьей попрощался?

— У меня нет семьи, — проворчал Зислис. — Ты что, не знаешь?

Суваев озадаченно хмыкнул.

— Слушай, — спросил Зислис с неожиданным интересом. — А откуда ты так хорошо знаешь корабли чужих? Я, вот, ни в жизнь бы не понял, что это крейсеры азанни. Кто они вообще такие — азанни?

— Птички, — пояснил Суваев. — Небольшие такие, с индейку.

Суваев умолк; Зислис продолжал с нажимом глядеть на него.

— У меня дед работал на Земле в конторе, которая занималась инопланетянами. Тогда это еще представлялось важным и секретным. Потом все развалилось, а дедовский архив остался отцу. Отец перебрался на Волгу, архив захватил с собой. А потом я на него наткнулся, в промежутке между компьютерными играми. Еще пацаном...

Суваев вздохнул.

— Но это все ерунда. Меня другое поразило, когда я понял.

Зислис был уже вполне заинтригован.

— Что?

Веригин, и даже Бэкхем глядели на Суваева и слушали, затаив дыхание. Суваев знал о чужих поразительно много. Преступно много.

— Архив все эти годы пополнялся, — сказал Суваев ровно. — Сам собой. Я заметил это, когда увлекся кораблями чужих. В каталоге все время появлялись новые типы, а на некоторые падал служебный гриф «устарел».

Веригин подозрительно прищурился.

— Слушай, Паша... А ты не сочиняешь, а?

Суваев уныло пожал плечами.

— Мне никто не верит. Никогда. Кажется — зря.

Тем временем на диаграмме происходило следующее: переднее пятнышко, в котором Суваев опознал крейсер чужих, исторгло облачко точек. Точки быстро рассыпались, охватывая грузовозы правильной полусферой. Двигаясь быстро и слаженно, они заставили грузовозы изменить направление полета, потом снова изменить — и скоро оба волжских корабля уже не удалялись от планеты, а приближались к ней. А крейсер пошел на перехват лайнера — тот как раз выходил за пределы атмосферы. Второй крейсер пассивно ожидал в отдалении, продолжая медленно дрейфовать к Волге.

— Это еще что за блохи? — пробормотал Веригин. — А, Паш? Что скажешь?

— Это истребители. Одноместные. Для боя в ближнем космосе.

Веригин чмокнул губами и некоторое время задумчиво созерцал точки на диаграмме. Суваев лениво переключал на своем экране сигналы с разных спутников. Потом оживился.

— О! Глядите! Точно — это одноместные корабли-истребители подчиненного класса. Любой крейсер-матка несет их несколько тысяч.

Продолговатый, похожий на каплю предмет мелькнул на экране Суваева; тот переключился на запись, отмотал кадры назад, и зафиксировал истребитель в неподвижности. Действительно, капля, с несколькими небольшими выростами по

бокам. Никаких стабилизаторов или чего-нибудь похожего — чужие строили корабли по чужим принципам. Зислис, жадно глядящий в экран, с сожалением вздохнул. В эфире продолжалась суматоха, только теперь там царила еще большая сумятица, чем перед взлетом — панические передачи с грузовиков и лайнера сделали свое дело. Чужие принуждали корабли к посадке назад, на космодром. И людям ничего не оставалось делать, как подчиняться.

— То-то директорат сейчас в штаны наложил! — злорадно заметил Веригин.

— А ты бы не наложил? — спросил Бэкхем, как показалось Зислису — ревниво.

Веригин честно признался:

— Да и я бы, наверное, наложил... Такие махины!

— Да не очень-то они большие, — проворчал Суваев. — Истребители-то. Метров по десять-двенадцать, не больше.

— Я о крейсерах, — вздохнул Веригин.

— Но лайнер наш даже истребители, поди, сожгут и не почешутся... — Зислису страшно захотелось закурить, но сегодняшнюю сигару он уже выкурил. Час назад. Прямо здесь, в зале. Правда, сначала по полу ее повалял, как ребенок врученный родичами гостинец.

Веригин продолжал любопытствовать:

— А о самих чужих ты что-нибудь знаешь? Какие они? Их что — несколько разновидностей? Я думал — только свайги...

— Не-е-е! — сказал Суваев. — Не только. Свайги — ящеры, это почти всем известно. Кроме них есть азанни — мелкие птицы и цоофт — крупные птицы, вроде страусов. Есть еще Рой — это семья гигантских насекомых, и а'йеши — создания, которые живут в сильном холоде, минус сто по Цельсию для них самое то. Я не вполне разобрался, но мне кажется что это неорганическая жизнь.

— И кто с кем воюет? Птички с этими... холодильниками?

В Веригине неожиданно проснулось жадное любопытство. Он не знал — верит в рассказ коллеги или не верит. Но слушать было до жути интересно.

— Нет, — Суваев замотал головой. — Все пять разновидностей чужих давным-давно заключили союз. А с кем они воюют — архив умалчивает. По-моему, с пришельцами вообще черт-те откуда — чуть ли не из-за пределов галактики.

Зислис задумчиво вздохнул:

— Это какие ж корабли надо строить, чтоб перемахнуть в соседнюю галактику... Невольно он передернул плечами, представив себе эту бездну — миллионы световых лет пустоты. Там ничего нет — даже звезд, даже межзвездной пыли. Хотя, кто из людей может знать хоть что-нибудь определенное о межгалактической бездне? Разве что, чужие знают, они, по крайней мере, там бывали...

— Заходят на посадку, — Бэкхем встрепенулся. — Быстро они что-то!

Оба грузовоза и лайнер уже валились на поле космодрома; причем снижались они слишком стремительно. Стремительнее, чем полагалось таким кораблям. А следом снижалась громада крейсера — необъятный, в полнеба, диск.

— Утренний, самый первый, был куда больше! — заметил Веригин неуверенно. — Кстати, Паша! Чей это был корабль? Насекомых?

Суваев поднял на Лелика Веригина ничего не выражающий взгляд.

— Я не знаю. О таких кораблях в архиве ни слова не говорилось.

— Может, это враги? Враги наших чужих, из другой галактики? — предположил Зислис.

Бэкхем фыркнул; Веригин удивленно покосился на Зислиса.

— Ну, ты сказанул! наших чужих! — и он хихикнул, но получилось как-то жалко и неубедительно.

— А что? — Зислис ничуть не смутился. — Разве это не так? Мне чужие из своей галактики как-то милее... Даже эти... низкотемпературные. Нутро подсказывает.

— А мне нутро подсказывает, — пробормотал Суваев. — Что разнесут Волгу на кварки к чертям свинячьим. Невзирая на наше присутствие.

— Зачем же они тогда лайнер сажали? Жгли бы прямо в космосе, и никакой мороки. Чисто и гигиенично. Вакуум не щадит...

Веригин вдруг вспомнил, что на лайнере находится жена и дочь Суваева и осекся.

— Почему ты не улетел? — спросил вдруг Бэкхем Суваева. — Бросил пост, побежал спасать семью, и вдруг вернулся. Я не понимаю.

— Что тут понимать? — Суваев пожал плечами. — На лайнер я их пропихнул за бабки. Мне места уже не оставалось. Да и какая разница где подыхать — здесь, или в космосе? Здесь хоть дышать можно до самого конца.

— Что-то настроение у тебя чересчур мрачное, — Зислис вздохнул и добавил: — Впрочем, у меня тоже.

— Действительно странно, — Веригин неопределенно повертел ладонями перед лицом.

— Не находите, а? Весь космодром попытался дать деру, только на наблюдении четверо балбесов остались.

— Эти четверо балбесов в лицах пронаблюдали, как всех давших деру профилактически ткнули мордами в песок, — глубокомысленно изрек Зислис и прицелился пальцем в расчерченный на квадраты потолок. — Мораль: сиди на месте и не трепыхайся. Все произойдет само-собой.

— Слушайте! — спохватился вдруг Веригин. — А что наша старательская семерка? У них же тоже есть корабли!

Суваев равнодушно повел плечами:

— Это ж старатели. Небось, половина хозяев-летунов уже перестреляна веселыми ребятами из «Меркурия» и теперь ребята выясняют кто же из них умеет управлять звездолетом. Да только зря все это — чужие и им не дадут уйти. Вон, сколько добра на орбите. Крейсера на любой вкус.

— Надо бы их волну послушать...

— Чью? Крейсеров?

— Старателей-звездолетчиков, балда!

— А зачем?

— А затем, — пояснил Зислис, — что у меня там друзья.

— Среди старателей? — удивился Веригин. — Это ж сброд, отребье.

— Дурень ты, Лелик, — спокойно сказал Зислис. — Они такого же мнения о горожанах и директорате. Хотя, отребья среди старателей действительно хватает, если уж совсем начистоту.

Веригин не стал возражать.

А грузовозы и лайнер могучая неведомая сила уже опустила на летное поле, опустила аккуратно, без перегрузок и болтанки. Гигантский, похожий на кристалл под микроскопом, крейсер чужих завис над космодромом, накрыв окрестности невидимым колпаком силового поля, а стая истребителей снизилась почти до самой травы и порскнула в разные стороны, разлетаясь прочь от космодрома.

Из посаженного лайнера вышли люди, опасливо взирая на небо. Точнее, на громаду, заслонившую небо. Матери прижимали к себе детей. Мужчины бессильно скрипели зубами.

Спустя четверть часа второй крейсер завис над Новосаратовом.

— Начинается... — пробормотал Бэкхем.

— Не начинается, — поправил его Суваев. — Продолжается. Началось все утром.

Он встал и направился к выходу.

— Пойду, отыщу своих... — сказал он и на этот раз начальник смены даже не пытался его задержать.

— Пошли и мы, что ли? — спросил Веригин. — Чего здесь сидеть? На космодроме теперь новое начальство, и мы ему не нужны.

Он многозначительно покосился в окно, туда где застила небо Волги чудовищная тень. Похожая на кристалл под микроскопом.

— Ты иди, — Зислис потянулся к пульту. — Я все-таки старателей послушаю.

Веригин выбежал вслед за Суваевым. А потом медленно и неохотно, словно стыдясь собственного малодушия, зал покинул Стивен Бэкхем.

Михаил Зислис остался на посту станции наблюдения в полном одиночестве. Впервые в жизни.

10. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга.

— Ну, — спокойно, даже как-то буднично спросил Костя. — Куда будем прятаться? Под купол? Или в звездолет?

Я мысленно застонал. Попробуй, выбери! Скорлупку свою бросать — да ни за что! Но и оставаться в ней опаснее, чем в жерле ожившего вулкана. На починку привода уйдет при самом удачном раскладе не менее четверти часа, а за это время вездеходы десять раз приблизиться успеют. А там — если среди гостей найдется знающий человек — «Саргасс» можно лишить летучести и снаружи. По закону подлости, человек такой, конечно же, найдется.

— Ладно, — решил за меня Костя. — Я пойду в купол. Они наверняка подумают, что мы оба в корабль спрятались. А в куполе у меня бласт есть...

И он, не дожидаясь моего согласия, развернулся и потрусил к шлюзу, стараясь, чтобы между приближающимися вездеходами и им оставался покатым блин корабля. А я нырнул в коридор и задраил люк. Свернул в тупичок, прихватил сумку с инструментом да коробку с тестером, и вошел в рубку.

Вездеходы пылили уже совсем рядом.

Я втянул голову в плечи, содрал с гравираспределителя серебристый кожух и углубился в ремонт, стараясь не оглядываться на обзорные экраны.

Довольно быстро я докопался до причины неполадок — сместилась пластина спин-разводки, разводка несколько циклов шла несимметрично, и как следствие вдрызг расстроился гравиподавитель. А пока не включен подавитель, искусственное поле не возникнет. Пластину я поправил и закрепил сразу же, осталось правильно настроить подавитель, а это часа три, если никто не станет мешать.

Мне мешали.

— Эй, на корабле! — крикнули снаружи. Я скосил взгляд, не желая вытаскивать руки из недр механизма разводки. Кричал крепкий мужчина в кожаной куртке, джинсах, остроносых сапогах и широкополой шляпе. В руках мужчина держал мощный двухпоточный бласт с прикладом — не чета даже моему зверю. Подле кричавшего, мрачно сжимая такие же прикладные бласты, только однопоточные, стояло с пяток крепких ребят помоложе, похожих, как шахматные пешки. С виду все смахивали на старателей откуда-нибудь из захолустья; вероятно, так оно и было на самом деле. За спинами первой шеренги прошла еще пара вооруженных людей — эти направлялись ко входу в купол. А краем глаза я заметил любопытную детскую рожицу, высунувшуюся в полуоткрытую дверь одного из вездеходов, и явно женскую руку, что втащила рожицу внутрь прямо за вихры.

— Эй! Ответьте, черт, поberi!

Я неохотно оторвался от ремонта и сел в кресло у пульта.

— Ну?

— Нам нужен корабль. Вы возьмете нас на борт, и мы вместе уберемся с Волги куда подальше.

— А сколько вас? — поинтересовался я на всякий случай.

— Три семьи. Девятнадцать человек, плюс дети.

— Корабль шестиместный, — проворчал я. — И не резиновый, если вы не в курсе.

— Ничего, поместимся, — не допускающим возражений тоном процедил оратор в шляпе.

— У нас есть припасы на несколько недель.

— А куда вы хотели бы попасть? — спросил я зачем-то. Словно это имело хоть какое-нибудь значение.

— Куда угодно. Лучше всего, конечно, на Офелию, но можно и на любой рудник Пояса Ванадия. Сейчас выбирать особо не приходится, не так ли, приятель?

— Я тебе не приятель, — буркнул я неприветливо. Да и с какой стати любезничать?

В общем, я уже понял, что это за публика. Слава богу, это не головорезы вроде Плотного с друзьями. Действительно, старатели из глуши, из глубины каспийского массива. В Новосаратове и на космодроме поднялся шухер, вот они и всполошились. Пытаются спастись, вывезти семьи. Но, черт возьми, если такой вот прочнее прочного укоренившийся на дальних заимках люд срывается с насиженного места, на то должна быть веская причина! Чужие чужими, но пока подобным провинциалам задницу не опалит, они и не почешутся.

Как бы их отослать куда подальше? Ну не вывезет «Саргасс» такую ораву, обогатители не справятся, задохнемся, как мыши запаянной колбе. Но попробуй донести эту простую истину до долдона с двухпоточным бластом и его тугодумов-сынков! Влип ты, дядя Рома, на ровном месте. И стрелять, вроде бы, негоже, и убратся тебе с Костей не дадут. Миром, по крайней мере.

Тут из купола показался Костя в сопровождении трех ребятишек с пульсаторами. Видно, решил что единственного бласта будет маловато. Ребятишки, то бишь карьерные роботы с насадками для дробления монолитной породы посредством направленных микровзрывов, при умелом управлении таких дел наделать могут, что держись-закапывайся. И гости это, похоже, прекрасно знали. Точно, старатели! Костя, игриво помахал пультом.

— Привет, коллеги! Проблемы какие-нибудь?

Предводитель пришлых мало смутился, но наглости у него заметно поумерилось.

— Мы хотим улететь с Волги. Вот, договариваемся, — объяснил он Косте.

— Этот корабль во-первых мал для вашей группы, а во-вторых уже занят. Ищите спасения в другом месте, — сказал, как отрезал Костя. Умеет он говорить убедительно. Даже завидно, ей-право!

Я отвлекся было, но тут пискнул радар-искатель. В небе над Астраханью, на востоке, быстро перемещались две точки, оставляя за собой могучие инверсионные следы — белые, быстро расплзающиеся струи на фоне пронзительной голубизны. Сначала они равномерно ползли на запад, вглубь материка, потом качнулись, изменили курс, и стали быстро снижаться.

Прямо к заимке.

Я выругался. Патрульные ракетопланы, что ли?

Но это оказался не патруль. Два уплощенных аппарата, отдаленно напоминающих формой скутер-крыло, пронесли над заимкой и быстро пошли на разворот.

И тут мое пресловутое чутье скомандовало мне: рви отсюда, дядя Рома! Куда угодно! Да поживее, поживее!

Я вскочил, бросил на пол инструмент и кинулся к выходу. Люк еще не успел толком зафиксироваться в открытом положении, а я уже нырнул наружу головой вперед, упал в пыль, перекатился и припустил бегом к куполу. Я успел увидеть круглые Костины глаза, намалеванные рожицы на корпусах ребятишек-роботов, и тут сверху сплошным потоком полился огонь. Кто-то страшно закричал, стораю заживо, спину мне ошпарило, а потом я рухнул за выступ купола у самого шлюза, на меня плюхнулся Костя, больно заехав пультом в висок, но эта боль меркла перед жаром, который жрал нас, жрал, и все не мог проглотить.

А потом все кончилось — сразу и вдруг. Жар отступил. Нестерпимо воняло паленой органикой.

Над нашей спасительной щелью заклинило косой обломок с рваными краями — я узнал его, едва взглянув. Это был кусок обшивки «Саргасса». Самое странное, что он остался холодным. Будто и не было никакого жара минуту назад.

Костя пошевелился, чертыхнулся сквозь зубы, и ударом ноги сшиб обломок на землю. Встал. Следом поднялся и я.

Кулаки сжались у меня сами собой, а на глаза навернулись предательские слезы.

На месте моего верного кораблика, моего трудяги-«Саргасса» чернела безобразная воронка, полная искореженных железок, в которых узнавались как останки звездолета, так и останки парочки вездеходов. Рядом с воронкой, совершенно неповрежденные, валялись двухпотоковый бласт и широкополая шляпа предводителя старателей. Самый дальний от воронки вездеход не разорвало на части — его просто отшвырнуло на купол, запрокинув набок, гусеницами скорее кверху, чем наоборот, и внутри вездехода сейчас кто-то гнусаво хныкал.

Между воронкой и куполом тремя оплавленными комками торчало все, что осталось от горняцких роботов.

В стороне поднялся один из пяти старательских сыновей-пешек. Бласти в руках у него уже не было, а лицо сделалось совершенно очумелым.

А в голубом небе Волги, виляя инверсионными хвостами, уходили прочь два истребителя чужих. Они явно не собирались совершать еще один заход — заимка им была неинтересна. Звездолет сожгли — и убрались. Наблюдение это отложилось куда-то на самое дно сознания.

С минуту я отрешенно тарасился на обломки. Потом зачем-то подобрал бласт.

Уцелевший старатель тотчас поднял руки и испуганно поглядел на меня. В вездеходе продолжали хныкать.

Костя опомнился первым — заглянул, пригнувшись, внутрь вездехода. Откинул до отказа дверцу и запустил руки в кабину. Оттуда он вытащил мальчика лет четырех, зареванного и перепачканного в крови. Но кровь, похоже, не его — малец остался целехонек, просто был напуган дальше некуда.

Я подошел, заглянул тоже. Женщина внутри вездехода просто не могла остаться живой — ее поза совершенно это исключала. Сомневаюсь, что у нее уцелел позвоночник.

— В дверь ее не вытащить, — сказал Костя без выражения. — Давай-ка попробуем поставить его на гусеницы.

Мы уперлись спинами в теплый бок купола и налегли что есть силы.

— Давай сюда, чего пялишься? — гаркнул Костя на очумелого старателя и тот послушно подбежал и тоже налег, хотя я заметил, что он осторожно косится на брошенный мною папочкин двухпотоковый бласт.

Вездеход, тяжелый, зараза, как вырезанный пласт руды, все же поддался, нехотя перевалился через правую гусеницу, и встал как положено, некоторое время покачавшись на амортизаторах. Костя тут же сунулся в кабину. Женщину он взял на руки, но мне показалось, что он держит тряпичную куклу, а не человека.

— Мама, — тихо сказал малец, размазывая по лицу грязь и кровь. Странно, но он не заревел снова, хотя я видел, что из глаз его все еще катятся слезы.

— Все, пацан, — глухо сказал я. — Мамы у тебя больше нет. И остальных, если были, тоже нет.

Я знал, что это жестоко. Но сжукать я просто не смог.

— Эй, ты! — я обернулся к уцелевшему старателю. — Да перестань ты на пушку пялиться! Никто в тебя стрелять не собирается, если не заслужишь. Это твой

родич? — я кивнул на окаменелого пацана, неотрывно глядящего, как Костя уносит мертвую мать.

— Сосед, — отозвался старатель нетвердым голосом. — Сынишка соседский.

Кажется, он так и не поверил, что в него не собираются стрелять.

Изломанную женщину Костя оставил на краю воронки. И вернулся ко мне.

— Зачем они это сделали, хотел бы я знать... — пробормотал он. — Как ты думаешь? Я пожал плечами. Что тут ответишь? Война... Не дурацкая перестрелка в «Меркурии» или на атакованной заимке. Большая война. С крейсерами и звеньями истребителей в небе.

Но что плохого мы сделали чужим? Или это по-прежнему из-за красной кнопки и явившегося корабля?

Тогда эти люди на твоей совести, дядя Рома. Вот этот пацан, в одночасье ставший сиротой — на твоей совести. Что ты будешь делать дальше?

Усилиям воли я отогнал черные мысли. Не время. Может мне и суждено когда-нибудь раскаться. Но не сейчас, это точно.

Что же дальше? Корабля у меня больше нет. Старатели по всему континенту, скорее всего озверели, и помощи ждать неоткуда. Только от Юльки или других летунов. Но как им дать знать о себе? Юлька убеждена, что я уже вытащил Чистякова Костю и в данный момент пытаюсь разузнать что с Риггелем.

— Костя, — спросил я. — У тебя связь-станция космодромную волну берет?

— Берет, — ответил Костя, и я сразу оживился. Хотя в этом повезло. Если берет космодромную волну, значит и наш график возьмет. Наш график — волну, которую слушают старатели-летуны.

— В куполе? — справился я, нацеливаясь на вход.

— Ну, а где же еще?

Рядом со шлюзом валялся обломок, который прикрывал нас с Костей. В стороне темнели в рыжей пыли еще два. Дасфальт был усеян мелкой керамической крошкой, осыпавшейся с внешней обшивки «Саргасса». Я зло скрипнул зубами. Все, дядя Рома. Ты теперь не летун. Проворонил, тля, батин корабль... Семейную реликвию, которой просто не было цены. Во что она теперь обратилась? В грудку обломков да в керамическую крошку на дасфальте?

Разиня.

Я потряс головой. Не время казнить. Да и не помочь теперь никакими стенаниями и укорами.

Костя рядом со мной быстро набрал входной код на сенсор-панели рядом со шлюзом. У самой панели сверхпрочный спектролит был вмят, словно тонкая жесть. Но все же купол выдержал, не раскололся.

Под куполом было прохладно и почти не воняло горелым. Только от нас самих. Старатель, подхвативший на руки пацана, вошел тоже и притих у самого шлюза. Растерянное выражение все не покидало его лицо. Кажется, парень не блистал особым умом. А если когда-то и имелись к этому какие-нибудь предпосылки, они погибли, скорее всего, в раннем детстве при посредстве папашиного диктатора. Я тяжело опустился в кресло перед пультом; Костя оживил комп и вытащил на консоль программу управления связью. Как и я, Чистяков не любил графические интерфейсы, и манипулятор-мышь у него чаще без дела скучал на пульте. Зато клавиатура была потертая и заслуженная, под стать моим, что в куполе, что на «Саргассе»... второй, впрочем больше нет. Да и первой, наверное, тоже, после визита банды Плотного.

Хорошая, словом, у Кости была клавиатура.

И правильно. Старая добрая командная строка и двухстолбцовые окошки «Миднайт командера» — что может быть лучше? Не дурацкие же иконки в псевдообъеме, в которые нужно тыкать курсором...

Выставив частоту, я подтянул к себе микрофон на тонкой хромированной подставке и переключил звук на внешний громкоговоритель.

На волне космодрома было тихо. Такое впечатление, что службы наблюдения и диспетчерская обезлюдели. И переговоров кораблей не слышно. Я вспомнил, что сотворили истребители чужих с несчастным «Саргассом», и стиснул зубы. Если бы мне сказали, что в окрестностях Волги не осталось больше ни одного человеческого звездолета, я бы поверил. И ничуть не удивился бы.

Тогда я настроился на наш график, и сразу же услышал низкий голос Курта Риггелда:

— ...стоит, мне кажется. Не мальчик, разберется сам.

— Он обещал все время слушать волну! — с наименьшим облегчением я узнал голос Юльки отчаянной. — Что-то случилось, я чувствую.

— Погоди, — остановил ее Риггельд. — Кажется, кто-то подключился. Слышала?

— Рома, ты? — с надеждой спросила Юлька, и от этой ее надежды в голосе у меня даже слегка защемило где-то в области сердца.

Черт возьми, приятно сознавать, что о тебе волнуются! Что ты кому-то нужен. И вдвойне приятно — когда волнуется женщина, которая и тебе самому небезразлична.

— Я, — отозвался я; почему-то голос у меня прозвучал очень устало.

— Ты цел? — спросила Юлька.

— Я-то цел...

— Урод! — сердито перебила Юлька. — Wo treibst du dich herum? Ты же обещал отвечать сразу, Hol dich der Teufel!

Когда она сердилась или волновалась, она часто переходила на немецкий.

— Я не мог ответить, — по-прежнему устало объяснил я.

— Почему не мог? Ты где?

— У Чистякова на заимке.

Юлька рассердилась.

— Мы же договорились: ни минуты лишней на поверхности! Взлетай немедленно!

— Юля, — сказал я как можно спокойнее. — Я не могу взлететь. «Саргасса» больше нет.

Юлька соображала что к чему долгие пять секунд.

— То есть... как это нет?

— Чужие сожгли. Прямо на земле, около заимки. Я еле успел убраться в сторону.

— Чужие? — я почувствовал, как Юлька напряглась. — Они что, уже начали активные действия?

— Получается — да. И на космодроме тишина. Да и есть ли он еще — космодром?

— Я связывалась минут десять... нет, уже больше. Минут пятнадцать назад. Чужие посадили все взлетевшие корабли — наши корабли я имею в виду — а над космодромом завис здоровенный крейсер. Другой завис над Новосаратовом. Но они ничего не жгли, мне Зислис сказал.

— Зислис? Он что, еще тут? А, ну да, корабли ведь вернули...

— А он куда и не летал, — сообщила Юлька. — Сидел на наблюдении с Веригиным и этим американером... как его...

— Бэкхем, — подсказал молчун-Риггельд, и снова умолк.

— Ага, точно. Суваев еще с ними был одно время, потом ушел.

Юлька растерянно вздохнула.

— А Костя с тобой?

— Со мной. И еще тут один типчик... — я покосился на шлюз. Старатель с пацаном на руках изваянием маячил на фоне серой оболочки купола. — Точнее, даже не один. Полтора.

Юлька не стала уточнять — о чем я. Умница она, Юлька.

— Надо вас вытаскивать, — протянула она задумчиво. — «Саргасс» уже не починишь?

— Юля, — терпеливо сказал я. — «Саргасса» больше нет. Вообще нет. Из обломков даже шалаш не сложишь. И, между прочим, истребители, которые его сожгли, пошли в сторону заимки Курта. Эй, Курт, ты слышишь?

— Слышу, — отозвался Риггельд. — Только я не на заимке. Не на основной, точнее. Я на островке. Архипелаг Завгар знаешь?

— Это в южном полушарии, что ли? За Землей Четырех Ветров?

— Да.

«И у Риггельда есть левые рудники, — отметил я машинально. — Ну почему эта дурацкая шкатулка попала именно мне?»

Я спиной чувствовал взгляд старателя и его малолетнего соседа. Если бы не я — сидели бы они сейчас по домам, занимались бы привычным. У мальчика мать здоровствовала бы. У этого долдона — братья и отец, какой уж ни есть. Одно нажатие кнопки — и все кувырком. Как причудлив мир!

И как беспощаден.

— Юлька, — сказал я. — А ведь полеты сейчас опасны. Кто знает, сколько чужих истребителей сейчас рыщет в небе над Волгой? Сколько крейсеров торчат на орбите? Они, поди, и с орбиты тебя пожечь могут, что им стоит?

— То есть? — спросила Юлька недоуменно. — Ты намекаешь, чтобы я вас бросила?

Я промолчал.

— Рома, — сказала Юлька ласково. — Я тебе при встрече челюсть на сторону сворочу. Понял?

Я опять промолчал.

— Сидите на заимке, и никуда. Ясно? — велела Юлька сердитым голосом.

— А если чужие начнут жечь и заимки? Тоже сидеть? Савельев и Чистяков запеченные под куполом, подавать с зеленью и белым вином... — я сокрушенно вздохнул.

Ну, вот опять. Начинаю нести всякую околесицу, когда нужно думать, думать, и еще раз думать. Почему-то мое хваленое чутье помогает и подсказывает только когда враг рядом и готов в меня выстрелить. А вот в... э-э-э... долгосрочном планировании — помогать отказывается наотрез. Обидно, честное слово!

Тут на графике прозвучал характерный щелчок — включился еще кто-то.

— Ау! — позвал новый голос; я сразу распознал голос Смагина.

— Ну? — отозвалась Юлька.

— Никто только что частоту патруля не слушал? — осведомился Смагин. Голос его звучал странно и необычно, и я не сразу понял, что голос дрожит. Смагин был напуган и растерян.

— Нет, а что?

— Я слушал переговоры — пара патрульных ракетопланов завидела корабль Василевского, и пыталась его вызвать. «Хиус-II» отмолчался. Потом вблизи объявились истребители чужих. И все — канал очистился. Тихо, как в могиле. «Вот именно, — подумал я. — В могиле. Очень метко подмечено.»

Не нужно было обладать развитым воображением, чтобы понять суть произошедшего. «Саргасс» сожгли на площадке, «Хиус-II», посудину Василевского, а заодно, наверное, и патруль — в воздухе.

— Василевского на корабле не было, — объяснил я зачем-то. — Его убили раньше. Так что скорбеть именно сейчас — не стоит.

— Я знаю, что его там не было, — нервно сказал Смагин. — Меня другое волнует. Чужие жгут корабли. Это что, война, так получается?

— Сообразил, наконец-то, — фыркнула Юлька. — Мыслитель!

— Какая это, Donnerwetter, война? — вставил с неудовольствием Риггелд. — Избиение младенцев это, а не война. Мы против чужих бессильны. И безоружны.

— Но что-то ведь нужно делать? Или просто дохнуть по очереди — покорно, как баранам на бойне? — не успокаивался Смагин.

Я его вполне понимал.

— Ты в полете? Или сидишь? — уточнил я.

— Сажу, — признался Смагин. — Как понял, что чужие атакуют, в воздухе, так и сел сразу же.

— Не переживай, на поверхности они тоже атакуют, — успокоил я его. — И где же именно ты сел?

— На юге, в степи. Сеткой накрылся от греха подальше и сажу.

Я вспомнил, что Смагин таскал с собой пятнистую маскировочную сеть. Накрой такой тряпицей звездолет — с полумили его не разглядишь. Особенно сверху.

— Молодец, — похвалил я. — Сиди пока, и не дергайся. Янка с тобой?

— Со мной...

— Совсем молодец! — вторично похвалил я. — Юля, что Хаецкие?

— Молчат пока, но они с Мустяцей и Прокудиным, я слышала, стартовали еще утром. Куда именно — не знаю.

— Так, — я начал загибать пальцы. — Юля, я, Курт и Юра — мы хоть и разбросаны территориально, зато хоть голосом связаны. Хаецкие куда-то смылись, Шумов на Луне, Василевский мертв. Зислис на космодроме... Но туда не сунешься сейчас. Больше искать некого. Кстати, я обещал Шумова вызвать... Думал, из атмосферы выйду — свяжусь. Надо быстро решить — что делать. И как втихую убраться с планеты.

— Боюсь, — вздохнул трезвый Риггелд, — втихую уже не получится. Чужие наверняка отслеживают всю сферу.

— Мне кажется, — вмешалась Юлька, — сначала нужно всем собраться.

Территориально, как ты выразился. Разве нет, а, Рома?

— Ну, допустим, так. Но как это осуществить? Мы с Чистяковым теперь бескрылые...

— Рома, — спросил Риггелд деловито. — А хоть вездеход у вас остался?

— Кажется, остался, — ответил я неуверенно.

— Остался, остался, — подсказал с дивана Костя. — Даже два — у меня в дальнем капонири.

— Дуйте к Ворчливому Ключам, — предложил Риггелд. — Это как раз между моей заимкой и чистяковской. Там вас сам черт не отыщет. И небольшой звездолет там легко спрятать — не лайнер, конечно, но у нас лайнеров и нет. У меня там оборудован... ну, скажем так: бункер. А остальные потихоньку подтянутся. Что-то мне подсказывает: открытых и заметных издали заимок и поселений надо избегать,

а уж Новосаратов и вовсе обходить десятой дорогой. И в землю, в землю врыться по самые брови...

— Согласен, — поддержал Смагин. — Я ночи дожусь, и если все тихо будет, попробую на брюхе туда переташиться. Хрен с ним, с горячим.

— Я тоже, — сказал Риггелд. — Только звездолет я на островке оставлю. Пусть... Про запас.

— Разумно, — согласилась Юлька. — Раз уж я в воздухе, то сразу туда и рвану.

— Садись на приводе, — посоветовал Риггелд. — Там каньон есть, вот в него и садись. Да не поленись, нарежь кустарнику и прикрой свой бумеранг.

— Пустое это, — вздохнул я печально. — Что чужие — визуально, что ли, корабли отыскивают? У них, небось, такая аппаратура — нам и во сне не приснится.

— Не знаю, — парировал Риггелд. — О чужих — ничего не знаю. Но наш брат-человек — скорее всего как раз визуально отыскивает. Я не могу сказать, что буду рад видеть в бункере ЛЮБОГО человека.

— А-а-а... — понял я. — Тогда ладно. Маскируйтесь. А мы поехали. Дай координаты, что ли...

— Только не открытым, — насторожилась Юлька. — Закодируй как-нибудь.

Риггелд некоторое время молчал, вычисляя.

— Рома, — сказал он. — Твой день рождения. Сложи месяц и число. Умножь на десять. Вычти... э-э-э... Рыцари сколько островов, помнишь?

— Ага, — я все записывал, уже переводя в нормальные цифры, чтоб не путаться. — Помню.

— Вот столько островов, плюс еще один.

— Вычел. И последний знак отделил. Это широта, верно?

— Верно.

Подобным же способом Риггелд сообщил мне долготу и код входного шлюза.

Вряд ли головорезы вроде Шадрона или Плотного знают когда у меня день рождения. И вряд ли они читали те же книги, что я с друзьями. Да что там, вряд ли они вообще читают книги.

А уж чужим подобную головоломку вообще ни в жизнь не разгадать.

Одно только огорчало: у чужих наверняка найдется десяток способов обнаружить нас без всякого разгадывания шифров.

— Все. Разбежались, — подвел черту Риггелд.

— Юля, — попросил я. — Будь осторожна. Пожалуйста.

— Буду, Рома, — заверила она, и мне и вправду стало чуточку спокойнее.

Я выгрузил радиорежим из оперативки и отключил комп.

— Ну, что? — спросил я без особого энтузиазма. — Поехали?

Костя молча встал с дивана и направился к холодильнику.

— Эй, земляк! — позвал он старателя. — Отпусти пацана и иди сюда. Поможешь: жратвы с собой взять не помешает. А одному тащить неудобно. Ром, а ты пока выгони вездик из капонира. Капонир не заперт...

— Ладно, — согласился я и выглянул наружу. В ноздри снова ударил запах горелой органики.

Я обернулся к мальцу хмуро взирающему на меня снизу вверх.

— Пойдешь со мной? — спросил я. Вполне серьезно спросил, ненавижу сюсюканье даже с детьми.

— Пойду, — ответил пацан храбро. — Меня зовут Боря. А тебя?

— А меня — Рома.

И я протянул ему руку.

Так мы и вышли наружу вместе — тридцатилетний мужик и четырехлетний пацан.

Держась за руки. И не скажу, чтобы мне это было менее нужно, чем ему — ребенку, на глазах у которого только что погибла мать. И, наверное, не только мать.

Небо Волги сверкало чистотой; инверсионные следы уже расползлись и растворились без следа. Даже не верилось, что еще совсем недавно тут проносились истребители чужих, поливая огнем рыжую степь плоскогорья Астрахань.

«А ведь придется поверить, — подумал я угрюмо. — Придется.»

Потому что другого выхода просто нет.

Часть вторая

11. Сойло-па-Тьерц, пик пирамиды, Aszanny, опорный рейдер крыла.

— Говори прямо, советник, — порекомендовал пик Тьерц, — без всей этой ненужной дипломатии. Твои соображения — лишние дрожи и ритуальных переплясов — вот что меня интересует в первую очередь.

Советник, Соило-то-Вусси, откинулся на спинку кресла на сесте. Он вовсе не испытывал дрожи или боязни, хотя вполне понятное уважение к пику испытывал. Просто, он недавно стал советником пика, и глава пирамиды его еще недостаточно хорошо изучил.

— С чего начнем, пик?

— С прогнозов.

— Хорошо. Я и мое подразделение склоняемся к мысли, что ни одна из рас-союзников не предпримет попытки захватить находку свайгов в единоличное владение. Это невыгодно и опасно по целому ряду причин. Причины обрисовывать?

— Вкратце. В самых общих чертах.

— Хорошо. Причина первая: против нарушителя союза тут же объединится остальная четверка и нарушитель будет уничтожен. Прислать более крупный флот мятежники просто не успеют — даже поверхностный анализ показывает, что путь мятежа заведомо проигрышный. Сомнителен и союз двух или более рас — скорее, Роя, свайгам и а'йешам следует опасаться нас с цоофт. Друзья-галакты по-прежнему воображают, что раз мы биологически сходны, то и ладим между собой лучше.

— Но ведь это сущая правда, — пик нахохлился, и полуприкрыл глаза желтыми, в мелких прожилках кровеносных сосудов, перепонками. — С цоофт всегда было легче договориться, чем с остальными.

— Оранжевые предводители цоофт уже намекали, что готовы обсудить условия оборонительного союза. Насколько можно судить по имеющимся данным, цоофт не намерены предпринимать никаких провокационных действий. Их вполне устраивает совместное изучение корабля Ушедших. Так же, как и нас.

— Понятно, — не открывая глаз прощелкал пик. — Другие причины?

— Нетленные, — бесстрастно ответил советник Вусси. — Я удивлен, что они хранят пассивность. Глупая передача адмирала свайгов раскрыла тайну находки. В данный момент любая развитая цивилизация галактики в состоянии точно установить местонахождение найденного корабля.

— Действия адмирала свайгов не были глупыми, советник Вусси. Они диктовались сложившейся ситуацией.

— Ладно, я изменю формулировку, — согласился Вусси. — Вынужденная передача, а не глупая. Так годится?

— Вполне. Тем более, что не только в передаче дело. Возмущение после прокола зарегистрировали даже портативные сканеры — корабль-то явился не маленький!

— Передача все упростила. И не только свайгам, — уточнил советник. — Разве нет?

— Свайгам передача все упростила в большей степени, чем остальным, — пик резко щелкнул клювом. — Именно они пользуются приоритетом первооткрывателей, а не мы и не Рой, к примеру. Неужели я должен это объяснять собственному советнику, алые небеса?

Советник дипломатично повел маховыми перьями:

— Не нужно объяснять очевидное. Просто, я на месте этого свайга-адмирала отыскал бы более тонкий путь.

— Не много ли ты хочешь от адмирала, да еще от рептилии? — экспромтом пошутил пик Тьерц, и они с советником с большим удовольствием посмеялись.

— Ладно, — отвеселившись, сказал Тьерц. — Какие еще проблемы видны с высокого кресла на сесте советника пика пирамиды?

— Я бы не стал сбрасывать со счета и аборигенов. Людей, то есть.

— Почему? Они ведь по сути дики и нецивилизованны, — задумчиво прощелкал пик. Советник повозился, усаживаясь поудобнее.

— Достойный пик, — сказал он коротко. — Не могут люди слишком уж отличаться от нас. Или от свайгов, скажем. Они разумны и не лишены способности развиваться — на мой взгляд это уже немало. К тому же, в космос они вышли сами, без посторонней помощи.

— Почему же их нет в союзе, если они достойны звания разумных наравне с нами? — пик рассердился. Доводы советника показались ему непонятными и вздорными.

— Достойный пик, не стоит отмахиваться от проблемы людей. Я проглядел статистику свайгов, которую нам любезно предоставили. Люди не уступают в интеллекте ни азанни, ни остальным. У них просто существенно меньший багаж накопленных знаний. Более того, они потенциально превосходят шат-тсуров, булингов и даже перевертышей оаонс. А ведь вопрос о принятии в союз шат-тсуров уже поднимался, и поднимался не раз.

— И всякий раз его успешно проваливали! — быстрой дробью отщелкал пик с оттенком легкого пренебрежения.

— Люди превзойдут и шат-тсуров, и булингов, и перевертышей в ближайшее же время.

— Но они ведь млекопитающие! — настаивал пик. — Жизнь не обмануть: разум возник у людей только потому, что на их материнской планете не нашлось другого подходящего вида-носителя. Природа не терпит пустоты — эту мысль высказывали умы практически всех развитых рас. Почему, алые небеса, мы нигде больше не встречали разумных млекопитающих? По всей галактике их нет — только здесь, в окрестностях материнской планеты людей мы сталкиваемся с ними?

— Досточтимый пик, а вам никто не высказывал ужасающе простую мысль? Вот мы, азанни — птицы. Мы биологически сложнее и совершеннее рептилий-свайгов. Почему бы людям не быть совершеннее нас?

— Разница между птицами и рептилиями менее существенна, чем между людьми и птицами.

— Досточтимый пик, эту разницу невозможно измерить. А следовательно — разные расы и сравнить толком невозможно, — терпеливо гнул свою линию советник. — Мне будет очень неприятно, если сейчас от моих слов отмахнутся, а потом, когда люди вдруг превратятся в серьезную помеху, я буду вынужден напоминать, что предсказывал острую ситуацию, но меня не послушали. Пик задумчиво приоткрыл клюв. Некоторое время он сидел так — молча, нахохлившись; потом встрепенулся и взглянул на советника.

— Хорошо, — прощелкал он. — Я не верю, что люди способны стать помехой, но готов перестраховаться. Тем более, что слишком высока цена сегодняшнего дня. Пирамида просто не имеет права на ошибку — как и вся наша раса. Скажи только, советник Вусси, относительно людей — это твои личные теории или всего аналитического отдела?

— Мои, досточтимый пик, — честно признался советник.

— Я так и думал, — Тьерц соскочил с креслонасеста, описал в полете плавную окружность, и вновь сел. По просторному залу его покоев прогулялся легкий ветерок. — Не сочти это придиркой или издевкой. Я услышал тебя. Вусси остался неподвижным. Пик провел крылорукой над пультом в подлокотнике креслонасеста.

— Стратега ко мне, — приказал он и чуть повернулся к советнику Вусси. — Ты останься, и слушай внимательнее. Твой совет еще понадобится пирамиде.

— Слушаюсь, досточтимый пик, — ответил советник. Он был доволен: пик пирамиды, хоть и не разделил мыслей Вусси, все же внял им как подобает ответственному азанни. А это главное.

12. Наз Тео, вершитель, Svaigh, зал Галереи, планета Свайге.

Перерыв получился очень коротким. Наз не успел даже толком поплавать в любимом открытом бассейне на крыше Галереи — вершителей призвали к совету вновь. Хорошо, хоть подкрепиться перед бассейном догадался.

На этот раз вершителю Наз Тео предстояло не только слушать. Осада крейсера Ушедших входила в сферу его теперешних профессиональных задач. Но пока он слушал — слушал вершителя Сенти-Ива, как слушали все свайги Галереи и руководство остальных рас.

— Попытки нейтрализовать поле корабля или изменить напряженность также ни к чему не привели, — речь Сенти-Ива звучала по-деловому сухо и по-научному емко. — Галерея Свайге вынуждена признать, что имеющихся в распоряжении технических средств недостаточно для перемещения объекта в космос. Насколько я понял, попытки физиков и инженеров Роя, а'йешей и цоофт также потерпели крах. Боюсь, мы поставлены перед печальным фактом: нам не по силам переместить в пространстве крейсер Ушедших. На мой взгляд, напрашивается единственное решение: смириться с неудобствами изучения корабля в атмосфере.

Предводитель цоофт привстал, и обратился к слушающим:

— Независимо от этого мы явно столкнемся с новыми трудностями. Например, корабль может и не пустить нас внутрь. Ведь природа охранного поля до сих пор непонятна...

— Поле имеет гравитационную природу, — поправил физик-а'йеш, — причем, скорее гравизащитную нежели гравигенную. И это не охранное, а стабилизирующее поле. Мы не в силах его нейтрализовать в рамках доступной энергетики, и, как следствие, сдвинуть корабль Ушедших. Но никаких препятствий относительно перемещений около корабля и, вероятно, в самом корабле поле не создаст.

— Прекрасно, — подытожил Первый-на-Галерее. — Значит, придется предпринимать попытку проникновения на месте. И прямо сейчас.

Наз взглянул в проекционный ствол — крейсер Ушедших неподвижно висел посреди голубоватого сияния; внизу просматривался океан и серповидный островок. В океане отражалось местное солнце — ярким-ярким пятном. Около корабля висело несколько зондов-наблюдателей, спутников связи и плоские, как древесные листья, исследовательские боты свайге. Четыре исследовательских бота. Чуть в стороне холодным иссиня-льдыстым шаром застыла подвижная лаборатория а'йшей. Рой просто подвесил в атмосфере изловленный неподалеку от планеты астероид, изрытый порами, как старый пенёк; по поверхности астероида ползком шастали особи Роя, из пор выглядывали особи Роя, рядом с астероидом медленно дрейфовали особи Роя. Несколько особей прикипели к гигантской спиральной паутине, сотканной особо крупной и толстопузой особью Роя, которую сейчас не было видно — укрылась где-то в недрах астероида. Самое забавное, что астероид был раза в четыре мельче корабля Ушедших и только из-за этого не казался громадным.

Азанны и цоофт запустили совместный корабль-цепочку. Сейчас его не было видно — цепочка пряталась за исполинской тушей крейсера.

— Шесть основных шлюзов находки нами локализованы, — переводчик а'йшей скрипел, как древний несмазанный механизм. — Вот они...

На диаграмме зажглись шесть оранжевых стрелок, упирающихся в корабль Ушедших. Каждая стрелка помечалась разным числом точек — от одной до шести.

— Предлагаем одновременную попытку доступа. Ближе всего к нашей лаборатории шлюзы три и шесть, ими мы и займемся. Шлюз четыре удобнее штурмовать Рою, один и два — представителям Галереи Свайге, дальний шлюз — азанны и цоофт.

— Предложение принято, — холодно согласился Рой. Или просто свайгу любое высказывание Роя казалось исполненным стылостью невозмутимости?

— Галерея подтверждает, — после короткого обмена репликами с Сенти-Ивом сказал Первый-на-Галерее. — За нами шлюзы один и два.

Цоофт и азанны тоже не возражали, и осада крейсера Ушедших вступила в новую фазу. Галерею распускать не стали — любой вершитель мог наблюдать как эксперт-группы пяти рас союза приближаются к опознанным шлюзам. Особи Роя — без всяких механизмов, верхом на тонких серебристых паутинках и почти без оборудования. А'йеши — всей сферической лабораторией. У нее только отрос косой гофрированный выступ, похожий на стыковочную тягу. Листы свайгов перестроились и выделили из четверки два, идущие на штурм. Птичий корабль-цепочка далеко-далеко в сторону выдвинул одну из матовых бусин, самую крайнюю.

Тут Наз несколько отвлекся, потому что стюарты разнесли горячий фла и рыбные палочки. Да и пока особо смотреть было не на что. Умельцы пяти рас просто подбирались к шлюзам поближе. Ждать пришлось около одной восьмой нао; потом под необъятным брюхом крейсера сверкнула зеленоватая вспышка и в строю особей Роя возникло короткое замешательство.

— Новая информация! — предупредил Рой. — Попытка нейросканирования узлов сопричастности активизирует локальную защиту, предположительно — антиметеоритную. Для особей рас-союзников может быть смертельно опасной.

— Где они там нашли узлы сопричастности? — проворчал Сенти-Ив, топорща чешую на руках. По крайней мере — на руках: ученый кутался в университетскую накидку. Наз с интересом наблюдал за ним и слегка позавидовал — у ученого хватало работы. Неожиданно умную мысль высказал неукротимый спорщик П'йи.

— Нейросканирование? Гм... Значит, Ушедшие не могут быть насекомыми...

К П'йи обернулось сразу несколько вершителей; тут же возник стихийный спор (опять П'йи стал эпицентром спора!).

Наз не вмешивался, биология всегда его немного пугала. Он вновь только слушал — являются ли Ушедшие насекомыми или близкой формой. Пока Наз Тео склонялся к мысли, что нет, не являются.

Потом его отвлекли, по профессиональному вопросу. Наз с удовольствием проконсультировал инженеров на ботах-листах, а спор по соседству о природе Ушедших к тому времени уже угас.

Вскоре шлюз три разразился серией желтоватых световых вспышек. Наз решил, что снова сожгли кого-то из исследователей и втайне порадовался, что эта участь постигла не свайгов, но в этот самый момент представитель а'йшей провозгласил:

— Внешний шлюз три вскрыт!

И, немного позже:

— Есть доступ внутрь корабля. Внутри кислородная атмосфера по классу три; температура... давление... Алгоритм активизации шлюза...

Напрасно Наз ожидал чего-то тревожного: никто не собирался атаковать вторгшихся к Ушедшим а'йшей. Никто пришельцев не встречал, хотя все внутренние помещения, прилегающие к шлюзам, были ярко освещены в широчайшем спектре. Все шесть шлюзов безропотно открылись, едва был разгадан принцип парольной кодировки. Галерея загудела; многие вершители встали с мест. Кое-кто собирался в группы, оживленно обсуждая текущие события. Наз глядел в проекционный ствол: все новые и новые силы подтягивались к открытым шлюзам крейсера Ушедших. И смутная волнующая надежда возникала в нем, вершители Галереи Свайге — неужели союз на пороге новой эпохи? Неужели грядет встряска и техническая революция на основе нового знания исчезнувшей могучей цивилизации?

Союз давно нуждался во встряске.

Наз мечтал и фантазировал долго, чуть не еще одну восьмую нао.

Резкий и неприятный сигнал экстренного сообщения вернул его к реальности. Над проекционным стволом рдел алый шар общей тревоги.

— Внимание! — голос Роя казался еще суше и безжизненнее обычного. — На подходе к звездной системе засечено множественное эхо! Характеристики...

Рой с паузами перечислял цифры; паузы возникали из-за необходимости переводить единицы измерений Роя в систему, понятную остальным расам. Наз выслушал, и похолодел.

Этого он и боялся все время.

— Что такое? — спросил П'йи; многие вершители обратили взгляды на Наз Тео, специалиста именно в этом вопросе. Специалиста в области цифр, ориентировки в пространстве и преодоления барьера.

— Нетленные, — не своим голосом объяснил Наз. — Флот. Громадный флот. Восьмерки и восьмерки. Они будут здесь спустя два-по-восемь нао... Приблизительно. Плюс-минус нао-полтора.

В зале Галереи повисла гулкая тишина.

Вскоре возмущения метрики зафиксировали и приборы свайгов. Флот нетленных стягивался к системе желтого солнца, и судя по рисунку спин-векторов, намеревался проломить барьер в пределах трех основных сфер. Как назло, для разгона и ухода за барьер из области пространства, где дрейфовали сейчас корабли союза и крейсер Ушедших, имелись всего три доступных курса, и, разумеется, все они проходили через центр сфер проколов метрики, избранных нетленными.

Враг отрезал союзу пути к бегству.

Но у исследователей оставалось в запасе некоторое время. Время на лихорадочный поиск спасения на борту чужого военного корабля или время на размышления и поиск стратегии поведения перед лицом могучей армады врага.

Исследовательские группы докладывали изнутри корабля Ушедших.

Жилые секторы. Двигатели. Системы неясного назначения — предположительно, источники накопления или преобразования энергии. Лаборатории холодного и горячего синтеза. Снова системы неясного назначения — предположительно, модули авторемонта и внутреннего контроля.

Рубка.

Боевой и навигационной рубки первыми достигли представители а'йшей. Остальные группы спешно направлялись туда же.

Ученые союза уплотняли время, как могли. А экипажи кораблей готовились к бою с нетленными. Возможно — к последнему бою.

Наз Тео вслушивался в механическое бормотание переводчика, начисто лишенное эмоций и внутреннего напряжения.

— Управление кораблем, несомненно, осуществляется путем полного слияния нервной системы экипажа с бортовыми системами корабля. Найдены биосогласователи, своего рода биоскафандры. Пока можно сказать с полной уверенностью: Ушедшие имели единый нервный центр тела, как все позвоночные обозримой части галактики. Внешние размеры Ушедших сходны с размерами представителей свайге или цоофт. Исследователи а'йеш уступают место представителям цоофт и свайге, как более компетентным в вопросах нейрофизиологии позвоночных...

Наз Тео видел, как кристаллы-а'йеши в своих пузырях-скафандрах отодвинулись от продолговатых установок, напоминающих помесь погребальных коконов с пилотскими креслами, и перебрались к наклонному пульта, больше похожему на странных очертаний трапезный стол.

Спустя одну шестнадцатую нао исследователи биоскафандров запросили все данные свайге о физиологии людей, аборигенов ближайшей планеты.

Наз Тео насторожился и не зря. Еще через одну шестнадцатую нао один из свайгов на борту корабля Ушедших вызвал по резервному каналу вершителя Сенти-Ива.

Его услышала вся Галерея, и предводители остальных рас союза.

— Мой вершитель! Все биоскафандры в рубках корабля Ушедших настроены на нервную систему вида, именующего себя Номо Sapiens Sapiens. Настроены на людей. Мы не в силах понять, что это означает.

Именно в этот момент у Наз Тео выкристаллизовалось решение, которое с одной стороны могло сильно помочь в изучении находки, а с другой могло остановить нетленных и даже предотвратить их атаку. Ну, или в крайнем случае — задержать. Чтобы донести суть идеи до Галереи и Первого много времени не потребовалось. Галерея большинством поддержала Наз Тео, хотя решение на первый взгляд казалось чистой воды блефом и авантюрой.

Но оно позволяло выиграть время, а время сейчас решало все.

И Первый вынес план Наз Тео на суд союза пяти рас.

— У нас есть рабочий план, который может оказаться выходом и козырем в столкновении с нетленными. Галерея Свайге предлагает переместить всех людей с поверхности планеты на крейсер Ушедших — по нашим предварительным прикидкам их на планете четыре на восемь в четвертой степени. Это не займет много времени. А нетленным сообщить, что Ушедшие вернулись и приняли сторону союза. Нетленные и их сателлиты подумают, прежде чем ввязаться в бой, крепко подумают, потому что находка, как это странно не звучит, действительно предназначена для пилотирования расой, генетически неотличимой от дикарей-млекопитающих. Мы выиграем время, за которое можно будет поглубже изучить боевые возможности корабля Ушедших и подтянуть свежие силы из метрополий. Возможно, мы даже сумеем активизировать боевые системы находки, поскольку в нашем распоряжении будут люди.

Галерея выражает просьбу союзникам ответить максимально быстро.

Союзники согласились неожиданно легко и скоро. Даже Рой и а'йеши.

Армада нетленных все еще искривляла метрику в финишных сферах, а сотни планетных субкораблей союза уже устремились к поверхности мирка, который люди именовали Волгой.

Большинство кораблей держали курс к самому крупному поселению на планете. Гигантская мистификация врага начала разворачиваться — стремительно и неудержимо. Наз Тео поблагодарил Мать-глубину за то, что союз остался союзом, и пять рас не передрались за единоличное обладание кораблем Ушедших.

Но теперь Наз Тео опасался другого. Как бы могущество Ушедших не оказалось всего лишь легендой.

13. Шат УУ, канонир шагающего танка, Shat-Tzoor, опорный рейдер крыла.

Шат УУ полулежал в гамаке, когда в жилой модуль ворвался Шат Уаф.

— Слышал? — прогудел Уаф с порога. — Мы в десант идем!

Пение его прервалось пением общего сбора. Шат УУ выбрался из гамака и скрипнул экзоскелетом.

— Ну, наконец-то! Надоело мне это болтание за барьером... Давно не было настоящей работы.

Он любил десанты на обитаемые планеты. Громады субкораблей в бреющем полете, мягкие объятия гравифлифов, ободряющий хруст под днищем танков. И — возможность пострелять. Вволю. Да не по мишеням, а по живым инопланетянам.

Втайне Шат УУ часто представлял, что целится в заносчивых хозяев — птиц-азанни. Которые опять не захотели признать в шат-тсурах равных.

Ничего. Шат-тсуры подождут. Наберутся знаний и опыта...

А потом галактика увидит, кто хозяин, а кто раб. Ведь азанни, сказать по правде — никудышные солдаты без своей могучей техники.

Шат УУ вместе с приятелем Шат Уафом, полностью экипированные, заняли места в своем танке, а танки, все четыре, размещались в десантном отсеке разведдиска. Унтер пел-орал что-то ободрительное, и десантники-танкисты хором пели-орали в ответ.

В реве разгонных двигателей и воплях солдат Шат УУ пропустил момент старта. Когда унтер перестал петь-орать, разведдиск уже стремительно падал в атмосферу. Шат УУ привычно проверил личный лазер, и блаженно прикрыл глаза.

Перед высадкой всегда полезно подремать.

Но подремать десантнику не дали. Сначала унтера вызвали в пилотскую кабину, вроде бы к связи. Шат УУ лишь недоуменно поскрипел грудными пластинами, вслушиваясь. Странно, конечно, что не потрудились протолкнуть связь-луч прямо в отсек, где обычно находился унтер. Секреты, тайны... Даже противно.

А потом унтер появился на канале звена и зло приказал сдать всем личное оружие и разрядить излучатели танков.

Не веря себе, Шат УУ отдал верный лазер вместе с запасной батареей, а взамен получил громоздкий пехотный биопарализатор. Штуку, в принципе, мощную и надежную... Но она не умерщвляла врага, а всего лишь оглушала. Какая же радость вместо настоящей драки, вместо крови и предсмертных хрипов врага увидеть и услышать всего-навсего сдавленное мычание да возмущенные взгляды? Принять участие в жалкой пародии на войну?

Десантники-танкисты зароптали, но унтер живо рывкнул на них. Так, что борта задрожали. Хочешь-не хочешь... Приказ. Дикарей-аборигенов приказано брать живыми. Всех, сколько бы их не обнаружилось. Оглушать, и грузить на корабли. Вповалку, как попало. Но главное условие — когда десант вернется на орбиту, в лоно материнского крейсера, все пленники должны оставаться живыми.

И пришлось Шат УУ вместо привычного лазера или наводчика башенного излучателя ласкать ладонями безобидный парализатор. И в душе проклинать заносчивых хозяев-азанни, птичек, ростом чуть выше колена любого шата. Проклинать этих хитрых и умных бестий, которые опять задумали какую-то пакость, а в самое пекло сами лезть не желают, как всегда посылают преданных и безотказных шат-тсуров.

Неужели не настанет время показать этим яйцеголовым насколько им преданны шаты и насколько они безотказны?

Не может такого быть. Настанет такое время. Настанет. Обязательно. И ради того, чтобы дожить до этого заветного дня, нужно сегодня выстоять. С парализатором против... Против чего? Чем там воют дикари-млекопитающие? Палками?

«Жаль, все-таки, что крови сегодня не будет», — подумал Шат УУ, задремывая. Он всегда дремал перед высадкой. Что бы не ждало его там, внизу. На очередной незнакомой планете.

14. Михаил Зислис, оператор станции планетного наблюдения, Номо, планета Волга.

Корабли чужих неподвижно висели над Новосаратовом и над космодромом. Сознать, что над твоей головой дамокловым блином тяготеют мегатонны инопланетного металла было не очень приятно. Чужие с первых же минут накрыли окрестности силовым колпаком, и убраться куда-нибудь в тихий угол Волги, на дальнюю заимку, стало просто невозможно. Колпак над городом и колпак над космодромом частично перекрывались; иногда над трассой фактория-Новосаратов проносились вездеходы на гравипроводе. Почти весь космодромный персонал поспешил убраться в город — поближе к семьям.

Зислис недолго слушал старателей-звездолетчиков. На графике сразу отозвалась Юлька Юргенсон по прозвищу отчаянная, но она больше спрашивала, чем рассказывала. Зислис узнал только что Хаецкие, Прокудин и Мустяца где-то укрылись вместе с кораблем; Василевский с Семенцем убиты, а корабль Василевского пропал; Смагин в порядке и предупрежден; Риггелд с Шумовым не отвечают; а Ромка Савельев полетел вытаскивать Чистякова и проверить заимку Риггелда. Юльке явно было некогда, и Зислис коротко обрисовал ситуацию на космодроме, ответил на пару общих вопросов, отключился и пошел вслед за Веригиным в город. Хорошо хоть Веригин не успел никуда забуриться, и Зислис встретил его по дороге к Манифесту.

Зислис с Веригиным без толку послонялись по космодрому и аэродрому, заглянули в «Меркурий», где как раз в разгаре был финальный загул местных бандитов и оказавшихся в пределах колпака старателей. В город идти наблюдателям моментально расхотелось и они вернулись на станцию: уж очень интересно было знать чем занимаются чужие на орбите. Тем более, что подавлять космодромную технику чужие почему-то не стали. Даже корабли не тронули — ни грузовики, ни лайнер, ни почтарей.

Суваев вместе со своей семьей пропал в городе, а куда подевался зануда-Бэкхем — ни Зислис, ни Веригин не заметили. Ушел, и все.

Звездолеты на орбите совершали какие-то малопонятные эволюции, перестраивались, ускорялись, замедлялись. В атмосфере невесть откуда взялся даже небольшой астероид из внешнего скопления — у Веригина глаза на лоб полезли, когда он засек его вблизи гигантского корабля над островком. Астероид, кстати, все равно был мельче корабля. Зислис и Веригин успели пронаблюдать, как чужие на совсем уж крошечных ботах-планетниках шныряют вокруг неподвижного гиганта, и тут крейсера на орбите начали методично давить спутники наблюдения, метеоспутники, спутники связи... Один за другим.

А крейсер над космодромом четырьмя расчетливыми залпами обратил в ничто земные звездолеты в посадочных секторах.

Зислис и Веригин, полные самых черных предчувствий, беспомощно переглянулись. Но повторного залпа не последовало — наземную аппаратуру чужие почему-то не тронули, и парочка наблюдателей еще успела разглядеть на диаграмме как целая туча мелких кораблей-планетолетов устремилась к поверхности Волги. Крейсер над городом невозмутимо заслонял небо и продолжал генерить защитное поле.

— Как тараканы под блюдцем, — утрюмо сказал Веригин. Слова его гулко отражались от стен непривычно пустого зала. — Интересно, когда они начнут палить по зданиям?

Зислис ерзал в кресле и нервно барабанил пальцами по пульту.

— Не знаю. Может, они и не станут палить?

Оба сознавали, что в зданиях станции оставаться рискованно... но разве снаружи безопаснее? А на станции хоть наблюдать пока оставалась возможность.

Пискнул вызов — городская связь. Лелик Веригин поспешно коснулся сенсора на пульте. Посреди зала стусилось объемное изображение Павла Суваева. Единственного среди волжан спеца по чужим. Самоучки, правда.

— Ага, — хмыкнул он с видом человека, ожидания которого целиком оправдались. — Так и знал, что вернетесь. Какие новости?

— Кажется, грядет десант. Звездолеты наши уже тю-тю...

— Я видел. Тут в городе паника. Цветет вовсю.

— Правильно цветет, — проворчал Зислис. — Тебе видна диаграмма?

— Да.

— Видишь, сколько гостей? Как горох, прям, сыплются.

— А визуально показать можете? — спросил Суваев, оживившись.

— Дудки. Спутников больше нет — все передавали, гады.

Суваев помрачнел.

— Значит, все-таки вторжение. Хотел бы я знать — зачем им понадобилась Волга?

Зислис пожал плечами:

— Что тут гадать попусту? Вон причина. Над океаном висит, — он указал на самое крупное пятно на диаграмме.

— Нет, — Суваев уверенно покачал головой. — Был бы им нужен только суперкорабль, они бы и спускаться не стали. Уволокли бы его к себе, и все дела. Что-то там назревает сверху.

Несколько секунд Суваев внимательно изучал ту часть диаграммы, которая отражала расположение больших крейсеров на орбите.

— Ха! А ведь там определенно шухер!

Зислис и Веригин дружно взглянули на диаграмму, но обоим было решительно непонятно — отчего коллега вообразил, будто наверху поднялся шухер. Суваев снизошел и пояснил:

— Клин свайгов перестраивается в оборонительную воронку. Вон те бублики, видите? Крыло азанни группируется в... в... ну, в общем, тоже готовится к обороне.

— Блин! — в сердцах изрек Зислис. — Паша, мне все сильнее кажется, что ты мелешь ерунду. Не можешь ты так много знать о чужих, об их кораблях и о способах ведения боя.

Суваев равнодушно пожал плечами:

— Не хочешь, не верь. Но ведь слепому видно: либо чужие наконец-то передрались там, над Волгой, либо грядет еще какой-то гость. И его заранее хотят тепло встретить.

— А что, — встрял Веригин. — Похоже, Миш. Очень даже похоже!

Десант преодолел уже половину расстояния до поверхности. Зислис прикинул, что вскоре корабли чужих можно будет разглядеть в небе просто выйдя наружу и задрав голову. А хотя нет — над космодромом и городом висят металлические блины, перекрывая видимость...

— Вы как хотите, — сказал Суваев решительно, — а я пошел бласт заряжать. Все, пока.

И он отключился. Изображение посреди зала растаяло.

Веригин выразительно поглядел на Зислиса.

— Ну? — наконец нарушил он затянувшееся молчание. — А мы?

И он сделал вид, будто прицеливается. Хорошо у него это получалось — артистично. Как всегда.

— Думаешь, стоит? — усомнился Зислис.

Веригин вдруг сделался очень серьезным и очень бледным.

— Знаешь, Миша — сказал он сердито. — Если уж нам все равно подыхать от рук этих... зелененьких... Честное слово: будет легче, если я осознаю, что хотя бы одного прикончил.

Зислис скептически хмыкнул и в который раз пожалел, что запас сигар остался дома. Пропадут ведь зря. А сейчас сигара бы очень и очень не повредила.

— Пошли, вояка, — бросил он Лелику и поднялся из-за пульта.

— Куда?

— В казарму патруля, куда же еще? Точнее — в оружейку. Или ты собрался воевать с чужими посредством каких-нибудь гражданских пукалок?

Веригин не стал ни менее серьезным, ни менее бледным. Но и решимость его не покинула.

— Пошли! — выдохнул он и с готовностью вскочил.

Они вышли из уныло-серого здания станции; в небе маячила громада крейсера чужих. Невозможно было на нее не смотреть: то и дело Зислис и Веригин обращали лица кверху, и глядели на эту махину.

— Висит, — пробормотал Веригин с неудовольствием и зябко передернул плечами. — Как ты думаешь, они нас видят?

— Черт их знает, — Зислис неохотно покосился на крейсер. — В смысле — видеть-то наверняка могут, но смотрят ли прямо сейчас? Не знаю...

Они торопливо зашагали по вылизанному стартовыми ветрами дасфальту. Космодром Волги нечасто отправлял звездные корабли, раз в неделю примерно, а то и пореже. Но дасфальт все равно оставался гладким и ни пылинки не задерживалось на нем после очередного старта, а за неделю ничего скопиться не успевало.

Здание казармы пряталось за обширными ангарами, похожими на огромные серые половинки бочек. Зислис и Веригин по очереди миновали дыру в проволочном ограждении и оказались на территории патрульного взвода, приданного космодрому. Едва они показались из-за древнего кирпичного сарая, сложенного еще, наверное, первопоселенцами, их зычно окликнул часовой.

Зислис обернулся: под грибком в некотором отдалении от сараев маячила фигура в буром пятнистом комбинезоне. Высокие шнурованные ботинки попирали квадратик дасфальта, серый клочок посреди утоптанной земляной площадки, тоже бурой.

— Эй, стойте! — рявкнул патрульный, без особой, впрочем, уверенности. — Кто такие?

Зислис его не знал — из новеньких парень, что ли? Сынки старателей с дальних заимок, прошедшие отбор, первое время игрались в военную дисциплину со рвением и удовольствием. И только потом пообминались, успокаивались, и становились лениво-спокойными, как тертые ветераны.

— Чего орешь? — миролюбиво отозвался Зислис. — С наблюдения мы. А что, патруль, стало быть, не весь разбежался?

Парень смерил их недоверчивым взглядом, тиская в своих лапах-лопатах скорострельный бласт служебного образца. Потом потащил из узкого чехла на боку стержень коммуникатора.

— Пан сержант! — сказал он стержню. — Тут двое на территории. Говорят, с наблюдения.

Стержень сдавленно пискнул; слов было не разобрать.

— Как фамилии? — спросил часовой, отняв стержень от уха и требовательно глядя на наблюдателей.

— Зислис и Веригин.

— Зислис и Веригин, — повторил часовой стержню.

Сержант что-то коротко буркнул, и парень сразу смягчился. Опустил стержень, оставил в покое бласт на груди и приглашающе взмахнул рукой.

— Ступайте в канцелярию. Это...

— Я знаю где, — перебил Зислис, увлекая за собой Веригина. — Пошли, Лелик!

Веригин на ходу обернулся — часовой высунулся из-под грибка и опасливо разглядывал висящий, казалось, над самыми головами крейсер. Потом нахохлился, поправил каску и снова юркнул под эфемерную защиту жалкого козырька из жести. Наверное, чтобы не видеть над собой олицетворенную мощь чужих и не ощущать ничтожество своей дикарской расы.

Веригин сердито скрипнул зубами и в несколько прыжков догнал Зислиса.

Узкая дорожка вела к двухэтажному домику, собственно казарме и зданию патруля.

«Интересно, кто из сержантов в канцелярии? — подумал Зислис лениво. — Ханин, или Яковец?»

В вестибюле с надраенными кафельными полами Зислис сразу же свернул налево.

Дверь в канцелярию была распахнута настежь; за столом сидел мрачный лейтенант патруля по кличке «Фломастер». Фамилии его, похоже, не помнил ни один человек на космодроме, исключая только взвод патрульных да еще кассира, который выплачивал лейтенанту жалование. Сержант Ханин оседлал низкий кубический сейф, заглядывая лейтенанту через плечо. Вместе они читали лист плотной бумаги, извлеченный из старинного засургученного конверта. Кажется, читали уже не в первый раз. Лейтенант оторвался от листка, вопросительно зыркнул на Зислиса с Веригиным, и переглянулись с Ханькой. Ханька едва заметно пожал плечами.

— Чего приперлись? — неприветливо осведомился Фломастер.

Зислис указал большим пальцем в потолок.

— Лелик сказал, что когда пожелают гости, ему легче будет помирать, если одного-двух пристрелит.

Фломастер с Ханиным снова переглянулись.

— Добровольцы, что ли? — недоуменно протянул Фломастер.

Зислис отыскал в себе силы натужно засмеяться.

— Какие к черту добровольцы? Мы за оружием пришли. Не из рогаток же отстреливаться от зелененьких, в самом деле? И, честно говоря, я полагал, что патруль давно разбежался.

— Плохо ты думаешь о патруле, — мрачно обронил Фломастер и встал. — Разбежалась всего половина.

Веригин не выдержал и заржал в голос. Ханька тоже усмехнулся, деликатно отворачиваясь к стене.

— Я тоже думал, что разбегутся все, — признался Фломастер. — Но осталось аж шестеро: трое дежурных со вчерашнего наряда, Ханька, да оба остолопа из Вартовских Балок. Я седьмой.

— Не вартовский ли остолоп торчит нынче под грибком напротив ваших лабазов? — со вздохом спросил Зислис.

— Он самый... — Фломастер тоже вздохнул. — Так что, считать вас добровольцами, или как?

Зислис и Веригин невольно взглянули друг другу в глаза. Да? Нет? А какая разница — да или нет?

— Считай! — храбро сказал Веригин. — А что придется делать?

— Заменять сбежавших, — лейтенант обессиленно опустил на стул и снова потянулся к листку из засургученного конверта.

Зислис подумал, что давным-давно, наверное, патруль не получал указаний на бумаге.

Тут хлопнула входная дверь и в канцелярию ввалился второй сержант — Валера Яковец — в сопровождении двух рядовых; одного Зислис помнил, потому что тот был огненно-рыжий, словно лиса. Звали его не то Женя, не то Шура. Второй рядовой — совершенно незнакомый. Солдаты остались в вестибюле, Яковец затворил за собой дверь и небрежно козырнул.

— А! — оживился Фломастер. — Притащились таки? Валера, выдай этим двум пушки, они вроде как ополчение.

Яковец с недоверием покосился на Зислиса с Веригиным.

— Чего это вы? Похмелье, что ли?

— Скорее, скука, — поправил Зислис. Он вновь обрел способность к любимому занятию: игре словами.

— Разговорчики, — беззлобно рыкнул Фломастер. — Яковец, вы втроем тоже вооружитесь. Садофьева и Федоренко зашли на четвертый, там Семилет с Желудем. Пусть выкатят второй излучатель и развернут в сторону четной горловины. А сам с ополченцами пройди по периметру и загляни в штабной корпус.

— А полковник ваш где? — поинтересовался Зислис, прищутив глаз. — Тоже в засаде? Веригин, оставаясь бледным, все же сохранил способность улыбаться. Зислис же казался спокойным, как сфинкс. Словно и не висел над городом вестник несчастий добрых пяти миль в диаметре.

— Полковник пытался удрать на лайнере, — раздраженно сказал Фломастер. — Не знаю, где он сейчас. Наверное, в городе. — Лейтенант вдруг ощерился и стал похож на дворового пса, что завидел вора. — Я его, суку, пристрелю, если увижу!

Он грохнул кулаком по столу.

— Ладно, топайте.

— Между прочим, — сообщил Зислис, глядя на часы, — минут через пять начнут садиться чужаки на десантных ботах.

Фломастер вскинул голову и взглянул в лицо Зислису. На вытянутом лейтенантском лице отчетливо просматривалась каждая веснушка.

— А ты откуда знаешь, черт тебя побери?

— Видел. На станции. Мы и направились сюда, когда поняли, что сейчас с неба посыплются зелененькие.

Лейтенант немедленно схватился за коммуникатор.

— Внимание! Сигнал «Филин»! Повторяю всем постам: сигнал «Филин»!

Он оторвался от стержня и рывком на Яковца:

— Давай в оружиейку, живо!

Именно в этот момент над космодромом послышался гул — еще далекий и негромкий. Но он крепчал и набирал мощь с каждой секундой. Зислис, Веригин и двое рядовых едва поспевали за высоким и с виду нескладным Валерой Яковцом — тот пересекал вестибюль со стремительностью охотящегося гепарда. Глухо бухали по плитке грубые солдатские ботинки. Яковец на бегу гремел ключами.

Оружейка помещалась напротив входа, перед лестницей на второй этаж. Яковец умудрился попасть ключом в замочную скважину чуть ли не в прыжке. Противно и настырно взывала сирена.

«Боже, ну и порядочки у них, — подумал Зислис. — Замки какие-то древние.

Сирена... От кого берегутся? В Новосаратове бласт на каждом углу купить можно.

Правда, не такой мощный...»

Яковец, не обращая внимания на сирену, рванул на себя дверцу оружейного шкафа.

Бласты стояли вертикально, пять штук, новенькие, одинаковые, матово поблескивающие мышастым цветом. Зислис невольно залюбовался. Еще пять гнезд пустовали. Рядовые похватили оружие; Яковец коротко взлаял:

— В четвертый! Живо! — и они умчались.

Теперь сержант совал тяжелые плазменные излучатели «ополченцам». Веригин схватил бласт с решимостью обреченного, и сразу поднырнул под ремень. Зислис сначала проверил стоит ли бласт на предохранителе.

Он стоял.

— Пошли! — схватив пушку и себе, Яковец выскочил из оружейки и смачно хлопнул дверцей. Сразу же затихла пронзительная сирена; Зислис даже вздохнул спокойнее.

Звук неприятно сверлил мозг, отдавался под черепом — не иначе сирена излучала и в пси-диапазоне тоже, чтоб башка резонировала. На редкость противное ощущение.

На смену завываниям стража патрульной оружейки пришел густой басовитый гул, словно над космодромом носились миллионы шмелей. Зислис, Веригин и сержант вырвались наружу, и первое, что бросилось им в глаза — корабли. Десятки небольших плоских кораблей, летающих пятиугольников. У каждого под брюхом вырисовывались темные пятна правильных очертаний — не то люки, не то порты бортовых орудий. Корабли звеньями по четыре стремительно маневрировали над необъятным полем космодрома. Кажется, некоторые из них заруливали на посадку. Чуть выше несколько четверок вывернули к Манифесту, на летное поле маньяков-парашютистов. Еще несколько — тянули в сторону города. А над всем этим мельтешением незыблемо и неподвижно воздвигся гигантский инопланетный крейсер. Зислису показалось, что рисунок огоньков под его днищем немного изменился.

На глазах у ошолобевших волжан один из инопланетных штурмовиков в полете разнес главную антенну станции наблюдения — ажурная чаша-паутинка окуталась облачком белесого дыма, и вдруг вспыхнула, плюнула искрами, как бенгальская свеча. А в следующее мгновение на месте плосковерхой башенки — диспетчерской космодрома — возникла чернильно-черная клякса, взвыл потревоженный воздух, и диспетчерская, лишенная наверх, сложилась, как карточный домик, схлопнулась и рухнула за какие-то секунды. Штурмовик с ревом прошел над головами. Казалось, это торжествующе голосит вырвавшийся на свободу бешеный зверь. Зверь, наделенный страшной разрушительной силой.

Откуда-то слева по другому кораблю чужих шарахнули из стационарного пульсатора.

С тем же успехом можно было швырнуть во врага камнем: красно-синяя вспышка озарила серо-стальной корпус, и только. Не осталось ни малейшего следа, а корабль как летел, так и продолжал лететь. Словно и не было никакого выстрела. Яковец, пригнувшись, нырнул в кусты перед проволочным заграждением и что-то сдавленно зашипел оттуда, как енот из норы. Зислис опомнился, и дернул Веригина за рукав. В кустах еще оставалось довольно места — при желании сюда можно было без труда запахнуть весь космодромный взвод, включая дезертиров-солдат и дезертира-полковника.

Из укрытия они наблюдали, как штурмовики на минутку зависают над самым краем космодромного поля, под брюхом у них, мерцая, сгущается синеватый световой столб, там смутно мелькают какие-то тени, а когда столб исчезает и корабль рывком уходит вверх, на траве остается с десятков полупрозрачных фигур.

Четыре корабля по очереди высадили чужих-десантников, и убрались утюжить ангары на западной кромке космодрома.

Сорок. Сорок чужаков, вооруженных неизвестно чем — против горстки волжан. Зислис невольно содрогнулся. Еще недавно ему казалось — что стоит взять бласт и стрелять в пришельцев? Все равно ведь вскоре умирать. А сейчас руки стали будто ватными, во рту пересохло, и стрелять совсем не хочется. Хочется, наоборот, заползти поглубже в кусты и прикрыть чем-нибудь голову от греха подальше. И сделаться маленьким-маленьким... Как цикада. Или еще меньше.

Яковец вдруг тихо выругался, залег поудобнее, просунул ствол бласта между проволок и прищурил один глаз.

— Ну, — прошипел он. — Идите сюда, суки. Идите, сволочи. Космодром наш жечь? Зислис встрепенулся, пересилил себя и тоже приложился к бласту. Краем глаза он видел, что еще сильнее побледневший Веригин уже прицелился и плавно тянет на себя спуск.

Зислис поймал в перекрестие неясную фигуру, сжимающую незнакомое оружие, и выстрелил. Бласт ощутимо толкнулся в плечо, и Зислис с удивлением и радостью увидел, что чужака, в которого он целился, отшвырнуло метра на три. Чужак нелепо задрал ноги и опрокинулся в траву. И больше не поднимался.

Это был второй опрокинувшийся чужак. Первого подстрелил, кажется, Яковец. Самое странное, что чужаки не стреляли в ответ. Но у Зислиса не было времени задуматься над этим. Он просто стрелял.

Стреляли по чужакам и откуда-то справа, из-за сараев перед грибком часового. Наверное, это часовой и стрелял. И слева стреляли, из учебных окопчиков за плацем. И еще дальше — из пульсатора. Чужие рассыпались цепью и залегли в куцей траве.

И по-прежнему не отвечали на пальбу. Зислис не понимал — почему.

15. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга.

— Гляди! — Костя схватил меня за рукав, и прильнул к боковому триплексу. Я оторвался от плоской степи за ветровым стеклом и поглядел влево. Далеко-далеко на юго-западе в небе чернели четыре точки с хвостами-ниточками. Я тотчас ударил по тормозам, а когда вездеход замер и мы с Костей отлепились от приборной доски, а старатель и пацан — от спинок наших кресел, погасил гравипривод, и машина, вздохнув, словно засыпающий зверь, легла брюхом на грунт.

Истребители целеустремленно ползли прежним курсом. «Заметят или нет?» — подумал я, чувствуя в груди нарождающуюся пустоту. На этот раз и спрятаться негде. Сожгут, и полетят дальше. Что им, галактам?

Но то ли чужие не заметили вездеход, то ли такие мелкие цели их просто не интересовали — уж и не знаю. Вполне возможно, что они охотились только на звездолеты. Но почему тогда не уничтожили лайнер и грузовозы, а просто вернули? А корабль Василевского и мой — сожгли?

До скончания дней гадать можно. Пойми их, чужих...

— Слышь, Фил, — спросил Костя старателя, к слову сказать, оказавшегося американером, — а вы по пути к моей заимке их не видели в небе?

— Видели, — неохотно отозвался тот. — Несколько раз.

По-моему, он до сих пор опасался, что мы его пристрелим и бросим в степи — американеры все почему-то помешаны на христианстве. Сильнее боятся остаться непогребенными, чем умереть. Лично я считал это блажью.

Надо было спешить. Я вновь оживил вездеход и погнал его на северо-запад. В сторону заимки Риггеля, к Ворчливым Ключам. К странной карстовой долине, изрытой причудливыми пещерами, краем, где можно спуститься под озеро и остаться при этом сухим. Когда я попадал туда, почему-то всегда сам себе казался муравьем в гигантском ломте ноздреватого сыра.

Пацан позади меня шмыгнул носом.

«Хорошо держится, — подумал я. — Для такого карапуза — так просто стоически.»

К сожалению, рация костинного вездехода не брала частоты космодрома и график звездолетчиков, а стандартный гейт городской видеосвязи почему-то выдавал бесперывный сигнал занятости. Я чувствовал себя отрезанным от мира — привык к аппаратуре «Саргасса» и возможности всегда докричаться до знакомых на космодроме. Сейчас, мне казалось, ситуация меняется чуть ли не ежечасно. Если всегда держишь руку на пульсе событий, а потом вдруг оказываешься отрезанным — поневоле начинаешь нервничать.

«Ну, ничего, — подумал я. — У Риггельда в бункере связь, наверняка, отыщется. Там и сообразим что к чему...»

Я полагал, на машине такого класса, как у нас, добраться к месту за час-полтора. Это не гусеничные старушки, как у покойных родичей Фила. Гравипривод есть гравипривод — и трения никакого, и качество трассы беспокоит мало. Да и проходимость не в пример выше. Мы уже дважды с ходу перемахивали через небольшие речушки, вздымая за собой целые шлейфы мельчайшей водяной пыли.

Встретилось большое стадо бизонов, пасущееся посреди степи. Бурые быки, похожие на внезапно оволосевшие камни, лениво поворачивали в сторону вездехода лобастые безрогие головы. Говорят, на земле бизоны рогатые. Не знаю, может быть. Честно признаюсь: наличие или отсутствие рогов у местной и инопланетной фауны меня волнует мало. Куда сильнее меня интересуют разные технические хитрости, которые порой удастся выудить из обширных баз данных о Земле.

— Ро-ом, — спросил Костя задумчиво. — Как думаешь, что теперь будет?

— С нами? — уточнил я. — Или с Волгой?

— И с нами, и с Волгой.

Я задумался. А действительно — что? Ну, высадутся чужаки, ну перебьют людей. Не всех, конечно, кое-кто попрячется. Но большинство точно перебьют. А дальше? Ради корабля, что завис над моим островком, даже теперешние усилия чужих казались стрельбой из пушки по воробьям.

И, кстати, вот еще интересный вопрос. Почему призванный мной корабль направился прямехонько к островку? Я ведь кнопку нажал на своей заимке. На островке только нашел шкатулку с пультом. Чем островок так привлек пришельца из неизведанного космоса?

Мысль родилась как-бы сама собой, проступила из пустоты, словно изображение не хемиофотографии.

А что, собственно, кроется под островком? Только ли пласты богатой рудной породы? Только ли кромка тектональной плиты? Я ведь со своими ребятишками, с «гномами» и «кротами», ковырялся на самой поверхности. А если копнуть глубже? Не отыщу ли я что-нибудь похлеще небольшой шкатулки?

У меня даже челюсть от неожиданности отвисла.

Ну, конечно. Там внизу, например, база. База хозяев суперкорабля. Зброшенная, понятно. А построили они ее... ну, хотя бы, затем, чтобы копать руду.

Кстати о руде: я не слышал, чтобы в освоенном космосе добывали что-нибудь подобное. Такое сочетание тяжелых элементов и такая насыщенность — земная наука только беспомощно разводит руками. Теоретически подобной руды в свободном состоянии в природе не может встретиться. Ее и не встречали, до тех пока не высадились на Волге. А здесь ее полно, причем по всей планете. Нетронутые месторождения, во многих местах прорвавшиеся на самую поверхность. Клад, не планета. Вообще-то, все, на что идет наша руда, можно просто синтезировать. С нуля. Но это существенно дороже. А мы пока не можем причислить себя к обеспеченной расе — людям, как всегда, катастрофически не хватает энергии.

Так вот, возвращаясь к нашим зелененьким. Суперкорабль этот, скажем, никакой не крейсер, а тупорылый транспорт. Чужие на орбите быстро это просекли; просекли заодно и чего он обыкновенно транспортирует (и куда, наверное, тоже просекли), пораскинули мозгами, да и решили: такое редкостное сырье и им вполне стодится. Но тут оказывается, что планета населена. Но — какая удача! — дикарями-людьми. Вывод напрашивается. Людей — к ногтю. Редкостное сырье — в трюмы. Незвестный корабль и его хозяев — либо в союзники, либо тоже к ногтю. Хотя, хозяев на корабле сейчас, скорее всего, нет. Я просто случайно наткнулся на их пульт и призвал корабль-автомат, а хозяева давным-давно стинули в толщах времени. В общем, все свои соображения я Косте и вывалил. Костя внял, и ненадолго задумался. Фил позади нас тоже притих — изо всех сил вслушивался, боялся вдохнуть.

— Транспорт, говоришь? — негромко протянул Костя, начиная рассуждать вслух. — Может быть, это и транспорт. Только мне тоже кажется, что он пустой, Рома, этот гигант. Это автомат. Ты его вызвал, а дальше он просто не знает что делать. Вот и ждет. А чужие приперлись по его следу, и сдается мне, что их этот транспорт интересует уже сам по себе. Самим фактом существования. А если под твоим островком еще и база какая-нибудь отыщется — вот тут, Рома, я действительно только руками разведу. Потому что каша заваривается крутейшая. И, боюсь, при дележе этой каши публика с орбиты о людях даже не вспомнит. Они нас как мух от обеда гоняют — и, кажется, решили прихлопнуть, чтоб не докучали попусту. Грустно мне это сознавать...

— Грустно, — фыркнул я. — Грустно ему!

Чистяков вздохнул.

— Интересно, долго это все будет тянуться? — спросил я, понимая, что вопрос риторический. — Долго прятаться придется?

— Наверное, долго, — Костя пожал плечами. — Вдруг чужие вздумают тут обосноваться? Тогда — всю жизнь.

— Чужие живут в космосе, — проворчал я. — Что им какой-то мирок? Эпизод, не более. Наведут порядок, и уберутся.

Костя не ответил. Космос, конечно, космосом, но базы-то у чужих на многих планетах имеются. Одной больше, одной меньше...

Неужели они в течение многих лет оставались в неведении относительно волжских руд? Мне всегда казалось, что нашу галактику древние расы успели обшарить вдоль и поперек. Сколько раз земные корабли на очередной планете натыкались на заброшенные шахты, выработанные до последней крупинки? Много. Чуть ли не на каждом новооткрытом мире. И вдруг — такой лакомый шмат, как Волга!

Чувствуется во всем этом какой-то скрытый подвох.

Что же ты отыскал на своем злосчастном островке, дядя Рома? Хорошо или плохо, что ты не догадался копнуть поглубже? Каких еще демонов ты мог бы призвать из галактического небытия?

Но в одном Чистяков прав. Грустно это все. И грустно быть камешком, порождающим разрушительную лавину.

Я стиснул зубы. Костя на соседнем кресле задумчиво поковырял сначала в одном в ухе, потом в другом и я поймал себя на мысли, что мне хочется сделать тоже самое.

Что-то тут не то.

Я вслушался в ощущения. Гудит, вроде бы, что-то. И на перепонки давит — словно спустился на скоростном лифте на полкилометра вниз. За секунду-другую.

Вездеход снова клюнул носом, притормаживая. Я обшарил взглядом все, что можно было рассмотреть из кабины. С боков и в небе перед нами ничего необычного не нашлось. Тогда я толкнул дверцу и выскочил наружу. Костя тоже.

Позади, на юго-востоке, горизонт снова цвел белесыми клубами. Потрясенная атмосфера бурлила, как вода в стакане с кипятком.

Нас догонял еще один крейсер — не такой, похоже, огромный, как суперкорабль над моим островком. Но тоже не маленький.

Вскоре мы его увидели. Исполинский, в полнеба, диск. Идеальных очертаний, обтекаемый, как морская раковина. И он вовсе не был похож на бублик, как первые корабли чужих, появившиеся на орбите у Волги. На этот раз диск, не тор.

А суперкорабль над моим островком имел форму наконечника стрелы. Уплощенное сердечко с хвостиком, знак карточной масти «пик».

Фил с пацаном тоже выбрались из вездехода и ошеломленно глядели на приближающуюся громадину. Челюсть у Фила, по-моему, прочно приросла к груди. А к лицу приросло выражение безграничного удивления.

Странный парень. Где он, черт побери, рос? Понятно, что в захолустье, но не настолько же, чтоб по любому поводу отвешивать челюсть!

Костя стоял-стоял, потом полез в вездеход и спустя несколько секунд метнул мне волновой бинокль «Беркут».

— Держи, — проворчал он, настраивая второй такой же. — Хоть полюбуемся напоследок.

Я живо приложился к оптике, снабженной слабенькими квантовыми усилителями.

Корабль скачком приблизился. Его и раньше невозможно было охватить одним взглядом, а теперь в поле зрения умещался и вовсе крошечный фрагмент. Я водил биноклем вправо-влево, выхватывая все новые и новые подробности. До нас долетели уже первые порывы ветра; потревоженная атмосфера исходила белесыми, серыми и иссиня-свинцовыми вихрями. Но сегодня буря намечалась хиленькая — не чета той, что поднимал суперкорабль.

Да и шел сегодняшний крейсер медленно-медленно. Вскоре я понял — почему.

В бинокль стали заметны звенья истребителей, что неслись чуть впереди крейсера.

Четверки, словно единое целое, слаженно выполняли маневры — разворачивались, снижались, меняли курс. А чуть впереди них отчаянно удирал юлькин «бумеранг», казавшийся на фоне преследователей гонимой ветрами ничтожной соринкой.

У меня сперло дыхание.

Даже с такого расстояния я понял, что «бумеранг» идет на пределе. На сумме усилий гравипривода и пакетных ускорителей. И этого не хватает, чтобы оторваться, этого попросту мало. Истребители, точная копия убийц «Саргасса»,

легко держались по бокам, чуть выше и чуть ниже. «Бумеранг» рыскал, но его умело оттирали от возможных щелей.

Чужие не стреляли. Вообще, похоже было, что «бумеранг» пытаются изловить. Наверное, для этого у крейсера имеется какая-нибудь «сеть», скорее всего энергетическая.

Вскоре над беглянкой и стайкой ловцов навис край гигантского диска, взгляд вдруг заволокло синеватой дымкой. Истребители чужих моментально ушли в стороны, рассыпались, как стая скворцов при появлении ястреба. А «бумеранг» сразу же перестал рыскать, стабилизировался, словно его схватили невидимые гигантские руки. А спустя пару секунд он стал медленно подтягиваться к днищу крейсера. Трудно описать, что я чувствовал в эти мгновения.

А потом километрах в пяти от нас, у самого горизонта, невысоко над землей раскрылся купол атмосферного парашюта — обычного крыла, на каких обыкновенно сигали из поднебесья многочисленные обитатели Манифеста. Поднявшийся ветер немилосердно швырял его с потока на поток.

И мне сразу же вспомнилось, что за миг до появления синеватой дымки от «бумеранга» будто бы отделилась крохотная точка-песчинка, и сразу исчезла из виду.

Юлька катапультировалась. Отчаянная!

— В машину! — заорал я и прыжком втиснулся на место водителя. Слава богу, никто не стал спрашивать — зачем.

Взвыл в форсажном режиме гравипривод. Вездеход круто развернулся, и теперь громада вражеского крейсера маячила перед самым лобовым триплексом. Чувствуя в груди неприятную пустоту, я погнал вездеход навстречу ему. Навстречу необъятному диску, начиненному смертоносным оружием. Туда, где в промежутке между днищем этого вторгшегося в небо Волги железного блина и пыльной астраханской степью одиноко краснела риска юлькиного купола.

Никто не проронил ни слова — ни Костя, ни старатель с отвисшей челюстью. Они даже не пытались меня остановить. И правильно.

Потому что я бы все равно не остановился. В голове у меня пульсировала всего одна мысль. Короткая, как вдох и выдох.

Смерть или слава. *Death or glory*, как сказал бы Фил, старатель-американер из глубинки. Задуматься о том, что никакой славы мне не светит, даже если я собью вражеский крейсер подвернувшимся под руку бульжником, не было времени. О смерти задуматься тоже не было времени.

Времени вообще не стало — ничего не стало. Здравого смысла не стало. Чужих вместе со всей их технологической мощью не стало.

Были только я и она где-то там, над степью, в объятиях маленького шторма. Да еще разделяющие нас несколько километров.

16. Юлия Юргенсон, старатель, Номо, планета Волга.

Сразу же после Ромки Савельева отключился и Риггельд. Сказал: «*Bis bald, Verwegene!*» — и пропал.

Юльке очень хотелось услышать «*Herzallerliebste*» или «*Suesse Kleines*» вместо обычного «*Verwegene*». Но... Риггельд очень сдержан.

Юлька протяжно вздохнула.

Все не так. Савельев лишился «Саргасса» — да лучше было ему руку отрубить, чем оставить без корабля! Как он теперь жить-то будет? Он же с тоски высохнет! Все наперекосяк.

Стащив наушники, она откинулась в кресле, задумчиво глядя в обзорный экран. Внизу, далеко-далеко, синел океан. С высоты Волга казалась уже заметно выпуклой, казалась шаром, а не плоскостью. Юлька видела только часть шара, подернутый сизой дымкой бок родной планеты.

А на втором обзорнике колюче сияли звезды на фоне непередаваемой черноты. И где-то там, в черноте, среди синеватых искорок — несколько сотен чужих кораблей. Несколько сотен жадно разинутых пастей, готовых проглотить все то, что она любит с детства.

Волга — грязное место, а люди во многом заслужили участь, которой, похоже, теперь им не избежать. Но все же, среди людей есть и те, кто очень дорог.

Юлька встрепенулась. В кабине звучало только тихое пение автопилота, которое любой звездолетчик даже не замечает. Как только в пение вплетутся неприятные диссонирующие ноты — вот тут-то о нем вспомнят. А пока — оно воспринималось как часть тишины.

Итак. В полете становится опаснее, чем на поверхности. Значит, нужно садиться. Юлька потянулась к клавиатуре и вызвала готовую параболу на Ворчливые Ключи. Пересчитала ее применительно к текущей точке. Вывела поправки. И отдала штурману «добро» на исполнение.

Все. Теперь можно с чистой совестью поскучать с полчасика.

Только Юлька не умела скучать. Да и не судьба ей была сегодня поскучать, даже если бы и умела.

Автопилот подпустил жуткого петуха, и вслед за этим перед самым носом «Ценителя» что-то на неимоверной скорости пронеслось. Автопилот обиделся еще сильнее и заорал так немзыкально, что у Юльки даже выругаться как следует не получилось. А потом она увидела на правом сканере чужой корабль. Плоский диск-переросток. Всего-навсего в ста двадцати километрах в минус по радианту. По меркам звездолетчиков – борт в борт.

И корабль этот был крупнее Юлькиного «бумеранга» в добрую сотню раз.

Кроме того, сканер сообщал о трех группах мелких кораблей, размером сравнимых с «бумерангом». Одна шла на снижение совсем рядом с большим кораблем – вероятно только что отделилась от матки-носителя. Одна тянула прямехонько к «бумерангу». Точнее, к точке, где «бумеранг» вскоре должен был оказаться; до этой группы осталось километров восемьдесят, и расстояние быстро сокращалось. Третья группа была просто рядом – вилась вокруг Юльки, как пчелы вокруг изгоняемого из семьи трутня. Это на их лихие маневры и обиделся осторожный автопилот.

Каждая группа насчитывала по четыре небольших корабля. «Скорее всего, это истребители-одиночки. Те, что сожгли савельевский „Саргасс“, – подумала Юлька растерянно. – Как же я их проворонила?»

Выверять курс и идти точно по параболе она уже не успевала. Переключившись на ручное, Юлька положила «Ценителя» на левую плоскость и ринулась вниз, заодно переведя гравипривод в активный режим. Ускорители жужжали на пределе.

Спустя несколько минут в пределы видимости вторглась суша – восточный берег материка. Желтоватая полоска земли, ограничивающая волжский океан. Она казалась неподвижной, но Юлька знала, что материк приближается с впечатляющей скоростью. Четверка истребителей перестроилась и принялась грамотно клеиться к хвосту «Ценителя». Две других четверки скорректировали курсы в соответствии с Юлькиным ускорением. Крейсер-диск, похоже, тоже пошел на снижение, но прежнего курса не изменил.

И Юлька поняла: пока крейсер только снижается, маневрировать он не будет. А потом, перейдя в горизонт, попытается ее достать... если к тому времени «Ценителя» не доконают истребители.

Но оружие истребителей молчало, непонятно почему. Конечно, чужие могли бы уже сжечь человеческий кораблик, и даже, наверное, не один раз. Но почему-то продолжали настойчиво преследовать без единого выстрела.

На высоте километра Юлька перегнала ускорители в пакетный режим; в паре с гравиприводом это разогнало «бумеранг» до совершенно сумасшедшей скорости – в другое время Юлька не решилась бы на такие полетики в атмосфере. Термодатчики в обшивке давно зашкалили, но Юлька знала, что обшивка сможет выдерживать трение о воздух еще достаточно долго. Но потом «Ценитель» все-таки превратится в неуправляемый болид.

Юлька надеялась, что до этого не дойдет.

Крейсер снизился до трех километров, и вот тут в полной мере показал на что способна техника чужих. Юльку он настиг в четыре минуты, ускорившись на мгновение, и сразу погасив ход. Мелкие истребители проворно расползли в стороны и попытались зажать Юльку с боков; самая близкая четверка спустилась метров на двести ниже и явно намеревалась не позволить ей зайти на посадку. А потом крейсер выплюнул откуда-то из-под необъятного брюха еще одно звено-четверку. Эти нацелились отрезать Юлке путь в небо. А сам крейсер стал потихоньку нагонять «бумеранга», напоздать, как дождевая туча, медленно и неумолимо.

Юлька пробовала проскочить вбок между вражескими катерами – те сразу начали стрелять. Не по Юлке – чуть вперед по курсу. Ставили впечатляющие заслоны из сиреневых вспышек, так что поневоле приходилось отворачивать на прежний курс. Пробовала прижаться к поверхности – нижние истребители выткали излучателями сплошной фосфоресцирующий ковер, намертво отрезая от волжского океана.

Крейсер приблизился на пять километров, когда разогнанный «бумеранг» прошел над береговой линией. Горючее неумолимо таяло – на таком форсаже Юлька не перетянула

бы через весь материк. Рухнула бы где-нибудь далеко за плоскогорьем Астрахань, ближе к Кумским горам.

По иронии судьбы истребители гнали ее практически точно на чистяковскую заимку и Ворчливые Ключи.

Тогда-то и вспомнила Юлька о подарке Ирины Тивельковой, хозяйки беспокойного Манифеста. О маленьком плоском рюкзаке, внутри которого пряталась готовая система — купол-крыло и запаска.

Чужие не позволят ей сесть. Им зачем-то нужна либо она сама, либо корабль. Иначе давно бы расстреляли и не жгли попусту дорогостоящее топливо.

Почему-то ей представлялось, что внушающий смутное уважение диск-преследователь жрет массу какого-нибудь экзотического энергоносителя.

Погоня окажется над Ворчливыми Ключами минут через десять. Или чуть раньше. Успеет ее нагнать чужой крейсер? Зажмут юркие инопланетные истребители? Во всяком случае времени мало. И еще нужно изобрести способ выбраться из обреченного «бумеранга»...

Какая ирония! Чужие лишили звездолета Рому Савельева, а теперь пытаются сделать бескрылой и ее...

Додумать Юлька не успела. Автопилот заорал так, что захотелось оторвать себе уши. Одновременно «Ценитель» стал плавно набирать высоту, хотя тяга гнала его точно по горизонту.

Юлька затравленно осмотрелась — диск уже настиг ее. Сероватый край великанским козырьком нависал над маленьким корабликом, и в необъятном днище диска уже жадно отверзлось жерло сегментного шлюза. «Бумеранг» тянуло в этот шлюз — неумолимо и настойчиво. словно щепку, влекомую могучим весенним течением.

Ясное дело, гравитационный захват. Привод «Ценителя» сразу же засбоил, разводка пошла с перекосом и гравиподаватель благополучно захлебнулся. Юлька лихорадочно тянула из-под кресла застрявший рюкзачок с парашютом.

Звездолет — не атмосферный тихоход «Шмель-омега». Рампы у него нет. И катапульты, как в самолетах, нет. Да и из регулярного люка на ходу не выпрыгнешь. Размажет по обшивке на такой скорости... Вдобавок еще и привод взбесился из-за помех — у чужих могучие установки.

Но решение было, и Юлька нашла его очень быстро. Фильтрационный отстрел — у нее нет выбора.

Она нацепила легкий, почти невесомый рюкзачок, поправила на плечах лямки, застегнула все, что только можно было застегнуть и напялила неуклюжий шлем с встроенным блоком лазерного наведения. Власт в кобуре. Что еще? Декомпрессия? Нет, высота всего около километра, какая уж тут декомпрессия? Ага, карта...

Юлька выдернула из щели считывателя корабельного компьютера личную карту и сунула ее в карман. Вот ведь подлость, даже проститься со своей посудиною нет времени...

Она выскользнула из тесной кабины, протиснулась за обшивку санблока и открыла узкий, похожий на гроб, фильтрационный шкаф. Быстро набрала задержку на таймере. И активировала сброс.

Все. Теперь возврата нет. Прощай, «Ценитель»... Прощай «Der Kenner»... Прощай и прости...

На глаза невольно навернулись слезы. Юлька втиснулась в шкаф, задраила дверцу и нашарила в темноте заветное кольцо на жестком металлизированном поводке.

Никогда она не думала, что первый ее прыжок состоится в таких экстремальных условиях.

Таймер тикал, отмеряя секунды. А потом умолк. Одновременно зашипел пневмопривод, шкаф вздрогнул, и Юльку выплнуло из корабля.

Сначала ее сильно ударило ветром, но потом ветер неожиданно стих; ее развернуло лицом к небу, но вместо неба она увидела близкое-близкое днище вражеского диска. Диск медленно удалялся. Точнее, это Юлька падала, но казалось, что удаляется диск, а Юлька неподвижно зависла между ним и Волгой.

Она выскользнула из гравизахвата. Не то поле было строго векторное, не то отстрел выплнул ее за пределы столба — во всяком случае своего она достигла. «Ценитель» уже исчезал в черноте распаханного шлюза. И она перевернулась лицом к Волге.

Юлька быстро теряла горизонтальную скорость, лежа на потоке. В голове неприятно шумело, и давление в уши ощутимо нарастало. Степь угрожающе надвигалась; Юлька зажмурилась и потянула за кольцо. С сухим шелестом, слышным даже в шлеме, из-за спины полезло что-то упруго-шевелиющееся, потом Юлька ощутила сильный рывок, и падение несколько замедлилось. Вверху раскрылся красный, разделенный на

продольные секции, купол-крыло. Юлька раскачивалась под ним словно медальон на шее бегуна. А крейсер-диск чужих все еще шел над ней. Переднего края Юлька уже не видела, не видела и пасти сегментного шлюза.

Зато спустя несколько секунд она заметила далеко-далеко впереди себя приближающиеся истребители. И еще — еле-еле ползущий по степи вездеходик. Вездеходик тоже приближался.

А потом Юльке стало не до наблюдений — она снизилась настолько, что ни о чем, кроме приземления временно не могла думать. В ушах сам собой прозвучал голос Кости Зябликова: «Ноги вместе! Ноги!»

Юлька послушно свела ноги.

Волга ударила ее по стопам. Больно, но не смертельно. Парашют не желал опадать, все норовил поработать немного парусом, и Юльку тащило за ним добрых двадцать метров. Потом она удачно дернула за стропу, и красный пузырящийся шелк наконец погас, бессильно осел в пыль. Как раз в этот момент три истребителя с шелестом пронеслись над ней — не с ревом, а лишь с шелестом рассекаемого воздуха. Двигателей их Юлька совершенно не слышала, хотя уже откинула лицевую пластину шлема и звуки степи стали доступными.

А четвертый корабль совершил головокружительный вираж с разворотом-переворотом, и мягко опустился на траву метрах в восьмидесяти от нее.

У Юльки еще достало сил потянуться за бластом.

Она ожидала, что в обтекаемом борту чужого истребителя откроется какой-нибудь люк, выдвинется сходня, или произойдет еще что-нибудь в этом роде.

Ничего подобного.

Пилот выскочил из истребителя словно пробка из бутылки шампанского — вертикально вверх, кажется — из самой высокой точки корабля, из макушки еле выраженного колпака посреди шестиметровой плоскости. Выскочил, раскинул крылья, на мгновение завис, и по косой дуге ринулся к Юльке.

Юлька выстрелила прежде, чем что-либо успела сообразить. Без всякого лазерного наведения — лицевая пластина шлема так и осталась откинутой. Тем не менее она попала, с первого выстрела.

Чужого астронавта сшибло с дуги, он несколько раз кувыркнулся и рухнул в траву, как подстреленный рябчик.

Юлька перевела дыхание и опустила пластину. Все-таки с наведением целиться куда проще. Бласт она и не подумала убрать или выронить.

Сзади напал равномерный гул гравиподушки — приближался замеченный при посадке вездеход. «Кого еще несет?» — сердито подумала Юлька, разворачиваясь.

Вездеход, вздымая жиденький шлейфик пыли, несся прямо к ней. Юлька выразительно подняла бласт и прицелилась. Светящийся квадратик целеуказателя мигал прямо на вездеходе.

А потом шустрая машина остановилась и из кабины выскочил взъерошенный Рома Савельев, и еще — Костя Чистяков, как всегда улыбающийся.

И Юлька немного расслабилась.

Савельев с ходу налетел на нее, обнял, приподнял.

— Ну Юлька! Ну отчаянная!

Она тоже улыбалась, хотя улыбка пряталась под шлемом и никто не мог ее увидеть.

— Ты цела хоть?

Юлька кивнула. «Если бы не шлем, он точно бы меня расцеловал, — подумала она. — Хороший он, Ромка...»

— Рома, — спокойно сказал Чистяков. — Полюбопытствуй...

Савельев отпустил Юльку и обернулся к нему. Юлька тоже взглянула — прямо на них неслась тройка оставшихся истребителей. Низко-низко, стелясь над самыми пучками степных ковылей.

И тогда, ни слова не говоря, Савельев ринулся к сидящему чужому истребителю.

— Куда? — растерялась Юлька; она невольно пробежала метров десять за ним, пока не споткнулась о тело убитого чужого. Рядом возник Чистяков.

Савельев ловко вспрыгнул на плоскость истребителя, заглянул в открытый люк на макушке выпуклой кабины, и скользнул внутрь, как ныряльщик. Во вражеский корабль. Люк был узкий, и Савельев едва протиснулся.

Тройка истребителей сократила расстояние вдвое. Они неслись над степью правильным треугольником на одной высоте — метрах в десяти над землей. Неслись точно в лоб сидящему собрату.

Юлька подняла бласт, сразу начавший казаться маленьким, немощным и жалким. Но выстрелить не успела — что-то ослепительно блеснуло и передний из истребителей вдруг исчез в синей вспышке. Оставшиеся чужаки зацепили это сияние лишь краями

плоскостей, но и этого хватило: они мгновенно утратили стройность полета, перевернулись и парой огненных болидов вонзились в степной суглинок. Юльку и Чистякова сшибло в траву короткой и мощной воздушной волной.

А потом стало тихо.

Юлька приподняла голову — Рома Савельев стоял на плоскости севшего истребителя и пристально разглядывал место падения одного из болидов. Чистяков сидел на корточках над трупом пилота-инопланетянина. А рядом с вездеходом неподвижно стоял рослый парень с отвисшей челюстью, от которого за версту разило какой-нибудь глухой заимкой вдали от цивилизации. На руках парень держал ребенка — мальчишку.

Юлька тоже поглядела на пилота, которого сама же недавно и подстрелила. Пилот был заметно меньше человека, не выше метра. Птичью голову прикрывал прозрачный шлем; серый свободный комбинезон, весь в складках, прожжен импульсом бласта. Плоть в месте попадания запеклась черной коркой. Юлька поморщилась, но взгляд не отвела. Обувь казалась смешной — похоже, ноги у чужака устроены совсем иначе, чем у людей. К поясу пристегнута продолговатая штуковина, похожая на оружие. Чужак даже не пытался взять штуковину в руки — да и не мог он этого сделать, потому что руки явно служили ему и крыльями тоже, а в полете, наверное, не очень-то постреляешь. Но зачем он, дурень, полез наружу прямо под ствол юлькиного бласта? Зачем? Мог ведь сжечь из корабельного оружия, а в мощи последнего все недавно могли убедиться. Мог — и не сжег. Значит, Юлька была нужна чужаку живой?

— Давайте-ка убираться отсюда, — негромко сказал Чистяков. Савельев прыгнул с плоскости на траву и трусой приблизился.

— Е-мое! — сказала Юлька. Сначала она хотела кое-что произнести по-немецки, но потом передумала и ограничилась емким русским «Е-мое». — Как ты сумел выстрелить по ним, Рома?

Тот передернул плечами.

— Эй! — напомнил о себе Чистяков. — В вездеходе поговорите. Пошли.

Юлька с сомнением оглянулась на вражеский истребитель, похожий не то на огромную детскую игрушку, не то на гигантское украшение.

— Даже и не думай, — проворчал Савельев. — Если пальнуть из этой штуки еще можно, то поднять в воздух — вряд ли. Чужая она.

Юлька вздохнула. Иногда ей начинало казаться, что Савельев может все. Но это ей только казалось, потому что сам Савельев всегда развеивал напрасные надежды.

И она послушно направилась к вездеходу.

— Эй, деревня! — рявкнул на парня с ребенком Чистяков. — Садись!

Парень послушно нырнул в кабину.

Чистяков зачем-то взял с собой убитого инопланетянина. Затолкал его в багажник, и, бросив Юлке: «Подвинься...» устроился рядом. За руль сел Савельев.

«Как бы остальные истребители не вернулись», — озабоченно подумала Юлька и вездеход тронулся.

Как много произошло за какие-то двадцать минут! Потеря звездолета. Первый прыжок. Убитый инопланетянин. Встреча со своими.

Юлька чувствовала, что теряет способность удивляться. Вообще теряет способность к проявлению эмоций — наверное, она подошла к некоему пределу, за которым сознание перестает воспринимать окружающее как реальность.

И вправду, происходящее казалось скорее сном. Но таким сном, в котором испытываешь реальную боль и где вполне можно умереть.

А значит — нужно сражаться, даже не удивляясь. Оставаться холодной и спокойной, но всегда помнить: от этого сна можно и не очнуться.

Вездеход вгрызлся в потревоженный прохождением чужого звездолета степной воздух. Савельев гнал на северо-запад, к карстовому буйству Ворчливых Ключей. Чужие истребители так и не вернулись, а крейсер-диск давно исчез за горизонтом.

17. Михаил Зислис, ополченец, Номо, планета Волга.

Первую волну чужих они благополучно перестреляли. Из кустов. Зислис все больше склонялся к мысли, что воины из зелененьких никакие. На своих могучих кораблях они еще чего-то стоили, а в качестве пехоты являлись скорее пушечным мясом, чем боевыми единицами. Яковец, Веригин и Зислис, а также невидимые им стрелки справа и слева раз за разом палили из бластов, едва залегшие в траве чужаки пытались встать и перебежать вперед. После каждой такой перебежки на ноги поднималось на три-четыре инопланетянина меньше.

Зислис недоумевал. Зачем они лезут под выстрелы? Почему не пытаются стрелять сами? Почему не используют корабли? Да пусть над укрытиями патруля единственный штурмовик на бреющем, он же всех защитников с черноземом перемешает! Но корабль чужих прошел у них над головами всего один раз — обдал порывом прохладного ветра, и стигнул в направлении города. Даже не выстрелил ни разу.

Сначала Зислис палил наудачу, не глядя. Только поднималась полупрозрачная фигура из травы, сразу давил на спуск. А потом решил рассмотреть чужаков получше. Внешне инопланетяне очень напоминали ходячие скелеты с очень толстыми костями. В принципе, они были антропоморфными, по крайней мере имели две руки, две ноги и голову. Но в их телах насчитывалось больше десятка сквозных отверстий — в самых неожиданных местах, как то в груди или в области таза. Непохоже, чтобы чужаки носили какую-нибудь одежду, но они явно пользовались каким-то волновым камуфляжем и полупрозрачными казались не зря. Вообще, чужаки скорее смахивали на рукотворные конструкции из повторяющихся продолговатых блоков. Все были вооружены короткими толстыми палками с изогнутым стержнем посередине. На уничтожение группы из сорока десантников у патрульных-людей ушло минут десять. До смешного мало.

Когда чужаков-пехотинцев выбили подчистую, Яковец некоторое время пристально обшаривал взглядом поле космодрома. Потом оглянулся; встретился глазами с Зислисом.

— Молодцы, — сдержанно похвалил сержант. — Отлично стреляете. Не ожидал.

— Брось, — вздохнул Зислис и поморщился. — На Волге стрелять учатся раньше, чем читать.

Яковец неопределенно хмыкнул.

— А ведь правда! — подал голос Веригин. — Слышь, Миша? Зелененькие вряд ли ожидали, что на мирной рудокопской планетке практически каждый взрослый мужчина вооружен и пускает оружие в ход без лишних раздумий. Хоть в этом людям повезло!

— Меня другое беспокоит, — отозвался Зислис скорее угрюмо, чем воодушевленно. — Они почему-то не стреляли по нам. Я не могу понять в чем дело. Мы им что, живьем нужны, так получается?

— Живьем? — удивился Веригин. — Зачем? Для опытов, что ли?

— Откуда я знаю? — Зислис лежа пожал плечами. — Но ведь они действительно не стреляли. Ни пехотинцы, ни пилоты.

От кирпичного сарайчика отделилась согбенная фигура в комбезе патрульного. В две перебежки человек достиг кустов, где прятались ополченцы с Яковцом. Это был давешний служака-патрульный — Зислис его сразу узнал.

— Пан сержант! — зашептал служака праведно. — Я вынужденно покинул пост...

— Молодец! — прервал его Яковец. — Орел! Хвалю. Хорошо стрелял. Залег-ка во-он там, с краешку. Сейчас, поди, снова полезут.

— Есть, пан сержант...

Солдат сновистом отполз в сторону и выбрал удобное для стрельбы местечко.

Яковец некоторое время общался с Фломастером по коммуникатору. Зислис наблюдал: похоже, чужие затевали вторую высадку. Может, они были и никудышными пехотинцами, но второй раз допускать те же ошибки явно не собирались. Теперь к краю посадочного поля тянули другие корабли, побольше чем штурмовики. И высадили они не пехотинцев, а танки.

Танки к удивлению Зислиса оказались не антигравитационные, а шагающие. Эдакие металлические цыплята четырех метров ростом. Приплюснутая кабина несла два орудия, и цыпленок оттого казался хищным — клыкастым. Два десятка танков рассыпались цепью и слаженно поперли на позиции патрульных. Сразу стало понятно, что из бласта эти машины не повредить. Веригин наудачу пальнул несколько раз и сквозь зубы выругался.

Откуда-то слева по танкам лупили из стационарных орудий-пульсаторов, наверное это старались Фломастер, Ханин и их неразбежавшиеся солдаты. Лобовые попадания танки вроде бы выдерживали, но вскоре одному перешибли лапу и танк косо съехал на кучу песка, второму всадили импульс прямо под кабину и кабина мигом слетела с ходуль. Появилась работа и у бласт-стрелков: из поврежденных машин полезли танкисты, такие же ходячие скелеты. Эти пытались отстреливаться из своих палок, но Зислис так и не понял — что это за оружие. До спасительных кустов не долетело ни единого импульса, ни даже примитивной металлической пули — непохоже, чтобы оружие чужих вообще работало.

Потом прямо на позицию, где укрывались Зислис с Веригиным, набежал один из танков. Бласты не брали броню цыпленка даже при выстреле в упор; Зислис с

опаской глядел на массивные тускло-серебристые ходули, вминающие плотную космодромную почву. За танком тянулась цепочка неглубоких округлых следов. Солдат-часовой швырнул по танку силовую гранату; близкий разрыв резанул по ушам. Танк на миг замедлился, повертел башней и вдруг плюнул чем-то нервно-паралитическим. Зислис, Веригина и Яковца эта дрянь задела лишь краешком, но и этого хватило, чтобы на миг вывернуться наизнанку. Солдату досталось в полной мере — он дернулся и затих; из танка тотчас выскочил скелет и шмыгнул в кусты, к лежащему часовому. Зислис нашел в себе силы пристрелить чужака; тот, видимо не ожидавший, что после залпа в кустах кто-нибудь уцелел, споткнулся и рухнул лицом вниз. А Яковец, словно заправский баскетболист, отправил гранату навесом в открытый люк танка. Гулко бабахнуло, и железный цыпленок величаво рухнул, словно задремавший на ходу гуляка. На выручку кинулся еще один танк, но его наполпути к кустам артиллеристы подстрелили из пульсатора. Танкистов-чужих, попытавшихся спастись бегством, добросовестно выкосили из бластов.

В общем, не так уж все оказалось безнадежно, как ожидал Зислис. Танки тоже мало помогли чужакам — если те и рассчитывали побродить по позициям и парализовать всех обороняющихся, у них мало что получилось. Парализовали всего троих; Зислис отполз к неподвижному солдату и убедился, что тот жив, хотя и без сознания. Из двадцати танков уцелело только шесть; остальные либо свалили на землю, либо повредили. Танкистов ухлопали всех до единого; уцелевшие танки без особого успеха потоптались на границе территории патруля, но все, что они смогли сделать — это вдрызг угробить проволоочное заграждение. Потом танки слаженно отступили в сторону Манифеста, где стрельба велась пожиже. Наверное, там отбивались парашютисты или пилоты атмосферников, тоже ребята решительные. Только вооруженные хуже.

В редкие минуты затишья доносился далекий басовитый шелест — в Новосаратове тоже стреляли вовсю.

Вторая волна инопланетной атаки захлебнулась, и откатилась; над полем космодрома вновь прошли транспортные корабли чужих, подобрали неприкаянно бродившие по открытому пространству танки и убрались в зенит.

Зислис стал испытывать даже что-то вроде презрения к противнику: неужели до сих пор чужие воевали только с беспомощными гражданскими? Неужели никто доселе не решался дать им решительный отпор? Даже тот факт, что инопланетяне ни разу толком не выстрелили, как-то незаметно отошел на второй план и забылся. Веригин тихонько насвистывал что-то воинственное, Яковец возился с оглушенным солдатом, пытаясь привести его в чувство с помощью регулярной патрульной аптечки.

Потом, не особо скрываясь, пришли сержант Ханин с рыжим рядовым, принесли свежие батареи к бластам, пакеты с сухим пайком и шестилитровый походный термос с горячим кофе — Фломастер продолжал удивлять Зислиса. Парализованного часового Ханин унес в здание. Спустя минут десять со стороны Манифеста явилось десятка полтора взъерошенных ребят с ручными бластами — у них истошились батареи. Тут же словно бы из ниоткуда возник Фломастер, переговорил с ребятами, каким-то образом выделил из них старшего, и послал одного из рядовых оживлять зарядные установки. Свежих батарей к мощным патрульным бластам в оружейке оставалось еще предостаточно, но к ручным бластам парашютистов они не подходили. Заодно выяснилось, что среди парашютистов есть двое врачей — они сразу занялись парализованными. Но помочь им ничем не смогли — чужие непонятным способом затормозили часть нервных процессов; ничто не угрожало жизни раненых, но и вывести их из нервного ступора врачи не сумели.

В общем, ополчения прибыло, и Зислис с Веригиным перестали себя ощущать белыми воронами. Кое-кого из парашютистов Зислис даже знал — Макса Клочкова, Костю Зябликова, Луиша Боаморте. Луиша большинство волжан считало американером, как и всякого нерусского, но Зислис точно знал, что сам Боаморте называет себя португалом. Впрочем, Зислис тоже был не вполне русским — фамилия и часть крови его происходили из земной Прибалтики.

Удачное отражение первых атак здорово укрепило боевой дух патрульных и их добровольных помощников, но неподвижно висящая над космодромом громада потихоньку сводила хорошее настроение на нет. Каждый понимал — первые ошибки чужих объясняются обычными просчетами в планировании. Существа, способные строить и удерживать в небе такие громады, конечно же, найдут управу на дерзких дикарей. Но все равно сдаваться без боя никто не желал.

Над городом тоже висел блин инопланетного крейсера, и вскоре стало известно, что десант чужаков в Новосаратов захлебнулся почти так же быстро, как и десант на космодром. Практически все мужчины-волжане всегда имели при себе бласты и

прекрасно стреляли. Неудивительно, что на время позабылись старые распри и народ мгновенно организовался против общего врага.

Маленькая и разобщенная Волга вдруг обратилась на редкость твердым орешком и публика наверху сейчас явно гадала как бы посподручней его разгрызть.

18. Павел Суваев, ранее — оператор станции планетного наблюдения, Ното, планета Волга.

Впервые в жизни Суваев ощутил пользу от детского увлечения чужими. Реальную пользу.

Он узнавал корабли, которые сыпались на Новосаратов, как крупа из прохудившегося мешка. Он сразу понял, с кем придется иметь дело — с расой-сателлитом азанни, с цоофт и с самими азанни. Он сразу понял, что чужие преследуют какую-то иную цель помимо истребления людей на Волге, потому что опознал оружие высадившегося десанта — шок-станеры и биопарализаторы. Оружие, которое не убивает. Суваев наверняка знал: крейсер, что висит в зените и застит небо — крейсер азанни.

Дедовская чудо-база не лгала. Все, что он помнил, совпадало с действительностью до мельчайших подробностей. А помнил Суваев почти все, потому что других увлечений у него в детстве не сложилось, да и теперь он часто проводил время за домашним компом, на который, конечно же, перекочевала дедовская база в процессе последнего апгрейда, и с удовольствием следил за изменениями в базе. За прогрессом чужой техники.

Начало десанта застало его в собственной квартире — Светка с дочерью сидели в детской тише воды, а сам Суваев только что переговорил с Зислисом и Веригиным, которые с упорством фанатиков блюли пост на станции. Суваев только-только успел вытащить бласт из ящика стола и рассовать по карманам пяток заряженных батарей. На улице закричали. Это не был крик боли или страха — скорее наоборот, голос полнился негодованием и решимостью кинуться в драку. Спустя секунду крик обратился в слаженный рев нескольких десятков глоток.

Суваев прошел к окну — внизу, у входа в вестибюль первого этажа, собралась толпа, человек сорок. Почти исключительно — мужчины. И практически все вооруженные. Все, задрав головы, глядели вверх, многие указывали в небо пальцами или стволами бластов.

В тот же миг позвонили в дверь; Суваев осторожно приблизился.

— Кто? — спросил он, игнорируя следящую электронику. Послышался голос соседа, которого Суваев едва знал.

— Эй, мужик! — прохрипел сосед из-за двери. — Мы тут комитет по встрече организовали... Если у тебя не компот в штанах, выходи, поможешь.

— Иду! — сказал Суваев коротко. — Сейчас!

Он обернулся — так и есть, Светка с малышкой на руках стояла на пороге детской. Глаза у нее были совершенно белые.

— Из дома — ни шагу! — сказал Суваев негромко. — Что бы не случилось. Я обязательно вернусь. Слышишь? Обязательно.

Жена поспешно кивнула. Как всегда.

И Суваев вышел в вестибюль. Здесь стояло человек пять, все жильцы этого же дома. Хрипатый сосед, углядев в руках Суваева бласт, одобрительно крякнул.

— Ну, вот, я же говорил! — обернулся он к спутникам. — Это наш мужик, не тряпка какая-нибудь. Пошли, еще шестой уровень потрясем...

Суваев вместе со всеми поднялся уровнем выше, где к группе присоединились еще двое взрослых с бластами и безусый юнец со взглядом сумасшедшего и тяжеленным турельным сактометом времен покорения Фалагост. Эту махину юнец приподнимал с трудом, а хрипатый снова разразился речью, суть которой сводилась к «Я же говорил...» и всему такому прочему. Суваев с тревогой вслушивался в наружные звуки.

Потом они спустились и оказались во дворе; Суваев сразу узрел шастающие над городом малые разведдиски шат-тсуров и подумал, что защитное поле крейсер, пожалуй, снял.

— Что скажешь? — поинтересовался хрипатый сосед.

Суваев пожал плечами.

— Это десантные корабли. В каждом — по десятку чужих. Таких, похожих на скелеты. Стрелять нужно в голову; из ручных бластов хрен чего мы им сделаем, если целить в другие места.

Многие в толпе с недоверием оборачивались и разглядывали Суваева. Коренастый крепыш со второго уровня, кажется, отставной патрульный, который пытался организовать из толпы подобие боевого отряда, подозрительно справился:

— А ты откуда такие подробности знаешь?

— От верблюда, — буркнул Суваев неприветливо. — Не хочешь — не верь.

И тут где-то неподалеку поднялась беспорядочная стрельба. Толпа, так и не ставшая отрядом, моментально рассыпалась; Суваев заметил, что никто не бросился назад, в здание. Напротив, народ рассредоточился по двору, попрятался в заросли, в детские домики-горки, кто-то торопливо нырнул в выбитое окошко подвала и выбивал соседние окошки, больше похожие на бойницы. Сактомет общими усилиями водрузили на треногу и развернули в направлении улицы.

А спустя минуту над перекрестком завис разведиск, потом другой, третий... И во двор хлынули действительно похожие на скелетов десантники. Они выглядели совершенно как в анимашках дедовской базы, только оказались чуть ниже людей, а не чуть выше, как ожидал Суваев. Несколько иные пропорции тела словно подчеркивали: это — чужие.

Пальба поднялась совершенно невообразимая; из-за того, что защитники рассыпались кто куда, половина угодила под огонь своих же. Кого-то даже подстрелили. Суваеву повезло, он залег на самой границе детского городка, у железки, которая должна была изображать звездолет-грузовоз. Перед ним были только чужие, он осторожно высовывался и стрелял по врагу, а не по своим. А когда понял, что шат-тсуры вооружены парализаторами, а не лазерами, как полагалось обычному десанту, Суваев и вовсе осмелел: прятаться перестал и спешить тоже перестал, целился тщательно и бил наверняка.

И тем не менее часть десанта прорвалась к обороняющимся; у сактомета завязалась короткая и жестокая рукопашная, в результате которой четверых шат-тсуров запинали до состояния неопознавшихся комков не то плоти, не то какой-то квазиживой пластмассы, а двоих защитников щедро попотчевали разрядами парализаторов. Безусого юнца, хозяина сактомета, кстати, в том числе. Хрипачий сосед куда-то потерялся, а к Суваеву теперь жался сухопарый, постоянно щурящийся парень в затененных линзах. Стрелял он неумело и бестолково, а на Суваева глядел с немым уважением. Хорошо хоть не болтал — и на том спасибо.

В общем, первый удар отбили сравнительно легко, отставник зычно орал какие-то невразумительные команды, но его мало кто слушал. Высовываться опасались, потому что над перекрестком зависла парочка разведдисков, но бабахали они из чего-то нервно-подавляющего, к счастью, куда-то в другую сторону.

Чуть позже на перекрестке возникли шагающие танки — вещь древняя и на взгляд Суваева совершенно декоративная. И уж точно совершенно бесполезная в бою. Прямо на глазах у защитников двора обычная полицейская платформа с полудохлым пульсатором на борту затеяла бой сразу с тройкой танков, и за счет маневренности (все-таки гравипривод!) меньше чем за минуту два танка сожгла к чертовой матери, а третьему отрезала обе ходули и он нелепой горой серого металла застыл на перекрестке. Танкистов под всеобщее улюлюканье добили из сактомета, а заодно подожгли и этот увечный танк. Полицейские благодарно погудели сиреной и немедленно убрались в сторону центрального парка, а на перекрестке снова показались шагающие танки — на этот раз добрая дюжина.

Самое паршивое, что при всей абсурдности этих машин ручные бласты их все-таки не брали, и кое-кого из обороняющихся в кустах у витрины супермаркета просто передавили, как тараканов.

Суваев знал слабое место шагающих танков — бронированный шар гироскопа под днищем. Но из бласта его все равно не повредишь, а сактометчики во-первых стреляли куда попало, а во-вторых просто не успевали угостить всех — танков было слишком много. Один танк кто-то все-таки подранил — подволакивая правую ногу он собрался было вернуться на перекресток, но второй выстрел из чего-то явно помощнее ручного бласта угодил именно в гироскоп, отчего под днищем глухо ухнуло, в почву ударила тускло-синяя молния, и кабина танка просто отделилась от шагающей платформы. Рухнула в песочницу, как обреченная банка с селентинской тушенкой.

Маленькую победу над техникой чужих отметили новой волной рева и уплотнением огня.

И все-таки чужим сопротивлялась толпа. Не слаженная и упорядоченная группа, а стихийная толпа, где каждый действует по собственному разумению. Суваев понял, что для чужих смять подобный заслон — всего лишь вопрос времени. Вряд ли продолжительного. Как только они поймут, что слегка фрайернулись и что голыми

руками зажатого в угол зверька не взять, они принесут ловчую сеть. Но покидать ряды обороняющихся прямо сейчас... Почему-то не хотелось, чтобы оставшиеся подумали, будто у него компот в штанах. Грубоватое одобрение хрипато-соседа польстило, чего уж там. И Суваев невольно решил держать марку до конца. Тем более, что к нему жался уже не только близорукий, похожий на воблу, парень в контактных линзах, а и плечистые парни-близнецы с пятого уровня, и какая-то отчаянная девчушка с иглометом, и глухонемой старик из дальнего крыла...

Наверное, что-то в Суваеве говорило окружающим: я — вожак!

А в трудные минуты стоя всегда держится вожака.

Разве можно обманывать стаю? Стаю, которая признала в тебе вожака?

Глупый вопрос.

19. Моеммиламай, угол триады, Zoopht, дворец триады, планета Цо.

— Таким образом, любезный Моеммиламай, наши союзники-азанни капитально сели в лужу. Или, как сказали бы они сами — сели мимо насеста.

Высокий цоофт-интерпретатор поправил желтую накидку, и выжидательно поглядел на одного из трех.

Моеммиламай дуплетом мигнул и проворчал:

— Нечего было петь победные гимны раньше времени. И слушать этих чванливых свайге с их абсурдной идеей обратной зависимости интеллекта от сложности организма.

Обладатель желтой накидки, интерпретатор Латиалиламай, глава интерпретаторов планеты Цо, подумал, прежде чем произнести следующую фразу. Но все же произнес ее.

— Если мы вмешаемся сейчас и высадим десант на Волгу, это может сильно повлиять на престиж расы. В сторону повышения, разумеется.

Моеммиламай с некоторым сомнением щелкнул двухцветным клювом.

— Полагаешь, польза от этого будет сколь-нибудь заметна? — Один из трех с сомнением переступил с ноги на ногу и отвернулся к окну. — К чему усложнять отношения с самым близким и верным союзником? — продолжил он, словно бы обращаясь к кому-то находящемуся снаружи. — Если клюнуть посильнее и поглубже, легко понять, что нас и азанни надутые главы сат-кланов с Галереи Свайге тоже считают... атт-тт-т... малость слабоумными. Мы ведь птицы. Я бы, наоборот, поддержал азанни в неизбежной пикировке со свайге. В конечном итоге происходящее лишь подтвердило, что теория о врожденной дикости и тупоумии млекопитающих суть пустышка и не более, чем проявление слепого расизма.

— Триада признала разумность людей? — удивился интерпретатор. — С каких это пор? Моеммиламай сложил руки на зобе, шевеля всеми восемью пальцами.

— Неофициально, друг мой, неофициально. Люди отнюдь не дикири. Ты глядел видеозаписи их обороны? Цоофт оборонялись бы так же, если бы стояли на сходном уровне развития. Людей ли вина, что они позднее нас стартовали на пути к разуму и технологиям?

Латиалиламай качнул головой и вытянутой птичьей шеей. Собственно, слова одного из трех вполне отвечали убеждениям самого интерпретатора, но официально подобная точка зрения осуждалась. Отчасти, из консерватизма, отчасти из-за нежелания порождать новые конфликты со свайге, некогда — смертельными врагами цоофт и азанни, а ныне — союзниками. Тем более в такой напряженный момент — большой флот нетленных готовился вынырнуть в системе солнца Волги.

Триада распорядилась перебросить фронтальный флот цоофт поближе к Волге, но всем было ясно, что это запоздалая мера. Если нетленные не станут медлить, а медлить в этом случае стал бы лишь сумасшедший, они имеют прекрасные шансы смять незначительные силы союза у Волги, завладеть кораблем Ушедших, и скрыться за барьером. Насколько понимала триада и верховные интерпретаторы, все расы союза выслали мощные флоты, едва Рой предупредил о приближении нетленных. Но никто не успевал вовремя.

Ситуация накалилась; остроумное, хотя и рискованное предложение Галереи сблефовать, триада единодушно одобрила. Слишком глупо, чтобы сорваться сразу же, а выигранное время может решающим образом изменить расстановку сил у Волги.

Моеммиламай в частной беседе уже высказывал опасения, что люди могут осложнить ситуацию, если их допустить на крейсер Ушедших (кстати, кто первым сказал, что это именно крейсер?). опасения оправдались даже раньше — люди осложнили ситуацию мгновенно, едва союз попытался с ними соприкоснуться. Азанни и их сателлиты

потерпели сокрушительное поражение в первой попытке высадиться на Волгу и захватить людей в запланированный плен.

Трудно сказать, как повели бы себя цзофт, не уступи они союзникам право проводить операцию на поверхности. Цзофт досталось патрулирование системы, а какой смысл ее патрулировать, если самое худшее, что могло стрястись, уже стряслось? Если нетленные получили информацию и выслали флот вполне достаточный, чтобы обратить силы союза у Волги в космическую пыль и беспорядочное излучение? Азанни, несомненно, понадеялись на обычный шок неразвитых рас перед превосходящей технологией звездных пришельцев. Даже дурацкие шагающие танки своих тупоголовых сателлитов использовали. Спору нет, эти железные пародии на цзофт, испытанное средство морального давления, действительно сотни раз заставляли дикарей разбегаться.

А в сто первый дикари разбегаться не пожелали, а наоборот сплотили силы и быстро уничтожили большинство этих в высшей степени уязвимых механизмов. Уничтожили своими, дикарскими методами. И методов дикарских оказалось более чем достаточно. Может быть, у людей какая-нибудь особенная мораль или особенное чувство страха? Нечего сомневаться, что дикари-люди теперь постараются оказать сопротивление и более совершенным машинам. В провале первой атаки не было бы ничего непоправимого не находись союз в жутком цейтноте перед пришествием армады нетленных.

Впрочем, непоправимого не случилось и сейчас. Просто права на вторую ошибку союз уже не имеет.

Латиалиламай задумчиво склонил голову набок. Ох уж эти беседы с одним из трех... Конечно, атг-тг-т... Моеммиламай – старший родич по гнезду и все такое прочее. Но с ним никогда не поймешь вовремя, что частная беседа успела обратиться в официальную. До сих пор для интерпретатора эта неспособность отследить переход ни во что плохое не вылилась. Но если вдруг одному из трех, оранжевой накидке, вдруг понадобится главный виновник – больших усилий для подстановки младшего родича под наковальню от Моеммиламая не потребуется.

Впрочем, не зря же он один из трех? Ум и изворотливость, что еще нужно политику? Разве что, удача и своевременная информация. За информацию, кстати, отвечают именно интерпретаторы. Воистину, как говорят союзники-азанни: «Выше летишь, больше падать».

– Выноси на утверждение, – сказал Моеммиламай официальным тоном, и на этот раз интерпретатор сразу уловил, что приватная беседа закончилась. – Десантной группе флота «Степной бегун». Без разработки предварительного плана в сжатые сроки провести совместную с силами азанни атаку поселений людей на Волге. Пику пирамид Азанни Куан-на-Тьерцу и пику Сойло-па-Тьерцу выразить сомнения в целесообразности использования сателлитов непосредственно в операции. Разумеется, окончательное решение оставить за азанни. Если они опять публично обделаются, хоть времени зря не потеряем.

Латиалиламай покрылся пупырышками под накидкой. Снова переход, будь он неладен! А если бы интерпретатор уже начал трансляцию? Последняя фраза одного из трех могла бы возыметь серьезные, печальные и далекоидущие последствия...

Но глава интерпретаторов Цо снова ухитрился поступить правильно и тем самым спасти множество союзных шкур, в том числе и свою собственную. Он сначала записал волю Моеммиламая на свой секретарский компьютер. И только потом, соответственно откорректировав рискованные формулировки, отослал интерпретаторам остальных оранжевых из триады, кругу Цо и союзникам.

Как ни странно, Латиалиламай был даже рад, что формулирует не смертный приговор людям, а только приказ на их пленение. Что-то в этих непокорных существах импонировало интерпретатору. Что-то такое, чего начисто лишены пять рас союза и все без исключения сателлиты. Отчаянность? Способность к абсурдным, но гордым поступкам?

Может быть, это пресловутый, никогда не встречаемый доселе и потому загадочный разум млекопитающих?

Интересно было бы изучить людей. А воля одного из трех в конечном счете этому способствует. Хорошо, когда работа доставляет удовлетворение. Приятно. Во вселенной так мало приятного.

20. Куан-на-Тьерц, пик пирамид, Aszannu, центр долговременного планирования, планета Азанни.

В гневе пик всех пирамид Азанни был весьма грозен, и Сойло-па-Тьерц имел прекрасную возможность сполна в этом удостовериться. Удостовериться в который раз. Хуже, что ранее гнев повелителя небес вызывался причинами, независимыми от поступков пика пирамиды Сойло. А сегодня причиной гнева явился лично Сойло-па-Тьерц. Точнее, его провал на Волге. И это совсем не радовало азанни Сойло-па-Тьерца.

— Досточтимый пик! — с раскаявшимся видом говорил он. — Я вовсе не умаляю своей вины. Более того, я недавно упоминал, что советники пирамиды Сойло уже отмечали потенциальную способность расы людей стать нашей трудноразрешимой проблемой.

— Трудноразрешимой? — размеренное постукивание августейшего клюва дополнялось высоким атональным голосом потомственного аристократа. — И это я слышу от пика одной из самых стабильных и незыблемых пирамид Азанни?

— Именно так, досточтимый пик! Теперь я в полной мере убедился в масштабах этой проблемы. Мы имели дело вовсе не с тривиальной десантной операцией в условиях низкотехнологичного мира. Союз столкнулся с расой, которая совершенно не вписывается в устоявшиеся представления о новоразумных расах галактики.

Куан-на-Тьерц заинтересовался, и это стало очень заметно.

— Не вписывается? — подозрительно переспросил он, несколько умерив гнев. — Чем же люди не вписываются в наши представления?

Сойло-па-Тьерц выпрямил спину и распушил перья, отчего сразу стало казаться, что его креслонасест маловат для своего обладателя. Соображения были, конечно же, заранее сформулированы.

— Во-первых, уровень людской техники оказался заметно выше ожидаемого. Они пользуются импульсно-преобразовательным оружием, причем поразительно эффективным и мощным для среднего уровня технологий новоразумных. Информация свайгов относительно науки и индустрии аборигенов оказалась вопиюще неполной и безнадежно устаревшей. Во-вторых, процент вооруженности доминантного пола людей абсолютен.

— То есть? — Куан-на-Тьерц вопросительно раскинул крылоруки. — Что значит — абсолютен?

— Абсолютен — значит абсолютен. В буквальном смысле. Сто процентов людей-самцов на Волге вооружены. Более того, они обращаются с оружием с небывалой для гражданского населения сноровкой. Я невольно задаю себе вопрос, досточтимый пик: а что если мы столкнулись бы с их регулярными войсками?

— Сойло! — прощелкал изумленный пик пирамид. — Ты соображаешь, что несешь? Эта раса моложе нас тысячи циклов! Как они могут устоять перед вторжением галактов? Какие еще регулярные войска на планете рудокопов? Это бред неоперившегося птенца!

— Я тоже так думал, досточтимый пик. До десанта.

Пауза показалась Сойло-па-Тьерцу очень эффектной, Куан-на-Тьерц крепко призадумался; а пик пирамиды Сойло мысленно себя поздравил.

К Куану склонился призванный советник. Некоторое время августейший азанни внимательно слушал негромкий пересвист. Потом вновь взглянул на главу влиятельнейшей пирамиды.

— Это все доводы, любезный Сойло? Или нет?

«Он назвал меня по имени, — с удовлетворением подумал опальный военачальник. — Это добрый знак.»

— Советники пирамиды отмечают также нестандартное поведение людей. Строго говоря, их поведение вообще нельзя отнести к реакции новоразумных на визит галактов. Так могли бы нас встретить, скажем, цоофт или свайги во время междоусобиц. Люди совершенно — подчеркиваю: совершенно не боятся сложной техники, хотя явно понимают ее безусловное превосходство над собственной.

— Алые небеса! — Куан выглядел страшно озабоченным. — Корабль лучших солдат вселенной прилетел именно к людскому миру! Да и сам он управлялся человекоподобными! Слишком много совпадений, чтобы счесть их случайными. Пик пирамид Азанни с радостью бы хорошенько все обдумал и взвесил. Но галактам катастрофически не хватало времени.

— Я подключаюсь к союзникам, Сойло. Постарайся быть столь же убедительным.

Рядом с изображением Куан-на-Тьерца стусился новый голографический шар.

— Да окрепнет союз! — устало провозгласил первый азанни.

— Да окрепнет...

Закрытая от внешнего космоса могучими волновыми щитами связь руководителей пяти рас не прерывалась уже долгое время. Галерея Свайге, Рой, пирамиды Азанни, триада и круг Цо, технократическая верхушка а'йешей и командиры флотов у Волги

уплотняли время, как могли. Их давние враги, выходцы из Ядра, готовились к проколу барьера.

А люди на планетке затаились в ожидании нового, несомненно сокрушительного удара.

Куан-на-Тьерц сосредоточился и, как всегда, велел переводчику увеличить громкость. Автомат послушно прибавил; почему-то пику пирамид Азанни в такие моменты всегда казалось, что собеседники стали немного ближе.

Хотя на самом деле их разделяли тысячи световых лет.

Сначала коалиции азанни-цоофт как следует вломил бесстрастный Рой. Невозможно оценить ущерб, который повлечет за собой потеря драгоценного времени, говорил он. И без того рискованный план по дезинформации нетленных становится однозначно провальным, если на борту корабля Ушедших не окажется людей. А нетленные вполне в состоянии просканировать наличие органических форм жизни в определенном объеме. Неспособность коалиции азанни-цоофт сломить сопротивление горстки упрямых дикарей вселяют в умы союзников смятение и неуверенность в целесообразности союза.

Совершенно неожиданной оказалась бурная поддержка со стороны цоофт — Куан-на-Тьерц был немало удивлен, ибо считал, что цоофт станут отрешиваться от участия в провальном десанте. Собственно, цоофт имели все основания отреститься и взвалить всю ответственность на азанни. Но они не стали этого делать. Наоборот, цоофт свидетельствовали, что союз стал жертвой роковой дезинформированности и настоятельно посоветовали Галерее Свайге обновить сведения о Земле и других человеческих колониях в этой части галактики.

Свайге отмолчались; следующим выступил руководитель десанта на Волгу Сойло-па-Тьерц. Он, к счастью, оказался не менее убедителен, чем при беседе с Куаном. Известие о мощном импульсном оружии людей породило локальную бурю на Галерее Свайге.

Закончилось все коротким и на редкость весомым заявлением технарей-а'йешей. — Незачем тратить время на бесплодные обвинения и оправдания. Нужно просто организовать удачный десант. Коалиция азанни-цоофт имеет шанс смыть позор провальной операции на Волге, укрепить пошатнувшуюся репутацию надежных союзников, потому что ошибаться дважды — удел галактических дикарей. Удел цивилизованных рас — сделать верные выводы даже из неудачи и обратить ситуацию себе на пользу. А'йеши полагают, что людей следует брать исключительно массовым оружием — парализующим газом, псионическим ударом или еще чем-нибудь столь же эффективным. Коалиции азанни-цоофт такая атака вполне по силам, и пусть начинают немедленно.

А остальным следует сосредоточиться на работах внутри корабля Ушедших и на организации превентивной обороны в сферах ожидаемого прорыва флотов нетленных. Азанни могли смело делать круг облегчения над креслонасестами и приступить к правильной осаде людских поселений Волги, раз уж с лихого наскока нейтрализовать защиту не удалось.

Союз стал разворачивать новую операцию.

Строй крыла азанни вновь изменился; четыре рейдера сошли со стабильных орбит и присоединились к паре, кружащей над Волгой. Несколько крейсеров погрузились в атмосферу; цоофт готовились к высадке групп захвата и чистки.

«Алые небеса! — подумал Куан-на-Тьерц с легкой досадой. — Почему уничтожить планету всегда проще, чем покорить ее хозяев?»

21. Виктор Переверзев, лейтенант патруля, командующий ополчением, Номо, планета Волга.

Фломастер и Ханька курили сигарету за сигаретой, и в канцелярии теперь было сизо от дыма. То и дело появлялся Яковец, перебрасывался с Фломастером несколькими рубленными фразами, и снова исчезал.

— Ну, — не выдержал Ханин. — Что мы еще упустили?

Лейтенант нервно погасил окурочок о край переполненной пепельницы.

— Откуда я знаю? — угрюмо спросил он. — Я спец по патрулированию, а не по отражению атак из космоса. Я и об атаке-то узнал от наблюдателей...

Ханин вдруг наморщил лоб и задумался. Уловив его настроение, насторожился и Фломастер, и тут его озарило.

— Стоп... — протянул лейтенант. — Зислис! Это он сказал, что начинается атака! Ну-ка, давай его сюда!

Ханин с готовностью вскочил на подоконник и рывкнул в форточку:

— Зислис! Ау!

В курилке перед крыльцом сидело на лавочках человек шесть; мимо Яковец гнал кого-то к четвертому с грузом заряженных батарей.

Зислис послушно покинул курилку и остановился на краю дасфальтовой полосы.

Глядел он на лицо Ханьки, что маячило в открытой форточке.

— Чего? — спросил Зислис, поправляя бласт за плечом.

— Не «чего», а "я", вояка, тудыть... — буркнул Ханин. — В канцелярию!

Зислис пожал плечами и зашагал к крыльцу. Спустя несколько секунд он возник в дверях канцелярии; за его спиной, конечно же, маячил второй наблюдатель — Лелик Веригин.

— Миша, — без обиняков начал Фломастер. — Как ты узнал, что готовится атака? И что вообще творится там, на орбите? Можешь внятно рассказать?

Зислис пожал плечами и неуверенно пояснил:

— Там несколько флотов чужих. В смысле — нескольких рас. Они совершали какие-то малопонятные маневры, перестраивались. И, похоже, перестраивались для обороны.

Не то между собой передрались, не то еще кто-то к Волге спешит — не знаю.

Маленькие десантные корабли мы засекли со станции; их там как гнуса в тайге.

Крейсеры их как раз высаживали. Ну, я и решил, что сейчас будет атака...

— А с чего ты взял, будто флоты перестраиваются именно для обороны? —

переспросил лейтенант с некоторым нажимом. Взгляд его был жадным, и во взгляде легко прочитывалась надежда. Надежда на новую информацию, которая прояснит все, что случилось. И подскажет — как поступать в дальнейшем.

— Ну... — протянул Зислис, припоминая. — Бублики свайгов строились в оборонительную воронку, и крыло азанни... тоже.

— Воронку? — Фломастер приподнял брови. — Крыло?

Зислис вздохнул и признался, с некоторым даже облегчением:

— Это нам Суваев сказал. Он откуда-то много знает о чужих. Какая-то база у него на компе живет, он ее на досуге проглядывал. В общем, поглядел он на диаграмму, и говорит: мол, чужие к обороне готовятся. И о расах инопланетян, кстати, он нам рассказывал кое-что.

— Так-так... — пробормотал Фломастер и переглянулся с Ханькой. — А где он сейчас?

— В городе, — не задумываясь ответил Зислис. — Последний раз он звонил нам из дому.

— Надо его сюда вызвать! — решительно сказал Фломастер и потянулся к видеофону.

— Номер?

— У него жена, — предупредил Зислис. — И дочка. Он их не бросит в такой момент. Фломастер поморщился:

— Да кто его заставляет бросать? Пусть вместе и приезжают... Номер?

Зислис продиктовал, Фломастер немедленно пробежался пальцами по цифровой панели, но на вызов никто не отозвался, хотя ответа ждали вдвое дольше обычного.

— Хреново, — вздохнул Фломастер, сразу поскучив. Он поразмышлял с минуту.

— Вот что, — начал он, глядя Зислису в глаза. — Вы сможете сейчас возобновить наблюдение? Со станции?

Зислис задумался и пожал плечами.

— Вообще-то, главную антенну раздолбали. Я не знаю насколько серьезны повреждения. Смотреть надо.

— Вот и смотрите, — велел Фломастер, и по его тону сразу стало понятно, что это — приказ, и раз уж Зислис с Веригиным добровольно назвались ополченцами, то придется приказ выполнять.

— Ладно, — согласился Зислис. — Лелик со мной?

— Конечно, — подтвердил лейтенант. — И ты, Ханька, с ними ступай. Доложите сразу, как что-нибудь прояснится.

— Есть, — коротко, по-патрульному отозвался Ханин и встал.

— Потопали...

Фломастер вновь потянулся к цифровой панели, и Зислис понял, что он будет раз за разом набирать номер Суваева.

Только ответит ли Суваев?

Зислис вздохнул, и направился к выходу, следом за сержантом и Леликом Веригиным.

У самой двери он машинально отметил, что здоровый патрульный бласт словно бы сроднился с плечом, и уже перестал мешать. Словно стал частью тела.

Все-таки человек и оружие как-то связаны. Неким мистическим образом — не поймешь, кто для кого создан. Человек для оружия или оружие для человека.

Наверное, из людей со временем получились бы идеальные солдаты – содрогнулась бы вся вселенная. Дай лишь дорасти до технического уровня чужих... Только позволят ли людям до такого уровня дорасти? Зислис мрачно покосился на вражеский крейсер в зените и подумал: нет, не позволят. Точно. К станции они пустились легкой рысцой.

22. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга.

– Это где-то здесь... – задумчиво протянул Чистяков, глядя в экран бортового компа. – Ищи ориентиры.
– Какие к бесу ориентиры? – проворчал я. – Риггельд мне только координаты дал.
– Если верить компу, мы на месте.
– Значит, мы и есть на месте. Или ты не веришь компу?
– Да чего вы собачитесь, – вздохнула Юлька. – Выйти, да осмотреться, всего и делов.

Я покосился на нее – кажется, отчаянная пережила потерю корабля легче, чем я. Или держала себя в руках крепче моего – то и дело в зеркале-обзорнике мелькала моя мрачная физиономия. А Юлька казалась бесстрашной.

Но наверное – только казалась. Она ведь тоже любила свой малюсенький «бумеранг». Тоже считала его частью себя, продолжением собственной личности.

Вокруг расстилалась изрытая трещинами известковая долина. То и дело на пути попадались узкие колодцы, на дне которых плескалась мутная жижа – как-то раз я в такой провалился и просидел по пояс в воде двадцать два часа, пока меня не выловили Вася Шумов с покойным ныне Захар Петровичем Залуцким, первооткрывателем Долины Гейзеров. Захар Петрович говорил, что если б я не ругался на всю округу они прошли бы мимо. А я бы так и сдох в этом дурацком колодце от голода, а еще вернее – от переохлаждения.

– Останови, что ли... – сказала Юлька и едва вездеход лег брюхом на известняк, толкнула дверцу. Выскочила. Огляделась. Порывистый ветер ерошил короткую каштановую стрижку. Я вдруг подумал – а как бы выглядела Юлька, если б не стриглась под юношу-подростка? Пошли бы ей длинные волосы? Наверное, пошли бы. Ей все идет. Даже бесформенный старательский рабочий комбинезон. Даже тяжелые горняцкие ботинки. Даже рьяная кобура с бластом у пояса.

Чистяков тоже выбрался наружу. Ну, и я вышел поглазеть на окрестности.

Кое-где над известковой равниной поднимались конические земляные холмы, густо заросшие кустарником. Два таких холма возвышались левее нас. Один чуть ближе, один подальше. И еще один маячил немного правее и впереди.

– Риггельд вроде бы говорил, тут каньон какой-то есть, – неуверенно протянула Юлька. – Что-то мне память отшибло после первого прыжка...

– Говорил, – подтвердил Костя Чистяков. – Он еще предлагал тебе в каньоне «бумеранг» спрятать.

Я мысленно щелкнул Чистякова по носу – напоминать о потерянном корабле сейчас совершенно излишне. Слишком свежа рана – вон, как Юлька морщится. Но они правы, Риггельд действительно упоминал каньон. И рекомендовал нарезать кустарнику, чтоб спрятать корабль. Значит, рядом с каньоном должны быть эти самые покрытые зеленью холмики.

Точно, где-то здесь. Надо лишь поискать. Участок, где возвышаются холмы не так уж и велик в сравнении со всей карстовой долиной.

– Пойдем-ка на бугорок поднимемся, – предложил Костя. – Осмотримся с высоты, точнее...

– Пойдем, – охотно согласился я и взглянул на Юльку. – Ты с нами?

Она кивнула.

– И я с вами! – заявил пацан, который, оказывается, тоже выбрался из вездехода, и уже давно втихомолку подкрался и терпеливо подслушивал наш разговор. Его пожизненно удивленный сосед-американер неуверенно топтался рядом с поднятой дверцей вездехода.

Юлька взглянула на Борю и протянула руку.

– Держись, малыш!

Малыш храбро вцепился в ее ладонь.

– Мама говорила, что я уже большой, – сообщил он. – Поэтому я ни капельки не боюсь.

– Правильно, – согласилась Юлька. – Большой. Но мне кажется, нам всем скоро предстоит научиться бояться. И большим, и маленьким тоже.

«Ну и нервы у пацана. Мать на глазах погибла, а он о ней вспоминает — и ничего, — подумал я. — Не должно так быть. Разве так ведут себя внезапно осиротевшие дети? Впрочем, что я знаю о детях? Ровным счетом ничего... Я и видел-то их только издали.»

Юлька несильно пихнула меня в бок:

— Чего задумался, дядя Рома? Пошли...

И мы двинулись к ближнему из левых холмов. Белесые известняковые глыбы во многих местах искрошились, просели, и издалека напоминали неправдоподобно толстые и низкие кораллы. Бегать по такой долине — верный способ переломать ноги. Даже при ходьбе, когда внимательно смотришь куда ступать, и то недолго схлопотать вывих. М-да. Нежные стали люди, как пересели с коней на космические корабли. Какой-нибудь мой земной предок, завернутый в шкуры и с тяжелой дубиной наперевес, наверняка прошел бы по самым гиблым местам Ворчливых Ключей зевая и задремывая на ходу. Босиком. А мы пока преодолели двести метров до ближайшего холма, слегка даже взмокли. По крайней мере я.

То и дело приходилось перешагивать или перепрыгивать через трещины; мы с Костей немного поиграли в баскетбол, а роль мяча выполнял Боря — не мог он самостоятельно перебраться через некоторые провалы.

Когда мы ступили на настоящую землю, обычный волжский суглинок, я облегченно вздохнул.

Продираясь сквозь густой стланик, мы достигли вершины. Видно отсюда было действительно получше, но никаких намеков на каньон все равно взглядам не открылось. Уныло поозиравшись на лысой, как коленка, вершине, мы собрались было тащиться назад к вездеходу, но тут Юлька взбрела в голову светлая идея позвать Фила чтоб подогнал машину, и мне пришлось некоторое время надирать горло. Слава богу, докричался быстро, и американер примчался прямо на вершину. Я сам себе удивился — а сюда мы таким же манером приехать не могли? И зачем только ноги в этих дурацких зарослях макси-кораллов били?

Следующие полчаса мы шарили по округе в поисках каньона (на вездеходе), и наткнулись таки на него. Не знаю, что подвигло Риггеля дать короткому и широкому карстовому разлому громкое название «каньон». Разлом напоминал царапину. Слово неведомый великан пропахал когтем местные известняки. Длинной — метров под сто. Шириной — около тридцати пяти в центре. По краям — чуточку уже. И совсем рядом — один из давешних холмиков с особенно густым кустарником у подножия.

— Ну и ну! — проворчала Юлька с сомнением. — И как бы я, интересно, сюда садилась, в каньон?

— На гравипроводе разве что... — оценил я. — Крылышки твои только помешали бы. Юлька вздохнула.

— Эт' точно...

Чистяков и Фил глядели на нас с уважением. Да, им никогда не приходилось опускаться на поверхность Волги звездолеты. А мы с Юлькой говорим об этом как о чем-то обыденном.

Но все посадки для нее и для меня отныне в прошлом. Потому что чужие лишили нас кораблей.

Я до боли стиснул зубы. Будь проклят тот день, когда я получил депешу от Швеллера!

— Глядите! — прервала мои размышления Юлька. — Чтоб мне! Да вот же он, вход! Сначала я пялился на ничем не примечательный вертикальный разлом-пещерку, а потом вдруг сообразил, что прямоугольное темное пятнышко под косым карнизом вовсе не тень необычайно правильных очертаний, а входной пульт-терминалка. Цифровой замок!

В два прыжка я оказался рядом, забыв, что еще недавно опасался переломать ноги. Код, который сообщил мне Риггелд, я прекрасно помнил. И тут же ввел. Известковая глыба в стене каньона вдруг дрогнула и отъехала на добрый метр, открывая щель-проход. Проход в кубический тамбур-шлюз. Я на такие вдоволь насмотрелся в шахтах астероидов Пояса Ванадия.

Чистяков тут же юркнул в проход, словно таракан в укрытие.

— Э! — запротестовала Юлька. — Корабля у меня, конечно, нету, но хоть вездеход ветками завалить надо? А ну, мужики, за ножи — и вперед, к кустам!

— Резонно! — вздохнул я. — Пошли, Фил...

Американер проямлил:

— А-а-а... Ножа... У меня... А-а-а... Нету...

— Дам я тебе нож, — еще раз вздохнул я. — Только ты меня не режь, ладно?

Фил принял протянутый клинок, повертел в руках и недоверчиво воззрился на меня. Е-мое, он что, пленником себя считает? А, в общем, хрен с ним, не до него... — Костя! — позвал я. — Хватит сачковать! Кусты ждут!

Вездеход мы погребли под грудой веток довольно быстро. Теперь казалось, что зеленая поросль в одном месте выбросила продолговатый язык и спустилась с холма на самое дно каньона. Даже красиво получилось, честное слово. Хотя я понимал: листья на срезанных ветках скоро пожухнут и красота испарится без следа. И маскировка наша обернется своей противоположностью — грудой умирающих кустов рядом с живой зеленью.

Жаль, нет маскировочной сетки, как у запасливого Смагина. Только не буро-зеленой, а желтовато-белесой, под известняк. Тогда бы чистяковский вездеход точно никто не заметил бы.

Управившись, мы с Костей и несколько повеселевшим Филом вернулись к шлюзу и ступили на территорию риггельдовского бункера. Внутри он оказался чуть уменьшенной копией стандартного купола волжских старателей. Эдакий пузырь, вплавленный в толщу известняка. Перепонка почти посредине — пол; под полом — коммуникации, жилищная автоматика и батареи. Наверху — мебель и мелкие блага, которые напоминают нам, людям, что мы все-же цивилизованные существа. Правда законы у нас все равно волчьи... Почти у всех.

Вот именно — почти. Как жаль, что раса состоит не только из таких, как Юлька, как Костя Чистяков, как Риггельд, Смагин и Шумов, как Мишка Зислис... Но увы — среди людей хватает и уродов вроде тебя, дядя Рома: тех, кто призывает армады чужих кораблей, сначала стреляет, и лишь потом думает. Пацанят, вот, безотцовщиной делает...

Фил, тоже теперь безотцовщина, неохотно вернул мне нож, чем и вывел из короткого ступора. Нож я забрал — чего ради оставлять его всяким проходимцам, которые недавно у меня корабль отобрать пытались? Пусть Фил сам себе оружие добывает, не мальчик. Вон, какой здоровенный.

А окончательно меня от размышлений отвлекла Юлька. Меня — от размышлений, а чем были заняты остальные — я и не заметил. Но Юлька отвлекла всех. Даже малолетнего Борю.

— Эй, работнички! — прокричала она. — Как насчет пожрать? А?

Мысль была на редкость здравая — с лица Фила даже сползло привычное выражение крайнего изумления, сменившись живейшей заинтересованностью. Борю тоже уговаривать не пришлось: он без лишних слов взобрался на скамью и деловито обозрел наспех накрытый Юлькой стол.

Молодец, Юлька! Все-то ты успеваешь...

И я расслабился на добрых полчаса. Хлопнул предложенного пива — Юлька ориентировалась в бункере Риггельда достаточно свободно. Наверное, уже бывала здесь. Только Риггельд ее, небось, привозил сам, вот она дорогу толком и не запомнила.

А когда стемнело, прилетел Смагин. То есть, это мы потом поняли, что прилетел Смагин, а сначала просто пискнула сигнализация и сам собой ожил один из экранов стандартного бытового пульта. Внешний датчик работал в инфракрасном режиме, но любой старатель на Волге привычен читать данные с инфракрасных датчиков. Мешанина радужных пятен, странно мерцающих в движении могла озадачить только лопухого новичка.

— Корабль! — сразу определила Юлька. Но на лице ее легко угадывалось разочарование — с первого взгляда было понятно: это не Риггельд. Косые плоскости и четыре обтекателя — что угодно, но только не звездолет класса «Салинг». Впрочем, Риггельд и сам говорил, что оставит корабль на острове, а к Ворчливым Ключам отправится на вездеходе.

«Чего она его так ждет?» — подумал я с досадой.

В следующую секунду я узнал «Экватор» Юры Смагина. Малый бот-бинарник, который местные в шутку называли «звездным катамараном». «Экватор» стлался над самыми известняками, чуть не скреб раздвоенным брюхом по земляным холмам. Сверху каньон найти было легче, даром, что темнота. Сонаром прошелся, просчитал за пару секунд рельеф и все дела. Смагин на миг завис над каньоном и аккуратно посадил «Экватор» рядом с нашим вездеходом.

— Пошли, встретим его, что ли... — сказал Чистяков, вставая.

Юлька уже возилась в тамбуре. Я пропустил вперед Фила с неугомонным Борькой и на миг задержался перед выходом: узрел на крючке очки с прибором ночного видения. И что-то вкрадчиво подсказало мне: «Захвати их, дядя Рома...»

Наверное, это было верное мое чутье. Только я это не сразу понял.

Надевая очки и настраивая их на наружную освещенность, я еще чуть-чуть отстал от Чистякова, Юльки и Фила. Лёк «Экватора» уже был отдраен и в проходе застыл точеный силуэт Яны Шепеленко, а на верхнем обтекателе Смагин уже старательно тащил за край свою маскировку. Он очень напоминал рыболова, выбирающего сети. А потом вечерние сумерки распорол голубая вспышка, и я скорее угадал, чем увидел, как Смагин кубарем скатывается с обтекателя на скошенную плоскость, а рядом словно из-под земли возникают и вспрыгивают на плоскость незнакомые существа с очень длинными шеями и непропорционально большими головами. Плоскости «Экватора» человеку среднего роста примерно по грудь; а этим головастым они доставали всего лишь до пояса.

Бласт сам собой оказался у меня в руке; саданув по чужакам широкой очередью я упал на известняк и проворно пополз в сторону. Там где я лежал вдруг зашипело; я оглянулся, стараясь не отрывать голову от грунта. Фонтанчик не то светлого дыма, не то белесого пара взметнулся к звездам — он казался таким мирным и напоминал скорее танцующего джинна из детского мультика чем эхо возможной смерти.

Было слышно, как Юлька ругается по-немецки, и как хрипит что-то нечленораздельное Чистяков; Яна тонко крикнула и умолкла, словно ей зажали рот. Потом в поле зрения ненадолго появился Фил — даже сейчас я сумел рассмотреть, что лицо у него еще более удивленное, чем днем. Блестящим свингом он отправил в нокаут ближнего головастого, но рядом тут же возникли еще двое. Пока Фил бил следующего, его ткнули какой-то тускло отблескивающей палкой и Фил беззвучно осел на известняк.

Этих двух головастых я застрелил не мешкая. И, доверившись чутью, перевернулся на спину.

Очень вовремя. Сверху на меня прыгнул очередной чужак — теперь я понял, что чужаки смахивают на одетых в комбинезоны страусов, но только голова у них раз в пять побольше, чем у безобидных степных птиц. В руке чужак сжимал такую же тускло поблескивающую палку, какой успокоили Фила. Вряд ли меня особенно обрадует прикосновение этой штучки...

Чужака я очень удачно принял на ступни и отшвырнул, а пока он пытался помягче приземлиться, всадил в него добрый заряд. Следующие несколько секунд ушли у меня на то, чтобы переместиться в сторону метров на десять. Очень кстати подвернулась глубокая воронка — не то промоина, не то давний, сглаженный временем разлом. Я слизнем втек в эту воронку и залег там, как в окопе.

Вспышки Юлькиного бласта рвали темноту на части, мой ноктовизор то и дело самопроизвольно менял настройку, сбитый с толку частыми переменах освещенности. Заверещал высоким голосом кто-то из чужаков — человек не смог бы издавать такие звуки. Мелькнули в стороне несколько теней — я наудачу выпустил пяток импульсов. И вдруг все кончилось. Разом. Стало пронзительно тихо, как в давно заброшенной шахте. Только чуть погодя далеко в стороне еле слышно заурчал какой-то незнакомый механизм.

Я оставался в воронке еще с минуту. Потом рассмотрел Юльку — она, сцепив зубы, старательно пинала кого-то ногами, а потом поблизости объявился и Чистяков.

Кажется, он пытался Юльку успокоить.

Пригибаясь, я отправился туда, не забывая вертеть головой и осматриваться. У самого корабля над неподвижной Яной склонился Смагин. Вокруг бревнами валялось по крайней мере семеро головастых. А вот американер Фил и малолетний Боря исчезли.

Из всех уцелевших в этой нелепой стычке я остался самым спокойным. Смагин давно приблизился к нервному срыву, Юлька тоже психанула, Чистяков впал в мрачность, а Яна Шепеленко просто пребывала в обмороке. Я же не успел ни испугаться толком, ни растеряться — все слишком быстро закончилось.

— Эй, вы! — тихо позвал я. — А ну, в бункер, живо!

Осмысленный приказ вернул Смагина к жизни. Он вскочил, легко подхватил Яну на руки и бегом миновал тамбур. Чистяков тянул Юльку за рукав, а она размахивала бластом, вырывалась и что-то вполголоса шипела сквозь зубы. На немецком.

Чистяков ее явно не понимал. Пришлось помочь; против нас двоих Юлька не сдюжила и мы ее все-таки силком втащили в бункер. Только когда тихо щелкнули запоры она немного расслабилась.

Я стянул очки и упрямо осмотрел друзей-старателей.

Чистяков был перепачкан мелом и кровью. В ладони он держал свой любимый нож, тоже перепачканный мелом и кровью. Юлька умудрилась не извозиться в известняке, зато левый рукав ее комбинезона чернел, словно обожженный. Смагин показался мне

непривычно бледным, каждая веснушка отчетливо проступила на его породистом длинном лице. Я заметил, что у Смагина сильно трясутся руки. А потом я повернулся к зеркалу, и встретился со своим безумным взглядом. Мне только казалось, что я остался спокойным. Во взгляде читалось совсем другое. Совсем-совсем. «Смерть или слава». Как у одержимых битвой берсеркеров.

23. Павел Суваев, ранее — оператор станции планетного наблюдения, Номо, планета Волга.

Почти до самой темноты было тихо — чужие убрались с поверхности, а крейсер продолжал висеть над Новосаратовом словно исполинская головка сыра. Защитники города после того, как чужие откатились и взлетели, выждали часа два, а затем как-то незаметно начали праздновать победу. Два небритых лба-баскетболиста из соседней многоэтажки пролезли сквозь разбитую витрину супермаркета и вытащили наружу ящик кукурузной водки. Хозяин супермаркета, сосед Суваева снизу, только обреченно махнул рукой.

И все. Толпа объединенная общим делом мгновенно превратилась в толпу разобщенную. Правда, Суваев не мог не отметить — не вспыхнуло ни единой ссоры, ни единой драки, хотя оружия сегодня у каждого имелось не в пример больше обычного.

Сначала Суваев хотел остановить пьянство, но потом плюнул и отказался от этой мысли: как его остановишь? Он прошел мимо расположившихся прямо на недавних позициях соседей и вернулся домой. На пороге его встретила жена, похожая на безмолвную тень. Суваев слышал, как на улице разоряется патрульный-отставник, снова пытаясь образумить толпу, и слышал, как ему в ответ орут что-то презрительное, а потом хором долго и смачно хохочут.

«Да, — подумал Суваев мрачно. — Эти, пожалуй, навоюют...»

Он на всякий случай вызвал станцию наблюдения, но на этот раз никто не ответил. Зислис и Веригин покинули-таки пост... Вот чудaki — почти две смены просидели!

«Покинули... — Суваев вздохнул, надеясь, что его друзья действительно просто ушли. — Космодром-то оборонять некому. Хотя, там патруль рядом обретается, наверняка кто-нибудь из регулярников возьмется за оружие...»

Но все равно, космодром — не город. Сколько там народу? Ну, человек тридцать персонала, но эти, скорее всего, разбежались еще утром. Ну, патруль, человек в лучшем случае десять. Ну, на Манифесте, скорее всего, кто-нибудь окажется. Из фактории да квартала «Меркурия» вряд ли кто на космодром полезет, свое будут оборонять.

Вот и получается, что космодром чужие должны по идее проглотить — и не заметить. Хотя, нет, заметить-то заметят. Не сдастся же оставшаяся горстка волжан совсем без боя? А если чужие туда лезли как и на Новосаратов, беспечно и с подбрасыванием шапок, то им по этим самым шапкам вполне могли и накидать. Тем более, что у патруля есть оружие посерьезнее ручных бластов и даже серьезнее антикварного сактومتa. А значит, могли не просто накидать чужим по шапкам, а накидать основательно.

Впрочем, над космодромом куда удобнее маневрировать летающим кораблям чужих, и если они сориентировались, то имели великолепный шанс с воздуха вспахать все очаги защиты, так, что живого микроорганизма не останется...

Но — с другой стороны — чужие ведь шли на Новосаратов с парализаторами, а значит людей убивать, вроде бы, не собирались.

Суваев в отчаянии потряс пухнувшей от догадок головой. С одной стороны, с другой стороны...

Временами ему казалось, что космодром вполне в состоянии выстоять, временами — наоборот, что космодром и защищать никто не стал бы.

«Ладно, — растерянно подумал Суваев спустя четверть часа. — Что мне делать-то?» Положение вряд ли можно назвать обнадеживающим. Взрослый дядя, который замыслил украсть трехлетнего карапуза, неожиданно получил пинок в промежность и временно ошалел от боли. Но он вот-вот опомнится и схватит карапуза за шиворот, а потом посадит в мешок и...

Что — "и" — Суваеву думать не хотелось. К сожалению, у карапуза просто нет возможности удрать, пока дядя-киднэппер присел и поскуливает. А рассчитывать на второй пинок, по видимому, глупо.

И тут вмешался случай — запиликал вызов видеофона. Суваев, наверное, вскоре спустился бы во двор, а жена на вызов сейчас не ответила бы.

Суваев утопил клавишу «Полный/Full» и посреди комнаты стусился силуэт Мишки Зислиса.

— А, — протянул Суваев. — Это ты. Рад видеть.

— Е-мое! — Зислис казался воодушевленным. — Четвертый раз звоню, никто не отвечает.

— Правильно. Я внизу был — чужие пытались захватить город.

— И как?

— Отстрелялись. А у вас что?

— На космодром они тоже лезли. И тоже сполна отгребли, — Зислис усмехнулся. — Мы с Леликом теперь ополченцы, представляешь?

Суваев удивился:

— Ополченцы? А что, патруль разве не разбежался?

— Нет! Фломастер командует, и Ханька здесь, и Яковец, и остальные почти все.

Плюс с Манифеста шестнадцать человек притопало. А оружия тут — море, и батарей за месяц не расстрелять. Да, о чем это я! Тут с тобой переговорить хотят.

Зислис подвинулся, и на его месте возникло изображение Фломастера, лейтенанта патруля.

— Привет, Суваев.

— Привет.

— Мне сказали, ты о чужих много знаешь откуда-то. Это так?

— Так, — нехотя ответил Суваев. — Только мне обычно не верят.

— Я поверю. Давай-ка ты к нам, а? Хватай любой вездеход, и к казармам! Только быстро, не ровен час зелененькие опять на головы посыплются...

— Они не зелененькие, — машинально поправил Суваев. — Азанни — серые, цоофт — серо-коричневые, шат-тсуры — коричневые...

Фломастер выжидательно глядел на него, и Суваев осекся. Перспектива оказаться на стыке силовых колпаков грела очень слабо, но еще слабее грела перспектива угодить под тотальный нервный удар, который, несомненно, вскоре будет нанесен по Новосаратову. И Суваев стал склоняться к тому, чтобы принять предложение Фломастера.

— У вас бункер какой-нибудь есть? — спросил Суваев без особой надежды.

— Бункер?

— У меня жена. И дочка.

— А-а-а... — понял лейтенант. — Найдем, куда их укрыть.

— Хорошо. Я приеду, — решил Суваев. Он уже понял, что в городе отсидеться не получится. А вот на космодроме... шанс может выпасть. — Надеюсь, что чужие уже сняли поле над городом и космодромом.

— И вот еще что... — Фломастер нервно дернул щекой. — Ты бы взял свой комп с той непонятной базой, а?

Секунд пять Суваев пристально глядел Фломастеру в глаза.

— Добро, — наконец кивнул он головой. — Возьму.

— И не медли, — попросил Фломастер.

Суваев снова кивнул и крикнул жене:

— Света! Собирайся.

Жена, прижимая к груди дочку, тихо подошла к дверному проему. Последние часы казалось, что она постепенно становится бесплотной, только глаза с отчаянием продолжают глядеть в этот враз ставший еще более жестоким мир.

— Мы уезжаем к патрульным, — объяснил Суваев. — Там есть где укрыться, и оружия больше. Да и народ потолковее. А город скоро разнесут. Поняла?

Светлана коротко кивнула.

— Ничего не бери. Только... для Лизки кормежку какую-нибудь сообрази. И быстро. Она кивнула, и исчезла — казалось, даже подступающая бесплотность замерла, а потом отступила.

«Черт, — подумал Суваев, упаковывая комп. — Как меняет человека появившаяся цель!»

Через пять минут он спускался в лифте; руку оттягивала черная сумка. Жена, одетая в джинсы, сапожки и кожаную куртку, конечно, держала на руках Лизку. Они вышли во двор — празднование локальной победы было в самом разгаре. Суваев решительно направился в сторону перекрестка. Жена спешила следом.

— Эй! — окликнула Суваева давешняя отчаянная девчушка с иглометом. Она смотрела на него с немым удивлением, не веря, что Суваев уходит. — Ты куда?

Пришлось обернуться.

И близнецы стояли здесь же, и никудышный стрелок — тот самый близорукий парень, и глухонемой старик из дальнего крыла...

Суваев остановился. Как бы им объяснить?

— С этими, — он указал рукой на пьянчуг, — много не навожешь. Я уезжаю к ополченцам.

Надежды во взглядах соседей стало больше.

— Ополчение? А это где?

— На космодроме. В казармах патруля. Хотите — валяйте туда же. Только сами — у меня вездеход двухместный.

Близнецы переглянулись и бегом кинулись к восточному гаражу. Девчушка несколькими жестами объяснилась со стариком, схватила его за руку и потащила следом за Суваевым. Ну и парень-вобла тоже не отставал. Кое-кто из слышавших слова Суваева перешептывался с ближними, вставал и торопливо уходил к стоянке или к гаражам. Но большинство все же осталось во дворе, и у витрины разграбленного супермаркета.

Вездеход во время атаки, к счастью, не попался на дороге ни одному из шагающих танков. Точнее, его вездеход не попался — попался чей-то ядовито-красный «Лис». А его компактная «Таврия» так и дремала на обычном месте — у самого дерева, невесть как сохранившегося посреди обширной дасфальтовой стоянки. Танки пошалили тут на славу: раздавленных машин пруд пруди. Но «Таврия» — цела.

Спустя минуту она послушно встала на подушку, развернулась, перемахнула через низенькую ограду стоянки и рванула вдоль по улице. Компания, пьянствующая у дома Суваева, была не одинока: половина Новосаратова сейчас занималась примерно тем же, и оставалось только удивляться почему горе-защитники не палят в небо из бластов во славу первой победы. Следом за Суваевской «Таврией» как приклеенный тянул скоростной двухприводный «Киев»; присмотревшись к маленькому, но четкому изображению на экране заднего вида можно было заметить даже сосредоточенное лицо сухопарого соседа. Того, который плохо стрелял.

«Куда ему в ополчение...» — подумал Суваев рассеянно. Слово, отдающее стариной и дедушкиными сказками о покорении Фалагост, как-то незаметно стало привычным и обыденным.

Ополчение.

Сутки — неполные сутки, и вся жизнь пошла кувырком. Стоило чужим появиться у Волги, как тысячи судеб оказались перечеркнутыми.

Суваев не верил, что жителей Волги ждет в будущем хоть что-нибудь хорошее. А на всей планете о чужих больше всего знал именно он. Но Суваев не собирался сдаваться без боя. И никто на Волге не собирался. Ну, может быть за редким исключением.

«Таврия» медленно выползала из-под зависшего над городом крейсера азанни, чтоб вползти в тень его близнеца, который накрывал космодром. Суваев глядел на огромный корабль со смешанным чувством досады и злости.

Поля действительно больше не было. Наверное, чужие поняли, что разбежаться никто не станет и решили попытаться выкурить людей из лабиринта строений на открытые места. Суваев на их месте поступил бы именно так.

Короткий отрезок дасфальтовой трассы, проложенной еще лет сто назад и поддерживаемой до сих пор ради обладателей колесных машин, промелькнул под днищем «Таврии», и привел к площади перед факторией и зданием космодрома; здание это походило на огромную морскую раковину. Пассажирское здание — служебные постройки космодрома находились в некотором отдалении, километрах в двух отсюда. Суваев свернул, оставляя «Меркурий», факторию и раковину слева. Трава у дороги до сих пор казалась разлохмаченной — напоминание о недавних маневрах инопланетных гигантов в небе Волги и о последовавших вслед за маневрами локальных бурях.

Перескочив на форсаже изрядно попорченное проволочное ограждение, Суваев стал править к казарме патруля, длинному двухэтажному домику. Чуть дальше виднелось несколько небольших не то сарайчиков, не то будок непонятного назначения — Суваеву всегда казалось, что там хранят всякий древний и ненужный хлам. Еще дальше продолговатыми серыми тушами возвышались космодромные ангары. На краю взлетного поля, прилегающему к казарме, земля была сильно изрыта импульсами и ходами танков. А самих поврежденных танков насчитывалось чуть не полтора десятка! Суваев невольно присвистнул. Вот тебе и ополчение! Вот тебе и патруль! Не чета банде алконавтов, к которой пришлось ненадолго примкнуть.

Суваев почувствовал прилив сил и уверенности. Правильный выбор он сделал! Слово почувствовав перемену в его настроении, жена впервые за весь день улыбнулась, и даже Лизка что-то радостно загугукала и принялась сосредоточенно ловить ручонками ворот маминой куртки.

«Таврия» притормозила перед крыльцом; трое вооруженных парней встречали подоспевшие из Новосаратова вездеходы. Двое гражданских, один в форме патруля. В гражданских Суваев без труда узнал Зислиса и Веригина, да и патрульный был ему знаком — сержант Валера Яковец. Зислис и Веригин с бластами служебного образца на шеях выглядели донельзя важными, Суваев даже усмехнулся.

— Привет, гвардия! — проворчал он, выйдя наружу, и неопределенно повертел ладонью у виска, не зная как правильно козырнуть. Впрочем, у него все равно оставалась непокрытой голова, а во всех русских вооруженных формированиях по древней традиции без шапки не козыряли. Это даже Суваев помнил.

— Привет, — отозвался Яковец. — Базу привез?

— Привез, привез...

— Пошли в канцелярию! — Яковец развернулся в сторону крыльца.

— погоди, — остановил его Суваев. — Мне тут обещали бункер или какое-нибудь убежище.

Яковец нетерпеливо взмахнул рукой:

— Это там же! Давай, пошли!

Суваев жестом поманил жену и подхватил сумку из-под сидения.

На крыльце Яковец обернулся.

— Новички-ополченцы — за мной!

Суваев повернул голову, и увидел, что рядом с его вездеходом припаркованы еще несколько, и нестройная разношерстная группа горожан, человек двадцать, вереницей тянется к крыльцу.

На западе, над самым горизонтом, висело рыжее волжское солнце, вот-вот готовы были излиться на космодром летние сумерки, а вместо неба над головами людей и кровлями зданий неподвижно распластались чудовищно огромные вражеские корабли.

24. Михаил Зислис, оператор станции планетного наблюдения, ополченец, Ното, планета Волга.

На станции, вопреки ожиданиям, все оказалось не так уж плачевно. Главную антенну чужие повредили бесповоротно, практически все спутники слежения расстреляли, но орбитальную диаграмму Зислису удалось оживить с первой попытки. Большая часть наземных датчиков уцелела, а для диаграммы даже их вполне хватало. Питание на станцию поступало исправно, хотя один из энергоблоков в данный момент дымил и бездействовал. Работала и связь — Зислис не так давно дозвонился до Суваева и ко всеобщей радости Суваев согласился приехать. Приехал он быстро, да не сам — привел человек двадцать, почти все были вооружены кто чем. Пришлось Яковцу снова вскрывать опечатанные ящики с резервными бластами. Фломастер тут же вцепился в загадочную базу и принялся ее исследовать, а Зислис с Веригиным некоторое время наблюдали за чужими кораблями на орбите.

Чужие вели себя пассивно: перестроения они завершили и ровным счетом ничего не предпринимали. Вероятно, выжидали.

Вскоре на станцию заявился Суваев — поглядеть что и как. Он с минуту изучал построения флотов, а потом довольно быстро просчитал три наиболее вероятных направления внешней атаки. Версия, что чужие у Волги передрались между собой, оказалась несостоятельной. Все-таки они ожидали неведомого противника.

А Волга, к несчастью, оказывалась между молотом и наковальней.

В конце-концов Фломастер из канцелярии перебрался на станцию. Здесь действительно было удобнее. И диаграмма перед глазами, и основательно изучивший инопланетную базу Суваев всегда под боком. Ханин с парочкой рядовых перебросили один из стационарных пульсаторов прямо к корпусу станции наблюдения. Чуть впереди в сгустившихся сумерках зловеще высилась бесформенная груда обломков — все, что осталось от диспетчерской башенки. Над полем космодрома гулял легкий ветер. То и дело что-то равномерно вспыхивало над Новосаратовом — наверное перепившиеся защитнички в приступах бдительности жгли сигнальные и осветительные фееры.

До самой полуночи было тихо; Фломастер и Суваев все не отлипали от компа, листали базу и попутно поглощали лошадиные дозы кофе; Зислис с Веригиным первое время тоже сидели рядом, но потом Лелику надоело, и он ушел на свое обычное место, рядом с телеметрией. Телеметрия сейчас, ясное дело, не работала. Уронив голову на стол, Веригин дремал.

Зислис лениво поглядывал на экран компа — столбцы цифр и движущиеся демонстрационные ролики успели его изрядно утомить. Напала зевота — все-таки они с Леликом не спали уже сутки. Зислис невзначай подумывал — а не пойти ли ему в

комнату отдыха этажом ниже и не придавить ли массу до утра? Вряд ли — думал он — чужие сунутся на повторный штурм в темноте.

Он ошибался.

Что-то вывело Веригина из состояния блаженной дремоты — он издал невнятное восклицание и все, кто находился в помещении поста, тотчас обернулись к нему. Веригин указывал пальцем на диаграмму. Из-за того, что главная антенна не действовала, изображение лоцировалось в минимальный объем, но и так было прекрасно видно, что небольшая часть одного из флотов и несколько кораблей второго снова перестраиваются, и основное направление их движения направлено к поверхности Волги.

Суваев быстро разобрался в принадлежности кораблей.

— Первая группа — оперативные подкрейсеры цоофт, штурмовики, вторая — малые рейдеры азанни. Это явный десант.

В голосе Суваева не проскользнуло ни тени сомнения — он явно имел весьма четкое представление о том, что говорил.

Ханин бесшумно вскочил и бегом кинулся к выходу, а Фломастер уже зло кричал в стержень-коммуникатор:

— Внимание всем группам: сигнал «Филин»! Повторяю: сигнал «Филин»!

Он поднял взгляд на Суваева и коротко справился:

— Сколько у нас времени?

Суваев прикинул, ненадолго прикрыв глаза.

— Минут двадцать, не больше.

— Буфер готовности — пятнадцать минут! — тут же урезал время Фломастер. — Развернуть все орудия и запастись батареями! Рассредоточиться по опорным точкам! Лейтенант вздохнул, мрачно взглянул на неподвижных и безмолвных Зислиса с Веригиным, и закончил:

— ...и удачи всем нам!

К ночной стороне Волги, снижаясь по длинным пологим траекториям, устремился рой светящихся точек.

Через минуту Зислис, Веригин и Фломастер были уже снаружи. Ханин и двое патрульных-артиллеристов хлопотали у массивного пульсатора, похожего на перевернутый гриб с коротким отростком-стволом. В небе вспыхнула новая звезда — даже не звезда, туманность. Точно под днищем крейсера, что висел над космодромом. Туманность-близнец сверкала и под днищем второго крейсера, того, что завис над Новосаратовом. Еще пару минут, и из яркого синеватого облака в поверхность планеты ударило два световых шнура, и там, где они встречались с почвой, величаво вставали один за другим концентрические, постепенно расходящиеся призрачные стены. Стены-кольца. Похожие на волны, что разбегаются от брошенного в воду камня. В ночном небе снова появились штурмовики чужаков, похожие на неправильной формы плоские пятиугольники. Они четверками проносились над взлетным полем и заламывали крутые развороты. Глядеть на стремительные маневры четверок, словно спаянных друг с другом незримыми узами, было почему-то приятно. Завораживали они своим очевидным техническим совершенством.

А вскоре на позиции патруля и ополчения накатил первая светящаяся волна. Такого смятения и ужаса Зислис давно не испытывал. Пожалуй, со времен безотчетных детских страхов перед темнотой. Он, вроде бы, куда-то бежал, пытался куда-то спрятаться, и всюду ужас настигал его, заставлял искать новое убежище, которое впоследствии оказывалось таким же ненадежным, как и все остальные.

В себя он пришел минут, наверное, через десять, хотя представления о времени странно исказились и вполне могли обманывать его. Бласт Зислис не то обронил, не то просто выбросил. Сейчас он находился за зданием станции, ближе к Манифесту, в зарослях ракии и жимолости. Прямо перед глазами покачивалась изогнутая ветвь, усеянная мелкими поблескивающими капельками. Не зря местную жимолость первопоселенцы называли плакучей.

Вторая волна зловещего синеватого зарева накатывала со стороны «Меркурия». У казарм слышалась стрельба, но жидкая и какая-то на редкость неубедительная. А у хорошо видимого из зарослей орудия-пульсатора шныряло несколько фигур, и это были вовсе не человеческие фигуры. Кто-то тонким девичьим голосом кричал за отградой, и два нечеловеческих силуэта тотчас двинулись на крик. Зислис судорожно стлотнул, сделал шаг вперед, и споткнулся обо что-то продолговатое и твердое. Присмотрелся — это был бласт.

Зислис решительно поднял его, как мог вытер от песка и приставших травинки, и, сцепив зубы и собрав в кулак остатки мужества, сунулся туда. К фигурам.

Стрелял он как в бреду. Длинными неэкономными очередями и даже не успевал радоваться собственной меткости. Силуэты чужаков, в которых самой непривычной казалась несоразмерно большая голова на длинной и тонкой шее, бросились врассыпную. Кажется, трое пытались унести безвольное человеческое тело, и Зислис, захрипев, как раненый зверь, ринулся на перехват. Чужаки тащили человека к штурмовику, что сел совсем рядом. Широкая сходня взбиралась к открытому шлюзу; внутри штурмовика горел оранжевый свет. Зислис спешил. Сбоку от него вдруг возник один чужак, потом другой. Оба тянули к Зислису слабо мерцающие продолговатые стержни, и почему-то казалось, что едва эти стержни коснутся тела — произойдет непоправимое. Он отбил первый из стержней прикладом, и саданул прикладом же по большой голове чужака. Тот рухнул, как подкошенный. Второго Зислис пнул носком ботинка и пристрелил в упор. Троица с грузом уже взбиралась по пологой сходне; Зислис прицелился, но тут через штурмовик перекатилась вторая светящаяся волна и мигом захлестнула все вокруг. Вернулся первобытный ужас. Бласт он опять выронил, и в безотчетном желании укрыться помчался прямо на сходню. Его пытались задержать, но теперь Зислис всю работал кулаками, рычал, и даже кого-то куснул, да так, что занесли челюсти. На мгновение от него отшатнулись, всего лишь на мгновение. В следующий миг спину и правый бок окатило волной холода, и он почувствовал, как отнимается сначала правая нога, потом левая, как деревенеют руки и кровь словно бы останавливается в жилах. И, самое неприятное, сознание вовсе не пыталось покинуть его. Ужас от волны усилился ужасом от осознания того, что он угодил в плен. В плен к чужакам, выходцам из иных звездных миров. И Зислис точно знал, что намерениям чужаков очень далеко до мирных.

Он рухнул на гладкий и прохладный металл сходни. Впрочем, это мог быть и не металл. Сейчас на сходне было полно песка и мусора, который принесли шныряющие туда-сюда головастые чужаки на подошвах. Поле зрения на какое-то время сузилось, но почти сразу же Зислиса подняли, и понесли в штурмовик. Как бесчувственное бревно. Тело не гнулось, схваченное болезненной судорогой. Он и отличался-то от бревна только тем, что мог мыслить и испытывать безотчетный ужас. Его уложили рядом с таким же беспомощным Фломастером. На пол. В штабель, поверх парализованного Суваева и еще кого-то — не то Ханьки, не то Веригина, не то одного из рядовых-артиллеристов. И как раз в эти секунды волна ужаса схлынула. Прилив закончился — начался недолгий отлив.

Он слышал, что кто-то все еще продолжает отстреливаться, слышал негромкие шаги чужаков, передвигающихся по штурмовику, слышал вдали гортанную переключку — неведомо чью, потому что голоса головастых чужаков звучали иначе — но не мог пошевелить даже веками. Глаза начали слезиться и болеть, но чужим, конечно же, плевать на его муки. Если чужие умеют плевать.

Впрочем, муки телесные казались не самым ужасным. Волга не устояла. Все-таки не устояла, несмотря на решимость людей и на их врожденную воинственность. В итоге инопланетная техника оказалась все-таки на голову выше возможностей защиты. Если не принимать во внимание первую атаку, дневную, действительно глупую и неподготовленную, захват волжан виделся теперь легким и непринужденным. Скольких чужаков успел уничтожить Зислис? Одного? Двоих? Этого казалось недопустимо мало.

Но чужаки действительно собрались брать людей живьем. И это им явно удавалось. Чувствуя в груди ошеломляющую пустоту, Зислис пытался представить — что ждет его в будущем? Какая судьба уготована ему в инопланетном плену?

Он не знал, а представить — боялся.

И все же, спустя какое-то время, чужие снизошли до того, чтобы облегчить его муки. Появился очередной головастый, что-то немзыкально пропел, и Зислис вдруг провалился в сладкое и спасительное беспамятство.

Если бы не это, он легко мог сойти с ума в ближайший же час. Но чужакам, видимо, сумасшедшие волжане были ни к чему.

* * *

К рассвету объединенный десант цоофт-азанни захватил в плен девяносто девять процентов жителей Волги. А к восходу солнца многочисленные штурмовики взмыли в небо и круто ушли в зенит, оставляя планету практически безлюдной. И последними покинули атмосферу два громадных крейсера азанни. Беззвучно окутались невидимым одеянием силовых полей, качнулись, задирая края. Задрожал потревоженный воздух — и два гигантских диска устремились ввысь, к ждущей на орбите армаде союза.

Строптивым волчатам обломали зубы.

У сил союза оставалось еще некоторое время в запасе перед приходом армады нетленных.

Часть третья

25. Наз Тео, вершитель, Svaigh, зал Галереи, планета Свайге.

Вытянутые эллипсоиды нетленных на фоне звездной россыпи напоминали сияющие радуги Меченых Отмелей. То ли это корабли, то ли сами нетленные – кое-кто на Галерее считал их энергетической формой жизни.

Проекционный ствол слабо мерцал посреди зала Галереи. Вершители, встопорщив чешуйки на плечах, наблюдали, как нетленные разворачивают знаменитый кинжальный веер. Даже не один, а три. По вееру в каждой из сфер прокола.

Проколы выглядели очень красиво – в космической пустоте вдруг вспыхивала неистовая огненная актиния, миниатюрная туманность, и там, в зыбкой разноцветной мгле, один за другим сгущались продолговатые коконы, сотканые из силовых полей. Раньше союз считал, что под коконами прячутся боевые крейсера. Теперь эксперты Галереи подозревали, что там прячутся сами нетленные. Существа, помимо корпускулярной природы имеющие еще и волновую. Мысль, что воевать приходится с разумным излучением, казалась дикой, но она уже не так изумляла, как раньше. Наверное, Наз Тео начинал привыкать.

А может его просто отвлекали тревожные мысли?

Нетленные разбегались из трех сфер прокола, охватывали силы союза, пытались заключить их в единую сферу больших размеров. И это им вполне удавалось – нетленных было очень много. Несколько тысяч. На порядок больше, чем кораблей союза над людским мирком.

Звездолет Ушедших по-прежнему висел в атмосфере, рядом на незримых гравитационных поводках парили исследовательские боты и астероид Роя.

Объединенный флот пяти рас жался к планете и к своей драгоценной находке.

Пленные люди уже находились там, на звездолете исчезнувшей расы. Расы, вероятно, очень похожей на самих людей.

– Рой начинает передачу! – прозвучало на Галерее, и Наз Тео обратился в слух.

Силовые щиты, прикрывающие каналы связи союза, выплеснули на ближайший веер нетленных направленный информационный пакет. Короткий и совершенно лишенный защиты.

"Ушедшие вернулись и приняли сторону союза. Их крейсер поддерживает наш объединенный флот. Предлагаем нетленным немедленно прекратить военные действия и покинуть область пространства, принадлежащую по праву шести расам союза. В противном случае вся мощь древнего знания обрушится на врага.

На размышления вам отведено время, равное одному обращению вокруг оси ближайшей планеты. Время отсчитывается с момента окончания данной передачи.

От имени союза – Рой."

Уже через одну сто двадцать восьмую нао стало заметно, что веер нетленных распадается. Атака противника завершилась, так и не начавшись. Нетленные перегруппировывались.

– Они сканируют корабль Ушедших, – сообщил негромко Сенти-Ив, вершитель инженеров. – Неясно чем. Какое-то слабое излучение.

Свайг-ученый не стал отсылать это в эфир. Галерея молчала.

Нетленные так и не начали атаку – но и не освободили разгонные векторы. Флоты союза по-прежнему оставались прижатыми к Волге.

– Они ждут, – мрачно прокомментировал Первый-на-Галерее. – Хотел бы я знать – чего?

И добавил:

– Заставьте-ка эксперт-подкланы подготовить прогнозы и соответствующие выкладки...

Свайги зашевелились, отдавая распоряжения. Наз Тео продиктовал задачу своему подклану, хотя знал, что эксперты и так готовят нужные выкладки. Не зря он муштровал своих подчиненных не одну восьмерку нао.

«Так или иначе, а какое-то время мы выиграли, – думал свайг-вершитель. – Через сутки той далекой планетки резервные клинья метрополии появятся из-за барьера где-нибудь поблизости от корабля Ушедших; помощь союзников тоже подоспеет, и тогда с нетленными поговорят иначе. На языке битвы.»

Настало время напомнить врагу, что союз неплохо владеет искусством произносить пылкие речи.

Наз Тео скользнул взглядом по проекционному стволу, удовлетворенно шевельнул кончиком гребня.

26. Михаил Зислис, военнопленный, Номо, крейсер Ушедших.

Зислис выплыл из небытия, как засидевшийся на глубине ныряльщик. Жадно устремился к свету, к поверхности, вцепился в народившуюся мысль, страхнул оцепенение и вязкую неподвижность.

Глубокий шок, вызванный техникой чужих, стремительно откатывался. Зислис открыл глаза.

Мягкий желтоватый свет лился словно бы из ниоткуда — во всяком случае Зислис не смог отыскать взглядом источник света. Казалось, свет возникает сам собой, в зияющей пустоте. Это представлялось вполне естественным и единственно возможным. Комната; метров шесть на метра четыре и метра два с половиной в высоту. Углы плавно скруглены. Стены — кремового цвета, необъяснимо теплого для глаз. Всю обстановку составлял низкий и широкий топчан, на котором Зислис очнулся. Рядом лежал Фломастер, Лелик Веригин и Ханька. Веригин сонно моргал, патрульные выглядели спящими. Наверное, еще не очнулись.

Зислис потянулся и сел; тело слушалось беспрекословно. Вроде бы, вражеское оружие не причинило никакого вреда. Хотя наверняка и не скажешь — мало ли побочных эффектов может возникнуть?

Лелик что-то неразборчиво промывчал и тоже попытался сесть, но к нему силы еще не вполне вернулись — получилось только слегка приподняться на локтях, после чего Лелик вновь беспомощно опрокинулся на спину.

Зислис встал на ноги. Прислушался к собственным ощущениям.

Ничего тревожного, за исключением мыслей.

Где они находятся? У чужих на корабле? Или все еще на Волге?

Лелик Веригин оживал на глазах: со второй попытки ему удалось сесть, а спустя минуту — встать. Зашевелились и Ханька с Фломастером. За все время в комнату не донеслось ни единого звука снаружи.

— Ты как, Михайло? — спросил Веригин, морщась и массируя одеревеневшее предплечье. — Цел?

— Похоже, цел, — отозвался Зислис, изо всех сил надеясь, что так все и обстоит на самом деле. — А ты?

— Частично, — пожаловался Веригин. — Меня будто беззубый гигант пожевал.

Отвратительно...

Зислис помог подняться с топчана Фломастеру. Тот пока не проронил ни слова. Все четверо остались одетыми в то же, что было на них в момент пленения. Исчезло только оружие. Все, даже перочинный нож из кармана Веригина. Часы, ключи от каких-то казарменных каптерок на ремне у Ханьки, темные очки Зислиса — это все сохранилось, хотя очки обнаружили в левом нагрудном кармане, а Зислис всегда носил их в правом. Скорее всего, чужие обшарили бесчувственных пленников, отняли оружие и все, что показалось им непонятным, а вещи с их точки зрения безобидные — оставили.

Что ж, спасибо и на том.

— Где это мы? — спросил Ханька озираясь. Ему никто не ответил. Фломастер хмуро скреб ногтем по пустой кобуре.

Зислис встал и подошел к стене. Потрогал. Стена была чуточку шершавой, как бархат, и приятной наощупь. И еще она была теплой, чуть теплее человеческого тела.

Зислис осторожно постучал по ней костяшками пальцев — не родилось ни единого, даже слабенького звука. Тогда Зислис обошел комнату по периметру. Стена казалась однородной, никаких не обнаружилось щелей или скрытых дверей. Задрав голову, Зислис убедился, что визуально потолок неотличим от стен, а взглянув на пол, отметил, что пол только чуточку темнее, чем стены и потолок. И материал, из которого сработали топчан, кстати, тоже был идентичен материалу стен и пола. Собственно, топчан составлял с полом единое целое, а цветом являл нечто среднее между чуть более темным полом и несколько более светлыми стенами и потолком.

— Надо полагать, мы в плену, — изрек наконец Фломастер. Зислис многозначительно хмыкнул.

— В плену... Скорее уж в зверинце. Зачем чужим брать в плен дикарей?

— Откуда я знаю? — сказал Фломастер сердито. — А зачем они вообще нас живьем брали? Проще было прибить.

В груди у Зислиса неприятно заныло. Вдруг чужие станут проводить с ними какие-нибудь жуткие эксперименты? С них станется...

— Тебя как изловили? — спросил Зислиса Веригин, и неприятные мысли слегка отодвинулись.

— Как? — Зислис напрягся, вспоминая. Вспоминать было не очень весело.

Безотчетный страх оставил в душе глубокий отпечаток — и отпечаток этот был еще слишком свеж. — У меня, если честно, каша какая-то в голове... Перепугался я.

Кажется, я сам сдуру к чужим в корабль влез...

— Все перепугались, — Фломастер продолжал хмуриться. — Похоже, нас попотчевали чем-то психотропным. Нервно-выворачивающим.

— Значит, чужие шугнулись, — заключил Ханька. — Не смогли взять нахрапом, и решили потравить, как тараканов. Скоты...

Веригин вздохнул и мешком повалился на топчан.

— А меня в зале наблюдения отловили, — признался Веригин виновато. — Я туда зачем-то поднялся...

«Зачем-то! — подумал Зислис зло. — Да чужие это. Своей чертовой техникой страха тебя туда загнали...»

Мысли все еще немного путались.

— Ну и чего теперь делать-то? — уныло спросил Зислис.

Фломастер пожал плечами:

— Ждать, что же еще? Думаю, зелененькие быстро припрутся, когда заметят, что мы очухались.

Он попал в самую точку. Не прошло и двух минут, как в стене бесшумно возник прямоугольный проем в рост человека. На пороге застыл инопланетянин.

Зислис с неожиданным интересом воззрился на его. Он впервые видел живого инопланетянина вблизи. И не в перекрестии прицела.

Чужак возвышался над полом метра на полтора. Был он темно-зеленым, как аллигатор, и чешуйчатым, как еловая шишка. И пучеглазым вдобавок. Свободного покроя комбинезон скрывал тело, оставляя на виду только голову и четырехпалые кисти. В руках чужак держал знакомый стержень парализатора, при виде которого Зислиса передернуло.

Вероятно, это был свайг.

«Жаль, Суваева нету, — подумал Зислис. — Этот бы сразу определил — кто перед нами.»

Свайг вошел в комнату; на пороге появился еще один, потом еще и еще.

Неприятный механический голос, лишенный даже намека на эмоции, прогнусавил:

— Встать! Опустить руки обе!

Выговор показался Зислису странным — так мог бы говорить американер, редко пользующийся русским.

Хочешь-не хочешь, пришлось всем выстроиться в шеренгу. Свайги, поигрывая парализаторами, построились напротив. Зислис опасно косился на чертовы стержни — схлопотать волну омертвления еще разок совершенно ему не улыбалось.

Стало понятно, что свайги общаются с людьми через механический прибор-переводчик: маленькую серую коробочку на груди у одного из инопланетян.

— Сследовать зза ведущий-раззумный! Неповиновение карается нервный удар. Реччь понятен? Отвечать ты! — свайг с переводчиком указал большим пальцем руки на Фломастера.

— Речь понятна, — буркнул Фломастер.

— Сследовать зза! — отрезал свайг и направился к выходу. Над головой его вдруг раскрылся полупрозрачный кожистый гребень весь в сетке кровеносных сосудов. Остальные бдительно таращились на четверку людей. Так они и вышли гуськом — Фломастер, Ханька, Зислис и Лелик Веригин. Вышли в проем неизвестности. Следом за чешуйчатым галактом.

«Дать бы ему по шее! — мрачно подумал Зислис. — А еще лучше — садануть в брюхо из бласта. Патрульного бласта. Да очередью, в упор.»

Жаль, что мечты сбываются только в книгах.

За дверью обнаружился коридор. Широкий и длинный; он убежал, казалось, в бесконечность. Стены в коридоре были темнее, чем в комнате. Свайг-ведущий свернул налево. Некоторое время процессия чинно вышагивала по упругому полу. Зислис то и дело сдерживал себя — низкорослый галакт шел медленнее людей. Веригин пару раз наступил Зислису на пятки.

Спустя несколько минут коридор разветвился — свайг свернул в левый рукав и вскоре остановился. Повернулся к стене, тронул что-то пальцем и в стене пророс такой же прямоугольный проем, через какой они покинули комнату.

— Следовать зза! — повторил галакт и вошел в новоявленную дверь.

Вошли и остальные.

Они попали в просторный зал, сильно напомнивший Зислису общую камеру новосаратовской тюрьмы, только тюремная камера была, конечно же, раз в десять меньше.

Двухъярусные кровати в несколько рядов. Десяток длинных столов; возле каждого — по паре таких же длинных лавок с низкими спинками. Еще несколько лавок вдоль стен. И все.

В зале было полно людей — около сотни, не меньше. Некоторые лежали на койках, некоторые расселись за столы, некоторые бесцельно бродили по свободному месту. Сейчас все, конечно же, уставились на новичков и на тюремщиков.

— Устраиваться! — прогнусавил аппарат-переводчик. — Сскоро кормежка! Ждать!

И свайги один за другим покинули зал. Прямоугольная дверь затянулась в считанные секунды — заросла, как и не было.

— Пан лейтенант! — услышал Зислис знакомый голос.

Так и есть — служака-патрульный, которого пришибли чем-то нервным еще во время первой атаки. Первое знакомое лицо в толпе.

А вон и второе — постная физиономия Стивена Бэкхема, начальника смены со станции наблюдения.

— Ба! — сказал кто-то с койки верхнего яруса. — Да это же Зислис!

Кто-то тотчас привстал и на соседней койке. Зислис присмотрелся и с огромным облегчением узнал сначала Артура Мустяцу, а потом Валентина Хаецкого. Одного из старателей-звездолетчиков.

А когда с койки в проход соскочил Пашка Суваев, невольный спец по чужим, Зислис вдруг стряхнул с себя мрачное оцепенение с подъемом подумал: «И чего это я помирать заранее собрался? Жизнь-то налаживается...»

И, вероятно, не только Зислис увидел знакомые лица. Фломастер вдруг ощерился, метнулся к столу и выдернул из ряда сидящих тучного мужчину лет пятидесяти — за шиворот, как тряпичную куклу.

— Вот ты где! — процедил Фломастер с угрозой. — Ну что? Спас свою жопу?

Мужчина был в полковничьем мундире.

Но Фломастер не успел даже как следует съездить полковнику-дезертиру по физиономии — какая-то женщина с криком повисла у лейтенанта на руке.

— Да ну его, — сказал вдруг Ханька и равнодушно сплюнул. — Сейчас мы все равны.

— Я тоже мог удрать на лайнере, — сердито сказал Фломастер и несильно отпихнул женщину. — Но я остался.

И уже громче — женщине, продолжающей голосить:

— Да заткнись ты! Забирай своего муженька...

Он отпустил полковника и тот бессильно осел на лавку. Без единого звука.

— Директорат тоже здесь? — мрачно осведомился Фломастер.

— Не весь, — ответил кто-то из-за соседнего стола. — Но чужие все время приводят кого-нибудь нового.

Свободных коек в камере оставалось еще предостаточно. Зислис вдруг подумал, что не видит детей. Ни одного. Женщины есть, правда мало. А детей — нет.

Зислис подошел к Суваеву, Хаецкому и Мустяце; Лелик Веригин, как привязанный, следовал за ним.

— Привет...

— Привет, наблюдатели, — отозвался Хаецкий уныло.

— Экс-наблюдатели, Валек, — вздохнул Зислис. — Экс. Теперь мы все просто пленники. Где твой брат-то?

— Не знаю. Мы с Артуром очнулись в какой-то комнатухе тут, неподалеку. Потом нас сюда привели — с час назад, примерно.

— Понятно, — кивнул Зислис. — Та же песня. И что?

Он вопросительно глядел на Хаецкого, который обыкновенно знал все и обо всех на Волге. Но сегодня ситуация складывалась совсем иначе, чем обычно.

— Откуда я знаю? — Хаецкому, похоже, и самому было неуютно. Отвык от неопределенности. — Покормить обещали. А вы устраивайтесь, устраивайтесь... Вон те две койки свободные.

Зислис в который раз за сегодня глубоко и шумно вздохнул.

— Паша, — обратился он к Суваеву. — Ты у нас все знаешь. Где мы? На крейсере свайгов?

Суваев отрицательно покачал головой:

— Нет. По крайней мере, о таком корабле я ничего не знаю. Думаю, мы находимся на той громадине, из-за которой вся каша и заварена.

— Которая над океаном висела? — уточнил Зислис.

— Именно.

— Хотел бы я знать, что это означает...

Зислис резко обернулся, и вдруг заметил десятки глаз, обращенных к ним. Почти все, кто был в камере, собрались в проходах у коек. И все слушали их, затаив дыхание. В первых рядах — Фломастер, Ханька, служака-патрульный, какие-то мрачные и небритые ребята с упрямыми подбородками и мозолистыми руками...

И в этот момент снова отворилась дверь. Ввели еще четверых — первым из людей в камеру ступил Валера Яковец. Вторым — Женька Хаецкий. Третьим — Прокудин, а четвертого Зислис не знал.

За следующий час свайги набили камеру людьми до отказа. Не осталось ни одной свободной койки.

Над Новосаратовым в это время как раз должно было рассветать.

«Веселенькое получилось утро!» — подумал Зислис мрачно и решительно взглянул на Суваева.

— Ну-ка, Паша! — сказал он твердо. — Пойдем-ка потолкуем в уголке...

27. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга.

До рассвета мы даже умудрились кое-как подремать. Успокоившаяся Юлька показала мне как включить внешнее наблюдение, и я так и отрубился в кресле у пульта. Снаружи было темно и тихо, только ветер заунывно свистел над карстовыми разломами.

На душе было как-то не так. Не то чтобы гадко, а как-то беспокойно, что ли. Я глушил чувство вины, но оно продолжало помаленьку грызть. Особенно грызла досада за пацана-Борьку — если уж сделал его сиротой, надо было хоть защитить. Волчье время, так его через это самое...

Так я и досидел до конца ночи. То проваливаясь в чуткое забытие, то просыпаясь и приныкая к экранам. Но до утра нас не трогали. К счастью.

Очередной раз проснулся я от вызова видеофона — он прозвучал в тишине с эффектом разорвавшейся бомбы. Меня подбросило в кресле, а рука мгновенно нашарила на поясе бласт.

Экраны стали не черными, а светло-серыми: снаружи рассветало и инфрадатчики сами собой отключились. Скользнув по экранам взглядом, я дотянулся до видеофона. И почему-то ответил без изображения, только голосом.

— Ну?

— Рома?

Я облегченно вздохнул: говорил Риггельд. Его немецкое придыхание ни с чем не спутаешь.

— Фу, — расслабился я. — Это ты.

И включил изображение — рядом с пультом стусилась голограмма и одновременно зашевелились три передающие камеры, отсылая Риггельду мою картинку. Савельев, полусонный, в кресле.

Рядом незаметно и вкрадчиво оказался Чистяков, а спустя секунду из-за ширмочки выпорхнула радостная Юлька.

— Курт! Ты жив?

— Скорее да, чем нет, — философски ответил Риггельд.

Юлька вымученно улыбнулась — не знаю уж, на чем она держалась все это время. Я встал и усадил ее в кресло перед пультом.

— Ты где, Курт?

— В Новосаратове. Смагин прилетел?

— Да, — ответил я. — С Янкой. Вот он.

Смагин, несколько утративший ночную бледность и приятно порозовевший, шагнул в передающую зону и сделал Риггельду ручкой.

— На нас нападали, Курт. Ночью.

Риггельд помрачнел. Я продолжил:

— С нами американер один был... и пацан малолетний. Их захватили. А мы все уцелели, слава богу. Хотя, какая к черту слава...

Набожные американеры, наверное, отчитали бы меня потом за эти слова.

— Сколько вас? — спросил Риггельд, стараясь отсечь эмоции.

— Я, Юлька, Чистяков, Смагин и Яна. Пятеро.

— Хаецкие, значит, не объявились...

— Не объявились. А что в Новосаратове? Как оборона? Я слышал, вчера там стрельба стояла до неба...

— Новосаратов, Рома, пуст. Кажется, я тут единственный живой. Впрочем, мертвых тут тоже нет. Пусто.

— Как пусто? — не понял я.

— Вообще. Никого, только собаки бегают. И на космодроме та же история, и в фактории, и в директорате. Я впервые в жизни увидел пустой «Меркурий». Я переваривал услышанное. Значит, чужие действительно собирались наловить пленных. Я только не ожидал, что пленить они вознамерились всю Волгу.

— Как же ты уцелел? — спросил Чистяков.

— Я только что приехал, — Риггелд кашлянул в кулак. — По правде говоря, я заглянул по дороге в Сызрань — поселок тоже пуст. Но там я решил, что жители попрятались, в горы ушли, или еще куда. Однако тут, в Новосаратове... Риггелд с сомнением покачал головой.

Ну дела! Я совершенно растерялся. События во-первых просто не укладывались у меня в черепушке, а во-вторых, даже если получилось бы их туда упаковать, представлялись совершенно недоступными разумению. Моему скромному разумению рядового старателя-волжанина.

— Дуй-ка ты к нам, — сказал я Курту. — Я пока не в состоянии сообразить что к чему...

— А, может, лучше мы в город дунем? — предположила Юлька. — Раз уж все равно кораблей лишились. Да и отнимать их у нас теперь, кажется, некому.

Смагин ревниво шмыгнул носом, а я ненадолго задумался, старательно вызывая свое упрямое чутье. Не знаю, получилось это или нет, но что-то мне подсказывало: если и оставили чужие на Волге патрульные группы, то шастать они скорее всего станут в окрестностях Новосаратова. Если уж им понадобилось так много людей, они и нас, пожалуй, с удовольствием отловят. А я к ним в лапы сам отправляться отказываюсь. Дудки!

— Дождемся хозяина, — вздохнул я. — Подумаем... Куда нам спешить?

— Ладно, — Риггелд кивнул. — Еду. На всякий случай, я заберу отсюда видеомодуль и подключу в вездеходе. Номер... — он протянул руку куда-то вправо, повозился с новеньким автомобильным модулем связи, распечатал его, и спустя несколько секунд сообщил номер дозвонки.

— А где это ты? — спросил Смагин подозрительно. — Откуда звонишь?

— Из «Техсервиса». А что?

Смагин оживился:

— Слушай, захвати там фронтальную батарею для «Киева», а? Моя ни к черту, а денег ква... Раз уж все равно нет никого...

Риггелд усмехнулся в усы:

— Ладно. Тебе «два-эс» или «два-ха»?

— Все равно. Но лучше «два-ха», у нее стабилизатор двухмегаваттный...

— Понял. Ждите.

И Риггелд отключился.

Я покосился на продолжающие светлеть экраны-обзорники, и легонько крутанул Юльку вместе с креслом.

— Не кисни, отчаянная! Как спалось?

— Одиноко! — огрызнулась Юлька. Но я видел, что на самом деле она в настроении. Наверное, это из-за Риггелда.

М-да. Остается только вздохнуть — тоскливо и печально. С подвыванием.

— Слушайте... — протянул я, озадачиваясь. — Риггелд уже в Новосаратове. А вчера был где-то аж за Землей Четырех Ветров. Это ж сколько он за ночь отмахал! Или он на звездолете? Да нет, вроде, на вездеходе он...

— Подумаешь! — отмахнулся Чистяков. — Автопилот включил, и спал всю дорогу. Над океаном-то... Сразу видно, что ты звездолетчик, и на вездеходе по Волге шастаешь редко.

Меняхватило только на вздох. Теперь придется шастать чаще, никуда не денешься. А вот на «Саргассе» своим — уже не придется. Увы.

— Пошли, Костя, наружу нос высунем... — предложил я. — Надо бы трупы чужих оттащить куда-нибудь. Как бы их дружки мстить нам не наострились...

По-моему, это называется «накаркать».

Впрочем, выйти наружу мы с Костей еще успели. Успели даже рассмотреть мертвых инопланетян — тех, что похожи на страусов, и мелкого, которого привезли в багажнике вездехода. Успели даже спровадить по парочке трупов в отвесные

карстовые колодцы с водой — лучшей могилы для чужаков в самом центре Ворчливых Ключей и придумать трудно.

А потом волной накатила пронзительное необъяснимое беспокойство и мое пресловутое чутье воткнуло мне в задницу очередную иголку. Я вдруг отчетливо осознал, что в бункере Риггеля неЛЬЗЯ более оставаться ни секунды. И рядом с Смагинским «Экватором» тоже неЛЬЗЯ. И что в запасе у нас остается от силы минута.

Чистяков сразу все понял, и покорился не рассуждая. Я вломился в шлюз и чужим голосом заорал:

— Наружу! Живо! Бросайте все на хрен!

Хвала небесам, друзья меня прекрасно знали. И прекрасно знали, что если я так ору, значит нужно действительно все бросать и мчаться за мной, плюнув на риск переломать ноги и свернуть шею. И прекрасно знали, что это в конечном итоге окажется безопаснее.

Мы как раз ныряли в спасительную черноту какой-то пещерки, когда до слуха донесся еще далекий басовитый гул.

Я обернулся на известняковом порошке — над далеким горизонтом знакомо клубилась потревоженная атмосфера. Как быстро мы научились издали распознавать космические корабли чужих... Боевые корабли. Гул нарастал, набирал мощь.

Мы забились в дальний угол пещеры, молясь, чтобы у чужих не оказалось каких-нибудь хитроумных биодатчиков, способных обнаружить нас даже под толщей породы. Неужели нам суждено теперь жить как крысам — прятаясь от бесконечных налетов? Впрочем, разве так уж важна чужим горстка аборигенов-дикарей? Ну, вернуться на место, где намедни поубивали чуть не десяток их товарищей-галактов, и сровнять все с грунтом — это еще туда-сюда, это я мог уразуметь. Месть — наверняка понятие межрасовое. Но гонять такие огромные корабли ради тройки бывших звездолетчиков?

Нет, дядя Рома. Не мни о себе слишком много.

И едва я это подумал, Волга пугливо вздрогнула. Как тогда, на заимке Чистякова, во время гибели «Саргасса». Даже сильнее, пожалуй. Только жар на этот раз до нас не докатился. Штурмовики со знакомым воем прошли чуть в стороне, и стали удаляться.

Я не поверил ушам — так быстро? Всего один заход?

Около четверти часа мы боялись показать нос наружу, хотя все давно затихло.

Потом Смагин заворочался, зашуршал спиной о стену и шепотом спросил что-то у Янки. Янка шепотом ответила.

— Пошли, что ли, выглянем? — полувопросительно-полуутвердительно предложила Юлька-отчаянная и требовательно воззрилась на меня. — А, Рома?

— Пошли! — согласился я. Сидеть и ждать неизвестно чего действительно надоело. Чистяков увязался за нами. Сопел он, как поросенок в ожидании обеда. Пещерка в этом месте была такой низкой, что приходилось ползти на четвереньках. Страшно неудобно, смею вас заверить. А вот сюда, когда бежали от чужаков, мы влетели словно на крыльях. Как раскаленный нож в масло вошли — не замечая неудобств и не запинаясь о стены и потолок. Надо же, что делает с людьми наступающая на пятки опасность!

Из пещеры мы выглянули, словно семейство испуганных сусликов из норы. Небо было чистым и по-утреннему свежим, несмотря на остатки инверсионных следов. А в стороне риггелевского бункера столбом вздымался белесый дым.

Когда мы приблизились, стало понятно, что на месте бункера, на месте смагинского «Экватора» и доброй части каньона зияет глубокая воронка с оплавленными краями. У Смагина снова затряслись руки, а глаза переполнились тоской, хотя еще минуту назад они полнились надеждой.

Но надежда оказалась всего лишь миражом.

— Добро пожаловать в компанию безлошадных, — процедила Юлька безжалостно. — Твой номер — третий...

Смагин сквозь зубы завыл. Но он быстро взял себя в руки. И у него вдруг снова изменилось выражение глаз. Такие стали глаза... знаете, как у людей, которые уже считают себя мертвыми. Надежда, тоска — все исчезло.

Люди с такими глазами теряют страх, утрачивают способность бояться. Они становятся расчетливыми, предусмотрительными и злыми. Я бы очень не хотел иметь людей с такими глазами среди своих врагов.

— Народ, — со странной смесью спокойствия и уныния изрек Чистяков. — А ведь нам труба. До ближайших заимок пилить и пилить. Не факт, что дойдем.

— А вездеход? — напомнил я.

— А что — вездеход? — удивился Чистяков. — Ты думаешь, он уцелел в этом жерле?

— Мы его в стороне оставили.

Вообще-то я не слишком верил, что вездеход уцелел, но верить ужасно хотелось. Не может же нас совсем покинуть удача? К тому же, мы действительно оставили его метрах в ста от входа в бункер. Вдруг, его не зацепило?

От воронки все еще тянуло нестерпимым жаром, до того нагрелся известняк. Я ждал, что он почернеет, но он лишь приобрел грязно-желтый оттенок и обильно дымил. Мы обошли воронку по периметру и за обожженным горбом наткнулись на усеянный серым пеплом склон. Это выгорел стланик, и на корню, и нарезанный нами. Совсем рядом с воронкой, безучастно накренась, стоял наш вездеход — почерневший, но на вид вроде бы целый. Только борт помят и багажник распахнут. Ну, да, я его, кажется не захлопнул, когда чужака-астронавта мертвого доставал. А потом уже не до захлопывания стало...

От вездехода тоже тянуло жаром, но нестерпимыми такие температуры уже не назовешь.

Костя сунулся в кабину, чихнул пару раз и вполголоса выругался — кажется, обжегся. Прикрывая ладонь рукавом, он кое-как приподнял капот, вытянул шею и с опаской заглянул внутрь.

— Мля! — сказал он с досадой. — Батарея — все...

— А кормовая? — спросил я уныло.

Можно подумать, что на одной батарее мы выедем!

Чистяков сунулся в багажник.

— А кормовая жива! — сказал он изумленно. — Ни фиги себе! Вот уж не ожидал...

— Богатая у тебя машина, — проворчал я и некоторое время подозрительно глядел на Чистякова. Но тот молчал.

— Но ведь привод от одной батареи не запустится? — уточнил я на всякий случай.

— Не запустится, — подтвердил Чистяков. — Даже если привод жив.

— Вопрос, — вздохнул я. — Где взять фронтальную батарею?

Вставила слово Юлька:

— У Риггельда! Юра ему заказывал.

— Риггельд! — оживилась Яна. — Надо ему позвонить!

— Точно! — Чистяков потрогал сквозь рукав сидение и снова зашипел. — Горячее, зараза!

Он сунулся в кабину, содрал с креплений рацию и опустил ее прямо на известняк. Черный витой шнур тянулся от рации к приборной панели. Костя ловко отколупнул ногтем крышку-клавиатуру и щелкнул выключателем. Экранчик ожил, рация загрузилась, и мы все облегченно вздохнули. Возможно, изнурительный поход через карстовую равнину и не понадобится.

Но мы рано радовались. Гейт городской видеосвязи не отвечал. Просто не отвечал. Костя беспомощно поднял голову и взглянул на нас.

— Есть еще один гейт, — сказала Яна достаточно спокойно, чтобы ее выдержке можно было позавидовать. — На космодроме.

— Ну, да! — понимающе фыркнул Чистяков. — Конечно! А коды доступа? Гейт-то служебный.

— Я знаю коды, — Яна являла собой воплощенное спокойствие. Даже не верилось, что вчера она теряла сознание.

Костя отвесил челюсть.

— Знаешь? Откуда?

— Откуда, — передразнила Яна, коротко взглянула на Смагина и потянулась к клавиатуре. — От Махмуда. Я же телеметристка. На станции наблюдения работаю... работала.

Но космодромный гейт тоже не ответил. Этого я и боялся — скорее всего, чужие обстреливали космодром. Вряд ли там что-нибудь уцелело.

— Ладно, — не сдалась Яна. — Есть еще гейт в директорате...

Она ловко набирала команды, и спустя несколько секунд мы услышали стандартный зуммер-приглашение. Вздох облегчения издали все пятеро. Эдаким шепчущим хором. Но это всего полдела — выйти на городскую видеосвязь. Нужно еще дозвониться Риггельду. Янка наступала номер и мы стали терпеливо ждать ответа. Долго ждали. Почти минуту.

И Риггельд ответил. А мы дружно издали второй вздох облегчения. Второй за последние минуты — и какой по счету за сегодняшнее, богатое событиями утро?

— Привет, Курт! — поздоровалась Яна, глядя на экранчик. — Ты нас не увидишь, мы с машинной рации через гейт. — У нас целый ворох новостей. На тебе Савельева...

Курт с экранчика с интересом глядел, казалось, прямо на меня. И я начал:

— Ну, во-первых, твоего бункера больше нету. Есть большая вонючая воронка размером с пару баскетбольных площадок. Это раз. А во-вторых, смагинский «Экватор» тоже... того.

Я на всякий случай покосился на Юру, но за человека с такими глазами, как у него сейчас, можно было не опасаться. Даже упоминание о потерянном корабле не сломит его теперь.

— И на закуску самое веселое: мы тут застряли. Есть вездеход, но он полужареный и вдобавок фронтальная батарея у него сдохла. Еды — ни крошки. С водой проще, воду можно найти.

— Батарея есть у меня, — сказал Риггельд спокойно. — Вы же заказывали. В багажнике лежит.

— Если здесь будет твой багажник, — рассудительно заметил я, — то на хрена нам батарея?

— Тоже правильно, — оценил мой мрачный юмор Риггельд. — Ладно. Не паникуйте, я вас подберу. Если чужие не помешают.

— А что чужие? — сразу насторожился Костя.

— Шныряют над городом. Здоровые такие корабли, пятиугольные.

— Здесь такие же побывали... — вставил я. — Ты там поосторожнее.

— Не учи, — лицо Риггельда смягчилось. — Я старый контрабандист... В общем, идите потихоньку от бункера на северо-восток, в сторону Новосаратова. Увидите чужих — прячьтесь, там есть где. Я найду вас в любом случае.

— Хорошо, — я кивнул. — Только ищи получше.

— Рома, — спросил напоследок Риггельд. — Как там Юлька? С ней все в порядке?

— А ты у нее сам спроси, — сказал я и уступил место перед рацией.

Не нужно быть особым знатоком человеческих душ, чтобы понять: Юльку этот вопрос очень обрадовал. И очень поддержал. Ей нужен был этот вопрос, и именно от Курта Риггельда.

Вот только меня это не очень радовало, если честно. Но... видно, так уж распорядилась судьба.

— Я в порядке, Курт. И я жду тебя. Будь осторожен, — попросила Юлька тихо.

— Вы тоже, — сказал Риггельд бесстрастно. — *Bis bald, Liebes...*

— *Bis bald, Kurt...*

И Риггельд отключился.

— Какая сцена! — вздохнул Чистяков. — Я прослезился.

— Да ну тебя, — отмахнулась Юлька и впервые за сегодня улыбнулась.

— Он завидует, — предположила Яна. — Завидуешь ведь, землерой?

— Завидую, — ничуть не смутился Чистяков. — Так всем и рассказывать буду: «...и прослезился.» Или нет, лучше так: «Я плакаль.»

— Ладно, — сказал я. — Потопали. Костя, что можно захватить из твоей развалины?

— Да ничего, — вздохнул Костя. — Рация без батареи — мертвый груз. А больше ничего тут и нету...

— Вообще это глупо, — подал вдруг голос Смагин. — Уходить отсюда. От вездехода, от связи. Зачем?

— Затем, — буркнул я. — Подальше от этой воронки. Пошли, пошли, время идет.

— Вы идите, — сказала Яна, беря Юльку под руку. — Мы вас сейчас догоним.

И мы пошли. Грузные только бластами, как любой взрослый волжанин, и роем разнообразных мыслей в довесок.

Жизнь продолжала преподносить нам сюрпризы — да и как без сюрпризов после такого крутого поворота в судьбе целой планеты? Лавина, вызванная нажатием безобидной с виду маленькой кнопки ширилась и набирала силу. Кто знает, какой она станет на пике мощности?

— Слушай, дядя Рома, — оторвал меня от раздумий Костя Чистяков. — Откуда ты, черт побери, все заранее знаешь? Как ты понял утром, что сейчас прилетят чужие?

Я протяжно вздохнул. Как? Действительно — как? И, пользуясь отсутствием девчонок, объяснил по-простому:

— Есть у меня в жопе специальный барометр. Понятно? Кстати, утро еще не закончилось.

Чистяков только головой сокрушенно покачал.

По-моему, у него барометра нет.

Нигде.

28. Курт Риггельд, старатель, Номо, планета Волга.

Едва Риггельд коснулся выключателя, видеофон послушно уснул.

«Ну и сенсоры! — подумал он мимоходом. — Мой домашний, помнится, силой приходилось долбить чтоб отключился... Растет „Техсервис“, растет.»

От мысли, сколько же может стоять позаимствованная модель видеофона, Риггельд воздержался. Все равно платить некому — где сейчас продавцы? Где пухлый и вечно красноречивый кассир, любитель булочек и крепкого кофе?

Старенький, еще дедовский «Даймлер» мягко встал на подушку.

«Да. Теперь, вот, бункер расковыряли... А я его так любовно отделывал...»

«Наверное, теперь я должен испытывать к чужакам еще более теплые чувства!»

Привычка мыслить своеобразным диалогом сложилась у Курта Риггельда еще в детстве.

Он потихоньку выехал из гаража, внимательно осмотрел небо, и свернул на Кленовую Аллею. Теперь он был скрыт от любопытных взглядов сверху пышными кронами.

«Интересно, что нужно чужим? Что они недоделали тут, на Волге? Отчего не убрались окончательно и бесповоротно?»

Воображаемый собеседник не нашелся что ответить, и Риггельд философски хмыкнул в его адрес. По пути от заимки на Завгаре до материкового побережья чужие ему, видимо, не встретились. Собственно, большую часть ночи Риггельд проспал на заднем сиденье, доверившись автопилоту и не раз испытанному штурману. Но в окрестностях города он наткнулся на следы пребывания чужих постоянно, а потом и первую пару пятиугольных штурмовиков углядел. Хорошо, успел лечь на пузо, погасить фары и притвориться, будто его тут нет. Штурмовики сели на космодроме; минут двадцать чужие занимались своими загадочными делами, а потом подняли корабли и круто ушли в зенит. С выключенным освещением и в экономном режиме Риггельд наведалься к космодрому и фактории — и нашел их такими же безлюдными, как и Новосаратов. И рассвет ничего не изменил, ни на космодроме, ни в городе. Люди просто исчезли.

Идиоту ясно, что тут не обошлось без чужих.

На первый взгляд цепочка последних событий выглядела маловразумительно. Появление огромного корабля — появление флотов чужих — неудачная попытка высадки — удачная попытка высадки — пленение всех людей Волги. Зачем чужим столько народу? И куда народ упрятали? В тот огромный корабль, что повис над заимкой Савельева? Чужим нужны рабы?

Нет, как то все криво и необъяснимо получалось. Не мог Риггельд согласиться с подобной трактовкой событий.

«Что ж... — подумал он. — Подождем. Будущее все объяснит.»

«Или не объяснит.»

Аллея кончилась; Риггельд притормозил, прежде чем выехать на голый, ничем не прикрытый сверху перекресток. Посреди асфальтового креста бесформенными черными грудками возвышались остатки трех шагающих танков, а к тротуару косо приткнулась поврежденная полицейская платформа. Пульсатор на изогнутой турели безысходно целился стволом в небо. На асфальте чернела россыпь округлых темных пятнышек — явных следов стрельбы из ручных бластов. Чуть дальше, рядом с разбитой витриной супермаркета валялись пустые ящики из-под спиртного и груды бутылок, среди которых хватало и нераспечатанных. В глубине двора, рядом с детской песочницей раскорячился на армированной треноге громоздкий архаичный сактомет. Древняя, но достаточно убойная штука, Риггельд пару раз имел дело с такими.

Наверное, тут недавно кипел бой. И скорее всего, во время первой атаки, когда чужим надавали по сусалам и вынудили убираться с поверхности. Потом защитники, понятно, на радостях разгромили супермаркет, надрались, как свиньи, и вторую атаку, более грамотную, уже не смогли отразить.

«Даймлер» одним броском миновал перекресток. Вокруг было тихо, непривычно тихо для утреннего Новосаратова, и казалось, будто грядет что-то зловещее, что-то ужасное и непоправимое.

Хотя, непоправимое, скорее всего, уже случилось.

Когда Риггельд подъезжал к юго-западной окраине, знакомый гул в небе заставил его обездвижить вездеход. «Даймлер» покорно погасил гравипривод и лег металлическим пузом на асфальт. Гул стал отчетливее, и, вроде бы, звучал теперь ближе.

Риггельд приник к окну, расплющив нос о прозрачный спектролит. Выйти он побоялся.

Ждать пришлось с минуту; потом из-за крыш домов чуть впереди «Даймлера» вырвался неправильный пятиугольник, штурмовик чужих, невероятно красивый вблизи и поражающий взгляд явным совершенством каждой линии, каждого обвода.

Риггельд даже дышать перестал.

Штурмовик застыл над улицей, повис, как стрекоза над древесным листом. Риггелю показалось даже, что он различает слабое дрожание воздуха над инопланетным кораблем, словно там и впрямь трепещут невесомые полупрозрачные крылышки. Рука сама потянула из кобуры бласт и сняла предохранитель.

«Не нужно было соваться в город,» — подумал Риггелд запоздало.

«А куда бы ты делся?»

Действительно — куда? Риггелд рассчитывал ненадолго заскочить в Новосаратов, выяснить что к чему и рвать к Ворчливым Ключам, в бункер. Но что он мог выяснить тут, в Новосаратове?

Теперь Риггелд склонялся к мысли, что мысль посетить город изначально была глупой. Если он хотел спрятаться от сограждан-волжан, незачем было здесь светиться. Если хотел избежать встречи с чужими, которые если и будут где-нибудь ошиваться, так в первую очередь в окрестностях Новосаратова, то сюда нечего было приезжать тем более.

Корабль чужих величаво качнулся, развернулся на месте, и уплыл куда-то на север. Вдоль окраины.

«Как же я из города выберусь? — с тоской подумал Риггелд. — Они явно пасут границу...»

Он выждал минут пятнадцать — гул вражеского штурмовика давно затих вдали. Потом осторожно активировал привод. «Даймлер» оторвал пузо от земли.

Бочком, бочком, прижимаясь к коробкам зданий и избегая открытых участков, Риггелд пробрался к самой границе. Последний дворик перед голой степью.

Единственное, что напоминало о человеке в этой степи — это маячившие на горизонте ажурные вышки микропогодных установок, да еще дасфальтовая лента дороги, делящая степь на две половинки.

Риггелда тоже рассекло на две половинки — одну подмывало утопить до отказа форсаж и рвануться в эту степь, как в море со скалы. Начихав на чужих вместе с их кораблями. Довериться скорости, и верить, что кривая, как обычно, вывезет. Другая половинка советовала не спешить, и сперва осмотреться.

Первый порыв, безусловно, принадлежал русской части его души. Вплоть до выражения «вывози, кривая». Все таки, Волга — планета русских, и частичка пресловутой непознаваемой русской души живет в каждом волжанине, будь он даже американером, португалом или немцем, как Риггелд.

От второй же половинки настолько разило немецкой дотошностью и педантичностью, что сомневаться в ее происхождении было попросту глупо. Все-таки, много в Риггелде осталось и чисто немецкого. Рома Савельев точно уже гнал бы вездеход прочь от города, понадеявшись на свой национальный «авось».

А Риггелд не стал. Он вышел из «Даймлера» с бластом в руке и запасной батареей в кармане и нырнул в вестибюль крайнего дома. За которым начиналась степь.

Лифт работал; Риггелд вознесся на верхний этаж и остановился перед запертой дверью на крышу.

Запертой она была только для людей без бласта в руке. Два импульса, и расплавленный пластик около замка оплывает, размягчается, и остается лишь присовокупить удар увесистого старательского ботинка.

Что Риггелд и не замедлил сделать.

Хлипкая лесенка из давно проржавевших скоб уходила вверх, в узкую квадратную шахту. Риггелд осторожно подергал за нижнюю скобу, решительно сунул бласт в кобуру и подтянулся.

Дверца на плоскую крышу дома болталась на единственной петле, тоже ржавой.

Риггелд удивился — давно он не видел металлических петель. Везде в ходу пластик. Сколько же лет этому дому? Неужели еще первопоселенцев работа? Странно, с краю обычно новые дома стоят.

Он вышел на крышу; ветер азартно набросился на и без того беспорядочную шевелюру. Теперь слева виднелась степь — далеко-далеко, а справа — город. Дома, обильно разбавленные зеленью самых высоких деревьев. Дасфальтовая ленточка убегала к центру. Риггелд когда-то бывал здесь, знал приличную баню на соседней улице, маленький магазинчик оружия, откуда происходил его бласт.

С крыши двадцатичетырехэтажного дома многое было видно. Но чужих штурмовиков Риггелд не углядел, чему не замедлил сдержанно порадоваться. Он созерцал окрестности минут двадцать, не меньше, и ничто не потревожило первозданной, совершенно неестественной для города тишины.

И Риггелд успокоился. Чужие явно убрались. Пора было убираться и ему.

Обратный путь с крыши в квадратную шахту он успел только начать. Отстранил жалобно скрипнувшую единственной ржавой петлей дверцу, и поставил ногу в старательском ботинке на верхнюю скобу-ступень.

В тот же миг где-то неподалеку сухо вжикнул бласт. Ручной, судя по звуку. Раз, другой, третий, и потом, словно по волшебству, над соседним кварталом возник вражеский штурмовик. Всплыл, словно воздушный шарик. Всплыл, и хищно завертелся на месте. Потом метнулся в сторону и сбросил с высоты добрых семидесяти метров прозрачную стайку десантников. Их мягко опустило на поверхность.

Все это Риггельд наблюдал распластавшись на краю крыши, под защитой насадки над вентиляционной шахтой.

Десантники внизу отработанно разделились на две группы и рванули в соседний двор. Риггельд сразу потерял их из виду. Штурмовик повисел над улицей еще с минуту, а потом затянул донные люки и потрясая быстро отвалил километров на пять севернее. Теперь он выглядел как небольшая черточка на фоне утренней голубизны.

В соседнем дворе кто-то протяжно и зло закричал, бласт палил не переставая, а потом резко умолк. Риггельд вздохнул, и пополз к шахте. На этот раз он спускался цепляясь за скобы только одной рукой – во второй он сжимал снятый с предохранителя бласт.

Лифт он на всякий случай проигнорировал – спустился по пыльной пешеходной лесенке, бесшумно прыгая через две ступеньки.

Прежде чем выйти из вестибюля, Риггельд долго осматривался, благо окна были здоровенные, чуть не во всю стену.

Его вездеход стоял совсем недалеко, метрах в двадцати. Под раскидистым деревом – кажется, платаном. Риггельд не особо разбирался в деревьях.

Вереница чужих показалась спустя минуты три. Они шли вдоль дома, где прятался Риггельд, и гнали перед собой понурого человека со скрученными за спиной руками. Чужих осталось только десять, а шестерых мертвых (или раненых) несли на спинах уцелевшие. Этот неизвестный Риггельду парень дорого продал свою свободу.

Они вышли на середину улицы, и вскоре над процессией завис штурмовик. Риггельд видел, как отворились сегментные люки, и над дорогой задрожал воздух, заплескала призрачная зыбь, словно под вставшим на гравиподушку вездеходом. Чужих стало одного за другим засасывать в восходящий поток и поднимать к штурмовику.

Пленника, понятно, тоже не забыли. На все это ушло минуты две. Риггельд мрачно продолжал наблюдать. Люки затянулись; штурмовик дрогнул, и двинулся вдоль улицы, держась на прежней высоте. Но он успел удалиться всего на сотню-другую метров. А потом дрогнул сильнее, гораздо сильнее, ярчайшая точка на мгновение вспыхнула у него под днищем, затмив солнце, а потом тридцатиметровый плоский корабль вдруг за какое-то мгновение окутался густым дымным облаком и развалился на десятки кусков. Куски эти разлетелись в стороны, оставляя после себя длинные дымные хвосты – ни дать, ни взять, словно осколки распавшегося в атмосфере метеорита. А следом накатила тугая взрывная волна, накатила, нахлынула, толкнулась в стекла вестибюля, заставила вздрогнуть пол под ногами.

Позабыв об осторожности, Риггельд выскочил наружу и бросился к улице, но уже на втором шаге сердце его неприятно екнуло, а рука, так и не расстававшаяся все это время с бластом, стала сама собой подниматься.

Рядом с его «Даймлером» стоял запоздавший чужой и таранился в сторону недавнего взрыва. На звук шагов Риггельда он стал оборачиваться.

Рефлекторно, даже не успев толком испугаться, Риггельд всадил импульс чужому прямо в ухо. Точнее, в то место, где у человека на голове располагалось бы ухо. У чужого на этом месте было только полуприкрытое клапаном отверстие, без малейших следов раковины. Длинная шея инопланетянина ослабла, и безвольно повисла, а в следующий миг не выдержали ноги, и он шлепнулся на асфальт у самого вездехода, а оружие его негромко и неметаллически лязгнуло от удара о твердь.

Риггельд выстрелил еще раз, в затылок, и поспешил убраться с открытого места. Он скользнул к платану и прижался спиной к стволу. Старое дерево, казалось, придавало сил. Риггельд вжимался лопатками в полуоблезший ствол, по виску стекала крупная горячая капля. Бласт он взял двумя руками, так вернее. Чутье не подвело его – еще один чужой пулей вылетел из-за угла, но почти сразу остановился, будто споткнулся. Понятно, увидел мертвого сородича.

Этого Риггельд тоже застрелил с первого выстрела и прыжком переместился к вездеходу. Теперь он присел на корточки и спиной прижался к дверце. Докучная

капля с виска сорвалась когда он прыгал, но не замедлила стуситься и потечь вторая.

«Нервы, чтоб им, — подумал Риггелд зло. — Старей.»

Третий чужак не спешил показываться из-за угла — Риггелд чувствовал его, слышал негромкие шаги, и даже, вроде бы, удары сердца как-то чувствовал. Частые-частые, словно барабанная дробь. У человека никогда сердце так не колотится.

Наконец чужой начал осторожно красться — Риггелд откуда-то знал, что крадется он в щели между стеной-окном вестибюля и жидкой порослью молодых акаций у окна. Поросль была действительно жидкой, потому что несколько минут назад не мешала Риггелду наблюдать за улицей из вестибюля.

Он бесшумно оторвал спину от вездехода, бесшумно развернулся и чуть-чуть привстал, так, чтобы взглянуть в сторону чужака сквозь салон «Даймлера». Даже через два стекла Риггелд чужака сразу заметил. Тот, странно полуприсев — суставы на ногах у него гнулись не вперед, а назад, как у птиц — и дугой согнув шею, семенил ко входу в вестибюль.

Риггелд еще привстал, навалился грудью на крышу вездехода и скосил чужака длинной очередью, а потом рванул дверцу, плюхнулся в водительское кресло и активировал привод.

Истекали долгие секунды; двор вблизи оставался пустынным, но Риггелду казалось, что десятки глаз сейчас обращены к его «Даймлеру» и десятки стволов глядят на вездеход сумрачным взглядом смерти.

Наконец привод ожил; Риггелд лихо развернулся на месте и направил машину вглубь двора. Нырнул в арку, потом в другую, и оказался на соседней улице. Вдали угрожающе гудело — к месту стычки наверняка спешил очередной штурмовик. Спешил отследить одинокий движущийся вездеход и втянуть его в свое ненасытное брюхо. Или сначала выкурить из кабины водителя, и его уже втянуть.

Но только Риггелд знал, куда мчался. Рядом с памятной баней, помнится, помещалась автостоянка, всегда забитая вездеходами.

Так и есть. Автостоянка. Забитая. И не найдешь куда втиснуться.

Риггелд дал максимальную мощность, перемахнул через невысокую символическую отградку и юркнул в первую же подвернувшуюся щель. «Даймлер», сдавленно ухнув, коснулся дасфальта, а за миг до этого Риггелд отключил привод. И стек по сидению на пол, чувствуя как в спину упираются ребристые педали.

Гул штурмовика нарастал. Наверное, Риггелд был бы счастлив ненадолго обратиться в муравья.

Штурмовик завис над площадью, выискивая одинокого беглеца. Если у чужих есть биодатчики, или приборы, которые в состоянии отличить холодные вездеходы от недавно работавших — прятаться нет смысла. Но Риггелд прятался. Он прятался бы даже в том случае, если бы точно знал, что у чужих нужные приборы есть. В душе разрасталась досада и злость — влип он неимоверно глупо. Выскочил из здания, не глянул... Словно желторотый пацан.

А самое неприятное, что Риггелд подводил сейчас не только себя. Если чужие возьмут его — Савельев, Смагин с Янкой и Чистяков не дождутся помощи.

И еще не дождетс она — Юлия Юргенсон. Последнее время Риггелд думал о ней все чаще. И даже не знал что страшнее — подвести старого друга, или обмануть надежды этой отчаянной девушки, отчаянной во всем — от рискованных полетов на «бумеранге» до бесповоротной настойчивости, с которой она пыталась завоевать его, Курта Риггелда, внимание.

Редкая цепочка солдат-цоофт пересекла улицу. Риггелд их не видел и не знал, что эта раса именует себя «цоофт». Для Риггелда они были просто чужими. Врагами, который вторглись в его дом.

И Курт Риггелд, старатель, покрепче сжал бласт, в надежде если не спастись, то хотя бы подороже продать свою свободу.

А еще он очень жалел, что не прихватил с собой чего-нибудь мощного и взрывчатого — вдруг удалось бы подарить безмятежному небу Волги еще одну огненную вспышку, которая пожрет вражеский штурмовик?

29. Михаил Зислис, военнопленный, Номо, крейсер Ушедших.

После завтрака, на удивление вкусного и сытного, чужие дали отдохнуть всего минут пятнадцать. Едва последние роботы, похожие на столы с колесиками, увезли прочь грязную посуду и облизали насухо столы, явилась команда свайгов в компании других роботов — не то боевых, не то охранных. Эти походили на летающие шары размером с футбольный мяч. С дырочками по всей поверхности. Что именно могло

вырваться из этих дырочек — Зислис не знал, а спрашивать у Суваева поленился. Наверняка что-нибудь смертоносное. Или оглушающее. Вероятнее — оглушающее, ведь зачем-то же понадобилось чужим такое количество живых людей? Но роботы, несомненно, могли при необходимости и убить.

Зислис изо всех сил надеялся, что такая возможность им не представится. Чужие разбивали людей на группы по десять-пятнадцать человек и куда-то уводили. Зислис, Веригин, Суваев, Хаецкие, Мустяца, Прокудин, Фломастер, Ханька, Яковец и рядовой-служака попали в одну группу. Кроме того в нее же угодил Бэкхем и пожилая супружеская пара, оба перепуганные донельзя. Остальные держались отменно — для пленников.

— Следовать зза! — отрывисто скомандовал свайг-руководитель, и Фломастер первым вышел из камеры.

Вел их свайг в голубом комбинезоне; парализатор он держал как-то неубедительно. Или неумело. Зислису показалось, что это не то научник, не то техник, и вообще существо невоенное и подневольное. Охраняли группу шесть роботов, бесшумно скользящие вдоль стен.

Сначала их привели в небольшой, уставленный продолговатыми шкафами зал. В дальней части зала помещался просторный пульт с несколькими большими экранами. Зислису показалось странным, что перед пультом не было ни одного кресла. Экраны слепо глядели на пришедших. Перед пультом и экранами копошилось несколько свайгов в таких же голубых комбинезонах; едва группа людей вошла в зал, они перестали копошиться и устали на пришедших, изредка перебрасываясь свистящими фразами. Перевода не последовало, стало быть людей их диалог не касался.

— Ссадиться!

Угол, где им велели сесть, был пуст. То есть, совершенно пуст. Ханька первым, с достаточно беспечным видом, уселся на пол и привалился спиной к стене. Остальные последовали его примеру — пожилая чета уселась последней, с кряхтением и тихим оханьем. Роботы гирляндой повисли в воздухе, символизируя условную границу, которую людям пересекать не рекомендовалось — чужие умели быть красноречивыми при минимуме слов.

Не переставая обмениваться репликами, свайги разделились. Двое остались у пульта, остальные распахнули один из шкафов. Зислис присмотрелся, и углядел внутри нечто вроде вакуумного скафандра, однажды виденного у Ромки Савельева на корабле. Кажется, в таких костюмчиках можно было выходить в открытый космос для мелкого ремонта и непродолжительных работ. Больше в шкафу ничего и не было. Минут пять свайги возились и переговаривались, потом жестом подняли Стивена Бэкхема и подозвали к шкафу. Тот, угрюмо ссутулившись, подошел. Жестами же объяснили, что ему предстоит залезть в этот самый скафандр. Один из свайгов пошуршал чем-то внутри шкафа и в скафандре спереди образовалась щель. Зислис прищурился.

— Черт возьми! — вырвалось у дальнотзорного Прокудина.

Изнутри это выглядело совсем не как скафандр. Скорее, как вскрытая свиная туша. Красноватое желе, прожилки какие-то, сочащаяся органической слизью плоть, а не одежда. И — что удивительно — при всей кажущейся неприглядности эти потроха не вызывали отвращения даже у брезгливых людей. Таких, как Хаецкие. Мысль примерить эту живую одежду не внушала ничего неприятного, не ужасала, а наоборот — казалось, что должно открыться нечто новое и захватывающее.

И еще казалось, что мозга кто-то исподволь коснулся, прощупал, и этот кто-то был огромным могучим и, слава богу, доброжелательным.

— Е-мое! — покачал головой Суваев и доверительно прошептал Зислису: — А не биоскафандр ли это? Сдается мне — именно он.

Бэкхем полез в этот диковинный скафандр, отчего экраны за пультом немедленно ожили, замерцали ровными строчками, а потом высветили красную надпись и благополучно погасли.

— Биоскафандр? — переспросил Зислис.

— Ага. Эдакая псевдоживая надстройка над организмом. Я читал кое-что в этой области, но моя база утверждала, что чужие так и не научились делать подобные вещи. Точнее, не делать, а выращивать.

— Значит, научились, — вздохнул Веригин.

— Или учатся, — хмуро поправил Фломастер. — Прямо сейчас. На живцах.

Тем временем Бэкхема извлекли из шкафа и заставили раздеться. Донага. Зислис заметил, что единственная в группе женщина растерянно отвернулась. Это не ускользнуло от внимания свайгов. Один подошел ближе.

— Вопрос? Снимать одежду в присутствии другой человек противоречить этике? Правда?

«А падежи выучить им лениво, что ли?» — подумал Зислис мимоходом.

— Правда, — ответил за всех Суваев. — А если точнее, в присутствии людей противоположного пола.

Некоторое время чужой совещался с кем-то находящимся за пределами зала. Пара свайгов, что торчала у открытого шкафа, обменялась одной единственной фразой, причем Зислис голову отдал бы на отсечение, что значило это нечто вроде: «надо же, дикари дикарями, а этика какая-никакая присутствует.»

Потом женщину подняли и увели прочь. Муж ее попробовал вежливо попротестовать, но к нему выразительно подплыл один из шаров роботов и вынудил вновь усесться. Такой шарик убедил бы и Геракла, не то что подобного старичка.

Тем временем Бэкхем залез в скафандр вторично. На этот раз — голышом. Снова вспыхнули экраны, а скафандр плотно сомкнул створки, поглотил человека, словно чья-то ненасытная пасть.

Свайги закрыли шкаф. И ушли к экранам. Минут десять они колдовали над пультом, потом вызвали Суваева. Тот под присмотром робота приблизился к пульту, поглядел на экраны и что-то негромко стал свайгам объяснять. Свайги таращились на него, изредка шевеля кончиками гребней и переглядываясь.

Потом Суваев вернулся, а двое свайгов поспешили к шкафу.

— Чтоб я сдох! — шепотом сообщил Суваев. — Данные на экраны выводятся на русском и английском!

— Какие данные? — так же тихо спросил Зислис.

— Рабочее место номер такой-то. Недостаточный индекс доступа. Опознанный индекс — семь, необходимый индекс — пятнадцать. Оператор превысил полномочия, что-то в этом роде.

— Недостаточный индекс? Я всегда знал, что наш начальник смены — осел, — хмыкнул Веригин. Бэкхем тем временем извлекали из шкафа. Под косыми взглядами американер торопливо одевался.

А потом к нему подошел свайг с продолговатой, похожей на портсигар штуковиной в руках и схватил за запястье. Коснулся портсигаром тыльной стороны ладони и жестом приказал вернуться к стене.

Бэкхем боязливо поглядел на собственную руку, словно там отрос, например, густой светящийся мех.

Но там оказалась всего лишь цифра. Семерка. Маленькая отчетливая семерка, а перед ней — незамысловатый, похожий на вытянутый треугольник знак. Вероятно, семерка же, но в начертании свайгов.

Следующим подняли оробевшего старичка, супруга дамы, которую недавно удалили. У этого индекс оказался еще ниже — двойка. Свайги с понятной даже людям досадой извлекли его из шкафа, проштамповали, и, недолго думая, поманили Суваева. К экранам на этот раз никого из людей звать не стали, но видно было, что теперь индекса хватило, потому что помимо светящихся строк на экране материализовалась какая-то сложная схема, и там что-то все время меняло цвет, что-то двигалось, что-то происходило.

Свайги оживились; беспрерывно совещались между собой и с кем-то посторонним, а потом торопливо стали готовить еще два шкафа. На этот раз внутрь лезть предстояло Мустяце и Зислису.

Было немного страшно — вблизи внутренность биоскафандра выглядела еще более похожей на выпотрошенную тушу, но отвращения Зислис по-прежнему не ощущал. А казалось — должен был.

Он сбросил одежду и погрузил в «штанины» сначала одну ногу, потом другую.

Прикосновения он почти не ощутил — скафандр был ни холодным, ни теплым.

Температура его явно равнялась температуре человеческого тела. Тридцать шесть и шесть по Цельсию.

А потом светлая щель сомкнулась, заросла, стало темно, и в кожу словно впились тысячи маленьких живых иголок. И это было совсем не больно. На мгновение показалось, что накачивает нестерпимая жара, но это чувство сразу же прошло, а потом стало светло. Сразу.

И все понятно. Тоже сразу. Понятно, что Зислис сейчас был в состоянии совершить. В данный момент он являлся частью сложнейшего механизма, который одним словом можно было охарактеризовать, как «суперкондиционер». Глобальная микроклиматическая установка корабля, заведующая попутно водоснабжением, канализацией, переработкой органических отходов. Зислис вклинился в управление ею; не всей установкой в целом, а субмодулем, ответственным за один из тысяч

секторов. Таким модулем мог при необходимости управлять и один человек, но штатно полагалось три. Сейчас Зислис прекрасно чувствовал Суваева и Мустяцу и мог с ними легко переговорить. Пообщаться. Собственно, то, чем они сейчас занимались, наиболее точно можно было отразить фразой «скучать на дежурстве». Система работала, как часики, Зислис это прекрасно видел, он разбирался во всех процессах, знал назначение каждого узла, каждой машины и каждого биопсихомодуля. Он знал, что подобных модулей на корабле сейчас запущено очень много – больше трех тысяч, и что число это постоянно меняется; но задачи и устройство иных субмодулей представлял только в самых общих чертах. Он знал, что система совсем недавно – несколько часов – как снята с длительной консервации, и что свайги пытались научиться ею управлять. Безуспешно пытались. Он перестал быть просто Михаилом Зислисом, человеком с захолустной планеты. Теперь он был частью корабля и частью экипажа.

– Твою мать! – восхищенно сказал Суваев. – Вот это техника!

Мустяца только впечатленно вздохнул.

Неизвестно, что он там сделал на самом деле, у себя в скафандре. Но Зислис понял, что Мустяца именно вздохнул бы, разговаривая с ней сейчас без посредства чудо-техники древнего корабля.

– Вот зачем чужим нужны живые люди, – наконец-то понял Зислис.

Он прекрасно знал, что биопсихомодули жестко настроены на нервную систему одного вида, и что перенастроить их под другой вид живых существ невозможно в принципе.

– Они что, хотят заставить этот корабль работать? Используя нас? – спросил Мустяца. – Но мы же легко можем водить их за нос!

И он стал забавляться: отсек поток рабочей статистики, а на экран пульта вывел обидную надпись: «Чужие – дурни».

Суваев засмеялся.

И сразу пришел мрак. Их отрезало от системы, иголки вновь впились в кожу, а потом скафандр раскрылся, и Зислис опять стал просто Зислисом. Просто пленным человеком. Он больше не понимал – как именно работают климатические и санитарные установки. Помнил только – что понимал совсем недавно.

– Чувство юмора, – сказала коробочка на груди у свайга перед шкафом, – показатель интеллекта. Однако, мы можем и наказание.

– Наказать, – проворчал из соседнего шкафа Суваев.

– Можем и наказывать, – поправился переводчик. Он обучался правильному построению фраз поразительно быстро.

– Постарайтесь впредь обходиться без подобных выходки.

Зислис тем временем выбрался из биоскафандра. Тело дышало свежестью, словно после бани. Ни следа слизи – только чистая розовая кожа.

Свайг сразу поймал Зислиса за руку и проштамповал. Вероятно – зафиксировал пресловутый индекс. Зислис взглянул, не удержался – два непонятных знака и два понятных.

А индекс его равнялся двадцати трем. Втрое выше, чем у бывшего начальника Стивена Бэкхема.

«А ведь Веригин, пожалуй, прав, – подумал Зислис после недолгих размышлений. – Осел, он и на Офелии осел. И как правило – на руководящей должности.»

Зислис оделся и под бдительным надзором робота прошел к стене.

– Сколько? – требовательно спросил его Суваев.

– Двадцать три, – Зислис показал руку.

– И у меня, – ухмыльнулся Суваев.

– А у меня – двадцать, – сообщил Мустяца.

– Интересно, какой у них верхний порог? Какой индекс у капитана этой громадины?

Зислис перехватил недовольный взгляд Бэкхема, и подумал, что вскоре это выяснится. Уверенно так подумал, совершенно без сомнений.

Спустя пару часов определились индексы всей группы. Хаецкие – тоже по двадцать три. Веригин – двадцать два. Прокудин и Фломастер – по двадцати одному. Ханька и Яковец – по двадцать, как и Мустяца. И, наконец, безымянный служака-рядовой – девять.

«Все равно, выше, чем у Бэкхема, – ухмыльнулся про себя Зислис. – Что бы это значило?»

В это же утро пленников разделили. По индексам. Всех, чей индекс превышал шестнадцать, а таковых набралось под сотню, поместили в двухместных каютах.

Что произошло с остальными – Зислис пока не знал.

А потом сервис-роботы привезли обед. Ему и Веригину.

30. Шшадд Оуи, адмирал, Svaigh, линейный крейсер сат-клана.

Скопление Пста на экранах теперь выглядело совсем по-другому, а все из-за нетленных. Развалившийся кинжальный веер породил семь новых светящихся точек — семь неизвестных звезд. Даже не звезд — крохотных туманностей. Конечно, любой на крейсере знал, что это вовсе не звезды и не туманности, а корабли нетленных. Или даже не корабли, а сами нетленные — к чему разумному излучению отгораживаться от космоса? Космос — их дом, дом в большей степени, чем для свайгов или даже Роя. Для органических форм жизни настоящим домом могут быть только планеты, да и то далеко не всякие.

Шшадд вспомнил, что нетленные воевали в основном в открытом космосе. И никогда не высаживали десантов на планеты союза. Лихие наскоки с орбиты, силовая бомбардировка — этого было предостаточно, как и столкновений в межпланетной пустоте. Но десантов — ни одного за восьмерки и восьмерки циклов. Адмирал читал хроники — не слишком древние, правда. И, сопоставив их со своим богатейшим опытом, пришел к естественному выводу: методы ведения войны с тех времен остались неизменными. Менялось только оружие, и еще менялись корабли, правда не слишком заметно.

Если нетленные — действительно энергеты, такая стратегия все объясняет. Даже то, что союз до сих пор не обнаружил ни одной из планет, на которой базировались бы силы нетленных.

Теперь понятно, почему не обнаружил — таких планет просто не существует.

Нетленным не нужны планеты. Совсем не нужны.

Но, Мать-глубина, из-за чего тогда союз с ними воюет? Им же и делить-то во вселенной нечего! Их сферы жизненных интересов практически не пересекаются!

Раньше адмирал никогда ни о чем подобном не задумывался. А вот Наз Тео, высокопоставленный родственничек, хоть и моложе гораздо, задумывался, и не раз. Может быть именно поэтому Наз теперь заседает на Галерее, а адмирал Шшадд до сих пор всего лишь водит в бой линейный крейсер?

Крейсер сат-клана в составе оборонительной воронки клина дрейфовал между планетой людей и местным солнцем. Два проекционных ствола рождали призрачный объем далеких собеседников прямо в адмиральской рубке; один ствол тянулся на Галерею Свайге, другой — во флагманскую рубку. К премьер-адмиралу Ххариз Ба-Садж, старому вояке клана Сат.

«Глубина бы их пожрала, этих нетленных! — сердито подумал Шшадд Оуи и ненадолго встопорщил гребень. — Зачем они примчались в это забытое цивилизацией захолустье? Наскакивали бы себе на полярные сектора, там все равно ничего особо ценного нет. Месторождения дикие, малоработанные. И населения — восемь, еще восемь, и обчелся...»

Умом адмирал, конечно, понимал, что именно привело нетленных к этому мирку. Та же причина, что и силы союза. Но досада от этого не становилась меньше. Он уже начал подумывать, после намеков Ххариз, что Галерея наконец-то оценила его, Шшадд Оуи заслуги. Решила наконец-то престарелого адмирала произвести в престарелые премьер-адмиралы. Все-таки, командовать клином — это не одно и то же, что командовать крейсером. Ххариз явно тянут на Галерею, и если кого и пересаживать вместо него на флагман, так именно Шшадд Оуи. Того самого свайга, который обнаружил корабль Ушедших.

И тут — бац! — примчались нетленные. Да еще такими силами, что опыт прошедшего не одну кампанию командира не оставил сомнений: клин погибнет, если ввяжется в драку. И клин, и немногочисленные силы союзников. Помощь из метрополий, конечно же, вскоре подоспеет, но чем будет к тому моменту адмирал вместе со своим кораблем? Облачком плазмы? Потокм нейтрино? М-да. И ведь не удерешь, как назло. Все разгонные — перекрыты. Или бой, или...

Пришли бы нетленные попозже, когда инженеры действительно раскусили бы секрет боевых систем крейсера Ушедших. Тогда Ххариз неминуемо отправился бы блистать на Галерею, а клин поручили бы проверенному вакуумом и глубинами адмиралу Оуи...

«Мечты, мечты... — Шшадд печально шевельнул кончиком гребня и покосился на экраны. — Даже в таком почтенном возрасте ты не разучился мечтать, Шшадд Оуи...»

В следующий момент глаза его вновь обратились к экранам. Одна из туманностей — скоплений нетленных, выстрелила в сторону клина одинокую звездочку. Звездочка приближалась, и это было заметно без всяких приборов.

— Ххариз! — рявкнул адмирал так, что проекционный ствол озадаченно мигнул.

В тот же миг крейсер взорвался сигналом общей тревоги. А Шшадд Оуи, впервые в жизни вплотную подошедший к мысли, что давняя война глупа и необъяснима, теперь был занят совсем другим. И мысль так и не родилась.

— Вижу! — зло отозвался флагман и Шшадд подумал, что кому-то из сканировщиков сегодня сильно не поздоровится.

Перед строем-воронкой стусился белесый туман — энергетический щит. Впрочем, он был виден только на экранах, как фоновое свечение. В вакууме светиться нечему. Но свайги находились отнюдь не в вакууме, а перед экранами, и исполинский конус силового поля явился их взорам во всем великолепии.

К воронке направлялся всего один нетленный. Всего один — Шшадд сначала решил, что это парламентар, вестник. Но нетленные молчали, а единственная звездочка, постепенно превращаясь в черточку, не меняла скорости. Эксперт-подклан просчитал траекторию и пунктиром вывел ее на экраны — нетленный направлялся не к воронке свайгов, не к перекрестной сети, сплетенной из кораблей азанни, не к матовым сферам Роя — он направлялся к крейсеру Ушедших. Прямоком.

— Галерея, будут ли рекомендации? — спокойно осведомился премьер-адмирал Ххариз Ба-Садж.

«Какие еще рекомендации? — подумал Шшадд Оуи. — Обратить его в ничто...»

И сам же себя прервал. Вот из-за таких мыслей, наверное, он и сидит до старости лет в адмиралах линейного крейсера.

Галерея бурно обсуждала ситуацию с союзниками, и делала это быстро. К счастью. — Одиночку взяли на себя а'йеши, — наконец распорядились с Галереей. — Ничего не предпринимать!

Шшадд Оуи невольно вздохнул. С облегчением. Почему-то страшно не хотелось начинать общую свалку.

Ожил открытый канал; к нетленным обратился Рой:

"Отзовите одиночку. Он будет уничтожен силами союза; отсчет до семи, потом залп. Один. Два. Три. Четыре. Пять..."

Нетленный не изменил ни скорости, ни направления, стремясь проскочить между крайними кораблями а'йешей к громадине Ушедших.

«Шесть.»

Шшадд Оуи нервно шевельнул гребнем и задышал вдвое чаще.

«Семь.»

Пространство перед нетленным смялось, как маринованная ракушка, и он с разгону влип в область нелинейности. Продолговатый, слабо мерцающий кокон искривился, словно летняя молния, и потерял цельность. А потом в нелинейной области вспух косою взрыв, беззвучная вспышка.

Нетленный перестал существовать, превратившись из упорядоченного излучения в хаотичный поток частиц.

Остальной флот нетленных продолжал неподвижно и безмолвно перекрывать векторы разгона ко всем трем сферам.

Шшадд сообразил, что чешуя на всем теле у него уже давно стоит дыбом, отчего он стал колючим и темно-серым. Ординарцы, развернув гребни до отказа, таращились на экраны.

— Мать-глубина! — сказал каким-то новым и непривычным голосом Ххариз Ба-Садж. — Что это было? Проверка? Самоубийство?

— Наверное, они проверяли: кто уничтожит этого дерзкого одиночку. Ушедшие или союз, — сказал вдруг адмирал Оуи, и от этих слов на Галерею запала мертвая тишина.

А в следующий момент нетленные стали наново разворачивать кинжальные вееры.

31. Павел Суваев, военнопленный, Номо, крейсер Ушедших.

После обеда долго прохладиться тоже не позволили — явились давешние свайги в голубом и безмолвные дырчатые шары — охранные роботы. Впрочем, свайги могли быть и другими, Суваев так и не научился их различать. То есть, они, конечно, отличались даже на взгляд, но воспроизвести в памяти характерные черты любого свайга никак не получалось.

То, что чужие разделили волжан по индексу доступа, Суваева совершенно не удивило. Ясно, что пилот и уборщик на любом звездолете обладают разными уровнями компетенции. Чужие явно пытаются руками людей активировать эту громадину, и не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб понять против кого. Против тех самых гостей, которых ждали у Волги. Из-за которых свайги перестраивали клин в воронку, а азанни свое крыло — в оборонительную сеть.

И еще Суваеву все сильнее казалось, что этот громадный неведомо чей корабль превосходит даже возможности чужих. То-то они из-за него вот-вот перегрызутся. И если ему, Павлу Суваеву, и верным людям, с которыми он успел переговорить, корабль подчинится — чужим можно будет объявлять ультиматум.

Да-да, ультиматум. Суваев уже вскользь обсудил этот вопрос с Зислисом, Фломастером и Хаецкими. Собственно, у Зислиса аналогичная идея вызрела самостоятельно, и это еще более укрепило Суваева в собственной правоте.

Лейтенант, оказавшийся вовсе не таким тупоголовым воякой, каким выглядел, горячо поддержал Зислиса. Хаецкие излучали скепсис, но Суваев твердо знал: если дело вдруг начнет выгорать — на них можно будет смело рассчитывать.

Зислис сетовал, что не удалось найти других звездолетчиков Волги — Савельева, Юльку отчаянную, Шумова, Смагина, Риггельда, Василевского. Впрочем, Василевский, кажется, убит. Высокий индекс всех, кто хоть как-то был связан со сложной техникой и космосом, показался Зислису не случайным, и Суваев вынужден был признать, что в этом есть определенный смысл. Правда, нашлось единственное исключение — начальник смены станции наблюдения Стивен Бэкхем. Но если откровенно, Суваев всегда считал его недалеким человеком, непонятно как угодившим на подобную должность. А исключения, как известно, только подтверждают правила.

Романа Савельева Суваев знал плохо, но Зислис Савельева уважал, а Зислису верить можно. Если говорит, что дельный человек, значит, так оно и есть. Но, если честно, не очень-то Суваев надеялся на всю эту компанию звездолетчиков — они всегда были некоей высшей кастой, закрытой для остальных волжан. И проблемы у них были свои — особенные и непонятные, и разговоры, и поведение. По-видимому, эти ребята не дались в руки чужим. Либо погибли, либо сумели вовремя удрать. По крайней мере, среди сотни с высоким индексом оказались все, кого Суваев отметил бы и сам, за исключением пятерых человек: двух толковых девчонок-телеметристок — Яны Шепеленко и Вероники Дронь, хозяйки Манифеста Ирины Тивельковой, служащего директората Святослава Логинова и приятеля из «Техсервиса» Кости Зябликова, который, кажется, тоже имел какое-то отношение к Манифесту и Тивелькову должен был знать. Все знакомые, у кого по мнению Суваева имелись мозги, находились в данный момент на корабле неизвестной расы. Отсутствовали только звездолетчики (не считая Хаецких) да вышеупомянутая пятерка. А значит — нужно было действительно освоиться с управлением корабля. По-крайней мере, попытаться. Суваев смутно помнил ощущение собственного могущества и единения с кораблем, когда подключался к какой-то жалкой сантехнической машинерии. Что же будет когда он подключится к капитанскому пульта? Хватило бы индекса...

«Только бы хватило, — твердил про себя Суваев, вышагивая по нескончаемому коридору вслед за степенным свайгом в голубом комбинезоне. — Только бы хватило...»

Во второй раз группы уменьшили. Теперь волжан было шестеро — кроме самого Суваева еще Зислис, Веригин, Хаецкие и Фломастер. Те, кто и нужен. Чужие словно подыгрывают.

На этот раз их привели в совсем другое помещение. Суваев сразу стал озиаться в поисках шкафов со скафандрами, но оказалось, что это всего лишь местный гараж. Подали плоскую платформу. Пола она не касалась, вероятно сработана была на антиграве. Но с другой стороны никто ею не управлял — свайг жестом велел всем влезть на нее, угрожающе встопорщил гребень и предупредил (через переводчика, разумеется):

— Роботы следят непрерывно! Ничего не предпринимать без команды от свайга! Суваев криво усмехнулся, опускаясь на корточки посреди платформы. Сначала приборы-переводчики допускали множество ошибок, но за пару часов общения с людьми быстро освоились с правилами языка, и даже произношение, сволочи, научились имитировать. Только шипящие по-прежнему затягивали. Все эти приборы явно были связаны в общую сеть и то, что узнавал и анализировал один, немедленно становилось достоянием всех остальных. В общем, удивляться не стоило. Платформа двинулась вперед, плавно и без рывков, но тем не менее очень быстро. Четыре робота неслись следом. Все это происходило без всяких звуков, только слегка свистел в ушах поток встречного воздуха.

«Интересно, — подумал Суваев. — А встретим ли мы на корабле азанни и цоофт? Или лишь свайгов?»

Об оставшихся двух расах он как-то не думал — те происходили из миров, слишком уж непохожих на Волгу и Землю. И внутри корабля условия для них не те. Хотя,

инсектоиды Роя, скорее всего, смогли бы безболезненно обитать в условиях, подобных земным или волжским.

— Куда это нас везут, интересно, — пробормотал Зислис и несильно пихнул Суваева локтем. — А Паш?

— Не знаю, — отрезал тот. — Хочу надеяться, что в капитанскую рубку.

— Так сразу? — усомнился Зислис и задумчиво почесал кончик носа. Ветер ерошил его волосы в странном несоответствии с посвистыванием в ушах.

— Думаешь, у чужих есть время? Вон, как бегают!

Зислис обернулся, словно действительно надеялся увидеть бегущих инопланетян.

Потом вопросительно уставился на Суваева. Другок Зислиса, Лелик Веригин, глядел на них, приоткрыв рот.

Суваев вздохнул. Как можно в возрасте Веригина оставаться таким лопоухим и восторженным? Словно мальчишка-старшеклассник.

Впрочем — Веригин умный парень, недаром у него высокий индекс. И реакция у него будь-будь, на смене была возможность не раз убедиться.

Суваев вдруг поймал себя на мысли, что думает о своих спутниках, о своем ближайшем окружении, как об экипаже, которым вскоре предстоит командовать.

Словно капитанские нашивки уже сверкают на его рукаве. И он оборвал себя — потому что так думать было еще слишком рано. Но все равно мысли вертелись вокруг предстоящего испытания. А в том, что именно им вскоре предстоит подключаться к самым сложным и значительным системам на корабле, Суваев ничуть не сомневался.

Потому что среди отобранной «квалифицированной» сотни за двадцатку индекс зашкаливал всего у одиннадцати человек. И остальных пятерых тоже увели одной группой — Суваев видел. Прокудина, Мустяцу, обоих сержантов из патруля и Сергея Маленко, из директората.

Наконец платформа всплыла в большой зал, напоминающий фойе в большом магазине.

Ряды каких-то витрин непонятно с чем внутри, высокий сводчатый потолок. И три широченных двери в дальней стене.

Платформа подрулила к левой, и наконец-то замерла. Двери тотчас разошлись, как в лифте, открывая ход в просторную круглую комнату, совершенно пустую.

Это и правда оказался лифт — только на стенах его не было никаких кнопок, никаких органов управления. И движение его было плавным и неуловимым — совсем как у транспортной платформы. А потом двери снова разошлись, впуская их в еще один зал, побольше размерами, чем фойе внизу. У самой двери стояли три свайга в голубом.

— Входите! — велел один из них, и шестерка волжан, подталкиваемая в спины нетерпеливыми роботами, вошла.

В рубку. В ходовую рубку, конечно. Где еще, скажите на милость, могут быть экраны вместо стен, потолка и даже пола? Даже нет, не экраны — один сплошной экран, испещренный тысячами синеватых точек-звезд?

Восемь шкафов, несомненно с биоскафандрами внутри. И все, даже пульта без кресел нет.

— Раздевайтесь! — скомандовал свайг отрывисто.

Гребень у него заметно подрагивал, а вид был необычайно... солидный, что ли?

Суваев инстинктивно заподозрил в нем большое рептилоидное начальство.

Помимо звезд на экранах виднелись десятки кораблей — гигантские бублики — крейсера свайгов; плоские, похожие на праздничные пирожные пяти- и семиугольники азанни, тусклые сферы Роя... А еще — вдалеке — смутные белесые кляксы, сгруппированные с семь больших туманностей вроде Млечных Пятен.

— Ты! — скомандовал свайг-начальник Суваеву. Суваев вздохнул и направился к ближайшему шкафу, шлепая босыми ногами по изображению звездного неба. В рубке было совсем не холодно даже без одежды — некий универсальный температурный оптимум для вида Homo Sapiens Sapiens.

И вот — снова это, упоительное чувство единения с могучим кораблем, растворение в ощущениях миллиардов датчиков! Песня информации и гимн эмоций. Мгновение, когда миры, как песчинки валяются у ног и ты в состоянии истереть их в пыль, но, конечно же, не станешь этого делать, потому что ты — не слепой разрушитель. Ты — носитель разумной силы.

Совсем рядом влит в систему (воображаемые брови оператора Суваева/23 поползли вверх) еще один человек — Курт Риггелд. В соседней рубке, в центре управления огнем.

— Риггелд? Ты здесь?

— Привет, Паша. С некоторых пор. Часа два уже.

— Ты не сразу им попался?

— Нет. Только утром, в Новосаратове. Так по дурному влип... сказать стыдно. Суваев засмеялся:

— Ну, теперь-то ты не жалеешь!

Риггельд рассмеялся в ответ:

— Конечно, нет! Зелененькие еще не подозревают, во что вляпались они!

Суваев засмеялся снова.

— Ну, что? Вынуждаем их подключать наших?

— Думаешь, двенадцати операторов хватит?

— На все — нет. Но нам все пока и не нужно...

Тут в разговор вклинился чужак. Извне — операторы его слышали и видели, а свайг их — только слышал.

— Человек, ты способен воспринимать мои приказы?

«Приказы!»

Но ответил Суваев совсем другим тоном и другими словами.

— Да. Способен.

— Отлично. Сейчас ты будешь делать то, что я скажу. Неповиновение или нерасторопность будут караться. Послушание — наоборот поощряться. Понял?

— Понял, — подтвердил Суваев.

Ему стало забавно — никто даже не подозревает, что Суваев способен за долю секунды подчинить себе/кораблю четверку боевых роботов и дотла сжечь эту напыщенную ящерицу. В пыль, в мельчайший уголь. Или уничтожить свайга вместе с роботами дюжиной других способов, весьма разнообразных. Пока человек и корабль слиты в единое целое — свайги и прочие расы чужаков не более чем непрошенные гости на борту крейсера Ушедших. Гости под ногтем у истинных хозяев, и стоит только чуть чуть прижать ноготь...

— Необходимо активировать двигательные системы корабля, — начал свайг. — Первое: выведи в объем статистику корабельных систем в доступном тебе формате.

Суваев послушно материализовал объемный куб перед мордой каждого свайга. И даже кое-что туда вывел. Что посчитал нужным.

Потом он без особого труда отыскал постороннее включение в нейропоток скафандра — кнут, которым чужие собирались стегать болевые точки непокорного оператора.

Сначала Суваев хотел закольцевать включение, чтобы нервный удар получил свайг-контролер. Но потом передумал и оставил все как есть, блокировав только реальные каналы. Свайг будет уверен, что Суваев внутри шкафа корчится от боли, а что произойдет на самом деле — его совершенно не касается.

Немедленно Суваев поделился открытием с Риггельдом, но тот уже и сам все сюрпризы обнаружил и нейтрализовал.

Приблизительно в этот же миг стали один за другим оживать модули управления по всему кораблю — двигатели, ориентировка, сканирование, энергораспределение... Экипаж сливался с кораблем.

«Бедные маленькие свайги, — подумал Суваев с жалостью. — Они сами вырыли себе могилу. Себе, и всему сообществу пяти рас.»

— Ты видишь готовность двигателей? — поинтересовался свайг, вняв своему примитивному коммуникатору.

— Вижу.

Свайг заметно оживился:

— Прекрасно. Попробуй взять на себя управление.

— Это невозможно. Нужно еще как минимум двое операторов — корабль слишком большой для одного мозга.

Свайг несколько мгновений колебался, затем дал команду облачаться в скафандры Зислису и братьям Хаецким. Что оставалось Суваеву, как не беззвучно захохотать? Чужие совали голову пасть льву все глубже и глубже, полные иллюзорной уверенности, что лев ручной.

Один за другим операторы вливались в управляющую сеть. Один за другим с удивлением обнаруживали рядом с собой Курта Риггельда, которого каждый для себя уже успел похоронить.

Исполинский крейсер урчал, как приласканный котенок. Он соскучился по людям за миллионы лет одиночества. И хотя сейчас на борту едва пять процентов полного экипажа, крейсер почти жив. Почти боеспособен. Почти...

— Итак, пробуйте совершить осторожный маневр. Расчет маневра мне в куб... — бормотал свайг.

Веригин, ответственный за вычисления, быстро состряпал примитивное описание и подsunул его настырному чужаку.

Некоторое время свайги дружно разбирались в выкладках, шипели в коммуникаторы и совещались, потом наконец снисходительно позволили людям действовать. Это было как шагнуть, или как развернуться на месте. Так же по ощущениям просто, и так же необъяснимо сложно. Попробуйте объяснить — что именно вы делаете, чтобы шагнуть?

Есть одна древняя байка, про сороконожку, которая задумалась над тем, какой именно ногой ей сейчас двигать, и результате разучилась ходить. Первое, что пришло в голову той части Суваева, которая все еще хранила индивидуальность, именно эта байка. Корабль не шевельнулся, хотя был вполне готов к этому. Но причина была несколько другая, чем у злосчастной сороконожки.

«Нет санкции капитана», — уведомил корабль.

Свайги снова затеяли совещаться. Суваев весь подобрался, и даже показалось, что вспотел, хотя в биоскафандре вспотеть попросту невозможно.

«Есть, выход, есть, — так и хотелось подсказать тупоголовым чужакам. — Маленькая комнатка между рубкой управления огнем и рубкой управления движением.

Капитанская каюта с единственным шкафом-биоскафандром...»

«Нет санкции капитана», — уведомил корабль на предложение задействовать оружие.

«Нет санкции капитана», — уведомил корабль на попытку разблокировать двигатели.

Свайги постепенно теряли терпение. Мать-глубина, а что если капитан этой громадины заболел и умер? Что, так и останется она дрейфовать в пустоте, пока не испарится в короне какой-нибудь подвернувшейся звезды, не долетев до хромосферы миллион-другой километров?

Но все-таки они решились. Суваев, плохо скрывая ликование, позволил одному из свайгов отключить себя от корабля и вскрыть биоскафандр.

Вот он, долгожданный миг победы. Сейчас он подключится к капитанскому каналу, и тогда поглядим кто станет отдавать приказание — зелененькие людям, или люди зелененьким...

Сразу два робота провели его в капитанскую каюту. Сразу два свайга контролировали облачение в капитанский скафандр — к слову сказать, на вид абсолютно неотличимый от скафандра того же ассенизатора-климатолога.

И этот миг все-таки настал...

Суваев включился в систему от имени капитана, и сразу попытался покрепче схватить вожжи.

И у него ничего не вышло.

Сотни и тысячи людей, подключенных к кораблю, услышали:

«Недостаточный индекс доступа. Капитанство не подтверждено.»

32. Михаил Зислис, старший офицер-навигатор, Номо, крейсер Ушедших.

«Надо что-то делать», — лихорадочно подумал Зислис.

Почва уходила из-под ног. Безмолвный бунт против чужаков на глазах проваливался, неподкрепленный достаточной силой.

— Черт возьми! Но капитан этой посудины давно мертв! — сердито сказал Фломастер.

— Эй, народ, у кого какие мысли?

Экипаж забурлил, на миг ослабляя единение с кораблем.

— Так ему и объясните, — буркнул Феликс Юдин, в прошлом — бандит и убийца с Волги по кличке Плотный, а ныне — оператор систем внутреннего транспорта с индексом доступа двенадцать.

Фломастер, перемещенный на место старшего офицера-канонира, быстро попытался сформулировать мысли экипажа кораблю.

«Капитан мертв. Функции капитана нужно переадресовать кому-либо из старших офицеров.»

Корабль остался бесстрастным.

«Капитан жив. Его координаты известны.»

Зислис растерялся — корабль заявил это так уверенно, что усомниться было кошунством. Но что значит — капитан жив?

Фломастер не сдавался:

«Координаты капитана? Он на корабле?»

«Капитан вне корабля, но в пределах досягаемости. В данный момент он находится на поверхности планеты Волга.»

И, уже ни на что не надеясь, Фломастер добавил:

«Имя капитана?»

«Роман Савельев, оператор с индексом доступа двадцать четыре.»

— Ну, Рома, ну, стервец! — выдохнул Зислис. — Бейте меня палками, граждане, но я ничуть не удивлен!

— Побьем, не беспокойся, — заверил его Суваев. Кажется, он сумел взять себя в руки после неудачной попытки взвалить капитанство на себя. — Народ, что по вашему означает — в пределах досягаемости?

— Наверное, это значит, что корабль в состоянии доставить Саву с поверхности в капитанскую рубку, — предположил кто-то из рубки двигателей. — Эй, мобильщики, есть здесь что-нибудь вроде челноков? Способных садиться на планеты?

— Есть, — заверила рубка разведки. — В неимоверных количествах, чтоб я сдох на месте...

«Капитан необходим на борту! — заявил Фломастер кораблю. — Немедленно!»

«Высылать бота?» — поинтересовался корабль.

«Немедленно!»

В тот же миг операторы в рубке разведки получили санкцию на отстрел бота и на доступ к ячейке памяти с данными о координатах капитана. Рубка связи провесила канал от биоскафандра бота на входной управленческий гейт. Рубка сервисных систем получила кратковременную власть над одним из шлюзов. Рубка дистанционного управления навела крохотную по сравнению с кораблем капсулу на услужливо предоставленную рубкой навигации траекторию.

Капсула скользнула к Волге. За капитаном.

Некоторое время все, кто мог, затаив дыхание глядели ей вслед.

— Ну, что? — отвлек старших офицеров Фломастер. — Может, пока чужаков передущим?

— Не советую, — проворчал Риггельд. — Капитана-то нет. В самый нужный момент что-нибудь не работает. Спугнем только.

Его поддержали — Суваев, Зислис, Маленко. Хаецкие осторожно отмолчались.

И Зислис приготовился ждать, занимая время развлечением свайгов-ученых. Но почти сразу появилось развлечение поинтереснее.

От одного из семи пятен-туманностей вдруг отделился один корабль. Точнее даже не корабль — нечто, окутанное тугим энергетическим ступком. Настолько тугим, что изнутри наружу не прорывалось ни единого кванта. Нечто вроде черной дыры в миниатюре. Этот ступок направлялся прямо к кораблю Ушедших.

«Точнее, к нашему кораблю, — поправил себя Зислис. — Что мешает назвать его нашим? Только отсутствие капитана.»

Чужие ступок не замедлили уничтожить. И тогда их непонятный враг начал стремительную и короткую атаку, целью которой было прорваться к кораблю людей.

И корабль это сразу понял.

«Внимание! Угрожающая ситуация. Блокировка снята, несмотря на отсутствие капитана. Как только угроза кораблю исчезнет, блокировка будет снова установлена. Передаю управление...»

Зислис едва не захлебнулся от нахлынувшей отовсюду мощи — она вливалась в каждую мышцу, в каждый нерв, чувствовалась каждой клеточкой кожи — и каждым квадратным метром обшивки. Зислис чувствовал сейчас, как упивается этой мощью Фломастер — старший офицер-канонир, и вместе с ними тысячи людей, слитых в единый экипаж чудо-корабля.

Первая волна врагов смяла оборонительные линии свайгов, азанни, Роя, пространство корчилося и сминалось, гигаватты энергии перекачивались за какие-то секунды и обрушивались на избранные цели.

Стая энергетических ступков разметала чужие звездолеты, еще недавно казавшиеся верхом совершенства, а теперь представляющие из себя не более чем допотопные дребезжащие колымаги.

Зислис не стал дожидаться, пока враг ударит первым. Он, старший офицер-навигатор корабля людей, поддерживаемый сотнями и тысячами операторов на боевых постах, развернул исполинский наконечник копья и ринулся навстречу битве.

37. Роман Савельев, старатель, Номо, планета Волга.

До чего же все-таки разбаловала людей цивилизация! Зря, по-моему, чужаки нас за дикарей держат.

Солнце немилосердно жгло нам макушки, и ноги ныли от долгой ходьбы. А ведь шли мы всего-навсего шестой час.

Развратили нас звездолеты-вездеходы, купола со всеми удобствами и кондиционированная прохлада. Забыли мы о природе напрочь. Изнежились. А ведь любой из людей телесно вполне был способен выжить на этой равнине без всяких орудий, без всяких благ. Но мы, сегодняшние волжане, этого попросту не умели.

Шли мы на северо-восток, к Новосаратову. Я чувствовал неприятное посасывание под ложечкой — верный признак близкого голода. Чистяков уже недобрым взглядом провожал пролетающих птиц.

Хорошо, хоть от жажды мы не страдаем — в карстовых разломах-колодцах вода встречается постоянно. Уже дважды мы натыкались на открытые великанские стаканы, на доньшках которых плескалась мутная и соленая, но все-таки годная для питья вода. Запасливый Смагин раздал всем желтые капсулы антидиза, чтоб микроскопическая дрянь-живность, которую мы проглотили вместе с водой, не учинила нам очередную инфекционную Хиросиму. Локальную.

Откровенно говоря, я с минуты на минуту ожидал появления Риггельда. Сколько ему на вездеходе тянуть? До воронки на месте бывшей заимки — часов пять. Ну, мы за это время километров двадцать-двадцать пять точно отмахали. Это минус десять минут Риггельду. Небо было чистым, как назло — ни облачка. Куда они вечно деваются, когда нужны? Вот если собираешься в горы на пикничок — обязательно дождь зарядит на неделю. А сейчас — просто голубое диво над головами. Ни от солнца за тучкой не укрыться, ни от чужих спрятаться.

Правда, чужих мы пока не видели. Один раз только почудился мне далекий-далекий гул, и на горизонте возникло какое-то слабое шевеление в атмосфере. Но все это обошло нас стороной, и не пришлось нырять в очередной разлом и изображать из себя крысу.

— Не понимаю, — проворчал Чистяков уныло. — Как в старину народ пешком по степям шастал?

— А чего? — без особого интереса спросила Юлька. Отчаянная тоже устала. Как и все мы. — Чем тебе степь не потрафила?

— Жарко. Идти далеко. Жрать нечего...

— У меня шоколадка есть, — сказала Яна. — Разделить?

Чистяков скривился:

— Дели...

По нему было видно, что Костя мечтал сейчас не о шоколаде, а о хорошем куске мяса. Пусть даже консервированного — свежати́на на Волге не всем по карману. А шоколад — так, пустяковина, только желудок подразнить.

Яна на ходу пошелестела оберткой и разломала прямоугольную плитку на пять равных частей. Я молча принял свою долю и не глядя отправил в рот. Стало сладко, но мысли о мясе меня так и не покинули. Чистякова, по-моему, тоже.

Шоколад истаял во рту со сказочной быстротой.

Смагин грустно проводил взглядом пестрый комок — обертку, подхваченную ветром. Далеко этот комок не укатился, темный зев карстового колодца проглотил то, что мы сочли несъедобным: клочок фольги и глянцевый кусочек пластика.

Почему-то именно в этот момент мне стало особенно тоскливо. Уронив взгляд на желтоватые известняки под ногами, я прибавил шаг. Идти надо, а не тащиться. Во-он к тому холмику, растущему из кудлатого стланика. А потом — к следующему. И так много-много раз, пока Риггельд нас не отыщет.

— Ром, — негромко спросила у меня Юлька. — А сколько, по-твоему, отсюда до Новосаратова?

Я пожал плечами.

— Не знаю... Километров четыреста. Хотя, наверное больше. Пятьсот.

Юлька немного помолчала.

— Но это ведь все равно не больше пяти часов? Вездеходом?

Теперь промолчал я. Она права.

Наконец я счел, что молчать и дальше будет нехорошо:

— Ты хочешь сказать, что Риггельду давно уже пора появиться?

— Ну, не то чтобы давно... — вздохнула Юлька. — Но пора.

Вот черт! Она действительно права. «Не то чтобы давно...» В самом деле пора. Но ведь отыскать пятерых пешеходов в степи — нелегкая задача даже для звездолетчика. А у Риггельда всего лишь вездеход.

«Так скоро и известняки кончатся», — озабоченно подумал я.

Мы наверняка вплотную приблизились к северо-восточной границе карстовой долины. Скоро начнется обычная степь. С ковылями и черноземом.

Чистяков, идущий несколько впереди, перепрыгнул через первый чахленький кустик стланика.

— Куда тебя понесло? — спросил Смагин. — В заросли? Давай обойдем, чего продираться.

— Зато осмотримся. Какой-никакой, а все же холмик.

Смагин замолчал. Потом безнадежно махнул рукой, и тоже переступил через стланик.

Некоторое время мы шли, как цапли по болоту — высоко задирая ноги и часто перепрыгивая через совсем уж непроходимые хитросплетения ветвей и хаотично изломанных стволиков.

Верхушка холмика, как водится, была лысой. Интересно, отчего так? Ветер, что ли, виноват?

Я прищурился разглядывая отступивший горизонт.

— Чтоб меня! — выдохнул Чистяков. — Это мираж? Или еще кто-нибудь видит?

Юлька подалась вперед, и, кажется, намерилась содрать куртку чтоб помахать ею над головой.

— Это вездеход, — сказала Яна невозмутимо.

Вездеход не двигался. Крохотной точкой застыл на полпути к следующему лысому холмику. И еще дальше, совсем уж на пределе видимости, смутно виднелось еще что-то. Может быть, еще один вездеход. А может быть, чей-нибудь купол. Но в этом районе нет куполов — по крайней мере еще недавно не было.

— Между прочим, — понизив голос предупредил Смагин, — нас оттуда прекрасно видно. На фоне неба-то.

Действительно, мы ж на самой макушке холма.

— Ну и что? — не поняла Юлька.

— Это не обязательно Риггелд, — неохотно пояснил Смагин.

— Зато обязательно не чужие, — нашлась Юлька. — Пошли, нам терять нечего. Даже если это гопота из «Меркурия».

Не знаю, заметили нас из вездехода или не заметили. Но с места вездеход так и не сдвинулся.

Мы топали к нему добрых полчаса. Ну, может чуть меньше. И чем ближе подходили, тем сильнее портилось у меня настроение. Потому что я вскоре узнал — чей это вездеход.

Моего большого «друга» Плотного. Феликса Юдина. Который совсем недавно зарился на мой звездолет... ныне размазанный по дну воронки у чистяковской заимки.

А вот у Чистякова, Смагина и Янки настроение явно подскочило — еще бы, появился шанс, что малоприятное пешее путешествие через долину наконец-то завершится.

Зато Юлька помрачнела — составила мне компанию. Она, конечно, поняла, что это не Риггелд.

Вездеход был редкий. Песочного цвета «Урал». Мощная и дорогая машина — на Волге таких хорошо если с десятков наберется.

— А у Риггелда «Даймлер» был... — зачем-то сообщил Смагин скучным-прескучным голосом. Юлька сердито стрельнула глазами в его сторону.

Костя Чистяков осторожно подошел вплотную и, заслоняясь от света ладонями, приник к боковому триплексу.

— Пусто! — сказал он через секунду. Смагин тотчас прыгнул к дверце. На миг задержал ладонь на ручке, и потянул на себя. Дверца послушно открылась — мягко и бесшумно. «Урал» все-таки. И внутри — действительно никого. И ничего. Никаких вещей. Впрочем — какие вещи могут найтись в машине Плотного, бандита и головореза?

Янка вдруг отошла в сторону, нагнулась и что-то подобрала с известняка.

— Глядите! — сказала она озабоченно.

Я не сразу сообразил — что она нам протягивает. А потом понял — бласт. Оплавленный, до неузнаваемости изуродованный ручной однопоточный бласт системы «Витязь». Дружки Плотного и сам Плотный такими частенько помахиwali. И постреливали из таких.

Чистяков тем временем оживил привод — успешно. С первой попытки вездеход встал на подушку и тихонько зашелестел в стабилизированном режиме. Словно пересыпался песок в гигантских песочных часах.

— Ха! — Чистяков прямо-таки лучился оптимизмом. — Праздник, граждане! Тележка жива! Просю унуть!

Брезгливо отбросив останки бласта, Яна вытерла руки о джинсы и приникла к Смагину. Тот успокаивающе прижал ее к себе.

Юлька открыла вторую дверцу и уселась справа от Чистякова. Я устроился слева — в «Урале» место водителя по центру. Смагину с Янкой осталось заднее сидение, больше смахивающее на небольшой диван.

Первым делом Юлька потянулась к видеомодулю и без запинки набрала номер, который сегодня дал нам Риггелд. Уже успела запомнить. Я покосился на приборы перед Чистяковым, и убедился, что батареи вполне живы. Нам не то что до Новосаратова хватит — можно Волгу раз пять по экватору объехать.

Риггелд нам не ответил, и Юлька насупилась.

Странно. Должен был бы ответить, он ведь обещал немедленно выехать нам навстречу. А значит, должен находиться в кабине и слышать вызов. Тщетно мы вслушивались в протяжные гудки. Долго вслушивались. Очень долго. Юлька тыкала пальцем в «Повтор/Redial», модуль покорно набирал номер раз за разом – и все безрезультатно.

Наконец Чистяков не выдержал.

– Поехали, что ли? Может, он в кустики выскочил по дороге...

Юлька метнула на Костю взгляд, в котором смешивались самые противоречивые чувства. Но послушно хлопнула дверцей со своей стороны.

И мы рванулись к еще одному вездеходу, виднеющемуся невдалеке, в полукилометре примерно. Смагин чем-то шуршал сзади.

– Ха! – провозгласил он с воодушевлением. – Гамбургеры! Правда, всего четыре штуки...

– Поделимся! – Чистяков ничуть не огорчился этому маленькому просчету судьбы. Я, признаться, тоже не огорчился.

Тихонько заурчала печка – приятная, все-таки, штука «Урал». Хотя любой, даже самый захудалый звездолет все равно лучше самого современного вездехода.

Едва мы подъехали ко второму вездеходу, серо-зеленому «Киеву», я заметил рядом труп. Человеческий.

– Сидите, – сказал я и вышел. Приблизился.

Когда-то в этом теле обитала темная и грязная душонка Архара – дружка Плотного. Имени этого головореза я не знал, да и фамилию не знал точно. Не то Архаров, не то Архарский. А, может, и Архарян – нос слишком уж характерный и щетина цвета сажи. В голове Архару проделали дыру – огромную, кулак просунуть можно. Малопривытное зрелище, доложу я вам. В руке мертвый Архар до сих пор держал оружие – тот же «Витязь», на этот раз неповрежденный. Как ни темна была у Архара душонка, сопротивлялся он до последнего. И не требовалось особого воображения, чтоб понять кому сопротивлялся.

Известняк вокруг «Киева» во многих местах почернел, а несколько в стороне виднелась небольшая воронка. Уменьшенная копия тех мрачных кратеров, что возникли на месте наших со Смагиным звездолетов.

Я с тоской взглянул на небо, обошел труп и порылся сначала в бардачке «Киева», а потом в багажнике. Чутье меня не подвело.

– Держи, – я вернулся и передал Смагину еще один пакет с гамбургерами. Смагин в ответ протянул мне горячий и очень желанный бутерброд, от которого оттяпал чуть меньше четвертинки.

Надо сказать, что покойник с дырищей в башке никому не испортил аппетита. Очень скоро и от второй порции гамбургеров осталось лишь воспоминание и некоторое затишье в желудках.

– Ну и чего? – вопросительно повернулся к нам Чистяков, когда с легким обедом было покончено. – Куда нам? В Новосаратов?

Вместо ответа Юлька еще раз попробовала позвониться Риггелду. С прежним результатом. Точнее, без оного.

«Черт! – подумал я. – Неприятно, конечно, но очевидно: у Риггелда не все в порядке. Пожалуй, что его сцапали.»

Очень не хотелось бы, чтоб он в эту минуту точно так же валялся у своего «Даймлера» с дырищей в голове. Архары разнообразные – пусть, смерть таких подонков я только приветствовал. Но Риггелд, один из немногих, кого на Волге можно именовать человеком... Пусть даже отнимет у меня Юльку вместе с неоформившимися мечтами. В конце концов, к отчаянной у меня отношение больше как к своему парню, чем как к женщине.

– Юля, душа моя, – осторожно попросила с заднего «дивана» Яна Шепеленко. – Пусти-ка меня за терминал...

Юлька недоверчиво покосилась на нее, но послушно толкнула дверцу вверх и вышла. Первым делом Яна влезла на какой-то необозначенный сервер – пароль там был двенадцатизначный, я машинально сосчитал число нажатий на клавиши. Маньяки. Даже директорат пользуется максимум восьмизначными.

– "Даймлер", говорите? – переспросила Яна, поднимая глаза от портативного экрана. – А номер кто-нибудь помнит?

– 54-063 КРД, – не задумываясь подсказала Юлька. – КРД – это Курт Риггелд.

– Спасибо.

Яна снова заколотила по клавишам. На экране возникла какая-то схема, и на нее все время накладывалась сетка, после чего изображение зуммировалось и выводилась уже часть схемы в укрупненном масштабе.

С четвертого зуммирования я наконец сообразил, что эта схема не что иное, как план Новосаратова.

Наконец изображение стабилизировалось, и на плане замигала красная точка. — Вот, «Даймлер» Риггельда. На юго-западной окраине. Если не ошибаюсь, на автостоянке.

Я покосился на Юльку — и понял, что у нее вот-вот затрясутся губы.

— Мало ли, — поспешил встрять я. — Вдруг он решил вездеход тоже сменить?

Это я так ляпнул, наобум, потому что знал: Курт ни за что не сменит старенький дедовский вездеход даже на вот такой «Урал». Как не сменил бы я свой «Саргасс» на современный блин шустаровской серии.

— А ты чего расселся? — рявкнул я на Чистякова. — Давай, гони к Новосаратову! Яна вернулась назад, а Юлька уселась к терминалу, и лицо у нее было каменное. «Черт! — подумал я. — А ведь она Риггельда любит! Не просто — ля-ля, три рубля. Действительно любит!»

И понял, что завидую.

Вскоре мы покинули долину Ворчливых Ключей.

Чистяков внял моему «Гони!» буквально: выжимал из «Урала» все, что можно было выжать. А выжать можно было изрядно, благо машина мощная. Я чуть ли не ощущал тугое сопротивление воздуха на такой скорости — вездеход скользил над степью, оставляя за багажником потревоженный ковыль. Позади нас даже вихри какие-то некоторое время продолжали бродить.

Наверное, степная живность пряталась и сетовала на подобных пришельцев.

Промчались, траву взъерошили... Мы на чужих сетовали — когда они баламутили волжский воздух. А зверушки всякие — на нас.

Но ведь мы никого не собираемся выковыривать из родных нор и силком забирать к себе на вездеход. Мы просто промелькнем мимо вашего дома, и навсегда исчезнем. А если и не навсегда — то лишь затем, чтобы когда-нибудь снова промелькнуть и исчезнуть, не более.

Почему чужие не могли поступить так же? Промелькнуть — и исчезнуть? Как мы.

Да, наверное, потому, что мы тоже поступили бы иначе, если бы из норы какого-нибудь местного суслика вдруг высунулась антенна незнакомого нам механизма.

Какой-нибудь древней тайны, которую любой мечтает разгадать. Но с которой далеко не каждому дано столкнуться...

Я вдруг отчетливо представил себе этого самого суслика, осторожно нюхающего пульт с единственной красной кнопкой. Может ведь суслик ненароком ткнуть носом прямо в красную кнопку? Наверное, может.

Но только пульта обыкновенно не попадают сусликам, дядя Рома. Они попадают людям. Таким как ты. Чтоб не оставалось никаких сомнений — будет эта треклятая кнопка в итоге нажата или не будет.

Я потряс головой, чтоб прогнать видение, и бедняга-суслик медленно растворился, так и не успев неосторожно ткнуться носом в опасный кругляш цвета спелой клубники.

К Новосаратову мы подъехали уже под вечер. Солнце валилось в степь, как уставший висеть на ветке апельсин.

— Вон туда, — подсказала Янка Чистякову. — На ту улочку. Как раз к стоянке выедем.

На экран терминала была выведена схема — юго-западная окраина Новосаратова.

Чистяков иногда отрывал взгляд от степи за лобовым и косился на эту схему.

— Ян, — спросил он, когда до первых домов осталось около километра, — а как ты установила, где находится вездеход Риггельда?

— Считала оперативную сводку директората, — неохотно пояснила Янка. — Там есть закрытый отдел... В общем, я знаю их текущий пароль.

Чистяков недоверчиво покачал головой.

— Да как можно отследить вездеход? С орбиты — да, можно, но спутников-то уже сутки как нету!

— Это не спутниковая система, — устало сказала Янка. — В каждую машину, которую регистрируют на Волге, ставится датчик. Думаю, теперь это уже можно сказать и остаться при этом в живых.

— Нифига себе! — рассердился Чистяков. — А по какому праву? Это же незаконно!

Я фыркнул. Незаконно! Можно подумать, что для нашего директората законы писаны! Они хозяева Волги, и далекая Земля ничего бы не сумела изменить у нас, даже если бы захотела. К тому же, я точно знаю, что Земле наши мелкие дрызги до лампочки. Разве могут большую помойку интересовать дрызги маленькой и далекой?

Чистяков некоторое время переваривал янкины слова, потом, уже ровнее поинтересовался:

— А на космические корабли тоже ставится датчик?

— На кораблях он есть по определению. Автомаяк, который постоянно отправляет сигналы службе наблюдения и спасателям из ка-эс. Директорат его тоже принимает. «Чистая правда, — подумал я. — Есть такой маячок...»

— А пароль ты откуда знаешь? — не отставал Чистяков. Янка вздохнула.

— Да так... проболтался один хрыч из отдела «веди». По хмельному делу. Смагин подозрительно на Янку покосился, но смолчал. Правильно, Янку только тронь — схлопочешь по первое число. Серьезная девушка.

«Урал» перестал колыхать подушкой степные травы и выбрался на кольцевую.

Поворот, еще поворот, развязка, и мы на нужной улице.

Как в сущности люди консервативны! «Урал» на гравиподушке смело мог бы сигать над всеми этими объемными развязками. Так нет же, Чистяков привычно держит вездеход над трассой, как древнего колесного монстра, и даже какие-то правила движения пытается соблюдать. Интересно, это показатель цивилизованности, или наоборот дикости?

Что-то слишком меня задело отношение чужих к людям, как к неотесанным дикарям...

— Здесь! — Янка указала на площадку, почти до отказа забитую вездеходами, большею частью колесными. Площадка была совершенно безлюдной.

Чистяков прибавил мощи на подушку и поднял «Урал» повыше. Нет, все-таки замечательный вездеход! Держит четырехметровую высоту, и не скажешь, что привод захлебывается.

С минуты Костя медленно плыл над крышами старых колесных машин. А потом мы увидели риггельдовский «Даймлер».

Дверца его была раскрыта, а борт почернел от какого-то инопланетного оружия. На дасфальте валялся ручной бласт с переделанной Васькой Шумовым рукоятью и личная карточка.

Я выпрыгнул на крышу серого «Енисея»; Юлька отчаянная — прямо на дасфальт. К открытой дверце «Даймлера» мне было ближе. И я сунулся в кабину.

Интересно, чего я ожидал? Даже не знаю. Но и ничего особенного я не увидел.

— Ну, — сказал я с несколько фальшивой бодростью, — крови нет...

Юлька не ответила. Только побледнела слегка. Но глаза ее остались сухими.

— Ребята, — сообщила вдруг Янка, снова очень спокойно. — Кажется к нам гости.

И указала куда-то в зенит. Я поглядел — прямо на нас из густо-голубого к вечеру неба падала темная точка, быстро увеличиваясь в размерах.

И мне неожиданно стало очень спокойно. Едва мы въехали в пустой Новосаратов я подспудно ожидал быстрой атаки из укрытия. Вот так же и Риггельд, наверное, пытался убраться из города побыстрее, и не успел.

Если бы не Юлька — ни за что бы я в Новосаратов не сунулся.

Смагин угрюмо потянул бласт из-за пояса и полез из вездехода. Я — следом.

Если уж суждено нам все-таки столкнуться с зелененькими лицом к лицу, я предпочту разнести башку одному-двум. А получится — так и несколькими. Неужели я трусливее того же Архара? Надоело, черт возьми, прятаться, как крысе, и удирать, как кролику.

То, что валилось на нас из поднебесья, наверное вознамерилось расшибиться вдребезги. Оно и не думало замедлять падение — падение, не полет. Секунды растянулись, став удивительно долгими. Я еще успел подумать, что надо бы убраться в сторону (и это не будет бегством), а то сейчас эта штуковина грянется о дасфальт и ка-ак бабахнет!

Смагин оказался сообразительнее меня. Он сграбастал Яну, а заодно свободной рукой — и Юльку, и все они рухнули куда-то за вездеход, отгораживаясь от неминуемого взрыва. Чистяков охнул и тоже присел. И только я как последний дурак остался на ногах.

«Это» свалилось прямо на непривычно пустую дорогу. Без всякого взрыва. Просто мгновенно и беззвучно замедлилось в метре от дасфальта и неподвижно повисло. Как вездеход на включенной подушке. Было оно темно-серым, почти черным, формой напоминало помесь капли с чечевичным семечком. Размерами — в половину моего «Сартасса». В общем, всю дорогу заняло, обе полосы.

И все при мертвейшей тишине — можете себе представить? Каким-то это все представлялось жутковатым — пустой город, нечто свалившееся чуть ли не из космоса, и тишина. Гробовая.

А потом это темное-серое нечто проросло с более тупого конца небольшой овальный люк, причем материал, из которого была сработана обшивка, просто потек и превратился в несколько ступеней. Как нагретый воск, послушный чьей-то загадочной воле. А над люком появилась надпись — на русском. Три слова.

«Добро пожаловать, капитан.»

И я сразу вспомнил, где видел этот странный угловатый шрифт. На той самой шкатулке, которую откопали мои ребяташки на острове и в которой нашелся проклятуший пульт. Только тогда на шкатулке возникла другая надпись. «Смерть или слава.» А тут — «Добро пожаловать, капитан.» К чему пожаловать? К славе? Или к смерти?

— У! — сказала Юлька, неотрывно глядя на надпись. Оказывается, она уже некоторое время стояла рядом. — Это за тобой, дядя Рома?

Я вздохнул. Черт меня побери, если пульт с красной кнопкой, корабль-гигант, из-за которого у Волги и началась вся кутерьма, и вот эта летающая штучка никак между собой не связаны!

Связаны, конечно. Но с некоторых пор, дядя Рома, ты тоже со всем этим связан. А значит, если сделал первый шаг, придется делать и второй. Подняться по этой непонятно как держащейся в воздухе лесенке и нырнуть в приглашающе распахнутый люк. Что бы там не крылось.

Да и что особенно страшное может крыться там, в чужом кораблике? После опустошенной Волги, после распыленных на атомы космолетов — что может показаться тебе, Роман Савельев, настолько страшным, чтобы как следует испугать?

И я, оглябая неподвижные машины, пошел к краю стоянки. К низкой символической оградке. Спутники — в некотором отдалении — последовали за мной, напрочь позабыв о красавце-"Урале". Не смотрелся «Урал» рядом с этой незнакомой, но несомненно совершенной машиной. Как не смотрелся бы рядом с «Уралом» древний паровоз братьев Черепановых.

Я одолел три ступеньки, когда далекий гул возвестил о приближении чужих. В ничем не нарушаемой (если не считать наших шагов) вечерней тиши он звучал отчетливо и открыто, и оттого казался особенно зловещим.

Впрочем, он и был зловещим, ибо что еще кроме зла могли принести людям инопланетяне? У нас было время в этом убедиться.

38. Шшадд Оуи, адмирал, Svaigh, линейный крейсер сат-клана.

«Начинается!» — подумал Шшадд и от этой мысли чешуйки на всем теле у него встали дыбом.

Кинжальные вееры нетленных надвигались с угрожающей быстротой. Пронзительно верещал сигнал общей тревоги — долго, и лишь когда центральный веер принялся перемалывать подвижную сеть рейдеров азанни сигнал смолк. А битва началась. Шшадд чувствовал, что она будет недолгой. Он не ошибался.

Каждый крейсер сат-клана отстрелил облачко малых кораблей, и перед каждым крейсером ступилась своя малая оборонительная воронка. Силовые поля сплетались в сплошной непроницаемый щит — непроницаемый до тех пор, покуда у флота свайгов хватит энергии.

Флагман дал первый залп — области нелинейности одна за другой стали вспухать по самой границе веера, и адмирал Шшадд видел как нетленные задевали эти области или целиком влипали в них по мере движения веера, и один за другим светящиеся коконы схлопывались в пятнышко абсолютного мрака, чтобы через мгновение обратиться в неорганизованное вещество, а значит — во взрыв. Флагмана поддержал весь клин, и веер нетленных быстро стал щербатым.

К сожалению, лишь с самого края.

А потом на воронку свайгов обрушился удар врага. Часть крейсеров клана заволоклась ослепительно-белым заревом и генераторы силовых полей едва не захлебнулись от перегрузки — поток губительных излучений невероятной мощи обрушился на остатки клина. Премьер-адмирал Ххариз Ба-Садж торопливо перестраивал свои корабли, пытаясь сохранить видимость строя и удержать общий щит целым.

Чуть в стороне начала рваться на части сеть азанни, захлебываясь взбесившейся энергией, одна за другой ныряли в черноту небытия боевые сферы Роя, остервенело поливали беспорядочными залпами край дальнего веера нетленных уцелевшие корабли цоофт...

Центральный веер нетленных на миг замедлился, и стал величаво разворачиваться. Свет далеких звезд мерк в сиянии тысяч коротких черточек; черточки образовывали

гигантский треугольник с разлохмаченными краями. Но цельности треугольник не потерял, несмотря на все усилия объединенных флотов союза. Развернувшись, треугольник возобновил движение в сторону пересобранной на скорую руку воронки свайге. Адмиралу Шшадд Оуи оставалось жить считанные мгновения, лишь до того момента, когда веер нанесет второй массивный удар и крейсер адмирала, пытаясь прикрыть флагмана, попадет под один из всплесков и большей частью обратится в ничто, а тот жалкий обломок, что останется относительно цельным — раскалится до температур, несовместимых с органической жизнью, и станет медленно дрейфовать прочь от битвы, к местному светилу, чтобы рано или поздно погибнуть в неистовом температурном пике его короны. Так и не пришел адмирал Шшадд Оуи к своей почти сформировавшейся мысли — главной в его жизни — хотя не хватило ему самого последнего шага.

39. Роман Савельев, капитан, Номо, планета Волга и капитанский бот.

Внутри чужого кораблика было светло. Словно снаружи — свет ничем не отличался от дневного. Взору открылся маленький тамбур с четырьмя дверьми. Над каждой виднелась отчетливая надпись, все тем же угловатым шрифтом: «Двигатели», «Багажник», «Санузел» и «Рубка».

Я выбрал рубку.

Едва я приблизился, дверь исчезла. Точно так же как в борту корабля в ней вдруг образовалось отверстие, которое расплзлось и поглотило преграду. Передо мной открылся овальный люк, почти неотличимый от люков на моем «Саргассе». У меня невольно кольнуло где-то в области сердца.

Два кресла перед подковообразным пультом. Вогнутая передняя стена — не стена вовсе, а обзорник. Впрочем, моим чувствам показалось, что стена просто прозрачная. Сбоку от входа высился узкий шкаф; как раз когда я вошел в рубку его створки сами собой приглашающе распахнулись.

Я подошел. Внутри я увидел нечто вроде вмонтированного в шкаф скафандра. Откуда-то из недр шкафа к спине и затылку шлема тянулись пучки телесного цвета проводов. Странные это были провода — почему-то они не вызывали никаких ассоциаций, связанных с электричеством.

— Ух ты! — восторженно вздохнул над ухом Костя Чистяков. Я резко обернулся — мои спутники, конечно же, были здесь. Юлька отчаянная недоверчиво озиралась перед самым пультом, Смагин и Янка держались за руки и неотрывно глядели на стену-экран (а точнее, на приближающуюся пару пятиугольных штурмовиков). Чистяков, как и я разглядывал внутренности шкафа.

«Что это такое, тысяча чертей?!» — подумал я сердито и осторожно коснулся поверхности скафандра. Наощупь он был ни теплым, ни холодным, и почему-то мне показалось, что я коснулся человеческой кожи. Я ожидал, что это касание вызовет неприятные ощущения, но вдруг мне отчаянно захотелось погладить этот странный материал, потрогать шлем, заглянуть внутрь скафандра и — капитан я или нет? — даже надеть его. Не вынимая из шкафа.

Осмелев, я развел в стороны «полы» скафандра и заглянул внутрь.

Костя присвистнул; я невольно покосился на него. Впрочем, я и сам едва удержался от удивленного восклицания. То, что походило на скафандр, на деле оказалось живым организмом, потому что я увидел самую настоящую плоть, сочащуюся сукровицей, увидел синеватые прожилки и ветвистую паутину сосудов.

Штурмовики приближались.

В следующую секунду я понял, что все обстоит как раз наоборот. Это все-таки скафандр, а изнутри он похож на живое существо. Потому что это биоскафандр, надстройка над человеческим организмом. Мостик, провешенный от бездушного корабля к живому капитану.

Ко мне.

И мне во что бы то ни стало нужно влезть в этот полуживой костюм, застегнуть его, натянуть шлем и слиться с присланным за мной корабликом. Влезть быстрее, чем штурмовики чужих успеют разнести кораблик и нас вместе с ним в мелкие клочья.

— Простите, девочки, — сказал я стал торопливо раздеваться. Догола. У Юльки поползли вверх брови, но она смолчала, а Янка, кажется, нисколько не удивилась. Только одобрительно кивнула.

Костя поперхнулся очередным вопросом. А я, словно проделывал это уже сотни раз, повернулся к скафандру спиной, и скользнул в штанины сначала одной ногой, потом другой. Прикосновения к подкладке-плоти я вообще не почувствовал.

Теперь руки. Левая. Правая. Шлем опускается на голову сам собой, и сам собой застегивается шов на животе и груди.

А в следующий миг в тело впадают тысячи игл, я на мгновение умираю, и тут же воскресая, а время останавливается.

Здесь были все. И Мишка Зислис — офицер-навигатор, и Суваев — офицер-аналитик, и Фломастер — офицер-канонир, и Ханька, и Риггельд, и Хаецкие, и Мустяца с Прокудиным, и еще сотни и сотни волжан. Чуть ли не все. Даже Феликс Юдин был здесь. Однако это были не только мои старые друзья и недруги. Это был мой экипаж, а сам я лишь на малую частичку оставался Романом Савельевым, экс-старателем с Волги. Я был кораблем, и корабль был мной, и кроме того — Зислисом, Суваевым, и всеми-всеми-всеми. Я видел и знал, все, что происходило со мной сейчас, и все, что происходило со мной миллионы лет назад. И еще — я знал больше остальных, потому что был капитаном. Мозгом. Той малой сущностью, которая принимает большие решения. Без меня корабль не покорился бы и тысяче операторов с любым уровнем доступа.

У Волги кипел бой — чужие из Ядра крушили оборону «наших» чужих. И тянулись ко мне-кораблю. Это следовало пресечь. И я начал пресекать, а экипаж меня умело поддерживал.

Штурмовики, пытающиеся атаковать капитанский бот, я прихлопнул походя, как комаров. Не так уж это было и сложно. Потом позаботился о неиницированной части экипажа — четверке, которая недавно вместе со мной взойшла на борт моего личного кораблика. Все четверо станут офицерами высших ступеней в корабельной иерархии. О них стоит позаботиться... Да и Риггельд будет рад. Юльке. Это я знал точно, хотя нельзя сказать, что я проник в мысли Курта Риггельда. Скорее, я услышал его чувства.

В общем, я отрастил еще два кресла и усадил всех, чтоб не ушиблись, когда бот будет швырять на виражах. В атмосфере бот всегда швыряет. Да и перегрузки — это моему телу в биоскафандре все равно...

И — вверх, вверх, прочь от поверхности, к древнему кораблю, который теперь был мной и волжанами. Одновременно.

Крохотная пылинка — капитанский бот — молнией пронзил волжский воздух, оставляя могучий инверсионный след. Завис над носовой частью крейсера — необъятного, как планета. А потом ринулся к обшивке, словно хотел расшибиться вдребезги.

Но, конечно же, ничего со мной не случилось. Корабль втянул бот-пылинку, как лужица ртути втягивает отдельную капельку. Втянул, и передал в область командных рубок. Кстати, мой заклятый враг Феликс Юдин сейчас занимался именно внутренним транспортом, но он не мог сделать мне ничего плохого, потому что я был им, а он — мной, а вместе мы были кораблем. Могучим звездным крейсером.

Бот достиг капитанской рубки, соприкоснулся с ее стенами и быстро слился с ними в единое целое. Изумленные Юлька, Чистяков, Смагин и Яна, не вставая из кресел, вдруг оказались вместо маленького кораблика в просторном сферическом зале, окруженном звездами и искорками вражеских кораблей.

А я окунулся в битву.

Это была славная битва.

40. Ххариз Ба-Садж, премьер-адмирал, Svaigh, флагманский крейсер сат-клана.

Премьер-адмирал сат-клана Свайге, не отрывая глаз от экранов, откинулся в кресле.

Он понял, что умрет в ближайшее время. От боевого клина, доверенного ему Галереей, осталось всего шесть кораблей. Флагман и пять крейсеров. Четверть от первоначального числа. Ну, возможно еще мелкие боты с выносными генераторами где-нибудь в сторонке болтаются. Хотя, нетленных всегда отличала дотошность — они уничтожали все до единого корабля противника, даже самые малые, и никогда не брали пленных.

Не в лучшем положении пребывали и союзники: Рой потерял все корабли, кроме трех; азанни расплылись и понять что же осталось от их крыла не представлялось возможным; разрозненные группки кораблей цоофт еще трепыхались меж двух кинжальных вееров, но слепому было видно, что нао их сочтены.

Что касается а'йешей — Ххариз Ба-Садж склонялся к мысли, что их силы в этой области пространства уничтожены полностью.

Исполинский корабль Ушедших безучастно висел в атмосфере, игнорируя разразившуюся вблизи Волги локальную бурю. К сожалению, не справились эксперты союза с боевыми секретами исчезнувшей расы.

У премьер-адмирала не было даже связи с Галереей, чтобы оповестить Вершителей расы о полном провале операции по захвату и изучению техники Ушедших. Бесценная находка ускользнула из рук, хотя ее удалось коснуться. Только коснуться. А тот факт, что она оставалась заклятым врагом в качестве боевого трофея, не оставлял никаких иллюзий относительно будущего.

Будущее представлялось Ххариз Ба-Садж мрачным.

Впрочем, лично у него и его солдат будущего просто не было.

Один из вееров нетленных развернулся к планете и ринулся в атмосферу, туда, где застыл корабль Ушедших. Остальные два перегруппировывались, чтоб с нового захода окончательно разметать недобитые остатки флотов союза.

Ххариз Ба-Садж настроился достойно встретить смерть, прикрыл глаза, и до отказа развернул гребень. Он давно приготовил себя к этому мгновению, хотя втайне надеялся, что оно никогда не наступит.

Но смерть почему-то медлила. Невнятное восклицание ординарца заставило его открыть глаза.

Происходило нечто странное. Корабля Ушедших больше не было в атмосфере Волги. И веера нетленных там уже не было — весь экран занимал чудовищный спиральный смерч, постепенно расползающийся вширь. А безучастный гигант, непонятным образом вознесшийся в открытый космос, занимался тем, что добивал оба веера нетленных и случайно подвернувшиеся разрозненные корабли союза.

В мгновение ока нетленных не стало — бестелесный вакуум подернулся почти физически ощутимой рябью, и тысячи светящихся черточек померкли. А потом эта призрачная рябь исчезла, и флагман основательно тряхнуло, словно он находился не в вакууме, а в атмосфере планеты.

— Мать-глубина! — вырвалось у Ххариз Ба-Садж. Но уже в следующее мгновение он взял себя в руки и заорал в интерком:

— Эксперты! Что происходит, огонь вам в чрево?

Физики эксперт-подклана отозвались немедленно:

— Мы озадачены, мой премьер. Такое впечатление, что техника Ушедших способна на некоторое время менять мерность пространства. Физическое тело не в силах пережить подобное. Это удар по основам основ, и мы плохо представляем, какие нужны знания, чтобы это осуществить.

Премьер-адмирал возбужденно задергал гребнем. Получилось! Все-таки получилось! Ученые на борту крейсера Ушедших в последний момент сумели задействовать боевые системы. Жаль только, что удар частично пришелся по своим...

— Связь с учеными на борту этой штуковины есть?

— Нет, мой премьер. Но перед самой битвой пришла короткая депеша от премьер-физика.

Ххариз вспыхнул:

— А почему я об этом ничего не знаю?

— Битва, мой премьер. Мы полагали, что уже являемся покойниками, а зачем покойникам свежая информация?

Если эксперт-подклан счел флагманский крейсер уничтоженным, а крейсер до сих пор жив, значит произошло чудо.

Без особого напоминания эксперты странслировали злополучную депешу в адмиральскую рубку. Ххариз повернулся вместе с креслом к выросшему у самого пульта проекционному стволу.

В стволе, тяжело дыша и горбясь, возник премьер-физик сат-клана Вайра Т'Ромес. Он держался за бок и нервно поглядывал через плечо.

— Готово, — прозвучал чей-то сдавленный голос из-за пределов видимости, и Вайра пристально взглянул прямо на адмирала. Во взгляде его боролись друг с другом паника и осознание собственного смертного приговора.

— Катастрофа, мой премьер. Мы не контролируем корабль Ушедших. Его контролируют люди, и к ужасу нашему — на таком уровне, что остановить их мы не сможем.

Морское чудовище всплыло из глубин и покорилося неотесанному дикарю.

Это смерть, мой премьер. Это смерть не только нашей расы, но и смерть союза. И я...

В следующее мгновение ствол потемнел и опустел — запись прервалась.

Ххариз Ба-Садж ошеломленно перевел взгляд на обзорники — жалкие остатки объединенных сил союза беспорядочно дрейфовали вблизи двух смерчей, причем смерчи постепенно срастались в единую ненасытную пасть. Механизмы флагмана

временно вверглись в ступор от встряски после применения неведомого оружия Ушедших. Только часть приборов продолжала работать – собственно, лишь поэтому адмирал и мог до сей поры наблюдать за происходящим. К сожалению, всего лишь наблюдать, без возможности вмешаться и что-либо изменить. Чудовищный водоворот готовился засосать беспомощные осколки некогда грозных боевых армад.

А ближе всех к этой пасти держался непостижимый корабль, похожий на многократно увеличенный наконечник древнего копья. Кажется, он не боялся смерча. Абсолютно. Да и мог ли этот гигант бояться смерча, если сам же его и породил?

Прямо на глазах у наблюдателей корабль Ушедших – или корабль людей, как теперь точнее его было называть – развернулся и канул в самый эпицентр водоворота. В жадно отверзнутую пасть неизвестности.

– Он ушел за барьер, – прокомментировали эксперты. – Мой премьер, этот корабль оперирует такими энергиями, какие союзу и не грезились. Похоже, у наших приборов не хватит регистров, чтобы оценить их хотя бы приблизительно.

Ххариз шевельнул гребнем.

– Корабль цел? Я имею в виду наш флагман.

Пауза.

– В целом – да, мой премьер. Системы входят в рабочий режим.

– Надо убираться из этой западни. Связь с уцелевшими кораблями клина есть?

– Есть.

– А с Галереей?

– С Галереей нет, мой премьер. Ретрансляторы погибли.

– Устанавливайте. Одна шестнадцатая нао вам... если только буря нас прежде не сожрет.

– Выполняем, мой премьер...

Адмирал снова поднял голову от пульта и взглянул на сросшиеся смерчи.

«Мать-глубина, – подумал он. – Что за Левиафана мы разбудили на свою беду?»

На том месте, где еще совсем недавно плыла по орбите планета Волга, продолжал бушевать яростный водоворот.

40. Моеммиламай, угол триады, Zooph, дворец триады, планета Цо.

Поправляя накидку, что вечно съезжала на одну сторону, интерпретатор Латиалиламай стремительно вошел в зал одного из трех.

– Надеюсь, – угрюмо прокомментировал шеф интерпретатора, – новости срочные.

В этот момент обладатель оранжевой накидки был более похож на старого кабинетного брюзгу, чем на предводителя боевых флотов цоофт.

Во дворце триады переполох не утихал уже полдня – с того самого мгновения, когда пропала связь с флотом «Степной бегун». Что там происходило? Какова судьба бесценной находки? Латиалиламай с ног сбился, пытаясь выжать из связистов рабочий канал. А шеф, едва связь прекратилась, сказал интерпретатору:

– Разбудишь, когда появятся новости.

И прикрыл пленками глаза. Ну и нервы! И это в момент, когда рушатся и складываются карьеры! Впрочем, ему ли бояться за карьеру – одному из трех? Моеммиламай дремал на скромной старомодной циновке, по слухам сплетенной еще его прабабкой. Интерпретатор как-то ради интереса поразглядывал ее – выглядела циновка, во всяком случае, достаточно ветхой и древней. Один из трех ее почему-то очень любил. Говорил даже, что на ней лучше думается.

– Новости срочные, любезный Моеммиламай. Срочнее просто не бывает.

Интерпретатор всегда обращался к шефу подчеркнуто по-гражданскому, как бы отмежевываясь от военных нравов и в целом – от военных. От рослых цоофт на входе, например, готовых в мгновение ока сжечь любого подозрительного или посягнувшего. Непонятно вообще – зачем они там торчат? Во-первых, их всего двое, а во-вторых охранные роботы все равно среагируют на угрозу раньше, чем живые солдаты. Наверное, размышлял Латиалиламай, это дань традиции.

Наконец шеф нахохлился и окончательно отогнал сон.

– Итак?..

– "Степной бегун" вышел на голосовую связь. Точнее, остатки «бегуна», потому что флота больше нет. Осталось четыре корабля от всего флота, от восьми восьмерок и еще трех кораблей. Все четыре – малые крейсера, и все четыре повреждены.

Командующий флотом, естественно, погиб. Руководство принял капитан крейсера «Скарабей» Адо Сапиламай – кстати, это приятель одного из моих сыновей песчаного выводка. Я его еще по военной академии знаю.

– Ситуация у Волги? – поторопил угол триады.

— По словам Адо, нетленные вскоре после посылки разведчика-одиночки (того, которого а'йеши сожгли), предприняли массированную атаку, результатом которой явился полный разгром объединенных сил союза. Собственно, из-за атаки нетленных и прервалась оперативная связь с флотом «Степной бегун»; а также прекратили работу закрытые каналы связи. Насколько можно судить по имеющимся данным — у союзников тоже не осталось связи с уцелевшими у Волги кораблями. Адо вышел на голосовую как только сумел наладить резервный ретранслятор и экстренный луч; понятно, что передача закодирована и защищена всеми мыслимыми способами. У нас есть некоторое время, пока союзники сумеют ее транспонировать и расшифровать. И, кстати, замечу, что наши разбитые воины оправились первыми: никто еще не успел связаться с руководством своей расы, кроме нас. Я поддерживаю постоянный контакт со связистами — едва появятся новости, они тут же становятся известны мне и другим интерпретаторам.

— Да что ты мне просо на макушку сыплешь! — сердито заклекотал Моеммиламай. — Что с кораблем Ушедших? Остальное — скорлупа! Главное давай!

— Корабль Ушедших ушел, любезный Моеммиламай, — терпеливо прощелкал интерпретатор. — Силы союза не были уничтожены полностью только потому, что вмешался крейсер Ушедших. Он развеял все силы нетленных, зацепив также своим оружием и некоторые корабли союза, случившиеся рядом. Планета Волга в результате применения этого оружия распалась — теперь это беспорядочное облако разнообразных по форме и размерам обломков. Будущий пояс астероидов — третий в этой звездной системе, кстати. Крейсер Ушедших, согласно донесениям Адо, первую фазу боя вел себя пассивно, а когда его попытался атаковать один из вееров нетленных, перенесся из атмосферы в околопланетное пространство и применил оружие. В качестве комментария: как интерпретатор считаю, что веер нетленных не собирался атаковать корабль Ушедших, а лишь попытался приблизиться. Однако, далее. Перед самым выходом корабля Ушедших из атмосферы Волги связисты «Степного бегуна» успели перехватить с его борта короткую передачу, которую осуществили ученые Свайге. Показывать? Перевод готов.

— Не нужно. Перескажи вкратце, — бесстрастно велел Моеммиламай. Угол триады быстро менял настроение от взрывного к холодному и обратно.

— Суть сообщения такова: ведущий физик Свайге докладывал своему премьер-адмиралу, что контроль над людьми на борту корабля Ушедших утрачен, и что корабль контролируют сами люди, причем настолько основательно, что у Свайге якобы не хватит сил, чтобы пресечь это. На этом передача была прервана.

— Какого рода оружие применил крейсер Ушедших?

Латиалиламай скорбно прищелкнул клювом:

— К сожалению, наши ученые не готовы ответить на этот вопрос. Что-то связанное с глубинными свойствами пространства, в частности — с метрикой. Выделенная, а затем поглощенная энергия не поддается даже приблизительным оценкам — разрешающей способности приборов попросту не хватает. Как сказали физики, мы не можем измерить расстояние от Цо до светила при помощи одной лишь школьной линейки.

Моеммиламай качнул головой и нахохлился. Он ничего не сказал, и интерпретатор поспешил закончить доклад:

— После атаки, результатом которой было полное уничтожение флота нетленных и частичное — флотов союза, корабль Ушедших направился к остаткам Волги, и почти сразу ушел за барьер. Адо передал начальные треки, наши эксперты сейчас трудятся над реконструкцией полного трека, по которому мы сможем заключить куда именно направился корабль Ушедших...

— Да говори уж прямо — корабль людей, — проскрипел угол триады и досадливо хлопнул руками, как если бы это были крылья. — Пыль на ветру! Зря, зря союз от них отмахивался как от дикарей. Вот они себя и показали.

Моеммиламай на миг скрестил руки перед зобом.

— Когда собирается триада?

— Думаю, немедленно, любезный Моеммиламай. В данный момент интерпретаторы докладывают остальным углам все то же, что доложил вам я.

Предводитель флотов встал с циновки, и в зале тотчас невесть откуда материализовались четыре денщика.

— Свежую накидку, купание, легкий ужин, — не отрываясь от мыслей велел им Моеммиламай. Потом взглянул на интерпретатора.

— Когда финиширует посланный к Волге фронтальный флот?

— Думаю, он выйдет к связи на закате.

— Союзники еще не поспели?

— Адо показывает, что нет.

— Значит, на этот раз всех опередим мы. И приоритет Свайге пошатнется. Моеммиламай вздохнул.

— Хотя, толку теперь с приоритета, если корабль обзавелся экипажем? Да еще численностью в население целой планеты?

— Волга была очень малонаселенной колонией Земли, — рискнул вставить Латиалиламай. Он мучительно пытался отследить неуловимый момент перехода от частной беседы, когда один из трех не стесняется в выражениях, к официальным заявлениям и приказам.

— А что, союзников много уцелело у Волги... агг-гг-г... у остатков Волги? — на ходу поправился Моеммиламай.

Интерпретатор сверился с данными в памяти информатора.

— Свайге сохранили флагман и пять крейсеров плюс несколько малых кораблей; азанни — два рейдера, включая опорный, и семь крейсеров; Рой сохранил восемь и два корабля — они у Роя все одинаковые — а от флота а'йшей остался только сильно поврежденный разведчик-одиночка. Кстати, Адо его подобрал и оказал помощь в соответствии с кодексом союзника.

— Это хорошо, — машинально похвалил угол триады. — Полагаю, лучшего командующего для возрожденного флота «Степной бегун» нам не сыскать. Подготовь приказ, Зорк...

Невесть откуда вынырнувший секретарь поклонился, воткнул в гнездо за ушным отверстием тонюсенький штекер с коротким перышком антенны и затрещал в сторонке, транслируя данные информатору.

Латиалиламай прекрасно знал об этом давнем обычае военных — если после сражения от флота оставался хотя бы один крохотный истребитель и его пилот находил способ связаться с триадой и поведать все, что произошло, флот восстанавливался в прежней численности и под прежним названием.

— А есть ли смысл теперь торчать в системе Волги? — продолжал размышлять вслух угол триады. — А, интерпретатор?

— Получив данные непосредственно с места ухода за барьер, будет проще реконструировать трек, — без колебаний ответил Латиалиламай. — Все равно пришлось бы посылать туда исследовательский корабль.

Угол триады согласно повел шеей. Латиалиламай хотел развить мысль двумя-тремя фразами, но тут ожил информатор на подканале. Сообщение мгновенно транслировалось в мозг всех цоофт в желтых накидках.

— О! Новости, любезный Моеммиламай!

— Что такое?

— Азанни у Вол... осколков Волги установили связь с материнской планетой. Мы утратили монополию на информацию.

— Глупо было рассчитывать на эту монополию — да мне кажется, никто на нее особо и не рассчитывал. Не так ли, интерпретатор?

Латиалиламай слегка поклонился, подтверждая мысль шефа.

— Свяжитесь-ка с представителями азанни и выразите искреннюю готовность поделиться информацией. Авось и трек искомый быстрее вычислится. Полагаю, на подобный шаг не нужно спрашивать подтверждения у моих уважаемых родственничков и у круга — моих полномочий вполне хватит. Я правильно думаю, интерпретатор?

— Целиком и полностью согласен с вашим решением. А как быть с остальными расами?

— Тоже свяжитесь. Но — чуть позже. Сначала с азанни. И вот еще что — не стоит ждать, пока Свайге, Рой и наши дружественные ледышки самостоятельно установят связь. Предложите им оттранслировать сообщения на материнские планеты. Заработаем очки на этом жесте доброй воли. Но прежде — азанни. В первую очередь. Выполняйте!

Латиалиламай, довольный, что задача поставлена четко и недвусмысленно, тотчас преобразовал ее в короткий импульс и транслировал на остальных интерпретаторов. Слишком уж любит предводитель флотов... двусмысленности. Без них — спокойнее.

— Вот и ладно, — закруглился Моеммиламай. — Жди меня тут, я пошел купаться. Вдруг будет что срочное — беги прямо в купальню, не стесняйся.

Обладатель оранжевой накидки быстрым подпрыгивающим шагом удалился в сопровождении двух денщиков — оба выглядели важными донельзя — и скрылся за пышной драпировкой в дальнем конце огромного зала.

Латиалиламай вздохнул, и вызвал по спецканалу помощника.

41. Сойло-па-Тьерц, пик пирамиды, Aszanny, опорный рейдер крыла.

Щелканье пика пирамид Азанни было нетерпеливым и резким. Сойло-па-Тьерц сначала хотел устроить шумный разнос связистам за то, что не сумели установить связь с материнской планетой первыми, но в свете недавнего поражения отказался от этой мысли. Нужно спланировать силы, а не толкать пошатнувшихся. Пирамида Сойло лишилась одного крыла — предстоит спасти ее от падения. Ибо падение — не есть полет, а птица должна летать. И теперь Тьерц думал, что Парящий-над-Пирамидами зря сердится. Его поддержка не помешала бы деморализованным воинам пирамиды Сойло.

— Конечно, решение доставить людей внутрь корабля Ушедших было ошибочным. Но тогда понять ошибочность этого решения не представлялось возможным. К тому же, решение поддержать блеф Свайге принимал не я. Я лишь следовал рекомендациям, и следовал в точности. Летящий азанни не в силах противостоять слепой буре. Пирамида Сойло приняла бой с честью, и потери у нас меньшие, чем у остальных союзников. Я, как пик пирамиды Сойло, ни в чем не могу упрекнуть своих солдат. — Я тебя не упрекаю, Сойло, — раздраженно ответил пик пирамид Азанни. — Ситуация такова, что мы не можем быть удовлетворенными положением вещей. Впрочем, ты прав, лучше взглянуть в будущее и попытаться исправить былые ошибки. К тому же, я даже признаю, что мы недооценили людей. Они действительно непохожи на дикарей. То есть, сами-то они похожи, но ведут себя люди совсем не как дикари. Куан-на-Тьерц в центре долговременного планирования поудобнее устроился в креслосе и вновь обратился к пику пирамиды Сойло.

— Можно не сомневаться, что союзники немедленно вышлют значительные силы вслед крейсеру людей. Естественно, что так поступим и мы. Более того, нет сомнений, что не останутся в стороне и нетленные. Поэтому нужно из перьев вылезти, но опередить их. А желательно — и союзников. На первой фазе несомненными лидерами в притязаниях на тайны Ушедших были свайги, теперь место лидера уверенно заняли цоофт. Они первыми оправились от удара и использовали выигранное время с большой пользой. Азанни же, как это не прискорбно, снова довольствуются ролью сателлитов. Мы потерпели позорное поражение на Волге, и из воздушной ямы нужно побыстрее выбираться.

«Вещает, — подумал Сойло-па-Тьерц. — Будто с парадного креслоса в праздничный день. Куан, проснись, тебе внимает пик одной из старейших и наиболее уважаемых пирамид Азанни, а не шахтеры откуда-нибудь из захолустья! К чему этот неуместный пафос?»

Но вслух Сойло-па-Тьерц произнес совсем другое, и тон при этом у него сделался в меру виноватым:

— Не думаю, что сил даже целой пирамиды Сойло хватило бы для грядущих операций.

— Несомненно, — подтвердил Парящий-над-Пирамидами. — Теперь в ход пойдут куда более тяжелые козыри, чем единственное крыло. Твои советники, Сойло, лучше остальных разберутся в происходящем. Так поспеши же. К кораблю людей отправлены крылья многих пирамид. Но твое присутствие все равно необходимо. Чинись и стартуй. Ибо путь неблизкий, а время дорогое.

— Я понял, досточтимый пик. Мы сможем начать разгон в ближайшее время.

— Удачи. Удачи всем нам.

Куан-на-Тьерц отсалютовал крылу рукой и отключился. Времени было в обрез.

Представители союзников ожидали на приоритетном канале.

42. Роман Савельев, капитан, Номо, крейсер Ушедших.

Когда хватило сил открыть глаза, оказалось, что я лежу на полу.

— Очнулся! — облегченно сказал кто-то. Я не сумел понять — кто.

— Рома! — надо мной склонилось чье-то узкое лицо. Вскоре я понял кто это — Мишка Зислис. — Рома, ты как?

— Вроде цел, — пробормотал я. Разговаривать лежа было странно и я попытался сесть. Мне с готовностью помогли.

Тут оказалось, что я до сих пор раздет. Совсем. Спасибо, кто-то хоть прикрыл рубашкой самую интересную область.

— Помогите одеться, — пробормотал я.

Помогли — Чистяков и Зислис. Я сразу почувствовал себя увереннее и лучше. Вот ведь психологические гримасы...

Я находился в большом сферическом зале; пол был совершенно прозрачным, отчего казалось, что пульт, несколько кресел, я и все, кто сгрудился около меня, парят в воздухе. А за пределами зала светили мириады звезд.

И я не отыскал ни одного знакомого созвездия.

Я вздохнул.

— Чувствую, что меня вот-вот спросят: а что я помню? Так вот, предваряю. Помню я все. Ну, почти все. Что мы все были кораблем, и хорошо вломили зелененьким — всем без разбору. А потом куда-то перенеслись. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Зислис. — А потом ты упрыгал в астрал, Роман Леонидыч...

— И долго я... витал?

— Да не особенно. Вот, мы только успели отключиться и добежать из соседних рубок.

Я огляделся — знакомых лиц было много, но попадались и незнакомые.

Невозмутимый Курт Риггельд и рядом с ним Юлька отчаянная со счастливым лицом (не видеть тебе сына, дядя Рома, от этой мамы...). Смагин. Яна Шепеленко. Хаецкие.

Зислис. Суваев. Фломастер... как его фамилия-то? Пере— чего-то-там. Не помню. А впрочем — неважно. Сержанты-патрульные, Ханька и Яковец. Мустяца. Прокудин.

Маленко из директората — единственный с достаточно высоким уровнем доступа.

Мы снова стали людьми, едва вылезли из шкафов-скафандров, догадался я. И снова я понятия не имел как действуют механизмы моего корабля, хотя я смутно помнил, что совсем недавно повелевал ими.

И еще я помнил, что у всех нас теперь нет дома, потому что старушка-Волга не выдержала испытания нашей мощью и раскололась на тысячи осколков.

Мы сами убили свою планету.

Во имя спасения.

— Значит, мы победили? — спросил я неуверенно.

— В том бою — да. Но сомневаюсь, что чужие оставят нас после этого в покое, — глухо сказал Зислис и похлопал себя по карманам комбинезона — зажигалку искал, что ли?.

— Значит — будут еще бои, — сказал Суваев и отстраненно улыбнулся. —

Дьявольщина! Да я жду не дождусь момента, когда снова влезу в шкаф и сольюсь с этим кораблем!

Я скользнул взглядом по лицам — и понял, что с Суваевым согласны абсолютно все.

Кроме Смагина, Янки, Чистякова и Юльки отчаянной, которые еще не poznали всепоглощающее чувство единения с кораблем и экипажем.

— Не думаю, что ждать этого придется особенно долго... — пробормотал я.

И еще подумал, что же мне делать со знанием, которое свалилось только на меня — как на капитана.

Тяжелое это было знание.

Я снова должен выбирать. И выбор оставался прежним.

Смерть или слава. Ты был прав, отец. Нам больше не из чего выбирать. Только смерть и только слава.

Я встал и сунул за пояс бласт, который подал мне Костя Чистяков.

Вы знаете, что написано на его рукоятке.

Часть четвертая

Звезды мерцали холодно и равнодушно — далекие сгустки раскаленной материи. Им было все равно, что происходит там, куда не дотягивался их осязаемый жар. В пустых и безжизненных межзвездных провалах.

Обыкновенно там мало что происходило. Изредка мелькнет какой-нибудь неприкаянный вселенский странник на недолгом пути к жерлу какой-нибудь космической топки. Или тенью проскользнет одинокий звездолет — но все это редко, чрезвычайно редко. Так редко, что даже ближайшие звезды успевают забыть о прежней встрече пока произойдет новая.

Но этот случай звезды, скорее всего запомнят надолго.

Гигантский корабль в форме плоской восьмигранной призмы застыл во мраке и бестелесности вакуума — он был таким громадным, что язык не поворачивался назвать его пылинкой на ладонях вселенной. Впрочем, у звезд не было языка.

А вокруг него струдились тысячи кораблей помельче — самых разных. В форме торов, пяти- и семиугольников, в форме идеальных шаров, эллипсоидов, цилиндров... В отдалении роились светящиеся продолговатые коконы — их тоже насчитывалось много тысяч.

Такого столпотворения не помнили даже старейшие из звезд — тусклые багровые гиганты, чей свет несется сейчас сквозь пространство в соседних галактиках. Разумные решали свои суматошные сиюминутные дела.

43. Михаил Зислис, старший офицер-навигатор, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Ровно в полдень в навигационную рубку влился Курт Риггельд. Смена.

— Ну, я пошел, — с сожалением сказал Зислис и велел своему скафандру отключаться от системы.

Мир сразу поблек и сжался до жалких размеров, исчезло эйфорическое осознание собственной мощи; Зислис перестал чувствовать корабль и коллег на смене — в самых разных частях корабля. Чмокнув, разделил створки мягкий шлем, разошелся шов на груди, и по коже напоследок прогулялся прохладный вихрь.

Зислис до сих пор не понимал, почему из склизкого и влажного чрева скафандра человек выходит сухим и чистым. Но помнил, что стоит подключиться к кораблю, как понимание тут же возникает словно по мановению волшебной палочки.

Все. Он снова просто Михаил Зислис, человек без дома и родины, а вовсе никакой не старший навигатор гигантского и могучего корабля. Навигатором он становится только когда через чудо-скафандр сливается с кораблем. Без этого — он не более чем таракан, забравшийся во внутренности компьютера.

«Жаль все-таки, что Рома ограничил вахты... — подумал Зислис, одеваясь. — Скучно без них...»

Экипаж «Волги» (а как еще люди могли назвать корабль, которому теперь суждено стать их домом?) рвался на вахты. Независимо от уровня доступа — Рома когда-то сравнил это с наркотиком.

Зислис нахмурился. А вдруг — правда? Он как-то вскользь обсуждал этот вопрос с Суваевым и Фломастером, но всякий раз заступая на вахту забывал дотянуться до мэдотсека или биолaborаторий чтоб провентилировать этот вопрос в подробностях. Конечно, по отключению от корабля Зислис позабыл бы подробности и перестал бы их понимать, но главное — результат — неизбежно остался бы в памяти. И можно было бы судить — опасно это как настоящий наркотик, или неопасно.

— Приятной вахты, Курт! — пожелал Зислис и в который раз посетовал, что не может услышать ответа. Впрочем, Риггельд не поленился активировать внешнюю акустику.

— Спасибо, Михаэль.

Больше Риггельд ничего не сказал.

Зислис вышел из рубки и шагнул на транспортную платформу. Кто-то из транспортников, находящихся на вахте, тотчас оживил платформу и потянул ее вглубь корабля, к офицерскому сектору. Зислису даже не понадобилось ничего говорить — все знали, где живет старший навигатор.

Он снова пропустил момент прыжка. Рубку и офицерский сектор по прямой разделяли четырнадцать километров, но платформы никогда не преодолевали их полностью.

Максимум — первый километр. А потом платформа вместе с пассажирами вдруг оказывалась у финиша, метров за триста, и ни разу еще Зислису не удалось отследить прыжок.

Но время экономилось.

Впрочем — что его экономить? Очередную вахту такие прыжки все равно не приблизят...

Соскочив с платформы Зислис свернул к офицерскому бару — пообедать. Еще с порога он заметил Суваева и Фломастера, сидящих в самом дальнем углу — последнее время они много общались. Оба цедили пиво и тихо что-то обсуждали.

— Привет, заговорщики! — весело поздоровался Зислис. Легкое чувство подавленности от расставания с кораблем успело притупиться и рассеяться на задворках сознания.

Суваев коротко кивнул, насупив брови; Фломастер проворчал, словно бы нехотя:

— Здравия желаю...

Зислис вдруг понял, что они перед этим говорили о чем-то важном, и он им своим безмятежно-веселым тоном сбил весь настрой. Словно бы обесценил сказанные слова.

— Вы я вижу не просто так языки чешете, — уже сдержаннее добавил Зислис. — Если мешаю, могу сесть в сторонке...

— Нет уж, — буркнул Суваев. — Садись, раз пришел. Сейчас остальные подтянутся...

— Кто — остальные? — Зислис поднял брови. Без всякой задней мысли брошенное слово «заговорщики» неожиданно как нельзя точнее подошло к ситуации.

— Увидишь.

Суваев умел быть кратким.

Пожав плечами, Зислис уселся рядом с Фломастером и наугад набрал код на сервисном пульте. Не прошло и двух минут, как прилетел уставленный тарелками поднос. Кто-то на вахте камбуз-модуля старался сейчас для всех. Для всех, кто не

на вахте. В любом из десятков разбросанных по всей «Волге» баров можно было вот так же придти, сесть за столик, набрать код и всласть пообедать. Или надуться пива.

Зислис сначала думал, что шальная волжская братия (из завсегдатаев «Меркурия») навеки обоснуется в подобных местах и на вахту их под стволом бласта не загонишь. Дудки! Таинство единения с кораблем манило всех — от Ромки Савельева с его капитанским допуском до новосаратовского дурачка Фарита с нулем на ладони. Какую работу выполнял Фарит на вахте — Зислис до сих пор не понимал, но корабль эту безгрешную душу не отвергал, принимал наравне со всеми. Что-то в этом было глубинное, затрагивающее самые начала человеческого сознания. Даже бывшие бандиты на вахте не просто растворялись в безграничном естестве инопланетного крейсера. Они работали. Вдыхали жизнь в бортовые системы, во все, сколько их есть.

Если бы Зислис никогда не влезал в биоскафандр, он бы нипочем не поверил. Но он на себе знал: ворочать послушной мощью на вахте — неизмеримо более захватывающая штука, чем просто висеть, оцепенев, в виртуальном мире корабельной сети. Чувство долга или любые другие моральные принципы здесь ни при чем — сроду не имелось у волжских бандитов никаких моральных принципов. Просто вахта на «Волге» — сродни сексу или спиртному. Притягательно и не надоедает, если не злоупотреблять.

А злоупотреблять не позволял капитан, хотя не всем это на корабле нравилось. Вскоре пришли Юлька отчаянная и Яна Шепеленко. Зислис, признаться, не ожидал их увидеть. Девушки молча уселись за стол, кивнув Зислису.

И вдруг Зислис начал догадываться. Суваев — старший офицер-аналитик. Фломастер — старший канонир. Юлька — старший пилот. Яна — старший информатик. А сам Зислис — старший навигатор.

Не хватало только капитана. Высшая каста. Пятерка старших офицеров высшего ранга.

Вообще-то на «Волге» было еще двое из старших — Прокудин и Мустяца, транспортник и сервис-инженер. Но эти двое рангом все же пониже. По важности выполняемых задач.

— Ну, — сквозь зубы сказал Суваев, — слушайте.

«Точно, заговор», — подумал Зислис, приготовившись внимать. Он даже об обеде временно позабыл.

— Помните, я говорил, что Рома что-то от нас скрывает?

Действительно, Суваев пару раз намекал, что уважаемый капитан не все выкладывает своим офицерам. Не то, чтобы Ромке не доверяли... Просто чувствовалось — на него что-то давит, а делиться он почему-то не хочет.

— В общем, дела такие: я решил пошарить в информатеке насчет влияния биоскафандров на человеческий организм. Первое — я выяснил, что раздела «влияние на человеческий организм» просто не существует. В принципе. Существует только раздел «влияние на живые организмы», причем не уточняется — белковые ли. Раздел закрыт, для доступа требуется индекс не ниже капитанского.

«Вот оно что, — понял Зислис. — Это Паша взялся бунт экипажа с невысоким доступом предотвращать... Нью-ню.»

После первого и единственного пока боя капитан Савельев своей капитанской волей резко ограничил число вахт. Без объяснений. В рубках и дежурках, рассчитанных на десяток-другой операторов, теперь дежурил только один. Лишь для того, чтобы поддерживать корабль в боевом, рабочем и жилом состоянии. Понятно, что лихой волжский люд только посмеялся с такого приказа. Никто из директората или молодчиков вроде Плотного и не подумал подчиниться. Биоскафандры притягивали людей не хуже, чем валериана — котов. Но вдруг выяснилось, что корабль верен капитану. И не подключает больше одного скафандра к системе. На Ромку попытались шумно наехать, но корабельные роботы живо утихомирили особо ретивых. Попробовали наехать на управление роботами — но Фломастер открыто заявил, что он и его канониры (в основном, народ из патруля, уважавший Фломастера еще со времен до нашествия инопланетян) держат сторону капитана, а кода попытались наехать и на канониров тоже, пошла срабатывать превентивная блокировка и прочая шустрая машинерия корабля. В общем, бунтарей мигом водворили в закрытый сектор, дали прочухана хорошей дозой слезогонки и оставили поразмыслить.

Уже на следующий день бунтари дали слово больше не поднимать шуму, живо установили очередность вахт и все вроде бы успокоилось. Краем уха Зислис слышал, что очередность вахт была составлена некорректно, дабы те, кто посильнее, получали доступ к биоскафандрам почаще, но корабль мгновенно выправил этот перекосяк. Как и раньше — ничуть не церемонясь. А поскольку практически все

бандиты почему-то были отобраны кораблем в один и тот же транспортный сектор, то и разбираться им чаще приходилось промеж собой, а значит вчерашние старатели и работяги избежали назойливого внимания с их стороны.

Свободные от вахты отирались в кабачках, пили пиво, затевали драки и мелкие разборки — но опять же в основном между собой. До крупных не доходило. Корабль не позволял.

В общем, экипаж развалился на три достаточно четко очерченных группы и на нейтральное большинство.

В первую группу входили старшие офицеры и вообще почти все с высоким доступом — бывшие звездолетчики, работники космодрома и станции наблюдения, патрульные, кое-кто с Манифеста.

Во вторую — директорат практически в полном составе, служащие фактории и космодромные шишки. Ну, и их холуи-подручные, неизменно прилизанные и в безукоризненных костюмах. Тут дисперсия индексов была достаточно велика — среди дармоедов всегда много умных людей.

Третью группу составляли вчерашние бандиты; как ни странно у них разброс индексов почти не наблюдалось, у всех что-то около десяти-двенадцати. За редким исключением. Зислис весьма радовался тому факту, что чужие, когда перевозили людей на крейсер Ушедших, у всех отобрали оружие. Власты остались только у четверых: у Ромы Савельева, у Чистякова, у Юльки и у Смагина. Словом, у капитана и у тех, кто прибыл вместе с ним, минуя «гостеприимство» инопланетян. А соорудить оружие на месте корабль не позволял.

Впрочем, стрельбу, скорее всего, пресекли бы расторопные роботы-невидимки.

Группа экс-звездолетчиков была целиком поглощена кораблем. Новые возможности, новый мир по сути. На отношения волжан вне группы эта публика обращала мало внимания. Даже обосновалась она в отдельном от общежилых секторе — чуть ближе к головным рубкам.

Директорат живо восстановил бывшее влияние среди нейтралов, как-то исподволь и очень незаметно устроил себе привилегированные условия жизни, установил жесткий контроль над сетью ресторанчиков и заведений увеселительного толка, которых мигом развелось по жилым секторам без счета, и вообще прибрал к рукам весь процесс синтеза пищи и предметов обихода. Звездолет «Волга» неимоверно быстро превратился в копию погибшей планеты Волга, с той лишь разницей, что здесь никому не приходилось добывать руду. И на вахты здесь ходили почти все — от Фарита до шишек из бывшего директората, вплоть до Гордяева и Черкаленко.

Генерального и вице-директора. Вчерашний старатель вне вахт вынужден был работать на тот же директорат — несмотря на практически безграничные возможности корабля в моду вошли ресторанчики с традиционной «живой» технологией приготовления блюд, всяческие полузакрытые клубы со стриптизом и полным набором классических безобразий для скучающих. В жилых секторах даже деньги начали ходить.

Бандиты из третьей группы как и прежде кое в чем сотрудничали с директоратом, кое в чем соперничали с ним, были большею частью независимы и никогда не выносили на люди свои внутренние разборки.

Нейтралы жили практически так же, как и на Волге-планете, только тут им не грозила смерть от голода. На вахты они ходили редко, и чаще были предоставлены сами себе. Развлечения в стиле директората были им не по карману, заработать деньги было негде, а занимать мозги чем-нибудь полезным они просто не привыкли. Разношерстный экипаж достался капитану Савельеву и его офицерам...

Зислис убрал грязную посуду на услужливый летающий поднос и повернулся к Суваеву.

— Ты действительно считаешь, что вахты могут нам навредить? — спросил он с сомнением. — Паш, ты по-моему тоже недоговариваешь. Как капитан.

Суваев поморщился.

— А ты полагаешь, такие психические встряски проходят бесследно? Черт побери, корабль же нас меняет! Я ежеминутно ловлю себя на том, что отдаю кораблю мысленные приказы — открыть дверь, подать платформу, включить свет, в конце концов!

— Ну и что? — не понял Зислис. — Это иногда срабатывает.

— Да народ на вахте просто тебе помогает, — фыркнул Суваев. — Гений психокинеза, е-мое...

— О странных вещах вы рассуждаете, господа офицеры, — сказала Яна Шепеленко, внимательно разглядывая собственную руку. — Слепотой вы, господа офицеры, страдаете. В маниакальной форме.

Суваев чуть не поперхнулся пивом. Умела Янка вот так вот — просто и невозмутимо — сбить с толку. Да настолько основательно, что начинали оживать и шевелиться собственные неоформившиеся подозрения.

— Ты собственно... о чем?

Янка оторвалась от созерцания маникюра.

— Не о том вы беспокоились. Вахты, организмы... Сейчас другого бояться следует.

— А конкретнее?

— Конкретнее? — улыбнулась Янка. — Ну, например, что директорату или молодчикам Шадрина может взбрести в голову сменить капитана, раз Рома их не устраивает. Суваев расслабился.

— Чушь. Вспомни, как капитаном пытался заделаться я. Пока Ромка жив, корабль никому другому не подчинится.

— Вот именно, — подтвердила Яна. — Пока жив.

Повисла многозначительная тишина.

— Вот так вот, значит... — дошло наконец до Суваева. — Но ведь бандиты наши уже пробовали бунтовать...

Яна покачала головой:

— Во-первых, тогда они еще не ставили целью убить Ромку. Во-вторых, они не знали возможностей корабля, даже самых простых и очевидных, и еще не умели пользоваться ими.

— Что значит — еще не ставили целью убить? А теперь что — поставили?

— Да, — сказала Янка и огляделась. — Дайте мне пива кто-нибудь. Пожалуйста.

Ей передали золотистую банку и высокий хрустальный стакан.

— Йа-ана-а, — изумленно протянула Юлька отчаянная. — Ты соображаешь, что несешь? Откуда ты можешь это знать?

— Я информатик. Старший информатик. Или ты забыла, а отчаянная?

— Не забыла, — сердито ответила Юлька. — Но ты сейчас не на вахте. Там ты еще могла что-нибудь подслушать. Но что ты из этого вспомнишь сейчас?

— Я веду записи, — призналась Янка. — А потом, когда отключаюсь от корабля — изучаю их. Уже давно, если тебе интересно.

— Записи? — удивился Зислис. — А каким образом? Что, это возможно?

— Конечно. Ты можешь реализовать любое не противоречащее линии корабль-капитан технологическое решение и вовсе пользоваться им.

— Но ведь это... По сути, это возможность надстраивать корабль! — Зислис выглядел ошеломленным. Да, в общем, он и был ошеломленным — ему никогда не приходила в голову подобная мысль. Пользоваться системами корабля — так ими все на вахте пользовались. Но создавать новые системы, специально под свои нужды... Это было смело и неожиданно, и потому казалось невозможным. Хотя — синтез различных мелких предметов, синтез пищи в конце-концов... Чем это принципиально отличается от постройки новой работающей системы-надстройки? Да ничем. Разве что надстройка посложнее.

— Миша, корабль еще долго будет нас удивлять, — Яна впервые с начала разговора улыбнулась.

— Ладно, — проворчал Фломастер, как и все военные — сугубый прагматик. — Это все лирика. Ты подробности давай.

— В общем, я подслушала закрытое совещание директората. Доступ к прослушиванию заблокировали вахтенные — весьма умело, надо сказать, заблокировали, но я все-таки старший информатик. Директорат пришел к той же мысли — корабль будет считать капитаном Ромку до тех пор, пока Ромка жив. Если Ромку устранить, вполне возможно, что корабль выберет нового капитана.

— А что от этого выиграет директорат? Где гарантия, что капитаном корабль изберет кого-то из них, а не из старших офицеров? — Фломастер еле заметно пожал плечами. — Неубедительно.

— Витя, — примирительно сказала Янка, — я только раскрываю тебе тайные планы директората, а не толкую их мысли по поводу этих планов. Директорат в курсе, как стал капитаном Ромка. Они считают, что надобно только в нужное время оказаться в нужном месте и нажать на кнопку. И все. Дальнейшее предопределено.

— Погоди, — Зислис собрался с мыслями. — А зачем директорату капитанство? Они что, плохо живут?

— Стремление к власти иррационально, — вздохнула Янка. — Пока есть кто-то ступенькой выше, они будут упрямо лезть на самый верх. Даже если там холодно, небезопасно и есть риск свалиться. Пока большинству не по нраву ограничение

вахт. Я и сама не отказалась бы подключаться почаще... Просто я верю Ромке, а они — нет.

— Интересно, — вполголоса заметила Юлька. — А нас сейчас директорат не подслушивает?

— Нет, — уверенно заявила Яна. — И лучше не спрашивайте, откуда у меня такая уверенность.

— Да, да, конечно, ты же старший информатик, — съехидничал Зислис.

Янка сердито стрельнула на него взглядом. Но смолчала.

«Но если она так говорит, — скрепя сердце признал Зислис, — значит она действительно приняла меры. Несгибаемая девочка.»

— Я пыталась понять, случаен ли выбор капитана. Честно говоря, не поняла, — продолжала Яна. — Но попутно я выяснила другое. Капитану автоматически присваивается высший индекс. А остальным — исходя из схожести на капитана. Мы стали старшими офицерами только потому, что у нас схожее с Ромкиным мышление и система ценностей. Если капитан сменится — нас тут же вышвырнут.

У Фломастера смешно вытянулось лицо; Зислис поморщился; Юлька быстро переводила взгляд с Яны на Суваева, словно не могла понять шутит Яна или не шутит. Суваев пытался сохранить бесстрастность. Достаточно успешно.

Яна Шепеленко давным-давно приучила всех, что никогда ничего не говорит просто так, бесцельно. И никогда не говорит того, в чем сама не уверена. Не бросает слов на ветер.

— Я хотела поговорить об этом в присутствии всех — Юрки, Курта, Хаецких, этих твоих, — Яна кивнула на Фломастера, — сержантов. Но решила — сначала здесь. И еще я бы очень хотела побеседовать с капитаном. Очень бы хотела.

— Так-так, — Фломастер упрямо выпятил челюсть. — Продолжай, Яна. Они выработали какой-нибудь план?

— Нет. Пока нет. Но выработают, не беспокойся.

— Мы узнаем об этом?

— Постараемся.

— Постараемся, — фыркнул Фломастер. — Маловато этого, милая.

— А что они могут нам сделать? — спросила Юлька недоуменно. — Нам и Роме?

Пробовали они бунтовать — роботы их живо усмирили.

— Теоретически возможна ситуация, когда на вахтах останутся только люди директората. Вдруг они сумеют обезвредить защиту?

— Корабль не подчинится, — заверил Фломастер. — Он так устроен.

— Витя, — Яна взглянула прямо в глаза канониру. — Я уже говорила, что корабельные системы можно менять. В соответствии со своими интересами. Я не могу гарантировать, что умники из директората не изобретут какой-нибудь неожиданный фокус. И вообще, когда что-нибудь нежелательное кажется невозможным — обыкновенно оно достаточно быстро происходит.

— Да кто у них на это способен-то? У них же доступ максимум пятнадцать у всех! — не сдавался Фломастер.

— Ну и что — доступ? Самохвалов вполне способен на какую-нибудь пакость. Или этот... как его... Осадчий. И вообще Яна права, — проворчал Суваев. — Лучше присматривать за директоратом. Не похожи они на дураков — видал, что в жилых секторах устроили? Я в какой-то бар вчера зайти пытался — так у меня деньги требовать начали! Пока бармен не узнал, не пускали...

Фломастер только головой покачал.

— Ну, ладно, — примирительно сказал Зислис. — А Рома об этом знает?

— Понятия не имею, — ответила Яна. — Именно поэтому я и хотела с ним поговорить.

— Кстати, — оживилась Юлька отчаянная. — А кто-нибудь знает зачем мы здесь торчим? Я ожидала, что Ромка начнет выбирать планету вроде Волги...

— А ты бы согласилась добровольно сойти с корабля? — чуть наклонив голову поинтересовалась Яна. Взгляд у нее сделался снисходительный. Так взрослые на детей смотрят.

Юлька пожалала плечами:

— Ну... Не сейчас, наверное.

— Вот именно. Никто с корабля не сойдет. Все хотят на вахты. А Рома чего-то ждет.

— Чужих он ждет, — пояснил Фломастер. — Дома мы дали им по загривку, но значит ли это, что чужие успокоились? Да они сил соберут и снова за нами погонятся.

— И что? — Зислис лениво шевельнул бровями и откинулся в кресле, вопросительно глядя на канонира.

— Что-что, — буркнул Фломастер недовольно. — У капитана спрашивай.

— Мне кажется, — вмешался Суваев, — что Ромка выяснил о корабле что-то очень важное. И теперь просто растерялся. Он не знает, что с новым знанием делать.
— Да что он мог выяснить? Что такого, до чего не смогли бы докопаться мы?
Суваев поднял на Зислиса цепкий взгляд.
— Например, то, на что хватает только капитанского доступа.
Зислис задумался. Слишком все это было сложно.
Он давно потерял первую эйфорию после погружения в сознание корабля и объединенное сознание экипажа. Он понял, что даже в слиянии с кораблем возможности оператора не безграничны, хотя и весьма велики. И еще он стал догадываться, что корабль их чему-то учит. Но чему?
Зислис много бы отдал, чтоб узнать это. Почти все.
Кроме одного: возможности ходить на вахты. Это он бы не отдал ни за какие блага мира.

44. Александр Самохвалов, оператор сервис-систем, инженер-консультант директората, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

— Ну, — спросил Шадрин. — И что ты от меня хотел?
Гордяев мрачно наполнил хрустальные стаканы.
— Во-первых, спасибо что пришел. Во-вторых, есть парочка вопросов.
Шадрин покосился на своих торпед — молчаливых и с виду безучастных.
— Только быстро. У меня мало времени.
Гордяев тоже покосился на шадринских торпед.
— Я могу говорить при них?
— Можешь. Они немые.
— Лучше бы глухие, — проворчал Гордяев. — Впрочем, ладно. Как жизнь, Леонид? Как новое место?
— Хреново, — честно ответил Шадрин. — Пойло — не в радость. На баб и смотреть уже не могу. А эти ублюдки с доступом еще и на вахты не пускают. Жаль, не перекоцали мы их в Новосаратове, пока маза была.
Гордяев многозначительно покивал и решил брать быка за рога. Шадрин не из тех, с кем нужно предварительно полчаса болтать о погоде и ценах на самогон.
— А скажи мне, Леонид... Ты знаешь, как этот землерой стал капитаном?
Шадрин насторожился.
— Тебе-то что?
«Ага, — подумал Самохвалов, настораживаясь. — Похоже, наши братцы-бандиты тоже призадумались о капитанстве... Прав Гордяев. Все-таки прав...»
— Ну, — Гордяев нарочито небрежно зашвырнул в пасть ломтик синтезированной ветчины. — Капитаны — они разные бывают. Был бы свой — глядишь, и вахты бы почаще случались...
Шадрин поиграл желваками на скулах.
— Слушай, Горец, — процедил он с неудовольствием. — Не темни, а? Спрашивай напрямую. Думал ли я с ребятами о смене капитана? Да, думал. Что еще тебя интересует? И что я получу в обмен на информацию?
Гордяев заметно оживился:
— Вот это деловой разговор! А то все эти обнюхивания, ошупывания... Детство, е-мое.
Шадрин равнодушно поглядел на шефа директората. Белесыми глазами убийцы. Но Гордяев знал, что равнодушие это напускное. Если бы Шадрину было неинтересно, он бы просто ушел. Или вообще не приходил. А раз есть интерес — значит можно договориться. Всегда можно договориться, почти всегда.
Гордяеву была очень нужна поддержка транспортников.
— Скажи, мы на Волге плохо жили?
Шадрин не ответил. Тогда ответил Гордяев — сам себе:
— По-моему, нормально жили. Ладили. Не цапались. Все были довольны.
— А я и сейчас доволен, — пробурчал Шадрин и могучим плотком опустошил стакан. — Ну и?
И тогда Гордяев поднял забрало.
— Давай сменим капитана.
— Как?
— А как их обыкновенно меняют?
— Не знаю, — беспечно ответил Шадрин. — Еще ни одного не менял.
— А месяц назад? Вы погулять к рубкам ходили? — Гордяев криво улыбался.

— Погулять, йопрст! Славно погуляли, до сих пор вспоминать стыдно. На рога я больше не попру, Гордец. Если ты хочешь сесть в капитанское кресло, устраивай это собственными руками.

— Но ведь не даром, а Шадрин?

— Подробнее.

— Неограниченный доступ к вахте. И контроль за твоим сектором на твое усмотрение. Я не буду вмешиваться.

— Сектором? — Шадрин приподнял бровь.

— Хорошо. Не одним. Сколько тебе нужно? Два? Три? Пять?

Несколько секунд Шадрин делал вид, что размышляет.

«В самом деле, — подумал Самохвалов, изо всех сил стараясь, чтобы ничего не отражалось на лице. — А что просить? Он ведь никогда не заключал подобных сделок.»

Стало даже интересно, как Шадрин выкрутится.

— Я подумаю, — пообещал тот туманно.

Гордяев скривился. Ему явно нужен был быстрый ответ. Только более полный.

— Но в принципе ты согласен?

Шадрин вежливо улыбнулся.

— Я же сказал — подумаю.

И встал. Торпеды его мигом подобрались.

Гордяев не стал спрашивать — как долго Леонид собирается думать. Он молчал минут пять, не меньше — шаги Шадрина давно стихли за дверью директорского офиса, Самохвалов перебрался с дивана в углу ближе к шефу, а Гордяев все молчал и молчал.

— Ну? — наконец осведомился Гордяев. — Что скажешь, мыслитель?

— Он согласится, — не задумываясь предрек Самохвалов. — Не знаю на каких условиях, но согласится. Но, шеф, имейте в виду: в ключевой момент вам нужно будет внимательно отследить, чтоб Шадрин не прыгнул в капитанское кресло сам. Гордяев задумчиво покивал, глядя куда-то сквозь Самохвалова и сквозь дверь офиса. В пустоту за зеркалом мира.

— А скажи-ка... — он помедлил, и в конце концов сконцентрировал взгляд на Самохвалове. — У тебя есть какое-нибудь объяснение действиям капитана?

Самохвалов чуть заметно улыбнулся. Есть ли у него объяснение? Конечно, есть, он же мыслитель. Вот только... наверное, излишне называть это таким мощным словом. «Объяснение». Скорее, догадки, ничем, к сожалению, не подкрепленные.

— Что именно вы хотите узнать, шеф? — осторожно справился Самохвалов.

— Почему Сава ограничил вахты? Что это ему дает?

Самохвалов пожал плечами:

— Полагаю, более полный контроль над кораблем. Чем больше людей вливается в управление, тем труднее капитану держать их в узде. Другого объяснения я не вижу. И не вижу другого выхода для капитана.

— Но ведь какая-то часть наших людей все равно заступает на вахты! Хотя, я уверен, корабль бы действовал и без этого. Какой смысл ему вообще их пускать? И потом, чего он ждет? Мы оторвались от чужих, самое время двинуть куда-нибудь...

— Куда? — вкрадчиво спросил Самохвалов.

Шеф запнулся. А в самом деле — куда?

Он не видел никакой цели перед собой. Чем можно заняться, обладая таким кораблем? Можно воевать, но зачем? И ради чего? Можно захватывать и покорять миры, но опять же зачем? Все, о чем можно мечтать, реализуемо прямо здесь, на корабле. Для этого не нужно никуда летать и ни с кем драться.

Можно слетать к Земле...

Гордяев мрачно взглянул на своего консультанта. Тот, прищулив глаз, ел начальство взглядом.

— Черт побери! А ведь ты прав. Я не знаю что делать с капитанством! И меня привлекает в капитанстве только то, что доступ к вахтам в этом случае попадал бы под мой контроль, ну, и еще осознание того, что никого выше меня на «Волге» не останется. Но это все.

Гордяев задумался, выщедил полбокала коньяку, закусил ветчинкой и вновь обратился к Самохвалову:

— А что бы делал на месте капитана ты?

— Не знаю, шеф, — честно ответил Самохвалов. — Я убежден, что капитан знает о чем-то таком, о чем не знаем мы. Знает только потому, что он капитан. И именно это знание диктует ему теперешнюю линию поведения. Пока этим знанием не будем владеть мы — бесполезно гадать, что капитан измыслит завтра.

Гордяев пристально смотрел консультанту в глаза.

«А ведь он снова прав, тысяча чертей! — подумал шеф директората. — Как бы все это выяснить?»

И понял, что выход есть только один.

Стать капитаном.

— Собирай директорат. — велел он голосом, в котором враз прорезались жесткие нотки. — Только Маленко не зови... И помнишь еще, что ты мне на ушко шепнул? Про подслушивание...

— Помню, — ответил Самохвалов и потянулся в карман, к коммуникатору, похожему на обычную трубку спутниковой связи.

45. Роман Савельев, капитан, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Я их вызвал на семнадцатые сутки дрейфа. Когда улеглись первые волнения среднего звена и когда угомонились бандиты, лишенные удовольствия беспрепятственно сливаться с кораблем.

Может быть, не стоило ограничивать простой экипаж? Даже не знаю...

Мы висели в космической пустоте, от ближайшей звезды нас отделяло несколько миллиардов километров. Задворки галактики, разреженный хвост спирального рукава, еще большее захолустье, чем родина человечества. Земля — по ту сторону бездны, за центром галактики, где звезд столько, что понятие «ночь» расам оттуда просто недоступно.

Там родина азанни и цоофт, разумных птичек из союза.

А здесь — глухой и забытый разумными угол. Мы первые из людей, кто забрался в космос так далеко от старушки-Земли.

Я вздохнул.

Да, дядя Рома. Познал ты прихотливость изгибов судьбы... Был тихим и незаметным старателем с тихой и незаметной планеты. А теперь — вынужден решать. За других. Как это тяжело, оказывается...

Я не согласился устроить совет в режиме подключения к кораблю. По-моему, правильно. Надо, черт побери, подольше оставаться человеком. И мне, и им.

Может быть, это единственный шанс.

Они входили в капитанскую рубку — парами, тройками, и никто — в одиночку. Цвет моего экипажа. Мои друзья.

Суваев и Зислис. Юлька с Риггелем. Яна и Смагин. Хаецкие, Прокудин и Мустяца. Чистяков, Фломастер, Яковец и Ханька... Сергей Маленко из директората.

Те, кому я мог доверять. Пятнадцать человек из пятнадцати тысяч.

Жаль, нет среди них Василевского и Шумова. Первый упокоился на своей заимке еще в самом начале этой невеселой истории, а второй стигнул на необитаемой луне Волги. Возможно, он до сих пор жив. В таком случае у него неплохие шансы дотянуть до пограничных рудников Пояса Ванадия и поведать людям жутковатую историю гибели целой планеты. Если, конечно, его корабль уцелел и если у него хватит горючки.

Они садились к заранее выращенному столу — круглому, как гриб. Они были сосредоточены и серьезны.

Они ждали. Правильно ждали.

Я не мог больше решать в одиночку. Даже капитану нужен дельный совет.

— Яна, — сказал я и Шепеленко преданно на меня уставилась. Хотя, наверное, мне только кажется, что преданно. Просто посмотрела — вопросительно и не без уважения. Спасибо и на том.

— Яна! Надеюсь, ты позаботилась, чтоб нас не подслушали?

— Конечно, кэп! — Янка выглядела слегка задетой. — Даже сдублировала защиту. На всякий случай.

Я, понятное дело, тоже этим озаботился — и по секрету скажу, что капитанские возможности куда шире, чем возможности старшего информатика. Но корабль — такая странная штука, что лишний раз обезопасить себя не помешает. Он меняется, наш корабль, наш теперешний дом, меняется ежесекундно. Как живое существо.

— Хорошо, — вздохнул я. — Надеюсь, ничьи посторонние уши не кроются по углам...

Я оглядел их всех, внимательно, по очереди — сосредоточенных, спокойных, хмурых, невозмутимых — моих старших офицеров. Бог мой, всего месяц назад мы всего лишь ковыряли руду на Волге, шастали на утлых корабliках-планетолетах (у кого они были) в Новосаратов за пивом и консервами, и крайне редко задумывались о том, что космос принадлежит вовсе не людям.

— Думаю, не очень ошибусь, если предположу, что у вас накопилась масса вопросов к своему капитану... который раньше ничем особенным среди вас не выделялся. Но сначала несколько вопросов задам я. Паша, — я взглянул на Суваева. — Что ты знаешь о чужих? О положении в окрестностях Земли? Ты, похоже, еще на Волге знал много больше остальных.

Суваев, не шевелясь, ответил:

— Ну, знал кое-что. Я говорил тебе — откуда. Повторить?

— Повторить. В таком составе мы еще не собирались — вдруг кто-нибудь пропустил подробности?

Суваев, по-прежнему не шевелясь (ощепенел он, что ли?), начал:

— В нашей галактике хозяйничают пять рас, объединенных союзом. Они контролируют большую территорию, причем контролируют давно. Некоторое время назад они попытались распространить влияние за пределы галактики и столкнулись с ранее неизвестной расой, которую называли «нетленными». По крайней мере, такое название закрепила за ними дедовская комп-база. Вероятно, нетленных притащили на хвосте в нашу галактику и уже довольно долго с ними воюют.

Суваев умолк и вопросительно уставился на меня, словно бы спрашивая: «Ты это хотел услышать?»

— Спасибо. Можешь прокомментировать недавние события у Волги? Со своей теперешней точки зрения.

Суваев впервые пошевелился — чуть заметно кивнул.

— Попробую. Роясь в той самой базе я несколько раз находил ссылки на некие обломки древних артефактов, которые некогда принадлежали какой-то могучей расе. Ныне исчезнувшей. База называла эту расу «Ушедшие», и всякий раз когда находились какие-нибудь следы их деятельности все пять рас союза внимательнейшим образом изучали эти следы. Наверное, Ушедшие технологически намного превосходили союз. Впрочем, они могли быть и нетехнологичной расой, но высокоразвитой даже по сравнению с союзом и нетленными. Когда чужие притащили нас на этот корабль, я вскоре решил, что это корабль Ушедших. По-моему, я не ошибся. Так ведь, капитан?

— Почти, — туманно ответил я.

— Когда чужие поняли, что корабль Ушедших настроен на людей, они пытались использовать нас для изучения его тайн и секретов. Но они не подозревали, какое могущество таится в единении корабля с экипажем, и потому проиграли.

— Значит, — переспросил я, — ты полагаешь, что Ушедшие были людьми?

Суваев, по-моему, удивился.

— Конечно! А с чего бы тогда кораблю быть настроенному на нашу нервную систему, а не, скажем, на свайгов?

Я вздохнул. Впрочем, стоит ли удивляться, дядя Рома? Вспомни — еще совсем недавно ты считал точно так же.

— Все обстоит почти так, как ты рассказал, Паша, — сказал я. — Почти так. С той лишь разницей, что Ушедшие не были людьми. Ушедших вообще никогда не было. Над круглым, как гриб, столом воцарилась тишина. Мои офицеры уже знали все, что сейчас повторил Суваев. Мне же предстояло их убеждения разрушить.

— То есть... то есть как — не было? — нахмурился Фломастер. — Чей же это тогда корабль?

— Ничей. Чьи, к примеру, во-он те звезды? — я указал рукой за прозрачную стену рубки. На редкие мерцающие точки.

Все невольно поглядели туда, куда я указал.

— Этот корабль не строила ни одна раса. Он не есть порождение разума, ребята. Он — порождение галактики.

— Кэп... — тихо сказала Юлька отчаянная. — В другое время я бы решила, что ты спятил.

Я усмехнулся. И объяснил:

— Представьте, что галактика — гигантский организм. Со сложнейшим внутренним миром. Так вот, наш корабль — это фагоцит галактики. Его цель — уничтожить угрозу извне.

— Нетленных? — вскинулся Суваев. Он всегда быстро соображал.

— В том числе, — подтвердил я. — На самом деле сравнение с фагоцитом не совсем корректно. Фагоцит охотится только на инородные тела в организме. Корабль же призван устранить угрозу существованию галактики. Любую угрозу, будь она внешней или внутренней.

Не было никогда никаких Ушедших. Просто, когда галактические войны достигают особенного накала и возникают предпосылки к серьезным и губительным изменениям в галактике, она устраняет угрозу каким-либо радикальным способом. А потом на

следы подобного вмешательства натываются разумные расы и списывают их на деятельность пресловутых Ушедших.

— Ты полагаешь, в настоящий момент существованию галактики что-нибудь угрожает? — с сомнением протянула Яна Шепеленко и переглянулась со Смагиным. — А что именно, если это тоже не секрет?

Я пропустил это «тоже» мимо ушей. Пусть. Не время сейчас.

— Полагаю — да, угрожает. Или станет угрожать спустя какое-то время. Скорее всего, это затянувшийся конфликт между союзом и нетленными. И те, и другие достаточно сильны, чтобы разносить в пыль планеты и гасить звезды. К этому, похоже, все и идет. А галактике это не нравится.

— Тем не менее, первую планету в пыль разнесли не нетленные, не союз, а именно мы, фагоциты, — проворчал Фломастер, теребя застёжку комбинезона. Я почему-то подумал, что на его комбинезоне очень не хватает погон. — Причем, свою собственную планету разнесли. Вот ведь ирония судьбы, а кэп?

Мишка Зислис, старший навигатор, поднял руку, будто школьник на уроке.

— Рома, а что дальше-то? Как мы можем помочь галактике? Перебить нетленных и разгромить союз, так, что ли? А по силам ли это нам?

— С таким кораблем — по силам, — без колебаний ответил Фломастер. — Это я тебе как канонир говорю.

Народ загалдел, и меня это страшно порадовало. Галдят — значит им есть что сказать...

— Ребята, — я повысил голос. — Затем я вас и собрал. Я в общем представляю какова наша цель — корабль сумел вдолбить мне это в голову. Но я понятия не имею как этой цели достичь. Вот в этом-то все и дело.

Галдеж враз прекратился.

— И поэтому ты пассивно ждешь? — голос Яны Шепеленко прозвучал уже в полной тишине.

— Я все это время общался с той частью корабля, которая открыта только капитану. Я искал ответ.

— И не нашел? — словно бы не веря спросил Костя Чистяков.

— Нет.

— Хорошо, — Суваев хлопнул ладонями по столу. — Давай порассуждаем.

Я мысленно рассмеялся. Мне удалось расшевелить их! Давайте, ребята, давайте! У меня уже мозги пухнут...

— Что должно произойти в ближайшее время? — продолжал Суваев.

— Наверное, снова появятся чужие, — предположил Курт Риггелд и переглянулся с Юлькой. — Только их будет больше, чем у Волги, — уже увереннее добавил он.

— Правильно, — азартно кивнул Суваев. — Причем, скорее всего это будут снова и союз, и нетленные. А значит — новая свалка. Раз наш главный вояка уверяет, что и при таком раскладе мы сумеем исправно накидать зелененьким (а у меня есть все основания доверять нашему главному вояке и собственным ощущениям), значит мы постараемся им исправно накидать. Собственно, если галактика боится межзвездной войны, то мы можем в одном бою уничтожить множество кораблей союза и нетленных. А без кораблей не очень-то повоюешь! Чем не выход?

— Мыслитель, — фыркнула Яна. — Стратег. Корабли можно построить. Несколько лет — и драка возобновится. А для галактики несколько лет — это даже не миг.

— Значит, нужно жечь планеты союза, — пожал плечами Суваев. — Уничтожить технологию к чертовой матери. Чтоб никто не мог построить кораблей.

— Планеты, говоришь, жечь? — сквозь зубы процедил Валентин Хаецкий. — А ты к этому готов, Паша? Жечь населенные планеты?

Суваев осекся. Подумал. И ответил:

— Не знаю...

— Вот именно, — пробурчал Хаецкий. — Не знаю. И я тоже не знаю.

— Да что вы все драматизируете! — всплеснула руками Юлька и встала, с грохотом отодвинув кресло. — Планеты жечь... Готов-не готов... Как дети, прямо. Еще ведь ничего толком неизвестно. Да и чужие пока не объявились. Скажи, Рома?

Она с надеждой поглядела мне в лицо и что-то внутри у меня слабо екнуло.

— А мы поэтому тут и торчим, а кэп? — встрепенулся Лелик Веригин. — Чужих поджидаем?

— Хрен они тут появятся, — мрачно предрек Ханин. — После того, что мы у Волги учинили.

— Появятся, Ханька, — тихо заверил его Фломастер. — Слишком уж лакомый кус для зелененьких такой корабль как наш. Их и жертвы не остановят.

— А меня сейчас другое волнует, — сказал вдруг Серега Маленко — человек, которого я только здесь, на корабле-фагоците по-настоящему оценил. — Пока чужие не появились.

Все невольно воззрились на него.

— В смысле? — уточнил Чистяков.

— Директорат тоже проводит тайное совещание. Прямо сейчас. Меня на него не пригласили, но я о нем узнал. Случайно. И, насколько мне известно, Шадрин на нем тоже присутствует. Что-то там затевается, чую. И не думаю, что нас это хоть сколько-нибудь обрадует.

Маленко был единственным из бывшего директората, кто входил в высший эшелон управления «Волгой». Неудивительно, что его быстро оттолкнули прежние знакомцы. И у него не осталось другого выхода — он примкнул к нам.

Хотя, иметь своего человека среди нас Гордяев, конечно же, был бы весьма рад. Только Маленко отказался. Время нынче не то... Да и возможности тоже.

— Да пусть себе проводят хоть сто совещаний, — снисходительно позволила Яна Шепеленко. — Я потом отправлю тебе распечатку, кэп... И всем могу отправить, каждому.

— А ты проверь свои системы, дорогая, — улыбнулся Маленко. — Вот, прямо сейчас проверь.

Яна вопросительно взглянула на меня, как мне показалось с легкой тревогой.

— Давай, — позволил я. — Можешь прямо с моего пульта.

Конечно, лучше бы было ей просто подключиться через биоскафандр. Но... не будет же Яна раздеваться при всех? Быстрее так, вручную, дикарскими методами.

Когда Яна оторвалась от пульта, на лице ее отражался в основном гнев.

— Как? Как, черт возьми, они это сделали?

Маленко развел руками:

— Не просто, а очень просто. Пешки затеяли драку в одном из баров. Роботы пресекли, но попутно разгромили весь бар. Там ни одного целого модуля не осталось, ни единой системы. Ремонт там, понимаешь? А директорат тем временем спокойно совещается.

— И вообще, — Маленко посмотрел на меня. — Я бы на твоём месте задумался, капитан. Ибо команда ропщет. Они уже не прочь сменить капитана.

— Я знаю, — ответил я.

Я и вправду это знал.

46. Виктор Переверзев, старший офицер-канонир, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Фломастер тягал тяжести на тренажере и, как всегда в моменты тупых тренировок на нагрузки, думал. О разном. О том, например, что давно мечтал о таком вот тренажере. На Волге еще мечтал. Но сверкающая хромом махина раньше была ему, лейтенанту патруля на захудалой планете, просто не по карману. Дарить же подобную ценность ему никто не собирался. А даже если бы и подарил — куда бы лейтенант ее поставил? Она бы в квартиру не влезла даже в том случае, если бы Фломастер выбросил всю мебель. А здесь, на корабле — пожалуйста... Реализуются все мечты, нужно только суметь представить этот самый тренажер. Знать, как он устроен. Фломастер знал. И — мог спокойно выделить под тренажерную просторный зал. Никого не стесняя и ни у кого не испрашивая разрешения.

Потом мысли экс-лейтенанта перескочили на бывшего шефа — полковника Ненахова, который пытался трусливо удрать с Волги на кораблях директората вместо того, чтобы руководить безнадёжной, в общем-то, обороной от чужих. Интересно, будучи еще молодым и безусым лейтенантом, он тоже попытался бы удрать?

«Вряд ли он повел бы себя иначе, — подумал Фломастер. — Гниль — она и есть гниль, в любом возрасте.»

Очень хотелось верить, что сам Фломастер не изменился бы даже дослужившись до полковника.

Впрочем, полковником патруля ему уже никогда не стать. Он поднялся над всем этим. Благодаря Ромке и кораблю-фагоциту.

Фломастер часто вспоминал первый и пока единственный бой «Волги» с армадой пришельцев. Мощь, безграничная мощь, покорная и отзывающаяся на малейшее шевеление мысли — ни с чем не сравнимое ощущение. Наземные стычки с десантом инопланетян на космодром теперь представлялись чем-то далеким и до невозможности глупым.

А все-таки крупно прокололись зелененькие, экспериментируя с людьми и биоскафандрами на борту фагоцита! Выпустили на свои головы джинна из бутылки!

Приятно быть джинном. Даже сознавая, что могущество твое – даренное. Пусть даже и заслуженно даренное.

Жим, еще жим...

– Шеф!

Фломастер отвлекся, дождал тяги и встал с топчанчика, до странности похожего на зубоврачебное полукресло-полудиван.

– А?

Перед ним стоял Валера Яковец в хрустком комбезе нового образца – Янка Шепеленко трянула пристрастиями и за какой-то час разработала форму всему экипажу.

Вероятно, в ней дремал незаурядный модельер.

– В одном из жилых опять была заварушка, – сообщил Яковец.

Фломастер вздохнул. Что-то часто последнее время экипаж буянит... Дал бы Рома им вахт побольше, чтоб успокоились, так нет же, еще урезает. Псих.

Впрочем, ему виднее, капитан есть капитан.

– Никого не сломали?

– Сломали, шеф. Застрелили. Четверых.

Фломастер уронил полотенце.

– То есть, как застрелили? Из чего?

– Из бласта.

Оставалось только остолбенеть, что Фломастер поневоле и проделал.

– Так, – сказал он, лихорадочно размышляя. – Наши четыре на месте?

– Да, я проверил.

– А те, что в загатнике?

– Загатник нетронут.

– Значит, кто-то еще протаскил через чужих оружие...

Новость была паршивая – пока у буйной и неуправляемой в сущности толпы на борту «Волги» не имелось оружия, с ней еще можно было с грехом пополам ладить.

Особенно в свете подозрительных маневров директората. На корабле открыто пахло бунтом – прошло десять дней с момента памятного совещания в капитанской рубке.

Только внимание и осторожность старшего офицерства позволяли удерживать ситуацию под контролем.

Четырежды выводились из строя охранные роботы, всякий раз новым способом, хитроумнее предыдущего. У Фломастера сложилось стойкое ощущение, что это только тренировки, проба сил. Участились стычки бандитских групп с охраной независимых заведений. Доходило до поножовщины.

Сегодня дошло и до стрельбы.

– Бласт захватили? – угрюмо спросил он Яковца.

– Три штуки. Остальные – нет, шадринская братва рассосалась мгновенно.

– Три штуки? – переспросил Фломастер, холодея. – И это не все?

Он полагал, что всплыл один-единственный бласт, неведь как спрятанный от чужаков из союза. И он, как выяснилось, жестоко ошибался.

– Вот, полюбуйся, – Яковец извлек из кармана-кобуры новенький «Витязь». – Остальные я в сейф запер...

Фломастер принял бласт, хмуро осмотрел. Действительно новенький, будто только что из сборки. Клеймо...

Ага, вот.

– Так-так, – протянул Фломастер. – Значит, бандиты все-таки отыскивали среди волжан достойного инженера.

До сих пор невозможность выращивать на борту оружие упиралась в отсутствие специалистов. Для выращивания любой другой сколь угодно сложной техники и приспособлений специалист не требовался – корабль услужливо подсовывал все необходимые файлы и базы с данными, чертежами и расчетами.

Для того, чтобы вырастить работоспособный «Витязь» без подсказок корабля, необходим был человек досконально разбирающийся в конструкции ручных бластов.

Полный специалист – таких и на Земле было не больше двух десятков, а уж на Волге... Фломастер, например, конструкцию бласта в целом представлял себе весьма смутно. Он неплохо знал механизм дозирования зарядов, потому что это была его военная специальность, и имел некоторое понятие об устройстве батарей, потому что батареи к бластам шли более-менее стандартные.

И все. А таких микросистем в том же «Витязе» насчитывалось больше семи тысяч. Возможно ли удержать полную информацию в голове?

До сих пор Фломастер думал, что невозможно.

Но он ошибся.

— Так-так... — протянул он и задумался. — Знаешь, что, Валера, раздай-ка наши бласты из загашника всем, у кого индекс двадцать и выше...

У них бласты имелись в достаточном количестве: скопировать привезенные Ромой, Юлькой, Чистяковым и Смагиным было не очень трудно. Даже без информации об устройстве.

Яковец кивнул, отработанным жестом тронул висок (типа — козырнул) и выбежал. А Фломастер снял свой комбинезон с крючка на стене и выудил из кармана коммуникатор.

— Ау! Рома? Это Переверзев... Плохие новости... Понял, иду.

Он мрачно сунул трубку в карман, натянул комбинезон и быстрым шагом направился к выходу.

47. Леонид Шадрин, оператор систем внутреннего транспорта, Ното, крейсер Ушедших «Волга».

Шадрин нежился в бассейне с подогретой водой, когда в его логово впустили Шкворня. Шадрин сделал вид, что ничего не замечает, хотя следил за бойцом сквозь прикрытые веки.

Шкворень был мелкой сошкой из когорты Пузана, но он часто приносил вести. Отовсюду. Сейчас он мялся на краю бассейна, не решаясь потревожить Большого Босса.

— Босс! — послышался голос Жженого. — Тут Шкворень приперся.

Пришлось открыть глаза. На поверхности бассейна колыхались пышные клочья пахучей пены.

— Ну?

— В «Бастарде» драка была, — немедленно затараторил Шкворень. — Клыся со своими на Пузана наехать пытался. Постреляли.

— Ну и что?

— Пузана примочили. И еще двоих. Клысю тоже.

— Ну и что?

— Головастики захватили наши бласты... Четыре штуки.

Шадрин прикрыл глаза. Вот это плохо, наверное. Собственно, самому Шадрину было плевать, бластов на свои мелкие группы он мог закупить предостаточно, благо Гордяев сдержал обещание и наладил их выпуск. Не расстроила его и новость о смерти Пузана. Дурак Пузан был редкостный, давно на импульс напрашивался.

Плохо другое: капитан теперь узнает, что бласты больше на корабле не дефицит. Гордяев, небось взвоят, как свинья под ножом.

Ну и пусть себе воеет. Что теперь — ребят безоружными, что ли, держать, если бласты уже есть?

— Ладно. Проваливай, — велел он Шкворню. — Кто там у вас вместо Пузана встанет? Пусть приходит послезавтра на сходку.

Шкворень кивнул и исчез.

Еще с полминуты Шадрин пролежал в теплой воде без движения, потом встал. Пена щекотно заструилась по коже, стекая. У бассейна мгновенно, будто по волшебству, появилась Аленка с халатом.

Леонид Шадрин по прозвищу «Шадрон» любил удобства. И стремился создавать их по максимуму. Для себя.

— Аленка, кофе, — скомандовал он.

Покачивая бедрами, Аленка скользнула в сторону кухни. На ней был только купальник — очень символический. Шадрин провел ее взглядом, запахнулся, завязал пояс и воткнул ноги в мягкие шлепки.

Рядом с бассейном стоял низкий столик и три кресла. Жженный, едва Шадрин уселся, поднес сигару и огонек.

Шадрин кивнул, затаился, выпустил клуб сизого дыма.

Хорошо, так его через это самое! Если бы еще не Шкворень со своими паршивыми новостями, да не придурок-Сава, которого Шадрин не любил еще со времен своего подъема в «Меркурии»... Совсем бы — рай.

— Давай, Жженный, водовки тяпнем, — предложил Шадрин расслабленно.

Спан, или как Жженого называли в директорате, торпеда потянулся к холодильничку, тут же, рядом с бассейном.

Шадрин только успел втащить соточку и захрустеть ее малосольным крепьшом — на столе запиликал вызов. Жженный протянул ему коммуникатор.

— Мля! — вздохнул Шадрин сокрушенно. — В такой момент может звонить только один человек: этот поц из директората...

Он нажал на кнопку стопора и трубка разложилась надвое.

— Леонид? — загремел у уха голос Гордяева. — Что там твои уроды творят? Ты соображаешь? Двухнедельная работа — насмарку! Сава теперь знает, что мы вооружены!

— Ладно, не ори, — сухо сказал Шадрин. — Я ради твоих бредней не собираюсь своих ребят сдерживать. И безоружными им ходить не позволю.

Гордяев задохнулся от гнева. Но он нуждался в Шадрине и его людях, и Шадрин это прекрасно знал.

— Черт возьми, но можешь же ты быть осторожнее?

— Я осторожен, Горец. Я очень осторожен. Я вообще из логова не выхожу.

Аленка поставила перед Шадриным чашечку кофе и нахально уселась к столу, рядом со Жженым. Тот смерил ее на удивление равнодушным взглядом — раньше Жженный глядел на Аленку голодно, как зимний волчара. Совсем еще недавно.

«Похоже, он ее трахает», — подумал Шадрин совершенно не к месту.

— ...если партнер так себя ведет, начинаешь задумываться о целесообразности партнерства! — пыхтел в трубке Гордяев. Он бы еще долго пыхтел, но Шадрин его прервал:

— Слушай, Горец, не положи мне мозги. Говори чего нужно и катись со своей ругней куда подальше.

Гордяев моментально заткнулся. Он всегда был таким: много болтал, прежде чем удавалось вытянуть из него суть. Суть обыкновенно умещалась в две-три фразы, но времени на весь разговор уходило редко когда меньше десяти минут.

— В общем... Сегодня сбор. В четыре. В «Пальмире». Не опоздай.

— Не опоздаю.

— И этих своих... коллег позови. Я на них взглянуть хочу.

— А чего на них глядеть? — уныло протянул Шадрин. — Чай, не бабы. Да и видел ты их сто раз.

— Ничего-ничего, здесь еще не видел. Дотошность еще никому не вредила.

— Вредила, — возразил Шадрин. — Жигана вспомни.

Но Гордяев не оценил.

— Ладно, увидимся... — буркнул он и отключился.

— Увидимся, — передразнил Шадрин. — Нужен ты мне... если б не пушечки.

Жженный глядел на него с восхищением — не то, что на Аленку.

— Ловко вы его, босс! Мордой по столу!

— Подумаешь, подвиг! — отмахнулся Шадрин. — Фрайера отшить...

Он быстро набрал номер Тазика. Дождался ответа.

— Тазик? Мое. Как оно? Ну и ладно. Горец в четыре потрепать собирает. В «Пальмире». Будет и Плотный, как без него. Ну, пока...

Столь же лаконичным получился разговор и с Плотным.

Обитатели «Меркурия» не любили без толку чесать языками.

— Сколько там натикало? — справился он у Жженого.

— Полтретьего, босс!

— Ну, давай еще по соточке, и двинем, пожалуй...

— Легко, босс!

Аленка тут же умчалась наряжаться, а Шадрин со Жженым накатили еще дважды, прежде чем идти.

У дверей своей комнаты Шадрин обернулся.

— Килограмму тоже налей, Жженный. И чтоб не окосели, ясно?

— Мы ж не лурмахи, босс! Не окосеем.

— И пушечки проверьте!

Жженный поспешно кивнул.

В «Пальмиру» они вошли в полчетвертого. Сначала Килограмм, потом Шадрин с Аленкой и последним — Жженный. Глазки у Жженого маслянисто поблескивали, но держался он прямо. Как всегда.

Они пришли вторыми — Тазик с тройкой своих ребят уже тянул «Слезку» из пузатого штофа. Сутер со здоровенным камнем на среднем пальце левой руки Тазика было видно аж со входа. При виде Шадрина Тазик подобрался, привстал, и раскинул руки в стороны. Тройка его тотчас пересела за соседний столик.

Шадрин подошел. Официант торопливо накрывал на двоих напротив Тазика.

Жженный и Килограмм уселись за столик к спанам Тазика. Закончив с сервировкой, официант убежал к ним.

— Потянем? — спросил Тазик, весело поведя бровью в сторону штофа.

— Валий, — согласился Шадрин. — Но по одной, а то наш папочка опять расхнычется!

Тазик улыбнулся и наполнил тонкие рюмки. Он прекрасно знал, как серьезно относится Горец к совместным переговорам.

— Подумаешь, по поллитре на рыло! — протянул он с легким презрением.

— Пусть его, — вздохнул Шадрин. — Ну, будь, Тазик!

Аленке налили чего-то липкого и сладкого.

С Тазиком у Шадрина сложились неплохие отношения. То ли схожие характеры повлияли, то ли еще что — но когда-то они заключили договор о территориях, сферах влияния и направлениях деятельности. Договор на словах, конечно, какие бумажки у вольных людей? И ни разу договор этот не нарушался. Были, конечно, мелкие непонятки из-за непомерной инициативы пешек, но виновные мгновенно выдавались пострадавшей стороне, выплачивалась компенсация, и дело затихало само собой. Короче, Тазик и Шадрин мирно существовали бок о бок, не мешая друг другу. Другое дело — Плотный. Этот всегда был необуздан и своенравен, плевал на правила и авторитеты, слишком полагался на силу и недооценивал ум... В общем, Плотный Шадрина частенько заставлял хмуриться и вполголоса материться. Но не считаться с Плотным тоже было нельзя — он сплотил вокруг себя когорт таких же неуправляемых психов и представлял из себя серьезную силу на Волге. На «Волге» — тоже.

Слово за слово, пролетели полчаса. В «Пальмиру» втек прилизанный хлыщ из директората, эдакий холуй-распорядитель. Пострелял глазками, нашарил Тазика с Шадроном и засеменил к их столику.

— Начинаем, господа! — торжественно прошептал он. — Прошу за мной!

Шадрин недоуменно оглядел зал — он не видел никого из директората, только веселящиеся компании за столиками. Хлыщ всем своим видом показывал, что предстоит выйти наружу.

«Надеюсь, недалеко пить!» — раздраженно подумал Шадрин и встал.

— Килограмм! — велел он. — Останься с Аленкой.

Килограмм тяжеловесно кивнул. Женый, понятное дело, увязался следом.

Они прошли в соседний бар — маленький и неприметный, без единой вывески. На пороге Шадрин остолбенел.

Зал был разгромлен.словно толпа крепких ребят с ломиками вволю тут порезвилась. Не осталось ничего целого — только круглый стол посреди разгрома и легкие складные стулья. Стол и стулья явно принесли только что, уже после того как неведомые безумцы прекратили бесчинствовать.

За столом рассаживались бобры из директората — так и не преодолевшие страсть к официальным костюмам и галстукам деятели языка и развесистой лапши.

— Прошу! — пригласил Гордяев, единственный из директоров бывшей горнодобывающей компании «Волжская руда», кто не спешил садиться.

Плотный уже сидел с краешку.

Далеко в стороне устанавливали еще столики — для охранников. Шадрин жестом отослал Жженого; Тазик тоже.

— Поторопимся, господа, — Гордяев светски улыбался, отчего Шадрину невыносимо захотелось плюнуть в эту сияющую сахарную физиономию. — Ремонт уже начался, системы подслушивания могут восстановиться достаточно быстро...

Гордяев оглядел всех — пятерых директоров, нескольких хлыщей-советников и тройку вольных людей — и начал:

— Итак, все мы знаем, что предстоит обсудить. В таком составе мы еще не собирались, но смею заверить, что в этом... гм... некогда уютном зале находятся только те, кто поддержал идею смены капитанства на нашем замечательном корабле. Так что собственно об идее говорить не придется. Поговорим о ее реализации. Мой помощник выскажет несколько небезынтересных, на мой взгляд, мыслей.

Встал коренастый мальч с красной, как помидор, рожей. Шадрин с минуту мучительно вспоминал его фамилию, которую когда-то слышал, и вскоре вспомнил: Самохвалов.

Точно, Самохвалов. Он вечно торчал около Гордяева во время переговоров — во всяком случае во время переговоров Гордяева с Шадриным он неподвижно, как манекен, отсидел в углу на диване.

— Проблема устранения кого-либо из старших офицеров на подобном корабле упирается в несколько довольно неприятных препятствий. К счастью, даже их возможно преодолеть.

В нашем случае все упирается в управление охранными роботами, в информационную службу, которая выведывает и упреждает любые беспорядки, и вообще в то, что старших офицеров корабль слушается охотнее, чем нас, и предоставленные им возможности полнее и шире, нежели предоставленные нам. Несложные размышления приводят нас к печальному выводу, что когда хотя бы один из старших офицеров на вахте, когда он подключен к кораблю, бунт заранее обречен на провал.

Напрашивается вывод: нужно ловить момент, когда все старшие офицеры, а желательно — и их окружение с высокими индексами доступа, будет отключено от корабля. Наши же люди — напротив, будут подключены. Обычным порядком такую ситуацию не дожидаться, но ее можно и нужно создать искусственно. Естественно, потребуется некоторое время на подготовку. Во-первых, нам придется разжечь недовольство старшим офицерством в массах, в жилых секторах. Различными путями — можно на короткое время повредить сервис-системы связанные, например, с питанием или с производством спиртного. Распустить слухи о полном запрете на вахты, параллельно со слухами, что верхушка пользуется доступом к биоскафандрам и кораблю неограниченно, довести людей до массовых беспорядков, и, в решающий момент потребовать встречи с капитаном и старшими офицерами лично, где-нибудь на территории жилых секторов. Причем требовать встречи в полном составе — если все проделать правильно, они пойдут на это. Вынуждены будут пойти. Можно попробовать спровоцировать капитана действительно на полный запрет любых вахт — и это осуществимо при правильном подходе. В этом случае охранные роботы вообще не придут на помощь капитану. Есть несколько путей...

Шадрин слушал, едва только не раскрыв рот. Черт возьми! Головастые малые все-таки вьются около директората! Вещи, которые еще полчаса назад представлялись пустопорожним трепом вдруг начинали казаться реальными и возможными, стоит только немного поднапрячься. Негромкий голос, исполненный уверенности и смутной гипнотической силы, звучал в зале, и дело замены капитана вдруг начало обретать черты реального последовательного плана.

Место совещания за этот вечер меняли трижды, а Самохвалов все излагал и излагал подробности и варианты будущих действий. Шадрин поневоле увлекся. Всерьез.

48. Павел Суваев, старший офицер-аналитик, Ното, крейсер Ушедших «Волга».

В десять минут шестого Суваев чмокнул жену в щеку и выскользнул в коридор жилого сектора старших офицеров. Из каюты напротив как раз выходили Курт Риггельд и Юлька Юргенсон. Юлька улыбалась, а Курт хмурился и нервно оглаживал тяжеловесную кобуру на поясе.

Суваев тоже потрогал кобуру — уже недели три как не пустую. Капитан Савельев в который раз продемонстрировал недюжинную прозорливость, раздав своему ближайшему окружению оружие.

Беспорядки в жилых секторах экипажа начались спустя какую-нибудь неделю после вооружения. По кораблю ползли слухи один глупее и нелепее другого, но волжане им почему-то охотно верили; а неожиданная остановка сервис-систем едва не вызвала взрывной голодный бунт. Двое с лишним суток Артур Мустяца провел в биоскафандре, в единении с кораблем, и вывалился из шкафа выжатый, как лимон. Как наркоман после передозировки.

Но системе он все-таки оживил со своими обормотами-подчиненными.

— Привет, Суваев, — поздоровалась Юлька. — На встречу?

— Ага.

Риггельд просто кивнул, и не проронил ни слова.

Втроем офицерство влезло в приветливое нутро транспортной платформы; с недавних пор платформы переделали из простых летающих и прыгающих сквозь пространство плоскостей в копии вездеходов или автомобилей — с кабиной, дверцами, сидениями. Суваеву нравилось это новшество. Тем более, что платформы продолжали исправно прыгать по кораблю, словно чудесные пассажирские блохи.

— Где сборище-то? — недовольно поинтересовался Риггельд. — Дожились, Donnerwetter! Митинги на борту!

— В жилых... На площади, — подсказала Юлька с готовностью.

— Какой еще площади? — удивился Риггельд.

Юлька улыбнулась и потерлась щекой о его плечо.

— Ну, там зал такой есть здоровый, где Мустяца фонтан выращивал, помнишь? Вот, это место теперь площадью и называют.

— А... — дошло до Риггельда. — Фингерный зал. Знаю.

— Его расширили, кстати, — уточнил Суваев. — Площадь теперь — самое для него подходящее название. Особенно, когда фонтан запустили.

Вездеход вырулил в транспортный рукав и резко увеличил скорость. Далеко впереди мерцали габаритные огни еще одного. Полумрак рукава захлестнул кабину, и только

бессмысленное свечение под лобовым стеклом, там, где полагалось находиться приборной доске, тщетно пытались этот полумрак разогнать. «Сейчас прыгнем», — подумал Суваев, по привычке пытаясь уловить момент перехода на финишный участок.

Насколько он знал, это еще никому не удавалось — уловить момент прыжка. Впереди замаячило размытое пятно света — транспортный рукав вливался в пузырь-распределитель. Здесь перекрещивались несколько рукавов. Передняя платформа как раз нырнула в это световое пятно, и оранжевые габаритные огни тотчас поблекли. А потом вспыхнули алые пятна экстренного торможения, и с некоторым опозданием донеслись звуки выстрелов и глухой удар — передняя платформа вильнула в сторону и ткнулась в стену пузыря. Захлопали дверцы, и кто-то закричал злым надсадным голосом, а потом снова затрещали выстрелы из бласта.

— Что такое, черт возьми! — Суваев подобрался, как ныряльщик перед прыжком. Бласт словно бы сам собой переключался из кобуры в руку.

Они как раз приблизились к пузырю, внешне похожему на большой стеклянный шар, в котором змеились хитроумные многоуровневые развязки нескольких тоннелей.

Платформа с помятым корпусом приткнулась к неповрежденной стене пузыря, оторванная с мясом дверца валялась рядом. Внутри платформы-вездехода сидела Яна Шепеленко, бледная, но решительная, и в руке ее мелко плясал бласт «Витязь».

— А, — сказала она с нескрываемым облегчением, — это вы...

Суваев обернулся — Юлька и Риггельд, тоже вооруженные, стояли чуть позади него.

— Что за стрельба? — поинтересовался Суваев. — Прямо, как дома...

— Не знаю, — Янка качнула головой. — Мы ехали на сборище... Я, Смагин и Рома. Тут нас обстреляли — во-он оттуда. Рома со Смагиным погнались.

— Кто стрелял-то хоть, видели? — утробно спросил Риггельд.

— Не знаю. Тип какой-то, в обычном комбезе. Шарахнул несколько раз, и наутек пустился.

Суваев внимательно глянул на увечную платформу. В лобовом стекле виднелись четыре аккуратненьких овальных отверстия.

— Кто сидел впереди? Рома?

— Ага, — Янка кивнула. — Я вообще-то не очень рассмотрела кто стрелял. Мы со Смагиным целовались.

Суваев негодуя скрежетнул зубами.

— Е-мое! — всплеснула руками Юлька. — Так что получается, стреляли в капитана?

— Именно так и получается, — буркнул Суваев, оглядываясь. — Куда они побежали, а?

— В рукав. Вон в тот.

— Пошли-ка, Курт...

И Суваев со всех ног бросился в указанном направлении. Ботинки скользили по наклонному полу, гладкому, словно олимпийский лед. Курт поспешил следом, и Юлька отчаянная, конечно же, не пожелала отсиживаться в уголке.

В рукаве было сумрачно и сухо; воздух казался ощутимо плотным, словно давление здесь было выше, чем в пузыре-развязке. Вдалеке еле заметно тлели два габаритных огня быстро улетающей платформы и неясные силуэты людей. Люди приближались.

Суваев благоразумно вжался в стену, чтоб не маячить на фоне светлого пятна — входа в пузырь-развязку. Риггельду и Юльке объяснять смысл ухода в сторону не пришлось — сами мгновенно убрались.

Двое в мутной полутьме рукава тотчас залегли.

— Наверное, это Ромка со Смагиным, — прошептала Юлька. — Позвать их что-ли?

И, не дожидаясь ответа, звонко выкрикнула в бесконечную с виду трубу-тоннель:

— Рома! Это ты?

— Юлька? — донесся искаженный эхом ответ. Суваев не без труда опознал голос капитана.

— Я, кэп! Нас трое, я, Курт и Пашка.

Вдалеке обе фигуры поднялись с гладкого пола и, пригибаясь, стремительно побежали вдоль стен рукава. Спустя пару минут Рома и Смагин, бесшумно, будто бесплотные тени, приблизились на расстояние нескольких метров.

Комбинезон Смагина с одного боку был грязен и изорван, словно его с размаху протащило юзом по дасфальту. У Ромки на щеке багровел большой продолговатый синяк. Оба держали в опущенных руках бласты — Рома стандартный «Витязь», а Смагин — усиленную модель, двухпоточковый «Гарпун».

— Ого! — сказал Суваев и присвистнул. — По вам стреляли, кэп?

— По нам, — буркнул Рома недовольно. — По кому же еще?

— Кто?

— Хотел бы я знать!

— Мальчишки! — вмешалась Юлька. — А не лучше ли нам убратъся отсюда? Хотя бы к платформам, а нет — так и дальше. А?

— Лучше, — безропотно согласился Рома. — Пошли.

Смагин, не проронив ни слова, двинулся прочь из рукава, в пузырь, к свету. Глаза у него были белые, совсем как в последний день на Волге, когда он неожиданно-нагадано навсегда расстался со своим кораблем.

Они приблизились к двум платформам; Янка выскочила навстречу.

— Целы? — спросила она, беспокойно глядя на кэпа и Смагина.

— Целы, — процедил капитан. — Ушел, зараза! У него платформа стояла в рукаве.

— Значит, он нас поджидал, Рома, — глухо сказал Смагин. — Точнее, наверное, даже не нас, а тебя, капитан.

— С бласом наизготовку, — добавила Янка. — Тебя пытаются сместить, капитан.

— Ты должен быть осторожнее, капитан, — с легким раздражением продолжил Рома тем же тоном. И сердито плюнул вниз, на ленту, соединяющую два рукава уровнем ниже. Смагин тем временем спихнул увечную платформу с дороги; она, величаво кувыркнувшись, полетела куда-то вниз, в прозрачную пропасть, к белесому дну пузыря. Следом отправилась и одинокая отломанная дверца.

— Поехали, — сказал Смагин, садясь в целую платформу. — Залезайте.

Шепеленко, Риггельд и Юлька намерились было последовать его примеру; Рома остался на месте. На ленте перед платформой. Он вынул из нагрудного кармана нечто вроде блокнота, раскрыл его и внимательно уставился на матовый экранчик. На лице его отражались досада и недоумение.

Несколько секунд все молча ждали.

— Яна, — наконец нарушил молчание капитан. — Кто у тебя сейчас на вахте? В базовом?

Шепеленко взглянула на часы.

— Жаркевич сменился... В пять. Должна Ритка Медведева заступить. А что? Капитан продолжал глядеть на экранчик своего прибора.

— Жаркевич-то сменился. В пять, как и положено. Но на вахту никто не заступил, базовый информатики пуст.

— Не может быть! — не поверила Янка.

Капитан раздраженно дернул плечом, решительно сел на переднее сидение платформы и звучно хлопнул дверцей.

— А у тебя в рубке, Юля?

— В пять должен заступить Хаецкий. Только не помню который. Смагин, вот, сменился, а Хаецкий заступил.

— Хаецкий не заступил, Юля. Пилотская рубка тоже пуста.

Юлька вопросительно повернулась к Смагину.

— Юра? Это как понимать?

Смагин пожал плечами:

— А как понимать? В пять меня выбросило из системы, ну, я из шкафа вылез. Хаецкого еще не было. Я еще удивился, помню: во, псих, на вахту опаздывает! Я его не стал дожидаться, все равно в пилотской работы не было...

Рома уже тащил из кармана коммуникатор. Откинул микрофон, прижал трубку к уху.

— Але! Валентин? Ты где? А Женька?

С минуту Рома внимательно слушал. Потом молча отнял трубку от уха.

— Так-так. Хаецкий до вахты до сих пор не добрался. Он застрял, в рукаве по дороге от офицерского к рубкам. Платформа по выезду из офицерского прыгать не стала, так и тащилась обычным манером. А потом стала, в без пяти пять. И до сих пор стоит. Он звонил транспортникам, обещали разобраться...

— А транспортники, — донельзя скучным тоном констатировала Яна, — почти сплошь люди Шадрина да Юдина. Как раз тех, кто не прочь капитана сместить, насколько я понимаю.

— Раньше ты говорила, что в капитанство метит директорат, а не бандиты, — заметил Смагин.

— Да заодно они, что тут думать, — Яна пожала плечами. — Кэп, это заговор. Они пытаются отсечь нас от корабля. Проверь на всякий случай боевую.

Капитан потрогал несколько клавиш на приборе. И сердито засопел, когда разглядел ответ.

— В пять кто-то из канониров сменился. Никто пока на его место не заступал...

— Was fuer ein Verdross! Teufel auch! — выругался Риггельд. — Как они ловко подгадали! Наши сменяются и уходят с вахты, чтобы успеть на сбор в жилых. А

заступающих тормозят транспортники! Ловко, hol's der Teufel! Das nennt man Pech haben!

— Знаешь что, Рома, — решительно произнесла Юлька. — Не стоит нам туда ехать. На сбор. Что-то там зреет нехорошее.

— Какого же черта в нас стрелял этот олух? А? Если нас пытаются заманить и прикончить, какой смысл пугать нас по дороге? Тем самым предупреждая?

Рома с сомнением покачал головой.

— Нет, Юлька... Что-то тут не стыкуется.

— Но ехать, — уверенно сказал Суваев, — все равно не стоит. Давайте-ка лучше назад в офицерский уберемся, и нашим всем сообщим. Пока не поздно.

Суваев без колебаний врубил циркулярный вызов, но коммуникатор, пару раз пискнув, вдруг без видимых причин отключился. Изумленно уставившись на доселе безотказную говорилку Суваев застыл, сразу став похожим на земного Сфинкса.

— А-а-а... — протянул он. — Не понял?!

Рома снова потыкал ногтем в миниатюрную клавиатуру своего приборчика.

— На связи кто-то есть, — сообщил он спустя секунду. — И даже не один — там посекторные вахты...

— Зуб даю, это доверенные директората, — Янка насупилась. — «Зуб даю» в ее устах прозвучало как-то странно и неуместно.

— Кстати, — небрежно заметил спокойный Риггельд. — А почему мы стоим? Вроде бы, решили в офицерский возвращаться?

Рома медленно поднял голову от экранчика и обернулся к Риггельду. До капитана наконец дошло.

— Курт... Черт возьми! Они же и нашу платформу контролируют!

Смагин немедленно навалился на дверцу. С нулевым результатом.

— Поздравляю, — выдохнул он. — Мы заперты.

В тот же миг платформа плавно заскользила прочь из пузыря, но не назад, к офицерскому, а в прежнем направлении. К жилым секторам. Навстречу веселым людям из директората. Навстречу Юдину и Шадрону.

— В сторону! — рявкнул Смагин и вытащил бласт. Сухо шелкнул освобожденный импульс; Смагин из очень неудобного положения саданул по дверце ногой. Дверца открылась.

— Прыгаем! Пока ход не набрали!

Рома не менее решительно высадил переднюю дверцу и вывалился на ленту дороги. Сверху на него вывалилась Юлька. Некоторое время все по инерции скользили по гладкому покрытию, сквозь зубы ругаясь и изо всех сил пытаясь остановиться. Пустая платформа некоторое время тянула прочь, но потом замерла, безучастно шевеля незакрытыми дверцами.

— Ходу, ребята, ходу! — Суваев взял инициативу на себя. Он подтолкнул Смагина с Янкой и побежал назад, в пузырь. Риггельд, плечом к плечу с Юлькой, поспешили за ними.

— Не отставай, капитан!

Рома, с бластом в правой руке и раскрытым прибором-блокнотом в левой, честно пытался не отстать.

— Пашка! Уйдем через ремзону, спускайся вниз, там лестница на входе в рукав должна быть! — крикнул он.

— Ага, вижу! — подтвердил Суваев.

Вдалеке, в сумрачной мгле рукава, засветилась желтая искорка, постепенно раздваиваясь. Чьи-то зажженные фары.

— Вперед, капитан! — Риггельд замер перед скобяной архаичной лесенкой, выполненной из полупрозрачного материала, неотличимого от стен пузыря-развязки.

— Мы прикроем.

Суваев уже ссыпался вниз и наугад пинал ногой стены в поисках хода в ремзону.

— Нашел! — крикнул он обрадованно секунд через десять.

Из рукава слабо потянуло воздухом — похоже, платформа приближалась даже не одна. Сухой шелест звучал зловеще.

«Ну, попали! — подумал Суваев, пропуская капитана в ремзону. — И это самый совершенный корабль в обозримой части галактики! Фагоцит хренов! Как крысы на чайном клипере, е-мое...»

Мысли лихорадочно скакали в голове, толкались и сменяли друг друга, словно картинки в калейдоскопе.

Риггельд скользнул в ремзону последним и с размаху захлопнул за собой дверь.

— И куда дальше? — вопросительно прошептал Суваев.

Вокруг сомкнулась крошечная тьма.

— Я знаю, куда, — тихо ответил во тьме голос капитана. Кто-нибудь подсветить может?

Янка немедленно щелкнула химической зажигалкой и тусклый синеватый огонек бросил на лица призрачные отсветы.

Капитан снова возился со своим прибором.

— Ага, вот, — сказал он, на что-то нажимая, и довольно хлопнул крышкой, пряча плоскую коробочку в карман.

В тот же миг участок потолка точно над головой капитана стал источать рассеянный желтоватый свет.

— Двинули! — выдохнул Рома Савельев и решительно зашагал куда-то вглубь ремзоны. Светлое пятно послушно поползло по низкому потолку капитану вослед.

Уже через полста шагов коридор резко свернул.

"Да, — подумал Суваев уныло. — Ничего не меняется. Человек остается скотиной даже на суперкорабле. Стреляет в ближних, рвется к власти и прячется по подвалам.

Только подвалы теперь чистые. Без сырости и крыс.

Меняется только окружение. А люди остаются прежними..."

Отчего-то Суваева не слишком обрадовал этот вывод.

49. Александр Самохвалов, оператор сервис-систем, инженер-консультант директората, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

— Стрелка нашли, шеф! — сказал Самохвалов, отрываясь от коммуникатора. — Только что.

— Пусть введут! — процедил Гордяев сквозь зубы. Он был мрачен, как железная звезда на инфраэкранах.

Самохвалов щелкнул пальцами.

Барс, так и не показавшись из-за двери, впихнул в офис худого парня лет двадцати. Глаза у парня бегали, будто два таракана, застигнутых врасплох посреди обеденного стола.

Запольских поймал парня за рукав и слегка встряхнул, вынуждая встать прямо. А то он от тряски стал похож на жалкую картонную куклу.

Гордяев нервно барабанил пальцами по столу и долго не поднимал взгляд.

— Ну, — наконец осведомился он, внимательно разглядывая идеально чистый пластик, исчерканный красивыми волнистыми линиями, имитирующими текстуру какого-то земного дерева, — можешь мне рассказать — зачем ты это сделал?

Парень беззвучно, как рыба, открывал и закрывал рот. Самохвалов глядел на него исподлобья.

«Почему всегда найдется дурак, который испортит дело? Который сведет на нет колоссальный труд по подготовке операции?»

— Ну! — заорал вдруг Гордяев не своим голосом, а потом мгновенно, одним мягким скользящим движением переместился вплотную к перепуганному юнцу. Нос к носу.

Самохвалов даже не ожидал от шефа такой прыти. — Говори, дьявол тебя разрази, кто надоумил тебя стрелять в капитана?

Гордяев схватил парня за отвороты комбинезона и так энергично встряхнул, что у того звонко клацнули зубы.

— Я... я не хотел, господин директор... — захныкал виновник.

— Не хотел? — еще громче заорал Гордяев. — Откуда у тебя бласт?

— Купил... на рынке.

— Зачем?

— Я хотел ходить на вахты, господин директор. Это так... здорово. А на вахты нас пускают редко... В секторе говорят, что во всем он виноват, капитан Савельев...

— М-да, — вздохнул Самохвалов индифферентно. — Перестарались мы малехо с подогревом общественного мнения.

Гордяев отпустил парня, сердито вернулся на место за столом и уже спокойнее спросил:

— Что ты еще мне поведашь? А, милоч?

Парень облизал пересохшие губы. От него исходил ощутимый животный ужас.

— Я... Я никогда больше не буду влезать не в свои дела, — прошептал он.

— Да уж, — Гордяев брезгливо оттопырил губу. — Не будешь. Это точно.

Парень окончательно поник. Кажется он понял, что его сейчас убьют.

Гордяев жестом велел, чтобы позвали Барса.

— Позаботься о нем, — буркнул Гордяев и поморщился. — Только не измажь ничего.

Запольских тотчас врезал горе-стрелку по шее и тот обмяк у Барса в руках. Наверное, во избежание совершенно ненужной истерики врезал. Некоторое время шеф молчал.

— Эй, мыслитель! — позвал он Самохвалова минуты через три. Самохвалов подобрался и с готовностью вскинул опущенную голову.

— Да, шеф?

— Что из него вытрясли ребята?

Самохвалов присутствовал при допросе. Поэтому ответить было нетрудно.

— Похоже, что он не врал, шеф. Он действительно придурок-одиночка, вознамерившийся самолично расправиться с капитаном. Купил на рынке бласт — кстати, торговля оружием — это дело рук Плотного, то бишь Юдина. А наш герой прикинул, по какому рукаву поедет платформа капитана на встречу в жилых. Поскольку он из транспортной службы, это нетрудно было сделать, он только с вахты сменился перед покушением. Взял платформу, засел в районе развязки... и испоганил нам все дело.

Капитан и еще несколько офицеров — пятеро, кажется — увы, не пострадали. Болван этот оказался никудышным стрелком. Платформу капитан и остальные практически сразу же покинули, и скрылись в ремзоне. А это, напоминаю, сущий лабиринт под сквозным сечением. Туда только ремонтные роботы спускаются. Ребята Барса искали их — без толку. Там можно годами прятаться. Но пути к основным рубкам мы перекрыли. Кроме того, блокировали офицерский сектор. Никого из руководства сейчас нет на вахте, и можно считать, что корабль наш. Осталось понять, как оживить поисковые системы и переподчинить охранных роботов. Если мы это сделаем достаточно быстро, можно считать, что поимка капитана и его своры дело ближайшей недели.

— А что Фломастер?

— Он с десятком канониров засел в карантинном модуле, едва узнал, что в капитана стреляли. Ребята Шадрона пробовали к ним подобраться — без толку, в карантине ручное оружие помощнее бластов оказалось. Похоже, офицерство тоже зря времени не теряло, шеф. Они успели подготовить десятки помещений между рубками и жилым, успели накопить и укрыть достаточно оружия. Такое впечатление, что они предвидели нашу операцию.

— Очень может быть... — сказал Гордяев. — Сава всегда был на редкость хитрой бестией. Как и его папаша, впрочем.

Самохвалов продолжил:

— Разрозненные группы офицеров укрылись в изолированных модулях; на настоящий момент мы не имеем свободного доступа ни в один. Я распорядился перекрыть возможные пути отхода, не дай бог кто-нибудь из них прорвется к рубкам. Операторы с максимальным доступом уже сломали первый слой системной защиты и на вахты теперь могут заступать до трех человек на десяток биоскафандров. Вшестеро выше, чем час назад, шеф.

Гордяев впервые за время разговора кивнул и впервые за сегодня слабо улыбнулся — вышла скорее гримаса, чем улыбка.

— Это хорошо, мыслитель. Я так понимаю, ты сейчас тоже заступишь на вахту?

— Конечно, шеф. Защита ломается по моей схеме.

Гордяев снова забарабанил пальцами по столу.

— Ну что же, мыслитель, — вздохнул он. — Удачи тебе. Хотя ты все не испортишь... И позови Барса.

— Хорошо, шеф!

Самохвалов с трудом подавил желание щелкнуть каблуками, повернулся и вышел в холл.

— Барс! — позвал он. — Зайди к шефу.

Барс оторвал от уха трубку коммуникатора и сдержанно кивнул. А Самохвалов помчался в сервис-центр. Туда, где ждал его биоскафандр — зыбкий мостик между реальностью скучной и реальностью волшебной. Залог его будущего могущества.

50. Михаил Зислис, старший офицер-навигатор, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

— Не работает! — хмуро сказал Веригин. — Зараза!

— Дай сюда...

Веригин так же хмуро протянул коммуникатор.

С виду коммуникатор казался неповрежденным. Даже светился зеленым глазок готовности. Но в телефончике таилась ничем не нарушаемая тишина — да и непохоже было вообще, что коммуникатор отсылает вызов.

Зислис неуверенно потряс непослушную трубку, постучал ею о раскрытую ладонь. С прежним результатом.

— По-моему, нас оставили без связи, Михайло, — сказал Веригин. В голосе его сквозило уныние.

Трубка Веригина тоже молчала — они проверяли.

— Авария? — Зислис, казалось, разговаривал сам с собой. — Странно. Какая может случиться авария? Мы в пустоте дрейфуем, тут даже пыли толком нет.

— Да мало ли! — пожал плечами Веригин. — Может, причина внутри корабля, а не снаружи.

Зислис задумчиво кивнул:

— Вот тут ты прав, Лелик, как Чарлз Дарвин. Причина действительно внутри корабля. Как сказала бы Янка, зуб даю.

— Вряд ли Янка так скажет, — вздохнул Веригин.

— Говорит иногда. Редко, но все же...

— А Суваев знаешь как говорит в таких случаях? — перебил Веригин.

— Как?

— Клык на рельсу. Смешно, правда?

Зислис действительно усмехнулся.

— Что-то я не слышал от него ничего подобного, — проворчал он. — Ты, часом, не сочиняешь, Лелик?

— Не-а! Я слышал. Когда он Янке что-то доказывал. Не помню что именно.

— Клык на рельсу! — Зислис фыркнул. — А что такое рельса — он хоть понимает? Веригин опять пожал плечами:

— Ну... это какая-то железная хрень для вагонеток с рудой. Раньше, говорят, их применяли. А в старых заброшенных выработках Пояса Ванадия и посейчас еще встречаются.

— Какой же псих полезет в старые выработки? — удивился Зислис. — Я бы не полез. Там все на соплях, того и гляди обрушится.

— Я бы тоже не полез, — задумчиво протянул Веригин. — А Суваев, небось, лазил.

— Да ну, — беспечно отмахнулся Зислис. — Не лазил он никуда. Скорее всего, накопал эту фразочку в своем легендарном дедовском компе. Или от балбесов из «Меркурия» нахватался.

— Слушай! — Веригин без предупреждения сменил тему разговора. — А стоим мы тоже из-за этой аварии? А, Миш?

Теперь настал черед Зислиса пожимать плечами:

— А я почему знаю? Наверное. Что еще у нас не работает?

Веригин беззвучно пошевелил губами, прикидывая.

— Связь и транспорт. Впрочем, у нас больше ничего под рукой и нету.

Зислис неопределенно качнул головой, не то соглашаясь, не то выражая сомнение, и почему-то вытащил из кобуры бласт.

— М-да. Ну, хоть это в порядке, — сказал он, возвращая бласт в кобуру.

В тот же миг платформа дернулась. Болезненно как-то дернулась, судорожно. И вновь встала. А потом послышался словно бы далекий топот, и еще — два выстрела. Из бласта. Один за другим.

Веригин замер, вслушиваясь. Топот стал неравномерным, словно бегущий неожиданно захромал.

— Это еще что такое? — сказал Веригин и несильно толкнул дверцу. Дверца не поддалась. — Ой! Мы заперты, Миш!

Зислис в сердцах саданул по дверце локтем — только локоть отбил.

Топот приближался; теперь стало понятно, что бегут несколько человек.

— Пошли-ка отсюда нафиг, — забеспокоился Зислис. — Не нравится мне это...

Дверцу он все-таки откупорил. С помощью бласта. Шаги вдалеке на миг прервались, но потом снова застучали, приближаясь. И неравномерность сохранилась где-то в общем шуме.

Зислис выскользнул наружу; до входа в транзитный транспортный рукав оставалось с полкилометра. Они находились в секторе складских помещений (большей частью пустых), и редких сервисных дежурок. Метрах в тридцати сзади остался поперечный коридор; от соседних поперечных его отделяло километра по два.

Веригин выбрался следом за Зислисом, ловко перелезши через спинки передних сидений. Они спрятались за улегшейся на брюхо платформой и на всякий случай приготовили бласты.

Волжанин везде остается волжанином. Даже на корабле-фагоците. Вскоре Зислис осторожно выглянул, и разглядел вдали четыре силуэта. Двое поддерживали третьего, который заметно хромотал. Свободный держался позади всех и часто стрелял куда-то в сторону рукава.

— Да это Хаецкие! — узнал Веригин. Зислису показалось, что Лелик не очень удивился.

Теперь сухопарые фигуры пилотов-близнецов показались знакомыми и Зислису. Один из Хаецких хромотал, второй его поддерживал.

— А двое других это, небось, Прокудин и Мустяца, — предрек Веригин. Как выяснилось, попал он в самое яблочко.

У выхода из рукава мелькали неясные темные фигуры. Оттуда тоже стреляли; при звуках выстрелов бегущие рефлекторно пригибались и втягивали головы в плечи. Когда от увечной платформы с выломанными дверцами их отделяло метров двадцать, фигуры у входа вдруг дружно снялись и рванули по следу. Веригин не выдержал, коротко выматерился, вскочил на капот платформы и принялся вовсю палить из бласта по преследователям. Зислис на капот вспрыгивать не стал, просто вытянулся в полный рост и перехватил бласт обеими руками.

При виде выскакивающих из-за платформы людей троица с хромым запнулась; здоровый Хаецкий вскинул было руку с бластом, но в следующую секунду узнал Веригина и что-то коротко, на выдохе прохрипел.

Замыкающий (Прокудин, великолепный стрелок ввиду дальноточности) был слишком занят, чтобы разглядывать Веригина и Зислиса: он, опустившись на одно колено, прицельно бил вдоль стержневого коридора.

Несколько секунд — раненого усадили за платформой у стены; а по преследователям дали такой плотный залп, что те сочли за благо немедленно залечь. Веригин тотчас спрыгнул с капота, остальные просто присели.

— Мать вашу! — оригинально поздоровался Зислис. — Это что за гвардия?

— Орлы из «Меркурия». Шадроновские рожи, — ответил Мустяца.

— А зачем?

— Понятия не имею. Но на офицеров открыта охота.

Лицо Зислиса вытянулось.

За платформу, пыхтя, спрятался Прокудин, на ходу меняя батарею в бласте. «Много же ему пришлось пострелять!» — с уважением подумал Веригин.

— Только что стреляли в Ромку, — буркнул Прокудин. — Это бунт.

Зислис растерялся.

— Какой, к чертям, бунт? Сейчас охранные роботы примчатся — и конец бунту! Знаем, проходили.

— Не примчатся роботы, — хмуро заверил Прокудин. — В том-то и дело.

Зислис ждал объяснений, но Прокудин высунулся и снова принялся палить из перезаряженного бласта.

— Действительно не примчатся, Миша, — сказал раненый Хаецкий, Валентин. Сказал и поморщился. — Сейчас в рубках никого нет. Корабль в сущности неуправляем. Директорат подгадал время встречи в жилых так, чтобы наших на вахтах было поменьше. Плюс привязался ко времени пятичасовой смены. Наши все сменились, но никто не заступил — транспортники придержали платформы. На вахте сейчас исключительно люди директората и бандиты-транспортники. И они пытаются прибрать к рукам весь корабль.

— Но как? У них же не хватит доступа! — Зислис недоумевал.

— Смотря на что. На то, чтобы отыскать отрезанного от биоскафандров Ромку и убить — хватит.

— А я гадал — почему мы стоим? — пробормотал Веригин. — Так что, эта встреча в жилых — просто ловушка?

— Граждане, — вмешался Артур Мустяца, выглянув из-за платформы. — Это все, конечно, безумно интересно, но не хотите ли вы немного пострелять? Иначе стрелять будут в нас.

С минуту вместо разговоров звучали лишь бласты.

— Черт! — с безнадеей в голосе ругнулся Прокудин. — А ведь они нас обойти могут. И обойдут. А у меня последняя батарея.

И Зислис принял решение. Раз уж бунт... Раз Ромкины бредни оказались вовсе не бреднями...

— Так, ребятки! Тут рядом схрон есть. Там можно отсидеться. Давайте-ка за мной! Ребяткам дважды предлагать не пришлось. Дав вдоль стержневого прощальный залп, по плотности не уступающий приветственному, все устремились за Зислисом, к близкому углу, в поперечник. Раненого Хаецкого подхватил брат, а с другой

стороны — Веригин. Все старались держаться точно за горбиком неподвижной платформы.

— Что такое схрон? — на бегу поинтересовался Прокудин. — А?

— Ну, схрон, бункер. Закрытый модуль, там припасы, оружие, батареи. На всякий случай.

— Ни хрена себе! — удивился Прокудин. — Тут и такое предусмотрено? Я и не знал.

— Откуда тебе знать? Знают только шестеро. Старшие и капитан. Собственно, мы же все это и устроили.

— А далеко до твоего схрона?

— Не очень. Если Валька не ослабнет, доковыляем.

Они свернули за угол; некоторое время можно было не опасаться выстрелов в спины, но осознание того, что преследователи тоже вскочили и бегут со всех ног, заставляло наддать. Раненый в бедро Хаецкий был белый, как световая панель, но сцепил зубы и старался хромать как можно шустрее. Правая штанина у него была темная от крови и на взгляд — очень липкая.

Они успели еще раз свернуть еще до того, как из-за угла стержневого показались молодчики Шадрона.

— Все, — успокоил Зислис. — Теперь близко.

Он свернул в последний раз и оказался в тупике.

Беглецы встали, словно к полу приклеились.

Евгений Хаецкий в сердцах пробормотал:

— Бродить, так бродить, сказал Моисей и завел всех в пустыню.

— В тупик, — поправил его Веригин. — Но имя почти совпадает...

— Умри, недостойный, — отмахнулся от него Зислис и отыскал на серебристой панели у самого пола кодовый сенсор. Приложил палец. Тотчас в глухой стене тупика чмокнула и разошлась перепонка.

— Давайте! — скомандовал он.

Повторять не пришлось.

— Надо же, — покачал головой Прокудин. — А с виду просто стена...

Изнутри Зислис мгновенно перепонку зарастил. Тем же манером. И сказал:

— Фу-у! Давненько я так не бегал! С обороны космодрома...

Спутники недоверчиво озирались.

Им открылся достаточно просторный зал с несколькими дверьми обычного типа. У стен располагались диваны, столики, кресла, ниши со всякой всячиной. В центре зала свет был поярче, у стен — потусклее, но над некоторыми столиками горели небольшие светильники. В целом зал напоминал непомерно большой ресторан, только без стойки бара и сцены для музыкантов. Впрочем, возвышение три на три метра все же имелось, но почти все оно было занято столом и креслом. Вместе это сильно напоминало стандартный рубочный пульт.

— Не бойтесь, — успокоил Зислис. — Сюда никто не проникнет. С доступом ниже двадцати трех — только Фломастер. А больше — никто.

— А мы? — не понял сразу Веригин.

— Ну, я имел в виду, что никто не сможет открыть перепонку, — поправился Зислис.

— Только капитан и пятерка старших.

— Аптечка тут есть? — озабоченно справился Евгений Хаецкий.

— Есть где-то... Вон там, в нишах поройся, — Зислис рукой указал где искать.

Веригин тут же бросился Хаецкому на помощь.

— Вот! Вот аптечка! — Мустяца метнул Хаецкому прямоугольный брикет с красным крестом — естественно, что волжане пометили синтезированные медикаменты и прочие врачевности древним и привычным символом.

Хаецкий раскрыл аптечку и склонился над братом.

Зислис устало повалился в ближайшее кресло. Прокудин уже отыскал нишу с батареями и с серьезной миной набивал карманы. Потом он нашел мощный двухпоточный «Гарпун», одобрительно присвистнул и примерил оружие по руке.

— Вот это знатная пушка! — Прокудин поцокал языком. — Уважаю!

К Зислису присоседился Мустяца — развалился на диванчике.

— Ну и ну, Мишка! Что же, это все вы с кэпом устроили?

— Ага. После первого бунта. Я полагал, что второго уже не случится, после того как увидел в деле роботов. А вот Ромка оказался осторожнее. Зря я ему не верил! Тут Зислис спохватился:

— Слушай, ты говорил, что по нему стреляли?

— Это Прокудин говорил. Я сам ничего не знаю. Еле смылся от своих...

работничков. А по пути расспрашивать, извини, было недосуг.

— Боря! — позвал Зислис Прокудина. — Давай, колись!

Тот пошевелил бровями, поиграл морщинами на лбу, подыскивая слова, потом вздохнул и ответил:

— Короче, я услышал, что по кэпу стрелял какой-то псих на входе в один из рукавов. Не попал. Кэп и с ним пятеро ушли в ремзону и их активно ищут.

— В ремзону? — Зислис нахмурился. — Черт! Там ни одного схрона нет!

— А где есть?

— В жилых, в офицерском несколько штук и парочка в промежутке. Ну, и около рубок еще.

Зислис обернулся к Мустяце — старшему сервис-инженеру.

— А скажи-ка мне, Артур, — Зислис был не на шутку озабочен. — Капитана возможно отследить в ремзоне с сервис-вахты?

Мустяца, поджав губы, кивнул несколько раз и развел руками:

— Увы! Возможно. Особенно, если увеличить число вахтенных. А люди Гордяева занялись в первую очередь именно этим.

— Разве можно обойти Ромкин запрет? — усомнился Веригин. Он тоже пришел на разговор, когда выяснил, что Хаецкий вполне справляется с раной брата.

— В том-то и дело, что можно. При условии, что на вахте никого с более высоким доступом нет. Если будут действовать грамотно и без задержек, запрет полностью обойдут дня за два. Едва с кораблем сольется достаточно много народу — капитану конец. Да и нам тоже.

Мустяца глубоко вздохнул.

— Такие вот пироги, чтоб его...

— М-да. Положеньице... — Зислис попытался сообразить — есть ли у директората спецы с индексом доступа четырнадцать-пятнадцать, способные опрокинуть капитанский запрет. И понял — что есть. Во-первых, Самохвалов. Во-вторых, Осадчий. В третьих, не факт, что кое-кто из офицерского не переметнется. Все бывает... Тем более, в смутные дни.

— А кто с кэпом в ремзоне? Известно?

— Женатики наши, Риггельд и Смагин со своими драгоценными, и, видимо, Суваев.

— Риггельд и Смагин неженаты, — уточнил Зислис. — Пока.

— Вот именно — пока, — Мустяца вздохнул, как показалось Зислису — с некоторой завистью.

— Слушай, Мишка, а пожрать тут есть что-нибудь? — спросил Прокудин. — Я с утра голодаю.

— Есть. Вон там кухня, пошуруй в холодильнике... — сказал Зислис, и осекся, потому что у кого-то из Хаецких вдруг тренькнул вызов коммуникатора. Неправильно эдак тренькнул, нештатно, словно кто-то игрался с несуществующими проводами: то замкнет, то разомкнет.

Валентин уже держал трубку у уха, но, видимо, она молчала, потому что он ее потряс и поколотил о ладонь, совсем как недавно Зислис. А потом замер, глядя на мигающий глазок готовности. И медленно расплылся в улыбке.

— Это пилотский код, граждане! Нас капитан вызывает!

Зислис почувствовал, как неприятная пустота в груди начинает понемногу таять.

«Интересно, — подумал он. — Я когда-нибудь кому-нибудь буду так же верить, как Ромке? Как своему капитану?»

А Хаецкие неотрывно глядели на мигающий глазок коммуникатора и неслышно шевелили губами в такт.

Необычное это было зрелище.

51. Виктор Переверзев, старший офицер-канонир, Ното, крейсер Ушедших «Волга».

Костя Чистяков нервно ходил по карантину. Как маятник. Туда-сюда, туда-сюда. Наконец Ханька не выдержал.

— Сядь, — буркнул он. — Не мельтеши.

Чистяков очнулся от невеселых раздумий, грустно поглядел на Ханина и послушно побрел к креслу.

В карантине собралось двенадцать человек.

Час назад, когда Фломастер со своими канонирами готовился отправиться на встречу в жилых, возникла непонятная заминка: Яковец уже сменился с вахты, а сменщик его, Луиш Боаморте все не появлялся. И в охранный сектор сменщик — Коля Садофьев — запаздывал. Такого на «Волге» еще не случалось. По крайней мере, в епархии Фломастера, старшего канонира. Да и абсурдным это казалось, опаздывать на вахту, куда очереди по неделе ждать приходится.

И Фломастер насторожился. Сразу сел на связь. Так, на всякий случай, послушать чего творится на корабле.

Уже через несколько минут он узнал о стрельбе в транспортных тоннелях и между офицерским и жилыми секторами. Почти сразу же Фломастера вызвали Садофьев и Боаморте, и сообщили, что застряли по пути. Платформа впервые не пожелала прыгать к финишному отрезку, тащилась себе помаленьку, а потом и вовсе встала. Еще через минуту на связи возник Маленко, и сообщил, что капитана пытались убить, но стрелок промахнулся; а директорат и бандиты Шадрона, Тазика и Плотного тем временем перетряхивают офицерский сектор. Со стрельбой перетряхивают.

И тогда Фломастер вызвал всех своих по спецканалу и дал приказ уходить в карантинную зону. Вовремя дал: практически сразу после этого связь действовать перестала. Охота на капитана началась, и Фломастер удивлялся, почему раньше не усмотрел в действиях директората скрытого подвоха. Теперь встреча в жилых секторах выглядела тем, чем она и была: предложом, чтобы вытащить капитана и старших офицеров из рубок, а заодно ограничить количество неугодных директорату операторов на вахтах.

До карантина добралось двенадцать человек. Сначала сам Фломастер, Ханька и Яковец; кроме них — Косовский, Семилет, Желудь, рыжий Женя Федоренко (патрульные, еще из космодромного взвода), Костя Чистяков, которого Яковец выковырял прямо из биоскафандра в информсекторе, и Эдик Шульга (в прошлом — космодромный рабочий, заправщик, ныне — канонир). Чуть позже прибежали взмыленные Садофьев (тоже бывший патрульный) и Луиш Боаморте (об этом парне Фломастер знал только, что он с Манифеста. Чем занимался прежде в Новосаратове — не спрашивал, а смуглый португалец сам никогда не рассказывал). Последним появился Маленко, бледный, растрепанный и раненый в руку. И безоружный в придачу. Итого — двенадцать человек. Десять канониров, аналитик Маленко и информатик Чистяков.

Фломастер неотлучно торчал за пультом аварийной связи. Скорее всего, напрасно торчал, потому что связью ведала сервис-служба, полностью подчиненная директорату. Правда, старшим сервис-инженером корабль признал Артура Мустяцу, но после стрельбы по капитану Мустяца тоже пустился в бега, и правильно сделал. Директорат же сделал все, чтобы лишить оппонентов оперативной связи.

Чего Фломастер ждал — он и сам толком не понимал. Корабль частично под контролем бунтовщиков, частично на самоконтроле, особенно по функциям высших приоритетов. Но директорат попытается свой контроль распространить как можно выше, это ему понятно. Вряд ли они сумеют перехватить управление боевыми и охранными системами, двигателями и навигацией. Но чтобы отыскать на корабле прячущихся офицеров и вскрыть отсеченные от системы модули... Для этого не нужен особенно высокий индекс. О смене же капитана последнее время говорили достаточно — Фломастер знал чем это грозит. Прекрасно знал.

Впрочем, на крайний случай у него есть бласт. Последний довод офицера — импульс в висок. Уж лучше это, чем драпать как полковник Ненахов...

— Ну что? — спросил из кресла долговязый Яковец. — Так и будем сидеть, а? Фломастер немедленно поднял голову.

— Ты что-то предлагаешь?

— Надо было не в карантин, а на вахту бежать, — мрачно заметил Ханька.

— Все равно подключиться смог бы только один из нас...

— Этого бы хватило. Оживить роботов, задействовать ту милую системку со слезогонкой...

— Ерунда, — оборвал Фломастер. — Подходы к рубке наверняка давно охраняются.

— Я никого не видел, когда уходил, — Яковец не выдержал и встал.

Фломастер отвернулся.

— Конечно не видел. Не дураки же они — показываться раньше времени.

— А почему они Валерку на выходе не пристрелили? — спросил Костя Чистяков. — Бунт же вроде?

— Не знаю, — честно признался Фломастер. — Наверное, они ждали известий из жилых. Удалось ли взять капитана.

— Не стали бы капитана брать, — тихо и устало сказал Маленко. — Гордыев наверняка распорядился стрелять сразу. На поражение.

— Черт возьми! — Чистяков опять забегал туда-сюда. Волновался, наверное. —

Значит, Ромку спас слепой случай? Псих-одиночка? Горе-стрелок, Чепмэн сраный?

— Значит. Впрочем, мы ему спасибо сказать должны. Он капитана спугнул, и в жилые Рома уже не поехал.

Чистяков остановился, повернулся лицом в сторону кормы корабля, слегка поклонился, и недрогнувшим голосом произнес:

— Спасибо...

Маленко криво усмехнулся.

— Слышь, шеф... — пробурчал Ханька. — Негоже нам в этой норе отсиживаться. Мы ж вроде как войска. Действовать надо.

— Кто еще так думает? — спросил Фломастер.

— Я! — поднял руку Яковец.

— И я, — присоединился Федоренко.

— Да чего там, — махнул рукой Семен Желудь. — Все так думают. Дома мы от этих уродов никогда не прятались, и здесь нечего. Верно я говорю?

В карантине родился сдержанный гул, как понял Фломастер — одобрительный.

— Прекрасно. Костя, Серега, вы с нами?

Чистяков фыркнул и укоризненно поглядел на Фломастера. Вопрос явно был излишним.

— А бласт свободный есть? — поинтересовался Маленко. — Я свой так и не успел захватить...

— Найдем, — успокоил его Фломастер. — Валера, дай ему «Витязя» и парочку батарей про запас.

Яковец с готовностью полез в стенную нишу.

— Кому еще батареи нужны? Налетай!

Некоторое время народ деловито вооружался.

— Итак, — Фломастер встал и отпихнул ногой вертящееся кресло. — У меня соображения следующие. Выходим, и пробиваемся к боевой рубке; занимаем также и рубку разведки. Стрелять без колебаний. Увидел знакомую рожу, и сади из бласта промеж глаз, здесь им не фактория и не «Меркурий». Как только окажемся в рубке, я, Ханька и Яковец подключаемся к вахте, остальные прикрывают. Ну, а как подключимся, вопросы отпадут. Возражения есть?

Возражений не было.

— Тогда начали. Раньше возьмемся — моложе завершим.

И они начали. Вход в карантинную зону явно караулили снаружи, а перед самым входом расстилался здоровенный и пустой зал. Засядь по ту сторону стержневого, под навесиками, и любого выходящего можно валить на месте, и пикнуть не успеет. Но Фломастер к этому был готов: карантин, автономный островок в теле единого корабля, имел и скрытые входы-выходы.

Они спустились уровнем ниже, в буфер между стержневым и ремзоной. Подвал подвалом, даже высота от пола до потолка чуть меньше человеческого роста.

Пришлось пригнуться. Даже малышу Боаморте пришлось.

Двенадцать решительных мужчин с бластами наизготовку пролезли под стержневым коридором, поднялись по отрошенной давным-давно вентиляционной шахте на два уровня и выбрались в складскую зону. Их явно отследили на выходе из карантина, и послали людей на перехват, но пока те поднимались, Фломастер успел увести свое войско в лабиринт складов и засесть в одном из них. Когда отъехала в сторону широченная дверь и на пороге мелькнули подвижные силуэты, маленькое войско уже было готово к обороне.

С порога кто-то для острастки пальнул в глубину склада, а секундой позже бандиты резво попрятались. Они прекрасно понимали, что канониры будут стрелять в ответ. И они не ошиблись.

Но Фломастер явно заранее готовил маршрут для подобных случаев — лезть ко входу и прорываться под огнем не пришлось. Старший из канониров пробрался к боковой стене и раскрыл незамеченную никем перепонку. Яковец с Ханькой, задержавшиеся в арьергарде немного постреляли по притолкам, и бесшумно убрались за перепонку вслед за остальными.

Канониры угодили в узкий поперечник; на углу, метрах в сорока, стояли двое.

Боком. Оба глядели вдоль стержневого, на вход в склад. Они только начали поворачиваться, когда прозвучали первые выстрелы. Инжекторы бластов сухо щелкали, выплевывая энергетические импульсы.

Бывшие патрульные неплохо стреляли.

Перебежка, спуск на уровень ниже. Сзади начала шуметь погоня.

Внизу канониры рассыпались около силового лифта; узкое помещение с массой перегородочек и вертикальных стоек с поперечинами идеально подходило для засады. Минута, и первые двое преследователей осторожно сунулись в лифт; Маленко и Чистяков в тот же миг затоптали около выхода напротив лифта, изображая спешное отступление, и выскользнули во внешнее кольцо яруса, в коридор, связывающий рубки и дежурки двух соседних секторов.

Погоня купилась. Из лифта высыпала целая толпа, все в комбинезонах транспортников, а значит – бандиты. Перестрелка была короткой и кровавой; несколько бандитов наверху не влезли в лифт и поэтому спаслись, двое успели вернуться в тесную кабинку и подняться. У канониров убили рыжеволосого Федоренко и ранили португала Боаморте, к счастью неопасно.

Фломастер повел свое войско дальше. Вопреки ожиданиям, не стал он задерживаться и во внешнем кольце. Вскрыл при помощи бласта еще одну вентиляционную шахту, тоже старую и явно неиспользуемую, и спустился на стержневой ярус. В один из продольных боковых тоннелей, неведомо для чего предназначенных. От основных рубок их отделяло два с половиной километра по прямой. Пять-семь минут бега. Боковые ответвления мелькали справа и слева каждые восемьдесят-сто метров. Но по прямой прорваться не вышло. Уже через километр впереди кто-то выглянул из бокового – и Фломастер тут же свернул. Влево, прочь от стержневого. Они уходили все дальше и дальше влево, пока не уперлись в граничную стену сектора. Новый бросок вперед, и теперь уже бег вправо. Фломастер чертил в клетчатом лабиринте замысловатую ломаную линию.

Перестрелки вспыхивали еще дважды, одна по пути и одна перед боевой рубкой. Люди директората и бандиты догадывались, куда направляются канониры, и постарались перекрыть им путь.

Вот только умирать бандиты не были готовы, а у маленького отряда под предводительством Фломастера не оставалось иного способа выжить. Только прорваться в рубку.

И они прорвались. Вшестером. Фломастер, Ханька, Маленко, Чистяков, Желудь и Боаморте. Остальные легли по пути на окровавленные полы холла-предбанника и площадки лифтов перед головными рубками.

– Шлюз! – прохрипел раненый Фломастер, отпихивая за тонкую разделительную линию мертвого уже бандита со стекленеющими глазами. Бандит был прострелен по крайней мере трижды.

Желудь бросился вручную задраивать шлюз боевой рубки. Фломастер тяжело брел к шкафам с биоскафандрами, держа за бок. Комбинезон его в этом месте был темным от крови.

Ханька, единственный из всех относительно целый, уже вскрыл биоскафандр и торопливо раздевался.

Чистяков доковылял до кресла перед пультом, но сесть не успел: вдруг коротко пискнул сигнал нештатной ситуации, по пульту пробежалась волна вспыхивающих и гаснущих огоньков, а потом все огоньки погасли, кроме одного.

Красного.

– А это еще что такое? – изумленно спросил Маленко, указывая на огромный, во всю боевую рубку, обзорник.

Фломастер на миг отвлекся.

– Это крейсер цоофт, – сказал он устало. – Черт! Значит чужие уже здесь? Вдали, на фоне россыпи тусклых звезд, дрейфовала необъятная стая темных пятнышек. Флот чужих. На этот раз – большой флот. Просто огромный. Еще три часа назад «Волга» была единственным кораблем на миллионы кубических километров пустоты. Теперь – лишь одним из многих.

Правда, самым большим.

52. Роман Савельев, капитан, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Каморка была тесная и пыльная, совсем как настоящий конспиративный подвал. Я даже не ожидал встретить такое запустение на своем корабле. Оказывается, есть еще масса мест, куда не добираются наши вездесущие ужики-уборщики.

Никогда бы не подумал. Впрочем, ужики вот-вот замрут. Наверное. По крайней мере, я думаю – замрут.

Риггелъд сидел в обнимку с Юлькой; Смагин – с Яной. Суваев сердито пялился в мою сторону, словно собирался упасть в объятия мне. Или наоборот, ждал, что упаду я. К нему. В объятия.

Действительно, стало прохладно! А будет еще холоднее... Наверное.

Дело в том, что я только что отдал команду на полный запрет всех вахт на корабле. Полный. Независимо от допуска. Сейчас, вероятно, идет перекрестная проверка и повальное отторжение людей директората от системы. Я представил Юдина, недоуменно выбирающегося из биоупаковки. С лицом ребенка, которого только

что лишили долгожданной шоколадки. Причем, даже позволили шоколадку потрогать и слегка лизнуть.

— Как мы будем пробираться? — угрюмо спросил Суваев. — Это ж километров двадцать, не меньше.

— Попроberемся, — буркнул я. — Как-нибудь попроберемся. Вот только... Я не знаю сколько километров до нашей цели. Может быть, и не двадцать.

— То есть? — не понял Суваев.

— Мы не пойдем к капитанской рубке. Нечего там делать — там только бандиты с бластами. И никакой надежды.

Суваев сумрачно глядел на меня.

Завидовал Суваев. Завидовал тому, что я, именно я, а не он, знаю о корабле почти все. Слишком привык он знать больше остальных со своей компьютерной базой-выручалочкой, счастливым наследством. Суваев и не подозревал до недавнего времени о личном интерфейснике под дублированным каналом — о том самом невзрачном блокнотике, на который последние два часа ожесточенно пялились мои бравые офицеры, не решаясь спросить — что это за вещь. А ведь все явно поняли, что интерфейсник не зависит от общекорабельной связи. И что он неподвластен тем, кто в данный момент на вахте.

По-моему, это их потрясло.

Но все же, они продолжали мне верить. Даже Суваев со своей белой завистью, похожей на чувство пятилетнего карапуза к свободе старшего брата, отправляющегося без спроса на рыбалку.

Спасибо, ребята... Без вас я бы не решился затеять то, что затеял.

— Оживить корабль не так уж трудно, Паша, — начал объяснять я. — Но только не из капитанской рубки, как это ни странно. И даже не из капитанской каюты.

— А откуда же, черт возьми? — Суваев казался растерянным, но старательно скрывающим растерянность.

— С одного из биоскафандров. Я не знаю точно с какого.

Лица у моих спутников отразили странную смесь растерянности и недоумения. Да, я бы тоже на их месте удивился.

— С одного из? Но их же десятки тысяч, кэп! Десятки, а то и сотни!

— Пока — не знаю, — поправился я. — Дело в том, что ключевой скафандр выбирается случайно. И не сейчас, а суток через двое-трое, полагаю.

— Замечательно, — Суваев теперь глядел в сторону. — А у нас, между прочим, жрать нечего. И что хуже — пить.

— Найдем, — я беспечно взмахнул рукой. — Это же наш корабль, господа офицеры! Наш, а не Гордьева и не Юдина с Шадроном и Тазиком.

В тот же миг интерфейсник бесшумно толкнулся мне в пальцы. Неслышный никому, кроме меня, сигнал.

— Все, — объявил я. — Наш корабль — временно, конечно — просто груда инопланетного металла. Ни одна система не действует, кроме моих личных.

— А мы не задохнемся? — осведомилась Яна. В ее голосе явственно угадывалась тревога.

— Не успеем, — я улыбнулся. — Люди столько не живут.

Яна поморщилась. М-да. Успокоил, называется. Будь поделикатнее, дядя Рома. Они ведь знают меньше тебя.

Впрочем, если начистоту, то и ты знаешь немного.

Но все же — больше их.

— Итак, — я взглянул на часы (кроме плоского тикающего кругляша «Ворскла» из прежних вещей при мне остался только бласт с памятливыми надписями на рукоятке). — Задача наша проста: продержаться пару дней. А потом станет понятно, где искать нужный биоскафандр.

— Вопрос! — прервал меня Риггельд, образец сдержанности. Если он прервал, значит, что-нибудь важное.

— Какой вопрос?

— Если к нужному скафандру подключится кто-нибудь посторонний. Случайно. Что тогда?

— Ничего. Корабль оживить смогу только я. Только капитан. Если я за это время погибну... Тогда даже не знаю. Либо все это навсегда останется грудой бесполезного металла, либо капитаном станет кто-нибудь другой.

Риггельд чуть заметно кивнул.

— Чего и добивались наши орлы из директората, — проворчала Яна. — Рисковый ты мужик, Рома!

— Можно подумать, что у меня был выбор, — вздохнул я безнадежно.

— Не знаю, — Яна говорила чуть-чуть сердито. — Я теперь ничего не знаю. Я теперь старший информатик без информации.

— Ну-ну, — я успокаивающе развел руками. — Это крайняя мера, Янка. Я с трудом на нее решился. Кто ж знал, что на корабль попадет такой... неоднородный экипаж. У капитана обязан быть черный ход на любой случай.

— Жаль только, — глядя куда-то в сторону изрек Смагин, — если окажется, что под черный ход был замаскирован тривиальный кингстон.

— Юра, — я провел ладонью по небритой щеке, — почему я должен вас уговаривать? Если бы я не отрубил вахты, через час нас бы обнаружили. А еще через час отловили. Ты ведь прекрасно понимаешь это?

— Понимаю, — подтвердил Смагин.

— Тогда чего бухтишь?

Смагин только пожал плечами.

— То-то! — проворчал я себе под нос. — В общем, пока надо добраться до одной из наших заначек. Я уверен, что Гордяев зол, и что он не оставит попыток захватить нас обычными методами. Но только обычные методы мгновенно уравнивают его шансы с нашими. Теперь все фифти-фифти, полста на полста. Плюс, некоторое наше преимущество. Корабль частично все-таки наш.

— Это как? — все мои спутники вскинулись. И в глазах каждого расцветала надежда. Ну как было не улыбнуться им в ответ?

— Очень просто. Я не могу влиять на корабль. Никак. Но я в любой момент могу узнать, что на корабле творится. Односторонняя связь. Доступно? И, если честно, я немного покривил душой, когда сказал, что «Волга» превратилась в грудку мертвого металла. Кое-какие системы все равно действуют. Например, противометеоритная защита, например установки искусственной гравитации, например наблюдение, внутреннее и внешнее... В усеченном режиме, но все-таки.

Очень кстати интерфейжник снова напомнил о себе. Легонько вздрогнул, словно где-то в его кристаллической начинке один-единственный раз сократилось крохотное сердце.

— Внутреннее наблюдение? — с легким сарказмом осведомилась Янка.

— Поберегла б ты свой яд, — посоветовала ей Юлька отчаянная. — Ей-ей...

Янка ехидно улыбнулась и картинно поклонилась — дескать, ничего не могу с собой поделаться.

— Что там, Рома? — спросил Суваев, поднимаясь. Кажется, он таки набрался мужества и решился взглянуть на интерфейжник из-за моего плеча. Я не стал ему мешать.

И он увидел то же, что и я: проекцию с экрана одной из головных рубок. Крейсера цоофт в гасящем режиме. Они вываливались из дыры в пространстве, из непонятного мне безмолвного ничто, один за другим, десяток за десятком, сотня за сотней. Пришли враги. А боевые рубки «Волги» заблокированы. Уповать же на то, что противометеоритная защита совладеет со слаженным ударом могучих звездных кораблей было по меньшей мере глупо.

Суваев тихо и как-то зловеще присвистнул.

— У-у! Кажется, ты очень вовремя отменил вахты, капитан.

— Да что стряслось-то? — забеспокоились остальные, вставая. Даже не вставая — вскакивая.

— Чужие, — пояснил я чужим голосом. — Целая армада. Вываливаются в обычный космос пачками.

— И мы, конечно же, еще двое суток не сможем им ничего противопоставить, так капитан? — спросила Яна на удивление спокойно и холодно.

— Так.

— И даже не так, — Яна стрельнула глазами, даже в полутьме это было очень заметно. — Через двое суток мы только узнаем куды бечь, чтобы корабль оживить. Так, капитан?

— Так.

— Поздравляю, капитан!

— Спасибо, дорогая.

Как ни странно, Янкин яд подействовал на меня благотворно. Несмотря на аховую — действительно аховую ситуацию.

Как же не вовремя чужие свалились нам на головы! Или — они знали, что делают? Втихую следили за нами? Дождались, пока «Волга» останется беззащитной, и тут как тут?

Если второе — то плохо. Если первое, тогда есть надежда, что они поостерегутся наносить удар сразу. На их месте я бы сначала попробовал осторожные переговоры.

Продержимся ли мы двое суток? Вот в чем вопрос.

Янка окончательно высвободилась из согревающих объятий Смагина и шагнула ко мне. На ходу поднимая руку в вытянутом указательным пальцем. Губы ее шевельнулись, но ни слова Янка произнести не успела: на втором шаге пол ушел у нее из-под ног и она, взвизгнув от неожиданности, навалилась грудью на край неровной дыры под лестницей. Как провалившийся в полынь конькобежец на кромку льда.

Смагин, я, Суваев и Риггелд немедленно бросились к ней, на рефlekсах, не раздумывая, а Юлька осталась не у дел только потому, что Риггелд так резво взял старт, что сбил ее с ног, и отчаянная, округлив глаза, с размаху уселась на прежнее место. Под стеночку.

Янку мы поймали. Смагин успел раньше всех. И вытащил под локотки из новоявленной полыни.

— Что это тут? — Суваев с опаской заглянул в темный провал. — Ни хрена не видно! Смагин молча выудил у Янки из кармана фонарик. Суваев молча принял.

— Еще одна каморка! — сообщил он. — Вроде нашей. Стол! Боже, пылуги сколько! У нас тут девственная чистота по сравнению с нижним этажом, если хотите знать. Как в новосаратовском музее.

— А я думал, внизу шеддинг-система... — пробормотал Риггелд.

Теперь в дыру заглянул я. Действительно каморка. Действительно стол. И какое-то ветхое тряпье у стола.

— Н-да, — пробормотал я. — Интересно! Я тоже считал, что внизу только шеддинг да обшивка.

Юлька на четвереньках подобралась к дыре и, вытягивая шею, заглянула.

— Спускаться будем? — спросил Риггелд. — А?

Смотрел он, конечно же, на меня.

— Будем, — решил я. — Раз такое дело...

Кажется, я почувствовал в чем тут соль. Тайник. Это чей-то старый тайник, будь я проклят. Мой дремавший последнее время внутренний барометр вдруг проснулся и отчаянно сигнализировал мне: не пройди мимо, дядя Рома! Это важно. Очень важно!

А вскрылся тайник, скажем, оттого, что большинство систем корабля уснули до лучших времен. Маскировка исчезла.

До пыли на дне ямы-каморки было метра два с половиной. Риггелд, не дожидаясь, повис на краю дыры, покачался пару секунд, и мягко прыгнул. Кудрявое облачко взвилось из-под его ботинок.

— Теперь я! — в голосе моем прорезалось что-то такое, что сделало возражения невозможными.

Суваев продолжал нам подсвечивать. А когда пола коснулись мои ботинки, световое пятно с потолка верхней каморки переместилось в нижнюю. Превратилось в неровный желтоватый бублик вокруг дыры над головой, пародию на боевой крейсер свайгов. Пока остальные спускались, я подошел к столу. Смутное подозрение шевельнулось во мне от первого же беглого взгляда на тряпье у стола. Я замер, вглядываясь.

А потом взглянул на стол.

Там виднелось что-то под толстым слоем пыли. Что-то плоское и продолговатое, вроде портсигара.

Я неподвижно разглядывал это; рядом уже стояли Суваев, Риггелд и Юлька. Смагин сопел за спиной.

Рука сама потянулась к столу. Пыли было действительно много, и я медленно стер ее с гладкой поверхности портсигара.

Суваев сдавленно кашлянул.

— Это... Это то, что я думаю?

Я взял вещь со стола. Раскрыл. Как блокнот. И взглянул на мертвый экранчик. Потом на Суваева. И, для чего-то растягивая слова, сказал:

— Да, Паша. Это именно то, что ты думаешь. Двойник моего прибора-интерфейсника. А вон то, под столом, когда-то было капитаном этого корабля.

Суваев шумно вздохнул.

А секундой позже экранчик пыльного интерфейсника засветился.

Видит бог, я дернулся так, что едва не выронил прибор из рук. И еще: привычного толчка в кончики пальцев я не ощутил.

Ну, да, правильно, эта штука считала капитаном вовсе не меня.

53. Виктор Переверзев, старший офицер-канонир, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Ханька уже влез в биоскафандр и пытался срастить створки на груди голове. Но створки почему-то не срастались.

Фломастер был ранен в бок, поэтому раздевался медленнее. Он знал, что стоит ему подключиться к кораблю, и боль пройдет. Корабль его вылечит. Сколько раз он не находил даже следов случайных царапин на руках после вахты. Осторожно, без резких движений, Фломастер продел ноги в штанины. Руки – в рукава.

И ничего не ощутил. Никакого живого покалывания. Внутренность скафандра впервые казалась склизкой и холодной.

– Не работает! – Ханька, держась за дверцу шкафа, вопросительно глядел на Фломастера. – Нас не пускают на вахту.

– Между прочим, ни на одном шкафе не обозначена готовность. Вообще ничего не обозначено, – сообщил Костя Чистяков. – По-моему, они просто отключены от общей системы.

– А по-моему, система вообще сдохла, – сказал Маленко. – Взгляните на пульт! Пульт выглядел мертвым. Шипя и ругаясь, Фломастер выбрался из сырых объятий мертвого биоскафандра. Кое-как обтерся и оделся.

На пульте светился один-единственный индикатор. Готовность противометеоритной защиты. И все. И еще работали экраны – но в нижнем режиме, без координатных сеток, без оперативного масштабирования. Просто отражали действительность без всякого сервиса и всяких удобных комментариев. Чистый эффект стеклянной кабины. Даже чужие в таком режиме были толком не видны. Хотя они роились по космическим меркам в двух шагах от «Волги».

– Хорошо, что я шлюз задраить успел, – хмуро сказал Желудь.

Ханька пробежался вдоль ряда шкафов. Потом присоединился к тем, кто стоял у пульта.

– Хотел бы я знать, что происходит... – пробормотал Фломастер и поморщился – бок невыносимо пекло.

Впрочем, и так можно было догадаться. Чужие готовились к атаке, а канониры в боевой рубке не могли слиться со своим кораблем. А значит – корабль останется беззащитным.

54. Александр Самохвалов, оператор сервис-систем, инженер-консультант директората, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Осталось всего несколько шагов, всего несколько выверенных движений, и последние мазки капитанской защиты соскоблились бы с ядра субмодуля, как старая краска с жилого купола.

Но Самохвалов не успел. Мир без всякого предупреждения из бесконечного стал крошечным, восприятие сузилось до жалкого набора человеческих чувств. Он вывалился из системы.

Даже мгновенной боли Самохвалов не успел почувствовать, настолько быстро рецепторы корабля отторгли его тело. Створки раскрылись сами собой и тусклый дежурный свет заполнил нишу вахтенного шкафа.

– Что за шуточки? – пробурчал Самохвалов с неудовольствием и недоумением. – Кто там влез куда не надо?

За полминуты до перехвата следящей системы все вдруг намертво встало, как грузовик перед светофором. Самохвалов, понятно, занервничал.

Найти и убить капитана, это нужно было сделать максимально быстро. Тогда активизировался бы черный шар – крупная автономная система, назначение которой Самохвалов определил как «мозг на случай отсутствия экипажа». Именно по деятельности черного шара Самохвалов надеялся отследить новый выбор корабля. Вероятно, орудием выбора был бы какой-нибудь тактильный односторонний сенсор, вроде пресловутого пульта, что откопал Савельев на своей заимке. Первое же касание, и индексы доступа людей из прежнего экипажа распределятся совсем иначе, чем теперь.

Самохвалов вовсе не собирался отдавать капитанство влиятельному, но туповатому шефу директората. С какой стати? Неужели тот, кто сумел самостоятельно, на интуиции и догадках, постичь законы корабельной защиты, недостоин стать первым? И бандитам Самохвалов ничего не собирался отдавать. Подключиться с капитанским допуском, прихлопнуть не в меру честолюбивую верхушку директората, передавить одного за другим своеправных, и потому опасных бандитов-главарей... И строить новый экипаж. Лепить, по своему разумению и желанию. Превратить бесформенный ком пластилина в послушного голема. У Самохвалова хватало доверенных людей, которые даже не догадывались, что их прочат в старшие офицеры «Волги». В основном, это

асы технического отдела. Подопечные Самохвалова. Консультанты и прогнозисты, компьютерщики и системотехники.

Стоило ли говорить, что если Гордяев пронюхает о мыслях Самохвалова, все рухнет в одночасье? К счастью, правая рука шефа директората был слишком умен и слишком искушен в кабинетных интригах. Что знают двое — знает свинья, а свиней вокруг всегда отыщется предостаточно. Поэтому разумнее молчать. Молчать до самого последнего момента. До решающей секунды. Самохвалов не посвятил в подробности своего плана ни одну живую душу. Даже на вахты он старался ходить пореже, да и то сугубо в лучевом режиме, общаясь только с информатеками корабля, но не с подключенными операторами.

Так надежнее.

Было непривычно холодно, Самохвалов шлепнул себя по голым бокам и с изумлением обнаружил, что они покрыты слоем жирной полужидкой дряни. Да и все тело покрыто ею же. На секунду он даже о страхах своих позабыл. Метнулся к одежде, схватил белую тенниску и стал ожесточенно стирать с себя этот мерзкий холодец.

Реальность напомнила о себе голосом ругающегося Гордяева.

— Мыслитель! — ревел шеф. — В чем дело? Почему нас выбросило?

— Еще не знаю, шеф, — сказал Самохвалов и обернулся к пульту. Растерянный Касянчук стоял у кресла и с надеждой глядел на начальство.

«Надо одеться, пожалуй, — подумал Самохвалов. — Что-то тут нехорошее стряслось. Непредвиденное.»

Гордяев одну за другой швырял на пол влажные салфетки. Биоскафандры сегодня никого не отпустили чистым.

— Что тут? — спросил Самохвалов чуть погодя. Комбинезон он застегивал на ходу. Касянчук обернулся, пошарил взглядом по непривычно темному и оттого неживому пульту, и пожал плечами.

— Пульт погас. Весь. Только, вот, отложенная готовность обозначена, и все. И экраны в мизер свалились. Все разом.

— Давно это?

— Минуты три. Как раз когда шкафы открылись все и сдохло.

«Но экраны все-таки работают... В пассиве», — отметил Самохвалов машинально.

Гордяев тоже успел облачиться в комбинезон. Хотя обычно ходил в черной паре, изготовленной сервисниками при посредстве личного гордяевского портного, старого седенького еврея Исаака Розенблюма. Вероятно, на вахту шефу показалось более уместным нарядиться как все.

— Это ты намудрил, мыслитель? — уже спокойнее произнес Гордяев.

— Нет.

— Может, все из-за стрельбы?

Самохвалов пожал плечами.

В тот же миг раздался отчетливый стук. От входного шлюза.

Самохвалов и Касянчук вопросительно переглянулись. Зато стюарт не растерялся.

Прекратил подбирать с пола грязные салфетки, подошел к шлюзу открыл его вручную, с вмонтированного рядом с притолокой пульта.

Ворвался встрепанный малый из охраны.

— Шеф! Канониры прорвались в боевую рубку! И заперлись!

— Как прорвались? — опешил Гордяев и стал медленно багроветь. — Что значит — прорвались? А вы там какого дьявола торчите?

— Они перли как сумасшедшие, шеф. Прямо на стволы, — попытался оправдаться охранник.

— Ну и что? — заорал Гордяев еще громче. — Где Барс?

— Барс убит, шеф.

— А Запольских?

— Запольских тоже убит, шеф. Я же говорю, они шли, как сумасшедшие. Они положили двадцать семь человек.

— Сколько их осталось?

— Шестеро.

Гордяев быстро взглянул на Самохвалова.

— Это, — он указал на мертвые шкафы с биоскафандрами, — их работа?

Самохвалов медленно покачал головой.

— Нет. Не думаю.

Если бы канониры снова принялись усмирять бунт, вряд ли бы они начали гасить корабельные автономки. С вахт — да, неугодных повыгоняли бы сразу же, но шкафы остались бы в действующем режиме, да и пульт в рубке продолжал бы работать. Тем более, что это навигаторская рубка, здесь самые мощные компьютерные сборки.

Да и под силу ли отключить навигаторскую канонирам? На такое способен только капитан.

— Эй! — вмешался вдруг Касянчук. — Взгляните!

Все невольно обернулись к головной части сферического экрана.

Невдалеке от «Волги» величаво проплывала в черноте космоса маленькая светящаяся монета, в которой без труда узнавался такой же блин, какие еще совсем недавно висели над Новосаратовом и волжским космодромом. Инопланетный крейсер.

— Чужие! — в унисон произнесло сразу несколько голосов.

— Мыслитель! — заявил Гордяев не терпящим возражений голосом. — Я хочу знать, что происходит!

— Разберемся, — как можно спокойнее заверил Самохвалов, но тут в дверь снова забарабанили и стюарт вторично отвлекся от подбирания салфеток.

На этот раз пожаловал Шадрин со своими торпедами.

— А, — сказал он, злорадно глядя на Гордяева и Самохвалова. — Вас тоже выплюнуло?

В следующую секунду Шадрин узрел на экране корабль чужих. Даже не один — целую вереницу. И глаза его сразу округлились.

— Во что ты меня втянул, Горец? — спросил Шадрин не без угрозы. Торпеды моментально достали бласты, но Шадрин предостерегающе поднял руку.

Но Гордяева, при всех его недостатках, нельзя было обвинить в трусости. Он не испугался.

— Куда? Да я еще и сам не знаю — куда. Вот этот умник, может быть скажет. Когда-нибудь.

Шеф указал на Самохвалова.

— Скажешь, умник? — справился Шадрин, поворачиваясь всем корпусом.

Самохвалов ответить не успел, потому что в навигаторскую рубку ввалилось целая толпа. Чуть ли не весь остальной директорат, крепкошие ребята из охраны, многие из которых были ранены, технари из отдела Самохвалова, просто незнакомые люди в форменных комбинезонах — казалось, у головных рубок собралась половина «Волги».

— Корабль умер, — сказал вице-шеф директората, Антон Черкаленко. — Ты знаешь об этом, Михаил Константинович?

— Знаю, Антон Маркельч. Знаю.

Гордяев снова стал выглядеть как шеф — солидно и непоколебимо.

— Здесь есть какой-нибудь зал? Со столом и креслами? Под совещание?

Конечно же, шеф глядел на Самохвалова. Словно тот обязан был знать все и обо всем. Впрочем, Самохвалов знал.

— Есть. В капитанской каюте. Но туда нет доступа.

— Ломайте, — распорядился Гордяев и вдруг родил умную мысль. Такую, которая поразила даже Самохвалова. — Раз корабль умер, значит защита тоже почил.

Через минуту из внешнего холла донеслась беспорядочная стрельба и мерные глухие удары.

Только теперь Черкаленко и остальные директора разглядели армаду чужих. И Самохвалов подумал: он впервые с тех пор, как поступил на службу в директорат, не подозревает — что же произойдет в ближайшие часы?

55. Павел Суваев, старший офицер-аналитик, Ното, крейсер Ушедших «Волга».

Рома Савельев уже с полчаса возился с личным блокнотом предыдущего капитана. Риггелд с Юлькой и Смагин с Яной Шепеленко грелись парочками и тихо переговаривались слева от стола, у стены. Суваев расположился справа, и мучительно пытался отыскать сходство между существом, виденным только что на маленьком пыльном экранчике, и бесформенной кучей не то тряпья, не то окаменевшей плоти рядом с собой.

Сколько лет назад умер предыдущий капитан их корабля? Миллион? Десять миллионов? Отчего он умер? От жажды, от холода, от голода? От кого он скрывался здесь, в глубоко упрятанной в ремзону камерке? В норе, которая стала заметной лишь когда весь исполинский корабль погрузился в усталую дрему?

Он не был человеком. Он не был даже гуманоидом, как свайги, как длинношеие птицы или шат-тсуры, атаковавшие волжские города.

Впрочем, можно ли считать гуманоидами рептилий или птиц? Скорее всего — нет. Но свайги и шат-тсуры, и даже птицы-цоофт все равно больше похожи на людей, чем это давно умершее существо. У тех две руки, две ноги, голова с парой глаз... Правда, у свайгов еще и короткий толстый хвост.

И вдруг Суваев понял, кем он был, этот инопланетянин.

Ушедшим. Именно Ушедшим. Представителем расы, которой никогда не существовало. А сейчас Ушедшими стали все они — бывшие жители планеты Волга. Разве можно их теперь называть людьми?

Вряд ли. Слишком уж изменил их корабль из ниоткуда. Гигантский совершенный корабль, которого никто никогда не строил. Фагоцит вселенной.

Снова и снова Суваев всматривался в останки чужого астронавта, и мысли его блуждали, как потерявшиеся во тьме мотыльки.

Отвлёк Суваева легкий шорох, словно рядом кто-то перевернул большие песочные часы и струйка песка устремилась из верхней половинки колбы в нижнюю.

Ш-шшурх-х...

Суваев вскинул голову, и увидел, что в ладонях капитана больше нет блокнота. Лишь мелкая серая пыль сыпается на стол. Легкая и воздушная.

Капитан очень медленно отряхнул ладони, и встал из-за стола. То, на чем он просидел полчаса с некоторой натяжкой можно было назвать креслом. Но лишь с некоторой натяжкой.

Люди бы такого предмета никогда не сделали.

— Рома, — осторожно спросила Юлька отчаянная. — Ты в порядке?

У капитана действительно было такое лицо... в общем, Суваева вопрос Юльки не удивил.

— Не совсем, — выдохнул капитан. — Не совсем.

— Ты что-нибудь понял?

— Да. Я все понял. И все совершенно не так, как представлялось нам раньше.

— Это касается корабля? — спросил Суваев, заранее уверенный в ответе капитана.

— Да. И корабля тоже. Но скорее, это касается нас. Людей. Пока еще людей.

Капитан опустил голову и взглянул на останки. Может быть, Рома подумал, что и его высохший труп через миллион лет могли бы отыскать те, кому суждено будет стать Ушедшими.

— Ну, и как обстоит все на самом деле? — Суваев старался, чтобы голос звучал ровнее.

— Вахты нас убивают. А если говорить более широко — нас убивает корабль. Он нами питается. Нашей плотью и нашими мыслями. Нашим естеством. Нашими разумами. Он паразит. Просто огромный паразит, который притворяется другом. Он дает нам блаженство единения с собой и любым из экипажа, и по капле высасывает из нас души.

Капитан взглянул в глаза офицерам.

— Мне всегда казалось, что такой фагоцит, устранив угрозу галактике, сам может стать не меньшей угрозой. А значит, он изначально должен быть обречен. Я поступил правильно, ограничив вахты до минимума. Иначе многие из экипажа уже успели бы стать рабами. Они оставались бы живыми, как организмы. Но не как личности.

— Это... он тебе сказал? — спросила Янка, покосившись на останки у стола. На этот раз спросила без всякого яда в голосе.

— Да. Он тоже понял это... но немного не успел. Его экипаж уже не смог выйти из шкафов. Собственно, мое сравнение вахт с наркотиком оказалось не таким уж далеким от истины. Корабль сначала делает живых рабами, несколько лет носится по галактике, выполняя свою миссию, а потом попросту пожирает всех. В биоскафандрах не остается ничего, они пустеют. Некоторое время корабль еще живет нашими общими мыслями, нашей объединенной сущностью, нашими личностями. Нашей памятью, наконец.

Но ведь и память смертна.

— И он засыпает где-нибудь в укромном и темном углу? — продолжил за капитана Суваев. — До следующего раза? Пока какой-нибудь псих не передаст ему первую частичку своей души, нажав на кнопку найденного пульта?

Капитан искривил губы в усмешке.

— Ты всегда был догадливым парнем, Паша.

— Ну, прямо праздник, — сказал Смагин и скрипнул зубами. — Сначала у нас отобрали корабли. Потом — дом. А теперь что, пытаются отобрать будущее?

— Ты всегда был догадливым парнем, Юра, — ответила за капитана Янка.

Все же, у них остались силы, чтобы улыбнуться вымученной шутке.

— Вы как хотите, — решительно заявил Смагин. — А мне это не нравится.

— Мне тоже, — присоединился Риггельд.

— А уж мне!.. — вздохнула Юлька. — А, капитан? Что придумаем?

— Я уже все придумал, — сказал Рома, меняя батарею в бласте. — Собственно, все уже давно придумано. До нас. Вот, смотрите.

И он показал всем рукоятку своего бласта.

«Смерть или слава» — было написано там.

— Мы идем наружу. Прочь из ремзоны. К рубкам.

— Но там же директорат и шадроновские молодчики! — опешил Суваев. — Ты что, капитан?

— А у нас выхода другого нет. Чужие явились, ты что, забыл? Если мы не выйдем — нам все равно хана. К тому же, сейчас оповестим наших, кто уцелел.

Все вопросительно уставились на Савельева. А тот вернул в кобуру бласт, извлек бесполезный коммуникатор, положил его на стол, и взялся за свой хитрый приборчик. Поиграл кнопками.

— Ну-ка! — сказал капитан, и подмигнул спутникам.

Коммуникатор тренькнул. Коротко и судорожно. А потом мигнул глазком готовности. Раз, другой третий.

— Пилотский код? — догадалась Юлька. — Капитан, ты гений!

И она бросилась Ромке на шею.

— Хватит вам обниматься, — проворчал Риггельд. — Лучше бласты перезарядите...

— Я уже перезарядил...

Когда капитан закончил и убрал коммуникатор, Риггельд подобрал с пола куртку, на которой сидел.

— Эй, офицеры! Нас ждет последняя вахта! Надеюсь, Хаецкие, Зислис и Фломастер нас услышали.

— А Фломастер и Зислис разве знают пилотский код? — усомнился Смагин.

— Будем надеяться, — Юлька тряхнула головой, как застоявшийся без дела скакун-рекордсмен. Она явно рвалась в бой. — Пошли, что ли?

— Черт поberi! — Яна шагнула к капитану и схватила его за рукав. — Рома, мы сможем потом отключиться от биоскафандров? Потом, после боя с чужими?

— Не знаю, — честно ответил капитан. — Но что нам мешает надеяться?

Он раскрыл напоследок свой блокнот. Пока еще не рассыпавшийся мелкой пылью. Но, наверняка, именно такая судьба уготована этому начиненному молектроникой портсигару.

— Ну что, звездолетчики? Начнем?

Риггельд встал под дырой в потолке, сложил обе ладони лодочкой и требовательно взглянул на Смагина.

Смагин послушно поставил ногу на эту импровизированную ступеньку, а секундой позже взлетел ярусом выше.

А еще через секунду вниз свесилась его рука.

— Держись! — сказал он Юльке.

Капитан поднялся последним. Как и положено капитану. Но что-то подсказывало Суваеву, что когда придет черед выходить под стволы бандитов Шадрина и Юдина, капитан будет первым.

На то он и капитан.

Даже на корабле смертников. Впрочем, что значит даже? Не «даже», а «тем более».

56. Моеммиламай, угол триады, Zoopht, дворец триады, планета Цо.

— Таким образом, — докладывал интерпретатор-желтая накидка, — наш флот первым достиг области пространства, где дрейфует корабль Ушедших.

Моеммиламай нахохлился и задумчиво поскреб пяточными мозолями любимую циновку.

— Я же просил, Латиали... Называй его кораблем людей.

Латиалиламай чуть присел, намекая на неожиданные новости, и, перехватив заинтересованный взгляд одного из трех, начал:

— Наши эксперты недавно оттранслировали доклад, где излагаются вероятные причины провала Свайге у Волги и объясняются практически все наши проблемы. Прямых доказательств нет, только косвенные. Лично я интерпретировал достоверность выкладок дробью семь восьмых.

— То есть, достоверность высока, — шелкнул Моеммиламай. — Давай выкладки.

— Если коротко, то суть вот в чем: на корабль мы привозили обычных людей, если угодно — дикарей, если угодно — новоразумную расу. Свайге экспериментировали с ними, подключая к установкам сопряжения нервной системы отдельного индивидуума с управленческими цепями корабля. Так вот, вероятнее всего, что сопряжение это двустороннее. То есть, кораблю не только отдаются приказы. Он и сам влияет на подключившихся. Грубо говоря, под влиянием корабля люди перестают быть людьми и становятся Ушедшими. Свайги, сами не ведая того, разбудили самую могучую расу в

обозримой части вселенной и оставили ее вооруженной и готовой к активным действиям.

— А сразу сообразить это наши эксперты не могли? — угрюмо спросил Моеммиламай. — Сколько кораблей сохранили бы. И сколько жизней.

Интерпретатор виновато склонил голову.

— Увы, любезный Моеммиламай. То, с чем мы столкнулись, подвержено логике, которая немного отличается от нашей.

— Не пугай меня. До сих пор союз не сталкивался в космосе с чужой логикой.

Кроме, разве что, логики нетленных, у которых логика, по-моему, вообще отсутствует. Но отсутствие логики — это не непонятная логика. Впрочем, ладно, продолжай. А приз наш называй как хочешь — хоть кораблем Ушедших, хоть человеческим.

Интерпретатор послушно заговорил:

— По прибытии все шесть флотов развернули боевой порядок по схеме «Медуза»...

— «Медуза»? — удивился Моеммиламай. — Но это же порядок, разработанный военными Свайге!

Латиалиламай поправил съехавшую на покатое плечо накидку.

— Да, это разработка свайгов. Но в данной ситуации она показалась экспертам наиболее удобной.

— А я, похоже, узнаю об этом последним. Вот здорово!

Предводитель флотов цоофт с неудовольствием пощелкал клювом.

— Впрочем, ладно. Я помню, я сам утверждал проект, в котором допускал применение тактических наработок союзников силами цоофт. Просто я не ожидал, что это случится так скоро.

— Мы старались, любезный Моеммиламай. Внедрение новинок тем эффективнее, чем скорее осуществляется. Решение применить «Медузу» было принято лишь на месте, когда все шесть флотов обнаружили корабль Ушедших и вышли из-за барьера невдалеке от него.

Еще из-за барьера мы просканировали объект — как и ранее он оказался окутан полем малоизученной природы, причем в таком режиме, что наши передачи и запросы прорвать его не могли. Объект вел себя совершенно пассивно — дрейфовал с отключенными двигателями и абсолютно никакой активности не проявлял.

На выходе из-за барьера наш крейсер-разведчик отправил рентгеновским кодом депешу с просьбой вступить в переговоры в соответствии с кодексом высших рас.

Честно говоря, мы совершенно ни на что не рассчитывали отправляя ее. Отправили просто по привычке, подчиняясь тому же кодексу.

Тем не менее практически мгновенно корабль Ушедших снял полевою блокаду. Всю. И информационную, и силовую.

— То есть? — Моеммиламай крайне удивился и взволновался. — Они соблюдают кодекс высших рас?

— Да, любезный Моеммиламай. Соблюдают. И теперь, в соответствии с кодексом, мы обязаны отправить к ним на борт послов на переговоры.

Угол триады даже встал с циновки.

— Но это же... Это же...

— Это шанс, любезный Моеммиламай. Я полагаю, триада соберется немедленно. Кроме того, мне только что поступили свежие трансляции: армады азанни, Свайге и Роя начали выход из-за барьера в непосредственной близости от объекта.

— Насколько я помню, кодекс требует присутствия представителей всех высших рас.

— Верно, — подтвердил интерпретатор. — Связаться с представительством а'йшей? Что-то они медлят.

— Конечно, связывайся!

Давно Латиалиламай не видел шефа таким возбужденным.

— Понятно, вести переговоры от имени союза будем мы. Фангриламай, надеюсь, на связи?

— Естественно.

— Кого он назначил в делегацию? Из прим-адмиралов?

— Шуаллиламая и Вьенсиламая. Остальные трое остаются с флотами. Командная дельта на случай провала уже составлена. И, кстати, пришел вызов. Триада собирается... Сейчас вам сообщат.

По залу уже мчался рослый секретарь одного из трех в сиреновом плаще вестника триады.

— Ну что же, — Моеммиламай на миг прикрыл глаза желтоватыми пленками век. —

Пусть нам помогают звезды. Воевать с таким кораблем... Нет, уж лучше переговоры.

Он открыл глаза, повернулся к подоспевшему вестнику и склонился в ритуальной фигуре внимания.

57. Александр Самохвалов, оператор сервис-систем, инженер-консультант директората, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Как Самохвалов и ожидал, взломать капитанскую каюту не удалось. Охрана зря палила из бластов по серебристому створу входного шлюза. Обшивка даже не помутнела в местах, куда тыкались и исчезали силовые импульсы.

«Да эта дверца ядерный взрыв выдержит, — подумал Самохвалов с неожиданным раздражением. — А они из бластов...»

Впрочем, место под совещание все равно нашли. Внизу, в головном холле-вестибюле кроме лифтов был еще ход в нечто вроде конференц-зала. Ряды сидений уступами и два кресла напротив. Даже не на возвышении, просто вровень с первым рядом. Всю лицевую стену занимал огромный панорамный экран, работающий в фоновом режиме, как окно. На экране мерцали звезды и звездочки — за двадцать минут чужие корабли успели уйти из зоны опасной близости и растворились в черноте космоса. И здесь не нашлось близкой звезды, чтобы свет ее отразился от кораблей.

В одно из кресел Гордяев уселся сам, во второе усадил Самохвалова. Остальные расселись в первых рядах. Бандиты на совещание не пошли. Перекинулись десятком слов на своем малопонятном жаргоне, и разошлись в разные стороны, сопровождаемые молчаливыми, как валлакиане, лбями-телохранителями.

С полчаса Самохвалов вслушивался в довольно вялую дискуссию растерянных заговорщиков: как же так случилось, что все планы пошли прахом. Капитан уцелел, канониры прорвались в боевую рубку, никого из старших офицеров взять не удалось. Хорошо еще, что из-за ступора, в который погрузился корабль, канониры не сумели растолкать охранных роботов и ограничились тихим и пока неопасным отсиживанием в рубке.

Наконец кто-то озаботился вопросом: а что, собственно, происходит в жилых секторах? И тут оказалось, что этого никто не знает. Как в обед все двинули в головную часть корабля, так до сих пор здесь и вертелись. Связи нет. Платформы в нерабочем состоянии. А рысцой преодолевать двадцать километров в полутьме транспортных рукавов — удовольствие сомнительное.

Тут же снарядили нескольких гонцов. Парочку на разведку в офицерский сектор, остальных — в жилые. Гордяев и Черкаленко проинструктировали их лично.

Самохвалов не вмешивался.

В который раз он порадовался и похвалил себя за то, что не стал никого посвящать в рискованный план захвата капитанства. Собственно, все сложилось настолько хуже ожиданий, что имей Самохвалов язык подлиннее — его не замедлили бы сожрать не сходя с места. Директорат не терпит неверных.

Он и верных-то не очень терпит.

В общем, Самохвалов слушал, как директора без толку мусолят бесперспективные вопросы, и думал, что этих старых ослов давно пора повыгонять к чертовой матери. Собственно, он так думал еще на Волге-планете. Теперь директорат как учреждение утратил былой смысл: на чужом звездолете никто руду не добывал. А привычка править осталась. И эти пожилые мордастые мужики казались Самохвалову жалкими и никчемными. А напускная их важность казалась глупой и еще более никчемной.

Не о том нужно сейчас думать. Не о том говорить. Директора изо всех сил пытались изобрести какой-нибудь верный и безболезненный способ помириться с капитаном.

Господи — неужели они всерьез полагают, что Савельева можно одурачить?

Самохвалова же куда сильнее занимали чужие. Все-таки зелененькие после разгрома у Волги сумели взять след и притащиться в глухой и безжизненный угол галактики, где капитан Савельев вынашивал какие-то свои таинственные замыслы. Самохвалов многое бы отдал за то, чтобы проникнуть в замыслы капитана.

Только возможно ли это в принципе? Вряд ли. Самохвалов, во всяком случае, сильно в этом сомневался. Какой-никакой опыт работы с корабельной сетью у него все же имелся, не зря он даже сумел обойти некоторые запреты и ловушки корабля. И у него хватало ума, чтобы понять: капитан на таком корабле — почти бог. Сбросить его возможно лишь каким-нибудь дурацким методом. Наподобие многоступенчатой операции, которую недавно пытались осуществить Гордяев и бандиты. Но дважды такое не проходит, это и младенцу ясно.

Слишком мало времени провел Самохвалов на борту этого могучего чуда, и слишком редко ходил на вахты. Может быть тогда он и отыскал бы еще какой-нибудь способ стать капитаном... А пока остается только одно.

Выждать. Выждать год-два, получше узнать эту странную сеть, наполовину состоящую из живых людей, свыкнуться с ней, стать своим...

Но для этого нужно выстоять в новом поединке с чужими.

Директора продолжали препираться, Самохвалов продолжал думать о своем. Отвлеч его взъерошенный охранник, ворвавшийся в зал. Выглядел охранник так, словно пробежал пятикилометровый кросс по целине, и при этом показал время, близкое к олимпийскому рекорду.

— Капитан! Сюда идет капитан!

Директора заткнулись, как миленькие. А Самохвалову неожиданно стало очень интересно — что же сейчас произойдет. Он снова не мог спрогнозировать близкие события — слишком много случайностей, неучтенных факторов и скрытой информации. Тут и более искушенные специалисты подняли бы руки, не то что полуженер-полусоветник рудного директората с далекой и малонаселенной планетки... ныне к тому же несуществующей.

— Охрана? Что охрана? Почему вы ему позволяете идти сюда? — не своим голосом спросил Гордяев.

— Он говорит, что корабль в опасности, — сказал кроссмен, все еще не в силах отдышаться. — И мы ему верим...

Охранник скривил губы — Самохвалову показалось, что презрительно. В самом деле, директорат выглядел неважно. Кто побледнел, как планария, кто наоборот побагровел; кто сидел, вцепившись в подлокотники кресел, кто вскочил, нелепо и судорожно жестикулируя; кто молчал, сраженный вестью, кто бормотал что-то нечленораздельное...

А вообще толпа взрослых мужиков, привыкших повелевать и отдавать приказы, выглядела сейчас группой нашкодивших подростков. Которые мечутся в тщетных попытках избежать заслуженного наказания.

Капитан появился минут через пятнадцать. Самохвалов видел, что он оставил кому-то велосипед перед самым входом. И вошел в зал.

К этому времени директора хотя бы внешне приобрели более-менее достойный вид. Уселись и сосредоточенно ждали решения своей участи.

Вслед за капитаном вошли старшие офицеры — бывшие звездолетчики, космодромная братия... Пятеро.

«И этим тугодумам корабль дал высший доступ, — подумал Самохвалов с тоской. — Вот мой, где же справедливость?»

— Ну что, господа заговорщики? — вместо приветствия спросил капитан, цепко обводя взглядом зал. — Допрыгались?

Гордяев встал и собрался было что-то сказать, но Савельев остановил его повелительным жестом. И шеф директората промолчал. Уселся на место и опустил взгляд.

— Значит, так. Никаких обещания я с вас брать не буду, потому что грош цена вашим обещаниям. Мне сейчас нужно только одно: не мешайте. Это в ваших интересах, если чужие прорвутся на борт в ближайшие двое суток, мы не сумеем их остановить. Хотите опять к чужим в зеленые лапки?

Капитан с интересом воззрился на директоров — и ни один не нашел в себе решимости встретиться с ним взглядом.

— Двое суток. Двое суток вахт не будет — и оживить системы раньше невозможно. Если мы протянем — будет такая же драка, как у Волги. Через двое суток я допущу к вахтам всех — в том числе и вас.

Но не надейтесь, что я снова куплюсь на ваши каверзы. Все господа. Я больше играть не намерен. И бардак, который вы в жилых секторах развели, я прикрою. Кто пикнет — придавлю к чертовой матери, как поганого клопа, вы меня знаете. И — на всякий случай — знайте: ваша охрана теперь работает на меня. Я пообещал почаще пускать их на вахту. Можете предложить им много денег, и выслушать куда они вас пошлют.

А теперь убирайтесь из зоны головных рубок. В жилые сектора. И если кто посмеет нос сунуть дальше офицерского — пеняйте на себя.

Все. Вон отсюда...

Он не успел договорить. Гордяев, дико сверкнув глазами, вытащил бласт и направил на капитана.

Но его голова тут же раскололась сразу от нескольких импульсов, хлынула кровища, и безвольное тело распласталось между первым рядом и парой противостоящих кресел.

Бласты были в руках капитана, в руках Суваева, Риггельда и отчаянной девушки по имени Юлия, в руках сразу трех охранников у дверей. В том числе и у марафонца. И

все стволы глядели туда, где еще совсем недавно стоял шеф рудного директората планеты Волга Михаил Константинович Гордяев. Молчание стало тягостным. Но никто не осмеливался его нарушить — все бросали осторожные взгляды на капитана.

— Вот так-то, — сказал капитан напоследок. — Не заставляйте меня никого убивать. И Савельев первым, не оглядываясь, пошел прочь. От выхода зала к лифтам. И дальше — к капитанской рубке. Офицеры, конечно, последовали за ним. А обезглавленному директорату ничего не осталось, как направиться в транспортный рукав. Такой понурой процессии Самохвалов давно не видел. Он поколебался всего секунду. И свернул к лифтам, прокручивая в голове будущий разговор.

«Здравствуйте, капитан. Моя фамилия Самохвалов, я был инженером-консультантом у этой когорты олухов, которую вы отослали в жилые. Признаться, быть консультантом мне порядком надоело. Тем более здесь, на таком корабле... И у меня есть кое-какие соображения по работе с системами. Не выслушаете?»

Выслушает — Самохвалов ничуть не сомневался. И ему действительно было что сказать.

58. Роман Савельев, капитан, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Едва я вернулся в капитанскую рубку и блаженно откинулся в кресле, примчались Мишка Зислис и Веригин.

— Рома! Леший тебя дери, как тебе это удалось?

Я попытался устало улыбнуться, как и полагалось справившемуся с трудностями бравому капитану.

Боюсь только, что улыбка вышла скорее жалкой, чем усталой.

— Вы без потерь продержались?

— Почти, — ответил Зислис. — Хаецкого ранили, Купцевича и Макса Ключкова подстрелили... А у Фломастера половину положили, гады... Валеру Яковца, Семилета... Ну, доберемся мы до Шадрона и Плотного!

— Сначала нужно добраться вот до них, — вздохнул я, указывая на экран. Вдали медленно перемещалось громадное созвездие. Армада чужих. Кажется, в созвездии все прибавлялось и прибавлялось звезд. Периодически армада прекращала свечение и погружалась во тьму, и тогда ненадолго начинало казаться, что «Волга» пребывает в безопасности.

Но я-то знал, что это не так.

— Когда на вахты?

Я пожал плечами. Интерфейсник я запрограммировал на немедленное информирование. Он и мертвого поднимет... да так, что никто ничего не услышит, не заподозрит. Кроме меня, разумеется.

— Кстати, — поинтересовался я. — Ты понимаешь пилотский код?

— Нет, — признался Зислис. — И Лелик не понимает. Но с нами были Хаецкие. Здорово это ты придумал с дохлыми коммуникаторами!

Я в смешанных чувствах покачал головой.

— Н-да... Только никому не говорите, насколько все это было авантюрой... Фломастер, вон, вообще не обратил внимания на вызовы.

— Ладно тебе, капитан! — Зислис ободряюще хлопнул меня по плечу. — В конце концов, победителей не судят.

— Да какие мы победители, — я поморщился. — Мошки под прессом. Вот, корабль оживет, тогда и поглядим кто победитель...

— Ну, добре! — Зислис многозначительно подмигнул и потянул Веригина за рукав. — Пошли Лелик! Нам предстоит ночлег на рабочих местах.

— Да, кстати, — сказал я им в спины. — Вы не знаете, откуда в ремзоне взялись велосипеды?

Зислис отрицательно покачал головой.

По-моему, этого никто теперь не узнает.

Я успел некоторое время подремать, похоже — часа два или три; очнулся когда Юлька принесла кофе и бутерброды.

— Эй, кэп... Ты когда ел в последний раз?

— Не помню, — признался я и с подозрением поглядел на нее. — Чего это ты? Не нашлось никого из сервисников, что ли? Тоже мне, старший пилот...

— Ага, дозовешься их, сервисников, как же! — Юлька опустила поднос на безжизненный пульт. — Они в жилых секторах все. Гордяевская охрана в рукавах костями лежит, никого не пускает. Даже шадроновских амбалов завернула с миром.

Не знаю, что ты им посулил, Рома... но если что-нибудь сорвется я нам не завидую.

— Если что-нибудь сорвется, ты и им не позавидуешь — пообещал я тоном провидца и с удовольствием втянул дразнящий аромат кофе. Проняло, кажется, до самого дна легких. — Кстати. Это из чьих запасов?

— Из моих. Хорошо, успели наделать килограмм десять, не понадеялись на сервисников...

— М-да. А Мустяца и Прокудин сейчас с ними. Расхлебывают, поди, кашку...

В дверь вежливо, и вместе с тем настойчиво постучали.

«Риггельд небось, — подумал я. — Вот нейдет ему...»

Можно подумать, мы здесь трахаемся.

Но это оказался не Риггельд, а Костя Чистяков. Примчался он явно прямо из информаторской.

— Кэп! Ты уже заметил? — спросил он, настороженно глядя на меня.

Я опустил чашечку, из которой даже отхлебнуть ни разу не успел, назад на поднос.

— Что заметил?

Вместо ответа Костя протянул мне обычный волновой бинокль «Веркут» и указал в уголок экрана обзорника.

— Полюбопытствуй.

Я полюбопытствовал. К «Волге» неспешно тянули три корабля: два знакомых больших штурмовика, каких мы видели над степями предостаточно, и еще один ярко раскрашенный кораблик, похожий на вытянутую восьмигранную призму. Штурмовики шли с боков от призмы, и освещали ее; троица эта постепенно выравнивалась с плоскостью нашего корабля. Похоже, намеренно.

Они шли очень медленно, и кроме всего прочего штурмовики мигали белыми огнями — я бы назвал огни габаритными. Три вспышки, пауза, четыре вспышки. Три вспышки, пауза, четыре вспышки. И так цикл за циклом.

Я глядел на это довольно долго, сознавая, что все равно не в силах что-либо изменить. Они идут к нам, и мы их нипочем не остановим.

Немедля заявили Зислис, Суваев и Фломастер. У Фломастера тоже был с собой бинокль, но не «Веркут», а патрульный «Ф-8». Весьма мощная штука...

— Паша, — спросил я, не отрываясь от созерцания. — Ты у нас аналитик.

Прокомментируй, пожалуйста.

Суваев пожал плечами:

— По-моему, это парламентареры. Окраска, освещение, демонстративно медленное приближение... Вон, вишь с какой помпой плывут?

— Значит, все-таки переговоры, — заключил я. — Решили не сразу гвоздить, а сначала попробовать договориться.

— Надеюсь... — не очень уверенно сказал Суваев. Мне показалось, что уверенности в его реплике не очень много.

Суваев попросил у Фломастера бинокль и некоторое время разглядывал непрошенных гостей. Признаться, мне было странно сидеть в рубке, которая успела стать привычной, и пялиться на экраны в бинокль. Притерся я к возможностям корабля, к его послушной и удобной технике... Но сейчас техника бездействовала.

— Это чьи корабли, не скажешь? Свайгов? — уточнил я у всезнайки-Суваева.

— Нет, — покачал головой Паша. — Это корабли цоофт. Все три. Два средних штурмовика и дипломатический бот.

— Ого! — я присвистнул. — У них даже дипломатические корабли бывают?

— У них до хрена чего бывает, — скорбно вздохнул Суваев.

Юлька нашла время, чтобы побеспокоиться о драгоценном капитане:

— Рома, ты ешь, ешь. Никуда твои парламентареры не денутся...

— Ага...

И действительно. Куда им деваться?

Пока я жевал свои бутерброды и запивал остывающим кофе, народ вполголоса переговаривался. Все уселись прямо на прозрачный пол перед пультом. Это было замечательное зрелище: несколько человек в одинаковых комбинезонах, подобрав под себя ноги, сидят словно бы в пустоте, над и под звездами, и глядят в сторону яркой-яркой тройной звезды.

— Да, — тихо и мечтательно прошептал Фломастер. — Шарахнуть бы сейчас по ним чем-нибудь фазово-импульсным... мокрого места не осталось бы.

— Лейтенант, окстись! — фыркнула Юлька. — Это ж парламентареры, послы! И отчего вы, мужчины, все до единого такие милитаристы?

— Кто б говорил, — хихикнул Суваев. — А Гордяеву сегодня голову не ты случайно прострелила, а отчаянная?

Юлька отмахнулась. Правильно, потому что стреляла не только она. Тот же Суваев тоже стрелял. И попал, между прочим.

Народ все прибывал: появились Яна и Смагин. Конечно же, Яна первый вопрос задала одновременно с появлением:

— Рома! Летят! Что мы им говорить-то будем?

— Это будет зависеть от того, что они нам скажут, — заметил я философски. — Не мы же к ним сунулись, они к нам. Вот слушаем, а там поглядим.

— Думаешь, они не сообразят, что корабль мертв?

— Если не пускать их далеко — не сообразят. Принять в нулевой шлюз, столы туда притаранить... Штуки три. Авось, не догадаются.

— Нулевой вручную открывается? — Яна обернулась к Зислису. Вероятно, она полагала, что подобные вопросы старший навигатор обязан знать даже в отрыве от вахты, в отрыве от корабля.

Зислис без колебаний подтвердил:

— Да.

— Так, — я звонко шлепнул по подлокотникам и распорядился: — Отошлите кого-нибудь принести столы из отдышаловки. И кресла. Насколько я помню, что цоофт, что свайги в состоянии втиснуть свои задницы в человеческие кресла.

— Свайги хвостатые, — заметил Суваев. — Впрочем, кресла все равно с дырками.

— Это не дырки, — поправила его аккуратистка-Яна. — Это у кресел спинки такие... Фигурные.

Фломастер вышел поднимать своих канониров.

— И охрану можешь припахать — посоветовал вдогонку Зислис.

— Их припахать, — пробурчал Фломастер. Но двинулся сначала к лифтам, а значит — ко входам в транспортники, где дежурила бывшая охрана директората.

— Знаете, — сказала вдруг Юлька. — А я совсем не волнуюсь. Привыкла, что ли? Или разучилась за последний месяц?

Офицерство зашумело, комментируя, соглашаясь и возражая; а я подумал, что тоже не испытываю перед аудиенцией с галактами особого трепета. Впрочем, когда жжешь пачками их корабли можно позволить себе некоторую расслабленность. Вот только бы не разубедить чужих, что мы в любой момент можем жечь их пачками. Даже сейчас.

Троица кораблей, похожая в фас на гантелю, приближалась.

— Тебе витаминчиков дать? — спросила Юлька.

— Чего это ты обо мне так заботишься? — поинтересовался я подозрительно. — С Риггелем поругалась, что ли?

— Да ну тебя, — Юлька отмахнулась. — Спит Риггелд. Без задних ног. И без передних тоже. Бутербродов нажрался и упал прямо в рубке, между шкафами. И правильно, по-моему, это мы тут трясем, зубами стучим...

— Кто стучит, — заметил Зислис, — а кто и нет. Кстати, витаминчиков я бы тоже проглотил. Глаза слипаются.

«Еще бы, — подумал я. — По внутреннему сейчас глубокая ночь... А поволновались мы накануне изрядно. Хорошо, что я подремать хоть пару часов успел. Но витаминчиков принять и мне не повредит.»

«Витаминчиками» мы называли стимулирующие таблетки. Порой во времена старательства по двое суток сидели в шахтах на чистом нейродопинге, и ничего... Выносливый все-таки народ старатели. Даже бывшие старатели. Бывшие старатели и бывшие звездолетчики.

Вслед за Фломастером ушла Яна. Смагин остался.

Минут через тридцать-тридцать пять Фломастер снова заглянул в рубку.

— Кэп? Столы на месте, и кресла тоже. Хлам мы с площадки вынесли, Янка там каких-то тряпок на стенах поразвесила. Говорит, для солидности.

— Пошли, — вздохнул я и встал. Потом подумал, что надо бы провести какой-нибудь беглый инструктаж. Все таки переговоры с галактами, исторический момент, то-се...

Я мысленно фыркнул и дал себе подзатыльник. Тоже мысленно.

Дипломат, е-мое. Уинстон Черчилль. Шадор Сайвали. Николай Шабейко, е-мое...

Проще будь, дядя Рома.

— Значит, так. За стол садимся вшестером, старшие и я. Остальным лучше не маячить. В каждой рубке оставить дежурного... На всякий случай, пусть это и бессмысленно. Плюс одного на посылки, вдруг чего еще в бинокли разглядят. Оружие при себе иметь. Клювом не щелкать. Буде возникнут гениальные мысли, прошу сначала посоветоваться со мной. На чужих глядеть мирно, хрен знает, что у них на уме. И... не оставь нас удача.

Старшие офицеры быстренько разбежались по своим рубкам на предмет назначения дежурных. Я спустился в нижний холл; трое высоких и плечистых охранников со здоровенными прикладными «Байкалами» стволами на локтевых сгибах пристроились у меня за спиной. По-моему, они тоже решили не ударить в грязь лицом перед зелененькими и выделили мне самых бравых парней из бывшей полиции директората. До шахты нулевого шлюза топать было минут десять, и я прошел эти минуты в полном молчании. Следом пружинисто вышагивали парни с «Байкалами», чуть поодаль — человек двадцать любопытствующих.

В шахту спустились только мы.

Спуск тоже занял минут десять. Нулевой шлюз — огромная полость под головными рубками — был пуст, как рудный капонир старателя после визита в факторию. Сюда можно было без хлопот загнать весь флот Волги, Офелии и Пояса Ванадия, и смотрелся бы он вроде горошины в багажнике вездехода «Урал». Уж и не знаю, кого сюда рассчитывал принимать корабль-фагоцит.

Верхний отсек-предбанник был ненамного меньше шлюза. В каждом из четырех верхних его углов крепились небольшие площадки (метров двадцать на метров тридцать примерно), огороженные ажурными решетчатыми перильцами. К каждой площадке примыкала причальная тяга, к которой с легкостью можно было пристыковать мой «Саргасс» или юлькин «бумеранг». Насколько я понял, корабельная гравитация действовала только на площадках, в предбаннике же царила невесомость. И я готов поспорить на что угодно, что искусственная гравитация причаливших кораблей совершенно не ощущается в пределах площадок.

Сейчас на одной из площадок, самой ближней к головным рубкам, стоял круглый стол из отдыхаловки и десяток кресел вокруг него. Еще два стола поменьше поставили в стороне, ближе к стене предбанника. Стены и перильца были наспех, но очень даже мило задрапированы цветными полотнищами — кажется, древними земными флагами. Боже мой, где Янка их откопала? Это же не людской корабль! Сама Янка, подбоченясь, прохаживалась вокруг стола и критически разглядывала результаты своей работы. Освещение над площадкой было включено на полную, видимо — вручную; я подумал, что если зелененькие привычны к свету иного спектра — тем хуже для них.

— Ну как, кэп? — спросила она с некоторой ревностью.

— Ты чудо, Янка, — пробормотал я. — Что бы я без тебя делал? Иди сюда, чмокну в нос...

Янка укоризненно покачала головой:

— И этот человек сейчас будет решать судьбу целой расы!

— С чего это ты взяла, что целой расы? — насторожился я.

Янка поглядела на меня, словно на слабоумного.

— Рома... Ты что, недоспал? Чужие будут от нас просить позволения приобщиться к техническим секретам корабля. Надеюсь ты понимаешь, что они это получают только в обмен на равноправное принятие Земли в союз пяти рас? Все равно долго мы на этой коварной посудине не задержимся... Так хоть свободу себе выторговать!

Я поморщился. В общем, она, конечно права. Но только станут ли чужие соблюдать соглашения, когда поймут — ЧТО есть этот корабль? Что это всего-навсего совершенный паразит?

А, впрочем, есть ли иной выход? Ты снова пришел ко все тому же выбору, Рома Савельев. Ты можешь бестолково умереть в чреве фагоцита, и имя твое не вспомнит никто во всей вселенной. А можешь стать первым человеком, с которым будет считаться могучий межзвездный союз. Можешь купить равноправие Земле и земным колониям. Можешь взбудоражить то болото, в которое превратилось человечество за последние триста лет... И если этот в общем-то маловероятный шанс все же выпадет тебе, Рома Савельев, тебя будут помнить... ну, скажем так: еще некоторое время. Смерть или слава. Заведомая смерть... или маленький шанс.

Как всегда. Как обычно.

Умным все-таки человеком был мой отец! Хотя, подозреваю: все, что он мне говорил, он и сам услышал от деда.

Впрочем, так ли это важно — знать, кому первому пришлось выбирать между смертью и славой? Мне кажется, что даже волосатый пращур, обладатель мощных надбровных дуг и тяжелой дубины, когда вставал на пороге родной пещеры, а вокруг улюлюкали враги — даже он не слишком задумывался о собственной смерти. Потому что верил: его ждет слава. И благодарность спасенного племени.

И я не стану задумываться. О смерти.

Но и на благодарность я тоже не особенно рассчитываю.

59. Фангриламай, адмиралиссимус группы фронтальных флотов «Зима», Zoophth, дипломатический бот и крейсер Ушедших/людей.

Ярко освещенный штурмовиками бот вплотную приблизился к крейсеру Ушедших. Их разделяла мизерная по космическим меркам дистанция. «Как он огромен, — подумал Фангриламай, стоя на мостике и глядя вперед-вверх. — Не могу поверить, что его строили люди. Но кто еще мог построить такой корабль для людей?»

Штурмовики замедляли ход, бот постепенно выдвигался вперед из группы, подныривая под необъятное брюхо чужого крейсера.

— Они вскрыли ближний к нам шлюз! — доложил личный интерпретатор Фангриламай, машинально трогая антенну транслятора, воткнутую в гнездо за ухом. Сколько Фангриламай помнил этого интерпретатора, он всегда трогал свой прибор. Наверное, так ему было легче воспринимать трансляции.

— К шлюзу, — прощелкал Фангриламай.

«Они по-прежнему следуют кодексу высших рас, — подумал он. — Скорлупа! Вот уж чего никто не ожидал.»

Никаких полей вокруг крейсера приборы цоофт не зарегистрировали. То ли люди демонстрировали добрую волю и готовность к переговорам, то ли пользовались технологиями, пока недоступными союзу.

Фангриламай из всех сил надеялся на первое и готовился ко второму.

Не стали люди и вводить бот в шлюз на служебном гравитационном шнурке.

Предоставили маневрировать самостоятельно. Впрочем, створ шлюза настолько превышал размеры и бота, и штурмовиков, что благополучно пройти его и затормозиться в буферной зоне было несложной задачей даже для самого ахового пилота.

Бот вели лучшие асы флота.

Медленно, очень медленно послы союза вплывали в поражающий воображение шлюз — слишком уж он был огромен. Фангриламай угрюмо подумал, что шлюз этот сейчас сильно напоминает распахнутую пасть какого-нибудь безмозглого зверя. Ам! — и нет больше никаких послов.

Когда корабли зависли в центре шлюза, створки стали величаво закрываться.

Закрывались они долго, отделяя бот от спасительной бесконечности космоса.

Что ждет здесь парламентариев союза? Переговоры или ультиматум, брошенный сильным слабому? Не мог Фангриламай забыть собственных чувств, когда узнал, что этот пусть и невероятно большой, но все же одиночный корабль обратил в ничто крупный флот нетленных и практически все силы союза, посланные для осады. Уничтожил за очень короткое время, и, похоже, одним-единственным ударом.

Не то чтобы адмиралиссимус боялся — за себя. Он не один раз заглядывал в глаза смерти. Сотни схваток и боев выплавили его немалый опыт военачальника и научили пересиливать первобытный страх.

Фангриламай боялся стать свидетелем смертного приговора всему союзу. Ибо чувствовал: если договориться с людьми не удастся, остановить их не сумеют и все силы союза.

Не стоило затевать тот десант на Волгу, ох не стоило... В самом начале, когда захлебнулась первая бравая высадка азанни, надо было свернуть стандартные операции и разработать новый, оригинальный план осады. И не обращаться с людьми, как с животными.

Но кто же заранее знал, что люди — не просто недоразвитые млекопитающие из периферийных систем? Что это спящие властелины галактики...

Спящие — вот как их правильно следовало называть. Спящие, а не Ушедшие. Никуда они не уходили. Просто ждали часа, когда нужно будет вмешаться.

И этот час пробил.

Когда шлюз закрылся, в буфер начали нагнетать воздух. Снова пришлось ждать.

Наверное, — думал Фангриламай, — когда-нибудь это должно было произойти. Когда-нибудь союз должен был столкнуться со старшей силой. Даже нетленные доставляют нам хлопоты не столько своими продвинутыми технологиями, сколько банальной численностью. Их много, чересчур много, и только поэтому союз испытывает определенные проблемы с обеспечением безопасности своих миров.

Но Ушедшие — это другое. Интерпретаторы пришли к выводу, что лучшие солдаты вселенной неагрессивны. Они и активизировались только потому, что на человеческие планеты стали наведываться представители союза. Свайги. И вели себя не слишком-то любезно.

В результате из небытия явился этот поражающий воображение крейсер. И мы сами доставили на борт его экипаж... и были незамедлительно вышвырнуты как с крейсера, так и из человеческой звездной системы.

Только одно насторожило интерпретаторов: люди уничтожили собственный дом, собственную планету. Не для того ли, чтобы карающим смерчем пройти по всей галактике и выжечь дотла материнские миры обидчиков? По правде говоря, это представлялось вполне возможным и правдоподобным. Да и слишком походило на ритуальный клятвенный жест.

Но нет, крейсер забился в глухой малопосещаемый угол пространства и пассивно ждал. Довольно долго, больше лунного цикла на Цо. И не стал предпринимать никаких враждебных действий, напротив высказал готовность к переговорам. Когда давление внутри буфера и внутри корабля уравнилось, открылись вторые створки, впуская бот непосредственно в корабельный ангар. Пилоты не стали ждать пока створки откроются полностью — подали маленькую цветную призму вперед и скользнули в щель как только ее размеры стали достаточными для безопасного прохода. Штурмовики, согласно кодекса высших рас, остались в буфере шлюза. Они продолжали освещать бот бортовыми излучателями.

В дальнем верхнем углу ангара призывно помигал маяк — три вспышки, четыре вспышки. И так несколько раз. Люди продолжали уверять парламентариев в собственных мирных намерениях. Бот плавно поплыл к причальной штанге, выдающейся далеко в глубину ангара.

Сближение.

Сброс хода.

Швартовка.

— Швартовка завершена, адмирал! Прикажете отдраивать люки?

Починенные всегда звали Фангриламаю просто «адмиралом». И он к этому давным-давно привык, хотя знать Цо иногда позволяла себе довольно рискованные шутки по этому поводу.

Но Фангриламая не задевали шутки знати, потому что в бой он ходил не со знатью, а с подчиненными. Корпус к корпусу. И те редко подводили адмирала-адмиралиссимуса.

— Отдраивайте... Зачем, спрашивается, мы сюда прилетели?

Зашипели клапаны в стыковочном хоботе. Хорошо, хоть люди дышат воздухом, пригодным сразу для четырех рас союза. Только представителю а'йшей придется надевать скафандр. Остальные могут выходить налегке.

Пока обслуга выносила циновки, креслонаседы, кресла для свайгов и силовые коконы для а'йшей, Фангриламай внимательно оглядел площадку перед причалом. И сразу понял, что люди намерены проводить переговоры прямо здесь.

Что ж. Их право.

— Адмирал! — рядом возник техник-ординарец. — Ваш переводчик...

Он протянул Фангриламаю плоскую брошь. Фангриламай послушно прикрепил ее к мундиру на груди.

Интерпретаторы негромко совещались в двух шагах от выхода.

— Все готово, — доложил капитан бота. — Удачи, мой адмирал!

— Спасибо, Дарх, — Фангриламай качнул головой на длинной шее. — Думаю, удача нам понадобится.

И решительно двинулся прочь с мостика. К стыковочному хоботу. Интерпретаторы пристроились вослед двум прим-адмиралам, Вьенсиламаю и Шуаллиламаю. Солдаты из эскорта уже стояли на причальной площадке двумя шеренгами с парадными ружьями «На караул».

Перед круглым столом стоял человек. В одиночестве. Остальные группой держались у стола; причем охранников-людей насчитывалось всего трое. На стенах и ажурных рамах площадки тихонько шевелились разноцветные полотнища — явно ритуального характера. Ну, это добрый знак. Ритуалы — показатель разумности. Они, как правило, складываются не за один день, и если их придерживаются — значит раса склонна к самодисциплине. С такими легче договориться, чем с варварами, признающими только грубую силу.

Зашуршала брошь, переводя приветственную фразу человека. Фангриламай на всякий случай остановился.

— Здравствуйте! Я капитан этого корабля. Думаю, по законам любой расы сейчас надлежит поприветствовать вас на борту моего корабля.

— Конечно, капитан, — Фангриламай хотел улыбнуться, и даже напруг уже было клюв и приготовился развести пальцы на руках, но потом понял, что люди вряд ли это правильно воспримут. Лучше оставить все как есть. — Я ведущий парламентар

представителей союза, и дабы не утруждать себя непривычными именами, можете звать меня просто «адмирал». Я же стану, с вашего позволения, именовать вас просто «капитаном».

— Принимается, — согласился человек и искривил рот; Фангриламай знал, что эта гримаса на лице по смыслу аналогична улыбке цоофт или шевелению горлового пузыря свайге.

— Прекрасно. Как только представители союза займут свои места, я всех представлю. Где разместитесь вы, капитан?

— За столом, — человек указал рукой назад. — Рассаживайтесь, пожалуйста.

«Вежливость, — подумал Фангриламай, подавая знак свите. — Что может быть лучше? Жаль, что нетленным вежливость не свойственна. И хвала звездам, что людям — оказывается — свойственна. Какой олук назвал их дикарями?»

Капитан был одет в очень обычный комбинезон и ботинки — если не принимать во внимание длину рукавов и штанин, особенности покроя комбинезона и форму ботинок, и то и другое не слишком-то отличалось от привычного любому выходцу с Цо.

Единственное, на чем невольно то и дело задерживался взгляд, это поросшая густой шерстью верхняя часть головы людей. Вот это было действительно непривычно.

Кроме того, у одного из людей у стола глаза были прикрыты темными светофильтрами в желтоватой оправе, а у другого шерсть росла еще и на нижней части головы, переходя даже на шею, и еще один продолговатый пучок произрастал между носом и ртом — млекопитающие ухитрились в процессе эволюции разделить присущие птичьему клюву функции двум разным органам.

Люди заняли дальнюю полуокружность стола. Союзники вытянулись в дугу напротив. Охранники людей стояли за спинами, в нескольких шагах. Кроме того, кто-то периодически заглядывал в угловую дверь, и сновал вдоль стены. Впрочем, это не нужно было замечать.

Караул цоофт остался у стыковочного хобота, перестроившись во фронт. А другие союзники прибыли без охраны. Переговоры ведут цоофт. Они же все и обеспечивают.

— Итак, капитан. Я рад, что все происходит согласно кодекса высших рас, и, откровенно говоря, это для нас приятная неожиданность. Предлагаю забыть все неприятные моменты наших отношений — как вторжение на вашу планету и вывоз с нее населения, равно и бесславную гибель значительных сил союза. В интересах дела, очистим от этого память.

— Согласен, — сказал капитан.

— Тогда позволю себе представить делегацию союза пяти рас.

Фангриламай встал, сделал шаг вперед и вбок, затем указал на группу из трех свайгов, Ххариз Ба-Садж и его советников:

— Премьер-адмирал сат-клана Свайге. Уполномочен Галереей Свайге.

Ххариз, один из немногих приятелей Фангриламай среди представителей иных рас, встал и торжественно развернул гребень на голове.

— Пик пирамиды Сойло, уполномочен конклавом пирамид Азанни.

Маленький азанни, зовущийся Сойло-па-Тьерц, соскочил с креслонасеста, раскинул крылоруки, сделал лихую мертвую петлю и ловко приземлился на прежнее место. Его советники на общем креслонасесте ограничились дружным хлопком.

— Представитель Роя. Никем не уполномочен, поскольку не...

— Мы достаточно знаем о Рое, адмирал. Пожалуйста продолжайте, и прошу прощения, что перебил вас.

Фангриламай вежливо полуприсел и покосился на оцепеневшего инсектоида. Тот прибыл в одиночестве, чему Фангриламай ничуть не удивился. Где присутствует хоть один из Роя, там присутствует весь Рой.

Инсектоид догадался пошевелить усиками-антеннами и вновь замер в позе ожидания. Он не нуждался ни в имени, ни в комфорте. Потому просто опирался четырьмя лапками о платформу без всяких там кресел и насестов.

— Представитель технократии а'йшей. Уполномочен технократией. Боюсь, он никак визуально не сможет поприветствовать вас. Но он все слышит и все понимает, и если понадобится, сможет высказаться через нас.

И, наконец, представители цоофт: прим-адмиралы фронтальных флотов, уполномочены триадой Цо.

Оба адмирала синхронно встали с циновок, полуприсели, и водворились на место.

— Решением союза и согласно кодекса высших рас вести переговоры доверено мне, адмиралиссимуму флотов Цо.

Делегация союза приветствует собеседников и надеется на удачный исход переговоров.

Да окрепнет союз!

Произнеся заключительную ритуальную фразу, Фангриламай присел, поблагодарил дипломатов-союзников, и ненадолго опустился на циновку. Капитан людей воспринял это как приглашение представить своих. Он сделал это на удивление кратко и емко.

- Пилот.
- Навигатор.
- Аналитик.
- Стратег.
- Информатик.
- Все уполномочены мной.

Названные просто вставали и сразу же садились.

«Да, — подумал Фангриламай. — Похоже, люди не особенно любят разговоры и официоз. Пока в саморекламе всех перещеголял хитрец-азанни: умение летать всегда было предметом зависти остальных рас...»

Летающие особи Роя, понятно, в расчет никто не брал, Рой вообще слишком специфическое сообщество, чтобы ему завидовать.

— Итак, адмирал. Я внимательнейшим образом слушаю все, что вы пожелаете мне высказать.

И человек совершенно обычным для цоофт жестом поставил локти на столешницу и свел руки так, что кончики пальцев коснулись друг друга. Только на каждой руке у него было по пять пальцев, а не по четыре, как у цоофт, азанни и свайгов. Фангриламай еще раз окинул мысленным взором заранее отрепетированную речь, и, надеясь, что удача и вдохновение не покинут его, начал:

— Все мы жители одной галактики. Пять рас, которые принято называть высшими, расы-сателлиты, еще неспособные самостоятельно противостоять космосу, и вы, люди. До недавнего времени союз был убежден, что ваша раса стоит на очень низкой ступени развития. Такие расы в галактике принято называть новоразумными. Как правило статус новоразумной получает раса, сумевшая самостоятельно выйти в космос. На сегодняшний день в галактике насчитывается четыре расы, самостоятельно вышедших в космос. Это шат-тсуры, это булинги, и это оаонс-перевертыши. Четвертые — вы. Должен сказать, что люди сумели даже добраться до соседних звезд, чего не удалось сделать остальным трем.

Раса, получившая статус новоразумной обычно берется под опеку одной из высших рас. Той, которая новоразумных обнаружила. Но с вами этого не произошло. Причина проста — война. В галактике давно идет война с пришельцами из Ядра — нетленными, и у Галереи Свайге просто не хватило времени и средств, чтобы взять вас под опеку.

Трудно в этом признаваться, но союз проигрывает эту войну. Проигрывает не потому, что отстает от противника технологически. И не потому, что не умеет воевать.

Наши трудности проистекают из колоссального превосходства сил противника над союзными силами. У нетленных больше кораблей. А еще точнее — они сами являются кораблями, хотя думаю, что теперь это известно и людям.

Союз будет сдавать планету за планетой, систему за системой, это может продолжаться еще тысячи лет — земных лет или лет Цо, они не слишком отличаются по длительности. Такое будущее предвидели еще наши праматери и прадеды. Без некоего неожиданного фактора со стороны, без ситуации-икс остановить это неуклонное сползание к краху невозможно. Мы ждали этого фактора икс столетиями. И вот, наконец, этот корабль, — Фангриламай театральным жестом повел рукой. — Этот поражающий воображение корабль. Воплощение технологического совершенства. Его появление у вашей родной планеты означало, что у союза забрезжил где-то впереди лучик надежды.

К сожалению, этот корабль никто первоначально не связал с вашей расой, да и мудро было это сделать. Я прошу прощения за резкость, но нас несколько оскорбило, что спасение явилось не к высшей расе, а к вам, как мы думали тогда — новоразумным. И мы всеми силами постарались исправить положение.

Истина открылась нам несколько позже, когда стало понятно, что человечество — латентная раса. Вы скрывали в себе потенциал, который однозначно приравнивал вас к высшим расам. Но ошибку исправлять было уже поздно, тем более, что враг тоже заинтересовался вашим кораблем. Лишь мощь человеческого оружия не допустила краха союза перед натиском нетленных уже сейчас.

Вместе с тем, не ускользнуло от нашего внимания и то, что головокружительный взлет на вершину галактической пирамиды затронул только тех людей, которые

соприкоснулись с этим кораблем. Остальные человеческие колонии и материнская планета не претерпели сколько-нибудь заметных изменений за последнее время. Напрашивается вывод, что человечество является полноценным партнером лишь в совокупности с высокотехнологичной техникой. Но у нас хватило данных чтобы понять и то, что та же техника в чистом виде абсолютно ничего не даст остальным расам. Это сугубо ваш корабль. Человеческий. Союз посчитал своим долгом договориться с вами на правах соседей, которым дорог наш общий дом, и поручил мне, адмиралиссимусу флотов Цо и полномочному представителю союза, заявить вам, людям, следующее.

- Союз выражает готовность к сотрудничеству и союзнчеству с человеческой расой по большинству направлений деятельности в галактике и за ее пределами.
- Союз выражает надежду на поддержку людей в деле защиты нашего общего исконного дома от вторгшихся из Ядра захватчиков.
- Союз приносит все возможные извинения за неадекватные действия в отношении представителей человеческой расы и заверяет, что отныне ничего подобного не повторится до тех пор, пока кодекс высших рас останется взаимособлюден.
- Союз не предъявляет человечеству никаких претензий за действия, повлекшие ущерб силам союза.
- Союз надеется, что человечество с пониманием отнесется к грозящей всем нам опасности и пойдет навстречу предложениям союза.
- Союз понимает, что расслоение человечества не укрепит, а наоборот ослабит шансы на общую победу в войне с нетленными, и поэтому готово оказать посильную технологическую и ресурсную помощь той части вашей расы, которая продолжает пребывать в латентно-разумном состоянии.
- Предваряя возможные сомнения и вопросы союз заявляет, что готов обсудить взаимовыгодные условия, при которых союз пяти рас превратится в союз шести рас. В заключение, уважаемый капитан, я хочу выразить надежду, что размышления ваши будут не слишком долгими, потому что время работает против всех нас. Вы, скорее всего, прекрасно знаете, что крупное соединение нетленных готовится проколоть барьер неподалеку отсюда. Да окрепнет союз.

С этими словами Фангриламай совершил приседание вежливости, и опустился на циновку, переводя дыхание. Тут же он перехватил взгляд премьер-адмирала Свайге Ххариз Ба-Садж. По тому, как мелко дрожал кончик великолепного гребня Ххариз, Фангриламай понял, что его речь произвела впечатление по крайней мере на одного из союзников.

Поднялся человек-капитан. Фангриламай во время прыжка прошел экспресс-курс по человеческим эмоциям и человеческой мимике, но все его старания уловить настрой капитана ничем не увенчались: если на этом лице что-либо и отразилось, это ускользнуло от внимания адмиралиссимуса. Впрочем, курс этот Фангриламай проходил скорее по привычке соблюдать все инструкции, чем в надежде применить его в деле. Никто не ожидал, что люди, имея такое превосходство, пойдут на диалог. И сейчас виднейшие политики союза затаили дыхание, опасаясь спугнуть удачу.

- Благодарю за столь пылкую речь, адмирал. Не стану утверждать, что согласен со всем, что сейчас было сказано, и не возьмусь судить составил ли союз о человеческой расе безукоризненно верное мнение. Тем не менее уверяю вас, что выслушал все предложения самым внимательным образом. Надеюсь вы понимаете, что столь ответственные решения не принимаются с ходу. Я должен все обдумать и обсудить со своими помощниками. А на это нужно некоторое время.

Из вашей речи я заключил, что вы имеете представление о человеческих единицах измерения времени.

Двое суток. Мы ответим через двое земных суток. Таково мое решение на текущий момент.

Фангриламай боялся, что его радость выплеснется из-под мундира. Люди снова поступили в соответствии с кодексом высших рас. А согласно этого кодекса испрошенное время на принятие решения в сущности означало ответ «Да». За эти двое суток люди должны будут всего лишь сформулировать свои условия при общем согласии с предложениями союза.

«Только бы снова не вмешались нетленные... А вообще, говоря без пыли, хватило бы людям и стандартных суток. Но, не будем пугать удачу...»

Делегация погрузилась в бот с той же торжественной неторопливостью, но Фангриламай прекрасно видел, что у союзников прекрасное настроение.

Единственным живым существом, чье настроение адмирал не уловил, был инсектоид-представитель Роя.

— До встречи, капитан! До встречи через оговоренное время.

— До встречи, адмирал!

Швартовочный хобот поглотил последних галактов, остававшихся на площадке — почетный караул цоофт.

Лишь когда дипломатический бот вернулся в открытый космос и взял курс к армаде союза Фангриламай позволил себе целую серию ликующих приседаний, и при этом ничуть не боялся потерять солидность.

Слегка отрезвил его скептический взгляд интерпретатора, как обычно рукой ласкающего антеннку транслятора у уха.

— Ну? Что скажешь? — обратился к нему адмиралиссимус.

Интерпретатор тоже не скрывал хорошего настроения. Но за что Фангриламай его ценил, так это за профессионализм. Стоило к его мнению прислушаться даже сейчас, когда вокруг царил праздник.

— Это конечно хорошо, что люди пошли на разговор, да еще на равных. Но это же говорит и против них. Возможно, не так уж велико их преимущество. А возможно, дикарями они были, дикарями и остались, просто с такой игрушкой в запасе люди могут попробовать поводить нас за клюв. По-моему, они просто тянут время. Но зачем — вот вопрос... Впрочем, мы предоставим отчет верховных интерпретаторов триаде и союзу как только он будет готов.

— Уж постарайтесь, — сказал Фангриламай и повернулся к адмиралам-заместителям, показывая, что разговор закончен.

60. Роман Савельев, капитан, Номо, крейсер Ушедших «Волга».

Никогда еще моя жизнь не состояла из таких длинных минут и совершенно нескончаемых часов. Тяжкая эта работа — ждать... Хотя и существует старательская поговорка «ждать — не руду колоть».

Видно, ожидание ожиданию рознь.

Не знаю как кто, а я все же умудрялся в течение этих двух неотличимых друг от друга дней и ночей иногда уснуть. Правда, ненадолго. Капитанская каюта превратилась черт знает во что, в проходной двор, но я никого не гнал. Человек сорок прошло через нее за это время, не меньше. Ладно — старшие офицеры и старые приятели еще по Волге. Но какие-то совершенно мне незнакомые физиономии... Не мог я их выгнать, невзирая на то, что очень хотелось. В конце-концов, эти люди хотя бы не бунтовали против меня. Только лишь скользкая рожа Самохвалов трижды пытался прорваться ко мне с какими-то заявлениями. Но Фломастер распорядился, и охранники довольно бесцеремонно заворачивали его на сто восемьдесят. А на третий раз, по-моему, вообще выпроводили за офицерский сектор — там, вроде бы, тоже кордон организован. Янка, умница, какое-то обращение к экипажу сочинила, и даже на утверждение мне принесла, да только башка моя многострадальная наотрез отказалась воспринимать от руки начертанный текст. Чужие тоже ждали. Не знаю, что они затеяли и о чем догадались. Историческая встреча с дипломатами союза, во время которой не хватало только флажков на столе и бутылок с минералкой, разносимых миловидными девицами в строгих деловых костюмах, то казалась мне каким-то чудовищным фарсом, то вполне толковым обменом любезностями.

Все-таки, есть что-то неправильное, в том, что человеческую расу на переговорах представляет вчерашний старатель. Как-то в старину кухарок уже допустили к управлению, и все прекрасно помнят, что из этого получилось.

С другой стороны, я не видел ничего такого, за что мог бы себя упрекнуть.

И все просто уперлось во время.

Мишка Зислис, обкурившийся своих вонючих сигар до одури, Лелик Веригин и Костя Чистяков отключились к исходу вторых суток беспомощности. Суваев с ненавистью тарашился на мертвый шкаф с биоскафандром воспаленными глазами. Запасенный кофе кончился. То и дело забегал Фломастер и шепотом спрашивал: «Сколько уже прошло?» Будто у него своего хронометра нету.

Недавно я ответил ему: «Сорок три часа... с небольшим.»

И снова погрузился в вязкую полудрему.

Я обещал чужим обсудить речь адмирала цоофт со своими офицерами. Можно сказать, что обсудил. Хотя обсуждение свелось к единственной реплике Суваева: «Да чего тут обсуждать... Пусть делятся технологиями с Землей, причем начинают немедленно. А мы потом проверим... Если сможем.»

Вот-вот. Если сможем. Я был вполне согласен с Суваевым. И еще я подумал, что наше теперешнее нервное истощение очень похоже на ломку наркомана, лишенного зелья.

Корабль звал нас.

Интерфейсник толкнул меня на исходе сорок четвертого часа.

Откуда только силы взялись и куда делась усталость — это не у меня спрашивайте. Едва я схватился за интерфейсник, всех в рубке словно током ударило, а потом подбросило с невидимого пола.

По крохотному экранчику пробежала вереница цифр. Корабль совершал неторопливый выбор, а в мыслях билось однообразное: «скорее! ну скорее же!»

Через двенадцать минут я встал, и хриплым голосом объявил:

— Рубка двигателей!

Это тридцать два километра, между прочим. И в запасе у нас четыре часа. С учетом того, что на борту имеются таинственным образом возникшие велосипеды — мы успеваем.

С собой я взял тройку канониров — Ханьку, и двух старых приятелей из таких же, как сам, рудокопов. А старших разогнал по целевым рубкам, и заказал отходить от шкафов дальше, чем на пять метров. И заставил каждого найти свой коммуникатор. Гонку по пустым и темным транспортным рукавам я буду, наверное, помнить всю оставшуюся жизнь. Ползущее по потолку световое пятно точно над моей макушкой и тихий шелест каучуковых шин. Мы гнали в обход офицерского сектора, в обход жилых секторов, и спасибо, что никого не встретили по пути. Ни единую живую душу. А в рубке двигателей я нос к носу столкнулся с невыспавшимся и небритым Борисом Прокудиным. Он глядел на меня с немой невысказанной надеждой.

— Сейчас, друг, — сказал я ему, распахивая нужный шкаф, четвертый слева. — Сейчас, — повторял я, сдирая комбинезон и расшвыривая ботинки. — Сейчас... — я влез в непривычно холодный биоскафандр, и когда створки вдруг ожили и послушно срослись, а по всему телу пробежала горячая волна и тысячи иголок вонзились в плоть, я ощутил долгожданное облегчение.

А потом рухнул в самые нежные и самые желанные объятия, какие человек в состоянии вообразить. Нетерпеливо и яростно бросился навстречу шторму, словно втоняя в вену инъектор со снадобьем.

Мир вобрал меня, а я вобрал мир. Я снова был могучим, и сразу почувствовал так много и так ясно, что набор чисто человеческих чувств показался мне серым и убогим.

Я чувствовал, как корабль радуется мне. Я чувствовал, как вместо тусклого аварийного освещения повсюду вспыхивает ослепительный дневной свет. Как тысячи людей подключаются ко мне и кораблю, выплескивая в сеть всю свою сущность. Как возникают в пустоте и крепнут вокруг корабля-меня-нас силовые поля и мы без сожалений расстаемся с беззащитностью. Я увидел, как висят в пустоте далекие звезды и близкие корабли союза, и видел множество нетленных, медленно замыкающих союзную армаду вместе с нами в глухую сферу.

Впрочем, «видел» — это неточное слово... слишком слабое. Бесплезное это дело — описывать словами чудо.

Надеюсь, что смогу вырваться из твоих объятий, лучший из кораблей и злейший из кораблей. Мечта любого звездолетчика и его притягательное проклятие. Рок.

Я даже знаю, что я сделаю в ближайшие часы.

Сначала я ненадолго вернусь в тусклый человеческий мир, оседлаю дурацкий примитивный механизм на двух колесах и в компании троих таких же как сам жалких балбесов вернусь к головным рубкам. Балбесы разбегутся по своим операторским точкам, а я войду в капитанскую. И снова стану настоящим капитаном, для которого экипаж и корабль — просто частичка целого.

Я свяжусь с чужими и отвечу «Да» на их предложения, и посоветую немедленно отправить на Землю и все ключевые планеты человечества дипломатические миссии. Я посмеюсь над нетленными, которые уже успели заметить, что я оживаю, и которые драпают по всем возможным разгонным векторам и исчезают за барьером один за другим... и правильно делают. Я обговарю с руководством союза предварительный план атаки нетленных в нашей галактике и за ее пределами, потому что для этого я и призван.

И я очень надеюсь, что все-таки сумею после всего этого остаться человеком и покинуть корабль. Вместе со всеми, кто поддержал меня после того, как погибла Волга-планета.

С Юлькой отчаянной и Риггелем, который ее у меня отнял. С всезнайкой Суваевым. С Мишкой Зислисом, Яной Шепеленко, Юрой Смагиным, с Фломастером, Ханькой,

Веригиным, Чистяковым, Хаецкими, Прокудиным, Мустяцей — со всеми, кто захочет и сможет присоединиться.

Кто окажется сильнее судьбы и будет в состоянии сделать вечный выбор любого человека между смертью и славой.

А если корабль меня все же не отпустит... Что ж. Значит мы останемся вместе. Я и тогда знаю, что делать. Через какой-нибудь час на пути к капитанской рубке я сверну к ремзоне и оставляю там интерфейсник с кое-какой информацией... в одной неплохо замаскированной камере. И еще со временем я добуду из капитанского сейфа небольшую плоскую шкатулку, в которую я еще ни разу не заглядывал, но догадываюсь о содержимом.

Я позабочусь об этой шкатулке.

И тогда я стану одним из немногих, кто в извечном выборе между смертью или славой выбирает и то, и другое...

октябрь 97 — февраль 98. Москва — Николаев.

Владимир Васильев

Смерть или слава ЧАСТЬ - -2

Черная Эстафета

«Черная Эстафета»: АСТ; 1999
ISBN 5-237-03391-1

Аннотация

Пилот космической яхты принял выгодное предложение — взять на борт груз, за доставку которого будет заплачено целое состояние. Так началось нечто, еще не бывалое даже на просторах открытого космоса. Даже для лихих звездолетчиков, привыкших к любой опасности, к любой игре со смертью. Так началась ЧЕРНАЯ ЭСТАФЕТА. Гонка на выживание. Проигравшие просто гибнут, и никто не вспомнит о них. Победитель получает ВСЕ. Только вот... останется ли хоть кто — то, чтобы стать победителем?..

Владимир Васильев
Черная эстафета
Фантастико-приключенческий роман.

Этап первый: Войцех Шондраковский, Номо, Офелия — Набла Квадрат.

Бар назывался просто и незамысловато: «Волга». Войцех хмыкнул. Он-то знал, что означает подобное название. Но много ли людей в сфере влияния Земли могли похвастаться подобным знанием? Сомнительно, что больше нескольких миллионов. А вот чужие, скорее всего, запомнили планету Волга накрепко: именно там сто пятьдесят лет назад завязались события, благодаря которым люди из отсталых и презираемых дикарей в одночасье превратились в одну из сильнейших рас Галактики. Кроме того, на материнской планете человечества существовала река, издревле именуемая Волгой. Наверное, по названию этой реки была когда-то наречена и планета Волга, дом Романа Савельева и Юлии Юргенсон. Этих людей теперь знала вся Галактика. От технократической элиты а'йешей до последнего забулдыги периферийной земной колонии. От невозмутимого Роя до «поющих скелетов», шат-тсуров, самых, наверное, отпетых разгильдяев в обозримой части Вселенной. Людей — знала. Но вот имя далекой планетки, погибшей сто пятьдесят лет назад, успело забыться. Время беспощадно к памяти. Войцех решительно выплюнул на тротуар полупустую капсулу «бреда» и шагнул к перепонке. Перепонка, едва Войцех ее коснулся, расслоилась и пропустила посетителя в полутемный зал, а потом почти мгновенно затянула разрыв и отсекла бар от улицы. Стало темнее; а звуки приобрели ни с чем не сравнимую отчетливость и объемность. Бар был явно оборудован сурраундом. Это несколько удивило Войцеха — подобные места редко тратятся на дорогостоящую технику. Не то чтобы «Волга» слыла притоном или сомнительным заведением: больше всего этот небольшой бар при втором по величине космодроме Офелии походил на помесь биржи труда с фрахтовочной конторой. Здесь можно было нанять корабль, который доставит заказчика куда угодно. Или, наоборот, наняться на корабль с целью подзаработать — если ты специалист-астронавт, конечно. Можно отправить груз или получить отправленный. Здесь нетрудно выяснить судьбу и местонахождение любого из десятков тысяч людских кораблей, кроме, разумеется, военных. А, впрочем, и судьбу военных зачастую удается выяснить, проявив некоторую настойчивость.

На космодроме или в агентстве аналогичные задачи решались не сложнее и не легче, нежели в «Волге». У любого связанного с космосом и полетами человека или инопланетянина давно установились предпочтения – куда идти в первую очередь. Войцех выбрал для себя бары. С самого первого фрахта.

Его небольшой кораблик, носящий игрушечное имя «Карандаш», не годился для серьезных фрахтов. Ну сколько груза можно впихнуть в малыша с массой покоя всего в полсотни регистровых тонн? Поэтому Войцех подвизался в секторе разовых контрактов с частниками. Дело не особо прибыльное, зато чаще всего спокойное и надежное.

Риска Войцех не то чтобы избегал – просто всегда стремился свести к самому минимуму. Увы, даже минимум известного риска иной раз оборачивался такими передрыганиями, что человек с менее крепкими нервами успел бы не раз поседеть. Войцех в свои двадцать девять седым стал лишь наполовину, причем издалека его выбивающаяся из-под неизменной кепочки шевелюра казалась просто пепельной. Можно было даже решить, будто он красится. Но вблизи становилось заметно, что в аспидно-черные волосы просто вкраплено столько же седых.

Бар казался полупустым; над матовыми перегородками, отделяющими кабинки одна от другой, поднимались облачка сигаретного дыма. Войцех выбрал столик посреди зала, в стороне от кабинок. Щелчком пальцев позвал официанта – живого, кстати, а не автомата. Официант подходить не спешил, только покосился на Войцеха, и вновь вперил взгляд в кого-то, скрытого за перегородкой.

Впрочем, Войцех тоже не спешил. Когда официант соизволил подойти (минут через пять), Войцех заказал «Траминер Офелии» – вино, которое очень любил, и дежурное блюдо с непроизносимым местным названием.

Когда принесли вино, Войцех выставил на столик хромированную табличку с названием своего кораблика: «Карандаш. 50 рег. тонн.»

Все. Теперь всем ясно – он пилот, ожидающий клиента. Яхтсмен-одиночка, сорвиголова, космический бродяга. И грузоподъемность его скорлупки тоже всем понятна.

Сидеть предстояло долго – поэтому Войцех и не спешил.

Ближе к вечеру в бар начал стягиваться народ – днем дела решаются в основном на космодроме. Зато вечером – здесь. А терпения любому яхтсмену-одиночке не занимать.

Одну из кабинок покинули свайги, похожие на гигантских тектонов в комбинезонах. Сразу четверо. «Интересно, – подумал Войцех, – что они заказывали? Рыбу?»

Об этих созданиях Войцех знал не больше и не меньше, чем любой человек. Раса разумных рептилий, одна из сильнейших в Галактике. Наряду с людьми.

Когда-то их Галерея держала в повиновении всех свайгов во всем обозримом космосе да плюс несколько рас-сателлитов. Увы, знакомство с человеческой цивилизацией не прошло даром для всего союза – так уж случилось, что в обмен на технологическое могущество союз перенял все самое низкое и отвратное, что нашлось в обиходе у людей. Преступность, контрабанда, леность, ложь, предательство...

Помойка почему-то всегда разрастается неимоверно быстро. Просто теперь на помойке преобладают не стружки, тряпки и объедки, а пластик, кремнийорганика и биологические нейрочипы-вытяжки. Это все, что изменилось со времени вступления Земли в союз – консистенция мусора, да размеры помойки.

Увы.

Относительно мало изменились лишь а'йеши – разумным кристаллам трудно перенять земные пороки. Впрочем, эти холодные во всех смыслах создания вознесли искусство контрабанды на такую высоту, какая не снилась в свое время китайцам и русским. Единственный, кто не изменился вовсе – это Рой. Но Рой всегда был вещь в себе, его плохо понимали остальные расы.

Что же касается свайгов, азанни и цоофт – этот великий некогда триумвират с момента окончательной победы над нетленными приобрел столько человеческих черт и привычек, что даже сферы влияния Земли и колоний, Галереи Свайге, Пирамид азанни и триады цоофт как-то размылись и смазались, постепенно вообще сливаясь в одну. Войцех размышлял, потягивая вино. Дежурное блюдо он давно проглотил – оказалось, кстати, очень вкусно.

Союз развалился на две неравных части – на космос людей, птичек и рептилий, некую аморфную общность без особых законов и правил; и на острова влияния а'йешей и непостижимого во всех отношениях Роя. Войцех придерживался мысли, что только присутствие в Галактике общего противника – нетленных – сплачивало союз на протяжении долгих лет. Исчезла угроза, и союз немедленно стал трещать по всем швам. Четыре расы начали стремительную ассимиляцию культур, одна склонилась к

окончательной изоляции, а замерзшие кристаллики с воодушевлением принялись обдѣлывать собственные делишки по не всегда корректным рецептам землян. Понятно, что а'йшей в первую очередь интересовали совершенно другие планеты, нежели кислорододышащих. А если нечего делить, процветает не война, а торговля и контрабанда.

Войцех с большой охотой согласился бы доставить какой-нибудь груз а'йшам. Или от них — куда угодно. Сотрудничество с бывшими технократами сулило самые высокие прибыли, Войцех не раз в этом убеждался.

Жаль, что на Офелии такой выгодный фрахт вряд ли светит.

Первый потенциальный клиент подрулил к нему часа за два до официальной перемены даты, до местной полуночи. Рослый детина с повязкой на глазу. Войцех заметил, что повязка детину стесняет, что непривычен он к подобной детали на лице, а значит нацепил ее только для маскировки.

Болван. Какая уж тут маскировка! Но вслух Войцех, разумеется, не высказал ни слова.

— Фрахт? — без обиняков начал детина.

— Фрахт, — кивнул Войцех.

— Полсотник? — детина скосил свободный глаз на табличку; при этом повязка на втором глазу явственно шевельнулась.

Вторым глазом детина тоже двигал. Под повязкой.

— Полсотник, — подтвердил Войцех, потихоньку исполняясь досадой. Написано ведь все на табличке, чего переспрашивать?

Детина грузно присел за столик; пластиковое кресло под ним жалобно скрипнуло.

— Давно летаешь? — осведомился он.

— Капитаном — шесть лет, — несколько более сухо, чем следовало отозвался Войцех.

В принципе, клиент имел полное право на подобные расспросы перед тем, как заключить сделку, но Войцех всегда недолго любил вот таких дотошных и занудных. Группу крови бы еще выпросил...

— Шесть? — детина склонил голову набок. — Да во сколько ты начал-то, а, приятель?

Войцех подчеркнуто неторопливо отхлебнул из бокала. Потом поднял взгляд на застывшего в ожидании ответа собеседника.

— Тебе лететь? Или тебе исповедоваться?

Детина хмыкнул, что-то прикидывая в уме. Именно в этот момент Войцех определил сумму, ради которой станет связываться с этим скользким типом.

Пятьдесят штук. Независимо от расстояния. Пятьдесят тысяч пангала. По штуке на каждую регистровую тонну «Карандаша»...

— Ладно! — детина ухмыльнулся. — Есть груз на Селентину.

— Контрабанда? — в лоб спросил Войцех и детина сразу заозирался, словно суслик вдали от норы.

— Да тише ты! — он понизил голос и украдкой вытер лоб.

«Новичок, — заключил Войцех. — Зеленый и лопухий...»

— Пять штук! — продолжал шептать детина. — Половина вперед. Груза — две с половиной тонны, с грузом кроме меня двое. Берешься?

Войцех растянул губы в улыбке — поневоле она оказалась снисходительной. Сначала он хотел ответить грубо и ехидно, но почему-то не сделал этого.

— Слушай, парень... — сказал он неожиданно мягко. — Ищи новичков, а? За такие слезки я тебя даже до местной луны не повезу.

Насчет луны Войцех, конечно, хватил. Пассажира до луны он отвез бы и за паршивую сотню, потому что горючего при этом истратил бы от силы на полпана. Ну, еще десятку-две сожрали бы космодромные процедуры. Так что чистая прибыль от такого мини-рейса составила бы семьдесят пять-восемьдесят пан, а на эти деньги можно купить горючего на будущий рейс — под завязку, так, чтобы полгалактики пролететь, куда-нибудь в пограничные владения Роя.

— Семь штук, — страшным шепотом предложил детина и проникновенно уставился на Войцеха свободным глазом.

— Хе-хе! — сказал Войцех, откинулся на спинку кресла, натянул кепку на самые глаза и скрестил обе руки на груди. Он знал, что ведет себя нагло, но если не вести себя нагло — этот дурень еще долго не отвяжется.

— Восемь! — прошептал детина.

— Семьдесят пять, — с невозмутимостью биржевого титана сказал Войцех. — И ни паном меньше.

Детина с уважением отшатнулся. Встал, с грохотом отодвинув кресло, дернулся было в сторону, но потом все же задержался на миг.

— Ты подумай...

И ушел в полутьму зала.

Войцех сделал добрый глоток — он был чрезвычайно доволен собой.

— Браво! — произнесли прямо у него над ухом. Войцех от неожиданности вздрогнул. Невидимый зритель сдержанно поаплодировал, оставаясь по-прежнему невидимым. Он скрывался за синеватым конусом света, падающим от длинного волновода с насадкой-призмой на конце. Волноводы свисали с потолка зала без всякой системы, в самых неожиданных местах.

— Браво, капитан! Вы явно знаете себе цену.

Первым порывом Войцеха было встать и шагнуть в четко очерченный синеватый конус, приблизиться и рассмотреть того, кто с ним заговорил. Но Войцех усилием воли подавил этот порыв и остался на месте. Если он знает себе цену, не стоит сбивать ее. Поэтому он остался в кресле.

Спустя несколько секунд Войцех понял, что повел себя правильно: незнакомец показался сам. Высокий, на добрую голову выше Войцеха, закутанный в непроницаемый плащ. Лицо его все еще оставалось в тени, синеватый свет падал вдоль шевелящихся складок плаща и лежал на полях файетской шляпы-зонтика.

Он пододвинул к себе кресло, в котором еще минуту назад сидел детина с повязкой на глазу и бесшумно сел. Затем снял шляпу и небрежно уронил ее на столешницу. Движения незнакомца были быстры и порывисты.

Войцех сразу понял, что это не человек — огромные глаза с вертикальными зрачками и необычные обводы скул, удлинённая нижняя челюсть и почти полное отсутствие носа. Это был также не свайг, не цоофт, и не малыш-азанни, конечно.

Войцех вообще не сумел определить — к какой расе принадлежит незнакомец.

Но не спрашивать же его об этом?

— Семьдесят пять тысяч? — переспросил незнакомец. — Это хорошие деньги, но все же, мой друг, недостаточные для такого бравого яхтсмана, как Войцех Шондраковский. Разве нет?

Войцех нахмурился. Этот тип откуда-то знал его фамилию. И наверняка фамилия — это было не единственное, что незнакомец о нем знал.

— А вы можете предложить больше за один рейс? — уклончиво ответил Войцех.

— Могу, — тонкие губы незнакомца расплылись в жутковатой улыбке, и Войцех волея-неволей увидел два ряда мелких ровных зубов. — Могу и предлагаю. Пятьдесят миллионов пангала.

Войцех сразу расслабился.

Псих. Это не клиент — это просто псих.

Имея пятьдесят миллионов пан Войцех мог бы до конца дней не работать и все это время если не купаться в роскоши, то весьма широко жить на одни проценты.

— Кредитка у вас, конечно же, с собой? — спросил незнакомец прежним тоном. — Не бойтесь, я не сумасшедший.

Он вызвал на стол плоский терминал с клавиатурой и двумя пазами считывателя. В один паз он вставил кредитную карточку «Sveneld» — одной из трех богатейших корпораций обитаемого космоса.

— Вставляйте и вводите пароль прихода, — предложил незнакомец.

Войцех криво усмехнулся. Вот так недотепы и ловятся — берут деньги, а потом ими можно вертеть как угодно.

Незнакомец снова расцвел своей жутковатой улыбкой.

— Не бойтесь. Это не аванс — это просто оплата наших с вами переговоров. Вы конечно фиксируете наш разговор — я, кстати, тоже — так вот: эта финансовая операция ни к чему не обязывает ни одну из сторон. При любом исходе переговоров переведенные деньги останутся вашей, Войцех, собственностью, а я не собираюсь иметь к вам никаких претензий.

«Вот это другое дело, — подумал Войцех и вставил во второй паз свою кредитку. — Сколько он мне кинет, интересно?»

Он набрал пароль прихода — незнакомец деликатно глядел в другую сторону. Впрочем сам по себе пароль еще ничего не значил. Во-первых, с его помощью можно было только положить деньги на счет. Во-вторых, клавиатура одновременно со вводом проверяла рисунок папиллярных линий на кончиках пальцев и личный биокод.

Над клавиатурой раскрылся слабо светящийся куб.

Незнакомец тоже ввел пароль и запустил трансфер. Со счета такого-то на счет Войцеха перевелась некоторая сумма.

Некоторая.

Один миллион пангала. Ни больше ни меньше.

Войцех, оцепенев, таращился в куб, на светящиеся ровненькие цифры.

1 000 000 pG

Незнакомец выщелкнул карту и упрятал ее куда-то под плащ.

Войцех дрожащими руками обнулil терминал и проверил остаток на своем счету.

Все сходится.

1 004 862,47 pG

Какие-нибудь пять минут назад на его счету лежало чуть менее пяти тысяч — два-три месяца нормальной жизни.

Теперь он мог бы бездельничать несколько лет.

— Итак, — в очередной раз улыбнулся незнакомец. — Продолжим?

Войцех мучительно соображал — как себя вести. Отказаться от дальнейших переговоров? Но ведь его за такие потраченные впустую бабки просто прихлопнут. Если тут ворочают миллионами — то какие же киты замешаны? Какой-то капитан крошечной яхты, это даже не бродячий пес, которого можно безнаказанно пристрелить. Это букашка на тропе. Это пыль.

— Простите, — Войцех едва ворочал враз пересохшими губами. — Я закажу еще вина. Вы пьете «Траминер»?

— С удовольствием! — сказал незнакомец.

Официант оказался у столика едва ли не раньше, чем Войцех успел поднять руку. Дрожащие пальцы Войцеха сомкнулись на прохладном пластике стакана. Из всех сил яхтсмен-одиночка старался подавить смутение и хотя бы казаться совершенно спокойным.

— Итак, — незнакомец светским жестом поднес к тонким губам стакан и пригубил «Траминер». — Понятно, что мне от вас нужна вполне конкретная услуга. Доставить определенный груз в определенное место. Плюс маленькое усложнение: за грузом тоже придется слетать, потому что он не здесь, не на Офелии.

— Я могу узнать — где? — осторожно справился Войцех.

Незнакомец едва слышно хмыкнул в свой стакан.

— Конечно, можете. Вам ведь туда лететь, не так ли?

Он снова приложился к вину и довольно почмокал губами — совсем как человек.

— Груз в данный момент находится на одной из дальних баз цоофт, юго-восточный сектор, система Набла-Квадрат. Знаете где это?

Войцех кивнул. Набла Квадрат... Далеко, черт возьми. Очень далеко. Это даже не соседний спиральный рукав — это за ядром, в исконных владениях чужих. Даже не в диске — в одном из шаровых звездных скоплениях «ниже» основного галактического диска. Вполне возможно, что люди в окрестностях Набла Квадрат не появлялись никогда. Десятка три пульсаций, не меньше. Причем на пределе.

— Подробные координаты на этом диске, — незнакомец выудил из-под плаща кругляш астрогационной инструкции. — Я позаботился о совместимости с системами вашего корабля.

Пробормотав благодарность, Войцех потянулся за диском. Тоже земной, и тоже «Sveneld». На всякий случай Войцех запомнил это.

— Пароли на швартовку и код груза на этом же диске.

— Швартовку? — переспросил Войцех. — Это что, космическая станция?

— Да, исследовательский модуль цоофт. Вас примут в зоне нулевого тяготения. И советую не задерживаться со стартом, ученые-цоофт долго не остаются в одних и тех же местах.

— Понятно... Груз габаритный?

— Не особенно. Два уна на три и на семь. В метрах это...

— Спасибо, я понял, — перебил клиента Войцех. — С документами проблемы будут?

— Ни малейших. Груз не содержит запрещенных к транспортировке веществ, носителей информации и реализованных технологий. Кроме того, таможенные ограничения распространяются только на обитаемые планеты и крупные орбитальные поселения, а ваша дорога будет лежать большею частью вдали от обитаемых мест. Относитесь к грузу как... как к саркофагу, например. Или как к холодильной камере.

Войцех впервые осмелился пристально поглядеть в глаза незнакомцу.

— И, надо полагать, этот саркофаг не пуст? — тихо спросил он.

— Надо полагать, — согласился незнакомец ничуть не смущаясь. — Но упаси боже (так, кажется, говорят земляне?) упаси вас боже от попыток вскрыть саркофаг. Вот это — по настоящему опасно. Если же его не трогать — ваш рейс ничем не будет отличаться от заурядного туристического круиза. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — с готовностью кивнул Войцех. — Отлично понимаю, особенно в свете размеров гонорара...

— Кстати, о гонораре. Остаток, а именно — сорок девять миллионов пан — вам выплатят в конечной точке полета, сразу после того, как целый — повторяю — целый

и неповрежденный саркофаг без следов попыток вскрытия окажется в указанном на диске месте. Это где-то в сфере влияния Роя, я точно не знаю.

«Даже он не знает, — подумал Войцех. — Или просто делает вид, что не знает.»

— Каждый новый отрезок пути будет проясняться после завершения предыдущего — диск записан соответствующим методом. Предварительные расчеты астронавигационному компьютеру будут сбрасываться по той же системе, окончательные произведете сами сообразно с текущим моментом.

— Сроки? — поинтересовался Войцех.

От его испуга и нерешительности не осталось и следа. Клиент вел себя как обычный клиент, единственной странностью оставался непомерно большой гонорар. Вероятно, загадочных хозяев саркофага категорически не устраивает огласка, любое стороннее любопытство. Что ж... Войцех умел быть нелюбопытным. Будет и сейчас, тем более за такие-то бабки.

Правда, оставались сомнения, что заплатят оставшиеся деньги. Но даже если и не заплатят — целый лимон уже на его личном счету. Это и сам по себе немаленький заработок. Ну, а если заплатят остаток — так вообще...

В общем, Войцех решил рискнуть.

— Сроки? — незнакомец обожал переспрашивать. — Сроки, бравый наш капитан, как всегда поджимают. Стартуйте прямо сейчас, не откладывая. И финишируйте чем скорее, тем лучше.

Войцеху не чужда была некоторая театральность в поступках.

— Что ж, — сказал он вставая и нахлобучивая кепочку, когда фрахт-договор был подписан и сброшен в сеть. — Тогда я, с вашего позволения, отправлюсь на космодром...

«От, курва маць, — подумал Войцех с некоторым внутренним изумлением. — И откуда во мне эта светскость прорезалась? „С вашего позволения...“ Всего лимон пан — и ты лопочешь любезности, как лакей на приеме...»

— И вот еще что, — незнакомец не стал вставать, просто повернулся к Войцеху вместе с креслом. Голос его оставался доброжелательным и самую малость — отеческим. — Я вам сильно не рекомендую, капитан Шондраковский, теряться в межзвездной бездне. Неделя сроку — если за неделю «Карандаш» не отшвартуется на базе цоофт, огорчение наше не будет иметь пределов. Более того, линейные размеры вашего кораблика тоже потеряют всякие пределы и размажутся по достаточно обширному участку космоса. Я доступно изъясняюсь?

Войцех несколько раз кивнул.

— Доступно. Вполне доступно. Но я не намерен... теряться в межзвездных безднах. Честное слово.

— Вот и отлично, — кивнул незнакомец и поднял стакан с остатками «Траминера». — За вашу удачу, капитан!

«Гады, — подумал Войцех, старательно изгоняя холодок из груди. — Начинили „Карандаш“ какой-нибудь взрывчатой дрянью, и вежливо намекнули...»

Но Войцех в тот самый момент, когда решил рискнуть, подготовился к подобным сюрпризам.

Кто не рискует, тот не пьет «Траминер». А «Траминер» Войцех очень любил.

— А если меня задержит что-нибудь непредвиденное? — спросил он. — В космосе ведь всякое бывает...

— На диске есть броузер мгновенной почты, настроенный на мой терминал. Вызов будет оплачен за наш счет. Мы ведь тоже не звери, поймите. Стоит только предупредить... Но задержка тоже нас очень-очень огорчит.

— Значит, постараюсь управиться без задержек, — вздохнул Войцех. — Прощайте. Спустя час он уже был на космодроме.

Взлет с любой планеты — в общем-то сущая рутина. Подключение к диспетчерской, запрос на стартовый коридор, запрос на заправщика, тестирование корабельных систем... Сотни раз уже Войцех это проделывал.

Кораблик его, малютка-«Карандаш», сработанный лет сорок назад на одной из человеческих верфей, по меркам чужих был еще новеньким, с иголочки. Возраст некоторых рейдеров а'йшей исчислялся тысячами лет — когда их строили прашуры нынешних людей еще сбивали палками плоды с деревьев. Что в сравнении с ними миг, длиною в четыре земных десятилетия? Мгновение, недостойное даже упоминания. На «Карандаше» был смонтирован самый компактный из доступных икс-приводов. Давняя разработка все тех же а'йшей, устройство, позволяющее обманывать пространство. Земляне процесс перелета на сверхдальние расстояния называли либо проколом, либо пульсацией, либо просто прыжком. Но все эти слова совершенно не отражали суть одного процесса. По правде говоря, из землян мало кто понимал физику икс-прыжка,

но икс-приводы сверхмалой, малой и средней мощности уже с полвека собирались на нескольких человеческих планетах и орбитальных верфях. Большие и гигантские приводы, которые можно монтировать на суперкрейсера и даже на некоторые астероиды, пока землянам были не по зубам. Но человечество и не строило больших кораблей. Сила людей зиждилась на армадах средних и легионах малых звездолетов. Суперкрейсера — это, конечно, здорово. Но для штурма планет они все равно не годятся, только для уничтожения. Ценность же для воюющих сторон представляют исключительно планеты и луны, пустота сама по себе не слишком интересовала даже нетленных, древних врагов союза. Земляне в недалеком прошлом с блеском продемонстрировали всей Галактике выгоду утверждения: «Зачем уничтожать, если можно захватить и пользоваться?» К тому же, суперкрейсера уничтожаются теми же суперкрейсерами, а вот выжить все до единого средние корабли — задача на порядок более сложная. Мобильность, маневренность и настырность — эти три качества заставили чужих уважать человеческую тактику и стратегию космических битв.

Пока заправщик заряжал накопители топливом, Войцех пошастал вокруг корабля, внимательно осматривая обшивку. Даже в испарители влез по пояс, даже за кожух обоих антигравов взглянул. Потом, не обнаружив ничего подозрительного, вернулся внутрь, задрал шлюзы, уселся в капитанское кресло и загрузил астронавигационный диск. Диск и вправду оказался записан в известном компьютерам «Карандаша» формате. Системы осмысливали и просчитывали первую пульсацию, Войцех бессмысленно пялился на индикаторы топлива.

Смешно, но топливо икс-приводу нужно было вовсе не для того, чтобы перемещаться в пространстве. Исключительно для ориентации, для создания четкой гравитационной картины окружающего корабль пространства. Чем мощнее привод, тем в большей сфере сканировалось пространство. И тем больше для этого нужно было энергии, а значит — и топлива. И переместиться любой привод мог только в пределах отсканированной сферы. Для «Карандаша» оптимальной считалась пульсация от скользящего нуля до двухсот двадцати-двухсот пятидесяти световых лет. При необходимости и с некоторым риском можно было «схватить» почти тысячу световых лет. Но только при крайней необходимости. Суперкрейсера теоретически могли покинуть пределы Галактики и достичь соседних, но на практике этого до сих пор никто не удосужился проделать. Даже пятерка самых развитых рас союза. Были попытки в незапамятные времена, но в разделяющей галактики пустоте оказалось слишком мало гравитационных очагов, приводы просто теряли ориентацию и начинали прыгать без всякой системы, из пустоты в пустоту, пока не заканчивалось горючее. А потом пришли нетленные, и война не оставила времени на исследования.

Конечно, для взлета и маневрирования на досветовых скоростях топливо тоже расходовалось. Но в таких мизерных количествах по сравнению с пульсациями, что подобным паразитным расходом в расчетах попросту пренебрегали.

За каких-то двадцать лет людям стала доступна вся Галактика. Вместо крошечной сферы вокруг старушки-Земли — миллиарды звезд и миллиарды планет. Человечество удивительно быстро привыкло к доступности самых далеких уголков Галактики. Несчастные полторы сотни лет — и из робких первопоселенцев люди стали едва ли не самой многочисленной и вездесущей расой в обжитой части Вселенной.

Удивительные фортели выкидывает иногда жизнь. Люди издавна называли подобные ситуации «из грязи — в князи».

«А ведь действительно, в князи, — подумал Войцех, все еще рассеянно пялясь на индикаторы. — Тесним мы чужих потихоньку... Даже не потихоньку — вторгаемся на их территории без особых церемоний и припираем их к стене, ничуть не заботясь о будущем. Пожалуй, это чревато...»

Впрочем, Войцех прекрасно понимал: человеческая жизнь слишком коротка чтобы сегодняшние ловкачи дотянули до момента, когда такая политика вылезет человечеству боком.

«Но ведь обязательно вылезет...»

— Заправка окончена, — прервал мысли Войцеха бесстрастный голос автомата. — Модуль отстыкован.

— Замечательно, — пробормотал Войцех, подключаясь к диспетчерскому каналу. Над пультом замелькали колонки цифр, но он не вглядывался — компьютеры «Карандаша» и космодрома договорятся между собой сами, без участия человека.

Слишком уж человек медлителен и неповоротлив для таких дел.

А потом «Карандаш» без всякого рева и ускорений оторвался от поверхности Офелии — одного из старейших человеческих форпостов — и, прорезав атмосферу, взмыл.

Меньше часа — и Войцех уже болтался далеко за лунной орбитой, в обозначенной стартовой сфере.

В принципе, теперь можно было и активировать икс-привод.

Но Войцех не спешил. Возникло у него одно неотложное дело.

Незнакомец из бара «Волга» не зря намекал, что «Карандаш» могут взорвать, если Войцех вздумает удрать с полученным миллионом. Лететь с бомбой на борту — удовольствие сомнительное. Но с другой стороны, Войцех прекрасно понимал и то, что так вот просто бомбу не обнаружишь и не обезвредишь. Внутри корабля никто не проникал — шлюз на время отсутствия капитана опечатывался и ставился на контроль. Если бы кто-то сумел исхитриться и открыть внешние шлюзы, это отразилось бы в логах следящей системы и на контроле. Но ни лог, ни контрольный отчет не зафиксировали попыток проникнуть на борт. Значит, если и есть на корабле бомба — она снаружи.

Где можно ее установить? Во-первых, около топливного накопителя. Если топливо сдетонирует... Труба «Карандашу». Детонатор, конечно, нужен специфический, к нему и слово бомба толком невозможно применить. Но если высвободить за короткое время всю, или даже значительную часть энергии топлива — новую звездочку будет далеко-о-о видно. С поправкой на скорость света, конечно. Но Войцеху уже будет все равно.

Но у подобного варианта есть и недостатки: детонатор, а по-простому — фазово-импульсный атомный излучатель, настроенный в резонанс с глубинной структурой топлива — достаточно легко обнаружить даже с тем минимумом приборов, который имеется на борту «Карандаша». Войцех проверил — в радиусе нескольких световых секунд вокруг «Карандаша» имелось четыре излучателя, и все — штатные составляющие икс-привода.

Вариант второй: снаружи, и это не один детонатор, а целиком взрывное устройство. Но снаружи Войцех не отыскал ничего достаточно большого, чтобы серьезно повредить яхте. В общем, этот вариант тоже, скорее всего, отпадал.

А вот маячок мгновенной связи снаружи прицепить могли. Вполне. Эдакую бусину и за год на обшивке «Карандаша» не отыщешь, хоть лупой вооружись. Навести же на пеленг можно что угодно, от эскадры боевых кораблей до старого тендера, начиненного все той же взрывчаткой. В этом случае Войцех просто бессилен: обнаружить маячок практически невозможно. Он может работать в произвольном режиме, плевать на импульсами раз в час или раз в сутки. Войцеху даже может повезти, и он сумеет перехватить передачу, но запеленговать ее — увы. Для этого необходимы три сильно удаленных от маячка и друг от друга сканера. У мгновенной связи свои законы.

Для очистки совести Войцех пошлялся по кораблю, особенно по грузовым отсекам. В самые дальние углы заглядывал. Безрезультатно. Если «Карандаш» и заминирован — наткнуться на сюрприз можно только случайно. Но об этом неведомые саперы, конечно же, позаботились. В общем, оставалось уповать на везение и на крепость нервов клиента. И более не медлить, ведь Войцеху отвели всего неделю на путь до исследовательской базы цоофт. И он запустил предстартовые программы.

Шут с ней, с бомбой. Войцех умел отрешаться от подобных радостей жизни. Он ведь не собирался надуть клиента, верно? Лучшая политика — это не вынуждать незнакомых инопланетян хвататься за взрыватель.

Вычислители трудились над обеспечением первой пульсации; поскольку «Карандашу» предстояло совершить добрых тридцать прыжков подряд, следующие тоже частично просчитывались. Невидимый и неосязаемый пунктир курса провешивался от окрестностей Офелии в сердце шарового звездного скопления, к группе белых и желтых цефеид и старых красных гигантов, известных людям под наименованием Набла Квадрат.

В это же время во второй точке пунктира, приблизительно в трехстах световых годах от старта, в пронизанной лишь излучениями звездной пустоте, пространство начало ломаться и закипать. Еще чуть-чуть — и «Карандаш» материализуется там, завершая первую пульсацию. Он еще не прыгнул, но прыжок испаряет не только пространство — прыжок еще и смещает временную составляющую. В финишной сфере икс-привод оказывается на несколько миллиардных долей секунды раньше, чем исчезает из стартовой.

В течение исчезающе короткого мгновения во Вселенной будут существовать два «Карандаша» и два Войцеха Шондраковских.

Войцех склонялся к мысли, что подобное физическое явление отнюдь не лишено каких-нибудь побочных эффектов. Но до сих пор ученые союза не отследили ни одного побочного эффекта — и это притом, что икс-приводом чужие пользуются уже

десятки тысяч лет. Но все равно Войцех считал, что рискованные игры с реальностью не проходят даром. Когда-нибудь где-нибудь это измывательство над временем и пространством аукнется, и, вероятно, отнюдь не безболезненно аукнется.

Мир на кратчайший миг сжался в крохотную ледяную точку, Войцеха вывернуло наизнанку, выкрутило, словно белье в экспресс-стиралке, размазало по бесконечности — и отпустило. Все это происходило настолько быстро, что люди не успевали понять — были ли ощущения во время пульсации приятными или же наоборот — мучительными. Накатывает молниеносный холод, словно в оторвавшемся лифте, и все заканчивается. Финиш.

За обшивкой успокаивалось поруганное пространство, приходя в нормальное состояние.

Войцех даже не знал толком — что там не так за бортом, с ним, с пространством. Кривизна ли его возрастет во время пульсации, метрика ли нарушается, или еще что — знал только, что в финишной сфере пространство сильно меняет свойства перед прыжком, и быстро восстанавливается сразу после прыжка.

Компьютеры уже всюду трудились над второй фазой: ориентирование по известным гравитационным очагам, учет погрешностей, поправки к первоначальному курсу, стабилизация в новой точке, переориентация, маневрирование, снова переориентация, вычисление второго прыжка...

На это обычно уходит от сорока минут до четырех часов.

Ну, вот, пожал-те, сбой.

Все-таки автоматы при всем своем совершенстве ни на что не годны без вмешательства человека!

Войцех пододвинул к себе клавиатуру. Нуте-с, поглядим что так озадачило всемогущего кристаллического астрогатора...

Минут через пять Войцех разобрался — сетка гравитационных привязок, естественно, менялась со временем, и с двух разных базовых маяков пришли отличные друг от друга поправки. Выяснить которая из поправок была истинной и удалить ссылки на устаревшую не составило особого труда.

Все, пыхти дальше, железяка...

Войцех по старинной человеческой привычке именовал корабельные автоматы железяками, хотя металлов в них содержалось едва ли процентов десять. В основном — вырожденные кристаллы, пластики и керамика.

Второй прыжок.

Третий.

Четвертый.

От холода ломило голову — словно хлебнул из альпийского ручья и струя пронзительной свежести ударила в мозг, да так и замерзла колючей сосулькой.

Пятый.

Шестой.

За это время Войцех успел дважды подкрепиться, поспать, еще раз вмешаться в работу автоматики, посмотреть фильм и запись вчерашнего баскетбольного матча, починить кондиционер в грузовом отсеке — а то мало ли, вдруг саркофагу незнакомца критичны окружающие условия...

Седьмой...

К границам скопления «Карандаш» вышел на исходе четвертых суток от старта с Офелии. К Набла Квадрат — в первой четверти пятых суток. В отпущенный заказчиком срок Войцех уложился с хорошим запасом.

— Фу, — сказал он когда пространство в финишной сфере после пульсации утомилось и вместо дикой спектральной феерии в иллюминаторах снова засияли обычные — на вид — звезды, — ну, где тут база наших уважаемых пташек?

Сканеры ощупывали пустоту, отыскивая тело заданных пределов массы и линейных размеров. Войцех лениво клацал по клавиатуре, отсеивая ложные объекты.

База отыскалась на стационарной орбите в трехстах миллионах километров от тусклого красного гиганта, одинокого и дряхлого. Это чудовище по размерам раза в полтора превышало Антарес — земное Солнце рядом с ним выглядело бы песчинкой около баскетбольного мяча. С базы цоофт открывался совершенно неповторимый вид на космос — с одной стороны необъятный багровый диск, занимающий почти весь обзор, с другой — сплошная красная муть, сквозь которую пробивается свет только наиболее ярких звезд.

Войцех запустил передатчик на автоматический повтор пароля и, не теряя зря времени, пошел на сближение.

Довольно быстро ему ответили на интерес:

— "Карандаш", видим вас, пароль опознан, примите данные на швартовку...

— Принимаю.

Комп впитал переданную с базы информацию и немедленно рассчитал оптимальный режим полета.

— Да, — философски вздохнул Войцех, невнимательно глядя на капитанский пульт. — И вы без людей лишь грудка железа, и мы без автоматов никуда...

В иллюминаторах цвел кровавыми отблесками безымянный красный гигант — зрелище было настолько же величественным, насколько непривычным.

«Интересно, — подумал Войцех. — Я первый из людей, кто видит его вблизи или нет? Вполне возможно, что первый.»

Швартовка прошла как по маслу — да и не было в процессе швартовки ничего сложного или сверхъестественного. Рутинка. В сущности, это то же самое, что подойти к креслу и сесть в него. Любой из нас проделывал подобное не раз.

«Карандаш» застыл в невидимых лапах гравитационного захвата, створки шлюза сомкнулись и в причальный док закачали воздух. Воздух родины цоофт, конечно, но люди могли им дышать без ущерба для здоровья — он мало отличался по химическому составу от воздуха Земли, Офелии или Селентины.

Посреди рубки возник цоофт в рабочем комбинезоне — конечно же, это было всего лишь объемное изображение.

— Hi, homo, — сказал чужак по-английски. Довольно чисто — для инопланетянина. Цоофт был похож на гротескную помесь человека со страусом. Маленькая лысая голова совершенно без ушных раковин, зато с клювом; длинная тонкая шея; покатые, едва обозначенные плечи; туловище, которое выглядело скорее шарообразным чем продолговатым; и длинные мослатые ноги — особенно Войцеха убивали узенькие штанины комбинезона. К тому же чужак явно пользовался магнитными ботинками в зоне нулевого тяготения, потому что стоял далеко не вертикально, а сильно наклонясь вперед.

— Hi, zoopht, — отозвался Войцех в меру приветливо. — Speak russian?

— No, english only.

— Тогда на интере, — перешел на общий язык Войцех. — Я английский хуже интера знаю.

— Ладно, — беспечно ответил цоофт. — Код груза мы уже считали. В описании стоит гриф экстренной срочности. Ты задерживаться будешь?

— Нет, не буду. Заправлюсь только.

— Понял. Открывай отсеки, сейчас погрузим.

Рядом с чужаком, на заднем плане, прошли еще двое, смешно переставляя обутое в спецобувь ноги, причем дальний даже не уместился в трансляционный ствол и поэтому Войцех видел его только частично. Снаружи, на пирсе, уже торчал робот-погрузчик с сероватым монолитом в гравизахвате.

«О! — подумал Войцех. — Они уже и саркофаг мой притащили...»

С противоположной стороны к «Карандашу» аккуратно подруливал заправщик. Войцех оттолкнулся от поручня и подплыл к пульту. Прямо над панелью парил утерянный на прошлой неделе ран-датчик, помигивая зеленым глазком. Сгинул в какой-то из щелей, а теперь невесомость его отыскала...

Отловив датчик, Войцех вскрыл грузовой отсек и разблокировал приемный створ накопителей. Заправщик и робот с саркофагом тотчас занялись делом — каждый своим, а Войцех тем временем вставил в паз считывателя кредитную карту и набрал на клавиатуре пароль расхода.

Никто не станет заправлять даром. Тем более — чужака.

— Готово, — цоофт смешно пощелкал клювом. — Значит, так: швартовка — пятнадцать, погрузка — пятерка, горючка... э-э-э... двадцать три сорок семь, доковый сбор — пятерка, страховка — пан. Вода, провизия, воздух не нужны?

— Нет, — Войцех зевнул.

— Итого с тебя... Сорок девять сорок семь.

— Полтинник для ровного счета, — буркнул Войцех. — Цены у вас тут, однако...

— Это ж база, а не космодром, — цоофт снова щелкнул клювом, повернул голову и совершенно по куриному уставился на Войцеха одним глазом. Теперь стал заметен вживленный под ушным отверстием чужака нейрочип.

«50.00» — набрал на клавиатуре Войцех и шлепнул по Enter'у. Потом экономным движением выщелкнул карту.

— Давай отходную, — буркнул он чужаку. Тот потянулся куда-то за пределы ствола. Войцех тоже отдал инициативу яхтенному компьютеру, а сам пошел проверить груз. Из дока «Карандаш» все равно выведут на гравизахвате — чужие предпочитают

потратиться на энергию и не рисковать. Мало ли лихачей среди homo — а разгерметизация доков может влететь в такую сумму, что ой-ей-ей... Перед люком из кабины в грузовые отсеки успокаивающе зеленели огоньки датчиков герметичности. И внутренние, и внешний. Войцех удовлетворенно хмыкнул и ткнул пальцем в замок. Рубочная сегментная перепонка скользнула в межпереборочные пазы; потом — наружная, и из кабины в твиндек открылся круглый ход. Твиндек напоминал короткую гофрированную кишку, и заканчивался таким же сегментным люком. Войцех оттолкнулся от косяка и плавно пролетел вдоль твиндека. Еще две перепонки — о Войцех уцепился за поручень уже на входе в грузовой отсек. Сейчас отсек казался пустым — только вдоль стен диковинными змеями изгибались найтовочные концы. Гравизахват гравизахватом, а крепить груз механически Войцех никогда не забывал. Были приключения, были... Сбой в энергосистеме, и привет гравизахвату. Иглы, в конце концов, скачки напряженности в момент пульсации... Это силиконовым шнурам прыжки через ничто нипочем. А тяготение — штука тонкая и на редкость непостоянная. Благодаря этому и стали возможны межзвездные путешествия.

Саркофаг обнаружился в центральном захвате. Аккуратно зафиксированный — роботы тупы, но исполнительны, этого не отнимешь. Ну-ка, ну-ка...

Войцех приблизился, близоруко щуря глаза.

Продолговатый прямоугольный ящик со скругленными ребрами; в длину — два с гаком метра, метр в ширину и сантиметров восемьдесят в глубину. На одном из торцов — короткий отросток, неприятно напоминающий все ту же кишку. Толщиной с руку. Поверхность саркофага казалась и гладкой и шероховатой одновременно, скорее всего и-за чешуйчатой структуры: каждая чешуйка гладкая, но наложение чешуек друг на друга создавало впечатление иллюзорной шероховатости. И еще саркофаг был теплым.

Войцех задумчиво отнял ладонь от чешуи.

Странное это было тепло. Не тепло нагретого пластика или металла. Вовсе нет. Тепло живого существа, глубинное, трепетное, как огонек свечи на сквозняке. Посередке верхней грани саркофага виднелась тонюсенькая риска, разделяющая грань по вертикали. Видимо, створка. И никаких внешних операторов — ни кнопок, ни разъемов, ни индикаторов... Н-да. Ну и груз! Эдакий здоровенный чемодан крокодиловой кожи. Только без ручки. Но зато с выхлопной трубой.

Вздыхнув, Войцех потянулся за плавающим хвостом найтовки. Привычно захлестнул диковинный ящик тремя петлями, на почтовый манер, закрепил свободный конец и выбрал слабинку. Все, теперь даже если гравизахват откажет, саркофагу не дано рвать и гроыхать внутри отсека, словно кубик в погремушке. Кто знает, что там внутри прячется? Еще испортится от тряски, заказчик осерчает... Кому это надо? Правильно, никому. Войцех предпочитал не злить клиентов без нужды. Да и при нужде старался не злить. Он всего лишь яхтсмен, извозчик. Какое ему дело — что там, внутри?

Никакого. Абсолютно никакого.

Насвистывая, он оттолкнулся от саркофага и пустился в обратный путь, в кабину. Когда Войцех пролетал по твиндеку, «Карандаш» дрогнул — цоофт вели яхту к внешнему шлюзу базы. А когда капитан впорхнул в рубку сквозь иллюминаторы уже лился тускло-багровый свет безымянной звезды-гиганта.

— Эй, хомо! — донеслось по связи. — Счастливого полета!

— Спасибо, — отозвался Войцех. — А вам счастливых исследований...

Но диспетчер-цоофт не услышал слов человека — он уже отключился.

Спустя минуту оживила локальная гравииустановка и забавное, но слегка раздражающее состояние невесомости закончилось. Войцех отстегнулся от кресла и переинитил в драйве диск с курсом.

— Ну, — провозгласил он бодро. — Куда летим на этот раз?

Драйв бесшумно пережевывал данные.

«Амазонка, — сообщил астрогатор. — Двадцать три тысячи двести семнадцать световых лет. От шестидесяти пяти до семидесяти пяти прыжков. Предполагаемый расход горючего — семьдесят шесть процентов.»

— Прилично, — вздохнул Войцех, пробежав взглядом по строчкам, что возникли над пультом. — Четверть диаметра Галактики. Недели две пути, если не больше. И это еще не финиш...

На самом деле его путь не совпадал с основной плоскостью чудовищной спирали. Сейчас Войцех находился изрядно «ниже» главного диска Галактики, толщиной около восьми тысяч световых лет. Понятно, что границы диска были весьма условными, но достаточно явными. Подавляющее большинство звезд находилось в пределах диска, и

лишь весьма небольшая их часть — вне его. Вне диска было много шаровых звездных скоплений, в одном из которых и дрейфовала исследовательская база цоофт. Система Амазонки располагалась в пределах диска, но ближе к «верхнему» краю. Вероятно, Войцеху придется прыгать по пологой дуге, огибая галактическое ядро. В сердце ядра и поныне рождаются звезды, там бушуют жесткие излучения и вырываются на свободу потоки раскаленных газов. Даже невероятно надежные суперкрейсеры чужих стараются держаться от ядра подальше. Что же говорить о малютке-«Карандаше»?

Автоматы уже всю вычисляли воображаемый пункт на карте. Естественно, с учетом мизерного изменения массы покоя. Сколько там тянет принятый на борт груз? Тонну, не меньше.

Войцех почувствовал слабое ускорение — почти неощутимое. Астрогатор выводил яхту в стартовую сферу.

— Эх, полетаем! — со внезапным воодушевлением сказал Войцех вслух и, потянувшись, встал из кресла. Ему вдруг захотелось состряпать себе праздничный ужин. Приготовить что-нибудь эдакое... позаковыристей. Убедившись, что автоматика пока не сбоят, Войцех сунул в ухо бусину аварийной связи и пошел на камбуз.

На пороге рубки он обернулся.

— Надеюсь, — обратился он к капитанскому пульта, — хоть некоторое время ваши железные мозги обойдутся без присутствия человека.

Там, где Войцех шел, тотчас загорался теплый желтоватый свет. «Карандаш», утлая скорлупка в безбрежном космосе, давно стал домом для своего капитана, и Войцех вовсе не чувствовал себя неуютно на борту верной яхты. Его не угнетали миллиарды километров пустоты, не угнетала мысль, что свет от ближайшей звезды, около которой сейчас есть люди, доберется сюда только через тысячи лет. Для того, чтобы чувствовать нечто подобное нужно родиться и вырасти на какой-нибудь идиллической планете. Но Войцех родился на точно такой же яхте, только чуть побольше размерами и постаромоднее. Пустота за иллюминаторами, лишь еле-еле разбавленная искорками далеких звезд, причем все время разных, была ему так же привычна, как обитателям планет небо над головой. Он и не мыслил, что вокруг может быть что-нибудь кроме пустоты. Пустота и одиночество — два вечных спутника яхтсмена-извозчика.

И все-таки он был счастлив сознавать, что вся Галактика может в любой момент лечь ему под ноги. Именно поэтому первое, что Войцех сделал, когда купил «Карандаш», это прикрепил над входом в рубку специально заказанную табличку из селентинского хризопраза. С выжженной ансайферами надписью.

«Mobilis in mobile».

И с этого момента почувствовал себя свободным.

Не потеряв прекрасного настроения, Войцех провозился добрых три часа на камбузе, устроил себе форменный праздник живота, попутно выдув шестую часть винного запаса, оставил приборку на завтра и отправился спать.

«Карандаш» к этому моменту успел совершить две пульсации и просчитывал третью. Отложив исполнение прыжка, Войцех с чистым сердцем побрел в каюту.

Он никогда не оставлял икс-привод активным, если ложился спать. Вероятность сбоя достаточно мала, но она все равно ненулевая. Одно дело, когда капитан бодрствует, пусть даже и возится на кухне. И совсем другое — когда спит. Войцех где-то в самой глубине души очень боялся проснуться, и обнаружить «Карандаш» в мрачной пустоте, где не видно ни одной звезды, в каком-нибудь нулевом измерении, за подкладкой мироздания.

Почему-то казалось, что прыжок в ничто может произойти только когда капитан спит. Только когда живой человек не успеет вовремя вмешаться в работу автоматов. Если же за ними присматривать — ничего страшного не в состоянии случиться. Суеверие, конечно. Но Войцеху было спокойнее придерживаться суеверия, чем спать при активном икс-приводе.

Наверное, у каждого яхтсмена-одиночки, у каждого человека или чужого, неразрывно связанного с космосом и полетами есть такой бзик. Иррациональный, подсознательный. И неискоренимый.

С момента пробуждения началось утро. Войцех поднялся со смутным ощущением пережитой тревоги — так бывает, когда неким недокументированным чувством улавливаешь чужой взгляд в спину или приближающуюся опасность. Ощущение было слабым и мимолетным, оно могло бы возникнуть, если бы Войцех спал где-нибудь в общественном парке на Офелии, и случайный ночной прохожий вдруг принялся бы

разглядывать спящего Войцеха. Но не очень долго разглядывал, потому что пристальный взгляд обычно Войцеха будил. По крайней мере так бывало раньше. Чертыхаясь и проклиная дремучее подсознание, Войцех поплелся в душ. Ну в самом деле — кто может рассматривать яхтсмена-одиночку, волею фрахта занесенного в сущую глушь, в медвежий угол Галактики? Разве что, отражение в зеркале. «Карандаш» дрейфовал с полностью просчитанным очередным прыжком и ждал санкции капитана. Через полчаса взбодрившийся и подкрепившийся остатками вчерашнего пира Войцех привычно засел в любимое кресло перед головным пультом. — Поехали? — с легкими вопросительными интонациями в голосе вздохнул он, активируя икс-привод.

А потом задумался. А откуда, собственно, вопросительные интонации? Вроде как разрешения спрашиваю... И это чувство чужого взгляда еще дурацкое... Войцеху вдруг стало на редкость неуютно в любимом кресле. На корабле словно бы завелся призрак.

Дальнейшие действия Войцеха были совершенно бессмысленными с любой точки зрения. Но он не смог себя сдержать.

В течение двух с лишним часов он с маломощным бластом в руке обшаривал все помещения «Карандаша». Самым пристальным образом, и даже логи следящей системы и контроль перестали казаться весомым аргументом. Заяц на корабле всегда оставляет следы, особенно если корабль — одиночная яхта. Капитан немедленно почувствует нарушения привычного порядка. Или привычного беспорядка. Ведь невозможно же передвигаться по кораблю и ничего не задеть, не сдвинуть, не уронить?

Грузовые отсеки Войцех сознательно оставил на потом.

Конечно, он ничего, ровным счетом ничего подозрительного не отыскал. Нигде. Ни в кабине, ни в грузовых отсеках. Единственное, что нарушало привычную на «Карандаше» обстановку — это закрепленный посреди первого грузового саркофага. Войцех остановился в задумчивости перед ним — перед чешуйчатым параллелепипедом, неподвижным и странно теплым.

Саркофаг явно имел внутренний подогрев — он так и пребывал заметно более теплым, чем воздух в грузовых отсеках. И снова его тепло показалось Войцеху живым. Ну не могут нагретые механизмы излучать такое равномерное и глубокое тепло! Не могут. Войцех придирчиво осмотрел щель на верхней плоскости. Тонюсенькая, тоньше волоса. Почесал в затылке, обозвал себя идиотом, но потом все же сходил в кабину за печатью, ниточкой и пластилином. Чувствуя себя не меньшим идиотом, разделил пластилин на две части, прилепил его по обе стороны еле заметной риски, рассекающей крышку саркофага надвое, пристроил нить и опечатал обе половинки.

— Ну, — с фальшивым оживлением сообщил в пустоту Войцех, — клиент ведь желал, чтоб саркофаг даже не пытались вскрыть. Вот и доказательство будет...

Дату на печати, как известно, не мог подправить даже владелец.

С неприятным чувством никому не нужной клоунады и дешевого бодрячества Войцех вернулся в рубку. Но мрачное настроение не пропадало — наоборот, словно повисло в пространстве «Карандаша» что-то недосказанное и зловещее. Точнее даже не зловещее, а непонятное, неожиданное, и потому нежелательное и самую малость пугающее.

У космических бродяг множество баек. Войцех всегда слушал их посмеиваясь, и всегда считал всех, кто в байки верит, идиотами и слабаками. Ни разу в жизни он не испытывал ни малейших неудобств на яхте. Ни на родительской, ни на паевой с двоюродным братом, ни на собственной. Войцех даже не представлял себе — как может на яхте сделаться неуютно. Это ж яхта! Дом! Выстраданный и взлелеянный! А впервые испытал — напрягся до мурашек по коже.

Противное это оказалось чувство.

Автоматам до тревог капитана, понятно, не было ни малейшего дела. Курс рассчитывался и корректировался, икс-привод с периодичностью в час-два-три зашвыривал «Карандаш» вместе с грузом и экипажем на очередной штришок межзвездного пунктира, за пару-тройку сотен световых лет. Маленькие шажки суммировались, и вот уже «Карандаш» дрейфует в пределах галактического диска. На экранах-иллюминаторах — сплошная сияющая муть, вычленить отдельные звезды почти невозможно. Центр Галактики, ядро. Он еще очень далек, но свет тысяч и тысяч звезд, слившись воедино, в который раз заставляет остро ощутить ничтожность человеческой скорлупки перед безбрежным космосом.

На второе «утро» Войцех первым делом поперся в грузовой отсек проверять печати. Чего он ожидал — толком и сам сказать не мог. Но печати оказались целехонькими, ниточка на месте, пластилин тоже никто и не подумал соскоблить. Да и кто мог это сделать на одноместном корабле? С другой стороны, таинственного ночного взгляда

Войцех на этот раз не ощутил совсем, проспал двенадцать часов кряду, как младенец. Без сновидений и тревог, будто в пульсацию провалился. Бац! И половина суток долой.

Несколько даже разочарованно Войцех зашел в рубку, дал добро на очередной прыжок, и уже по пути к душе ощутил мгновенное оледенение. Миг вселенского дуализма.

Судя по провешенному пунктиру, впервые путь «Карандаша» пересек обитаемые места. Одна из старейших колоний свайгов в скоплении Пста. Где-то тут, сравнительно недалеко (по галактическим, конечно, масштабам) разыгрались некогда драматические события у планеты Волга.

Вызов застал Войцеха за легким завтраком, когда компьютеры уже завершали расчеты новой пульсации. Мелодичный переливчатый сигнал местной связи — это даже не мгновенка, это означает, что «Карандаш» вызывают чуть ли не с расстояния прямой видимости. Отложив уже подостывший сэндвич, Войцех поплелся в рубку.

Так и не удосужился он поставить сурраунд-модуль, чтоб по связи разговаривать можно было из любой точки корабля.

— «Карандаш», ответьте патрульно-таможенной службе! «Карандаш», ответьте патрульно-таможенной службе Ссамэо-Чусси! «Карандаш»...

— Здесь «Карандаш», — отозвался Войцех на интересе. — Капитан Шондраковский. Вижу вас на мониторе...

Визуально заметить корабль свайгов за несколько десятков миллионов километров Войцеху было крайне затруднительно, но детектор икс-привода засекал даже такой ничтожный гравитационный очаг на очень большом удалении.

«От, мац! — подумал Войцех в сердцах. — Патрульно-таможенная служба! Пронюхали уже, стервятники проклятые!»

— Куда направляетесь?

— Амазонка. Срочный фрахт с Офелии через Набла Квадрат. А в чем дело?

— Какая Амазонка? Какая Набла? Универсальные координаты давай!

Войцех поморщился — названия, конечно, он упоминал человеческие, но старые космические бродяги обыкновенно помнят большинство ключевых названий на всех языках, кроме, разве что, языка Роя. Язык Роя вообще не известен ни одному чужаку. Впрочем, здесь ведь не старые космические бродяги, а ненасытная таможня, сборище толстопузых ленивых взяточников. На память Войцех продиктовал универсальные координаты Амазонки, Офелии и Набла Квадрат.

— Готовь корабль к осмотру... Какой у тебя стыковочный модуль?

— Земной... А по какому поводу осмотр? Я ведь на Ссамэо садиться не собираюсь, я транзитом.

— Ты готовься давай! — буркнул свайг. — И дрейф погаси, рачит тебя, как дохлую личинку...

Войцех воздел взгляд горе и отдал команду на компенсацию дрейфа. Детектор уже засек финишную сферу таможенников — в каких-то двадцати километрах от траектории «Карандаша». «Карандаш» замедлялся, приводясь в максимально неподвижное относительно ближайших звезд состояние.

Таможенникам для прыжка хватило четверти часа — надо отметить, что прыжок они выполнили с завидной точностью, и сразу погасили паразитный дрейф. На маневровой тяге начали сближение; Войцех покорно ждал, задействовав все механизмы стыковочного рукава. Чуть вытянутый бублик патрульного катера, очень похожий на сильно уменьшенный линейный крейсер армады, был несколько крупнее «Карандаша» и на экранчике детектора казался хищным насекомым, подбирающимся к незадачливой добыче. То ли добыча настолько беспечна, что не шевелится и не замечает опасность, то ли давно охотника заметила, но парализована страхом...

Тряхнув головой, Войцех отогнал нездоровые мысли. Какой еще хищник? Если формальное право досматривать транзитный транспорт в пограничной зоне колонии у таможи имелось, то поделаться с незапрещенным грузом они уже ничего не могли — ни конфисковать, ни задержать до выяснения, ничего ровным счетом. Проблема заключалась в том, что Войцех не мог открыть саркофаг. И еще в том, что Войцех не знал как отнесется заказчик к неизбежному сканированию саркофага. Сочтет попыткой вскрытия? Или просто не заметит?

Поди угадай.

— Черт бы вас побрал, уроды ненасытные, — буркнул Войцех, уныло наблюдая за приближающимся патрульником.

Стыковку таможенники провели так же быстро и сноровисто, как прыжок. Еще не прекратил шипеть воздух в стыковочном узле, а шлюз уже открывался.

Войцех стоял в тамбуре перед своим шлюзом, держа руку на пускателе сервомотора. Глядел он на крохотный экранчик, на который выводилась картинка с внешнего датчика в рукаве. Шестеро свайгов в форменных комбинезонах планетарно-таможенной службы выстроились клином и в ногу зашагали к шлюзу «Карандаша». Войцех в который раз вздохнул и нажал на кнопку. Шлюз стал медленно раскрываться.

Любой яхтсмен-частник прекрасно помнил, как выглядят мундиры таможенных служб всех рас, входящих в союз. Не хуже, чем названия звездных систем на разных языках. И нельзя сказать, чтобы вид этих мундиров повергал кого-нибудь в радость. Даже сознавая, что чист перед таможенниками, Войцех чувствовал подспудную тревогу. Если эта братия что-то затеяла, придраться они всегда сумеют. Но что они, сто раз им по кумполу, затеяли? Понадобился козел отпущения для какого-нибудь темного дельца? Если так — то дело труба. От таких не отвяжешься.

Кряжистый зеленомордый свайг-сержант, являющий собой острие клина, остановился в нескольких шагах от Войцеха. За его спиной застыли два рослых — даже выше Войцеха — охранника с лучевиками на груди. Они были совершенно неподвижны, как изваяния — только рептилии могли так замереть. Только глаза с темными крапинками зрачков шевелятся: зырк-зырк.

В основании клина остались двое рядовых и еще один охранник с полосой на левой стороне мундира, как раз над сердцем. Что эта полоса означает — Войцех не знал. — Приветствую вас на борту частной яхты «Карандаш», — без особой приветливости в голосе произнес Войцех. Вряд ли, конечно, свайги из старой колонии настолько хорошо знали людей, чтобы разбираться в оттенках интонаций.

— Приписка имеется? — осведомился свайг-сержант, как показалось Войцеху — хмуро. Войцех тоже не слишком разбирался в эмоциональных тонкостях поведения чужих.

— Нет, я вольный извозчик. Предпочитаю работать в части Галактики, контролируемой людьми, но иногда бывают фрахты и в другие места, как сейчас, например.

— Перевозите ли что-либо запрещенное к распространению торговой декларацией союза? Технологии, вещества, живых существ?

— Нет, сержант. Не перевозжу.

Свайг едва заметно шевельнул горловым мешком.

— Я должен осмотреть груз и информационные системы корабля. Напоминаю, что экипаж досматриваемого корабля обязан в полной мере предоставить доступ во все помещения, не только грузовые, и к компьютерам, а также оказывать всяческое содействие...

— Я помню, сержант.

— Прекрасно. Проводите нас для начала в ходовую рубку.

Войцех послушно развернулся на каблуках и направился в рубку.

Сержант знал свое дело прочно — у него имелся комплект программ-переходников к портам вычислительных систем самых разных разновидностей. Он без лишних слов прицепился к компьютеру карманным прибором и быстро просканировал содержимое памяти. Операционка, астронавигационные программы, базы данных, логи координат прыжков... Сугубо рабочий набор. Ни гигабайта посторонней информации.

— Введите, пожалуйста, пароль для доступа к вашим личным разделам.

Войцех нахмурился.

— Сержант, мне кажется, что это незаконно...

Свайг остекленело вылутился на Войцеха и развернул гребень. В другое время Войцех залюбовался бы — зрелище было редкостное.

— Ты еще поговори мне, homo! — просипел сержант, как и все свайги угрожающе растягивая шипящие звуки интера. Всякий намек на вежливость моментально в его речи пропал. — Живо загремишь на карантин... и выберешься очень-очень не скоро. Если вообще выберешься.

Войцех мрачно наколотил пароль с клавиатуры.

Единственное, что сделал сержант — это оценил общий объем файлов в личном разделе Войцеха. И сразу потерял к компьютерам интерес.

— Чисто, — обернулся он к охраннику с полосой на груди. — Сюда бы просто не поместилось.

Тот сдержанно шевельнул гребнем и горловым мешком одновременно.

— Ладно, — пробурчал сержант, вновь обращаясь к Войцеху. — Веди к грузам.

Войцех уже знал, что на подходе к «Карандашу» патрульные провели контрольное сканирование. В принципе, их компьютер уже сейчас мог бы дать приблизительную молекулярную структуру яхты со всей начинкой, включая Войцеха и бактерий в жилом

отсеке. Неужели их все же заинтересовал саркофаг? По тому, что в первую очередь таможенник спрашивал о технологиях и первым делом полез к компьютеру, можно было предположить, что на Ссамэо стряслось что-то вроде информационного воровства. Стащили какие-то важные сведения, научные разработки, и таможенники всеми путями стараются отследить утечку. Безнадежное дело, сто раз проверено. Но таможенники все равно не угомонятся, потому что на них давит начальство, а на таможенное начальство — руководство колонии, и так далее... Дурацкая ситуация. Дурацкая и безвыходная. А страдают всегда простые смертные вроде Войцеха.

В первом грузовом отсеке свайги ненадолго задержались на пороге.

— М-да, — интер-аналог сего полувздоха-полувосклицания состоял из двух шипящих, на радость свайгу-сержанту. И он с удовольствием прошипел. — Не густо груза. Или у тебя во втором отсеке груз?

— Второй вообще пуст, — ответил Войцех с нехорошим предчувствием. — Я везу только это.

И он указал на одинокий саркофаг посреди пустого, похожего на ремонтирующийся спортзал, отсека.

Свайги дружно подошли поближе; охранники замерли, а сержант неторопливо обошел кругом саркофага.

— Что это такое? — спросил он с явными признаками просыпающегося интереса.

— Груз, — пожал плечами Войцех. Ему было плевать, понимают человеческие жесты эти настырные ящерицы или нет. — Мне платят, я везу.

Свайг словно и не заметил дерзкого — самую малость, но дерзкого ответа.

— Что там внутри?

Он переводил взгляд с саркофага на Войцеха и обратно.

— Что внутри?

— Понятия не имею, — на этот раз Войцех развел руками. — В условия фрахта входит пункт, что я не должен интересоваться содержимым. И уж точно не должен лазить внутрь. Видите, опечатано? Я и не лазил.

Свайги дружно вытаращились на печати и ниточку. Вероятно, их повеселила такая эфемерная защита от вскрытия. Но охранникам явно полагалось молчать, даже тому, с полосой на мундире, а таможенники рангом ниже не осмеливались перебивать сержанта.

Сержант потоптался еще некоторое время у саркофага, потом с опаской его потрогал. Войцех даже повеселился в душе — чешуйчатая рука свайга неожиданно гармонично выглядела на фоне чешуйчатого саркофага. Только цветом рука и материал, из которого был сделан саркофаг, отличались. Тело свайга было серо-зеленым, а поверхность прямоугольного ящика — темно-серой с едва уловимым красноватым оттенком.

Наверное, сержант тоже почувствовал странное тепло, потому что у него вдруг изменились движения. Какой-то даже намек на пластику прорезался — до сих пор он двигался как огромная лягушка, резко и отрывисто. Он медленно обернулся к своим коллегам-патрульным и быстро прошелестел что-то на языке свайгов. Пучеглазый помощник тут же выудил из кармана продолговатый стержень (коммуникатор, наверное) и быстро-быстро зашелестел уже в него.

«С катером, наверное, совещается... Или в центр свой о находке докладывает, — угрюмо подумал Войцех. — Что жони ко мне прицепились-то?»

А свайги явно вознамерились тщательно просветить саркофаг — устанавливали на треноге портативный излучатель с рефлектором и плоским, как носовой платок, висячим монитором.

— Эй-эй! — заволновался Войцех. — Вы что делаете? А вдруг излучение опасно для груза?

Лягушачьи глаза сержанта немедленно повернулись к Войцеху.

— Ты же говорил, что ничего не знаешь о грузе?

— Не знаю! — подтвердил Войцех с жаром. — Ну и что? Потому и волнуюсь — испортите груз, а мне потом за убытки такое насчитают! Вовек не расплачусь! Сержант продолжал холодно смотреть на Войцеха. Взгляд его вызывал неприятные ассоциации с буравчиком.

— И вообще — я транзитом иду! Черти откуда черти куда! Только из пульсации, и сейчас опять уйду! Если у вас что-нибудь стряслось, то это точно не я, неужели непонятно?

Войцех сам не заметил, когда его тирада превратилась в вульгарный ор. А ор на представителей власти никогда не действовал так, как хотелось бы крикуну — он их только злил.

— Так-так! Значит, препятствуем досмотру патрульно-таможенной службы? Нарушаем, стало быть, соглашение о действии планетарных законов в прилегающих областях пространства? Замечательно...

Войцех осекся еще на «так-так». Теперь он хмуро глядел на таможенника и лихорадочно соображал — что же теперь делать. Было у него на редкость недоброе предчувствие, что просвечивание саркофага даром не пройдет.

— Сержант! — нашелся Войцех. — Позвольте мне хотя бы связаться с моим нанимателем. Я с удовольствием предоставляю вам улаживать вопрос с просвечиванием груза с ним.

— А у вас есть мгновенная связь? — осведомился сержант. Кажется, он не поверил.

— Есть, черт побери. Как еще по-вашему можно связаться с чело... с нанимателем, который находится за сотни световых лет?

Сержант переглянулся с обладателем полосы.

— Оплаченная?

Войцех фыркнул, по прежнему не заботясь о познаниях чужих в области людских эмоций.

— Связывайтесь.

— Спасибо, сержант! — с облегчением сказал Войцех и простер руку в сторону выхода. — Прошу!

Они вернулись в рубку, и Войцех, ни секунды не мешкая, запустил с астронавигационного диска браузер мгновенной почты. Утапливая на виртуальном экране виртуальную кнопку с виртуальной надписью на интересе «Вызов», он почувствовал небывалое облегчение.

Черт возьми, как приятно, когда ответственно можно переложить на чьи-нибудь плечи! Это прямо окрыляет.

Изображение нанимателя-незнакомца появилось в пространстве экрана секунды через три. На этот раз незнакомец был без плаща и шляпы; его одежду Войцех назвал бы френч-парой. Узкие брюки были заправлены в серебристые сапожки, доходящие до середины икр. Огромные его глаза вряд ли выражали какие-либо эмоции.

— Капита-ан? — вопросительно протянул он.

— У меня проблемы, э-э-э... — Войцех поймал себя на мысли, что не знает, как обратиться к незнакомцу. Имени своего тот не сказал. Ни имени, ни прозвища — не называть же его «док» или «мастер»? И, уж конечно, Войцех ни за что не назвал бы незнакомца «хозяином».

— Проблемы какого плана? — сухо осведомился незнакомец.

Войцех не успел ответить — в передающий ствол втиснулся свайг-сержант. Пришлось посторониться, и развести руками, обращаясь к нанимателю.

— Таможня...

— Сержант Лае Ваази, патрульно-таможенная служба Ссамэо-Чусси! Груз, перевозимый на яхте Войцеха Шондраковского принадлежит вам, не так ли?

— Именно так, сержант.

— Капитан воспротивился нашей попытке просветить груз. Надеюсь не без оснований? Войцех с интересом наблюдал за выражениями лиц чужаков — свайга и незнакомца-нанимателя. Незнакомец оставался абсолютно спокойным, свайг, безусловно, пытался понять — кто сейчас с ним говорит. Крупная рыба или сошка, которую следует прижать к ногтю, чтоб не трепыхалась.

И еще Войцех ощутил слабое изменение тяготения — вероятно, на генератор искусственной гравитации влиял пристыкованный патрульный катер. Масса у того, все же, немалая, не меньше, чем масса самого «Карандаша»...

— Капитан Шондраковский совершенно правильно противился просвечиванию груза, — сказал незнакомец.

Войцех почувствовал, как по спине сбежала струйка холодного пота. И одновременно — огромное облегчение.

Все-таки не зря он затеял вызывать этого глазастого и зубастого инопланетянина. Нельзя саркофаг просвечивать, оказывается. Вот пусть сам с таможней свайгов и разбирается...

Сержант затаил длинную речугу, суть которой сводилась в итоге к банальному: «А ты кто такой, чтобы мне указывать?», но была выражена на всякий случай в вежливой и вполне корректной форме.

Не успел незнакомец ответить что-нибудь внятное, как Войцех вдруг сообразил, что работает его бортовой вычислитель — а между тем никакой команды ему Войцех не отдавал. Как состыковался с катером патруля — так и погасил все.

Вычислитель гнал по экрану ровные столбцы цифр.

Войцех обеспокоенно потянул на себя клавиатуру.

— Капитан Шондраковский, — послышался голос незнакомца. Войцех оторвался от вычислителя.

— Да?

— Я попрошу вас не отвлекаться, — потребовал незнакомец. — Оставьте клавиатуру.

— Да тут... — начал было Войцех.

— Потом. Все — потом. Груз цел?

— Конечно! Как погрузили на...

— Отлично, — перебил незнакомец несколько более поспешно, чем следовало бы.

Войцеху показалось, что ему очень не хотелось выбалтывать свайгам об исследовательской базе цоофт вблизи Набла Квадрат. — Сейчас мы уладим вопрос с таможней...

Голос его вдруг отдалился и перестал для Войцеха что-либо значить. Потому что посреди пульта вспыхнул зеленый огонек начала пульсации. А прыжок с пристыкованным катером таможни означал почти мгновенную смерть.

Войцех успел только вскочить и перехватить холодный взгляд глаз с вертикальными зрачками, обладатель которых находился за тысячи световых лет отсюда. Свайги вообще ничего не успели понять. «Карандаш», оборвав стыковочный рукав, прыгнул и материализовался где-то в пространстве. Шлюзы его оставались открытыми, воздух с ревом устремился наружу, выволакивая все, что успел подхватить. Давление стремительно падало. Замигали аварийные фонари, автоматика разблокировала управление шлюзами и попыталась восстановить герметичность.

По неизвестной Войцеху причине герметичность восстановлена не была. Он пережил свайгов на несколько минут и умер от многочисленных внутренних кровоизлияний. Броузер мгновенной почты отключился еще во время прыжка. Спустя очень короткое время единственным на борту мертвого «Карандаша», что еще сохраняло тепло, остался намертво закрепленный в первом грузовом отсеке серо-коричневый чешуйчатый саркофаг.

Спустя четырнадцать локальных суток ожила аварийно-спасательная программа «Карандаша» — яхта пошла по собственным трекам, пульсация за пульсацией, и вернулась практически туда же, где на нее был погружен саркофаг. В окрестности системы Набла Квадрат. Только базы цоофт в этом районе космоса уже не было.

Этап второй: Бьярни Эрлингмарк, Номо, Набла Квадрат — Скарца.

Двадцать три земных года спустя.

«Ландграф» вывалился из пульсации в миллиарде километров от косматого красного гиганта — древней сонной звезды. По правде говоря, Магнус и Бьярни сюда вовсе не собирались. Пульсация, скорее всего, снова была неверно рассчитана — уже не впервые братья попадали вовсе не туда, куда намеревались.

— Тысяча чертей! — уныло ругнулся Магнус. — Это не ты испортил астрогатор, а, Бьярни?

— Делать мне больше нечего, — буркнул младший из братьев.

Магнус с отвращением пощелкал по клавиатуре. Компьютер послушно принялся обсчитывать текущие координаты. Или непослушно — что-то ведь он считал неправильно последнее время? Хотя, с ориентировкой проблем как раз не возникало. Проблемы возникали с прибытием на обсчитанное место.

— Перегрев, между прочим, — заметил Бьярни, глядя на датчики. — Опять мы сиганули на добрую тысячу светолет... Если не больше.

— Выбросит нас когда-нибудь в какую-нибудь мясорубку. В астероидный пояс, или в хромосферу вот такого вот солнышка, — мрачно предположил Магнус.

Бьярни покосился на залитый багрянцем обзорник.

— Такого дохлого — еще ладно. А попадется что-нибудь вроде Ригеля или Сальсапареллы... Сторишь еще на подходе...

Некоторое время братья, не вставая из кресел, с недоверием наблюдали за детектором масс.

— Ого, — обронил наконец Магнус. — А ведь нас в перпендикуляр к эклиптике поперло. На самую границу. Надо же...

— Набла Квадрат, — прочел в толще экрана Бьярни. — Ты знаешь где это?

Магнус отрицательно покачал головой.

— Нет. Кажется, это уже за пределами диска. Ниже, вроде.

— Ниже? — удивился Бьярни. — Но тогда получается, что мы за одну пульсацию слопали больше трех тысяч светолет!

— Трех? — ухмыльнулся Магнус. — Ты сюда погляди. Тут написано, что без малого шесть... Пять девятьсот восемьдесят четыре. С чем-то.

Бьярни хотел вскочить, но ремни не позволили.

— Е-мое! Магни, ты веришь, что наше корыто способно прыгнуть на шесть тысяч светолет?

— Я верю в то, — проворчал Магнус, — что больше на этом корыте прыгать не стану. Чиниться надо.

— Чинить привод? — с сомнением протянул Бьярни. — Ты его даже не вскрыешь. Хай энд, черный ящик. Они же все опечатаны... Или тебе не терпится взорваться так и не долетев до хромосферы какого-нибудь солнышка?

— Привод чинить без толку. Да и работает он. Ориентировку чинить надо — она врет. Поэтому нас и швыряет хрен знает на сколько. И хрен знает куда.

Бьярни с наименьшим сомнением покосился на бортовой вычислитель. Одолеть этот самый сложный кристалл? Найти, где он врет? Подобная задача казалась Эрлингмарку-младшему непосильной.

— Слушай, братец... — протянул он нерешительно. — А ты хоть знаешь... а-а-а... с чего начинать?

— Догадываюсь, — буркнул Эрлингмарк-старший. — Тащи инструмент.

Бьярни отстегнулся и привстал, и тут взгляд его задержался на детекторе масс.

— О! — сказал он, тыкая пальцем в темный куб экрана. — А это что за птица?

«Птица» была так мала, что могла с равной вероятностью оказаться и метеоритом, и небольшим корабликом. Или выброшенным неведомо когда пакетом мусора — в межзвездной пустоте полно мусора. Но только шанс встретить что-либо подобное настолько ничтожен, что его никто всерьез не рассматривал. Это куда менее ожидаемое событие, чем угадывание четырнадцатизначного кода на банковском гейте с первого раза.

Тем не менее, всякое событие которое может произойти даже с ничтожной вероятностью, когда-нибудь да происходит.

Галактика стара.

— Дрейфует, — заметил Магнус. — Но слабо. Поглядим?

— Поглядим, — согласился Бьярни. Перспектива опознания нежданной «птицы» привлекала его куда сильнее, чем перспектива ремонта систем наведения икс-привода. — Подумай, Магни, откуда здесь взяться одинокому метеориту? В этом скоплении?

— Кораблю здесь тоже неоткуда взяться, — миролюбиво проворчал Магнус. Кажется, он тоже заинтересовался. — Но тем не менее — это корабль.

В его голосе сквозила такая уверенность, что Бьярни насторожился.

— С чего это ты решил? — спросил младший из братьев не с подозрением, не то с надеждой.

Магнус спокойно указал на пульт.

— А ты видел метеориты, которые откликаются на пеленговый запрос?

Бьярни моментально повеселел. Все таки он боялся разочароваться. Боялся, что при ближайшем рассмотрении «птица» окажется вульгарным куском камня или железа, космическим странником, заброшенным прихотливыми галактическими судьбами в медвежий угол, в периферийное звездное скопление, где дотлевают свой долгий век красные гиганты да мерцают, как позабытые в незапамятные времена маяки, старые звезды-цефеиды.

На голосовые запросы «птица» не реагировала. То бишь, сто против одного, что живых существ на ее борту не осталось; отвечала лишь глупая, но исполнительная автоматика. Бьярни тут же провозгласил эту мысль во всеуслышание, а Магнус тут же поправил его: не живых существ, а разумных существ. Нет. На борту.

Бьярни естественно не преминул съехидничать, и уточнил: не просто разумных существ, а разумных существ, умеющих обращаться с корабельными средствами связи.

На что Магнус привычно отмахнулся и оживил маневровый привод.

«Птицу» от «Ландграфа» отделяло чуть более полумиллиона километров. Свету ближайшей звезды из группы Набла Квадрат требовалось около двух секунд, чтобы преодолеть это расстояние. «Ландграфу» понадобилось четыре часа, да и то большую часть времени сожрала корректировка курса.

Бьярни допил кофе и водрузил любимую керамическую кружку с эмблемой концерна «Volvo» прямо на пульт. Магнус одновременно хрустел тостом и глядел в экран телескопа.

— Полсотник! — сказал он с воодушевлением. — Бьярни, слышишь? Это земная яхта! В смысле, человеческая.

— Название не видно? — деловито справился младший.

— Только хвост. «...ЕК». И еще, знаешь, Бьярни... У него шлюз открыт. Бьярни немедленно оттеснил брата от телескопа. Если говорить начистоту, то шлюз был скорее полуоткрыт, и вокруг полуоткрытого шлюза явственно просматривались искаленные ошметки стыковочного модуля.

«Ландграф» сближался с потерпевшей крушение яхтой — а что еще можно подумать о скорлупке, затерянной черти-где с полуоткрытым шлюзом и с борта которой отвечает только автомаяк?

— "...OWEK" — прочел Бьярни, когда очередные буквы названия показались из-за изгиба обшивки. Над буквой "O" стоял штриховой умляут. — Ни хрена не понимаю. Буквы, вроде, латинские, но что за язык — никак не пойму. Они подождали еще немного — и теперь имя корабля открылось полностью. «LOWEK». Первая "O" оказалась обычной, без всяких умляутов, зато "L" была украшена косой перекладиной.

— Убей меня, но я не знаю такого языка, — вздохнул Магнус. — Держись, сближаемся.

«Ландграф» рванулся еще на полторы сотни километров ближе к увечному полсотнику. — Все. Дальше лезть не станем — мы догоним его через пару часов, а там и уравниемся. Пошли скафандры готовить...

Бьярни отнюдь не возражал. То, что люди издревле называли «скафандрами», название и назначение сохранило, но первоначальный вид давным-давно утратило. Когда-то этим словом именовались громоздкие и неудобные костюмы для защиты от враждебных сред. Теперь это был генератор силового кокона, упрятанный в крохотный плоский ранец, и такой же махонький модуль жизнеобеспечения, пристегиваемый к поясу. Плюс — по желанию — комплект насадок-манипуляторов на предплечья и спецобувь с двигательными системами.

Присоединение Земли и земных колоний к союзу сильно изменило технологии людей, да и лет с тех пор прошло уже немало...

Приготовление скафандров заключалось в проверке батарей и перекрестной диагностике. На это у самого ленивого человека уходило от пяти до пятнадцати минут. Поскольку Бьярни и Магнус никуда не спешили — сближение с дрейфующим и неуправляемым кораблем дело небыстрое — они провозились добрых полчаса. Наконец все было готово — «LOWEK» и «Ландграф» с равными скоростями дрейфовали друг подле друга, всего в паре сотен метров (Бьярни еще похвалил брата: ювелирная, мол, работа, на что тот уныло ответил в том смысле, что хорошо бы и икс-привод работал так же ювелирно); скафандры только и ждали, чтобы их надели да вышли наружу...

А больше всего Бьярни поразил тот факт, что шлюз найденной яхты был освещен. — Ладно, — Магнус быстро и сноровисто запрограммировал автоматику «Ландграфа» на автономные действия. — Пошли, братец. И захватим, на всякий случай, оружие. Перед шлюзом они надели скафандры и активировали их. Тоненький силовой шлейф окутал человеческие тела. Ничто не могло проникнуть сквозь эту эфемерную оболочку: ни излучения, ни вещество. Космос был волен сколько угодно жалить братьев потоками нейтрино и пытаться отнять тепло — все его усилия оставались тщетными.

Покорный команде, внешний шлюз «Ландграфа» стал медленно отворяться. Магнус скосил взгляд на Бьярни — тот, конечно же, остался в любимой безрукавке. Неподражаемое это было зрелище — крепкий белокурый парень в рабочих штанах, массивных ботинках, в каблуках которых прятались миниатюрные сингулярные движители, и кожаной безрукавке; и все это на фоне величаво разъезжающихся створок шлюза и россыпи звезд в открытой щели.

Воздух толчком выплеснулся наружу, когда погас внешний силовой щит. Вместе с воздухом, как рыбки из банки, вылетели из шлюзовой камеры и братья-яхтсмены. «Ландграф» провалился куда-то вниз и вбок; Бьярни привычно погасил крутящий момент. При этом он смешно растопыривал ноги, гнул их в коленях, выворачивал голени — словом, управлял направлением тяги. Впрочем, смешными его движения показались бы лишь тем, кто живет в условиях постоянного тяготения — на планетах или больших космических станциях. Любой, кому часто приходится парить в невесомости, не усмотрел бы в подобной гимнастике ничего особенного.

Жизнь. Рутинная.

— Вот он! — сообщил Магнус откуда-то из-за спины.

Бьярни поправил бусины спикеров в ушных раковинах. Переговорное устройство скафандров было настроено на полный стереосигнал, что очень помогало ориентироваться в трехмерном мире, лишенном силы тяготения.

«OLWEK» дрейфовал метрах в двухстах «правее» и «выше». Бьярни, при всей условности подобных формулировок, привычно развернулся к «Ландграфу» ногами, к чужой яхте головой. Инстинкты прирожденного яхтсмена-пространственника руководили телом сами, Бьярни даже не задумывался проделывая все это. Его старший брат — тоже. Короткие точечные импульсы на движители — и Бьярни, из озорства подхватив брата за рукав рабочего комбинезона, помчался к цели. За спиной огромным багровым диском на четверть неба раскорячилась звезда-гигант. Наверное, это было достойное зрелище — два парящих человеческих силуэта на фоне неяркого пурпурного диска. Прямо, хоть плакат делай — в левом нижнем углу — косо виднеется серый блин «Ландграфа»; сверху на фоне сплошного мерцания центра Галактики — чечевицеобразный штрих чужой яхты, видимой с ребра. А по центру — необъятный тускло-багровый круг, и два контрастных силуэта в свободном полете... — Держись, — отвлек брата от раздумий Магнус. — Промахиваемся. Бьярни покрепче ухватился за плечи старшего. Серия коротких сцепок движителей с базой на борту «Ландграфа», ощутимые рывки, и курс еле заметно изменился. «Ландграф» уже казался меньшим, чем «OLWEK». Бьярни взглянул на часы, встроенные в насадку на предплечье. В открытом космосе они находились уже добрых двадцать минут. Отец Бьярни и Магнуса как-то подсчитал чистое время, проведенное вне яхт, на которых ему довелось бороздить Галактику. Получилось чуть меньше трех лет. Три года в пустоте. Каких-то двести лет назад — кому такое могло бы придти в голову? — Расходимся, — скомандовал Магнус, и братья мягко оттолкнулись друг от друга, одновременно поворачиваясь к чужой яхте и руками, и ногами. По-кошачьи. Ловко и быстро. Погасить скорость (немаленькую, кстати) и при этом не приложиться об обшивку — для привычного астронавта дело нехитрое. А новичок мог бы так шандарахнуть, что руки-ноги переломал был. Магнус вцепился в покалеченную тягу стыковочного модуля, его развернуло ногами к обшивке, и он, словно заправский акробат, в полупируэте «приземлился». Бьярни навелся более точно: вытянувшись в струну, он влетел в щель между створками шлюза, и тут на него мгновенно навалилась искусственная сила тяжести. Охнув от неожиданности, он рухнул на пол шлюза, все же успев сгруппироваться и ничего себе не отбив. — Эй, ты как там? — позвал брата Магнус без особой тревоги в голосе. Бьярни, потирая ушибленный бок, встал на ноги. — Цел, Магни. А тут тяжесть есть — генератор работает. Давай ко мне. Магнус повозился у створок. — Ага! — оживился он. — Понятно, почему шлюз не закрылся. Тут тяга створку заклинила. Видно, автоматика шлюзы захлопывала, а тут эта труба... Не повезло ребятам. — Черт! Но что могло оборвать им стыковочный модуль? — Бьярни принялся озираясь, словно рассчитывал где-нибудь поблизости разглядеть подсказку. — Не знаю, — вздохнул Магнус, забираясь внутрь. В отличие от Бьярни, он не стал наудачу влетать в зону искусственного тяготения: сначала просунулся по пояс, уловил вектор и просто встал на ноги на краю шлюза. В синеватой изморози на металле остались отчетливые следы. Это были единственные следы на полу шлюза — если не считать, конечно, следов падения Бьярни. А значит, они первые гости на борту яхты со странным названием «OLWEK» за многие годы. В камере горело аварийное освещение — одна панель из пяти, но света даже каждая пятая давала вполне достаточно. Внутренний шлюз в кабину был закрыт, но с пульта у притолоки послушно раскрылся. Магнус на всякий случай схватился за поручень, но в кабине воздуха тоже не оказалось. И везде лежала та же льдистая изморозь. — Вон там, по-моему, рубка, — сказал Бьярни, протягивая руку вправо. — Пошли? — Пошли. Над входом в рубку красовалась аккуратная табличка из какого-то желтоватого камня. С надписью. «Mobilis in mobile». Братья переглянулись. — А ведь это латынь, — озадаченно протянул Магнус. — Черт возьми, этот язык стал мертвым еще до того, как люди вышли в Космос! — Е-мое, братец, — нетвердо сказал Бьярни. — На что ж мы с тобой наткнулись в этом медвежьем углу?

С замирающим сердцем он потянулся к кнопке, открывающей сегментный люк в рубку. Перепонки разошлись без проблем. Вот просто взяли – и разошлись.

С первого взгляда на капитанский пульт стало ясно, что особых тайн на этом корабле они не найдут. Стандартные приборы и клавиатура икс-привода. Даже не очень устаревшие – лет всего на пятьдесят-семьдесят. В космической технике прогресс очень нетороплив – корабли строятся долго. И служат долго.

Но не пульт приковал взгляды братьев в первую очередь.

Мертвецы. На полу рубки в разных позах застыли семь мумий – одна человеческая, и шесть – свайгов. Та же изморозь покрывала одежду и лица. Ну, конечно, разгерметизация, температура лишь на доли градуса выше абсолютного нуля. Катастрофа застала экипаж врасплох – шкафчик со скафандрами... точнее, со скафандром – там нашелся всего один – открыть никто не успел.

Смерть в космосе всегда бывает быстрой. Вряд ли эти ребята сильно мучились...

Магнус склонился над одним из свайгов. Провел рукой по твердому, как дерево, телу. Вгляделся.

– Хм! А ведь чужие упакованы в мундиры таможенной службы! По крайней мере, этот!

– сообщил он брату.

Бьярни осмотрел другого.

– Этот – тоже, – младший озадаченно крикнул. – А человек?

Оказалось – нет, человек в момент смерти был одет в обычный комбез, какие носят яхтсмены; зато все свайги – в мундиры таможи.

– Так-так-так, – Магнус выпрямился и прошел к капитанскому креслу – единственному, кстати. Кораблик был явно одноместный. – А не сдастся ли тебе, братец, что таможня застукала этого парня с незаконным грузом и он предпочел красиво умереть? А?

Бьярни поморщился.

– Ты фантазируй, да не перегибай. Неужели ты бы предпочел подохнуть, чем сдать какой-то сраный груз?

– А вдруг, груз был... ну, очень запрещенный? Типа, даже не тюряга, а распыление? А?

Бьярни зябко передернул плечами. Семь трупов, изморозь кругом, загадки...

Машинально он повысил температуру под коконом. Пар, вроде, костей не ломит...

Тем временем Магнус оживил спящий компьютер. Тот работал, похоже, без сбоев, единственное, над чем он был не властен – это над управлением шлюзами.

Заблокированная внешняя створка начисто отрубилась этот раздел команд – хотя, по идее, не должна была. Впрочем, чего только с автоматикой не случается – Магнус сталкивался со случаями и позагадочнее.

Личные разделы капитана, конечно, были запаролены, но корневой, с основными данными – не паролится никогда. Именно на случай вот таких вот катастроф.

– Так, – Магнус вывел идентификационную страничку и принялся скакать по ссылкам.

– Корабль – «Карандаш», порт приписки – отсутствует... Капитан – Войцех Шондраковский... А, так это польская надпись снаружи. «Olowek» – значит «Карандаш». Последняя дозаправка – Набла Квадрат, исследовательская база цоофт... двадцать три года назад. Не так уж долго он в космосе болтался. Повезло, однако. База, понятно, за это время откочевала.

Бьярни при этих словах невольно покосился на оцепеневшие в центре рубки мумии.

Повезло, нечего сказать...

– Так... – продолжал шастать по страничке Магнус. – Сюда он пришел... С Офелии, что ли?

Магнус отодвинул клавиатуру и задумался.

– Слушай, Бьярни... А глянь-ка у чужих – у них документы какие-нибудь есть? А то сам подумай: откуда здесь, где и поселений-то нет, таможенники свайгов? А?

Бьярни поежился. Работа ему выпала неприятная, но как ни крути – необходимая. Обшарить трупы все равно надо, иначе вовек не поймешь что здесь к чему.

Начал Бьярни со свайга с сержантскими бляхами на мундире. В первом же нагрудном кармане обнаружилась треугольная идентификационная карта. Надписи на ней были, конечно же, на языке чужих, но на обороте в числе прочих нашлась и строка на интересе – «Патрульно-таможенная служба Ссамэо-Чусси».

– Ссамэо! – оживился Магнус. – Это колония свайгов, очень старая. Но она далеко отсюда...

Подобные карточки нашлись и у остальных свайгов, кроме одного. У этого вообще не оказалось никаких документов, но на мундире Бьярни заметил непонятную полосу – причем никак ему не припоминалось, чтоб таможенники свайгов носили такие полосы.

— Значит, Ссамэо. Ты не помнишь, Бьярни, на что особенно серчает таможня этих ящерок?

— На психотропные препараты... На технологии.

— На это все серчают, — вздохнул Магнус. — Значит, не помнишь.

Бьярни пожал плечами.

— Ладно, — старший брат снова взялся за клавиатуру. — Кстати, Бьярни, о грузе тут ни полслова. А не сходить ли нам по этому поводу в грузовые отсеки? А?

— Конечно, сходить, — фыркнул Бьярни. — Пошли?

— Пошли.

Снова открылся сегментник; братья прошагали по твиндеку; казалось, что шаги должны гулко отдаваться от стен и потолка, но в «Карандаше» не было воздуха, и они слышали только дыхание друг друга.

Следующий люк открылся также без проблем. Бьярни ожидал увидеть забитый какими-нибудь коробками отсек, но ожидания не оправдались. Отсек был совершенно пуст, если не считать одинокого ящика в центре, очень похожего на упавший платяной шкаф тетушки Аннифрид с Земли — сами братья, как и все астронавты, привыкли ко встроенным в стены шкафам.

Бьярни рысцей добежал до второго отсека — в том не нашлось даже одинокого ящика.

— Ну и ну! — озадаченно протянул Магнус, присаживаясь на корточки перед ящиком.

— Ты видел хоть раз в жизни что-нибудь похожее, а, Бьярни?

Бьярни в который раз пожал плечами — вообще-то он редко расставался со своим братом и сталкивался за двадцать четыре года полетов в основном с тем же, что и Магнус. За редчайшими исключениями, в который необычного не отыскал бы и самый мечтательный человек.

— И это называется груз? — Магнус потрогал чешуйчатую поверхность. — Похоже на кожу. Или на пластик.

Бьярни поглядел сверху — едва заметная риска вдоль верхней плоскости усиливала сходство с упавшим шкафом. Никаких рукояток или щелей для ключа. И вдобавок створки были опечатаны на людской манер — два кусочка пластилина и вдавленная в пластилин ниточка.

— Ха! — удивился Бьярни. — Во, олухи! Да такую печать срезать — раз плюнуть! Тем более, что она сейчас замерзла. А потом чуть разогреть пятку, и на место — ни в жизнь не заметишь, что кто-то вскрывал.

Первоначальное намерение поглядеть, что там кроется внутри, неожиданно погасло и у Магнуса, и у Бьярни. Потоптавшись у несуразного груза и обменявшись ничего не значащими замечаниями, оба пришли к мысли, что стоит заглянуть в капитанскую каюту, а потом вернуться в рубку.

В каюте они пошарили по ящикам — ничего особенного, любой астронавт-пространственник таскает за собой множество вещей, назначение которых чужакам не понять. Особенно, если яхта для него — дом. Единственный дом. Одежда, книги, фильмы, безделушки разные... Капитан этой яхты был, скорее всего, человеком суровым и непритязательным. Вещей нашлось не так уж много.

В общем, пробыв в каюте очень недолго, братья вернулись в рубку. Бьярни принялся шарить по ЗиПам; Магнус снова подсел к компьютеру.

— Знаешь, что я думаю, Бьярни, — обратился он к брату. — Вдруг у нас на «Ландграфе» диск сбоят? И поэтому нас швыряет не пойми куда?

— Чего ж раньше не швыряло? — не оборачиваясь, поинтересовался Бьярни.

— Ну... Они ж могут испортиться со временем. Теоретически.

— Диски? — Бьярни глянул на старшего через плечо. — Ты б посмешней что-нибудь придумал. Правнуки твоих правнуков успеют истлеть, пока астрогационный диск испортится.

— Но все-таки! Что мешает нам взять диск с «Карандаша», пересчитать оперативный своп и попробовать грузиться с него?

На это Бьярни возразить было нечего — к тому же, этот способ мнился ему куда более безопасным и перспективным, нежели ремонт систем наведения на ходу.

В общем, Магнус без лишних слов обратился к драйву астрогационного диска, и сразу же наткнулся на броузер мгновенной почты. Причем в верхней левой графе светилась надпись «оплачено». На интересе.

— У-у-у-у!!!! — обрадовался он. — Бьярни, тут оплаченная мгновенка!

Но радость его быстро угасла.

— Но она смонтирована на единственный адрес... Жаль.

— Посмотри лучше данные на груз. Контракт, там, на перевозку, счет этого малого...

— А пароли? — недоуменно протянул Магнус.

— Пароли нужны только для операций со счетами, — Бьярни фыркнул. — Просмотреть можно и так. К тому же... дай-ка я сяду.

Магнус послушно уступил младшенькому место перед клавиатурой. Если в корабельных системах и икс-приводе Магнус разбирался заметно лучше брата, но уж в компьютерных тонкостях малыш-Бьярни давал Магнусу сто очков вперед.

— Во-первых есть аварийный пароль, он подходит ко всем системам... Мне спасатели рассказали, а я его подсмотрел.

Магнус не поверил.

— Как это подсмотрел? Это ж секретная информация!

Бьярни, щелкая клавишами, склонил голову набок. Но вовсе не от смущения. И взгляд у него сделался хитрый и довольный, как у кота, которому удалось стащить с хозяйского стола какую-нибудь вкусность.

— Помнишь, когда мы «Скальда» реанимировали? Я тогда раньше спасателей до компа добрался. И там нашел одну полезную программку... В общем, она на самом деле не грузит систему, а только выводит в экран все, что обычно выводится при загрузке системы. Ну, там, логин, запрос пароля, и все такое прочее. И при этом сбрасывает все последовательности нажатия на клавиши в отдельный файл. И кладет его в уголок. Понятно, что в итоге приходится перегружаться, и вот тут-то уже начинает грузиться настоящая система. Но пароли и логин — все по-прежнему лежит в уголке. Ловко, а? В общем, я потом вычислил пароль спасателей, когда они убрались. Он зашивается во все корабельные компы на уровне BIOSa, и явно нигде не фигурирует. Но если через него войдешь в систему, тебя пустят посмотреть почти всюду. Только посмотреть — без права изменения данных, спасателям ведь только это и нужно.

Магнус покачал головой:

— Отец всегда говорил, что из тебя вышел бы феноменальный жулик. Чемпион среди жуликов.

Бьярни засмеялся:

— Ладно, братец! Я не стану напоминать, что отец говорил о тебе!

Магнус отвесил младшему дежурную оплеуху — совсем не обидную, так уж сложились отношения в семье Эрлингмарков. Еще когда Эрлингмарк-старший был жив.

— Ладно! — вздохнул Магнус. — Вводи свой пароль...

— Уже ввел.

Бьярни шарил по личному разделу капитана... как бишь его там? Шондраковского. Почта, старые контракты... Содержимое счета...

— Ого! — хором впечатлились братья, взглянув на состояние мертвого капитана. Больше миллиона пангала!

— Кстати, — Бьярни шелестел клавиатурой со скоростью и сноровкой опытной секретарши. — А ведь ему капнул ровно лимон именно двадцать три года назад... Сейчас сверюсь... Точно! Прямо перед визитом к Набла Квадрат!

— Думаешь, это оплата за перевозку того... шкафа?

Бьярни даже привстал.

— То-то таможенники на него накинулись! За тысячи светолет от Ссамэо!

Магнуса вдруг осенило:

— Слушай! Так вот почему у него шлюз заклинило! Таможенный катер был явно пристыкован к «Карандашу», а этот Шондраковский рискнул уйти в пульсацию! Понятно, что стыковочный рукав разорвало! И тяга эта долбанная заклинила шлюз! Воздух — тю-тю, «Карандаш» вышвыривает в окрестности Набла Квадрат, семь трупов на борту, занавес!

Бьярни с сомнением покачал головой.

— Не все тут клеится, Магни. Ну, пусть внешний шлюз заклинило. Пусть. Но есть же внутренние шлюзы — в кабине, в грузовых отсеках. Аварийка бы их задраила наглухо, не успел бы весь воздух улетучиться. Точно не успел бы.

Пыл Магнуса заметно приугас.

— Да, действительно...

— Но груз, — Бьярни воздел палец к потолку рубки, — явно непрост!

— Слушай, братец! — Магнуса осенило вторично. — А ведь мгновенка явно настроена на адрес хозяина этого груза!

Бьярни встал и медленно-медленно обернулся к старшему.

— И ты хочешь сказать... Что, если он отвалил миллион капитану «Карандаша»...

Магнус принялся энергично кивать:

— Именно! То и нам может кое-чего перепасть! Логично?

Вместо ответа Бьярни проворно свалился назад в кресло, обратился к броузеру мгновенки и утопил кнопку «Вызов».

Тот факт, что с момента катастрофы прошло двадцать три года, в первый момент как-то ускользнул от внимания братьев.

Связь ожила почти мгновенно; над пультом стухнул отдельный кубический экран, в толще экрана рельефно проступили очертания чьего-то лица. Почти сразу масштаб изменился, рывком — теперь братья видели адресата мгновенки как диктора телевидения — примерно от пояса и выше.

Во-первых, это был инопланетянин. Антропоморф, но не человек; Бьярни смутно припомнил, что эта раса когда-то воевала с азанни, но проиграла и на некоторое время попала к птичкам в зависимость, где и прозябала пока Земля не была принята в союз. Ну, а что произошло потом — всем известно: практически все зависимые расы дружно плюнули на своих хозяев и принялись устраивать жизнь по собственному разумению. Земной образ мыслей к тому времени так успел изменить пятерку высших рас, что тем в свою очередь стало глубоко наплевать на зависимость или независимость вчерашних сателлитов.

Инопланетянин зашевелил губами, но никаких звуков братья не слышали. Бьярни хлопнул себя по лбу — в рубке ведь не было воздуха, они и не могли ничего слышать — и оживил модуль связи. Подстроил вещательную систему мгновенки под волну переговорника скафандров, и, взглянув на экран, несколько раз повторил: — Раз, раз... Проверка, проверка, слышите нас?

— Ну, наконец-то, — сказал инопланетянин на интере. — Самый главный вопрос: саркофаг цел?

Братья Эрлингмарки переглянулись.

— Это тот ящик в грузовом отсеке? — уточнил Магнус.

— Да.

— Цел, вроде... Даже печать цела.

— Вы его не открывали?

Братья снова переглянулись; Бьярни отрицательно замотал головой, Магнус ответил вслух: — Нет. Пока не открывали.

Вопреки ожиданиям чужак не стал облегченно вздыхать или иным образом демонстрировать свалившуюся с плеч гору, хотя и Магнусу, и Бьярни показалось, что целостность ящика-саркофага имеет для него огромное значение. Подход чужака поражал сугубым прагматизмом.

— Что с Войцехом Шондраковским?

— Э-э-эмм... — промывчал Магнус. — Он погиб. Его яхта потеряла герметичность, а автоматика не сумела пресечь утечку воздуха. И капитан, и остальные... ну, не выжили они. Не сумели спастись.

— Остальные? — инопланетянин в экране настороженно приподнял бровь.

— Во время катастрофы на борту находились таможенники с Ссамэо, свайги. Шестеро, — пояснил Магнус.

Некоторое время инопланетянин молчал. Потом жестко, тоном не допускающим возражений, потребовал: — Мне нужно доказательство, что саркофаг не пытались вскрыть. Вы сможете мне его показать?

Бьярни взглянул на брата и пожал плечами.

— Конечно смо...

— Минутку, — прервал брата Магнус. — А почему, собственно, мы должны вам что-то показывать? Во-первых, сначала докажите, что это ваш саркофаг — пока по законам союза он принадлежит тем, кто его обнаружил. То есть нам. Во-вторых, даже если он и ваш, заинтересуйте нас. Кто же захочет работать даром? Вы понимаете меня, любезнейший?

Впервые с начала разговора инопланетянин криво улыбнулся.

— Господа! Во-первых, этот саркофаг принадлежит не мне, но я за него в ответе. Кому он принадлежит — я желаю вам никогда и ни при каких обстоятельствах не узнать. И не дай вам бог — так, кажется, говорят земляне? — усомниться в правах его хозяина. Вашей участи не позавидует в таком случае и приговоренный к распылению. Во-вторых, я вовсе не намерен заставлять вас работать даром. Этот саркофаг стоит достаточно дорого, я не стану этого скрывать, и если вы будете выполнять все, что я вам скажу, на нашу скупость вам жаловаться не придется. Итак, мое предложение: я плачу вам миллион пангала, а вы делаете все, что я вам скажу в течение... ну, скажем часа. Если результаты меня удовлетворят, мы можем заключить другую сделку, на куда более заманчивых условиях. Ну, как идет?

У Бьярни враз пересохло во рту. Магнус растерянно поскреб подбородок.

— Я вижу, вы не против, — заключил чужак. — Что ж... Вставляйте кредитку в считыватель.

— Э-э-э... — протянул Магнус. — Кредитка на нашем корабле... Кто ж берет кредитки в открытый космос?

— Вы можете переслать деньги транзитным аттачем? Реквизиты банка я дам, — вмешался сообразительный Бьярни.

— Как угодно.

Бьярни быстро-быстро заколотил по клавишам.

— Вот.

Инопланетянин скосил взгляд немного вправо и неслышно отдал какое-то распоряжение. Затем вернулся в зону передачи.

— Деньги переведены, — сообщил он. — Можете проверить свой счет.

— Вы перевели по мгновенке? — слегка удивился Бьярни. — Это же дорого! Он рассчитывал всего-навсего убедиться в факте отчисления, что было совсем несложно.

— Молодой человек, — холодно сказал чужак, — эти проблемы должны волновать нас, а не вас. Проверяйте, время идет.

Бьярни послушно организовал запрос к своему счету — без кредитки он не смог бы ни снять, ни положить ни пана, но просмотреть — мог. Зная пароль, конечно, а пароль Бьярни помнил наизусть.

На его счету уже лежал обещанный миллион.

— Ух ты! — выдохнул Бьярни. — Он не врет, старший! Миллион наш. Вернемся на «Ландграф» — я тебе сразу отслюнявлю половину. Извини, реквизитов твоего счета я запомнить не удосужился...

— Убедились? — спросил чужак с тенью долготерпения на лице и в тоне.

— Убедились! — Магнус поднял обе руки, словно говоря: «мы временно ваши, босс!»

— Что мы должны сделать?

— Я хочу убедиться, что саркофаг цел и невредим. Постарайтесь наладить визуальный канал — камеру какую-нибудь или что-нибудь в этом роде. Получаса вам хватит?

Магнус вопросительно взглянул на Бьярни. Тот утвердительно кивнул.

— Хватит.

— Вызывайте меня, как будете готовы. Если не успеете — вызывайте ровно через двадцать пять минут.

— Простите... — уточнил Магнус. — Какие часы и минуты вы имеете в виду?

— Земные, конечно же. Вы ведь с Земли родом? И на корабле придерживаетесь земного цикла? Так?

— Так. А откуда вам это известно?

Чужак воззрился на Магнуса, отчего у старшего из братьев мороз продрал по коже.

— Я не думаю, что ответ на подобный вопрос поможет вам в вашем деле, — сказал чужак после тягучей паузы, и затем отключился.

Магнус перевел взгляд на хронометр, исправно отсчитывающий часы, минуты и секунды. Маркировка на нем красовалась стандартная, земная, и судя бегу секунд — он был настроен именно на земной цикл. Потом Магнус сверился с наручным хронометром, вживленным в насадку.

— Я тут видео организую, — подал голос Бьярни, — а ты, старший, попробуй разблокировать шлюз пока. Достала уже безвоздушка. Ладушки?

— Ладушки! — Магнус заметно повеселел. Возня со шлюзом гораздо больше соответствовала его наклонностям, знаниям и темпераменту, нежели все, что имело отношение к компьютерам.

У них с Бьярни сложилась идеальная совместимость и идеальное разделение обязанностей по яхте. Все-таки они были родными братьями, а значит ладить им было легче, чем остальным.

Бьярни живо отыскал рабочую камеру, потом долго рыскал по ящикам в поисках антенны; антенны не нашел, зато обнаружил целую катушку старого оптоволоконного кабеля с разъемами. Катушки с лихвой хватало до грузовых отсеков. Очистив от пыли механический порт корабельного компьютера, Бьярни подключил камеру, отыскал в корне нужные программы и запустил новую видеосистему. Изображение с камеры исправно транслировалось в экран. Осталось только убедиться, что почтовый брouters это изображение подхватит в нужном формате и передаст хозяину саркофага. Впрочем, чужак сам сказал, что саркофагу он не хозяин.

«Интересно, что там внутри, — думал Бьярни. — Не очередная ведь летаргическая красавица, это ясно. Вон, таможня как резво за „Карандашом“ погналась — аж до Набла Квадрат дотащились...»

У Магнуса дела шли не так споро — сломанную тягу он из шлюзового паза выковырял, но створка не то примерзла, не то погнулась при рывке — никак не хотела двигаться. Похоже, предстояло заглянуть под обшивку изнутри шлюзовой камеры. В принципе, в подобном ремонте не было ничего сложного, даже в ходовых условиях — просто работы там далеко не на час. С этим Магнус и вернулся в рубку. Прошло девятнадцать минут.

Бьярни в рубке не было, зато от стойки пульта в сторону выхода убежал старинный кабель. Магнус уже хотел пойти вдоль этой путеводной нити, но тут прибежал запыхавшийся Бьярни.

— Готово, старший! А у тебя как?

— Да там возни поболее, чем на час... В мертвую заклинило. Надо створку рихтовать, наверное. Или сервомотор смотреть.

— Понятно... А у меня готово. Вызывать этого орла?

Магнус взглянул на часы.

— Вызывай...

Спустя секунды броузер мгновенной почты был запущен вторично. Чужак возник в экране сразу в нужном ракурсе — теперь он еще больше напоминал телеведущего, потому что успел переодеться во что-то строгое и явно дорогое.

— Ну, чем порадуете? — без обиняков начал он.

— Все готово. Вам видна картинка с камеры?

Чужак отвлекся на несколько секунд, потом утвердительно кивнул:

— Видна.

Кивок у него получился чересчур энергичный — небось, у его расы в ходу были иные жесты согласия.

— Я пойду к камере. Текст транслировать не нужно, мы его уже и так транслируем, у нас тут безвоздушка, знаете ли...

— Поторопись, Бьярни Эрлингмарк, — еле заметно шевельнув губами обронил чужак. Бьярни трусцой направился к саркофагу, недоумевая на ходу. Не помнил он, чтоб называл чужаку свое имя. Напрочь не помнил.

«Может, Магни?» — подумал он рассеянно.

Магнус не вытерпел и тоже пошел к грузовым отсекам.

Когда он вошел, Бьярни уже стоял перед саркофагом с камерой в руке. Чужак командовал:

— Левее... Ближе... Еще чуть ближе... Так, хорошо. Теперь торец, где торчит эдакая кишка... Да-да, вот это. Отлично! А теперь верх... Это что?

— Печать, — пояснил Бьярни. — Наверное, капитан Шор... Шон... ну, поляк этот, опечатал. Тут название корабля на оттиске есть. Только не спрашивайте меня — зачем он это сделал.

Чужак гонял Бьярни вокруг саркофага минут пять. Потом, наконец, уgomонился.

— Ну, хорошо. Похоже, что он цел. Можно приступить ко второй фазе переговоров. Не вернетесь ли вы, господа, к экрану, чтобы я вас видел?

— Уже идем! — Бьярни с готовностью опустил камеру и приготовился ее бросить на саркофаг, но потом подумал, что раз этот тип так над сией чешуйчатой хреновиной трясется, не стоит, пожалуй. Лучше на пол.

В рубке они вновь имели счастье лицезреть инопланетянина на экране почтовки. Теперь он имел вид еще более холодный и неприступный.

— Итак... — начал чужак.

Братья затаили дыхание.

— Я не стану скрывать, что Войцех Шондраковский был нанят мной двадцать три абсолютных года назад для доставки саркофага в определенное место. Не стану скрывать и сумму контракта — он получил миллион пангала вперед, как и вы, и в случае успешного финиша получил бы еще сорок девять миллионов.

Магнус почувствовал, как на лбу выступила испарина. Подавить желание утереть лицо было очень сложно — во-первых, не хотелось показывать свое изумление чужаку, а во-вторых прямо сейчас из этой затеи не вышло бы ровным счетом ничего: мешал скафандр.

Бьярни же напротив, остался спокоен, потому что уже сообразил: в деле замешаны огромные деньги. Единственное, над чем он мучительно размышлял — это действительно ли им могут заплатить такую сногшибательную сумму, либо это лишь приманка.

Чужак тем временем продолжал:

— К моему величайшему сожалению, капитану Шондраковскому не повезло: он погиб едва начав рейс. Увы, никто из нас не застрахован от случайностей и смерть может настигнуть любого уже в следующую секунду. Смею вас заверить, что катастрофа эта

никак не связана с таможней или контрабандой — наш груз абсолютно легален на всех обитаемых мирах союза. Что произошло на борту «Карандаша» — загадка, которую нам, возможно, и не удастся разрешить. Но тем не менее, груз должен быть доставлен по назначению. Насколько я понял, вы вольные яхтсмены. Насколько мне удалось выяснить, в данный момент вы не связаны никакими обязательствами по работе. Знаю я и то, что особых финансовых затруднений вы не испытываете. Но когда речь заходит о сумме в пятьдесят миллионов пангала, многие доводы перестают казаться убедительными, не так ли?

Чужак сделал короткую эффектную паузу, во время которой братья успели переглянуться.

— Итак, я предлагаю вам честную сделку. Вы везете наш груз, мы платим вам деньги. Документ, подтверждающий, что груз не содержит запрещенных к провозу технологий, веществ и форм жизни я вам дам — думаю, что выудить оригинал из компьютера капитана Шондраковского будет не так просто, легче составить новый. Ну как, кажется вам честным такое соглашение?

Братья снова переглянулись.

А... — Магнус предупредительно кашлянул, — есть какие-нибудь гарантии, что по прибытии на место нам действительно заплатят, а не размажут по космосу? Все-таки сорок девять миллионов...

— Если боитесь, можете в последний момент смотаться и отправить яхту на автоматике. Но тогда ваш заработок ограничится миллионом, причем в эту сумму войдет стоимость яхты. Это не такие уж маленькие деньги, но ведь есть возможность получить куда больше. Решайте сами.

«А ведь он, стервец, от ответа увильнул, — отметил про себя Бьярни. — О гарантиях не обмолвился ни словом. Но предложение, ничего не скажешь, заманчивое...»

— Я думаю, — заявил Магнус, напуская на себя важный вид, — мы с братом сумеем с вами поладить. Нужно только узнать — куда везти ваш драгоценный саркофаг.

— Не так быстро, — осадил чужак. — Сначала я вам кое-что объясню. Прежде чем мы сможем считать сделку состоявшейся, вы должны пообещать, что ни при каких обстоятельствах не будете пытаться вскрыть саркофаг и интересоваться его содержимым. Ни при каких. Прошу учесть, что наш с вами разговор фиксируется, а следовательно любое ваше слово будет иметь юридическую силу. Итак, господа? В который раз братья Эрлингмарки переглянулись.

«Ты как?» — одними глазами спросил старший.

«А что — я? — пожал плечами младший. — Надо рисковать...»

— Хорошо, — выдохнул Магнус. — Я согласен. Согласен не интересоваться содержимым саркофага и согласен не открывать его ни при каких обстоятельствах.

— Я тоже, — поддакнул Бьярни, но чужак заставил его повторить фразу полностью.

— Прекрасно! — чужак даже расцвел. — Я рад, что мы достигли взаимопонимания.

Поверьте, это сделка принесет пользу и нам, и вам. Теперь о деталях. В драйве компьютера «Карандаша» есть диск — собственно, браузер мгновенной почты вы грузили именно с него. На этом диске имеется вся необходимая информация о курсе и цели, все астронавигационные программы и пакеты, словом, полное путевое сопровождение. Вы могли бы просто взять этот диск на «Ландграф», но есть одно но: крайне нежелательно беспокоить саркофаг. Перегружать его с корабля на корабль не стоит. Поэтому вы должны привести яхту капитана Шондраковского в рабочее состояние и стартовать так быстро, как только сможете.

— Но... — растерянно сказал Магнус, — тогда ведь нам придется бросить свою яхту?

— Новую купите, — проворчал чужак. — Впрочем, если вы так прижимисты... Вас ведь двое. Один может остаться на «Ландграфе», второй — доставить «Саркофаг». Тогда в дополнение к пятидесяти миллионам у вас будет сразу две яхты. Но ремонт и оживление «Карандаша» — вдвоем и в авральном темпе. Поскольку соглашение уже вступило в силу — это приказ.

Вызывайте меня, когда «Карандаш» будет готов стартовать. И в любом случае — каждые сутки ровно в полдень. Сколько там у вас сейчас времени?

— Полседьмого утра, — машинально ответил Магнус.

— Вот сегодня в полдень и вызывайте. До свидания, господа яхтсмены!

Экран мигнул на миг и погас; окно браузера схлопнулось в яркую точку в центре куба, а затем точка растворилась вместе с самим кубом.

— Фу-у-у-у... — тяжело выдохнул Бьярни. — Ну и дела... А ведь мы так и не спросили этого типа — кто он и как его зовут.

Магнус зябко передернул плечами:

— Знаешь, братец... Что-то подсказывает мне, что лучше нам этого и не знать. Целее будем. А сейчас, займемся-ка ремонтом. Какой у этого Шор... капитана инструмент имеется, ты не отыскал?

Ремонт сожрал два полновесных дня. Двое суток. Правда, все это время распухшее солнце беспрерывно заливало багровым половину обзорников, а глубокая чернота космоса, еле-еле разбавленная одиночными пикселями далеких звезд, таилась во второй половине. «Карандаш» впервые за двадцать три года сомкнул створки внешнего шлюза и наполнился воздухом. Освещение из аварийного режима было переведено Магнусом в штатный. Двое суток. Всего двое суток, и затерянный в пространстве мертвый корабль снова стал обитаемым.

Дважды Эрлингмарки вызывали чужака — в полдень, как и было договорено. Четырежды мотались на сингулярниках от «Карандаша» к «Ландграфу» и от «Ландграфа» к «Карандашу». Половина от неожиданного миллиона перекечевала со счета Бьярни на счет Магнуса. И наконец-то настало время решать.

Бьярни с еще мокрой после душа головой смаковал кофе на камбузе, когда старший Эрлингмарк вернулся с «Карандаша». Содрал скафандр, налил и себе кофе, и удовлетворенно сообщил:

— Все. Готов «Карандаш». Хоть сейчас стартуй.

Бьярни понимающе кивнул.

— Ну, брат? — задал Магнус давно ожидаемый вопрос. — Что будем делать? Тебе хочется бросать «Ландграф»?

— Если честно, то нет. Совершенно не хочется.

— И у меня та же фигня. Значит, надо разделяться.

— Надо, — согласился Бьярни.

— Давай думать. Кому лучше повести это чешуйчатое чудо, а кому остаться на «Ландграфе».

Бьярни отхлебнул кофе.

— А ты как считаешь, Магни?

Магнус наморщил лоб.

— Вообще-то я считаю, что пока ты отвел бы «Карандаш», я мог бы спокойно ковыряться в системах наведения. И к твоему возвращению вернуть к жизни и «Ландграф» тоже. Но вести «Карандаш» — не на прогулку смотаться. Если честно, то побаиваюсь я этих чертовых ребят, хозяев саркофага, готовых вот так, без раздумий, выложить миллион первому встречному и еще сорок девять — готовому рискнуть и сунуться к ним в лапы.

Бьярни, не перебивая, слушал.

— С другой стороны, упустить возможность срубить деньги, на которые можно безбедно жить всю оставшуюся жизнь — это надо умуудриться. А значит, надо рисковать.

— Есть еще другой путь, — с неожиданным хладнокровием заметил Бьярни. — Саркофаг стоят явно дороже пятидесяти лимонов. Иначе за него не сулили бы столько. Что нам мешает залечь на тюфяки, а спустя какое-то время попытаться его втихую продать?

Магнус едва заметно кивнул:

— Именно этих слов я и ждал от тебя, братец. Да, можно попытаться. Но только представь что с нами сделают приятели этого скуластого, когда изловят...

— Если изловят, — поправил Бьярни.

— Нет, Бьярни, — не согласился Магнус. — Не «если изловят», а именно «когда изловят». Слишком мелкая мы рыбешка, чтобы пытаться надуть китов.

— Так уж и китов... — усомнился Бьярни.

— Китов, Бьярни. Именно китов. Пузатых и сытых. Ты заметил, как быстро они выяснили о нас почти все необходимое? Имена, подробности о нашей яхте, и даже то, что мы сейчас без работы. Тут такими возможностями попахивает... Представить страшно.

— Если они такие всемогущие, — с ехидцей вставил Бьярни, — что им мешает добраться до саркофага самостоятельно? На кой им двое вольных яхтсменов, которые, заметь, вполне могут нанимателя и надуть? Ну сам подумай.

Магнус подавил глубокий вздох; с минуту он молчал, отхлебывая кофе и скреб небритую щеку — размышлял.

— Я против, Бьярни. Мне кажется, что не следует надувать компанию, возможностей которой не знаешь в полной мере. А если это военные?

— Да какие они военные, — фыркнул в чашку Бьярни. — Типичные бандиты. Причем, видимо, из крутых.

— Тогда я тем более против. Что-то неохота, чтоб нам кишки на лонжероны намотали.

— Крутых тоже, случается, успешно кидают.

Магнус сердито бухнул кулаком по столешнице:

— Да пойми ты, Бьярни, мне неохота прожить остаток жизни в страхе! Неохота шарахаться при каждом вызове! Неохота прятаться и вечно носить с собой активированный бласт!

— Спокойствия, значит, хочешь? — уточнил Бьярни.

— Да! Спокойствия! И душевного равновесия! — отрезал Магнус.

— Что ж, — с прежним хладнокровием констатировал Бьярни, — я уяснил твою позицию, старший. Наверное, придется ее и принять.

Некоторое время Магнус мрачно изучал текстурный рисунок на пластике.

— Ладно, — проворчал он наконец и бросил перед собой монетку. — Ты — орел, я — решка. Кто выпадет, идет на «Карандаше». Второй сидит здесь и ждет.

— Если пойдешь ты, — сказал Бьярни, — я за это время вряд ли почию наведение.

— Ну и хрен с ним, с наведением. Бросай.

Бьярни медленно стрёб монетку со стола, положил на согнутый указательный палец и сильно подбросил большим. Монетка, бешено крутясь, звякнул о пластик, срикошетила и почти беззвучно шлепнулась на ворсистый пол. Орлом вверх.

— Ну, вот, — удовлетворенно крякнул Бьярни. — А ты как раз привод починишь. А потом у нас будет по собственной яхте и по кругленькой сумме на кармане.

Магнус ногой пододвинул монетку к себе.

— Опасаюсь я за тебя, братец. Как бы ты не выкинул какой-нибудь фортель.

Но Бьярни очень серьезно покачал головой:

— Нет, старший. Если мы решили играть честно, я не стану выбрасывать никаких фортелей. Мы всегда верили друг другу, и никогда не подводили. Поэтому мы и вместе. Да и отец учил никогда не подводить брата.

Магнус протянул руку над столом и с чувством похлопал Бьярни по плечу.

— Спасибо, младший. Я, прям, тобой горжусь. Честно-честно! Приятно сознавать, что у тебя есть брат, на которого можно положиться как на самого себя.

— Пожалуйста! — с ехидцей ответил Бьярни и победно ухмыльнулся.

— Ладно, — Магнус чуть подался вперед — энергично, с нетерпением. — Пойдем, помогу тебе вещички на «Карандаш» переправить. И стартуй — раньше начнем, быстрее отделаемся.

Эрлингмарки синхронно встали. На пороге Магнус поймал Бьярни за плечи и слегка сжал. Взглянул брату в глаза.

— Ну... Удачи нам.

Бьярни только глубоко вздохнул.

— Да, — вспомнил Магнус. — И вот еще что. Надо бы мертвых похоронить... Даже свайгов. По обычаю астронавтов. А то мы их в тамбур сволокли и все, будто испорченный груз. Не годится так.

С этим нельзя было не согласиться.

«Карандаш» ушел в пульсацию через четыре с половиной часа. На виду красного гиганта из системы Набла Квадрат осталась единственная пришлая извне песчинка — яхта «Ландграф». Одиноким космическим странником.

Магнус так и не успел починить наведение икс-привода. Спустя еще шесть часов впритирку к «Ландграфу» вспухла внушительных размеров финишная сфера. Яхту-неудачницу разорвало нарушениями метрики за доли секунды. Магнус даже не успел понять, что умирает.

Когда выходящий из пульсации корабль — линейный рейдер азанни — возник в зоне финиша и пространство стало постепенно приходить в норму, о «Ландграфе» уже ничего не напоминало. Он целиком превратился в беспорядочное излучение.

Экипаж рейдера, среди которого, кстати говоря, не было ни одного азанни, прекрасно знал, что исправный привод самостоятельно никогда не наведется в область пространства, где сосредоточена хоть какая-нибудь масса. Даже такая в сравнении с рейдером незначительная, как человеческая яхта-сотник.

Рейдер пробыл в районе Набла Квадрат совсем недолго, после чего ушел в новую пульсацию.

Бьярни Эрлингмарк, понятно, даже не подозревал, что его старший брат еще до истечения первых суток марша на «Карандаше» перестал жить.

Яхта капитана-поляка начала нравиться Бьярни уже после первого прыжка. Сравнительно небольшая, уютная, удобно скроенная и ухоженная до мелочей. Даже двадцать три года в космосе с открытыми шлюзами не смогли вселить в нее дух запустения. Впрочем, братья ведь постарались привести ее в максимально жилой вид

– переинитили по новой системы регенерации и жизнеобеспечения, устроили профилактику системам энергоснабжения, слегка пополнили запасы воды и пищи. Даже старые фильмы Бьярни понравились.

Чувствуя некоторую неловкость, Бьярни покопался в вещах экс-капитана «Карандаша» и все, что счел слишком уж личным, собрал в пластиковый пакет для мусора и сволок в дальний грузовой отсек. По необъяснимому наитию через отсек с саркофагом Бьярни чуть ли не прокрался, держась у стенок, подальше от этого чешуйчатого сундука с загадочными сокровищами. И по пути туда, с мешком на плече, и обратно, уже налегке. Саркофаг взирал на него с немым равнодушием. Астрогационные приборы, наведение и привод работали безукоризненно – Бьярни сверил реальный прыжок с расчетами и поразился ничтожной погрешности – действительно ничтожной. Исчезающе малой. И дальность пульсации для полсотника оказалась завидная – почти вдвое превышающая среднюю норму для приводов такого класса.

За двое суток Бьярни добрался до размытой границы основного диска – до сих пор он шел практически в точный перпендикуляр к галактической эклиптике. Можно было, конечно, идти наискосок, по касательной к ядру, но Бьярни решил, что правильнее будет обогнуть ядро «сверху» – в этом случае трек-пунктир будет лежать через несколько обитаемых областей пространства, где легче заправиться, легче починиться в случае глобальной поломки, да и помощи дожидаться не в пример больше шансов.

От чего помощи – Бьярни не стал уточнять даже в мыслях.

Поначалу за мелкими хлопотами и ввиду непривычности к «Карандашу» Бьярни не обращал внимания на кое-какие странности. Точнее, просто не замечал их. Считал частью корабля.

Только на шестой день Бьярни обратил внимание, что в первом грузовом отсеке освещение не переходит в экономный режим, даже когда он сам покидает эту часть корабля.

Вообще, что на таких небольших яхтах, что на звездолетах покрупнее, уже много лет действовало простое и разумное правило: автоматика отслеживала передвижения экипажа по кораблю и услужливо переводила освещение пустых помещений в аварийный режим, то есть четыре из пяти световых панелей гасли. Получалось, что люди постоянно передвигались в центре освещенной зоны. Только в жилых каютах свет можно было погасить вручную. Бьярни заметил, что грузовой отсек почему-то освещен, когда ненароком включил камеру, с которой показывал чужаку-заказчику саркофаг – она так и осталась лежать в грузовом отсеке, подключенная ниточкой волоконки к корабельному компу. Взглянув на картинку, Бьярни с некоторым недоумением обнаружил, что первый грузовой освещен с обычной интенсивностью. Понятно, что спустя несколько минут он уже стоял перед сегментником в грузовые. Даже с порога было видно, что во втором отсеке царит полутьма – там панели были большей частью потушены. Штук пять всего венчали под самым потолком желтоватые конуса дневного света.

Первый отсек напоминал баскетбольную площадку во время финального матча или стол хирурга во время операции – Бьярни не различал даже собственной тени. Ее попросту не было.

По дуге (снова по дуге!) Бьярни прошел к широкому пролету, ведущему во второй отсек. Едва он переступил маркировочную черту, второй отсек ярко осветился. Почти весь – только вдоль дальнего борта осталось несколько неработающих светопанелей. Но стоило Бьярни сделать десяток-другой шагов вперед, и во втором отсеке также исчезли тени. Постояв некоторое время в центре пустого отсека, Бьярни пошел назад. Когда он подходил к черте, у дальнего борта погасли первые несколько панелей. Когда переступил – весь отсек немедленно погрузился в полутьму. Лишь более светлый треугольник остался на полу за пролетом – антипод тени, подарок из отсека номер один.

С некоторой демонстративностью Бьярни приблизился к выходу, перед самой перепонкой обернулся, саркастически глядя на чешуйчатый ящик, и решительно шагнул через маркировку. Он ожидал, что автоматика опомнится и услужливо погрузит в полутьму первый грузовой.

Фигушки. И не подумала автоматика сделать это.

В глубокой задумчивости Бьярни вернулся в рубку и полез искать документацию к корабельным системам освещения.

Сначала Бьярни решил, что автоматика реагирует на движение, но вскоре отменил эту мысль. Даже если человек неподвижен – свет ведь не гаснет, верно? Значит, движение тут ни при чем. Температура тоже, скорее всего – во всяком случае на

кипящий кофейник светопанели никак не реагировали. Едва Бьярни покидал камбуз, свет там послушно пригасал. Да и над работающей плитой свет тоже не зажигался – там как раз панель в потолке и рядом еще решетка вытяжки.

Роясь в файлах документации, Бьярни вспомнил отцовскую яхту и хулиганское существо по имени Матильда – собаку-терьера. Бьярни готов был поклясться, что Матильду корабельная автоматика не уважала, и свет там, где ей вздумалось бродить, сроду не включала.

Так, по крайней мере, Бьярни казалось. Теперь. Раньше он о подобных вещах попросту не задумывался.

Порывшись в документации еще немного, Бьярни утвердился в своей догадке. Работа автоматики зиждилась на сканировании и регистрации высшей нервной деятельности. Попутно Бьярни узнал, что принцип и его реализацию земляне позаимствовали у свайгов. А проще говоря – слизали с их детекторов интеллекта, которыми некогда надменные рептилии проверяли инопланетных дикарей, дабы убедиться, что перед ними не животные, а очередная раса потенциальных сателлитов. Свайги давно вышвырнули свои детекторы на свалки, им теперь по большому счету чихать на уровень интеллекта всех космических дикарей вместе взятых, и сателлиты их уже почти два века как независимы, а принцип все живет и живет, и верно служит людям, безропотно разгоняя потемки в закоулках человеческих кораблей...

До чего же удивительны порой капризы бытия!

«Но что же это получается? – размышлял Бьярни, рассеянно пролистывая в экране текст. – Что автоматика полагает этот чешуйчатый ящик разумным – раз, и живым – два? Или, скорее, даже не ящик, а его содержимое?»

А как, извините, этот самый ящик поддерживал эту самую деятельность целых двадцать три года? Впрочем, с чего, собственно, Бьярни взял, что поддерживал? Может, ящик дремал себе, и проснулся только когда братья Эрлингмарки приблизились к «Карандашу»?

«Стоп, стоп, стоп! – оборвал беспорядочно скачущие мысли Бьярни. – Будем рассуждать последовательно.»

Чужак сразу же назвал ящик саркофагом. Стало быть, это не просто шкаф или непомерно большой чемодан, а устройство для хранения чего-либо и обеспечения внутри соответствующих условий.

Бьярни снова полез в корабельную файлоотечу и выудил из толкового словаря определение слова «саркофаг».

«Саркофаг, – гласил словарь, – от греческого „саркофагос“, небольшая гробница из камня, дерева и других материалов (ничего себе – небольшая! – подумал Бьярни), нередко украшенная росписью.»

Гробница, значит. Но при чем тут тогда высшая нервная деятельность?

«Этот саркофаг, – справедливо рассудил Бьярни, – скорее уж похож на консервационную камеру. Но тогда он должен быть подключен к каким-нибудь приборам, к системам поддержания жизни и удаления отходов...»

Бред.

Бьярни не заметил, как вновь оказался в первом грузовом. Только на этот раз он не стал красться вдоль стенок, а направился прямо к «гробнице из камня, дерева и других материалов».

Вряд ли чешуйчатая поверхность саркофага являлась камнем или деревом. Скорее уж «другим материалом». Бьярни с некоторой опаской приложил ладонь к оному материалу и едва удержался, чтобы не отдернуть руку.

Ему показалось, что он прикоснулся к живому существу. Явственно чувствовалось тепло и даже словно бы какие-то токи там, внутри. Ни с чем не сравнимое биение жизни.

У Бьярни мгновенно вспотел лоб.

«Черт возьми! – подумал Бьярни, пытаясь унять заколотившееся ни с того ни с сего сердце. – А почему, собственно, меня это так волнует? Ну, допустим, везут там какую-нибудь редкостную зверушку в анабиозе... Ну, пусть даже человека или инопланетянина. Ну и что с того?»

Он не мог найти объяснения беспокойству. Но и избавиться от него не мог.

«Хотя... Такое тепло – какой уж тут анабиоз... Скорее похоже на содержание под капельницей.»

Он обошел вокруг саркофага. Ни к чему этот ящик не был подключен, хотя с одного торца виднелась какая-то толстая кишка с подсохшими краями. Кишка неприятно напоминала набухший яйцеклад селентинского пегаса. Тут же на полу валялось несколько отслоившихся чешуек.

«А почему я решил, что этот ящик должен быть к чему-нибудь подключен? — Бьярни продолжал размышлять. — Все необходимое вполне может крыться внутри. Оборудование, там, блок питания... Во, какой шкафа здоровенный, туда вполне получится впихнуть и меня, и Магнуса, и даже пива про запас не одну банку, чтоб от скуки не помереть, и еще останется довольно места.»

«Кстати, о питании, — Бьярни зябко передернул плечами. — Какая-нибудь атомная батарея с автономом в полтысячи лет? Сбежать, что ли, за тестером?»

Нет, вряд ли саркофаг излучает. Если и есть там какая-нибудь долговечная батарея, то она надежно изолирована, иначе содержимому трудно гарантировать... гм... долгую жизнь.

Зато можно этот ящик... просветить. Рентгеном примитивным, или ультрачастотником...

«Стоп. Чужак ведь предупреждал, что интересоваться содержимым саркофага нежелательно — и это еще самое мягкое из слов.»

В нерешительности Бьярни поскреб затылок. Конечно, чужак не узнает... Но вдруг тому, кто внутри, рентген или ультрачастотник опасны? Или хотя бы заметны? Что тебе дороже, Бьярни, половина от пятидесяти миллионов или неутоленное любопытство?

Думай, решай...

Потоптавшись с полминуты, Бьярни придумал, что можно проделать без особого риска. Воровато оглянувшись, он подобрал одну из отслоившихся от кишки-яйцеклада чешуек и потрусил в лабораторию.

Конечно, лаборатория — это слишком громкое слово. Ну откуда, скажите на милость, настоящая лаборатория на яхте-полсотнике? Просто каморка, примыкающая к рубке, заваленная всяким хламом и ненужными большой частью времени приборами. Интерфейсная панель для соединения с центральным компьютером, локальный компьютер... точнее, терминал, зависимый от центрального придалок — оценил Бьярни.

И где-то тут валялась портативная камера экспресс-анализа...

Ага, вот она! Продолговатая коробочка, похожая на походную микроволновую печь. Модель была Бьярни незнакома, и собирали ее на какой-то из колоний, но управление земные инженеры всегда делали стандартным. Довольно быстро Бьярни разобрался в органах настройки и способе коммутации. Он запустил терминал и активировал инфрапорт. Некоторое время ушло на поиски управляющей программы, но и ее Бьярни сумел выудить из многочисленных каталогов корневого раздела.

— Ну-ка, ну-ка, — пыхтя от нетерпения, Бьярни открыл камеру, поместил на круглый блин препарата подобранную чешуйку, осторожно защелкнул дверцу и припал к терминалу. — Давай!

Он утопил кнопку «Анализ» — кнопка эта существовала только в иллюзорном пространстве кубического терминального экрана.

«Вся наша жизнь состоит из нажатия на виртуальные кнопки, — философски заметил Бьярни. — Ты рождаешься, и нажатием кнопки тебя заносит в списки живых. Ты покупаешь яхту, и нажатием кнопки подтверждается твое право собственности. У тебя рождается ребенок — все та же кнопка официально провозглашает тебя отцом... И так до самого последнего нажатия, которое объявит тебя мертвым...»

В окошке экспресс-камеры дважды сверкнули короткие вспышки, потом послышалось тихое шипение. В толще экрана засветилась объемная надпись: «Ждите! Идет анализ...»

«Ждем..., — нетерпеливо думал Бьярни. — Ждем-ждем...»

Руководство, которое Бьярни вытащил на отдельную консоль, гласило, что анализ может занять от нескольких минут до четверти часа. В зависимости от структуры образца.

Видимо, у этой чешуйки была на редкость сложная структура — заканчивалась пятнадцатая минута с момента запуска программы, а в экране висела все та же неизменная светящаяся надпись.

Бьярни проскукал еще целых семь минут, прежде чем надпись сменилась окошком с результатами.

Вот только результаты оказались совершенно не такими, какие ожидал Бьярни. Если совсем точно, то результатов, собственно, и не было.

«Исследовать молекулярную структуру данного образца не представляется возможным — не хватает разрешающей способности приборов. Смените образец, либо проведите анализ атомарной структуры.»

Бьярни озадаченно пялился в экран, соображая — что проще сделать: сбежать за еще одной чешуйкой или проделать более глубокий анализ уже имеющейся. Наконец он

придумал: изменил задание, отдал команду на атомарный анализ, а сам тем временем направился к саркофагу. Очень хотелось припустить бегом, но он прекрасно сознавал, что даже ленивым шагом поспеет туда и обратно существенно раньше, чем завершится анализ. В атомарном режиме анализатор запросил целый час времени. Собрав все чешуйки — еще три штуки — в пластиковую кювету для образцов, Бьярни нарочито неспешным шагом вернулся в рубку. С порога прекрасно просматривалась надпись: «Ждите...» в терминальном экране.

Кювета жгла ему руки. Снова усевшись перед терминалом, Бьярни добыл из ящика с инструментами пинцет, зажег лампу над клавиатурой, отчего надпись в экране потускнела и стала плохо различимой, взял одну из чешуек и поднес поближе к глазам. Близоруко шурясь, всмотрелся.

Чешуйка как чешуйка. Белесо-серого цвета, с еле заметной контурной структурой, напоминающей годичные кольца на пне. Блестящая в свете лампы, слегка вытянутой формы, нечто среднее между кругом и эллипсом. Практически непрозрачная. Ничем она не пахла, как выяснилось. В общем, полный и абсолютный ноль.

Проскучав без малого час, Бьярни дождался окончания атомарного анализа.

«Тесты не выявили в образце сколько-нибудь упорядоченной структуры, — прочел он. — Проверьте аппаратуру на сбои и проведите контрольную диагностику управляющей программы.»

С нехорошим предчувствием, Бьярни сменил чешуйку в анализаторе, проделал все рекомендованные действия, и снова прогнал тест.

Тщетно. Такое впечатление, что эта отслоившаяся гадость вообще не состояла из атомов. Но из чего тогда? Бьярни не слишком разбирался в физике и до сих пор был уверен, что из атомов состоит вся материальная Вселенная до последней пылинки. Единственное, что он мог — это растеряться.

Проверить эту чертову чешуйку на кварковом уровне не было возможности — тут не походная экспресс-камера нужна, тут пришлось бы подключать аппаратуру серьезного исследовательского центра.

— Да что же ты за штучка, шкаф ты проклятый, — прошептал Бьярни. Он извлек из камеры образец, немного подумал, и спрятал все четыре чешуйки в коробочку из-под зубочисток, а коробочку — в нагрудный карман. — Неужели придется ждать до Земли? Он подумал, что в полете разгадать секрет саркофага вряд ли получится.

Свет в первом грузовом все горел. До самого вечера.

А потом вдруг погас.

Бьярни к этому моменту пересидел в рубке две пульсации, в промежутке между которыми плотно закурил и с досады выпил целую бутылку весьма кстати подвернувшегося в запасах «Карандаша» «Траминера Офелии». Видеокамеру из отсека Бьярни забирать не стал, и иногда косился на отдельный экран, на изображение саркофага. Светлый куб этого экрана отбрасывал кривой зайчик на клавиатуру. Бьярни, хоть и умел работать вслепую, все же иногда глядел на клавиши — так ему было привычнее и удобнее.

В какой-то момент он вдруг сообразил, что привычного зайчика на клавиатуре нет. Вернее, зайчик стал тусклым-тусклым. Еле заметным. Выпучив от неожиданности глаза, Бьярни повернулся к экрану с саркофагом.

В первом грузовом царила полутьма — освещение теперь работало в аварийном режиме.

На негнувшихся ногах Бьярни доковылял из рубки к сегментнику в грузовые отсеки. Едва он вошел в первый, послушно вспыхнул полный свет. Саркофаг как ни в чем не бывало стоял где и раньше.

Да и куда он мог деться? Закреплен ведь, принайтован намертво...

С минуту Бьярни торчал напротив него. Хотел подойти и потрогать, но почему-то не решился. Совершенно дурацкое было ощущение — знал ведь, что бояться нечего: тихий и спокойный ящик, не более, а вот поди ты, замирало в груди и холодок продирает по коже. Несильно так, но заметно. Вполне заметно.

— Дьявольщина, — прошептал Бьярни и бочком, бочком пошел прочь из отсека.

Почему-то очень не хотелось поворачиваться к саркофагу спиной.

Едва он переступил маркировочную черту, свет переключился в аварийный режим.

Люк Бьярни на всякий случай задрал и заблокировал из кабины. И каюту запер. А потом — долго не мог уснуть.

В эту ночь он спал отвратительно и не выспался совершенно. Все время ему грезилось, что из саркофага вылезает какой-то чешуйчатый монстр и скребется в перепонку. Звук был такой противный, что Бьярни содрогался только от него, и все казалось, что перепонка не выдержит и лопнет под неистовым напором монстра, что когти процарапают металлокерамику и Бьярни окажется в ловушке. Раз-а три он

просыпался весь в поту и, затаив дыхание вслушивался в ночную тишину. Корабль на время капитанского сна уgomонил всю автоматику, и на «Карандаше» было по-настоящему тихо.

Под утро ему приснилось, будто саркофаг отложил покрытое слизью яйцо — кишка-яйцеклад при этом судорожно сокращалась и набухала еще сильнее — но кто из яйца собирался вылупиться Бьярни не успел понять — снова проснулся. Чертыхаясь, зажег свет, полюбовался на свою измятую физиономию и побрел в душ. На полпути все же не выдержал и завернул в рубку — в первом грузовом снова горел полный свет.

Саркофаг, разумеется, оставался на своем месте, равно как и нетронутые печати на верхней плоскости. И, разумеется, никакого яйца рядом с кишкой-яйцекладом не обнаружилось. Тихо ругаясь, Бьярни оживил наведение и икс-привод. Потом он долго стоял под обжигающими струями воды и думал, как трудно привыкнуть к одиночеству. Всю жизнь он летал с кем-то — сначала с семьей, потом, после смерти отца — с дядей Олафом, а когда дядя Олаф стал слишком стар для полетов и осел на Земле — с братом Магнусом. Ни разу Бьярни не совершал одиночных полетов, и даже не подозревал, что это такое изматывающее каждый нерв занятие.

Поскорее бы завершить этот дурацкий полет, получить свои денежки, и забыть об этом чертовом ящике навсегда!

Теперь Бьярни стало плевать — что там внутри. Лишь бы это «что-то» там внутри и оставалось. И еще — Бьярни с некоторым замешательством думал о следующей ночи. И всерьез прикидывал — а не перепрограммировать ли корабельный суточный цикл на двадцатичетырехчасовую активность? Когда вокруг никого, даже активность безмозглых бортовых систем успокаивает. Создает иллюзию защищенности. Казалось бы мелочь, но в полной тишине и в полутьме ночного цикла в голову начинает лезть всякая чертовщина, а корабельным днем — нет.

В общем, суточный цикл Бьярни все же не тронул. Наверное, пытался доказать себе, что всяческие страхи ему нипочем. Но бласт из чехла вынул и приладил к поясу. Понимал, что это глупо, но с бластом Бьярни почувствовал себя много увереннее. Особенно, когда несколько раз выхватил его перед зеркалом и нацелил на свое отражение.

Из зеркала на Бьярни глядел крепкий высокий парень с параллельнопотоковым «Смит-Вессоном» в мускулистых ручищах. Разве что, слегка бледноватый с лица.

— Хрен тебе, — тихо процедил Бьярни, пристально вглядываясь в глаза этого парня. — Пусть другие боятся. Это просто реакция на одиночество. И на чужую яхту, двадцать три года проболтавшуюся в пустоте с открытыми шлюзами. Не станешь же ты верить в вакуумную космическую нечисть, поселившуюся на «Карандаше» и треплющую тебе нервы?

Мысль о вакуумной нечисти Бьярни даже слегка развлекла и позабавила. А что? Не может же быть, чтобы нечисть водилась только на планетах? Явно должна шастать и по космосу. А тут словно по заказу — яхта с открытыми шлюзами, и ни души на борту... Будь Бьярни подобной нечистью — обязательно завелся бы на таком корабле, не упустил бы редчайший случай. Поди дождись второго такого!

Даже отражение в зеркале подбодрило Бьярни. Но все же он подумал, что лучше бы они переташили саркофаг на «Ландграфа» и полетели вдвоем с Магнусом. Чихал бы сейчас Бьярни на всю и всяческую чертовщину...

Но как бы то ни было — Бьярни предстояло справляться со сложившейся ситуацией. И довести «Карандаш» до цели, обозначенной на астрогационном диске. Кстати, цели Бьярни пока и сам не знал — программа открыла пока только ближайший этап: Амазонка. Бьярни шел туда уже вторую неделю.

Он добрел до рубки, и первое, что сделал за пультом — это погасил к чертовой матери экран, куда выводилась картинка с видеокамеры. Ненавистный саркофаг на некоторое время исчез из поля зрения, но где-то в самой глубине сознания Бьярни прекрасно понимал, что проклятый чешуйчатый ящик в ближайшие дни еще неоднократно намозолит ему глаза.

Икс-привод послушно и размеренно тянул «Карандаша» по пунктиру — с каждой пульсацией рисунок созвездий вокруг яхты неуловимо менялся. Бьярни где-то читал, что обитатели планет привыкают к какому-то одному рисунку, и если их быстро перенести за много световых лет от дома и позволить взглянуть на небо — чужое небо может стать для них сильнейшим шоком.

Бьярни не очень верил в это. Он не понимал, как могут шокировать нормального человека тусклые огоньки над головой. Что там им, планетарным узникам, видно сквозь атмосферу? Бьярни единственный раз бывал на Земле, и до сих пор помнил пустое небо над Стокгольмом — только самые яркие звезды виднелись на нем, виднелись как тусклые умирающие фонарики. Разве можно сравнить это с неистовым

заревом, которое увидит любой, кто выйдет в открытый космос где-нибудь неподалеку от ядра? Только ради этого зрелища легко стать бродягой-яхтсменом. Только ради того, чтобы иметь возможность видеть это небо — и не только над головой, а повсюду вокруг себя — только ради этого можно бросить все, купить яхту и навсегда уйти в пространство. В Галактику, полную тайн и загадок. «Ага, — отвлекся от неожиданно нахлынувших мыслей Бьярни. — Вон, одна из загадок, в грузовом отсеке стоит. И медленно сворачивает тебе мозги набекрень.» Бьярни тряхнул головой, отгоняя назойливые мысли. Ему все чаще казалось, что мысли эти принадлежат не ему, а кому-то иному, кто находится неподалеку и настырно вдальбывает их Бьярни. Но зачем? Это понять было невозможно — по крайней мере пока.

Чтобы отвлечься, он вытащил на оперативную консоль трек-пунктир и решил сориентироваться перед следующей пульсацией. А то с возней вокруг саркофага Бьярни как-то выпал из рабочего ритма.

Получалось, что за последние двое суток он отмахал приличный кусок пунктира и успел изрядно углубиться в диск. Совсем недалеко, в четырнадцать световых годах прямо по курсу пылала в пустоте голубоватая звезда, известная людям как Скарца. Скарца имела планетную систему — семь планет. Три — земного типа, три — гиганты и седьмая — снова земного типа, с неправильной орбитой и совершенно безжизненная, вроде Плутона. Слишком уж удалена от светила. Все три ближних к звезде планеты были колонизированы людьми, причем уже после вступления Земли в союз — как бы еще люди сумели забраться в такую даль? Планеты назывались Рома, Венеция и Валентина. Система эта уже считалось окраиной центральных звездных скоплений. Это вам не глушь, вроде той, где был найден «Карандаш». Не Набла Квадрат. В этой части Галактики плотность звезд просто потрясающая. Именно поэтому пунктир стал более частым, пульсации — покороче, да и трек в целом перестал походить на плавную дугу, а больше теперь напоминал путь мыши в огромной головке сыра. Изломанный и хаотичный.

И Бьярни довольно быстро понял, что очень хочет хоть немного отдохнуть от пребывания в одном объеме с саркофагом. Очень хочет прервать расчет очередной пульсации и прыгнуть поближе к системе звезды с горячим на вкус именем Скарца. Сесть на одну из планет — лучше на Рому, самую большую, благодатную и раньше всех освоенную.

Повод Бьярни сначала не мог найти — горючего оставалось еще вдоволь, больше половины суммарной емкости накопителей. Запасы воздуха он вообще не трогал пока, регенераторы тянули на зависть. Пищи и воды тоже хватало, тем более, что воду регенераторы тоже возвращали исправно и в самом чистейшем виде.

А потом Бьярни отыскал замечательный повод к посадке — садиться вообще без всякого повода. Просто по собственной прихоти. Чтобы залиться спиртным по самые брови в ближайшем к космодрому баре. Свалиться под стол и уснуть, а наутро хватить стаканчик на опохмел, и отправиться бродить по городу. Куда глаза глядят. Как они неоднократно поступали на незнакомых мирах с Магнусом на пару. А если на Роме космодром вдали от городов — то просто убраться в степь, поваляться на травке. Повалиться на травке иногда тянет даже тех, кто родился и вырос в космосе. Вероятно, это что-то глубинное, генетическое. Бьярни любил валяться на травке, таращиться в непривычно голубое небо или на совсем уж диковинные причуды атмосферы — облака. Любил купаться, хотя чудовищно большие объемы воды до сих пор вызывали у него подсознательный трепет. Но не настолько сильный, чтобы бояться окунуться в морскую волну. В конце концов, любой из планетарных океанов был в миллионы раз ничтожнее Галактики, размеры которой Бьярни совершенно не угнетали. Подумаешь, океан! А что до «поваляться на травке»... Так на больших кораблях даже оранжереи часто устраивают. Хотя под светом кварцевых ламп травка вырастает почему-то на удивление чахленькая. Видимо, не могут кварцевые лампы заменить свет родного травкиного солнца.

Не последнюю роль в решении заскочить на обитаемую планету сыграла и неожиданно свалившаяся на счет сумма в полмиллиона пангала. Кто ж не любит красиво отдохнуть денек-другой? Попробовать экзотической местной кухни, девчонку какую-нибудь местную спить... которая посимпатичней и одинока.

В общем, Бьярни взялся за клавиатуру и велел компу обчислить оптимальный прыжок в сторону этой Скарцы... Или Скарца? Как правильно? В общем, туда, к земным колониям. А чужаку-заказчику, который эту задержку явно не одобрил бы, Бьярни показал мысленный кукиш с маслом. Не хочешь сам волоочь через всю Галактику этот нервирующий саркофаг? Вот жди тогда и не чирикай.

Автоматы обсчитывали мини-пульсацию минут сорок пять. Все это время Бьярни провел в рубке, насвистывал что-то легкомысленное, прочел в энциклопедии статью о местах, которые вознамерился посетить, узнал, что космодромов на Роме аж шесть и что лучший курорт совсем недалеко от космодрома с романтическим названием «Романтиче». Считал свежие поправки с местных гравитационных маяков и загнал их в своп к астронавигационному диску.

Миг болезненного раздвоения — и «Карандаш» очутился в финишной сфере буквально на пороге чьего-то дома.

Рома на обзорнике напоминала зависший в верхней точке баскетбольный мяч. Только не рыже-оранжевый, а голубовато-зеленый. От нее Бьярни отделяло ничтожное расстояние в одну-две световых секунды.

— Здравсте, Скарца, — сказал Бьярни и вызвал в экран программу обычной связи. Не мгновенной. Дежурную частоту космодромных диспетчеров.

— С прибытием, э-э-э... «Карандаш», — поздоровались аборигены на интересе. — Садитесь будете?

— Да, — сказал Бьярни.

— Уже выбрали куда? Или вам все равно?

— Выбрал. «Романтиче».

— Понятно, — хмыкнули аборигены. — Только произносите помягче — «Романтишши»...

— Я постараюсь, — хохотнул Бьярни.

В строке состояния замигал зеленый квадратик — комп принимал космодромную наводку.

— Заправка? Комплектация? Ремонт?

— На месте решу, — сказал Бьярни. — Пока еще не думал.

— Тогда двадцать пан, — сообщили ему. — Включая страховку.

Бьярни послушно вставил карточку в паз считывателя и отстегнул, сколько спрашивали.

— Привет! — сказали ему. — Напоминаем, что до визита таможни вам запрещено покидать яхту.

— Знаю, знаю, — буркнул Бьярни. — И разгерметизация тоже запрещена...

«Карандаш», влекомый космодромными инструкциями, уже мчал на сближение с планетой. В некий неуловимый момент Рома перестала влезать в один обзорник, а еще чуть погодя яхта уже не сближалась — она валилась на планету, падала, оставляя за кормой шлейф раскаленного воздуха.

Автоматы вывели «Карандаш» на космодром как обычно — безукоризненно точно. И так же безукоризненно посадили на заранее отведенном пятачке. Бьярни даже привычно засомневался — а нужно ли присутствие человека для посадки? Диспетчерские компьютеры, космодром и корабль вполне договорятся между собой и в отсутствие пилота...

Но перед тем как начать посадку на клавишу «Enter» всегда нажимает человеческая рука. В том-то и дело.

Вот именно. В том-то и дело.

Таможня и карантинная служба не заставили себя ждать. К шлюзу «Карандаша» присосался внушительных размеров каучуковый пузырь и вскоре Бьярни позволили открыть створки. Воздух «Карандаша» и воздух Ромы смешались в едином коктейле.

«Интересно, — мимоходом подумал Бьярни. — А прежний владелец „Карандаша“, капитан Шор... Шон... В общем, поляк этот, бывал ли он здесь когда нибудь? Вполне возможно...»

Некоторое время по кораблю слонялись карантинщики в жилетах-скафандрах и с приборами в руках. Потом один из них ввалился в рубку, где терпеливо ждал Бьярни, и энергично взмахнул рукой.

— Аривидерчи, приятель! Ты чист, как младенец перед богом. Открывай шлюзы...

Снаружи от «Карандаша» отделился карантинный пузырь, и в несколько секунд опал, сдулся. Ребята в жилетах деловито собрали его, запихали в маленький автомобильчик, попрыгали в него же и умчались в сторону смутно маячащих на горизонте строений. Пришло время таможенников. Точнее — таможенника, поскольку пожаловал всего один.

— Приветствую вас, капитан Шондраковский, на территории Скарца, — важно провозгласил усатый дядька в зеленоватом мундире. Усы у него были просто потрясающие.

— Видите ли, уважаемый, — смиренно уточнил Бьярни. — Я вовсе не капитан Шонр... Ну, в общем, меня зовут Бьярни Эрлингмарк, а бывший капитан «Карандаша» — мертв. Уже двадцать три года.

Таможенник поглядел на Бьярни со смесью подозрения и равнодушия. Вряд ли истории, требующие формального расследования, сильно его радовали.

— Где это произошло?

— Смерть капитана? О, далеко. Очень далеко. За пределами диска, в системе Набла Квадрат.

— На окраине? — несколько оживился таможенник. — Это меняет дело. Надеюсь, все файлы на месте? Я должен буду их скопировать. И вот еще что: как долго вы намереваетесь пробыть у нас в гостях?

— Не знаю, — Бьярни пожал плечами. — Пару дней, наверное.

— Не дольше? Если пару дней, я могу дать вам скользящую визу. В этом случае я даже не буду производить досмотр, но и вы вплоть до старта не сможете вернуться на борт вашей... теперь вашей яхты. И из вещей сможете взять только одежду, что на вас, и кредитку. Но зато в любом отеле вам полагается скидка.

— И конечно же, — с некоторой иронией продолжил Бьярни, — вам не придется расследовать дело о смерти прежнего капитана.

— Именно так, господин Эрлингмарк, — таможенник чуть поклонился. — Нам не слишком интересны события, произошедшие далеко от нашего дома. И, к тому же, двадцать три года назад вы были еще слишком молоды, чтобы захватывать чужие яхты. Не так ли?

— Истинно так, господин таможенник.

— Тогда прошу предоставить мне доступ к аварийным файлам и милости прошу наружу. Бьярни по-быстрому слил представителю местной власти всю статистику, все логи, ввел новый пароль на открытие шлюза, проверил — на месте ли кредитка и проследовал за таможенником к выходу.

Первые минуты на поверхности он всегда чувствовал себя несколько неуютно — нужно было привыкнуть к отсутствию стен.

Шлюз величаво затворился; к панели управления таможенник немедленно прилепил ограничитель.

— Напоминаю, что снять блокировку сможет только сотрудник таможни. Трехдневная виза приаттачена к вашей кредитной карте; если вздумаете ее продлить — милости просим, но не дольше, чем на неделю в сумме. Если дольше — надо будет переоформить на обычную и уплатить налоги. Садитесь, я подброшу вас к пропускному пункту.

Бьярни кивнул и уселся в пестрый желто-черный автомобильчик, который тут же встал на подушку и увлек его навстречу быстротечному отдыху.

Отдых всегда быстротечен — это Бьярни усвоил еще в раннем детстве.

Он намеревался заглянуть в ближайший же бар — и заглянул. Намеревался расслабиться со стаканом в руке — и расслабился, разве что под стол свалиться не получилось: организм на этот раз противостоял алкоголю на удивление браво. Намеревался спойти симпатичную девчонку — спойл даже двух. В высшей степени симпатичных близняшек, которых слегка обалдевший Бьярни так и не научился различать. Спаивание довольно быстро переместилось из бара в близлежащий отель, где Бьярни действительно получил солидную скидку. В номере обнаружился бассейн, куда троица не преминула с визгом окунуться; еду и выпивку привозил на старомодной тележке чопорный стюард в не менее старомодной ливрее... В общем отдохнул Бьярни на славу. Оттянулся. Или — как любил говорить дядя Олаф в старые времена — оттопырился.

На второй день близняшки и не подумали удрать — протащили Бьярни по побережью местного моря с непременными остановками в наиболее значных местах. Уже под вечер Бьярни, собиравшийся пробыть здесь только двое суток, с облегчением подумал, что виза у него трехдневная. К счастью. И остался до завтра — сил мчаться на космодром и снова погружаться в безмолвие межзвездного рейса... Нет, слишком уж тут было здорово, на летней и праздничной Роме.

Бьярни даже подумал: а не бросить ли прошлую жизнь к чертям собачьим? Получить гражданство, осесть на этом благодатном мирке. И деньги у него в данный момент есть... Но чувствовал, что мысли эти чисто риторические. Во-первых — Магнус.

Предать брата и навсегда лишиться его — Бьярни не чувствовал в себе сил на подобный поступок. Во-вторых, миллион не так уж надолго и хватит. В лучшем случае — лет на десять. А дальше? В-третьих, Бьярни прекрасно знал, что такое зов космоса. Когда голубое небо становится давящим и постылым, когда ночью тянет не отрываясь глядеть на жалкие светляки в зените, когда пальцы шевелятся сами, набирая стартовые команды на невидимой клавиатуре...

А в-последних и в-главных — Бьярни не верил, что обман чужака-нанимателя пройдет ему даром. Если двух-трехдневная задержка ничего в конечном итоге не меняла, то

такое вот бегство становилось явным нарушением контракта, а публика с такими глазами, как у чужака, не терпит нарушений. По крайней мере, со стороны поделщиков.

Поэтому наутро, после расслабляющего завтрака и непременно купания, Бьярни сказал своим близняшкам: «Закругляемся» и перешел с алкоголя на колу. Часа два они валялись на пляже — Бьярни даже загорел слегка за эти дни. Потом, когда жара стала нестерпимой, уже в прохладе очередного бара, Бьярни нащупал в нагрудном кармане новой рубашки (подобранной для него близняшками по местной моде) коробочку из-под зубочисток. И сразу мысли его вернулись к «Карандашу» и саркофагу.

Бьярни умел вот так, с ходу переключаться из праздничного режима в рабочий. Выпытывать у девочек — где можно провести подробный анализ образцов на кварковом уровне — Бьярни постеснялся. Сходил к бармену, испросил разрешения воспользоваться терминалом, и сам без особых проблем установил местоположение ближайшего научного центра — местного отделения института физики пространства. Это оказалось даже по пути к космодрому «Романтиче» — с очень небольшим крюком на искусственный полуостров.

Близняшки, предчувствуя скорое окончание короткого праздника, загрустили, но высказали решимость проводить Бьярни до самого шлюза яхты. И перед шлюзом — зацеловать насмерть.

Увы, этому не суждено было сбыться. Взятый в прокате скоростной автомобиль, в котором Бьярни и близняшки мчали над обозначенной трассой, был сбит потерявшим управление грузовиком, проколол заградительный силовой барьер, врезался в стеклобетонное ограждение, вспыхнул и взорвался. В подобных время от времени случающихся катастрофах — как и все катастрофы, абсолютно непредсказуемых и совершенно непредотвратимых — выживших обычно не остается.

О вновь осиротевшем «Карандаше» вспомнили только спустя четыре местных месяца.

Этап третий: Инесса Фрибус, Номо, Скарца — Багута.

Пять с половиной земных месяцев спустя.

Инесса Фрибус никогда не любила свое имя. Ей много раз приходилось убеждаться: родители очень часто нарекают свои чада столь своеобразно, что оным выросшим чадам потом стыдно всю жизнь. Свой случай она не считала совсем уж ужасным, но имя Инесса все равно ей не нравилось. Поэтому везде, с самого детства — и в школе, и в академии, и на работе — она всегда представлялась как Скади Фри. Скади — так называл ее отец, и ей казалось, что странное на РOME имя Инесса дала мать. А отец предпочитал называть вычитанным в какой-то книге прозвищем. Но в какой-то момент Скади поняла, что ее имя, отражение ее неповторимой сущности, сокрыто именно в этом отцовском прозвище, а безликое «Инесса» — всего лишь набор букв, который значится в ее идентификационной (и по совместительству — кредитной) карте.

Даже прозвище Скади на трех планетах республики Скарца звучало несколько необычно. По статистике самыми распространенными на РOME, Венеции и Валентине женскими именами считались Рафаэлла и Орнела. Граждане Скарца, в большинстве своем имевшие земные итальянские корни, прозвище Скади находили забавным — и не более. А сама Скади находила его неповторимым. Так уж случилось, что итальянской крови в ней не было. Самая разная присутствовала — русская, литовская, греческая, еврейская... А итальянская — нет. Ни капли. Это, впрочем, совершенно не мешало ей чувствовать себя на РOME вполне комфортно. Да и итальянский язык, сохранившийся на Скарца в качестве основного, она знала с детства. Точно так же, как английский и интер.

В тот день Скади Фри едва не опоздала на работу — в офис службы спасения при космодроме «Романтиче». Засиделась допоздна с микрофильмами, с трудом нашла в себе силы подняться рано утром и в полубессознательном состоянии прибыла на космодром. Охранник — пожилой добродушный гигант Сальваторе Тентони — покосился на нее, впуская за периметр, и ворчливым голосом пригласил на кофе. Скади с радостью согласилась, но сначала ей следовало показаться на глаза начальству. Одернув перед зеркалом форму сержанта службы спасения, она поспешила к своему персональному терминалу, спрятала в стол сумочку со всякой женской мелочевкой, залогинилась на сервере как прибывшая на работу, и наконец-то перевела дух. Глаза слипались просто немилосердно. Сосед — вьедливый, но в общем-то беззлобный

старикашка по имени Сильвио Бенарриво взглянул на нее иронично, и предложил Скади сходить в космодромную кофейню да как следует проснуться, пока он тут разберет дела и определит сегодняшний план.

«Неужели я так скверно выгляжу?» – обеспокоенно подумала Скади, и направилась в сторожку Сальваторе.

Охранник, рано овдовевший и вдобавок потерявший к пятидесяти годам двоих детей, относился к Скади по-отечески, и заскочить на кофе к нему, а не в безликую, как и везде на космодромах, кофейню было не в пример приятнее.

Поскольку рабочий день уже начался, Сальваторе запер периметр и, негромко ворча, принялся ее отпаивать. Кофе у него всегда был что надо, и уже минут через пятнадцать Скади с облегчением почувствовала, как постепенно вновь становится человеком. Именно от Сальваторе она услышала, что денек сегодня обещает быть напряженным.

– Таможенники с утра по полю носились, – басом рассказывал Сальваторе. – Четыре месяца назад тут яхта одна села. На два дня всего. Так хозяин ее до сих пор не нашелся. А яхта так и стоит, сектор занимает. Какой-то чужак поднял статистику, обнаружил, что сектору давно полагается быть свободным, и брякнул в таможду. А те – мол, знать не знаем, мы трехдневную визу давали, раз не продлил – значит убрался. Здрате! – ответил этот настырный – как же убрался, когда ваш ограничитель у него на шлюзе налеплен? В общем, готовься, красавица, тебя наверняка погонят снимать данные.

Сальваторе редко ошибался в таких вещах – он работал на «Романтиче» еще когда Скади на свет не родилась. У спасателей нечасто появлялась работа на космодромах. Скади – большей частью в пространстве. Скади Фри числилась в наземном отделе, и на редкие выездные операции шеф гонял именно ее – не гонять же старика Бенарриво? Впрочем, если учесть, что нуждающийся в осмотре корабль находится здесь же, на космодроме, мог бы и Бенарриво размять косточки.

Не успела Скади об этом подумать, как ожила мобильная связь: шеф вызывал.

– Эй, Скади! Ты проснулась уже?

Наземным отделом руководил молодой и нагловатый сынок директора космодрома. Скади его недолюбливала, но не могла не оценить более чем высокие деловые качества этого хитреца и проныры. Звали шефа Филиппо Донадони, и ему, похоже, на мнение Скади было плевать. Однажды он попытался прижать ее в своем кабинете, но Скади вежливо вывернула руку шефа, поразмыслила – стоит ли его ткнуть лицом в ковер, и решила, что не стоит, и попросила впредь не позволять себе ничего подобного. Донадони пообещал, и обещание пока сдерживал. Скади боялась, что он начнет после этого к ней придирааться и всячески донимать по работе – но ничуть не бывало, кажется Донадони ее после этого случая только зауважал. Ограничивался он только словесными шуточками, порой довольно рискованными, но вот на что Скади всегда было по-настоящему наплевать – так это на шуточки и шпильки начальства. Дело свое Скади знала – а что еще мог от нее требовать шеф? В общем-то, ничего. – Так ты проснулась уже? А то Сильвио сказал, будто ты с закрытыми глазами приехала.

– Проснулась, шеф. Бегу на место.

– Беги ко мне. Тут таможенники дело подкинули... Ты что вела последние дни?

– Чистила статистику за прошлый месяц. Вы же сами мне поручили.

– Да, да, верно. В общем, статистика подождет. Бери комп – и ко мне.

– Да, шеф. Уже бегу.

Скади со вздохом поставила чашечку на столик. В сторожке охранников ей всегда было очень уютно, особенно когда дежурил Сальваторе.

– Что-то у меня связь барахлит, – сказал Сальваторе, пощелкав пальцем по серьге.

– Я вызова не слышал.

– Шеф по спецканалу вызвал, – пояснила Скади и встала. – Он никогда не вызывает на общей волне. Ну, почти никогда. Мне пора бежать, Сальваторе. Спасибо за кофе.

– Беги, беги... – проворчал охранник. – Заходи еще. В офисе шефа торчало трое таможенников, причем один – форме капитана. А значит – он не ниже начальника отдела.

– Сержант Скади Фри, – на всякий случай представилась Скади по уставу.

– Привет, Скади, – несколько развязно поздоровался шеф. – Ты когда последний раз бывала на выездной операции?

Скади ответила не задумываясь – такие вещи ей полагалось помнить с точностью до суток.

– Двадцать семь дней назад, на плоскогорье Пляшущих Игл. Когда почтарь со «Скиллачи» навернул... э-э-э... потерпел крушение.

Скади опасно покосилась на таможенников — но те на спасательский жаргон не прореагировали.

— Все, начинай новый отсчет, — хмыкнул шеф. — На, прочти.

Он подал Скади распечатку — лист невесомого пластика.

«Приказ», — гласила распечатка.

"Настоящим приказываю начальникам отделов служб спасения и таможенного контроля обеспечить вскрытие и досмотр яхты «Карандаш», паркующейся в секторе секундо-альфа, а также провести дознание и предоставить полную статистику по яхте, грузу и владельцам яхты и груза.

Директор космодрома «Романтиче» Джанпьеро Донадони."

И — тактильная печать-подпись.

— Бери технарей, — велел шеф. — И присоединяйся вот к этим ребятам.

Шеф кивнул на двух стоящих таможенников — сержанта и рядового.

— Есть, шеф! — бодро отозвалась Скади. — Мне нужно прихватить кое-какое оборудование.

— Беги, — милостиво кивнул Донадони-младший. — Коллеги подождут тебя в машине.

Откровенно говоря, совершенно не стоило ее звать чтобы показать единственный приказ и отдать одно распоряжение. Равно как и не стоило начальнику таможенного отдела тащиться к Донадони-младшему в кабинет. И ребят своих тащить. Вполне можно было обойтись и мобильной связью.

Но шеф обожал отдавать приказы лично.

Скади вызвала по мобилке технарей-механиков — братьев Пануччи, прихватила рабочий компьютер с набором взламывающих программ и весело подмигнула Сильвио Бенарриво:

— Я сегодня в поле, Сильвио.

Старик досадливо отмахнулся:

— Беги, беги, вертихвостка, — сегодня ей все говорили: «Беги, беги...» — Будут вопросы — вызывай...

— Ты бы окно, что ли, открыл, Сильвио. На улице — благодать!

— Это тебе благодать. А мне — жарко, — проворчал Бенарриво и снова уткнулся в слабо светящийся куб экрана.

У входа в директорский корпус и впрямь приткнулся желто-черный автомобильчик.

Один из таможенников — рядовой — сидел на месте водителя и со вкусом курил, пуская поверх полуспущенного стекла аккуратные дымные колечки. Увидев Скади, он перегнулся через спинки сидений и предупредительно открыл дверь.

— Залазь! — сказал он с сильным валентинским акцентом. — Луиджи сейчас придет.

С сержантом Луиджи Каузио спасателям уже приходилось работать — и Скади тоже.

Луиджи производил впечатление человека неторопливого, обстоятельного и аккуратного, ну, прямо, идеал таможенника. Наверное именно поэтому он достаточно быстро стал сержантом, хотя в академии никогда не учился.

Вот и сейчас он не спешил — уже и братья Пануччи приплелись со своими волшебными чемоданчиками, уже и таможенник-рядовой, имени которого Скади не знала, выкурил и вторую, и третью сигареты, и колечки пускать, наверное, умаялся, а Луиджи все еще не приходил.

Неизвестно, сколько пришлось бы еще ждать. Снова вмешался Донадони-младший.

— Скади?

— Да шеф?

На этот раз шеф вызывал на общей волне — Скади поняла это, потому что Пануччи и таможенник тоже его слышали. Когда у кого-нибудь работает серъга-мобилка — это всегда заметно знающему человеку.

— Есть новости. Владелец «Карандаша», Бьярни Эрлингмарк, на следующий день после посадки нанял в прокате автомобиль. А еще днем позже этот автомобиль разбился на трассе — где-то на Жемчужном побережье, я не выяснял подробности. Никто не выжил, дело закрыто. Так что яхта, можно сказать, принадлежит космодрому... В общем, выясни не висит ли на ней чего неприятного за последние лет пятьдесят.

— Поняла, шеф. Нам еще долго ждать? Луиджи задерживается.

— Он уже идет. Включайте подушку...

Таможенник с готовностью повернул стартовый ключ и автомобильчик приподнялся в уверенных лапах гравикомпенсатора.

Луиджи и впрямь появился спустя какую-то минуту. Озабоченный, но самую-самую малость.

Впрочем, для Луиджи Каузио и это было чересчур.

Он сел рядом с водителем и коротко кинул:

— Поехали.

Желто-черный автомобильчик азартно рванулся к летному полю. Искомая яхта маялась в дальнем секторе космодрома, куда обычно сажали частников на маломерных звездолетах. Издалека она напоминала чечевичное зерно-переросток на толстых посадочных ногах. Скади сразу вспомнила известный шлягер какого-то русского маэстро — «Отдай мою посадочную ногу». Шлягер этот распевали по всем трем мирам Скарца уже лет пять и скорее всего будут продолжать распевать еще очень долго — маэстро блистал талантом не только в этой песне. Но имени его Скади все равно не помнила.

Вблизи стало очень заметно, что яхта торчит на стеклобетонном покрытии космодрома уже довольно давно. В местах, где ноги касались покрытия намело небольшие барханчики мусора. Из щелей охладителя торчали стебельки молоденькой травы — занесло ветром, они и проросли. Охладитель-то начинает работать только перед стартом... На верхней части корпуса виднелись свежие и давние птичьи метки. Хотя и гоняли птиц с космодрома, здесь, в тихом секторе они все равно резвились вовсю.

Автомобильчик замер перед сомкнутым шлюзом. Таможенники распахнули двери и синхронно ступили на стеклобетон. Скади и братья тоже с удовольствием выбрались наружу, на освежающий ветерок.

— Славная посуда, — оценил таможенник-рядовой. — Я такую с удовольствием поимел бы...

— А ты разбираешься в яхтах? — спросила Скади с легким интересом. Сама она разбиралась. И неплохо.

— Разбираюсь, — кивнул тот. — Немного. Это яхта класса «50», сравнительно новой постройки. Ей лет семьдесят максимум. Новые, можно сказать. И состояние, как я погляжу, пристойное. По-моему, ей нечасто в последнее время приходилось бывать в атмосфере. Глянь — даже опоры не окислились.

— Снимай ограничитель, — перебил его Луиджи. — И помолчи пока...

Рядовой скривил губы, но замолчал и послушно направился к шлюзу. Скади тем временем обошла яхту кругом и не нашла никаких следов бывших повреждений, никаких признаков ремонта или регенерации. Яхта действительно была в превосходном состоянии. Увидеть бы ее до вынужденного четырехмесячного торчания под всеми ветрами и дождями курортного пояса Ромы... Сияла, поди. Как хромированные стойки в баре «Заядлый яхтсмен» — Скади по долгу службы периодически приходилось бывать в этом примечательном баре. Да и не по долгу — тоже.

Таможенники без излишних промедлений сняли наклейку-ограничитель и обнажили пульт управления шлюзом. Когда Скади подошла, рядовой как раз пытался открыть внешние створки.

— Запаролено, — безнадежно вздохнул он. — Ваш выход, кудесники...

Братья Пануччи послушно взялись чемоданчики. Насколько Скади знала, они еще ни разу не возились со шлюзами дольше пятнадцати минут.

— Луиджи, — Скади доверительно взяла сержанта за рукав. — Ты чего такой озабоченный? Я ведь вижу.

Каузио хрустнул пальцами на левой руке, потом на правой — еще один признак некоторой встревоженности.

— Мы проверили кредитку парня, которому принадлежал этот корабль, — сказал он с каким-то странным выражением — не то ожесточения, не до досады. — Во-первых, это вовсе не Бьярни Эрлингмарк, который привел «Карандаш» на Рому. Хозяином значится некто Войцех Шондраковский, вольный яхтсмен, пропавший без вести около двадцати лет назад.

— А кто выдавал визу этому Бьярни? — поинтересовалась Скади.

В принципе, если хозяин яхты погибал или исчезал без вести и не находилось законных претендентов на владение, яхта просто переходила в собственность того, кто первым на нее наткнется. Как правило. Но все равно, после этого непременно следовало пройти перерегистрацию и уладить ряд формальностей с документами.

— Визу ему выдал сержант Дзарини. Скользящую, на трое суток, — сообщил Луиджи с прежним выражением.

— Понятно, — Скади кивнула. — Знакомый номер. Ни досмотра не надо проводить, ни бюрократией заниматься. Надеюсь, поди, что этот ловкач спустя три дня уберется с Ромы, и делу конец.

— Меня другое пугает, Скади, — тихо сказал Луиджи Каузио. — Первый хозяин этой яхты, Войцех Шондраковский, исчез двадцать лет назад — скорее всего, он мертв. Претендент — Бьярни Эрлингмарк — погиб четыре месяца назад, на третьи сутки своего пребывания на РOME. Я попытался отыскать его родственников — четыре с половиной месяца назад яхта «Ландграф», принадлежащая братьям Эрлингмаркам,

Магнусу и Бьярни, перестала отдавать тики. А значит — с практически стопроцентной вероятностью погибла.

Скади, слушала, позабыв о том, что собиралась понаблюдать за работой братьев Пануччи. А Луиджи продолжал, все тем же ровным и негромким голосом:

— На счет Шондраковского незадолго до смерти перечислен миллион пангала.

— Сколько? — Скади решила, что ослышалась.

— Миллион. У этого яхтсмана никогда раньше не было таких денег на счету.

Скади только головой покачала.

— За несколько дней до момента, когда тики с «Ландграфа» прекратились, на счет Бьярни Эрлингмарка также был перечислен миллион пангала; половина этой суммы в тот же день была снята и помещена на счет второго брата — Магнуса.

— И, разумеется, у этих ребят до того момента сроду не водилось таких денег, — скорее утвердительно, чем вопросительно изрекла Скади.

— Разумеется. И последний штришок, — продолжал Луиджи. — Сержант Дзарини через неделю после гибели Бьярни Эрлингмарка был найден мертвым в собственной квартире. По официальному заключению — что-то с сердцем.

Каузио умолк. Скади некоторое время переваривала услышанное.

— А что у него со счетом? — спросила она.

— У Дзарини — ничего. Несколько тысяч. Вполне обычный счет.

Скади вновь умолкла на добрую минуту. Молчал и Каузио.

— М-да, — наконец-то подытожила она. — Зловещая яхточка...

Один из Пануччи, кажется Дино, крикнул от шлюза:

— Эй, Скади, Луиджи! Готово.

Технари-механики не имели права открывать шлюз без формального приказа.

— Открывайте! — махнула рукой Скади и повернулась к сержанту. — Пошли...

Посмотрим, что там внутри.

Внутри «Карандаш» был устроен как и большинство полсотников. Внешние шлюзы, два; потом короткий твиндек, упирающийся в рубочную переборку; налево — рукав к жилым каютам и камбузу, направо — к сегментнику в грузовые отсеки.

Над сомкнутой перепонкой рубочного люка висела изящная табличка из какого-то симпатичного желтоватого минерала; мастерски выжженная надпись гласила: «Mobilis in mobile».

— Ну, хоть здесь пароля нет, — довольно выдохнул рядовой, открывая створки. — Прошу, господа начальники.

Луиджи молча пропустил вперед Скади и вошел следом за ней.

Ничего экстраординарного в рубке не обнаружилось, хотя подспудно Скади ожидала каких-нибудь неожиданностей. Разве что немного удивляла развернутая аппаратура экспресс-анализа в небольшой смежной камерке-лаборатории. Что, спрашивается, мог исследовать яхтсмен-извозчик во время заурядного рейса? Образцы груза, что ли? Или рейс был вовсе не заурядный?

Скади осмотрела компьютер и подключенную к нему периферию. Во-первых, ее заинтересовал древний оптоволоконный кабель, подключенный ко внешнему порту и уводящий куда-то в сторону грузовых отсеков. Она тут же отослала одного из Пануччи проследить, куда этот кабель ведет. Таможенники отправились вместе с ним поглядеть на груз.

Оказалось, что груза на борту «Карандаша» практически нет, за исключением большого ящика в первом отсеке и пластикового мешка с какими-то шмотками — во втором. В остальном отсеки совершенно пусты. Стало быть, «Карандаш» садился на Рому порожняком. Кабель же вел к видеокамере, оставленной на полу рядом со все тем же ящиком посреди первого отсека.

Решив сначала все осмотреть, а потом уж делать выводы, Скади занялась компьютером (а Луиджи — ящиком в грузовом отсеке-один). Аварийный пароль послушно допустил ее в систему; первым делом стоило отследить путь «Карандаша» к Роме — откуда он прибыл, в каких режимах, по каким трекам и все такое прочее. В драйве обнаружился астрогационный диск с пошаговой частично просчитанной программой рейса.

И еще — с браузером мгновенной почты. Почта была настроена на единственный адрес.

И оплачена.

Скади невольно оглянулась. В рубке кроме нее никого не осталось — таможенники возились в грузовых отсеках, а Пануччи она отослала осмотреть жилые помещения. С некоторой нерешительностью она потянулась виртуальным курсором к опции «Вызов».

Как она и ожидала, воображаемая кнопка в маленьком псевдокубе была только одна. Один адрес и один адресат.

Скади редко колебалась в подобные моменты. Конечно, она вызовет. Неизвестно пока кого. Но заранее оплаченную мгновенную связь зря на малые яхты не ставят. Она ткнула курсором в кнопку. Вызов прошел.

Ей ответили почти сразу, секунд через пять. В кубе стусилось четкое изображение инопланетянина-гуманоида. Он был одет в обтягивающее трико, в левой руке он держал маску, а в правой — не то рапиру, не то шпагу, Скади никак не могла понять. В следующий миг изображение скачком укрупнилось, рапира и маска остались вне пределов видимости. Зато стали видны влажные пятна на трико — кто бы ни был этот неведомый фехтовальщик, во время поединка он явно не ленился, работал до пота.

— Кто вы? — жестко спросил он. Спросил так властно и твердо, что даже Донадони-старший вытянулся бы перед ним в струнку.

Скади с трудом подавила порыв, приказывающий ей вскочить и шелкнуть каблуками.

— Скади Фри, сержант службы спасения космодрома «Романтиче», республика Скарца.

— Вы на борту «Карандаша»?

— Да. В рубке.

— Вы осматривали груз? — голос у незнакомца оставался жестким и командным, ему невозможно было не подчиняться, он заволаживал, он заставлял повиноваться не рассуждая.

— Груз в данный момент досматривает таможня.

Незнакомец прищурился.

— Немедленно остановите их. Объяснения — потом. Он не должен быть вскрыт. Выполняйте!

Скади тут же взялась за пуговицу-передатчик.

— Луиджи!

— Да? — пискнула серьга.

— Вы уже открыли ящик в первом отсеке?

— Нет. Он опечатан. А кроме того — мы не можем понять как он открывается. Даже Пануччи озадачены.

— А они уже с вами?

— Да, я вызвал одного, когда понял, что сам открыть его не могу.

— Не пытайтесь его открыть. Это может быть опасно.

— Опасно? — насторожился. Луиджи. — Охотно верю. Пожалуй, не стоит его трогать без спецаппаратуры. А что ты накопила?

Скади мельком взглянула на незнакомца, пристально глядящего на нее из куба-экрана.

— Долго рассказывать, — ответила она.

Шестое чувство подсказало ей: незачем пока распускать язык.

— Ладно, — вздохнул ничего не заподозривший Луиджи Каузио. — Эй, Франки, брось, не стоит! Не вскроешь ты его голыми руками. Если он так заперт, внутри может оказаться нечто...

Луиджи не договорил.

— Сержант, — обратился к Скади незнакомец. — Я настоятельно рекомендую вам удалить из корабля всех ваших коллег и переговорить со мной. Но обязательно с глазу на глаз. Это может принести вам...

— Миллион пангала, — вставила Скади как могла спокойно. — Правда ведь?

— Нет, — возразил незнакомец без тени эмоций. — Миллион вы, считайте, уже получили. А можете получить еще сорок семь.

— Звучит заманчиво, — нерешительно протянула Скади.

— Я жду вызова в течение четверти часа. Земного часа, принятого в пределах Скарца. И запомните: к этому моменту на «Карандаше» вы должны остаться в одиночестве.

— Я попробую, — пообещала Скади.

Куб экран тут же погас. Как раз вовремя. В рубку вошли оба таможенника, и почти сразу — братья Пануччи.

— Как успехи? — поинтересовался Луиджи, оглядываясь. — И что ты тут все-таки накопила?

Скади изобразила безупречно сыгранную сценку «Я только что отвлеклась от корабельного компьютера», тем более, что это было правдой больше чем наполовину.

— Я тут сопроводительные файлы проглядела, — соврала она. — Подробностей никаких, но стоит ссылка: «Груз не вскрывать! Опасно!»

— Так я и знал, — мрачно изрек Луиджи. — Скользящая виза, отсутствие досмотра... Точно, собирались проташить в обход таможи какую-нибудь пакость. Знаешь, Скади,

пойду-ка я экспертов вызову и организую настоящую осаду этого чертова ящика. Так я и не сообразил с какой стороны к нему подступиться...

— Да он с любой сторон одинаковый, — фыркнул рядовой-валентинец. — Только с одной какая-то кишка торчит...

— Помолчи, — оборвал его Луиджи и вновь обратился к Скади: — Ты здесь останешься?

— Да, — Скади постаралась, чтобы слова ее прозвучали с должной долей небрежности и естественности. — Мне нужно поглядеть не замешана ли эта посуда в каком-нибудь грязном деле.

— По-моему, уже и так понятно, что замешана, — буркнул Луиджи. — Я пошел. Скоро вернемся. Кстати, я вызову охрану — мало ли что...

— Только поставь их снаружи, — посоветовала Скади. Таможенники ушли.

— Что у вас? — справилась Скади у братьев.

— Ничего, — ответил Дино. Или Роберто? Нет, кажется, все-таки Дино. — То есть, совершенно ничего. Личные вещи, никакого криминала, никаких тайников. Даже оружия нет.

— Понятно, — вздохнула Скади. — Ладно, вы мне больше не нужны. Можете топать. Братья без лишних вопросов подхватили свои чемоданчики и вышли вон. Почти сразу на резервном канале возник Донадони-младший.

— Скади, золотце?

— Да, шеф? — тщательно маскируя досаду отозвалась она.

— Где Пануччи? Не рядом.

Скади не колебалась ни секунды — возвращать братьев ей совсем не хотелось.

— Нет. Я их отослала.

— Это хорошо, — неожиданно обрадовался шеф. — Тут выяснилось кое-что... Правда, я не знаю как это связано со всей нашей историей...

Скади молча ожидала продолжения.

— В общем, Бьярни Эрлингмарк практически все время его пребывания на РOME сопровождали две дамочки. Близнецы. Это родные сестры наших Пануччи. По-видимому, в момент катастрофы они находились в том же автомобиле и погибли вместе с Эрлингмарком.

Некоторое время Скади пыталась сопоставить факты. Но ни единой версии у нее не сложилось — то, что Эрлингмарк контактировал именно с сестрами Пануччи, родственниками работников службы спасения космодрома, вполне могло быть и чистой случайностью.

Но могло и не быть.

Скади чувствовала: вокруг этого корабля, а еще вернее — вокруг таинственного и одинокого ящика в грузовом отсеке ведется какая-то сложная многоходовая игра, причем ставки в этой игре весьма высоки.

Впрочем, Скади мало интересовали ставки. То есть, не то чтобы они Скади совсем не интересовали — но уж куда меньше, чем сама игра.

Она встала и прошла к выходу — осмотреться. Шлюзы оставались открытыми, автомобильчик таможни укатил, а вдалеке маячили фигуры братьев Пануччи, направляющихся пешком к административному корпусу. Скади осталась на «Карандаше» совершенно одна.

Вторично вызвать инопланетянина-фехтовальщика было минутным делом.

На этот раз он предстал перед Скади в строгом сером костюме, очень похожем на земные френчи. Впрочем, Скади видела собеседника только выше пояса, а масштабирование изображения было заблокировано передающей стороной.

Только теперь Скади отметила, что у чужака были непропорционально большие глаза, и это было самое заметное отличие от людей, от Номо.

— Я рад, что вы точно следуете моим рекомендациям, — без всяких приветствий и предисловий начал чужак. — Если вы будете следовать им и впредь, уверяю — у вас не найдется причин жалеть об этом. Итак, вы на корабле в одиночестве?

— Да. Я совершенно одна.

— Тогда слушайте. По законам Скарца, вы имеете право выкупить «Карандаш», прямо сейчас, пока не закончены идентификационные формальности.

— Но «Карандаш» все равно должен будет пройти досмотр, даже если я его куплю, — возразила Скади, глядя в огромные глаза чужака. Смущения или неловкости она не испытывала, хотя знала, что у многих галактических культур прямой взгляд в глаза не принят.

— Исключая один случай, Скади Фри. Исключая один-единственный случай, — поправил чужак. — Если ты немедленно стартуешь и покинешь область пространства, принадлежащую республике Скарца, формальности будут опущены.

— У меня может не хватить денег. Руководство космодрома наверняка заинтересуется мотивами моей покупки и заломит непомерно высокую цену. И, кстати, обращайтесь ко мне лучше на «ты» — а то я нервничаю.

— Как скажешь, — человек на месте чужака пожал бы плечами. Этот остался неподвижным.

Сам переходить на «ты» чужак пока не пожелал.

— Что касается денег — ты не забыла, что один миллион пангала уже твой? Вставь кредитную карту и вводи пароль. Миллиона тебе с лихвой хватит, чтобы выкупить «Карандаш» со всей начинкой, а остаток всецело твой, причем независимо от результата дальнейших переговоров.

— А будут дальнейшие переговоры? — вкрадчиво поинтересовалась Скади.

— Несомненно. Но уже за пределами республики Скарца.

Скади умолкла на некоторое время, прикидывая собственные шансы.

— Будет трудно убедить начальство продать яхту. Особенно после того, как таможенники заинтересовались грузом.

— Ты справишься, я уверен. Кроме того, таможенники убеждены, что в саркофаге сокрыто нечто опасное. Токсичное или активное. Это не так, но они-то об этом не знают. Стало быть, если ты переправишь угрозу куда-нибудь в другое место, им останется только облегченно вздохнуть и умыть руки. Так, кажется, говорят люди?

— Так, — пробормотала Скади. Ей почему-то казалось, что Донадони-старший непременно упрется и не захочет продавать «Карандаш» до тех пор, пока не удостоверится, что в этом, как выразился чужак саркофаге нет ничего по-настоящему ценного.

«Карандаш» в его теперешнем состоянии тянул приблизительно на сто-сто пятьдесят тысяч пангала. Ну, на двести — но это уже обдираловка. Сто двадцать-сто тридцать — наиболее подходящая ему цена, если астрогационная аппаратура исправна и настроена (а это легко проверить), и если икс-привод рабочий (а они исключительно редко выходят из строя).

«Игра, — подумала Скади. — Большая игра. Ни за что не откажусь...»

Она достала из нагрудного кармана кредитную карту и уверенным движением вогнала ее в паз считывателя.

Незнакомец наблюдал за ней цепким взглядом, как показалось Скади — одобрительным.

— Прежде чем наша сделка состоится — а у меня включена фиксирующая аппаратура — ты должна пообещать одну вещь. Мы договоримся только в том случае, если ты дашь обещание, и, естественно, исполнишь его.

— Какое обещание?

— Ты должна пообещать, что ни при каких обстоятельствах не попытаешься вскрыть саркофаг и никогда не станешь интересоваться его содержимым. Ты просто доставишь его куда тебе укажут. Впрочем, об этом мы поговорим позже. Итак?

— Саркофаг — это тот ящик в грузовом отсеке?

— Да.

«А ведь я его еще и не видела», — подумала Скади с неожиданным весельем.

— Я обещаю не вскрывать саркофаг, который сейчас находится в первом грузовом отсеке «Карандаша» и не интересоваться его содержимым в период действия договора. Скади Фри, Скарца, Рома, — проговорила Скади ровным естественным голосом, каким обыкновенно надиктовывала официальные документы.

— Сразу видно профессионала, — чужак изобразил подобие улыбки, что ему совершенно не шло. Скорее всего, он исключительно редко улыбался, и Скади смутно посочувствовала его роду занятий. — И последняя рекомендация: если цена, назначенная космодромом, будет значительно превышать реальную цену яхты — не торгуйся. Плати, и взлетай. Кстати, что с топливом и пайком?

— Я не проверяла. Если надо — загружусь и дозаправлюсь.

— Хорошо.

Инопланетянин опустил глаза, протянул руку за передний срез экрана и чем-то там поманипулировал. Пискнул считыватель; Скади машинально ввела приход-пароль и проверила счет.

Он увеличился ровно на миллион пангала.

Эти ребята даже расчеты проводили по мгновению — а проценты там немаленькие, Скади знала.

— Все в порядке, — сообщила Скади, поднимая взгляд к экрану. — Деньги получены.

— Действуй, — отрезал чужак. — Результат немедленно сообщай мне.

— Минутку, — задержала его Скади. — Как мне вас называть?

Чужак молчал целых три секунды, не меньше. Наверное, ему редко задавали подобные вопросы.

— Называй меня коллегой, Скади Фри. Это лучшее, что я могу тебе посоветовать. И, не дожидаясь реакции на свои слова, отключился.

Не теряя времени даром, Скади принялась вызывать шефа. К ее удивлению Донадони-младший ответил только после десятого или одиннадцатого сигнала.

— Что там, Скади? — спросил он, как показалось — недовольно.

— У меня идея. Обращаться к тебе или непосредственно к твоему отцу? — сухо поинтересовалась Скади. Она знала — с шефом надо разговаривать именно так.

— А что за идея? — сразу оживился шеф.

— Я хочу взять отпуск без содержания, выкупить «Карандаш» у космодрома и немедленно стартовать.

Донадони-младший чуть не поперхнулся на очередном вдохе.

— Выкупить? А на кой тебе яхта? — он машинально взъерошил волосы — Скади Фри знала это, словно стояла сейчас в кабинете шефа. — Постой... А откуда у тебя деньги? У тебя что, хватит на яхту?

— Деньги я украла. Вчера в «Ромбанке». Сломала защиту и перевела на свой счет. Ты что, новости не смотришь?

Донадони фыркнул, только сейчас сообразив, что это шутка. Скади всегда шутила с самой серьезной миной, из-за чего у нее порой даже возникали проблемы с сослуживцами.

— Так что, шеф? Мне самой вызвать директора, или ты подсобишь?

Продажа «приросших» яхт всегда была делом для космодрома мутным и долгим, и каждый найденный покупатель расценивался как удача, поэтому Скади была уверена, что шеф мгновенно сообщит отцу. Вот только в реакции Донадони-старшего она совсем не была уверена.

— Ладно, я сообщу сейчас же. Жди.

— И, кстати... — небрежно обронила Скади. — Скажи таможенникам, чтобы не суетились с досмотром. Я ведь сразу улечу...

Шеф прорычал что-то малоразборчивое и отключился. А Скади принялась ждать. Правда, пассивно ждать она не умела, посему решила пока осмотреть свою неожиданную покупку. Пока еще не состоявшуюся, но все же...

Первым делом она закрыла внешние шлюзы. Свою собственную систему решила пока на комп не ставить — успеется. Вегло проглядела и оттестировала аппаратуру наводки и сам икс-привод — вроде бы все работало как часы. Топлива оставалось вдоволь, но можно было и подзаправиться. Как обстояло дело с припасами — следовало смотреть «ногами», компьютерная статистика была просто не задействована. Только после этого Скади позволила себе направиться в грузовые отсеки.

Человек нетерпеливый, наверное, бросился бы туда в первые же секунды после разговора с... гм... коллегой. Или нет — Коллегой, так веселее. Коллегой-игроком. Скади же подсознательно задержалась у компьютера — наверное, чувствовала, что должна как следует настроиться. Не зря ведь Коллега так печется об этом саркофаге? Явно не хочет, чтобы его вскрывали. И таможенников боится, хотя и не показывает этого. По крайней мере, старается не показать.

Сильный игрок. И достойный соперник.

Скади обожала сильных соперников.

Вопреки ожиданиям, саркофаг не произвел на нее должного впечатления. Унылый серый ящик со сглаженными углами. Странной чешуйчатой структуры поверхность казалась одновременно и гладкой, и шероховатой. На ощупь казалась скорее гладкой, но не абсолютно. И еще она была подозрительно теплой. Даже теплее человеческого тела, пожалуй, но ненамного. Сверху на ящике красовались две уродливых пластилиновых печати со вдавленной под оттиски ниточкой. Между печатями по всей длине ящика тянулась еле-еле заметная риска. На одном из торцов виднелась выступающая изнутри короткая трубка — не трубка, кишка — не кишка... В общем, какая-то слегка изогнутая полая колбаса. В целом саркофаг вызывал у Скади неприятные ассоциации. Словно огромная куколка — если раздавить, останется огромное склизкое пятно мерзко-зеленоватого цвета. Интересоваться содержимым этой штуковины мог только законченный маньяк — самой Скади мысль поместить туда нечто ценное казалась сплошным кошунством.

Обойдя вокруг саркофага пару раз, Скади пожала плечами и направилась в жилой сектор.

Но и там смотреть было особо не на что. Прежние хозяева этой яхты либо страдали повышенной аккуратностью, либо просто не успели как следует намусорить. Причем во второе Скади верила как-то больше. Небольшая каютка, небольшой вполне функциональный камбуз, компактный санузел... Правда с крошечной сауной и даже вертикальным бассейном! Хм!

Последнее Скади очень понравилось. Она даже поняла, чем займется в первые же часы полета... если полет, конечно, состоится.

Заодно оценила запасы продуктов и воды — ей одной хватило бы месяца на три — запросто, и на вдвое больший срок — если экономить. Вода, кстати, еще и регенерировалась, причем установка была добротнее тех, какими обычно комплектуют полсотники.

В общем, хоть сейчас взлетай и дуй чуть ли не через полгалактики...

Шеф вызвал Скади, когда она пробовала исправность кухонной автоматики. Причем, не непосредственный шеф, а глобальный — директор космодрома.

— Сержант Скади Фри?

— Да, синьор Донадони? — Скади сделала сама предупредительность и внимание.

— Ваш э-э-э... начальник сообщил мне, что вы хотите выкупить осмотренную вами яхту?

— Да, синьор Донадони. Хочу.

— Позвольте полюбопытствовать, а почему?

— Давно мечтала о подобной яхте, — с легкой дежурной улыбкой ответила Скади, хотя директор ее сейчас и не мог увидеть.

Некоторое время Донадони молчал.

— Не могли бы вы прийти ко мне в кабинет, Скади Фри? Обсудим ваше предложение в деловой обстановке...

— Видите ли, синьор Донадони, мне хотелось бы немедленно стартовать на собственной яхте. Опробовать, так сказать, покупку. Так что меня вполне устроит и сделка посредством связи.

— Стартовать? — переспросил директор. — А работа?

— Синьор Филиппо Донадони предоставит мне отпуск. Без содержания, разумеется. Так ведь, шеф?

Донадони-младший натужно кашлянул:

— Собственно... Никаких препятствий нет. Работы сейчас немного, да и неиспользованные выходные за сверхурочную работу у нее есть...

Директор космодрома, как показалось Скади с некоторым раздражением, перебил:

— Ну, тогда хотя бы выйдите на видеосвязь. Я не могу беседовать с микрофоном...

— Сию секунду, синьор Донадони...

Скади помчалась — в буквальном смысле помчалась — в рубку. Настроить почтовку компьютера на местные частоты путем несложных манипуляций с менюшками — всего и делов-то. Вскоре она уже любовалась физиономией директора в экране-кубе.

— Я здесь, синьор Донадони!

Директор за время минутного перерыва, видимо кое о чем поразмыслил.

— Я так думаю, что истинные мотивы покупки из вас и клещами не вытянуть. Поэтому руководство «Романтиче» предоставляет вам возможность выкупить яхту «Карандаш» за четыреста семьдесят тысяч пангала. Включая налоги.

Похоже, директор был уверен, что Скади не сможет уплатить названную сумму, начнется торг с выяснением, и вот тут-то они вынудят своенравную сотрудницу открыть карты, а там уж решать — лучше продать яхту вместе с саркофагом или же пытаться выжать деньги за саркофаг самостоятельно...

— Меня устраивает цена, синьор Донадони. Договор купли-продажи готов?

Директор даже слегка отвесил челюсть, но тут же подобрался и растерянно поглядел вправо, на советника по финансовым вопросам. Скади, внутренне веселясь, пронаблюдала за последовательной сменой выражений на лице советника:

замешательство, потом суетливо-заискивающая улыбка и, наконец, решимость.

— Вот договор, — выдохнул советник и перед Скади раскрылся еще один куб с текстом. Скади бегло пробежала его взглядом — договор был стандартным, подставили данные «Карандаша», имя Скади и сумму сделки, только и всего.

Скади эффектным движением вогнала кредитку в считыватель (второй раз уже за сегодня) и ввела расходный пароль. И только потом приложила палец к папиллятору, официально подписывая договор.

Тихо щелкнул принтер, выплевывая лист пластика с текстом договора, с подписями Донадони-старшего и Скади. Кредитка полегчала почти на полмиллиона пан. Отныне Скади значилась законной владелицей этой посуды и всего, что пребывало в момент сделки на борту.

— Поздравляю, синьора Скади Фри, — сухо промолвил директор. — Надеюсь, для парковки и наземного обслуживания вы выберете именно наш космодром, ведь вам, как сотруднику, положены скидки. Или вы думаете уволиться?

— Я еще не решила, — уклончиво ответила Скади. — Спасибо, синьор директор. А сейчас, с вашего позволения, я хотела бы договориться с соответствующими службами о дозаправке и пополнении припасов.

— Всего хорошего, — директор поспешил отключиться.

Скади с победным гимном в душе отключила связь. Нечасто ей приходилось разговаривать с Донадони-старшим, да еще в таких рискованных тонах. Но, бог мой, как это было приятно!

Игра. Ее Величество Игра. Самая захватывающая вещь на свете... Советник директора сейчас огребет по первое число — можно в этом не сомневаться. Донадони-младший — тоже. И как вся эта компания будет ломать голову над вопросом — откуда у скромного сержанта спасательной службы без малого полмиллиона пан на кредитке?

Скади довольно хлопнула в ладоши и принялась вызывать Коллегу. Тот ответил немедленно, словно неотрывно сидел перед стационаром мгновенной связи. Да и мобильный модуль Коллега держал при себе даже занимаясь фехтованием...

— Новости, Скади Фри?

— Да, Коллега. Это корыто вместе с грузом теперь всецело мое.

— И сколько же с тебя слупили?

— Четыреста семьдесят тысяч! — с чувством произнесла Скади.

— Терпимо, — удовлетворенно хмыкнул Коллега.

Скади по-актерски вскипела:

— Терпимо? Да это сущий грабеж!

Инопланетянин пристально воззрился ей прямо в глаза.

— Скади Фри! Я уже говорил это — следуй нашим рекомендациям, и подобные суммы станут для тебя всего лишь малозначимыми циферками в графе «Цена», — сказал он жестко. — Запомни это и не заставляй повторять еще раз.

— Ладно, — Скади принимала условия игры, раз уж ввязалась в нее. — И каковы же будут ВАШИ рекомендации на текущий момент?

Скади намеренно подчеркнула слово «ваши», поскольку раньше чужак говорил «мои рекомендации». Впрочем, догадаться, что Коллега действует не в одиночку было нетрудно — поразительно быстро он добрался до сведений о законах Скарца. Откуда он узнал, что по законам республики «приросший» корабль можно выкупить без досмотра и тут же стартовать?

— Наши рекомендации будут просты, — терпеливо сказал чужак. — Стартовать как можно скорее, покинуть пределы республики Скарца и вызвать меня. На диске, где браузер, есть предварительно рассчитанный курс. Воспользуйся диском и расчетами. Доступно?

— Доступно, — буркнула Скади в ответ. — Я стартую приблизительно через час. Час, принятый на Скарца и Земле. Заправлюсь, загрузусь, и стартую.

Она вздохнула.

— Если честно, то надоела мне Скарца, спасу нет.

— Вот и прекрасно. Считай это бесплатным приключением. А если совсем точно — то приключением, за которое еще и отменно платят. До связи.

Скади мечтательно улыбнулась и принялась вызывать диспетчерскую. Игрок, романтик и прагматик с самого детства уживались в ней на удивление мирно.

За два часа «Карандаш» заправили и загрузили все, что она заказала. Кругленькая сумма на счету едва заметно подтаяла. Пока роботы сустились у внешних грузовых шлюзов, Скади поселила на компе «Карандаша» собственную систему, перехватила управление всеми корабельными ресурсами и механизмами, продумала и ввела парольную сеть, и скачала с домашнего компьютера все, что могло понадобиться в полете. Дома она ввергла всю автоматику в спящий режим — Скади всегда была аккуратной девушкой и ненавидела беспорядок. Не могла она бросить дом, в котором прожила шесть лет, даже сознавая, что может туда никогда не вернуться.

К вечеру, когда на космодроме заканчивался официальный рабочий день и оставались только дежурные смены, Скади запросила добро на взлет, переподчинила компьютер «Карандаша» космодромному многопоточному монстру и застыла в пилотском кресле. Вплоть до выхода в открытый космос ей оставалось только наблюдать за слаженной работой автоматов.

Яхта взмыла на антигравах, влилась в стартовый коридор и, вспарывая летний воздух Румы, рванулась к звездам.

Первая пульсация просчитывалась чуть больше двадцати минут. С замирающим сердцем Скади впервые в жизни собственноручно отдала «добро» на прыжок сквозь неполные три сотни световых лет.

Ничего особенного она не почувствовала — ни перед прыжком, ни во время оно. Мгновенная пустота в груди — и все уже прошло. Скади отстегнулась, встала и подошла к псевдоиллюминатору — большому экрану напротив пульта. Наружная чернота сплошь была усеяна до невероятности яркими искорками звезд. Скади уже приходилось несколько раз видеть звезды из-за переделов атмосферы, но каждый раз открывшаяся картина поражала ее своим великолепием. Невозможно осознать величие космоса, глядя на звезды с поверхности землеподобных мирков. Для этого нужно хотя бы однажды забраться глубоко в космос и столкнуться со звездами лицом к лицу, во всей их могучей красе и недоступности.

Некоторое время Скади любовалась звездными россыпями. В рубке было тихо, только иногда негромко шелкал, раскручиваясь, диск-драйв системы наведения на финишную сферу. Компьютер рассчитывал второй прыжок.

Минуты через три Скади встрепенулась.

— И куда ты, дорогуша, собрался? — весело спросила она у компьютера. — Я еще не решила, куда лечу.

Она отдала команду приостановить расчеты. Потом задумалась: вызывать Коллегу, выяснять чего, собственно, от нее хотят или сначала расслабиться в сауне? Потом справедливо решила, что сауну все равно сначала надо протопить, посему сходила в санблок, разбудила всю нехитрую банную аппаратуру, запустила нагрев, и вернулась в рубку.

Коллега точно ждал ее вызова — снова откликнулся мгновенно. Впрочем, связь ведь не зря называли мгновенной?

«Могучая штука, — подумала Скади мимоходом. — Это какие же нужны мощности, чтобы осуществлять действительно мгновенную связь, хоть через всю Галактику...»

А это — ни много, ни мало — сто тысяч световых лет! Свет — самое быстрое, что есть в природе — преодолевал космическую пустоту годами, а мгновенная связь — вообще без затрат времени.

Конечно, есть еще и гравитация, к которой само понятие «распространение» уже не очень применимо, да и понятие «время» выступает в связке с тяготением в несколько новом качестве. Но в мгновенной связи гравитация точно не использовалась. Секрета не знал никто, кроме Роя. Устройства мгновенной связи комплектовались «черными ящиками», которые Рой продавал остальным расам. «Ящики» легко подключались к стандартным в Галактике для многих рас пользовательским интерфейсам и работали без сбоев и отказов годами. Но как они были устроены — оставалось загадкой. Будучи вскрытыми «черные ящики» работать прекращали навсегда, а по содержанию — совершенно бессмысленным с виду сросткам квазиживых нервных тканей с невероятно сложными полихордными кристаллами — ни одна из рас в лице лучших ученых ничего выяснить так и не сумела.

Икс-привод вообще-то сконструировали а'йеши, еще до вступления в союз. Скади знала, что Рой стал использовать один из вариантов икс-привода задолго до того, как свой аналог разработали свайги. Когда был заключен союз, Рой поделился кое-какой информацией с физиками Свайге и икс-привод в их варианте существенно улучшился. После этого мелкие изменения вносились инженерами цоофт и азанни, с которыми тогда еще существовавшая и имевшая немалый вес Галерея Свайге также поделилась секретом икс-привода. После объединения технических и научных знаний три расы — свайги, азанни и цоофт — значительно укрепили собственные позиции, и к ним поспешили примкнуть и технократы-а'йеши. Их наука еще раз заставила пересмотреть концепцию икс-привода, и новый объединенный вариант звездного двигателя многим показался воплощенным совершенством.

Рой ответил на это полным отказом от своей прежней разработки, выдал союзникам всю недостающую информацию по предыдущей модели (после чего, кстати, недавнее воплощенное совершенство сильно упало в глазах всех, кто еще недавно им восторгался) и перешел на какой-то новый принцип, рассекретить который отказался. Мотивы и решения Роя всегда оставались загадкой для остальных рас, поэтому никто даже не удивился. Приводы Роя работали без заметного искривления пространства в стартовой и финишной сферах. Как Рой это реализовал — ученые свайгов, цоофт, азанни и даже а'йешей не представляли совершенно, хотя концепцию икс-привода раньше всех разработали именно а'йеши, а вовсе не Рой. На основе окончательной информации по предыдущей модели привода был создан совместный итоговый вариант, которым союзники (за исключением, разумеется, Роя) успешно

пользовались вот уже шесть столетий. Именно эту модель в качестве базовой использовали и люди — три маломощных модификации.

На «Карандаше», естественно, стоял сверхмалый икс-привод.

Икс-привод и мгновенная связь — два кита, на которых зиждилась людская свобода. Два принципа, швырнувшие Галактику людям под ноги. Люди, конечно же, не замедлили покорную Галактику попать сапогами, хотя еще вчера по праву считались «тварями дрожащими». Теперь человеческая мораль и человеческие нравы воцарились даже там, где людей не бывало от начала времен. Теперь люди поднялись выше галактических старожил, основы вчерашнего союза. А еще вернее, что свайги, цоофт, азанни и даже кристаллы-а'йеши пали до уровня людей. И только Рой, как всегда, остался в стороне.

Два кита, икс-привод и мгновенная связь. Все остальное на «Карандаше» создано самими людьми. Привод и связь — только сборки. Сборки из блоков и модулей, поставляемых чужими. В который уже раз человеческая цивилизация строила свое могущество на чужом знании и на низведении всех, кто стоял выше ее, на свой уровень. А то и ниже.

Но так или иначе, человек стал одним из полноправных хозяев Галактики, наравне с рептилиями Свайге, с птичками цоофт и азанни, с диковинной формой жизни, зародившейся на холодной планете А'йеш. Благодаря свободе, изобретенной не им. — Эй, Скади фри!

Скади вздрогнула и очнулась, от неожиданно нахлынувших мыслей. На секунду, на неуловимый миг она снова почувствовала себя курсантом Академии на лекции по истории галактических культур.

— Прошу прощения, Коллега. Я уже за пределами Скарца. Двести с чем-то световых лет. И я вас внимательно слушаю.

Впервые в чужаке промелькнуло нечто, именуемое потомками землян «человечностью». Даже взгляд его огромных глаз, доселе неизменно жесткий, казалось, чуть-чуть потеплел.

— Тебе так хотелось вырваться с Ромы? — спросил он негромко. Голос, в отличие от взгляда, вовсе не стал теплее.

— Да. Мне всегда хотелось побывать в дальнем космосе.

— Что ж... Твое желание исполнилось.

На секунду Скади показалось, что чужак готов спросить: «А что тебе раньше мешало?», и она рассказала бы, как недобрала несколько сотых балла на выпускных экзаменах и не попала в группу спасателей-поисковиков, которые работают в пространстве. Как получила назначение на тихую и уютную Рому, планету-курорт, на пассажирский космодром, где аварии случаются раз в год, а то и реже...

Но чужак ни о чем не спросил.

— Итак, Скади фри. До сих пор ты вполне успешно справлялась с первоочередными проблемами. Это радует. Настала пора раскрыть тебе твою собственную роль и поведать все, что до сих пор оставалось недосказанным.

Скади молча кивнула. Она уже изгнала из головы кадетские воспоминания, и ей не пришлось прилагать для этого особые усилия.

— Ты, наверное, уже поняла, что ценность для нас представляет совсем не эта паршивая яхта, а ее груз. Тот самый ничем не примечательный ящик, который ты видела в грузовом отсеке. Я не собираюсь скрывать, что им очень — очень! — дорожат весьма могущественные лица. Этот ящик, а точнее говоря — этот саркофаг, понятно, что с содержимым вместе, должен быть доставлен во вполне определенное место. К сожалению, предыдущий исполнитель нелепо погиб на Роме, и нам понадобилось заменить его. Мне кажется, что ты — достойная замена. Ты хочешь о чем-то спросить?

Скади вздрогнула. Вопрос действительно вертелся у нее на языке, и не было времени соображать — стоит его задавать или же не стоит. И она рискнула спросить.

— А отчего погиб первый хозяин этой посуды? Предшественник Бьярни Эрлингмарка? Чужак картинно поаплодировал.

— Браво, Скади фри! Ты и это успела выяснить!

— Да что там выяснять, — фыркнула Скади. — Обычный запрос в общедоступную базу.

— Дело не в том, что информация доступна. Дело в том, что ты задалась целью получить эту информацию. Да, действительно, Бьярни Эрлингмарк был не первым, кто подвизался привезти саркофаг в... нужное место. Он был вторым. А первый капитан, настоящий капитан «Карандаша», Войцех Шондраковский погиб двадцать три года назад на окраине Галактики. Ушел в пульсацию с незадраенными шлюзами...

Скади усмехнулась и склонила голову набок. Но ничего не сказала.

Интересно, он что с поверхности планеты уходил в пульсацию?

— К яхте был пристыкован патрульный катер. Икс-привод сработал самопроизвольно, стыковочный рукав разорвало... В общем, Войцех Шондраковский погиб. Что касается Бьярни Эрлингмарка, так ему вовсе незначительно было затевать остановку на Роме. Горючего и припасов ему хватило бы до самой Амазонки. Это, кстати, твоя первая промежуточная цель. Там тебе организуют дозаправку и прочее.

— Ну, допустим, — Скади подалась вперед. — Я доставляю саркофаг куда вы скажете. А дальше?

— А дальше, на твой личный счет капают еще сорок семь миллионов пангала, «Карандаш» остается в твоём владении, и ты будешь на всю жизнь обеспеченной женщиной, которая вольна путешествовать по всей Галактике на собственной яхте, пока это занятие вконец не осточертеет. Так, кажется, говорят люди? Единственное что, о саркофаге мы тебя попросим забыть.

— А получится? — усомнилась Скади.

— Получится. Мы подкорректируем твою память.

Скади иронично шевельнула бровями.

— А что помешает вытереть не только воспоминания о саркофаге, но также о яхте и сорока семи миллионах?

— Ты сама помешаешь. Коррекцию памяти проведем в месте, которое укажешь ты. Можешь провести коррекцию вообще втайне от нас, но мы, естественно, захотим проверить результат.

Скади мучительно размышляла. С одной стороны — условия сделки весьма заманчивые, если только они выполняются. С другой стороны — гарантий никаких. Игра... Игра навывлет. Пан, или пропал.

А что ей терять, спасателю с курортной планеты? Унылую работу и жалкое жалование? Пустой дом и пустую жизнь?

— Скажите, Коллега, — спросила она, глядя в сторону. — А предыдущим капитанам «Карандаша» вы говорили о коррекции памяти?

— Нет, — невозмутимо ответил чужак, и Скади почему-то показалось, что он говорит правду. — Не говорил.

— Почему же сказали мне?

— Потому что я вижу: с тобой надо играть в открытую. Ты ведь игрок, Скади Фри, не правда ли?

Скади нервно сглотнула. Черт возьми! Этот инопланетянин видит ее насквозь! Какая уж тут игра?

— Я играю честно, Скади Фри. Нам незначительно обманывать или устранять тебя — кто поручится, что к твоим услугам не придется прибегнуть еще раз? А старый партнер лучше десятка новых. Мы в тебе заинтересованы. И пытаемся заинтересовать тебя. Не скрою, ты нам нравишься больше двух предыдущих исполнителей. Ты не пытаешься выяснить, кто такие «мы». Ты не задаешь лишних вопросов — разве что, попыталась узнать мое имя. Но это как раз не страшно. Ты решительно и эффективно действуешь. Ты достаточно подготовленный специалист для космических перелетов и тебя ничто не держит на Роме. Мы можем изменить твою жизнь. Да что там, мы ее уже изменили — и изменили к лучшему. У тебя когда-нибудь появлялась возможность стать хозяйкой такой яхты? И, положи руку на сердце — разве появилась бы она, останься ты спасателем на Роме? У меня нет тузов в рукаве, Скади Фри. Мне выгоднее играть честно. Точно так же, как и тебе. Ну, как, сыграем?

И Скади прошептала в ответ, едва заметно шевеля губами:

— Сыграем, Коллега... Мой ход...

Чужак победно прищурился:

— На диске вместе с броузером мгновенной почты все данные о курсе и месте назначения. Считай и лети. Время не терпит.

— Я поняла. Играем...

Ей показалось, что Коллега ободряюще подмигнул, прежде чем исчезнуть из экранакуба.

Скади глубоко вдохнула и потянула к себе клавиатуру. Что бы ни было записано на этот диск, курс она сначала проглядит собственными глазами. А уж потом даст команду на просчет пункта.

Ей нравилась эта игра. Определенно нравилась. И даже туманное будущее теперь не угнетало, а лишь добавляло адреналина в кровь.

Что за игра без ставок? И что за интерес играть, если ставки ничтожны?

Часа три, не меньше, Скади парилась, периодически сгибая ногами вперед в узкий и глубокий, словно стакан-хайбол, бассейн. Пыталась вытравить прилипчивую пыль космодрома «Романтиче», что ли? Потом расслабленно полулежала в кресле, изредка

протягивая руку к бокалу «Траминера Офелии», весьма кстати отыскавшемуся в баре. Вино было редкое, на Скарца одна бутылка стоила половину месячного сержантского жалования.

Все это время Скади старалась ни о чем не думать. Не получалось. Мысли вновь и вновь возвращались к заключенной недавно сделке. Сорок семь миллионов...

Странная цифра — не круглая. Пятьдесят, или сорок пять — еще понятно.

Потом она догадалась. Двое погибших. Они ведь получили по миллиону. Каждый.

Первому посулили ровно полсотни, один вперед, остальное потом. Второму — уже на миллион меньше. Один плюс сорок восемь. Скади — третья, соответственно, один плюс сорок семь. Нехитрая математика.

Неужели этот саркофаг тянет на полсотни миллионов пангала? Точнее, его содержимое? Что в Галактике может стоить таких денег?

Чем дольше Скади размышляла, тем сильнее склонялась к мысли, что в саркофаге скрывается нечто живое. Некто живой. Какой-то биологический объект; незачем для хранения чего-то неорганического пользоваться предметом, который называется «саркофаг». И на ощупь этот саркофаг теплый. Такое впечатление, будто прикасаешься к боку живого существа, а не к безмозглому ящику.

Просматривать готовый пунктир она засела только поздним вечером, так и не приняв никакого решения. Предпочла выждать, а пока — проделать несколько пульсаций в соответствии с курсом. Убраться подальше от Ромы. Погрузиться в глубокий космос. Туда, откуда звезды кажутся далекими колющими светляками, где нет границ и обозначенных территорий, где каждый сам себе хозяин.

И человек, и чужой.

Икс-привод «Карандаша» работал четко и без малейшего намека на сбои. И система наведения на финишную сферу давала такую смехотворно малую погрешность, что могла бы служить эталонной. Первые два прыжка Скади пересидела за пультом, потом все же ушла спать. Длинный у нее получился денек...

На новом месте всегда спится по-новому. Проснулась Скади далеко за полдень, судя по часам над входом в каюту. Снилось ей что-то героическое, наподобие детских фильмов о космических пиратах — огромные звездолеты, безудержная пальба, непрерывные погони и стычки. Одно только показалось странным — вся эта пальба и все эти погони затевались ради одной единственной цели: захватить маленький кораблик с саркофагом на борту. Кораблик не походил на «Карандаш» совершенно, и пилотировали его какие-то подозрительные бородатые личности, но саркофаг из сна Скади запомнила очень явственно: такой же безмолвный и живой, притаившийся, и будто бы подглядывающий за экипажем.

Ей часто снились сюжетные сны, да и подобных фильмов в детстве Скади насмотрелась предостаточно. И теперь ей даже стало казаться, что раньше она уже видела похожий саркофаг во снах. Не в точности такой, но очень похожий. И наверняка помнила: так и не удалось ей ни разу узнать, что же сокрыто там, под чешуйчатой створчатой крышкой.

— М-да, — иронически заметила Скади вслух. — Похоже, эта коробка становится моей навязчивой идеей.

Она даже жалела, что Коллега взял с нее обещание не пытаться узнать о содержимом саркофага. Не то, чтобы Скади была чрезмерно любопытной — не более, чем среднестатистический человек любого из обитаемых миров. Чувствовала она — связана с этой историей какая-то жгучая загадка. Необязательно мрачная, но возможно и такое.

Обнаружив, что забыла перед взлетом заказать любимую зубную пасту, Скади пошарила в шкафчике над умывальником. Паста нашлась, другая правда, совсем незнакомая и произведенная на Офелии, но заинтересовало Скади совсем не это.

На нижней полочке, поставленный на попа, обнаружился цилиндр губной помады. С крупной надписью, впечатанной в невесомую керамику. «Волга». И дата — без малого двухсотлетней давности.

Скади осторожно взяла цилиндр. Стержень цвета спелой малины давно должен был высохнуть и искрошиться, если, конечно, дата подразумевает время производства. Но он был свеж и вполне пригоден к использованию. Скади нерешительно коснулась помадой губ — остался яркий малиновый след. И вкус у помады тоже оказался малиновый.

Волга... Скади помнила название этой планеты. Как не помнить! Любой, кто изучал историю человечества в Академии не задумываясь ответил бы на вопрос: «Чем знаменита планета Волга?» Именно там, в системе Волги люди из галактических изгоев начали превращение в равноправного союзника сильных рас. Именно там

стартовало неотвратимое и победное шествие земной и постземных культур, наступление на самобытные культуры чужих.

Вздыхнув, Скади вернула помаду на место, стерла малиновый след с губ, почистила наконец зубы и направилась на камбуз. Именно на камбуз, а не в рубку. Она вполне разделяла заявление своего первого капрала-взводного из Академии: «Война войной, а кормежка по распорядку!»

Никуда рубка от нее не денется. Сначала — завтрак.

Как и все военные и полувойенные люди, Скади научилась по-настоящему ценить удобства и комфорт. И если предоставлялась возможность потешить собственную тягу к гедонизму — почему бы и не воспользоваться такой возможностью?

Гедонизму Скади предавалась дня три, благо на деньги Коллеги она заказала к погрузке на «Карандаш» много такого, что для доходов сержанта-спасателя оставалось недоступным.

За это время она окончательно склонилась к мысли, что стоит попытаться переиграть Коллегу и всех, кто за ним стоит. Занятие это представлялось Скади рискованным, но небезнадежным. В конце концов, ее привлекала в игре отнюдь не роль пешки. И если не короля, то уж не меньше, чем ферзя.

Смушал ее вовсе не риск. Смушало ее совсем другое.

Скади покуда совершенно не представляла, как распорядиться саркофагом и «Карандашом», если играть против Коллеги. Куда лететь? Что делать с саркофагом — вскрывать или нет? Она прокручивала в голове самые разные варианты поведения, но ни один не показался ей выигрышным или хотя бы сколь-нибудь перспективным.

Три дня, целых три дня она ожидала внезапного озарения или какой-нибудь новой информации. Но нигде — ни в парной, ни в рубке, ни во время сна, ни во время обедов или ужинов озарение ее не посетило.

На четвертый день Скади начала действовать. Для начала она решила повозиться с астрогационным диском — во-первых, попытаться по адресным ссылкам установить местонахождение терминала Коллеги, а во-вторых определить точку финиша. Не промежуточного, который она знала и так — система Амазонки — а окончательного. Место, где ждут не дождутся саркофаг. Она не надеялась, что прояснит слишком много, но что-то всегда лучше чем ничего.

Прикидывая, каким именно образом она станет вскрывать спрятанные данные, Скади привычно совершала утренний туалет. Мысли ее блуждали и перескакивали с одного на третье, с третьего на второе. Взгляд — просто блуждал. Пока на остановился на шкафчике над раковиной умывальника.

Дверца шкафчика была слегка приоткрыта. Скади увидела, что помады с малиновым вкусом нет на месте, на котором ты была оставлена. У стеночки, рядом с волновой бритвой, принадлежавшей кому-то из прежних капитанов-мужчин.

Скади замерла с зубной щеткой во рту. Медленно-медленно отворила обе створки шкафчика. Настежь.

Она ожидала увидеть цилиндр помады закатившимся куда-нибудь вглубь шкафчика. За пузатый стакан с еще двумя зубными щетками. За обтекаемую, похожую на кусок мыла бритву. За пачку ароматических салфеток...

Помады не было. Нигде.

Скади лихорадочно принялась выгребать из шкафчика все, прямо в раковину, под чахленькую струйку воды.

Помады не было.

В шкафчике — не было.

В том, что последние три дня она не трогала помаду, Скади готова была присягнуть на чем угодно. Жизнь могла поставить без боязни проиграть.

Но где тогда эта треклятая помада? Может, упала на пол? В конце-концов, «Карандаш» иногда включал двигатели и ускорялся-замедлялся между пульсациями. Могло и тряхнуть слегка, а много ли этой штукине надо, чтобы вывалиться наружу? Тем более, что дверца оставалась приоткрытой...

Она поискала на полу, за унитазом, отдернула шторку душа и придирчиво осмотрела все углы. Подпрыгнула, и убедилась, что на шкафчике нет ничего, кроме слоя пыли. Совершенно нетронутого.

Нет помады.

Как попало запихав все из раковины обратно в шкафчик, Скади наконец-то вынула изо рта зубную щетку и тупо подумала, что за последние четыреста лет (и это как минимум) зубные щетки внешне не претерпели абсолютно никаких изменений.

Ее разобрал нервный смех, неестественно громко прозвучавший в тишине ванной комнаты. И от этой неестественности все внутри у Скади болезненно сжалось. Она

вдруг остро почувствовала себя одинокой и незащищенной. Затерянной на утлом челне посреди безграничного трехмерного океана, полного пустоты и звезд. Кое-как отплевавшись от зубной пасты и прижав к губам салфетку, Скади протянула свободную руку к пультику управления дверьми.

И снова застыла.

Совершенно не понимая, что за напасть на нее накатила, Скади попыталась взять себя в руки и поверить, что за дверью никого нет. Что если б там кто-то был, за трое суток он сто раз мог напасть на нее спящую. Сто раз. В любой момент.

А она даже оружие с собой не носит.

Но на кой носить с собой оружие, если она на корабле совершенно одна, и вокруг на сотни световых лет нет ни единой живой души?

«А саркофаг?» – возразила себе Скади и почувствовала как ее вторично прошиб пот.

«Чушь...»

Скади на миг прикрыла глаза, сглотнула и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, унимая колотящееся сердце.

И вдруг ее отпустило. Сразу. Словно отхлынула невидимая волна испуга и паники. Да, да, паники. Скади едва не переступила ту незримую грань, когда рассудок утрачивает контроль над телом, и тело начинает руководствоваться лишь дремучими инстинктами да подсознанием. По определению иррациональным.

И тогда на Скади накатила другая волна. Волна здоровой злости, как перед дракой, в которой чувствуешь себя правым и способным победить.

Ударив по кнопке (чуть сильнее, чем необходимо), она распахнула двери. Ну, конечно же, в коридоре никого не оказалось. Ну кто там мог оказаться? Ожившая мумия из саркофага?

Все еще злясь на себя, Скади прошлепала босыми ногами по ворсистому покрытию. До каюты. Оделась, обулась, причем не в халатик и тапочки, как вчера и позавчера, а в сержантский комбез и форменные ботинки. Поразмыслила пару секунд, залезла в стол и извлекла спрятанный туда еще на РOME табельный спасательский бласт. Проверила заряд батареи (полный); проверила регулятор мощности (минимум, чтоб обшивку не прострелить); проверила, как снимается предохранитель (нормально, без усилий, но и не болтается).

Взглянула на себя в зеркало – сердитая коротко стриженная девчонка с бластом в руке; с упрямо сжатыми губами; бледная, но решительная. Если не принимать во внимание бласт, то такой она видела себя по крайней мере однажды – перед финалом первенства Академии по айдзу-то-домэ. Финал, кстати, Скади выиграла, причем соперником был тогда здоровенный, раза в два тяжелее ее, негр-селентинец с военного потока. Чемпион предыдущих двух лет.

Пристроив бласт на поясе, Скади направилась в рубку, причем по пути машинально пыталась произвести как можно больше шума. С громкими шлепками отворяла сегментники и шлюзы. Впечатывала в пружинящее покрытие ботинки.

Если честно, то тишина ее раздражала. Даже нет, не раздражала – нервировала. Всеяла неуверенность, такую сейчас нежелательную.

Все-таки вредно в течение многих лет пребывать в окружении многих людей – отвыкаешь от одиночества.

Рубка встретила ее рабочим мерцанием кубических экранов. Комп просчитывал очередную пульсацию по плану Коллеги. Горел свет в камерке-лаборатории. Кресло перед пультом еще хранило очертания тела Скади – в основном той части, на которой люди обыкновенно сидят. К слову сказать, многие мужчины на РOME находили эту часть тела Скади весьма привлекательной.

Первым делом, Скади включила в грузовом видеокамеру, так и не тронутую никем. Раскрылся еще один куб – посреди ярко освещенного отсека покоился саркофаг, как ему и полагалось. Из-за того, что камера стояла прямо на полу, верхняя грань саркофага не просматривалась, но можно было с уверенностью сказать, что створки опущены.

Коротко хэкнув, как на тренировке, Скади направилась к грузовым отсекам. Твиндек, сегментный люк, пульт. Кнопка.

Скади решительно утопила ее, приказывая створкам разойтись.

Створки остались неподвижными.

Вопросительно глядя на серый квадратик пульта, Скади еще раз нажала на кнопку. Никакого результата. Только...

Только мигающая надпись на маленьком плоском экранчике.

«Шлюз заблокирован изнутри.»

Рука сама сдернула с пояса бласт.

«То есть, как изнутри?» — растерянно подумала Скади, чувствуя как вновь накатывает противное липкое оцепенение.

«Шлюз заблокирован изнутри.»

Не поддаваться... Не поддаваться оцепенению!

Скади заорала что-то нецензурное и с размаху залепила ногой по левой створке. Помогло. Оцепенение уступило место злости, причем этому в немалой степени способствовал бласт с полной батареей. А эта штука слона валит шутя.

— Заблокирован, значит? — рявкнула Скади, надрывая горло. — Это мы посмотрим! Она метнулась в рубку; видеокамера по-прежнему показывала пустой отсек.

— Заблокировано... — бормотала Скади. — Заблокировано, так вас через это самое... Я вам покажу, заблокировано!

Кому «вам» — Скади вряд ли была в состоянии сейчас объяснить.

Бласт — на пульт, клавиатуру — на колени.

— 3-заблокировано!

Она нещадно колотила по клавишам. Клавиши обиженно кликали.

Меню: управление.

Системы: шлюзы/сегментные люки.

Адресация: грузовые отсеки.

Команда: снять блокировку.

Приоритет: 0

Права: root

Доступ разрешен.

Первый грузовой отсек: блокировка отсутствует.

Второй грузовой отсек: блокировка в системе не установлена.

Скади вперилась взглядом в экран.

Блокировка отсутствует. Как это, \$пардон, понимать?

Ладно — второй грузовой отсек, там и шлюза-то нет, только всегда открытая арка. Но первый?

Не забыв прихватить бласт, Скади вернулась к сегментнику. Экранчик теперь был совершенно чист, никаких надписей. И створки на этот раз открылись с первой же попытки.

Держа бласт перед собой, Скади осторожно шагнула через маркировочную черту. Даже с такого расстояния на саркофаге явственно виделись обе пластилиновые печати. Разумеется, нетронутые.

Саркофаг, видеокамера, тянувшийся к ней провод от сегментника, да какие-то отвисшие шланги на стенах — вот и все, за что цеплялся взгляд в первом отсеке. Во втором — и того меньше. Только шланги да мешок с пожитками. Спрятаться тут было решительно негде, никаких люков, никаких межпереборочных пространств — это же яхта-полсотник, а не крейсер, в конце-то концов. Незамеченным в грузовых отсеках мог остаться либо невидимка, либо микроорганизм, либо призрак.

В первое и третье скади не верила, а второго просто не боялась.

Но вколоть инъекцию биоблокады решила при первом же удобном случае.

— Чертовщина какая-то... — пробормотала Скади и зябко передернула плечами.

Наверное, у нее был очень понурый вид, когда она брела к выходу. Настроилась на драку, а противник сбежал. А скорее, его и не было вовсе. Дурацкое состояние...

Только закрыв сегментный люк снаружи, и во внезапном порыве заблокировав управление с внешней стороны, Скади сообразила, что ее противник может находиться и вне грузовых отсеков. Во всяком случае, пока Скади бежала в рубку и колотила там по клавиатуре, можно было успеть преспокойно разблокировать сегментник, пройти по твиндеку и скрыться в жилом секторе.

Бласт вновь оказался у нее в руке.

И вдруг Скади растянула губы в улыбке. Первое за трое суток озарение снизошло на нее, словно долгожданный дождь после засухи.

Ну, конечно! Как она раньше не подумала!

Биоконтроль! Глупый, но исполнительный компьютер и растыканные по всему кораблю датчики, от которых не спрятаться. Даже будучи мышью. По какой-то причине их продолжали ставить на людские корабли уже не первое столетие.

Не выпуская из рук бласта, она прошла в рубку, активировала соответствующую программу и с огромным облегчением убедилась, что на борту всего один теплокровный живой организм крупнее землеройки.

Ее собственный.

Так говорили датчики, которых хватало даже внутри топливного накопителя. А датчики не врут — попросту не умеют. Они могут либо работать и не врать, либо

только не работать. На «Карандаше» неработающих датчиков не нашлось — разве что, резервные на складе.

Для очистки совести Скади прогнала тест еще разок, установив максимальную чувствительность.

Скади Фри, Номо — одна штука. И более — никого.

Биоконтроль Скади оставила работать в фоновом режиме. Так, для собственного успокоения. Чтобы всегда можно было прийти в рубку, поглядеть на двумерную схему «Карандаша» и полюбоваться единственной синей точкой. Точка, конечно же, находится в центре ходовой рубки когда на нее смотришь.

«Кстати, — подумала Скади с внезапным интересом, — а как на схеме выглядит саркофаг?»

Она выделила в кубе первый грузовой, дала минимальный масштаб и включила режим «full». В этом режиме можно было рассмотреть даже чью-нибудь утерянную пуговицу в твиндеке. В качестве неорганического объекта, разумеется.

Странно — саркофаг на схеме выглядел как невыразительное белесое пятно, не имеющие четких очертаний. Но белесое, а не синее. И при этом — бесформенное. Эдакий неправильный овал-эллипс.

Получалось, что компьютер считал саркофаг ни живым, ни неорганическим. Ни тем, ни другим, либо же и тем, и другим одновременно.

Скади знала, что «живого» а'йеша биодатчики принимают за подвижный неорганический объект. То есть, показывают четкие очертания чужого в скафандре, и метка в толще экрана формируется нейтрального полупрозрачно-серого оттенка. Выходит, саркофаг — нечто похожее, но с примесью органики? Правда, недостаточной для того, чтобы считать его живым.

«Вот те раз! — подумала Скади. — Что же это получается? Саркофаг — это сама по себе форма жизни? То-то Коллега так беспокоится, чтоб его не вскрывали! Вряд ли любой, хоть органической, хоть нет, форме жизни вскрытие принесет какую-нибудь пользу. Прямо, как в анекдоте может произойти: «Вскрытие показало, что пациент умер в результате вскрытия...»

Значит, в Галактике обнаружилась вторая форма неорганической жизни... Неудивительно, что Коллега так дорожит этим чешуйчатым чудом.

«Стоп-стоп-стоп... — Скади схватилась за щеки и медленно откинулась на спинку кресла. — А из чего, собственно, следует, что обнаружилась в НАШЕЙ Галактике? Конечно, в ней хватает неисследованных планет. Но все они имеют статус незаселенных. Пять высших рас союза за тысячи лет избороздили Галактику вдоль и поперек, и зарегистрировали практически все разумные расы. Саркофаг может оказаться формой жизни ИЗВНЕ. Из другой галактики.»

Следующая догадка окончательно вогнала Скади в непродолжительный интеллектуальный ступор.

«Черт возьми! А вдруг это нетленный? Живой враг? Плененный или предавший своих?»

Скади представила, сколько могут отвалить за живого нетленного определенные организации шести высших рас, и ненадолго потеряла способность к связному мышлению.

Пятьдесят миллионов пан по сравнению с этим — медный грошик.

Через пару минут она взяла себя в руки. Медведя нужно сначала выследить и убить, а потом уж делить его шкуру. Ни одного доказательства нет, что саркофаг — это нетленный. К тому же, считалось, что нетленные — форма жизни чисто энергетическая, и всякого субстрата лишена. Саркофаг же имеет явно корпускулярную основу, а о волновой составляющей его существования можно пока лишь гадать. Но, опять же, вполне возможен вариант, что нетленный в саркофаге просто заперт. Тогда действительно не стоит открывать эту шкатулочку с джинном внутри.

В любом случае, гипотеза о нетленном — первая стоящая гипотеза с момента заключения договора с Коллегой. Может быть, это то самое озарение, которого Скади ожидала последние несколько дней. И гипотезу эту обязательно нужно проверить — и желательно не в полевых условиях.

Нужен военный исследовательский центр. Армия союза — единственная организация, которая пока не подверглась окончательному развалу под натиском подаренного Галактике тотального бардака.

Скади торопливо вызвала в головной куб карту и поглядела — что же может найтись поблизости. И нашла.

Багута, колония шат-тсуров, бывших сателлитов азанни. Скади поглядела в справочнике — азанни до сих пор держали там мощный экспедиционный корпус, чуть ли не крыло одной из пирамид второго плана. Скорее всего, из-за ресурсов:

система Багуты состояла из двух обитаемых и четырех необитаемых планет, причем необитаемые были сущим раем для рудных корпораций. Как выпускник Академии Скади прекрасно знала: любое крыло любой пирамиды азанни включает в себя научное подразделение, весьма неплохо оснащенное. Скади может потерять свой груз, если обратится к птичкам. Но она имеет неплохой шанс узнать — что же он такое, этот все сильнее и сильнее действующий на нервы саркофаг. И никогда не пожалеет, что обманула Коллегу, если тот действительно пытается втихомолку протащить к себе через всю Галактику нетленного. Потому что на подобное способен лишь предатель. Пусть нетленные ушли куда-то в область Ядра и исчезли — любой военный в Галактике знает, что они могут вернуться. А значит, сокрытие любой, даже самой ничтожной информации о них является преступлением.

Скади не была чрезмерно законопослушной, вовсе нет — иначе она не решилась бы обманывать Коллегу. Но когда играешь против Силы, всегда приятно сознавать, что на твоей стороне хотя бы Закон.

Недрогнувшей рукой Скади прервала расчет очередной пульсации по пунктиру к Амазонке и ввела новую цель. Система Багуты. Один прыжок. Сто двадцать шесть световых лет.

Система наведения переварила капитанскую инструкцию и принялась за работу. А Скади, наконец-то расслабившись, перевела дух.

И внезапно поняла, что утренний срыв — это просто реакция на неопределенность. На отсутствие цели.

У нормального человека всегда должна быть цель. Если цели нет — в душе воцаряется хаос. По большому счету, хаос пришел в Галактику только потому, что у союза исчезла цель — противостоять нетленным. Люди лишь ускорили его приход, да снабдили чисто внешними человеческими приметам, потому что оказались самой порочной расой из высших.

Пока шли расчеты, Скади сходила на камбуз; беспокойство еще не полностью выветрилось — по дороге постоянно тянуло оглянуться. Поглощая наскоро приготовленный завтрак, Скади все время держала под рукой бласт — на столе, справа от тарелки. Понятно, это глупость, но так спокойнее. И как в годы войны разведчики-одиночки на крохотных истребителях отрывались от кораблей-маток на месяц, а то и больше? Или раньше у народа и нервы покрепче были? Наверное, на войне ведь не болеют, и редко сходят с ума...

Спустя полчаса она вернулась в рубку; система все еще просчитывала прыжок. Как ни странно, но чем меньше расстояние, тем сложнее получались вычисления, поэтому и времени на подготовку пульсации уходило больше. Скади поскучала в кресле, потом зачем-то сунулась в каморку-лабораторию. Попутно она размышляла — связано ли нелепое исчезновение реликтовой волжской помады с саркофагом в грузовом отсеке, и если связано — то как именно? Не считать же, что оттуда выбрался нетленный, живенько спер помаду и снова просочился внутрь... Хотя бы через ту самую кишку на торце. Ведь есть у этой кишки какое-нибудь назначение?

В камере экспресс-анализа Скади ничего особенного не нашла — предыдущий капитан-экспериментатор счел за благо не оставлять образцы внутри. Здравую идею просмотреть рабочие логи воплотить в жизнь было совсем нетрудно — в каморке имелся даже отдельный терминал. Скади принялась нетерпеливо листать каталоги и файлы в поисках нужного. Клавиатура тихонько шелестела у нее под пальцами. Ага, вот! Самый хвост лог-файла, лабораторией ведь последние четыре месяца никто не пользовался...

«Исследовать молекулярную структуру данного образца не представляется возможным — не хватает разрешающей способности приборов. Смените образец, либо проведите анализ атомарной структуры.»

— О как! — выдохнула Скади. Подозрение, что изыскания покойного капитана Эрлингмарка каким-то образом связаны с саркофагом, крепло с каждой секундой. Лог следующего теста:

«Тесты не выявили в образце сколько-нибудь упорядоченной структуры. Проверьте аппаратуру на сбои и проведите контрольную диагностику управляющей программы.» Ну и ну! Правильно Скади решила: исследовать эту занятную шкатулочку-переросток нужно в солидном научном центре. Но что именно исследовал Эрлингмарк — неужто он исхитрился отделить от саркофага кусочек?

Кроме всего прочего Скади порадовал тот факт, что не она первая нарушила договор с Коллегой и сильнее, чем тому хотелось бы, заинтересовалась необычным грузом. Разве можно назвать обычным груз, который так действует на нервы?

С другой стороны — где теперь этот Эрлингмарк-нарушитель? Правильно, отправился к праотцам. Насколько Скади успела узнать — погиб он вроде бы случайно. Однако —

кто знает, не Коллега ли подстроил ту нелепую автокатастрофу на трассе? Ни доказать, ни опровергнуть это уже никогда не удастся.

Далее лог-файл содержал отчет контрольного селф-теста, из коего явствовало, что экспресс-камера и управляющие программы работают вполне корректно и никаких сбоев последнее время не зафиксировано. Чуть дальше снова шли искомые данные: «Тесты не выявили в образце сколько-нибудь упорядоченной структуры. Проверьте аппаратуру на сбои и проведите контрольную диагностику управляющей программы.» На этом лог обрывался.

Раздумывая, не пойти ли в грузовой отсек и не присмотреться ли к саркофагу повнимательнее, Скади покинула каморку. Может быть, удастся понять как Эрлингмарк раздобыл образец для анализа? Какой уголок отбил или где сделал соскоб? Она видела — рядом с терминальной клавиатурой лежал плоский кейс с инструментами, которому вообще-то полагается находиться на полке или в столе. И инструмент там весьма разнообразный да действенный, от портативного лазерного резака до резонансного вибробура.

За этими мыслями Скади застал бодрый писк системы наведения — расчеты очередной пульсации благополучно завершились.

— Ну, крепись, Скади Фри, — сказала себе экс-спасатель, занося руку над клавиатурой.

Сколько раз за прошедшие годы клавиша «Enter» бросала «Карандаш» сквозь пространство? Сотни, если не тысячи. Возможно, именно это нажатие войдет в историю. Все возможно.

Скади хотелось надеяться, что она никогда не пожалеет о сегодняшнем. Очень хотелось.

Но будущее было также сокрыто от нее, дочери галактической эры, как и от лобастого первобытного предка, для которого звезды грезились всего лишь кострами небесных охотников.

На кратчайший миг раздвоившись, «Карандаш» продрался сквозь световые годы и вывалился в искореженное пространство финишной сферы совсем рядом с одной из планет Багуты — от силы двое суток лету на сингулярных движителях. Оранжевый клубок Багуты казался отсюда пылающим теннисным мячиком в обрамлении неистой короны.

Терминал обычной, не мгновенной связи, взорвался рутинным рабочим гулом и обрывками переговоров. Автосканинг фиксировал каналы один за другим. В системе сновали сотни кораблей, а оставшиеся после войны щиты радиоподавителей всегда располагались за орбитой дальней планеты и на приличном расстоянии от светила «выше» и «ниже» плоскости эклиптики. Скади и «Карандаш» находились глубоко в защищенной сфере приема.

Флагман азанни — опорный рейдер крыла — мог находиться где угодно. Понятно, что не на одной из планет, для посадки приспособлены корабли не крупнее стратегического малого крейсера. Но флагман явно и не за пределами системы. Скади впервые порадовалась знанию, полученным в Академии, а заодно убедилась, что за шесть лет ничего не успело выветриться из памяти.

Разобраться с управлением сингулярниками оказалось несложно. «Карандаш» ускорился и ринулся к центру системы. К ближайшей из обитаемых планет.

Наскоро Скади прикинула время задержки радиопереговоров: на таком расстоянии от Багуты она должна была составить около получаса. Осталось найти дежурную волну любого космодрома и попытаться выяснить местонахождение флагмана. Конечно, это будет очень странно выглядеть — крохотная гражданская яхта с единственным человеком на борту, и человек этот стремится отыскать опорный рейдер крыла азанни. Слишком уж нетипичный случай, могут заинтересоваться мотивами. А здесь, в секторах, где хозяйничают чужие, людей не слишком жалуют. Могут вообразить, будто «Карандаш» обладает какой-нибудь ценной информацией. Слопают, и не поморщатся, это всегда было в нравах и традициях союзников-галактов. А значит — нужно вести себя естественно, и рейдер вычислить не лобовыми расспросами, а косвенными методами, потихоньку и ненавязчиво.

Скади прикидывала — о чем можно запросить диспетчерскую в первую очередь?

Просить дозаправки? Но накопители у нее забиты почти под завязку. Сымитировать неисправность? Но тогда логичнее тянуть к орбитальным базам Багуты-2 или Багуты-3, а не к военным-азанни, болтающимся неизвестно где. По своему опыту Скади знала — больше всего космодромный люд настораживается при неестественном поведении гостей-астронавтов. Независимо от размера корабля; и одноместную яхту можно таким дерьмом начинить, бабахнет — от Багуты-звезды даже водорода не

останется. Только внезапно оборванные логи мгновенной связи на космодромах ближайших населенных систем.

Тихий, но отчетливый звук наложился на чье-то эфирное бормотание – сработал сегментный люк. Открылся. Сначала рубочный, потом внешний. На Скади будто ведро ледяной воды вылили. Плохо соображая, что делает, она опрокинулась из кресла вбок, через подлокотник, больно ушибив коленку о край пульта. В падении она сдернула с пояса бласт, и упала так, чтобы ствол оказался обращенным к открывшемуся твиндеку.

Перепонка действительно была отворена, во всю ширь. Втянута в узенькие межпереборочные пазы. Гофрированная кишка твиндека отлично просматривалась – Скади ясно различала внешний сегментный люк грузовых отсеков. Там перепонка оставалась сомкнутой – ошибиться невозможно.

Пока она падала, ей мерещился кто-то большой и косматый на входе в рубку. Открыл сегментник, и уже протянул длинные-предлинные руки к креслу, где сидела Скади. Руки, готовые сомкнуться на ее горле...

Вбитые в академии рефлексy оказались быстрее и надежнее разума. Если бы плод ее воображения действительно вознамерился свою жертву сцапать, он всего лишь загреб бы пустоту – спустя мгновение после того, как перепонка разошлась, Скади, на прежнем месте в кресле уже не было. А еще мгновением позже Скади выстрелила бы: предохранителем она тоже успела щелкнуть. Правда, уже на полу.

Но стрелять в пустоту – так же глупо, как ловить пустоту руками.

В рубку никто не вошел. Не вошел, не ворвался, не принялся палить из твиндека – вообще не происходило ничего. Просто ни с того ни с сего открылся рубочный сегментный люк. Теоретически, такое могло случиться... При условии, что во всем корабле режим обычный, а не аварийный, и давление во всех отсеках и помещениях одинаковое. Но на практике ничего подобного почему-то не случалось. Ни на огромных кораблях чужих, ни на земных скорлупках.

Чувствуя, как по вискам катятся бисеринки холодного пота, Скади продолжала сжимать в обеих руках изготовленный к стрельбе бласт и целиться в проем открытого люка.

Словно в насмешку, именно в этот момент ее засекли и опознали наблюдатели Багуты.

– Эй, «Карандаш»! Видим вас! – пропели на интересе. – С прибытием...

Исконная речь шат-тсуров не просто походила на пение – она пением и являлась. Интер в устах шат-тсуров тоже казался не то оперной арией, не то модным шлягером, который исполняется талантливым самоучкой. Ни одного атонального звука, воплощенная гармония и завидный тембр – любой, кто хоть однажды слышал шат-тсуров, без проблем узнал бы это пение и через сотню лет.

– Эй, «Карандаш»! Ответьте Багуте-Централь! Вы находитесь в закрытой зоне...

«Тьфу ты! – подумала Скади со злостью. – И тут не повезло: вляпалась в закрытую зону. Что же они маячки не развесили?»

В зонах нежелательного финиша всегда ставят гравитационные маяки – это закон для всех рас и для всех обитаемых систем в Галактике. Ни один икс-привод не наведется на помеченное маяками пространство. Темнят что-то эти с Багуты-Централь...

Сцепив зубы и держа перед собой бласт, Скади выглянула в твиндек. Справа, в отростке, что вел к внешним шлюзам и в сторону жилого отсека, конечно же, никого не оказалось.

Наваждение. Очередной удар по и без того натянутым нервам. Все-таки страшноватая вещь – космическое одиночество...

Напрягшись, Скади припомнила в каком порядке открывался рубочный сегментник. Совершенно точно: сначала внутренняя перепонка, потом внешняя. Спутать звук можно, но для этого надо быть тугим на ухо аборигеном какой-нибудь тихой планетки и сроду не летать на кораблях, оборудованных сегментниками.

Если бы люк открывали с пульта в твиндеке, сначала разошлась бы внешняя перепонка, и только потом – внутренняя. Значит, система сочла, что люк пытаются открыть из рубки. Чтобы выйти, а не чтобы войти.

Это, конечно, было слабое утешение, но все же Скади вздохнула свободнее.

Восставший из саркофага воображаемый злодей снова обернулся непонятным сбоем корабельной аппаратуры.

Но как все-таки мало нужно человеку, чтобы поверить в невозможное! И еще меньше – чтобы испугаться. Эти яхтсмены-извозчики, вероятно, имеют нервы толщиной с найтовочный канат.

И еще Скади стала понимать, откуда у них такой чернушный фольклор — а его любой завсегдатай околокосмодромных баров наслушался под самую завязку. Раньше эти муторные истории казались обычными страшилками, теперь же Скади на собственной шкуре убеждалась, что в одиночном рейсе происходит масса труднообъяснимого и зачастую — пугающего. А уж рейс с каким-нибудь таинственным грузом вроде саркофага — так вообще сплошное inferno.

Скади вернулась в рубку и с некоторой опаской коснулась кнопки на пульте. Сегментник послушно затянулся — в правильном порядке: сначала внешняя перепонка, потом внутренняя.

«Блин! — подумала Скади. — Что теперь, всегда блокировать любой люк или шлюз, через который проходишь?»

— "Карандаш", ответьте Багуте-Централь! «Карандаш», у вас все в порядке на борту? Немедленно ответьте, вы находитесь в...

— Да слышу я вас, слышу, уроды, — зло сказала Скади. — Даже если бы я ответила, вы меня услышите только через полчаса...

Потом задумалась. Вот именно. Полчаса задержки. Багута же взывала к ней так, будто «Карандаш» и диспетчерскую-Централь разделяют световые секунды, а не три десятка минут.

Что-то тут не так.

Мысли потекли в новом направлении, но Скади не смогла удержаться и вызвала в экран-куб карту биоконтроля. Как и следовало ожидать, единственная синяя точка пребывала в овале рубки; саркофаг белесой кляксой застыл посреди первого грузового. Полнейший, можно сказать, порядок. Зачем-то Скади запросила еще и статистику по люкам и шлюзам. Все закрыты, и все — герметично, как и полагается. «Интересно, — подумала Скади. — Почему мне так приятно находить все новые и новые подтверждения тому, что все нормально? Что страхи мои чертовы не более, чем плод подстегнутого воображения?»

— Ладно, — охрипшим голосом произнесла она вслух. — Разберемся-ка к с закрытой зоной...

Она запустила вспомогательную программу системы наведения и попыталась составить гравитационную модель окружающего «Карандаш» пространства. В конце-концов, опасность для яхты класса «полста» могут нести лишь две вещи: гравитационный очаг, чем бы он не являлся — кораблем, астероидом или черной дырой; либо излучение. Если излучение — то небывалой силы. А вот с очагами сложнее.

Подозрительных очагов в непосредственной близости от «Карандаша» обнаружилось сразу три.

Самый крупный — некое достаточно массивное тело — двигался по касательной к текущему курсу «Карандаша». В принципе, столкнуться с этим телом яхта не должна была, но проход с рядом с такой машиной, да еще если учесть, что машина эта движется со вполне космической скоростью... В общем, легкую яхту могло швырнуть в сторону, а могло просто захватить — если своевременно не сманеврировать движителями, конечно.

Два других очага находились значительно дальше, и ими Скади решила заняться попозже.

Довольно быстро Скади установила, что ближайшее тело более всего походит на астероид. На обычную малую планету, каких в любой стабильной солнечной системе тысячи. Но в этом астероиде обычного было мало. Во-первых, местный пояс астероидов лежал значительно дальше от Багуты — между крайней планетой земного типа, Багудой-4, и ближайшим к звезде гигантом. Скади сейчас находилась «ниже» плоскости эклиптики, приблизительно на равном расстоянии от обитаемых планет — Багуты-2 и Багуты-3. Курс Скади держала на Багуту-2 — эта была ненамного, но ближе. Да и освоили ее раньше, если искать солидную научную базу, то явно сначала на Багуде-2.

Странный астероид также пребывал вне плоскости эклиптики — еще «ниже» «Карандаша», и стремительно нагонял крошечную по сравнению с собой яхту. Вывод напрашивался сам собой — этот астероид вовсе не принадлежит системе Багуты. Это чужак. Захваченный, что маловероятно, поскольку астероиды исчезающе редко блуждают в космосе от звезды к звезде; либо, что скорее всего, посланный сюда. И, судя по тому, что система наведения не смогла уловить возмущений массы и искривления пространства, посланный Роем. Единственной формой жизни в освоенной части Вселенной, которая могла без заметных энергетических свистоплясок перемещать крупные небесные тела. Скади когда-то видела учебный фильм, один из эпизодов которого был посвящен финишу звездолета Роя. Матово-серый, словно подсвеченный сумраком шар возник из пустоты мгновенно, просто материализовался в

нужной точке с практически нулевым дрейф-моментом, и ни один прибор земного корабля-наблюдателя не зафиксировал каких-либо необычайностей. Точно так же, словно тень из чужого измерения, звездолет Роя через некоторое время канул куда-то за барьер.

Минут через десять Скади убедилась, что два других гравитационных очага – не что иное, как сферические звездолеты Роя. Они резво тянули вслед за астероидом, который постепенно гасил скорость. Прикинув собственную скорость и расстояние до этой блуждающей глыбы, Скади поняла, что проще замедлиться и пропустить ее, а потом уж лечь на новый курс к Багуте-2.

Не тут-то было. Едва Скади запустила сингулярники на торможение, астероид тут же подкорректировал курс – так, чтобы по-прежнему идти на перехват.

И сразу неприятно засосало под ложечкой, сразу покрылась мурашками кожа. Еще толком не отойдя от последних внутряхтенных сюрпризов, Скади столкнулась с сюрпризами внешними. К Рою Скади всегда относилась настороженно – а как еще можно относиться к чужой и совершенно непонятной расе? Те же свайги, цоофт и азанни в сущности не слишком отличались от людей. Даже кристаллы а'йеши в плане мышления и психологии оказались поразительно похожи на землян и на другие расы. Другое дело – Рой. О нем никто толком ничего не знал. Никто не понимал его целей и мотивов, никто не представлял внутренней организации, никто внятно не мог представить возможности этого сообщества – Рой всегда оставался эдаким похожим на свои звездолеты серым шаром: видно – что-то есть, а рассмотреть получше невозможно – не подступишься. Рой не вмешивался в дела союза, все взятые на себя обязательства всегда выполнял и требовал неукоснительного соблюдения всех соглашений и договоров от союзников. Союзники обыкновенно соблюдали и выполняли – ссориться с Роем никому не хотелось.

Именно поэтому неожиданное внимание Роя к «Карандашу» напугало Скади.

И невольно пришлось связать необычное поведение Роя с окутанным ореолом тайны грузом яхты. Скади нутром почувствовала, что игра, затеянная вокруг саркофага, неизмеримо сложнее и масштабнее, чем ей показалось вначале. И оттого собственная ничтожность перед лицом неведомых сил ощущалась невероятно остро. Кому понравится роль камешка между молотом и наковальней? Во всяком случае, не Скади фри.

Астероид нагонял ее даже быстрее, чем показалось сначала. Он менял скорость и направление полета, казалось, без всяких скидок на инерцию и перегрузки. Тщетно Скади пыталась уйти в сторону на сингулярниках – ее попытки без труда сводились на нет дьявольской подвижностью более чем стокилометровой каменной глыбы. Она еще не видела астероид на обзорниках, но масс-детектор чертил в кубе экрана объемное изображение астероида и показывал точное расстояние до него.

Два звездолета Роя следовали на некотором отдалении и без ненужных ускорений. Наверное, они ничуть не сомневались в успешности собственной охоты на маленькую человеческую яхту.

Спустя пятнадцать минут Скади взяли в захват; сингулярные движители, не в силах справиться с мощью захвата, захлебнулись и свалились в аварийный режим;

«Карандаш» по идее должен был лечь в дрейф, но астероид уже привычным манером прыгнул на добрую тысячу километров и оказался совсем рядом; яхта тотчас начала затяжное падение на поверхность.

Гравиподушка Скади не спасла бы: Рой использовал поля такой напряженности и силы, что ресурс накопителей «Карандаша» выплеснулся бы в доли секунды. А еще вернее – гравипривод не справился бы с выделенной за единицу времени энергией и вместо яхты в космосе образовалась бы крохотная область нелинейности, которая схлопнулась бы в доли секунды, и от Скади в этой Вселенной не осталось бы ни атома.

От «Карандаша» и саркофага – тоже. Но, впрочем, Рой на Скади и «Карандаш» имел свои виды. И что-то подсказывало – на саркофаг тоже. Скади на миг даже пожалела, что ввязалась в развернувшуюся вокруг этого чешуйчатого ящика игру. И – какая ирония! – именно в этот момент желание узнать, что же кроется там, внутри, стало жгучим и нестерпимым. Как никогда раньше.

На поверхность астероида она, вопреки ожиданиям, не упала. То есть, умом Скади как раз понимала, что Рой гонялся за нею вовсе не затем, чтобы расшибить в лепешку. Просто даже такое неспешное падение до предела обострило дремучие животные инстинкты – Скади с трудом поборола желание надеть скафандр и сигануть в пустоту. Куда угодно – лишь бы подальше от этого рокового кораблика. При определенном везении она даже могла через некоторое время достичь орбитальных станций Багуты-2.

Кстати, Багута-Централь голоса по-прежнему не подавала, хотя Скади несколько раз пыталась их вызвать. Радиосигналы уже должны были достичь Централи, да и ответ успевал прийти. Но эфир как сделался больше часа назад девственно чистым, так и пребывал таким же. Скади подозревала, что это дело рук Роя. Рук, лап, щупалец — чем там обладают особи Роя?

На обзорнике астероид походил на округлую заплесневелую головку сыра. Сходство с сыром, безусловно, придавали многочисленные темные пятнышки — не то широоченные шахты, не то глубокие кратеры. Даже какое-то смутное шевеление угадывалось там, во тьме этих кратеров.

От пережитых тревожений у Скади разыгрался жуткий голод. Когда терпеть стало совсем уж невозможно, она взялась за бласт, попыталась успокоиться, и отправилась на камбуз. Полумрак аварийного освещения тоже не добавлял бодрости, но кое-как насытиться Скади все же сумела.

Заглянула она и в грузовой отсек. Мрачно оглядев равнодушно-неизменный саркофаг, Скади вышла в твиндек, снова заблокировала сегментник и вернулась в рубку.

Сферические корабли на этот раз обнаружили совсем рядом с яхтой, куда ближе астероида. Но заинтересовало Скади не это. К «Карандашу» приближалось длинное изломанное образование, немного похожее на елочную гирлянду или на лохматую нить прибрежных водорослей. Даже не требовалось особого увеличения, чтобы понять: эту исполинскую нить буквально усеивают особи Роя — словно паучки летящую паутинку. Только паутинка эта летела в вакууме и при температуре, близкой к абсолютному нулю.

Тот факт, что особи Роя достаточно долго способны существовать в условиях открытого космоса, известен практически каждому жителю Галактики. И тем паче — выпускникам Академии.

— Что ж вам от меня нужно, твари вы чертовы? — прошептала Скади, тоскливо глядя на обзорник.

Паутинка приближалась.

Когда от «Карандаша» ее отделял какой-нибудь километр, целая стая «паучков» оторвалась от насеста и устремилась к яхте. Скади не понимала — за счет чего двигаются «паучки». Не за счет же первоначального толчка? Тогда большая их часть должна миновать «Карандаш» и унести прочь, в пустоту. Но даже безмозглые по людским меркам рабочие особи Роя не были начисто лишены инстинкта самосохранения — не стали бы они сигать на собственную погибель.

И верно — большинство «промазавших» в последний момент подкорректировало полет и благополучно облепило несчастный «Карандаш». Кое-кто все же «промазал»; Скади проводила этих «паучков» даже с некоторым сочувствием во взгляде, но потом заметила, что от основной паутинки отделилась ветвь помельче и, постепенно ускоряясь, направилась следом за ними. Попутно Скади подумала, что движением «паучков» в космосе вполне могут управлять дистанционно, тем же гравизахватом. Странный, конечно, метод, но кто в состоянии хоть полслова поведать о методах Роя? Кто способен их оценить?

«Паучки» тем временем не мешкали — около нескольких толстопузых экземпляров засуетились десятки особей помельче. Что-то они там затеяли, снаружи. Вскоре Скади поняла что именно: они ткали большой, метров пятнадцати в диаметре белесый пузырь. Пока пузырь расправляли десятки тонких изломанных лапок, с паутинки доставили нового «паучка» — куда крупнее обычных рабочих, продолговатого и толстого, как тюрингская колбаска. Едва этот «колбасоид» оказался внутри пузыря, тот стал стремительно надуваться, принимать правильную шарообразную форму. «Колбасоид», видимо, использовался Роем в качестве баллона с воздухом и вдобавок еще как компрессор. Еще не до отказа надутый шар «паучки»-рабочие прилепили в районе шлюза.

Просить Скади добровольно отворить створки Роя не пришлось в голову — или что там у маток Роя вместо головы?

Когда пузырь окончательно надулся, «колбасоида» спровадили назад на паутину; сквозь полупрозрачные стенки прилепленного к «Карандашу» кокона видно было, как несколько рабочих возятся у внешних створок. Скади поймала себя на мысли, что с неподдельным интересом следит за действиями Роя. За действиями его исполнителей. И даже большая часть страха куда-то безвозвратно испарилась. И чувство собственного бессилия перестало угнетать. В ней проснулось почти детское любопытство перед неведомым.

А потом сервис-пакет равнодушно сообщил потерявшей власть над кораблем капитанше: «Внешний шлюз открыт. Давление за бортом нормальное; состав атмосферы за бортом в пределах допустимых отклонений.»

Это «за бортом» Скади очень понравилось. Она встала и, стараясь не торопиться, пошла к внешнему шлюзу.

Первый «паучок» встретился ей сразу за поворотом твиндека. Вблизи он скорее напоминал большого, размером с собаку, коричневого термита. Перед Скади он ненадолго задержался, ощупал штанины комбинезона двумя парами усов-эффекторов и деловито засеменил дальше по коридору. Разговаривать с ним было бессмысленно — рабочие Роя не умеют разговаривать. Тут нужна особь-переводчик, и облик именно таких особей Скади был знаком лучше всего.

Вот только ни одного переводчика среди нескольких десятков проникших на борт «Карандаша» чужаков Скади не обнаружила.

Спустя какие-то минуты рабочие уже сновали везде — в рубке, в каюте, на камбузе, в ванной, в твиндеках.

И, конечно же, в грузовых отсеках. Какие могли быть сомнения?

На Скади рабочие не обращали совершенно никакого внимания, словно ее вообще здесь не было. Они ползали по стенам, цепляясь за висящие кабели и найтовочные концы, толпились перед саркофагом, распотрошили во втором мешок с вещами какого-то из предыдущих капитанов — один из рабочих (как показалось Скади — задумчиво) волочил по полу ярко-красную футболку с большой девяткой на спине.

Естественно, больше всего Скади заинтересовала реакция Роя на саркофаг. Она даже втайне понадеялась на то, что шустрые «термиты» сумеют вскрыть эту чешуйчатую диковину, а значит Скади и перед Коллегой не провинится — ибо попробуй этих хитиновых уродцев остано-ви — и любопытство удовлетворит.

Но рабочие вскрывать саркофаг не торопились. Они облепили его со всех сторон, влезли на верхнюю плоскость; вся эта милая компания беспрерывно двигалась, ползала, шевелила эффекторами...

Первое время Скади в их действиях не могла усмотреть никакой системы. Но потом действия рабочих стали по-настоящему осмыслены: они быстро и удивительно сноровисто освободили саркофаг от силиконовых шнуров найтовки и дружно повлекли к открытому люку.

— Эй! — заорала в смутении Скади. — А меня вы решили не спрашивать? Ну-ка, бросьте!

На ее слова, естественно, никакого внимания не обратили. Скади нервно взялась за бласт, но выстрелить все-таки не решилась. Сомнут ведь ее, не успеет всех положить. К тому же, их снаружи еще не меньше сотни. Лучше не злить...

Но ведь саркофаг уходит! Что она скажет Коллеге?

А что ему говорить? Правду. Расскажет все, как есть. Против Роя в одиночку не попрешь, слабо.

Саркофаг протащили мимо рубки. Скади заглянула — рубка уже была пуста, ни одного рабочего внутри. Здесь, похоже, ничего не тронули. Ряд кубических экранов показывал пространство вокруг «Карандаша». Паутину, сферические звездолеты, звездный рисунок на бесподобно-черном фоне... Иногда сквозь экран, вытесняя все, величаво проплывал какой-нибудь шальной «паучок»-«термит», и можно было вдоволь полюбоваться математически безукоризненному рисунку пластинок на хитине.

— Блин, — сказала Скади растерянно. — Что ж делать?

Она метнулась к пульту — запустить браузер мгновенной почты было минутным делом. Только бы Коллега оказался на месте...

Чужак будто услышал немую ее мольбу. Он отозвался сразу, словно жил рядом с почтовым терминалом.

— А, — протянул он, еле шевеля губами. — Объявилась! Я уж заждался, чуть меры принимать не начал.

— Коллега, — не очень вежливо перебила его Скади. Но на церемонии не оставалось времени. — Дело — табак! Я атакована.

— Кем? — чужак вперил в нее пронзительный взгляд своих огромных — по людским меркам — глаз.

— Роем.

— Ты где?

— В системе Багуты.

Скади показалось, что Коллега очень хочет спросить, что она тут делает, но не собирается зря тратить время.

— Что с саркофагом?

— Его тянут на выход. Я ничего не могу поделать, этих тараканов тут не меньше полусотни. А снаружи — и того больше.

— Они вскрывали саркофаг?

— Нет. Открепили и сразу потащили к шлюзам.

Если бы Коллега сейчас ругнулся и грохнул по чему-нибудь кулаком — Скади ничуть не удивилась бы.

Но он лишь сухо бросил:

— Ни во что не вмешивайся!

И отключился.

Некоторое время Скади тупо глядела в очистившийся экран. Такого оборота событий, она, честно говоря, совершенно не ожидала. Ожидала какого-нибудь внятного совета, предложенной линии поведения, указаний. «Не вмешиваться» — это ведь не указание. Это, как говорили предки, «голова в кустах». Такое и поведением-то назвать совестно.

Саркофаг как раз пронесли сквозь внешний шлюз.

Скади с неожиданно навалившимся отчуждением наблюдала, как рабочие готовят шлюз к задраиванию.

Пароль для них будто бы не существовал...

Едва шлюз закрылся, и датчики герметичности самодовольно зажгли зеленые глазки, Скади вернулась в рубку. Ей было прекрасно видно, как пузырь с саркофагом и десятком-другим «термитов» внутри пустился в обратный путь к паутине, а паутина в свою очередь — к астероиду. Итог ее короткого и сумбурного странствия казался закономерным: неведомый груз навсегда потеряется в летающем муравейнике, и никто никогда его больше не увидит. Если Рой так заинтересовался этой штуковиной, из своих многочисленных лапок он ее уже не выпустит.

Но и тут Скади ошиблась. Пронзительно заверещал детектор масс, и вокруг «Карандаша», в опасной близости, стали вспухать финишные сферы. Одна за другой. Да такие здоровые, что стоило ожидать прибытия целого флота в составе нескольких суперкрейсеров, не меньше.

«Карандаш» рисковал стать крупинкой соли в бурлящем котле. На сингулярниках уходить было некуда. А на просчет пульсации не хватало времени.

Оставалось одно — уповать на удачу. В любой игре не обойтись без удачи, и в этой тоже. И, как всегда, игра пошла вовсе не по ожидаемому сценарию. В играх с высокими ставками всегда так.

«Одно радует, — мрачно подумала Скади Фри. — Скучно не будет... Это уж как пить дать.»

Первым из-за барьера вывалился линейный рейдер азанни — огромная, напоминающая двояковыпуклую линзу машина. Опорный рейдер крыла. Скади неотрывно глядела в экраны.

— М-да, — пробормотала она. — Редкий случай, когда гора пришла к Магомету, а не наоборот...

А ведь какие-то три-четыре часа назад она намеревалась отыскать этот рейдер и просить у азанни содействия.

За три минуты вблизи «Карандаша» финишировало еще семь рейдеров и десятка два крейсеров поскромнее. Детектор масс сходил с ума. Крыло азанни охватило сферу радиусом около пяти тысяч километров; оба звездолета Роя и астероид находились внутри этой сферы. Паутина к этому времени преодолела больше половины пути к поверхности астероида.

И вот тут-то началась форменная баня. Азанни без всякого промедления атаковали Рой. Всей мощью оружия. Сферические звездолеты в мгновение ока искорежило и размазало, словно кашу по столу. Астероид вспух сразу в нескольких местах и разлетелся на мириады обломков самой разной величины. «Карандаш» так трянуло гаснущей нелинейностью, что коротко вякнул и заткнулся центральный компьютер — похоже, его сложнейшие кристаллы потеряли первоначальную структуру. Экраны тотчас погасли, Скади осталась слепой и глухой. Основной свет тоже погас, но слава богу, ожила аварийка, работающая не от генераторов, а от батарей. Но самым плохим было то, что отключилась искусственная гравитация. Скади уже успела отвыкнуть от невесомости, и с трудом сумела добраться до кресла, откуда ее выкинуло. Пришлось пристегнуться. По обшивке несколько раз что-то гулко бухнуло — должно быть обломки астероида. Вообще-то до него было далековато, но оружие, основанное на искажении линейности пространства, так безжалостно мнет мир, что осколки могут оказаться в нескольких световых минутах. А то и дальше. Обшивка «Карандаша» пока выдерживала, но попадись осколок покрупнее... Вряд ли он проломит обшивку — крепка, зараза. Но динамический удар мог запросто убить Скади и dokonать уцелевшую технику.

Впрочем, столкновения быстро прекратились.

Скади оторопело висела на ремнях; в голове мутилось от внезапного перехода к невесомости. Никак она не могла воспринять совершенно ошеломительную новость:

азанни атаковали Рой. Это что? Конец союзу? Немыслимо. Немыслимо и страшно. Война? Снова война? И на этот раз не с пришельцами-нетленными, а внутригалактическая? Что творится-то?

Она пожалела, что последние дни была отрезана от новостей. А в данную минуту она не имела понятия не только о том, что творится в Галактике, а даже о том, что происходит в непосредственной близости от «Карандаша». А что-то происходило: вскоре Скади почувствовала, как появилась сила тяжести. Сначала слабенькая, едва прижавшая ее к левому подлокотнику кресла, но постепенно усиливающаяся. Она отстегнулась, и мягко спланировала на стену — «Карандаш» был сориентирован совершенно не по вектору гравитации. Через некоторое время яхту слабо тряхнуло, словно она упала с ребра на плоскость, а Скади сбросило со стены на пол. На штатный пол. Стены же снова стали стенами. Тяжесть нарастать перестала, но до земной явно не дотягивала — Скади чувствовала это без всяких приборов. Еще через некоторое время откуда-то из твиндека донеслось слабое шипение и потрескивание — Скади вручную кое-как открыла сегментник, выглянула, и тут же отпрянула.

«Карандаш» вскрыли, словно консервную банку. Вырезали часть обшивки купола. В уши словно ваты натолкали — давление рывком повысилось. Значит, сделала вывод Скади, ее принял на борт корабль азанни. Любой из рейдеров или крейсеров. Она глубоко вдохнула, ощущая еле различимый непривычный запах.

По какому-то странному капризу природы на материнской планете азанни тяготение было почти на треть слабее земного, а атмосфера немного плотнее. Скади довелось побывать на трех человеческих мирах: на Чагде, где она родилась, на Земле — когда училась в Академии, и на РOME. Конечно, на всех трех различалась и сила тяжести, и среднее давление. Но совсем ненамного. Родина азанни считалась аномальным миром, планет же, подобных Земле, РOME, Селентине, Офелии, Чагде, обеим Багутам, в Галактике насчитывались миллионы.

Скади лихорадочно соображала — что делать дальше и как себя вести с азанни. Но все было решено за нее.

В прорезанную дыру спланировали несколько крылатых силуэтов. В тесноте твиндека они двигались на удивление быстро, изящно и слаженно. Даже не успев схватиться за бласт, Скади получила заряд из биопарализатора и, беспомощно распахнув глаза, сползла по рубочной переборке на пол. Крылатые мелькнули и исчезли, рассасываясь по яхте. А потом кто-то невидимый выстрелил в нее еще раз, и Скади потеряла сознание.

Вероятно, в беспамятстве она пробыла довольно долго, ибо первое, что она ощутила, когда очнулась — острое чувство голода.

Она открыла глаза — высоко вверху куполом смыкался кремового цвета потолок, усеянный тонкими извилистыми полосами чуть более темного оттенка. Скади полулежала на некоем подобии стоматологического кресла; руки и ноги были вмертвую закреплены. Голова тоже — шевельнуться Скади не смогла. Ожили только глаза и мышцы лица. Впрочем, это могло быть остаточным действием парализатора — мышцы обретают чувствительность и подвижность не все скопом, а помалу, группами. Рядом кто-то тонко прошебетал — Скади узнала речь одной из высших рас союза — птиц Азанни. Понимать она эту речь не понимала, но отличить от клекота цоофт или шипения свайгов была вполне в состоянии.

Кресло дрогнуло и наклонилось еще больше. Теперь наклон его составлял градусов сорок пять к полу, а то и больше. Одновременно вернулась способность шевелить головой. Головой, и ничем больше. Скади осмотрелась.

Просторный зал с кольцевым подиумом по периметру мог бы служить местом проведения баскетбольного матча. Азанни по размерам не превышали индюка, но они умели летать, и поэтому питали страсть к воистину гигантским помещениям.

На хитроумном сооружении, напоминающем помесь кресла и птичьего насеста восседал взъерошенный азанни в пестром комбинезоне. Комбинезон походил на короткие штаны с широкими плечевыми лямками; отверстиям для крылушек полагалось быть достаточно большими, чтобы не стеснять движения крыльев во время полета. А вот обувь азанни скорее смахивала на человеческие перчатки — ведь птичкам, чтоб сидеть на своем хитроумном насесте, от ног требовалась хватательная динамика.

Чуть сбоку от азанни в пестром комбинезоне на длинном общем креслонасесте восседало еще пятеро. Их одежда выделялась на фоне кремовых стен угольной чернотой. Вокруг в боевом облачении — шлемах и броне — цепочкой растянулись солдаты с излучателями в крылушках. И, наконец, рядом с обездвиженной Скади на узком полукруглом возвышении, похожем на недостроенную стену, стояли трое азанни

в белых комбинезонах — почему-то практически у всех рас белые одежды означали принадлежность к врачам или ученым.

— Ты слышишь нас, homo? — прошептал один из белых азанни на интере. — Слышишь? С трудом разлепив губы, Скади прохрипела:

— Да. Слышу.

Белый, который задавал вопрос, обернулся к пестрому:

— Все в порядке. Она пришла в себя.

— Приступайте, — тоже на интере прошептал пестрый.

Понимать адаптированные под речевой аппарат азанни звуки интера оказалось совсем несложно. Скади впервые в жизни столкнулась с настоящими чужими — если не считать, конечно, недавний визит Роя на борт «Карандаша».

Попутно Скади подумала, что раз между собой азанни после ее пробуждения говорят тоже на интере, а не по-своему, значит, кодекс высших рас вроде как соблюдается. Это приободрило.

Но не слишком.

— Назови себя, homo, — на этот раз скрипуче велел белый.

— Скади Фри, Республика Скарца, доминанта Земли.

— Что ты делала в системе, принадлежащей иной расе, и какова была цель контакта с кораблями Роя?

— Может быть вы для начала назовете себя и объясните почему я обездвижена? — сдержанно произнесла Скади.

Белый смешно, бочком, перепрыгнул по стене-возвышению, так, чтобы встать точно напротив Скади. Его совиное, покрытое сероватым пухом лицо и круглые немигающие глаза, его маленький чуть загнутый клюв — все это поразило Скади такой явной чужеродностью, такой нечеловечностью, что стало трудно дышать.

— Послушай, homo! Ты целиком в нашей власти и ни одна живая душа не подозревает о твоей участи. Здесь вопросы задаем мы — так говорите вы, люди, когда хотите подчеркнуть свое превосходство. Мы хотим узнать от тебя все, что нам интересно, и мы это узнаем. Так что отвечай, и лучше на серди нас. Что ты делала в системе Багуты? Почему не отвечала на запросы Централи?

Скади поняла, что придется выкладывать все. Вообще все — без утайки и хитростей. Ведь ее жизнь действительно не имела сейчас никакой ценности — кто из людей знал, что она сюда направится? А если бы и знал? Чем бы это помогло Скади?

— Я выполняла частный грузовой рейс. В полете возникла необходимость связаться с какой-нибудь исследовательской станцией. Ближайшая была на Багуте, я сюда и прыгнула.

— Что ты везла?

— Сама не знаю. Ящик какой-то. Мне запретили его вскрывать и вообще трогать.

— Где этот ящик сейчас?

— Не знаю. Его захватил Рой.

— Почему ты пустила на борт Рой?

— Я никого не пускала. Они сам проникли, и я не в силах была им помешать.

— Как ты связалась с Роем?

— Я с ним не связывалась. Едва я финишировала в пределах Багуты, рядом финишировали два корабля Роя и подвижный астероид. В этот же момент прервалась связь и Централью, поэтому я и не ответила. Мою яхту взяли в захват, вскрыли внешние шлюзы и вынесли груз. Потом появились вы. Я сама ошеломлена — все так быстро произошло...

— Кому первоначально принадлежал твой груз-ящик?

— Я не знаю имени. Инопланетянину, по-моему, оаонс-перевертышу. По крайней мере, я с ним договаривалась.

— Как ты с ним связывалась?

— Яхта еще совсем недавно тоже принадлежала не мне. Прежний владелец сел на один из космодромов в системе Скарца и вскоре погиб в результате несчастного случая. Как работник космодрома я проводила досмотр яхты и обнаружила на борту настроенный и оплаченный броузер мгновенной почты, одноканальный. Естественно, я его задействовала и мне ответил оаонс-перевертыш, тот самый. Он предложил мне выкупить яхту и доставить груз в указанное место. Я согласилась.

— Кем ты служила на космодроме?

— Сержантом службы спасения.

— У тебя хватило средств на выкуп яхты?

— У меня — нет. Но мне перевели необходимую сумму. И даже больше.

— Куда ты должна была доставить груз?

— Точно не знаю, мне задали транзитный курс с первой промежуточной точкой в системе Амазонки.

— На каком носителе тебе задавали курс и прочие данные?

— На стандартном лазерном диске принятого на Земле и земных колониях формата.

— Где он сейчас?

— На яхте, в драйве соответствующего привода.

— Ты лжешь, homo. Там его нет. Мы тебя предупреждали, не нужно нам лгать.

Скади растерялась.

— То есть — как это нет? Буквально перед тем, как вы раскурочили мою яхту, диск находился в драйве. Я говорила с перевертышем. Если его стащил какой-нибудь ваш солдат — я-то в чем виновата?

Дикая боль хлестнула по каждой клеточке, и Скади судорожно выгнулась на своем неудобном ложе, немилосердно выворачивая закрепленные суставы рук и ног. Это длилось совсем недолго, но и за считанные мгновения она успела испытать такие страдания, каких не испытывала никогда в жизни. А чуть погода — краткий миг блаженства, когда боль бесследно исчезла.

— Попридержи свой лживый язык, homo. Лучше тебе рассказать всю правду: и где находится диск, и где сейчас груз, и какие у тебя дела с Роем. У нас впереди вечность, и страдать тебе придется очень долго. Ты все равно не выдержишь и расскажешь нам все и даже чуть-чуть больше. Так зачем страдать попусту? Говори сейчас, и, возможно, ты даже останешься в живых.

У Скади перехватило дыхание. Только сейчас она в полной мере осознала, насколько крупно вляпалась. Она всегда знала, что когда-нибудь умрет, но пока срок маячил где-то далеко за годами — не слишком о подобных вещах задумывалась. А теперь, когда смерть вдруг стала близкой и реальной, Скади остро захотелось жить.

Отчаянно, до стужи в душе. Она обнаружила, что совершенно не готова к смерти. Ее обуял страх, такой всепоглощающий первобытный страх, что казалось он способен выплеснуться наружу и затопить огромный зал по самый купол.

— Я клянусь вам, что говорю правду, — срывающимся голосом крикнула Скади. — Все происходило именно так, как я говорила! Почему вы мне не верите?

Азанни оставался совершенно бесстрастным, и оттого еще больше походил на крупную сову, напавшую на белый комбинезон.

— А почему мы должны верить тебе, homo? Ты ведь уже однажды солгала нам.

— Я не лгала! Я говорила только правду!

— Так почему же диска нет там, где ты говоришь?

— Не знаю! Я была без сознания! Может быть, вы сами его вынули из драйва!

Все азанни в зале, за исключением разве что солдат, дружно засвистели. Наверное, смеялись.

— Ты глупый и желторотый птенец, homo. И выдумки у тебя детские. Даже лгать ты как следует не умеешь — приборы сходят с ума, улавливая страх, который от тебя исходит. Говорящий правду страха не испытывает. У тебя есть последний шанс рассказать все. А потом мы возьмемся за ментоскопирование — настолько глубокое, насколько получится на твоём примитивном мозге.

У Скади из глаз градом катились слезы, и сдержать их она не могла.

Глубокое ментоскопирование означало практически стопроцентный распад личности. То есть, ту же смерть.

— Мамочка, ну что я вам могу рассказать... — всхлинула Скади. Самообладание окончательно покинуло ее.

Азанни выдержали паузу — около минуты. Потом пестрый с насеста негромко прошептал:

— Мы теряем время, Анайта. Приступайте.

— Слушаюсь, досточтимый пик!

И — чуть тише:

— Поехали, ребята...

Словно в насмешку, даже эта фраза прозвучала на интересе. Скади еще раз всхлинула, и попыталась изгнать из себя стремительно расширяющуюся пустоту. Ничего у нее не вышло.

Голова снова оказалась обездвиженной; к вискам прикоснулось что-то холодное и твердое, а потом холодно стало всей голове. Из-за слез Скади уже ничего не видела — ни суетящихся на стене азанни в белом, ни солдат, ни кремового потолка. Почему-то перед глазами встала чешуйчатая поверхность злополучного саркофага. Безмолвная и равнодушная.

А потом раскаленная игла впилась ей прямо в мозг. Мгновение боли — и мир утонул в ослепительной, как взрыв сверхновой, вспышке.

Личность Скади Фри распалась в результате ментоскопирования спустя несколько земных часов – азанни-нейрохирурги с удивлением отметили, что ничего отличного от рассказанного ею на допросе реконструировать из воспоминаний не удалось. Тело прожило еще почти четыре месяца, и впоследствии было продано клинике по синтезу жизненно важных органов на Багуте-3, где и было разобрано на эти самые органы. Яхта «Карандаш» подверглась тщательному осмотру, сотрудники контрразведки пирамиды Азанни-Таинант чуть ли не вылизали каждый квадратный дюйм, но никаких следов астронавического диска или броузера мгновенной почты все равно не отыскали. После дознания яхта в малоприспособном для восстановления состоянии упокоилась на одном из резервных складов флота шат-тсуров с Багуты-4. Ни сразу после уничтожения крылом азанни астероида и кораблей Роя, ни когда-либо впоследствии Рой не предъявил конклаву пирамид никаких претензий. Тщательное сканирование и прочесывание пространства в месте боя не дало никаких результатов – азанни и шат-тсуры находили только обломки астероида. Таинственный груз человеческой яхты исчез бесследно. В систему Багуты вскоре прибыло и второе крыло пирамиды Таинант, и оставалось там около пяти местных циклов, приблизительно шесть земных лет, пока конклав не призвал силы в другое место.

Этап четвертый: Шат Унген, Shat-Tzoor, Багута – Ван Трейа – Морита Грифона.

Четырнадцать земных лет спустя.

Астероид попался здоровый – даже по меркам местного пояса. Иные камешки в поясе крупнее естественного спутника Багуты-3, который всего-то вчетверо меньше самой планеты.

Катер-штольня отделился от рудной базы; унтер, видно, решил не ждать полных результатов разведки, а сразу брать удачу за хвост и приниматься за дело. – Разведка, к высадке! – пропел он сиплым от алкоголя голосом.

Еще два столетия назад шаты не знали что такое алкоголь. Участь расы-сателлита, малозавидная даже при взгляде издалека... Все решают за тебя – что тебе есть, что тебе пить, сколько и с кем тебе трахаться, кем и как интенсивно работать. Шат Унген по прозвищу Мотыга жалобно уркнул и полез из гамака.

Конечно, жить под пятой самодовольных наседок-азанни – участь на редкость тоскливая. Но, с другой стороны, среди шатов тогда не было законченных пьяниц, как отец. Шаты практически не знали воровства – а теперь что? На прошлой неделе у четвертой бригады сперли две штольни, и никаких концов унтеры отыскать не сумели! График бурения сорвали ко всем исамарам, премиальные, понятно, тютю, и в отпуск теперь неизвестно когда выпустят...

Люди пошатнули незыблемое превосходство пяти высших рас над остальными обитателями Галактики. Но они же и ввергли всех без разбору в грязь, в беззаконие, в произвол... Борк знает еще во что. Разве стал бы брат Шат Унгена Мотыги вором, а сестра проституткой, если бы шаты остались сателлитами азанни? Разве отец умер бы от пьянства, а мать – от нищеты и болезней? Вряд ли. Работали бы себе где-нибудь на Багуте-3 под присмотром начальника-азанни... Не роскошествовали бы, это факт, но не пришлось бы и бедствовать.

Мотыге повезло – он не стал вором, как брат; ну а участь сестры он по понятным причинам разделить не мог вовсе. Он сумел устроиться в горняцкую артель, по полной программе отпахал четыре цикла на Багуте-4, а потом был отобран военным ведомством для работы в поясе астероидов. Вероятно, сыграло свою роль стойкое предубеждение Мотыги против алкоголя – брат его родился куда здоровее, но за несколько лет превратился в развалину. А Мотыга здоровье не травил, работал много, но не через силу, и мало-помалу перерос старшенького. Стал и ростом выше, и в ключицах пошире, и мышечные узлы нарастил – будь-здоров, не скрипи! – Мотыга! – зычно заорали из коридора. – Ты что, в полусон впал?

– Иду-у-у-у!!! – пропел Шат Унген в полную силу воздухополости. Со стола сдуло тоненький листик пластика – распечатку сестриног письма, что вчера пришло.

Мотыга снова вспомнил о семье и тяжело уркнул. Брат – Борк с ним, сам из последнего ума выжил. А вот сестренку жалко... Как подумаешь, что трахают ее всякие уроды с монетой, так все наизнанку выворачивается. А с другой стороны – как ей еще на жизнь заработать? За обучение платить родители не могли. Вот она и не смогла работу найти – кому нынче нужны неучи? А в горняцкую отрасль баб не

берут, разве что в администрацию. Но там все теплые места присижены — что у начальства из шатов родственников мало? Впрочем, сестра вовсе не считала свою участь печальной. Монета у нее водилась, и, надо признать, пожирнее, чем у Мотыги. Правда, свободы сестричка не знала никакой: что и когда босс велит — изволь тут же изображать. Но, опять же, у Мотыги, что ли, босса нет? Только и разницы, что унтером зовется, а так — босс и босс.

А еще Мотыга не любил планетарные города. Как пацаном впервые попал в пространство (уборщиком на грузовоз Багута-3 — Багута-2 сумел устроиться. За половинную плату, разумеется, иначе взяли бы взрослого), так сразу и сообразил — тут его место. Среди звезд. Ну, не в том смысле, что шастать от звезды к звезде — Мотыга еще ни разу не вылетал за пределы системы Багуты — а в том, что когда не глянь наружу, а там звезды. И не только над головой, но зачастую и под ногами тоже, когда приходится работать в пустоте.

— Мотыга-а-а-а!!!

— Иду-у-у-у!

Вслед за письмом на пол свалилось перо-самописки, но поднимать Мотыга не стал. Пустотный комплект он уже прикрепил, привычно затянув ремни под ключицами, надел специальные башмаки с двигателями в подошвах, взял тубу с инструментом и вышел в коридор.

Шат Урима, напарник и закадычный приятель Мотыги, носил прозвище Сизый. Наверное, за цвет скелета на груди, действительно сизый какой-то до неприличия. У Мотыги скелет везде был, как и положено, здорового коричневого оттенка. Впрочем, у Сизого необычный окрас сложился вовсе не из-за болезни. Просто он в пустоте работает уже циклов тридцать, говорит, это вроде загара. У старых пустотников даже спина светлеет вроде бы.

Только где они — старые пустотники нынче? Стубила их неожиданная свобода от опеки наседок-азанни... Сожгла вседозволенность. Дотла.

А жаль.

— Куда на этот раз? На поверхность? — поинтересовался Мотыга.

— Не знаю еще, — Сизый придирчиво осмотрел напарника. — Опять ремни не затянул как следует?

— Трут, — пожаловался Мотыга. — Я привык со слабиной.

— Вот рванет гравитикой как-нибудь, вылезет тебе твоя слабина промеж ключиц, — проворчал Сизый. — Затяни сейчас же, а то я сам затяну.

Мотыга вздохнул, и подчинился. Сизого он уважал — за опыт, за готовность этим опытом поделиться и подсказать новичку если вдруг что не так. Да и просто за доброту уважал.

Сизый зыркал на него, опустив передужье. Убедившись, что Мотыга затянул ремни пустотного комплекта как полагается, Сизый довольно уркнул и пихнул Мотыгу в ключицу:

— Шевелись, птичья пожива! Унтер сегодня что-то рвет и мечет — не иначе ему начальство передужье натерло по самое не могу. Еще озверееет.

И они поспешили на штатное место в разведочном боте. В дряхлой керамической конструкции, сработанной еще рудокопами довоенной эры, но тем не менее исправно, цикл за циклом, служащей горнякам обеих Багут.

Едва они доложились унтеру, заняли свои ниши и пристегнулись (Сизый снова придирчиво глядел на то, как манипулирует ремнями Мотыга, но, кажется, на этот раз остался доволен), бот отстрелился. Мотыгу и остальных горняков вдавило в нишу. Рабочий день начался.

Унтер привычно затянул песню, и горняки дружно подхватили, перекрывая гул переборок. Чем еще занять время перед сменой, если не песней?

Когда бот коснулся поверхности и разведка повалила наружу, невдалеке как раз садилась штольня. Садилась сразу в вертикали; вокруг рыжей от коррозии свечи вились боты с гравитолкачами.

— Так! — пропел унтер перед неровной шеренгой горняков. — Начнем, пожалуй. Делим направления на восемь секторов, по сектору на двойку. Глубоких проб не брать, сначала исследуем приповерхностный слой. В первую очередь металлы и углеродные связи. Встретятся разломы или естественные шахты — исследовать с повышенным вниманием. Будут интересные результаты — докладывать вне графика. Поехали, первый сектор — Шаман, второй — Капелька, третий — Сизый, четвертый — Передуга...

Когда перекличка завершилась, а унтер ушел в кабину разведчика, напарник пихнул Мотыгу в ключицу и первым запрыгал вглубь отведенного сектора. Мотыга

пристроился следом. Прыжки выходили высокими и плавными — сила тяжести на астероиде была очень низкой.

— Эх, легкость какая! — радостно пропел Мотыга. — Так бы и прыгал, так бы и скакал...

— Гляди, на орбиту заскочишь, — проворчал Сизый. — Ты хоть осматривайся, когда в верхней точке. Вдруг и правда разлом какой случится...

Периодически они останавливались, запускали сканирование и составляли изомерные карты — по отклонениям в структуре породы можно было сделать весьма полные и интересные выводы о залегающих поглубже слоях. Понятно, что ни Сизый, ни Мотыга самостоятельно никаких выводов сделать не могли, для этого нужно быть инженером и иметь под рукой приборы с вычислителями. Но практика полевой работы тоже стоила немало — в разведку попадали только лучшие. Мотыга уже не раз с удовлетворением думал, что в разведку идти — не кайлом махать.

Хотя, конечно, кайлом махать при нынешней-то технике приходилось исключительно редко... В наказание разве что, да еще в критических ситуациях — когда штольню на Виззкри завалило с четверть цикла назад, например. Тогда все, включая унтера намахались...

Работа была не тяжелая, и не легкая. Мотыга как всегда быстро впал в задумчивое состояние и все действия выполнял чисто механически, по привычке, а мыслями витал где-то вдалеке — вспоминал сестру, от которой накануне получил письмо, думал, чем займется в отпуске... Низкое тяготение тоже не слишком заботило шат-тсуров — горняки привычны к работе в любых условиях.

В середине смены Сизый пробурчал что-то о странностях — Мотыга и сам отметил, что поверхность астероида чересчур неровна, много сколов, мелкой крошки, россыпей — такое впечатление, что совсем недавно на его поверхности разыгралась какая-то катастрофа со многими взрывами. Время обычно стирает эти следы, даже в космической пустоте, если времени проходит достаточно. Но тут его прошло явно недостаточно.

Впрочем, какое им дело? Так даже лучше — если этот астероид на самом деле обломок более крупного — вполне могут обнажиться богатые и перспективные пласты, а это компании только на руку.

Очередной разлом обнаружил Мотыга — он как раз закончил сканирование и сиганул из низинки на возвышение. Еще на подъеме он увидел слабо темнеющую немного в стороне продолговатую черту. Это его удивило — на лишенном атмосферы астероиде тени обычно были резкими и очень контрастными, даже при включенном нокторежиме. В несколько десятков прыжков Мотыга добрался до разлома; Сизый возился чуть ли не у близкого горизонта и выглядел предельно поглощенным работой.

Вблизи разлом больше походил на трещину во льду — почти прямой, а не зигзагообразный, как остальные. Множество светлой пыли скопилось у его краев и, наверное, внутри, на отвесных склонах. Тени перестали казаться блеклыми, совершенно непонятно почему. Мотыга заглянул в разлом, подсвечивая себе, и убедился, что тот очень мелкий, ун двадцать-двадцать пять всего, мелочи. С десяток-полтора ростов шат-тсура. Не задумываясь, Мотыга соскочил на дно разлома. И почти сразу заметил круглый, уводящий куда-то под поверхность, цилиндрический ход, похожий на нору сугароза.

Мотыга озадаченно уркнул, и связался с Сизым.

— Эй, старина! Я тут кое-что странное нашел. Дыра какая-то. Нехарактерная.

— Где?

— Следи... — Мотыга запулил в низкую и очень яркую звездную путаницу, что нависла над астероидом, свечу-сигналку. Оставляя быстро рассеивающийся дымный след, в небо вознеслась еще одна звездочка — зеленоватая. Запусти Мотыга красную — переполошились бы шаты и в разведботе, и при штольне, да и с орбиты могли заметить. Красный — цвет тревоги и опасности. У любой расы. А зеленый — просто рабочий сигнал, проводят взглядом, и вернутся к сиюминутным заботам. Свеча возносилась все выше и выше — тяготению астероида не под силу было вернуть ее на поверхность.

— Вижу, — сказал Сизый почти сразу. — Сейчас буду.

Он появился даже быстрее, чем Мотыга ожидал. Видимо, как раз закончил сканирование и свернул инструмент перед сигналом.

— Что тут у тебя? — справился он, медленно падая на дно разлома.

— Во! — показал рукой Мотыга. — Скажи, на нору сугароза похоже? Хоть ружье бери...

Сизый внимательно оглядел стены, дно под башмаками, и машинально поскреб грудь — до экзоскелета он, конечно, не добрался, мешало поле скафандра.

— М-да. Странное местечко. Мне кажется, что этот коридор искусственный, — прокомментировал Сизый.

Мотыге стало одновременно и весело, и страшно, и любопытно. Он, как и все шахтеры-пустотники, мечтал о встрече с чужим разумом, и побаивался ее. Ведь не может быть, чтобы союз открыл все до единой расы Галактики и добрался до всех без исключения артефактов старины? Кому, как не им, горнякам, наткаться на древние следы ушедших цивилизаций?

— Искусственный? — переспросил Мотыга, даже не пытаясь скрыть восторг.

— Ага, — подтвердил Сизый. — Я, конечно, не специалист, но от этой дыры за много ун несет... только не сугарозом, как ты решил, а Роем.

— Роем! — по-детски восхитился Мотыга. — Никогда не встречался с Роем.

— Радуйся, что не встречался, — проворчал Сизый. — Кстати, это нам знать вообще-то не положено, но вблизи Багуты где-то вне плоскости эклиптики циклов двенадцать назад случилась какая-то стычка с Роем... Я у унтера на рабочем экране директиву недавно подсмотрел.

— Правда? — насторожился Мотыга. Ему вполне хватало сообразительности, чтобы связать закрытую директиву и сегодняшнюю находку. Если они и впрямь связаны, то следует немедленно доложить унтеру и напроць забыть о том, что существует любопытство и личная инициатива.

— Доложим? — так и спросил он более опытного напарника.

— Это всегда успеется, — Сизый решительно шагнул к дыре. — Сперва глянем. Почти сразу они поняли, что ошибиться им не суждено. Совсем недалеко от входа в коридор они наткнулись на труп рабочего Роя. Иссохший, совершенно утративший воду. Рабочий лежал на боку, скрючив шесть суставчатых лап. Некогда округлое брюшко сморщилось и целиком втянулось под твердую спинную пластину. Головогрудь потеряла былой глянец и припала мелкой светлой пылью, которой вокруг по-прежнему было ненормально много.

— Этот из Роя? — прошептал Мотыга потрясенно. Мертвый инопланетянин из высших внушал ему неясный трепет.

— Да, — сказал Сизый, разглядывая труп. — Это малый рабочий, самая многочисленная форма, если верить брошюрам корпорации...

— А живых ты видел когда-нибудь? — поинтересовался Мотыга.

— Нет. Даже по телеку. Ну, если не считать кино, конечно, но ты ведь знаешь, что в кино такую чушь обычно снимают...

— Мне нравится кино, — заявил Мотыга. — Только там в основном солдат Роя показывают, а не рабочих.

Сизый коротко и неопределенно уркнул, а затем направился дальше. Мотыга невольно оглянулся на высохший труп, и последовал за напарником.

Вскоре им попался еще один мертвец, тоже рабочий, и еще один, и еще. Седьмой по счету труп был заметно крупнее остальных и несколько иначе сложен.

— О! — сказал Сизый и озадаченно остановился. — А это большой рабочий. Интересно, кого мы встретим дальше?

Дальше им встретились еще несколько малых рабочих, трое больших и четыре неопределенные формы, видимо, специализированные особи. Кроме трупов горняки не видели ничего — никаких орудий труда, никаких изделий, вообще ничего.

— Отчего они умерли? — тихо спросил Мотыга, когда Сизый задержался у очередного тела.

— Не знаю. Наверное, от отсутствия воздуха. Или от холода. Или от голода.

— Да, — дошло наконец до Мотыги. — Они же без скафандров! Как я сразу не сообразил!

— Особи Роя могут некоторое время функционировать в открытом космосе и на поверхности планет с агрессивными атмосферами, — назидательно оттопырив указательный палец процитировал Сизый, — а также на поверхности планет начисто лишенных атмосферы, либо с крайне разряженными атмосферами. Улавливаешь?

— А давление? — удивился Мотыга. Способность особей Роя обходиться без кислорода его не слишком впечатлила. Но вот способность выживать в вакууме... Это действительно поразительно. Это высший пилотаж выживания.

— Не тому ты удивляешься, Мотыга, — скучным голосом пропел Сизый. — Ты подумай, Рой в двух шагах от нашего дома что-то затевает, рабочих своих присылает, которым надлежит сидеть в гнезде и работать, а не по космосу шастать. А? Сообразил?

Мотыга даже присел слегка.

«А что, если тут и живые особи Роя найдутся? Как они нас воспримут? Как врагов?»

— Надо унтеру доложиться, — убежденно сказал Мотыга. — Как бы не нарваться на какую-нибудь штучку...

— Так и сделаем, пожалуй, — согласился Сизый. При этом он то и дело фокусировал взгляд на ближайшем труп. Мотыге показалось, что будь трупов поменьше, Сизый настаивал бы на более подробном осмотре. А так... Лучше перестраховаться, с этим Мотыга спорить не собирался.

Сизый уже вызывал унтера.

— Эй, контора! — с деланным весельем пропел он в эфир. — Разговор есть.

— Чего вам? — отозвался унтер спустя некоторое время.

— Пошли на директ, — предложил Сизый. — У нас тут накололось кое-что...

Унтер безропотно переключился на выделенный канал, и теперь никто из посторонних не мог прослушать их разговор — аппаратура кодировала каждый импульс.

— У нас тут мертвяки, — небрежно сообщил Сизый. — В количестве.

— Свежие? — живо заинтересовался унтер. — Просто на грунте? И кто — шаты?

— Нет, не шаты. Рабочие Роя. По-моему, очень свеженькие, несколько циклов от силы. Тут нора какая-то, мы слегка спустились. Но еще не все осмотрели.

У унтера даже голос изменился.

— Рой?!? Уа-у-у-у... Так, Сизый, утреннее задание отменяется. С места — ни шагу до особого распоряжения. В эфир — ни слова. С канала не уходить ни при каких обстоятельствах! Да, и кто там с тобой? Мотыга? Пусть выберется наружу и дежурит на поверхности. Все, вас сейчас вызовут...

Унтер суетливо переключился, но синий индикаторный пиксел и не подумал погаснуть — каналу присвоили приоритетный статус.

— Ты понял? — Сизый обернулся к Мотыге. — Засуетился, как будто ему перцу на задницу насыпали. Что-то тут будет...

— Мне вернуться к выходу? — деликатно справился Мотыга.

— Подожди пока, — Сизый повертел головой, оглядываясь, и Мотыге показалось, что он очень не хочет оставаться в одиночестве.

Унтер не заставил себя долго ждать.

— Сизый!

— Я! — бодро отозвался напарник. Мотыга, затаив дыхание, вслушивался.

— Слушай вводную. Насколько вы углубились в канал? В нору эту вашу?

— Ун на триста-триста пятьдесят.

— Пройдите глубже. У вас видеодатчик есть? Трансляцию сообразить.

Сизый вопросительно взглянул на Мотыгу, и тот виновато присел. Не было у него датчика — зачем он нужен в поиске? Мотыга горняк, а не репортер.

— Нет у нас датчика.

Унтер что-то неразборчиво пропел, торопливо закольцевав мелодию на полутакте.

— Ладно... Тогда сообщайте на словах все, что увидите. Все, вперед!

Мотыга взглянул на индикатор, и понял, что к каналу подключился еще кто-то. Напрямую, в режиме клиента через терминал унтера.

Сизый призывно склонил голову, обошел застывший посреди хода труп рабочего и направился вглубь, прочь от выхода. Мотыга двинулся следом за ним. Лучи осветителей скользили по шероховатым стенам, выхватывали из тьмы зернистую породу, скупо припорошенную все той же светлой пылью.

Уже через пару десятков ун они наткнулись на обширную камеру-пещеру. Посреди камеры возвышалась темная гора в три роста шата и площадью у подножия ун пять на ун пятнадцать. Впрочем, подножие было неправильной формы. Вокруг в одинаковых скрюченных позах валялись трупы малых рабочих и еще какая-то членистоногая мелочь.

— Матка! — прошептал Сизый изменившимся голосом. — Мотыга, мы с тобой нарвались на транспортный астероид Роя!

— Со мной? — тупо переспросил Мотыга.

— С тобой, с унтером, со всей нашей конторой! Это не астероид Багуты! Это астероид Роя, пришлый! А еще скорее — не целый астероид, а обломок. Поэтому у него такой необычный рельеф поверхности.

Мотыга как раз соображал, почему Сизый пришел к такому выводу, и вдруг в некоем случайном озарении взглянул на гору в центре камеры несколько иначе, и понял, что это тоже труп. Труп огромной особи Роя, мало похожей на рабочих, но все же что-то общее в строении тела у этого гиганта и у рабочих просматривалось. Больше всего Мотыгу поразило полное отсутствие у гиганта ног. Хотя, они могли прятаться под тушей...

Эта, как назвал Сизый «матка», лежала иначе, чем остальные трупы. Рабочие большею частью замирали на боку, скрючившись и сведя вместе суставчатые лапы.

Матка лежала спиной вверх, свободно вытянувшись. Вероятно, она была не слишком подвижной при жизни, и смерть ничуть не изменила ее позы.

У стен Мотыга углядел несколько десятков белесых клубков. Высотой они достигали шату пояса; форма если и отличалась от идеально шарообразной, то весьма мало. Около них загадочной светлой пыли наблюдалось куда больше, чем в коридоре и остальном пространстве камеры.

— Унтер! — вызвал начальство Сизый. — Я нашел камеру с огромным трупом, наверное, маткой. Что делать?

Ответ пришел немедленно:

— Ничего не трогай, военные уже ложатся в пульсацию. Они вот-вот высадятся. Ты отправил Мотыгу к выходу?

— Да, — соврал Сизый, и выразительно взглянул на напарника. — Он вот-вот доберется. Вызвать его?

— Как доберется, пусть доложит.

— Эй, напарник! Ты слышал?

— Слышал! — выдавил Мотыга.

Вторично намекать было не нужно: благодарно махнув напарнику рукой, он со всех ног кинулся к выходу из камеры. Но бежать было неудобно — низкий потолок мешал прыжкам. А в канале бежать и вовсе не получалось: Мотыга отталкивался от неровностей стен и довольно быстро приближался к разлому. Вскоре он выскочил под открытое небо; пяточек у входа в канал стискивали близкие отвесные стены.

— Унтер! — уняв дыхание позвал Мотыга. — Я на месте.

— Оч-хорошо, — глотая слюги пропел унтер. — Гляди в оба. Увидишь катера военных — сигнал свечками. Можешь даже красными. И не жалея, твой запас я уже списал...

— Понял, унтер! Гляжу в оба!

Мотыга немедленно подпрыгнул во всю силу ног, помог импульсом двигателей в подошвах и высоко вознесся над разломом, а потом стал медленно-медленно, словно на парашюте, опускаться. Так он и подпрыгивал время от времени: с высоты было легче следить.

Военные появились спустя полтора принятых в системе Багуты часа. Мотыга в очередном прыжке заметил быстро проплывающие у горизонта яркие звездочки и одну за одной принялся выпускать в зенит свечи-сигналки. Звездочки сначала замедлились, а потом стали стремительно увеличиваться в размерах.

Вскоре четыре оперативных корабля и транспортник легли на грунт у самого разлома. Из верхнего люка транспортного крупой посыпались вояки — шаты в легких скафандрах. У каждого к бедру был пристегнут регулярный лучевик работы азанни, но адаптированный специально под кисти шат-тсуров.

Шат-офицер — и не унтер какой-нибудь, а целый полковник! — соскочил с брони рядом с краем разлома, вплотную к поджидающему Мотыге.

— Где канал? — без предисловий начал он.

— Там! — указал Мотыга вниз. — На самом дне.

Полковник несколькими повелительными жестами раздал приказы; часть солдат оцепила участок местности. Мотыга с удивлением отметил, что вояки развернули даже три турельных орудия. Мало им, что ли, бортовых систем огня на катерах? Видимо, мало...

Десятка три солдат выстроились в шеренгу на самом краю разлома. Два лейтенанта что-то доложили полковнику, но Мотыга их не слышал — военные использовали свою частоту связи. Скорее всего, напрямую с Мотыгой сможет разговаривать только полковник. Остальные — в лучшем случае через унтера или горняцкий ретранслятор.

— Веди! — скомандовал полковник и Мотыга послушно прыгнул на дно разлома.

Солдаты по очереди сигналят следом.

Кроме солдат за Мотыгой последовали трое шатов в гражданских скафандрах. Все трое были обвешаны приборами, словно рекламные столбики — голограммами, и поэтому Мотыга решил, что это научники. «Наверное, биологи. Или специалисты по Рою», — подумал он, боязливо оглядываясь. Ему казалось, что полковник сейчас на него рявкнет, чтобы не глазел зря по сторонам, а вел, куда приказано. Но полковник молчал. Может быть, оттого, что Мотыга оглядывался не стоя на месте, а на ходу?

Поди угадай!

У первого трупа полковник велел задержаться. Ребята с аппаратурой присели на корточки и некоторое время колдовали над останками рабочего. Потом дружно встали на ноги. Мотыга снова не услышал их рапорта, но он и не надеялся что-либо услышать. Хотя ему было до жути интересно — что же такое сообщают начальству эксперты?

Вторично научники задержались у трупа большого рабочего, а потом — у каждой из специализированных особей. Задержки всегда получались короткими, словно экспертиза мертвых представителей Роя была делом совершенно обыденным и привычным для каждого из научников. Впрочем, — что мог знать о работе военных экспертов горняк Мотыга? Вдруг им и вправду часто приходится осматривать мертвые особи Роя?

В камере с маткой не оказалось Сизого, и Мотыга сначала немного струхнул, но напарник почти сразу вынырнул из дальнего канала. Видимо, решил не сидеть на месте пока Мотыга встречал вояк, а осмотреть тут все как следует. Похвально! Хотя, Мотыга честно признал, что сам вряд ли бы набрался отваги в одиночку шастать по дебрям астероида Роя. Кто знает, вдруг тут не только трупы встречаются...

— Я там еще кое-что обнаружил, — пропел Сизый, обращаясь к полковнику. Как показалось Мотыге — пропел как-то очень уж невесело и озабоченно. — Там, в следующей камере.

Сизый указал на темное пятно канала, откуда только что вышел.

— Веди, — полковник по-прежнему отличался немногословием. Один из экспертов, лейтенант и несколько солдат остались у мертвой матки Роя; остальные, и среди них Мотыга, последовали за Сизым. Мотыга пошел по собственной инициативе — и его никто не одернул.

Канал привел в камеру, похожую на предыдущую, только трупа матки здесь не оказалось. Зато нашлись трупы солдат Роя — даже Мотыга их без труда опознал, хотя солдаты выглядели далеко не так свирепы, как в фильмах. Впрочем, могут ли скрюченные трупы выглядеть свирепы? Повреждений на солдатах не было, а значит они умерли по той же причине, что и остальные особи Роя.

Посреди камеры возвышался чуть сплюснутый с вершины шарообразный кокон. Он был сплетен из похожих на светлую паутину тончайших нитей; внутри просматривалось что-то темное и массивное. Эксперты на миг остолбенели (это заметил даже Мотыга), а потом с таким остервенением схватились за свои приборы, что ничего не оставалось, кроме как предположить, будто они столкнулись с самой важной тайной со времен возникновения Галактики, и имели хорошие шансы эту тайну разгадать. А, может, так оно и было? Есть ли в союзе более загадочная раса, чем Рой? Даже ледышки-а'йеши на деле оказываются близкими и понятными, особенно с того времени, как им приглянулось грязное человеческое мировоззрение. Такими делами стали ворочать... Люди могут отдыхать.

А Рой был и остается непостижимым и неприступным. На то он и Рой.

Вдруг и правда раскроют какие-нибудь его секреты? Тогда имя Шата Унгена по прозвищу Мотыга вполне может войти в историю. А что?

«...оставался малоизученным и замкнутым сообществом вплоть до момента, пока горняки корпорации „Минералы Багуты“ Шат Урима и Шат Унген во время рядового поискового рейда не обнаружили...»

Что именно они обнаружили — Мотыга надеялся заучить потом. Пока он увидел только несколько десятков трупов да округлый кокон неизвестно с чем внутри.

«Кстати, — подумал Мотыга. — Если особи Роя могут некоторое время выживать в вакууме, то кокон явно способен оставаться живым дольше, чем активные организмы. Это аксиома, как говаривал биолог инструктор на вечерних занятиях...»

Мотыга очень любил вечерние занятия на базе и охотно их посещал. Практически без пропусков.

— Эй, чего стоишь? — Мотыгу дернули за рукав. — Помогай!

Мотыга очнулся и послушно вцепился в какой-то прибор, который его заставили держать. Полковник что-то лихорадочно и беззвучно выпевал в микрофон на тоненьком усике. Солдаты кольцом охватили объект изучения и как-то нехорошо поигрывали лучевиками. Словно могла возникнуть необходимость отстреливаться. Кокон тщательно просканировали, несколько раз засняли, а кристаллы с записью бережно упрятали в аварийный кофр; прискакал третий научник, и «мозги на ножках», как дразнили ученых военные, принялись длинно и азартно спорить, периодически вызывая к кому-то на связи. Понятно, что Мотыга об этом мог только догадываться, но как опытный пустотник, не один час наработавший в эфире и художественно разбирающийся в переговорах по связи, без труда отслеживал включения на дежурный график. Он даже попытался втихую подстроить свою систему на частоту военных, но безуспешно. Впрочем, он не очень и надеялся — конечно, военные работают в закрытых диапазонах, аппаратура горняков на них просто не настраивается. Да плюс кодеры-декодеры, модуляторы-демодуляторы... Мало ли хитроумных штучек придумали и внедрили в обиход «мозги на ножках»?

Вскоре из темного канала прибыло пополнение: еще несколько научных и двое азанни. Вид бывших хозяев расы шат-тсуров Мотыгу и вовсе вышиб из колеи. Птички все еще играли в судьбе шатов немалую роль, хотя уже и не решающую. Но бывали случаи, когда они вмешивались, и зачастую — очень бесцеремонно. Как сейчас.

Полковник сразу же поблек и отошел на второй план; теперь парадом командовал крылатый коротышка в маленьком скафандре. Коротышка смешно хлопал крыльями в тщетных попытках взлететь, из чего Мотыга заключил, что безвоздушка ему в диковинку. Какой-нибудь кабинетный птиц, скафандр, небось, второй раз в жизни надел...

Второй азанни вел себя профессиональнее: крылья использовал в основном как руки, и с ходу принялся деловито руководить научниками-шатами. Те у него живо забегали, собирая из разрозненных частей сложную машинку с кубическим экраном и плоским клавиатурным лоскутом. Когда экран ожил и засветился, этот азанни уселся за клавиатуру, а научники подзвали солдат и, вроде бы, приготовились кокон вскрыть.

Прибор у Мотыги отобрали несколько раньше, и теперь отогнали от кокона к стене. Сизый стоял тут же и глазел на происходящее из-за спин полковника и лейтенантов. Даже с такого расстояния Мотыга был в состоянии разглядеть все, что возникало в толще экрана. А возник там первым делом прямоугольный брусок-параллелепипед, пропорциями сходный с интеррасовым кирпичом. Почему-то пропорции кирпича оказались приблизительно равными чуть ли не для всей галактики — и у азанни, и у цоофт, и у людей, и у шатов, и у булингов...

У разумных Галактики вообще слишком уж много общего. Мотыга часто об этом задумывался на занятиях.

Углы у бруска, вроде бы, выглядели сглаженными. А, может, это издержки сканирования, кто знает. Больше внутри кокона ничего настолько же плотного не просматривалось — только какие-то рыхлые клубки, скорее всего состоящие из той же «паутины», что и сам кокон.

По команде азанни двое научных взяли за резак. Тонюсенькие плазменные шнуры бросили на кокон изумрудно-зеленые отсветы. Аккуратно, словно при работе с бомбой большой мощности, научники вспарывали резаками оболочку кокона. Она распадалась на две половины; края получались неровными и подпаленными. Теперь кокон стал напоминать огромное яйцо какой-нибудь птицы, поврежденное мелким хищником.

Когда надрез стал достаточно большим, шаты-научники взяли за края и развели их пошире. Кокон раскрылся, будто диковинный цветок, и Мотыга впервые воочию увидел то, что впоследствии стал считать саркофагом.

Серая чешуйчатая глыба действительно со скругленными краями. Безмолвный и загадочный монолит, при виде которого Мотыге (да и остальным, наверное) показалось, что на них мельком взглянула Вечность.

Это было странное и пугающее ощущение; но пугающее не в смысле угрозы и опасности — нет, пугающее отсутствием границ, возраста, пугающее непонятным предназначением... Чужеродностью, в конце концов.

Мотыга остро ощутил, что обычные понятия к этой находке неприменимы. Вот, например, что значит мысль об отсутствии границ? Не размытость же линейных размеров он имел в виду! Что-то другое — находка, казалось, не была привязана к данному конкретному месту во вселенной. Она, принадлежала всей вселенной одновременно. И всем временам заодно. Веяло от нее чем-то необъяснимым, чем-то высшим.

Даже азанни вроде бы это почувствовали, а уж они-то насмотрелись в космосе на любые диковины.

Некоторое время научники, сбросив оцепенение, хлопотали у находки. Окончательно освободили ее от остатков кокона, замерили, вроде бы, в который уже раз осмотрели и ощупали. Что-то занесли в свои мудреные компьютеры. А потом азанни (оба) очень долго совещались — и между собой, и с кем-то третьим, по связи. Мотыга и Сизый переминались с ноги на ногу перед шеренгой солдат. Полковник и лейтенанты благоговейно взирали на неугомонных азанни, но не вмешивались — продолжали выжидать. Горняцкая смена уже давно закончилась, у Мотыги уже начало бурчать в желудках — хорошо, что никто, кроме него самого, не мог этого слышать. Когда их вызвал унтер, азанни еще продолжали совещаться.

— Эй, Сизый! Где вы там!

Сизый встрепенулся:

— Тут! На месте.

Мотыга тоже оживленно прислушивался — звук начальнического голоса был первым посторонним звуком за несколько часов.

— Можете возвращаться. За вами послали бот, он вот-вот сядет немного в стороне от разлома. Как поняли?

— Поняли, возвращаемся. Полковнику доложить?

— Не нужно, он уже в курсе. Просто разворачивайтесь и идите, солдаты вас пропустят.

«Пропустят? — подумал Мотыга мимоходом. — Интересно. А что, могли и не пропустить?»

— Пошли, Мотыга, — сказал Сизый, подхватывая с земли рюкзак с инструментом. — Жрать охота — спасу нет...

— Ага, — подтвердил Мотыга. — Мне тоже.

Солдаты пропустили их без возражений — даже не шевельнулись, когда горняки прыгнули сквозь оцепление к наружному каналу.

Под открытым небом оцепление тоже было. Двойное. Первая линия сразу около разлома, вторая — чуть в стороне. Развернутых орудий насчитывалось уже больше десятка, а над разломом застил небо гигантский блин крейсера азанни.

«Ну и ну! — еще больше изумился Мотыга, хотя еще мгновения назад ему казалось, что удивляться дальше уже невозможно. — Нешуточное дело... Ох, нешуточное...»

Горняцкий бот поднырнул под брюхо крейсера мизерной искоркой и быстро пошел на снижение. Несколько истребителей сопровождали его до самой поверхности. Сизый и Мотыга прыжками направились к месту посадки.

Удивительно, но унтер присутствовал в боте лично.

Едва задраили шлюз бота, Мотыга отключил поле скафандра и с облегчением погрузился в мир нормального звука. И нормального тяготения.

— Фу-у-у!!! Ну и денек! — выдохнул он с чувством.

Унтер с мобильником в руке только отмахнулся. Видимо, у него денек выдался не легче. Да и не у него одного, наверное.

— Перо, я семнадцатый, принял искомых на борт, разрешите взлет?

Пел унтер на интере. На интере же ему и ответили — высоким щебечущим присвистом азанни:

— Я Перо, взлет разрешаю. По рукаву не разгоняйтесь...

— Принято, не разгоняться.

И — уже напевом шатов — пилотам:

— Фаза! Слышал? Не гарцуй, сожгут к хрясиной папе, с них станется...

В горняцком боте не было внешних экранов, и поэтому Мотыга мог только догадываться, как мимо неспешно проплывает необъятная туша крейсера азанни. Сизый упал в нишу и расслабился. Пристегиваться на этот раз не пришлось — пилоты вели бот без ускорений, плавненько и размеренно.

Так и прибыли на базу — спустя еще час с лишним.

— Дуйте в столовую, и отдыхайте. На завтра все работы отменены, — сказал унтер после посадки. — Хорошо, хоть содержание всем сохранили за счет вояк, невзирая на простой...

Мотыга чувствовал: только это удерживает унтера от соблазна наорать на подчиненных, отыскавших такую хлопотную штуковину на заурадном астероиде.

— И вот еще что, — добавил унтер. — Поменьше пойте обо всем, что сегодня видели. Это так, бесплатный совет...

Мотыга озадаченно взглянул на Сизого.

— Пошли, — вздохнул Сизый. — А то у меня уже желудки светло...

Унтер повернулся и ушел в сторону административного сектора. Сизый с Мотыгой направились в противоположную сторону, в жилые.

— Он прав, Мотыга, — тихо пропел Сизый. — Никому ничего не говори. Военные из нас душу вытрясут, попомнишь мои слова...

Только сваливаясь спустя полчаса в гамак, после плотного ужина и ионного душа, Мотыга почувствовал насколько устал за сегодняшний день.

Ему снилась находка. Продолговатый чешуйчатый брикет, похожий на огромный кирпич, обломок фундамента мироздания. Мотыга почувствовал, что отныне его судьба неразрывно связана с этой холодной загадкой.

Навсегда.

Подъем Мотыга проспал. Прояснив взгляд, он невольно повернулся к хронометру над дверью каюты, и увидел, что уже почти полдень. Он испугался, что не услышал сигнал к началу смены, но на инфотабло светилась зеленая метка: «Работы отменены. Выходной.»

«Вот, значит, как, — подумал Мотыга. — И наутро разведку не возобновили... Однако, сколько власти у этих военных! Даже корпорацию вмиг приструнили. Она ж денег потеряет из-за простоя — подумать страшно!»

Однако, какое военным дело — потеряет корпорация доход или не потеряет?

До столовой и кают-компаний Мотыга не дошел — в коридоре у двери его каюты дежурил рослый долдон в сержантском мундире и с лазерником на бедре.

— Шат Унген? — справился он деревянным баритоном.

«Интересно, а кто еще может выходить из моей каюты?» — подумал Мотыга и утвердительно качнул головой.

— Мне поручено препроводить вас к командованию. Следуйте за мной.

Мотыга слегка растерялся.

— А-а-а... Я хотел позавтракать...

— Всем необходимым вас снабдят.

Мотыга вздохнул, и понял, что возражать бессмысленно. Спасибо и на том, что не стали будить — дождались, пока сам проснется. Прямо, вселенская вежливость по отношению к ничтожному горняку... Благодетели, ер-исамар...

Сержант предупредительно взял Мотыгу за локоть и мягко увлек за собой. Осталось расслабиться и ожидать подробностей.

Шахтерская братия, встретившаяся по пути, глазела на Мотыгу и сержанта с немим уважением и легкой завистью. Это слегка приободрило Мотыгу: не может быть, чтобы среди рабочих не поползли слухи, а раз есть чему завидовать, значит не все так плохо. Может быть, Мотыгу и Сизого даже наградят. Или повысят.

Хотя, — Сизого еще можно повысить до помощника унтера или даже до унтера. А Мотыгу? Маловато у него покуда опыта для такой работы.

В кабинете начальника базы было тесно и сизо от ароматического дымка. Несколько потешных с виду креслонасестов азанни сплошь были заняты птичками в официальных одеяниях; ниши для посетителей тоже все были заняты, а на диване рядом со столом начальника расположились четверо шатов явно высокого ранга — Мотыга разглядел многочисленные серебряные значки на одеждах. Сизый находился здесь же: восседал на высоком табурете перед столом начальника.

— Сержант Убарру, Шатта! Подопечный доставлен! — отрапортовал проводник, отпустил локоть Мотыги и вытянулся по стойке смирно.

— Вольно, сержант, — скомандовал вчерашний полковник с дивана. Несмотря на то, что он сегодня был в штатском, Мотыга его узнал.

Другой сержант проворно выдвинул на центр свободного пространства еще один табурет, тоже высокий, как в баре перед стойкой.

— Присаживайтесь, Унген, — предложил начальник базы ровным, совершенно лишенным эмоций голосом.

— Благодарю, — кивнул Мотыга и послушно взгромоздился на табурет. Сфокусировал взгляд на Сизом — физиономия у напарника оставалась вполне бесстрастной, из чего Мотыга заключил: ничего плохого пока не происходит.

— Итак, Шатта! Вот и второй герой вчерашнего дня. Надеюсь, вы как следует отдохнули, Унген, поскольку нам много чего предстоит сейчас обсудить, — пропел начальник базы на интересе, причем в официально-вежливом ключе. — УА, представьте его, пожалуйста.

Унтер Шат УА немедленно вскочил и сделал шаг от ниши к центру кабинета.

— Шат Унген, двадцать семь циклов от инициации, горняк-разведчик корпорации «Минералы Багуты», — начал он. — К работам привлечен семь циклов назад; четыре цикла провел на разработках Багуты-4, где проявил себя исполнительным и дисциплинированным работником. Был выдвинут в экспедиционный корпус и успешно прошел тесты на разведчика-пустотника. Последние три цикла трудится под моим началом, сперва на подсобных работах, а с недавних пор непосредственно в разведке, в группе «Изомера». Имеет два поощрения и плюс за сверхурочные работы на Виззкри. Исполнителен, корректен, старателен. Регулярно посещает вечерние общеобразовательные занятия, вредными привычками не злоупотребляет: даже пиво с товарищами не пьет, предпочитает безалкогольные настои. Имеет тенденцию к стабильному профессиональному росту и по моим прикидкам циклов через пять вполне мог бы возглавить разведгруппу.

Мотыга слушал, затаив дыхание. Вот, значит, какого мнения о нем унтер! Приятно, ер-исамар, очень приятно такое слышать в свой адрес!

— Как непосредственный начальник вижу в Унгене только один существенный недостаток: отсутствие должного образования.

Короткая пауза.

— Если у Шатта есть какие-нибудь вопросы — постараюсь на них ответить.

Унтер умолк и вопросительно зыркнул в сторону дивана.

— Есть вопросы, Шатта? — поинтересовался начальник базы. — Нет? Ну и прекрасно. Спасибо, УА, можете садиться.

Унтер слегка поклонился и поспешно юркнул в свою нишу.

— Вроде бы, подходящий парень, — пропел один из шатов с дивана. — Скажите, Унген, у вас есть пилотская подготовка?

— Общая, Шат... Шатта... — Мотыга запнулся, потому что не знал как обратиться к собеседнику. Но, видя, что все внимательно слушают его и, вроде бы, не слишком озабочены субординацией, продолжил: — Экспресс-курсы астрогации маломерных звездолетов со сверхмалым приводом и ручного управления в условиях ближнего космоса. Налетал двадцать циклов на «Сквизе», есть опыт старта и посадки на луну Багуты-4.

Лица сидящих на диване посветлели.

— Прекрасно! — удовлетворенно пропел вчерашний полковник. — То, что нам и нужно. Негромкий свист со стороны креслонаестов азанни заставил Мотыгу крутнуться на табурете.

— Унген, сталкивался ли ты с иными расами союза? Непосредственно?

Мотыга так и не смог определить, кто из азанни обращался к нему, поэтому ни на кого из гостей конкретно не смотрел. Поелозил взглядом по всем птичкам и ответил, стараясь, чтобы голос звучал поровнее:

— Да, сталкивался. С азанни несколько раз, в обстановке, приблизительно напоминающей сегодняшнюю. С булингами и ратэо — они работали на Багуте-4 вместе со мной, да и здесь на базе они присутствуют. Несколько раз видел издавека цоофт, свайгов, а'йешей, людей, ддра... и сенахе, по-моему. Вчера впервые видел мертвые особи Роя.

— Это все?

— Насколько я помню — да. Если не считать теле и фильмы, конечно.

— Теле не в счет. Ладно, ответ понятен.

И — остальным:

— Ну, что, (неразборчивый птичий свист)? Шатта? По-моему, вполне подходяще.

— Уши, — напомнил кто-то из азанни. Начальник базы тут же повелительно щелкнул пальцами, и один из сержантов тотчас распахнул массивную деревянную дверь в смежный кабинет.

— Урима, Унген, я прошу вас подождать в комнате отдыха, — сказал начальник базы.

— Я знаю, что вы оба еще не завтракали сегодня — стол накрыт, можете не стесняться. Когда вы будете нужны — вас позовут.

Сизый и Мотыга послушно соскочили с табуретов и прошли в соседнюю комнату. Видимо, начальник базы высоко ценил часы отдыха, если приспособил для отдыха подобную комнату: стены в ней были отделаны темными деревянными панелями, повсюду — в треугольных кадках на полу, в аккуратных горшочках на стенах — виднелись растения, причем живые, и не только с обеих обитаемых Багут, но и с материнской планеты шатов — Тсурры. В стены кто-то додумался встроить несколько аквариумов, и передние их стекла казались окнами в иной, сказочный мир. На всей обстановке лежала печать достатка и роскоши. Мотыга даже дыхание задержал от восторга.

Сержант, тот самый, который привел Мотыгу, вошел вместе с ними, плотно затворил дверь и встал рядом, моментально обратившись в подобие неживого и недвижимого истукана.

Сизый сразу пошел к накрытому столу. Мотыга сначала осмотрелся, повертел головой, подошел к ближайшему аквариуму и задумчиво постучал костяшками пальцев по стеклу. Рыбы тотчас устремились к поверхности — видать, оголодали.

— Ну что, брат-горняк? Вкусим с барского стола? Когда еще такая возможность обломится? — пропел Сизый и хитро подмигнул, словно заговорщик.

Мотыга перевел взгляд на стол. Чего тут только не было! Рот поневоле наполнился слюной, тем более, что есть хотелось и до того, как их с напарником пригласили в комнату отдыха.

А Сизый уже наваливал в блюдо снедь — закуски, салаты, мясо.. Да не синтетическое, а натуральное, судя по всему. Ломтиками.

Сержант от дверей пялился на них, словно цепной зверь на пирующего сугароза: голодно и с завистью.

— Эй, служивый! — с полным ртом обратился к нему Сизый. — Чего стоишь, иди к нам. Тут всего навалом.

Сержант колебался лишь несколько мгновений, а потом решительно выдохнул, приблизился и взял чистое блюдо.

— Живут же шаты... — пробормотал он с завистью.

Некоторое время тишину в комнате нарушало только мерное скрипение роговых челюстей, да редкое и довольное урканье Сизого. Мотыга не уркал — стеснялся.

Сержант — тоже, но, видимо, по велению дисциплины.

— Тут и вино есть, — задумчиво протянул Сизый, глядя на короткую шеренгу бутылок в центре стола.

— Я не буду, — решительно сказал Мотыга. — Налей мне соку, пожалуйста. Во-он того, с Тсурры...

Сизый с удовольствием налил. Себе — вина, Мотыге — соку.

— А тебе чего? — спросил он у сержанта.

Тот только отмахнулся: мол, сам разберусь. Сизый снова уркнул и залпом осушил стакан. Он не знал, что секунду назад единым махом заглотил свое месячное жалование — вино было коллекционным.

Они успели и насытиться, и расслабиться в удобных креслах. Сержант, понятно, расслабляться не стал — пожевал наскоро и вновь занял пост у дверей. Ну, а Сизый с Мотыгой позволили себе немного пороскошествовать. В одиночку Мотыга не решился бы, наверное. Просто посидел бы где-нибудь в уголке, но вид Сизого, блаженно развалившегося в необъятном кресле со стаканом в одной руке и сигарой в другой, соблазнил и его. Вина Мотыга так и не попробовал; да и Сизый в общем-то не налегал, понимая, что впереди важный разговор. После стартового стакана залпом, второй он потягивал по глоточку довольно долго. Мотыга пил сок, разглядывая сквозь свой стакан подсвеченные изнутри аквариумы. Стаканы, кстати, были какие-то древние, кажется хрустальные.

Когда дверь распахнулась и на пороге возник второй сержант, Сизый и Мотыга мигом вскочили.

За все время из кабинета в комнату отдыха не донеслось ни единого звука. Изоляция в пенатах начальства была сработана на совесть.

Мотыга отметил, что народу в кабинете изрядно поубавилось. Во-первых, исчезли все азанни, кроме двоих самых важных. Во-вторых, из шатов осталась только публика с серебряными значками, а полковник, начальник базы со своими заместителями, унтер — эти тоже куда-то подевались.

Едва Сизый и Мотыга взгромоздились на свои табуреты, один из обладателей серебряных значков поднялся с дивана и сделал несколько шагов к горнякам, почтительно замершим в ожидании дальнейших событий.

— Шат Урима! Шат Унген! Руководство корпорации решило поручить вам важную и ответственную миссию. Именно вам, ибо временное гнездо Роя на безымянном астероиде обнаружили вы. Не скрою, что результат этой миссии интересует не только корпорацию, но и военные ведомства Багуты и Тсурры. Вы зарекомендовали себя как дисциплинированные сотрудники и лояльные граждане. Успешное выполнение возложенной на вас миссии весьма благоприятно скажется на вашей карьере, общественном положении и принесет ощутимые материальные блага. Другими словами, вы будете щедро вознаграждены.

Вы избраны для того, чтобы сопроводить найденный астероид в иную звездную систему — я не уполномочен говорить какую именно, да и ничего вам ее название не скажет. Ваша задача — просто находиться в пределах смонтированного на астероиде жилого модуля и присматривать за гнездом Роя. За всем, что там находится, включая трупы особей Роя и найденные предметы. Вас снабдят всем необходимым — припасами, энергией, оборудованием, информацией. Икс-привод, который в данную минуту монтируется на астероиде, будет работать в автоматическом режиме и квалифицированного вмешательства просто не потребует. По прибытии в место назначения вас переправят назад средствами военного ведомства.

Вот, собственно и все. Сомневаюсь, чтобы вам понадобились еще какие-либо разъяснения. Инструкции по пользованию оборудованием найдете на стандартном компьютерном сростке в жилом модуле. Если у вас есть вопросы, я постараюсь ответить на них — насколько это возможно, конечно. Итак?

Сизый и Мотыга переглянулись.

— А-а-а... Сколько времени займет эта миссия? — осторожно справился Сизый.

— От двенадцати до двадцати четырех стандартных суток Багуты-2.

Сизый шумно выдохнул, и, потупив взор, тихо уточнил:

— Отказываться нам, я так понял, не рекомендуется. Верно?

Собеседник невозмутимо подтвердил:

— Если начистоту, то да. До завершения миссии все сопутствующие действия рассматриваются как секретные. Возможно — что и впоследствии они останутся засекреченными.

Мотыге стало одновременно и страшно, и радостно. Повеяло приключением — в какой-то мере опасным, а значит — захватывающим. Сколько раз он представлял себя на месте героев любимых фильмов! Может быть, получится испытать что-нибудь хоть капельку похожее?

— Что ж... — Сизый поерзал на табурете. — Тогда я согласен.

— Я тоже! — поспешно выпалил Мотыга. — Согласен!

— Прекрасно! Рад, что мы в вас не ошиблись. Времени у нас мало. Поэтому не станем тратить его впустую. Личные вещи вам не понадобятся, модуль на астероиде развернут по полной программе, и он шестиместный. Так что вам всего хватит с лихвой.

Сержант у входной двери демонстративно распахнул ее.

Сизый и Мотыга синхронно сползли с табуретов.

— От себя я добавлю, Шатта, — сказал шат с серебряным значком. — Удачи!

Сизый молча мотнул головой и зашагал к выходу.

К военному катеру их сопровождал целый эскорт — два сержанта и шесть рядовых, вооруженных до челюстей. Горняцкая братия продолжала издали поедать Сизого и Мотыгу взглядами.

Уже у шлюза в рукав, ведущий к пирсам и причальным докам, Сизый тихонько шепнул Мотыге:

— Ну и влипши мы с тобой, напарник...

Мотыга только еле слышно уркнул — почему-то получилось немного жалобно.

В нише катера, притянутый к полужесткой опоре, Мотыга пытался привыкнуть к мысли, что в жизни начинают происходить резкие перемены. Некоторое время не будет обычных смен и поиска в пустоте. Предстоит нечто совершенно новое и непонятное.

Поглощенный мыслями, Мотыга не заметил, как прибыли на место. Искусственное тяготение катера мягко отпустило, осталась только сказочная легкость, обычная для больших астероидов. На малых вес вообще почти не ощущается, и если оттолкнуться как следует, можно ненароком улететь в пустоту. Машинально натягивая предложенный пустотный скафандр, Мотыга подумал о том, что так и не успел отправить ответное письмо сестре. И если миссия затянется, сестренка может заволноваться... Он ведь всегда аккуратно и без промедлений отвечал на почту.

— Готовы? — немзыкально гаркнул пилот-капитан катера. — Открываю шлюз...

Воздух толчком выплеснулся из катера в забортную пустоту. На малых десантных кораблях стояли однослойные шлюзы, так уж повелось.

— Урима, Унген! Говорит полковник Уэсс. Вам надлежит покинуть катер, сориентироваться и пешком преодолеть расстояние до смонтированного жилого модуля. Там как раз заканчиваются работы, поэтому вас высадили чуть в стороне. Ориентируйтесь на вспышки вакуумного литья — литейщики еще не свернулись. Если что, вас подкорректируют со спутника. Подробные инструкции найдете в памяти компьютера на центральном посту. Есть вопросы?

— Есть, — осмелился Мотыга. — С поста можно будет отправить почту?

— Какую почту? — подозрительно спросил полковник Уэсс.

— Личную. Письмо сестре. Я не успел ответить...

— Ваших близких уведомят о кратковременном отсутствии в местах работы. Не стоит волноваться.

— Спасибо, — поблагодарил Мотыга совершенно искренне, и про себя подумал: почему военные всегда изъясняются так сухо и суконно? Будто и не шаты вовсе, а какие-то полуумные железные вычислители.

Мотыга следом за Сизым шагнул в раскрытый люк и пушинкой опустил на безжизненную поверхность астероида. Лучи корабельных прожекторов разгоняли слабенький свет звезд; небо казалось не угольно-черным, как обычно на астероидах, а чуть синеватым. Где-то за горизонтом отчетливо сияли зарницы вакуумного литья — заблудиться на астероиде мог только законченный идиот, либо совершенный новичок-салага, первый раз в жизни напяливший скафандр. Даже Мотыга, не говоря уж о Сизом, меньше всего боялся проскочить мимо жилого модуля.

— Сориентировались? — спросил полковник. В тоне его угадывалось безграничное терпение, присущее дрессировщикам и воспитателям.

— Да, мы видим вспышки, не беспокойтесь. Мы направляемся туда.

Сизый махнул рукой, и совершил первый пологий и длинный прыжок прочь от катера. Мотыга сиганул следом.

Едва они отделились прыжков на десять, катер величаво взмыл на антигравях, развернулся носом к звездам и скользнул ввысь. Ничто не изменилось на астероиде:

ни пыль не взметнулась, ни почва не дрогнула, ни звука не раздалось. Мертвый мир. Равнодушный.

Вскоре вспышки за горизонтом улеглись, но световое облако все равно прекрасно просматривалось издалека — не станут же строители сворачиваться в темноте? Полковник периодически выходил на связь и подгонял Сизого с Мотыгой, заодно подбадривая сообщением, что они двигаются в верном направлении. Словно они сами этого не понимали.

Призрачные свечи взмывающих кораблей возвестили о том, что Сизый и Мотыга остались единственными живыми существами на астероиде. Если, конечно, где-нибудь в недрах не затаились особи Роя, каким-либо образом сумевшие уберечься от смерти.

«Интересно, — подумал Мотыга, — а почему Рой не снабжает своих рабочих и солдат скафандрами? Тех, что работают в пустоте? Неужели жизни отдельных представителей Роя так мало значат, что ими можно смело жертвовать? Какая-то варварская философия. Чуждая даже жестоким и бездушным сверх всяких мер людям.»

Корабли строителей перестали взлетать, но свет (уже не за горизонтом, а просто впереди) и после этого не погас. Несколько прожекторов заливали площадку недавних работ ослепительно-белым светом, и ярко освещенный пятачок посреди мрачной пустыни выглядел настолько же чужеродно, насколько и привлекательно. Любое живое существо — безразлично, разумное или нет — тотчас устремилось бы туда. Беда только в том, что в этой пустыне могут встретиться только разумные. Да и то не по своей воле, а посланные чьей-нибудь высочайшей властью.

Мотыга как никогда остро ощутил, что прежняя уверенность в населенности космоса — не более чем детское заблуждение. Космос большей частью пуст и мертв. Жизнь — лишь слабый налет на поверхности некоторых миров, песчинки на границе бесконечной пустыни. Жизни нужны воздух и вода, нужны органические соединения, которые могут существовать только при соблюдении сотен условий и факторов, а условия эти соблюдаются крайне редко. И только благодаря воистину невообразимым размерам галактики в ней все же довольно мест, где способна зародиться жизнь. Но любой носитель разума рано или поздно осознает, что мест, где жизнь невозможна, неизмеримо больше.

Мотыга протяжно уркнул и едва не ткнулся в спину замершего на краю обрыва Сизого. Они уже достигли границы освещенной зоны.

— Пришли! — сказал Сизый с чувством.

Внизу лежал тот самый разлом, который они обнаружили вчера.

Только вчера.

Но как он изменился!

Нет больше части дикого отвесного склона — вместо склона теперь жизнерадостный фасад стандартного жилого модуля «Шестерка», вживленного в тело астероида. Прямо в скалу. На противоположном краю обрыва — ажурная мачта маяка дальней связи. Вокруг — прожектора на тонких суставчатых тягах. Груда бесформенных глыб чуть в стороне — вынутая порода.

— М-да, — впечатленно протянул Сизый. — Основательно тут поработали! И как быстро — меньше чем за сутки...

— Спускайтесь к шлюзу, — не дал полюбоваться полковник.

Если честно, он уже немного раздражал Мотыгу своим навязчивым вниманием.

— Слушаюсь... — пробормотал Сизый и шагнул с обрыва.

Где-нибудь на любой из Багут этот шаг стал бы последним в его жизни. А здесь Сизый всего лишь начал медленное и совершенно безопасное падение с высоты раз в десять-пятнадцать превышающей его рост.

Пустотники практически начисто лишены страха высоты. Иногда это губит их.

Мотыга приземлился рядом с Сизым; тот со скептическим выражением лица изучал панель управления шлюзом.

— Ты погляди! — пропел он со странной смесью удивления и недоверия в голосе. — Да это крепость, а не жилой модуль!

Мотыга заметил в узком простенке справа от шлюза канал боевого стационарного излучателя. И еще два — чуть выше и чуть ниже. И четвертый — в самом низу, почти вровень с площадкой. Эта техника могла выжечь пространство перед шлюзом в прах, до черноты. Только дай команду — и в разломе, у самого модуля, зажжется маленькое солнце.

Полковник проинструктировал как отворить шлюз; процедура была проста и достаточно надежна: код и сканирование фасеток глаза. Впрочем, это могло быть лишь частью обязательной идентификации, входной компьютер мог фиксировать десятки параметров, а участие в опознании самих опознаваемых было совершенно

необязательным. Мотыга сталкивался с такими штучками на складах Багуты-4, где хранились особо ценные образцы и добытые минералы.

Так или иначе, шлюз пропустил их внутрь. Попав в квадратную промежуточную камеру, где царила уже нормальная сила тяжести, Мотыга подумал, что именно в данный момент из гостя превращается в хозяина. В одного из двух хозяев свежееотлитого жилого модуля.

— Добро пожаловать, напарник! — проворчал Сизый, отворяя внутренние створки. — Наш дом — наша крепость... Интересно, кому-нибудь взбредет в голову ее штурмовать?

Мотыга не понял — к чему клонит Сизый? Вообще, у него сложилось впечатление, что напарник сориентировался в сложившейся ситуации куда лучше его. Что Сизый понимает хотя бы общих чертах зачем их сюда пригнали.

Сам он не понимал этого совершенно. По логике сюда стоило послать спецов: если для перелета, то пилотов; если для изучения временного гнезда Роя — то ученых; если для охраны — то военных... А зачем посылать горняков-пустотников? Да еще всего двоих? Чтобы они шлялись по поверхности астероида в качестве приманки для того же Роя?

«А что... — подумал Мотыга и взволнованно скрипнул экзоскелетом. — Вполне может быть... Безмозглые пайти перед норой сугароза. На привязи. Очень похоже...» Шат Унген испугался внезапного озарения. Точнее того, что оно может оказаться правдой.

Едва они оказались за внутренними створками, Сизый поглядел на приборы, удостоверился, что давление нормальное, и принялся сдирать с себя скафандр. На индикатор воздушного состава он и не взглянул. Впрочем, не затем же их сюда загнали, чтоб ухлопать прямо на входе?

«А откуда ты знаешь? — Мотыге словно кто-то нашептывал на ушко. — Может быть, пустотные сугарозы любят плоть с душком, отстоявшуюся...»

Сизый уже снял скафандр.

— Чего стоишь? — спросил он. — Разоблачайся.

Мотыга тоже снял скафандр и водворил в совершенно обычный шкафчик перед шлюзом. Таких шкафчиков на любой горняцкой базе сотни. Разве что, эти совсем новые...

Планировку «Шестерки» каждый пустотник обязан был помнить до последнего закоулка. Мотыга совершенно отчетливо представлял, что центральный пост находится впереди, внутри кольцевого коридора. Туда Сизый и направлялся.

Модуль был освещен; пахло недавно остуженным металлокерамиком. Легкий озоновый запах бодрил и настраивал на рабочий лад.

— Так! — Сизый остановился перед створками. Сверху виднелась аккуратная треугольная табличка со знаком «Центральный пост управления».

— Нам сюда...

Мотыга подумал, что давненько не слышал назойливого полковника, а Сизый тем временем отворял створки.

Пост был освещен бестеневым методом, с нескольких точек одновременно. Подобное освещение поначалу кажется странным, но вскоре к нему настолько привыкаешь, что обычное, с тенью, начинает казаться неправильным, раздражающим. Сизый покосился на светопанели, разбросанные по потолку, и направился к месту дежурного.

— Модуль «Вагри-шесть» приветствует обитателей! — вкрадчиво пропел компьютер. — Модуль развернут по полной схеме; из дополнительного оборудования сопряжен с икс-приводом класса «Колосс»...

«Гигантским приводом рискнули, — с подспудной тоской отметил Мотыга. — Он же дорогой, зараза. Или наш полет все-таки безопасен?»

Ему очень хотелось верить во второе. В самом деле, самые большие из доступных икс-приводов, способные двигать даже такие огромные массы, как этот астероид, стоят недешево. Далеко не все расы могут их себе позволить. Только шестерка высших, булинги, шат-тсуры, перевертыши, да еще, пожалуй, ратэо. Даже сенахе и дрра — уже не могут, не говоря уже об остальных новоразумных. Даже если бы у них хватило ресурсов расплатиться — не факт, что высшие расы доверили бы хотя бы один «Колосс» новоразумным.

— Управление приводом переключено на астрогационную сшивку; от персонала требуется только «Добро» на старт, — продолжал вещать головной компьютер модуля. — Комплектация сшивки программным обеспечением и оперативной информацией исполнена...

— Урима, Унген, по данным телеметрии модуль и икс-привод в полном порядке, — вновь возник на связи полковник. — Можете стартовать. После каждого прокола с вами будет проводиться сеанс связи. Как поняли? Ответьте как поняли.

— Поняли вас, — не слишком приветливо буркнул Сизый. — Команда на старт отдается вручную?

— Да, с центрального пульта. Там есть меню «сопряженные устройства», выберите «икс-привод», а потом «старт». Собственно, остальные пункты там неактивны. Сизый проделал все необходимые манипуляции и с плохо скрываемым отвращением ткнул в нужную часть меню курсором.

— Старт! — сообщил компьютер с жизнерадостностью клинического идиота. — Система начинает просчет первой пульсации к указанной точке пространства. От персонала не требуются никакие дополнительные действия. Пульсация пройдет в штатном режиме.

— Вот спасибо, — проворчал Сизый. Последнее время он ворчал много и охотно. — Ладно, друже, пошли жилье осматривать... Здесь нам делать все равно нечего, все поотключено.

Он встал и решительно направился к выходу из поста. Мотыге ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру.

Как Мотыга и ожидал, осматривать оказалось особенно нечего. Ну чего особенного можно найти внутри новехонького модуля-«шестерки»? Кают-компания, камбуз, склады да шесть жилых комнатушек.

Они обошли все это, наспех изучили содержимое складов; Мотыга отметил, что никакого практически инструмента в комплекте не оказалось, только пища, медикаменты, одежда и простейшее несмонтированное оборудование, вроде кухонного комбайна или музыкального центра с обширным банком программ.

— М-да, — протянул Сизый. — Негусто. Теперь можно точно сказать, что нас послали не работать.

Мотыга покусился на совершенно пустые стеллажи инструментально-фурнитурного склада.

— А зачем тогда нас послали?

— Пойдем, — Сизый поманил его за собой. Почему-то в направлении тыльного шлюза.

— Ты куда это собрался? — поинтересовался Мотыга.

— Пойдем, пойдем, — пропел Сизый. — На, облачайся, — он извлек из шкафчика новехонький, ни разу не надеванный скафандр. Мотыга послушно продел руки в проймы, зарастил передний шов и активировал поле. Его тотчас обволокло защитной оболочкой, невидимой и неощутимой, но невероятно прочной. Оболочка, прилегающая к ноздревым каналам источала дыхательную смесь и поглощала углекислоту. Оболочка перед глазами служила объемным панорамным экраном. Оболочка у слуховых отверстий и ушных раковин выполняла функции акустических мембран, сопряженных с переговорным устройством и внешним уловителем звука. Мотыга теперь мог свободно нырять в расплавленный металл или жидкий гелий — поле скафандра защитило бы его. Единственное, от чего не в состоянии был спасти такой скафандр — это неистовый жар звездных корон.

Они с Сизым миновали шлюз и оказались в канале-коридоре. Во временном гнезде Роя, том самом, которое обнаружили только вчера.

— Спорим, — неожиданно сказал Сизый, — что мы не найдем ни одного трупа, но тот чешуйчатый ящик окажется на месте?

Мотыга остановился и некоторое время тупо взирал на удаляющегося напарника. Никак он не мог угнаться за его мыслями.

— Слушай, Сизый, — честно признался Мотыга, пускаясь вдогонку. — Ни бельмеса я не понимаю. Зачем мы здесь, для чего мы здесь и так далее. А ты, по-моему, догадываешься. Так может быть доверишь напарнику свои гениальные соображения? А то так и придется разжевывать мне смысл каждого шага, а я буду стоять дурак-дураком, да передужье тереть.

— А зачем, по-твоему, мы тащимся по этой исамаровой кишке? — не останавливаясь бросил через ключицу Сизый. — Я тебе все на месте показать хочу.

За первым же поворотом Мотыга убедился, что догадки Сизого если и верны, то не абсолютно все. Во всяком случае, догадка насчет трупов особей Роя оказалась ошибочной.

Они лежали аккуратными рядами вдоль стен: солдаты Роя, малые рабочие Роя, большие рабочие Роя, непонятно-кто-Роя... Их просто собрали со всех окрестных каналов, снесли в одно место. И оставили.

Сизый озадаченно уркнул. Потом пропел:

— Да... Хотел бы я и в остальном так же ошибиться...

Мотыга не нашелся что добавить.

Они прошли через камеру с мертвой маткой — эту громадину, конечно, с места сдвигать никто не стал. Да и не пролезла бы эта туша ни в один канал. Наверняка, она родилась и выросла здесь, в этой камере. Мотыга подумал, что у маток Роя на

редкость незавидная участь. Всю жизнь провести в темном, похожем на тесное капище, каменном мешке. Никогда не видеть звезд. Никогда не видеть неба. Ни разу в жизни не ощутить дуновения ветерка на кислородной планете. Не сравнивать же с ветром хилый сквозняк, тянущий из черной дыры внутригнездового канала? Невольно Мотыга передернул ключицами. Он уже жалел эту мертвую матку, этот высохший кусок плоти, некогда крохотную частичку Роя.

Рабочих и членистоногую мелочь невыясненного назначения из камеры удалили. Матка покоилась в гордо и одновременно жалком одиночестве.

Сизый не стал здесь задерживаться, и Мотыга этому обрадовался. Еще недавно он искренне желал осмотреть матку поближе, повнимательнее, но теперь это желание безвозвратно угасло. Вид мертвого существа стал ему неприятен.

— Пошли, пошли! — подгонял Сизый. — Не отставай, напарник...

Мотыгу не требовалось подгонять, он и так наступал на пятки Сизому.

Еще немного, и они достигли зала, где вчера «мозгами на ножках» был вскрыт белый кокон-яйцо. Остатки оболочки и сейчас виднелись у стены — их кто-то аккуратно собрал и уложил на гладкий каменный пол. Рядом с десятком похожих на клочья грязноватой ваты клубков. А посреди зала во всем своем чешуйчатом великолепии красовалась вчерашняя находка. Продолговатый ящик. Серо-коричневого оттенка в лучах локтевых осветителей. Странно, накануне ящик показался Мотыге совершенно черным. Или нет?

Мотыга уже не помнил. Эта безмолвная глыба надолго приковала его взгляд, заставив забыть о недавнем нетерпении. И Сизый замер в молчании у выхода из канала, тоже забыв о том, что собирался многое рассказать напарнику.

Они стояли долго — Сизый, Мотыга и саркофаг. Оба горняка ни секунды не сомневались, независимо друг от друга нарекая этот ящик саркофагом. И оба заранее уверовали в то, что погребена там древняя и пугающая тайна.

Мотыге показалось, что миновала вечность. В полной тишине и неподвижности. Он хотел перевести взгляд на Сизого, но вдруг обнаружил, что не может этого сделать. Почувствовал, что готов вздрогнуть, но его будто залили сургучом, лишив способности двигаться. Захотел вскрикнуть, но воздухополость свело болезненным спазмом. Мотыга не мог, не мог отвести взгляд от саркофага, загипнотизированный чьим-то злым разумом. Так и суждено ему тут торчать до скончания дней, до смерти от обезвоживания и голода... Как рабочим Роя. Вот они, оказывается, от чего сдохли...

Мотыгу обуял первобытный ужас. Казалось, стоит только напрячься, побороться, и ЭТО отпустит. Но тщетно — все попытки освобождения разбивались о чужую волю, словно морские волны о гранит. Чтобы таким манером разрушить скалу нужно время, сравнимое со сроком жизни морей и скал.

Его организм рефлекторно понизил температуру внешних слоев экзоскелета, и услужливый скафандр тут же усилил подогрев.

«Как быстро и как глупо...» — подумал Мотыга, ощущая себя на грани паники. Или даже сумасшествия.

В ту же секунду он понял, что не может вдохнуть — его лишили и этой способности.

— М-да, — протянул Сизый задумчиво. — Занятная штука...

Мотыга чуть не упал — мышцы обмякли и отказались держать тело в вертикальном положении. Неловко подвернув ногу, он все же устоял, и с немым изумлением убедился, что снова свободен. Никто его не сковывал, никто не лишал способности двигаться и дышать.

— Исамарова жуть! — сдавленно выругался Мотыга. — Что это было, Сизый? Я чуть не свихнулся тут! Чуть не помер! Ты чувствовал что-нибудь?

— Чувствовал, — холодно сообщил Сизый. — Будто меня сканируют. С ног до головы. Ты тоже?

— Да меня чуть живьем не сожрали! — заорал Мотыга. — Пойдем отсюда к исамаровой матери, а то я точно свихнусь!

— Не мельтеши, — Сизый упрямо опустил передужье. — Я тебя затем сюда и привел, чтобы ты сам во всем убедился. Я вчера тут постоял, перед этой штуковиной, еще когда она в кокон была упрятана... тоже чуть не обоссался. Это не просто глыба. Это сундук, но что там внутри спрятано? Только гадать остается. Ты спрашивал, что происходит? Нетрудно ответить. Военные пытаются понять, что это за сундук. Что он в себе таит. Врубаешься, напарник?

Мотыга мрачно глядел на Сизого.

— Вижу, ты тоже почувствовал ЭТО. Не бойся, когда понимаешь, что на тебя СМОТРЯТ, оно уже не так страшно. А по первому разу — да, жутковато.

— Погоди Сизый. Не так быстро. Какой смысл военным посылать нас? Хотят узнать, что там внутри — пусть вскрывают его сами. Мы-то тут при чем?

Сизый смешно уркнул и постучал себя по макушке.

— Военные боятся, дурья ты башка! Вот и послали двух остолопов покантоваться рядом с этим сундучком. Поглядеть — что с ними произойдет?

— А что с ними может произойти? То есть, с нами?

— Что? Дохлых муравьишек в канале видел?

Мотыга осекся, хотя уже собрался было проорать очередной вопрос.

Сизый в упор смотрел на него. Мотыге сделалось на редкость неудобно, но Сизый оставался вполне спокойным даже при таких неприятных речах, и это немного успокоило Мотыгу.

— Вообще-то военные могли послать своих шатов. Солдат. Мы ведь не солдаты, — неуверенно предположил Мотыга.

— Зато мы свидетели, напарник. Живые свидетели, которые видели это чешуйчатое диво. Мне сдается, что военные стремятся свести число осведомленных о нем шатов... и не шатов тоже к минимуму. Посылая нас, военные убивают одним когтем двух пайти: и свидетелей изолируют, и эксперимент ставят. Кстати, мне сдается еще и то, что наши военные играют во всей операции далеко не первую дудку. Иначе ко всей этой истории не проявляли бы столь пристальное внимание азанни. Вот кто на самом деле ставит эксперимент: птички-недомерки, наши бывшие хозяева. А военных Багуты они просто терпят, как вчерашних сателлитов и сегодняшних якобы-союзников.

Мотыга ошарашенно выслушивал все это, и вдруг сообразил, что речи Сизого идут в эфир. Они ведь с Сизым облачены в скафандры.

«Умолкни, напарник! Нас могут подслушать!» — лихорадочно зажестикულიровал Мотыга аварийным горняцким кодом.

— Да не слушает нас никто, — вздохнул Сизый. — Я сломал ретранслятор. В пределах модуля — там да, слушают. А тут — уши... гм... коротки, что ли? В общем, обломятся они.

Мотыга вяло дернул головой — когда приходилось поволноваться, всегда почему-то начинался этот нелепый тик.

— Значит, нас послали чуть ли не на смерть? — с тоской спросил он.

— Значит, — как-то на удивление беспечно и легко согласился Сизый. — Да только дураков нет помирать зазря. Мы еще побарахтаемся, напарник. Во увидишь.

Мотыга бледно улыбнулся — после разгромных откровений Сизого он был рад ухватиться за любую ниточку, пусть тонюсенькую, но дарящую проблеск надежды. Надежда не умирает, что бы не болтали философы-теоретики. Иначе во Вселенной не существовало бы понятие «борьба». Ибо — какой смысл бороться без надежды на что-нибудь? На спасение, на богатство, на славу? Нужно подставить.

— Сизый... — выдавил из себя Мотыга. — Если ты знал все заранее, как ты мог согласиться? Как ты мог добровольно полезть в нору сугароза? А?

— Нас бы все равно убрали, Мотыга. Причем, очень быстро. Свидетели никому не нужны — ни азанни, ни военным. С этим сундуком связано что-то очень значительное, если с ним так носятся. Единственный шанс отсрочить смерть — согласиться на предложение полетать на этом исамаровом астероиде. И единственный шанс побарахтаться, попытаться обмануть смерть. А что до норы сугароза... Так имея ружье можно и туда слазить. — Вот, гляди, — Сизый извлек из кармана скафандра плоский кругляш в прозрачном пластиковом кофре. — Вот мое ружье. Мотыга послушно поглядел. В свете локтевых осветителей кругляш сиял и переливался всем оттенками спектра.

— Это что?

— Это носитель. Астрогационный диск. Дело в том, что я соврал утром в кабинете босса. На самом деле я умею водить звездолеты и умею пользоваться астрогационными программами. Я шесть циклов летал вторым пилотом на «Гайтити». Просто это не отражено в моем послужном файле. По ряду причин.

«Вот откуда у него этот странный загар, — запоздало догадался Мотыга. — От фона икс-приводов и многих прыжков сквозь пространство...»

— Мы смоемся, напарник, — продолжал Сизый. — Смоемся вместе с этим куском камня и с этим недобрым ящиком. Соскочим где-нибудь в подходящем месте, а с загадками Роя пусть птички разбираются сами, без нас.

— Никогда не думал, что астрогационные программы пишут на такие странные носители, — невпопад пробормотал Мотыга.

Он действительно никогда не встречал таких дисков — его скромный пилотский опыт познакомил только со стандартными кристаллозаписями.

— А это не наш носитель, — весело сообщил Сизый. — Такими люди пользуются.

— Люди? — удивился Мотыга. — А откуда у тебя человеческие программы?

Сизый даже присел, предвкушая произведенный эффект.

— Не поверишь, напарник. Не поверишь. Здесь нашел, в соседней камере. Вчера. Пока ты встречал «мозги на ножках» и военщину. На нашем астероиде две техногенные вещи: сундук и этот диск. Ну, не считая свеженького модуля, конечно.

— А привод? — запоздало забеспокоился Мотыга. — Как же привод? Комп модуля разве снабжен человеческим приводом?

— Нет, конечно, — продолжал веселиться напарник. — Но я видел на складе музыкальный центр. К нему прилагается привод, совместимый с форматом этого диска. А преобразователь сляпать и слинковаться — пара пустяков. Инструмента, правда, нет, это плохо, но хорошему пилоту и шило инструмент. Ладно, пошли назад. Жутковато тут, если честно... И мумии эти еще... Смотри, в модуле особо не болтай, пока не прыгнем пару раз и я трансляцию не отключу. Да и кодом не усердствуй, у них и видеоконтроль наверняка включен.

— Хорошо, Сизый, — преданно выпалил Мотыга. — Буду молчать, как рыба.

Всю обратную дорогу по давящим пустотой и тьмой каналам гнезда Мотыга пытался осознать происходящее. Еще утром он радовался и гордился тем, что начальство его ценит. Что унтер так хорошо отзывался о его работе и личных качествах. Теперь же он остро осознал себя разменной фигурой в жерновах чужих, взрослых игр. Его, преданного и верного работника корпорации без малейших колебаний послали на смерть, лишь бы получить некую отдаленную и сомнительную выгоду. Это обижало, что и говорить. Может быть, Сизый ошибается? Просто ошибается? Ну, допустим, трения него с корпорацией и с азанни. Допустим, недолгобливает он и тех, и других, пусть даже заслуженно — за какие-то старые делишки. Вполне возможно что с ним обошлись круто и несправедливо. Но значит ли это, что корпорация обязательно пошлет их, ценных, как ни крути, работников на смерть при первом же удобном случае? И если их посылают на смерть — зачем было монтировать на астероиде довольно дорогой модуль — «шестерку» и еще более дорогой икс-привод? Расточительство какое-то. Необъяснимое расточительство.

Впрочем, нет, объяснимое.

Мотыга вдруг резко сменил точку зрения, словно разом переметнулся на позицию собственного оппонента.

Вполне объяснимое. При условии, что корпорация и азанни надеются узнать или получить нечто несопоставимое по стоимости с каким-то жалким жилым модулем и единичным икс-приводом. Сам Мотыга не сумел представить информацию, которая ценилась бы так высоко, но возможность ее существования вполне допускал. Да и, если разобраться, кем являются для боссов корпорации и для шишек из военного ведомства простые шахтеры и солдаты? Разменной монетой, не более. Во время давних войн их жгли в сражениях и гноили на стратегических рудниках даже не сотнями — тысячами. Сотнями тысяч. Несколько рас-сателлитов бесследно стинули в горниле минувших войн. А ведь тоже, наверное, каждый бедняга-смертник надеялся, что именно его пронесет, что смерть минует и удастся выкрутиться. Лелеял свою хилую надежду и ждал, сцепив челюсти... Или что там сцепив?

Только перед шлюзом Мотыга будто очнулся, будто сбросил с мысли липкую паутину, которая незаметно опутала его мозг.

«Исамарова жуть! — похолодел он. — Да что ж творится-то? Кто это моим сознанием вертит?»

Сизый всю дорогу молчал, и неизвестно — лезли ли ему в голову разные странные мысли, нет ли. Выглядел он бесстрастным.

Без проблем проникнув в пределы модуля, горняки освободились от скафандров, заглянули на склад за нужной техникой, и направились к центральному посту.

Едва бросив взгляд на голограммы астрогационной сшивки, Сизый сообщил:

— Эй, напарник, а ведь мы уже прыгнули. Мы теперь хрен знает на каком расстоянии от Багуты! За тысячу световых циклов, не меньше!

Мотыга, полжизни проработавший в космосе, попытался представить себе эту бездну, и не смог. То, что его напарник и бывший пилот говорит об этом как о чем-то само собой разумеющемся и не особо значимом, потрясло его.

Тысяча световых циклов. Если сейчас отыскать на обзорниках искорку Багуты, если она вообще видна с такого расстояния — он увидит свет, который помнит его далеких предков.

Прикосновение к галактическим масштабам, обыденность невообразимых расстояний и длительных промежутков времени — разве это не странно? Как миллионы разумных

существ до него, Мотыга впервые ощущал себя поднявшимся из мелкой суеты к самым звездам.

Стоит только протянуть руку — и вот они. Звезды. Далекие-далекие — даже свет его родной Багуты мчится сюда сотни лет, сотни циклов. Свет, который мчится сквозь пустоту быстрее, чем можно себе представить. Что за прихоть природы? Что за странное состояние комочка живой слизи, именуемое разумом, позволившее нескольким расам Галактики дотянуться до звезд? До самых дальних звезд?

Мотыга подумал, что знать, и ощутить на себе — все таки очень разные вещи.

А Сизый, похоже, вообще ничего не заметил. Мысли его были поглощены совершенно другим.

— Ну что? — он хитро блеснул фасетками. — Послушаем музычку?

Водрузив кубик музыкального центра на пульт, Сизый полез в ящик справа от кресла.

— Вот, гляди, Мотыга. Это называется АК — аварийный комплект.

Он показал напарнику плоскую зеленую коробочку со сдвигающейся крышкой. Внутри, на бархатистой подкладке, обнаружился набор манипуляторов, щупов, молекулярный сшиватель, насадка-микроскоп для глаз...

Те самые инструменты, которыми предусмотрительно не снабдили их литейщики модуля.

Но ведь бывают еще и аварийные комплекты — разумеется, бывают. Это даже новичок-Мотыга знал. Если поискать под креслами и в остальных ящиках, на посту найдется и сухой паек, и запас воздуха, и резервные батареи...

— Вот, исамарова жуть! — в который раз за сегодня прошептал Мотыга. — Все-таки опыт — великая вещь!

Неизвестно — как скоро Мотыга додумался бы искать инструменты при нужде в пределах центрального поста. Слишком уж он был подвержен стереотипам:

инструментам надлежит быть на соответствующем складе. Точка.

Может быть, корпорация специально натаскивает своих работников до состояния исполнительных болванов?

Что же, Шат Унген по прозвищу Мотыга. Если это так, то ты сделал первый шаг в сторону от оболванивания. Первый. Самый трудный. Обернись, раз сумел сделать это, и полюбуйся кем ты был еще вчера. Смотри, смотри. Внимательно смотри.

«Почему? — подумал Мотыга с внезапной тоской. — Почему шаты взрослеют и умнеют вот так, стремительно и взрывоподобно, в считанные дни или даже часы, хотя до того циклами пребывают в блаженной и страшной бездумности? Да и не только шаты — наверняка, не только они.»

Даже осознание того, что взрослеет и умнеет далеко не каждый, не согрело Мотыгу.

Пока Сизый ковырялся в центральном посту, Мотыга сходил на камбуз и оживил кухонную автоматику. Приготовить стандартный ужин пустотников на две персоны сумел бы, наверное, и дрессированный сугароз. Только и дел, что кнопки нажимать да пакеты с концентратами предварительно вскрыть. Мотыга машинально проделывал все необходимые операции, а сам думал, думал, думал... Десятки мыслей вихрем проносились у него в голове. Кем бы он стал, если бы на жизненном пути не столкнулся с Шатом Уримой по прозвищу Сизый? Очередным исполнительным болваном корпорации «Минералы Багуты»? Очередным винтиком в гигантском равнодушном механизме, единственная цель которого — поддержание собственного функционирования? И ведь точно — пахал бы на благо корпорации, сверхурочно работал бы, благодарностям искренне радовался... Или все таки нет? Или все равно прозрел бы рано или поздно? Ведь не может же такого быть, чтобы людей, подобных Сизому, Мотыга больше никогда не встретил? Не может.

Они ужинали здесь же, на камбузе, потому что тащить подносы со снедью в кают-кампанию просто поленились. Мотыга помнил о предостережении напарника не болтать лишнего и поэтому отмалчивался, а Сизый отрешенно перетирал ужин челюстями и, похоже, даже не чувствовал вкуса. Взгляд у него был блуждающий, казалось, каждая фасетка фокусируется в собственную точку. На руках Сизого Мотыга заметил пятна молекулярного закрепителя — значит, дело уже дошло до сшивки... Вполне возможно, что Сизый уже слинковал привод землян и центральный компьютер. Либо достаточно далеко продвинулся на пути к этому.

Гулкие удары по обшивке модуля застали их врасплох. Мотыга вздрогнул и уронил двузубую вилку — оглушительно звякнув, та упала на пластиковую столешницу. Сизый замер с куском парги во рту.

— Это еще что? — невнятно произнес он и поднялся.

Удары следовали один за другим, равномерные, как падение чудовищных капель.

— Это тыльный шлюз, — просипел Мотыга. — Снаружи...

"Рой? Или нечто из сундука-саркофага? — мелькнуло в голове у Мотыги. Он мучительно пытался вспомнить — есть ли излучатели в створе тыльного шлюза? И если есть — как ими управлять? Как хотя бы активировать? По идее они должны были работать в полном автономе. Но это по идее, а как там на практике — поди разберись!

— У нас есть оружие? — Мотыга с надеждой воззрился на Сизого. Ему казалось, что старший товарищ, летавший к тому же вторым пилотом, да не на чем-нибудь, а на самом «Гайтити», должен знать верные рецепты выпутывания еще и не из таких передряг.

— Вообще-то есть, — отозвался Сизый и принялся быстро жевать — видимо, ему надоело разговаривать с набитым ртом. — В центральном есть сейф с ручными лучевиками. Но обычно он заперт и опечатан, а нам код доступа сообщить не потрудились.

Мотыга не знал даже этого — стандартный набор сведений о «шестерках» информации об оружии попросту не содержал, а поинтересоваться подробнее Мотыге никогда не приходило в голову. Хотя... При нынешней-то жизни... Это в пределах Багуты все относительно тихо и мирно, а в других системах? Где больше беспорядка и анархии? Где шастают пиратские звездолеты и шайки лихих и беспощадных корсаров современности учиняют молниеносные набеги на неокрепшие колонии, на одинокие и малочисленные рудники, на зазевавшиеся грузовозы... Даже на пассажирские лайнеры нападают!

Удары внезапно стихли. Мотыга уже инстинктивно сжался, уловив частоту, но вместо очередного гулко-го «Баммм!!» он услышал только тихое чавканье Сизого. А мгновением позже донеслись новые звуки. На этот раз потише, но тоже размеренные. И теперь источник звука приближался.

«Помм! Помм! Помм!» — доносилось откуда-то сверху. Словно кто-то огромный и грузный вздумал прогуляться по кровле модуля.

Сверху? Но ведь модуль попросту вплавлен в скалу! Наверху кубоуны сплошной монолитной породы!

Мотыга втянул голову в ключицы и жалобно уставился на напарника.

— Чушь какая-то! — пробормотал Сизый. — Погляди!

И он указал пальцем на стакан с соком, стоящий на столе. Очередной «шаг» гиганта на крыше как раз заставил вздрогнуть весь модуль. Мотыга отчетливо ощущал, как толкается в подошвы пол, как улавливает колебания экзоскелет... А поверхность жидкости в стакане оставалась совершенно неподвижной, хотя крохотные концентрические волны просто обязаны были гулять от пластиковых стен к центру и обратно.

— Это все нам просто кажется, Мотыга! — объявил Сизый с каким-то жутко истовым убеждением, и едва он это произнес — посторонние звуки смолкли. Все до единого. Неведомый гигант, способный гулять в толще камня, словно в тумане, затаился. Или исчез. Стало тихо, аж в ушах зазвенело.

«Кажется? — недоуменно подумал Мотыга. — О чем он?»

Способность связно соображать временно покинула Шат Унгена.

Когда он более-менее отошел от ступора, вызванного обилием новых событий и впечатлений, Сизый сидел за столом, вопросительно уставившись на пустой стакан из-под сока. Недоеденный Мотыгой ужин уже остыл; вилка так и валялась на столешнице чуть в стороне от подноса.

— Сизый, — тихо сказал Мотыга. — Мне страшно.

Напарник отвлекся от созерцания пластикового цилиндрика.

— Что?

— Мне страшно, — повторил Мотыга. — Я не понимаю, что со мной происходит.

Сизый вместо ответа встал, спровадил свой поднос вместе со всем содержимым в утилизатор и мягко предложил:

— Пошли-ка спать, напарник. День сегодня выдался какой-то сумасшедший...

Отдохнуть надо.

«Ладно, — подумал Мотыга. — Не хочешь обсуждать, не надо. Впрочем, он прав: отдохнуть действительно надо.»

Он тоже избавился от подноса и пошел вслед за Сизым к каютам.

Кают было шесть, естественно. Коротенький радиальный коридорчик ответвлялся от основного кольцевого, охватывающего центральный пост. По три створчатых двери на каждой стороне.

— Ты какую выберешь? — Сизый обернулся.

Мотыга ткнул в первую дверь справа. Инстинктивно он выбрал дальнюю от внешней границы модуля каюту.

— Тогда я эту...

Сизый выбрал дальнюю слева. Намеренно, или тоже инстинктивно — поди разберись. Мотыга вздохнул, потерянно уркнул и протянул руку к управляющей дверьми панельке. Створки бесшумно разошлись, покорные его приказу.

— И вот еще что, — Сизый задержался на пороге своей каюты. — Я советую тебе заглянуть в аптечку, слотнуть какой-нибудь стимулятор и закусить снотворным. Помнишь мои слова: завтра сегодняшние страсти увидятся тебе совершенно в ином свете.

Мотыга поскреб передужье (рука была словно ватная), неопределенно дернул головой и вошел в каюту. Створки тотчас затянулись за его спиной.

«Вообще-то, в этом что-то есть, — подумал он о словах Сизого. — Действительно, полночи проворочаюсь, не высплюсь, завтра буду как маринованный... Лучше принять снотворное. Хотя, с другой стороны — что мне завтра, в разведку, что ли? Работы у нас тут никакой нет. Хоть целый день спи.»

Он отыскал аптечку в шкафчике, порывлся, проглотил капсулу «Нейрофета» и снотворное, настроил излучатель в изголовье гамака, сбросил комбинезон, башмаки, и забрался в спальный мешок.

По мере того, как Мотыга погружался в сон, свет в каюте пригасал.

Несмотря на пережитые треволнения, забылся Мотыга почти сразу.

Наверное, он не рассчитал дозу снотворного и взял не то слишком большую капсулу, не то слишком малую. Сначала ему показалось, что слишком малую, потому что посреди ночи Мотыга проснулся. Тотчас вспыхнул свет; хронометр показывал локальное время где-то между полночью и утром. Мотыгу мутило — снотворного было мало, чтобы заставить отключиться, но много для ясной головы. Предметы казались то размытыми, то преувеличенно резкими. Мотыга выбрался из гамака и, пошатываясь, встал посреди каюты. Потряс головой, отчего под черепом заворочалось что-то вязкое и тяжелое. Никак не удавалось сообразить — что его подняло и что сейчас следует делать.

Потом его словно кто-то подтолкнул; находясь все в том же непонятном полусне-полуяви, Мотыга направился к выходу. В коридоре он на миг задержался напротив двери в каюту Сизого, возможно даже поразмыслил — а не разбудить ли его? Но будить не стал, а вместо этого, по-прежнему пошатываясь, побрел к тыльному шлюзу.

О проделках вечернего гуляки по крыше модуля Мотыга словно забыл; во всяком случае о пережитом испуге Мотыга не вспоминал. Он отчего-то твердо знал: нужно идти к шлюзу.

И шел.

Словно сомнамбула, он натянул скафандр и активировал поле. Вошел в шлюз и дождался пока насосы откачают воздух. Зажег локтевые осветители, и устремился в плотную тьму канала, что пронизывал каменное тело астероида.

Он шел, изредка спотыкаясь, и даже не пытался сбросить окутывающую сознание мглу. Часть сознания Мотыги, похоже, спала. Та часть, что умеет задумываться, задавать вопросы и находить ответы. Бодрствовала другая — привыкшая подчиняться и не рассуждать.

Мотыга миновал кладбище — место, куда военные снесли погибших из Роя — миновал камеру с громадной мумией матки, и вскоре достиг зала, где покоился саркофаг. Ему показалось, что тут произошли какие-то неуловимые перемены. Во-первых, зал, вроде бы, стал гораздо просторнее; во-вторых осветители на локтях давали почему-то заметно меньше света, чем в прошлые посещения, и от этого Мотыга почувствовал себя еще более неуютно. Приходилось до рези в каждой фасетке напрягать глазные мышцы, но коварная полутьма от этого только плотнее сгущалась. Кроме того, остатки оболочки кокона куда-то подевались — а, может, просто потерялись во мраке, что струился у раздавшихся стен.

Когда же Мотыга попытался взглянуть на саркофаг, он почувствовал, как костенеет экзоскелет от внезапного испуга.

Саркофага на месте не было. Не было массивного, и ранее казавшегося совершенно неподъемным и незыблемым «кирпича». Пропал; а на месте, где он раньше покоился, остались только смутные неровности.

Приглядевшись, Мотыга с замирающим дыханием убедился, что это вовсе не неровности.

Это десятки крохотных чешуйчатых копий саркофага, расставленных на полу зала в строгом геометрическом порядке! Таких же серо-коричневых, с отчетливо прорисованными чешуйками, но махоньких — любой совершенно свободно уместился бы у Мотыги на ладони.

В следующий момент Мотыга окончательно проснулся. Он сообразил, что совершенно добровольно покинул модуль, и в одиночку забрался в самый эпицентр странностей. Понял он и то, что никакая сила не заставила бы его сделать это сознательно. И что он остался наедине с тьмой, и всеми, кто таится в мертвом гнезде Роя. Но — странное дело — одновременно Мотыга ощущал себя и лежащим в гамаке. В каюте модуля. Сознание словно раздвоилось; Мотыга из зала судорожно боролся со страхом и растерянностью, Мотыга из гамака силился понять, что происходит. Мотыга из зала не имел возможности здраво рассуждать, Мотыга из гамака не мог пошевелиться, сколько не пытался.

А потом тьма стала быстро сгущаться. Осветители изо всех сил старались ее разогнать — но тщетно: тьма тугими чернильными клочьями обволакивала Мотыгу. И без того жиденький рассеянный свет тонул в иссиня-черном потоке. Несколько мгновений — и Мотыга из зала остался в полной темноте. От паники его отделяла тонюсенькая, готовая в любой миг рухнуть преграда.

Ноги дрожали. Мотыга осторожно повернулся лицом к выходу из зала и башмаком нашарил перед собой пол. Аккуратно утвердил ступню, сделал шаг, потом еще один. «Только бы не промахнуться... — подумал он. — Только бы не промахнуться...

Проклятая темнота!»

Еще он подумал, что сейчас придется идти мимо мертвой матки, мимо остальных недвижимых и бесконечно чуждых тел, и едва не лишился остатков самообладания. Мотыга из гамака с недоумением размышлял, почему погасли осветители. Точнее даже не погасли, а захлебнулись тьмой, не сумели ей противостоять. Иных слов, чтобы объяснить произошедшее он не смог подобрать.

Мотыга из зала тем временем преодолел те пару десятков шагов, что отделяли его от канала (в темноте на это ушло, кстати, вдвое больше шагов) и, вздрогнув, нащупал вытянутой рукой стену. Стену зала. Он промахнулся, не вышел точно к каналу.

Это его не слишком удивило — шаты часто сбиваются с направления, потому что длина шага с правой ноги и с левой у них неодинакова. Но на таком небольшом расстоянии не мог Мотыга и сильно ошибиться: максимум, на три-четыре шага в ту или другую сторону. Нужно всего лишь пройти по стеночке, и отыскать канал. А в канале отклоняться просто некуда: он достаточно узок, тут же наткнешься на стену.

В следующий миг Мотыга подумал — а сколько каналов сходятся в зале с мертвой маткой? Только ли два — один из зала саркофага, один — спасительный — от жилого модуля? Или больше? В моменты, когда он проходил этот зал с Сизым, внимание Мотыги всецело приковывалось к матке, и по сторонам Мотыга просто не смотрел. Как выяснилось, зря.

Если там есть еще каналы и ему «посчастливится» свернуть не туда, через какой-то час Мотыга безнадежно заблудится в лабиринте гнезда. Много ли шансов, что на помощь придет Сизый? Мотыга даже не представлял. Да и успеет ли Сизый на помощь? Что все таки таится в недрах астероида?

Мотыга даже не знал — велико ли гнездо Роя? Много ли в нем ходов и камер и залов?

Тем временем Мотыга сделал вдоль стены уже не меньше полутора десятков шагов, и спасительного канала так и не отыскал. Сплошная каменная стена, гладкая и неприступная.

Судорожно сглотнув, он повернулся, нащупал стену другой рукой и двинулся в обратном направлении.

Мотыга из гамака продолжал с удивлением взирать на происходящее.

Но и на этот раз Мотыга довольно долго шел вдоль стены, касаясь ее рукой, и стена оставалась сплошной. Пройдя шагов сорок, Мотыга растерянno остановился. Он не понимал, куда мог подеваться ход-канал.

А потом он ощутил слабое сотрясение почвы, и еще далекий звук — знакомый до холода в кончиках пальцев.

«Баммм!»

«Баммм!»

«Баммм!»

Вчерашний гуляка сквозь камень снова вышел на прогулку.

На десятом шаге у Мотыги не осталось сомнений — звуки усиливаются, пол зала дрожит все сильнее, а значит, гуляка приближается.

Мотыга понял, что еще немного — и он с нечленораздельным воплем рванется в темноту. Не разбирая дороги. И без того издерганное сознание постепенно заволакивало чернотой — может быть, именно так настигает шатов безумие?

А гуляка все приближался.

Мотыга опустился на корточки, вжался спиной в твердую каменную стену, и оцепенел.

«Баммм!»

Чья-то рука коснулась его плеча.

— Эй, напарник! Ты чего?

Мотыга едва не ослеп от яркого света, заливавшего каюту. Он сидел на корточках между гамаком и стеной, съезжившись и обхватив голову руками. Рядом, перегнувшись через гамак, сторбился Сизый.

Прикрывая глаза ладонью, Мотыга по стеночке встал. Он был совершенно опустошен и раздавлен.

— Пойдем-ка, — Сизый заботливо выудил его из-за гамака. — Одевайся.

Мотыга меланхолично облачился в комбинезон и башмаки. Казалось, он продолжает спать. Сизый встряхнул его слегка, и к огромному облегчению усмотрел во взгляде напарника нарождающуюся осмысленность.

— Давай, давай, шевели ножками... — с напускным весельем подгонял Сизый.

Он привел Мотыгу на камбуз, усадил за стол и вручил стакан сока.

— Выпей... полегчает.

Мотыга с опаской понюхал содержимое стакана — кажется, он заподозрил, будто Сизый подсунул ему спиртное. Но спирт в соке если и содержался, то в таких дозах, что ни один шат без специальных приборов не унюхает.

Мотыга в несколько глотков осушил стакан. И, похоже, оклемался еще больше — выглядел он теперь измятым и подавленным, но явно отходящим от оцепенения.

— А мне такая чушь снилась, рассказать — не поверишь! — по-прежнему весело сообщил Сизый. Он чувствовал: надо болтать, молоть любую ерунду, лишь бы отвлечь Мотыгу, расшевелить его окончательно и бесповоротно. — Представляешь,

приснилось, будто я ночью за каким-то исамаром встал и поперся к сундуку. Ну, вот, пришел я, и что вижу? Вместо одного сундука-саркофага — штук сто, да все такие ма-ахонькие, не больше башмака. И тут у меня осветители сдохли...

Сизый еще в середине рассказа почуял неладное, но почему-то не остановился вовремя. После этой фразы глаза у Мотыги снова остекленели, и он стал серым-серым, и лицо посерело, и руки...

Стакан Мотыга ненароком раздавил. В ладони. Хрясь — и в крошку. Это макрополимерный пластик! Который выдерживал такие нагрузки, что думать было страшно.

А Мотыга его голыми руками изничтожил... У Сизого даже речь отняло от изумления.

— Что такое? — фальцетом пропел Сизый, приподнимаясь.

— Сизый, — просипел Мотыга. — Это был не сон...

Шат Урима схватывал все на лету; недаром у него за плечами имелся самый разнообразный опыт — и пустотника, и пилота.

— Не сон? Ты что, тоже ходил к саркофагу?

Мотыга согласно мотнул головой.

— Да... Я не знаю как это объяснить, но я как бы одновременно и находился там, в зале, и оставался в каюте. И видел все то же самое — сначала маленькие саркофажки и тьма, потом я не мог найти вход в канал, потом проснулся этот... Который топал вчера по кровле...

Сизый жестко глядел на напарника. Во взгляде его не читалось даже намек на испуг — только жадность дорвавшегося до фактов исследователя. Мотыгу это несколько приободрило.

— Что это было, Сизый? Иллюзии? Я ведь оставался в каюте, я знаю... Просто кто-то морочит нам голову. Насыляет...

— Может быть и так, — осторожно ответил Сизый. — Но не обязательно насыляет. Ты насколько внушаем? Знаешь? Гипнопедию проходил перед тестами?

— Нет. Меня военные отбирали...

— Ах, военные, — протянул Сизый совсем другим тоном — многозначительно так.

Мотыга не понял — нравится Сизому этот факт или же, наоборот, не нравится. Скорее, второе.

— Ладно, — пробурчал Сизый. — Ладно. Где твоя аптечка? В каюте? Пошли-ка, напарник, сделаем кое-что...

Он чуть ли не силой выдернул Мотыгу из-за стола. Властно придерживая за локоть, увлек прочь из камбуза, в жилую часть. Что-то он явно задумал. Вот только что?

В каюте Сизый сразу сунулся в шкафчик с аптечкой, и некоторое время перетряхивал содержимое.

— Ага, — сказал он с каким-то туманным удовлетворением. — «Нейрофет». Ты знаешь, что это?

— Нет, — угрюмо отозвался Мотыга.

— Это наркотик. Галлюциноген. В принципе, он действует на шатов как успокоительное, но только в строго рассчитанной дозе. Ты, небось, сожрал целую капсулу.

— Две, — мрачно поправил Мотыга.

— Две, — повторил Сизый задумчиво. — Нет, все равно мало — ты ж здоровый шат, не задохлик какой. Хотя, обострить восприимчивость это все равно должно будь-здоров как... Ладно.

Он еще покопался в аптечке и выудил из специального кармашка маленький датчик на присоске.

— Гляди. Это синфазный контроллер, что-то вроде врача-автомата. Сейчас мы его подстроим под твою мнемонику...

Он с размаху прилепил датчик Мотыге к виску.

— Так... Что чувствуешь?

— Током бьется, — цепенея пожаловался Мотыга. — Сильно.

Сизый кивнул, и запустил во внутренности приборчика тонюсенький щуп.

— А так?

— А так — не бьется, — Мотыга с облегчением расцепил челюсти. Если честно, то приборчик его встряхнул и отрезвил — это словно наиболее точно отражало перемену, произошедшую с Мотыгой с момента пробуждения. Ему словно мозги промыли.

— Ладненько. Эта штуковина фиксирует твой эмоциональный фон. Если ты испытываешь слишком... э-э-э... сильные чувства — испуг, паника, что-нибудь в этом роде, она будет лупить тебя током. Ты уж извини, но это помогает. Честное слово.

— Да я уже и сам чувствую, что помогает, — сказал Мотыга с воодушевлением. — Но что, исамарова жуть, все-таки на меня... на нас нашло?

Сизый ненадолго замолчал. Мотыга внимательно наблюдал за глазами своего напарника, и понял, что тот знает ответ, а думает только над тем, как его попонятнее сформулировать.

— Я думаю, — подал наконец голос Сизый, — что это дыхание саркофага. Его эманация. Точнее не скажу, извини.

Он встал и пошел к выходу; Мотыгу Сизый за собой не позвал. Створки он оставил открытыми, и в каюте Мотыги, и в своей, куда он направился. У себя Сизый тоже взялся за аптечку и прилепил к виску такой же датчик.

«Хм... — подумал Мотыга обеспокоенно. — Боится...»

А ему показалось, что Сизому любые страхи нипочем. И в это хотелось верить с такой невероятной силой, что логика пасовала — Мотыга, как ребенок, надеялся на знания и опыт более старшего товарища. На то, что в трудный момент Сизый и защитит, и вразумит.

Осознавать, что Сизый тоже опасается странностей, было очень неприятно.

— Ну, вот, — Сизый вернулся в каюту Мотыги, ухмыляясь на ходу. — Теперь нам гарантирована здоровая бессонница...

Он взглянул на напарника, и ухмылка медленно сползла с его лица.

— Ты что, Мотыга? Тебе плохо?

А Мотыга, замерев и уставившись в пустоту, прошептал:

— Сизый... Я слышу голоса...

Несколько мгновений в каюте царила тишина, которая для Мотыги была совсем не тишиной. Сизый мучительно старался избрать верную линию поведения. Он видел, что напарник не в себе, и что здраво рассуждать и поступать сейчас Мотыга вряд ли в состоянии. Но Сизый не привык и бросать товарищей в пустоте — закон обжитого космоса, который никто никогда не вводил и никто никогда не отменял. Если бы не люди и не их извращенные нравы, во всей галактике соблюдался бы этот закон — даже по отношению к незнакомым разумным. Кроме, разумеется, врагов.

Впрочем, как бы там ни было, напарника, с которым бок о бок ходил в разведку несколько циклов, Сизый вот так просто отталкивать не собирался. Даже видя как тот постепенно сходит с ума.

— Голоса? — переспросил Сизый, стараясь, чтобы голос звучал буднично. — И что они говорят?

Мотыга напрягся, словно бы вслушиваясь.

— Не понимаю... Кажется, это какой-то чужой язык.

И вдруг Мотыга утратил отрешенный вид, встрепенулся и, вроде бы, стал прежним Мотыгой — еще толком не обтертым пустотником, но уже и не новичком. Разведчиком,

на которого всегда можно положиться и который тоже не бросит товарища в пустоте. Переход был настолько неожиданным и разительным, что Сизый даже слегка растерялся.

— Сизый... Так ты подключил земной привод к астрогатору? Куда мы прыгаем? И где мы сейчас?

О том, что в пределах модуля не следовало открыто высказывать такие вещи Мотыга, вероятно позабыл. Впрочем, Сизый уже практически не боялся — ранним утром он переключил управление прыжками на астрогационную систему человеческого диска. С момента переключения астероид успел прыгнуть по меньшей мере трижды, и настичь их теперь стало делом не то чтобы невыполнимым, но достаточно проблематичным. Поэтому Сизый даже не слишком расстроился — ну, слышат их на Багуте или боевых кораблях азанни. Ну и что? Пока преследователи доберутся до места, где в данный момент находится астероид, Сизый много раз успеет отдать команду на очередной прыжок, и пару раз успеет прыгнуть. Дело в другом. Совсем в другом — с астероида пора уносить ноги. Как только азанни и военные Багуты поймут, что Сизый с Мотыгой не желали играть роли марионеток в чьих-то рискованных играх, они попытаются непокорных шатов убрать, и чем быстрее, тем лучше, потому что в подобных играх свидетели всегда были и остаются наиболее опасным звеном на пути к успеху.

— Где мы сейчас? — выдохнул Сизый. — В космосе, напарник. Погоди. Еще пара прыжков — и будем сматываться... Я уже даже придумал куда.

Мотыгу этот ответ вполне удовлетворил, да и об обещании не болтать он, похоже, вспомнил. Во всяком случае, следующие полдня, пока Сизый готовился к осуществлению своего плана, Мотыга к нему не приставал с ненужными расспросами, а мелкие поручения выполнял безукоризненно точно и очень быстро.

«Ему просто нужен старший, — думал Сизый. — Который будет его подталкивать и наставлять. Тогда Мотыга и бояться перестает, и странностей не замечает.»

Через две пульсации Сизый засел за пилотский пульт и самым тщательным образом сориентировался. Если он сейчас ошибется — это будет означать смерть и для него самого, и для Мотыги. Поэтому Сизый не спешил.

Когда он решил, что все его устраивает, Сизый просмотрел расчеты еще одной пульсации, внес некоторые коррективы и отдал команду на задержку перед исполнением.

Он вовсе не хотел, чтобы стартующий астероид истер и изломал их с Мотыгой вместе с окружающим пространством.

А потом встал и бегло осмотрел центральный пост.

«Недолго мы тут хозяйничали», — подумал он.

И решительно направился к шлюзу.

Фронтальному.

Мотыга исправно сидел на кучке подготовленных припасов и оборудования. При виде Сизого он вскочил — видимо, Мотыге не терпелось убраться подальше от странной вещи, упряманной под поверхность астероида.

Сизому тоже не терпелось.

— Итак! — пропел Сизый с нескрываемым воодушевлением. — Облачаемся, напарник!

Он вскрыл пакет с новым скафандром. Не регулярным силовым жилетом пустотника, а аварийным скафандром с максимальным автономным ресурсом. С двадцатикратной батареей и новейшим рекомбинатором. С «космическим сортиром», который пустотники Багуты называли на людской манер «памперсом». С тяжелыми башмаками сингулярных движителей высшего класса.

Облачались они долго и тщательно, потому что любая ошибка сейчас неизбежно будет стоить жизни там, в пустоте.

Потом они долго перетаскивали на поверхность ребристый шар антиграва, прилаживали к нему кольцевые поручни и несколько больших пакетов с запасными кассетами жизнеобеспечения. Потом монтировали к антиграву еще четыре дополнительных энергоблока. И в конце концов принаитовались к антиграву сами и намертво прикрепили пакеты с припасами.

Сизый решил не рисковать и брал в сольный прыжок тройной ресурс.

Мотыга молчал и ни о чем не спрашивал — делал все то же, что и Сизый, лишь изредка бросая на напарника преданные взгляды. Скорее всего, он все понял и сам. А раз не спрашивает — значит доверяет. Единственное, чего боялся Сизый — это неопытности Мотыги. Вряд ли молодой шат-разведчик прошел через настоящие сольные прыжки. А тренировки всегда остаются всего лишь тренировками...

В последний раз оглянувшись на шлюз жилого модуля, Сизый скомандовал:

— Предстартовый тест!

Почему-то он решил быть сухим и официальным, и отдавать все команды именно так, как предписывал устав, без всяких гражданских вольностей. Хотя Сизый давно уже перестал быть пилотом...

— Энергетика!

— Норма, — ровным голосом отозвался Мотыга.

На контрольной панели светился зеленый шарик. Сизый на панель только косился, он и так видел, что светятся только зеленые.

— Биоприставки!

— Норма.

— Связь!

— Норма.

— Сопряжение!

— Норма.

— Дублирование!

— Норма.

— Контроль!

— Норма.

— Дублирование контроля!

— Норма.

— Готовность!

— Норма.

Тесты антиграва Сизый уже прогнал.

Вросший в породу жилой модуль вдруг показался родным и желанным, но едва Сизый вспомнил, что там, в лабиринте каналов Роя скрывается саркофаг, иллюзия развеялась без следа.

С прошлым нужно расставаться раз и навсегда, без сожалений и лишней сентиментальности. Позади еще один этап, позади жизнь горняка-разведчика, достаточно беззаботная, хоть и тупая. Только и всего.

— Старт! — скомандовал Сизый и взялся за поручень антиграва. Откинул ограничитель и нажал на розовый квадратик пускателя.

Пришла невесомость. Точно диковинная гирлянда антиграв, два шата и целая гроздь шевелящихся пакетов стали медленно подниматься из расщелины. К черному, в искрах, звезд небу.

«Бедный парень... — сочувственно подумал Сизый. — Первое же соло и такое длинное... Ну, да ладно. Авось выдержит. На астероиде он точно свихнулся бы в несколько дней.»

Поверхность их недавнего прибежища равномерно проваливалась вниз. Мотыга косился, и только. Все-таки хорошо, что он уже успел понюхать пустоты — а если бы довелось пускаться в подобную авантюру на пару с полным желторотиком? Милосерднее было бы просто пристрелить его. Или заранее испортить скафандр. Они взмывали выше и выше, и вскоре покинутый астероид стал обретать отчетливую объемность. Перестал быть необъятной плоскостью в условном низу.

— Ускоряемся, — скомандовал Сизый.

Мотыга тотчас вставил ноги с специальные зажимы, закрепился и сухо доложил:

— Готов. Синхронизация включена, тест норма.

Сизый проделал все то же; результат теста он уже получил.

— Пуск.

Движители в ботинках начали свою методичную работу, по разгону «гирлянды». С каждым мгновением астероид становился дальше, а звезды — ближе, но бывалый пустотник Шат Урима по прозвищу Сизый прекрасно знал, что заметить второе ему не дано, а что до первого... Астероид сначала превратится в еще одну тусклую звездочку под ногами, а потом и вовсе пропадет из виду. И они с напарником останутся в пустоте, самым трудным будет убедить себя, что они не застыли посреди громадного ничто, а беспрерывно приближаются к намеченной цели. Останется выдержать эту пытку пространством, сцепив челюсти пройти через нее и не промахнуться мимо заветной крупинки на ладонях Вселенной.

— Ты уже все, понял, напарник? — обратился Сизый к Мотыге.

— Да, Сизый. Я только не знаю куда мы направляемся и насколько долгое нам предстоит соло.

«Молодец, — подумал Сизый одобрительно. — Держится. Все-таки, главный враг наш — это безделье. Стоило Мотыгу озадачить, и он моментально справился со своими страхами.»

— Направляемся мы к системе Джайдарры. Знаешь? Она входит в Пояс Ванадия. Забытый создателем периферийный рудник... То, что нам и нужно. А насколько

долго... Долго, напарник. На озерах Багуты-3 как раз успеет начаться и увясть лето, да и осени добрая половина пройдет.

Мотыга внимательно выслушал, немного помолчал, и все же спросил:

— Сизый... А ты уже совершал такие долгие соло?

— Такие — нет, — честно ответил Сизый. — Но в соло я ходил восемь раз, и три из них были очень долгими. Самое долгое — сорок семь стандартный суток.

Мотыга тихо уркнул и на некоторое время затих.

О том, что астероиду с временным гнездом Роя, саркофагом, икс-приводом и жилым модулем шатов предстоит финишировать через некоторое время в глухом углу земного сектора, в необитаемой системе Мориты Грифона, Сизый сознательно умолчал. И о том, что имел насчет него некоторые планы — пока еще туманные и неоформившиеся. Он вообще рассказал Мотыге далеко не все, что знал. Решил для начала поглядеть как напарник выдержит испытание такой нетривиальной акцией, как соло.

Астероид они потеряли из виду спустя несколько часов. Несколько позже их нагнала остаточная волна нелинейности от сработавшего икс-привода. Через четверо суток они впервые сменили кассеты жизнеобеспечения. Сингулярники к этому моменту давно уже были выключены и солирующие шаты парили на поводках рядом с ребристой поверхностью антиграва. Антиграв тоже давно не работал — в пределах досягаемости отсутствовали достаточные очаги масс. Ему просто не от чего было отталкиваться и не к чему притягиваться. Несколько раз в сутки Сизый производил расчеты, и пока необходимости корректировать курс не возникало.

Мотыга, вроде бы, первое время испытывал облегчение, но потом кажущаяся неподвижность и полное отсутствие событий начали на него давить. И чем дальше, тем сильнее.

Четыреста сорок шесть земных суток; двести девяносто суток Багуты-3 или пятьсот одиннадцать суток Багуты-2 спустя удаляющуюся от Джайдарры гирлянду запеленговал порожний рудовоз с Ван Треи, направляющийся на рудник. Вмешиваться пилоты рудовоза не стали, но сообщили в поисково-спасательную службу. Спасатели-люди прибыли довольно быстро по местным меркам.

В составе гирлянды они обнаружили два трупа — одного шат-тсура и мертвую особь Роя — а также одного живого шат-тсура. Выживший пребывал в глубочайшем нервном ступоре и на внешние раздражители не реагировал. Мертвый шат был облачен в аварийный скафандр с полностью выработанным ресурсом; неиспользованные модули жизнеобеспечения в гирлянде еще имелись, хоть их и оставалось очень мало.

Медэкспертиза показала, что шат умер от внезапной и неизвестно чем вызванной остановки нескольких жизненно важных органов. Особь Роя вообще оказалась мумией, мертвой уже несколько десятков лет. Никаких документов, носителей или записей обнаружено не было, за исключением древней механической звукозаписи на виниле — классической музыки докосмической эпохи; поскольку спасатели были людьми, они даже сумели прочесть надпись на плоском квадратном конверте: «Dave Brubeck in Moscow». Как показали последующие исследования, звукозапись была обычной звукозаписью и не содержала никаких кодированных сообщений.

Выживший шат был помещен в реабилитационный центр на Ван Треи, где покончил жизнь самоубийством на вторые сутки реабилитации. За все время он пропел на языке шатов-Унге всего два слова: «Мотыга» и «Саркофаг». Что это означало выяснить не удалось. Запрос на Тсурру относительно личностей погибшего и самоубийцы дал результаты лишь спустя несколько земных месяцев, и пришел не с метрополии шат-тсуров, а из системы Багуты. Прилетевшие военные, похоже, опознали покойных соотечественников, но делиться информацией с властями Ван Треи не сочли нужным, а власти не особенно и настаивали. Тела шат-тсуров представители Багуты вывезли, остатки гирлянды и труп особи Роя — выкупили и тоже вывезли. Антикварную звукозапись несколько раньше присвоил директор столичного исторического музея. Дело о заблудившихся солистах было закрыто и навсегда свалено в местный архив.

Тайм-аут: Анхел Мария зе Роберто, Номо, Морита Грифона.

За год и два земных месяца до обнаружения солистов-неудачников у Ван Треи. Бот вывалился из пульсации в двух десятках световых минут от Мориты Грифона. Злое белое солнце вылизывало пустоту неистовым излучением; оно жарило так, что на поверхности ближайшей к нему планеты, расстояние до которой приблизительно равнялось расстоянию от Солнца до Юпитера, на дневной стороне было жарче чем на Меркурии в полдень. Казалось, в этой ослепительно яркой точке сосредоточилась большая часть энергии всей Галактики!

Едва Анхел вошел в рубку, внешние экраны тотчас заволокло призрачной дымкой светофильтра.

Все. Он на месте. Осталось вычислить и отыскать этот злополучный астероид. Как и бот Анхела, астероид финишировал вне плоскости эклиптики – еще бы, при таком-то мощном приводе!

Пару месяцев назад служба рубежного наблюдения периферийной земной колонии Ботафого зафиксировала финиш крупного небесного тела в соседней звездной системе, в двух с половиной световых годах. Судя по остаточной волне, был использован гигантский икс-привод, который монтируется лишь несколькими расами в Галактике. Причем монтируется либо на небесные тела, либо на суперкрейсера. Правители Ботафого на всякий случай разорились и запросили по мгновенной связи Землю – и выяснили, что ни одна из армاد союзников по официальным сводкам не планировала транзит через сопредельные с Ботафого области пространства. Наблюдатели пожали плечами и принялись ждать.

Между тем, финишировавшее тело покидать соседнюю систему явно не собиралось. Задействовав аварийные автоматические маяки, с Ботафого приблизительно вычислили даже точное место финиша – несколько «выше» плоскости эклиптики Мориты Грифона, как раз над сплошным астероидным кольцом. И это был не суперкрейсер.

На Ботафого перевели дух – никто их крохотную колонию атаковать, вроде бы, не собирался.

Переведя дух, решили присмотреться с нежданному гостю внимательнее, тем более, что ни малейшей активности вокруг него не наблюдалось. Гость оказался астероидом, некогда имевшим близкую к овоидной форму, но в силу каких-то причин утративший ее – ныне у овоида практически напрочь отсутствовал острый «конец», словно его откололи гигантским молотком. Астероид при финише обрел скорость, приблизительно совпадающую со скоростью частиц астероидного кольца Мориты Грифона, при легком дрейфе в направлении к плоскости эклиптики.

На Ботафого почесали в затылке. И подождали еще немного. Но на нежданного гостя никто не спешил предъявлять права, а активности поблизости по-прежнему не наблюдалось.

Тогда на Ботафого стали рассуждать. Зачем мог появиться этот астероид в системе Мориты Грифона? Ну, допустим, у одной из богатых и сильных рас возникло желание исследовать систему-соседку на наличие... ну, скажем, полезных ископаемых. Но для этого вовсе не нужно посылать астероид, оборудованный гигантским икс-приводом, достаточно обычного исследовательского корабля. Автоматического разведчика, несущего в брюхе несколько сотен жучков-роботов. Который сблизится с планетами, спутниками планет или крупными астероидами, высадит десант, соберет данные, и уберется восвояси. В зависимости от результатов можно будет посылать горняков к исследованным территориям или не посылать.

Могли пожаловать и военные – ради каких-нибудь своих таинственных целей. Но военные высших рас обыкновенно чтят интересы друг друга, а Ботафого – колония людей. Пусть и самой молодой, но уже, наверное, самой влиятельной расы Галактики из высших. Вряд ли союзники посмели бы бряцать оружием в каких-то двух с половиной световых годах от человеческого фронта. Да и не бряцает никто – залетный астероид тих и спокоен, прям, образцовое небесное тело.

В общем, на Ботафого так ни до чего и не додумались. В соседней системе объявился бесхозный икс-привод – и никто на него не претендовал! Почти месяц натуральное сокровище сиротливо торчит в их богом забытом углу, и никого это не беспокоит! А между тем, такое колоссальное и дорогое сооружение всегда является самым эпицентром многих событий, вокруг него всегда трется масса народу... В общем, это заметная штука – гигантский икс-привод в действии.

Ботафого располагала единственным средним приводом – на крейсере «Пуэрто Бранко» – четырьмя малыми и несколькими сотнями сверхмалых. Понятно, что на астероид в соседней звездной системе правители Ботафого косились, как кот на сметану, и строили планы один головокружительнее другого.

К исходу второго земного месяца – а на Ботафого по традиции пользовались принятым в метрополии календарем, несмотря на то, что он довольно сильно разнился с местным и к тому же Ботафого-планета не имела естественного спутника вовсе – решили действовать. Правда, очень осторожно и с оглядкой, потому что такой лакомый кус, как гигантский икс-привод, редко валяется под ногами просто так.

И послали к Морите Грифона разведбот планетарных вооруженных сил с лейтенантом Анхелом Марией де Роберто на борту. Лейтенант получил задание покрутиться в непосредственной близости с астероидом, и если действительно не обнаружит рядом с ним никого, высадиться на поверхность и обследовать все следы техногенного присутствия. «Пуэрто Бранко» и два эсминца зависли в почтительном отдалении, а

бот, полсуток просчитывавший прыжок на три световых месяца, рванулся к одиноко дрейфовавшему гостю неведомо откуда.

Некоторое время лейтенант зе Роберто провел рядом с вычислителем и масс-детектором. Вскоре, гость был нащупан чувствительной аппаратурой бота, курс к точке финиша проложен со скрупулезностью занудного автомата, сингулярники включены. А еще чуть погодя (через двое, приблизительно, земных суток) гость стал виден на экранах.

Даже сквозь светофильтры Анхел рассмотрел поверхность заблудшего астероида. Рябая, начисто лишенная атмосферы, туша. Именно на таких чужим стоило проводить свои странные эксперименты...

Планета Ботафого была дальней и отсталой колонией. Технологически она отставала от Земли и ведущих миров земного сектора лет на двадцать-двадцать пять. И естественно, правители Ботафого с этим обстоятельством изо всех сил боролись; правда, без должного, увы, результата.

Выйдя на оперативную дальность и уравнив скорость бота со скоростью астероида, лейтенант зе Роберто занялся перекрестным сканированием. Практически сразу он локализовал техногенную зону — недалеко от «ампутированного» острого конца экз-овоида. Не нужны были навыки эксперта по чужим — Анхел узнал типовые фермы и купол икс-привода, упрятанные в полость под поверхностью астероида, а также вплавленный в породу жилой модуль. Персонал модуля зе Роберто оценил в четыре-десять человек, свайгов либо цо; если база принадлежит азанни — то несколько больше, до шестнадцати индивидов. По некоторым конструктивным моментам из хозяев найденных сооружений смело можно было исключать Рой и а'йшей. У вторых жилые модули выглядят сильно иначе, а первые вообще не строят модулей. Ни жилых, ни каких-бы то ни было еще. На остальные расы Галактики Анхел Мария зе Роберто не особо грешил — гигантский икс-привод по карману только гигантам.

Тем временем поступили данные биосканирования — Анхел с живейшим интересом отметил небольшое скопление неживой органики на некоторой глубине под поверхностью, чуть поодаль — еще пяток точечных скоплений, и особняком — яркий сигнал живого биологического объекта, правда — с неустановленным циклом и рядом странностей, внятно прокомментировать которые у Анхела не хватило квалификации. Больше органики приборы на астероиде не обнаружили.

Лейтенант Анхел Мария зе Роберто обо всем подробно доложил на «Пуэрто Бранко» и принялся ждать ответа — по световой связи ответу полагалось придти не позже чем через сутки. Ну, а сколько времени затратит на принятие решения уполномоченный правителями адмирал с «Пуэрто Бранко» — не ведали даже звезды.

Впрочем, уполномоченный адмирал оказался человеком решительным, и не побоялся взять на себя ответственность за осаду. Он сразу отдал приказ лейтенанту зе Роберто садиться в непосредственной близости от привода и разведать полости под поверхностью астероида, а наспех сколоченной исследовательской группе приготовиться к работе в условиях отсутствия атмосферы и ослабленной силы тяжести.

Лейтенант зе Роберто, естественно, и не подумал мешкать, а сразу повел бот на посадку. «Пуэрто Бранко» и оба эсминца также включили сингулярные движители и взяли курс на залетного гостя.

Космос в районе Мориты Грифонапо-прежнему оставался пустым — ничье постороннее присутствие пустоту не нарушало — если не считать, конечно, чужой астероид да маленькую эскадру с Ботафого.

Анхел сел неподалеку от места, где одна из подземных камер выходила почти к самой поверхности. По данным сканирования эта камера была пуста, и от камеры с неживой органикой ее отделяло около трех километров; но это по прямой, если же следовать ветвящимся ходом (а Анхелу поневоле придется воспользоваться ходом), путь удлинялся почти на километр.

От чужого жилого модуля место посадки отстояло на шесть с небольшим километров. Анхел в свое время здорово поднаторел в планетарной разведке, поэтому его и послали в это задание. Он привычно подготовил снаряжение, облачился в скафандр-жилет, вооружился, навесил импульсный фонарь, но надел и очки-радиолот тоже, и вышел наружу. Прыгая, словно кенгуру, он в очередной раз сверился с данными сканирования, заложил взрывчатку и отпрыгал на безопасное расстояние. Беззвучный взрыв расшвырял породу чуть ли не на полкилометра — медленное и величавое падение камешков растянулось на несколько минут.

Одного взрыва не хватило, и пришлось закладывать еще один заряд, чтоб обнажить подземную полость. Зато после второго взрыва даже подчищать ничего не пришлось: свод камеры рухнул аккуратной конической горкой, и при малом тяготении

спуститься в полузаваленную бывшую пещеру не составило никакого труда. Там было заметно темнее, чем на поверхности — даже на таком расстоянии Морита Грифона давала достаточно света, чтобы не испытывать неудобств.

Анхел спустился и обошел камеру по периметру — от нее ответвлялись три коридора; один шел в интересующем направлении — к полости с органикой и жилому модулю недалеко. Оставив радиомаячок, Анхел включил очки и без колебаний направился в темноту хода.

Первые подозрения зародились у него почти сразу. Пол, стены и свод хода были слишком гладкими, чтобы счесть их естественными, и слишком грубыми, чтобы решить, будто они обработаны механическими орудиями. Анхел знал единственную расу Галактики, которая могла проложить подобный ход в толще нетронутой породы. Рой. Сообщество выборочно разумных супернасекомых. Они почти не пользуются механическими приспособлениями — они просто выращивают специализированные особи, которые в состоянии выполнять самые разные, порой сложнейшие работы. Анхел не был специалистом по Рою, но как и любой военный проходил общую подготовку. Последние сомнения рассеялись у него в ближайшей камере — скопление неживой органики оказалось ни чем иным, как мумией матки Роя — огромное, метров семи в высоту, четырех в ширину и метров двадцати в длину тело заняло почти все свободное пространство, оставив только узкие проходы вдоль стен камеры.

Определить как давно погибло это существо, Анхел не мог — не позволяла легкая полевая аппаратура. Задерживаться он не стал, поставил маячок и направился дальше. От этой камеры ответвлялось также три хода. Из одного лейтенант пришел, один вел явно к жилому модулю, а третий — в сторону камеры, где по данным сканирования находился единственный живой объект.

Анхел Мария зе Роберто направился к живому объекту.

Прошагав пару километров по пустым, словно подметенным коридорам и столь же пустым камерам, он достиг цели. Впереди просматривалось тусклое в визоре радиолота пятно — вход в очередную камеру. Более плотная, и поэтому на вид более темная порода обрывалась овальным проемом в пустоту подземной полости. Анхел подстроил очки, снял с предохранителя винтовку и осторожно приблизился ко входу в полость.

Вопреки ожиданиям в камере не обнаружилось ничего существенного — Анхелу почему-то показалось, что здесь обосновался не то потерпевший бедствие астронавт, либо исследователь-одиночка из чужих. Причем если исследователь — то вряд ли представитель Роя или а'йеш. Представители Роя никогда не действуют в одиночку — в них слишком много от общественных насекомых. Да и специализация каждой особи позволяет сообществу выживать только достаточно большими группами — так уж устроен Рой, и он от этого не слишком страдает, ибо есть свои выигрышные стороны и у такого подхода к жизни. Уверенность, что в камере он не встретит никого из технократов или контрабандистов расы а'йеш, зиждилась на личном опыте лейтенанта Анхела Марии зе Роберто.

Чутье лейтенанта не подвело — в камере он действительно не увидел ни особь Роя, ни а'йеша в любой из фаз активности. Лейтенант увидел просто продолговатый массивный ящик, который по мгновенной и исчерпывающей ассоциации сразу захотелось звать саркофагом. И хоть саркофаг не был сделан из прозрачного хрусталита по традиции селентинских «проснувшихся» и не был подвешен на мономолекулярных косах по обычаю Спящих ратэо, Анхелу почему-то представилось, что внутри, оцепеневший и дремлющий, прячется КТО-ТО. Какой-нибудь сумасшедший отшельник-толстосум. Решивший пожить в более другую эпоху и погрузивший себя в анабиоз на неопределенный срок.

Такой вариант Ботафого в общем-то устраивал. Если у «спящего красавца» не предусмотрена какая-нибудь оборонная пакость, саркофаг можно мирно переместить на любой из местных астероидов и даже выставить рядом с ним наблюдение, а привод смело угонять и использовать в собственных нуждах. Если отшельник — фигура в Галактике значимая, когда он проснется привод можно и вернуть. А можно саркофаг и сжечь — в ближайшей топке и прямо сейчас. Мертвые не доставляют проблем — расхожая в Галактике человеческая присказка.

Правда, лейтенант Анхел Мария зе Роберто понимал, что эта присказка, как и любая истина, не является абсолютной: бывает, проблем не оберешься именно из-за мертвых.

Поэтому он не обольщался насчет шансов Ботафого и не спешил делать выводы. Он внимательно осмотрел находку, убедился, что захваченных с собой средств анализа заведомо недостает для ее исследований, и счел за благо отложить

раскусывание этого орешка на потом. Поставил очередной маячок и отправился к жилому модулю, до которого из этой камеры было рукой подать. Приблизительно в это же время на катастрофически малом расстоянии от астероида из-за барьера вынырнул крохотный сферический кораблик. Крохотный в сравнении с астероидом или даже с крейсером «Пуэрто Бранко». Если бы лейтенант зе Роберто взглянул на этот кораблик хоть раз, он безошибочно опознал бы в нем микроскаут работы Роя.

Но лейтенант зе Роберто видеть его не мог. Он был внизу, под поверхностью астероида.

А с «Пуэрто Бранко» и двух эсминцев Ботафого этот кораблик не засекли в силу того, что он использовал привод Роя последней модели и никаких остаточных гравитационных возмущений при выходе из-за барьера не вызвал. Визуально же кораблик точкой финиша выбрал очень незначительную область пространства в непосредственной близости от астероида, которая не прощупывалась ни с одного из кораблей Ботафого — мешал сам астероид. Плюс еще некоторая отсрочка ввиду расстояний — только по космическим меркам эскадра находилась рядом с астероидом. Реально же кораблик и эскадру разделяло полторы световых минуты; правда, это расстояние быстро сокращалось.

Кораблик двигался очень целеустремленно, словно знал, что делает и что здесь ищет.

Он быстро и со значительными по меркам людей перегрузками снизился, совершил головокружительный рейд над поверхностью астероида — шестьсот двадцать с небольшим километров пути, и это на высоте около полукилометра — и стремительно снизился недалеко от купола икс-привода, смонтированного на астероиде. У небольшой, но заметной расщелины. Именно той, в которой прятался фронтальный шлюз в жилой модуль шат-тсуров.

К этому моменту Анхел Мария зе Роберто одолел половину расстояния от камеры с саркофагом к тыльному шлюзу этого же модуля. По дороге он наткнулся на неведомо кем снесенные в одно место мумии особей Роя — в основном, рабочих. Тот факт, что трупы были принесены сюда, не вызывал сомнений: они располагались аккуратными рядами, словно на кладбище. Это было замеченное еще с орбиты скопление неживой органики.

Здесь лейтенант зе Роберто тоже не стал задерживаться дольше, чем требовалось на установку маячка. Он успел склониться к мысли, что максимум информации возможно собрать только на жилом модуле. А потом можно будет посушить голову и над мертвыми особями Роя — и над маткой, и над рабочими.

Вскоре он добрался до тыльного шлюза, и с первого же взгляда понял, что шлюз защищен. Каналы охранительных излучателей прятались с обеих сторон перед створками. Любой нежданный гость столкнулся бы со сплошной смертельной стеной. С этим лейтенанту Анхелу Марии зе Роберто пришлось провозиться почти двадцать минут. Когда проблема была решена, излучатели заблокированы, а внешние створки шлюза открыты, его переполняла гордость за удачно и мастерски проделанную работу. Отворить внутренние створки было нетрудно даже дилетанту. Вероятно, именно из-за этого лейтенант на миг расслабился и потерял бдительность. Из-за этого, и из-за того, что он был абсолютно уверен в том, что на территории модуля нет никого живого. А возможно и из-за того, что створки подались даже раньше, чем он рассчитывал.

Его винтовка была опущена, когда две серых вертикальных плоскости разошлись, и Анхел Мария зе Роберто увидел стоящего сразу за ними человека. Человек в вытянутой руке держал мощный плазменный пистолет, и голову лейтенанта от дузы пистолета отделяло всего несколько сантиметров.

— Йовази! — сказал человек и выстрелил.

Лейтенант Анхел Мария зе Роберто умер, так и не успев понять, что убил его все-таки не человек. Гуманоид, но не человек. И, уж конечно, не успел он понять, что стал очередной жертвой черной эстафеты.

Этап пятый: Йири-Йовази, Oaonsz, Морита Грифона — Тау Хромой Черепахи.

Момент смерти лейтенанта Анхела Марии зе Роберто.

Йири-Йовази все рассчитал правильно: этот остопоп с Ботафого не успел даже пикнуть, как лег на пороге шлюза с простреленной башкой. Пушка работы Роя превзошла все ожидания Йири: пробить силовой скафандр — это вам не пальцем в

небо попасть. А ведь плазменный импульс прошел навывлет, то есть поле скафандра прожжет дважды...

Ну и инженеры у Роя! Йири-Йовази всегда подозревал, что при желании Рой может подмять под себя всю галактику, но ему это просто не нужно. Роя выгоднее, чтобы в галактике копошились остальные расы. Чего-то добывали, чего-то производили. Роя все это проще купить или выменять, чем пытаться добывать и производить самому. Перед мудростью древних насекомых склонял голову даже он — пират-перевертыш, разграбивший не один десяток случайных кораблей самых разных существ. Даже он понял, что далеко не всегда выгодно грабить все подчистую. А иногда — грабить вообще невыгодно. И уж конечно невыгодно убивать: во-первых, легко можно нарваться на ответные карательные меры, и даже волшебство икс-привода не может стать гарантией безнаказанности. А во-вторых и в главных — все, что можно продать за деньги, не возникает само. Кто-то должен здорово попотеть, чтобы оно появилось. Так зачем же убивать тех, кто потеет? Нужно просто уметь снять свою долю — причем, лучше небольшую, и тогда можно будет стричь свои пангала до посинения. Никто и не пикнет. А перегнешь,пустишь трудягу по миру — глядь, а он уже и за пушку взялся. А что такое разоренный трудяга Йири-Йовази предпочитал не вспоминать даже в кошмарном сне.

Тем не менее друзья-подельщики Йири, все как один перевертыши, эти простые истины почему-то не желали вдабливать в свои твердокаменные лбы. Но самому Йири — верили. Потому что везунчикам верят. А тот факт, что Йири никакой не везунчик, а просто умнее сброда, с которым летал и грабил, не имел ровно никакого значения. У межзвездных пиратов существовали только два критерия оценки: размер добычи и время, проведенное на пиратских трассах. Если по первому критерию Йири-Йовази слыл крепким середняком, то по второму равных ему в галактике нашлось бы не так уж и много, и дело вовсе не в том, что оаонс-перевертыши живут заметно дольше других разумных.

Кораблик работы Роя Йири тоже понравился. Послушный, точный и быстрый. На таком можно шастать по всей галактике, и не факт даже, что какой-нибудь супер-пупер-крейсер тебя поймает. Конечно, если это не крейсер Роя, не загадочная матовая сфера, оборудованная приводом последней модели. У Йири слюнки текли, но он заранее смирился, с тем что кораблик этот придется вернуть Хозяину. И понимал, что надуть Хозяина — значит затянуть петлю на собственной шее. Среди оаонс до сих пор применялся этот варварский метод умерщвления, особенно в разборках старых кланов. А то, что Хозяин принадлежит к могущественному клану у Йири не вызывало ни малейших сомнений. Клан, да еще, поди, входящий в синдикат... Тут могут и не петлей. Тут могут просто отпилить башку ножовкой, с них станется. Никакой метаморфоз не поможет.

В общем, задание придется выполнить точно и быстро. Заполучить свои денежки, благо старые кланы обычно не скупятся, оплачивая исполнителей, и мотать к браткам-подельщикам дальше потрошить межзвездные трассы. Йири-Йовази поздравил себя с удачным началом, отпихнул ногой обрonnenную винтовку человека-разведчика и снял у него с пояса чехол с базой и маячками.

Засек эхо; человек успел поставить четыре маячка, и, кажется, все вдоль норы. То есть, петлять не придется, если сразу нужное не найдется. Придется просто пройти тем же путем как минимум до первого маячка, а в крайнем случае — до последнего, четвертого.

Этот неожиданный приработок нашел Йири-Йовази во время короткого визита в метрополию: с одного купчины удалось стясти кое-какие древние векселя, еще на кристаллах записанные. Йири посчитал годы, прикинул проценты, и тихо обомлел. Потом взял купчишку за шиворот и поинтересовался, почему тот сам не пытается снять проценты. Ответ оказался тривиальным, но очень правдоподобным: купчишка просто боялся. Правильно, кстати, боялся. Если бы к самому Йири подкатился подобный остолоп и чего-нибудь потребовал, дня не прошло бы и этот остолоп успокоился бы где-нибудь в неприметном месте с простреленным торсом, а векселя Йири тихо убрал бы сейф, или вообще распылил бы к Трем Матерям и навеки забыл о них. С долгами расставаться нетрудно, особенно когда их при этом не нужно возвращать. В общем, векселя Йири-Йовази прикарманил, потом оценил груз купчишки, оставил ему столько, чтоб тот получил небольшую прибыль от продажи (даже учел расходы на топливо, стоянку и пошлины), остальное велел ребятам переташить в трюм «Рулебоя» и предложил купчишке убираться, пока Йири добрый. Купчишка, несказанно удивленный тем, что ему хоть что-то оставили, ретировался в рекордно короткий срок, чуть наведение, наверное, не сжег. Братки по привычке ворчали: зачем, мол, столько товара оставил этому балбесу? Йири-Йовази привычно

отмахивался: зато, говорил, этот балбес при случае еще раз сюда сунуться не побоится. А отобрали бы все — точно не сунулся бы ни в жизнь. И в довершение Йири объявил команде, что намечается давно обещанный отдых, да не где-нибудь, а в столице Оа! Да не несчастный день или два, а не меньше полуцикла! Команда дружно взревела от восторга, заранее предвкушая праздник животов и глоток. Пока братки будут ставить на уши столичные питейные заведения, Йири-Йовази планировал по душам потолковать с типом, чья идентификация пришиливалась к так удачно приобретенным вексям. Или с наследниками вышеозначенного типа, что дела практически не меняло.

Но все пошло совсем не так, как рассчитывал Йири-Йовази, причем первые подозрения закрались у него уже после визита в сетевую адресно-идентификационную службу. Из-за терминала Йири-Йовази встал слегка обалдевший. Апартаменты, в которых обитал искомый тип, являли собой нечто среднее между крепостью и дворцом. И Йири-Йовази стал сильно подозревать, что ни хрена он не стрясет, а может еще и неприятности нажить. Но визит в крепость-дворец он все же нанес, и его даже приняли. Мельком взглянули на векся, без разговору выложили почти полтора миллиона пангала (слитками! Не на счет, и даже не вожденной наличкой — слитками! Йири чуть сознание не потерял, да так и не понял от чего — от радости или от страха). А тип, который предложил называть себя Хозяином, вкрадчиво поинтересовался не хочет ли Йири-Йовази заработать еще. Причем, существенно больше.

И Йири, забыв об осторожности, сказал, что хочет. Речь шла о сорока семи миллионах пангала. Не рискнуть он просто не мог, иначе какой он перевертыш? Работа небезопасная, сказал Хозяин.

Ну, и я не пайныка, ответил Йири-Йовази. Откуда у меня такое прозвище, Йири-Йовази, что значит «Йири-Прощай»?

Ты говоришь «Прощай» всем, кого убиваешь, сказал Хозяин.

Йири удивился — Хозяин угадал. А еще вернее — знал.

Да, сказал Йири. Так и есть.

Впрочем, все это неважно, сказал Хозяин. Я дам тебе корабль, которому равных нет. Смотаешься в систему Мориты Грифона, возьмешь на борт одну вещь, привезешь куда скажу, и свободен.

Идет, сказал Йири-Йовази. А убивать придется?

Возможно, сказал Хозяин. Поэтому будь готов.

Я могу знать — кого? — спросил Йири.

Если придется, то скорее всего людей-военных, ответил Хозяин.

Но у них же скафандры, усомнился Йири.

У тебя будет экипировка работы Роя, успокоил Хозяин.

Тогда, вопросов больше нет, сказал Йири. Подробности имеются?

Имеются, заверил Хозяин. И выложил подробности.

И вот, Йири здесь. На астероиде вблизи Мориты Грифона. Осталось только отыскать то, что Хозяин назвал «саркофагом», погрузить его на корабль Роя и задать стрелача, подальше от людской эскадры что тянула к астероиду.

Он заранее метаморфировал глаза и термочувствительные участки на лице. Поле скафандра внешние раздражения транслировало на кожу. Впрочем, термочувствительность сейчас Йири-Йовази почти не помогала — астероид был выстужен временем и космосом. После тепла жилого модуля спрятанная под поверхностью нора казалась равномерно-голубоватой, и приходилось уповать лишь на зрение. Тусклые люминофоры в носках ботинок давали настолько скудный свет, что любая другая раса вряд ли что-либо разглядела бы в такой тьме. Но только не перевертыш. Йири хватало и этого скудного света. В метаморфированном состоянии его глаза способны были воспринимать даже отдельные кванты.

Ближайший маячок человека с Ботафого отмечал не то, что искал Йири-Йовази. Ближайший маячок был оставлен в небольшом расширении норы, где рядами скрючились на голом каменном полу особи Роя. Все они были иссохшие и мертвые уже очень долго — Йири не улавливал даже следов бывшего тепла. Хотя Рой состоит и из насекомых, и их температура куда ниже, чем у перевертышей, все же они хранят в живом состоянии их собственное тепло. Эти же были холодны, как окружающий камень. Кто или что их убило Йири-Йовази совершенно не интересовало. Особь Роя для всего Роя — не более, чем отдельная клетка для перевертыша. Разве Йири скорбит об отмершей клетке? Об отшелушившейся кожной пластинке? Рой тоже не станет скорбеть по этим особям.

Йири-Йовази подозревал, что Рой вообще не умеет скорбеть.

«И правильно, — считал Йири. — Скорбь только отравляет будущее. А будущее для себя нужно строить по возможности чистым и незамутненным.»

Еще один бросок в теле астероида, и Йири попал в просторную камеру, куда кроме норы, по которой Йири прибыл, стекались еще две. Но выбирать куда лучше отправиться дальше ему не пришлось: искомый предмет находился в этой камере. Йири-Йовази сразу узнал его. Чешуйчатый прямоугольный ящик, дышащий слабым теплом. Причем, теплый не сам ящик — что-то теплое кроется внутри него. Теплое... живое. Но что? Йири не мог понять. Да и не очень пытался. Он прыгнул ближе. Ящик был чист от пыли — а на полу камеры, особенно у стен, пыли скопилось довольно много. Даже не пыли, а каких-то разлезшихся белесых лохмотьев, хранящих следы бывшего тепла. Тоненькая полоска, чуть более теплая, чем остальная поверхность ящика, перечеркивала верхнюю плоскость. Вдоль. «Створки», — догадался Йири-Йовази.

Примерно у середины по обе стороны от полоски виднелись два жирноватых пятна округлой формы. словно к поверхности ящика лепили какую-нибудь дрянь.

«Небось, взрывчатку, — подумал Йири. — Открыть хотели. Да, видно, не удалось.»

Даже следов взрыва Йири-Йовази не отыскал, хотя внимательнейшим образом присмотрелся.

Не было следов. Совсем.

Учти, говорил Хозяин перед стартом кораблика Роя с частной взлетной площадки на территории дворца-крепости. Открывать саркофаг нельзя. Попробуешь открыть — труба тебе. Найдем и придавим. А привезешь как есть — и тебе никогда в жизни уже не придется заботиться о завтрашнем дне. Потому что даже если ты, как истый перевертыш-долгожитель, дотянешь до дня, когда иссякнут твои без малого полста миллионов, клан найдет чем тебя занять.

Конечно, Йири-Йовази было любопытно — что же там внутри? Но не настолько, чтобы попробовать надуть могущественный клан из метрополии. Самому тупому дикарю понятно, что там внутри прячется нечто (или некто) подороже полста миллионов. Замечательно. Пусть прячется. Лишь бы наружу не лезло, пока Йири будет вспарывать пространство на чудо-кораблике Роя.

Он вынул из кармана плоский диск портативного антиграва, с размаху прилепнул его к саркофагу — прямо на теплую черту-створку, активировал, и взялся за упругий шнур с поперечинкой на конце, прячущийся в диске.

Саркофаг и не подумал взмыть. Йири-Йовази повозился с настройкой, меняя напряженность поля антитяготения. Наконец саркофаг неохотно шевельнулся. Йири взглянул на шкалу и уважительно гукнул: эта махина весила столько, словно состояла сплошь из какого-нибудь трансуранида! Мощности антиграва едва хватало, несмотря на то, что сила тяжести на астероиде была смехотворная. Впрочем, Йири-Йовази был основательным перевертышем: у него имелся запасной антиграв. Прилепив к саркофагу и его, Йири сбросил мощность первого, довел мощность второго до нужной величины, и с величайшим удовлетворением полюбовался на воспаривший саркофаг. А потом ухватился за шнуры-поводки и потащил чешуйчатую диковину за собой, словно воздушный шарик.

Ему не следовало терять время. Корабли с Ботафого могли вот-вот подоспеть. Прыгать они, конечно, не станут: расчет прокола на такое ничтожное расстояние займет больше времени, чем рейд на досветовой. Пока Йири казалось, что он успевает. Даже с небольшим запасом.

И он нырнул в нору, увлекая на буксире саркофаг.

Мимо кладбища мумий он постарался проскочить побыстрее. Все казалось, что мумии за ним подглядывают. Не то чтобы Йири боялся — боялся бы подобной ерунды, никогда не стал бы пиратским вожаком. Просто было неприятно. Неуютно. Не по себе. Вот он и спешил, прыгая, словно запряженный сверчок.

Кстати, на материнской планете людей тоже существовало мелкое насекомое, которое умело прыгать и издавать стрекочущие звуки. Да почти на каждой обитаемой планете подобное насекомое существовало. Йири когда-то в припадке благодушия подумал, что мир — это просто многочисленные отражения одной и той же сущности, и именно поэтому инопланетяне, разнясь телесно, ужасно похожи друг на друга поступками и мышлением.

Внешний шлюз, уходя, Йири-Йовази оставил открытым. Намеренно — чтоб не сработали ненароком охранные излучатели. Йири их отключил, но мало ли... Инопланетная техника обычно таит в себе различные странности.

В шлюзокамере пришлось снова поманипулировать настройкой антигравов — в пределах модуля действовало почти нормальное тяготение. Привычное для бывших хозяев шаттсуров, и слегка заниженное по меркам оаонс. Саркофаг у порога клюнул передней

кромкой и словно прирос к полу. Йири-Йовази живо увеличил мощность обеих антигравов, и груз медленно, будто бы неохотно, взмыл снова. Мощность антигравов приблизилась к максимальной... Йири подумал, что стандартный антиграв-шар, к которым привыкли оаонс, вряд ли справился бы с такой массой. А изделия Роя – крохотные, меньше ладони, плоские диски – справлялись. На пределе и в паре, но все-таки справлялись.

Труп человека с Ботафого валялся сразу за порогом внутреннего шлюза. На него Йири только покосился, и сразу направился к фронтальному шлюзу, по кольцевому коридору, в обход центрального поста.

Кстати, на пост надо заглянуть.

У входа Йири-Йовази зацепил шнуры за страховочный релинг и вошел в центральный пост. В принципе, здесь все было похоже на рубку любого звездолета, только невероятно просторную. Некоторое время Йири исследовал пульт в поисках нужного типа драйв-привода, и никак не мог его найти. Потом обратил внимание на какую-то постороннюю конструкцию со снятой задней стенкой, стоящую на полу рядом с креслом пилота; конструкция сия была наживо подключена в распотрошенному блоку в пульте. Еще спустя мгновение Йири-Йовази понял: это именно то, что он ищет.

Стандартный комплект внешних драйвов в исполнении шат-тсуров не содержал драйва, совместимого с людскими носителями. Поэтому прежним хозяевам пришлось взять какую-то шарманку работы людей и прирастить ее к общей системе.

Йири быстро разобрался что именно ему нужно, ткнул ногтем в один сенсор, во второй, и наконец принял выскочивший из узкой щели приемника краешек диска. – Оно! – воодушевленно гукнул Йири. Он был очень доволен собой.

Хозяин говорил, что если диск обнаружить не получится, это плохо, но не смертельно. Тогда Йири следовало самостоятельно тянуть в отдаленную звездную систему со странным названием Косинус, и там ждать. Если же Йири отыщет диск – все проблемы снимаются автоматом, потому что на диске полные вычисления нескольких треков. Вставляй диск в драйв, учитывай свежие поправки, запускай пульсации – и ты на месте. Йири-Йовази, помнится, еще удивился: к чему такие сложности? Но виду не подал. А Хозяин словно прочел эту его мысль.

Видишь ли, такое дело, сказал он. Саркофаг не может находиться в произвольной точке пространства. Точнее может, но это ведет к плачевным последствиям. На диске содержатся координаты мест, где саркофаг может длительное время пребывать сравнительно безболезненно. Поэтому не удивляйся нелогичным трекам и хаотичным пульсациям. Они хаотичны только на первый взгляд. Если не найдешь диск на астероиде... Тогда ты знаешь куда идти. Но лучше тебе его найти.

Хозяин так это сказал, и так взглянул на Йири, что тот сразу понял: лучше ему найти этот треклятый диск. Не то это приведет к... плачевным последствиям. Как пребывание саркофага в произвольной точке пространства.

Поэтому Йири-Йовази испытал огромное облегчение, взяв диск в руки. Потом засомневался: а вдруг это другой диск?

Сунул его назад в драйв и уселся за терминал.

Терминал шат-тсуров доставлял некоторые неудобства, но в целом работать на нем было можно. Система понималась интуитивно, поскольку основывалась не на отдельном алфавите какой-нибудь расы, а на символических знаках, а они успели стать в галактике достаточно универсальными. Йири-Йовази некоторое время соображал каким образом приращена к ходовому компьютеру земная шарманка. Сообразил. Проглядел содержимое диска, и сразу успокоился.

Это был именно тот диск, который советовал найти Хозяин.

Йири извлек его из драйва, сунул в загодя приготовленный чехол, чехол – в карман комбинезона, встал и огляделся. Потом с сожалением полез в другой карман и расшвырял по полу несколько таблеток универсальной взрывчатки. В последнюю он воткнул иголочку детонатора и пристроил на плоском манипуляторе инопланетного компьютера. Пульт взрывателя-дистанционки Йири до поры опустил в карман.

– Все, кажись, – пробурчал он, направляясь к выходу.

Створка послушно ушла в стену, Йири-Йовази шагнул в коридор, и чуть не упал от неожиданности. Все тело пошло мелкими складочками, и лишь каким-то чудом он не соскользнул в рефлекторный метаморфоз.

Вместо саркофага привязанный шнурами к релингу в коридоре парил Ангел Смерти. Оаонс в нетрансформированном виде с водяными часами в одной руке и звездой о девяти лучах – в другой. Тепло-желтые одежды Ангела слабо переливались и пульсировали, словно живая плоть морского моллюска.

Йири-Йовази отшатнулся назад в рубку, бездумно хватаясь за плазменник.

Ничего не происходило.

Он стоял на некотором расстоянии от выхода, кожные пластинки непроизвольно топорщились, а в голове царило смятение пополам с замешательством. Ангел Смерти? Но Йири-Йовази не верил в ангелов. А если бы верил – тогда удивлялся бы почему до сих пор жив.

Ангела Смерти перевертыш может увидеть только раз в жизни. В последний ее миг. И только в случае, если он религиозен.

Йири-Йовази всегда считал байки церковников чушью. В детстве мать часто таскала его в храм, и изображения Ангела Смерти на стенах храма Йири запомнил накрепко. Водяные часы, звезда, и тепло-желтые одежды...

– Дерьмо! – громко сказал Йири-Йовази, собрался с духом и, держа пистолет перед грудью, шагнул в коридор.

Саркофаг мирно парил над ворсистым полом. Никаких ангелов в непосредственной близости не наблюдалось. Определенно. Йири энергично повертел головой, поспешно отвязал шнуры от релинга и чуть не бегом кинулся к фронтальному шлюзу. Саркофаг витал чуть позади, изредка задевая углами стены при особенно резких рывках. Йири мельком подумал, что это, пожалуй, лишнее, но замедлиться не нашел в себе сил. «Ни хрена ему не сделается, – подумал Йири с легким раздражением. – Не стеклянный. Вон, сколько весит...»

Пройдя шлюз, Йири-Йовази отодрал от глазка сканера нащепку с фасетчатым глазным рисунком шат-тсура, сбросил код на нули, и поспешил к сидящему над расщелиной сферическому кораблю, который, разумеется, несколько раньше окрестил «Рулебоем». На первом же шаге Йири покинул зону искусственного тяготения и антигравы рванули саркофаг вверх. Йири-Йовази подбросило и повлекло в небо, словно на воздушном шаре. К счастью, шнуры из руки он не выпустил, вцепился в поперечинки на концах; потом помалю намотал шнур на локтевой стиб, ценой невероятного акробатического кульбита дотянулся до прикрепленных к поверхности саркофага антигравов и откорректировал мощность. Взлет сначала замедлился, а потом превратился в плавное падение.

– Ну и ну, – с облегчением проворчал Йири-Йовази. – Совсем я голову потерял. Болван. А все из-за какой-то галлюцинации...

Он вспомнил Ангела Смерти и невольно вздрогнул.

Плавное падение завершилось посадкой на макушку «Рулебоя». Спружинив ногами, Йири-Йовази спустился на грунт рядом с разломом, утвердил подле себя саркофаг и открыл шлюз. «Рулебой» пустил его в себя безропотно, как и полагается преданному кораблю.

Изнутри, из-за капитанского пульта Йири-Йовази отворил зев грузового шлюза, вышел, отбуксировал саркофаг в отсек, закрепил, снял антигравы и облегченно потрусил в рубку.

Перед самым шлюзом он остановился.

– Ах, да, – сказал он. – Совсем забыл.

Вынул из кармана пульт дистанционного управления и утопил оранжевую кнопку. На крошечном табло тотчас возникли цифры обратного отсчета времени.

– Йовази, модуль шат-тсуров... – попрощался Йири-Йовази.

И поспешил в рубку. До взрыва оставалось всего-ничего.

Пришло время старта.

Усевшись в пилотское кресло, Йири-Йовази первым делом воткнул в драйв добытый диск – наличие земного привода на корабле Роя почему-то совсем не удивляло. Наверное, Йири подспудно понимал, что Рой строит корабли для других рас. И для людей в том числе. И именно такой корабль сосватал ему клан Хозяина.

Матовый шар «Рулебоя» оторвался от краев разлома и свечой ушел к звездам. А через некоторое время порода над модулем содрогнулась, но не раскололась, как ожидал Йири-Йовази – модуль был упрятан в толщу камня достаточно глубоко.

Приборы равнодушно зафиксировали сотрясение близлежащих масс вещества.

Тем временем Йири запустил броузер мгновенной почты. Хозяин ответил почти сразу, словно ожидал вызова перед терминалом. Но он попутно был чем-то занят, поскольку сидел к объективу вполоборота.

– Саркофаг у меня на борту, Хозяин. Диск в драйве, – бодро доложил Йири-Йовази.

– Отлично, парень. Стартуй, – Хозяин, как и все деловые лица, старался быть немногословным.

– Пульсация просчитывается. Кстати, куда меня забросит, чтоб не ковыряться в сопроводилровке?

– К Амазонке.

– Амазонка... – Йири поскущел. – доминанта Земли. Не люблю.

– Потерпишь.

- Конечно, потерплю, Хозяин.
- Вызывай меня после каждой восьмой пульсации.
- Понял, Хозяин.

Хозяин отключился, не прощаясь, как и подобало большой шишке в клане. Йири-Йовази подозревал, что Хозяин и в синдикате не последняя фигура, не то что в клане. Если Йири выполнит это задание и его подрядят на второе — это будет означать, что клан заинтересован в нем, как в исполнителе. А значит, можно начать затяжное карабкание по иерархической лестнице клана. Это вам не задрипанное пиратство на захолустных трассах. Это — карьера. А для перевертыша без роду без племени попасть под покровительство клана — немыслимая удача. В то, что клан заплатит ему полста миллионов, Йири-Йовази уже не очень и верил, но это его ничуть не смущало. Одно дело безобразничать на свой страх и риск, и совсем другое — ощущать за спиной громаду синдиката.

Синдикат родился и окреп пару сотен лет назад, как раз вскоре после вступления людей в Союз. Когда оаонс вырвались из-под навязчивого покровительства цоофт и возродили изначальное клановое устройство собственного общества. Смута, которую внесли разгильдяи-люди в стройную и упорядоченную структуру Союза, явилась для синдиката настолько благодатной почвой, что он восстал, словно колосс из руин и прочно воцарился в области галактики, контролируемой перевертышами.

Теперь Йири-Йовази понял, что синдикат поддерживал какие-то тайные сношения с Роем. Во всяком случае, изделий работы Роя в распоряжении синдиката было гораздо больше, чем Йири повстречал за всю жизнь.

«Рулебой» тонко пискнул, извещая, что готов к прыжку. Йири касанием подтвердил «Добро».

Он хотел сказать «Йовази» шальному астероиду, прилетевшему к Морите Грифона неизвестно откуда. Но передумал. Ведь тогда ему пришлось бы астероид уничтожить, а не было чем.

Сферический кораблик исчез из реального пространства, не потревожив ни одну из струн бытия.

Эскадра с Ботафого, подоспевшая к астероиду полтора земных часа спустя, так ничего и не поняла. Высаженные разведчики прошли по маячкам, обнаружили завал на месте жилого модуля, пожали плечами и занялись собственно икс-приводом. Анхелу Марии зе Роберто на всякий случай дали боевой орден посмертно. То, что интересовало Ботафого в первую очередь, нашлось. Остальное земную колонию волновало мало. А если бы и волновало — обнаружить недавнее присутствие крошечного корабля работы Роя было физически невозможно.

Поэтому «Рулебой» беспрепятственно совершил несколько прыжков и удалился от Мориты Грифона на неполных шесть тысяч световых лет. Все это время Йири-Йовази провел в рубке, играясь с корабельным компьютером. Ему было любопытно испытать комп работы Роя, и он волей-неволей сравнивал возможности этого кристаллического монстра с ходовым компом настоящего, пиратского «Рулебоя». Тот комп был работы цоофт. Принципиальной разницы Йири-Йовази не ощутил, хотя на пиратском «Рулебое» по идее полагалось стоять более мощному компьютеру, поскольку кораблик Роя считался сверхмалым, а пиратский «Рулебой» — малым.

Спустя какое-то время Йири надоело это занятие, да и в сон его начало клонить. Слопав за один присест сразу два тюбика стандартного космического рациона, Йири-Йовази закрепил гамак, забрался в него, и подумал, что можно было бы просто растянуться на двух шпагатах и отрубить гравитацию. Спать в объятиях невесомости не в пример приятнее, нежели в объятиях гамака. Но решил не рисковать: стоило «Рулебою» после пульсации выпорхнуть в обычное пространство в поле тяготения какого-нибудь небесного тела, и Йири могло крепко приложить чем-нибудь летающим по рубке. И кроме того, у невесомости есть такое неприятное свойство: после нее обычно невозможно найти нужный предмет.

Перевертыш-пират закрыл глаза, и практически сразу провалился в холодное оцепенение. Дыхание замедлилось, понизилась температура. При желании любой перевертыш мог впасть в такое состояние в любой момент и пребывать в нем довольно долго — около лунного цикла Оа. Мог и дольше, но в этом случае организм начинал истощаться и слабеть. Справедливо было и обратное — перевертыши могли не спать столь же долго без особого ущерба для себя. Йири не спал уже довольно давно, примерно половину цикла. Наверное, поэтому его и сморило.

Йири не выспался как следует. Как и всякий пират, он подспудно в любой момент был готов к драке. Поэтому резкий и отчетливый удар по переборке корабля мгновенно разбудил его.

Вскинувшись, Йири запутался в гамаке, и некоторое время потратил на то, чтобы выбраться. Встал на ноги, и прислушался. Он редко видел сны, и плохо их запоминал. И готов был поклясться, что удар этот ему не пригрезился.

«Метеорит?» — подумал Йири-Йовази озабоченно.

Вообще говоря, запас прочности у корабля Роя завидный, но кто знает к чему может привести столкновение с достаточно крупным метеоритом? В принципе, событие это считалось настолько маловероятным, что им смело можно было пренебречь. К тому же система наведения икс-привода учитывает перемещения мобильных масс в районе финиша, и никогда не забросит корабль на путь даже небольшого метеорита. Йири-Йовази напрыгался за свою жизнь предостаточно, и ни «Рулебой», ни другие корабли, на которых ему довелось попутешествовать, ни разу не сталкивались с метеоритами.

С некоторым недоверием Йири уселся за пульт и запустил диагностику внешнего слоя.

В тот же миг новый удар гулко отдался в ушах.

Йири-Йовази вскочил. Удар пришелся по внутренней переборке, это было понятно сразу. Значит, метеориты тут ни при чем. И, похоже, это переборка, отделяющая рубку от грузового отсека.

А в грузовом отсеке — саркофаг.

Стало вдруг поразительно неуютно. Йири-Йовази вспомнил видение на астероиде и ему стало неуютно вдвойне. Потом он сообразил, что на корабле Роя есть видеоконтроль всех помещений и чуть приободрился — соваться в грузовой отсек самолично почему-то о-о-очень не хотелось.

Практически все проведенное в космосе время Йири-Йовази не оставался в одиночестве. Он всегда летал и пиратствовал в команде; рейд к Морите Грифона был его первым сольным полетом. И если путь к Морите не слишком обременил Йири, то на обратном одиночество неожиданно стало действовать на нервы.

Йири-Йовази взял себя в руки, и уселся за комп. Отыскал меню видеоконтроля, активировал датчики грузового отсека и вывел изображение в объем.

Саркофаг медленно летел от стены к стене, словно в грузовом отсеке царил невесомость. Йири тупо глядел, как большой чешуйчатый «кирпич» преодолевает оставшееся до переборки расстояние, и одновременно с касанием повторилось протяжное «буммм».

Йири вздохнул с некоторым облегчением, саркофаг пустился в путь к противоположной стене.

— Однако, восемь дыр поперек и вглубь! — пробурчал Йири-Йовази. — Я же его закрепил! И почему в грузовом нет тяжести? Бардак. Оригинальничает Рой...

Он встал, подавил полуоформившееся желание взять пистолет (скафандр прострелил, вдруг и обшивку ненароком прострелит?) и направился к грузовому отсеку.

Перед шлюзом Йири не колебался ни секунды, хотя некоторый холодок в груди все же ощущал.

Створка втянулась в переборку; Йири ухватился за релинг и собрался усилием мышц пресса вбросить себя в зону невесомости.

Он едва не вывихнул руку. Никакой невесомости в грузовом отсеке не было и в помине. Чиркнув ногтями по релингу, он мешком плюхнулся на порог.

Саркофаг продолжал величаво лететь к дальней стене — слегка вогнутой.

Йири-Йовази повернул голову и поглядел на крепежные захваты: помимо гравитационного на кораблях по традиции использовался и механический. Лапы механического захвата были словно пережжены. Косой срез с застывшими пузырями металлокерама... Чудо из чудес.

И опять же — даже намек нет на невесомость.

Йири судорожно вздохнул, и в деталях вспомнил, как отлеплял портативные антигравы от верхней плоскости саркофага. Отлеплял же вроде, и в карман потом сунул. Ну да, вот они оба, один и второй.

Не вынимая руки из кармана Йири-Йовази снова уставился на саркофаг.

«Бамммм!»

Новое столкновение с переборкой, и новый курс. На этот раз прямо на Йири.

Неторопливо и размеренно...

«Три Матери, у него же масса — будь-будь!!!» — Йири-Йовази вспомнил, какую пришлось выставить мощностя на антигравы когда тащил саркофаг по норам астероида, и тихо ужаснулся.

А саркофаг тем временем неумолимо плыл через отсек прямо к нему.

Когда до чешуйчатого торца осталось пару локтей, Йири-Йовази прыгнул. Он одновременно и коснулся саркофага, и оттолкнулся от него. Возможно, это его и спасло.

Едва ладони шлепнули по теплomu, будто живому боку саркофага, этот «кирпич» вдруг обрел полноценный вес и камнем рухнул на пол отсека, переломив несчастные, уже и так поврежденные крепления. «Рулебой» тяжело содрогнулся. Если бы Йири не оттолкнулся и не отскочил, саркофаг вполне мог расплющить ему ноги. Или вообще раздавить. Был перевертыш — нет перевертыша...

На несколько мгновений Йири-Йовази остолбенел, потом зачем-то шарахнулся к открытому шлюзу. На пороге снова замер, обернулся и поглядел на взбесившийся груз. Его охватило замешательство; в происходящем содержалось что-то пугающе-нереальное.

Довольно долго Йири таращился на саркофаг, ожидая, что тот снова взлетит, или выкинет что-нибудь похлеще. Но тот, как и полагается сугубому ящику при стабильном тяготении, оставался недвижимым.

Постепенно Йири-Йовази сконцентрировал взгляд на некоем подобии короткой толстой трубы на торце саркофага. Раньше эту трубу-отросток он почему-то не замечал. А сейчас заметил.

«Интересно, — подумал Йири. — А она раньше вообще была? Или этот проклятый ящик изменчив?»

Неожиданно представилось, как из этой трубы вдруг начинает хлестать густая тягучая жидкость, заполняет отсек, заполняет весь корабль, и Йири тонет в ней, тонет, захлебывается, цепенея от ужаса... За короткий миг Йири-Йовази успел похолодеть, испугаться еще сильнее, очнуться от наваждения и разозлиться.

«Да что это я? Как маленькая девочка... в темной комнате. Страшилки какие-то дурацкие выдумываю и сам же пугаюсь...»

Йири-Йовази собрал волю в кулак, сделал шаг, другой — самые трудные, остальные дались легче — третий, четвертый, пятый, и чувствительно пнул саркофаг ботинком. Ноге стало больно, и испуг отступил окончательно. Ну, почти окончательно.

— Ах ты, пакость! — процедил Йири громко. — Страшать меня вздумал? Да я саайские патрули гонял! Я самому адмиралу Сатаиламаю сказал «Йовази» и сжег его ко всем Трем Матерям вместе с адмиральским ботом! У-у-у!

И снова пнул строптивый ящик. На этот раз полегче — ногу было все-таки жалко.

Ящик не возражал. И не сопротивлялся. Притворился просто ящиком, пусть даже и покоился внутри него кто-то живой. Хотя обычно в саркофагах покоятся либо трупы, либо анабиозники, которые от трупов отличаются лишь тем, что их в конечном итоге все же можно вернуть к жизни.

В этот момент «Рулебой» прыгнул: Йири-Йовази ощутил короткий пронзительный укол, на миг «потерял себя», и возродился уже в новом месте, за много световых лет от прежнего. И в то же время он остался в грузовом отсеке один на один со странным чешуйчатым ящиком. Ведь отсек и ящик прыгнули вместе с ним. А еще вернее — все, от соринки на полу до корабля работы Роя переместилось вместе с икс-приводом. Это окончательно отрезвило Йири-Йовази. Он сунулся к гравитационному фиксатору грузов, «взял» саркофаг, чуть сместил его к локальному гравитационному эпицентру и передвинул рычажок на максимум. Для верности. Саркофаг не возражал — по крайней мере Йири ничего подобного не заметил. Некоторое время, нервно переминаясь с ноги на ногу, Йири провел в отсеке. Похоже, саркофаг больше не намеревался буянить.

— Вот так-то! — победно, но — увy! — не очень убедительно провозгласил Йири-Йовази и убрался за шлюз. Створку он задрал вплоть до режима герметичности. И слегка порадовался факту, что открывается она только снаружи.

Все-таки было в саркофаге нечто такое, что заставляло этому факту радоваться.

— Ну, полетик! — проворчал Йири-Йовази. — Ни хрена больше не стану летать в одиночку. Свихнуться можно на радостях.

И ушел в рубку.

В рубке его ждал Ангел Смерти в желтых одеждах. С водяными часами в одной руке и звездой о девяти лучах — в другой.

Чувствуя, как внутри все переворачивается и цепенеет, Йири-Йовази споткнулся в дверном проеме. В тот же миг Ангел исчез, оставив после себя легкий термослед, похожий на колышущийся над нагретым камнем воздушный призрак.

Призрак Ангела. Надо же...

Йири-Йовази схватился за переборку, чтобы не упасть. Он не понимал, что с ним творится.

Потом попытался взять себя в ослабевшие руки. Закрыв дверь-перепонку и опустился в кресло.

Итак. С самого начала.

Оа от Мориты Грифона отделяло больше тридцати светолет, а это, почти семьдесят пульсаций, включая корректировочные. Перелет занял половину лунного цикла Оа, и на протяжении всего этого времени Йири-Йовази ни разу не задумался о собственном одиночестве и ни разу не ощущал тревоги, ни разу не почувствовал себя неудобно. И, естественно, не случилось у него никаких видений.

А теперь? Еще взлететь с астероида не успел, как всякая чушь грезиться начала! Да еще, если честно, чушью видения называть боязно — а ну этот Ангел возьмет и обидится? Тогда уж Йири-Йовази точно несдобровать...

Он отчаянно потряс головой и до хруста в суставах сжал кулаки.

Спокойно. Спокойно. Не паниковать. Страх — это очень тонкая штука. Стоит ему поддаться, и изгнать его из души уже невозможно. Он селится там прочно и безвылазно, растет, ширится, заполняет собой все естество, а если душу заполонит страх — жди беды. Беда будет таиться везде, за каждым поворотом и в каждом поступке. Там, где беззаботный обтяпает свои дела и забудет о них, объятый страхом обожжется и все заперет. А страху только это и нужно.

Но как его, Три Матери, побороть, страх? Как справиться с ним и с одиночеством, если вокруг — бездна, декорированная далекими огоньками звезд, а по кораблю то разгуливает Ангел Смерти, которого на самом деле не существует, то летают тяжелые предметы, словно в них вселились злые духи? Как?

Йири понимал, что на эти вопросы точных ответов не существует.

Во-первых, думал он, нужно убедить себя, что все происходящее — лишь наваждение. Результат какой-нибудь пакостной эманации саркофага. Конечно, саркофага — чего же еще? Стоило оказаться рядом с ним, и пошли странности. Раньше ведь странностей не было? Нужно поверить, что иллюзия не в состоянии принести вред. Очень непоследовательно Йири-Йовази вдруг подумал, что даже выйдя в космос многие расы так и не сумели избавиться от первобытных суеверий.

Осознав чуть погодя собственную непоследовательность, Йири-Йовази слегка приободрился. Если он в состоянии отвлечься, это значит, что страх еще не успел пожрать его целиком. Значит, он еще способен размышлять о постороннем, и получается, что со всеми радостями последнего времени можно бороться. Успешно. Йири-Йовази криво и несколько натужно ухмыльнулся (эта натужность была неприятна, но очевидна) и сердито прошипел:

— А, вот, хренушки тебе, хреновина чешуевая! Не слопать тебе Йири-Йовази! Ядовитый я!

Доля фальши во всем этом присутствовала, но очень незначительная. Йири подумал, что сейчас самое время включить какую-нибудь бравурную музыку, но в полет он с собой захватил только подборку фильмов и книг. Даже не звуковых, а символьных. "Фильм, что ли, поставить? — подумал Йири-Йовази, но решил, что не стоит. Вместо этого он включил видеоконтроль на постоянку, в фоновом режиме. Саркофаг мирно покоился в гравизахвате и летать на манер сказочного Нути-Нагути больше, вроде бы, не собирался. И на том спасибо...

А вместо фильма Йири-Йовази решил нюхнуть веселящего. Дабы пригладить нервы и хоть как-то оправдать галлюцинации. Авось, решил он, потом все на веселящий и спишется. Очнешься с чугунной башкой и провалами в памяти, но зато никакие видения странными не покажутся и уж наверняка не испугают.

С этой мыслью Йири-Йовази добыл из-под сидения свою любимую торбу из шкуры собственноручно убитого на Иншуди песчаного хищника, покопался и отыскал заветный пакетик с сероватым порошком. Отмерить дозу и прокалить слегка... И все.

Очень скоро он сумел сбросить напряжение, а жизнь стала казаться цветной и не такой уж страшной. Подумаешь, Ангел... Если нужно, можно и с духами сплясать, и с демонами за лапы здороваться.

На лице Йири-Йовази поселилась блаженная улыбка. Он откинулся в кресле и уставился в пустоту, которая казалась ему вовсе не пустотой. На краешке пульта, у самой клавиатуры, лежал полупустой пакетик с порошком.

Жизнь продолжалась.

«Рулебой» просчитывал новую пульсацию. Диск бесшумно вращался во чреве привода, данные считывались и обрабатывались. Далеко-далеко, на материнской планете перевертышей ждал свой груз, стора от нетерпения, Хозяин. Далеко-далеко на безымянном астероиде покоился под толщей обрушившейся породы неизвестный Йири-

Йовази человек с Ботафого. Кутила и безобразничала в метрополии беспутная команда, братки-пираты.

Йири-Йовази в этот момент мог объять вселенную, если бы захотел. Но в таком состоянии он не умел хотеть. Ему незачем было чего-нибудь хотеть. Йири качался на волнах эйфории, надеясь, что эйфория продлится подольше. И в этом заключался высший смысл — по крайней мере, так ему в данный момент казалось.

Дальнейшие воспоминания были обрывочны и вопиюще неполны. В какой-то момент Йири помнил себя тупо борющимся с запором шлюза в грузовой отсек, а потом сразу, без перехода — пляшущим на саркофаге какой-то варварский танец и матерящимся на более-менее известных четырех языках. Потом опять сразу, без перехода Йири очутился в умывальне-сортире сидящим на полу. Голова был почему-то мокрая — наверное, поливал себе на макушку, пытался протрезветь. Кое-как Йири встал и решил идти в рубку, развесить гамак и завалиться спать, но вместо этого опять поперся в грузовой отсек. Дошел или нет — Йири не помнил, потому что на полпути сознание опять померкло, а когда включилось — он разбитыми в кровь руками пытался поставить код на все тот же шлюз в грузовой отсек. Потом снова случился провал, завершившийся в рубке. На этот раз Йири очнулся висющим поперек гамака, а на полу было полным полно мелких обломков — должно быть, Йири расколотил в припадке гнева какой-то прибор.

Когда веселящий отпустил окончательно, Йири-Йовази понял, что лежит на полу, под гамаком, на острых и колючих обломках. На спине, верно, не осталось живого места, и комбез не помог. Кулаки распухли и посерели. Голова разламывалась. С утробным стоном Йири пошевелился и попытался встать. Встал, но не сразу. Добрел до угла-камбуза (целых шесть шагов!), и первым делом всосал целое озеро первого попавшегося сока. Две с половиной упаковки. Стало легче, но ненадолго.

Потом Йири вспомнил танцы на саркофаге и сокрушенно гукнул. Поднес к глазам несчастные кулаки, и увидел, что к левому рукаву прилипла полупрозрачная чешуйка.

Чешуйчатым на этом корабле был только саркофаг.

Йири осторожно, словно опасаясь обжечься, снял чешуйку с рукава и поднес к глазам. Пальцы слушались неохотно, словно таили обиду на хозяина, не уберетшего их в веселящем угаре.

Чешуйка казалась мертвой. И живой никогда не была, похоже. В этом Йири-Йовази практически не сомневался.

В следующий миг Йири перевел взгляд на пульт и тихо обомлел. Ибо понял, что именно он расколотил будучи под веселящим.

Компьютерный блок, который содержал привод для чтения человеческих дисков. Вытащил его из гнезда и расколотил. Вдребезги.

На грани паники, Йири принялся озиаться, и почти сразу углядел у стены целый и невредимый диск с курсом Хозяина и броузером мгновенной почты. Видимо, диск Йири вынул и швырнул о стену, а потом уж принялся ломать аппаратуру...

Подобрав диск, Йири искал и нашел чехол, и от греха подальше спрятал все в ящик при пульте. Потом как мог убрал мусор с пола и крепко задумался. Как же быть дальше.

Очевидно, что держать курс, приемлемый для Хозяина он не сможет. А запасного драйв-привода нет... Значит придется его раздобыть. Да, но цела ли система наведения в целом?

Йири-Йовази почувствовал, как встают дыбом кожные пластинки. Если нет — то ему конец. С неработающим икс-приводом он обречен торчать в этой части космоса до самой смерти, которая придет достаточно быстро — ресурс корабля Роя не так уж и велик. Припасов не хватит и на десяток циклов, даже если, погружаться в спячку. Добро, хоть вода и воздух не могут иссякнуть...

Проклиная собственную дурь и непослушные пальцы, Йири-Йовази оттестировал систему и с неописуемым облегчением убедился, что базовые функции вполне работоспособны. А значит, он может прыгать куда угодно. Без разбитого привода он просто не знает — куда именно.

«Так, — подумал Йири-Йовази озабоченно. — Придется тащиться к ближайшему обитаемому месту и покупать этот долбаный привод. И делать это живо, потому что синдикат может вообразить, что Йири затеял свою собственную игру, а это равносильно смертному приговору.»

Он оживил сканирование и принялся ориентироваться. Довольно быстро Йири понял, где находился. В весьма странном месте, формально принадлежащем людям.

Именовалось оно Скоплением Хромой Черепahi и состояло из доброй тысячи звезд, в основном карликов и нейтронных. Впрочем, среди звезд попадались и спектральные

родичи солнца Оа. Когда-то в одной из систем люди основали колонию, названную Рутанией. Впоследствии колония была сожжена свайгами, превращена в активно излучающее пылевое облако и люди надолго покинули Хромую Черепаху, но вскоре после вступления в Союз вернулись. Понятно, что мало-помалу разрастающееся пылевое облако приходилось обходить стороной, но несколько звезд с пригодными для освоения планетами в скоплении все же нашлись. Одна из таких звезд — Тау Хромой Черепахи — приютила очередную человеческую колонию. Вот она-то и заинтересовала Йири-Йовази. На человеческом мире легче всего отыскать человеческий драйв-привод...

Йири быстро прикинул трек — получалось, что можно ужаться в три пульсации, а дальше тянуть на штатном антиграве, благо энергии в «Рулебое» под самую завязку. Запустив расчеты, Йири побрел в умывальню, отмокать и лечиться.

Так или иначе, поставленной цели он достиг: отвлекся и позабыл о страхе, о странностях с саркофагом и об Ангеле Смерти. Вопрос только в том — не слишком ли велика цена, уплаченная за забвение?

Курс реабилитации кистей рук занял время до первой пульсации. Расчет второго прыжка Йири пересидел, запершись в тесном циркулярном душе и борясь с искушением нюхнуть еще самую малость веселящего, чтобы прошла голова. Но ему хватило сил и ума сдержаться. Третьей пульсации он дождался уже вернувшись в рубку и заставив себя опустошить положенный тюбик рациона. После веселящего у Йири-Йовази почему-то всегда пропадал аппетит, на день-другой, но организму требовалась пища, и он давился, но глотал питательное желе, обильно запивая соком. Жажда после веселящего, наоборот, обыкновенно обострялась.

К моменту, когда можно было запускать антиграв Йири практически ожил. Голова еще побаливала, но на это уже можно было не обращать внимания. Третий прыжок Йири-Йовази специально запрограммировал так, чтобы вывалиться буквально на орбите у единственной обитаемой планеты Тау Хромой Черепахи, благо аппаратура икс-привода Роя позволяла настолько тонкое позиционирование финишной сферы, что можно было экономить единичные мегаметры (приближаясь к человеческому миру пришлось перейти на их систему исчисления).

Он выпорхнул из-за барьера никем, ясное дело, незамеченный. И сразу же запросил диспетчерскую службу:

— "Рулебой" вызывает следящую Тау Хромой Черепахи!

Говорил Йири-Йовази, естественно, на интересе.

Ему ответили с некоторой задержкой:

— Здесь следящая Такче! Видим вас, «Рулебой»! Откуда вы, черт возьми, выскочили? Приборы не отслеживают вашего трека.

— И не отследят, — Йири даже напыжился слегка. — У меня тонкая техника.

— Видеозахват нужен?

— Нет, прошу транзитной остановки и скользящую визу на... сейчас соображу... На четыре земных часа.

— Ваше имя, подданство? И, если можно, раса?

— Йири-Йовази, подданство Оа, оаонс. Примите данные...

Он воткнул в считыватель идентификационную карту и отослал все, что требовалось для посадки.

— Прием подтвержден... Черт возьми, Йири, откуда у вас бот Роя?

— Не ваше дело, — отрезал Йири. — Да и вообще-то он не мой.

Йири-Йовази нутром почуял замешательство диспетчера, и подумал, что визит к людскому миру на секретном, а значит очень желанном корабле может иметь кучу непредвиденных осложнений. Впрочем, стратегию высадки Йири уже давно обдумал, благо было время изучить возможности кораблика на пути к Морите Грифона.

— Вы хотите садиться на Такче или на орбитальную базу? — справились со следящей.

— А на орбитальной базе я смогу найти и купить астронавигационную аппаратуру? У меня тут неполадки.

— Конечно, сможете! Орбитальная база — это город, населением в полмиллиона. Там можно купить что угодно, вплоть до участка на любой из подконтрольных доминанте Земли планет.

— Понятно. Тогда я высажусь на базе.

— О'кей, ловите расчет финишного коридора. Вас примет сектор «Дельта», четвертый док...

— Я не поведу «Рулебой» к базе, — перебил Йири. — Прыгну в скафандре.

Следящая снова помедлила.

— Да? — с некоторой фальшью и немалой долей разочарования сказали ему. — Жаль, — и честно признались: — Было бы любопытно взглянуть на ваш корабль вблизи.

— Не сомневаюсь, — проворчал Йири. — Но босс мне башку оторвет, если я это допущу. Сами понимаете...

— Конечно, конечно! — несколько поспешнее, чем требовалось заверили со следящей.

— Тогда вам разрешен финиш в пассажирской зоне, оранжевый шлюз. Действует маяк, не промахнетесь. Даю координаты пешеходки...

Пешеходкой на всех мирах назывался свободный от треков коридор. Запретная для кораблей и финишных сфер зона.

Йири поймал, тут же ввел данные в портативный комп-астрогатор, и удовлетворенно гукнул:

— Порядок. До встречи, Тахче...

— База называется Орион, — поправили его. — Тахче — это планета.

— А, — сказал Йири-Йовази. — Извините. Тогда, до встречи, Орион.

Он отрубил связь, напялил жилет скафандра, слинковался с компом на поясе, прогнал диагностику. Вернул в нагрудный карман идентификационную карту, на всякий случай добыл из торбы немного наличных — кто их знает, этих провинциалов, еще упрутся и не захотят работать со счетом на Оа или Файд-Зегу. С них станется. Пристегнул к поясу плазменник, надеясь, что таможня на оружие прикроет веко. Или что там у людей? Кажется, тоже веко... И даже не одно на каждый глаз. Ну, тогда прикроет веки.

Осталось только запрограммировать «Рулебой». Он быстро вызвал нужную менюшку, настроил барьер-сейвер, ввел парольный сигнал, повторил его для страховки и спрятал в другой нагрудный карман пульт дистанционного вызова, предварительно посадив его на тонкий поводок. Потом спохватился и задал расчет произвольного прыжка, куда угодно, чтобы при поспешном возвращении с Ориона можно было моментально уйти за барьер и оставить гипотетических преследователей не у дел. Вот теперь, кажется, действительно предусмотрено все.

— Ну, — сказал он себе с воодушевлением, — удачи, Йири-Йовази!

Шлюз выплюнул в околопланетный вакуум одинокую фигурку перевертыша спустя несколько земных минут. Матовая сфера «Рулебоя» на фоне тускло-белых звезд и голубоватой громадины Тахче выглядела величественно и загадочно. Маневрируя движителями в башмаках, Йири-Йовази убрался на безопасное расстояние, достал пульт и утопил кнопку «Прочь». «Прочь» было написано на интересе — вероятно, Рой строил этот кораблик не конкретно для перевертышей, а вообще для антропоморфов. Для тех же людей, или шат-тсуров. Сия телесная форма была для космоса весьма характерна.

Промелькнуло несколько мгновений, и шар «Рулебоя» исчез. Просто исчез, без всяких побочных эффектов. Он покинул трехмерное пространство, ушел за барьер, и остался там. Нельзя сказать «на некоторое время» — потому что за барьером времени нет. «Рулебой» просто выпал из бытия на нулевой отрезок времени. Когда Йири нажмет кнопку «Вернуться» на этом же пульте, «Рулебой» снова возникнет на этом же самом месте, и с точки зрения «Рулебоя» в момент исчезновения. Просто, и сложно одновременно. К примеру, Йири-Йовази сумел бы ответить на вопрос: «Где сейчас „Рулебой“?» Наиболее точный ответ звучал как «Нигде». «Рулебоя» сейчас просто не было. А вот на вопрос: «Как это реализовано?» Йири ответить уже не смог бы. Но зато он совершенно спокойно пользовался этой возможностью, даже не зная, как она реализуется.

Итак, людишки с Ориона и Тахче теперь не доберутся до корабля Роя и до последней модели икс-привода даже если выпрыгнут из собственных штанов. А самостоятельно вызвать «Рулебой» из-за барьера они не смогут, даже если завладеют пультом. Нужно еще и пароли знать, и соответствовать молекулярной матрице, снятой с Йири-Йовази. А для этого нужно быть — ни много, ни мало — самим Йири-Йовази. И никаких исключений.

Отдав команду компу брать управление движителями, Йири расслабился и впал в блаженное состояние полета. Далеко впереди-выше сияла звездочка чуть ярче остальных — орбитальная база Орион. Комп влек Йири к ней по широкой дуге, маневрируя к зоне пешеходки.

Сначала Йири никак не ощущал движения — звездочка Ориона совершенно не меняла внешнего вида. Только когда она распалась на несколько отдельных огоньков и обрела зримый объем, стало заметно, что Йири к ней приближается. Шлюзы и внешние эллипсы базы были ярко подсвечены, причем не только астрогационными огнями. Внешне база имела вид громадного двояковыпуклого диска. Йири подлетал к ней почти точно с ребра. Скоро диск разросся и закрыл полнеба, огни базы продолжали распадаться на отдельные источники света. Оранжевая зона располагалась недалеко

от края — Йири слегка подкорректировал собственный курс. Вручную, ненадолго отключив комп от управления двигателями.

Очень скоро Йири уже казалось, что он падает на огромную плоскость. Шахта оранжевой зоны была похожа на распахнутую пасть, готовую проглотить любого неосторожного. Йири ждала именно эта участь — быть проглоченным. Но он надеялся, что переварить перевертыша ей не удастся.

В шахте Йири сманеврировал и сунулся в первый же распахнутый шлюз. Мягко накатила тяжесть — начала действовать искусственная гравитация базы Орион. Йири встал на ноги. Внешние створки шлюза медленно закрывались. Едва они сомкнулись, включили продувку. Йири чуть не сбило с ног потоком воздуха, но он устоял на ногах. Кратковременная буря в шлюзе быстро улеглась; Йири облучили и продезинфицировали. Все. Теперь он готов предстать перед местными таможенниками. Плавно отворилась внутренняя створка. За ней обнаружился короткий коридор, выводящий в перегороженный пополам зал. За перегородкой сидели люди в форме, одинаковые, словно сошедшие с конвейера.

Йири всегда казалось, что униформа нивелирует личность. Стоит ее надеть, как сразу перестаешь быть самим собой, а становишься одним из многих винтиков в неизвестно чьем механизме.

— Добро пожаловать на Орион, — сказал Йири ближайший таможенник. — Это вам нужна скользящая виза на четыре часа?

— Мне, — подтвердил Йири, вынимая идентификационную карту.

Процедура выдачи визы заняла несколько мгновений.

— Напоминаю, что если вы по какой-либо причине пожелаете продлить визу, пошлину можно будет уплатить в любом месте, где установлен считыватель. В магазине, например, или в переговорном пункте.

— Спасибо, я знаю, — вежливо сообщил Йири. — Это не первый мир, который я посещаю.

Вернув карточку в карман, Йири отключил питание скафандра и незримая оболочка, отделяющая его от всей остальной Вселенной, исчезла.

Воздух базы Орион был сухим и лишенным запахов. Кислорода в нем было меньше, чем на Оа, но Йири привык к вечному недостатку кислорода. Поэтому дыхательный тракт его беспрерывно пребывал в метаморфированном состоянии.

Йири миновал еще один шлюз, и оказался в свободной зоне.

Над головой сияли звезды, и виднелся краешек Такче, освещенный невидимым с этой точки солнцем. База напоминала обычный для любого из обитаемых миров город.

Йири-Йовази стоял на тротуаре спиной к шлюзу, откуда только что вышел. Перед ним раскинулась самая обычная улица — с прохожими, стилизованными под старину осветителями, редкими экипажами наземного типа — под силовым колпаком не слишком-то разлетаешься. Прохожих и экипажей было мало. Куда меньше, чем Йири привык видеть на улицах.

Он свернул направо, и некоторое время шел вдоль глухой стены. Потом стена сменилась витриной, за которой виднелись не то настоящие манекены в разнообразных одеждах, не то искусно сотворенные голограммы — во всяком случае, источника изображений Йири не углядел.

Вскоре Йири увидел то, что ему было нужно: на противоположной стороне улицы цвела реклама технического магазина. Магазин назывался «Эльдорадо» — по крайней мере, знаки интера на красочной вывеске над входом складывались именно в это слово.

Едва Йири вошел, к нему устремился менеджер — невысокий шуплый человек с двумя пучками волос под носом. Йири напрягся, и вспомнил, что это называется «усы». Давно Йири не встречал людей (если не считать, конечно, убитого на астероиде военного).

Менеджер, вероятно, издали принял Йири за человека. Когда же понял, что покупатель не человек, удивленно приподнял брови. Тем не менее он вежливо поздоровался, и поинтересовался чем может помочь.

— У меня сломался привод в системе наведения. Дисковый, вот такой, — как можно небрежнее объяснил Йири. — Я хотел бы купить новый.

— Сломался? — переспросил менеджер с легким удивлением.

— Сломался, — вздохнул Йири. — Я на него ружье уронил.

Менеджер странно взглянул на Йири. Возможно, он не поверил, но в конце-концов ему было все равно, лишь бы покупатель остался доволен.

— Рекомендую вот эту модель. Совместима со всем стандартами оптических записей, с интерфейсом большинства производителей астронавигационного оборудования. И она не сломается, даже если вы вздумаете выстрелить в нее из ружья...

— Прекрасно, — прервал излияния продавца Йири. — Беру. Сколько денег?

— Совсем недорого, уважаемый. Тридцать восемь пангала. Плюс три если возьмете с комплектом переходников. У вас чьей работы компьютер? Наш, человеческий?

— Нет. У меня компьютер работы Роя.

Продавец снова недоверчиво уставился на Йири.

— Роя? Тогда вам обязательно нужны переходники.

— Заворачивайте, — милостиво согласился Йири. — Кредитка Оа вас устроит?

— Конечно.

Расплатившись, Йири стал обладателем красивой разноцветной коробочки.

— Заходите еще, уважаемый, — пригласил менеджер.

— Вряд ли, — сказал Йири. — Я здесь первый, и, скорее всего, последний раз. Если бы не этот долбанный драйв-привод — никогда бы сюда не сунулся.

Если продавец и обиделся, то сумел это скрыть. Обитатели захолустья обыкновенно остро реагируют на подобные заявления чужаков.

Из отведенных визой четырех часов Йири потратил всего треть часа. Оставался целый вагон времени. Вспомнив о злополучном грузе на борту «Рулебоя», Йири вдруг поймал себя на мысли, что совершенно не торопится вернуться на корабль. Он шагнул по узкому тротуару, машинально убирая плечо чтоб разойтись с редкими встречными аборигенами, и думал — куда бы податься в оставшееся время. Решил зайти в первый же встречный ресторанчик и просто посидеть.

Хвоста он засек уже на ближайшем же повороте.

Невзрачный человечек в неопределенного цвета одежде — будь на «улице» больше народу, Йири-Йовази ни за что не обратил бы на него внимания. Он был единственным, кто свернул там же, где и Йири.

«М-да, — озабоченно подумал перевертыш. — Надо, пожалуй, позабыть о ресторанчиках и уносить отсюда ноги подобру-поздорову. Дежурный со следящей наверняка разболтал, что явился некто на корабле Роя...»

Вдали от метрополий обычно процветал закон ствола: кто сильнее, тот и прав. Йири наконец осознал насколько рискует, разгуливая по чужой территории.

Он ускорил шаг — тип следовал за ним, как привязанный. К счастью, он был один — хотя, остальные могли ловко скрываться. Идти по соседним улицам, к примеру. Главное, чтобы кто-то все время держал добычу в поле зрения.

К таможенной конторе Йири прошел другим путем, и, не задерживаясь, направился к стойкам. Чиновник, который пропускал Йири на Орион даже не успел смениться.

— Что, уже возвращаетесь?

— Да. Вот, купил все, что нужно. Я спешу вообще-то...

Чиновник понимающе кивнул, делая отметку об убытии. Спрятав карту в карман, Йири оглянулся — хвост торчал посреди зала, даже не делая попыток скрыться. Он смотрел прямо на Йири — не то растерян, не то зло.

Довольно гукнув, Йири-Йовази активировал поле скафандра и шагнул к ближайшему свободному шлюзу. Почти бесшумно отворилась створка, а когда из камеры откачали воздух, Йири вообще перестал что-либо слышать.

Миг, и движители понесли его прочь от чужой орбитальной базы. На всякий случай Йири дал полную мощность и стал удаляться с полуторной перегрузкой.

Как и ожидалось, его сканировали. Комп на поясе предупреждающе ткнул Йири.

«Рановато они... — подумал перевертыш. — Надо подальше отвалить...»

Скорее всего, за Йири вышлют бот или катер. Может быть, даже военный. Да только все равно Йири всех опередит.

Потянув за поводок, он вызволил из кармана пульт и велел «Рулебою» вернуться. Матовый шар возник тут же, словно по мановению невидимого волшебника. Соткался из пустоты, обрел объем и целостность. И даже шлюз начал открываться — счет пошел на мгновения.

Преследователей Йири так и не успел заметить — юркнул в шлюзокамеру, раскрыл внутреннюю створку едва внешние успели загерметизироваться, ощутил упругий толчок воздуха и поспешил в рубку.

«Рулебой» готов был прыгнуть в любой момент. На обзорнике-модельаторе в серой искорке корабля Роя тянули сразу четыре красных точки. Гравитационный гигант — несомненно, база Орион — оставался за границей сканируемой зоны, но его присутствие ощущалось буквально во всем — в траекториях преследователей, в дрейфе самого «Рулебоя».

— Слабаки вы против моей техники! — надменно сказал Йири, и отдал системе приказ прыгать. Тот факт, что техника была, строго говоря, не его (по происхождению — Роя, по принадлежности — хозяйская), Йири-Йовази ничуть не смущал.

Сфера «Рулебоя» ушла за барьер, оставляя преследователей не у дел. И это был как раз тот случай, когда отследить трек не смог бы никто в этой вселенной. Ну, может быть, кроме инженеров самого Роя. Раз сумели построить такой привод, наверное, и следить за ним умеют?

Но насчет последнего Йири-Йовази мог и ошибаться.

Он глядел на постепенно тающие в объеме моделиатора точки – чужие корабли. И жалел, что не может сказать им «Йовази», по-настоящему, по-своему, одновременно с удачным залпом.

«Если Хозяин еще раз доверит мне этот кораблик, – решил Йири-Йовази, – попрошу, чтобы на него установили какое-нибудь оружие. Желательно помощнее...»

С этими бодрящими мыслями он распаковал покупку. Привод был почти такой же, как и разбитый. Йири установил его на штатное место, подключил, загрузил диск и подмонтировал к системе наведения. Компьютер принялся бодро перелопачивать данные.

– Работает! – удовлетворенно гукнул Йири. – Кажется, выкрутился...

Все-таки, он изрядно рисковал, высаживаясь в Скоплении Хромой Черепахи. Но теперь – риск позади.

Мимоходом Йири снова подумал, что заодно отвлекся от видений и странностей с саркофагом.

Вскоре система сигнализировала, что новый курс обработан, трек проложен, и можно начинать первую пульсацию. Йири поспешил подтвердить старт, даже не потрудившись просмотреть трек. Даже не задумавшись – а куда, собственно, собирается прыгнуть ладный и безотказный кораблик Роя?

На беду Йири-Йовази техника супернасекомых не нашла ничего лучше, как использовать недавно использованные данные еще раз. А именно – гравитационную карту окрестностей Тау Хромой Черепахи, ибо случайный прыжок-бегство от Ориона «Рулебой» совершил практически точно в противоположную сторону от намеченного Хозяином курса. А теперь – возвращался.

Небольшой по меркам военных Тахче шарик был засечен сразу же по появлении из-за барьера. Волею случая «Рулебой» финишировал в пределах досягаемости оружия боевого спутника. И некоторое время даже он не мог покинуть зону поражения – пока просчитывались поправки ко второй пульсации.

Военные Тахче медлить не стали. Они сразу дали залп. Смертоносная для всего живого волна метнулась к «Рулебою».

Йири-Йовази, еще не отошедший от легкой эйфории после успешного бегства, вдруг почувствовал неясный холодок в груди. Он резко вскинулся в кресле, и мгновением позже обернулся к выходу из рубки.

У выхода стоял Ангел Смерти. В желтых одеждах. С водяными часами в одной руке, и девятилучевой звездой – в другой. Безмолвный и неподвижный.

Перевертыш-оаонс Йири видел его уже в третий раз за очень короткое время.

В тишине рубки, под еле слышный шелест привода, Йири разобрал полувздох-полуслово:

– Йовази...

Что значит – «Прощай».

И в этот миг импульс со спутника достиг «Рулебоя».

Корабль Роя имел кое-какую защиту, но чтобы полностью заслонить экипаж от импульса такой мощи у него просто не хватило энергии. Поэтому Йири-Йовази успел понять, что умирает.

Ангел Смерти подождал, пока то, что еще совсем недавно было живым существом, не замрет на полу рубки комком безмозглой протоплазмы, и медленно растаял.

Он не умел долго существовать вне иллюзий тех, кому являлся.

Этап шестой: Павел Неклюдов, Номо, Тау Хромой Черепахи – Рой-72.

Момент гибели Йири-Йовази.

– Да вы с ума посходили! – разорвался генерал Титаренко. – Кто отдал команду стрелять?

– Дежурный, капитан Седых.

– Какого хрена?

– Но генерал, этот корабль ускользнул от нас... И вдруг вернулся... Мы не можем отслеживать его треки... Вдруг бы он опять ушел за барьер?

— А вдруг это другой корабль? Вдруг это Рой? Да нас на атомы разнесут, если мы напали на Рой, понимаешь это, капитан, или нет?!

— Господин генерал, это тот самый корабль. Мы поставили метку перед его уходом.

— Ага! Вы еще скажите, что успели считать метку до залпа!

— Виноват, господин генерал... Метку мы считали после залпа. Но это тот корабль. Значит, мы рисковали не зря. И у нас в руках теперь корабль Роя, оборудованный последним икс-приводом.

— По десять суток ареста всей вахте, — отрезал генерал. — И радуйтесь, потому что вам еще повезло... Раздолбаи, вашу мать...

Генерал подумал, что десять суток ареста — рай по сравнению с тем, что устроит ему командующий. Это здесь, на Такче генерал Титаренко царь и бог. Однако колония есть колония, она зависима от метрополии, и если генштаб на Селентине решит, что Титаренко провинился... Плохо, в общем, будет.

Подумав некоторое время, генерал вызвал капитана малого крейсера «Вагрант».

— Семен? Титаренко... Вот что: возьми-ка ты э-э-э... добычу сегодняшнюю в тактический трюм, погрузи исследователей, и уберись куда-нибудь к черту на рога в рэндом-режиме. Чтоб даже я не знал — куда. И пока привод не отмонтируют — сиди тихо, как мышь в норе. Даже тики не отдавай на следящую. Разумеешь?

— Разумею, господин генерал, — отозвался Семен Куксевич, самый молодой капитан эскадры, приданной Такче. — Пока, кстати, все тихо, на ключевых станциях Роя не отмечено особой активности.

— Ее и не отметят. Просто у Черепахи вынырнет флот. Как всегда без предупреждения. И полетят из нас перья...

— Исследовательскую группу подбирать с Ориона? Или с поверхности?

— С Ориона. Там, кстати, не только наши, есть и гражданские. Пожестче с ними, никаких сеансов с семьями, никаких писем и видеомостов.

— Есть. Разрешите выполнять?

— Выполняй...

В результате именно этого диалога Павел Неклюдов, специалист-ксенотехник, был поднят с постели на три с половиной часа раньше обычного. Верещал не будильник, как ему спросоннок показалось, а модуль экстренной связи. Все еще во власти дремотного полуреального состояния, Павел нашарил клавишу ответа.

— Полундра, Паша, — сказал модуль голосом Шеманихина. — Командировочка. На сборы пятнадцать минут, за тобой послали ослика. Из вещей бери только приборы, ну, и тревожный чемодан, конечно.

— А чего стряслось-то? — Павел сразу пробудился и сел на койке, коснувшись ступнями холодного пола. — Только вкратце.

— Шарик Роя вернулся. Ну, наши вояки по нему сразу нейтронщиной и долбанули. Почти час уже торчит в нашей зоне и драпать не собирается. Рядом уже «Вагрант» вьется и техничек целая туча. По-моему, на нас повесят взлом охранных систем и запоров, а потом, скорее всего, и корабельный комп. Ты вставай-вставай, — поторопил Шеманихин. — Пятнадцать минут — это не так много.

— Ладно, не сикутись. Встаю, — буркнул Павел и побрел в сторону удобств.

В дверь стали ломиться минут через семь-восемь, когда он уже в штанах и кроссовках, согнувшись, стоял у раковины и чистил зубы. Со щеткой в зубах Павел пошел открывать. Молоденький сержант военно-космических сил бодро сунул руку к козырьку кепи:

— Сержант Угрюмцев, господин техник! Ваш ослик внизу! Путь введены, просто запускайтесь, и едьте!

— Шпашипо! — не вынимая изо рта щетки поблагодарил Павел. — Шейшаш!

Сержант радостно убежал, а Павел вернулся к раковине.

Еще через две с половиной минуты полностью одетый Павел Неклюдов спускался в лифте на транспортный уровень. В руке у него имелся тревожный чемоданчик, на плече — спортивная сумка радикально-алого цвета.

Ослик действительно ждал у входа в жилой сектор. Пристроив вещи на багажнике, Павел оседлал ослика, запустил двигатель и включил режим авто.

Все. Теперь даже за руль можно не браться. Ослик бодро покатила вперед, по вложенному в память маршруту.

До ближайшего шлюза было рукой подать — техников, которые сотрудничали с военными, специально так селили. Чтобы чуть что — и мгновенно на взлет, на задание...

Откровенно говоря, подобный вызов на памяти Павла случился впервые. Впервые за семь... Хотя стоп! Какие семь? Уже почти восемь (идет же время!) лет. Ну, если не считать ежеквартальных учебных тревог.

Вот смешно: во время учебных тревог «задание» всегда хранится в тайне и сообщается только когда тревожные группы занимают штатные места в кораблях и имитируется старт, полет и собственно задание.

При первом же реальном (не боевым же его называть?) вылете суть задания Павлу сообщили буквально в первые секунды. При вызове.

Смешно. Разучились воевать люди. Разучились.

А ведь когда-то умели. Когда-то вооруженные древними пукалками люди больше стандартных суток отражали атаки чужих. На планете Волга, двести лет назад. А потом так встряхнули флот чужих, что тем ничего не осталось, кроме как принять людей в Союз. Павел прекрасно знал историю событий у Волги, поскольку его предки жили именно там. И впоследствии его пра-пра-прабабка вошла в команду легендарного звездолета Ушедших.

Пра-пра-прабабку звали Вероника Стародумова, и она была навигатором в вахте Михаила Зислиса — личности, известной любому человеку. Павел вволю наслушался семейных преданий, позже научившись вычленять реальные факты и события из обросших небылицами баек. Но даже со скидкой на поздние напластования, дань фантазии рассказчиков-предков, было ясно, что события у Волги и противостояние корабля Ушедших объединенному флоту Союза — события более чем неординарные, и что в результате этих более чем неординарных событий история Галактики сложилась именно так, а не иначе.

Для людей существующий расклад получился самым выигрышным. Впрочем, Павлу хватало ума, чтобы не слишком доверять распространенному мнению: сравнивать все равно было не с чем. Да, ему тоже КАЗАЛОСЬ, что люди выиграли. Но сие еще не значит, что все не могло сложиться еще удачнее.

Шеманихин уже был в накопителе — разговаривал о чем-то, по обыкновению горячо жестикулируя, с долговязым лейтенантом-финном, носящем на редкость непроизносимую фамилию. Павел про себя называл финна Опохмеляйнен за то, что у него всегда можно было незадорого разжиться казенным спиртом.

— Привет, — поздоровался Павел.

— Привет, — ответил Шеманихин и умолк. Жестикулировать он тоже перестал.

— Terve, — отозвался Опохмеляйнен, но как-то вяло. Видно, Шеманихин даже его, законченного флегматика, успел утомить.

— Привет, ребята, — Павел кивнул группе парней-физиков, зевающих у пока закрытого шлюза.

Физики, не переставая зевать, поздоровались.

— Что тут у нас? — Павел решил занять Шеманихина, потому что тот, вроде бы, снова наострился насесть на несчастного лейтенанта.

— Короче, — зашептал Шеманихин, — помнишь утренний шухер, когда со следящей капнули, будто приперся перевертыш на корабле Роя? Ему даже на хвост толком сесть не успели — он заглянул в какую-то лавчонку, купил драйв-привод под оптические диски нашего стандарта и тут же убрался.

— А что ж его у корабля не спеленали? — поинтересовался Павел.

— А он и не стыковался. Оставил корабль чуть в стороне, сам дотянул на пешеходке, а корабль, зараза, за барьер услап. А потом, когда снова на пешеходке покинул Орион, вызвал. Причем, совсем в другом месте. опередил он наших вояк, ненамного, но опередил. Сам знаешь, техника Роя за барьером недоступна...

Единственное, что успели — это подвесить изотопную метку к обшивке.

— И что, у него хватило глупости вернуться?

— Именно так. На следящей все с кресел попадали, когда он вернулся. Кто-то из вояк спутниковой вахты сторяча саданул нейтронным импульсом, причем мощность дал фактически предельную. По-моему, на борту даже бактерии не выжили, если они там были. Проверили метку — оказался утренний визитер.

— Так стреляли до того, как считали метку? — удивился Павел.

— Ага.

— Идиоты, — вздохнул Павел. — Ты не знаешь, почему военные такие идиоты?

Шеманихин осклабился:

— Знаю! По умолчанию.

Опохмеляйнен искоса взглянул на него, но смолчал.

Тем временем прибывал народ; отворили шлюз и стали всех из накопителя перегонять в пристыкованный к пирсу транспортный бот.

Исследователей насчитывалось двадцать шесть человек; ксенотехников среди них было двое. Шеманихин и Неклюдов. Остальные представляли официальную науку, общую. И только они двое специализировались на чужих технологиях. В частности, специальностью Павла Неклюдова была техника свайгов и Роя. Правда, специалист по

технике Роя от любого другого инженера-техника отличался только тем, что не мог питать беспочвенных иллюзий и точно знал, что людям о технике Роя неизвестно абсолютно ничего. Рой делал свои машины по принципу черного ящика. Будучи вскрытыми, машины Роя работать прекращали, а иногда и самоуничтожались.

— И что теперь? Сигналили нас и думают, будто мы им раскусим секрет икс-привода? — продолжал допытываться Павел, уже сидя в кресле бота.

— Конечно, — Шеманихин в соседнем кресле всплеснул руками. — Икс-привод Роя нам в руки еще не попадал.

Павел задумчиво пожевал губами:

— Так говоришь, на этом корабле прилетел перевертыш?

— Ага.

— Хм... Странно, — Павел действительно был удивлен. Он не помнил, чтобы Рой сотрудничал с расой перевертышей. До сих пор Рой ограничивался официальными контактами только с высшими расами — а'йешами, свайгами, азанни, цоофт и в какой-то мере — людьми. Но с людьми — в меньшей степени, нежели с давними партнерами по Союзу. Бывших сателлитов высших рас Рой с завидным постоянством игнорировал, предоставляя контактировать с ними остальным. Собственных сателлитов — расу сенахе — Рой прекратил опекать по-старому сразу же после вступления в Союз людей, и оставил сенахе барахтаться в разросшейся до размеров Галактики помойке самостоятельно. Те побарахтались, и, в общем, выплыли: ныне они, вместе с дрра, считались одной из самых благополучных и перспективных молодых рас.

Бот стартовал с еле ощутимым ускорением — почему-то на военных кораблях вечно барахлят гравикомпенсаторы. Или военные сознательно настраивают их не на полную компенсацию, а на частичную. Чтобы не терять ощущение движения, что ли? Кто-то из пилотов говорил Павлу, что полная компенсация только мешает. Придает ощущение ненастоящести полета.

Возможно.

— Странно это все, — вздохнул Шеманихин. — Перевертыш на корабле Роя. Прилетает к нашей колонии, прекрасно сознавая, что на него будет спущена целая свора охотников; зачем-то покупает драйв-привод, потом благополучно уходит от своры... и возвращается прямо смерти в пасть. Что-то тут нечисто.

— Думаешь, Рой устроил мелкую провокацию?

— Не обязательно мелкую. Рой, Паша, это штука, о которой мы знаем только то, что ничего о ней не знаем.

Неклюдов усмехнулся — слова Шеманихина совпали с его недавними мыслями чуть ли не дословно.

— Я не вижу смысла в подобной провокации, Виталик. Рой никогда не стремился развязать военные действия. Напротив, есть масса примеров, когда только неожиданное вмешательство Роя гасило возможные конфликты. Вспомни столкновение дрра и Верхней Затененной. Если бы не явился боевой астероид Роя и не предупредил, что едва будет произведен хотя бы один выстрел, эскадра дрра и обе Затененные отправятся за барьер навечно. И даже хитрая дипломатия азанни не возымела тогда последствий. А уж на что способны дипломаты азанни, не тебе рассказывать.

— Да помню я, — Шеманихин, казалось, несколько приуныл. — Хотя, может оказаться, что наши муравьишки вовсе не стремятся развязать войну. Может, им нужен козырь в игре с Землей: дескать, вон что ваши братцы с Хромой Черепахи творят. Пожалте компенсацию...

— Не смейся, — фыркнул Павел. — Чем может Земля расплатиться с Роем? Отходами?

— Да мало ли... Шеманихин неопределенно пошевелил пальцами. — Энергией, например.

— Рой оперирует ресурсами на порядок-другой большими. Не станет он ради крох портить отношения с Землей. Мы слабее, но нас больше. И Рой это прекрасно знает. Вот шел на досветовой, и ускорение все не спадало.

— Мы что, прыгать не будем? — спросил Павел, вертя головой. Пассажиры вели себя как при перелете с Ориона на Такче — кто-то переговаривался, кто-то смотрел новости, кто-то сосредоточенно колотил по клавишам путевых терминалов, кто-то дремал, откинувшись в кресле, давешние ребята-физики азартно резались в чет-нечет, чем Неклюдова буквально умилили.

Никого особо не волновали маневры Роя. Никого особо не волновал погибший перевертыш. Эксперты-исследователи просто ждали возможности отработать положенные за вылет на задание премиальные, и вряд ли кто-нибудь собирался на отработке слишком усердствовать.

Рутина.

«Кстати, — подумал Павел. — Неизвестно еще, погиб тот перевертыш или нет. Может, там на борту вообще никого нет.»

Шеманихин, видимо проследив за взглядом Павла, снова поддакнул в унисон мыслям: — Да-а-а-а... Народ расслабляется. Одни мы с тобой, идиоты, озабочены судьбами Галактики.

Павел усмехнулся:

— Не обращай внимания. Из ксенотехников тут только мы, а как относятся к чужим остальные — всем прекрасно известно.

Павел знал, что наиболее точный ответ на этот вопрос — никак не относятся. До лампочки остальным чужие. И обратное тоже большею частью справедливо.

— Ну и ладно, — Павла убаюкало постоянное легкое ускорение, и он протяжно зевнул. — Что зря теоретизировать. На месте все прояснится. Давай-ка, брат, поспим, а то вояки наши, точно тебе говорю, будут требовать сверхурочных работ. Не разоспишься.

— Давай, — скрепя сердце согласился Шеманихин. Видно было, что ему очень хочется поболтать.

Павлу действительно удалось заснуть, почти сразу.

Разбудил его финишный толчок — бот пристыковался к большому кораблю и, опять-таки по военной традиции, об удобстве пассажиров пилоты заботились мало. Когда бот ткнулся в конец стыковочного хобота, всех основательно встряхнуло.

— А... — Павел вскинулся, и тут же вспомнил где находится. — Что, уже?

— Уже, — подтвердил Шеманихин, отстегиваясь.

Бот опять-таки без всякой компенсации разгерметизировали: уши заложило из-за изменившегося давления. У открытого шлюза возник щуплый темнокожий лейтенантик.

— Господа ученые! — провозгласил он неожиданно зычным басом. — Прежде чем вас препроводят в жилой сектор, к вам хотел бы обратиться капитан «Вагранта» полковник Семен Куксевич. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Шеманихин еле слышно проворчал:

— Надо же! Наши вояки выучили слово «пожалуйста».

Павел не ответил на язвительное замечание коллеги. Он просто выудил из-под сидения тревожный чемоданчик и достал из верхнего багажника свою ультракрасную сумку.

«Значит, мы на „Вагранте“, — подумал он. — И, наверное, „Вагрант“ немедленно прыгнет куда-нибудь в укромный угол, с глаз долой. А потом еще раз. И еще — для верности. А возможно, что он будет беспрерывно прыгать. И это было бы самым умным, но — увы! — не стопроцентно безопасным решением.»

Крейсер совершил пульсацию еще до того, как исследователи дошагали до малого конференцзала. Странный миг раздвоенности представлялся не то смертью, не то перерождением. Павла всегда терзали сомнения — а он ли возникает вместе с кораблем в финишной сфере? Не абсолютная ли копия? Это казалось страшным и логичным. Оригинал исчезает, а копия, которой раньше просто не существовало, начинает считать себя истинным Павлом Неклюдовым. Хотя на самом деле настоящий Павел Неклюдов давным-давно канул в небытие после первого же в жизни икс-перехода.

Единственное, что утешало Павла — это мысль, что за пару лет человек полностью меняет атомарный состав тела. То есть, фактически становится собственной копией. Но тут хоть соблюдается постепенность. А икс-переход — мгновенен.

Вещи исследовательской группе предложили оставить в холле перед залом.

Капитан «Вагранта» оказался кряжистым краснолицым мужчиной лет тридцати пяти. Он словно бы состоял сплошь из прямых углов: квадратное лицо, квадратная челюсть, широченные обрубленные плечи. Квадратными были даже носки его офицерских туфель. При виде этого геометра притихли все, включая неугомонных физиков.

Павел и Шеманихин уселись с самого края, поближе к выходу.

— Господа! Позвольте поприветствовать вас на борту крейсера «Вагрант».

Павел никак не мог отделаться от впечатления, что капитан не произносит речь, а строит из оброненных квадратных слов невидимую стену.

— Приказом командующего вооруженными силами Тахче генерала Титаренко на борту введено чрезвычайное положение. Каждому из вас приготовлены индивидуальные пакеты с заданием, которые будут вручены немедленно. Не буду распространяться о сути предстоящей работы: все, наверное, и так в курсе. В наши руки попала стратегически важная технология чужих и нам предстоит совершить попытку постичь принцип, на котором базируется функционирование трофея.

Шеманихин немедленно фыркнул:

— Могли бы мы были в состоянии постичь принцип, давно бы уже строили собственные приводы...

— Не пыли, Виталий, — одернул его Неклюдов.

— Итак... — из-за спины Куксевича вынырнул майор с изможденным лицом и вывалил на столик из архаичного саквояжа груды пластиковых конвертов. Капитан взял верхний. — Группа физики измененных состояний... Виктор Пасулько. Один из физиков встал, ему передали конверт.

— Андрей Черкасов...

По рядам пополз второй конверт.

— Ференц Сантор...

Третий.

— Баграт Сайретдинов...

— Владимир Васильев...

— Майкл Кирьякиди...

Конверты расползались по залу.

— Инженерно-техническая группа. Рейнер Иствиг...

— Ольга Чусовитина...

— Манфред Кальтц...

— Ксенотехническая группа. Виталий Шеманихин...

— Павел Неклюдов...

Конверт был почти невесомым, и Павлу показалось, что основной вес приходится на здоровенную сургучную печать. Эта печать почему-то вызвала у Павла умиление и смутные ассоциации с ямщиками, голубиной почтой и плывущими по океанам бутылками с паническими записками внутри.

Из принципа он решил, что вскроет конверт не раньше, чем попадет в свою каюту. Справедливости ради стоит отметить, что военные умели не тратить время попусту. Едва конверты были розданы всем двадцати шести исследователям, уже знакомый темнокожий лейтенант деловито пригласил «следовать к местам размещения». Видно было, что лейтенант просто автоматически повторяет загодя вызубренные фразы, давно уже не пытаясь вникнуть в их смысл. В принципе, подобный автоматизм в авральных ситуациях давал великолепные результаты. Каюты им отвели двухместные. Естественно, Шеманихин и Неклюдов расположились вместе.

Павел уронил на пол сумку и бережно поставил чемоданчик между узкой койкой и тумбочкой.

— М-да. Как они тут живут... — протянул Шеманихин с разочарованием в голосе после того, как огляделся.

— А ты что хотел? Крейсер, — пожал плечами Павел. — Экономия свободного места. Спасибо, что хоть сортир за стенкой, а то могли бы прямо тут...

Шеманихин хмыкнул. Павел, тем временем, неумело сломал печать и, чертыхаясь, кое-как вскрыл конверт. Внутри оказался один-единственный лист тонкого пластика с текстом частично отпечатанным, частично написанным от руки.

"Исследователю группы «Омега» Павлу Неклюдову.

Совершенно секретно. Данные сведения не могут быть разглашены ни при каких обстоятельствах. Нарушение подпадает под «Закон о нарушении технологической подписки» и карается смертным приговором, независимо от мотивов."

«Нарушение подпадает под закон о нарушении... — фыркнул Павел. — Стилисты хреновы...»

"Вам вменяется в обязанность принять участие в организованных старшим группы ксенотехники Виталием Шеманихиным исследованиях трофейных механизмов и устройств, обнаруженных на борту скаута Роя. Успешное выполнения задания имеет колоссальное значение для всего человечества.

Генерал Титаренко."

Размашистая подпись.

Ниже:

"Первоочередной задачей группы ксенотехники, равно как и остальных групп, является попытка осмысления физических и технологических принципов работы икс-привода конструкции Роя.

Данный документ по прочтении уничтожить.

Начальник разведки эскадры Такче полковник Надточий."

Вторая подпись, уже не размашистая, а каллиграфически выверенная, как у прилежной школьницы.

— Не пойму, на кой черт нам это вручили, — сердито воскликнул Шеманихин. — У тебя такая же лошадь, как и у меня?

— Не сомневаюсь, — вздохнул Павел и взглянул на часы. — Пошли, наверное. Пять минут из отведенных на поселение десяти уже истекли. А надо было еще успеть спровадить пластиковые листы вместе с конвертами в лапшерезку и вернуться в центральный корабельный ствол.

Спустя пятнадцать минут исследовательская группа в полном составе стояла перед трюмными шлюзами. В принципе, Павел знал, что увидит там, внутри. Матовую сферу метров тридцати-тридцати пяти в диаметре.

Ее он и увидел. Ее, и еще пропасть самой различной аппаратуры. Целые стойки, сплошные, почти без просветов. И кое-где — столы с мобильными терминалами. А посерединке импровизированного исследовательского центра — купол мощного многопотокового процессора.

— Ого! — оценил Шеманихин, озираясь на Павла. — Я и не знал, что на крейсерах есть такие.

— Да, небось, только погрузили. Таких на Орионе, если не ошибаюсь, два: в колониальной разведке и у спасателей.

— Вы не ошиблись, господин техник, — сообщил грузный, чересчур грузный полковник, показавшийся из-за стойки с аппаратурой. — Таких процессоров на Орионе действительно два. Точнее, сейчас один, тот, который в разведке. А второй — перед вами.

Лицо у полковника было одутловатое, цвет лица — до странности нездоровый. Как у хлебного шарика, который долго мяли в немых потных ладонях.

«Господи! Не может, что ли, реабилитацию вовремя пройти?» — с неожиданной неприязнью подумал Павел. Но вслух, понятно, не произнес ни слова.

— Итак, господа, позвольте сначала представиться. Полковник Надточий, начальник эскадренной разведки Тахче. Честь имею.

Перед вами то, что неожиданно — я не собираюсь надуть щеки и пытаться вас дезинформировать — совершенно неожиданно попало нам в руки. Малый скаут работы Роя. Совершенно точно известно, что он оборудован икс-приводом последней модели, тем самым, что минует барьер без малейших нарушений метрики и возмущений гравитационных полей. Все прекрасно знают, что такие приводы может производить только Рой — остальные союзники из высших рас пользуются предыдущей моделью. Нам предоставилась счастливая возможность разгадать секрет этого привода. Обладание им неизбежно вызовет самые благоприятные последствия для колонии Тахче и доминанты Земли в целом.

В вашем распоряжении любая доступная аппаратура. Вы специалисты — каждый в своей области. Надеюсь, что общими усилиями мы преодолеем все трудности на пути к успеху. Ну, а теперь не смею мешать. С любыми вопросами и просьбами обращаться к моему ординарцу — лейтенанту Хардуэю.

Щуплый темнокожий проводник сделал шаг вперед и кивнул. Фуражка у него на макушке даже не шевельнулась, словно была приколочена гвоздями.

— Напоминаю, что понятия «рабочий день» для исследовательской группы временно не существует, ибо время работает против нас — неизвестно, что предпримет Рой, который не любит терять скауты и делиться технологическими секретами. Удачи, господа. Удачи всем нам.

Полковник Надточий более не произнес ни слова. Нахлобучив фуражку (побольше чем у ординарца и с ярким околышем), он направился прочь, и на пути к трюмному шлюзу не обернулся ни разу.

Лейтенант Хардуэй просто отошел в сторонку, уселся за отдельный столик с терминалом и немедленно налег на клавиатуру.

Двадцать шесть исследователей остались у сферического корабля. Коллективный разум. Один на один с порождением разума чужих.

— Итак, коллеги, — провозгласил Виктор Пасулько, руководитель группы физиков, академически всплеснув руками. — Нас бросили в бой. Какие будут соображения? С чего начнем-то?

Кто-то саркастически хмыкнул, и тоном, обычным для Шеманихина, предположил:

— Несомненно, попытаемся попасть внутрь.

Несколько человек засмеялись.

— А военные не знают как это делается? — спросил долговязый энергетик по имени Богдан — Павел часто сталкивался с ним в жилом секторе. Фамилии — не помнил, только имя.

— Военные не знают, — сообщил из-за терминала лейтенант Хардуэй. — Иначе мы бы его уже вскрыли.

— А что скажут наши уважаемые ксенотехники?

Двадцать четыре пары глаз воззрились на Шеманихина и Павла. Только Хардуэй да мордастые охранники у шлюза продолжали глядеть туда же, куда и раньше: Хардуэй — в куб-экран, охранники — в пустоту.

— Давно бы так, — удовлетворенно проворчал Шеманихин. — Наш выход, Паша.

Павел вздохнул, прошел к ближайшему столу и водрузил на него чемоданчик.

— Ребята! — обратился к остальным Пасулько. — Давайте-ка покамест с аппаратурой разберемся. Чего тут имеется...

Ребята дружно расползлись, мгновенно породив тихий рабочий гомон.

Павел вдруг остро почувствовал, что исследовательская группа начинает становиться командой. Сплоченной командой, почти организмом, где каждый будет знать, что ему делать. Ему нравилось работать в команде. Как не крути, любой из них был достаточно узким специалистом. И как военные умудрились ограничиться всего двадцатью шестью кандидатурами в экспертную группу для него оставалось загадкой века. По прикидкам Павла для любой серьезной исследовательской работы необходимо было по крайней мере человек триста.

А их всего двадцать шесть.

Шеманихин уже вооружился сканером.

— Так, Паша... Готов?

— Сейчас.

Павел вешал на пояс приборы и крепил датчики.

— Чем там у нас Рой обыкновенно пользуется? — вкрадчиво поинтересовался Шеманихин.

— Экзаменуешь? Сегментными полуперепончатыми шлюзами. Квазиорганическими обычно.

Павла трудно было поймать на незнании азов.

— И что из этого следует? — хитро справился Шеманихин.

— Что ты лентяй, — добродушно буркнул Павел. — Пошли обнюхивать...

Собственно, из этого следовало, что одно из немногих мест на поверхности этой с виду совершенно одинаковой с любой стороны сферы будет обладать несколько иной структурой. На «скорлупе» имеются датчики, излучатели, некоторое количество малых шлюзов и портов. И как минимум два больших шлюза: пассажирский и грузовой. Вообще-то Павел сначала не понимал — зачем грузовой отсек на скауте? Разведчик должен быть маленьким, юрким, и не должен иметь на борту ничего лишнего. Но Рой есть Рой — то, что земляне сначала приняли за грузовой отсек, на поверку оказалось камерой для младшей матки и ее obsługi. Стационарный грузовой антиграв на самом деле являлся залогом нормальной работы хрупкого организма матки. В рубке управлялся оператор — похожая на паука особь Роя, сама по себе совершенно безмозглая. И, разумеется, связанная с маткой. Не телепатически, как-то иначе. Что-то из области ферментного обмена, феромонов и быстрой биохимии.

На подобных скаутах трижды регистрировался экипаж из матки, оператора и двух малых рабочих. Однажды рабочих было трое, а в рубке с оператором обнаружилась еще одна особь Роя, специализацию которой установить не удалось. Склонялись к мысли, что это нечто вроде живого ретранслятора, дуближ корабельных систем связи. Но земные эксперты могли и ошибаться.

Четыре раза — всего четыре раза за двести лет в Союзе людям предоставилась возможность мельком взглянуть на скауты Роя.

То, что люди называли грузовым шлюзом, на самом деле являлось просто основным шлюзом скаута. А то, что по привычке именовали пассажирским — было резервным шлюзом для obsługi. Но привычную терминологию ксенотехники, изучающие в том числе и Рой, решили не менять. Знающий — знает, а остальным все равно.

За десять минут Шеманихин и Неклюдов наскоро обследовали поверхность сферы, изредка поворачивая ее в невидимых лапах гравизахвата. Лейтенант Хардуэй транслировал команды техникам крейсера кратко и толково.

— Здесь и здесь, — наконец пришли к единодушному мнению ксенотехники. — Это грузовой, это пассажирский.

Некоторое время ушло на пометку найденных шлюзов — оказалось, что тривиальный мел не оставляет на поверхности сферы ни малейшего следа. А уж о том, что скорлупа скаута не царапается, не смачивается, и еще целая куча «не» — любой догадывался и сам.

Пришлось зафиксировать скаут в гравизахвате и метить пол трюма напротив шлюзов.

— Теперь запоры...

Любой шлюз управлялся автономной сервомышцей — мотором это устройство земные инженеры в свое время назвать не рискнули. Мышца подчинялась сигналам — либо внутренним, с панели управления шлюзом или с центрального капитанского пульта; либо внешним — с парольного датчика или дистанционного устройства.

Панелью управления шлюзом Шеманихин и Павел Неклюдов воспользоваться не могли. Равно как и капитанским пультом. В силу того, что находились вне корабля. Оставалось одно — обмануть внешний датчик, наверняка запароленный на уровне биоматрицы владельца. Владелец (а точнее — то, что от него осталось после залпа), если верить военным, также находился внутри скаута. Следовательно, его матрица была недоступна.

Почти сорок минут Шеманихин и Неклюдов колдовали над скорлупой, отслеживая нерв, которым управлялась сервомышца. Еще полчаса потратили на то, чтобы к нему подключиться, призвав на помощь физиков и специалиста по субатомному сканированию и диффузным внедрениям.

Когда микропроцессор мышцы выдал код неверного сигнала и иллюзорная голографическая стрелка универсального измерительного прибора заметно колыхнулась, Шеманихин провозгласил: «Фу! Полдела!»

И потребовал полную мощность многопоточного монстра, которого военные реквизируют у спасателей, в течение как минимум двух часов.

Прибор регистрировал возврат неверного кода сто семьдесят две с чем-то тысячи раз в секунду. Стрелка, понятно, это не отображала — подобное выходило за возможности человеческого глаза. Стрелка просто застыла в пиковой точке.

— Лейтенант! — обратился Шеманихин к Хардуэю. — Какой компьютер смонтирован на крейсере? Головной, я имею в виду.

— "Черный коралл", работы свайгов. Послабей, конечно, чем этот... — он кивнул на безмолвно трудящийся купол. — Но все же.

— Если дадите его мощность, управимся быстрее. Запроси капитана.

Хардуэй без колебаний подался к микрофону-бусине за терминальной клавиатурой. Говорил он по-английски, быстро и неразборчиво. Наконец обернулся к Шеманихину.

— Вообще-то идут расчеты очередной пульсации. Но большую часть мощности капитан согласился дать. Причем, он снимает боевую блокировку, а это почти удвоение по сравнению с обычным режимом. Линкуйтесь. Прямо по шине, вам дают судодоступ.

— Спасибо, что не рутовый, — проворчал Шеманихин усаживаясь за клавиатуру ближайшего терминала и открывая рабочую консоль. — Я бы этого явно не пережил...

Павел усмехнулся. Дай Шеманихину рутовый доступ — и он бы точно уронил всю корабельную систему. И исчез бы за барьером без следов и надежды на возвращение еще один крейсер земной доминанты...

Визуально после подключения к расчетам корабельного компьютера ничего не изменилось. Минуты истекли и исчезали в энтропийном потоке.

Павел контролировал отсеки ошибочных вариантов, и отсекал заведомо неверные массивы кодов — их можно было прогнозировать на основе уже имеющихся результатов. Вскоре пришлось к этому же припречь двух биологов-генетиков, потому что Павел перестал успевать — массивы разрастались на глазах.

Он не заметил, как промелькнуло больше двух часов.

В какой-то момент терминал коротко пискнул и высветил в головной куб-экран зеленую метку. В матовом боку корабля, похожем на каплю запыленной ртути, возникло что-то вроде небольшой воронки, которая сразу же затянулась.

— Есть! — азартно выкрикнул Шеманихин. — Паша, крути назад и вычлени!

— Кручу! — пальцы Неклюдова лихорадочно плясали по клавиатуре. Пользоваться бионасадками он не любил: чуть отвлечешься, и команды начинают расплываться, комп озадачивается и принимается все время переспрашивать... С клавиатуры как-то привычнее и надежнее, хотя и медленнее.

Довольно быстро Павел отыскал нужный код. Вряд ли он стопроцентно отражал сматрицированный пароль астронавта-перевертыша, но управление сервомышцей на него реагировало, а это главное.

— Кидаю единичный, — предупредил Павел и отослал подобранный код на нерв.

Во ртутной капле снова возникла воронка — глубиной сантиметров пятнадцать и диаметром двадцать пять. Корпус корабля она не прошла, но начало было положено.

— Размер взят, — сообщил один из биологов, который прекрасно понимал, что происходит. Ужатая до двадцати шести человек экспертная группа состояла, конечно же, из людей с несколькими специальностями сразу.

— Отслеживайте... — предупредил Павел и отослал несколько подобных кодов.

— Стоп! — в один голос заорали биологи. — Уменьшается! Инверсируй!

— Понял, — Павел принялся менять коды в другую сторону, косясь на биологов.

Шеманихин тем временем удерживал и нейтрализовал нервные сигналы корабля — естественную реакцию на не вполне верные коды.

— Растет, родимая! — радостно комментировали биологи. — Правильно роете, ксеносы!

Вскоре воронка продавила оболочку корабля насквозь. Открылось крохотное, мизинец не пролезет, отверстие, из которого струйкой вырвался не то дымок, не то пар. Оно светилось мягким светом, словно кошачий глаз. Павлу на секунду показалось, что дымок сконденсировался в призрачную фигуру в желтоватом балахоне, но он тряхнул головой и наваждение мгновенно прошло.

Приблизительно с полуметрового диаметра отверстие перестало иметь идеально круглую форму — оно больше не росло в ширину, только в высоту, и все сильнее напоминало неправильный яйцевидный эллипс. Острым концом вверх. Растянуть отверстие до практически максимального размера — метр семьдесят пять по вертикали было делом техники.

— Все, Виталик! — выдохнул Неклюдов еще через некоторое время. — Фиксируй и морозь...

Шеманихин поманипулировал сигналами и отсек нерв сервомышцы от корабельной системы. Теперь шлюз заклинен в открытом положении.

— Готово! — Шеманихин довольно хлопнул в ладоши. — Чей теперь выход?

— Наш, — сообщил капитан Куксевич, появление которого в пылу работы никто не заметил. Впрочем, по некоторой размытости очертаний его фигуры Павел догадался, что это голограмма. Капитан сейчас где-то в другом месте и следит за работой дистанционно. — Ювелирная работа, господа техники, хотя и несколько неторопливая. Теперь попрошу всех отойти в сторону и по возможности ничего не трогать, пока корабль не будет осмотрен...

В трюмный шлюз гуськом втягивались десантники в боевых скафандрах-жилетах. Короткоствольный бласт каждый из них держал наизготовку.

Перед открытым шлюзом скаута, оказывается, успели поставить силовой экран. Точнее даже не перед шлюзом — отверстие в боку корабля как бы накрыли двойным куполообразным защитным полем. На случай, если внутри кроется что-нибудь опасное.

По одному десантники проходили сквозь поле — Хардуэй включал режим перепонки сначала на внешний слой защиты, потом на внутренний.

Павел изо всех сил пытался представить — что видят сейчас солдаты? Ему никогда не приходилось бывать на кораблях Роя лично. Если честно, представить ничего не получалось.

Десантура осматривала корабль меньше пяти минут. Видимо, капитан получал от них доклады, потому что изредка бросал короткие реплики. Потом сказал:

— Хорошо! Группе охраны занять позиции, остальные выходите!

Из голоса его исчезла большая часть напряжения. Видимо, десантники ничего опасного не обнаружили.

Часть десантников покинула корабль, часть осталась внутри.

По графику сейчас полагалось сделать заключение по атмосфере внутри скаута и либо признать ее нейтральной, либо заменить на таковую.

Оба биолога снова уселись за терминалы. Их вердикт был однозначен: атмосферу менять не нужно.

— Снимайте поле, — обернулся один из них к Хардуэю, осуществлявшему общую координацию штурма.

Поле сняли.

Пасулько хлопнул в ладоши и громко объявил:

— Так! Группа первичного осмотра — приступаем!

В группу входило шесть человек — Сам Пасулько, оба ксенотехника и трое старших остальных групп — физик, инженер и энергетик.

— Оперативный комментарий не забывайте, — напомнил капитан Куксевич. Что с видео?

— Заканчиваю! — доложил техник-вояка, появившийся в трюме вместе с десантниками. Он крепил миниатюрные камеры к одежде экспертов, которым предстояло первыми войти в корабль. Первыми после десантников.

Павлу навесили две камеры-бусинки: на грудь и на правый рукав.

— Начали!

Пасулько, пригнув голову, прошел шлюз.

Внутренность корабля напоминала внутренности какого-то чужеродного людям организма. Или гигантский улей. Стены были неровные, с выростами и выступами, общий рисунок которых казался хаотичным, но циклическим: через достаточно большой промежуток рисунок повторялся.

Шлюз открывался в короткую овальную камеру; камера прилегалась к другой, очень похожей, только побольше размерами. К этой в свою очередь прилегали еще три: справа, видимо, грузовой отсек, он же — камера матки; прямо — рубка и слева,

вероятно, санитарный блок. Грузовой отделялся от остального пространства внутренним шлюзом, рубка и санблок — незакрывающимися арочными проемами. Видно было, что в санблоке, рубке и промежуточной камере дежурит по десантнику. Пол скаута был практически плоским; он делил сферу на две неравные части: меньшая оставалась под полом, и там, несомненно, крылись гравигенераторы, собственно икс-привод и энергонакопители. Большая часть приходилась на кабину. Потолок в каждом из помещений оставался неровным, в точности повторяя очертания купола сферы.

Виктор Пасулько, ни секунды не колеблясь, направился в рубку. Идущий вторым Шеманихин тоже не задержался в промежуточной камере. Третьим в рубку вошел Павел, и, если учитывать, что там уже находился десантник, в рубке стало тесновато. Впрочем, еще два эксперта сумели втиснуться, а шестой уже не влез — направился куда-то к шлюзу в грузовой отсек посмотреть, что там к чему. Первое, что бросилось в глаза Павлу в рубке — безобразная куча метаморфированной органики. То, что раньше было перевертышем. Именно перевертышем, и никем иным: только их организм так реагировал на нейтронный импульс. Только они обладали такой бешеной клеточной изменчивостью. Будь на месте этого неудачника человек — он бы тоже являл собой не слишком приглядное зрелище, но человека, хоть и обезображенного залпом нейтронки, в нем удалось бы опознать. Организм оаонс реагировал иначе.

— Комментарий, — с нажимом напомнил капитан «Вагранта».

— Кхм... — Пасулько оторвался от созерцания останков перевертыша выразительно поглядел на Шеманихина.

Тот не выглядел удивленным или подавленным.

— Мы в рубке. Сразу хочу отметить, что как и ожидалось, этот корабль вряд ли приспособлен для особей Роя. Он явно адаптирован для нужд иной расы, а возможно, что и нескольких морфологически подобных рас. Во всяком случае, человек или перевертыш чувствовал бы себя здесь вполне комфортно.

— С чего такие выводы? — поинтересовался капитан. — Не подумайте, что я не доверяю вашему опыту, просто хочу понять.

— Кресло, — пояснил Шеманихин, и повернулся так, чтобы навешенная на него камера захватила пилотское кресло. — Не правда ли, вполне обычное с виду кресло? Особям Роя такие ни к чему. Это раз. Второе — общий дизайн пульта управления и особенно — манипуляторов. Они приспособлены под антропоморфную кисть. Люди, свайги, цоофт, азанни, оаонс — любой представитель вышеназванных рас сможет пользоваться подобными манипуляторами. Хотя, нет, азанни отпадают — им вместо кресла перед пультом понадобился бы насест. Свайги, кстати, тоже отпадают — в этом случае спинка кресла была бы иной формы. Не сплошной, а с отверстием для хвоста... Павел видел, что Шеманихин продолжает пребывать в рабочем азарте. Он размышлял вслух, делал выводы и делился ими с окружающими.

— Значит, этот скаут адаптирован для перевертышей, людей или цоофт. Возможно, для ратэо, но ратэо в этой рубке было бы, пожалуй, тесновато.

Далее. Сам пульт. Я вижу, что комп имеет обширную периферию и драйв-приводы под все известные мне стандарты носителей. А именно: вот это биоприставка под запоминающие органы Роя. Далее, драйв под стержни азанни-цоофт. Под наши лазерные диски — кстати, уточнили, какую модель покупал перевертыш на Орионе? Похоже, эту. Так, дальше. Вот это — считыватель пластинок стандарта Свайге. И вот, с краешку, резонансный драйв а'йешей. Честное слово, капитан, я еще никогда не видел в рубке малого корабля драйвы всех мыслимых стандартов.

Павел все то, что рассказывал Шеманихин, естественно, понял и сам. Поэтому у него оставалось время, уловив минутку оглядеться.

Когда он взглянул под ноги, первым побуждением было вскрикнуть, но что-то его удержало.

У самой стены, опираясь на еле выраженный плинтус, лежал диск. Земной диск, к одному из приводов с пульта. Тому самому, наверное, который был куплен перевертышем на Орионе. Диск лежал рабочей поверхностью вверх, и поверхность эта была похожа на небольшое зеркальце.

С некоторым трудом — тесно же! — Павел присел.

По идее он должен был увидеть в «зеркальце» собственное отражение. Собственно, он сначала и решил, что видит отражение. Но когда отражение поднесло палец к губам, в универсальном межрасовом жесте призыва к молчанию, Павел растерялся. Потом понял, что видит в «зеркальце» перевертыша в одной из форм метаморфоза. Перевертыш внимательно глядел прямо на Павла и продолжал призывать к молчанию. «Что делать-то?» — подумал Павел, смешавшись.

Он сидел левым боком к диску, поэтому грудная камера показывала сейчас ракурс вдоль вогнутой стены рубки, а камера на рукаве – вероятно, чью-то задницу. Диска же, кроме Павла, не видел никто.

Он нерешительно протянул к диску руку, и отражение перевертыша утвердительно кивнуло.

Чувствуя себя до невозможности странно, Павел взял диск, потихоньку переправил его в карман куртки, и, никем не замеченный, встал.

Работа с изделиями чужих приучила Павла ничему не удивляться. Этот диск, видимо, только с виду кажется земным. Иначе как нормальный психически человек может увидеть в обычном оптическом кругляше вместо собственного отражения какого-то перевертыша?

«Может, это запись? – подумал Павел. – Просто совпало: перевертыш как раз кивнул, а я решил, что он одобряет мое молчание и желание припрятать диск до поры до времени.»

Желание это возникло у него само собой, в момент, когда палец чужого застыл у тонких, едва различимых в крохотном «зеркальце» губ.

Но отчего оно возникло – Павел не понимал. Да и не стремился понять – он просто принял его, как должное.

До момента, пока капитан не разогнал всех спать – после восемнадцати часов работы – Павел иногда вспоминал об этом диске и украдкой нащупывал его сквозь плотную ткань куртки. Иррациональное желание никому о диске не говорить со временем только крепло.

Поспать им позволили шесть часов, не больше. Завтрак принесли прямо в каюту расторопные молчаливые стюарды. Вчерашняя пахота на борту трофейного скаута, конечно же, не могла пройти бесследно: в зеркале Павел увидел хмурого и взъерошенного мужчину лет тридцати с темными кругами под каждым глазом и вид имеющего заметно утомленный. По хорошему, следовало поспать еще часов шесть, не меньше, но Павел не сомневался, что военные не позволят.

Шеманихин выглядел примерно так же. Беспрерывно зевая, он кое-как умылся и набросился на завтрак. Вчерашние бутерброды хоть и не позволяли голоду напоминать о себе, все же на полноценное питание не тянули.

– Как думаешь, Паша, – осведомился Шеманихин, не переставая жевать. – Раскусим? – Вряд ли, – усомнился Павел. – Обычный черный ящик. Мы даже измерить ничего не сумели. А вскрывать его не порекомендует ни один ксенотехник.

Шеманихин уныло кивнул.

– М-да. Вот заразы! Как же они все это реализуют, а? Ну, хоть бы манюсенькая зацепочка, чтобы знать от чего вообще плясать и в каком, понимаешь, направлении...

Исправно проглотив свою порцию, Павел не утерпел и подсел к своему портативному переносному терминалу. Тем более, что Шеманихин, насытившись, впал в задумчивость, плюхнулся на койку и вознамерился оставшиеся до начала второго рабочего дня (которого по словам военных не существует) минуты подремать.

На всякий случай Павел погасил куб-экран и надел проекционные очки.

Драйв проглотил находку без единой проблемы. Диск не просто выглядел как земной – данные были записаны именно по земному стандарту. Довольно быстро Павел понял, что на диске наличествует стандартный астрогационный набор программ, готовые расчеты каких-то трек-курсов и куча свежих поправок к гравитационным логиям. Во всем этом Павел не особенно разбирался, поскольку пилотской практики у него почти не было.

Потом он обнаружил браузер мгновенной почты, и более всего его потряс флаг «оплачено без ограничений».

У него мгновенно взмокли ладони. Во-первых, в данный момент он стал нарушителем, потому что экспертная группа эскадры Такче работала в условиях полной изоляции. Даже личные карты отобрали, чтоб не было соблазна пробиться на любой узел связи через ближайший ретранслятор. А тут – мгновенка, которой нипочем расстояния! Еще одно порождение разума чужих. Естественно, Павел знал, как такой связью пользоваться. И, естественно, ровным счетом ничего не понимал в принципах ее работы. И, естественно, пользовался ею всего раз-другой, во время обучения, за счет колониального управления. Личные сеансы стоили совершенно непредставимых денег и простому ксенотехнику были, конечно же, не по карману.

Флаг на этом диске гласил, что переговоры будут оплачены в любом объеме в течение неограниченного срока.

Клондайк. Эльдорадо. Обладая таким диском Павел мог смело бросать работу и жить припеваючи остаток дней.

«Что-то не так,» — усомнился он. Не верилось, почему-то, в такую грандиозную халаву.

Он присмотрелся, и понял — что не так.

Броузер был раз и навсегда настроен на один-единственный адрес.

Разочарование было не очень сильным. Павел Неклюдов привык думать, что манны небесной не существует вовсе, а бесплатный сыр можно отыскать только вмышеловке. Жизненный опыт лишь укрепил его уверенность в этом.

Воспользоваться броузером Павел не решился. Запрет все-таки... Иди-знай, умеет ли Рой пеленговать передачи мгновенки? Несчастный «Вагрант» мечется по Галактике, скачет, как блоха по кобыле, только бы не засекли. А добрый ксенотехник Неклюдов полезет по адресу мгновенки и засветит крейсер с бесценным трофеем. Нате, муравьишки. Возвращайте свое. А потом берите к ногтю колонию Тау Хромой Черепахи — за наглость и прочее.

В общем, Павел спрятал диск в сумку. И направился в трюм, поскольку за ним и Шеманихиным уже явился очередной вояка-посыльный.

Второй день не продвинул исследовательскую группу ни на шаг. Сначала Шеманихина и Павла попросили осмотреть найденный в грузовом отсеке чешуйчатый брикет, похожий на лежащий шкаф. Они осмотрели. Очевидно было одно — шкаф этот не имел отношения к икс-приводе, двигательным системам вообще и, скорее всего, к скауту отношение имел очень и очень косвенное. Скорее всего, это груз, сказал Шеманихин, и Павел вполне согласился с таким заключением.

Открыть шкаф не сумели, да не очень-то и пытались. Так и бросили в грузовом, оставив на страже десантника с бластом.

Выходя из отсека, Павел обернулся, и снова ему почудился призрачный силуэт в желтых одеждах, витающий над чешуйчатой диковиной.

Павел, как и в прошлый раз, потряс головой, и морок исчез.

«Спать надо больше», — подумал он озабоченно.

А потом все двадцать шесть экспертов в течение более чем пятнадцати часов тщетно пытались отыскать хоть какую-нибудь зацепку в постижении принципа работы икс-привода.

Бесполезно. Ни возня с приборами, ни манипуляции с корабельным компьютером не привели к желаемому результату — матовый монолит, сработанный Роем, коренным образом отличался от привычных людям механизмов. Он не источал тепло, не излучал, не производил шума. И не реагировал ни на что, кроме команд с капитанского терминала. Он просто готов был в любую минуту зашвырнуть скаут за барьер и вынырнуть вместе с ним в сотнях световых лет от точки старта. Нечего было мерять, не с чем сравнивать. И нельзя было привод разобрать.

Замкнутый круг. Пасулько честно сказал полковнику Куксевичу, что эта штуковина непостижима традиционными методами земных наук. Куксевич, вздохнул, нахмурился, предложил не пороть горячку и дал экспертам двенадцать часов отдыха, призвав отдыхать телесно, но не прекращать работу мысли. Его заверили.

И отправились отсыпаться.

Шеманихин как пришел, так сразу и рухнул на койку, даже раздеваться не стал.

Павел грустно поглядел в зеркало, потрогал отросшую щетину, и подумал, что если затеет сейчас бритье, будет полным идиотом. Поэтому он наскоро слазил в душ и тоже заполз под одеяло. Кстати, пока он мылся, Шеманихин умудрился раздеться, и при этом он, видимо, не просыпался, потому что одежда как попало валялась рядом с вешалкой, а туфли, одна из которых напозала на другую, напоминали брачующихся коров.

Павел проспал часов пять, потом неожиданно проснулся. Ему ничего не снилось, и никакой шум не потревожил его. Просто сон вдруг улетучился. Некоторое время Павел ворочался, даже попытался внять призыву Куксевича и немного подумать о методе победы над коварным икс-приводом. Сон не возвращался.

И тогда Павел, толком не отдавая отчета — зачем он это делает? — тихонько добыл из сумки диск, вогнал его драйв, переносной свой терминальчик вместе с очками взял в руки и вновь заполз под одеяло.

Бесшумно раскрылся куб-экран. Павел с глухой, непонятно откуда взявшейся тоской открыл меню почтового броузера и некоторое время набирался решимости. Потом все-таки надел очки — Шеманихин тоже мог неожиданно проснуться. Иллюзорный куб погас тут же, едва Павел воткнул штекер от очков в нужное гнездо.

Курсор прыгнул к меню адресов сам. Высветился единственный адрес, на который можно было выйти при помощи найденного диска. По префиксам и расширениям Павел не сумел определить местонахождение адресата. Единственное, что он мог сказать — этот адрес явно за пределами доминанты Земли. Хотя, возможны исключения —

посольства, например, пользуются собственными адресами, причем через метрополию — почта-то мгновенная.

Отгнав сомнения, Павел решительно нажал на иллюзорную кнопку с короткой надписью «Вызов».

Где-то в Галактике, возможно — за тысячи световых лет, а возможно — в соседней каюте сработал вызов на точно таком же или совсем другом терминале. И кто-то — человек или чужой — должен был точно так же ткнуть курсором на иллюзорную кнопку, только на этой кнопке другая надпись. Или другой символ.

«Ответ».

Интерфейсный куб броузера растворился — на первый план всплыло объемное изображение.

Человек. Нет... Чужак. Перевертыш. Точно перевертыш, причем метаморфированный в форму, наиболее близкую к людям.

Павел прекрасно разбирался в чужих. По роду деятельности — внешность создателей всегда накладывает отпечаток на создаваемую технику. А Павел был ксенотехником, причем хорошим ксенотехником.

Звуковое сопровождение Павел благоразумно отключил перед вызовом. И теперь только увидел, как шевельнулись губы перевертыша.

Павел вытащил в объем окна бегущую строку и переключил клавиатуру с русской раскладки на интер.

«Я вас не слышу. Набирайте ответы вручную», — посоветовал он незнакомцу.

Мигом возникла ответная строка.

«Кто вы?»

«Человек.»

«Где саркофаг?»

«Саркофаг? — переспросил Павел, потом догадался: — Это такой чешуйчатый шкаф?»

«Да. Он цел?»

«Наверное. А кто вы?»

«Он точно цел?»

«Когда я видел его в последний раз, он был цел.»

«Как давно это было?»

«Около э-э-э... Двадцати часов назад. Земных часов...»

«Я понял. Кто вы?»

«Ученый. Исследователь.»

«Вы исследуете скаут Роя, на борту которого находился саркофаг?»

Павел напрягся. Этот перевертыш явно в курсе дел!

«Да. Саркофаг еще и сейчас там находится.»

«Вы имеете доступ к скауту?»

«В принципе, да.»

«Идите на скаут, заdraивайте люки и стартуйте по любому из имеющихся на этом диске курсов.»

Павел слегка ошazel от такого предложения.

«Даже если бы я и был согласен, не получится. Скаут сам находится на борту более крупного судна.»

«Это не имеет значения. Привод скаута способен рассчитывать и исполнять операции с настолько незначительной погрешностью, что стартовая сфера превышает по размерам собственно скаут всего на несколько миллиметров.»

Чужак вдруг СТРАННО поглядел на Павла, отчего по коже невольно пробежался холодок, и зачем-то добавил:

«Земных миллиметров, естественно.»

Вот это было для Павла новостью. Приводы, которыми пользовалась доминанта Земли оперировали погрешностями в сотни метров.

Секунду поколебавшись, Павел набрал:

«Может быть, вы заодно назовете мне причину, по которой я должен это сделать?»

«Сорок пять миллионов пангала. Миллион вперед.»

У Павла брови поползли на лоб.

«Вводите приходный код.»

Словно загипнотизированный, Павел глядел на собеседника. Миллион. Миллион пангала.

Идентификационные карты у исследователей отобрали, но положить деньги на счет можно было и без нее. Если помнить код и номер. Снять деньги без карты невозможно. А положить — пожалуйста.

Он поправил очки, протянул руки к клавиатуре... Код — его Павел, как и многие, помнил наизусть, несмотря на двенадцатизначность цифры после восьми символов интера.

Счет у Павла был льготный, с расширенным сервисом. Открылся дополнительный кубик с надписью: TRANSFER.

Банковские операции в пределах доминанты Земли по традиции велись на английском языке.

Веря и не веря Павел проследил, как на счет ему капнуло — ни много, ни мало — один миллион пангала.

«Ну и дела, — с легким смятением подумал он. — Я разом заработал больше, чем за десять лет после Академии...»

«Ну, как? Когда стартуете и будете вне досягаемости кого бы то ни было, мы обсудим условия, на которых вы сможете получить остальные деньги, а это еще сорок четыре миллиона. Заранее предупреждаю: саркофаг обязательно должен быть на борту, и он должен быть неповрежденным.»

Павел все еще пребывал в смятении.

«Уважаемый, — пальцы плохо слушались, и приходилось на ходу корректировать текст. — Я ученый, а не авантюрист. Я даже стрелять не умею.»

«Стрелять не придется. Придется просто направить скаут по рассчитанному курсу и прибыть в указанное место. После этого получайте денежки, и гуляйте на все шесть сторон.»

«Я никогда не водил корабли.»

«Это просто. Диск будет с вами, и любая консультация будет доступна в любое время.»

«Мне надо подумать.»

«Торопитесь. Больше я не скажу ни слова. Лучше будет, если вы вызовете меня откуда-нибудь из глубокого космоса, и вы будете на корабле один. И с саркофагом — с целым и невредимым саркофагом. Тогда и поговорим.»

Если честно, Павел несколько кривил душой. Корабли пилотировать он умел — не так уж это было и сложно. Опыта у него не хватало, это да, но запустить расчет пульсации, понять, что расчет не содержит фатальных ошибок и стартовать сумеет любой инженер. А Павел считал себя хорошим инженером. Тем более, что на диске уже имеются какие-то просчитанные курсы, которые нужно только подновить... Павел вдруг сообразил, что думает не «Лететь или не лететь», а «Как лететь». Словно уже принял ошеломляющее предложение чужого-перевертыша, обретающегося непонятно где. Возможно, в далекой звездной системе... и вряд ли в соседней каюте.

«Несколько миллиметров, надо же, — вертелось у него в голове. — Интересно было бы проверить...»

«А в скауте дежурят десантники», — мелькнула унылая мысль.

Тем не менее Павел усыпил терминал, тихонько встал и принялся одеваться.

Шеманихин ровно сопел на соседней койке.

Обе камеры с куртки Павел снял и оставил на столе.

Уже перед выходом он спохватился: «Диск!»

Торопливо вынул блестящий кругляш из драйва и сунул во все тот же карман куртки.

«Ну, — подумал Павел. — Поглядим...»

Что именно он вкладывал в это «Поглядим», Павел предпочел не уточнять. В конце концов, миллион пангала за то, чтобы встать и прогуляться до трюма — неплохой гонорар.

Все, кого он встретил по пути до центрального ствола и от ствола до тактического трюма, не обращали на него никакого внимания. Кое-кто здоровался, хотя Павел узнал всего одного военного. Наверное, они все знали экспертов в лицо. У трюмного шлюза, привалившись к переборке, скучал одинокий десантник. Павел отметил, что скафандр его отключен.

Десантник Павлу просто кивнул:

— Что, осенило? — спросил он с участием в голосе. Наверное, он знал — что такое идти на пост в неурочное время. Но шел, ибо работу выбирает каждый себе сам.

— Да, появилась одна мыслишка... Не хочу всех будоражить, вдруг ошибся.

— Бывает, — вздохнул десантник отворяя шлюз.

Трюм был все так же ярко освещен. Поверхность скаута тускло отблескивала в свете юпитеров. Павел на миг представил, как этот шарик мгновенно исчезает, уходя за барьер. Праздничный свет, растерянность, потом легкая паника охраны, Куксевич, мечущий громы и молнии...

Картинка была настолько яркой, что Павлу пришлось потрясти головой, чтобы ее отогнать.

У открытого шлюза скаута десантников было трое. Все с любопытством уставились на приближающегося Павла.

— Что, профессор? — спросил один. — Не спится?

— А ты бы и рад прикорнуть, — подколот Павел, — да служба не позволяет. Или ты прикорнул, пока никто не видит?

— Да пошел ты, — сердито шикнул десантник. И что-то еле слышно добавил — видимо, непечатное.

— В корабле есть кто-нибудь? — справился Павел по возможности нейтрально.

— А что?

— Не люблю, когда заглядывают через плечо.

— Тогда пляши: никого. На охране только мы. Можешь задрать шлюзы и попробовать смыться!

Десантники довольно заржали, а Павла сначала бросило в холод. Потом он сообразил, что вояки просто веселятся — они и мысли не допускали, что корабль может стартовать не из космической пустоты, удалившись от любого достаточно крупного гравитационного очага, а вот так вот, прямо из трюма эскадренного крейсера «Вагрант».

— Непременно попробую. Вы тогда не удивляйтесь, если шлюзы задроятся.

И он нырнул в отверзнутый зев шлюза, откуда лился желтоватый свет, подобранный по спектру под родное солнце перевертышей — Оао.

Первым делом Павел направился поглядеть на саркофаг. Кстати, почему саркофаг? Там что, действительно замурована какая-нибудь спящая красавица? Тогда понятно, почему перевертыш-меценат так пекся о целостности саркофага.

Нет, ну времена! Человеку, которого видят впервые в жизни, предлагают угнать трофейный скаут и тут же переводят на счет целый миллион! И обещают еще!

«Подумай, Павлуха, — нашептывал внутренний голос. — Неужели тебе заплатят эти чертовы миллионы? Если ставки так высоки, значит тут замешана публика, покрупнее и позначимее, нежели какой-то там ксенотехник из провинции. Сожрут и не поморщатся.»

Но кто-то азартный и алчный внутри возражал: «А миллион-то у нас уже в кармане! Чем черт не шутит — вдруг и остальное заработаю?»

Саркофаг пребывал в грузовом отсеке, то бишь в камере матки. Целехонький.

Отблескивал чешуйками и загадочно...

Павел долго подбирал нужный глагол, но поскольку саркофаг ничего не делал и делать не мог, глагол не подбирался. Наконец, Павел извернулся и сформулировал: и выглядел загадочно.

Конечно! Если за этот невзрачный шкаф сулят миллионы, он — хочешь-не хочешь — будет выглядеть загадочно!

Второе, что сделал Павел, это проверил пищевую камеру, примыкающую к рубке. Там было полно вакуумных пакетов со стандартными белково-углеводными рационами производства перевертышей. Людям эти рационы вполнегодились в пищу, хотя особо вкусными их трудно было назвать. На вид пищи хватило бы месяца на три, а то и поболее. Вода, насколько знал Павел, на скауте циклически регенерировалась, поэтому запасов ее на борту можно было и не иметь вовсе. Кроме того, нашлось несколько упаковок синтетического сока. Тоже производства перевертышей, и тоже годящегося людям.

«Так-так, — подумал Павел. — Ну хоть бы что-нибудь не позволяло согласиться с чужаком...»

Он нерешительно опустился в пилотское кресло и так же нерешительно оживил компьютер. Вставил диск в соответствующий драйв. Дал задание системе наведения. «Корабль будет готов к прыжку через 15 минут, — сообщила система. — Считаю поправки.»

Быстро, подумал Павел.

Он все еще не принял окончательного решения. Но система уже начала расчеты пульсации по курсу, введенному с диска.

«Внимание! Корабль разгерметизирован. Принять меры?»

Надпись мигала.

«Мы подключались к нерву, — лихорадочно прикидывал Павел. — Не нарушится ли управление шлюзами? Не должно, вроде...»

Стопроцентной уверенности у Павла не было. Поэтому он пока игнорировал тревожный сигнал корабельных стражей исправности.

«Корабль будет готов к прыжку через 12... 10... 8 минут.»

Цифры в кубе медленно менялись. Время до прыжка таяло. Павел сидел в пилотском кресле ни жив, ни мертв.

Казалось, прошла большая часть вечности, пока система наведения сообщила:

«Прыжок просчитан. Подтвердите старт.»

«Внимание! Корабль разгерметизирован. Принять меры?»

Нетвердой рукой Павел подтвердил принятие мер.

Надпись продолжала мигать. В рисунке огоньков на индикаторной панели что-то неуловимо изменилось, и после пятисекундной паузы мигающая надпись сменилась стабильной: «Герметичность установлена.»

Снаружи трое десантников вопросительно уставились на затянувшийся шлюз.

«Боже, что я делаю, — подумал Павел, наводя курсор на кнопку старта. — Что я делаю...»

Старт.

Миг холода и двойственности. Рождение и смерть. Реальность и вымысел.

Десантники в опустевшем трюме «Вагранта» продолжали с недоумением пялиться на место, где только что в прочных лапах гравитационного захвата покоился трофейный корабль. Теперь скаута не стало, а обиженный захват выл от векторной перегрузки. А еще спустя несколько секунд кто-то из вахтенных догадался включить сирену.

Тревога. Аврал.

Крейсер «Вагрант» забурлил, словно потревоженный муравейник. Но все это было уже несущественно. Крохотный сферический кораблик исчез за барьером, и очутился в трехмерном мире за двести шестьдесят четыре с третью световых года от стартовой сферы. Он не оставил регистрируемого трека. Он не вызвал гравитационных возмущений в точке финиша. Он был похож на бесплотную тень, не имеющую веса и объема, и не знающую преград.

Впрочем, во многом так оно и было — во время прыжка-пульсации.

Только Павел Неклюдов, специалист-ксенотехник достаточно высокой квалификации, по-прежнему не понимал — как инженерам Роя удалось это реализовать, хотя сам только что пережил все перипетии прыжка.

Некоторое время он сидел в кресле, пытаясь взять себя в руки. Постепенно в голове его выкристаллизовалась единственная мысль: «Самое время вызвать перевертыша...»

Смутную, почти не видимую в желтом свете тень, что колыхалась у арки-выхода из рубки, Павел не замечал.

Он запустил броузер и вызвал чужака-незнакомца. Ждать практически не пришлось — тот ответил сразу, словно жил рядом с терминалом связи.

— Ну, как успехи? — спросил он спокойно, но Павлу казалось, что перевертыш волнуется и не хочет это показать.

— Я в космосе, — сообщил Павел сухо. — Сам не понимаю, зачем я это сделал.

— Отлично, — перевертыш очень по-человечески просиял. — Вам не придется жалеть об этом поступке, я вас уверяю. Думаю, самое время познакомиться. Сделайте одолжение, расскажите о себе.

Павел неопределенно повел плечами:

— Разве это так важно? Впрочем, ладно: меня зовут Павел Неклюдов, я, как вы уже успели убедиться, человек, подданный колонии Тау Хромой Черепахи, доминанта Земли. Ученый-ксенотехник. Мне тридцать земных лет. Что еще вас интересует?

— Да, в общем-то, ничего, Павел, — ответил перевертыш на удивление корректно и доброжелательно. — Если хотите, можете звать меня Коллегой, потому что я тоже в известной степени ученый. Извините, но больше я вам ничего о себе не сообщу. Я считаю обещанную вам сумму достаточным для этого основанием. Даже тот миллион, который уже осел у вас на счету — уже достаточное основание, не так ли?

— Да ради бога, Коллега. Не хотите называть свое имя — не называйте. К тому же, я не уверен, смогу ли его произнести. Я ксенотехник, а не лингвист.

Коллега оценил шутку и светски склонил голову:

— Вы нравитесь мне все больше и больше, Павел. Полагаю, мы ко взаимному удовольствию сработаемся. Итак, что мне нужно от вас: приведите корабль с саркофагом в указанную на диске точку. Вас встретят. Вручат деньги. И с этого момента можете считать себя более не связанным никакими обязательствами: купите себе билет куда заблагорассудится. Или корабль себе купите — какую-нибудь симпатичную яхточку, денег у вас хватит.

— А куда конкретно нужно привести корабль?

— Не знаю, — Коллега всплеснул руками. — На диске сказано. Вы сейчас находитесь...

— Двести пятьдесят — чуть больше на самом деле — световых лет от границ Скопления Хромой Черепахи. Земных лет, конечно. Я еще не ориентировался, поэтому не знаю — в какую сторону и к какому из магнитных полюсов...

Как ученый Павел считал своим долгом уточнять терминологию.

— Ладно. Запускайте астронавигационную программу, она все вам расскажет. Павел, я позволю себе дать вам два... нет, три совета. Совет первый: не пытайтесь открыть саркофаг. Ничего с ним не делайте, пусть пребывает в том состоянии, в каком он сейчас находится. Совет второй: не пытайтесь нас обмануть. Идите туда, куда указано на диске. Так будет правильнее. Для всех, и в первую очередь лично для вас. И третий совет: торопитесь. Мы и так уже запаздываем...

— Скажите, Коллега, — спросил Павел, подчиняясь смутной догадке. — Я ведь не первый, кто везет вам саркофаг?

— Нет, — честно признал Коллега. — Вы шестой. Или даже седьмой, если считать... Впрочем, это неважно. Знаете, Павел, я, пожалуй дам вам еще один совет, четвертый и последний. Во время полета могут случиться некоторые... м-м-м... странности, скажем так. Так вот, не верьте собственным глазам. И тогда все будет нормально. До встречи.

И Коллега отключился. Оборвал разговор, можно сказать, на ключевой фразе. Странности. Значит, чутье Павла не обмануло. Эта история не так проста и незамысловата, как казалась раньше. Он шестой — или даже седьмой — в чьей-то эстафете, и эстафетной палочкой, скорее всего, является этот самый саркофаг. До разреза нужен «им» — кому-то, кого представляет Коллега. Скорее всего, подумал Павел, никакой он не ученый, а наверняка бандит. Очень крупного калибра. Хотя, не исключен вариант, что он все же ученый, зато работающий на бандитов очень крупного калибра.

Павел вдруг остро осознал, что идти на попятную уже поздно. Он вляпался, и вляпался глубоко. Правда, задание казалось несложным.

«Ага, — вставил внутренний голос. — Предыдущим пятерым (или даже шестерым) задание тоже, скорее всего, казалось несложным. Но они его не сумели выполнить». Павлу была известна только судьба предшественника-перевертыша. Незавидная судьба. Обратиться в кучу бестолковой органики под нейтронным залпом... Бр-р-р...

Неужели судьба остальных столь же незавидна? А не поспешил ли ты, Павел Неклюдов, угонять чужой скаут с чешуйчатой эстафетной палочкой на борту? Подумай, крепко подумай...

Вместо этого Павел почему-то вспомнил совет Коллеги номер два. И решил пока ему следовать.

И еще решил крепко запомнить совет номер четыре.

Это было хорошее решение, как оказалось позднее.

Павел вновь обратился к астронавигационным программам. Отыскал итоговый трек, отдал команду сориентироваться. Некоторое время комп сверялся с гравитационной картой, потом рассчитал поправки и проложил базовый пунктир.

— Двадцать семь пульсаций, — прошептал Павел, глядя на экран. — Дня три в лучшем случае, а реально — дней пять, если ничего не помешает. Или даже неделя. Удачно. По галактическим меркам расстояние до цели было небольшим, чуть меньше семи тысяч световых лет. Павлу не понравилось другое: финиш располагался в пределах галактического диска, на самой окраине, в старом шаровом звездном скоплении, известном как Рой-семьдесят два. Из названия явствовало, что эта область пространства контролируется Роем. И Павлу очень не хотелось на ворованном корабле соваться к существам, этот корабль построившим. Павлу справедливо казалось, что у этих существ могут возникнуть к нему, Павлу Неклюдову, человеку с Тау Хромой Черепахи, разнообразные и не обязательно приятные вопросы. Он не чувствовал, что в состоянии ответить на вопросы адекватно. Скорее наоборот: чувствовал, что ответить не в состоянии. И это беспокоило, причем сильно. С другой стороны, Коллега сказал, что Павла должны встретить. Возможно, но Коллега не уточнил — чем? Соотечественника Коллеги в окрестностях Тахче встретили нейтронным залпом. Павел сомневался, что встреча такого рода его сколько-нибудь обрадует.

Тем не менее, он дал добро на окончательный просчет пунктира, и, почувствовав, что проголодался, решил прикончить хотя бы один рацион. Заодно и попробовать — насколько съедобна пища перевертышей. И насколько она вкусна.

Оказалось — вполне съедобна, да и на вкус нова. Хотя, посиди на таких рационах с неделю — наверняка надоест. Но Павел не отчаивался, хоть и был по натуре гурманом. Во-первых, он не рассчитывал питаться рационами больше недели, а во-

вторых он заметил, что в пищевой камере несколько разновидностей рационов – должны же они отличаться чем-нибудь кроме цвета упаковки?

Прикончив нечто вроде белкового пюре, Павел запил первую трапезу на борту скаута соком, тоже весьма недурным на вкус, и заметно повеселел.

«А что – подумалось ему. – Приведу этот пузырь к Рою-72, дадут денег – прекрасно, не дадут – миллион у меня уже есть.»

Тут Павел сообразил, что его личная карта осталась на Орионе. Отобрали перед посадкой в бот. Дабы эксперты не вздумали втихаря связываться с кем-нибудь с личных терминалов. Идиоты, кто ж будет платить прорву денег ради какого-то паршивого разговора?

«М-да, с возвратом карты будут проблемы. Хотя, кто мешает сказать, что Павел полез опробовать какую-нибудь внезапно сложившуюся идею, а привод возьми, и сработай? Кто ж знал, что его стартовая сфера настолько ничтожна и так точно ложится на корабль? Павел, к примеру, даже в мыслях этого не допускал. А о разговоре с Коллегой все равно никто не подозревает, даже Шеманихин...»

Все, что невозможно проверить, нетрудно выдать за правду.

Некоторое время Павел пытался выдумать правдоподобную легенду, потом решил, что будущее покажет. В конце-концов, деньги можно положить и на целевой счет, получить одноразовую карту без идентификации. Прилететь втихую на Орион – за деньги можно сквозь любую таможенную просочиться. За деньги же вызволить свою карту из военного архива, за деньги ее подпатчить... Потому что Павла Неклюдова, скорее всего, на Такче будут рассматривать как военного преступника. В общем, имея за душой сорок с лишком лимонов можно сконструировать себе новую личность. По собственному вкусу.

«Назовусь Эдуардом, – мечтательно подумал Павел. – И фамилию надо позаковыристей... Рерих, например. Эдуард Рерих. Обтекаемо и значительно.»

Додумать ему помешал писк компьютерного бластера – система наведения завершила расчеты.

Павел перебрался с обеденного столика к пультам, скомандовал «Старт», и на неуловимое мгновение раздвоился.

Все-таки было в прыжках что-то затягивающее. На уровне инстинктов и рефлексов, что-то физиологическое. Говорят, космонавты привыкают к прыжкам, как к наркотику. И лишаясь возможности прыгать часто сходят с ума.

Павел надеялся, что не успеет до такой степени привыкнуть. Яхту, как советовал Коллега, Павел покупать не хотел. И шастать по обжитой Галактике не хотел.

Наоборот, планировал выбрать какой-нибудь тихий мир на отшибе с курортным климатом, и осесть там навсегда. Ну, по крайней мере, пока денег хватит.

Скаут прыгал еще трижды, прежде чем Павла стало клонить в сон. С каждым разом прыжок задевал в нем что-то все более глубинное.

Делать ему было совершенно нечего, поэтому бороться со сном Павел не собирался. Растянул давно примеченный гамак и с удовольствием вполз в него, словно улитка в раковину. И забылся в ожидании очередного прыжка.

Снилась ему какая-то чушь: укоровизненный капитан Куксевич грозил пальцем и насылал следом за скаутом орды крейсеров, все как один похожие на «Вагранта». Лейтенант Хардуэй комментировал происходящее суконным языком военных приказов. Павел недовольно морщился – вполне возможно, что на самом деле, не просыпаясь. Потом откуда-то возник Виталий, с грустью посмотрел на Павла, и сообщил: «А мне за дом на Такче нечем заплатить...» Павел уже собирался залихватски гикнуть и по-барски взяться за кредитную карту, но тут вспомнил, что карты у всех экспертов отобрали. Шеманихин ждал-ждал, потом безнадежно махнул рукой, и ушел вдоль по стволу «Вагранта», к трюмам. Но в трюмы он почему-то не попал, а попал в грузовую камеру скаута. Прямо от шлюза он неожиданно разогнался и, будто пловец на старте, прыгнул руками и головой вперед. Саркофаг поглотил его, пойдя на мгновение текучими чешуйчатыми волнами, а потом вновь отвердел. Павел постоял рядом, постучал зачем-то по саркофагу, позвал: «Виталик! Вылезай!», но Виталик не вылезал. Пожав плечами, Павел решил саркофаг просветить чем-нибудь, но прямо посреди грузового отсека сразу сконденсировалось объемное изображение Коллеги, который печально покачал головой, покачал языком (Павел еще подумал, что язык у перевертышей совершенно такой-же, как у любого человека) и сказал: «Я ведь советовал тебе не трогать саркофаг.» «Но я же его не открывал!» – возразил Павел. «Ну и что? Просвечивать его тоже нельзя. Придется тебе, парень, искупить свою вину: полезай в саркофаг сам!» «Но там Виталик!» – Павел даже несколько удивился, хотя, если у саркофага не слишком толстые стены, к Виталику в компанию можно было запихать и Павла, и, наверное, Коллега тоже влез бы. «Нет там

Виталика, — злорадно сказал Коллега. — Просветил ты его. Как ваши вояки моего земляка — фить, и нету.» «Так что же? — подумал Павел с тревогой. — Я, что ли, Виталика убил? Своего шефа и единственного друга?» «Убил, — подтвердил Коллега. — Совсем убил.»

И тут Павел в холодном поту проснулся. В рубке царил полумрак — услужливые автоматы погасили почти все источники света. Только над головным пультом слабо мерцал куб-экран, полный расчетов очередного прыжка. Объемные цифры текли, перескакивали с одного воображаемого кубика экрана на такой же, но пониже, пока не доходили до «донного» слоя. После этого содержимое слоя из экрана исчезало, но Павел твердо знал, что данные исправно пишутся в неуничтожимый лог-файл. Он вскинулся в гамаке, и глубоко вздохнул.

— Фу, — пробормотал он с облегчением. — Чушь какая...

С непривычки ломило все тело — до сих пор Павлу никогда не приходилось спать в гамаке.

Он выбрался на волю, мельком взглянул на пульт; свет включился сам собой, едва Павел ступил на пол. Очень хотелось сунуть голову под холодную воду, чтобы смыть вязкие воспоминания недавнего сна. Сдерживая зевоту, Павел направился к санблоку.

Плеснув в лицо воды и взглянув в овальное зеркало, Павел вдруг обмер.

Он не узнал себя. У него было другое лицо — чужое. Вместо узких скул, носа с горбинкой, пронзительных серых глаз и тонких, почти бесцветных губ Павел увидел совсем другие черты. Из зеркал на него глядел кто-то круглолицый. Чужой. Нос картошкой, губы бантиком. С обильными залысинами, с маленькими, как у откормленного кабанчика глазками. Эдакий самодовольный бюргер откуда-нибудь с фалькау или Баслер-Скиведе.

Павел растерялся, как не терялся еще ни разу в жизни. Руки сами собой метнулись к этому чужому лицу и ощупали — все, нос, щеки, губы... Знакомый шрам на левой скуле — след юношеской драки.

Пальцы шрам почувствовали. В зеркале никакого шрама Павел не наблюдал. И нос — вот она, горбинка... А в зеркале — пончик какой-то а не нос.

«Врет зеркало, — подумал Павел, наполняясь внезапным гневом. — Оно фальшивое.»

И вдруг, повинувшись молниеносному порыву, он с размаху ударил зеркало кулаком. Так сильно он не бил ни разу в жизни.

Зеркало пошло трещинами, раскололось на несколько частей, которые со звоном рухнули на раковину умывальника. Чужое лицо исчезло.

Костяшки пальцев заныли — Павел взглянул на собственную руку. Мелкие серебристые осколки торчали из уже начавшей кровоточить кожи. Боль толчками втекала в руку. Некоторое время Павел бездумно стоял перед умывальником, потом отыскал аптечку (еще один довод, что Рой строил и снаряжал этот корабль не для себя), кое-как очистил руку от острых осколков, промыл и обработал. Аптечка тихо зажужжала, сканируя повреждения, потом впрыснула что-то обезболивающее, потому что саднить кулак сразу перестало. В довершение иссеченные места были залиты физиологической пастой.

Вернувшись в рубку, Павел крепко задумался. Случившееся решительно не поддавалось никакому разумному объяснению — Павел не страдал галлюцинациями, ни разу в жизни не бредил, да и к гипнозу был практически невосприимчив. Как ученый он посмеивался над мистикой и прочей эзотерикой, последние лет тридцать неожиданно снова вошедшим в моду. Поэтому эпизод с зеркалом внес смятение в обычно уравновешенную душу Павла Неклюдова. Не любил Павел необъяснимое — опять же как ученый.

И вдруг он вспомнил вчерашнее предостережение Коллеги. «Во время полета могут случиться некоторые... м-м-м... странности, скажем так. Так вот, не верьте собственным глазам. И тогда все будет нормально.»

Павел подобрался в кресле.

Странности. Вот оно, ключевое слово. Странности. Они уже, видимо, начались. Павел вспомнил, как бил зеркало, и решил, что поступил правильно. Он не поверил в отражение. И уничтожил его.

«Не удивляться, — подумал Павел. — Попробую... Что еще остается делать? Но получается, что в будущем меня ждут подобные сюрпризы?»

«М-да, — саркастически заметил его неутомимый внутренний оппонент-скептик, — ничего себе началась неделька! Угнал скаут из-под носа военных Тахче и разнес неправильное зеркало в сортире. Да ты герой, Паша!»

Павел фыркнул, и решил оппоненту не отвечать.

Система наведения трудолюбиво загружала корабельный компьютер просчетами очередного прыжка. Из необходимых двадцати семи скаут совершил уже четыре и заканчивал считать пятый. Между третьим и четвертым прыжком погрешность превысила некую условную критическую величину, и комп десять часов кряду тасовал поправки и распахивал их в нужные места нового расчета. Четвертый прыжок, судя по логам, прошел уже нормально.

Оторвавшись от клавиатуры, Павел взглянул на залитую пастой руку, вздохнул и прикинул чем можно заняться на борту.

Выбор был небогатый. Можно было еще поспать, но во-первых не хотелось, а во-вторых Павел отчего-то исполнился уверенности, что ему снова начнет грезиться какая-нибудь чушь. Можно было поесть, но с утра обычно ничего не лезло, кроме кофе. Кофе в пищевой камере, увы, отсутствовало. Тупо пялиться на работу компьютера и системы наведения — занятие для умственно ограниченных школьников. И тут Павел вспомнил о саркофаге. О грузе, который вез на Рой-72. Коллега, конечно, запретил им особо интересоваться. Но оттого, что Павел посмотрит на это чудо природы оно ведь не испортится, верно?

И он, бодро подскочив из удобного кресла, направился к шлюзу в грузовой отсек. В камеру матки Роя.

По дороге Павел задумался — а не заперт ли отсек кодом предыдущего пилота? Как открывали его во время исследований Павел просто не знал, но точно помнил, что к помощи ксенотехников уже не прибегали.

Опасения его были напрасны, шлюз открылся едва Павел коснулся сенсора на маленьком пульте. В стене быстро проросло овальное отверстие.

А за ним сияли звезды. Чернота и звезды — больше Павел не увидел ничего.

Мысли вихрем пронеслись — всклокоченные и беспорядочные.

Сначала Павел решил, что просто перепутал, и каким-то образом вместо шлюза в грузовой отсек открыл наружный шлюз.

Потом осознал, что его не вышвырнуло в окружающий скаут вакуум потоком воздуха.

Да и вообще он жив и здоров, чего не может быть при открытом наружном шлюзе.

Павел протянул руку — плоскость не была заблокирована никаким полем. И перепонки не было. Осталось только понять, куда Павел ее протянул — в грузовой отсек или за борт.

Задуматься об этом он не успел — снова подчинившись внезапному и необъяснимому порыву, Павел просто шагнул в дверной проем.

И оказался в грузовом отсеке — звезды погасли как по команде, и вспыхнул обычный для скаута желтоватый свет. Саркофаг серо-коричневым брикетом покоился в гравизахвате. В самом центре отсека, на высоте сантиметров тридцати от палубы. Несколько минут Павел рассматривал его, пытаясь убедить себя, что совершенно не интересуется содержимым.

Потом приблизился, обошел саркофаг по кругу.

Каждая чешуйка саркофага казалась идеально гладкой, но пригнаны друг к другу чешуйки были таким образом, что поверхность казалась шероховатой.

Павел протянул руку — стыки чешуек действительно легко прощупывались. К удивлению саркофаг оказался ощутимо теплым, причем тепло было какое-то глубинное, исконное, что ли. Тепло живого существа, а не нагретого механизма. Едва заметная черта тянулась через всю верхнюю плоскость — Павел подумал, что, наверное, это щель между створками. Углы саркофага были плавно скруглены; один из торцов был просто плоский, а ко второму примыкала непонятная цилиндрическая кишка, слишком короткая, чтобы назвать ее трубой или шлангом. На краях кишки чешуйки выглядели болезненными — иссохшими, отслаивающимися. Павел присел, вглядываясь. Протянул руку, ухватил торчащую чешуйку. Она неожиданно легко отделилась. Чешуйка как чешуйка. Серовато-коричневая, гораздо светлее саркофага, слегка похожая на матовое стеклышко. Павел повертел ее перед глазами и опустил в карман куртки.

Некоторое время он провел рядом со странным грузом, но добавить что-либо к наблюдениям не удалось. Саркофаг глубоко упрятал свои тайны и делиться ими ни с кем не собирался. Павел подумал, что его предшественники, наверное, вот так же разглядывали непонятный предмет, за который сулят многие миллионы, и отступали, не в силах постичь его секрет.

«А с чего я вдруг решил, что саркофаг прячет какую-то тайну? — задумался Павел. — Что в нем, в сущности, необычного? Ящик ящиком, даром, что чешуйчатый. Ну, везут какие-нибудь мафиозо пару тонн какой-нибудь наркоты. А Павел голову ломает — тайны, секреты...»

Он склонил голову, прислушиваясь к внутреннему оппоненту. Тот отмалчивался. Так и не дождавшись мысленного ответа, Павел втянул голову в плечи и побрел прочь. Ответ пришел к нему позже, когда скаут прыгнул еще дважды, а Павел изрядно покопался в бортовом компьютере.

«В самом саркофаге действительно мало странного. Просто рядом с ним происходят очень странные события.»

Павел без аппетита поужинал, забрался в гамак и принялся ждать новые странности. Ждать пришлось приблизительно полночи.

Пробуждение накатило от острого ощущения чьего-то чужого присутствия. Павла буквально сковало — не осталось сил двигаться. Самое большее, на что у него хватило смелости — это чуть-чуть разлепить веки.

Рубка освещалась слабой аварийкой тускло-желтого цвета. До боли скашивая глаза, Павел огляделся, но никого не увидел. Тогда он бесшумно повернул голову. И увидел ее. Женщину. Он сразу понял, что в рубке находится именно женщина — по силуэту. Она была либо обнажена, либо одета во что-то обтягивающее. Склонившись над пилотским креслом, она копалась в сброшенной Павлом одежде. А точнее, в карманах куртки.

Павел был так поражен, что неловко двинулся, и буквально выпал из гамака. Снова зажегся свет, едва он коснулся пола, только на этот раз коснулся не ступнями, а всем телом. Несмотря на падение, глаз от ночной гостьи Павел не оторвал. Она обернулась на звук, и Павел увидел ее лицо.

Он не впервые видел это лицо, и женщину эту мгновенно узнал.

В семье хранилась старая голография, привезенная из легендарного рейса корабля Ушедших пра-пра-прабабкой Вероникой Стародумовой.

Пятеро людей. Слева — разбитного вида парень с грустными глазами и аккуратной щеточкой усиков. Михаил Зислис. Старший навигатор.

Рядом — родственница, бабка Вера, молодая и симпатичная, с толстой косой на плече, смотрит чуть-чуть в сторону, а не на снимавшего.

В центре — смуглый черноволосый мужчина очень сурового вида, с жестким и озабоченным взглядом. Лет ему на самом деле примерно столько же, сколько и Зислису, но его почему-то хочется назвать мужчиной, а не парнем. Это капитан — Роман Савельев.

Рядом с капитаном незнакомый Павлу человек — пра-пра-прабабка не сумела вспомнить его имя, помнила только, что он погиб во время стычек экипажа Савельева с прихлебателями директората Волги.

И справа — она. Ночная гостья. Юлия Юргенсон. В том же обтягивающем комбинезоне, что и сейчас, только куртки Павла на голографии у нее в руках, понятно, нет. Старший пилот. Худенькая коротко стриженная женщина с неуловимо асимметричным лицом и совершенно обезоруживающей улыбкой.

Голографию эту Павел представил до невероятности ярко, до мельчайших подробностей, словно действительно на нее посмотрел.

Павел вскочил; женщина бросила куртку на кресло и, быстро-быстро пятясь, отступила к арочному проему в центральную камеру скаута. Свет там и не подумал зажегся.

— Эй! — сдавленно позвал Павел и украдкой приблизился к креслу. Попробовал выглянуть в проем, но с этой точки центральная камера просматривалась плохо. Вдохнул, решительно сжал кулаки, и вышел из рубки. Свет послушно зажегся.

В центральной камере никого не было. Шлюз в грузовой отсек выглядел закрытым, и таковым оказался, когда Павел проверил.

А еще — прямо по неровным сегментам полуперепонки шла выведенная чем-то красноватым надпись: две русские буквы.

«Ю Ю»

Надпись еле уловимо пахла малиной.

Павел долго рассматривал две буквы "Ю" и тупо переминался с ноги на ногу.

Во-первых: откуда, если не из саркофага, взялась на борту женщина в пилотском комбинезоне? Во-вторых, что она искала в карманах куртки Павла? В-третьих, а не снится ли это все?

Павел яростно потряс головой. Крепко зажмурился и вновь открыл глаза.

Надпись и не подумала исчезнуть. А он, Павел Неклюдов, начинающий авантюрист-одиночка, стоял в центральной камере скаута Роя — босой, в казенных военных трусах и майке, и размышлял — скоро ли он окончательно сойдет с ума.

Решив мыслить холодно и здраво, он немного отложил визит в грузовой отсек и пошел умываться-одеваться.

Первые же пригоршни холодной воды обожгли разгоряченное лицо, и Павел вдруг сообразил, ЧТО могла искать в его карманах женщина из саркофага. Чешуйку. Которую Павел вчера отковырял от трубки-кишки и сунул в карман. Что же еще? Только ее.

Торопливо вытерев руки, Павел чуть не бегом вернулся в рубку и схватил куртку. Сунул руку в карман — левый, это он помнил прекрасно.

Карман был пуст, только несколько обычных комочков свалывшейся пыли, которые можно выковырять из уголка любого кармана во вселенной. А чешуйки — нет.

Оттого, что чешуйки в кармане не оказалось, Павел окончательно успокоился, доумывался, и просидел некоторое время в сортире, злорадно подумав, что когда кто-нибудь вздумает ломиться сюда же, он с полным правом проорет: «занято!» и даже не подумает поспешить. Спокойствие казалось ему неожиданным и нелогичным, но тем не менее было приятным. Любому приятно сознавать, что спокойствие сохранено, хотя вокруг творится сущая чертовщина.

Потом он не спеша позавтракал, и лишь после этого посмотрел — сколько там осталось лететь. Обещанные Коллегой странности просто надоели. Даже бояться их расхотелось. Возможно потому, что женщина-морок, гостя не то из прошлого, не то из подстегнутого чем-нибудь неясным подсознания, не то действительно из саркофага, поспешно сбежала от Павла, хотя он сначала здорово передрейдил, и страхи его были похожи на бессмысленный детский ужас перед тем-кто-сидит-в-темноте-под-кроватью.

Аппаратура скаута рассчитывала восемнадцатый прыжок из двадцати семи. Значит, осталось еще десять. А это от полусуток до трех. Если, разумеется, не будет сбоев, а по наблюдениям Павла привод Роя со сбоями справлялся не в пример быстрее остальных приводов. Так что, можно потерпеть.

— Не дождетесь, — агрессивно буркнул Павел, машинально оборачиваясь в сторону грузового отсека. — Не сойду я с ума.

Он пошарил по управляющим меню и поинтересовался — есть ли у шлюза в грузовой отсек блокировка. По идее в родных скаутах Роя ее быть не должно. Точнее, если она и есть, то наоборот изнутри грузового отсека, где хозяйничает матка. Но этот-то скаут явно адаптировали в расчете на факт, что мыслящий и пилот — это одно и то же существо, и место ему — в рубке.

Все оказалось проще. Блокировка имела, но не с пульта в рубке, а с локального пульта у шлюза, причем ориентирована она была именно так, как хотелось Павлу: он мог запереть шлюз так, что изнутри грузового отсека открыть его стало бы невозможно.

И Павел Неклюдов, чувствуя себя победителем, сделал это.

— Не нужны вы мне! Не нужны! И чешуя ваша паршивая мне не нужна...

Он не договорил: скаут прыгнул в восемнадцатый раз. Пара мгновений двойственности, и в который раз ни малейших возмущений. Ни намек на тряску. Ему осталось девять пульсаций. Две трети от первоначального числа.

Время до девятнадцатой пульсации удалось даже продремать в кресле перед пультом. Пока Павел находился в нем, автоматика свет в рубке не гасила. До двадцатой — ходил кругами около пульта, то в одну сторону, то в другую.

После двадцать первой его снова сморило — на полу, под гамаком.

Видимо, на этом кораблике все странности обострялись во время, пока пилот спит. Неожиданное чувство тошноты мигом оборвало сон. Павел судорожно сглотнул и раскинул руки, не находя опоры. В рубке снова было почти темно, и Павел пополам с ужасом и изумлением осознал, что парит между пищевой камерой и косо тянущимся от стены к стене гамаком.

Невесомость забавлялась, неторопливо гоняя его, словно рыбку по аквариуму, по рубке скаута.

«Почему невесомость? — встревожился Павел. — Аппаратура вырубилась, что ли?»

Ценой невероятных усилий ему удалось дотянуться до гамака, причем ушло на это не меньше пятнадцати минут. Оттуда подтянуться к стене и перелететь к креслу у пульта было уже неизмеримо легче. А кресло, естественно, было снабжено ремнями. Пристегнувшись, Павел взялся за клавиатуру, и с немим изумлением убедился, что приборы показывают нормальное тяготение — чуть меньше земного. Вероятно, среднее тяготение, пригодное расам, для которых Рой готовил этот корабль.

Едва Павел взглянул на прибор, моментально вспыхнул свет; тело прижало к креслу. На миг показалось, что теперь тяготение нарастает, но испугаться как следует он все же не успел.

Оставалось пять прыжков, если верить компьютеру.

Пожалуй, это было последнее ясно запомнившееся событие за этот короткий перелет. Дальнейшее память услужливо покромсала, видимо спасая Павла от душевного расстройства. Остались разрозненные воспоминания: женщина, похожая на Юлию Юргенсон, беспрепятственно проходит через закрытый шлюз. Павел зачем-то рассыпает перед наружным шлюзом содержимое двух пакетов рациона. Гамак, брошенный на кресло, словно ловчая сеть на зверя. Непонятно с какой целью сожженная в центральной камере куртка — как удалось добыть огонь Павел тоже не помнил, но твердо знал, что зажигалки у него не было и нет. Бесплодная попытка скопировать в память бортового компьютера содержимое диска Коллеги и подправить адрес мгновенной почты. Некоторое количество малозначащих мелочей.

И главное, невероятно четкое воспоминание — Павел стоит перед открытым саркофагом, и саркофаг этот изнутри напоминает скорее вскрытую тушу какого-то большого зверя — сочащаяся сукровицей плоть, прожилки сосудов... Что-то вроде древнего скафандра, вросшего в эту плоть, а внутри скафандра — снова она, женщина с голографии; смотрит немного испуганно. Неожиданно на голову ей падает непрозрачный шлем, а саркофаг захлопывается.

Очень яркое воспоминание, а потом — тьма.

И, как вспышка, пробуждение.

Полузапутавшись в безвольно обвисшем гамаке, Павел сидел в кресле и тупо глядел в куб-экран. В кубе светилась короткая надпись на интерес: «Финиш». Некоторое время Павел размышлял, что это значит. Возможно, именно это умственное напряжение помогло вынырнуть ему из нервного ступора.

«Финиш», — подумал он. — Может, я уже прилетел?"

Вяло потянувшись к клавиатуре, Павел вызвал астронавигационную программу и, удивляясь, что еще не позабыл как это делается, сделал запрос.

«Введенный трек-пунктир исполнен; время расчетное. Система ждет дальнейших указаний.»

Скаут вместе с Павлом Неклюдовым, беглым ксенотехником с Тау Хромой Черепахи, находился у цели, названной ему Коллегой. В пределах скопления Рой-семьдесят два.

«Надо вызвать Коллегу, — сообразил Павел. — Надо... Ч-черт, голова раскалывается...»

Комп пожаловался, что в драйве отсутствует запрашиваемый диск. Павел пошарил на столе — диск отыскался под клавиатурой. Сормив его драйву, Павел загрузил браузер и нажал на кнопку вызова.

Коллега по обыкновению возник на связи почти мгновенно.

— Я на месте, — тихо сообщил Павел.

— Да, мы уже заметили, — не скрывая удовлетворения отозвался Коллега. — Рад, что вы, Павел, в точности последовали моим советам. Ведь в точности, не так ли?

— Последовал, — сказал Павел так же тихо.

— Саркофаг, надеюсь, цел? — поинтересовался Коллега.

— Цел. Во всяком случае, я его не открывал.

Коллега, запрокинув голову, засмеялся, словно Павел очень удачно пошутил.

— Вы молодец, Павел. Признаться, в вас я верил, как не верил ни в одного из ваших предшественников. Ждите, осталось совсем немного. Вас подберут в течение часа-двух. — Коллега знакомо взглянул прямо в глаза Павлу. — Естественно, я имею в виду земные часы.

— Жду, — сказал Павел, и решительно прервал связь.

Почему-то невероятно сильно захотелось в этом разговоре оставить последнее слово за собой.

Хоть это ему удалось.

Ждать пришлось чуть более часа; все это время Павел, постепенно оживая, провел в рубке. Даже соку попил. Странности, отчаявшись сбить его с толку в полете, похоже смирились с поражением.

Навигационная система предупредительно пискнула, и Павла швырнуло на стену.

Скаут оставался на боку всего пару секунд, потом мягко скомпенсировал чужое гравитационное поле и откорректировал положение в пространстве в соответствии с новым очагом. Пол плавно вернулся на место, а Павел благополучно сполз по стене на пол. Осталось включить обзор и гравориентировку.

— Ого! — оценил он, взглянув спустя полминуты на крупномасштабный экран.

Совсем рядом, в нескольких десятках километров, из-за барьера вынырнул чудовищный матовый шар — искусственная планета Роя. Малютка-скаут стал на нее падать. Павел привычно восхитился той невероятной точности, с которой Рой реализовывал настолько тонкие маневры. Ведь эта громадина выскользнула из-за

барьера по космическим меркам вообще на расстоянии, а вплотную, причем вектор ее движения и скорость совпадали с вектором и скоростью скаута практически без погрешностей.

Доминанте Земли до подобной точности еще расти и расти...

Он падал точно в центр километровой воронки-шлюза, открывшейся в оболочке станции Роя. Падал стремительно и неотвратно, как потерявший ход кораблик на железную звезду.

Станция поглотила скаут; звезды теперь виднелись только в топовом экране, да и то лишь в очерченном жерлом шлюза круге. Труба-воронка постепенно сужалась.

Путешествие Павла Неклюдова приближалось к развязке.

Фиксации скаута на грунте он, естественно, не ощутил. Впрочем, какой грунт может быть на станции Роя? Скорее, палуба, а не грунт.

Запел сигнал на пульте; оба шлюза скаута самопроизвольно отворились. Вероятно, подчиняясь дистанционной команде. Павел тяжело вздохнул, встал из кресла, вынул из драйва диск и направился к выходу.

Снаружи было светло, но спектр освещения отличался от уже привычного желтоватого света в помещениях скаута. На выходе из своего недавнего пристанища Павел ненадолго задержался и осмотрелся.

Кораблик покоился в гравизахвате совсем низко над палубой — меньше метра. Вместо неба, как и ожидалось, имелась твердь, испещренная пятнами светопанелей, а невдалеке наблюдались стены. Скаут находился словно бы в ангаре, и ангар этот нельзя было назвать просторным даже по меркам скромной человеческой станции «Орион». Краем глаза Павел успел заметить закрывающийся шлюз, и мелькнувшую за перепонкой фигуру особи Роя. А перед открытым шлюзом скаута стояли три перевертыша. Один из них — Коллега.

— С прибытием, — поздоровался Коллега.

Павел молча прыгнул на палубу. Диск он сжимал в руке.

Из грузового шлюза двое похожих на муравьев-гигантов рабочих Роя как раз выносили саркофаг. Закрытый. Слава богу, невредимый. Все три перевертыша тотчас вперились в него, позабыв ненадолго о Павле. Рабочие тем временем оттащили саркофаг чуть в сторону от кораблика и утвердили на палубе.

Коллега полез во внутренний карман френча — во всяком случае, одежда его очень походила покроем на земные френчи, недавно в очередной раз вышедшие из моды. Извлек не то портативный компьютер, не то какой-то необычного вида прибор — плоскую черную коробочку.

— Хм... — сказал он. — А ведь порядок. О...

— Стоп, — перебил его другой перевертыш, в похожем френче. Этот был метаморфирован несколько в иную, отличную от Коллеги форму, и человека он мог напомнить разве что в сумерках. — Потом. Сначала разберемся с этим.

«Да уж, — подумал Павел устало. — Хорошо бы.»

Он не испытывал особого страха — вероятно, от той же усталости. И вдруг осознал, что равнодушен практически ко всему в этом мире — к сорока четырем миллионам пангала, к тому, как лучше возвращаться на Такче и как добывать свою идентификационную карту... Ко всему, кроме одного. Кроме жгучего желания заглянуть в саркофаг.

Этого ему хотелось сейчас больше всего на свете.

— С ним? — переспросил Коллега и снова полез в карман френча. Прятать свою коробочку, надо полагать.

Третий перевертыш, в отличие от своих сородичей одетый в нечто вроде балахона, приблизился к саркофагу, отпихнув попутно рабочего, который был чуть не вчетверо крупнее него, и принялся придирчиво рассматривать чешуйчатую поверхность.

— Итак, Павел, — развел руками Коллега. — Вы честно выполнили свои обязательства. Пора нам выполнить свои. Как вы предпочитаете получить деньги? Наличными? Драгоценными металлами? Трансуранидами? Говорите, не стесняйтесь. Павел облизнул пересохшие губы.

— Скажите, Коллега, — сказал он непривычно хриплым голосом. В горле першило от непривычного запаха, характерного для внутренности гнезда Роя. — Скажите: что все-таки там, внутри? В этом саркофаге? Или кто?

Перевертыши переглянулись.

— Он такой же как все, — разочарованно вздохнул второй. — Совершенно такой же. После этого перевертыш ловко извлек из кармана френча плоский боевой ансайфер и выстрелил Павлу в голову. Удивление даже не успело застыть в глазах мертвого человека-ксенотехника. Кровь не успела проступить по краям микроскопической раны. Тот, кто завершил черную эстафету, замертво упал на палубу станции Роя в

десятке шагов от эстафетной палочки. Оброненный диск с тихим шелестом откатился в сторону.

— Манарра! — Коллега всплеснул руками. — Зачем?

Его партнер неопределенно сложил ладони; ансайфера в его руках уже не было.

— А что, ты правда собирался заплатить ему?

— Конечно! — Коллега, казалось, не одобрял действий партнера.

Третий перевертыш продолжал осматривать саркофаг; происходящее его совершенно не интересовало. Еще меньше происходящее интересовало рабочих Роя, застывших, словно изваяния.

— Всегда ты так, — сварливо произнес партнер, подбирая и критически рассматривая радужную поверхность диска. — Надо быть жестче... Я тебе тридцать пять раз говорил.

Коллега не ответил; вместо этого он вопросительно взглянул на перевертыша в балахоне. Тот утвердительно качнул плечами. Тогда Коллега вынул из кармана переговорное устройство и кому-то скомандовал:

— Начинаем!

Одновременно открылись все шлюзы ангара; десятки рабочих Роя принялись стаскивать к саркофагу приборы и органы, собирая их в непостижимую конструкцию-организм. Действовали они слаженно и быстро. Коллега с партнером наблюдали за ними; перевертыш в балахоне суетился в самом центре событий.

— Ну, что? — не вытерпел Коллега, когда суета и движения немного поутихли.

— Готово, — отозвался перевертыш в балахоне. — Все готово.

— Тогда открывай!

Рабочие Роя, словно по команде, разбежались в стороны.

— Открываю...

Створки саркофага, доселе плотно сомкнутые, разом откинулись, и взорам перевертышей-оаонс предстало...

Впрочем, Павел Неклюдов, авантюрист-неудачник, все равно этого не увидел.

Его тело чуть позже унесли рабочие Роя; его плоть стала частью плоти гнезда-планеты. А имя забылось, как неизбежно забываются имена всех, кто в отчаянном спурте пересекает финишную черту затеянной не им эстафеты.

КОНЕЦ

Маленькое авторское послесловие негодующему читателю.

Да, уважаемый читатель, ты вправе негодовать. Коварный автор так и не прояснил — а что же, собственно, кроется там, в саркофаге? Но мне кажется, что попытка объяснить все испортила бы. Правда всегда бывает слишком обыденной, и неизбежно несет разочарование. Поэтому я решил оставить все как есть. Осмелюсь дать только легкую подсказку: тот, кто внимательно прочел роман «Смерть или слава», может догадаться о содержимом саркофага...

(с) октябрь 98 — май 99

Москва (Измайлово) — Николаев — Днепробугский лиман, борт швертбота «Чингис» — Москва (Перово)

Наследие исполинов

ЧАСТИ 1-2

Война за мобильность – 1

«Наследие исполинов»: АСТ; 2003
ISBN 5-17-014260-9

Аннотация

«Смерть или слава», «Черная эстафета». И теперь наконец – «Наследие исполинов»! Случайная находка, сделанная землянами в космосе Непонятный артефакт давно исчезнувшей цивилизации? Или все-таки – генератор нуль-тоннелей, ведущих, согласно легенде, в другую галактику – к сокровищу, открывающему власть над Вселенной?!

Чтобы понять – надо ДОБРАТЬСЯ!

Охота начинается. Люди и «чужие» вступают в гонку Победитель ПОЛУЧИТ ВСЕ!

Читайте «Наследие исполинов» – первую книгу нового цикла Владимира Васильева «Война за мобильность»!

Владимир Васильев
Наследие исполинов
Из цикла «Война за мобильность»
Роман

Внимание! В процессе написания этой книги не пострадал ни один Юрий Семёцкий!

1 ЗАДОЛГО ДО ПРОЛОГА

Вселенная чудовищно пуста. Галактики, звезды и планеты теряются в этой явленной бесконечности, и проложить путь от звезды к звезде далеко не просто.

Но разумные сумели сделать это. Причем научились перемещаться от одного светила к другому быстрее света. Смешно – на финише, глядя на звезду, от которой стартовали (если ее возможно было разглядеть из финишной сферы), они могли полюбоваться светом, излученным сотни и тысячи циклов назад. И могли вернуться обратно, потратив всего лишь несколько суток, самое большее – недель. Правда, пока разумные путешествовали только в пределах одной галактики – рыхлого спирального облака, повисшего посреди наблюдаемой бесконечности.

Финишная сфера скомкала и изорвала пространство в непосредственной близости от безымянной звезды, лишенной планет, но за миллионы циклов терпеливого ожидания захватившей несколько бродячих астероидов, осколков былых космических катастроф. Из-за барьера, разом прорвав ткань мироздания, вывалился межзвездный корабль: не совсем правильный объемный эллипсоид, плоский и обтекаемый, будто морской моллюск с плотно сомкнутыми створками. Некоторое время потревоженное пространство продолжало искривляться и бушевать, но кораблю это буйство было ни почем. И самому кораблю, и тем, кто кораблем управлял.

Не повлияли побочные эффекты прыжка и на близкую звезду – что ей, раскаленной термоядерной топке, какие-то жалкие возмущения пространства на дистанции нескольких тысяч диаметров хромосферы? Даже астероидам, обломкам былых катастроф, это вовсе не глянулось катастрофой. Мгновенное и исчезающе слабое изменение гравитационного поля, не способное сдвинуть с места даже пылинку (а

сколько весит пылинка на поверхности астероида?) – какая уж тут катастрофа... Излучения? Тоже несерьезно.

Будь окрестности этой звездной системы так же пусты, как и тысячи других систем в галактике, ничего бы не произошло.

Однако вокруг этой звезды довольно давно даже по космическим меркам обращалась совсем уж крохотуля рядом с теми же астероидами – стержень-цилиндр из темного материала, сравнимый по размерам разве что с существами, которые управляли вынырнувшим из-за барьера кораблем. Здесь возмущения пространства нашли отклик – под их воздействием микроструктура стержня стала меняться. Возникали области молекулярных сжатий и разрежений, текла и изменялась кристаллическая решетка. Менялись субъядерные связи. Поглощалась и выделялась энергия. Возмущения пространства, порожденные прыжком корабля сквозь сотни световых циклов, пробудили стержень, а он, в свою очередь, повлиял на пространство. Точнее, на свойства пространства, свойства чрезвычайно глубинные. Правда, это было воздействие совершенно иного рода, нежели побочные эффекты межзвездного прыжка. Теперь стержень очень напоминал ручной фонарик, утерянный кем-то в невесомости: с одного из его торцов срывался конический луч, только луч этот был невидим и неощутим для приборов корабля. На некотором расстоянии от стержня луч обрывался, образуя окружность диаметром... ну, скажем так, вполне достаточным, чтобы вышеозначенный корабль проскочил в нее, словно дрессированный зверь в обруч дрессировщика, нигде не задев границ этого обруча.

Пространство в финишной сфере успокаивалось, приходя в давно устоявшуюся форму. Пространство внутри луча и окружности и не думало волноваться: оно просто изменило свойства и застыло в таком виде.

Тем временем корабль принялся маневрировать на планетарной тяге. Ориентировался, подгонял скорость и искал нужный вектор дрейфа для подготовки нового прыжка.

За долгое-долгое время, пока стержень невозмутимо ожидал у безымянной звезды, корабли вблизи него появлялись трижды. Первый раз – в незапамятные времена, причем это был точно такой же корабль, какой доставил и подвесил на теперешней орбите сам стержень. Этот корабль грамотно сманеврировал, дождался, пока стержень создаст луч и окружность, прошел самый центр окружности и навсегда исчез из галактики.

Второй и третий корабли появились неизмеримо позже, когда все, кто устанавливал стержни у некоторых звезд, уже угасли как раса и начисто потеряли интерес к межзвездным путешествиям. Оба корабля пробыли в окрестностях по-прежнему безымянной звезды недолго, к стержню не приближались и покинули эту часть космоса по-своему, без помощи транспортера забытой расы.

Сегодня звезды успели забыть расу пилотов, которые вели второй и третий корабли. Так же как и древних исполинов знания, установивших стержень-транспортер. Время неумолимо. Оно не щадит ни тех, кто изобретает способы межзвездных путешествий, ни приспособления, при помощи которых эти путешествия осуществляются. Но продолговатый темный цилиндр с соотношением диаметр/длина как один к семи словно не знал прикосновения времени.

В определенном смысле так оно и было. Давно забытая раса исполинов больше никаких обладающих подобными свойствами устройств после себя не оставила, поэтому цилиндр можно было считать одним из самых старых объектов галактики. А второго такого в этой галактике попросту не имелось.

Четвертый корабль после очередного маневра волею судеб лег на быстро вычисленную траекторию, и траектория эта проходила как раз через условную окружность, которая усекала конический луч древнего «фонарика», стержня-транспортера. Но траектория прокалывала окружность не вблизи центра, а у самого края, у границы, да так, что корабль большей частью проваливался в пятно измененных физических свойств, а меньшую часть проходил мимо пятна, там, где пространство обладало самыми обычными свойствами.

Та часть, которая угодила в зону действия транспортера, исчезла. Остаток, словно вскрытая консервная банка, исторг содержащийся внутри воздух, жиденький и быстро редееущий рой предметов самых разнообразных форм и размеров да десятка два мгновенно закочевевших до стеклянной твердости трупов. Один из космонавтов-путешественников, на свою беду, в момент катастрофы был облачен в Защитный спецкостюм – его ждала смерть медленная и куда более мучительная. Но столь же, увы, неотвратимая. Еще четверо бедолаг находились в герметично закрытом отсеке. Их агония длилась дольше, поскольку отсек имел определенный резерв автономности, но совершенно не имел средств связи, способных оповестить сородичей на таком чудовищном расстоянии от обжитых миров.

Когда стержень погасил транспортный «луч», космонавт в спецкостюме и четверо его коллег в отсеке не успели еще даже сообразить — что же произошло?

Ожидание — естественное состояние древнего транспортера. Он снова погрузился в ожидание.

Правда, транспортер не знал, что ждет. Он просто срабатывал на каждое возмущение пространства вблизи себя — только его «вблизи» подразумевало сферу, в которую свободно умещалась безымянная звезда и вся ее карликовая планетная система в придачу.

Автоматы умеют ждать.

2 ОЧЕНЬ ДОЛГИЙ ПРОЛОГ

— Приехали, — нейтрально сообщил Веселов. Он всегда говорил так, словно делал собеседнику одолжение. Или был чем-то страшно недоволен.

— Спасибо, — с некоторой ехидцей отозвался Плужник.

Плужник Веселова часто раздражал — наверное, именно этой подчеркнутой серьезностью.

Но на бригадира не очень-то поорешь. И не очень-то пообижаешься. Точнее, обижаться-то можно сколько угодно, да только ни к чему ровным счетом это не приведет. А обидишься открыто — еще и по служебной линии огрести можно. В общем, Саня Веселов страдал молча.

Плужник, чаще именуемый в команде «Тимурычем», величаво кивнул и исчез из призрачного столбика связи над пультом.

Веселов сморщил нос и показал в пустоту язык.

Рейдер действительно прибыл на место назначения — стандартный малый поисковик класса «Шустер-эпсилон». Экипаж семь человек, дальность пульсации — до восьмисот светолет. В исключительных случаях — до тысячи двухсот. Дальше сигать не рекомендовалось, икс-привод начинал сбиваться при наведении на финишную сферу. Бригада искателей на рейдере была укомплектована лишь частично — вместо семерых всего пятеро. Людей, как обычно, не хватало. Поэтому функции бригадира и капитана рейдера (а по совместительству и врача) выполнял один и тот же человек — Тахир Тимурович Плужник, он же Тэ-Тэ-Пэ, что большинство женщин на земной Базе с обидой в голосе расшифровывали как «тяпнул-трахнул-послал». Потому что в нетрезвом виде Тимурыч и впрямь был падок до женского полу и почему-то мистически неотразим, а наутро, протрезвев, вечно впадал в меланхолию и становился ужасно циничным, недобрым и невыносимым.

Помбриг (он же штурман-астрогатор и, как ни странно, вечный кок) Вася Шулейко, человек редкостно мягкого характера, выглядел гораздо-моложе своих, пятидесяти трех локальных. Румяные щечки, нежный пушок на скулах — он скорее походил на кадета или даже на малька-первокурсника, а отнюдь не на матерого волка-искателя, попрыгавшего каждый спиральный рукав вдоль и поперек. Вася давным-давно осознал, что в галактике неизмеримо больше мест, где он доселе не бывал и никогда не побывает, нежели мест, куда его заносила прихотливая судьба искателя. Главное, что отличало малька от ветерана, — осознание безграничности вселенной в целом и исполинских размеров галактики в частности. Но для всех, не исключая тех же мальков, Вася оставался просто Васей, хотя успел налетать даже больше Тимурыча. Мальком, а также исполняющим все прочие обязанности, вынужденно оставался Саня Веселов, невзирая на свои двенадцать рейдов и особый спецкурс в академии. По той простой причине, что двоих штатных искателей в команде не хватало, а научных в рейд никогда не посылали меньше пары.

Научники в этот рейд выпали — хуже не придумаешь. Сухопарые матроны с Офелии, родные сестры. Регина и Виола. Тетки изрядно зловредные и склочные, но в космосе отнюдь не новички, этого не отнять.

В общем, экипаж подобрался чудовищный; ничего подобного ему даже в суммарной памяти Тимурыча и Васи за долгие годы полетов не отложилось. Матронам что, у них каждый рейд выглядит чудовищным с точки зрения остальных членов экипажа, эти две дамочки привыкли...

Поисковики старались мириться. И уступать.

Задачей искателей было шастать по малообжитым районам космоса в поисках следов, оставленных реликтовыми цивилизациями. Кто и когда учредил Поисковую Базу и кто ее финансировал — оставалось сокрыто под туманной завесой догадок и кривотолков. С одной стороны, эта информация не считалась сколько-нибудь секретной. С другой стороны, сведения всплывали настолько противоречивые, что составить правдоподобную картину никак не удавалось.

Плужник считал, что Базу содержат военные. Точнее, то что осталось от регулярных военно-космических сил доминанты Земли, — разрозненные штабы флотов и отдельные соединения кораблей, расползшиеся по наиболее важным звездным системам людей. Единое управление они давно утратили ввиду отсутствия осмысленной угрозы со стороны союзников или откуда-нибудь извне, но с успехом продолжали поддерживать вполне приличную боеготовность.

Основной задачей и единственным источником средств для военных стала, борьба с расплодившимися после вступления людей в союз пиратами и контрабандистами.

Местными режимами помощь военных весьма поощрялась, поскольку полицейские части с легионом пиратов явно не справлялись ввиду вопиющей малочисленности и плохой оснащенности. А зачем плодить полицейских и оснащать их, когда под боком прекраено обученные и оснащенные военно-космические силы? Снаряжение и технику военные заказывали, распределяли и транспортировали сами, являя почти идеальный симбиоз с субъектами доминанты Земли;

Розовощекий Вася мнения по этому поводу никогда не высказывал, но втайне считал, будто База финансируется Фондом единого знания, общесоюзной организацией с положением и возможностями серого кардинала. Не имея власти формальной, Фонд имел практически неограниченные энергетические и финансовые ресурсы. Иными словами, бабок у Фонда было до хрена, поскольку львиную долю научных изысканий курировал именно он, права на действующие технологические патенты держал он, регистрировал (у себя же) новые патенты почти исключительно он, а с патентов регулярно состригались даже не миллиарды — триллионы пангала. Деньги давно стали в обжитой части галактики основной и чуть ли не единственной движущей силой. Серьезным доводом в пользу Васиного мнения служил тот факт, что остальные шесть высших рас союза и шесть претендентов в высшие имели собственные Поисковые Базы, сконструированные по единому образцу и оснащенные в точности той же техникой, что и земная. Отсутствие самостоятельных искателей у новоразумных рас, вроде хлонк или беура, по убеждению Васи, объяснялось лишь формальным запретом главенствующей шестерки пользоваться межзвездными технологиями без надзора. А среди наемников по чужим Базам тех же хлонк и беура очень даже хватало. Саня Веселов был еще слишком молод и беззаботен, чтобы иметь на этот счет сформировавшуюся концепцию, а для проформы полагал, будто Базами командуют частные промышленные синдикаты; кое-кто из старичков придерживался схожего мнения.

Истина скорее всего лежала где-то в промежуточном объеме, приблизительно на равном удалении от всех точек зрения. Базы вполне могли быть и автономными, на равных сотрудничая со всеми понемногу.

Девяносто девять целых и девятьсот девяносто девять тысячных процента от общего числа поисковых вылетов заканчивались ничем. Вообще ничем. Искатели, впустую проболтавшись пару локальных лет по космосу, возвращались на Базу, сдавали стандартный отчет и отправлялись в положенные по контрактам отпуска. Но оставшаяся одна тысячная процента удачных вылетов с лихвой окупала все затраты. Искатели-цоофт сто сорок лет назад в одном из дымовых колец Ф'Ладг-Энрике наткнулись на законсервированный маяк неизвестной расы; возраст маяка был оценен приблизительно в двенадцать-тринадцать миллиардов локальных лет. Стало быть, маяк сигнализировал неведомым кораблям древних задолго до царствования легендарных Ушедших.

Поисковики доминанты Земли три с половиной десятилетия целенаправленно утюжили ближние окрестности бывшей системы Волга, где некогда случайно вынырнул из небытия целый крейсер Ушедших; благодаря тем событиям люди и пробились в высшие расы. Ничего имеющего отношение к Ушедшим поисковик не обнаружил, зато в недрах давно заброшенного планетоида-рудника в Поясе Ванадия был найден предмет, позже нареченный «оранжереей». «Оранжерея» уже была создана кем-то, когда первые а'йеши и первые матки Роя едва начали постигать простейшие арифметические действия. Назначение «оранжереи» ученые Земли так и не смогли внятно объяснить, но благодаря ее изучению совместными усилиями а'йешей и цоофт наконец-то были частично истолкованы принципы действия мгновенной связи. После таинственного исхода Роя из галактики это открытие имело поистине судьбоносное значение, ведь больше некому было поставлять «черные ящики». Физику процесса мгновенной связи ученым уловить не посчастливилось, но зато союзники после долгих мытарств научились копировать работающие «черные ящики» Роя, что заставило вздохнуть свободно миллиарды разумных существ.

Искатели булингов, совсем недавно принятых в шестерку высших рас, первыми додумались сопоставить общие свойства двух гравитационных аномалий: первой

вблизи собственной столичной системы, в районе, известном как скопление Пета, второй — на периферии бывших владений Роя. В результате ничего материального найти не удалось, однако удалось записать закодированное послание неизвестной расы Роя и ключ-дескриптор к нему. Послание содержало массу сенсационной информации, в том числе и научно-технологической.

Случались и не столь громкие находки; но важнее было то, что любой разумный обитатель любой из планет союза твердо усвоил: галактика полна рукотворными артефактами и их нужно неустанно искать. Удивительно, но некоторые пиратские флотилии добровольно отказались от нападений на поисковики да еще объявляли вне своего флибустьерского закона всех, кто подобным принципом пренебрегал.

Бригадира Плужника в свое время пираты потрошили дважды, потому что какая-то обиженная дама из obsługi земной Базы запускала слух: Тимурыч, мол, на что-то необычное наткнулся и везет это на Базу. За «Шустером» любвеобильного бригадира устраивались оглушительные лихие погони-сафари, но оба раза все заканчивалось появлением нескольких линейных крейсеров военно-космических сил. Пираты, понятно, немедленно разбежались, а Плужник возвращался восвояси с неимоверной помпой и внушительным эскортом. К сожалению, оба раза порожняком, поскольку находка существовала лишь в воображении обиженной дамы.

Первые годы после академии и стажировок любой, завербовавшийся в искатели, всерьез надеялся что-нибудь найти. Потом приходили первые сомнения. Потом разочарование пополам с грустью. А потом неизбежное понимание умудренного сединой ветерана: везет лишь единицам из сотен тысяч. И шанс, что повезет именно тебе, ничтожно мал...

Поэтому ни бригадир Плужник, ни Вася Шулейко ничуть не спешили приступить к работе после рапорта Сани Веселова о прибытии в район сканирования. На рейдере заканчивалась локальная ночь, до подъема по распорядку оставалось почти два часа. Веселов мог и не блюсти формальную букву устава. Вполне мог доложить о финише в начале рабочего дня, при сдаче вахты. Ни бригадир, ни (упаси боже!) душка-помбриг Вася Шулейко даже не нахмурились бы на подобное мелкое, но вполне оправданное здравым смыслом нарушение, а мнением научных дам на марше смело (а главное — без последствий) можно было пренебречь.

Но Веселов доложил, невзирая на локальную ночь.

Согласно тому же уставу поисковой службы Тимурыч обязан был явиться в рубку и собственноручно запустить аппаратуру сканирования. Но Тимурыч еще не рехнулся на старости лет, чтобы за такой мелочью вылезать из теплой постели за два часа до подъема и тащиться через полкорабля в рубку, поэтому сонно велел Веселову начать сканирование самостоятельно либо подождать до утра, когда все встанут и позавтракают. После чего с чистым сердцем задремал снова.

Веселов и не надеялся, что «старики» немедленно примчатся после его рапорта. Если начистоту — сидеть без дела было невыносимо скучно, спать предательски не хотелось, а за не санкционированное бригадиром включение дорогостоящей аппаратуры и неуклюжую попытку ее настройки малька могли и ощутимо взгреть с ущемлением в выплатах.

Получив вожделенную санкцию, Саня повеселел и бодро разблокировал куб управления сканерами. Мудреный агрегат работы чешуйчатых свайгов был даже не адаптирован для доминанты Земли — дизайн панели управления и сенсорные пульта под четырехпалые руки сразу выдавали изделие союзников.

Когда-то всех инопланетян называли просто «чужие». Не постепенно, по мере вхождения людей в галактический союз, это неприятное словечко стало выпадать из обихода и забываться. Так уж получилось, что союз перенял от людей не меньше, чем люди от союза. И увы, среди человеческих даров иным расам оказалось куда больше пороков, нежели добродетелей. Доминанта Земли, напротив, впитывала почти исключительно знания и технологии.

Например, вот этот новейший сканер. По дальности и точности анализа он не имел равных в галактике. Разрабатывали его совместно а'йеши и азанни, испытания проводили свайгн и цоофт, производили свайги и поставляли всем без исключения расам, имеющим Поисковые Базы. Собственно, поэтому за самоличную его активацию малька могли и взгреть — люди таких приборов пока еще не делали.

Но вопреки всему Саня Веселов умел с ним обращаться, и умел неплохо. Да и мальком считался только в силу того, что угодил в команду к паре признанных корифеев и парс мегер.

Расшторив наружные датчики и прогнав положенные тесты, Саня даже немного воодушевился.

«Сейчас, — подумал он, оживляясь все сильнее и сильнее, — как обнаружу, блин, что-нибудь эдакое... от Ушедших! Или еще каких исполинов потерянного знания! Тимурыч небось в одних портках примчится...»

Однако Саня уже вплотную подошел к тому барьеру, когда в глубине души становится вполне очевидно: ни сегодня, ни завтра, ни через неделю, ни через год мудреный сканер работы свайгов не завершит, не соизволит просигнализировать об обнаружении объекта «предположительно техноген-ного происхождения»...

Сканер завершал на второй минуте работы.

Саня вздрогнул и обмер. Потом его взяла оторопь. Потом обдало болезненной испариной.

Руки дрожали и плохо попадали на сенсоры, сработанные под лапы рептилий-свайгов. Слишком контрастные строки интера в непривычно сером объеме экрана плясали и расплывались перед глазами.

Саня внимал резюме.

«Объект: предположительно фрагмент летательного Аппарата...»

Приблизительная масса покоя равнялась двадцати трем земным килотоннам.

Расстояние до объекта составляло около двенадцати десятичных мегаун, что приблизительно равнялось шести мегаметрам. Впритирку, черт возьми...

Энергетическая активность — ноль. Тазинарная активность — ноль целых шесть десятых. Барионная активность — выше нуля, но можно пренебречь. Время пассивного дрейфа (в первом приближении) — более полутора тысяч локальных лет.

Саня хмелел от неверия.

Но вскоре, слегка порассуждав, начал успокаиваться.

В самом деле — полторы тысячи лет разве срок? Никакой это не артефакт исчезнувших исполинов. Просто обломок корабля одной из ныне здравствующих рас-союзников. Полторы тысячи лет назад союз тогда еще пяти рас, включая ныне стигнувший Рой, всю рубился с нетленными и их сателлитами из Ядра — оре и дашт. Кораблей тогда пожгли и покорежили без счета. Правда, немногочисленные останки космической техники быстро повыловили и немедленно пустили в дело, еще во время войны. А уж после войны подчистили пространство на зависть тщательно. Только по окольным медвежьим углам, где не случались массовые побоища и могли еще сохраниться битые корабли. Только в местах случайных незарегистрированных стычек, когда выживших не остается и некому рассказать о скоротечном звездном бое.

Итак.

Саня втянул объемно-структурный образ находки в куб программы-распознавателя и дал команду на идентификацию типа летательного аппарата. Втайне Саня надеялся, что, поразмыслив и перебрав все возможные варианты, программа озадаченно мигнет желтым индикатором и бесстрастно сообщит, что «тип летательного аппарата не опознан».

Разумеется, надежда не оправдалась. Программа довольно быстро разобралась и сказала, что найденный обломок «идентичен левой мидель-носовой части модульного разведывательно-десантного крейсера производства а'йшей времен войны с нетленными. Применялся а'йшами активно и повсеместно, ныне устарел и не производится с такого-то года».

Год программа выдала по исчислению свайгов. Переводить в земную дату Сане было лень: и так понятно, что модульные крейсера разумные кристаллики-а'йеши давно не производят и что со временем дрейфа вышеозначенного «фрагмента летательного аппарата» сие вполне коррелирует.

Потом Саня задумался — а где, собственно, недостающая часть крейсера? Война с нетленными — не древние поединки на планетах. В космосе применялось оружие, от которого редко остаются обломки. Да еще сравнительно целые. Аннигиляция, деструктурирование вещества, силовые поля, тазинарные поля... Впрочем, специалистом по оружию, тем более по древнему, Саня не являлся.

Он исследовал обломок крейсера вдоль и поперек, выяснил (с помощью программы, разумеется), что «видимых повреждений помимо рассечения фрагмент летательного аппарата не имеет». Тут и застал его свежий и розоволицый с утра помбриг Вася Шулейко.

— Что это еще за каракатица? — весело спросил Вася, склонившись над плечом Веселова.

Саня Веселов вздрогнул от неожиданности и зыркнул на часы — вахта его уже четверть часа как закончилась.

— Это крейсер а'йшей, — собрался и ответил Саня. Довольно внятно ответил; чему внутренне порадовался. — Модульный. Точнее, кусок крейсера. Болтается тут полторы тысячи лет. Больше пока ничего не выяснил...

— Когда засек?

— Часа два назад как финишировали, Я Тимурьчу доложил, он велел посканировать до подъема...

— Так-так. — Вася жестом велел Веселову уступить место и плюхнулся в кресло сам. Руки запорхали над чужим пультом. Рассчитанным под четырехпалую руку с пальцами, длиннее чем у людей...

Помбриг сноровисто выводил в объем экрана столбцы данных, вызывал таблицы и справочники, запустил библиотеку и сводарий. Постепенно пространство перед ним заполнилось призрачными изображениями текстов, трехмерных макетов, ссылок на документы и архивные массивы.

— Вахту принял, — не оборачиваясь, буркнул Вася Веселову. — Ступай, отсыпайся... Спать Сане по-прежнему не хотелось, поскольку первую половину дежурства он бесцеремонно продирижировал со смеженными веками, ибо подготовка к прыжку и сам прыжок совершенно не требовали человеческого вмешательства. Автоматы все делали сами. А вот перекусить чего-нибудь явно не мешало.

— А слопать чего-нибудь имеется? — осторожно поинтересовался он.

Дело в том, что Вася Шулейко обыкновенно наведывался в рубку перед тем, как отправляться готовить завтрак. Сегодня он явно вознамерился в рубке застрять, поэтому завтрак искателей мог свестись к личной импровизации каждого члена экипажа. Большею частью из консервантов и сухпая.

— Я повара наострил вчера... Загрузи чего попросит и стартуй первое меню. Потом свистнешь.

— Понял, — повеселел Саня.

Если Шулейко с вечера написал рационную программу, значит, никаких сухпаев, а набросать в кухонный комбайн продуктов мегеры-научницы не гнушались.

— Я пошел! — Великовозрастный малек лихо отсалютовал и выскользнул из рубки, едва не столкнувшись за перепонкой с бригадиром.

— Доброе утро, Тимурьч! Вахту взял Вася.

— Ага, — принял к сведению бригадир и протяжно зевнул. — Гуляй...

Он еще ничего не знал.

Спустя час Саня, успешно совладав с кухонной автоматикой и вежливо раскланявшись с мегерами в твиндеке, снова просочился в рубку. Тимурьч и Вася, погрязнув носами в мешанине объемных экранов, разбирались с неожиданной находкой. Они что-то беспрерывно бормотали и изредка шипели друг на друга. Веселов притих на рабочем месте штурмана-астрогатора, во все глаза наблюдая за работой корифеев.

— Скол проверил? — осведомился Тимурьч, лихорадочно листая в одном из видеокубов некий безразмерный реестр.

— Ага. Как зеркало, — отозвался Вася. — Шлифовали его, что яи?

— Шлифовали, — едко подтвердил Тимурьч. — Думаю, непосредственно при срезе.

— Да не было у нетленных такого оружия, тебе ж сказано!

— А у союзников? Кто сказал, что это нетленные? Саня Веселов тихо внимал.

— Полагаешь, союзники могли сцепиться между собой?

— А ты полагаешь, такое невозможно?

Вася Шулейко с сомнением пожал плечами:

— Не знаю... А давай запросим центр статистики. Лучше с А-Йеши, со столицы.

— Давай... Что там с неводом?

— Ловит!

Тут Вася заметил безмолвствующего Веселова.

— О! А ты почему не спишь? — Неохота что-то...

— Тогда помогай!

Саня с готовностью вскинулся.

— Гляди на сканер, он мелкие объекты выискивает. Не могло же от крейсера отрезать единственный кусок! Да и изнутри наверняка что-нибудь выплыло.

— Да брось, полторы тысячи лет! Прикинь, куда оно все улетело за это время! — усомнился Тимурьч.

— Улетело так улетело, — не стал возражать Вася. — А проверить стоит! Давай за пульт, кадет!

— Я не кадет, — в который раз уныло и недовольно поправил Саня, прекрасно сознавая, сколь мала с высоты помбриговского опыта разница между ним и действительно кадетом.

— Отставить, — неожиданно вмешался Плужник. — Лучше пойди проверь скафандры. Сделаем вылазку, поглядим поближе, я так думаю... Давай, наводись впритирочку. Шулейко послушно отогнал Саню от штурманского места и принялся просчитывать мини-прыжок.

Проверка скафандров — обязанность техника или зам-брига по оборудованию. Но поскольку Саня Веселов исполнял все маршевые функции, кроме бригадирских и штурманских, скафандры, естественно, тоже входили в его сферу ответственности. Впрочем, проверять там особо было нечего, техника простая, как молоток, надежная, как молоток, и проверенная годами успешного применения, как все тот же верный человечеству молоток. Поэтому уже через десять минут Саня вызвал по внутренней связи рубку и доложил, что три скафандра к эксплуатации готовы, аминь. Тимурыч ворчливо осведомился, почему три. Веселов смутился и неуверенно предположил, что, мол, для выхода за пределы рейдера бригадиру, помбригу и ему, стало быть Сане Веселову, понадобится аккурат три скафандра, ни больше ни меньше. На что Тимурыч холодно возразил, что, во-первых, бригадир никуда выходить не собирается, поскольку хоть один разумный человек обязан оставаться в рубке. Во-вторых, в экспедиции к находке априори (Тимурыч так и выразился — априори) обязан принять участие представитель научников, стало быть, одна из мегер пойдет к обломку крейсера а'йшей, а вторая будет на подхвате у библиотечного терминала в рубке. С первой мегерой отправится Вася, а искателю Веселову надлежит дежурить у шлюзов, если он не пожелал отдыхать после ночной вахты.

Саня попытался вяло и безнадежно протестовать; понятное дело, ни к чему путному сие не привело.

В общем, когда Регина величественно всплыла в рубку и села за свой терминал, а Виола и Вася облачились в скафандры, Саня уже почти смирился со своей тоскливой участью.

Первый раз довелось принимать участие в чем-то похожем на настоящий поиск, и, естественно, в качестве сугубого статиста! Кто б сомневался...

Нет в мире справедливости! И это при том, что злосчастный обломок крейсера обнаружил именно он, Александр Веселов, искатель земной Базы. А вся слава достанется Плужнику и мегерам, как пить дать им, а вовсе не Сане Веселову. Нет в мире справедливости... Ни миллиграмма.

Следующие полчаса Саня в одиночестве проторчал у шлюза. Вася и Виола в совершенно будничном настроении дождались, пока рейдер прыгнет поближе к находке, и вышли наружу. Навелись и отсинхронизировали вектор дрейфа просто изумительно: когда пространство за бортом пришло в норму и Плужник разрешил выход в открытый космос, поисковый рейдер и обломок древнего крейсера а'йшей разделяли жалкие двенадцать километров.

Скафандры у искателей были современные: не на архаичной реактивной тяге, а с гравидвижителем. Эдакий икс-привод в миниатюре, разве что без возможности барьерного перехода. Движитель фиксировал массивную цель и подтягивал человека в скафандре к ней, словно на страховочном фале. Если же цель по массе уступала человеку, в качестве опорной точки использовался рейдер. В этом случае скафандр не подтягивал, а выталкивал своего владельца к цели.

Сгорая от неутоленного любопытства, Саня слушал маловнятные переговоры Васи с Плужником.

А потом произошло чудо.

— Тиздурыч? — спросил Шулейко с некоторой озадаченностью в голосе. — Тут осматривать немерено... Шли-ка сюда Саньку на подмогу, а то и за неделю не управимся.

Саня чуть не умер от внезапно вернувшейся надежды; грудь сдавило, словно началась тренировка на перегрузки; дыхание само собой остановилось. Боже, как отчаянно хотелось, чтобы шеф согласился с предложением штурмана! Пусть это и не совсем регламентный шаг — выслать с рейдера более половины экипажа, но ведь и отправлять рейдер в поиск при некомплекте экипажа тоже как-то мало согласуется с регламентом. С комплектацией последнее время вообще беда, искателей на Базе в лучшем случае процентов семьдесят от необходимого количества. Пахать приходится за себя и за того парня, какой уж тут регламент!

— Думаешь, надо? — с сомнением переспросил Плужник. Саня тихо проклял все на свете.

— Надо, Тимурыч. Это ж крейсер, не песчинка, даром что обломок. Даже так раз в десять больше нашего рейдера.

Саня возблагодарил космические глубины и создателя космических глубин — если он все-таки, есть. А заодно и создателей модульных крейсеров а'йшей — за то, что создали свои крейсера достаточно большими.

Бригадир тяжело вздохнул:

— Там хоть тихо все, а? Излучение, там, еще какие пакости? Виола, ау!

— Пока никаких, пакостей, — проскрипела Виола. — Эта жестянка, по-моему, не опаснее заброшенной шахты.

— Веселов! — окликнул Саню бригадир суровым до, театральности. тоном. —

Облачайся и давай к ним! Если без Васиного слова шаг ступишь — сгною в мехзоне!

— Есть, шеф! — с трудом, пряча ликование, отозвался Саня и, не мешкая, разодрал перепонку перед нишей со своим скафандром.

Удача все-таки снизошла и улыбнулась ему.

Даже не веря в улыбки удачи, каждый искатель втайне мечтает стать первопроходцем. Саня по крайней мере мечтал. Сильно. Очень сильно.

Облачился он за рекордное время. Внутренние тесты быстрее прогнать было просто невозможно. Шлюз прокачивался, казалось, целую вечность. Но так или иначе — спустя четверть часа Саня выпорхнул из внешней камеры в усыпанную похожими на россыпь гемм звездами пустоту.

Саня Веселов никогда не робел перед пустотой. Здесь трудно было держать горизонт — горизонта не существовало вовсе. Здесь трудно было понять, где верх, где низ — низа и верха не существовало тоже. Саня умел главное; привязаться к паре-тройке ориентиров и держать в голове всю трехмерную картину в целом. Рейдер — безусловно, оставался «сзади»; далекий красный глазок сигнального феера Васи Шулейко виднелся «впереди»; а во-он то смутное пятнышко, ближайшая звезда, пусть будет «низом». Все, теперь главное — не терять ориентиры, и тогда ни за что не померещится, будто ты висишь в пустоте совсем один на многие световые годы, брошенный и забытый, не будет болезненно сдавливать грудь, и воздуха всегда останется достаточно, чтобы не задохнуться. Все страхи и неудачи проистекают в первую очередь из головы, из подсознания обитателя поверхности планеты или замкнутых помещений на искусственных станциях, а уж только потом от сбоя в оборудовании и непредвиденных обстоятельств.

Теперь — заарканить массивный обломок крейсера невидимым гравитационным поводком и подтянуться, словно на лебедке... Сколько раз Саня проделывал Подобное на тренировках! Начиная с третьего курса. Потом на ежемесячной сдаче нормативов, уже на Базе. А вот в рейде — впервые довелось выйти в открытый космос.

Предыдущие рейды неизменно заканчивались ничем. Вообще ничем — даже для завалящего ремонта ни разу не пришлось напяливать толстый жилет скафандра и цепенеть в тесном шлюзе.

«Все когда-нибудь происходит впервые, — философски подумал Саня. — А потом это назовут приобретенным опытом. опытом искателя! Приобретается в сей знаменательный миг вовсе не тупая цифра в графе совершенных пустых рейдов у великовозрастного малька-дубинушки, а опыт, настоящий опыт молодого, но уже повидавшего пространство спеца! И в баре можно будет небрежно бросить приятелям: „А вот когда мы старый крейсер подцепили у этой, как ее... Ну, есть такая звездочка у черта на рогах, в периферийном секторе...”

Рабочий выход ничем — ну совершенно ничем не отличался от тренировочного. Разве что квалификаторы не пьются с открытой преподавательской платформы да прожекторов поменьше — всего-навсего два. Один у шлюза, другой — над выпуклой, похожей на бегемотий лоб кабиной рейдера.

Вскоре красная точка Васиного маячка перестала выглядеть просто точкой. Точнее, маячок-то как раз точкой и остался, только поярче стал. Просто фоном для странной рубиновой звездочки служила теперь не чернота с вкраплением звезд настоящих, а смутно видневшееся черно-серое пятно, которое настоящие звезды наоборот заслоняло. По мере того как Саня подлетал, пятно росло, расплзлось и скоро закрыло собою чуть не полнеба.

А рейдер съезжился до размеров двойного прожекторного огонька где-то далеко-далеко позади; потом огоньки слились в один.

Отглянувшись Саня Веселов всего лишь раз.

Обломок крейсера был действительно здоровенным. Куда больше поискового рейдера.

И ведь это только обломок! Процентом тридцать — тридцать пять от целого корабля!

Саня невольно вообразил, что эти милые кораблики когда-то насмерть рубились тысячами, и сам себе позавидовал. В том смысле, что родился в мирное и достаточно сонное время, а стало быть, не приходится гореть заживо или аннигилировать в жерле какой-нибудь межзвездной заварушки.

Не то чтобы искатель Веселов полагал свои времена безмятежными и сладенько-розовыми. Вовсе нет. И пиратов по космосу шатается не счесть, и темных делишек проворачивается — разрядов на калькуляторе не хватит пересчитать, и мафия орудует везде и всюду, и жизнь разумного существа стоит не так чтобы очень уж дорого... Но и не сущий грош, как во время войны, когда солдаты гибнут едва ли не миллионами, когда гибнут не только солдаты, а и планеты, а порою и целые планетные системы.

И ведь это еще далеко не самый крупный крейсер из применявшихся за сотни лет космической войны!

Следующие несколько часов Саня вовсю впитывал пресловутый опыт. Под руководством тертого пространством Васи Шулейко и сморщенной мымры Виолы, тоже прекрасно сознающей, что ей здесь делать, Санины функции свелись в основном к блужданиям по уцелевшим отсекам и подробным докладам Васе и Тимурьчу. «Дуй отсюда направо. Что видишь? Твиндек? А там есть такая низкая дверца со значком , сбоку? Похожим на створочный знак „Умерь тягу!“? Есть? Так, жди, сейчас подойдем». После чего в твиндек из какого-нибудь бокового лаза всплывал Вася, некоторое время возился у дверцы и неизменно открывал несложный магнитный запорчик. «Давай полезай...»

Саня полезал.

«Что видишь? Пульт? Твою мать, поверить не могу! А сколько перед ним креслолож, две или четыре? Что? Семь? Так, стой, ничего не трогай, сейчас буду! Виола, давай в сектор привода, кажется, у нас нетронутый боевой пульт нарисовался!»

Прилетала Виола со своим напичканным разнообразными приборами чемоданчиком, и следующие час-полтора Сане Веселову в лучшем случае доводилось что-либо подать-поддержать, не более.

В общем, на объекте проторчали четырнадцать часов кряду, прервавшись только несколько раз. На обед и физиологические нужды. Когда вернулись на рейдер, Саня чувствовал приятную усталость в теле и не менее приятную удовлетворенность в душе. Пока тащились на гравитационном аркане назад, удалось послушать переговоры Васи с Плужником и мегер между собой.

Сверхсенсационного их группа ничего не обнаружила.

Всего лишь обломок достаточно древнего крейсера чужой союзной расы.

Но! Судя по всему, этот крейсер подвергся атаке; весь экипаж погиб, не успев даже сообщить о своей судьбе командованию и метрополии. Стало быть, этот корабль числится пропавшим без вести. Именно поэтому среди аппаратуры и снаряжения сохранилось несколько устройств, содержащих и поныне засекреченные узлы и детали. Как тот же боевой пульт из отсека со знаком, похожим на «Умерь тягу!». Если поисковик доминанты Земли обнаруживает и доставляет на Базу подобные засекреченные блоки, как правило, это заканчивается тем, что хозяева технологических секретов предоставляют доминанте Земли кое-какую ценную информацию. Чаше всего — именно по найденным блокам. Иногда — другую, но тоже ценную.

Обнаружение пропавшего без вести корабля само по себе тоже является ценной информацией. Хотя бы потому, что, невзирая на скверные времена, союз продолжает чтить погибших в давней войне. Поэтому землянам от а'йешей также наверняка перепадет что-либо полезное.

И последнее. Самые бурные споры мегеры-научницы вели о причинах гибели старого крейсера. По их словам, корабль а'йешей будто бы рассекла на две неравные части некая неведомая сила, причем таким образом, что произошла практически полная разгерметизация найденной меньшей части. А'йеши — кристаллическая форма жизни, привычная к низким для землян температурам. Но и для них вакуум убийственен. Поэтому экипаж погиб. Что за смертоносная сила разрежала крейсер? Именно этот вопрос, как показалось Сане, более всего занимал старших коллег-поисковиков. Доступная часть архива-сводария была тщательно перетряхнута. Обращение по мгноуенке в ближайший сводарий а'йешей также принесло некоторые плоды: упоминание о пропавшем без вести крейсере там имелось.

А чуть позже бригадир Плужник вторично отдал Сане Веселову приказ просканировать окрестности, и тому снова повезло, правда, не на второй минуте, а в этот раз на четырнадцатой.

Засеченный предмет был ничтожных по космическим меркам размеров — цилиндр полутораметровой длины и сорокасантиметрового диаметра. Плюс-минус, разумеется; на таком расстоянии даже супереканер свайгов давал некоторую погрешность. Плужник озадаченно поскреб в затылке. Идентифицировать находку сканер не сподобился — сообщил просто, что зарегистрированных технологических аналогов не

имеется. Радар эту штуковину вообще не брал, показывал пустоту. Скорее всего цилиндр просто поглощал луч.

После недель вынужденного безделья искатели всегда с удовольствием падают сутками. Поэтому Вася Шулейко немедленно был посажен за бригадирский терминал. Виола — за библиотечный. Сانه велели снова подежурить у шлюзов, на подхвате, а сам Плужник с Региной облачились в скафандры и отправились в рейд ко второй находке.

Сканер оставили включенным.

Никто не знал, что запущенный древними исполинами телепортационный «фонарик» пробудился в тот самый момент, когда поисковый рейдер вышел из-за барьера. И что до входа рейдера в пятно портала осталось ничтожно мало времени.

Плужник и Вася переговаривались, Саня их слушал. Мегеры, похоже, переметнулись на другой канал и совещались о чем-то своем, специфическом. Слушать мегер было неинтересно: Саня воспринимал только местоимения да наречия, все остальное — сплошная наука уровнем куда выше университетского. А старших-коллег-искателей, наоборот, интересно. Саня и слушал, 'затаив дыхание и даже слегка приоткрыв рот — создавалась иллюзия, что так лете понимать сказанное.

Голоса мегер поплыли по тембру и утихли; переговорник настроился на бригадирский канал.

— ...а 'йеши уже знают — мы ведь запросили их сводарий. Так что на твоём месте я бы дал знать ближайшей военной флотилии, — советовал Вася.

Плужник молчал; Саня Веселов тем временем напряг память, пытаясь вспомнить, какое ближайшее человеческое поселение достаточно велико, чтобы к нему прибилась хоть небольшая осколок бывших военно-космических сил. Не то Калиновка-Ш, не то Вермелинья...

— Пожалуй, ты прав, Вася, — согласился бригадир. Согласие стоило ему определенных усилий, это чувствовалось. Но Тимурыч был из тех людей, которых возможно убедить словесно, если слова, разумеется, не пусты. — Пожалуй, ты прав. Хрен с ней, со славой первооткрывателя, а премии все равно никуда от нас не денутся. Когда невдалеке маячит человеческий крейсер — как-то спокойней в области задницы...

У Веселова на этот счет имелось два совершенно противоречивых мнения: честолубие молодого искателя боролось с врожденной осторожностью. Даже трусоватостью — Саня не любил неоправданного риска. Будучи курсантом, он умудрился ни разу за четыре года не подрасть. Постоянно норовил сгладить острые углы в отношениях со сверстниками. Примитивная дипломатия Сانه давалась как никому; его даже прочили в контактеры с новоразумными расами. Но не сложилось. В итоге Саню направили в поисковую группу.

— Что там у нас ближе всего? Калиновка? — спросил Плужник.

— Фалькау, — уверенно и без запинки ответил Шулейко. — Сто тридцать шесть световых.

«Точно. — Веселов мысленно хлопнул себя по лбу. — Как я забыл о Фалькау?»

— Так я вызываю, Тимурыч?

— Вы...

Именно в этот момент Тахир Плужник влип в измененное пространство пятна. Не в самый центр, ближе к краю. Секундой позже в портал провалилась научница Регина. Два пятнышка просто исчезли с рабочего радара. Очередной импульс отразился от их тел; следующие несколько нашли только Регину, а потом радар очистился.

— Тимурыч? — неуверенно переспросил Вася и непонимающе вперился в шарик радара. Еще секунду назад две точки ясно отображались в сфере слежения. Теперь там не отображалось ничего.

— Не понял! — озадачился Вася и вызвал контроль гравизахвата.

Контроль давал нули по всему горизонту. Никто не использовал рейдер как точку опоры для движителей скафандра.

О броузере мгновенной почты штурман временно позабыл, хотя еще минуту назад намеревался срочно связаться с правительством Фалькау.

— Куда они делись? — непонятно у кого спросила из-за библиотечного терминала Виола.

— Вы у меня спрашиваете? Или риторически?

Научница метнула на Васю уничтожающий взгляд, но, к удивлению искателей, промолчала.

Рейдер продолжал неумолимо дрейфовать в сторону поставленного цилиндром пятна. Собственно, цилиндр всегда так ориентировал портал, чтобы вышедший из-за барьера

корабль неизбежно угодил в самый центр, и если корабль не начинал активно маневрировать, портала ему было не миновать. Последний маневр поисковик «Шустер-эпсилон» совершил как раз перед выходом Плужника и Регины из шлюза.

— Вася, что будем делать? — срывающимся от волнения голосом справился Веселов. — Мне. выходить?

По правде сказать, выходить наружу Сане решительно расхотелось. Он не видел ни радара, ни гравиконтроля; он понял только, что с бригадиром и его спутницей произошло что-то на редкость нехорошее. Подспудное опасение, что найденный артефакт может оказаться небезопасным, переросло в твердую уверенность.

— Веселов! — скомандовал Вася. У него голос звучал твердо, но все же не как обычно. — Шлюзуйся! Выйдешь за борт — сразу заякорись! От борта — ни декаметра! Фонарь не забудь, будешь сигналить.

— Есть, — повиновался Саня. Приказ есть приказ... Само собой, ему показалось, что теперь шлюз отработал цикл куда быстрее, чем в прошлый раз, когда Саня страстно стремился наружу. Хотя абсолютное время совпадало до миллисекунды. Гравизахват Саня активировал еще внутри шлюза, что хоть и не поощрялось инструкциями, но в явном виде и не возбранялось.

Выпорхнув из шлюза, Саня зафиксировался, потом без суеты переместился вдоль борта.

— Ну что, видишь их? — Штурману явно не терпелось убедиться, что на рейдере просто забарахлило оборудование.

— Нет, — мрачно ответил Саня. Он и вправду не видел красных сигнальных габаритов, близнец которых сейчас мирно рдел у него над правой лопаткой.

— Провырнись вдоль борта, может, их звезда какая затмевает, — посоветовал Вася без особой надежды.

— Там нет ярких звезд, — хмуро ответил Веселов, но послушно сместился метров на двадцать к левому обтекателю.

— И сигналь, сигналь, — напомнил Вася.

Мегера, как ни странно, молчала. Видно, стержовность сбоят в неспаренном варианте.

Саня зажег белый фонарь и пошарил лучом перед рейдером. Потом принялся мигать стандартным кодом «Ответьте мне!», «Ответьте мне!».

Тщетно.

Шулейко без устали вызывал голосом.

Напрасно.

А минуты истекали.

Внутри рейдера переход был почти незаметен, только на миг сбросились показатели всех без исключения приборов. А Сане за бортом на секунду померещилось, что он на какой-нибудь землеподобной планете очутился где-то в дикой степи, грозовой ночью, и что темноту неожиданно расколола вспышка молнии. Почему-то беззвучная. Он не сразу понял, что изменился рисунок звезд — к местным созвездиям никто не успел привыкнуть. Не сразу сообразил, что пропал из виду избранный ориентир «низа» — тусклый шарик ближайшего светила. Зато далеко впереди Саня явственно разглядел крохотные красные габаритные огоньки.

Два огонька.

— Вижу их! — радостно завопил Саня. — Вижу! Прямо по курсу, в нескольких километрах!

Следующая фраза заставила его внутренне напрячься.

— Где это мы? — совсем уж непривычным голосом спросил Вася Шулейко.

Штурман «Шустера-эпсилон», поискового рейдера земной Базы, тупо глядел, как астрогационные приборы икс-привода, еще полминуты назад твердо и уверенно показывавшие местонахождение в пространстве, пытаются привязаться к стандартным гравитационным ориентирам и все время безрезультатно.

— Черти вас раздери, что происходит? — нервно проорал бригадир. — Вас не было четверть часа!

— Тимурыч! — Вася не менее нервно сглотнул — это было понятно даже на слух. — Давайте-ка назад. У нас тут вся аппаратура с ума сошла. Веселов, ты тоже дуй на борт.

— Вам подсветить, бригадир? — предложил Саня, хотя ему больше всего хотелось шмыгнуть внутрь рейдера, как мелкой рыбешке при приближении хищника.

— Не нужно, вижу габариты, — буркнул Плужник.

— А находочка-то наша тоже пропала, — неожиданно возникла на бригадирской волне Регина.

— Я заметил, — тем же тоном буркнул Плужник. — Давайте побыстрее...

Когда створки шлюза сомкнулись и отделили Саню от усеянной глазками звезд пустоты — стало легче.

Но ненадолго.

В рубке они собрались минут через двадцать — двадцать пять.

Вася уже успел просмотреть логи приборов ориентировки и сейчас мрачно листал их в объеме светящегося столбика.

— Что у нас? — с порога спросил бригадир, в сердцах швырнув куртку прямо на пол.

Саня Веселов потихоньку отошел в сторону и притих на свободном кресле; Регина присоединилась к сестре.

— У нас — бред собачий, — зло пояснил Вася. — Вот, сам погляди. Последние привязки... все как положено. Система вполне стабильна. Потом исчезаете вы...

Вася переключился на другой столбик, с показаниями радара.

— Потом — обнуление всех данных, неизбежные всплески, вход в рабочий режим... и белиберда. Нет обозначенных очагов. Точнее, очаги есть, но это не обозначенные очаги.

— Другими словами, — проскрипела от библиотечного терминала Виола, — мы в другой галактике. Саня от неожиданности икнул.

— Хм... — Вася на глазах оживился. — Между прочим, это бы все объяснило. Понятно, что в другой галактике очаги расположены совершенно... иначе. Да и параметры у них другие. Вот приборы и шизанулись.

— Побойся бога, Вася, — фыркнул Тимурч. — Какая еще другая галактика? Межгалактические прыжки невозможны. Ты это лучше меня знаешь.

— Знаю, — вздохнул Вася. — С удовольствием выслушаю иное объяснение. Валяй, я весь внимание.

— Сбой в стандартных данных, например, — пожал плечами бригадир. — Твои железяки после обнуления забыли истинное расположение этих самых очагов и считают их непривычными.

— Обижаешь, Тимурч. — Вася действительно обиделся. — Семнадцать основных я выучил еще кадетом. На хрен мне стандартная база не нужна, грубо я тебе и на глазок скажу, где мы находимся. Я вижу очаги — они расположены совершенно иначе, Тимурч. Это другой сад камней, понимаешь?

— Хорошо, — неожиданно легко согласился бригадир. — Как мы сюда попали?

— Тут где-то тоннель, — снова подала голос Виола. — И мы в него угодили. Сначала вы с Региной, потом весь рейдер. Вася мгновенно схватился за клавиатуру:

— Сейчас посчитаем... Скорость дрейфа, вектор, время между вашим исчезновением и обнулением приборов... Повисла тягостная пауза.

— Сходится, — с гробовой интонацией подытожил штурман. — И время, и вектор... До третьего знака. Стало быть...

— А логи обнулились или сохранились? — забеспокоился бригадир.

— Сохранились, Тимурч. С провалом, но старые данные есть. Обнулились только текущие показания.

— Разворот на сто восемьдесят! — скомандовал бригадир. — Скорость та же! Вектор — тот же! Посчитай время до предполагаемого... хм... перехода!

Уговаривать Васю не нужно было. Разворот он обсчитал моментально, Тимурч едва успел взять управление рейдером.

Около минуты маневрирования, потом Вася глубоко вдохнул и сообщил:

— Вектор взят, скорость та же. Предполагаемый переход — через сорок семь минут. Плюс-минус секунд тридцать.

— Ничего не трогай, — попросил бригадир.

— Вот уж не собираюсь! — заверил Вася. — Хотя опишу-ка я местные привязки... Авось пригодится. База гравитационных очагов соседней галактики — это ж золотое дно!

— А кто тебе сказал, что она соседняя? — ехидно осведомились мегеры. Хором.

— Что? — не понял Вася.

— Я подогнала сферу видимых объектов под данные сводария. Ни единого совпадения, даже по квазарам..Я боюсь представить, где мы находимся... если, конечно, у нас не коллективная галлюцинация.

— Эй, — не смог сдержать возгласа Саня Веселое.

Все невольно обернулись к нему.

По-прежнему работающий сканер свайгов засек очередной «объект предположительно техногенного происхождения». Опознать его сканер снова-таки не сумел, но особо отметил полную идентичность с предыдущим обнаруженным и неопознанным объектом.

— Такой же цилиндр! — восхищенно проорал Вася. — И на радаре — ни фиги! Как там! И ориентировка относительно нашего вектора такая же! Гляди, Тимурыч, мы идем почти тютелька в тютельку в направлении, куда указывает его торец! И первый раз так было! Тимурыч, это портал! Портал перехода, дыра в галактику, которая находится черт знает где!!!

— Подожди радоваться, — процедил бригадир. — Как бы он односторонним не оказался.

— Не накаркайте, бригадир, — смиренно попросила одна из мегер.

Видать, даже мегерам не улыбалось стинуть вдали от дома, в невообразимой бездне, где даже привычного эха квазаров не уловишь...

— Сорок минут до перехода, — объявил Вася. — Ждем...

Некоторое время все беспокойно ерзали в креслах. Потом Вася неожиданно вскочил:

— Я не могу, жрать охота. Пойду бутербродов настрогаю...

— А я кофе приготовлю, — вызвалась Регина. — Никто не возражает?

Никто не возразил. Никто ничуть не изумился из ряда вон выходящему альтруизму сухопарой научной дамы, у которой даже спросить: «Сколько времени?» — было как-то неловко.

Кофе и бутерброды смели минут за пять, втрое быстрее, чем приготовили. Осталась четверть часа, долгая, как жизнь.

Последние минуты перед намеченным мгновением вообще растянулись на целую вечность.

А потом показания приборов вторично за сегодня сползли на ноль, секундой позже выправились, а астрогатор, умиротворенно пискнув, дал знать, что привязался к привычным ориентирам.

И сразу нахлынуло чувство безграничного облегчения, и усталость после суток напряженной работы и почти часа нервного ожидания, и пробудилось снова неутолимое любопытство, встрепенулась жажда разгадать секрет неведомо чьих артефактов в форме цилиндра, защекотала воображение реальная возможность своими глазами взглянуть на миры чужой галактики, далекой-предалекой...

Экипажу «Шустера-эпсилон» с земной Базы вопреки вероятностям улыбнулось счастье. Они наткнулись на бесценный осколок прошлого, способный в корне изменить настоящее и будущее.

Но никто из пятерых искателей еще не знал, насколько сильно их находка — наследие неведомых исполинов знания — изменит и то, и другое.

— Всем отдыхать, — скомандовал бригадир Плужник. И потянулся к терминалу мгновенной связи. Столбик броузера послушно возник над пультом; в адресном поле услужливо рдел адрес ближайшего населенного мира доминанты Земли. Фалькау.

ЭКЗОТИК-ТУР

Пронг-32 (Табоска), доминанта Земли

В сущности, туризм — это глупость со стороны клиента и надувательство со стороны турфирмы. Все это прекрасно знают, и клиенты, и турагенты. И тем не менее ежедневно миллионы разумных в галактике отправляются в путешествия. Потому что разуму свойственно тянуться к неизведанному, разуму свойственно сознательно обманываться, чтобы убежать от постылого будничного расклада, когда ты просыпаешься, наскоро поглощаешь какую-нибудь безвкусную синтетическую дрянь, а потом до вечера занимаешься работой. Хорошо еще, если любимой или не очень любимой. А если осточертевшей до последнего, самого завалящего и неприхотливого фибра души? Поневоле позволишь себя обмануть во время отпуска.

Звездная система Пронг-30 состояла из желтоватой, похожей на земное Солнце звезды — разве что чуть побольше размерами да погорячее — и семи планет. Ближняя к Пронгу — выжженный дотла морщинистый шарик, по сравнению с которым Меркурий или Сковородка покажутся раем. Вторая — вполне землеподобная, расположенная к светилу ближе Земли, но дальше, чем Венера. Все как положено: кислородная атмосфера, океаны суша, органическая жизнь. Третья — холодный мирок, также имеющий кислородную атмосферу, сплошь засыпанный снегом и закованный во льды. Жить можно, но не хочется. Четвертая, пятая и шестая — классические газовые гиганты. Седьмая — вероятно, случайный гость, каменная глыба, с орбитой слегка вытянутой и не совпадающей с плоскостью эклиптики. Словом, зауряднейшая система, каких в галактике миллионы.

Вторая и третья планеты имели собственные имена. Табаска и Ухта. Остальные звались просто «Пронг–тридцать первая» или «Пронг–тридцать пятая».

Ни Табаску, ни Ухту нельзя было назвать обитаемыми, хотя на Табаске имелось постоянное население. Две горнорудные заимки в приполярных районах, научная станция университета Фалькау, несколько рыбацко-планктонодобывающих поселков с простенькими космодромами, парочка животноводческих ферм и сеть туристских заповедников на всех четырнадцати материках.

Материки на Табаске действительно было аж четырнадцать; и все мелкие, не чета земным. Самый большой – чуть меньше Австралии. Самый миниатюрный – в полтора раза крупнее Мадагаскара. Собственно, литосферных плит имелось всего три, поэтому материки группировались в неравные скопления, изобилующие внутренними морями. Наиболее многочисленное скопление состояло из восьми крупных участков суши и нескольких архипелагов; среднее – из четырех плюс опять же несколько архипелагов, а малое по иронии судьбы включало самый крупный и самый мелкий континенты да три одиноких островка между ними. Восьмерка располагалась в южном полушарии, четверка и двойка – в северном. Могучее экваториальное течение, фабрика погоды Табаски, опоясывало планету, словно ремень солдатскую талию. Единые конвекционные воздушные потоки от экватора к полюсам равномерно распределяли тепло в атмосфере, поэтому температура на экваторе и на полюсах разнилась всего лишь на пятнадцать – двадцать градусов по старому доброму Цельсию, и, понятно, ни о каких полярных шапках речи быть не могло. Табаска не знала снега даже в Заполярье полугодовой ночью. Зато океаны были куда более холодными, чем на Земле, – вне зоны теплых течений температура даже недалеко от экватора редко достигала пятнадцати градусов.

Скотч все равнял с Землей, потому что родился на Земле. Тридцать один земной год назад. Точнее, тридцать один локальный, равный стандартному земному, потому что частые полеты на кораблях с икс-приводом нарушили четкое соответствие с размеренным хронопотоком на прародине человечества.

Старший брат Скотча в шестнадцать лет завербовался на торговый транспорт и отсутствовал, по его словам, двадцать два года. Когда он вернулся, на Земле прошло девятнадцать с небольшим. Скотч тогда еще редко выбирался из родного дома. Космос увеличил разницу между братьями почти на три года. Потом Скотч в свою очередь подался на заработки и за семь лет облетел прорву Планет, пока не осел на Табаске гидом-инструктором «Экзотик-тура», а заодно и директором одной из турбаз.

«Экзотик-тур», развлечение для скучающих обитателей индустриальных планет. Головокружительные приключения в девственных джунглях Шарговера, Табаски и Овулоо! Сто–процентный адреналин! Почувствуйте себя мужественными!

Чушь в стакане. Обычная реклама. Все приключения организовывались коллегами Скотча или самим Скотчем, поблизости всегда дежурили спасатели на случай, если чего-нибудь пойдет не так. Но алчущий адреналина турист честно и в удовольствие сражался с рукотворными трудностями (под чутким руководством гида, разумеется), получал честные, вполне настоящие синяки и ссадины и, понятное дело, знать не знал, что трудности, которые он героически преодолевал, сплошь рукотворные. За несколько лет Скотч так наострился водить группы, что к нему валом валил алчущий экзотики и подвигов народ. Причем народ не подозревал, что валит не только к нему, гиду Вадиму Шутикову по прозвищу Скотч, а еще и к напарнику, Валентину Ваулину по прозвищу Валти и троице спасателям – Солянке, Жбану и Хиддену, соответственно Олегу Саксину, Анатолию Джановичу и Валерию Мандрыкину. Пятерка настолько спелась и сыгралась, что позволяла себе даже рискованные импровизации на маршруте, а это в свою очередь, задирало их рейтинг на совсем уж недостижимую высоту.

Во всяком случае, тур на Табаску в головной заповедник стоил вчетверо дороже тура к лучшей команде Овулоо. Скотч со товарищи верно и терпеливо заколачивали деньгу на маршрутах и попивали пиво во время коротких промежутков. Все были довольны.

Как раз заканчивался долгожданный промежуток: вовсю развернулось утро прилета очередной группы туристов. Скотч хлебнул пивка и покосился на хронометр. До расчетной посадки транспорта оставалось два местных часа. Двести минут.

Скотч, прилетев сюда, неожиданно быстро привык к десятичному времени Табаски. Теперь земная манера отмеривать время иногда казалась ему немного странной. В день прилета туристов Скотч еще мог позволить себе пиво, потому что в этот день, естественно, никто никуда не дергался. Группа оседала на турбазе, люди приглядывались друг к другу, знакомились с походным оборудованием и снаряжением,

настраивались на приключения и, как правило, к ночи упивались вдрызг. Поэтому во второй день тоже никто никуда не совался, Скотч «лечил» пострадавших и не позволял никому к вечеру надраться вторично. Практически весь второй день уходил на сборы и тренировки, а часа за два до сумерек, если ничего плохого не случилось, Скотч уводил группу в лес. К первому лагерю в полутора часах ходьбы от турбазы. Здесь окончательно складывалось мнение о каждом туристе, его запросах и умениях.

Больше всего Скотч не любил понтарей. Умения — ноль, зато понты шире горизонта. Такие, как правило, приезжают со своим фирменным снаряжением, никуда, разумеется, не годным. Непременно вооруженные какой-нибудь офигительной винтовкой или тяжелым бластом. Мороки с этими заносчивыми и самовлюбленными типами вечно выше крыши. Поэтому первый глоток Скотч, как всегда, употребил за то, чтобы понтарей в ожидаемой группе не оказалось.

Остальные категории туристов в общем устраивали Скотча как гида. Даже экстремалы, таскающиеся от планеты к планете, — эти хоть внятно соображают, что умение выжить на одной планете может и не выручить на другой. А новички — горожане или станционщики... Господь с ними. Эти всего лишь честно пытаются учиться и из кожи вон лезут, дабы исполнить любой приказ. Пусть они ничего не умеют и не знают — где им, в конце концов, научиться секретам выживания в джунглях Табаски? На Офелии, сплошняком покрытой мегаполисами в двести метров над грунтом и на сто вглубь? В общем, Скотч мечтал только об одном: в этот раз без понтарей!

Из резерва, душераздирающе зевая, выполз Солянка. Чернявый, длинный, словно жердь, и флегматичный. Взгляд мутноват, видимо, спросонья. Впрочем, Скотч неоднократно наблюдал, как Солянка, не изменив мутноватого взгляда, небрежно сшибает на лету птицу-пилу или вытаскивает зазевавшегося туриста из конической воронки сольпугоида.

— Привет.

— Привет, — отозвался Скотч, критически разглядывая спасателя. — Что так рано?

— Да не спится что-то. — Солянка задумчиво почесал левой рукой правый бок. — Задержек не предвидится?

— Вроде нет. Транспорт уже на подходе, маневрируют.

— Сколько рыл?

— Одиннадцать.

— Это хорошо! — расплылся в улыбке Солянка. — Не люблю, когда много. Не уследишь за всеми. А списки есть?

— Есть. — Скотч лениво вынул из-под банки глянцевый лист с распечаткой и подал спасателю. Тот принял и сразу же прикипел к списку взглядом.

— Ха! — фыркнул он. — Инопланетянин! А кто, известно?

— Подданство Оа, — пожал плечами Скотч. — Значит, перевертыш. Я думаю, от человека мы его не вдруг отличим. Солянка задумчиво кивнул и вернулся к списку.

— Имена вроде обычные... хрен чего разберешь, — пожаловался он. — Откуда хоть?

Ага, вижу... Пламмер, Фелиция, Лазурный Шепот, Вануата... Вануата это где?

— А чтоб я знал. — Скотч снова взялся за пиво. — На Земле есть Вануату. Кажется, острова.

Солянка отпустил лист — и тот мягко спланировал на столешницу.словно мелкий платочник на лакомый цветок.

— Твои дрыхнут? — справился Скотч. — Ты бы их разбудил, что ли.

— Жбан дрыхнет, а Хидцена я не видел.

— Конечно, — фыркнул Скотч. — Он же Хидден! Солянка слабо улыбнулся. Если спасателя нарекли Хидденом — значит, маскироваться он умел лучше многих.

Впрочем, Жбан и Солянка умели немногим хуже. Потому что клиент на маршруте ни в коем случае не должен видеть спасателей, равно как и следов их пребывания вблизи группы. По крайней мере до тех пор, пока не вляпается в серьезные неприятности. В положение, когда его жизни или здоровью возникнет серьезная угроза. Но и в этом случае спасатель обязан проявляться минимально.

Прозвища сотрудников «Экзотик-тура» имели различное происхождение. Причем по неизвестной причине прозвища носили только мужчины — все, за исключением троих диспетчеров с космодрома. Скотча, к примеру, звали Скотчем потому, что раньше у него был пес, скотч-терьер, вреднейшее существо на свете. Настолько вреднейшее, что в лес его брать категорически не рекомендовалось — возникал серьезный риск, что кто-нибудь из взбешенных выходками своенравной животинки туристов беднягу просто пристрелит. Пес был, бесспорно, сволочью, но такой судьбы все же не заслуживал. Помощник Скотча, Валти, прозвище получил не то от фамилии Ваулин, не

то от имени Валентин. Жбан тоже — его прадед носил фамилию Жданович, а когда родился очередной отпрыск, обрадованный предок так отметил рождение наследника, что спойл полпоселка на тогда еще малолюдной Гилее, в том числе клерка из управы. К моменту контрольной записи у клерка пальцы уже катастрофически заплетались, и в идентификационный архив попала фамилия не Жданович, а Джанович, причем заметили это только спустя два с половиной года, когда что-либо менять было уже поздно. Неожиданная перестановка букв в фамилии ничего не изменила: со временем пресловутого деда все равно стали величать Жбаном. Как и пресловутого прадеда. И как их потомка, избравшего стезю спасателя на турбазе. Солянка получил прозвище из-за кулинарных пристрастий: он собирал рецепты блюд под названием «солянка» и доводил до совершенства умение их готовить. Пока лучше всего ему удавался густой наваристый супчик из чуть ли не десятка сортов мяса и копченостей (распространен повсеместно), мясо в красном соусе на маленькой чугунной сковородочке (система Мтацминда) и тушеное мясо с тушеной капустой (планета Степ, Новая Украина). Ну а происхождение прозвища Хиддена никому не приходило в голову выяснять: все связывали его со специфическими навыками спасателя-невидимки. Жбан с довольной ухмылкой любил спрашивать — не было ли у Хиддена в предках мимик-родонов или хотя бы оаонс-перевертышей? Хидден все нападки игнорировал, горделиво и молча.

И правильно делал. Если к Жбану присоединялся Скотч, эта парочка могла кого угодно затурковать до непреодолимого желания вскочить и умчаться от этих зубоскалов подальше. Желательно на край света. Но к счастью, Скотч со спасателями виделся только между турами. Потому что по праву считался лучшим гидом «Экзотик-тура», а спасатели, в свою очередь, — лучшей спасательной группой.

— Ладно, — резюмировал Солянка. — Пойду я. Готовиться и все такое. Когда нам выходить?

— Завтра утром, — буркнул Скотч. — А то ты не знаешь.

— Знаю, конечно, но мало ли... Ты у нас горазд на выдумки. Ну, до встречи в первом!

Наследие исполинов

— Я те дам до встречи! — осканился Скотч. — Хоть одной туристке покажешься — шкуру спущу!

Солянка печально вздохнул и поплелся назад, в резерв.

Оставшиеся два часа Скотч прослonsлся по территории, встретил мистера Литтла, в миру — Витальку Акулова, завхоза турбазы, и раскрутил того еще на банку пива. А потом на финишную площадку космодрома свечой спикировал посадочный модуль туристского лайнера. Отдых закончился, началась работа.

— Добрый день, господа, добро пожаловать на Табаску! Фирма «Экзотик-тур» рада приветствовать вас в краю захватывающих приключений и первозданной природы. Слова сами соскальзывали с языка. Скотч мог думать о чем-нибудь совершенно постороннем, но голос его тем не менее звучал бы все так же приветливо и проникновенно, а на лице красовалась доброжелательная улыбка.

— Меня зовут Вадим Шутиков, я ваш основной гид-инструктор на все время тура. Это — Валентин Ваулин, второй гид-инструктор. Напоминаю, что перед выгрузкой из лайнера всем вам были сделаны инъекции локальной биоблокады и антиаллергенов, поэтому с первой же секунды пребывания на Табаске вы можете не опасаться никаких болезней или нежелательных реакций вашего организма на эндемичную флору и фауну Табаски. Напоминаю также, что таможенной службы на Табаске не существует, поэтому никаких ограничений на ввоз также не существует, но все же осмелюсь дать дельный совет: если вы притащили сюда какие-нибудь наркотики — не делитесь ими с попутчиками. Блокада и антиаллергены защищают только от реалий Табаски. И последнее; через пару дней все мы уйдем в дикие и не затронутые цивилизацией джунгли. Залог успешного похода — взаимовыручка и дружеские отношения в группе. Поэтому постарайтесь познакомиться поближе и на время нашего тура стать одной семьей.

«Плохо дело», — подумал Скотч, разглядывая только что прибывших туристов. Среди туристов было четыре женщины — одна среднего возраста и явно с мужем, а остальные три — молодые. И, что, собственно, и было плохо, все три весьма привлекательные. Остальные туристы — мужики. Будут распускать хвосты, заигрывать, лезть на рожон... В общем, тур обещал сложиться непросто.

— Сейчас служащие турбазы займутся вашим размещением. Господина Нути-Нагути я попрошу пройти со мной, буквально на минутку.

Высокий худощавый мужчина в темных очках и спортивном костюме немедленно подошел к нему; остальными занялись Валти и девочки из obsługi. Виталька Акулов оживлял киберов-носильщиков.

— Я слушаю вас, Вадим, — сказал перевертыш.

— Судя по документам, вы подданный Оа. Я обязан напомнить вам, что Табаска находится в пространстве доминанты Земли, поэтому тут действуют земные законы. Вы информированы на этот счет?

— Да, Вадим, я информирован на этот счет.

— В таком случае по всем вопросам, относящимся к межрасовому праву, прошу вас обращаться непосредственно ко мне. Надеюсь, во время тура не возникнет никаких эксцессов или разногласий.

— Я также надеюсь на это, — спокойно сказал перевертыш. На интересе он говорил совершенно чисто, без всякого акцента. Перевертыши живут долго, поэтому, как правило, успевают досконально выучить несколько чужих языков.

— Благодарю за понимание и поддержку. — Скотч слегка склонил голову. — Извините, я могу задать вопрос, касающийся вашей... э-э-э... природы?

— Задавайте. — Нути-Нагути ничуть не смутился.

— Насколько вы метаморфированы? В данную минуту?

— Относительно изначальной формы оаонс — процентов на сорок. Применительно к сходству с людьми белой расы — процентов на девяносто.

— Вы предполагаете сохранять эту степень метаморфоза?

— В общих чертах да. Разве что там, в лесу, может пригодиться какая-нибудь мелочь.

— В таком случае я прошу вас производить метаморфоз не слишком быстро и, желательно, в уединении. Дело в том, что иногда туристы реагируют на изменение внешности оаонс не вполне адекватно. Особенно нервные женщины откуда-нибудь из захолустья.

Перевертыш, похоже, относился к происходящему с пониманием и известной долей юмора:

— Обязательно, Вадим. Мне много приходится бывать среди людей, поэтому я стараюсь уважать их чувства и вести себя максимально корректно.

— Вот и отлично. Надеюсь, что у вас не останется неприятного осадка от этого разговора. Поймите, я обязан, заботиться о всей группе в целом.

Перевертыш кивнул на людской манер. Видимо, действительно хорошо знал людей.

— Я понимаю. Ничего страшного.

— Мартина! — окликнул Скотч одну из девочек-служащих. — Займись! — И указал на инопланетянина.

На заселение ушел час; этот час Скотч провел в кабинете директора базы, которым сам номинально и являлся. За чаем и деловым разговором со стюардессой-психологом туристы" ческого лайнера.

Психологиню звали Гурма Бхаго, была она смуглой и миниатюрной. В «Экзотик-туре» работала совсем недавно, Скотч даже не успел с нею ни разу переспать.

— Здравствуй, Вадим, — поздоровалась она, едва Скотч вошел.

— Привет! — Скотч расплылся в улыбке и пошел в атаку: — Давай на «ты», а?

Стюардесса с готовностью улыбнулась в ответ:

— Давай!

— Чаю? Кофе? Уклу?

— Уклу, если можно.

— Конечно, можно! — Скотч всплеснул руками и попутно рявкнул в браслет: — Литтл.

— Да! — отозвался завхоз сразу же, словно ждал вызова.

Впрочем, он наверняка действительно ждал вызова от шефа.

— Организуй уклу и два чая ко мне в нору. И Валти позови, если он освободился.

— Сейчас.

Скотч улыбнулся еще шире, провел рукой по браслету, сбрасывая вызов, и вновь повернулся к Гурме:

— Ну, что? Займемся делом?

Девушка кивнула, одновременно вынимая из сумочки маленький терминал. Повинуясь ее командам, в видеокубе вспыхнул список прибывших туристов. Очень кстати подоспел и помощник — Валентин Ваулин, мужчина лет сорока, зубр туристического бизнеса и ветеран Табаски.

— Здравствуй, Гурма.

— Здравствуй, Валентин!

Валти всегда выглядел очень солидно, к нему все малознакомые люди обращались исключительно на «вы» и часто решали, что директор турбазы именно он, а не куда более молодой и менее представительный Скотч.

— Я смотрю, вы уже начали?

— Начинаем как раз, — уточнил Скотч. — Давай, Гурма!

Гурма придвинула к себе терминал.

— Итак, — начала она; голос ее сразу стал суховатым и невыразимо профессиональным. Как у университетской преподавательши на лекции.

— Гунила Бот и Тентор Бот, супружеская пара. Подданство Фелиции, живут тоже на Фелиции. Возраст — сорок три и сорок семь локальных. Вполне обычная семейная пара, в которой главенствует жена. Жена — умеренно вредная, но без заметных перегибов. Муж — спокойная и уравновешенная личность, хотя и не без традиционных мужских слабостей. Полагаю, на маршруте с этой парочкой особых проблем не возникнет. К конфликтам не склонны, ни между собой, ни с окружающими. Также полагаю, что тебя, Вадим, будут слушаться безоговорочно...

— Достаточно, — сказал Скотч, коротко переглянувшись с напарником. — С этими все ясно. Дальше.

— Константин Цубербюллер, тридцать шесть локальных, подданство Беренгалз, родом с Пламмера-12. По-моему, это опытный и бывалый турист. Но без фанатизма, не экстремал. Я мельком видела его снаряжение — выдавшее виды. На Табаске ранее не бывал, но неоднократно ходил к пику Рокдейл на Офелии, всю Селентину излазил, даже на Иншуди как-то занесло. Если что — вполне можете на него рассчитывать. Скотч довольно кивнул: подобные персонажи в походе — сущий клад. Если без закидонов. А это, похоже, как раз такой случай.

Тут как раз принесли чай и горячий уклу. Скотч в который раз за сегодня поулыбался Мартине — та, видимо, уже успела поселить инопланетянина-перевертыша, поэтому Виталька Акулов по прозвищу Литтл навесил напиток на нее.

Гурма с удовольствием отведала уклу, вдохнула ароматный парок и с сожалением вернула чашку на блюдце.

— Ну что, дальше?

— Ага.

— Акоп Подолян, двадцать семь локальных, подданство Республики Скарца, планета Венеция. С этим сложнее. Типичный комик, мнящий себя суперменом. Много пыхтит и всегда садится в лужу. Но в принципе, совершенно не зол и не агрессивен, наоборот, пытается каждого спасти и поддержать. К собственным конфузам относится поразительно беспечно. В общем, будет безобиден, если его взять под жесткий контроль и поручать дела, которые он заведомо не запретит. Тогда будет приносить пользу. Среди туристов успел схлопотать прозвище «Траншея», над чем сам же первый и хохочет.

— Понятно. — Скотч сделал отметочку в собственных записях и отхлебнул чаю. — Следующий.

— Владимир Семенов, тридцать четыре локальных, подданный Земли, по документам — с Беты Вуалехвоста. Этот — просто закрытая книга. Все время слушает и все время молчит. Ничего о себе не рассказывает. На вопросы отвечает односложно и расплывчато. Вместе с тем — невероятно корректен. Как и Цубербюллера, производит впечатление сильного и тренированного человека — однажды видела его в бассейне. Но в отличие от Цубербюллера у Семенова вообще нет никакого снаряжения. Да и из вещей, как вы сами видели, одна-единственная сумочка. Кстати, к нему всю дорогу клеилась Майка Завьялова, она тоже родом с Беты Вуалехвоста, если не знаете. Майку он мягко отшил, но я сумела у нее выведать: судя по ответам на Майкины расспросы, Семенов на Бете Вуалехвоста однозначно бывал. К сожалению, я толком не успела сделать определенных выводов относительно него.

— Жаль, — вздохнул Скотч и вопросительно поглядел на Валти. Тот жестом призвал Гурму продолжать: вопросы у него возникали крайне редко, ибо ветеран туристического бизнеса видал-перевидел на своем веку столько разнообразнейших типов, что поведение практически любого клиента мог предсказать с довольно высокой точностью.

— Далее. Инопланетянин. Нути-Нагути, возраст — двести тридцать четыре с четвертью солнечных циклов Иншуди, что соответствует приблизительно двумстам шестидесяти пяти локальным годам. Оаонс, подданство Оа, родом, как я уже сказала, с Иншуди. По нашим данным, представляет один из самых влиятельных кланов Оа, входящий в синдикат. По документам — совершенно чист, но... есть одна тонкость.

Гурма интригующе примолкла, отхлебнула уклу и, чуть наклонив голову, взглянула Скотчу в глаза. Скотч заинтересовался. Да и Валти сразу же насторожился.

— Имя. Дело в том, что Нути-Нагути — сказочный герой фольклора Оа, — пояснила Гурма. — Толстый оаонс, умеющий летать. И вообще, судя по тому, что я успела выяснить, это понятие у оаонс неразрывно связано с полетом. Скажем, первый летательный аппарат тяжелее воздуха, созданный на Оа, носил это имя. И первый космический корабль, кстати, тоже. В общем, я сомневаюсь, что это настоящее имя. С тем же успехом землянин мог бы податься куда-нибудь на Свайге или ту же Оа и назваться Санта-Клаусом, Кощеем Бессмертным или Иисусом Христом. В службу безопасности я уже сообщила, но если рассудить здраво — разве станет реальный шпион брать такой дурацкий псевдоним? Да и что оаонс может интересоваться на Табаске?

— Мало ли, — философски заметил Валти. — Полезных ископаемых тут пруд пруди. Но я согласен, вряд ли это настоящий агент, скорее какая-нибудь инопланетная знаменитость на отдыхе.

— Ага, — поддакнул Скотч. — Эти часто берут псевдонимы и мотают в глушь, на волю, в пампасы. Странно только, что не видно никого из нянек и прочих телохранителей. Обыкновенно знаменитости путешествуют со свитой. Скотч вдруг осекся, приподнял брови и уставился на Гурму.

— Слушай, — внезапно осенило его. — А может, Семенов — как раз его телохранитель, а?

— Человек телохранитель перевертыша? — усомнился Валти, косо глядя на Скотча. — Ты, босс, фантазируй, да не зарывайся. Это все равно как если бы ты взял в телохранители моего шестилетнего племянника...

— Перевертыш легко может прикинуться человеком, Валти. Не забывай. В крайней форме метаморфоза различия возможно установить только лабораторным путем.

— Эй, мальчики, хватит спорить, — вмешалась Гурма. — Я, конечно, не специалист по охране, но не думаю, чтобы телохранитель мог себе позволить в течение полета большую часть времени проводить в каюте, взаперти, в то время как его подопечный вовсю разгуливает по лайнеру, не вылезает из баров и часами просиживает перед игровыми автоматами в компании, в общем, далеко не безупречных типов. Скотч подумал, мысленно согласился и вздохнул:

— Ладно, убедила. С выводами спешить не станем, но возьмем на заметку. Безопасникам, говоришь, про этого Санта-Клауса ты уже сообщила?

— Про Нути-Нагути? Да, сообщила.

— Кому конкретно?

— Нашему корабельному представителю. В присутствии капитана лайнера.

— Это хорошо! — похвалил Валти и обратился к Скотчу: — Можем не дергаться, если что, сверху на тебя моментально выйдут.

Скотч знал, что однажды Валти имел честь вляпаться в довольно мутную и запутанную историю с соглядатаями-нелегалами из доминанты Тсурры и какое-то время тесно сотрудничал с земной контрразведкой.

— Да я и не дергаюсь особо... — пожал плечами Скотч. — Давай дальше, Гурмочка. Психологиня, машинально поправив прическу, вновь углубилась в анализ:

— Денис Воронцов, тридцать локальных, подданный и житель Офелии. Этот, братцы, просто беда. Заносчивый, резкий, самовлюбленный и самоуверенный... в общем, именно то, что называют «пальцы в растопырку». Ташит с собой уйму снаряжения, все безумно дорогое и, на мой взгляд, довольно бестолковое. Склонен всех поучать, а если не внимают — принуждать к учению силой. Во время полета дважды сцепился с Цубербюллером, в принципе — оба раза вничью. Однажды наехал на Подольяна, тот сразу дал задний ход и занял подчиненное положение. Неоднократно пытался задеть Семенова, но Семенов просто глыба! Остался ко всем выпадам равнодушен и не ответил ничем. Последние дни у Воронцова, мне кажется, сформировалась идея фикс Семенова все-таки достать.

— Блин, — искренне огорчился Скотч. — Значит, пон-тарь... Только сегодня пил за то, чтоб в группе понтарей не оказалось...

— Они всегда находятся. Скотче, — философски заметил Валти. — Не переживай, обломаем в лучшем виде! Макнем пару раз в болото, выпустим виверне в клешни или к сольпугоиду на свидание сосватаем. Обломается как шелковый, зуб даю!

Зуб Валти дорогого стоил.

— Будем надеяться... — буркнул Скотч. — Поехали дальше, солнце мое...

От «солнца» Гурма Бхаго расцвела пуще прежнего. Красивая женщина всегда способна стать еще чуточку красивее.

— Валентина Хилько, подданство Вануаты. Вануата — монодомен, единственная планета в системе, знаете ведь?

— Знаем, — кивнул Валти.

Скотч промолчал. О существовании владения Вануата в доминанте Земли он впервые узнал из списка туристов на этот маршрут, то есть четыре дня назад.

— Возраст — тридцать два солнечных цикла Вануаты; примерно тридцать два — тридцать три локальных года. Очень видная и очень спортивная дама, — продолжала Гурма, ревниво зыркнув на Скотча (тот моментально оживился, словно кот при виде сметаны). — Это та шатеночка с короткой стрижкой, ты на нее все время пялился во время тронной речи, Вадим. Я как-то наблюдала за ней в гимнастическом зале — уверяю, что, если придется взбираться на скалу по канату, ничья помощь ей не потребуется. Натура, насколько я поняла, скорее интровертная, чем экстравертная, и, ручаясь, у нее сейчас трудный период в жизни. «Экзотик-тур» для нее — возможность забыться и развеяться, Из подавленного состояния не выходила весь рейс. Но слез и истерик не было.

Гурма умолкла, выжидательно глядя на Скотча, тот демонстративно молчал, уставившись в записи.

— Понятно, — ответил за Скотча напарник. — Продолжай, продолжай...

Психологиня приложила к чашечке с уклу и вновь взялась за терминал:

— Орнела и Фаусто Аркути, сестра и брат. Двадцать два локальных и неполных шестнадцать, подданство орбитальной станции Гелиотроп. Поездку на «Экзотик-тур» получили в подарок от родителей: Орнела недавно с блеском окончила университет в Хельсинки, а Фаусто успешно поступил туда. Орнела — хорошенькая вертихвостка, немного ветреная, но умненькая и не развязная. Все мужики в полете напропалую к ней клеились, не исключая команду лайнера. Не хочу ничего плохого сказать, но иногда небезуспешно. О парне тоже плохого ничего не скажешь: в меру увлекающийся, в меру желающий подвигов. В меру пил, сестре не мешал. Боготворит Цубербюллера, хохочет вместе с Подольным и терпеть не может Воронцова...

— Достаточно, — делая очередную отметку, прервал Скотч.

— И последняя участница, — заглянув в записи, объявила Гурма. — Патрис Дюзль, двадцать семь локальных, подданство Офелии, зарегистрирована на Лазурном Шепоте. Это хрупкая грустная брюнетка, на которую ты тоже пялился, Вадим...

— Чего ж не пялиться, — нейтрально прокомментировал Скотч. — Красивые женщины стоят того, чтоб на них пялиться. Я и на тебя пялюсь, Гурма.

— Не обращай внимания, деваха, Скотч всегда был кобелем, — фыркнул Валти и хохотнул: — Хе-хе! И песик у него такой же был — даже за кошками гонялся!

Плохо кончил в итоге...

— Ну вот, — обиделся Скотч. — Собственные подчиненные кобелем обзывают. Ну как можно работать в таких условиях, а, Гурмочка?

— Я продолжу? — Психологиня даже не собиралась прятать веселье, но и о деле не забывала. — Патрис — журналистка. Собирает материал для какой-то книги. В силу профессии успела побывать во всяческих передрягах по всей обитаемой части галактики и даже в ненаселенных секторах. Папа ее — какая-то шишка в содружестве Франции-семь и Новейшей Каледонии, а мама — дочь президента Амазонки. В общем, девочка с детства вращается в высшем свете, но нисколько этим не кичится. Помоему, с ней у вас тоже не будет проблем.

Гурма в очередной раз приложила к чашечке с уклу и закруглилась:

— И краткое завершающее резюме. Группу можно было бы назвать идеальной, если бы не присутствие Воронцова и в определенном смысле — Подольна. Темные лошади — перевертыш и Семенов. Остальные — скорее положительный баланс, нежели отрицательный. У меня все.

— Спасибо, дорогая. — Скотч сделал последнюю запись и выключил блокнот. — Отменная характеристика, без дураков. Это не комплимент, между прочим.

. — Врет, — опять фыркнул Валти. — Хвалит он тебя искренне, но это и комплимент тоже, будь уверена.

— Так, — официальным голосом изрек Скотч. — Инструктор Ваулин! Ну-ка, ноги в руки и в обход!

— Яволь, мой фюрер! — Валти щелкнул бы каблуками, если бы они не были изготовлены из пористого каучука, не издающего вообще никаких звуков. — Имею честь отбыть!

Он, посмеиваясь, покинул кабинет. Ничего официального на самом деле не произошло — дружески подтрунивать друг над другом на этой турбазе мог кто угодно над кем угодно. И показной дисциплинизм ни о чем на самом деле не говорил: в этом

коллективе работа исполнялась по велению внутренней дисциплины, а не по приказам.

— Невозможно работать с таким персоналом! — пожаловался Скотч, изображая легкое возмущение. — Подметки режут прямо на ходу! Ты что сегодня вечером делаешь, Гурма? — Скотч резко сменил тему, памятуя, что у внезапной атаки больше шансов обернуться успешной.

Психологиня уже убрала терминал в сумочку. Тираду Скотча она выслушала с понимающей улыбкой на устах.

— Ты и правда кобель, Вадим! — подытожила она. — Сегодня вечером я, вероятно, ем шашлыки, которые ты, по слухам, организуешь. И пью то, чем ты меня угостишь. А дальше... дальше посмотрим. Во всяком случае, никаких определенных планов у меня нет и на лайнер я возвращаться не собиралась.

— Отлично! — просиял Скотч. — Тогда пойдем, я тебя лично поселю!

Несмотря на некоторые проблемы с участниками группы, первый день работы начинал удаваться.

В день прилета состоялась еще популярная лекция с голопроекциями, посвященная природе Табаски. А завершился день традиционным банкетом, плавно перешедшим в ночной пикник, в свою очередь плавно перешедшим в веселую и шумную попойку. Как и следовало ожидать, имелись особо отличившиеся.

В стельку надрались понтарь Денис Воронцов, Акоп «Траншея» Подолян и малолетний Фаусто Аркути. Остальные финишировали в состоянии «сильно навеселе», исключая печальную Валентину Хилько и человека-загадку Владимира Семенова — эти почти не пили. Даже довольно занудливая тетка Гунила Бот к середине ночи слегка осоловела, чем не замедлил воспользоваться ее бедовый муженек, и тоже быстро осоловел.

Случился неприятный эксцесс: в самом начале пикника еще более или менее трезвый Воронцов якобы случайно окатил Семенова вином из серебряного кубка и даже не подумал после этого извиниться. Семенов меланхолично утерся салфеткой и поинтересовался у Скотча, есть ли тут общественный душ ближе, чем душ в его коттедже. Воронцов вслух обозвал Семенова рохлей и трусом; Скотч специально выдержал паузу, изучая реакцию Семенова.

Семенов всего лишь усмехнулся. Скотчу показалось — снисходительно.

Тут уж Скотч не смог не вмешаться. Он встал, без всяких церемоний взял Воронцова за шиворот и потребовал принести извинения коллеге по походу. Воронцов попробовал было помахать кулачками, но с другой стороны подошел Валти и одним убедительным движением отсоветовал.

— Господин Воронцов! — проникновенно и невыносимо назидательно изрек Скотч. — Осмелюсь вам напомнить, что мы с сегодняшнего дня — одна семья. Также напоминаю, что согласно пункту пять-три второго раздела подписанного вами туристического контракта гид-инструктор имеет право применить к клиенту любое воздействие, какое посчитает нужным, в пределах, оговоренных в том же разделе рамок. Если вы запамятовали, за рамками остается только физическое умерщвление. В общем, я бы рекомендовал вам, господин Воронцов, незамедлительно принести господину Семенову извинения и впредь не допускать никаких ненужных неловкостей. Вы понимаете меня? Воронцов пробормотал что-то нечленораздельное, вырвал руку из замка Скотча и сухо попросил у Семенова прощения. Тот совершенно без эмоций принял и убрел в душ. Воронцов после этого затеял планомерно надираться, но этому Скотч препятствовать не собирался: клиент на отдыхе, его право, поскольку окружающих это не задевает.

Разбредись чуть ли не на рассвете, причем многие — парами. К вертихвостке Орнеле Аркути весь вечер подбивали клинья Воронцов и Подолян, но ушла она в итоге с Цубер-бюллером. Патрис Дюэль без особых хлопот упаковала пьяненького Аркути-младшего; печальная Валентина Хилько долго смотрела на Семенова, но тот удалился раньше всех. В одиночестве. Потом к ней попытался подъехать Солянка, но ушла Валентина все-таки тоже одна. Ну а Скотч не зря весь вечер распускал хвост перед Гурмой — та сама взяла его под руку и повлекла к своему коттеджу. На что немедленно обиделась Мартина и впервые уступила робким ухаживаниям Хиддена. Наутро Скотч встал бодреньким, хотя и маловыспавшимся. Первым делом он проверил, ушли ли на маршрут спасатели. Убедился, что ушли. Потом растолкал взъерошенного Литтла, стремовал с него антипохмелина в таблетках и рассоле, а затем пошел будить народ.

Народ оживал неохотно, но у Скотча за плечами имелся колоссальный опыт.

Боты открыли почти сразу; антипохмелин приняли с благодарностью и уже через четверть часа сделались как новенькие. Цубербюллер, как оказалось, уже

проснулся, пришел в форму самостоятельно и бродил с утра по турбазе — Скотч с ним встретился и перекинулся несколькими фразами. О том, что парень это третий путешествиями, Скотч убедился вчера вечером и весьма порадовался такому подарку судьбы еще накануне. Цубербюллеру антипохмелин не требовался, но он взял на долю очаровательной вертихвостки Орнелы и направился ее лечить.

Патрис и Аркути-младший долго не открывали; потом Патрис все же собралась с силами и дошла до двери. Одета она была скудно, но в общем прилично и определенно маялась после вчерашней попойки. Аркути-младший бревном лежал поперек койки. Девушку Скотч быстро напоил рассоль-чиком и скормил попутно пару таблеток; ей на глазах похорошело. Юнец сначала от таблеток отнекивался, но Скотч очень убедительно соврал, что сам сегодня заглотал аж четыре таких. На это Аркути-младший не нашел что возразить и антипохмелин принял. Ему тоже моментально полегчало. Скотч пошел дальше, а Патрис заверила его, что через каких-то полчаса-час они будут готовы к завтраку. Часы она определенно подразумевала локальные, а не местные, потому что до завтрака оставалось около пятидесяти минут.

Воронцов вообще не открыл; пришлось воспользоваться своим ключом. На Скотча этот фрукт поглядел хмуро, но не злобно, посему Скотч заключил, что из вчерашнего тот мало что помнит. От таблеток Воронцов отказался, заявив, что у него свои. Скотч попросил показать — разумеется, замаскировав это под интерес и желание узнать что-нибудь новенькое. Воронцов, естественно, не упустил случая блеснуть и продемонстрировал дорожные селентинские биопрепараты. Скотч восхищенно поцокал языком, пообещал непременно испробовать их в следующий раз и удалился: качество препаратов его вполне удовлетворило. Если примет — быстро будет как новенький. Если нет — черт с ним, пусть мается. Опять же его право.

Перевертыш Нути-Нагути без задержек впустил Скотча и заверил, что самочувствие у него в норме. Алкоголь он почти не употреблял, но зато курил весь вечер какую-то свою ритуальную траву. К счастью, для людей она была смертельна, поэтому все попытки пьяных коллег-туристов глотнуть дымку с ним на пару оаонс мягко пресекал. А последствий после курения у перевертышей не бывает. Скотч пошутил в том смысле, что людям в этом смысле гораздо труднее живется. Они с инопланетянином с удовольствием посмеялись и расстались вполне довольные друг другом.

Комик Подолян сам поймал Скотча на пути к коттеджу Семенова и, получив желанное облегчение, с душераздирающими воплями радости умчался купаться на озеро.

Семенов, как и ожидалось, открыл сразу; поскольку он вчера почти не пил, лекарство с утра ему было ни к чему. Скотч вежливо задал несколько общих вопросов, получил несколько вежливых и в высшей степени обтекаемых ответов и направился к последнему домику — домику Валентины Хилько.

Та тоже уже поднялась. Менее печальной она, увы, не стала, а подавленный турист на маршруте — это дополнительные трудности. Антипохмелин ей, понятно, не требовался. С ней Скотч проговорил аж пятнадцать минут, не пытаясь, впрочем, лезть в душу, и ему показалось, что Валентина очень благодарна за это. Она даже по собственной инициативе пообещала не хандрить и не доставлять работникам «Экзотик-тура» дополнительных проблем. «Что вы, сударыня! — сказал ей Скотч. — Какие проблемы? Моя обязанность развлечь вас и помогать вам, и я вас развлекаю, а если потребуется — непременно помогу!» К исходу разговора Валентина даже начала улыбаться.

Ну а персонал базы — спасатели и девчонки из obsługi — сами знали, как приходить в себя после стартового пикника, тем более что самую трудную часть алгоритма Скотч уже проделал, а именно — растолкал мистера Литтла, Витальку Акулова, долговязого, даже выше Солянки, завхоза турбазы, у которого в заветных закромах можно было отыскать все, чего душа пожелает, вплоть до иглы, в которую — заключена смерть Кощея.

После завтрака Скотч дал народу немного отдохнуть и слегка прийти в себя, а потом закатил изнурительную тренировку на освоение снаряжения. Спустя какие-то полтора часа туристы уже сноровисто ставили сдвоенные палаточные модули, умело паковали рюкзаки и управлялись со встроенными в них компенсаторами-антигравитами, взбирались при помощи серволебедок на деревья и единственную на турбазе скалу, специально доставленную сюда черт знает откуда, чуть ли не с соседнего материка, парами и тройками преодолевал» рукотворные топи... Инструкторам охотно помогали Цубербюллер и Валентина Хилько — практически всё необходимое на маршруте эта парочка умела и без наставлений Скотча с Валти. Скотч и Валти волчками носились туда-сюда, поправляли, объясняли, показывали как и как не, покрикивали шутили,

матерились сквозь зубы – в общем, плотно вошли в рабочий режим. Воронцов кривил физиономию, но когда ему наглядно продемонстрировали непригодность его снаряжения для, например, штурма вышеупомянутой каменюки с соседнего материка, быстро поутих. Скотч поймал его захватом страховочного антитравы лишь в самом конце падения, над хищно торчащими гранитными зубьями основания скалы. Само собой, нарочно. Мог раньше.

– Не годится твое снаряжение, – миролюбиво пояснил Воронцову Цубербюллер. – Оно само по себе хорошее, но не для Табаски. Вот, гляди, метка «Же-минус». Знаешь, что она означает? Что этот комплект рассчитан на планеты с пониженной гравитацией, а там и нагрузки другие, и динамика подъема, и способы крепежа. Воронцов, бледный и хмурый, косился на ярко-красную метку во весь фирменный «тайсовский» чехол – «G-».

– «Же-плюс» – для повышенной гравитации, – продолжал растолковывать Цубербюллер. – «Же-плюс-плюс» – для предельно допустимых для людей планет, вроде Гондваны или Серезода-Бонс. Просто «Же» – для земной тяжести, плюс-минус одна десятая. «Же-ноль»...

– Достаточно, – буркнул Воронцов угрюмо. – Понял, не дурак.

И зло пнул ни в чем не повинный фирменный чехол. А потом взял предложенный комплект из турбазовского снаряжения и решительно пошел к скале.

«Обламывается помалу, – с удовлетворением отметил Скотч. – Однако не отнимешь: упрям и не труслив. Мужик. Хотя и болван изрядный...»

Акоп Подолян теоретически знал почти все необходимое. Но на практике любое действие он выполнял как-то нелепо и криво, через задницу. То карабин защелкнет не там, то трос лишний раз перехлестнет, то страховочный поводок проренет не туда... Посреди подъема на высоченный кедроклэн у него свалился с ноги ботинок. Надежная пластиковая доска-мок-роступ под Подоляном просто развалилась на две части, и тот по самые уши погряз в полужидком тинном месиве. Когда ставили палатку, Подолян головой сшиб опору гравикаркаса. Палатка, понятно, осела, и бедняга Акоп долго на ощупь искал выход. Над ним хохотали и потешались, но Подолян хохотал громче всех и весело огрызался из палатки.

Супруги Боты старались пуще остальных – у них это оказался первый в жизни выезд на неосвоенную планету. Раньше просто не могли себе позволить. Старались брат и сестра Аркути. Старалась Патрис Дюэль, невзирая на достаточно солидный для девицы ее круга опыт. Во всяком случае, палатки ставить она прекрасно умела, по скалам лазить умела замечательно, рюкзак у нее, как и у Цубербюллера, нашелся свой, причем очень приличный – получше турбазовских, – и только перед топами Патрис спасовала. Скотч, естественно, с удовольствием помог, вразумил и наставил. Старался невозмутимый перевертыш Нути-Нагути: он трижды по мелочам метаморфировал, причем, как и уславливались, незаметно для окружающих. Метаморфозы заметили только Скотч, Валти и, кажется, Семенов: перед штурмом скалы перевертыш метаморфировал внутреннюю поверхность ладоней (чтоб липли к камню); перед свиданием с кедроклэном втихую отрастил когти, а перед барахтаньем в болоте снабдил всю поверхность тела водоотталкивающими свойствами. Старался Семенов. Скотч и Валти так и не смогли прийти к единому мнению: внове для него туристская наука или нет. Семенов управлялся со снаряжением и заданиями достаточно ловко» но из кожи вон не лез и всегда показывал результат из середины, чаще ближе к худшему.

На обед все явились уставшие, голодные и довольный. Скотч громогласно объявил, что вслед за послеобеденным отдыхом состоится знакомство с оружием и пробные стрельбы, а вскоре после ужина – старт. Поэтому на обеде рекомендовал либо не пить спиртного вообще, либо ограничиться бокалом пива. Воронцов достаточно вызывающе спросил: сочтут ли криминалом вместо пива бутылку виски на двоих? Скотч ответил в том смысле, что не сочтут, но и к оружию не допустят. И своим стволом пользоваться не позволят. Тогда Воронцов поинтересовался, какова минимальная доза с допуском к стрельбам. Семьдесят граммов, отрезал Скотч. И ни граммом больше.

Виски Воронцов пил с Подоляном. По рюмочке. Остальные, включая перевертыша, с видимым наслаждением отдали должное пиву.

После отдыха (Скотч не замедлил заскочить к отсыпавшейся после бурной ночи Гурме Бхаго) тренировки возобновились. Как и ожидалось, ножами и мачете вполне владели Цубербюллер, Воронцов и Подолян. Последний – с оговоркой на личное счастье. Скотч поразмыслил и пошел на некоторый риск: затеял пробное метание ножей в цель, хотя туристам этого не полагалось позволять в принципе. Причем первым метать пригласил Семенова.

Если тот и смешался, то лишь на неуловимое мгновение. После чего без пауз, один за одним, послал выданные пять ножей последовательно: в пятерку, в ближайшие кусты, в девятку, в молоко и в яблочко. После этого, разумеется, всех остальных уже было за уши не оттащить от щита с мишенью. Каждый хотел попробовать. К некоторому удивлению Скотча, все пять в яблоко без труда воткнул Подолян; сорок семь очков набрал Воронцов; сорок два — Патрис Дюзль; по тридцать девять Валентина Хилько и Аркути-младший; всего двадцать четыре вышло в итоге у Цубербюллера, честно, впрочем, предупредившего, что хоть с ножами и обращается без труда, метать их не умеет; единственный из пяти ножей воткнулся в щит рядом с мишенью в попытке Орнелы Аркути; у Ботов, понятно, ничего не получилось вообще; а Нути-Нагути, посмеиваясь, игнорировал броски в мишень, зато изобразил аккуратненький крест в стволе дерева, отстоящем от линии броска вдвое дальше, чем щит с мишенью. Скотча столь высокие в целом результаты группы слегка удивили: обыкновенно среди туристов мало кто умел метать ножи. Кто умеет — не прибегает к услугам «Экзотик-тура».

На закуску осталась стрельба. Добрый час ушел на знакомство с охотничьими плазменными ружьями и боеприпасами к ним. Клиенты к этому моменту успели надрессироваться настолько, что все советы выполняли мгновенно и беспрекословно, словно приказы. Даже Воронцов. Свою собственную привезенную винтовку он даже не стал вынимать из чехла. Видимо, не хотел вторично позориться перед спутниками. Не обошелся без плановой выходки Акоп Подолян: в какой-то момент он с гиканьем отобрал у Гунилы тарелку с печеньем, печенье высыпал в траву, а тарелку подбросил высоко в воздух, после чего разнес ее вдребезги первым же выстрелом, чем заслужил восторженные аплодисменты большинства туристов (включая оставшуюся без печенья Гунилу) и моментальную выволочку от Скотча.

Скотч не сказал бы, что после выволочки Подолян хоть сколько-нибудь огорчился. Перед самым ужином Валти раздал каждому по обойме с десятью выстрелами, и соревнование (что же еще, если не соревнование?) в меткости, ко всеобщей радости, состоялось. Очередность стрельбы определял жребий — кость с иероглифами для игры в хепато.

Результаты Скотча в общем порадовали. Фаусто Аркути — семьдесят четыре очка из ста. Тентор Бот — пятьдесят два. Денис Воронцов — девяносто восемь. Патрис Дюзль — девяносто два.

Нути-Нагути — сто, причем точки от попаданий в яблочко сложились в забавную схематичную рожицу. (Ничего удивительного — перевертыш метаморфировал глаза и, вероятно, стимулировал мышечные рефлексы).

Константин Цубербюллер — девяносто шесть. Гунила Бот — двадцать четыре. Валентина Хилько — шестьдесят пять. Орнела Аркути — сорок. Акоп Подолян — сто. И, наконец, Владимир Семенов — семьдесят пять. И снова Скотч не сумел понять — сознательно Семенов занижает результат или просто не очень хорошо стреляет.

На ужине Скотч тщательно проследил, чтоб Воронцов с Подоляном не ткнули лишнего; а после ужина выдал каждому список вещей, которые следует упаковать и обязательно взять с собой, дал час на сборы и умчался прощаться с Гурмой.

Выступили за два с половиной часа до заката. Естественно, после персональной проверки каждого туриста — без пе-рetreхивания вещей, но с контролем качества укладки. Солянка, Жбан и Хидден заблаговременно доложили из первого промежуточного лагеря о закладке начальной пятерки точек с регулярным запасом провианта и пятерки дополнительных точек с аварийными пакетами.

Перед самым выходом к Скотчу подкатил мистер Литтл и слезно попросился выгуляться с группой. Дескать, осточертело сидеть на базе среди бабского персонала и вообще давно охота развеяться.

— Черт с тобой, — фыркнул Скотч. — Иди. Но на поблажки не надейся — пахать будешь наравне со всеми.

И ехидно посоветовал вдвон сбегать к завхозу и получить снаряжение.

— Ну что, господа, все готовы? — осведомился Скотч, оглядывая группу.

В ответ донеслось нестройное утвердительное гудение:

— Да-а-а-а!

— Никто ничего не забыл? Таблетки от изжоги? Голограммку ненаглядной тещи?

Любимую курительную трубку? Учтите, возвращаться не будем, даже если вспомните через пять минут после старта!

Гудение возобновилось, сменив полярность:

— Не-е-е-ет!

— Ну что же! От имени служащих «Экзотик-тура» на Табаске поздравляю вас с началом! Вперед к приключениям!

Даже бывалого Цубербюллера и понтаря Воронцова захватил стартовый азарт. На эту, в сущности, возвышенную банальность группа ответила дружным восторженным ревом. Тихушник Семенов и тот промычал что-то благодушное.

— Объявляю порядок цепочки! — Скотч умело поддерживал деловое веселье. Вынул и развернул пластиковый лист с распечаткой: — Ведущий — инструктор Ваулин, для краткости Валти!

Валентин первым ступил на тропу и временно развернулся спиной к сплошной зеленой стене леса.

— Патрис!

Француженка с готовностью шагнула на утоптанную стезю вслед за Валти.

— Фаусто! За ним Орнела!

Теперь на тропе стояли уже четверо.

— Костя! Денис! Нути-Нагути! Акоп!

— Для краткости — Траншея! — встрял Подолян и довольно заржал.

— Гунила! Тентор! Валя! Влад! Ну а мы с мистером Литтлом замыкаем. На марше не зевать! По сторонам смотреть в оба! Команды инструкторов выполнять быстро и без разговорчиков! Помните все, под чем вы подписывались в контрактах! Готовы?

— Готовы!!!

— Гип-гип!

— Ура-а-а-а-а-а! — взревела группа.

— Ну, — Скотч повернулся к Гурме, обнял и поцеловал ее, — до встречи, малышка! Я буду по тебе скучать.

Скотч знал, что врет. Да и Гурма знала, что Скотч врет: не будет он скучать. Но Скотч знал и то, что миниатюрной психологине хочется услышать эти слова, а Гурме на самом деле приятно было их услышать. Так почему бы и не произнести то, что хотят услышать?

Старая как мир игра в прощание.

Провожаящим из obsługi Скотч, Литтл и Валти помахали руками.

— Валти, марш!

Напарник в который раз в жизни развернулся к лесу и сделал первый шаг очередного тура, одновременно трижды сплевывая через левое плечо. Недлинная цепочка туристов зашагала прочь от турбазы и скоро ступила под полог первобытного леса Табаски.

Незадолго до заката в лесу очень спокойно: дневная живность намаялась за день и поутихла, а ночная еще просто не покинула берлог. Косые солнечные лучи кое-где пробивались сквозь кроны, рассыпались в подлеске пятнистой попоной.

Тропа, чуть извиваясь, убегала вдаль и терялась из виду уже в двух-трех десятках шагов. До первого лагеря по тропе было километров семь с небольшим. Никаких запланированных сюрпризов первый марш не таил: обыкновенно хватало мелких естественных. Группа принаравливалась к лесу, к поклаже, к снаряжению, к ходьбе — а если короче, к «Экзотик-туру».

До лагеря добрались почти без приключений. «Почти» относилось (кто б сомневался!) к Акопу Подоляну. На ходу подстраивая компенсатор рюкзака, он умудрился перепутать вектор и вместо того, чтобы облегчить ношу, увеличил ее вес. Само собой, штатный весельчак нынешнего похода сдавленно пискнул под рюкзаком, вмиг набравшим добрых центнера полтора, и опрокинулся на спину на манер жука-скрепера. Даже ногами дрыгнул очень похоже. Боты его с прибаутками освободили от излишних тягот, и целых пятнадцать минут только и разговоров было, что о компенсаторах туристских рюкзаков. Народ с удовольствием щеголял недавно заученными терминами и усиленно косил под корифеев — инструкторов, Цубербюллера и Патрис с Валентиной.

В лагере быстренько и вполне сноровисто поставили палатки; Скотч, взяв в помощники Цубербюллера и Семенова, направился за дровами. Неприкаянный Литтл увязался с ними, хоть Скотч на него и шикнул.

— Будешь шипеть — спирта не дам! — цинично окоротил гида завхоз.

Такую угрозу нечем крыть было даже номинальному директору турбазы. Что делать — пришлось взять.

3 Наследие исполинов

ШТАБ ФЛОТА «ТУМАННОСТЬ»

Ординарец, как обычно, возник словно бы из ниоткуда. В самом конце рабочего дня, когда адмирал Луис Перейра уже собирался опечатать сейф и отправиться домой. Наружный караульный громко постучал в настоящую дубовую дверь, добытую в столкновении с пиратами Вешнего Вакуума, в свою очередь распотрошивших каких-то залетных контрабандистов аж с самой Земли. С тех пор любимым ругательством адмирала стало это странное словосочетание на интересе – вешний вакуум. И звучит не грубо, и душу отводит.

– Срочная депеша, господин адмирал! – отчеканил ординарец. – Задействуйте мгновенную связь! Советник Хен-рик Паулиста подключится тотчас же, как только вы разблокируете его канал!

– Что-то срочное? – нахмурился адмирал. Он не любил сюрпризов. Особенно в конце рабочего дня..

Адмирал Луис Суарес Лима Перейра за двенадцать лет командования флотом «Туманность» и сотрудничества с правительством Фалькау сумел навести в системе и ближайших окрестностях завидный порядок. Пираты облетали этот район космоса десятой дорогой; торговцы же, напротив, рады были заглянуть на безопасный и благополучный мирок и вволю расторговаться на местных рынках. Ближайшие колонии – Калиновка-Ш, Чунь Чхэ и Баньска Моравица довольно быстро попросили взять их под крыло и защиту. Перейра подумал, посоветовался с адмиралом Джаветом уль Мансуром, командующим флотом «Центроникс», который базировался на ближней Вермелинье, и скооперировался с ним. Совместные соединения боевых кораблей начали патрулировать далекие человеческие колонии. Результат не замедлил сказаться: влияние доминанты Земли в этом районе Галактики существенно возросло. Сил двух флотов хватало с избытком, возник даже проект колонизировать подходящую планету в контролируемом секторе, построить космодром и ремонтную базу... И вдруг – сюрпризы. Кто обрадуется?

Адмирал жестом отослал ординарца; дверь тихо закрылась.

Пультот мгновенной связи Луис Перейра пользовался нечасто: организацией патрулирования занимались заместители, адмирал лишь осуществлял общее руководство и обеспечивал надежные и доверительные отношения с правительствами местных колоний.

Голографический куб слабо засветился, проецируя в объем рубку небольшого космического корабля. Явно гражданского. На переднем плане возникло изображение человека – средних лет мужчины, слегка раскосого, с обширными залысинами, прижатыми к голове ушами (словно у испуганного кота, подумал адмирал), крючковатым носом и тонкими бескровными губами.

– «Шустер-эпсилон» семьдесят пятый вызывает военно-космические силы Фалькау, – проговорил человек на интересе. – Доброе время суток!

– Доброе, – поздоровался адмирал, одновременно разблокировав канал советника правительства Фалькау.

– Я – бригадир малого рейдера Поисковой Базы доминанты Земли Тахир Плужник. Честь имею?

– Командующий флотом «Туманность» адмирал Луис Перейра, – представился адмирал.

– Слушаю вас, бригадир.

– Нам нужна охрана, адмирал. Сопровождение на Базу.

– Вот как... – сразу все понял Перейра. Искатели. Искатели доминанты Земли наткнулись на что-то интересное и необычное. Просят сопроводить их на Поисковую Базу, справедливо опасаясь пиратов, а то и просто первого встречного. Даже в пределах доминанты Земли могли найтись режимы, не побрезговавшие бы присвоить новые технологические секреты или артефакты древности. Не говоря уже о галактах нечеловеческих рас. К искателям всегда отношение особое: они служат не какому-нибудь отдельному режиму какой-нибудь отдельной колонии. Они служат всей доминанте Земли, всем людям и всем человеческим мирам Галактики. Любой военный корабль людей обязан прикрыть искателя, защитить его – это дело даже не уставов и присяг. Это дело офицерской чести. Обязанность защищать искателей нигде не прописана. Но на карьере военного, который откажет нуждающемуся в прикрытии искателю, можно смело ставить крест: в космосе такому просто не место.

– Где вы находитесь? Какие силы высылать вам в поддержку? Есть ли у вас еще какие-либо пожелания или просьбы? – Перейра не стал выпытывать подробности поискового рейда. Потом, все потом. Главное – перехватить этих ребят, занимающихся, по сути, почти бесперспективным, невероятно скучным и весьма

опасным делом. Было бы дело безопасным — не просили бы прикрытия. А сулило бы выгоду с большей вероятностью — прикрытия имелось бы изначально.

— Наши координаты в контрольном пакете, отправляю, — ответил Плужник. — Кого высылать... Ну, пару крейсеров желательно, чтоб мелочь всякая не совалась. Если сунется крупная рыба, пожалуй, и всем вашим флотом не отобьешься.

Адмирал снова нахмурился:

— Дело настолько серьезно?

— Достаточно серьезно, адмирал. Впрочем, я предпочту не распространяться на этот счет. Особых просьб у нас нет. Просто поспешите к точке randevu, указанной в контрольном пакете. Мы будем там через десять локальных часов.

Почему-то земные часы, сутки и годы издавна нарекли '«локальными», хотя логики в этом было немного. Локальным логичнее было называть любое местное время. А вот поди ж ты — прижилось нелогичное название, пустило корни, обросло привычками и традициями...

— Вас встретят, бригадир, — твердо пообещал адмирал. — Слово офицера.

— Спасибо, адмирал. До встречи.

— До встречи.

Видеокуб мигнул; спустя секунду в нем сменилось изображение. Вместо рубки поискового рейдера нарисовался рабочий кабинет советника с Фалькау и сам советник, разумеется.

— Ты слышал? — хмуро спросил адмирал.

Советник, пожилой и тертый событиями политик Хенрик да Союза Паулиста, безмолвно кивнул.

— Мысли есть? — поинтересовался Перейра.

— Мало информации. — Советник слабо пожал плечами. — Корабли, разумеется, высылай. И не пару, как они просили, а побольше. Пяток впрямую и треху в прикрытия. Кто знает, на что они там наткнулись...

Адмирал задумчиво кивнул. Придется немедленно созывать срочное совещание штаба флота, да и представителей «Центроникса» нелишне будет пригласить.

— И вот еще что... — добавил советник. Видно было, что он все еще немного колеблется, хотя в душе уже решил на всякий случай перестраховаться. — Слетал бы ты сам, Луис. На месте — оно всегда виднее.

— Тогда уж и ты тряхнул бы стариной, снялся из гнезда! — отпарировал адмирал. — Официальное мнение правительства Фалькау, которое всегда рядом, все видит и все слышит, мне тоже не помешает.

— Резонно, — качнул головой советник. — Хорошо, я провентилирую этот вопрос. Созывай совещание, я подниму своих. Перекрестный брифинг... ну, скажем, через полчаса?

— Годится. Если получится раньше — давай раньше.

— Понял. Отбой.

Адмирал вместе с креслом переехал на полтора метра влево, к пульту местной связи, и с размаху шлепнул по красному грибу тревожного вызова:

— Сигнал «Форум»!

В кабинет даже сквозь плотную декоративную обивку пробился звук взывшей снаружи сирены. Через минуту ввалились два лба-гвардейца с лучеметами в волосатых лапах. Усиленный караул, все правильно. Адмирал к этому моменту уже беседовал с оперативным дежурным.

— Господин адмирал! Оперативный дежурный полковник Вентрас на связи!

— Сколько у нас кораблей в резерве, полковник? Линейных.

— Пять средних крейсеров, господин адмирал, два улья и четырнадцать полукорветов.

— Часовая готовность для всех. На профилактике что?

— Шесть ульев и...

— Двухчасовая готовность для всех. Работы законсервировать. Выполняйте.

— Есть!

— Йорга!

— Я, господин адмирал! — тотчас отозвался референт-ординарец.

— Срочное совещание штаба! В режиме «Бета», онлайн, обойдемся без вестовых...

— Есть, господин адмирал!

Штаб флота «Туманность» забурился, словно потревоженный муравейник. Даже величаво плывущие по орбитам большие корабли стали выглядеть несколько иначе — вместо четвертой-пятой части освещенных иллюминаторов теперь горели почти все.

— Борис! Информация нужна!

В служебном видеокубе тотчас сконцентрировалось изображение дежурного информ-референта.

— Слушаю вас, господин адмирал!

— Состав флота Поисковой Базы доминанты Земли.

— Вызван! — мгновенно отпартовал референт.

— Какого типа там малые поисковики?

— «Констанца», «Компромисс», «Шустер-ро» и «Шустер, эпсилон».

— Интересует «Шустер-эпсилон». Сколько их в эксплуатации?

— Двести шестнадцать, господин адмирал!

— Данные по «Шустеру-эпсилон» семьдесят пятому. Секундная пауза.

— Рейдер в настоящий момент в поиске, на границе нашего сектора и соседнего.

Бригадир и капитан — Тахир Плужник, старший помощник и штурман — Василий Шулейко, искатель-техник — Алекса...

— Стоп. Опустит. Как давно они в поиске?

— Семь локальных месяцев, двадцать два дня и девять часов. С минутами.

— Изображение бригадира Плужника мне в объем! Четырехсекундная пауза, и в кубе стусилась служебная голограмма того самого человека, с которым адмирал недавно разговаривал по мгновенке.

— Спасибо, пока отбой. — Перейра отключился. Итак, в этом смысле все сходится. То, что связь осуществлялась с борта поисковика, сомнений нет — аппаратура это отслеживает. Теперь вдобавок точно известно, что на связь выходили не случайные люди, а именно экипаж рейдера.

«А, — подумал с неожиданным азартом Перейра, — и правда слетаю! Давно ведь хотел, сижу тут, как сыч на чердаке, который год подряд. Рабочий день до девяти, будто и не военный, ей-право».

— Флагман! — вызвал он по очередной линии служебного голо.

— Дежурный по рубке капитан Михальченко! — тотчас отозвались с головного корабля флота. — Без происшествий, господин адмирал!

— Часовая готовность! Время старта сообщу лично, прибыв на борт! Пылесосьте каюту... И Н'Боо вызовите немедленно, пусть поднимает своих рейнджеров!

— Есть, господин адмирал! — возликовал явно застоявшийся на мирных дежурствах капитан.

«Мальчишки! — мысленно фыркнул Перейра. — Все бы вам воевать...»

Тут загудел-замигал глазком вызов личной линии президента.

— Ага, всполошились, — пробормотал адмирал, подключаясь.

Над пультом мерцали теперь сразу четыре куба.

— Да, господин президент?

— Добрый вечер, адмирал. Я слышал, у вас неожиданные новости?

— Есть немного. Полагаю, вы уже в курсе произошедшего?

— В курсе, Паулиста мне доложил. Что вы намерены предпринять?

— Обеспечить сопровождение, естественно! — Адмирал даже немного удивился. — Разве я мог поступить иначе?

— Я не о том. — Президент слегка поморщился и взглянул Перейре прямо в глаза. — Я хотел... э-э-э... уточнить: куда вы будете сопровождать поисковик?

Адмирал ответил не сразу. Более того, он долгих две секунды не мог понять, к чему же клонит президент. Потом понял и непроизвольно сжал губы.

«Вот оно что... Старее я, что ли? Совсем медленно соображать стал».

— Естественно, на Поисковую Базу доминанты Земли, господин президент. А разве есть иные варианты?

Президент испытующе глядел на Перейру. Адмирал уже знал, что именно хозяин Фалькау сейчас скажет — если решится, конечно. Обычно подобные предложения высказывают не президенты, а поверенные люди из второго эшелона. Президент должен быть выше подозрений и вне интриг. Даже если руководит ими из наглухо изолированного от мира угла.

Итак, правительство Фалькау нацелилось нагло присвоить находку поисковиков. В принципе, это вполне оправданный шаг:

новые технологии принесут немалую выгоду колонии. Но стоит ли ради кота в мешке (неизвестно еще — на что там наткнулись межзвездные старатели-археологи)

рисковать добрыми отношениями с метрополией и соседними колониями? Свою долю в новых технологиях немедленно захотят и Земля, и Офелия, и Селентина, и Хобарт, и Пеломен — да любой развитый режим доминанты Земли. Та же соседняя Вермелинья непременно захочет. Явится адмирал Джавет уль Мансур во блеске всего ударного флота «Центроникс» и эдак ненавязчиво поинтересуется — что вы тут исследуете последнее время, а, соседushки?

Впрочем, все это не имеет особого значения. Президент Фалькау и его высокопоставленные советники плохо знают подноготную работы поисковиков. О находке уже информирована Поисковая База. Причем скорее всего — не только земная База, поскольку поисковики разных рас поддерживают довольно тесные отношения друг с другом. И не далее чем через четверть часа по мгновению свалится официальное ходатайство доминанты Земли о сопровождении «Шустера-эпсилон» семьдесят пятого до материнской Поисковой Базы.

Все это адмирал как мог деликатно объяснил президенту, прежде чем тот наговорил опрометчивых слов. Президент несколько сник и обещал выйти на связь к началу штабного совещания.

Следующие десять минут адмирал Перейра согласовывал со статус-референтом текст экспресс-доклада на экстренном совещании штаба и поправки к сообщению на совместном с политиками брифинге. Все-таки сдернуть с места резерв стабильного флота за какой-то час-полтора — почти подвиг. Но военные флота «Туманность» совершили его. Онлайн-совещание длилось тридцать две совпадающих с локальными минуты, после чего высший офицерский состав идущих в конвой кораблей отбыл на борт. Адмирал Луис Суарес Лима

Перейра — в том числе.

Челнок советника Хенрика Паулисты отшвартовался у каботажного шлюза флагманского линкора за десять минут до начала стартовых маневров. Советник прибыл не сам — с двумя заместителями и собственным стюардом.

Адмирал не ходил в режиме пульсаций уже семь лет. Он с неожиданной тоской подумал, что этот поход вполне может оказаться последним в его долгой карьере офицера военном космических сил. Возраст. Проклятый возраст — и сам задумываешься об уходе на пенсию, и более молодые подчиненные недвусмысленно глядят на твое кресло...

Кресло ведь, хоть тресни, придется когда-нибудь освобождать.

«Дьявол! — подумал Перейра. — Вот отведем поисковик на Базу, передадим земным военным, вернемся — качну сдавать дела. Хватит, покомандовал! Пора и честь знать».

Флотилия ушла за барьер спустя час с небольшим после начала стартовых маневров. Никто в окрестностях Фалькау не знал, что приблизительно в это же время целая армада звездолетов в секторе Тсурры выстроилась в боевой порядок и также канула за барьер. Регулярные войска расы шат-тсур, «поющих скелетов», ринулись в область пространства, где вскоре примется поджидать подмогу одинокий рейдер-поисковик «Шустер-эпсилон» семьдесят пятый.

2

Рейдер Поисковой Базы оказался довольно здоровой машиной. Во всяком случае, в створ трюма среднего крейсера он не проходил. Оно и понятно, корабль гражданский, никто не задавался целью минимизировать линейные размеры и объем, дабы не служить отменной мишенью для вражеских канониров. Посовещавшись с капитаном флагмана, Перейра склонился к мысли вообще не брать поисковик в трюм, а пристыковать снаружи, к тому же каботажному шлюзу, например. Для икс-привода флагманского линкора флота «Туманность» подобное увеличение массы совершенно некритично.

Осторожность никогда не мешает. В который раз адмирал повторил про себя: кто знает — с чем столкнулись настырные искатели? Что они везут на своей посудине? Не подцепили ли какой-нибудь доисторической заразы? Вон, вся Чагда полвека назад вымерла от неведомой болезни, занесенной каким-то иммунным инопланетянином-горняком. Две локальные недели, почти полмиллиарда жителей! Четыре локальных года в чумной сектор не сошелся ни единый корабль! Пока умники на Свайге не выделили мутировавший вирус и не научились с ним бороться.

Впрочем, адмирал опасался зря. Поисковик не вез никаких материальных находок. По словам бригадира, они располагали лишь новой неожиданной информацией, предположительно — чрезвычайно ценной. Поэтому пока рейдер и его экипаж проходили полную стерилизацию и дезактивацию, адмирал гадал: что это за информация? Какое утерянное среди звезд знание давно исчезнувших исполинов? Безуспешно гадал, разумеется.

Бригадир поисковика и его помощник нарисовались на пороге адмиральских апартаментов спустя час после стыковки.

— Здравствуйте, господин адмирал!

— Здравствуйте, бригадир.

— Позвольте представить: это мой первый помощник Василий Шулейко.
Помбриг учтиво кивнул и пожал протянутую адмиралом руку.

— В свою очередь представляю вам видного политика и аналитика с Фалькау Хенрика Паулисту. Хенрик, это бригадир поисковиков Тахир Плужник.

— Очень приятно!

Снова рукопожатия.

— Прошу садиться, господа! — на правах хозяина пригласил адмирал. — Чай, кофе, уклу? Сигары? Или, может быть, у вас есть какие-то особые просьбы?

Искатели переглянулись — наверняка они давно работают вместе и такими взглядами могут сообщить друг другу очень много. Куда больше, чем покажется стороннему наблюдателю.

— Чай, если можно, — Сказал бригадир Плужник. — Зеленый у вас есть?

— Конечно! — Перейра сделал знак стюарду, и тот немедленно отправился на камбуз.

— Спасибо, что так быстро пришли нам на помощь. — Искатели уюстились в удобных трофейных креслах. На борту флагмана имелось очень много трофейной мебели — не один пиратский корабль после пленения был обобран до нитки. Военным приходилось самостоятельно устраивать быт. Земля полностью прекратила снабжение флотов больше века назад.

— Это долг офицера, — развел руками адмирал. — Любой на моем месте поступил бы так же. Надо думать, вам наконец-то повезло, если понадобилось сопровождение? Говорят, нечасто везет искателям.

Искатели снова многозначительно переглянулись.

— Ну, если честно, нашли мы не так уж и много, — поведал бригадир. — Обломок крейсера а'йшей, погибший в ми-явущую войну. Не без странностей погибший: от него отрезало изрядный кусок. На этот кусок мы и наткнулись. Кое-что интересное там есть, боевой пульт, например. А'йеши его до сих пор не рассекретили. Ну и по мелочи кое-чего. Но интересно главным образом не это, а причина, по которой крейсер оказался разделенным на две неравные части.

— И что же это за причина? Сумели установить? — Адмиралу стало по-настоящему интересно.

— Сумели. Собственно, это оказалось не так уж и трудно. После того, что случилось с нами, адмирал.

Тахир Плужник кашлянул, прочищая горло, и спокойно, по крайней мере внешне, сообщил:

— Мы отыскиали портал нуль-коридора, ведущий в иную галактику. Неизвестно сколь далекую от нашей — приборы не нашли соответствий даже на уровне ориентировки по квазарам. Крейсер а'йшей задел створ портала, его и разрезало. Вторая половина там, в иной галактике, мы ее тоже засекли, но не осматривали по вполне понятным причинам.

— Установить, чей это портал, полагаю, попросту невозможно? — спросил адмирал.

— Скорее всего так. Оба генератора невероятно стары. Они старше нынешних цивилизаций в несколько десятков, а возможно, и сотен раз. Тем не менее до сих пор исправно держат коридор.

— Генераторы работы Ушедших?

— Вряд ли. Наверняка генераторы старше. Ушедшие тоже ведь были не первыми, кто хозяйничал в нашей галактике. Как теперь выяснилось, предтечи Ушедших хозяйничали не только в нашей галактике, а по меньшей мере и еще в одной.

— Генераторы вы, естественно, оставили на месте? — бесстрастно уточнил советник Паулиста.

— Разумеется. Я не берусь предсказать последствия активных исследований — все, на что мы решились, это внешний осмотр, барионный анализ и тазонарный анализ. Тут нужен не одинокий рейдер-поисковик, а целый научный институт. В конце концов, мы не ученые, мы просто космонавты. А знаний наших спутниц-научниц попросту недостаточно. Думаю, к генераторам следует перебросить хорошо оснащенную орбитальную станцию с многочисленным и квалифицированным персоналом. На проблему нуль-перехода в свое время точили зубы все высшие расы, включая и нашу. И никому эта проблема не покорилась. Даже пропавшему Рою.

— Кто знает, может быть, Роя она как раз и покорилась, — многозначительно заметил Перейра. — Может быть, именно поэтому Рой и ушел из галактики.

— Вряд ли, — усомнился Плужник. — Рой уходил почти двадцать лет. Открой они секрет нуль-перехода, ушли бы мгновенно. Такой шаг был бы для Роя куда более естественным.

— Возможно, — не стал спорить адмирал и вернулся к прежней теме: — Наверное, стоит оставить у генераторов пару кораблей для охраны? А у вас имеются свободные корабли?

— Имеются.

Бригадир кашлянул в кулак и, глядя чуть в сторону, как бы между прочим сообщил:

— Отчеты на Поисковую Базу и в Фонд единого знания я уже отправил.

Исследовательскую станцию в данный момент как раз готовят к переброске в окрестности генератора.

«Предупреждает, — понял адмирал. — Дабы не возникло искушение попользоваться нуль-коридором самостоятельно, в тайне от большинства людей. Что ж... Разумный с его стороны шаг. Разумный и честный».

Слегка улыбнувшись, адмирал обратился к Плужнику;

— Видите ли, бригадир... По моему глубокому убеждению, все подобные находки принадлежат в первую очередь доминанте Земли как таковой, а не какой-нибудь отдельно взятой колонии. Ну а в более широком смысле — всему союзу высших рас нашей галактики. Поэтому можете не опасаться никаких необдуманных действий со стороны флота «Туманность» и колонии Фалькау. Не так ли, Хенрик?

— Истинно так! Мы — граждане Фалькау, но Фалькау — всего лишь один из многочисленных столбов, на которых зиждется мощь и авторитет всей доминанты Земли.

Бригадир с помощником сразу стали поспокойнее.

«Осторожничают, — подумал Луис Перейра. — И правильно делают. В конце концов, наговорить мы много чего способны... Важно — как мы поступим. Но тут двух мнений быть не может».

Неожиданно над рабочим столом адмирала вспыхнул розоватый куб аварийного вызова. Дежурный офицер выглядел встревоженным.

— Господин адмирал! Множественные возмущения пространства в пятидесяти — пятидесяти пяти мегаметрах от нас!

— Кто-то финиширует?

— По всей видимости, да.

— Количество финишных сфер? Размеры приводов?

— Финишных сфер более двух сотен. Размеры — в основном малые и средние. Как минимум три — большие, класса суперкрейсеров цоофт или азанни. Это организованный флот, господин адмирал, сферы растут, образуя грамотную тригонометрическую изохору.

— Да уж, конечно, это не пираты, — фыркнул адмирал. — Откуда у пиратов большие икс-приводы?

Он не слишком взволновался, поскольку заранее решил, что метрополия предпочтет подстраховаться и вышлет довольно значительные силы навстречу. А вот бригадир Плужник заметно побледнел и с тревогой зыркал то на Перейру, то на Паулисту, то на дежурного офицера в видеокубе.

— Не волнуйтесь, бригадир, — поспешил успокоить его адмирал Перейра. — Скорее всего это наши соотечественники из Фонда решили обеспечить торжественный эскорт. «Туманность» хоть и достаточно большой флот, но по меркам Земли все же не очень представительный...

— Адмирал... — Плужник судорожно сглотнул. — Координаты точки нашей встречи я не сообщал никому, кроме вас. А мгновенку давно заблокировал, чтобы нас не отследил кто-нибудь посторонний.

— Вот как? — В душе адмирала впервые шевельнулось что-то напоминающее тревогу.

Он, не теряя более ни секунды, скомандовал дежурному офицеру: — Боевая готовность! Обсчитать параметры аварийного прыжка! Время предполагаемого финиша... э-э-э... гостей прогнозируется?

— Десять — двенадцать минут, — подсказал офицер. — Хотя уже меньше. Девять — десять.

— Картинку мне на стол!

Адмирал порывисто встал, отчего остро и опасно кольнуло в груди. Но на войне не болеют, и поэтому адмирал привычным усилием воли отвлекся от недомогания.

Над рабочим столом тем временем развернулось панорамное изображение. Тяжелый ступок слева — ближайшая звезда, одинокий белый карлик. Несколько стабильных центров масс — корабли «Туманности». И целая туча нестабильных, только формирующихся — армада перед финишем.

Кто? Кто спешит наперехват? Друзья или враги?

Чтобы узнать точный ответ, остается одно — подождать десять минут. И все сразу станет ясно.

Для кого-то эти минуты еле-еле ползли, никак не желая истекать, для кого-то — мчались быстрее мысли. Но так или иначе, они истекли — один за другим финишные возмущения стали стабилизироваться и выпускать из-за барьера корабли. Боевые корабли производства азанни, одной из высших рас. Один за другим они финишировали в обычном пространстве, гасили паразитный дрейф и разворачивались во фронтальный боевой порядок. Все рубки флагмана захлестнул обычный рабочий гул, неизбежный перед возможной схваткой. Штурманы и пилоты готовились к сложенным маневрам. Канониры фиксировали цели и их возможные перемещения. Истребители-одиночки занимали места в юрких крохотных катерах. Ульи отстреливали одиночек, а когда густой рой истребителей ушел в штатный автоном и рассыпался, стали готовить машины покрупнее — линейные штурмовики, оборудованные достаточно мощными тазерами, чтобы серьезно повредить даже средний крейсер. Если, конечно, повезет.

— А ведь это не азанни, — заметил советник Паулиста, понаблюдав за армадой.

— Почему вы так думаете? — неожиданно сухо поинтересовался бригадир поисковиков. Видно было, что и он сам, и его помощник сильно нервничают. Конечно, ведь искатели непривычны к боям. Война их пугает.

— У азанни совершенно иное боевое построение. Они атакуют двумя крыльями, а мощный центр довершает дело. Не забывайте, что азанни — птицы, да еще реально летающие; поэтому у них совершенно неповторимая манера пилотирования — в силу физиологических особенностей, в силу изначально ориентированных на трехмерность органов чувств... и в силу того, что они уже воевали в космосе, когда наши предки на Земле еще только учились охотиться на мамонтов.

— Информ! — Адмирал немедленно вызвал нужного референта.

— Здесь, господин адмирал!

— Какие расы, кроме шат-тсуров и ибдуат, импортировали боевые корабли азанни? На запрос ушло меньше секунды. Любой из флотов доминанты Земли мог позволить себе непрерывный доступ в крупнейшие архивы по мгновению,

— Дрра и частично — оаонс. Оаонс импортировали корабли вообще всех производителей, включая Рой.

— Дрра и ибдуат вряд ли отважатся без раздумий атаковать корабли доминанты Земли, — уверенно заявил Паулиста.

— Насколько мне известно, большие крейсеры, равно как и большие икс-приводы, разрешено иметь только шести расам из высших и еще сенахе, как правопреемникам территорий Роя, — сказал адмирал.

— Кем разрешено? — не без иронии поинтересовался Плужник.

— Союзом.

— Союз давно трещит по всем швам. Отрицать это — непростительный идеализм и беспечность. Если бы те же шат-тсуры или перевертыши как следует захотели, у контрабандистов а'йшей они смогли бы приобрести даже гигантский икс-привод, только плати, сколько спросят.

— Ну, гигантский вряд ли... — со знанием дела возразил советник. — А вот большой, причем вместе с крейсером — вполне... Особенно если сам крейсер покупать у производителя, у азанни то бишь, привод — у а'йшей, а на монтаж подрядить какую-нибудь дальнюю рембазу цоофт.

— Ставим поле! — донеслось из головной рубки; секундой позже перед выстроенными в «чашу» кораблями «Туманности» стусился максимально мощный при их энергетическом потенциале щит, а секундой раньше каждый корабль дал тазонарный залп. Встречный поток отразился от щита и второй волной пошел на противника. Малые корабли давно уже рубились за разгонные фланги: космос цвел вспышками энергоимпульсов и альми шарами взрывов.

— Есть потери среди одиночек, — доложил кто-то из рубки.

И тут по жиденькой «чаше» человеческой флотилии долбанул полноценный импульс атакующей армады. Щит, конечно же, не выдержал, не хватило энергии. Несколько десятков секунд — и от флотилии почти ничего не осталось. Полукорветы разметало по всей округе, ульи беспомощно провалились внутрь себя под гравитенными ударами чудовищной мощи; два из пяти средних крейсеров влипли в области нелинейности и были быстро добыты хорошо защищенными кораблями противника.

— Дьявол! — выругался потрясенный адмирал. — Вот это мощь! Это война, черт их всех поberi, это новая война! Земля этого так не оставит! Экстренный сеанс с правительством Земли!

Снова кольнуло сердце; возможно, именно поэтому адмирал Луис Перейра не заметил, как искатели покинули его кабину и с максимально возможной скоростью устремились

к каботажному шлюзу. Повинуясь случайному наитию, за ними последовал и советник Хенрик Паулиста,

Все большие корабли атакующей армады спешно перестраивались в воронку, нацеленную на флагмана «Туманности».

«Будут брать живьем, — сразу понял адмирал. — Как пить дать! Возьмут в сачок и обездвижат!»

— Господин адмирал! — ломким от волнения и страха голосом доложили из рубки. — Наш залп даже на максимуме ничего существенного...

— Догадываюсь, — перебил адмирал, а В следующий момент над столом самопроизвольно раскрылся куб мгновенной связи. В кубе угадывался дырявый силуэт шат-тсура в полный рост, «поющего скелета».

— Адмирал Перейра, — пропел шат на интересе. — Сопротивление бесполезно. Выдайте нам рейдер Поисковой Базы Земли вместе с экипажем, и остатки вашей флотилии уцелеют.

— Вы атаковали боевые корабли доминанты Земли! — взорвался адмирал, невольно переходя на повышенные тона. — Без предупреждения и без выражения претензий! Тем самым вы ставите себя...

— Во-первых, мы атаковали не только корабли доминанты Земли, — невозмутимо прервал Перейру шат. — А во-вторых, претензии мы предъявляем сейчас. Этой атакой в том числе. Пришло время расставить все расы по ранжиру — по местам, которые они реально заслуживают, а не по указке вашего гнилого и лживого союза. Если вы еще не поняли — новая галактическая война началась. Но только мы к ней готовились, а ваш поганый союз — нет. Поэтому дни ваши сочтены, так называемые высшие расы. Вам принадлежит только прошлое. И в прошлом же останутся все унижения и несправедливости, на которые союз обрек расы сателлитов. Адмирал, нет смысла тянуть время, выдайте нам искателей, и мы вас отпустим. Разумеется, если вы присягнете на верность Шатта Унаро — новому правительству галактики — и лично Шатта Унве, императору.

Адмирал растерянно оглянулся и только теперь заметил, что помимо него самого в каюте находится только растерянный еще больше стюард, смешно и трогательно заслоняющийся от лидера армады шатов серебряным подносом, тоже трофеем успешного антипиратского рейда.

— Присягать мятежникам? Вы что, смеетесь?

— Дело ваше, — равнодушно пропел шат. — Тогда готовьтесь к плену. Кстати, принятое союзом соглашение о военнопленных мы вовсе не собираемся соблюдать...

Шат не закончил начатую фразу — что-то отвлекло его. Адмирал глянул на экраны и почти сразу понял, в чем дело: поисковик «Шустер-эпсилон» отстыковался и, судя по всему, собирался прыгнуть, потому что вокруг него быстро стучалась стартовая сфера, меньшая сестренка боевых областей нелинейности. Ни один из кораблей армады не успевал помешать осторожным и весьма решительно настроенным искателям. Шаттсуры это тоже поняли.

— Ёр-исамар! Адмирал Перейра, вы сами обрекли себя и своих солдат на смерть! В тот же миг маленький поисковый рейдер исчез за барьером. А грозная боевая воронка перестала надвигаться на флагман Фалькау. Перестала, потому что вместо пленения человеческого корабля крейсера армады шаттсуров изготовились к залпу.

«Вот и все, — с тоской подумал адмирал. — Я сам погубил свой флот...»

Додумать он не успел. Не дожидаясь Луис Суарес Лима Перейра и до залпа: снова кольнуло в груди, а потом сердце-вдруг болезненно сжалось на короткий миг, и мир померк.

Флагман пережил адмирала всего на несколько секунд.

ПОИСКОВЫЙ РЕЙДЕР «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»

Глубокий космос

Плужник, Шулейко и Паулиста как могли быстро отшлюзовались, перешли в рейдер и спешно начали отстыковку. Аварийный прыжок помбриг рассчитал давным-давно, поскольку искатели готовились ко всем мыслимым и немыслимым передрыгам. Форсированное бегство в ожидаемые передрыги, безусловно, входило.

— Что вы собираетесь делать? — спросил взволнованный советник, помчавшийся за искателями скорее из стадного инстинкта, чем в результате обдуманного решения.

Он по-куриному озибался — рубка «Шустера-эпсилон» была ему, естественно, совершенно внове.

— Мы собираемся сваливать, — грубовато, но зато очень доходчиво пояснил бригадир Плужник. — Поскольку защиты от флота Фалькау мы не дождались...

— Четыре минуты, — пробурчал из своего угла Шулейко. Еще один искатель — Саня Веселов, которого советник Паулиста, понятное дело, раньше не видел — сидел на подхвате. Саня выглядел решительно, но не испуганно. Его испуг остался в немыслимых далях, в иной галактике.

— Кажется, успеваем, — снова подал голос Шулейко. — Три с половиной. Что там с флагманом?

— Берут в воронку, — С готовностью доложил Веселов. — Возмущений в стартовой сфере нет... хвала Дионису.

С какой стати Саня помянул нетрезвое древнегреческое божество, наверное, не смог бы объяснить и он сам.

— Три!

— Погодите, — хрипло запротестовал Паулиста. — А куда, собственно, вы направляетесь? Мне нужно на Фалькау!

Еще один крейсер «Туманности», самый дальний, при попытке атаковать противника наварлся на сеть нелинейности и тихо распался на кварки и беспорядочное фоновое излучение.

— Две минуты!

— Мне нужно на Фалькау! — фальцетом выкрикнул советник. — И стюард мой остался на флагмане!

— Господин советник! — отгрызнулся в его сторону бригадир. — Нам совершенно до задницы, куда вам нынче нужно. На нас уже охотятся — сами видите, какие задействованы при этом силы. Мы сейчас — первый приз в галактической лотерее. Поэтому сядьте... и не отсвечивайте. И, желательно, пристегнитесь, потому что по финишу будут маневры, а значит, будет трясти. И скажите спасибо, что мы не вышвырнули вас с нашего корабля прямо в открытый космос.

— Минута!

Паулиста в отчаянии взвыл и рухнул в указанное кресло, не преминув, впрочем, пристегнуться.

— Полминуты!

— Нелинейность у стартовой сферы! — хрипло сообщил Веселов. — Вот бя! . — Далеко? — ощерился бригадир.

— Не очень.

— Успеет, Вася?

— Кажется... — без особой уверенности предположил Шулейко.

И почти без перехода выдохнул:

— Старт!

«Шустер-эпсилон» разорвал ткань мироздания и провалился в никуда, чтобы в то же мгновение выпасть в финишную сферу, отстоящую от стартовой на много световых лет.

— Второй прыжок, живо! — скомандовал Плужник. Шулейко, ломая ногти, выдрал из драйва астронавигационный диск и сунул на его место новый, заблаговременно выуженный из внутреннего кармана комбеза. Драйв бесшумно сглотнул серебристый кругляш и охотно считал данные.

— Шесть минут, — объявил Шулейко. — Не думаю, что они отследят нас так быстро. Они прыгали еще трижды, хаотично, словно блоха в бреду. Очередной финиш выбросил их прямо в объятия звена боевых истребителей. К счастью, на столь малых кораблях имелось только лучевое оружие — ни тазонарного, ни силового, ни вероятностного. Поэтому рейдер первым залпом повредила не очень сильно. Запас живучести у поисковиков всегда делали будь-буди. Но «Шустер» временно утратил способность прыгать за барьер. Поисковик шальным метеоритом проскочил сквозь строй истребителей, теперь охотники и жертва стремительно удалялись в противоположных направлениях. Но истребители моментально и слаженно стали вписываться в разворот, без сомнения, намереваясь сесть беглецам на хвост.

— Мы где? — мрачно справился Плужник — даже он не знал обчисленного помощником курса.

— Пронг-тридцать.

— Планета! — заорал из кресла советник Паулиета, исхитрившись взглянуть через спинку на экраны.

— Это Пронг-тридцать вторая, — объявил Шулейко, похоже, не теряющий самообладания даже в этот тяжкий момент. — Соответственно, вторая от солнышка.

Называется Табаска. И ведь мы можем уйти в атмосферу — истребители-то пустотного типа!

— Это что значит? — не сразу понял Плужник.

Вася уже манипулировал движителями, обычными прямоточниками.

— А то, что в атмосфере они медленнее нас!

— Боевые корабли — и медленнее? — усомнился советник, несколько успокоенный уверенным тоном штурмана.

— Представьте себе, — довольно подтвердил Шулейко. — Но, к сожалению, только в атмосфер... ре.

Последние слова он произнес запнувшись: на поисковик обрушилась неизбежная при наборе скорости перегрузка — как минимум четырехкратная.

Плужник охнул; Паулиста жалобно закричал; Веселов терпел молча.

— А успеем? В атмосферу нырнуть?

— Вот сейчас и увидим... — с трудом выдавил Шулейко. — Держитесь, сейчас еще прибавлю.

Тяжесть навалилась с новой силой.

Истребители, маневрируя, сильно отстали. Да и ускорение «Шустер» развил завидное — по плавной дуге он рвался к спасительной планете Пронг—тридцать второй, рвался на практически граничной мощи спаренных движителей.

— Ой, мама, — пожаловался бригадир, отчасти на перегрузки, отчасти на то, что приборы честно сообщили о постепенно изменяющемся пространстве несколько в стороне от взятого курса. Это, к счастью, было не оружие — кто-то готовился выломиться из-за барьера.

«Кто-то» оказался громадным блином штурмового планетарного крейсера. Пока поисковику везло: они успели проскочить мимо финишной сферы, а вот преследующие истребители вынуждены были отклоняться, снова маневрировать и в результате отстали еще сильнее.

В общем, они успели — когда «Шустер» начал от трения о воздух быстро разогреваться и терять скорость, между Пронгом—тридцать второй и ее естественным спутником из-за барьера вывалился еще один планетарный крейсер.

— А этот Пронг хоть обитаемый? — угрюмо спросил Паулиста. — Разумеется, я имею в виду планету.

Перегрузки к этому моменту уже закончились.

— Условно. — Шулейко, не отрываясь, контролировал полет. — Рыбаки, шахтеры да охотники какие-то.

— Надеюсь, хоть люди?

— Люди, люди. Не мешайте, советник.

Они сели через сорок минут. Локальных, земных. Хотя, если честно, слово «сели» не вполне отражало реальную картину: поисковик, подняв густое облако пара и брызг, с размаху вонзился в волны очень кстати подвернувшейся реки; дна не достиг — поплавок выскочил на поверхность, затем словно скутер пересек реку и почти сразу выбросился на пологое, густо заросшее мангровыми джунглями мелководье. Настоящий берег виднелся метрах в двухстах дальше.

— Ну, — вздохнул с некоторым облегчением бригадир Плужник, — на какое-то время, считайте, мы спрятались. Теперь следующий вопрос повестки: что, собственно, теперь делать с вами, советник? За каким, спрашивается, хреном вы поперлись с нами на рейдер?

— Ну... — Паулиста выглядел сильно смущенным. Одно дело — давать советы и анализировать события из уютного и безопасного кабинета на Фалькау, и совсем другое — когда по тебе палит вражеская армада, куда более многочисленная и лучше вооруженная, чем собственный флот. — Как-то так получилось... Начался бой, адмирал был занят... Я и последовал за вами.

— Твое счастье, — буркнул, неожиданно переходя на «ты», Вася Шулейко, — что у нас некомплект экипажа. А значит, жратвы хватит и на тебя.

«И правда, — подумал совершенно выбитый из колеи советник. — Какое счастье...»

ШТАБ ФЛОТОВ ГРУППЫ «ДОМИНИОН»

Окрестности Солнечной системы, доминанте Земли

Самым мощным соединением боевых космических кораблей доминанты Земли номинально командовал президент Системы. На самой Земле правительства вообще не было — истощенная и изнуренная многовековым недобрым царствованием вида Homo Sapiens

Sapiens планета частично превратилась в пустыню, частично была просто заброшена, предоставлена самой себе. Человечество давно выплеснулось в космос, на свободные и пока не загаженные цивилизацией территории, благо большая половина галактики легла людям под ноги и свободного места в ней хватало с избытком. Много лет назад терраформированная Венера теперь сновала по новой орбите, дальше от Солнца. Примерно треть населения Солнечной системы (на самом деле чуть больше) постоянно проживала на Венере. Еще треть — на множестве околоземных и околовенерианских орбитальных поселений и станций вроде патриарха земной космонавтики «Гелиотропа». Остальные граждане были более или менее равномерно рассеяны по всей Системе, от Меркурия до Плутона, от дрейфобазы «Корона» до исследовательского мегакомплекса «Эклиптика-2».

Колыбель человечества располагала тремя планетарными крейсерами, в свое время захваченными у союзных войск;

без малого четырем сотнями различных средних кораблей — корветами, полукорветами, лидерами, рейдерами, тендерами, дредноутами и полудредноутами, канонерками, брандерами, клиперами и скоростными клиперами, мониторами, крейсерами, ульями, миноносцами, линкорами, тральщиками, заградителями и даже парочкой брандвахт и гауптвахт (к слову сказать — действующих) и целой тучей малых и сверхмалых — от истребителей-одиночек до восьмиместных катеров-штурмовиков, неспособных на дальние автономные рейды, но весьма страшных количеством при поддержке корабля-улья. Люди вообще больше других рас любили и использовали малые корабли — видимо, из неистребимого индивидуализма и стремления почти каждого из землян покомандовать хоть кем-нибудь и, желательно, свести к минимуму число тех, кто командует тобой.

Когда утихли последние масштабные стычки давней войны и самой серьезной силой, противостоящей военным, стали пираты с контрабандистами, к Солнечной системе сошлись пять частично потрепанных флотов и договорились не делить пирог на ломти, а объединиться в цельную группу. Как ни странно, единого командования группой так и не сложилось. Адмиралы предпочли безраздельно повелевать каждый своей епархией, а глобальные решения вырабатывать коллегиально. К счастью, ни единого стратегически важного глобального решения не требовалось принимать уже больше эра локальных лет.

Но все когда-нибудь приходится делать впервые. К этому времени четырем флотами руководили уже совершенно другие люди, и лишь флотом «Африка» — по-прежнему Чиль Онте, нестигаемый сухонький адмирал, принявший командование еще тридцатидвухлетним боевым полковником. Хорошая половина органов у него была заменена на искусственные — возраст есть возраст. Но Чиль светило активно работать еще лет Как минимум тридцать — сорок: Огромный опыт, острый и цепкий ум плюс давние и весьма разветвленные связи в самых верхах коридоров власти автоматически делали его неписаным главой адмиральского совета. Чиль даже не приходилось отдавать приказы — он лишь выражал мнение, с которым не соглашаться было верхом глупости.

Флоты «Африка», «Америка» и «Антарктида» большею частью дислоцировались ближе к Солнцу, не дальше Марса и пояса астероидов. «Австралия» контролировала периферию — от Юпитера и до границ Системы. «Евразия», самый многочисленный и лучше всех оснащенный, болтался далеко за пределами как Системы, так и плоскости эклиптики, нередко подолгу оставаясь у ближайших звезд — тройцы из Центавра, звезд Барнарда, Вольфа-369, Лаланда 21185 и обоих Сириусов.

Нежданного гостя первым засек дальний пост наблюдения недалеко от звезды Росса-128. В лоцируемом секторе вспухла финишная сфера в режиме форсажа — гость явно спешил. Судя по размерам, финишировал корабль не более стандартного полукорвета или поискового рейдера, не важно, гражданского или военного. Обработанные данные пост тут же передал на патрульный разведывательный монитор «Ракша».

— Ишь ты, — пробормотал вахтенный офицер монитора по имени Дариуш Марямуца, оценивая темп нарастания возмущений. — Во несутся!

Второй вахтенный, унтер Раджабов, промолчал, неодобрительно глядя на экраны. Очень не любил унтер Раджабов, когда спокойное течение вахты чем-нибудь нарушалось.

— Высота, я Кернел, у нас тут гости! — доложил Марямуца начальству.

Капитан Белькевич отозвался довольно быстро — на борту разведмонитора «Ракша» недавно закончился обед, и никто не успел разойтись из кают-компаний.

— Что там у вас, Кернел? — довольно спокойно справился капитан: дежурство у сонной и старой красной звезды Росса-128, которой люди до сих пор не удосужились

придумать собственное название (и это невзирая на ничтожное расстояние в неполных одиннадцать световых лет от Солнца!), редко сулило неожиданности.

— Финишная сфера в ста сорока трех мегаметрах!

— Одиночная?

— Пока — да...

— Большая?

— Под полукорвет или рейдер.

— Тыфу ты, — ругнулся капитан, — А по сетке у нас ничего не предвидится?

— Ничего. Даже транзитов нету. Капитан размышлял около трех секунд.

— Давай повышенную, Кернел... — наконец решил он.

— Есть, кэп!

Маримуца ввел на борту состояние повышенной наблюдательной готовности; подвахтенные канониры, следящая и готовый заступить на дежурство после Маримуцы унтер дружно заворчали, но тем не менее исправно заняли предписанные боевым расписанием места.

Гость тем временем благополучно финишировал; приборы более не зафиксировали финишных сфер.

Маримуца взглянул на резюме следящей, тихонько присвистнул и снова доложил капитану:

— Высота, я Кернел! Гость финишировал!

— И кто? — спросил капитан. — Пират? Или контра?

— Ни в жизнь не угадаете! Парламентерский бот азанни!

— Елки-палки! — Белькевич аж подскочил в кресле и моментально вызвал по мгновенке оперативного дежурного по флагману «Евразии».

— Константа, здесь Высота!

Флагман отозвался почти сразу: в видеостолбе возник фрагмент пульта куда более солидного, чем в рубке «Ракши». За пультом восседал офицер в чине майора с двумя нашивками над левым карманом — значит, участвовал в боевых операциях.

— Я Константа, что там у вас? И где вы?

— Росе-сто двадцать восемь. У нас одиночный парламентерский бот азанни.

— Вах! — поразились на Константе. — А официальные сообщения разве проходили с начала дежурства?

— В том-то и дело, что нет!

— Ждите...

Капитан монитора приготовился ждать, да не тут-то было.

Вновь вызвали по внутренней связи из головной рубки:

— Кэп, депеша от парламентаря!

— Открытым?

— Так точно!

— Давай!

Бесшумно включилась запись; изображение в видеостолбе подернулось рябью и вновь стабилизировалось. Капитан увидел взъерошенного азанни на нелепом, с точки зрения человека; креслонасесте. На груди у разумной птички-галакта висела пластина транслятора-переводчика.

Капитан «Ракши» прекрасно знал, что высшие расы галактов по-прежнему не слишком жалуют людей и корректным переводом на земные языки способны озаботиться лишь в случае, если что-нибудь крайне нужно им самим.

Речь азанни переводилась на англик — третий по распространенности человеческий язык после интера и русси.

— Вызывает представитель пирамиды Азанни-Цитарис! Прошу официального покровительства и защиты у вооруженных сил Солнечной системы! Спешу доставить срочную и важную информацию руководству доминанты Земли!

— Азанни-Цитарис, сближайтесь! — немедленно отозвался капитан «Ракши»; он решил уплотнить время. Пока птичий корабль будет сближаться и маневрировать, как раз придет ответ с флагмана. В ответе капитан не сомневался: парламентарям не отказывают в приеме, это древний закон всего космоса.

— Высота, что там? — как раз вернулся на связь флагман.

— Официальное заявление представителя пирамиды Азанни-Цитарис! Включаю трансляцию!

Сообщение мигом перебралось за одиннадцать световых лет, на флагманский линкор флота «Евразия». Скорее всего его лично прослушает адмирал Тим Хемерсбрандт, а не только дежурный по флагману.

Капитан застыл, ожидая начальственного резюме. Ждать пришлось совсем недолго, и Белькевич ничуть не обманулся в своих ожиданиях относительно мнения начальства.

— «Ракша»! — Голос адмирала не узнать было невозможно. Видимо, новости подоспели и впрямь важные да спешные — адмирал даже не озаботился диалогом через позывные, открыто запросил название монитора, и все.

— Капитан Белькевич, монитор «Ракша», сэр! Официальным языком военных Солнечной системы до сих пор оставался англик.

— Обеспечить эскорт представителю пирамиды Азанни-Цитарис к флагману! На корабле представителя оставить вахту! Наблюдение свернуть, передав ваши сектора на стационар у Росса—сто двадцать восемь! Выполняйте!

— Есть, сэр!

— Приоритет — ноль, — предупредил адмирал, нахмурился и пронзительно взглянул Белькевичу прямо в глаза. — В случае атаки — самоуничтожиться.

У капитана «Ракши» неприятно похолодело внутри. Такого высокого приоритета приказам в мирное время не присваивают.

Обычно.

Переборов предательский холодок, Белькевич набрал в грудь безвкусного кондиционированного бортового воздуха.

— Маримуца! Раджабов! Сдать вахту подвахтенным! — Внутренние приказы посыпались сами собой. — Следящая! Обеспечить стыковку, шлюзование и биосферную совместимость с гостями! Парламентеров принять на борт и разместить! Дежурный по резерву?

— Здесь, унтер Омаши, сэр!

— Четырех десантников в автономно-боевой к шлюзам! Маримуца, Раджабов — экипируетесь так же! Тыл?

— Слушаю, — спокойно включился зам по тылу.

— Пятинедельные комплекты жизнеобеспечения на шестерых! Маримуца, как экипируетесь — грузитесь в корабль парламентеров. Но не раньше того, как они перейдут к нам на борт, разумеется. Затем отстыковываетесь, ждете, а потом уходите к пункту, указанному в приказ-пакете. Приказ-пакет вам вручат перед шлюзованием, вскрыть после ухода «Ракши» за барьер!

— Есть, — козырнул несколько растерянный, но держащийся молодцом Маримуца. На борту разведывательного монитора воцарилась организованная и осмысленная суматоха. Приоритет ноль, магические слова — никто из экипажа никогда их в реальных условиях не слышал. И не думал, что доведется услышать, хотя, как любой военный, подспудно был готов к этим словам каждую минуту. И пусть на флоте всегда с избытком хватало бардака, дело тем не менее делалось, делалось быстро и достаточно толково.

Семерых азанни приняли на борт монитора и препроводили в наспех оборудованные кают-компании. Капитан Белькевич лично встретил их в твиндеке, с почетным эскортом из десантников в парадной форме и при оружии. Маримуца, Раджабов и десантники в автоном-комплектах перешли на борт азанни. Борт отстыковался и переместился на безопасное расстояние. «Ракша» как могла быстро погасила дрейф, просчитала прыжок в расположение родного флота и немедленно растворилась в космических далях.

Шестерка Дариуша Маримуцы осталась один на один с космосом; только на крошечной станции «Бехолдер-452» осталось четверо наблюдателей, но у тех продолжалась обычная полугодовая вахта, а что ждало маленький отряд Маримуцы — не знал пока ни один из шестерых.

В запасниках флагмана «Евразии» нашлись даже настоящие креслонасесты, правда, всего четыре, а парламентеров было семеро. Впрочем, быстро выяснилось, что четверо из азанни — элитные телохранители, а парламентарии — лишь трое. Эта троица и заняла места гостевой стороны. Телохранители остались стоять на шаг позади креслонасестов. Низенькие, едва по пояс людям, галакты держались серьезно и с достоинством, но в глазах их читалась такая тоска и отчаяние, что адмирал Хемерсбрандт, не раз имевший дело с иными расами, сразу понял: 'случилась большая беда. Глава азанни, видимо — пик пирамиды Цитарис — имел право немедленно потребовать директной аудиенции у президента Солнечной системы, а адмирал имел право обратиться как к Президенту, так и к президентскому совету. Кроме того, Хемерсбрандт дал знать адмиралам всех флотов Системы.

В зале совещаний расположилось командование «Евразии» и азанни, широким полукольцом. Перед ними один за другим вспыхивали видеостолбы с изображениями вызванных официальных лиц — адмиралов флотов, советников, главы Венерианской автономии. Ожидали, пока подключится президент Системы.

Едва главный политик доминанты Земли вышел на связь, двое из парламентеров-азанни внезапно вспорхнули с креслонасестов и неожиданно поменялись местами.

Тот, кого Хемерсбрандт считал третьим по важности среди галактов, переместился на насест лидера.

— Приветствую досточтимого пика пирамид Азанни Аунина-Тьерца на территории доминанты Земли, — поздоровался президент; командующий «Евразией» тотчас понял, что даже занизил ранг гостей.

Пожаловал вообще верховный руководитель расы азанни, чей титул приблизительно переводился как «Парящий-над-Пирамидами». Пирамида в иерархии птичек считалась наиболее крупным социальным образованием; всего раса насчитывала более трехсот пирамид.

Пик пирамид тем временем прошебетал ответное приветствие, необычайно короткое и сдержанное, а затем добавил, что время не терпит и пора излагать то, зачем они так внезапно пожаловали к землянам. И, получив согласие, начал:

— Досточтимые соседи! Со времени когда ваша раса вступила в союз на правах взрослой и самостоятельной, между нами ни разу не возникали серьезные, конфликты. Именно поэтому мы обратились к вам. Произошло то, что казалось невозможным. Материнская планета расы Азанни атакована бывшими сателлитами, расой шаттсур. Флот Азанни уничтожен. Планета захвачена. Большинство пиков пирамид метрополии пленены. Наш род обезглавлен.

Слушатели потрясение застыли. А пик Ауни продолжал свой чудовищный, невероятный рассказ:

— Одновременно атакованы еще девятнадцать крупнейших поселений азанни по всей галактике. На семнадцати из них ситуация в данный момент ничуть не лучше, чем в метрополии. Две колонии продолжают сражаться в условиях жесточайшей блокады. Мне, пику Цитарис-па-Тьерцу и советнику Цитарис-то-Шьюсу удалось спастись ценой невероятных усилий и некоторого везения. Противник ожидал нашего бегства — увы, эвакуацией наш полет не назовешь. Естественнее всего было предположить, что мы направимся к ближайшим союзникам, нашим давним друзьям цоофт. Мы выслали к трем крупным поселениям цоофт три корабля-обманки. Кроме того, по одному ложному кораблю ушли на Галерею Свайге, к а'йешам, булингам и ратэо. А сами мы направились к вам, уповая на удачу. Шесть из семи ложных кораблей были даичтожены шат-тсурами, цели достиг лишь корабль, направляющийся к булингам. К счастью, нам тоже удалось оторваться от погони.

Союз давно не знал серьезных войн, доминанты всех без исключения высших рас давно уже не имеют единых флотов, это прекрасно всем известно. Но формально союз еще существует, никто его не распускал и не отменял. От имени пирамид Азанни и всего нашего народа прошу помощи у доминанты Земли. Пришло время вновь отстроить прочный союз; каждой старшей расе возродить единые вооруженные силы и наказать агрессора. И дело даже не в том, что свобода и само существование народа азанни поставлены под угрозу. Складывается ситуация, когда у шат-тсуров возникает реальный шанс поработить всю галактику.

Развивая это утверждение. Как выяснилось, пока остальные расы дробили силы и занимались в основном отслеживанием и уничтожением космических разбойников и нарушителей таможенных уложений, раса шаттсуров упорно готовилась к войне. Нарщивала флот и десантные подразделения, создавала запасы оружия.

Количественный состав их флота превышает всякие воображаемые пределы: на атаку двадцати наших миров — а это более сорока планет и орбитальных поселений — задействовано всего около пятнадцати процентов боевых кораблей, имеющих в распоряжении шаттсуров. За короткое время полета советнику Шьюсу удалось посредством обращения в архивы крупнейших корпораций найти многочисленные следы сделок шаттсуров с производителями звездолетов, икс-приводов и высокотехнологичного оружия. Они приобретали сложное оборудование и достраивали корабли сами, а также нанимали специалистов других рас. Терпеливо и упорно они готовились к войне, готовились перед клквом у всей галактики, и, ко всеобщему ужасу, никто ничего не заподозрил, а если и заподозрил — не обратил на это внимания. А потом настал момент, удобный для приведения военной машины шаттсуров в действие.

Я заранее прошу прощения у досточтимого главы доминанты Земли Вернера Винцля за слова, которые сейчас произнесу, но так или иначе азанни располагали секретной информацией, по праву принадлежащей людям. Я имею в виду находку одного из поисковых рейдеров людей и их... необычное путешествие. Имею ли я право открыто говорить сейчас об этом?

Среди окружения президента и высших чиновников доминанты Земли возникло короткое замешательство. Адмирал Тим Хемерсбрандт знал, о чем идет речь; подозревал, что и остальные главы флотов знают. Об информированности гражданских адмиралу было

известно меньше, но и политики на верняка должны быть осведомлены о необычной находке.

Наконец руководство землян сочло круг совещавшихся достойным посвящения в тонкости недавних событий, а тех-, ническую реализацию связи между совещающимися доста точно защищенной от прослушивания.

— Вы можете продолжать свой рассказ, уважаемый пик Ауни, не прибегая к иносказаниям. По нашему мнению, события того требуют, — позволил президент Солнечной системы.

— Благодарю, — прошепел глава азанни. — Итак: рейдер Поисковой Базы Земли наткнулся в до сих пор не исследовавшемся районе космоса на некий древний артефакт, несколько столетий назад уничтоживший боевой крейсер а'йшей. Теоретически нашей расе известно о существовании подобных артефактов довольно давно, неизвестно было лишь их местонахождение. Поэтому их искали — увь, безуспешно. В сущности, это генератор межпространственного тоннеля, по которому можно мгновенно — повторяю: мгновенно, совершенно без затрат времени — переместиться на любое расстояние. Расстояние зависит только от взаимного расположения двух половинок генератора. Их можно поместить в десятке ун друг от друга, а можно в диаметрально противоположных точках наблюдаемой вселенной — результат их взаимодействия будет одинаков. По имеющимся у нас данным, в нашей галактике расположена лишь одна половинка генератора; вторая находится в одной из иных галактик, о которой известно лишь то, что она похожа на нашу. То есть по строению относится к типу спиральных и размерами не слишком отличается от нашей. Где именно она находится и как далеко — достоверно никому не известно. Но зато известно, что там, по ту сторону тоннеля, в той самой неизвестной и далекой галактике ско центрирован огромный запас генераторов, обеих половине.. К несчастью, данной информацией располагают и шаттсуры. Собственно, они ее и добыли, будучи еще нашими сателлитами; случись это позже — шаттсуры никому не открыли бы тайны.

Теперь вкратце сформулирую, чем все сказанное чревато для союза — осмелюсь вновь ввести в обиход термин «союз» как описывающий противников агрессии шаттсуров, к которым, без сомнения, принадлежат все присутствующие.

Если максимально объединить разрозненные силы наиболее развитых рас, которые, по нашим данным, примкнут к противникам шат-тсуров, то объединенный оборонительный флот в состоянии справиться с объединенным флотом агрессора. Но беда в том, что мы не знаем, куда именно шат-тсуры ударят в следующий раз. Поэтому будем вынуждены, прикрывая многочисленные поселения, дробить силы. А шат-тсуры, наоборот, применяют тактику массированного удара. По отдельности они расправятся с разрозненными флотами и флотилиями защитников без особых проблем. Таким образом, мы оказываемся перед дилеммой: или прикрывать свои планеты и неизбежно потерпеть в итоге поражение, или объединять силы и отслеживать перемещения основных сил агрессора. Предположим, что разведке удастся установить направление очередного удара шат-тсуров. Но галактика велика, все прекрасно представляют, какое время необходимо армаде боевых кораблей, чтобы пересечь ее даже в режиме самых дальних пульсаций из конца в конец. В единицах, принятых у людей, это составляет от двух локальных недель до месяца. Объединенные силы союза могут оказаться слишком далеко и попросту не успеть к атаке противника. Легко представить положение дел на атакованных мирах спустя месяц или даже две недели после вторжения шат-тсуров. Мобильность, неслыханная мобильность — единственное, что поможет эффективно прикрыть все дружественные населенные миры. Если союз сумеет отыскать генераторы нуль-тоннелей, должным образом разместить их по. всей галактике и как следует защитить — а на это у нас хватит сил и должно хватить времени, — мы лишаемся главной слабости. Куда бы ни ударили шат-тсуры, мы их своевременно обнаружим и без затрат времени переместим объединенный флот в нужную область пространства.

В свою очередь это прекрасно сознают и шат-тсуры. Развязанная ими война, в сущности, сводится к тому, кто первым обнаружит генераторы. Шат-тсуры и напали первыми с целью выиграть время и обрести лидерство в гонке за мобильностью. Именно поэтому мы не можем терять время. Новая война, война за мобильность, пришла в галактику. Наша цель — победить, в ней,, иначе наши расы большею частью будут уничтожены, а меньшек —угодят в рабство к шат-тсу-рам и их союзникам. Парящий-над-Пирамидами умолк. Его проникновенная речь, безусловно, в иных условиях заслужила бы аплодисменты, но в данной ситуации они были совершенно неуместными.

Азанни явно ожидали вопросов, и ответных выступлений от людей.

— Полагаю, у шат-тсуров будет только один союзник, — подал голос командующий «Африкой», старый лис Чияь Онте. — Это перевертыши-оаонс. Так?

— С большой долей вероятности — да, — подтвердил пик пирамид азанни. — Но есть несколько молодых, реакцию которых предсказать довольно трудно.

— Досточтимый пик, — взял слово президент 'ернер Винцль. — Все мы потрясены агрессией ваших бывших сателлитов и скорбим по погибшим. Безусловно, руководств Солнечной системы потребуется какое-то время, дабы обменяться мнениями и информацией с крупнейшими колониями людей, а также с представителями иных рас, особенно высших, и выработать, единое мнение и план действий. Но я заранее выражаю даже не надежду, а уверенность, что, любой азании, на любого человека сможет рассчитывать как на союзника и партнера. Я согласен: .пришло время возродить союз. Полагаю, согласится с этим и руководство доминанты Земли. Общество в процессе развития склонно переживать периоды дробления и периоды объединения. Мне кажется очевидным факт: период дробления завершился. Настало время объединяться.

«Давно пора, — подумал адмирал Хемерсбрандт. — А то ведь вынесут нас „поющие скелетики“., как пить дать вынесут поодиночке».

Тим Хемерсбрандт был одним из немногих, кто давно пришел к выводу, что шат-тсуры готовятся к войне. И неоднократно делился своими соображениями с адмиральским советом и политиками доминанты. Он не ожидал лишь настолько скорого начала войны. Полагал, что в запасе разобренного галактического социума есть еще лет сорок — пятьдесят.

Адмирал Хемерсбрандт ошибся. Но, с другой стороны, никто не мог предсказать, что искатели наткнутся на единственный в галактике межпространственный тоннель именно сейчас. И не что иное, как эта находка, заставило шат-тсуров развязать войну раньше срока.

По древнему, как войны в космосе, закону приказы и пред-писания командования всегда представляли собой отпечатанные на специальном сверхстойком пластике тексты. Никакой иной носитель не применялся: устройство для считывания с магнитной, оптической, кристалломорфной, изотопной или любой иной записи могло быть утрачено в ходе боевых действий. А отпечатанным на пластике текст всегда возможно прочесть без всякой хитроумной техники — если только ты жив.

Лейтенант Маримуца дождался, пока потревоженное пространство в стартовой сфере «Ракши» придет в норму, и решительно потянулся к гравипланшету.

— Вскрываю, — объявил он, самую малость — совсем чуть-чуть — нервничая.

В VIP-салоне парламентарского бота хватило места для всех шестерых человек, даже с учетом того, что птички-азанни по размерам уступали людям. Но Маримуца знал, что азанни всегда тяготели к просторным помещениям, будь то планетарная постройка или каюта космического корабля. Старая и энергетически богатая раса — они могли себе позволить таскать по космосу целые спортзалы в качестве жилья для птахи размером с индюка.

Десантники, которых Маримуца и Раджабов даже не знали в лицо, с самого начала хронически молчали. Любопытно, что все они оказались братьями-близнецами, одинаковыми с виду, словно фасолины в супе. Широкоплечими, рослыми, блондинистыми и голубоглазыми. Фамилия (общая для всех, разумеется) на нашивке ничего особенного не сказала — Swandred, а от имен имелись лишь инициалы — «А.», «СL», «Ст.» и «J.».

Маримуца вскрыл пакет и вынул девственно-чистый лист пластика. Привычно плюнул на подушечку большого пальца левой руки, потер палец о штаны и приложил к папиллятору.

Спустя несколько секунд под внешним, прозрачным слоем пластика проступил сухой и казенный текст:

«Настоящим приказываю получателю сего:

Достичь на вверенном к сопровождению парламентарском боте звездной системы Пронг-тридцать (PRONG-30; стандартные координаты по гражданскому каталогу), финишировать вблизи планеты Пронг-тридцать третьей (PRONG-33; Ухта по гражданскому каталогу), осуществить посадку, о чем немедленно доложить по мгновенной связи (управляющие коды и адрес обращения для модуля парламентарского бота прилагаются). В дальнейшем — по распоряжениям.

Командующий флотом «Евразия» адмирал Тим Хемерсбрандт. Начальник штаба вице-адмирал Патрик Рудовски».

Датирован приказ не был. Управляющие коды и адрес содержались в дополнении у нижней кромки страницы, в «подвале».

— И куда путь держим? — живо поинтересовался унтер Раджабов.

— Пронг—тридцать, третья планета. Ухта называется. Интересно, где это?

— А есть разница? — усомнился Раджабов.

— Есть. — Маримуца спрятал лист пластика назад, в планшет. — Комплекты жизнеобеспечения у нас пятидневные. Как окажется, что это где-нибудь вне диска, в периферийном шаровом скоплении по ту сторону Ядра... Хрен дотянем.

— На боте наверняка и жратва найдется, и синтезатор дыхательной смеси, — вздохнул унтер. — Хотя ты прав. Заслали нас, черт бы их побрал...

— Разговорчики! — буркнул Маримуца, подпустив в голос начальственных ноток. — Приказ есть приказ, не нам обсуждать. Тем более... чует мое сердце, не зазря к нам птички пожаловали. Зреет какая-то капитальная буча. Не чета стычкам с пиратами, куда глобальнее.

— С чего ты взял? — Раджабов слегка удивился.

— Потом расскажу. Пошли в рубку.

Маримуца встал, едва не подпрыгнув при этом. Бот, естественно, остался настроенным на условия метрополии Азанни, где тяготение было примерно на треть слабее земного, зато атмосфера плотнее. Первое расстраивало не слишком — космонавты привычны к перепадам гравитации. А вот второе досаждало — казалось, что на виски давит, тупо и упрямо, как при мигрени. Обычно в условиях измененного Давления по уставу предписывалось надевать защитный комплект, и вся недолга: кому нужен часовой или наблюдатель с Раскалывающейся от боли головой или кислородным голоданием? Но в данном случае лейтенант Маримуца справедливо рассудил, что опустошить комплекты жизнеобеспечения они всегда успеют. А поскольку воздух азанни вполне годился для дыхания... В общем, комплекты все шестеро отключили, хотя и не сняли.

— Эй, десантура! Мы пока пилотированием займемся, а вы пошарьте тем временем на камбузе: мы с унтером перед этой командировочкой шесть часов на дежурстве отбарабанили. Жрать охота, нет спасу. И вот еще что... Не знаю, как там у вас в десанте заведено... Короче, панибратствовать я с вами не намерен, но и выделяться не собираюсь. Козырять, к примеру, каждый раз не обязательно. По-людски: я офицер, он унтер, вы солдаты. У каждого своя работа. Есть вопросы?

— Никак нет, сэр! — хором отчеканили близнецы. Маримуца болезненно поморщился: — «Сэр» тоже не обязателен. Я же не штабист с во-от таким пузом. Да, а как вас величать-то? Фамилия-то одинаковая. Представьтесь-ка.

Близнецы явно уловили настрой нового командира. Полностью представился только первый:

— Рядовой Суондред Джерард!

— Клемент!

— Арнольд!

— Конрад!

— Ага. Джерард, Клемент, Арнольд и Конрад. Замечательно. Я — лейтенант Маримуца. Просто «лейтенант» меня вполне устроит. Это унтер Раджабов. Как его величать — спросите у него самого, но только не Рафик, сразу предупреждаю.

— Да унтером, чего тут думать. — Раджабов пожал плечами.

— Боевые вылеты есть, Суондреды? — поинтересовался Маримуца напоследок.

— Есть. Десятка три.

«Ух ты! — подумал лейтенант. — Даже не считают! Тертые хлопцы!»

— Отлично! Ладно, дуйте на камбуз. Как будет готово — свистнете.

Маримуца и Раджабов ушли в рубку, обсчитывать курс к Пронгу—тридцать, а десантники для начала принялись выяснять — где на парламентарском боте расположен камбуз.

Пронг оказался не таким уж далеким, хотя не скажешь, что и особенно близким. Чуть ближе к центру галактики, чем Солнечная система, но в соседнем спиральном рукаве. И почти на самой осевой плоскости галактического диска. Спектральный класс — F (лучше бы, конечно, родимый G, но и этот вполне). Вторая и третья планеты — с кислородными атмосферами, остальные — мертвые миры. Интересующая третья, Ухта — холодная, кругом снег и льды, но в океанах полно жизни, от планктона до китов. В общем, при известной сноровке человек способен выжить там и, без припасов — при условии, что найдется теплое местечко для жизни. Дышать можно, океаны — обитаемы, бот с внушительным энергетическим запасом (на пару локальных лет точно хватит, если тратить только на освещение и обогрев) — что еще надо?

Не то чтобы Маримуца подозревал, будто командование их бросит или позабудет. Просто в пространстве редко обходится без сюрпризов. Поэтому лейтенант привычно

искал возможность обеспечить себя и подчиненных сносными для выживания условиями.

— Ну что, Рафик? Не так все паршиво, как могло оказаться! Мирок стильный, но жилой. Да еще наша доминанта. Правда, людей там почитай что и нету. Зато на соседней шахтеры есть, научники, рыбаки и туристы. Считай пунктир, коллега штурман!

— Угу, — охотно отозвался Раджабов, втаскивая в видеокуб данные с пилотского терминала. Астрогатор принялся просчитывать оптимальный курс. Трудился он около четверти часа.

— Так-так... Угу. Тридцать две пульсации, десять суток. Живем, братва! Маримуца запустил предстартовые тесты и на всякий случай предупредил близнецов:

— Эй, десантура! Десятиминутная готовность! Уходим в пульсацию!

— Принято, лейтенант, — немедленно ответил кто-то из Суондредов. — Обед будет готов через пятнадцать — двадцать минут. Подать в рубку?

— Не нужно, лучше в птичьем спортзале порубаем, там хоть места до фига. Съестного в закромах много? Или экономить придется?

— Много, лейтенант. Включая деликатесы. Облизывайте заранее пальчики.

— У-У-у!!! — голодно взвыл Маримуца. — Слыхал, Рафик?

— Слыхал, — подтвердил Раджабов и плотоядно пошевелил усами.

— Десантура, всем благодарность!

— Служим Земле! — не очень всерьез отозвались близнецы хором.

По-видимому, они были славными ребятами, без закидонов и придури. Золото, а не подчиненные. Лейтенант Маримуца обожал работать с такими.

— А знаешь, — сказал он унтеру проникновенно, — я даже немного рад этому заданию. Застоялись мы что-то. Дежурства, дежурства, дежурства, да увольнения изредка. Надоело. Развеяться пора.

— Это точно, — мрачно изрек Раджабов. — Только не развеяться бы в -буквальном смысле. На молекулы. Маримуца беззаботно хохотнул:

— Молекулярные деструкторы сняты с вооружения еще в позапрошлом веке. Старье-с, коллега унтер! Если развеемся — то лишь в излучение...

Раджабов не ответил, только протяжно вздохнул. Бот ушел в первую пульсацию по пунктиру к Пронгу-30 спустя одиннадцать с небольшим локальных минут.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шот-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Во время перемен и суровых испытаний судьба всегда посылала шат-тсурам лидера. Настоящего. Того, кого именуют не иначе как Унве.

Что означает — «желанный диктатор». Кто поспорит, что время перемен не настало? Каждый шат ждал этого момента; а сколько этого момента не дождалось? Сколько канули в вечность, всю жизнь приближая его, но в итоге так и не увидев?

Впрочем, сильные умеют ждать. Шат-тсуры ждали больше тысячи лет; Сначала — в фактическом рабстве у ненавистной птичьей расы азанни, потом — формально в равенстве с нею и остальными высшими расами, а фактически — под навязчивой и неусыпной опекой. Молодая раса хомо, куда моложе шат-тсуров, втерлась в высшие расы силой, потому с нею галактика считалась, даже заносчивая четверка старых и равнодушный, ныне исчезнувший в неизвестности Рой. Шат-тсурам формальное равенство было брошено как кость цепному сугарозу. Как подачка. Может быть, вчерашние сателлиты, а ныне вторая волна высших рас — булинги, ратэо, сенaxe, ддра, ибдуат — и готовы после этого пресмыкаться перед старыми. Но только не шат-тсуры и не их верные союзники, перевертыши-оаонс.

Настало время — и судьба ниспослала шат-тсурам нового Унве. Нового вождя, способного сплотить расу, вложить каждому шат-тсуру в руки оружие и скомандовать: «Убей! Убей чужого, поправшего твою свободу!»

Час расплаты настал.

Шатта-Унве, орбитальная резиденция вождя, вращалась по орбите материнской Тсурры в противофазе, прячась от планеты за солнцем. Отчасти это было сделано из желания сохранить привычными вид светила над прозрачным куполом и рисунок созвездий. Отчасти — из необходимости заслоняться от Тсурры, от сканирования штабных передач мгновенной связи. Переносить резиденцию в безопасное место, куда-нибудь в межзвездную пустоту, вождь не захотел. Народ должен видеть, что

вождь не боится вероятного возмездия со стороны атакованных галактов, что он верит в мощь боевого флота шат-тсуров. Иначе – какая война? Только не победная.

Увы, атаку на миры азанни, а также некоторые другие стратегические планеты и станции враждебных галактов пришлось начать раньше, чем задумывали. Планы спутали неугомонные искатели – кстати, снова хомо, всегдашние возмутители спокойствия. Плодящиеся как их земляки-насекомые тараканы. И те, и другие заполонили галактику, каждый обитаемый мир! Безмозглые паразиты любой планеты неизбежно пасовали перед тараканами, а разумные вынуждены были тесниться в ущерб себе и во благо людей. Но, с другой стороны, то, что галакты, включая и шат-тсуров, искали без малого тысячу лет, наконец найдено. Расчищена первая ступенька бесконечной лестницы к величию и владычеству. Первый шаг к иным галактикам. Транспортёр предтеч, одряхлевших и вымерших задолго до появления Ушедших – тех, кого живущие ныне считают своими предтечами.

Поисковый рейдер почти уже был в руках ударной группировки шат-тсуров, но пройдохам хомо в очередной раз удалось улизнуть. К счастью, недалеко и в места достаточно далекие от основных их колоний, а значит – плохо охраняемые или неохраняемые вовсе.

В систему бледно-желтой звезды, именуемой шат-тсурами Замххад, а в универсальном интеркаталоге носящей название PRONG-30. Галактическое захолустье, но, впрочем, не совсем уж высылки. Злосчастный рейдер, чей хаотичный пунктир был удачно расшифрован и спрогнозирован, словно заправский боевой штурмовик ускользнул из-под огня истребителей и, успев шмыгнуть в атмосферу второй от Замххад планеты. Ясное дело, Шатта-Унве велел занять систему, а болванам пилотам истребителей основательно натереть передужье. То, что это пространство доминанты Земли никого не волновало, хотя до сих пор (если не считать разгромленного эскорта с Фалькау) шаты на человеческие поселения не посягали.

Хомо ничем не лучше других галактов. Им тоже придется склонить головы перед шатами и занять подобающее место – где-нибудь у подножия могучей звездной империи. Ведь Шатта-Унве и его многочисленный флот куда сильнее разжиревших и обленившихся высших галактов. А вторая волна и новоразумные – не соперники, слабы они еще противостоять лавине, организованной шат-тсурами.

В систему Замххад Шатта-Унве отправил отборные силы. Ударный флот «Багута», включая планетарные крейсеры и личную гвардию пустотников, «Сизые скелеты». Лучших солдат в галактике. Тех, кому нипочем ни космос, ни невесомость, ни чужие враждебные миры. Кто готов умереть во имя вождя, но выполнить приказ. В свое время «Сизые скелеты» смяли даже карательную экспедицию азанни на Фландере, хотя вооружены были не в пример хуже.

Шатта-Унве не сомневался в успехе. Невзирая на то, что противостояли ему в данный момент непредсказуемые и неимоверно изворотливые хомо.

– Деша с «Клыка сугароза», Шатта.

– Давай, – велел вождь.

Адъютант коснулся браслет-терминала и включил трансляцию. Перед вождем ступил видеостолб, в видеостолбе – изображение капитана «Клыка сугароза».

– Склоняюсь, Шатта! – Капитан и правда поклонился. Вождь лишь кивнул головой: докладывай, мол!

– По-видимому, бот, отправленный к булингам, также был пустышкой, Шатта. Его подобрали пограничники булингов и без всякого эскорта буксируют к лунной рембазе. Нам удалось просканировать бот – опять ничего живого на борту нет. Он тоже шел на автопилоте.

– Так я и думал... – пробормотал кандидат в императоры галактики и распорядился:

– Наблюдение не снимать. Следить за реакцией булингов и особенно – за правительственной связью с соседними поселениями. Если удастся – декодировать.

– Повинуюсь, Шатта.

Видеостолб погас. Адъютант застыл в ожидании распоряжений. Возникшая пауза затягивалась, но адъютант давно привык к приступам задумчивости вождя.

– Что с последним ботом? – наконец поинтересовался Унве.

– Никаких новостей, Шатта. В прогнозируемой сфере он не появился. На Тало-Цо – почти без активности. Похоже, цоофт еще не знают об атаке на доминанту Азанни. На Цо, кстати, тоже не знают. Это странно, Шатта, информация уже –должна пройти.

– Перехваты были?

– Были, Шатта. Ничего необычного, политические сплетни да заурядная текучка. Ну и экономический трансфер, разумеется. Две шифровки, обе пустые.

– А на военных базах?

— Даже не Введено особое положение. Полуцикл назад осуществлена очередная сделка: база «Утэн-Авэн» приобрела на одном из исследовательских модулей цоофт малый крейсер-сороход постройки свайгов.

— Где именно?

— Набла Квадрат, юго-восточный сектор. Нашего названия ни ближайшая звезда, ни скопление в целом не имеют.

Унве незаметно усмехнулся и еле удержался, чтобы не уркнуть. Эдак снисходительно. Патриотизм, расовая чистота... В рождающейся на глазах империи Унве в ходу названия шатов. А ведь интерессистема и всеобщий каталог, как ни крути; на. порядок удобнее, поскольку описывают всю исследованную галактику, а не только места, куда добирались шаты. Но рано, рано пока возвращаться к интерессистеме и всеобщему каталогу: пусть победоносные шаты вволю натрут воздухопо-лости о родимые названия и понапрягают мозги, переводя имена новоназванных звезд и планет на привычный за тысячи лет язык интерессистемы.

— А срывы сделок были за последние сутки?

— Уже да, Шатта. А'йеши с Ветаора отказались ратифицировать договор на поставку палубных генераторов нелинейности. Неустойку платить также отказались. Галерея Свайге наложила вето на продажу энергоносителей представителям доминанты Тсурры. Цоофт отозвали...

— Достаточно. Значит, реакция есть. Но вяло, вяло что-то реагируют шатта галакты. — Вождь, по обыкновению, принялся полемизировать сам с собой. У шатов это называлось «диалог между желудками». — Признаться, я ожидал реакции куда более бурной. Растерялись? Утратили за минувшие века охотничью хватку? Выжидают? Унве снова оцепенел на какое-то время. Адъютант Терпеливо ждал. «Сейчас Унве вызовет аналитическую группу», — решил адъютант, но тут браслет на его руке неслышно завибрировал;

Вызов.

Адъютант бегло проглядел новости и без колебаний нарушил задумчивость вождя:

— Деша с «Исамара», Шатта!

Вождь встрепенулся, жестом веля транслировать. Видеостолб, капитан «Исамара».

— Склоняюсь, Шатта! Мы отыскивали последний бот с Азанни. Он и не думал идти к Тало-Цо. Вместо этого он совершил три сверхдальних, за критическим пределом, прыжка и вышел из-за барьера неведальеке от метрополии хомо.

— И?... — поторопил вождь капитана, не высказывая ни удивления, ни досады — ничего.

— Туда мы не успевали при любом раскладе. Вот состыковался с патрульником хомо, потом патрульник ушел к флагману, флагман к метрополии, а бот... Вот направился в систему Замххад, Шатта. Судя по пунктиру.

— Ах ты, птичья пожива! — Только теперь Унве наполовину негодуяще, наполовину восхищенно скрипнул экзоскелетом. — Что ж они затеяли?

И снова капитану «Исамара»:

— Просканировать успели?

— Да, успели, еще на пунктире. На борту шестеро, но это не азанни. Это хомо, Шатта.

— А что со связью между флагманом хомо и Землей?

— Состоялась глобальная конференция во всей системе. Правительственные резиденции, флагманы флотов и прочая. Расшифровать не удалось, высшая степень защиты, перекрестная блокировка и выборочное кодирование. Я загрузил аналитический центр флота, но, боюсь, работать им придется не меньше двух-трех столетий.

— Адъютант!

— Здесь, Шатта.

— Подключить мощности Глобал-инфо. Если за двое суток результата не будет, прекратить расшифровку.

— Принято, Шатта.

— Бот до самой Замххад не трогать. Встречать тоже не нужно. Только наблюдение. Перебросить в систему еще полсотни кораблей из резерва и пару пустотных суперкрейсеров. Из Иншуды, например, там они однозначно ни к чему. Или с файд-Зегу — наши опорные колонии все равно никто сейчас не осмелится атаковать.

— Принято, Шатта.

— С Замххад новости есть?

— Флот финиширует, Шатта.

— Пусть немедленно атакуют вторую планету. Немедленно. Полная скрупулезная блокада, чтоб ни свезз не проскочил, ни земной таракан.

— Принято, Шатта.

Вождь вновь обратился к капитану «Исамара»:

— Наблюдайте за метрополией хомо. Обо всем мало-мальски важном — немедленно докладывать. Адъютант!

— Здесь, Шатта.

— Двоих дублеров к тебе. Зашевелились галакты! Скоро новости хлынут потоком, один не справишься.

— Принято, Шатта.

Столб погас, адъютант колдовал над браслетом, а вождь шат-тсуров вновь погрузился в оцепенение — прокручивал в уме возможные варианты будущих событий. Война набирала обороты.

ПОИСКОВЫЙ РЕЙДЕР «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»

Пронг-32— (Тобаско), доминанта Земли

Странно, но право первым ступить на почву незнакомой планеты выпало Сане Веселову, а вовсе не бригадир или штурману. Сначала Саня удивился, но позже понял, в чем дело.

Отныне бригадир, штурман и мымы-научницы — хранители чрезвычайно важной информации. Сане, конечно, тоже многое известно, но в экипаже рейдера именно он на текущий момент является наименее ценным человеком. Дурень советник с Фалькау в этом смысле еще менее ценен, но поло-жа руку на сердце: кто осмелится ожидать от него толковых действий в столь экстремальных условиях?

Поэтому бригадир мрачно отпер сейф, вынул тяжелый. штатный лучевик и вручил Сане:

— Держи! Задача: пройтись по окрестностям, понять, насколько снаружи можно выжить; в идеале — подыскать место под первый лагерь и под склад, куда мы для начала спрячем жратву, вещи и ценное оборудование. Пещеру какую-нибудь или что-нибудь в этом роде. Времени тебе — три часа, если ничего не обнаружишь. Коли обнаружишь — решим по обстановке. Вопросы?

Саня взволнованно сглотнул и вопросительно покосился на лучевик.

— Здесь джунгли, кадет, — милостиво объяснил из своего кресла Шулейко. —

Зверушки кусь-кусь! А ты нам очень даже дорог, хоть ты и обормот изрядный.

Саня нашел в его словах известный резон — относительно зверушек по крайней мере. Нос к носу столкнуться с каким-нибудь местным тигрисом без лучевика совсем не одно и то же, что столкнуться нос к носу с местным тигрисом, имея под рукой лучевик. И пусть неизвестно куда следует стрелять, в башку или грудину: в потоковом режиме Саня просто посечет зверя на куски. Относительно собственной ценности для старших коллег-поисковиков Саня терзался обоснованными сомнениями: какого тогда рожна форменным образом измывались над ним весь рейс? Кадет туда, кадет сюда... Чуть что — сразу кадет. А он уже сто лет не кадет! Ну, пусть не сто, пусть семь с половиной. Двенадцать рейдов за спиной! И разве важно, что большинство рейдов короткие, двух-трех-, максимум — четырехмесячные? Да и глубоких уже целых два, этот третий!

Но в глубине души Саня сознавал, что сердится только из поверхностного упрямства. Не будут же старики бригадир и помбриг самостоятельно драить переборки в мастерской, если баллон с коллоидом разгерметизировался и бубухнул? А моложе Сани все равно никого нету. Стало быть: «Кадет, сюда!»

— Не хлюпай, кадет! — Тимурыч по-отцовски потрепал его по плечу. — Удачи!

И Саня пошел. Надел рабочий комбез, специальные пустотные ботинки. Нахлобучил оперативный шлем для работы в атмосфере. Навесил датчики — не будь они столь крохотными, точно сразу же стал бы похож на новогоднюю елочку. Взял наперевес лучевик, глубоко вздохнул и направился к шлюзу.

Инъекции биоблокады и антиаллергенов все шестеро сделали сразу после посадки, хотя упрямец советник долго сопротивлялся и отпихивался.

— Ладно, дохни, если охота, — сдался наконец и.о. врача Плужник. — Но учти: я за тебя не в ответе. Ни как врач, ни как капитан.

Отчего-то латынь на Паулисту подействовала, и тот сдался. Плужник тут же прижал к его предплечью пистолет-инъектор и нажал на спуск.

Когда створки шлюза разошлись, Саня первым делом глубоко вдохнул в легкие воздух нового для себя мира. Новый мир терпко пах цветами, мокрой листвой, гниющими водорослями — пах необузданной первобытной жизнью, чистой, не загаженной

отходами производства, выхлопом механизмов и прочим гибельным последом техноцивилизации.

Табаска источала приятные, хотя и резковатые после нескольких месяцев пребывания в -стерильной корабельной атмосфере запахи.

— Привет, — поздоровался с планетой Саня и выбрался на обшивку. — Надеюсь, ты не кусаешься

Вокруг рейдера плескалась местная река; там и сям из воды торчали чудные деревья на многочисленных ножках-корнях. В кронах кто-то беспрестанно щebetал, шелкал, свистел, шипел и улюлюкал. Если посадка корабля и испугала обитателей джунглей, то ненадолго. Да и прошло уже около часа, не меньше.

Корпус рейдера успел остыть — не сам по себе, конечно. При посредстве пронизывающих обшивку фризеров.

Вода была совсем прозрачная, явственно виделось покрытое водорослями дно. Там кто-то деловито копошился и ползал. Не иначе, обитатели мелководья спешили попробовать свалившуюся с неба штуковину на вкус: а ну как она съедобна? А ну как еще и вкусна?

Увы, придется вам обломиться, обитатели мелководья!

Саня знал, что глубина здесь не больше полуметра, поэтому вразвалочку прошел к носовому обтекателю, где было пониже, и смело прыгнул в воду.

Слой воды оказался действительно не ахти каким толстым. Зато слой ила под нею...

Саня увяз почти по колени, а вода покрыла его чуть выше пояса. Впрочем, ботинки и комбинезон внутрь не позволили просочиться ни капле, и, с чавканьем выдергивая ноги из трясинобразной массы, Саня трудолюбиво побрел к близкому берегу. Вскоре слой ила сделался потоньше, идти стало совсем легко, а в ботинок вцепилась какая-то местная тварь, да так сильно, что Сане даже стало больно. Он охнул и приподнял ногу из воды. Тварь сильно смахивала на здорового краба и тщила вскрыть пустотный ботинок сразу двумя клешнями. Саня обиженно треснул ее лучевиком по буро-панцирю:

— Пшла, зараза!

— Что там у тебя? — немедленно донеслось из наушника. Волнуются отцы...

— Да не успел на берег выйти, а меня уже кусь-кусь, — пожаловался Саня. — Какой-то местный краб. Больно, блин!

От удара краб отвалился, хотя и не сразу. Кажется, больше всего ему не понравилось то, что его вынули из воды. В поднятой Саней мути мелькнул силуэт какой-то крупной рыбы или рептилии, и искатель счел за благо побыстрее достичь суши. Не хватало еще местного аллигатора накормить собой, любимым!

До суши его больше никто не осмелился дапнуть, и Саня посчитал это добрым знаком.

— Все, я на берегу! — доложил он. — Будет что интересное — тут же сообщу.

— Удачи. Смотри не зевай, — ответил Тимурч.

— Не буду, — пообещал Веселов.

Ему нечасто приходилось бывать на природе. Даже на кислородных мирах Саня, как и подавляющее число людей, обретался в городах; иногда — наземных, иногда — подземных. Порою это были громадные мегаполисы, порою — сеть небольших поселков, где коттеджи самое большее двухэтажные. Но всегда Саня твердо знал: совсем рядом проходит шоссе, кругом — тысячи людей, а во-он там расположена стоянка флаеров, где можно арендовать машину и за полчаса домчать до ближайшего космодрома. Одним словом, большинство людей доминанты Земли привыкли к подстриженным деревьям и газонам, а отнюдь не к лесам, где полно бурелома, кишмя кишат дикие звери и нога человека здесь в последний раз ступала никогда.

Сейчас Саня Веселое, искатель, оказался именно в таком месте.

Впрочем, искатели сплошь и рядом рыщут по неосвоенным планетам — просто Саня с его двенадцатью рейдами пока ничего, кроме пустотного поиска, не хлебнул. Но зато много раз отрабатывал тренировочные высадки на планеты, поэтому к происходящему был вполне готов.

Река, вернее всего — еще безымянная, в месте «посадки» . «Шустера» плавно изгибалась, образуя обширный залив, изобилующий отмелями. На одной из них рейдер и застрял, при-воднившись. К заливу примыкала заболоченная низменность, постепенно переходящая в зеленые-презеленые луга, а дальше начинался лес. Лес то ли уступал позиции лугу, то ли, наоборот, отвоевывал — там и сям возвышались небольшие рощицы, так что четкой границы «лес-луг» вообще не существовало. Местность от реки плавно шла в гору, постепенно переходя в довольно хорошо видимое вдалеке нагорье. Но до него было очень далеко, судя по дымке.

Хмыкнув, Саня выбрался из болотца на настоящую сушу, где луж уже не встречалось совершенно и земля под ногами стала твердью, а не хлябью.

Зверья вокруг и впрямь было много: на опушке паслось стадо оленей. Местных, понятно, аналогов; природа кислородных миров удивительно схожа. Мышиная мелочь сновала в траве, затихая при приближении Сани. Кружила над лугом хищная птица. Кружила-кружила, а потом камнем пала к траве. Поднялась она пару секунд спустя, сжимая в когтях добычу, и, тяжело махая крыльями, потянула к лесу. Протрубила какая-то невидимая зверюга; из чащи ей ответила другая.

Если рассуждать трезво, на открытом лугу укрытие искать было бесполезно. Ну какое, к чертям, укрытие на лугу? Да и на пещеру в здешнем ландшафте рассчитывать скорее всего не приходилось. Поэтому Саня решил углубиться в лес. Заблудиться он не боялся: во-первых, на рейдере в любой момент могут запустить маячок, а во-вторых, зря, что ли, столько датчиков на комбинезон навешено? В любой момент Саня мог вызвать в видеокуб перед собой хоть объемную модель окружающей местности, хоть плоскую топографическую карту с красной точкой в центре (собственно Саней) и синей точкой внизу («Шустером» на речном мелководье).

Логика подсказывала: для начала нужно поискать звериную тропу к водопою. Река все-таки. Впрочем, во влажных дождевых джунглях река для водопоя может и не слишком требоваться. Но джунгли не выглядели особенно влажными. Во всяком случае, в двух рощицах под деревьями было сухо. Только валежник да палая листва, никаких луж.

Тропы Саня так и не отыскал и решил углубляться в чащу наудачу. Довольно долго он бесплодно бродил в джунглях: продирался сквозь заросли, вяз в подлеске. И ничего путного ровным счетом не обнаружил, только время потерял. А уже когда стоило подумать и о возвращении, Саня ныбrel к...

Он не смог подобрать подходящего слова. На склоне небольшого холма, прямо между стволов располагалось ОНО.

Больше всего ОНО походило на вход в расположенное под холмом жилье. Аккуратное крылечко, дверь, двускатная крыша над всем этим. Только размером чуть выше, чем по колено. Резиденция лесных гномиков.

Саня потрогал крышу рукой — вроде пластик. Присмотрелся, отыскал с краешку клеймо: «Ofelia Builderer Ltd» и фирменный знак — стилизованный домик.

Стало немного спокойнее: все-таки свое, родное, человеческое. Но почему такое крохотное?

Присмотрелся к двери: та запиралась на вполне заурядный электронный замок, каких на любой планете полно и на любом космическом корабле полно.

«Вот дьявол! — подумал Саня изумленно. — Дикий край, непуганое зверье, а я за каких-то паршивых полтора часа натыкаюсь на нечто рукотворное! Или не так уж и дик здешний край?»

Он подумал, вызвал рейдер и рассказал о находке бригадиру. Тот недолго раздумывал.

— Вскрываай! — велел Тимурыч. — Если там удобное место для временного укрытия, с хозяевами-людьми мы быстрее договоримся, чем с чужими, которые на нас охотятся. И Саня взялся за лучевик. Возиться с замком не было времени.

Тончайший красноватый луч прошел пластиковую дверь насквозь. Саня аккуратно повел лучом, очерчивая замок, пока не замкнул кольцо. Потом саданул ногой — вырезанный блинчик вместе с замком упал вовнутрь.

— Добро пожаловать, — буркнул Саня вполголоса и нерешительно взялся за ручку. Увы, это оказалось никакое не жилье, а крохотный слепой бункер объемом в кубический метр примерно. Вдоль боковых и дальней стен тянулись неширокие стеллажи, сплошь заставленные рюкзаками. И под стеллажами тоже стояли рюкзаки. Примерно пяток минут Саня шарил по рюкзакам, одновременно комментируя результаты поисков коллегам на рейдере. Нашлись: провизия, оружие, боеприпасы, походное снаряжение, радиостанция. Великолепнейший комплект для выживания в условиях полной дикости. Почти все было произведено на мирах доминанты Земли.

— Вот те на, — удивился бригадир. — Слушай, Вася, запроси-ка данные по этой планетке. Чего тут найдется неподалеку из поселений?

К счастью, данные нашлись в бортовом архиве — подключаться по мгноvenке к глобальной сети было опасно: их быстро запеленговали бы охотники.

— Все понятно, Саня, — с некоторым облегчением сообщил помбриг спустя буквально минуту. — В этой части материка единственное населенное место — это турбаза «Экзотик-тура». Она километрах в ста на восток-юго-восток. Ты наткнулся на их резервный склад.

— И чего теперь делай»? — на всякий еяучай справился Саня, а сам подумал: «Ошибся я; насчет реки. Никакая она не безымянная».

— Такими подарками не разбрасываются — сухо сказал; Тимурыч. — Неизвестно, сколько нам придется прятаться в джунглях. А рейдер все равно вскоре предстоит бросить, его отыщут сразу же. Так что... забирай все.

— Все? — изумился Саня. — Да тут больше тонны весу!

— Там наверняка больше двух тонн, — хладнокровно парировал бригадир. — Да только каждый, рюкзачок снабжен гравикомпенсатором. Проверька!

Саня проверил.

— Правда! Идею я понял,, Тимурыч. И куда все это волочь? К рейдеру? Некоторое время Шулейко и Плужник совещались; до Сани долетали только приглушенные голоса.

— Нет, — наконец отозвался бригадир. — Иди! дальше, ищи место. Найдешь—выходи на связь. Ночевки на природе не боишься?

— А чего ее бояться? — Саня передернул: плечами. — Лишь бы чужие не объявились... Справлюсь..

— Молодец! — похвалил Плужник. — И поосторожнее там, понял?

— Понял, — вздохнул. Саня, тшась представить себе искомое место. Как оно хоть должно выглядеть? Не пещера — нет тут никаких пещер, не горы ведь. Может, какая-нибудь яма или, скажем, сторожка того же «Экзотик-тура»? Хотя нет, сторожку настырные охотники на искателей проверят в первую очередь. Думай, Саня, думай... Он думал, параллельно выволакивая рюкзаки из склада. Потом какое-то время связывал их друг с другом длинным рябеньким шнуром, продевая его в неизвестно для чего предназначенную петлю и фиксируя простеньким узлом, известным по учебникам как «lasca», а кадетами: и искателями именуемым «восьмеркой». Дольше всего возился с компенсаторами: все были нестандартной системы и вдобавок с маркировкой на незнакомом Сане языке, кажется, на новодатче, а Пиктограммы вообще отсутствовали, поэтому Сане даже пришлось немного полетать — хорошо, что гирлянда из рюкзаков быстро уравнивала антиполе, а Саня, зависнув на высоте метров шести, пару минут лихорадочно манипулируя управлением компенсатора. Потом разобрался и благополучно спустился.

В итоге он сумел уравновесить все рюкзаки, зачем-то затворил дверь во взломанный склад, привязал все той же «восьмеркой» свободный конец шнура к поясному карабину и двинулся туда, где деревья росли не особенно густо. Поклажа, донельзя похожая на вереницу воздушных шариков, послушно тянулась за ним.

За час он дважды выходил к полянам; вторая оказалась особенно обширной. Потом набрел на дивной красоты лесное озерцо, вспугнув целое сонмище не то уток, не то куликов. Однажды нос к носу столкнулся с выводком чистейшей воды свинтусов под предводительством мамыши габаритов породистой селентинской рекордсменки, только щетинистой и клыкастой. Утробно хрюкая, свинтусы свернул в сторону и растворились в подлеске, причем не особо при этом торопились. Людей местное зверье не боялось, а значит — не знало.

До вечера Саня отмахал километров двадцать пять. Довольно быстро он научился выбирать траекторию движения таким образом, чтобы длинный хвост не застревал в кустах, не слишком задевал за стволы и вообще чтоб не мешал идти. Как назло, ничего даже отдаленно похожего на сносное убежище ему не попадалось. Лес и лес...

А незадолго до сумерек он вышел к оврагу.

Сначала никаких надежд не возникло — подумаешь, овраг! Продолговатая трещина в теле Табаски, сбегаящая к все той же, наверное, все-таки не безымянной реке. Или другой реке. Не важно, с именем или без оного.

Впрочем, реки, расположенные недалеко от турбазы, наверняка давно поименованы служащими «Экзотик-тура».

Разумные существа обожают давать названия рекам, горам, озерам и островам. Если натыкались прежде на этот овраг — то и овраг сто процентов как-нибудь нарекли. Осталось лишь убедиться, натыкались или не натыкались. И Саня, пришвартовав гирлянду рюкзаков к деревцу на самом краю, прыгнул на крутой склон. Не устоял на ногах, съехал юзом, потом пару раз перекувырнулся и с размаху влетел в заросли зловредно-колючего кустарника вроде земной ежевики или селентинского примаста. Оцарапал руку и щеку, ругнулся сквозь зубы; потом спохватился, но связь с рейдером не была активирована. И то хлеб, не хватало еще, чтобы бригадир со штурманом его матюки из эфира вылавливали.

В процессе войны с негостеприимными кустами Саня спустился почти на самое дно оврага.

Если склоны были сплошь земляными, рыхловатыми и рыжими, то дно, к удивлению Сани, оказалось каменным. Неведомые силы отшлифовали камень до неправдоподобной гладкости, и теперь он был лишь слабо припорошен постепенно осыпающейся со склонов землей. Впрочем, подумал Саня, почему неведомой силой? Наверняка камень отшлифовали регулярные водяные потоки. По оврагу со всех окрестных джунглей стекала в реку лишняя вода. После ливней, например, потому что о таянии снегов в здешней теплыни как-то не думалось.

Продираясь сквозь кусты, Саня наступил на что-то продолговатое и твердое. Сначала он решил, что это камень. А когда глянул, на какое-то мгновение оцепенел.

Обойма. Использованная обойма от плазменника — от винтовки или тяжелого двуручного маузера.

— Так-так, — буркнул Саня себе под нос. — Безлюдные, значит, места...

Он прошел дальше, туда, где овраг стал совсем узким, а стены готовы были сомкнуться. Увиденное на этот раз ничуть не удивило искателя.

Овраг упирался в каменный уступ, высотой примерно с человека; на уровне головы вперед выдавался каменный же козырек, от которого вверх убегала все уменьшающаяся ложбинка. А под козырьком, полускрытый густым кустарником, уводил вниз темный, дышащий холодом ход.

— Ужас какой-то, — пробормотал Саня. — Мною что, судьба движет? Меньше чем за день я отыскиваю склад с провизией и, наверное, единственную пещеру в здешних джунглях! Или не единственную?

Впрочем, еще не факт, что пещеру удастся приспособить под убежище. И что это вообще пещера, а не просто небольшое углубление.

Переключив лучевик в режим фонарика, Саня повозился с фокусировкой луча, отодвинул с дороги колючие ветви и решительно полез во тьму и сырость пещеры. Возможно, он удивился бы, если бы узнал, что практически след в след повторил путь Скотча и Валти сразу, после открытия на этом континенте базы «Экзотик-тура». Точно так же они двигались от Мангрового залива — мимо приметного холмика, где впоследствии устроили склад, мимо полян, мимо озерца с утками-куликами, прямо к этому оврагу. Скорее всего такой маршрут диктовался местными условиями. А проще говоря: он был наиболее удобен в смысле проходимости. Спустя четверть локального часа после того, как Саня сунулся в пещеру, он вызвал рейдер.

— Тимурыч!

— Да, Саня?

— Я нашел убежище. И устраивать тут ничего не придется: все устроено до нас.

— Отлично! — Бригадир встрепенулся. Он совершенно не рассчитывал на такую удачу, на такое скорое решение первейшей проблемы. — Кодируй координаты.

Саня привычно упаковал запароленный секретный файл и бросил в эфир. Даже умники галакты возились бы с его расшифровкой довольно долго. А отследить передатчик такой малой мощности удалось бы лишь с расстояния не большего, чем разделяло сейчас рейдер и пещеру. Можно было смело считать, что преследователей на обозначенной площади пока нет.

— Принято, — подтвердил Шулейко повеселевшим голосом. — Все, ложись на дно и жди нас. Скоро будем.

На рейдере тоже не теряли время зря. Все необходимые припасы и вещи были уже упакованы и погружены на единственный штатный вездеходик. Увы, но «Шустер» предстояло бросить. Как капитан, Тахир Плужник позаботился о том, чтобы посторонний глаз не отыскал на борту даже намек на ценную информацию о находке, и отдал приказ покинуть корабль.

Искателям оставалось уповать лишь на то, что после стычки флота Фалькау и галактов на кораблях азанни, кем бы галакты ни оказались, информация просочится на Землю. И что Земля всей мощью доминанты включится в гонку за бесценную информацию, обладателем которой невольно стал экипаж «Шустера-эпсилон» семьдесят пятого. Ведь на Поисковую Базу по инструкции рапортовали только о факте находки, но не о ее координатах.

Они довольно быстро добрались до нужного оврага, но перетаскивать вещи в полной темноте не захотели, а освещать подходы к своему будущему убежищу не решились. Ночь скоротали в кабине.

Едва рассвело, вездеход был разгружен и спрятан в том же овраге, чуть ниже по склону. Очень кстати пришлось густые колючие кусты. Пещера и впрямь кем-то уже использовалась как стоянка: нашлись и аккуратный очаг недалеко от входа, и кучи лапника на местах, где некогда ставили палатки, и разметка под сами палатки, и

тропка вглубь, к сочившемуся по камням ручейку, и пластмассовая канистра с отпиленной горловиной здесь же.

И мощная рация с каналом мгновенной связи.

В общем, к началу технблокады искатели успели забиться в нору и затаиться: Шат-тсуры обнаружили покинутый рейдер этим же-днем, ближе к вечеру.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА»

Системе Зомххад, империя Унве шат-тсур (формально PRONG-30, доминанта Земли)

Пустота. Крохотная желтоватая пылинка в ней — мерцающий шарик звезды Замххад. Где-то тут есть еще и планеты, но их без приборов вовек не разглядишь — по сравнению со звездой они и вовсе ничтожны. Но так или иначе каждая Из них — громадный мир, жизненная территория, в данный момент занятая врагом. А заодно и хранящая древнюю тайну, ключик к будущим победам нарождающейся империи Унве шат-тсур.

Флотом командовал Шат Урву. Нет, не адмирал — такой же слуга Шатта-Унве, как и любой солдат флота. Разве что первый из слуг в этом районе космоса. Смешные воинские звания и золоченые кителя пусть таскают на себе надменные, но в общем-то пустоголовые галакты. Шаты ценят верность Унве и доблесть в бою. Лишь этим, да еще умом и опытом командующий флотом отличается от солдата, техника или капитана звездолета.

Финишные сферы вспухали одна за другой. Флот вываливался из-за барьера единица за единицей, искореженное пространство стонало, области транспортной нелинейности накладывались одна на другую, умножая и без того масштабные, искажения метрики.

Но вот флот финишировал, корабли быстро погасили паразитный дрейф. Пространство мало-помалу пришло в норму. Флот перестраивался в маневровый порядок.

Вон и соратники нашлись: регистраторы масс исправно фиксируют пару планетарных крейсеров и всякую мелочь вроде истребителей-носцев и конусных заградителей. Лежат в естественном дрейфе. Ждут. Финиш флота «Багута» они, конечно же, давно зафиксировали. Любой из пустотных суперкрейсеров Шата Урву дает такие возмущения, что засечь их возможно даже из соседней звездной системы.

— Командующий Ухола на связи, — доложили Шат Урву. Перед пультом тут же вырос видеостолб.

— Привет, старина, — поздоровался Ухола и дружески уркнул.

Шат Ухола и Шат Урву давно и плотно знали друг друга — родом из одних и тех же мест, вместе росли, вместе учились, вместе завербовались во флот. Правда, потом судьба развела приятелей: крупные чины парами не сидят.

— Привет, привет, вояка! — ответил Урву и не преминул съехидничать: — Как это твои герои поисковик хомо прохлопали?

Ухола досадливо поскреб передужье:

— Да не то чтобы прохлопали... Сам посуди: как себя ведут гражданские при атаке? Даже не удирают — не успевают сориентироваться, теряются. А эти только из-за барьера въехали — и полный навстречу! Понятно, что разминувшись с истребителями, уркнуть не успели. Мои в разворот, а эти, не будь болваны, к планете — в атмосфере-то у них преимущество. Догнали бы, да тут, как на грех, планетарник финишировал. Хомо как раз мимо прошли, а истребители чуть в нелинейность не влетели. Пока маневрировали — хомо уже в атмосфере. — Попробуй догони...

— Да... Не повезло, дружище. Бывает, — по-честному посочувствовал Урву.

— И, главное, быстро так все — швырк, и нету хомо, — не Унимался Шат Ухола. — Только плазменный след да воспоминание! Пилотов я заставил гальюны в арестантской драить. Сам Унве приказал. Да только проку с того...

— Ладно, дело свершенное, — махнул ладонью Урву. — Давай исправлять, что ли.

— Давай! — с готовностью подобрался в кресле коллега. .

— Что у тебя за силы?

— Два планетарника, два истребителя-носца, пяток заградителей и восемь малых крейсеров с десантом.

— Мало, — вздохнул Урву. — Ну, не беда, я подмогу привел. Данные по планете у тебя есть? Как она называется, кстати?

— По-нашему — никак. На языке хомо — Табаска. Есть данные, я запросил.

— Показывай...

Перед Урву раскрылся видеокуб, в центре-которого висел голубовато-зеленый шарик Табаски, а по краям ползли пиктограммы сопроводительных ремарок. Некоторое время шаты изучали информацию — планетографические данные, расположение человеческих станций и баз, потенциальные посадочные площадки, основные направления десантирования.

Поисковый рейдер хомо сел на еомом большом из четырнадцати материков, в северном полушарии. Материк, как и все материки Табаски, совершенно девственный, сплошь покрытый джунглями и болотами. На приполярном побережье ютилась убогонькая животноводческая ферма, рядом с ней —рыбопланктонный комплекс. Тут же расположился смехотворно мелкий космодром, от силы на два-три небольших грузовоза. В южной части материка обосновалось какое-то туристское заведение, именуемое «Экзотик-туром». У этих имелся свой космодром, попрстойнее, но тоже размером с чих свез-за, никак не крупнее.

Урву привычно намечал направления атаки:

- Значит, так, коллега! Первым делом, конечно, вот этот материк. Два планетарника, прикрыть каждую из площадок, чтоб ни одна зараза не стартовала. Первый планетарник — на научную станцию, и не забыть информоблокаду подвесить. У ученых всегда до исамара средств связи и прочей продвинутой машинерии. Второй крейсер — на южный космодромчик...
- Объемная модель Табаски расцветала стрелками и условными значками.
- Шестерку спутников на стационарные орбиты. — перекрыть все внахлест.
- Биорегистраторы высеять. У хомо вариабельность сильная?
- Не особенно. Но есть различия, у них четыре генетических ветви в расе плюс всякая мешанина в самых разных пропорциях.
- Учесть, настроить. Каждый регистратор, каждый! А не как в прошлый раз...

Шат Ухола понимающе уркнул. События, на которые намекал соратник, и впрямь трудно было назвать приятными для воспоминаний. Но ошибки прошлого лучше учитывать — это помогает избежать ошибок в настоящем и будущем.

- Дальше. Десант. Полагаю, в плане закрепления нас заинтересуют только четыре объекта: научная станция, горнорудный комплекс, рыбопланктонный комплекс и космодром при туристах, больно уж он приличный для такой дыры. Остальные точки — абдукторная высадка: сели, прочесали, зачистили территорию и ушли. Не забыв, естественно, маячки оставить. В десанте у тебя кто?
- «Сизые скелеты».
- Ух ты! — обрадовался Шат Урву. — Гвардия Унве?
- Они самые.
- Круто! У меня «Меченый корпус».
- Тоже не слабо, — оценил Ухола и со значением скрипнул скелетом. — Кого куда?—
- «Сизых» — на закрепление, «Меченых» — на зачистку Полагаю, так разумнее.
- Согласен.
- Похоже, по общим вопросам все, дружище!
- Тогда начинаем?
- Начинаем!
- Модель на разработку! — скомандовал Шат Урве технарям и в последний раз взглянул на зажатую в клещах атакующих стрелок Табаску. — Предварительная готовность!

Флот начал методичное перестроение, нацеливаясь на вторую планету. Желтоватый шар Замххад равнодушно взирал на начало вторжения.

ЭКЗОТИК-ТУР

Пронг-32 (Табаско), доминанта Земли

Когда группа на маршруте, персоналу турбазы и космопорта делать почти нечего. Половина девчат разлетелась к мужьям — в основном на северный рыбопланктонный комплекс. Грузчики с терминалов махнули на острова порыбачить. Троица космодромщиков после отбытия лайнера сутки играла попеременно в бридж и преферанс, сутки отсыпалась, потом сутки пила пиво и снова сутки отсыпалась. Буфетчица Люся в промежутках между отпуском пива космодромщикам сделала два карандашных наброска с натуры и немедленно продала их посредством сети в ирландский паб на Лазурном Шепоте. Полуручной кошкун при столовой оказался самкой и вывел в кустах у беседок пятерых потешных полосатых детенышей. В дневном небе видели довольно яркий болид, рухнувший где-то в окрестностях реки

Сайры и Мангрового залива, причем космодромные приборы не зафиксировали сколько-нибудь значительной почвенной ударной волны.

На этом новости первой десятидневки исчерпывались. Обычное сонное трех-четырехнедельное ожидание, пока Скотч не приведет уставших, обросших и донельзя довольных собой и путешествием туристов обратно на турбазу. Поэтому неожиданный звонок с научной станции университета Фалькау долго оставался без ответа — поблизости от пункта связи попросту никого не было, поскольку личные вызовы адресовались непосредственно на браслеты-коммуникаторы.

Вызов услышал Масами Тамура, маленький крепыш-диспетчер, проходивший мимо административного коттеджа. Он как раз направлялся за очередной дюжиной пива к Люсе в буфет. Услышав вызов, Тамура некоторое время вертел головой, соображая — откуда доносится знакомый звук. Потом сообразил и решил, что раз уж нет никого — надо ответить.

В коттедже он плюхнулся в кресло перед терминалом и коснулся нужного сенсора. В видеокубе материализовалась кудрявая невыспавшаяся личность неопределенного возраста.

— Привет, — поздоровался кудрявый. — Я физик, со станции универа Фалькау. Лешей зовут.

— Добрый день. — Вежливый Тамура, не вставая, сымитировал поклон. — Тамура, диспетчер космодрома турбазы.

— Космодрома? — удивился кудрявый. — Я вообще-то на турбазу звоню.

— Это и есть турбаза, — терпеливо объяснил Тамура. — Я сейчас не на смене.

— А, — дошло до физика Леша. — Ладно. Вы там у себя в небо давно смотрели?

— Да недели полторы, наверное, назад, как лайнер улетал. А что? Вы о болиде, что ли, расспросить хотите? — попробовал угадать Тамура.

— О болиде? — не понял физик. — Нет, не о болиде. Тут кое-какие странности заварились... Во-первых, нет внешней связи, только по Табаске. А во-вторых, вы в курсе, что сейчас над Табаской делается?

— А что над Табаской делается?

— Там корабли. Много кораблей. Кажется, военных. Я не специалист, а у нас в базе информации по военным кораблям нет.

— У нас вообще-то тоже нет такой информации. — Тамура пожал плечами. — И что корабли?

— Я подумал, — предположил физик, — а не из-за них ли нет дальней связи, а?

— Может, и из-за них, — Тамура явно не разделял беспокойства собеседника. Некоторое время висело настороженное молчание.

— Ладно, — вздохнул физик. — Если вдруг случится что-нибудь, предупредите нас, хорошо?

— А что может случиться? — спросил Тамура недоуменно.

— Ну, мало ли... Корабли все-таки... «Дались ему эти корабли, — неприязненно подумал Тамура, которому не терпелось хлебнуть еще пивка. — Я всю жизнь эти корабли принимаю, отправляю и перенацеливаю. И ничего».

— Ладно, предупредим, — пообещал диспетчер вслух.

— Спасибо. До свидания.

— Бывайте. — Тамура легкомысленно помахал ручкой Затарившись пивом, он завернул к беседкам и скормил кошкунской мамаше рыбные головы, после чего направился к приятелям дописывать очередную пулю. Уже на крыльце коттеджа он обернулся и взглянул на далекий горизонт над космодромным полем. На самом пределе видимости что-то смутно клубилось.

— Гроза будет, что ли? — пробормотал Тамура, щуря и без того узкие глазешечки. — Надо девицам сказать, чтоб Скотча предупредили.

Он вошел внутрь, сгрузил пиво на стол и сообщил:

— Я на минутку, к Верке. Там чего-то по горизонту заходит, как бы не гроза. Верка трудилась, соответственно, диспетчершей турбазы. Чтобы не торчать все время в административном коттедже, связь с гидами и спасателями она переадресовала на свой домашний терминал. В коттедже, где зависали космодромщики, терминал традиционно хандрил, а личного номера Верки Тамура не знал. И спрашивать у приятелей поленился — хотелось после долгого сидения над пулей слегка размять ноги, а прогулка за пивом оказалась слишком короткой. В общем, Тамура сгреб ладонью одну банку, откупорил, отхлебнул и вышел. Диспетчерша Верка отмокала в ванне, поэтому разговаривать с ней пришлось через закрытую дверь.

— Ау! — позвал Тамура и постучал.

— Ну, кого там принесло? — не слишком приветливо донеслось из-за двери.

— Верка, это я, Тамура. Ты во двор давно выходила?

— А что я там забыла?

— Слышь, там на горизонте тучки какие-то. Я думаю, как бы грозы не вышло. Ты предупреди Скотча, что ли.

— Тучки? — удивилась Верка. — Хм... Еще в обед ничего не было. Да и прогноз давали вполне спокойный.

— Ну, не выдумываю же я, — фыркнул Тамура. — Ладно, выйдешь — глянь. А то накроет группу ненароком где-нибудь в буреломе — костей ведь потом не отыщешь...

— Гляну, — пообещала Верка; вслед за тем послышался плеск и бульканье. Тамура с чувством выполненного долга отправился восвояси. Тучки на горизонте, как ему показалось, несколько сгустились, но он не придавал этому особого значения.

Примерно в течение получаса космодромщики беззаботно попивали пиво, вистовали и пасовали и снова попивали пиво. Потом вышли на крыльцо развеяться. Тамура по привычке уже зыркнул на небо и обомлел.

— Kusoo, shimatta! — выдохнул он.

Друзья и коллеги — Жорж Сориал и Дэвис МакГрегори — как по команде поглядели туда же. Сориал от нежданности выронил банку с пивом. Процентов десять неба заволочло мощнейшим атмосферным фронтом. Клубящиеся тучи с краев были посветлее, но внутри крыли нечто темное и громадное. Там, в черноте и лиловости, полагалось сверкать молниям, однако ни единой вспышки не рождалось под серыми и белесыми граничными завихрениями. И гроыхать такой фронт просто обязан, но он надвигался совершенно бесшумно. Как призрак.

Он приближался, стремительно и неотвратимо — это уже можно было заметить невооруженным глазом.

— Верка-а-а!! — заорал Тамура, сигая через перила. Сориал и Мак Грегори, позабыв о пиве, метнулись к флаеру. В диспетчерской они, уходя со смены, даже окна не затворили — легко представить, что могла натворить налетевшая буря.

— Верка-а-а!! — Тамура взлетел по ступеням, ворвался в коттедж, пересек прихожую и забарабанил в дверь ванной. — Выходи, сейчас такое начнется!

— Чего орешь, идиот косоглазый! — прошипела Верка, выныривая из ионизаторной и на ходу запахивая халат.

Тамура молча ткнул пальцем в сторону входной двери. Его даже не особо интересовал в данную минуту небезынтересный вид под небрежно запахнутым халатом диспетчерши.

Верка скептически покачала головой и вышла на крыльцо.

— Мамочки, — обмерла она уже на пороге. А потом развернулась и, не обращая внимания на незастегнутый халат, помчалась к терминалу. Полы вызывающе развеивались, но Верке было не до этого. И Тамуре было не до этого — голых баб он никогда не видел, что ли? Он неотрывно смотрел на небо.

Зря Верка добрые десять минут вызывала Скотча — группа не отвечала. Не отвечали и спасатели, да и вообще эфир молчал как проклятый, ни звука, ни изображения, только фоновое шипение и непонятное потрескивание, которое почему-то не подавлялось несущей частотой. Невнятно чертыхаясь и шипя, будто рассерженная виверна, диспетчерша бросила бесплодные попытки связаться и метнулась в спальню, одеваться.

Тамура тем временем присоединился к товарищам во флаере. До космодромных построек было от силы пару минут лету — местных, разумеется, минут.

Вел Сориал; МакГрегори исподлобья зыркал на исполинский фронт за лобовым пластиком.

— А ведь это не буря, — сказал МакГрегори неожиданно спокойно, когда они уже подлетали. — Смотрите, по краям просветы. Такое впечатление, что на космодром прет нечто... большое. А к погоде это отношения вообще не имеет.

Несмотря на солидный опыт, ни одному из диспетчеров еще не доводилось воочию наблюдать посадку или пролет больших атмосферных кораблей. Но выводы делать космодромщики все же умели.

— Черт меня подери! Корабли! Вот о чем толковал физик с универовской станции! — осенило Тамуру.

— Э-э-э? — не понял Сориал. — Разъясни.

— Да звонил с час назад какой-то псих со станции. Физик. Связи, говорил, нет, и кораблей, говорил, военных у Табаски туча. Я думал, он с перепою или недосыпу. А оказалось...

— Н-да. На корабль это и впрямь похоже больше, чем на грозу. Только уж очень на большой корабль, — согласился МакГрегори. — Никогда таких не видел.

Флаер косо нырнул к грунту и, проелозив брюхом по буйной муравке, замер у диспетчерской. Все трое дружно повыскакивали наружу и помчались ко входу, даже не потрудившись захлопнуть колпак.

В дежурке Сориал сразу же принялся затворять окна, МакГрегори уселся за головной пульт, а Тамура устроился у терминала связи.

Тщетно. Как и Верке, ему не удалось ни с кем связаться. В том числе и с недоверчивым физиком с универовской станции. Молчали рыбаки, молчали животноводы, молчали диспетчерские остальных космодромов, молчал узел связи головной фирмы. Верку — и ту Тамуре не удалось вызвать. Впрочем, она могла убежать из коттеджа к кому-нибудь из девчонок-коллег.

МакГрегори бегло проглядел журнал входящих тиков — ни единого тика зарегистрировано не было. Кем бы ни оказался приближающийся корабль, заявлять о себе и идентифицироваться он не соизволил. Да и вообще аппаратура вела себя странно, такое впечатление, что диспетчерская питалась от полудохлых батарей. А потом вообще все погасло.

— Вот, блин! — выругался Тамура в сердцах. — У меня терминал отрубился!

— У меня тоже, — хладнокровно сообщил МакГрегори. В этот момент над космодромом с ревом прошел первый штурмовик. Клубящийся фронт достиг космодрома, и теперь стало видно, что вдали, в разрывах туч, кое-где проглядывает брюхо круглого, как блин, гигантского космического корабля. Скорее всего, увы, военного.

— Да что же творится-то, братцы? — жалобно спросил Сориал, неотрывно глядя в окно.

Ему никто не ответил. Космодрома как раз достигла фронтальная воздушная волна. Плотная и тугая стена воздуха — ее гнал перед собой огромный корабль.

Заволновалась трава, взъерошилась стена джунглей, заколыхались верхушки кедрокленов, рониксов и падьмодендронов. Ветер ударил в здание диспетчерской. Хорошо, что Сориал успел закрыть все окна — иначе их вполне могло расколотить о стены или вовсе выдрать из петель. Прозрачный оконный пластик похрусты-вал и прогибался. Колпак флаера захлопнуло шальным потоком, а сам флаер столкнуло с лысой площадки перед входом в диспетчерскую,, опрокинуло набок и несколько раз перевернуло через крышу.

Потом первый поток схлынул; настало короткое затишье. По шевелящейся траве было видно, как к диспетчерской подбирается вторая волна. Корабль тем временем накрыл уже и турбазу, и ближайшие окрестности. Сквозь завихрения потревоженного воздуха стал заметен чудовищный инверсионный след за его кормой.

Не успели Тамура, Сориал и МакГрегори оправиться от первой растерянности, как корабль выронил из-под днища несколько катеров. Чуть позже выяснилось — десантных. Они зависали над космодромным полем, упирали в землю белесые столбы гравитационных лифтов, в толще которых тотчас начиналось вертикальное мелькание и мельтешение. А потом лифты деактивировались и катера взлетали, а на космодромном поле оставались группы инопланетян-пехотинцев. Катер покрупнее сбросил четыре шагающих танка и тоже ушел в то место, где еще совсем недавно располагался зенит, а теперь нагло чернели пятна отверзнутых грузовых трюмов планетарного крейсера.

— Десант, коллеги, — сказал побледневший МакГрегори. — Инопланетяне. Вторжение.

— Вторжение? — недоуменно переспросил Тамура. — На Табаску? Да что здесь достойно захвата? Диспетчерша Верка или кошкун с выводком у беседок?

— А ты можешь подобрать иное название всему, что происходит? — жестко отбилс МакГрегори. — Нет, дорогуша, давай уж называть вещи своими именами. Именно вторжение. А значит, на Табаске имеется нечто такое, ради чего инопланетяне решились атаковать не что-нибудь, а планету доминанты Земли. И если мы об этом ни ухом ни рылом, то это лишь подтверждает важность этого... чего-то пька не названного.

Тамура зло хрустнул костяшками пальцев и смолчал. Вероятно, ему нечего было возразить.

— Это кто? Никак не рассмотрю, — жалобно спросил Сориал спустя минуту. Тамура, до боли сжав челюсти и почти не моргая, глядел в окно.

По-моему, шат-тсуры, — ответил дальнзоркий МакГрегори. — Скелетики. Из высших рас второй волны. Значит, серьезное вторжение, а не кавалерийский наскок каких-нибудь новоразумных. А у нас даже оружия нет.

МакГрегори сокрушенно вздохнул.

— Оружие есть в запасниках, — вспомнил Тамура. — Плазменные охотничьи ружья. Только завхоз вместе с группой на маршрут ушел, а кодов, по-моему, девицы из obsługi не знают.

— Да вы что, с ума посходили?! — воскликнул Сориал. — Какие ружья?! Нас всего трое! Против крейсера! Это ж самоубийство!

— А ты что? — мрачно осведомился Тамура. — Предлагаешьдохнуть покорно? Может, давай выйдем, подставим шеи. Чтоб скелетикам сподручнее резать было...

— Не кипятись, Тамура, — осадил его рассудительный Дэвис МакГрегори. — В чем-то он прав. Втроем мы много не навоюем. Да и до оружия еще добраться нужно.

— И что ты предлагаешь взамен?

— Спрятаться. Пока.

— Куда?

— В лабораторию. Если они не додумаются просканировать все датчиками биомассы, может повезти.

— Так пошли! — моментально вскочил Сориал. — Чего ждать?

Два шагающих танка перли через поле прямо к одинокой башенке диспетчерской. Остальные два, смешно приседая, спешили к зданию космопорта и грузовым терминалам. Десантники разделились: некоторые забрались на броню танков и с относительным комфортом ехали, некоторые рысцей трусили следом за танками.

— Пошли. — МакГрегори оторвался от окна и направился следом за товарищами к лестнице.

На первом этаже они не свернули ко входу, а спустились еще на уровень. Под землю уводили удлинненные пролеты пенебетонной лестницы. Подвальные помещения прятались под поверхностью на добрых тридцать ун — примерно на пятнадцать метров. Высота обычного четырех-пятиэтажного здания.

Каждый космодром по штату обязан был иметь лабораторию для коррекции и проверки астрогационных расчетов. Даже такой кроха, как космодром турбазы на Табаске. В любой момент случайный корабль мог запросить помощь по вычислительным мощностям — вследствие поломки или еще каких непредвиденных обстоятельств. И диспетчерская смена обязана была оказать любую посильную помощь. Но в условиях планеты точность многих измерений оставляла желать лучшего: мешало все, от гравитации до влажности и атмосферного давления. Поэтому каждый космодром комплектовался подземной автономной лабораторией, эдаким гигантским сейфом. Там моделировалось состояние, сходное с околопланетным вакуумом. В этой лаборатории и проводились необходимые измерения. Именно сюда стремились застигнутые врасплох космодромщики.

Двери «сейфа», насколько помнил МакГрегори, с позапрошлого года оставались открытыми. Значит, воздух в лаборатории есть. Не-беда, что диспетчерская осталась без энергопитания: шлюз в лаборатории имел полумеханическую блокировку. При необходимости можно было заавтономиться и вручную.

Что они и проделали. Величаво затворилась толстенная дверь, шелкнули замки, негромко пыхнул герметизатор. Тамура потерзал пьезозажигалку, но, кроме искры, ничего высечь не сумел. У МакГрегори нашлись обыкновенные спички: эти зажигались без проблем.

— Техноблокада, мать ее, — ругнулся Тамура. — Даже зажигалка не работает!

— А как же их танки? — спросил Сериал. — Ни хрена не понимаю.

— Экран, — пожал плечами МакГрегори. — Зная частоты подавления, легко от них заслониться. Ручаюсь, оружие у скелетиков исправно стреляет. Хотя я где-то читал, — что не всякую аппаратуру возможно заэкранировать.

— А биосканеры нас тут засекут? — мрачно поинтересовался Сориал.

Тамура нашарил в едва разгоняемой огоньком спички темноте дежурный ящик и добыл свечу. Возможно, это смешно, но иногда астрогационные расчеты диспетчерам наземных автономлабораторий приходилось делать при свечах. Дабы свести помехи и погрешности к минимуму.

— Биосканеры... — пробормотал МакГрегори, сохранивший больше всех самообладания и решимости. — Хотел бы я знать! В теории изоляция лабораторий нейтрализует практически любое излучение. Кроме нейтрино и тазіонов, разумеется. Стало быть, и поисковый луч биосканера рассеивается. Но до определенного предела. Если у них достаточно мощные излучатели — они нас засекут. Если ручные — возможно, что не засекут.

— Веселенькое дельце, — буркнул Тамура и поежился. Игра «выкури крысу из норы». Знаете такую?

— Нет, — сказал Сориал и зябко втянул голову в плечи.

— Если крыса прячется в нору, — терпеливо стал объяснять Тамура, — ее оттуда выгоняют. Например, льют в нору воду, ведро за ведром. Мы в детстве так развлекались.

— А если нора сквозная? Со стоком? — поинтересовался МакГрегори.

— Все норы со стоком. Почти все. Но в этом и состоит смысл игры: добиться, чтобы приток воды оказался выше стока. В этом случае крысе ничего не остается, как выйти. И тогда ее убивают.

— А почему это называется «выкури», если крысу выгоняют при помощи воды?

— Иногда выгоняют при помощи дыма. Но смысл игры не меняется.

— Веселенькие у вас в детстве были игры! — хмыкнул МакГрегори.

— Детские игры всегда жестоки, — равнодушно заметил Тамура. — Впрочем, игры взрослых недалеко от них ушли, Дейв. Думаю, нынешнее вторжение — лучший тому пример.

— А я первое в своей жизни ведро — обычное, жестяное — только в училище увидел. Когда дневалил... — непонятно к чему сообщил МакГрегори и о чем-то крепко задумался.

Никто не ответил.

Сориал зачем-то принялся копаться в дежурном ящике. Выудил еще несколько свечей, спички, пачку чаю, стакан и несколько простеньких приборов.

— О! — со значением сказал он, указывая на один из них. — Это же сшиватель!

Сшиватель внешне немного напоминал пистолет; принцип его действия заключался в следующем: портативный излучатель давал рассеянный плазменно-лазерный луч, в котором практически любое вещество начисто теряло межмолекулярные связи. Облучи два предмета и слегка сожми их — после выключения сшивателя межмолекулярные связи восстановятся, и предметы окажутся как бы единым целым. Никакого клея не нужно. В определенном смысле сшиватель можно было рассматривать как оружие ближнего боя.

— Техноблокада, — напомнил МакГрегори, шевельнув бровями.

— Ну, не век же ее держать будут! — резонно заявил Тамура и отобрал сшиватель у Сериала.

— А ножей там нет? — поинтересовался практичный МакГрегори.

— Ножей — нет. Только отвертка... и пара щупов.

— Значит, колющее, — подытожил МакГрегори. — Паршиво, братцы, у шат-тсуров очень прочный экзоскелет. Впрочем, ножом его тоже не особо пробьешь...

Снаружи не доносилось ни звука. Поэтому космодромщики так никогда и не узнали, что именно в этот момент к шлюзу лаборатории приблизились четверо шат-тсуров, обшарили все окрестные помещения, потрогали заблокированный ручной замок, тщетно подергали дверь, просканировали зону ручными биоанализаторами, обменялись парой певучих фраз и убрались вверх по лестнице, зачищать турбазу.

Троица диспетчеров просидела в лаборатории до глубокой ночи; потом они приняли решение выбираться. К этому времени все работницы турбазы были пленены десантниками Шат-тсуров; в коттеджах без излишней спешки размещался наземный корпус «Сизых скелетов»; в административном коттедже разворачивали штаб, а на месте тренировочных площадок, расширенных при помощи турельных лучеметов, устроили стоянку танков и вездеходов на гравиподушке. Два малых крейсера и корабль поддержки сели на космодроме.

Допрос Верки — номинально старшей на турбазе — шат-тсурам ничего не дал. В отличие от остальных женщин она ничем не выдала испуга и растерянности, а на все вопросы офицера-десантника ответила двумя фразами:

— Наши в лесу, на маршруте. И они вам пооткручивают ваши поганые бошки, когда вернутся.

В общем, Шата Урву в итоге достигла следующая информация: на южном космодроме при туристической фирме захвачено восемь пленных, все самки; остальные хомо находятся в лесу, они вооружены и будут оказывать сопротивление при попытке захвата.

Командующий вторжением счел эту информацию вполне удовлетворительной, отдал команду начать поиски этих самых вооруженных «остальных» и, ясное дело, сломить всякое возможное сопротивление. По выполнении — доложить.

Специальный отряд «Сизых скелетов» в этот момент как раз продирался сквозь джунгли к запеленгованному поисковому рейдеру. Рейдер плюхнулся на речное мелководье довольно близко к захваченной турбазе и, похоже, застрял там. Шат Урву решил, что разумно будет перебросить его к космодрому, а там уж осмотреть лично.

С захватом прочих намеченных на Табаске точек тоже не возникло никаких проблем. Вообще. Очень скоро после начала вторжения единственными еще не плененными людьми на планете остались только экипаж поискового рейдера, группа с турбазы да еще одинокий рыбак с небольшого островка, умотавший накануне (если верить его самке-сожительнице) на промысел десятиногов.

В целом задание Унве выполнялось вполне успешно, о чем командующий не замедлил доложить. Унве остался доволен.

Странности Скотч стал отмечать примерно трое суток назад.

Целую неделю, даже больше, все шло в лучшем виде. Туристы осваивались в джунглях и потихоньку учились преодолевать стартовые, еще нестрашные трудности.

В первый же день Хидден выследил здоровенного платочника, подхмелил его как полагается и в нужный момент сбросил с дерева на голову Гуниле Бот. Визгу было — на половину Табаски. Зато муж Гунилы ничуть не растерялся: не раздумывая, сцапал платочника за край, сдернул на тропу и пригвоздил к почве выхваченным мачете.

Вообще-то платочники питались исключительно цветочной пылью и опасности для человека ровным счетом никакой не представляли. Но Скотч прекрасно понимал чувства новичка в этом диком зеленом мире, когда со свисающих к тропе непроглядных ветвей паль-модендрона на голову тебе или соседу валится что-то большое, почти неразличимое на фоне листвы, да еще совершенно потусторонне стонет при этом. Потусторонность объяснялась просто: платочники между собой общались на низах, прихватывая и инфразвуковой диапазон. В общем, бледный Тентор, расставшись с мачете, в тот же миг схватился за ружье, но Скотч стрельбу счел излишеством, быстро восстановил порядок и всех успокоил. Платочника-испекли на прутьях и съели этим же вечером.

Потом Солянка доложил, что совсем рядом с промежуточным лагерем должно пройти стадо титаноносов — животных в целом не опаснее платочника, но видом своим воображение попросту потрясающих. Особенно по первому разу. Ибо размером средний титанонод раза в два с половиной крупнее почти вымершего земного африканского слона и в полтора — селентинского листоеда. Скотч намеренно затянул дневку и выставил в охранение с нужной стороны Фаусто Аркути. Подолана от греха убрал в противоположную сторону.

Вид стада титаноносов, пробирающихся через джунгли, беднягу Фаусто буквально пришиб. Но Скотч остался доволен парнем: мчаться к лагерю с воплями тот все же не стал. Примчался молча и сразу принялся горячо шептать Скотчу на ухо о чудовищах, которые вот-вот растопчут лагерь. Скотч велел всем зарядить ружья, но ни в коем случае не стрелять. И повел на смотрины.

Титаноносы шли минут двадцать, не меньше — бурые мускулистые туши, опирающиеся на колонноподобные ноги. Полувертикальные туловища и горбоносые головы размером с человека... Скотч никогда не встречал более величественных существ. Да и туристам разговоров и восторгов хватило на остаток дня и следующее утро.

Подолану выпало плюхнуться в реку при переправе. Труднее всего оказалось не позволить ему плюхнуться раньше времени, до того как он наступит на заботливо ослабленный пролет подвесного моста через Сайру. Двадцатиметровый полет Подолана все пронаблюдали, затаив дыхание, а потом довольно долго выуживали штатного клоуна из воды, потому что бедняга Аноп, сплавившись метров на сорок вниз по течению, умудрился зацепиться рюкзаком за нехоти подвернувшуюся корягу и намертво заякориться, да так неловко, что руками ничего и не поделаешь. Пульт компенсатора Подолан, разумеется, выронил, а запасной лежал в рюкзаке. Так и пришлось ему торчать на перекате, глотая брызги и распикивая ногами настырных рыбин, прущих на нерест и поэтому потерявших всякую осторожность. Подолана, разумеется, спасли, заодно обеспечив ужин. Уха вышла потрясная.

На следующий день свернули на север и пошли вдоль Сайры. Перед ужином совершенно неожиданно и случайно Воронцов, отойдя по малой нужде, столкнулся с дракотом, Дракот, к счастью, был молодой и уже сытый — собственно, Воронцов вышел как раз к месту его пиршества. Но даже молодой дракот — это дракот, и, завидев человека зверь ринулся в атаку. Не попади Воронцов ему в башку первым же импульсом, Скотч мог схлопотать первое в своей карьере ЧП с леталом. Но Воронцов попал, и дракот накрыл его уже мертвым. Когти пропороли Денису бок, правда, совсем неглубоко, а зубы оцарапали лицо. Раны Воронцова врачевали все оставшееся до заката время; до самой темноты Скотч не мог улучшить минуту и вызвать спасателей для основательной взбучки: прохлопать дракота вблизи маршрута уже само по себе ЧП. Скотч копил злость и с трудом сдерживал громы и молнии.

Воронцову вскоре вкатили сеанс взрывной регенерации, так что тот бессильно валялся в палатке, мокрый как мышь, и более проблем не доставлял. От лагеря Скотч отходить запретил, в кусты наведываться позволил только группами и с оружием.

И надо же этому случиться, что именно в эту ночь ничего не подозревающий о дракоте Солянка оставил Жбана с Хидденом на ночевке, а сам отрубил рацию и поперся в лагерь.

Зачем? О, это вообще отдельная песня. Приблудившийся к группе мистер Литтл обязанностей на маршруте по понятным причинам не имел. Скотчу и Валти было особо не до него, хватало хлопот с туристами. Поэтому за Литтлом никто и не следил. А тот, оказывается, взял моду под вечер прихватывать фляжечку спирта из своего запаса и отползать к невидимкам-спасателям. Приняв дозу, четверка некоторое время болтала в свое удовольствие, а потом Литтл возвращался в лагерь и благополучно заваливался спать, поскольку обитал он в отдельной одноместной палатке из личного запаса, в снаряжении турбазы таких не водилось. А накануне, когда колдовали над ухой, Патрис Дюэль выложила в общий котел целых два пакетика каледонского перца. Скотч подозревал, что каждый из пакетиков стоил больше всего снаряжения группы, вместе взятого, раз в пятьдесят. Присутствующие натурально отвесили челюсти, ибо приправа сия с Новейшей Каледонии практически не вывозилась, да и производили ее ничтожно мало. В общем, жест Патрис был оценен. Литтл, чертов пройдоха, каким-то образом умудрился выведать, что этими двумя пакетиками запас Патрис не ограничивается. А вечером разболтал о случившемся чертову кулинару Солянке. И тот, ясное дело, в спиртовом угаре не устоял перед подобным соблазном. Тем более что намереди, когда обходил окрестности стоянки, набрел на гнездовье нелетающих птиц-дурынд, а эти твари славилась вороватым нравом вкупе с потрясающей сообразительностью, и на них можно было свалить любую пропажу — против этого даже Скотч бы не посмел возразить. В общем. Солянка отловил для верности аж двух дурынд, уточнил у Литтла, в какой палатке обитают Патрис с Валентиной, и отправился на дело. Уголовничек, блин! Впрочем, в известной изобретательности Скотч пройдохе Солянке отказать не мог. Рюкзаки по распоряжению Скотча вся группа оставляла перед входом, в промежуточном клапане палаточного модуля. Какая-никакая, а преграда, если вдруг какая зверушка в палатку сунется. Поэтому Солянка мало чем рисковал. Он хладнокровно дождался, пока все не расползутся спать, пока Скотч не отойдет от лагеря, дабы пообщаться по рации с остальными спасателями, без труда миновал охранный периметр, пробрался в нужную палатку и принялся беззастенчиво потрошить рюкзак Патрис. Но на его беду, у девчонки оказался на редкость острый слух. Или на редкость развитое чутье. И она решила проверить — что там в клапане творится. Солянке пришлось в спешке выпускать дурынд и ретироваться в ближайшие кусты. На дурынд Патрис и Валентина среагировали одинаково и вполне для женщин естественно — визгом. Скотч выронил рацию и помчался в лагерь, как раз через кусты, где намеревался спрятаться Солянка. Попадаться на глаза боссу Солянке не хотелось совершенно, поэтому он упал куда попало и затаился. Оказалось — в лужу, где кишмя кишели озерные крабы, за что Солянка поплатился немедленно. Куснули его не то шесть, не то семь крабов сразу. Тут и одного укуса врагу не пожелаешь... И вдруг — шесть! Или даже семь. Короче, Солянка плюнул на субординацию и спасательскую тайну и из лужи восстал — на свою беду, прямехонько в гостеприимные объятия Скотча. Вскоре и Валти подоспел. В общем, туристов успокаивали долго и нудно. Потом Солянка по полной программе отреб от Скотча — позже и в Других кустах. Уходить к Жбану и Хиддену пришлось хромя, несолоно хлебавши и вдобавок с взысканием в пассиве. А самое смешное в этой совершенно дурацкой истории выяснилось только наутро. Птицы-дурынды, не будь дурынды, таки умудрились под шумок спереть у Патрис записную книжку, а У Валентины — зеркальце! В другой ситуации все сотрудники «Экзотик-тура» хохотали бы над такой историей до полусмерти, но ни Солянке, ни-Скотчу в тот раз было совсем не до смеха. Записнушку Патрис потом все-таки нашли, в гнездовье, куда Скотч привел всех утром. Включая уже вставшего в строй Воронцова. А зеркальце кануло без следа. Наутро Солянка протрезвел. И ужаснулся содеянному. Он в жизни никогда ничего не крал — да и тут, если напрячь извилины и вспомнить вчерашнее, речь шла не о воровстве. Солянка хотел приготовить вкуснятины и, разумеется, накормить до отвала всех, включая хозяйку чудодейственной приправы. Причем Солянка не гнался даже за славой, понимая, что спасательскую анонимность Скотч раскрыть не даст. Нормальному повару, может, раз в жизни выпадает такой шанс — приготовить фирменное блюдо, приправив каледонским перцем... Но все эти веселости, если отрезвиться, были нормальными походными буднями. Конечно, с перегибами — дракот, возмутительное поведение Солянки, — но все же буднями. А потом как-то сразу, в нарастающем темпе начали происходить совершенно нештатные вещи и приключаться совершенно незапланированные приключения.

Первым звоночком скорее всего выступил пустой склад неподалеку от Мангрового залива. Склады, случалось, разорялись животными. Но тут-постарался кто-то явно разумный.

Скотч вывел группу к складу с изумительной точностью, даром что тот отстоял от тропы чуть не на полтора километра. Но крюк к Мангровому заливу был запланированным — подобное зрелище предназначалось именно для туристов. Деревья на ножках, целая роща, и совершенно потрясающая фауна. Одни озерные крабы чего стоят! Ходячие плоскогубцы, едрить их... О том, чтобы бродить среди мангров босиком, даже речь не заходила. Тут и болотные сапоги могли не спасти. Ядовитыми крабы не были, просто их клешни легко развивали неправдоподобное, чудовищное давление на квадратный сантиметр. Но зато как вкусны, заразы! Что в супе, что просто вареными, что вялеными — пальчики оближешь. Охотиться на крабов Скотч, естественно, приказал Солянке. Поэтому тот с утра булькал в заливе подальше от туристских глаз, а Скотч взял Цубербюллера с Семеновым, пару пустых рюкзаков и направился к складу.

Склад располагался на склоне небольшого холмика, поросшего молодыми пальмодендронами, и был обращен входом в противоположную от залива сторону. Небольшое, словно игрушечное пластиковое крылечко, запертая дверца, которая впору пришлось бы разве что детской кукле, электронный замок... Замок был не вскрыт — просто вырезан. То ли специальным резакон, то ли какой-нибудь импровизированной горелкой или электроимпульсным аппаратом. Скотч будто вкопанный замер, когда увидел это. Затем порывисто шагнул, присел на одно колено и потянул дверцу на себя.

Внутри не осталось ничего. Вообще.

Ни одна тургруппа сроду не опустошала склад больше чем наполовину — старая и оправданная традиция. Мало ли. что может случиться? Зная, что вдоль маршрута всегда возможно пополнить запасы провизии, любому гиду легче дышится.

— Ух ты, — озадаченно сказал Цубербюллер. — Пусто! Он и Семенов не впервые ходили со Скотчем к разбросанным вдоль маршрута складам. Один поход даже совместился с мелким приключением. Очень некстати не пожелал открываться замок; охранную систему пришлось ломать, подключившись к ней с шикарной записной книжки Патрис, каковую книжку, в свою очередь, очень удачно потом спасли из гнездовья дурынд. Систему, разумеется, разобрали по кирпичикам, по базовым элементам, с воодушевлением затарились продуктами, ну а тот факт, что Скотч закрывал склад уже в совершенно штатном режиме на совершенно исправный замок... Зачем об этом знать туристам? Незачем, однозначно.

— Так... — Скотч никогда долго не убивался попусту. — Вместе с эн-зэ продуктов у нас дня на три. Причем это если охотиться и не экономить. Так что голодная смерть нам пока не грозит. Но охотиться все равно придется.

— А ближайший склад далеко? — поинтересовался Семенов. Тон у него был на редкость бесцветный и никаких эмоций не выражающий.

— Пару дней. Но я хотел сегодня задержаться, залив показать. И...

— Ну, наверное, можно вызвать кого-нибудь, чтоб мотнулись на флаере. А еще лучше — чтоб с турбазы доставили продуктов.

Турбаза сегодня с утра не ответила, но болтать об этом Скотч, разумеется, не стал. Да и вызывал он в штатное время, а Верка наверняка не торчит безвылазно в административном коттедже. Скорее уж, по обыкновению, мочится в ванне. Этот процесс среди персонала даже название специальное получил. Где, мол, Верка? А, как всегда, жабры отращивает. Поэтому Скотч особо пока не волновался — Верка отвечала не чаще чем через раз и вчера, и позавчера, и днем ранее. А вот полупрозрачный намек Семенова на то, что наверняка есть кому мотнуться в крайнем случае на флаере, Скотчу не очень понравился. О спасателях Семенов прознал, что ли?

Да и вообще. Скотч пару раз ловил себя на мысли, а Семенова — на каком-нибудь действии, странном с точки зрения дилетанта, но совершенно оправданном для завсегдатаев джунглей. Например, Скотч понял, что Семенов очень неплохо разбирается в следах. У Цубербюллера также имелись некоторые навыки, но Цубербюллер плохо знал местную фауну. А Семенов как-то обратил внимание Скотча на свежий след дракота. А потом взглядом указал на пальмодендрон, о который дракот явно точил когти. Или когда стоянку намеренно выбирали — Скотч еще не успел заикнуться, что от тропы антилоп Фрязина лучше убраться подальше, как Семенов подхватил уже было опущенный на траву рюкзак и зашагал в нужную сторону.

— Пойдем-ка назад, — буркнул Скотч, пряча глаза. Не хотел он пока выяснять отношения с Семеновым, тем более что тот вовсе не отягощал и без того

перегруженных заботами Скотча и Валти, а наоборот всячески помогал и способствовал.

Дверцу Скотч просто прикрыл, попутно перехватив не то сочувственный, не то насмешливый взгляд Семенова, как бы говорящий: «Надо бы заварить, командир!» Но Семенов вслух, конечно же, ничего не сказал.

— Если честно, — признался Скотч, обращаясь почему-то к Цубербюллеру, — пару раз бывали случаи, когда склады опустошались. Но не так. Однажды батарейка в замке сдохла — кошкуны тут как тут, все разорили. Однажды по весне отливавший хурмач сломал дверь и выжрал все, что нашел, дотла, даже рюкзаки. Но еще ни разу склад не вскрывали при помощи резака.

— Резака? — скептически переспросил Семенов. И продолжил: — Это не резак, коллеги. Это лазер. Боевой лазер в экономичном режиме, на минимуме мощности. Скотч даже замер на полушаге. Потом медленно обернулся.

— С чего ты взял, что это лазер, а не, скажем, какая-нибудь строительная импульсная пукалка? Семенов чуть заметно пожал плечами:

— По разрезу видно. Импульсные резаки пунктир делают. Горелка дает окалину и черные пятна. Ни того, ни другого в данном случае я не наблюдал. Значит, лазер.

— А с чего видно, что боевой?

— Потому что только боевой лазер на минимуме мощности прошьет пластик такого типа и такой толщины насквозь и оставит следы на дальней стене склада. А если бы был не минимум... Все равно разрез выглядел бы иначе.

Скотч мысленно ругнул себя. На дальнюю стену он вооб-Ще не удосужился взглянуть. Детектив, елы-палы!

Впрочем, никакой он не детектив. Он гид. Хороший гид хорошего тура, во время которого никакие стервецы обычно не вскрывают продуктовые склады вдоль маршрута боевыми лазерами. Пусть даже и на минимуме мощности. И если такая фигня случилась — нужно немедленно разобраться и наказать мародеров. Ведь тут — заповедник. Тут имеют право находиться только сотрудники и клиенты «Экзотик-тура» — и никто более. Лицензия все-таки.

Валти встретил Скотча вопросительным взглядом — видно было, что троица идет налегке.

— Склад пуст, — тихо сообщил напарнику Скотч. — Вскрыт лазером, похоже, что боевым.

Брови Валти изумленно уползли на лоб.

Было от чего.

В тот день питались исключительно крабами, благо Солянка, стремящийся искупить вину, наловил их совершенно неподъемную прорву. От туристов факт ограбления продуктового склада Скотч скрывать не стал — худа от такого приключения не будет. Даже в одиночку гид в состоянии поохотиться и настрелять дичи для полутора десятков человек. Заповедник же. Зверья — море. Да и тот факт, что поблизости могут бродить вооруженные боевым лазером люди или чужие, тоже скрывать не следует — пусть группа будет начеку. Но впечатление от красот Мангрового залива все же заметно смазалось. Лагерь караулить Скотч велел мистеру Литтлу, а сам, предварительно мигнув Солянке, чтоб прятался, привел народ на берег. Народ немедленно схватился за камеры, запечатлеваться на первозданном фоне. Ко всеобщему удивлению, камеры работать отказались, словно у всех сразу сели батареи. Потом немного половили крабов; без соответствующей сноровки и при отсутствии должных навыков улов получился жалковатый, но Валти незаметно натаскал из кустов добычу Солянки, усиленно делая вид, будто охотится на крабов чуть в отдалении. Поэтому все остались довольны — и по мелководью бродить долго не пришлось, и каждый по паре крабов изловил, и три рюкзака набили в итоге. Следующим днем снялись после легкого завтрака из остатков вчерашнего пиршества. Еще в дороге Валентина Хилько вспомнила и рассказала Скотчу о том, что дня три назад видела в небе довольно яркий болид, который должен был бабахнуться с соответствующей помпой. Но ожидаемых шумовых и сейсмических эффектов не последовало, из чего можно было заключить, что никакой это не болид, а вовсе даже космический кораблик, посадочный модуль, вошедший в атмосферу с превышением скорости. Скотч попытался восстановить события и привязать их к местности — выходило, что вышеупомянутый «болид» свалился как раз куда-то в окрестности Мангрового залива. Тут уже было над чем задуматься: Скотч моментально объявил привал и убрел в сторону перемолвиться со спасателями и связываться с базой. Ибо все больше убеждался: в заповедник пожаловали браконьеры. Спасателям он все рассказал, а база так и не ответила.

А ближе к вечеру Цубербюллер заметил далеко на западе еще один космический корабль. И не какую-нибудь жалкую браконьерскую шлюпку – что-то большое. Даже очень большое. Но рассмотреть получше корабль не удалось – он набрал высоту и исчез в небесной синеве.

Это мог быть и транспорт компании – такой корабль некогда садился на месте нынешнего космодрома (он-то и доставил на Табаску все необходимое для закладки турбазы). Но мог оказаться и не транспорт.

А уже после заката Скотч окончательно убедился, что рация не работает. Просто не работает, и все, хотя и батареи вроде бы несевшие, и не перегорело ничего, и не ронял он ее. рацию, на бульжную твердь.

Ночью Скотч спал плохо – все прислушивался. А потом и вовсе встал, отправив клюющего носом Подольна в палатку. От греха. Лучше самому подежурить, оно надежнее. Вскоре выполз и Валти, выглядевший угрюмее, чем обычно.

– Не спится? – буркнул он. – Алиттл, змей, опять спирт со спасателями глушит.

– Вернемся, я им покажу, – пообещал Скотч мрачно. – Даже директорскую униформу не поленюсь надеть. Хлебнут они у меня сладкой, блин, жизни...

– Погоди, нужно еще вернуться, – мягко сказал Валти. – и мне кажется, что проблем мы хлебнем сначала с извращением.

Скотч насторожился:

– Ты о чем?

– Да как-то все... криво. Ты разве не чувствуешь?

– Чувствую, – признался Скотч. – Причем со вчерашнего дня. Или даже еще раньше.

– Я тоже чувствую.

Но в ту ночь они напрасно вслушивались в голоса джунглей и напрасно вглядывались в слегка разбавленную лунным светом темень. Не произошло ничего плохого.

Плохое произошло следующим полуднем.

Гиды по очереди несколько раз пробовали вызывать турбазу или спасателей. Тщетно.

В полном молчании позавтракали, без обычных шуточек-прибауточек Подольна и неожиданных выходов Дениса Воронцова. Деликатесные озерные крабы не лезли в горло. В воздухе копилось и копилось напряжение – туристы уже давно почувствовали: что-то идет не так в их «Экзотик-туре». И если прежние приключения переживались весело, то теперешняя ситуация действовала на всех угнетающе. Даже На невозмутимого перевертыша, Нути-Нагути.

Скотч как раз подумывал – не взяться ли снова за мертвую рацию? Мало ли, может, какие помехи, может, какое-то неизученное атмосферное явление Табаски глушит передачи. Вдруг оно прошло?

Первым две ковыляющие от сплошной стены леса фигурки заметил даже не кто-нибудь из гидов – заметил Семенов. Одна поддерживала другую, хромающую. Семенов сощурил глаза, вглядываясь в даль, а Скотч поневоле проследил за его взглядом.

Секундой позже Скотч вскочил. С большого расстояния в фигурках трудно было распознать двоих спасателей, Солянку и Хиддена, однако основной гид-инструктор «Экзотик-тура» все же узнал своих подчиненных. Но самое интересное открылось, только когда они приблизились.

Оба были в изорванных комбинезонах, грязные как черти. Без оружия, без рюкзаков. У Хиддена была опалена борода; кроме того, он сильно хромотал. У Солянки вся левая половина лица превратилась в сплошной черно-синий кровоподтек и не все было в порядке с левой рукой, тем не менее он помогал ковылять Хиддену. Оба изо всех сил спешили к лагерю; видно было, что держатся они исключительно на нервах, у самого предела, за которым падают без сознания. А то и замертво.

Конечно же, обоим помогли дохромать и принялись хлопотать над ними с медицинскими пакетами наперевес. Правда, роли при этом сменились на прямо противоположные – вокруг номинальных спасателей Солянки и Хиддена хлопотали простые туристы. Все, кто платил деньги в том числе и за то, чтобы эти полуживые люди охраняли их на Табаске.

Скотч хмуро глядел на это. Потом встретился взглядом с Валти.

Зубр туристического бизнеса Табаски выглядел растерянным, но по блеску глаз и перекатывающимся ниже ушей желвакам Скотч понял, что напарник вот-вот наберется решимости. Дабы действовать нештатно. И поэтому Скотч решил самостоятельно переключить группу в режим «экстра».

– Так! – рявкнул он зло. – Внимание всем! Денис, Акоп, Фаусто, Орнела! Бросай пакеты, Орнела, ранеными займемся мы. Давайте вчетвером во-он туда, к тропе. Залечь, схорониться, контролировать оба направления. Если что не так – дать знать сигнальным выстрелом в воздух и отходить к лагерю. Напоминаю: обойма с

сигнальными выстрелами помечена красной полосой. Костя, Валентина, Нути! Вы — к реке. Все то же, контролируете русло, и вверх, и вниз по течению. Патрис, Влад — вы к лесу, там смотреть меньше, вдвоем справитесь.

— В лесу нас скорее спеленают или убьют, чем здесь. И увидим мы с гулькин нос, если твоих людей так обработали, — невесело предупредил Семенов. — Впрочем, если надо — мы пойдем.

Бледная, но решительная Патрис переводила взгляд со Скотча на Семенова и обратно в ожидании окончательного приказа.

«Умный, черт! — подумал Скотч о Семенове. — Ведь правду говорит, много они там не накараулят».

— Ладно, в лес не суйтесь. — Скотч кашлянул в кулак и принял из рук Орнелы медицинский пакет. — Вон там, у пригорочка пристройтесь.

— Добро. — Семенов подхватил ружье и встал. — Пойдем, Патрис...

Девчонка охотно последовала за Семеновым! чувствовалась в нем какая-то неоспоримая скрытая сила, уверенность и надежность, Женщины-это сразу отслеживают, неким таинственным женским чутьем, и держатся за таких мужчин мертвейшей хваткой.

Остальные тоже разошлись по указанным направлениям.

— А нам что? — в один голос спросили супруги Бот. Они выглядели очень серьезными и очень растерянными.

— А вы занимайте позицию у продуктовой палатки и глаз не сводите с-неба. Оттуда тоже могут... пожаловать, — нашелся Скотч.

В сущности, ему нужно было на несколько минут разогнать всех туристов, дабы приватно побеседовать со спасателями. И если уж разгонять, справедливо рассудил Скотч, так хоть с толком, а не тупо. Смех смехом, но в группе уже далеко не те беспечные увальни, которые совсем недавно прибыли на Табаску.

Боты, побеждая остатки одышки, направились куда сказано. Можно было вздохнуть с облегчением: наконец-то гида остались со спасателями наедине, без посторонних ушей.

— Докладывай, — велел Скотч Солянке. Несмотря на разбитую физиономию и подраненную руку, выглядел Солянка получше Хиддена.

— Нас атаковали, босс...

— Где Жбан?

— Не то убит, не то в плену. Мы не видели.

— А разве он не здесь? — Солянка зло харкнул на траву. — Он ушел еще ночью. До того как на нас напали.

— Кто напал?

— Солдаты. Инопланетяне. Приплыли по реке, на катере.

— Что за катер? Тип, размеры?

— Наш катер. «Амфисбена», такие у рыболовов на севере в ходу.

— Разговор был?

— Нет, они сразу начали стрелять. Не знаю, как нам удалось уйти, шеф. Впрочем, они нас не слишком старательно преследовали. Кажется, больше их интересовал бункер у Дуплистого леса.

— Тьфу. — Скотч начинал злиться. — Вы навели их на бункер?

— Надо же было подбросить вам провизии после вчерашнего? — тихо сказал Солянка и умолк. А потом глухо добавил: — Бедняга Жбан...

— Валти, глянь, в палатке Лтптл или нет. Может, дрыхнет, алкаш хренов?

Валти сбегал. Вернулся, хмуро покачал головой из стороны в сторону. Значит, не дрыхнет...

Скотч с усилием отогнал черные мысли и попытался сформулировать очередные вопросы:

— Чем нападавшие были вооружены? Раса какая?

— Вооружены легкими лучевиками. Раса — вроде «скелеты». Я плохо рассмотрел, они все в камуфляже были, — ответил Солянка.

— Вот, значит, почему база не отвечает... — зло сказал Скотч. — Пираты чертовы! Неужели и там всех... повязали?

О самом худшем Скотч боялся говорить вслух. Не укладывался у него в голове тот факт, что на базе все могут быть мертвыми. Все — девчонки-диспетчерши во главе с беспутной Веркой, Мартина, хлопцы с космодрома. Все-все.

— Вряд ли это пираты, Скотч, — угрюмо пробасил Валти.

— Пираты — по большому счету сброд. И средств глобальной технблокады у них обыкновенно не бывает.

— Блокады?

— А отчего, по-твоему, сдохли рация, все браслеты, навигатор? Не в том дело, что нам база не отвечает. Дело в том, что наши рации ни хрена не передают.

— А ружья почему действуют?

— А что — ружья? Синтеза там нет, сетевых компонентов тоже. Проще ружей только ледорубы — этими тоже удастся попользоваться, можешь проверить. К тому же, если техно-блокаду ставят военные, на простейшее оружие она, как правило, не распространяется. Десинтор какой-нибудь или спин-крешер однозначно сдохнет. А плазменник или древний сак-томет все равно будет плеваться, ибо что ему сделается? Иное дело — средства связи. Они хоть и несложные, а подавляются всегда и с первых же минут.

— Черт, — выругался Скотч. — Если это не пираты, тогда кто?

Валти не успел ответить.

— Корабли! — послышался истошный крик Тентора. — Корабли в небе! На западе! Все разом вперились в голубой купол над Табаской. Кораблей было четыре; построившись ромбиком, они резво неслись куда-то в направлении Мангрового залива. За каждым тянулся ватный инверсионный след, ясно видимый на фоне глубокой синевы. Шли они на высоте от силы полукилометра; каждый походил на наконечник копья, насаженный на длинную иглу.

— Вон еще, — подсказал незаметно откуда вынырнувший Семенов. Похоже, он вообще никуда не уходил. Подслушивал, сидя за ближайшей палаткой.

Скотч поглядел, не успев возмутиться самоуправством Семенова. Над Сайрой шла еще одна четверка. В тот же момент залиvisto бабахнул сигнальный выстрел — небось туристы-наблюдатели у реки решили предупредить о кораблях.

— К палаткам! — чужим голосом рывкнул Скотч и подхватил болезненно охнувшего Хиддена.

Все попрятались; маскировочный окрас палаток делал их малозаметными на фоне окружающего пейзажа. К тому же лагерь Скотч благоразумно расположил в небольшой рощице, окруженной довольно просторным лугом.

— Ты почему здесь? — жестко спросил Скотч Семенова.

— Уходить отсюда надо, Вадим, — мягко сказал Семенов. — Поверь мне. Вопрос он ненавязчиво проигнорировал. Поинтересоваться, почему именно он должен верить Семенову, Скотч решил несколько позже. Когда чужие корабли пролетят мимо. Казалось — так и произойдет, они уже начали удаляться...

И вдруг ближний к лагерю порывисто нырнул к земле, а остальные стали закладывать плавный разворот.

— Проклятие! — выдохнул Валти. — Обоймы у нас где?

— У меня — на поясе, — зло буркнул Скотч.

— Поясных может не хватить...

Скотч проверил — не считая сигнальной, обойм было четыре, по тридцать шесть выстрелов каждая. Плюс еще не до конца расстрелянная примкнутая. На что, черт возьми, намечает Валти?

Корабль тем временем завис недалеко от опушки и уперся в траву туманным столбом гравифлифта. В столбе замелькали силуэты десантирующихся инопланетян. Вопреки ожиданиям, по высадке корабль не ушел вверх, а протянулся метров на полета в сторону и мягко сел. Мягко и практически бесшумно — да и когда он летел, слышался только сухой свист рассекаемого плоскостями воздуха.

Десантников насчитывалось десятка три, не меньше. Скотч на всякий случай взглянул на небо — остальные три корабля по спирали кружили над окрестными джунглями.

«А ведь у них биодетекторы! — дошло наконец до Скотча. — Ищут людей! И миниатюрные регистраторы небось высекают!»

Чужие шли точно на лагерь. Они и впрямь походили на скелетов, только состоящих из неправдоподобно толстых костей. Каждое ребро толщиной в руку взрослого мужчины. В области бицепса. Так что и не поймешь толком: то ли это действительно скелеты с толстыми костями, то ли странные существа с добрым десятком продолговатых щелей в теле.

— Интересно, где же камуфляж? — с некоторой иронией спросил Валти и поднял винтовку.

Первый залп смел шестерых чужаков. Стреляли все, даже синеликий Солянка. Даже бледный, как ухтинский снег, Хидден. Даже несдрейфившие Тентор и Гунила Боты. И со стороны леса по чужакам тоже стреляли — меж кустов опушки то и дело расцветали синие искры на плазмогасителях.

«Скелеты» сразу же залегли. В ответ они пальнули всего раз-другой, а потом стрелять и вовсе перестали. У Скотча неприятно заняла душа: не дай бог кто-нибудь, из туристов сунется из леса! Но, к счастью, никто не сунулся.

— Херово дело, — неожиданно прокомментировал Семенов. Кажется, происходящее его ни капельки не взволновало. Такое впечатление, что каждый день, за исключением законных выходных, ему доводилось затевать рискованную перестрелку с непрошеными пришельцами в заповедник.

— Что такое? — сипло поинтересовался Солянка.

— Они не стреляют в нас. Значит, приказано брать живыми. Сейчас мозголомку какую-нибудь врубят, и нам Хана. Соберут тепленьких, как грибы. Не пикнем даже.

— Какую еще мозголомку? — зашипел Скотч. Слова Семенова ему крайне не нравились.

— Психотропную, — спокойно пояснил Семенов. — Возобладает над тобою великая печаль пополам со скорбью, и направишься ты, голубец, прямо в лапы к этим дыротелам. Добровольно.

— Он прав, Скотче, — хмуро подтвердил Валти. — Во время прежней войны при десантах так и поступали, если не нужно было зачищать территорию.

— Да какая, мать вашу, война? — заорал, позабыв об осторожности Скотч. — Это же браконьеры!!

— Никакие это не браконьеры, — фыркнул Семенов. — Регулярный флот Тсурры. «Сизые скелеты», пустотники. А этих, — Семенов кивнул на Хиддена и Солянку, — судя по описаниям, подпортил спецназ или десант.

Тут разговор захлебнулся, потому что из леса, стреляя на ходу, поперли Воронцов, Подолян и Фаусто Аркути. Перли они прямо на залегших шат-тсуров.

— Ах ты, мать твою! — снова заорал Скотч, вскакивая. — Куда, идиоты, под импульсы?

Но шат-тсуры не стреляли. Просто лежали и ждали, хотя было видно, что они переползают с места на место, перегруппировываются. Наверное, чтобы удобнее встретить бездумно-отважную психическую атаку троицы туристов.

— Тю! — недоуменно сказал Семенов и тоже вскочил.

Только в отличие от Скотча он, не теряя ни мгновения, ринулся вперед.

Ружье он не взял.

Матерясь, Скотч понесся за ним следом; охнул и присоединился Валти; сцепив зубы, поднялся и с трудом потрусил Солянка. Даже Тентор Бот, прижав ружье к груди, встал и наладился было следом, но Гунила тут же сцапала его за рубашку. Бледный Хидден глухо попросил:

— Вкатите мне кто-нибудь обезболивающего, а? Куба четыре. Лошадиную дозу, черт вас всех побери! Я же стрелять не могу, плечо немеет!

Им занялась Патрис Дюэль, как раз вернувшаяся в лагерь с противоположной стороны.

Воронцова, Подоляна и Фаусто тем временем спеленал авангард шат-тсуров. Как понял Скотч — при помощи тривиальных парализаторов. Несколько «скелетов» героическая троица таки подстрелила, но почему-то это представлялось слабым утешением.

Семенов несся вперед, как курьерский вездеход на гравии-подушке. Не замечая ни рытвин на лугу, ни кротовых кучек, ни густого репейника. Скотч и остальные определенно отставали. Семенову навстречу тоже встали несколько «скелетов» с парализаторами, а олух Семенов не захватил ружья. Валил бы их сейчас на бегу как зебр на сафари...

Но Семенов непостижимым образом завалил их и без ружья. В одной руке он теперь держал мачете, а во второй — тонкий серебристый стержень длиной в локоть. Стержень Семенов держал за середину. Сквозь ряд встречающих шат-тсуров он прошел словно импульс из плазменника сквозь газету. «Скелеты» ломались, как шоколадные. Сразу в нескольких местах ломались.

В общем, пока к месту стычки доковылял Солянка, в живых не осталось ни одного чужака. Вернее, еще не умершие были — Скотч с ужасом взирает на перебитые толстые «кости», из которых сочилась густая коричневая жидкость. На проломленные черепа, на зернистую субстанцию во все той же коричневой жиже. Некоторые шат-тсуры еще дергались. Но сопротивляться больше не мог ни один. Большая часть из трех десятков была всё же застрелена, меньшую — с дюжину примерно — обработал лично Семенов. На этих смотреть было особенно страшно.

Как только локальная победа стала очевидной, Семенов развернулся, подобрал с земли какой-то предмет из арсенала чужих (но не стандартный биопарализатор — парализаторы Скотч в свое время даже в руках держал) и так же неотвратимо попер

к севшему кораблю чужих. К сожалению, не добежал: корабль немедленно взлетел. Семенов сразу замедлился и встал, недовольно глядя в небо.

Не веря себе, Скотч глядел, как корабль набирает высоту, присоединяется к троице, как раз завершающей очередной виток спирали, и все звено, перестроившись, убегает прочь, на юго-восток, в сторону турбазы.

— Отбились! — прохрипел Валти и зашелся в затажном приступе кашля. — Мамочки мои, мы их отогнали!

Из леса уже мчалась Орнела Аркути, а от речной опушки — Цубербюллер, Валентина Хилько и перевертыш. Семенов прекратил бесцельно пялиться в опустевшее небо и торопливо зашагал обратно.

Едва он приблизился. Скотч распрямился ему навстречу и набрал полную грудь воздуха. Но Семенов упредил вопрос и резко вытянул руку ладонью вперед:

— Объяснения потом, Вадим! Нам нужно убраться отсюда, прежде чем они пришлют подмогу. На этот раз не пехтуру, а спецназ, можешь не сомневаться.

Слова присохли к горлу. Он был прав, этот человек-загадка с затертой фамилией и заурядной внешностью. Засветилась группа «Экзотик-тура» весьма качественно.

Скотч хмуро глядел, как Семенов снимает с груди каждого из мертвых шат-тсуров небольшие шарики на вакуумном крепеже — не то датчики, не то еще что. Почему-то Скотчу совершенно расхотелось задавать вопросы.

Наконец Семенов закончил мародерствовать, выпрямился и выразительно взглянул на гидов.

— Снимаемся! — послушно скомандовал Скотч, взмахнув рукой.

И подумал: «Интересно, кто кем командует?» Никогда еще лагерь не сворачивался в такое рекордно короткое время. И это при том, что Воронцов, Подолян и Фаусто валялись парализованные и, следовательно, ничем помочь не могли.

Зато остальные буквально летали.

В джунгли они вломились на максимально возможной скорости. По свежей антилопье тропе к водопою; потом свернули на север, вдоль Сайры. Скотч нарочно выбирал места, где водилось много крупных копытных: он прекрасно помнил о биодетекторах. И еще одна деталь сильно его беспокоила. Отсутствовал мистер Литтл, беспутный завхоз турбазы. Скотч даже не смог отследить момент его исчезновения.

Между тем в отсутствии мистера Литтла не содержалось никаких особенных тайн.

Завхоз довольно скоро уловил нервное состояние гидов после цепочки неприятных событий. После выходки Солянки, после опустошенного склада, замеченного

Цубербюллером подозрительного космического корабля в небе, неработающей рации...

Солянку на подвиги спровоцировал, если разобраться, как раз мистер Литтл.

Точнее, спирт мистера Литтла; сей прискорбный факт отнюдь не добавлял настроения. Поэтому день после ловли крабов в Мангровом заливе Литтл выглядел мрачнее тучи, невзирая на то что с самого утра тяпнул полтора грамма. Стало только хуже.

Вечером сделалось вообще невмоготу — напряженные лица гидов и постепенно подтаившие худым настроениям туристы сильно действовали на нервы. Литтл потихоньку нацедил спирту из подушки во флягу; улучив момент, незамеченным подался в кусты и направил стопы в сторону стоянки спасателей.

Те обыкновенно устраивались на ночевку в километре-полтора от группы, не дальше. Нельзя сказать, что Литтл успел стать на Табаске знатным следопытом, но вообще-то стандартный маршрут Скотча и Валти изучил неплохо. И основные места стоянок — тоже. Поэтому, невзирая на темноту, к прикрытому огнеупорным куполом костерку спасателей он вышел без всякого труда.

Молча приблизился, молча подсел, молча разлил по походным стаканчикам. Спасатели молча выпили.

Происходящее им тоже нравилось не слишком. Вечерняя беседа со Скотчем мало что прояснила — вроде бы не находилось достойных поводов, дабы прервать тур, но и продолжение порою представлялось непростительной ошибкой.

За местный стоминутный час было произнесено не более полутора десятков слов.

Когда закончился спирт, недавно проштрафившийся Солянка сторяча выкатил бутылку седентинского хереса, и вот эта-то полировка, по-видимому, Литтла и стубила.

Во всяком случае, как пили, он еще помнил. А вот как отправлялся обратно в лагерь — уже нет. Спасатели, оставив Жбана на часах, отключились; Литтл прошел метров триста по направлению к лагерю, после чего позорно свалился в куст пушунии и захрапел.

Его хранила судьба: перед самым рассветом мимо проходила матерая виверна — местный хищник, один из самых опасных. Внешне виверна напоминала куницу при габаритах, сравнимых с габаритами леопарда. Говорят, дуракам и пьяным везет:

виверна еще не успела как следует проголодаться после ночной трапезы и сейчас просто подбирала место под дневку. Она осторожно понюхала ботинок Литтла, потом руку. Уловила запах спиртного, возмущенно фыркнула, нерешительно покрутилась у кустов и пошла прочь.

Литтл так и не проснулся.

Солянка с Хидденом тоже не спешили вставать. Лишь когда солнце забралось даже под плотный полог джунглей. Жбан толкнул приятелей и улегся поспать. Хидден прошел вокруг лагеря — так, на всякий случай, — а Солянка отправился за водой. Тут-то и накрыли их десантники шат-тсуров.

Жбана подстрелили спящим, в плечо. Он дернулся, попытался встать и рухнул, сраженный вторым выстрелом. Хидден, как раз подходивший к стоянке, успел наудачу пальнуть в неясную расплывающуюся фигуру впереди на тропе и сиганул в заросли. К слову сказать, выстрел его оказался удачным: плазменный импульс пришелся шат-тсуру прямо в голову. Солянка, набирая воду, заметил уткнувшийся в берег неподалеку морской катер «Амфисбена», чему немало удивился, а уже на обратном пути услышал выстрелы и окончательно осознал: творится неладное. Вскоре он засек двоих чужаков на тропе, совсем близко, метрах в пяти. Засечь их раньше помешал боевой камуфляж. Солянка швырнул котелок с водой в одного и пальнул во второго, но только ранил. И тут его крепко приложили чем-то по голове, слева: как видно, чужаков было много и они успели рассредоточиться по окрестностям. Метрах в двадцати ближе к лагерю матерился и стрелял направо-налево Хидден, а потом охнул и неловко упал на спину: ему повредили ногу. Секундой позже, совсем рядом оглушительно бабахнуло: разорвалась граната. Этот взрыв уложил второго шат-тсура и ранил еще двоих. Гранат у спасателей с собой не было, значит, разорвалась чужая. То ли кто-то из десантников лопухнулся, то ли плазменным импульсом ее зацепило — взорвалась, словом. Десантники благоразумно отступили, ибо не привыкли нести такие потери при банальной зачистке. Жбана они прихватили с собой. Солянка не замедлил этим воспользоваться: для остротки пострелял им вслед, сменил обойму в ружье и подполз к Хиддену. Тот был бледен, но в сознании. — Ты как? — спросил Солянка.

— Нога, — ответил Хидден, пытаясь приподняться на локте. — Жбан у них...

— Уходить надо. — Солянка бегло осмотрел рану Хиддена. — Жить будешь. Ходить тоже.

— А Жбан?

— На нас туристы, Хид, не забывай. Да и не отобьем мы Жбана, вон их сколько. Разве только все вместе. Так что...

Он помог Хиддену подняться, подставил плечо, и спасатели неуклюже похромали прямо сквозь заросли. Солянка поминутно оглядывался, но чужие почему-то их не преследовали. Через четверть часа они вышли к лагерю туристов.

Мистер Литтл пришел в себя во время короткого боя. Голова после вчерашнего предательски раскалывалась, а самое плохое, что при себе не нашлось ни капли воды. Только пара капель спирта во фляге. Плохо соображая, что делает, Литтл вернулся к лагерю — даже недавняя пальба его почему-то не испугала. Он видел, как отстреливается из кустов Хидден, как чужие пытаются спеленать Солянку, но молодчага Хид все-таки отгоняет их стрельбой, как чужие, еле видимые на фоне листвы, подбирают своих убитых и раненых, подбирают Жбана и спешно отступают куда-то в сторону бункера Дуплистого леса.

И тут у Литтла, что называется, упала планка.

«Наших бить? — свирепо подумал он. — Так, значит? Ну, подождите у меня!»

Почему-то Литтла не смутило даже отсутствие ружья.

Он пошел следом за чужими и меньше чем через час вышел аккурат к бункеру.

Десантники уже успели бункер вскрыть и как раз затаскивали внутрь своих пострадавших. Снаружи остался только оглушенный Жбан да двое шат-тсуров у входа — Литтл видел лишь коварное нечеткое марево, еле-еле обозначающее их силуэты.

— Ща я вас! — пробормотал Литтл, прячась за ствол здорового кедроклена. — Ща! Он пошарил на поясе. Обыкновенная рогатка да несколько шариков шокового парализатора — вот и все, что можно было счесть оружием. И снова Литтл ничуть не смутился.

Взрыв шокового парализатора валил с ног даже титанодона.

Литтл тщательно прицелился и вогнал шарик в бункер.

Бабахнуло так, будто взорвался оружейный склад. Из дверного проема полыхнул язык пламени, а потом вырвалась длинная дымная струя — настоящий столб, только наклонный, почти горизонтальный. Шоковый заряд в ограниченном пространстве бункера неизвестно почему заставил сдетонировать все гранаты десантников. Обоих

шат-тсуров у входа посеколо осколками и контузило. Тех же, что были внутри, вообще чуть на части не порвало. Одним выстрелом из рогатки мистер Литтл уничтожил всех. Выжил только Жбан, хотя его тоже контузило – струя прошла аккурат над ним.

Будь Литтл трезвее, вряд ли бы он набрался храбрости и сунулся бы в бункер. Но сейчас ему море было по колено: кипела злость, бурлил в крови адреналин, а главное – страшно хотелось пить.

В бункере Литтл первым делом вскрыл холодильник и хлебал полтора пакета апельсинового сока. Итолько потом осмотрел дело рук своих.

Камуфляж десантников действовать прекратил: генератор работал только на живых шат-тсурах. Так сделали специально, чтобы после боя легче было подбирать погибших. «Скелетиков» посеколо осколками, побило взрывной волной – бункер изнутри больше походил на бойню. Литтл, слегка отрезвленный соком и видом изуверченных врагов, озирался посреди тесного помещения. Зачем-то, хватая трупы за ключицы, сволок их к стене и сложил один подле другого, в два правильных ряда. Потом узрел на голове одного из чужиков знакомую гарнитуру hands-free-коммуникатора. Земного, между прочим, производства. Как ни в чем не бывало светился зеленый глазок готовности на коротеньком пестике микрофонной штанги, а секундой позже мигнул второй глазок: вызов.

Повинуясь внезапному порыву, Литтл подобрал гарнитуру и надел на голову. Коммуникатор работал в режиме объемной передачи. Чуть впереди Литтла ступил видеостолб; в нем обнаружился шат-тсур, вопросительно глядящий на картинку внутренностей бункера. От шат-тсура так и разлило начальственную; за спиной его виднелись другие шат-тсуры, свита.

И тогда мистер Литтл содрал коммуникатор, поднес видеодатчик к самому лицу, чтобы неведомый начальник мертвых десантников видел не то же, что Литтл, а самого Литтла, и свирепо прорычал:

– С вами, суки, будет то же самое! Я обещаю! После чего швырнул гарнитуру наземь и расплющил несколькими ударами ботинка.

Как он намерен исполнить данное обещание, Литтл еще не придумал.

ПАРЛАМЕНТЕРСКИЙ БОТ ДЗАННИ

Система Пронг-30, доминанта Земли

Бот вывалился из-за барьера в космическую пустоту, слабо разбавленную пылью и светом. Пронг-30 отсюда казался теннисным мячиком, ярким бликом на фоне несметных звездных россыпей. Бот финишировал вне плоскости эклиптики, в перпендикуляре, на расстоянии приблизительно равном расстоянию от Пронга-33 до светила. Теперь осталось отыскать на орбите нужную планету и проложить к месту встречи с нею аккуратную дугу в четверть окружности этой орбиты.

– Прибыли! – сказал унтер Раджабов и смешно крикнул, пошевелив ноздрями и усами.

– Опять табак нюхал? – с напускной строгостью спросил Маримуца.

– Я курить бросаю. – Унтер виновато шмыгнул носом. – Тяжкое это дело...

– Кутергин говорил, вовсе не тяжкое, – вздохнул Мари-муца, одновременно шелестя клавиатурой астрогаторского пульта. – Он сам раз десять бросал.

Раджабов фыркнул. В глубине души он завидовал некурящему Маримуце. Сколько пангала берегает, стервец, при его лейтенантском-то жаловании! А тут – не успел из финчасти в собственную какту притащиться, половина в дым, половину товарищи расстреляют, еще до финчасти не дошедшие. Тоска и несправедливость!

– Ты сканируй, сканируй, – напомнил ему лейтенант. Унтер тоже глубоко вздохнул и взялся за клавиатуру.

– О-о! – протянул он буквально через полминуты. ...

– Что? – сразу встрепнулся Маримуца.

– Флот! И немаленький для такого захолустья. Поближе к солнышку, у второй планеты. У, да там два планетарника в атмосфере! Вот это моща! – впечатлился Раджабов.

– Чьи?

– Почти все производства азанни. Но ручаюсь, что у нутре кто-то другой, построение для пташек нехарактерное, – профессионально оценил Раджабов. – Никаких крыльев, никакой продольной симметрии. Точно не азанни. .

– Как бы они нас не засекли, – забеспокоился лейтенант.

Он склонился над клавиатурой и зашелестел еще быстрее. В видеокубе над пультом возникали трехмерные проекции и ползли строгие столбцы расчетов.

— Маневровые запуск, — объявил лейтенант наконец. Тонкие голубоватые шнуры вырвались из дюз маневровых двигателей. Парламентерский бот, ускоряясь, лег на новый курс.

— Может, прыгнем, а? — нерешительно предложил унтер. — Тут же тащиться сутки, а то и больше. Засекут...

— Ты прав, — согласился Маримуца с неожиданной тоской в голосе. — Мне тоже неохота тащиться в открытую. Этот бот, поди, по всему космосу ищут. Но пока считаем, попутно начнем линейное сближение, все ж польза.

— Логично. — Раджабов оторвался от сканера, подпер коротко остриженную голову ладонью и подумал вслух: — Надо бы передачи их послушать, а, командир? Неспроста же они там роятся, у второй планетки. Как ее там? Табаска?

— Табаска. А роятся точно неспроста, — согласился лейтенант. — Да только вряд ли они в открытом режиме обмен ведут. А расшифровать флотские депеши... сам понимаешь. Но послушаем все равно.

— Пра... — начал было унтер и поперхнулся собственной фразой.

Над центральным пультом вдруг сгустился видеостолб с тревожной мигающей табличкой на переднем плане. Одновременно неприятно заверещала сирена.

— Это еще что? — всполошился Маримуца, вскакивая. Довольно быстро он понял — что.

— Ё-моё! Тут тазионарный счетчик установлен!

— А что ты хотел, это ж парламентерский бот. — Раджабов картинно развел руками.

— Да еще бот пика пирамид Азанни. Не хухры-мухры.

— Вот блин. — Маримуца упрямо наклонил голову и прищурил глаза — видеостолб был подстроен под зрение птичек-азанни. Людям он казался нестерпимо ярким. Кубы на соседних пультах Маримуца и Раджабов успели подстроить под себя, а представительским столбом никто заблаговременно не озаботился. Да никто и не подозревал о существовании на борту такого малого корабля тазионарного счетчика — вещи дорогой, довольно редкой и в общем-то нерассекреченной. Доминанта Земли по крайней мере их не производила ввиду отсутствия достаточно продвинутых технологий, хотя и использовала закупленные у более развитых рас. — Кто ж нас прощупывает?

— Кто-кто... Флот, — проворчал унтер. — Корабли-то конструкции азанни. Причем не самые старые, заметь...

— А почему только тазионарное сканирование? Где обычное?

— Обычное мы бы сразу засекли.

— Так и это мы сразу засекли! — Значит, они уверены, что у нас нет счетчика. — Шевеление началось там? Не видишь? — озабоченно спросил Маримуца. — Эх, быстрее надо прыжок считать, возьмут в клещи или в сачок — и тью-тю солдатики хомо...

— Не каркай, — суеверно попросил Раджабов. — Нет у них никакого шевеления. — И тут же поправился:

— Опа, в сотне мегаун истребители!

— К нам? — похолодел лейтенант.

— Нет, прут курсом на Табаску. Кажется, будут уходить в атмосферу.

— Следи! — рявкнул Маримуца, лихорадочно дотягиваясь до расчетов последнего, самого важного прыжка к Ухте.

Тут в рубку ввалились двое близнецов.

— Сэ-эр? — вопросительно протянул один из них, вытягиваясь в струнку. Кажется, Джерард.

И покосился на видеостолб с алой табличкой в объеме.

Сирена продолжала завывать.

— Сканируют нас, — уныло пояснил Раджабов. — Тут чужие, целый флот...

И ведь действительно флот. А то и больше. Под сотню кораблей, два пустотных суперкрейсера, два планетарника в атмосфере... Хотя это говорит скорее о специфичности задач, чем о реальной мощи флота. Как ни странно, но эти гиганты парламентерскому боту вообще не противники, особенно планетарники. Вот корветы какие-нибудь или улыи с истребителями — совсем другое дело.

— Отключи сирену, Рафик, — буркнул Маримуца и повернулся вместе с креслом к вытанувшимся у пульта Суондредам: — Вот что, гвардия! Понятия не имею, зачем нас сюда послали. Может, в качестве живца. Так что натягивайте-ка комплектики, если кто снял, и будьте готовы в любую минуту шлюзоваться и отстреливаться. А пока нас еще не шинкуют, упакуйте-ка жратвы, сколько получится. Если придется сигать за борт и валиться на Ухту — не помешает. И батарей, батарей побольше берите.

— Есть. — Десантники развернулись и пропали за перепонкой.
— Думаешь, придется сигать? — спросил Раджабов, исподлобья глядя на Маримуцу.
— Не знаю. Но лучше быть готовым.
— Это точно. — Раджабов вздохнул и некоторое время молчал.
— Слушай, командир, — оживился вдруг он, — а обычное сканирование в режиме фонового подбора засечь возможно?
— С объекта?
— Ну да!
— Вряд ли. То есть собственный фон засечь, разумеется, можно, а вот регистрирует его кто или нет — поди пойми.
— Тогда почему так часто пользуются обычным сканированием, если объект его легко засекает?

Маримуца удивленно повернулся к унтеру:

— Как почему? В бою зачастую наплевать, замечает твое сканирование противник или не замечает. А вот о нем самом поболее знать никогда не мешает.
— Но мы же сейчас не в бою, — резонно заметил Раджабов. — Скорее в разведке.
— В разведке чаще ограничиваются фоновым, ты прав, — согласился Маримуца.
Некоторое время оба мрачно созерцали скопище чужих кораблей в объеме проекционного куба. Изображение, разумеется, давалось в искаженных масштабах — размеры планеты, кораблей, а также расстояния между ними и ботом различались в десятки тысяч раз. Проекционный куб сводил это к понятной и весьма наглядной световой голограмме. Любой военный давно привык к подобным играм с масштабом.
— Хотел бы я знать — зачем на самом деле нас сюда заслали, — сказал Раджабов.
— Я сначала думал — просто уволочь бот в тихий угол. Да только угол мало похожим на тихий оказался...

Они еще долго сидели в рубке и нервно переговаривались, то и дело косясь на изображения в видеокубах. Чужие, к их удивлению, не обращали внимания на бот, который, перед этим гоняли по галактике, как исполнительный Бобик зазевавшегося котяру. Еще дважды включалось тазеоарное сканирование. Ненадолго, на минуту-две, не больше.

Потом астрогатор наконец рассчитал оптимальный прыжок к Ухте, и все с облегчением вздохнули.

Бот тут же бросили в короткую пульсацию; вскоре он уже обращался вокруг третьей планеты системы Пронг-30 на манер искусственного спутника.

Чужие хранили пассивность. В отношении парламентарского бота по крайней мере; вблизи Табаски их корабли совершали какие-то загадочные неспешные эволюции, изредка перестраивались, иногда ныряли в атмосферу или выныривали оттуда. Оба планетарных крейсера зависли над стационарными точками Табаски, скорее всего — в боевом режиме. Над этим еще стоило поломать голову: такие крейсера предназначались для атак на густонаселенные планеты. Что их могло заинтересовать на практически безлюдной и девственной Табаске, оставалось только догадываться.
— Н-да, — буркнул лейтенант Маримуца, в последний раз глядя на чернильный фон видеокуба. — Сплошные загадки. Ладно, гвардия, идем на посадку. Готовьте унты и снегоступы. Здравствуй, Ухта...

Парламентарский бот азанни с человеческим экипажем — снова изверг синеватые шнуры из дюз маневровых двигателей и начал снижение.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА»

Система Зомххад, империя Унве шат-тсур (формально PRONG-30, доминанта Земли)

Первые неприятности дошли до командующего вторжением лишь на третьи местные сутки. Приблизительно в полдень.

Шаты Урву и Ухода, руководители вторжения, еще накануне высадились на поверхность людского мирка. Первый, осуществляющий общее командование, на туристическую базу вблизи места приземления поискового рейдера хомо. Второй, командующий первой волной вторжения, отвечал за зачистку людских поселений; он обосновался на севере континента, в правлении рыболовецкого комплекса.

У Шата Уходы дела шли прекрасно: никаких проблем ни на большом континенте, ни на остальных. Не ожидающих нападения хомо пеленали быстро и без ненужных эксцессов. За неполные сутки зачистка маловажных точек и закрепление на более или менее значимых практически завершились.

Зато у Шата Урву, баловня судьбы и любимчика самого Унве, возникли непредвиденные накладки.

Рейдер землян нашли довольно быстро, однако он оказался пуст. Затеяли его эвакуации на турбазу хомо для детального изучения, но опытный Урву нисколько не сомневался, что на борту ничего интересного обнаружить не удастся. Искатели смылись, прихватив все материалы и сведения. Вполне разумный и оправданный поступок с их стороны.

Вдобавок нелепые угрозы самки хомо в первый день вторжения, кажется, мелкой руководительницы на турбазе, неожиданно оправдались. Тогда она кричала элите десантников, «Сизым скелетам», перед которыми дрожали даже воюки старых рас, что, дескать, гиды и спасатели, которые сейчас вместе с туристами на обычном рутинном увеселительном маршруте, скоро вернутся и зададут перцу чертовым дыротелам. Исамаровым шатта то бишь. Понятно, что этим бредням никто поначалу не придал значения.

Однако утром третьего дня вторжения дюжинный «Сизых скелетов» (военные иных рас называли бы его сержантом, но шат-тсуры отреклись от воинских званий и поголовно именовали себя просто слугами Унве), которым не далее как вчера вечером спешно перебрасывали в пользование плавучие катера северных рыболовов, доложил, что в лесу сканировщиками обнаружен склад и трое хомо невядалеке от него; по-видимому – те самые спасатели при группе туристов. Одного хомо удалось захватить в плен, двоим же неожиданно посчастливилось скрыться в джунглях. Причем хомо вели себя настолько агрессивно, что умудрились убить двоих десантников и ранить еще четверых. И это невзирая на полный боевой камуфляж! Урву, не веря себе, переспросил дюжинного, не ослышался ли он.

Оказалось – не ослышался. Захваченные врасплох, спросонья вожаки туристов стреляли на слух – и как стреляли! А потом растворились в лесу. Перед дюжинным не стояла задача пленения хомо, он искал техногенные следы в окрестностях посадки поискового рейдера. Поэтому преследовать свирепых хомо он не стал. И, похоже, правильно сделал.

Мобильная группа зачистки вскоре отыскала туристическую группу на маршруте, совсем недалеко от места, где состоялась перестрелка десанта со спасателями. Понятно, что «Сизые скелеты» попытались отстоять честь мундира и тут же сунулись всех вязать. Высадили три полные дюжины.

Птичья пожива! Единственные, кто уцелел – пилоты десантного бота, – потом рассказали: «Сизых» мгновенно обстреляли одновременно с нескольких сторон, а потом атаковали еще и врукопашную. От трех дюжин элитного подразделения самого Унве в живых не осталось ни единого шата! Причем, по словам пилотов, атаковали залегших «Сизых» всего пятеро хомо, да вдобавок (что, правда, звучало весьма сомнительно) четверо из этих пятерых лишь прикрывали атаку огнем, а врукопашную «работал» всего один!

Но пилоты заявили, что это чистая правда. И что потом эти пятеро безумцев пытались захватить сидящий несколько в стороне десантный бот и только экстренный старт позволил пилотам избежать участи пустотников.

Тут-то Шат Урву неожиданно и вспомнил недавние угрозы пленной самки. Но даже сейчас он не воспринял их должным образом. Вместо этого Урву вспылал, поднял в небо два звена ботов с почти тремя сотнями «Сизых скелетов» на борту, два катера с «генераторами тоски» и направил их к месту стычки с жестким приказом захватить всех живыми.

Корабли тотчас взмыли с крохотного космодромного поля при турбазе и взяли курс на северо-запад. А Шат Урву решил лично допросить болтливую самку хомо. Она явно что-то знала о сотрудниках, что-то необычное. Может быть, они бывшие военные или ловцы пиратов? Все возможно, среди хомо встречаются совершенно безбашенные типы. Да и вся их раса какая-то оголтело-бездумная. Редко помышляет о дне завтрашнем и способна шагнуть в огонь, не заботясь о собственной судьбе.

Ничего нового от самки Урву не услышал. Все те же угрозы и издевательский смех. Поняв, что ничего путного не добьется, Урву велел доносить остальных пленных, а сам ввалился в оперативный итаб «Сизых», отобрал у старшего коммуникатор и лично вызвал дюжинного, того самого, который сумел пленить одного спасателя хомо и упустил двоих.

Ответ Урву просто потряс. Коммуникатор внезапно переключился в видеорежим и показал внутренности какого-то тесного помещения. Вся дюжина пустотников, включая ранее убитых и раненых, уже при бездействующем камуфляже, была разложена на полу двумя рядами в лужах собственной лимфы. Практически все были искалечены

и, без сомнения, мертвы. А потом изображение дрогнуло, заплесало, и в визоре возникло узкое лицо хомо. Одного-единственного.

— С вами, суки, будет то же самое! Я обещаю! — прорычал хомо, бешено сверкая глазами.

Затем картинка резко прыгнула, смазалась, и трансляция оборвалась.

Слова хомо командующему вторжением перевели довольно точно.

И почти сразу, Как на грех, на связь вышел сам Унве, требующий доклада. Доклад получился грустный, невзирая на то что Урву всеми силами смягчал формулировки и сглаживал острые углы. Когда вождь отключился, Урву чуть ли не физически чувствовал натертость передужья.

Хомо... Проклятая раса! Все из-за них!

Шат Урву решил взяться за них как следует. И вызвал с орбиты на подмогу четыре с лишним сотни десантников из «Меченого корпуса».

Дюжинный Шат Умбасар шел во второй в своей жизни в боевой десант. Первый состоялся совсем недавно, меньше четверти цикла назад, когда повелением Унве гнев империи обрушился на никчемный мирок бывших хозяев, птичек-азанни в системе Желтого Ока. Кроме того, дюжинный неоднократно водил своих сорвиголов-подчиненных на тренировочные операции и карательные антипиратские вылазки. Жизнь показала: если боевые вылеты и отличаются от тренировочных, то лишь в лучшую сторону. Во всяком случае нападение на Желтое Око оказалось существенно более веселым, нежели любое запомнившееся усмирение пиратов. А о тех, что забылись, и речи нет.

Тогда дюжина Умбасара в составе «Меченого корпуса» десантной армады высадилась в северном полушарии. Десант гигантским гребнем прошелся по городам азанни. Вооруженные силы птичек были смяты еще на подходе к планете, а войска наземного базирования большею частью подавлены с орбиты. Постреливать по безоружным гражданским, врываться... в их непомерно просторные жилища и пинками стогнать ненавистных азанни к кораблям-накопителям было невыразимо приятно. Пришел, пришел час расплаты за века рабства! Шат Умбасар и его молодцы благодарили небо и Унве за то, что дело возмездия легло именно на их плечи. И никто не забывал в праведном гневе, что гнев этот копился сотнями поколений отцов.

С планетой у Желтого Ока шутя справились за четверо суток. От начала высадки на очередной мирок, на этот раз принадлежащий выскочкам-хомо, прошло чуть больше трех. Поэтому Умбасар полагал, что вскоре зачистка благополучно завершится и на десантников хлынет новый поток почестей, поощрений, наград и благодарностей.

Правда, командующий высадкой Шат Урву был чем-то сильно разозлен, когда напутствовал десантников перед высадкой. Небось строптивые хомо осмелились показать зубы шатам. Ничего, зубы им пообломают. Дюжинный Умбасар лично приложит к этому руку и вдоволь выстрелов из верного лазерника.

Техноблокаду сняли за час до высадки: все равно у тупоголовых хомо почти нет сложной техники. Так к чему ограничивать себя? Умбасар как представил себе коллег-гвардейцев из «Сизых скелетов», вынужденных шастать по поверхности под непрерывными энергетическими щитами с крейсера планетарника, что завис над космодромчиком хомо... Ёр-исамар! Постоянное давление на мозги да необходимость таскать всю боевую поклажу на собственном горбу — кому понравится? Нет уж, лучше вообще без блокады. Тогда не придется гадать — взорвется или не взорвется брошенная граната, сработает или не сработает коммуникатор, антиграв или любой из десятка носимых датчиков. Бездельники-инженеры почему-то всегда ставят избирательную блокаду, на отдельные группы процессов, и ни разу на памяти Умбасара высокое начальство не озаботилось уведомить десант, какие именно процессы будут блокироваться.

Обыкновенно блокировали все доступные виды связи и синтеза. А остальное — на усмотрение верховного инженера.

Злости добавила и пришедшая по изустному десантному телеграфу весть: какие-то психи из хомо положили без малого полсотни «Сизых скелетов». Отомстить за братков-«Сизых» любой «Меченый» счел бы за честь. Поэтому даже петь-орать, накачивая перед высадкой подчиненных, не пришлось. Все рвались в бой и горели желанием натереть передужье нахальным хомо. Или что там у них вместо передужья? Включился наушник боевого шлема; ротный принялся выпевать вводную. Голос у ротного был сиплый. Любой из «Меченых» знал, что у него прострелена в двух местах возду-хопость. Бывалый вояка, ветеран антипиратских рейдов. Шат Умбасар вслушался.

— Эй, «Меченые», слушай меня! Задача: отыскать и пленить прячущуюся в джунглях шайку хомо. Их всего дюжины две, не больше, но, возможно, они разбиты на

неравночисленные группы. Вооружены плазменными ружьями и умеют на расстоянии детонировать наши гранаты, так что активаторы всем немедля вывернуть и сдать дюжинным! Выполняем!

Десантники зароптали и зашевелились: с одной стороны, что за радость идти на дело без гранат? А с другой – приказ есть приказ. Умбасар освободился от старинных супернадёжных (в отличие от силового крепежа) ремней и прошелся вдоль ниш с пристегнутыми «Мечеными». Каждый бросал в оттопыренный карман подсумка активаторы. Вдоль всех проходов творилось то же самое – дюжинные ходили между рядов с оттопыренными карманами.

Когда первый дюжинный отпартовал о выполнении приказа, ротный продолжил: – Исамаровы хомо сопротивляются, сугароз их загрызи! Это именно они положили братков-«Сизых». Поэтому поосторожнее там и поостроже... Командующий Урву велел по крайней мере половину хомо взять живьем, так что не особо там пальбу поднимайте. При захвате делать упор на ручные станеры, от дистанционки, птичья пожива, у хомо какие-то осложнения на башку приключаются, а командующему не нужны полоумные пленные. Принимаем оперативную карту!

Шат Умбасар, снова занявший привычную нишу во главе дюжины, активировал планшетку, влез в боевую сеть и дал добро на прием.

Местность была довольно сложная: сплошь джунгли, никакой цивилизации. С запада – река. Хомо последний раз засекали невдалеке от нее. Умбасар по-быстрому транслировал карту подчиненным.

– Третья готовность! – тем временем рявкнул ротный. – Заходим на цель!

Посадочный бот в атмосфере человеческого мирка почти не трясло.

Шат Умбасар покосился на свою дюжину. Десантники ухмылялись, жестами веселили и подбадривали друг друга. Ни следа робости или смущения.

И прекрасно. Тот, кто смущается и робеет, редко заканчивает десантную школу и еще реже побеждает в бою.

– Вторая готовность!

Шаты начали дружно отстегиваться и строиться.

– Первая!

Теперь все потянулись к жерлам гравелифтов. Дюжина ара высаживалась в числе первых. Заход! Десантура – пошли!

Жерла лифтов подернулись лиловым сиянием; один за другим десантники прыгали с края платформы в это сияние, постепенно тонули в нем и пропадали из виду. Вот пришла очередь шагнуть и Умбасару. И он привычно шагнул. Упругие объятия гравелифта сжали его; лиловость перед глазами потихоньку сошла на нет, а потом в подошвы ботинок толкнулась незыблемая твердь Табаски.

Десант высадили на обширной поляне недалеко от кромки леса. Река осталась позади.

– Цепью! Разворачиваемся, птичья пожива! – надсади пел-орал ротный. «Меченые» пошевеливались – в бою только замешкайся, мигом прихлопнут. В единстве сила десанта, в единстве, быстроте и сплоченности. Так поет сам Унве. Унве всегда поет только правду и ничего, кроме правды.

Освободившие чрево боты с воем уходили в зенит. Десаь остался один на один с человеческим миром.

«Посмотрим, кто кого!» – подумал дюжинный Умбасар ожидании команды ротного: «Марш!»

Ротный не заставил долго ждать.

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Глубокий космос

– Финиш через сто двенадцать локальных часов, господин адмирал!

Тим Хемерсбрандт кивнул и жестом отпустил дежурного. офицера. Тот немедленно отключился: дежурство по флагману оставляет мало свободного времени.

«Евразия» растянутым на мегаметры роем чертила множественный пунктир от окрестностей Солнечной системы к далекой колонии у Пронга-30. Конечно, рейдер искателей нужно было вызывать. Точнее, даже не сам рейдер – если искатели не дураки, корабль свой они, конечно же, бросили, предварительно освободив бортовую информационную сеть от данных по генератору нуль-коридора. И теперь прячутся где-то в диких джунглях Табаски. Хунта диктатора Унве уже перебросила в систему Пронга-30 внушительные силы. Система заблокирована. Высажен десант. Все это

понятно и предсказуемо и без перехвата рапортов-депеш от командующего Еторжением диктатору Унве. Крупные соединения космической армады шат-тсуров продолжают атаковать отдельные миры юза: практически не осталось нетронутых колоний азанни. Кроме того, шат-тсуры помалу взялись подавлять планеты цоофт и свайгов.

Медленно, но верно Шат Унве (не называть же его, как принято у скелетиков, «Шатта» или того хуже императором?) расширяет область своего безоговорочного влияния по галактике. В уме, последовательности и стратегической грамотности ему не откажешь. Да и силы у него сосредоточены, прямо скажем, ошеломляющие. И как вся галактика проспала формирование такого суперфлота?

На миры доминанты Земли совершались пока единичные нападения; а 'йешей и вовсе доселе не трогали. Оно и понятно — на кой хрен во время первого этапа военной экспансии Шату Унве выстуженные низкотемпературные планеты? Вот а 'йешей и не трогают. Зато беднягам азанни досталось по полной программе. Настырные скелетики учинили форменный геноцид: более семидесяти процентов птичек попросту уничтожено. Уцелевшие рассыпались по галактике. Даже не тронутые пока миры азанни опустели, жители предпочли сбежать от греха подальше. Земля предоставила остаткам правительства азанни убежище и защиту, пик пирамид Азанни организовал ставку прямо на прародине людей. Цоофт и свайге спешно мобилизуются, расконсервируют даже древние допотопные корабли и вооружают гражданские лайнеры и грузовозы.

Галактика встряхнулась от пятивекового оцепенения. Появился новый враг, внутренний на этот раз, и союз медленно стал восставать, как феникс, из пепла. К Пронгу-30 Солнечная система отослала два флота. «Евразию» и «Антарктиду». Два адмирала, Тим Хемерсбрандт и Геннадий Лесин, должны были любой ценой смять шат-тсуров у Табаски, отыскать экипаж «Шустера-эпсилон-75» и доставить его в метрополию либо на любой из достаточно защищенных земных миров — на Офелию, Хобарт, Селентину. Пеломен отвергли как непозволительно близкий к областям, ныне контролируемым шат-тсурами.

Экспедицию снарядили так спешно, что часть работы пришлось выполнять уже на марше, но военным «Доминиона» не привыкать к авралам. Чиль Онте не позволял расслабиться даже в тихие и сонные времена. И те из солдат и офицеров, кто еще совсем недавно втихую роптал, внезапно осознали смысл постоянных тренировочных тревог, боевых учений и бесконечных патрульно-заградительных рейдов, хотя затрагиваться вечно было совершенно не от кого.

Адмирал Тим Хемерсбрандт подозревал, что по боеспособности любой из флотов «Доминиона» в числе первых во всей галактике. Вот только о планах шат-тсуров никто толком вовремя не догадался. Ходили невнятные пересуды по великосветским салонам, да только самые верхи доминанты Земли не соизволили к ним прислушаться. И к выводам некоторых прозорливых офицеров, того же Хемерсбрандта, тоже не прислушались. А расхлебывать, разумеется, выпало Хемерсбрандту с коллегами. Впрочем, сейчас не до обид и политических дрызг. Технология нуль-коридора действительно становится делом номер один в галактике. Достанется людям, а значит, союзу — союз устоит. Достанется шат-тсурам — галактика умоется кровью. Второе — недопустимо. И адмиралы Хемерсбрандт и Лесин сделают все возможное, а понадобится — и невозможное, чтобы не допустить этого.

Тем более что стабильные перехваты и расшифровка сообщений мгновенной связи со стратегической базой вблизи Тсурры внушали определенную надежду: у скелетиков на Та-баске не все пошло гладко. Большую часть поселений они таки подавили, но искатели все еще не пленены, да вдобавок в районе их высадки какие-то маловнятные туристы неожиданно надавали по сусалам передовым соединениям шатовского десанта.

Ай да туристы! Ай да молодцы!

Сто двенадцать часов до финиша в системе Пронга-30. Держитесь, спасатели!

Держитесь, туристы! Ваша помощь тоже пригодится доминанте Земли.

— Господин адмирал! Лейтенант Хмелевой, канонир шестнадцатой батареи, просит аудиенции! — доложил дежурный зам.

Хемерсбрандт отвлекся от размышлений, отставил в сторону старинный стакан в металлическом подстаканнике (чай помогал адмиралу думать) и вопросительно поднял брови.

— Лейтенант? Канонир?

— Он утверждает, что располагает важной информацией, сэр!

— Зови, — велел Хемерсбрандт.

«Поглядим, что у тебя за информация», — подумал адмирал. Он был хорошим командиром и потому никогда не пренебрегал мелочами.

Пронг-32 (Табоско), доминанта Земли

Третьи сутки они отсиживались в тесной переночуйке спасателей. В каких-то двадцати километрах от турбазы. До недавнего времени — служащие космодрома «Экзотик-тура» на Табаске, а нынче — не пойми кто. Беглецы. Ховалы. Тамура, МакГрегори и Сериал. Оружия нет. На троих — жалкий шиватель, отвертка да пара щупов, которыми можно порешить разве что снулую ящерицу или престарелого кошкуна. А еще — страх и безнадега перед фактом внезапно свалившейся с неба оккупации.

Захват турбазы и космодрома они удачно пересидели в автоном-лаборатории под диспетчерской; шат-тсуры туда почему-то не сунулись. Ночью попробовали выглянуть — башенка диспетчерской пустовала, но поле космодрома заливал искусственный свет. Стройными рядами на траве выстроились чужие корабли, в основном — десантные боты. Там и сям торчали фигуры вооруженных часовых. Турбаза тоже была ярко освещена.

Шат-тсуры деловито и беззастенчиво располагались на Хваченных объектах. И, подумав выползший оглядеться в окно дежурки Дэвис МакГрегори, скорее всего подобное происходит по всей планете. Каждый форпост человечества на Табаске так же деловито и основательно обживают проклятые скелетики. Кто их, спрашивается, сюда звал?

Выбираться из укрытия надо, но делать это под носом у часовых на космодроме... Нет, такую глупость не могли себе позволить даже неискушенные в партизанских играх диспетчеры. А вот рискнуть пробраться по шахте теплоотводника до близкого леса... На восток от посадочного поля. Там и кораблей нет шат-тсуровских, и куда темнее, чем вблизи их нынешнего укрытия.

МакГрегори присел и пополз назад, к двери. Никогда еще ему не приходилось передвигаться по дежурке — знакомой до последнего пятнышка на стенах, до шероховатостей на подлокотниках кресел — ползком.

Бред какой-то. Ползком. По дежурке. И по узкому коридорчику, ведущему к лестнице, и по самой лестнице... Все ползком, по-тараканьи. От греха подальше — увидят мелькнувший в окне силуэт, заинтересуются, и пиши пропало. Шат-тсуров тут — кишмя, враз скрутят, безоружных и беспомощных. Как скрутили, наверное, девчонок на базе.

О том, что захватчики могли и не брать пленных, а попросту перестрелять всех аборигенов или передавить танками, МакГрегори предпочитал не думать. Полз, вытирая осевшую на пенобетон пыль рубашкой и шортами.

Товарищи, тоже вчерашние диспетчеры, ждали в лаборатории. МакГрегори постучал, как условливались. Неслышно отомкнулись замки, крутнулось колесо запора, и дверь натужно отворилась. Тяжеленная она, дверь. Автономлаборатория все-таки...

— Ну, как? — с порога спросил нетерпеливый Сориал.

— Плохо, — честно признался МакГрегори, кое-как отряхивая рубашку и шорты. — В здании никого, но на поле светло словно днем и весьма оживленно. Снуют, гады, туда-сюда. На базе, судя по всему, тоже. Часовых много. По верху нам не пройти. Но... есть одна идея.

— Шахта? — полуутвердительно-полувопросительно выпалил Тамура.

— Тоже догадался? Молодец! — похвалил МакГрегори и одобрительно хлопнул коллегу по плечу.

Из всех троих он сохранил больше всего спокойствия, потому и на разведку направился именно он, а не Тамура или импульсивный Жорж Сориал.

По шахте теплоотводника в диспетчерскую однажды пробрались две птицы-дурынды, их потом полдня ловили по всему зданию. Поэтому мысль об этом пути наружу попросту напрашивалась.

— Шахта ж заперта, поди, — усомнился Сориал. — Помнишь, как дурынд ловили? После того и заперли.

— Я знаю, где ключ, — успокоил его МакГрегори. — Точнее, где его хранили еще при фекруи.

— И где?

— А рядом, в подсобке при охладителях. Там специальный шкафчик есть на стене.

Беда только в том, что шкафчик тоже может быть заперт, а ключ от него, по-моему,

только у директора есть. Где директор, вы знаете; но даже если он и не брал ключ с собой (а так скорее всего и есть), в его кабинет нам не пробраться.

— Шкафчик крепкий? — хмуро справился Тамура.

— Не знаю, не проверял.

— Ну так пошли, проверим!

Тамура хлопнул себя по коленям и встал. Сориал уже отворял дверь — устал он, видимо, от ожидания, душа и тело требовали хоть какого-нибудь, но действия. МакГрегори тоже встал и задул свечу.

«Пусть нам повезет, — подумал он, надеясь на лучшее. — Должно же нам повезти хоть в чем-то? Обязательно должно!»

Шкафчик в подсобке был заперт.

— Тьфу! — МакГрегори раздосадованно сплюнул на пол. Почему-то капризной даме-удаче угодно было повернуться к лицу экс-диспетчеров спиной.

Скорее всего массивный керамический шкафчик без особого труда вскрывался банальной монтировкой, но, во-первых, под рукой не было монтировки, а во-вторых, сия операция неизбежно сопровождалась бы нежелательным в данном случае шумом. Любой другой метод взлома также неизбежно тянул за собой шумовые эффекты. Да и отсвечивать в окнах пришлось бы, а часовых на поле вокруг кораблей — у-у-у...

«Интересно, — подумал вдруг МакГрегори, — а на кой ляд шат-тсурам столько часовых? Кого или чего они тут боятся? Они же армия, а на Табаске только жалкие рыболовы, животноводы, ученые да мы, туристское сопровождение. В любом случае — не бойцы».

— Сшиватель по-прежнему не работает? — спросил Тамура без особой надежды.

МакГрегори проверил. Разумеется, сшиватель не работал — за спиной-то Фортуны. Перед лицом ее сшивателя вероятно, заработал бы, а так...

Блокаду захватчики пока не думали снимать.

МакГрегори мягко осел на пол и привалился спиной стене. Жутко хотелось курить, но из коттеджа они рванут ничего с собой не прихватив. Да и не покуришь особо на виду скелетиков-то...

— Какие будут мысли? — стараясь, чтобы голос звучал невозмутимо, спросил МакГрегори.

Вместо ответа Тамура вдруг привстал, невольно покосился на окно и вдруг ловко снял шкафчик со стены. Тот крепился на обычной вертикальной защелке.

— Гениально! — мгновенно оценил Сориал. — Раз гора не идет к Магомету...

МакГрегори сразу повеселел: если запереться в автоном-лаборатории, можно хотя бы на неизбежный шум больше не обращать внимания. Авось разломают-таки неудачливые диспетчеры этот чертов ящик!

— Между прочим, — заметил снова присевший Тамура, — мы еще не проверили шахту. Вдруг она вообще не заперта, а мы тут впустую паримся?

— Гениально! — Сегодня Сориал не блистал разнообразием реакций.

— Так! — МакГрегори снова брал в руки бразды правления. — Тамура, давай-ка, действительно, проверь шахту. А мы с Жоржем покуда оттащим ящик в лабораторию и попробуем вскрыть.

— Ладно, — без ненужных возражений согласился Тамура и отдал снятый со стены керамический трофей Сериалу.

Втроем они сползли на первый этаж и разделились: Тамура, зачем-то пригибаясь в начисто лишенном окон коридоре, свернул налево от лестницы, к энергозоне; МакГрегори и Сориал продолжили спуск вниз, в подвал.

Не успели они как следует помозговать на тему: «Каким образом подступиться к закрытому шкафчику с ключами?», вернулся Тамура. Он ничего не сказал, только отрицательно покачал головой. Значит, шахта теплоотводника была заперта. Сориал тем временем пытался подковырнуть дверцу отверткой. Тщетно, дверца плотно входила в паз, лишь еле заметная риска очерчивала ее геометрически безупречный контур.

— Запрись-ка... — попросил МакГрегори Тамуру. Тот послушно задраил вход в автономлабораторию. Сориал зажег свечи. МакГрегори терпеливо дождался, пока мир сузится до размеров небольшого квадратного зала, и со всего размаху грянул шкафчик об пол. Керамика сухо прогрохотала по обтянутому пластиком пенобетону. Вряд ли подобное бесцеремонное обращение шкафчику хоть сколько-нибудь повредило. Следующие пять минут МакГрегори упорно и последовательно швырял проклятый мини-сейф под ноги. Внутри что-то погромыхивало — похоже, там хранились не только ключи.

Сориал в который раз обшаривал дежурный ящик. Непочтливо, чего он добивался: ведь еще в первый раз, при поисках оРУЖия, он вычистил ящик вполне основательно.

— Дай-ка. — Тамура, доселе терпеливо взиравший на бесплодные попытки коллеги расколотить шкафчик об пол, требовательно протянул руки. МакГрегори безропотно повиновался: его фантазия иссякла.

К его удивлению, хитрец Тамура ничего со шкафчиком делать не стал. Всего лишь отошел к выходу, опустил на пол, а сам принялся отпирать двери.

А пятью секундами позже МакГрегори сообразил, в чем соль. Тамура задумал зажать шкафчик дверью, поближе к петлям, и расколоть будто орех. Что ж, по крайней мере это действеннее, нежели швырять крепкий керамический брикет в пол.

Тамура заклинил шкафчик и налег на дверь. Раздался отчетливый хруст. МакГрегори и Сориал, не стовариваясь, кинулись к двери и тоже налегли. Хруст стал громче, а в следующее мгновение шкафчик выстрелил высоким трескучим звуком, как дерево на морозе, и развалился на несколько неравных угловатых осколков.

— Ouais! — Сориал обрадованно вскинул руки и исполнил какой-то нескладный варварский танец — так, наверное, плясали вокруг костра его далекие-далекие африканские предки после удачной охоты.

МакГрегори и Тамура присели над останками шкафчика;

Тамура осторожно разгреб мелкие осколки и крошку.

— Вау! — сказал МакГрегори с подъемом. Помимо трех спарок ключей в шкафчике нашелся ручной бласт. Довольно мощный. На рукоятке была выгравирована фраза — с одной стороны на английском, с другой — на русси.

«Death or Glory» — «Смерть или слава».

Тамура больше заинтересовался ключами. Рассмотрев все три спарки, он спрятал их в карман.

— Ну что? Пошли пробовать?

МакГрегори не ответил. Он снял бласт с предохранителя, направил на толстую и малоуязвимую стену лаборатории и плавно нажал на спуск.

«Шш-ши-и-и-хххх!»

Звук был сухой, будто низкосортным пластиком по пенобетону. Зеленая искра сверкнула на стволе бласта, а на стене возникло черное дымящееся пятно.

— Хо! Действует! — несказанно обрадовался МакГрегори. — Теперь нам и ключ, собственно, не нужен, коллеги!

— Сняли блокаду? — Сориал встрепенулся и завертел головой, вопросительно зыря то на Тамуру, то на Дэвиса.

Тамура с готовностью пощелкал зажигалкой — тщетно, она, как и раньше, не работала. И сшиватель тоже не работал.

— Не сняли, — разочарованно заключил МакГрегори. — Видно, блокада избирательная. На импульсное оружие не действует, чтоб скелетики с пустыми руками не остались. Против безоружных нас.

— Пошли, а? — поторопил Тамура. — Бласт — это, кто б спорил, здорово, но как сунутся сюда наши новые друзья... Толпой...

— Пошли, — согласился МакГрегори, засовывая бласт за пояс шорт. Понятно, предварительно поставив на предохранитель.

Дверь автономлаборатории они задраили снаружи. Вторая спарка ключей подошла к замку шахты. Считыватель победно пискнул, и замок послушно разблокировался. Через полчаса троица экс-диспетчеров уже находилась в полутора километрах от космодрома, на окраине восточного лесного массива.

— Тут недалеко переночуйка спасательская есть, — сообщил всезнающий Тамура. — Мы там с Хидденом как-то на хурмача охотились. Думаю, найду.

— Недалеко — это сколько? — уточнил недоверчивый МакГрегори.

— Километров двадцать.

— Пошли.

Ближайшие двое суток шат-тсуры мало разрабатывали Неточное направление. Их главные интересы сосредоточились на западе и северо-западе. Так что троицу с космодрома никто не трогал и не разыскивал.

2

— В Дуплистый лес мы, конечно же, не пойдем, — тихо сказал Скотч. — Ни к чему нам со спецназом «скелетиков» цапаться.

— А куда пойдем? — спросил Валти. — В овраг?

— Да. Лучшего убежища сейчас не придумать. Там и места вдоволь, и припасы имеются, и слой почвы над бункером в несколько метров.

— А это-то нам зачем? — Валти неодобрительно нахмурился.

— Биодетекторы, — пояснил Скотч. — Видал, как чужие корабли спирали над лесом накручивали? Явно ведь сканировали. Да и высеять всякой гадости легко могли.

— Думаешь, несколько метров глины нас спасут? — усомнился Валти.

— Чем черт не шутит? Почва поисковый луч здорово поглощает.

Валти скептически покачал головой и невесело добавил:

— Впрочем, чего там, утопающий за соломинку хватается.

Скотч тяжело вздохнул и обернулся.

Группа отдыхала после сумасшедшей гонки по лесу. Чуть впереди, совсем рядом было Утинное озеро, а от него и до оврага с убежищем недалеко. Знакомый маршрут. Рюкзаки и раненые люди, подвешенные на гравикомпенсаторах, гирляндой парили среди кустов. Ходячие расселись под кустами. Все молчали, подавленные произошедшим.

Н-да. Слишком уж богатым на приключения выдался этот экзотик-тур... Когда такое бывало, чтобы туристы на привале затравленно молчали, а не хвастались наперебой свершениями и не обменивались острыми впечатлениями? Да сроду такого не бывало! «Ну, влипли, — в который уже раз размышлял Скотч. — Спецназ Тсурры, регулярный флот Тсурры... Вторжение, как пить дать вторжение! На базе, поди, всех уже повязали. Или, не приведи жизнь, перестреляли. И что теперь? Хорониться по лесам, подобно зверью? Да хрен там, скелеты чертовы!»

Скотч невольно озлобился.

«Фиг я буду прятаться! Я вам такую партизанщину устрою, кошкунами взвоете! Валти поддержит, Солянка с Хидденом очухаются — тоже... Да и Семенов, кем бы он ни оказался, тоже должен поддержать. И Цубербюллер, и Фаусто, даром что пацан, и бестолочь Подолян, и даже скотина Воронцов — не станут же они сидеть сложа руки? Да чего там, даже Тентор, уж на что обыватель толстобрюхий, а ведь не обосрался под выстрелами, не заполз втихаря в палатку! Воронцов хоть и гниль порядочная, но мужик смелый. Сумел подбить Акопа с Фаусто на психическую атаку. Отвлечь хотел от женщин, от лагеря. Попомните, скелетики проклятые, экзотик-тур Вадима Шутикова! Лучше нас никто окрестные леса не знает. Потрепем вам нервы, а там, глядишь, помощь придет, прижмет чужих к ногтю, выдавит из системы, и заживем, как раньше, с приключениями типа „упал в реку“. И не опаснее...»

Гид «Экзотик-тура» заводился все сильнее и сильнее. Скрипел зубами, хрустел пальцами, раздувал ноздри.

— Слышь, шеф... — подал голос все еще бледный, несмотря на экстренную медицинскую помощь, Солянка. — А нас у оврага, того... Не встретят? Ведь если склад у Мангры почистили и на бункер Дуплистого леса зарились — кто поручится, что и на остальные наши точки не навалятся?

Об этом Скотч уже успел подумать — разумеется, он намеревался сначала сходить в разведку, а потом уж тащить группу непосредственно в овраг. Если там все спокойно.

— Посмотрим, — сказал Шутиков вслух. — Я думал об Этом, не переживай. В плен я вас не приведу.

— Да я и не думал ничего такого. — Солянка вздохнул. — Так, на всякий случай спросил.

— Ничего. Лучше ты напони лишний раз, вдруг я дей-вительно чего упущу.

Солянка с серьезным видом кивнул, тронул компенсатор и перевернулся на бок, лицом к Скотчу.

А Скотч успел перехватить одобрительный взгляд Семенова.

«Вот еще с кем разобраться предстоит. Кто ж он есть на самом деле? Тоже какой-нибудь спецназ? Как он скелетиков крошил, мама моя, аж мороз по коже! И что он в моем туре делает? Что вообще тут происходит — вторжение, агент в группе, сплошная войнушка с геройством, мать ее!»

На Табаске, а точнее — где-то неподалеку от излюбленного маршрута Скотча — возникло нечто, живо привлекающее высшие военные интересы по меньшей мере двух рас, в этом можно было уже не сомневаться.

И вдруг Скотча прошиб холодный пот — он неожиданно сопоставил последние события с недавними словами Гурмы Бхаго, психологини «Экзотик-тура». Касательно перевертыша Нути-Нагути. У него ведь тоже весьма скользкое имя... Вот она и третья заинтересованная раса! Ведет себя перевертыш тише воды, ниже травы, и не вспомнишь о нем лишний раз. Как стреляет и мечет ножи, тоже задумываться не будем. А вот тот факт, что во время драчки с шат-тсуровской пехтурой отсиделся в стороне, — запомним... Еще один агент в группе? Ой, войнушка, ой, беда... И ведь, к безмерному сожалению — все наверняка всерьез!!! Так всерьез, что и думать не хочется. И стрельба всерьез, стычка агентов если случится — тоже всерьез. Хоть вой с тоски. А жизни и здоровье настоящих туристов — на Скоче и Валти.

Выдался тур, ничего не скажешь!

Скотч очнулся от безрадостных дум, встряхнулся и принялся с теплой, усеянной сухими листьями земли.

— Кончай отдыхать! — скомандовал он негромко. Не хотелось орать на весь лес. Поди проверь — шныряют сейчас невдалеке окаянные скелетики или, напуганные смертоносной вылазкой Семенова, предпочли пока убраться. Лучше не орать, целее все будут.

Туристы нехотя вставали. Скотч был уверен: умом все прекрасно понимают его правоту, неохота проистекает не от головы, а от натруженных ног. Заданный после стычки темп даже гида выдерживали с трудом. Чего уж про остальных говорить... На Гунилу и Тентора больно было смотреть. Они, похоже, рюкзаки даже не в ноль, а в минус по весу выставили, и все равно оба напоминали выброшенных на берег рыбин. Рты по крайней мере они разевали очень похоже, а брыли на мясистых щеках Гунилы к тому же весьма напоминали шевелящиеся жабры. Остальные крепились. И неподготовленная Орнела, и подготовленные Валентина Хилько и Патрис Дюзль. И железный Цубербюллер крепился. Относительно Семенова и перевертыша Нути-Нагути трудно было сделать какие-либо выводы: об усталости первого говорил разве что выступивший на лбу и висках пот, а второй — инопланетянин, шут его знает, каковы истинные возможности оаонс? Может, он и не устал вовсе. Хотя отдыхал вместе со всеми, привалившись спиной к молодому мшистому кедроклену.

— Держитесь, недолго осталось! — подбодрил Скотч подопечных. Коллеги в понукании не нуждались: на работе, чай, не в отпуске. И не такое, бывало, терпели. А туристов лишний раз подбодрить всегда полезно.

— Валти замыкающим! Не зевать! Не шуметь! Слушать мои сигналы! Марш!

Вадим первым устремился в направлении оврага.

«Озеро обойдем, — подумал он озабоченно. — Там место открытое, да еще уток ненароком вспугнем — скелетики вполне могут вести наблюдение с воздуха. Обойдем, так спокойнее».

Тело привычно входило в режим экономного бега. Ружье На шее, руки на ружье, три шага — вдох, три шага выдох. Ботинки ритмично вминают лесную подстилку. Раз-два-три, раз-два-три... И так по кругу. Через пенек — прыг! Пригнуться — ветка над тропой нависает... Раз-два-три, раз-два-три...

До места, где Скотч намеревался оставить группу, привалов больше не делали. Надо было видеть счастливые глаза измученных марш-броском людей, когда прозвучала команда: «Стой! Отдыхать всем! Хидден и Валти в дозор!»

Валились прямо на тропу, не снимая рюкзаков, Цубер-бюллер и Семенов отыскивали силы сначала закрепить поводки с припасами и четверкой раненых и только потом уж уселись почитать. Патрис, откинувшись на ствол дерева, блаженно прикрыла глаза. Боты просто легли в кустарник, как свиньи в лужу. Перевертыш, присев на корточки, помогал Валентине — что-то с лямкой рюкзака у нее стряслось.

— Влад! — как можно небрежнее обратился Скотч к Семенову. Тот поднял взгляд. — Пойдем, поможешь...

Семенов, не высказывая недоумения или недовольства, тут же встал. Ну да, правильно, если подозрения верны — он и не выскажет ничего похожего.

Они пошли вперед, за Валти. Менее опытного и к тому же подраненного коллегу — Хиддена — Скотч намеренно выслал назад, туда, где группа совсем недавно проходила. На рысях проходила, в темпе. А матерого волчару Валти — вперед, в неизвестность. Только Валти не подозревал, что «дозор» служит больше прикрытием, чем действительно дозором. Скотчу не хотелось беседовать с темной Семеновым с глазу на глаз. Не то чтобы Скотч боялся... Если Семенова и впрямь стоит бояться, то и вдвоем гида ему не соперники. Вон скольких скелетиков шутя положил! А ведь скелетики — не гида какие-нибудь, привыкшие в основном попугивать совершенно безобидными вещами лентяев-туристов. Регулярная пехота... или кто они там? Впрочем, пехотой их назвал именно Семенов, а из предстоящей беседы Скотч в основном намеревался выяснить, стоит ли Семенову верить. Верить хоть сколько-нибудь.

Валти успел устроиться справа от тропы, в густом подлеске. Показался на миг напарнику, маякнул ручкой и снова исчез. Скотч жестом пригласил Семенова. Тот все так же безропотно согнулся в три погибели и полез под колючие лапы полисаула.

Скопления кустов полисаула имеют одно весьма удобное для наблюдения и маскировки свойство. Насколько густо переплетаются внешние ветви, настолько же чахло и неохотно они растут внутрь скопления. В сущности, заросли полисаула напоминают естественную крепость-плетенку. Зачастую внутри даже выпрямиться во весь рост можно. Эдакий колючий снаружи и пустотелый изнутри, чуть приплюснутый сверху

шар, сплошь состоящий из твердых, хаотично изогнутых веток, Ветки вдобавок усеяны иглами и шипами. А центр этого растительного пузыря, как правило, пронизан стволом одиночного дерева. Древесная крона – надежное укрытие сверху. В одной из таких крепостей Валти и облюбовал наблюдательный пункт. В щели между ветвями хорошо просматривалась тропа, причем в обе стороны. Самого же наблюдателя снаружи заметить было невероятно трудно. Если бы напарник не показался по собственной инициативе, вполне возможно, что Скотч искал бы его очень долго.

Внутри было сумрачно; сквозь многочисленные просветы, в которые разве что палец можно было просунуть, нехотя вливался дневной свет, и так уже приглушенный кронами настоящих деревьев. Некоторое время глаза будут привыкать к полутьме.

– За тропой-то приглядывай, – хмуро обратился Скотч к Валти, опускаясь на корточки. – Разговоры разговорами, но дозор вполне настоящий.

Валти тотчас уселся вполоборота к остальным. Чем ближе становился разговор, тем сильнее мрачнел Скотч. В глубине души он даже надеялся, что Семенов ие выдержит и сам все расскажет. Относительно собственных... необычных способностей и навыков, скажем так. Но Семенов сидел все так же невозмутимо, словно ничего и не произошло за последнее время. Мол, я не я и лошадь не моя.

– Ну что? – начал наконец Скотч, осознав тщетность такого ожидания. – Поговорим? Семенов пожал плечами. Со стороны его движение можно было расценить как угодно: и как согласие, и как отказ.

– Кто ты такой? – напрямик спросил Скотч. Спросил, как отрубил. Откровенно говоря. Скотч рассчитывал прямой разоружить собеседника, заставить растеряться и занервничать. Но Семенов даже бровью не повел:

– Турист я, Вадим, Обычный турист.

– Угу, – по-прежнему хмуро поддакнул Скотч. – Обычный такой турист. Пачками шинкующий регулярную пехоту шат-тсуров.

– Это была не пехота, – спокойно уточнил Семенов. – У скелетиков пехоты как таковой нет, только спецподразделения, десантура. Нас атаковал регулярный флот, пустотники. Флотские не умеют брать планеты, они дерутся в космосе и на чужих кораблях. Да и то... в основном тогда, когда драться уже толком и не с кем. Впрочем, подразделение, с которым мы сцепились, у скелетиков котируется повыше десанта. Зря, я всегда это говорил.

– Поразительные знания для обычного туриста, не находишь? Вкупе с поразительными навыками – которые со стороны выглядят... Как бы это помягче сказать?

Подозрительно боевыми выглядят. Получается замечательный набор.

Суперджентльменский. Эдакий джедай-ниндзя, человек-оркестр. В одиночку действующий против трех дюжин шат-тсуров и пешком пытающийся штурмовать космический челнок. Не дури мне голову, Семенов, Я ведь еще на тренировках заметил, что ты всегда выдаешь усредненный результат. И на стрельбах, и на прикладухе. У каждого туриста, даже самого тупоголового – вроде четы Ботов – есть свой конек. Любой, кому жало космического туризма вонзается в задницу, хоть что-нибудь да умеет получше прочих. Ты же – воплощение среднестатистического индивида, вплоть до имени, фамилии и биографии. И водку вдобавок втихаря не хлещешь, как любой нормальный отпускник. Давай кончай темнить и колись, кто ты и зачем здесь.

Семенов еле заметно улыбнулся. Держался он без перемен, спокойно и непринужденно.

– Вадим, я здесь – на отдыхе. Честно.

– Ага. Верю, аж бегом, – фыркнул Скотч. Он начинал потихоньку злиться.

– Просто мы попали... в очень нетривиальные условия, понимаешь? В противном случае я так бы и остался для тебя среднестатистическим болваном-трезвенником. Или ты предпочел бы сдать Воронцова, Подольна и Фаусто шат-тсурам?

– Нет, – нервно ответил Скотч. – Я предпочел бы не сдавать Воронцова, Подольна и Фаусто шат-тсурам. А еще я бы предпочел твердо знать, в какой мере могу рассчитывать на каждого из клиентов в создавшихся очень нетривиальных условиях. Понимаешь? Я за всех отвечаю перед компанией, в том числе и за тебя. За ваши жизни. И поэтому я хочу знать – кто ты? Насколько я могу на тебя полагаться в трудную минуту? Как тебя лучше использовать в этой, мать ее, партизанщине? У меня и так голова кругом и поджилки трясутся, а тут еще ты со своими тайнами! Не темни, Семенов! Давай-ка играть в открытую.

Семенов остался непреклонен:

– Считаю, что я обычный турист. Ну, разве что стреляю получше и со скелетиками умею как следует общаться.

Скотч разочарованно вздохнул и с горечью покачал головой:

— Не понимаешь... Семенов, я ведь серьезно. Я гид, а не партизан. Я не умею водить группы по лесу, где под каждым кустом может оказаться чужой с лучеметом. А ты, судя по всему, умеешь. Я помощи прошу, понимаешь? Если ты в состоянии спасти группу — ты должен ее спасти. Начнется за нами охота, что тогда делать? Я ошибок наделаю, а ты так и станешь молчать да отсиживаться в стороне?

— Не станет. Скотче, — вмешался Валти, до сих пор, по обыкновению, больше слушающий, чем говоривший. — Помнишь, ты его с Патрис в дозор перед нападением чужих сплавил. А он не пошел. И знаешь почему? Потому что знал: сейчас он нужнее в лагере. Так ведь, Влад?

Голос у Валти был в меру доверительным. Чуть больше Доверительности, и слова прозвучали бы фальшиво. А так ...

— Да и потом... Разве он отсиделся в стороне, когда Воронцов с Подоляном и Фаусто на штурм поперлись?

Скотч промолчал, хотя внутренне был согласен с напарником.

— Ну, допустим, — неожиданно сдал первую позицию Семенов. — Я действительно не сомневался в атаке на лагерь и потому послушался приказа уйти в дозор. Правда, не ожидал, что наша геройская троица пойдет в штыковую. Еле поспел за ними.

Несколько долгих секунд под сенью сросшихся кустов полисаула царило насыщенное молчание. Валти, отвернувшись, глядел сквозь облюбованную прореху на тропу. Семенов глядел в пол. Скотч — на Семенова.

— Я действительно кое-чего умею, Вадим. Но на Табаске я в настоящем отпуске. И это не легенда. Реабилитация у меня. Психодинамическая реабилитация. После одной... малоуспешной операции.

Скотч с готовностью закивал. Смешно, конечно, было ожидать более пространных откровений.

— Учти: все, что я говорю, я не имею права говорить. И не сказал бы в жизнь, если бы не вторжение. Так что считай, будто ничего не было сказано.

— Вторжение? Думаешь, это вторжение? — спросил Скотч, голос его прозвучал чуточку жалобно, будто у обиженного зазря ребенка.

— Думаю. Шат-тсуры готовились к войне. Просто начали куда раньше, чем ожидал полумертвый галактический союз.

— А зачем шат-тсурам Табаска? — недоумевающе протянул Скотч. — Тоже мне, сокровище... Практически ненаселенный заповедник...

— Не знаю зачем. Но раз вторжение состоялось, Табаска того стоит.

— Н-да — Скотч отложил ружье в сторону, прямо на слой высохших игл, и поскреб в задумчивости затылок. — Так что выходит — снова война?

— Выходит. И, кстати, в связи с этим мы имеем веселенькую ситуацию прямо у нас в группе.

— В смысле?

— Перевертыш.

— А что перевертыш? — осторожно уточнил Скотч.

— А то, что, по нашим данным, раса оаонс намеревалась выступить единственным изначальным союзником шат-тсуров в предстоящем галактическом конфликте. Потом, если война развернулась бы для шат-тсуров успешно, к ним наверняка примкнули бы еще некоторые новоразумные расы и, возможно, кто-нибудь из второй волны высших. Но ни в коем случае не сразу. Стало быть, если ты всерьез собрался партизанить, то знай: у тебя в отряде враг.

— Слушай! — враз оживился Скотч. — У этого перевертыша ведь имя липовое!

— Нути-Нагути? Так это не имя, это прозвище. Вполне безобидное, кстати, так на Иншуди сплошь и рядом пилотов называют. Мирское имя перевертыши чужакам просто так не засветят. А клановое скрывают даже от сородичей. Нет, Вадим, если перевертыш и не простой турист, по одному лишь имени ты ничего не вычислишь.

— А он не простой турист?

— Откуда мне знать?

— Знаешь, — решил пооткровенничать Скотч, — я уж было решил, что перевертыш какой-нибудь засланный агент, а ты за ним присматриваешь.

— Ага, — насмешливо хмыкнул Семенов, — и при первой же возможности засвечиваюсь дальше некуда. Нет, Вадим, не туда ты обратил свой бдительный взор. В моем случае.

— Не понял? Значит, в нашей группе все-таки не все туРИсты?

— Ну, — вздохнул Семенов, — один не вполне турист таки есть. Точнее, не вполне туристка.

Скотч и Валти буквально прикипели взглядами к Семенову. Дело вдруг приобретало захватывающе-неожиданный оборот. Оба даже на какое-то время забыли о варианте, при котором Семенов мог по-прежнему темнить и плести байки. Сейчас они Семенову верили — верили на все-сто. Как обычные гиды, неискушенные в сложнейших агентурных тонкостях и играх.

— Туристка? Патрис, что ли?

— Нет, не Патрис. Валя Хилько. Вот она здесь однозначно на задании.

— Упс! — поразился Скотч. — Час от часу не легче! А с ней-то что не в порядке? Какое еще задание?

— Да простое, — усмехнулся Семенов. — Контроль моего психокондиционирования.

— Хм... А это у вас обычная практика, что ли?

— Не всегда. Только... в особо тяжелых случаях.

— Извини, — мгновенно сопоставил Скотч, — У тебя и впрямь тяжелый случай?

— Видимо, да. По крайней мере так сочли там... — Семенов многозначительно указал взглядом вверх, — раз приставили.

— Так вы из одной... конторы?

— Нет. Валентина — просто психолог-прикладник. Хотя, возможно, и аналитик тоже.

— А как ты ее вычислил? — поинтересовался Скотч. Семенов усмехнулся шире и опустил взгляд:

— Да какая разница как... Важно то, что на нее ты можешь полагаться так же уверенно, как и на меня. В том смысле, что больше, нежели на простого туриста.

— А на тебя, стало быть, я могу полагаться?

— Можешь. Для меня шат-тсуры — противники. Думаю, ты знаешь о воинской присяге, Вадим. Я принимал присягу на верность доминанте Земли, и я верен присяге. Что бы ни случилось.

Семенов говорил так твердо и серьезно, и в то же время так буднично, что Скотч невероятно остро почувствовал громадное облегчение. Темная лошадка, скрытый козырь, человек-тайна Владимир Семенов заодно с ним. С гидом «Экзотик-тура», замыслившим хорошо попортить нервы захватчикам на оккупированной планете. Скотч поверил Семенову — есть вещи, которыми так и в такой ситуации не шутят.

— А теперь, Вадим, я буду безмерно благодарен, если ты посвятишь меня в свои планы на ближайшее будущее: То, что ты намерен сохранить группу, я уже понял. А еще?

— Ну, для начала, я думаю, надо отсидеться в укрытии, — с воодушевлением начал Скотч. — Туда я, собственно, всех и веду. Есть тут неподалеку одна пещерка. Бункерочек такой небольшой. Чужие ведь нас искать будут. Особенно после того, как ты постарался. Если у них нет чувствительных биодетекторов, можем и отсидеться.

— Глупо на это рассчитывать, Вадим.

— Надо же хоть на что-то рассчитывать. А потом я хотел наведаться на турбазу и поглядеть, что там и как. Все-таки там у меня тоже остались подчиненные, за которых я в ответе.

— Я и без визита могу рассказать тебе, что там и как. На турбазе — оперативный штаб шат-тсуров. Твой Персонал схвачен и либо заперт, либо вывезен.

— Тогда тем более я хотел бы наведаться, — заявил Скотч. — Партизанить так партизанить!

Семенов покачал головой, то ли недоверчиво, то ли одобрительно:

— Решительный ты малый! А к бункерочку вашему сперва наведаться нужно, причем без группы. Раз склад у Мангрового залива вскрыт, могли и бункерочек распотрошить. Если хочешь, подсоблю, прикрою.

— Вот это разговор! — оживился Скотч и потянулся за Ружьем. — Пошли тогда? . Он ожидал иной реакции от Семенова. Вопросы какого-нибудь вроде: «Что, прямо сейчас?»

Семенов просто безмолвно кивнул и полез под колючие лапы полисаула.

Покинуть естественную крепость было заметно легче, чем попасть в нее.

— Поосторожнее там, — напутственно буркнул из зарослей невидимый Валти.

— Обязательно, — пообещал Скотч, перехватил ободряющий взгляд Семенова и, не оборачиваясь, потрусил вдоль по тропе. Семенов тенью последовал за ним.

Чем ближе они подбирались к оврагу, тем медленнее и осторожнее бежали. Вскоре и вовсе двинулись шагом, вслушиваясь в предательскую тишину леса. Собственно, тишиной ее и назвать-то было трудно: лес всегда полон звуков, что днем, что ночью. Но Скотч давно привык к его голосам и сейчас пытался уловить как раз чужеродные звуки. Свист рассекаемого кораблем воздуха. Шипение гравифлифтов. Топот непривычных к лесу ног и певучие голоса скелетиков. Но в обычный лесной

концерт не вплетался ни единый посторонний звук. Причем по голосам жаворонков, парящих высоко в небе над оврагом, можно было предположить, что все спокойно. Спокойно минимум пару часов – только в этом случае жаворонки выползают из нор в склонах оврага и вылетают на дневную охоту. Хотя... Шат-тсуры могли оставить в овраге засаду. И если она расположилась в верхней, узкой части да не шумит почему-то, жаворонки с ней смирятся.

Скотч послушал еще немного и показал Семенову, что нужно забрать немного правее. Он решил выйти к оврагу именно с узкой части. Сверху. Оттуда и видно лучше, и если вдруг стрелять придется – удобнее, и вообще...

Спешить не стоило. Скотч и не спешил. Один ненароком задетый камень, одно неосторожное движение – и все их скрадывания моментом пойдут насмарку. А это непозволительно. Поэтому лучший гид «Экзотик-тура» не спешил, перестраховывался на каждом шаге. Умница Семенов схватывал все на лету, подстраивался по ходу дела, причем никакие слова для этого не требовались.

И правильно они подстраховывались, как выяснилось.

Нет, в овраге они никого не увидели, сколько ни смотрев ли с разных точек. Но... Скотча не оставляло чувство, будто сквозь колючие кусты на самом дне кто-то недавно продирался. Совсем недавно – буквально вчера; даже вечером. И Семенов, кажется, это тоже заметил.

На голом месте было до жути неуютно. Скотч поминутно обзиревал небо, но ничто не нарушало его глубочайшей голубизны. Скелетики если и носились над Табаской в своих мобильных корабликах, то где-то далеко от заветного оврага.

На какое-то время гид и его добровольный помощник замерли в десятке метров друг от друга. Снова и снова Скотч зыркал в овраг, словно из укрытия в пещерке мог кто-нибудь показаться. Поэтому когда откуда-то снизу вынырнул юркий худощавый человечек в незнакомом, но явно форменном комбинезоне, Скотч с трудом удержался от вздоха облегчения и мельком взглянул на Семенова. Лицо спутника не выразило ни единой эмоции.

«Вот те на, – подумалось. – И впрямь гости. Вроде человечек. Или, мать его, перевертыш? Не видно...»

Человечек завертел головой, в свою очередь осматривая небо.

«Бойтся, поди, – подумал Скотч, морщась. – Раз бойтся вполне может оказаться другом, а не врагом. Но спешить с выводами все равно не следует».

Скотч неожиданно осознал, что успокоился. До того холодного и расчетливого состояния, в котором совершают подвиги, предают друзей и входят в историю. Такое состояние годится для всего: и для героизма, и для злодеяний. Оно всего лишь навсего гарантирует успех любого начинания, будь оно . добрым, будь оно злым. Возможно, на Скотча благотворно подействовало присутствие Семенова – рядом со столь неординарным человеком и впрямь чувствуешь себя спокойнее. Когда он на твоей стороне, конечно.

Человечек тем временем отбежал к потревоженным кустам и пристроился по малой нужде. Неслышно хмыкнув, Скотч Знаками разъяснил свои намерения Семенову; тот кивком рйсказал одобрение. Скотч покинул свой наблюдательный пост молниеносно продвинулся по одной из сторон оврага к тем-же кустам. Таким образом, чтобы зайти незнакомцу за спину.

Семенов остался на подхвате.

Незнакомец облегчался и знать не знал, что через какие-то секунды станет пленником. Языком.

Последнее, что сделал Скотч перед стремительной атакой, это обернулся ко входу в пещерку (никого) и зачем-то взглянул на обувь будущего языка. Язык был обут в пустотные ботинки.

Он как раз застегивал свой невоенный комбез, когда Скотч бесшумно соскользнул по склону и от души угостил ребром ладони по шее. Парень – а язык был даже моложе Скотча – тихо, как-то до жути по-домашнему уютно всхрапнул и наладился осесть на рыжий овражный суглинок. Скотч, понятное дело, упасть ему не позволил: подхватил за локоток, забросил руку за шею, напрягся и втащил вверх по склону. Там быстро прикрепил гравикомпенсатор, наспех подстроил, дал энергичную отмашку Семенову и бегом побуксировал бесчувственного незнакомца к лесу.

Обратный путь оказался совсем коротким. Уже приближаясь к посту Валти, где Скотч решил устроить допрос, стало понятно: парень очнулся. Но скрывает это, хитрит. Компенсатор спеленал языка по полной программе, режим был выбран грамотно. Охотничий, предназначенный для транспортировки еще живой и опасной дичи. Виверны, например, или хурмача. Так что глупостей от пленника ожидать не приходилось.

Отсигналив, что приближается свой, Скотч вышел на тропу, а спустя пару минут устало приземлил ношу рядом с приплюснутым шаром полисауловых зарослей. Все-таки взятие языка оказалось не таким простым делом для мирного, хотя и прекрасно подготовленного гида «Экзотик-тура». Непростым – морально. А для Семенова, похоже, эта вылазка была чем-то ужасно рутинным и сто раз надоевшим.

– Это еще что за фрукт? – с неподдельным интересом спросил Валти, выглядывая снизу, из-под веток.

– Сейчас и выясним, – довольно проворчал Скотч. – Давай-ка его свяжем по старинке, вдруг эта чертова блокада компенсаторы погасит.

Валти немедленно втащил языка в заросли и сдернул с пояса дежурный моток веревки. Пару минут, и пленника, уже не скрывающего приход в сознание, надежно примотали к бронзовому стволу кедроклена в самом центре «помещения».

К этому моменту зачем-то задержавшийся снаружи Семенов присоединился к гидам в крепости. Невольно Скотч поглядел на него. Похоже, подсознательно искал поддержки и одобрения.

Семенов махнул ему: начинай, мол.

«Поможет, если что, – подумал Скотч с уверенностью. – Это здорово».

– Ну что, голубец, – обратился он к языку. – Привет, что ли. Говоришь на русси?

– Привет, – буркнул язык на русси.

– Давай, поведай нам, кто таков и что в нашем бункере делаешь. Врать, ясное дело, не советую.

– А сами-то вы кто? – спросил пленник. – С турбазы небось?

Скотч хотел веско сказать: «Вопросы здесь задаю я!», но вовремя сообразил, что это прозвучит на редкость пошло.

– Ты отвечай, отвечай, – нашелся он почти сразу. – Спрашивать потом будешь.

Пленник поморщился, откинул голову на ствол и тяжело вздохнул.

– Послушай, – обратился он к Скотчу подозрительно Доверительным и дружелюбным образом. – Ты человек, и я человек. Сдается мне, что у нас с тобой нынче общий враг. Шат-тсуры, поющие скелетики. Может, мы и влезли в ваше Убежище в овраге, но поверь – не от хорошей жизни. Скверные тут у вас творятся дела. Прямо война...

Скотч снова покосился на Семенова. Тот слушал с кривой усмешкой на устах. Но пока не вмешивался.

– Ладно, хрен с тобой, поведаю сначала, кто я такой. – Скотч решил, что после внесения ясности в этот вопрос язык станет поразговорчивее. Действительно ведь человек, не чужой. – Я – гид туристической компании «Экзотик-тур». Вся южная часть континента – заповедник, принадлежащий компании. Никто, кроме работников и клиентов «Экзотик-тура», не имеет права здесь находиться, это, надеюсь, доступно? Между прочим, я и мои коллеги имеем право без предупреждения стрелять в браконьеров, буде таковые обнаружатся на территории заповедника.

– Браконьеры не являются целой армадой боевых кораблей, – невпопад ответил пленник. – И не врубают тут же техноблокаду.

Скотч смеялся на несколько секунд, но тут, к великому счастью, ожил Семенов.

– Ладно, мил-человек, вижу, ты скрытен сверх меры, а у нас со временем, увы, туговато. Давай-ка я тебе кое-что расскажу.

С невыразимым удовольствием Скотч уступил инициативу тому, кто, по идее, чувствует себя на допросе как краб на мелководье. Причем наверняка и в роли допрашивающего, и в роли допрашиваемого.

И Семенов не подкачал.

– Во-первых, ты – искатель с Поисковой Базы доминанты Земли; зовешься Александром Веселовым, что явствует из шифра над твоим нагрудным карманом. Группу крови и клеточный код опустим, сейчас они не важны. Четыре дня назад ваша скорлупка в полуаварийном режиме шарахнулась в реку неподалеку отсюда, и вы предпочли смыться с борта от греха Подальше, поскольку за вами гонится целая, как ты выразился, армада боевых кораблей доминанты Тсурры. А раз на вас охотятся скелетики, можно смело предположить, что господа искатели накопили где-нибудь в космическом захолустье нечто весьма забавное и перспективное. Ну, как тебе моя история?

Скотч с суеверным ужасом поглядел на Семенова: во дает спец! Во профи! За пару секунд все вычислил и сопоставил!

По тому, как разгорелись и забегали глаза пленника, несложно было понять: Семенов бьет в самую точку.

— И собрались вы, голуби мои... Сколько вас там, кстати? — продолжал Семенов. — Впрочем, не важно, человек .пять — десять, вряд ли больше. Так вот, собрались вы залечь в нору и отсидеться, пока скелетики с ног сбиваются, вас ищут. Упоеваете небось на слабость биодетекторов да на скорую помощь, потому что о находке на Поисковую Базу твой бригадир, как водится, сообщил в первую голову. Валти сдержанно захихикал со своего места у облюбованной щели. Искатель Александр Веселов понурил голову и вид приобрел удивительно жалкий. Обидно, когда настроишься терпеть все, что угодно, вплоть до пыток, но молчать. А тебя колют в первые же десять минут, причем без всякого труда. Любому станет обидно. Особенно непрофессионалу, когда он сталкивается с мастером закулисных игр, видящим собеседника насквозь.

— А еще я могу рассказать тебе, что произойдет в ближайшие же часы. Вернее всего утром, потому что ночью скелетики вряд ли полезут в чашобу, тем более после такой гостеприимной встречи, какую мы им устроили. Будет высажен десант. Большой десант. И не балбесов флотских в него бросят, а элиту, спецназ. И отыщут они вас, соколики, в вашем убежище максимум за сутки. И выкурят без труда — что такое «генераторы тоски», я думаю, ты прекрасно знаешь.

Семенова слушали все: и пленный, и Скотч, и Валти, слушали с напряженным интересом, ибо каждый вдруг непостижимым образом уверился — Семенов, во-первых, прекрасно знает, что говорит, а во-вторых, видит какую-то альтернати— не настолько мрачную.

— И тогда — прощай секрет! Доминанта Земли лишается важной информации, ее получает доминанта Тсурры... а твой боится этого, как черт ладана. Значит, секрет ваш и впрямь многого стоит.

Семенов на миг остановился, ещё сильнее нагнетая обстановку.

— Но есть выход. И для вас, искателей, и для нас, поскольку перед лицом вторжения с Тсурры мы даже не союзники, мы одна команда. Земляне. Видишь вот это?

Семенов ловко подбросил на ладони небольшой шарик — один из тех, что снимал с мертвых десантников после побоища.

— Это поглотитель излучения «тоски». Щит. У меня их много, хватит на всех. А значит, объединившись, мы сумеем встретить скелетиков подобающим образом. Как тебе такая идея?

Искатель молчал, напряженно переваривая услышанное.

— Да ты не робей. — Семенов ободряюще похлопал его по плечу. — Шеф твой только рад будет. Кстати, ты поговори с ним, техноблокаду уже сняли.

— Как сняли? — удивился Скотч.

— Сняли, можешь проверить.

Скотч немедленно схватился за рацию и вызвал Хиддена.

И Хидден ответил:

— Да, босс!

— Ёлы-палы! — сказал Скотч. — Техноблокаду сняли! К чему бы это?

— Да к тому, что десант уже высажен, — ответил за Хиддена Семенов. — Скорее всего вблизи места сегодняшней стычки и в месте посадки поискового рейдера. Ну же, Веселов, и робей, вынимай свой наушник, я ж вижу, что он у тебя нагруднике. Давай я тебе руки развяжу.

Он взялся за веревку; освобожденный искатель Веселов медленно-медленно вынул из кармана телефончик и приладил его к уху.

— Шеф! — хрипло позвал он.

Бригадир отозвался спустя секунд десять, не раньше:

— Кадет? Ты куда пропал, леший тебя подери?

— Я людей встретил. С турбазы. Они тут со скелетик ми воют. И предлагают объединяться. А еще они все знают про нас.

Тахир Плужник долго молчал, не зная, как поступить.

— Дай-ка мне, — сказал Семенов, поморщился и протянул руку. Веселов покорно отдал ему наушник.

«Ну, все, — с облегчением подумал Скотч. — Этот точно убедит. А наш партизанский отряд, похоже, теперь станет многочисленнее».

Через минуту Семенов вернул наушник искателю, совсем отвязал его от кедроклена и буднично позвал:

— Пошли! Мы с ним, — Семенов кивнул на Веселова, — в овраг, а вы с Валти — за остальными. И рюкзак мой не забудьте, пожалуйста!

— Не забудем! — пообещал Скотч и только сейчас сообразил, что рация в опущенной руке уже с минуту издает монотонное: «Шеф! Ты где? Шеф!» — голосом Хиддена.

Скотч поднес рацию к губам.

— Тут я! — сказал он. — Ты в порядке? Все спокойно?

— Спокойно. Я в порядке.

— Тогда дуй в лагерь, снимаемся. Все, до связи.

— Понял.

Хидден отключился. Полминуты — и рукотворная крепость в зарослях полисаула опустела.

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Глубокий космос

— Лейтенант Хмелевой, сэр! — доложил визитер.

— Проходите, садитесь, — пригласил адмирал Хемерсбрандт. Он старался говорить дружелюбно, хотя вот такие визиты офицеров в невысоких чинах к командующему флотом были, мягко говоря, нетипичны.

— Благодарю. — Лейтенант по-военному четко промаршировал по ковру и уселся на привинченный к палубе стул.

— Что у вас? — поинтересовался адмирал, решив не тратить время попусту. Параллельно он вызвал в видеокуб данные по офицеру, который сейчас сидел напротив.

«Хмелевой, Виктор Юрьевич, канонир шестнадцатой батареи. Окончил училище на Венере, во флоте девять лет. Четырнадцать поощрений, два взыскания. Шесть боевых вылетов». «Странно, — подумал адмирал. — Девять лет выслуги, шесть боевых, куча поощрений — и до сих пор канонир. И всего лишь лейтенант. Давно пора повысить. Хотя бы до командира батареи».

Лейтенант вдруг без разрешения встал, приблизился к столу; Тим Хемерсбрандт невольно напрягся. Рука заученно скользнула к неприметной нише под столешницей, где специальным сенсором активировались скрытые парализаторы.

Но кисть, уже коснувшаяся кнопки, замерла. Хмелевой показывал адмиралу небольшой круглый жетон с двумя латинскими буквами — «CQ». Убедившись, что адмирал увидел жетон, лейтенант так же спокойно и невозмутимо взгромоздился на стул.

Руки адмирала вернулись к терминалу. Он набрал секретный код и получил доступ к менеджеру суточных паролей. Прочел сегодняшний и требовательно уставился на Хмелевого. Тот взглядом указал на включенный референтский селектор.

Пришлось отключиться от внешнего мира.

— Ай-ти-семь-эс-икс-два-эф-вэ, — негромко, с преувеличенной артикуляцией сказал лейтенант. Пароль был назван верно.

— Слушаю вас, — сказал адмирал.

— Капитан Фокин, внешняя разведка, — представился «канонир».

Теперь стало понятно, почему этот парень до сих пор торчит на младшей офицерской должности. Так удобно разведке, а в дела ребят из разведок вмешиваться не принято. Хемерсбрандт никогда не вмешивался. И помощникам своим заказал. В конце концов, любая разведка работает на всю доминанту Земли, а флот — только на Солнечную систему.

— Что вам известно о событиях на Табаске, господин адмирал?

— Можно без господина, так короче, — предложил Хемерсбрандт.

— Идет, адмирал. Так что?

— Вторжение шат-тсуров столкнулось с непредвиденными сложностями, — ответил Хемерсбрандт. — Некие туристы организовали вооруженный отпор и даже вроде бы десант шат-Уров слегка потрепали.

— Не потрепали. Состоялось две стычки, в одной погибли двенадцать десантников, во второй — почти сорок.

— И что сие означает?

— Среди туристов наш человек. Вероятно, туристов он и организовал на сопротивление. Но есть один фактор: он там не на задании. В отпуске. Точнее, на психореабилитации.

— Ну и что? — Адмирал пока так и не понял, что, собственно, нужно этому разведчику.

— Кроме нашего человека, среди туристов значится также оаонс-перевертыш с Иншуди. Вероятно, он также взаимодействует с разведкой своей доминанты. Цель его пребывания на Табаске неясна; известно также, что участие в «экзотик-тур» на

Табаску он оплатил раньше, чем было принято решение отправить на отдых туда же нашего агента. То есть цель перевертыша — не наш агент. Его цель на Табаске.

— Что я могу для вас сделать?

— Прежде чем «Евразия» ввяжется в бой с флотом шат-тсуров, нужно забросить несколько человек на Табаску. Меня, еще двоих из экипажа, я потом укажу, кого именно, и взвод мобильной пехоты. В полной боевой, разумеется.

— Прикрытие нужно?

— Нет, придадите пехотинцам два орудия, так что канонир им все равно понадобится. Остальные двое из моих — специалисты, их участие тоже не вызовет подозрений. Кибернетик и мнемотехник. Пехотинцев желательно взять из роты разведки, той, что чистила базу Германа де Шатоли на Ганямед.

— Сделаем. Сроки?

— Каково расчетное время финиша в системе Табаски?

— Сто одиннадцать часов с минутами.

— Сразу по финишу десантируемся. Десантироваться, кстати, придется методом точечной заброски.

Хемерсбрандт озабоченно нахмурился. Точечная заброска была делом довольно опасным и пока еще плохо освоенным.

Специальная установка счетверенных малых икс-приводов швыряла каждого десантника из стартовой гермозоны прямо в атмосферу нужной планеты. Наведение должно быть ювелирным, а десантники — опытными. Иначе — верная смерть. Разведрота, о которой упоминал Хмелевой-Фокин, проводила учебные занятия по точечной заброске, но реально ни одной боевой высадки не совершила.

— Вы не переживайте, адмирал. Маска расчетов наведения у меня имеется. Успеем, нужно будет обсчитывать уже готовые шаблоны. За оставшееся время вполне реально собрать все данные о каждом десантнике, от веса в снаряженном состоянии до пси-индекса.

— Отчаянный вы человек, капитан, — откровенно сказал адмирал.

Разведчик сухо улыбнулся:

— Работа такая...

— Все сделаем. Командовать взводом будете вы?

— Нет, зачем же? Офицер-пехотинец. Я его просто проинструктирую перед высадкой. Вот список всех, кто понадобится. Семнадцать человек, включая меня. Как приказ будет готов, список уничтожьте.

— Добро.

— Спасибо, господин адмирал!

— Служу Земле, — усмехнулся Хемерсбрандт. — Все мы принадлежим Земле, капи... э-э-э... лейтенант Хмелевой.

— Так точно, адмирал! — Собеседник встал. — Разрешите идти?

— Идите, — кивнул адмирал.

И подумал: «Удачи тебе, мальчик. Всем вам удачи, сорвиголовы».

Некоторое время он в задумчивости сидел, отрешенно глядя на столешницу и почти при этом не двигаясь. Потом включил селектор и попросил чаю.

— К вам еще один посетитель, сэр! — бодро доложил референт-ординарец.

— Кто? — Хемерсбрандт уже ничему не удивлялся.

— Вице-адмирал Рудовски.

«Ого! — подумал командующий. — Чего это он лично пожаловал, связаться, что ли, не мог?»

Патрик Рудовски, начальник штаба флота «Евразия». Второй человек после самого Хемерсбрандта.

Он вошел вместе со стюардом, даже пропустил стюарда вперед. Ну да, на боевом корабле поднос с горячим чаем лучше иметь впереди, нежели за спиной, да еще в чужих руках. В любой момент корабль может тряхнуть. Всякое бывает.

— Приветствую, Патрик! — поздоровался Хемерсбрандт. Больше он ничего пока не говорил и не спрашивал; ожидал, пока выйдет стюард.

Наконец тот покинул адмиральский кабинет. Рудовски молча приблизился и самостоятельно отключил селектор.

— Чего это ТЫ пешком? — подозрительно спросил Хемерсбрандт.

Начальник штаба молча взгромоздился на стул для посетителей. Вне корабля, Хемерсбрандт знал, Рудовски обожает сидеть на стуле верхом, опираясь локтями о спинку. Но на флагмане мебель почти везде надежно крепилась к полу.

— Да так... Мысль одна возникла. А у тебя тут закрытое что-то было, как я понял.

— Излагай, — вздохнул командующий. Рудовски помассировал набрякшие мешки под глазами. Похоже, он не спал минимум сутки, а то и поболее.

— Ты не задумывался, куда именно мы заслали парламентарский бот азанни, на котором пик пирамид Ауни-на-Тьер прибыл в Солнечную? Хемерсбрандт на секунду замешкался.

— Нет... А куда? Координаты дежурный из месячной сетки взял, ты же знаешь.

— Я не соображу, что и думать, Тим. Сетку я сам проверил, дважды. Все сходится на момент подписания приказа, все по штабной таблице.

— Так куда их заперли? Хотели ж вроде куда подальше, с глаз долой?

— Хотели. А заперли прямехонько на Ухту. Это Пронг— тридцать третья, как ты знаешь.

Хемерсбрандт в замешательстве провел рукой по лицу.

— Ну и ну... — пробормотал он. — И что же, они добрались?

— Да. Шифровка получена.

— Но... Собственно, какой в этом криминал? Целью было просто увести бот подальше, обезопасив лидера Азанни и Солнечную систему. Да что я говорю, ты сам все прекрасно знаешь!

— Знаю, — согласился Рудовски. — Ладно, пускай, совпадения случаются и похлеще. Допустим. Хотя я бы все равно покопал еще немного. Смысл вот в чем: Тсурра однозначно свяжет прибытие бота и операцию на Табаске. И задумается: а зачем мы это сделали? И будет Шат Унве тщетно ломать голову и грузить аналитиков в поисках связи между двумя никак не связанными фактами. Ручаюсь, трогать бот они не станут. Станут только втихаря наблюдать и перехватывать депеши...

— ...и этим надо воспользоваться... — сразу уловил суть Хемерсбрандт.

— Именно! Нельзя экипажу позволить просто пробездельничать там четыре недели, а потом выслать за ними дежурного спасателя. Надо их озадачить, изобразить бурную деятельность. Пусть Тсурра грузит аналитиков, пусть ломает голову, пусть ловит черную кошку в темной комнате, хотя ее там нет в помине. Нам это только на руку.

— А кто там в экипаже? — уточнил командующий «Евраей». — Я не вдавался.

— Офицер, унтер и четыре десантника. Офицер — Дариуш Маримуца, ты его должен помнить.

— Помню, — подтвердил Хемерсбрандт. — В целом вроде толковый малый.

— Вполне толковый. Если справится и вернется — вполне можно представить на капитана.

— Слушай. — Хемерсбрандт уже листал деловой дневник одним глазом сканируя записи, а вторым кося на начальника штаба. — А чего им, собственно, на Ухте делать? Не снег же убирать. Давай их на Табаску переместим! Если Тсурра следит и выжидает, сквозь щит их скорее всего пропустят. Пусть дуют в район, где наши туристы войну затеяли. Пусть вместе попартизанят. Возможно, на них удастся оттянуть часть сил, занятых поисками искателей. А?

— На Табаску... Думаешь, пропустят?

— Конечно! Не реши шаты понаблюдать — бот бы уже сожгли. Еще на подлете. Состав флота Тсурры у Табаски просматривал?

— Разумеется, просматривал. Да, ты прав, наверное.

— Готовь приказ. Передадим шифроканалом, с помпой, чтоб точно перехватили. Голые координаты броска, без мотивов и заданий. Если уж путать шатов, так по полной программе.

— Будет сделано. Все, я пошел... — Начальник штаба так и горел нетерпением, словно за сравнительно долгую воинскую карьеру еще толком не навоевался.

— А чего ты пешком все-таки? Только без обиняков. Уже у двери Рудовски обернулся, храня на лице смесь нетерпения и озабоченности:

— Знаешь... Что-то не доверяю я сетям последнее время. А уж если твой кабинет прослушивается... Тогда все вообще зря.

— Не прослушивается, — буркнул Хемерсбрандт, хмурясь. — Запись ведется, но и защита тут будь-будь. Да и проверяемся шесть раз на дню.

— Я — восемь, — вздохнул Рудовски. — Ладно, пошел. Документ на подпись я с вестовым пришлю. Давай все-таки никаких сетей до связи.

— Договорились. Никаких сетей.

ПАРЛАМЕНТЕРСКИЙ БОТ ДЗАННИ

Система Пронг-30, доминанта Земли

Сообщение пришло, когда Рафик Раджабов отсыпался, а лейтенант Маримуца с Клементом Суондредом совершали вылазку наружу. Дежурил Арнольд Суондред.

Связь поддерживали при помощи слабеньких лучевых передатчиков, чтоб уже килоунах в десяти от севшего в снег бота перехватить сигнал было трудно. Маримуца с Клементом особо удаляться не собирались, так что вызов засекли сразу.

— Лейтенант, депеша с флагмана!

Маримуца остановился, поправляя наушник и выдвигая телескопическую штангочку с бусиной микрофона поближе к губам.

Над местом посадки бота в центре ледового континента висел мощнейший антициклон. Темно-синее небо нависло над головами; дул несильный, но обжигающе-колючий ветерок, неся у самой почвы слабенькую поземку. Глотнув морозного воздуха Ухты, оба землянина предпочли врубить пустотную защиту: пусть другие зазря мерзнут. Но дыхательную смесь разумнее было экономить, поэтому дышали местным воздухом, предварительно подогретым до приемлемой температуры.

— Огласи! — велел Маримуца.

— Депеша шифрованная, лейтенант. У меня нет доступа к кодам.

— Понятно. Мы возвращаемся. Что там флот у Табаски?

— Маневрируют, но вяло. Планета блокирована, слабенький обмен кораблями с поверхностью. В нашу сторону пока не посягают.

— Ну и ладушки. Сейчас буду.

Он кивнул Арнольду: мол, все, заканчиваем прогулку. Впрочем, тот и так все слышал.

Снег ощутимо скрипел под ногами. Идти было трудно, сплошные наносы. Оба проваливались по колено, да еще на всякий случай сканировали путь на предмет коварных трещин и ям. К счастью, внизу было надежное каменное материковое ложе, поэтому трещины во льду быстро зарастали льдом же. Поверх льда вырос слой снега, более или менее равномерно раскатываемый ветрами. От времени и давления глубинные слои снега превращались в лед; собственно, именно так и затягивались трещины. Типичный холодный материк, вроде земной Антарктиды или Новой Тасмании на Хобарте. Только расположенный не на полюсе.

Лейтенант Маримуца успел изучить данные по Ухте, а заодно и по ее соседке Табаске и узнал, что, невзирая на холодные материки, Ухта имеет обширные незамерзающие океанические пространства, в которых кишмя кишит жизнь.

Фитопланктон, зоопланктон, рыба, крупные млекопитающие — множество мыслимых и немыслимых форм жизни с успехом обитало на холодной планете. И кислороду на Ухте было вдоволь — почти двадцать один процент при слегка более низком давлении.

Иллюзия средних гор. Океаны, кстати, довольно теплые для такого холодильника, что говорит о единой водной конвекционной ячейке экватор-полюс. Бывает, что же... Суша же Ухты, увы, совершенно безжизнен-ча. Только у воды, на припае некоторое оживление. А в Шубине континентов — полный-и абсолютный ноль, разве что какие-нибудь особо морозостойкие микроорганизмы выдерживают.

Прогулявшись недалеке от места посадки, Маримуца и Клемент не отыскали никаких отклонений от ожидаемой картины. Судьба и приказ начальства забросили их в выстуженный мирок, потенциально интересный разве что кристаллам-а'йешам, да и то союзники сочли бы его непомерно жарким для себя. И кислородная атмосфера вряд ли привела бы их в восторг.

По собственным следам, уже полузанесенным, возвращаться было не намного легче, чем тропить целину. Поэтому к боту подходили уставшими и голодными.

«Надо больше двигаться, черт побери, — озабоченно подумал Маримуца, шлюзуясь. — Физика стала ни к черту. Как устроят кросс или, не дай боже, в реальном бою побегать придется... На поверхности. Помру ведь к чертовой бабушке!»

Постоянные вахты в глубоком космосе отнюдь не способствовали поддержанию хорошей физической формы. Маримуца знал: запустишь — потом не вдруг наверстаешь...

Разоблачившись, он незамедлительно направился в рубку и отпустил

Арнольда. Шифрованные депеши начальство просто так не шлет.

Раскодирование не заняло много времени, Маримуца вызвал текст в объем видеокуба и вперился взглядом в чуть подрагивающие желтые строки.

«Настоящим приказываю получателю сего:

На вверенном к сопровождению боте совершить перелет и осуществить посадку на планету Пронг-тридцать вторая (PRONG-32; Табаска по гражданскому каталогу), допустимые координаты места посадки прилагаются. О выполнении не сообщать, хранить полное молчание и ожидать дальнейших инструкций.

Командующий флотом «Евразия» адмирал Тим Хемерсбрандт. Начальник штаба вице-адмирал Патрик Рудовски».

— Так-так... — пробормотал Маримуца. — На Табаску, значит. Интересно, как же нам сквозь блокаду просочиться? А? Начальству что, приказали, и баста. А ты

выполняй... Вопрос: каким образом? Очень своевременный вопрос! И никого, блин, ни чуточки не интересует – каким образом. Даже если это невозможно – сделай и доложи. Хотя нет, нам докладывать не нужно, режим, но сделать-то все равно надо. Ну задачки подкидывают, хоть стой, хоть падай, хоть сразу ложись и помирай от безотчетной тоски. Умники-стратеги кабинетные...

Маримуца сознавал, что немного кривит душой: и Хемерсбрандта, и Рудовски несправедливо называть кабинетными крысами, невзирая на весьма долгий формальный мир в галактике. Опасности они понюхали, хотя не скажешь, что смотрели смерти непосредственно в глаза, на борту флагмана-то.

Но приказ от этого не становился легковывполнимым.

– Ч-черт, – выругался Маримуца и потянулся к переговорнику: – Арнольд!

– Да, лейтенант?

– Буди Раджабова, вводная свалилась. Думать будем.

– Есть!

Лейтенант Маримуца задумчиво почесал кончик носа и снова уставился на подрагивающие в видеокубе строки.

Хорошо хоть сроки исполнения в приказе оговорены не были. А значит, оставалось достаточно времени обсчитать сколь угодно точный и сложный прыжок, тем более что элитный икс-привод парламентарского бота первого азанни вполне позволял воистину фантастические вещи.

«Если Табаску окружает практически непроходимая блокада, – рассудил после недолгих размышлений Дариуш Маримуца, – то прыгать нужно внутрь, в пределы блокируемого пространства. Непосредственно в атмосферу. Сложно, конечно, и рискованно. Но выполнимо.»

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шот-тсур (формально – Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

– На связи «Багута», Шатта! – пропел адъютант. Шат Унве, предводитель шат-тсуров, вынырнул из очередного приступа задумчивости.

– Что там?

Доклаживал дежурный офицер с матки-монитора связи.

– Относительно парламентарского бота азанни, Шатта! Вот совершил посадку на третьей планете, хомо называют ее Ухта. Согласно вашему приказу, бот не трогали, только сканировали и перехватывали передачи. Передача с бота прошла одна – рапорт о прибытии. Ничего существенного, открытым текстом. В ответ четверть цикла назад прошла открытая аналитическая депеша о политической ситуации в галактике и довольно подробный отчет о нашем вторжении в систему Замххад, а также короткая кодированная шивка, которую еще не расшифровали. Девять кораблей из оперативного резерва несли постоянную вахту на границах сферы Шат-Улота на случай, если бот стартует и попытается уйти в пульсацию. Одну двенадцатую цикла бот стартовал. Набрал .высоту двадцать с половиной килоун и непосредственно из атмосферы ушел в пульсацию. По данным сканировщиков, расчетная финишная сфера располагается в атмосфере Табаски как раз над континентом, где прячутся искатели хомо, Шатта, а это небольшой по площади континент. Бот финиширует вот-вот. Если хомо на борту сразу же примутся маневрировать или задействуют элитные камуфляжные системы пика пирамид Азанни – мы можем их временно потерять. К сожалению, финишная сфера расположена вне активного фокуса орудий планетарного крейсера, прикрывающего ставку командующего вторжением Шата Урву, Точнехонько в мертвой зоне. Все это Унве выслушал не перебивая. В общем-то не произошло ничего катастрофического. Сам по себе парламентарский бот, даже если это бот лидера расы азанни, особой ценности не представлял. Да, конечно, он снабжен чрезвычайно дорогой и редкой аппаратурой; элитным икс-приводом, сверхточными по избирательности и разрешению системами наведения/ориентировки, камуфляжными модулями, каждый из которых дороже большинства обитаемых планет галактики. Дело не в этом. Лидера азанни на борту нет, а значит, бот – просто пустая золотая клетка, имеющая цену для ничего, но малоинтересная для богача. У Унве имелось несколько космических кораблей подобного класса. Еще один не помешает, тем более что он сам прыгнул в сферу надежной блокады флота Тсурры. С Табаски стартовать ему будет неизмеримо труднее; во всяком случае, поставить помехи в стартовую сферу бота для крейсеров подавления не составит никакого труда. Плохо другое.

Ничто материальное не может стоить дороже своевременной информации. Унве с горечью и тревогой чувствовал, что не поспевает за событиями. Он не поймал смысла эволюции парламентарного бота. Не понимал их ни в чистом виде, ни в привязке к последним событиям на Табаске. Если посылка бота азанни и людьми как-то связана с охотой на искателей, зачем было совершать посадку на Ухте? Простительная потеря темпа, времени и фактора внезапности. Если у бота была какая-то миссия на самой Ухте... неужели выполнили ее так скоро?

— «Багута!» — сказал Унве, временно отвлекаясь от раздумий.

— Здесь, Шатта!

— Обследовать место посадки бота на Ухте. Пропальпировать каждый квадратный сантиун! Обнюхать и просканировать все! Я должен понять — что хомо делали в снегах? Немедленно! По выполнении — доложить, приоритет — единица!

— Есть, Шатта!

Дежурный с матки-монитора уже выпевал что-то в служебный селектор.

Унве снова задумался.

Итак, цель миссии хомо с бота азанни (настоящего, кстати, судя по точности прыжка; перехваченные ранее автоматы были просто упрощенными копиями, без элитной аппаратуры) находится на Табаске, и не где-нибудь, а недалеко от места, где потерялись искатели. Те самые искатели, которые обладают наиболее ценной информацией в галактике. Простейшее предположение — азанни и хомо попытаются вывезти искателей на парламентарском боте.

Но беда этого предположения в том, что оно слишком уж просто и очевидно. Да и не объясняет последних событий на Табаске. Что, понимаешь, за туристы, которые ни с того ни с сего вдруг дадут отпор лучшим десантникам самого Унве? В десанте полсотни жертв, а урон туристов — пара-тройка раненых! Бред ведь! Получается, никакие это не туристы. Но тогда что же, у хомо заранее отработанные методы эвакуации удачливых искателей в метрополию? В принципе, стандартную операцию отработать можно. И даже осуществить — один раз. Но ведь искатели доминанты Земли уже несколько раз перехватывались иными расами, вместе с находками. И тогда ничего похожего на происходящее теперь на Табаске не просматривалось. Не вязалось происходящее в единую схему, не складывалась мозаика в четкую и понятную картинку. Напрасно Унве вновь и вновь возвращался к началу и пытался реконструировать уже случившиеся события и предугадать еще не произошедшие. Давно прерван сеанс связи с флотом «Багута», давно отпущен дежурный адъютант, давно даны необходимые распоряжения.

А мысленные конструкции лидера шат-тсуров все равно рассыпались от малейшего логического нажима.

Впервые с начала войны за мобильность Шат Унве осознал, что теряет инициативу. И это было плохо. Очень-очень плохо.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА». ДЕСАНТНОЕ СОЕДИНЕНИЕ «МЕЧЕНЫЙ КОРПУС»

Система Зомхход, империя Унве шат-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

После команды ротного «Марш!» первая волна растянутых цепью десантников прошла всего ун сто — сто пятьдесят. Потом сразу две дюжины замедлились и встали, а по рядам прокатилась команда «Стой».

Десант прекратил движение. Дюжинный Шат Умбасар резво побежал вдоль цепи к месту заминки; туда же трусили ротный и командир соседней дюжины.

— Птичья пожива... — пробормотал кто-то из десантников и потрясение уркнул.

Умбасар едва не споткнулся о труп И тоже встал, присматриваясь.

Десантник из «Сизых». Искалечен, экзоскелет поврежден в нескольких местах, передужье и череп проломлены. Трава около тела потемнела от лимфы. Рядом валяется биопарализатор и сорванный с пояса подсумок. В двух шагах дальше — еще один убитый. Дальше — еще... «Меченых» высадили точно в месте стычки с отрядом хомо.

Это Умбасар понял сразу.

Ротный уже вызывал из резерва похоронную команду. Его помощник принялся разгонять сбежавшихся дюжинных назад к своим дюжинам. Смерть братков-«Сизых» еще не повод задерживать операцию.

«Исамарова жуть, — подумал Шат Умбасар. — Но мы отомстим за вас, шатта...

Отомстим или сами вот точно так же поляжем в зеленую инопланетную траву. — Но

тут же спохватился: — Поляжем? Еще чего! Отступать перед горсткой хомо? Отомстим! Покрошим их в салат, а кого не покрошим — захватим живьем!»

— Марш! — лавиной прокатилось по рядам в ту же секунду. Цепи десантников дрогнули и разом пришли в движение.

«Сизых скелетов» Шата Ухолы высадили немного дальше к северо-западу, к бункеру хомо, где тоже погибла дюжина шатов. Высадили ненамного раньше «Меченых».

Умбасар поглядел на солнце — дело шло к скорому закату. Корабли с биодетекторами уже прошли над десантом, развернулись такой же, но более редкой цепью и ушли в небо над лесом. О, беда: детекторы хороши для поиска уцелевших гражданских в развалинах городов или закоулках гигантских космических станций. В лесу от них толку мало: лес кишит жизнью. А поди отличи на пролете гада хомо, прячущегося в зарослях, от какого-нибудь местного сугароза в норе. Поэтому Шат Умбасар не верил в пользу сканирования. Впрочем, это головная боль начальства. Его вместе с дюжиной и остальным десантом ждет совсем другое. Прочесать лес. По старинке, как во время дубины и пращи. Смешно, десантников «Меченого корпуса» призвали с орбиты, чтобы прочесывать лес. Впрочем, в боевых Действиях на поверхности ценных планет, когда нет возможности раздолбать местность управляемыми взрывами или как следует шваркнуть волной нелинейности с ближайшего крейсера, приходится делать еще и не такое.

Шаты из спецвзвода ошетинились антеннами. Они искали следы техногенной активности.

Умбасар когда-то пришел к выводу, что военная мысль за тысячи лет звездных войн заметно продвинулась в области стычек несметных флотов в открытом космосе, а вот в области действий на поверхности планет, особенно вне урбанизированных зон, пожалуй что даже и откатилась назад по сравнению с эрой выхода в космос. Взять хотя бы эти исамаровы джунгли — да тут же никакой танк не пройдет! А жечь джунгли лазерами — все равно что обогреть миры а'йешей походными термопакетами. Глобальные же воздействия, увы, неприменимы. Тупик. Атавизм. Только на ноги солдата и надежда. Можно сколько угодно утюжить лес с воздуха, когда верхушки деревьев скребут днище разведбота, и все равно не обнаружить затаившегося противника — птичку азанни или хомо. На захваченных планетах, как правило, уркают с присвистом на всяческих беглецов — пусть себе дичают. Постепенно перемерут от болезней, и вся недолга. Тут же задача как раз обратная: непременно выловить из безбрежного моря зелени дюжину-другую аборигенов. Пожалуй что несколькими сотням десантников тут работы хватит надолго.

Еще Умбасар задумался: а давно ли у шатов возникала подобная необходимость? Да и вообще, возникала ли она во время последних войн?

Вряд ли.

А значит — есть шанс стать героями, сделать то, чего никто давным-давно не делал и вряд ли сделает в обозримом будущем.

Десантники углублялись в лес, вспугивая зверье и с трудом преодолевая особенно заросшие места. Кто-то из дюжины Уйдза едва не завяз в болотце. На одного из спецов напал местный хищник.

Веселенькая планетка... Ни единого города, только крохотные поселения, которые скорее являются рабочими станциями. Ой веселенькая...

Десант продвинулся килоун примерно на двадцать, прежде чем в лесу окончательно стемнело. Умбасар еще на позапрошлом уне скомандовал своим надеть ноктовизоры и надел сам, Откровенно говоря, в ноктовизоре лес выглядел еще более чужим и враждебным. Резко контрастное да вдобавок и монохромное-изображение сбивало с толку и заставляло часто ошибаться.

Предки шатов ненавидели темноту. Это было время их естественных врагов — сугарозов, либисов. Хищников быстрых и беспощадных. Только при свете дня шаты могли надеяться на единственное, в чем превосходили хищников.

На разум.

Ведь во тьме разум бессилен против рефлексов и силы, как бессилен слепой против зрячего.

Движение десанта замедлилось до предела. «Ничего, — подумал Умбасар. — Перед рассветом, думаю, ротный объявит привал. Подкрепимся, передохнем. А как рассветет...»

Шат Умбасар считался одним из самых бывалых и опытных дюжинных. Собственно, так оно и было на самом деле.

Группа подходила к оврагу с юга, со стороны левого склона. Оставалось метров сто, когда совсем рядом из зарослей неслышно возникли трое. В одном Скотч опознал Семенова, во втором — искателя Веселова. Третий при ближайшем рассмотрении оказался слегка раскосым мужиком примерно пятидесяти локальных лет. Одет он был в такой же комбинезон, как и Веселов.

— Здравствуйте, — шепотом поздоровался незнакомец. — Пойдемте, я проведу.

«А то я сам не могу провести!» — подумал Скотч с легким раздражением. Но раздражение пришлось тут же подавить — к чему ссоры на первой же минуте? Искатель быстро и неожиданно умело пошел сквозь кусты — настоящий лес постепенно перешел в молодой: Скотч даже подумал, что немногие туристы в конце тура так здорово ходят. Направлялись к одному из трех наиболее удобных спусков в овраг, тому, что ближе всего ко входу в пещеру. Цепочкой. Сначала народ поопытнее; каждый буксировал одного из раненых. Потом остальные. Тенторов впору самих было брать на буксир, но не хватало людей: с подвешенным человеком на привязи довольно трудно достаточно быстро идти. Сильно уставшей выглядела и Орнела; остальные в принципе годились и еще для одного перехода.

Скотч замыкал цепочку. Перед ним шел Семенов. Когда . начало цепочки уже втягивалось в низкий зев пещеры, Семе-с нов вдруг застыл, протянул руку, вынудив остановиться и i Скотча, и приложил палец к губам. Скотч мгновенно напряг-ся, хотя у него не возникло совершенно никакого чувства опасности. Он проворно отстегнул оба рюкзака и тихонько .опустил их на глину, не забыв отключить компенсаторы.

— Давай-ка отойдем на пару слов, — странно чужим голосом сказал Семенов. Сказал уже не шепотом, но все же довольно тихо.

Он увлек Скотча в глубь оврага, к колючим зарослям ежевики. Туда, где совсем недавно угодил в плен искатель Веселов. Одной рукой Семенов приобнял Скотча за плечо.

«Наверное, чтоб потихоньку дать сигнал, —догадался Скотч. — Нажатием пальцев, а не голосом».

Но все оказалось еще проще. Неожиданно Семенов отшвырнул Скотча в сторону, к склону, тем самым сильно ускорив свой стремительный бросок в кусты. А спустя пару секунд из кустов спиной вперед выломился еще кто-то. Выломился, кувыркнулся и распластался в самом низу глиняного склона. Семенов тут как тут: мгновенно навис над ним и как-то по-хитрому скрутил.

— Тю, — сплюнул Скотч, приблизившись. — Это же мистер Литтл! Завхоз наш!

Нашелся, пропажа?

Семенов без тени смущения отпустил Литтла и встал.

— Надо же, — вздохнул он. — Не узнал!

— Тебя где носило, чудовище? — с административной угрозой в голосе спросил Скотч. — Тут, блин, такое творится! А он пропадает не пойми где!

— Там Жбан в кустах, — вместо ответа глухо сообщил Киттл. — Он контужен, фиг чего соображает.

— Ты чего прятался-то? — недоуменно спросил Скотч. — Тоже нас не признал, что ли?

Литтл смущенно выдохнул:

— Да это... Я вас и не видел, собственно. Там какой-то народ в пещере завелся. Они как вышли, так я мордой в траву и полег, чтоб не заметили.

— Следопыт, — фыркнул Скотч. — Ладно, тебя где носило-то? Только коротко, в двух словах. С момента, когда ты ушел из лагеря.

Литтл принял как можно более невинный вид и начал каяться:

— Ночью пил со спасателями. Совсем немножко...

— Ага, — скептически поддакнул Скотч. — Верю. Но ты продолжай, продолжай...

— Потом в лесу заснул. А проснулся от стрельбы, как раз брали Жбана и чуть не взяли Солянку и Хиддена. Пошел за чужими, они к бункеру Дуплистого леса направились. Когда они все вошли в бункер, я туда шоковый парализатор запулил. Тут внутри что-то возьми и взорвись... Только Жбан выжил, потому что снаружи лежал, за валиком, а внешнее охранение скелетов осколками посекло. Еще я ихнего главаря по связи видел. Пригрозил, мол, хана им всем... злой был, в сердцах пригрозил. Потом подумал и решил, что вы все равно в овраг придете, раз Солянка с Хидденом сумели ускользнуть. Ну, Жбана подобрал — и сюда...

— Ну и ну! — покачал головой Скотч. — Подобрались же подчиненные! Ладно, потом подробнее расскажешь. Где Жбан?

— В каких кустах?

— Вон в тех, — махнул рукой Литтл, указывая, в каких именно.

— Пошли.

Через пяток минут Скотч, Семенов и Литтл вносили плохо соображающего Жбана в пещеру.

На пороге их встретил встревоженный Валти.

— Скотче, — с ходу начал он. — Тут такое дело... Перевертыш наш пропал.

— Как пропал?

Скотч даже ноги Жбана выронил; каблуки пустотных ботинок глухо бухнули по каменному ложу пещеры.

— Пропал. Видимо, еще на переходе. Он в середине цепочки шел, перед Гунилой. Она говорит, что последний раз ткнулась ему в спину минут за десять — пятнадцать до оврага. В лесу, стало быть. Потом мы искателей встретили, народ отвлекся, а когда снова двинулись, перед Гунилой уже оказалась Орнела. Туристы говорят, что в последний переход никто не перестраивался, как гуськом вышли, так и пришли в том же порядке. Орнела назад вообще никогда не смотрит, поэтому ничего не заметила.

— Вот тебе и отсиделись, — потерянно пробормотал Скотч и с надеждой поглядел на Семенова; похоже, теперь в каждой трудной ситуации он сперва будет с надеждой глядеть на Семенова. — Что скажешь?

— Скажу, что мало удивлен. Чем раньше, тем лучше. Сейчас он не успеет быстро навредить. Десант все равно высадят в местах стычек, так что пару часов в запасе у нас есть. А скорее всего и больше: скелетики никогда не воют в темноте.

Природа у них такая. Максимум, что они сделают, — это окружают овраг, прикроют с воздуха и станут дожидаться рассвета.

— Давайте-ка все-таки войдем, — предложил Литтл, вновь берясь за руку Жбана. — Так и так его перепаковать нужно и осмотреть.

Внутри к бесчувственному Жбану сразу же метнулась Валя Хилько и тот самый мужчина, что встречал отряд снаружи у оврага. Звали его Тахир Плужник.

Валентина склонилась над контуженным спасателем; Плужник требовательно похлопал ее по плечу:

— Позвольте мне, я врач.

— Я тоже, — ответила Валентина неуступчиво.

— А специальность? — спокойно и даже как-то невинно уточнил Плужник.

Валентина несколько смутилась:

— Ну... психодинамик, а что?

— А я терапевт, — мягко сказал Плужник и тихонько отстранил девушку. — С сорокалетним стажем. Будьте добры, аптечку. Во-он там — Вася вам покажет. Вася, молодец, напарник Тахира, тут же показал где, а Валентина моментально смирилась с ролью ассистентки.

Пока врачевали Жбана (а затем и Хиддена, и Солянку, и Подольна с Фаусто и Воронцовым), Семенов коротко представил туристам искателей, а искателям — туристов.

Искателей насчитывалось всего шестеро. Точнее, даже пятеро: шестым в их экипаже невесть как оказался советник президентского форума системы Фалькау. Звали его Хенрик да Союза Паулиста. Собственно искатели — бригадир Тахир Я Плужник, помбриг Василий Шулейко, уже знакомый Саня.Д Веселов, которого все называли кадетом, и две среднего возраста матроны-научницы, Виола и Регина. История их недавних мытарств ничуть не удивила Скотча. Что именно раскопали бедняги искатели, он даже не стал уточнять.

Гораздо больше его сейчас волновал другой вопрос: что делать дальше? Овраг был последним внятным убежищем в пределах досягаемости. На других маршрутах имелись свои убежища, но другие маршруты пролегли существенно севернее или восточнее этих мест. Очевидно, что из оврага нужно убираться как можно дальше. Но пешком этого не сделаешь. А где достать подходящее средство передвижения — небольшой прыгун, флаер или вездеход на гравиподушке? Только на турбазе. Или у чужих. Но у чужих теперь ничего не отобьешь, ученые стали, и близко не подпустят.

Семенов долго расспрашивал Скотча и Валти об имеющихся на базе машинах и о ближайших к турбазе поселениях. Затем подозвал Солянку, которому вмешательство терапевта Плужника явно пошло на пользу.

— Слышишь, дружище... — обратился к нему Семенов. Скотч и Валти напряженно вслушивались. — Помнится, когда ты говорил о нападении укукошенного Литтлом отряда ске летиков, ты упоминал некий катер. Который «Амфисбена».

— Твою мать! — Солянка в сердцах хлопнул себя по лбу. — Катер! А я, блин, и думать о нем забыл!

— Я тоже, — сконфуженно признался Скотч. — Как полагаешь, он все еще на прежнем месте? Семенов шевельнул бровью.

— Это зависит от того, атаковали ли шат-тсуровские спецназовцы вас всей группой или лишь частью. Если они погибли действительно все до единого, как уверяет мистер Литтл, то есть шансы, что катер так и остался у берега.

— погоди, Семенов, — вмешался практичный Валти. — Давай-ка сначала подумаем: а поможет ли нам катер? Куда мы на нем поплывем?

— К турбазе! — загорелся Скотч. Речь свою он расцвечивал рубленой жестикуляцией, что случалось лишь, когда он действительно проникался какой-нибудь идеей. — На «Амфисбене» домчимся меньше чем за сутки! По Сайре, через Полог-рукав, а потом морем!

— Ну, допустим, в Полог-рукаве нас не заметят, — принялся моделировать будущие события Валти. — Предположим, что скелетики — полные идиоты и сканирования окрестностей Сайры вести не станут. Но в море-то, в море! Там нас даже визуально засечь — раз плюнуть!

— Не сканируют же они всю планету! — не очень смело возразил Скотч. — Ну, скажи на милость, зачем им сканировать океан на юге? Обогнем мыс Шалой Виверны, а дальше — строго на восток, мористо! С берега не заметят, однозначно.

— Если не будут наблюдать, — угрюмо буркнул Валти. — А они будут, можешь не сомневаться.

— Здесь нам, во всяком случае, точно хана, — пожал плечами Скотч. — Обложили. А так хоть потрепыхаемся.

— Ну-ну! — влез в разговор мистер Солянка. — Заранее сдаешься, что ли?

Скотч не ответил. Валти принялся развивать мысль:

— Хорошо. Тогда второй вопрос. Как до катера добраться? Он ведь позади, совсем рядом с местом нашей стычки остался! А там, Семенов уверяет, десант высадили. Там небось все сканируется навывлет!

— Откуда река далеко? — невзначай поинтересовался Семенов.

— Да овраг прямо к ней выходит! — фыркнул Скотч. — Только не к основному руслу, а к рукаву. Овражный рукав, так и называется.

— Тогда стоит переправить группу через рукав. А получится — и через русло, — предложил Семенов. Остальные оторопело уставились на него:

— Зачем?

— Ну, — пояснил Семенов невозмутимо, — Хотя бы затем, что нам это не сразу пришло в голову. Значит, есть шанс, что и скелетикам не сразу придет.

— Это пришло в голову тебе, — заметил Валти. — Нам — нет.

— погоди, Валти, — одернул его Скотч. — Объясни, чего ты задумал? И учти — западный берег Сайры совсем дикий, даже мы туда ни разу не забирались. По-моему, люди там вообще не появлялись от начала времен. Ни складов, ни убежищ...

— А какая разница, этот берег, тот? На нашем тоже больше ни складов, ни убежищ...

Скотч хмыкнул и потер голову, соображая, как бы подступнее объяснить.

— Видишь ли... Окрестности турбазы «Экзотик-тура» подвергались начальному терраформированию. Если коротко — то все наиболее гиблые места от Сайры до другой реки — Мойвы и от океана вплоть до ближайшего водораздела, хребта Хуснутдинова, в известной степени окультурены. Мы же туристов сюда возим, а не следопытов-самоубийц.

— А в рекламе сказано — дикие первозданные джунгли, — насмешливо бросил Семенов.

— Врете, стало быть?

— Во многом они и остались первозданными, — пробурчал Скотч сердито. — Просто тут теперь нет бесконечных болот. Нет такого количества опасных хищников. Гнуса паршивого, в конце концов, раз в сто меньше стало. Стал хороший лес, почти парк. А вот на запад от Сайры — сплошное гиблое место.

— Да и ладно, — ничуть не огорчился Семенов. — Нам всего-то и требуется, что переправить основную группу, которая затаится в этом самом гиблом месте и дождется, пока мы с тобой не пригоним катер. А потом — как и планировали, по реке.

— А группу как переправлять будем? На компенсаторах?

— Угу. Связать все в кучу, завести управление на один пульт. Прикрепить груз и людей. Один — вплавь, со страховочным концом и якорем. Крокодилов, надеюсь, в Сайре нет?

— Увы, — разочаровал Скотч Семенова. — Навалом. Разумеется, местная разновидность, причем теплокровная. Мы их кайманами зовем. Жрут, как водится, все, что видят. Кстати, в море их тоже предостаточно.

— Значит, придумай, как обезопасить пловца, — отрезал Семенов. — Ты же у нас творец приключений, не так ли? Скотч надулся и опустил взгляд. От туриста он впервые слышал настолько точную и суровую оценку своей работы.

Впрочем, какой теперь из Семенова турист, а из Скотча — гид? Все это в прошлом, к великому сожалению. Теперь они оба партизаны поневоле, прижатые противником к стене. И им предстоит сообща проломить эту неподатливую стену.

Скотч постепенно начинал склоняться к мысли, что пока они с Семеновым вместе и заодно — не найдется такой стены, которую они не сумели бы проломить.

— Ладно. — Семенов хлопнул себя по коленям и встал с бревна, служащего лавкой. — В конце концов, это хоть какой-то план. Кто пойдет за катером? Я, ты... — Он указал на Скотча.

— И моего паренька возьмите, — попросил Тахир Плужник. Оказывается, он с некоторых пор уселся незамеченным в сторонке и тихонько слушал. — Саньку, кадета.

— Его? — Скотч и Семенов, не сговариваясь, вопросительно переглянулись. Как и положено напарникам.

Кадет с помбригом Васей Шулейко колдовал над парализованной троицей. Валентина и Патрис им помогали.

— Вы не переживайте, он хороший следопыт, — сказал Плужник. — Искатели тоже не лыком шиты. Этот овраг именно он отыскал.

— А склад у Мангрового залива не он ли распотрошил? — ехидно поинтересовался Валти.

— Он.

— Надо же, — выдохнул Валти. — Какой способный!

— Ладно. Возьмем! — вдруг согласился Семенов. — Троих вполне хватит, не нашумим. Пошли.

— Что, прямо сейчас? — застонал было Скотч, но тут же мысленно одернул себя.

— А чего ждать? Рассвета и скелетиков?

— Жрать же охота! — вырвалось по инерции.

— На ходу подкрепимся. Вот, держи. — Семенов передал Скотчу шарик поглотителя излучения «тоски». — Крепи к себе, потом в режим помощи вогнать. А ты кадета своего зови. — Это уже Плужнику.

Сане Веселову тоже прикрепили шарик и выдали ружье Гунилы Бот.

— Комбез и обувь потянут, — оценил Скотч, внимательно изучив экипировку искателя.

— Знач, так, — решительно подытожил Семенов. — Валти, на тебе организация переправы. Не мешкайте, но и горячки не порите вхолостую. О месте встречи договорись со Скотчем, я пока не знаток местной топографии. Солянка и Хидден вроде очухались — пусть позаботятся после всего о следах в овраге и убежище. Ничего не должно остаться. Припасы забирайте все, до последней крошки. Я смотрел, компенсаторов вместе с искательскими у нас теперь — завались. Рации повыключайте, в эфир — ни слова.. Мы уходим через пять минут. Веселов, собери в любой рюкзак съестные припасы и воду на троих. Немного, максимум на сутки. Все, разойдись.

«Во дает! — воодушевленно подумал Скотч на бегу. — Сразу чувствуется хватка руководителя...»

До старта он едва успел совершить то самое дело, после которого совсем недавно спеленал одного из нынешних спутников — искателя Саню Веселова.

— Ноктовизоры у вас хилые, — недовольно сообщил Семенов спустя четверть часа после старта. Первые минуты он был занят подгонкой режима шат-тсуровских шариков-глушилок.

— Это почему же хилые? — ревниво осведомился Скотч. — Все ведь видно!

— Видно. Только не все и плохо.

— Ну, извини. — Скотч наладился было надуться, но отчего-то не получилось. Мысли тут же отыскивали внятное объяснение: конечно же, спецагенты обыкновенно пользуются техникой покруче, чем имеющаяся в распоряжении простых гидов. Пусть даже это гиды одного из самых преуспевающих туристических заповедников. У

спецслужб наверняка масса нерассекреченного оборудования — где уж с ними тягаться частным гражданским турфирмам...

— Попробуй мой, — с готовностью предложил Саня Веселев. — У меня искательский. Семенов задержался, сдернул с головы туристский ноктовизор и принял из рук Веселова искательский. Закрепил, огляделся.

— Этот получше, — наконец сообщил он. — Держи.

Он отдал искателю туристский ноктовизор. Саня, в свою очередь пристроив прибор на положенное место и оглядевшись, недоуменно пожал плечами:

— Что-то я не улавливаю разницы.

— Мал еще, — миролюбиво пояснил Семенов. — Подрастешь — поймешь.

— Тьфу на тебя. — Скотч досадливо сплюнул под ноги. — Ну ладно, теперь ты доволен? Пошли тогда.

— Пошли, — не стал возражать Семенов и немедленно двинулся вперед. — Нет, правда, искательский ноктовизор лучше. У него спектр пошире.

— А что это дает?

— Почти ничего. Но если неподалеку окажутся скелетики, теперь я их замечу вовремя.

— Спектр? — недоуменно спросил Скотч. — А в каком смысле шире?

— В прямом. Туристские ноктовизоры не берут инфра— э красное излучение. А искательские — берут, как видишь.

— Я как раз не вижу.

— Ну, тогда на слово поверь. Берут. С преобразованием, правда, но и это годится.

— Коллеги, — неожиданно вмешался Саня Веселов. — Я, конечно, извиняюсь за дурацкий вопрос, но не слишком ли мы много шума производим? Может, разумнее будет помолчать?

— Разумнее, — охотно согласился Семенов. — Вадим, давай вперед. Держись поближе к реке, если что, в воде отсидимся.

— Добро. Только там кайманы.

— Лучше кайманы, чем шат-тсуры в количестве. Скотч скептически хмыкнул: Семенов явно не представлял себе, что такое кайманы Табаски. Но выбирать не приходилось. Вдохнул, поправил ружье и зашагал в нужном направлении, тщательно выбирая тропы, по которым зверье перемещалось вдоль водопоя. Они были не такими удобными, как тропа на маршруте, по которой в данную минуту, вероятнее всего, топали десантники шат-тсуров. Они ветвились и внезапно обрывались в зарослях, чтобы через пару десятков шагов возникнуть снова. Они ныряли под поваленные стволы и неожиданно становились топкими. И идти по ним получалось не так быстро, как хотелось бы. Но все же троица двигалась юго-юго-запад довольно sporo, не отягощенная излишней ношей и не сдерживаемая неопытными туристами. Семенов и искатель Веселов шли сквозь заросли ничуть не медленнее Скотча, для которого хождение по лесам Табаски давно стало профессией.

«Как же мне повезло, — подумал Скотч отстранение. — Ведь в группе могло и не оказаться Семенова. С кем бы тогда партизанил? С Ботами?»

Скотч попытался представить такой вариант развития событий, и ему сразу стало смешно.

Нет уж. Если воевать — то с Семеновым, с молодым, но явно способным к такого рода делам Веселовым, с Валти, Солянкой, Хидденом. С Фаусто Аркути и Акопом Подоляном, не побоявшимися ринуться на четыре десятка вооруженных инопланетян. С мутным типом Воронцовым, сумевшим на это подвигнуть Фаусто и Акопа.

И еще Скотч подумал: странно, но практически в любой произвольной выборке людей при нужде почти половина мгновенно и легко превращаются в умелых и опасных бойцов. Даже если до этого оружия в руках сроду не держали. Боты, конечно же, не из этой половины, но вспомнить хотя бы, как Тентор расправился с платочником, свалившимся на Гунилу. Неужели война — призвание человеческой расы? Неужели люди — штатные воины галактики? Так же как а'йеши — штатные торговцы и контрабандисты, свайги — штатные философы, цоофт — штатные технари, а остатки азанни — штатные пилоты? Когда-то давно Скотч читал забавный документ, в котором галактика рассматривалась как единый гиперорганизм, а расы разумных существ — как специализированные Управляемые группы. Не оттого ли давным-давно покориwи галактику союз так и не смог вырваться за ее пределы, хотя технически вполне способен на это? Какой организм приветствовал бы путешествие, скажем, печени или коленной чашечки за пределы организма?

В свое время именно люди коренным образом изменили ситуацию в галактике. Они сумели прекратить вековую войну с нетленными — еще одной загадкой прошедших столетий. Они сплотили и укрепили союз, и они же одновременно выхолостили его,

лишили силы и смысла. Именно люди быстро и практически без усилий распространили свою модель общественных отношений и бизнеса. Распространили на всю галактику. Людские пороки с восторгом были подхвачены остальными расами. И в результате помойка, коей являлась доминанта Земли, разрослась до максимально возможных размеров. Впрочем, тогда владения людей еще не назывались % доминантой.

Лучшие воины, как известно, рождаются именно на помойках. Можно сколько угодно учить воинским искусствам сытого и благополучного, но он все равно в итоге проиграет оборванцу, сызмальства привычному к каждодневной драке за кусок хлеба, драке на смерть, без пощады и политкорректных соплей.

— Стоп! — Шепот Семенова выдернул Скотча из размышлений.

Скотч замер. Он шел первым и тем не менее ничего не заметил.

Рука Семенова легла ему на плечо, вынуждая присесть. Скотч присел, одновременно полуобернувшись влево. Краем глаза он увидел, как идущий последним Веселов тоже бесшумно приседает.

Жестом Семенов показал, что нужно убраться с тропы. Скотч послушно раздвинул нижние ветви пышного пальмо-дендрона и бочком протиснулся в образовавшуюся щель. Потом лег спиной вверх и тихонько поворочался, чтобы примятые стебли подлеска распрямились и прикрыли его сверху. Семенов пристроился рядом, Веселов — чуть в стороне.

Скотч по-прежнему ничего не видел, но уже ощутил чье-то присутствие.

Семенов тихонько коснулся его плеча; Скотч повернул голову. Без слов Семенов протянул искательский ноктовизор — взгляни, мол.

Скотч взглянул, приложив к глазам прибор, и обомлел. Метрах в десяти — двенадцати от них кто-то шел. Полуразмытый силуэт, две руки, две ноги, небольшой горб на спине, в руках... оружие в руках, что же еще. А горб — это вещмешок, конечно же. И еще один силуэт, дальше. И еще. Целая цепочка.

Чьи-то ноги мелькнули перед самым лицом, на миг загородив поле зрения.

Еще один десантник шат-тсуров прошел по тропе, по которой они только что спешили на юг.

Скотч, бесшумно вернул к глазам свой ноктовизор — силуэты сделались невидимыми.

Семенов, как всегда, оказался прав. Туристские приборы не фиксировали боевой камуфляж десантников Тсурры.

Десантники шествовали мимо них минут пять. Тройной цепью. Самой густой была вторая. Скотч молился, чтобы никому из шат-тсуров не пришлось в голову просканировать заросли: три таких крупных объекта, как Скотч, Семенов и Веселов, легко отслеживались при помощи самого заурядного Карманного биодетектора.

Но десантники прошли мимо. Один даже едва не наступил Скотчу на ногу. Все трое, когда скелетик оказался в каком-то шаге от них, на короткое время прекратили дышать.

Но небо хранило их. Или что там может хранить беглецов? Десант волнами прокатился на север, не заметив ничего. Семенов отобрал у Скотча искательский ноктовизор и еще долго оглядывался да вслушивался в ночные шорохи.

— Кажется, пронесло, — прошептал он наконец. — Пошли, что ли?

— Почему они нас не заметили? — недоуменно спросил Скотч. — Они что, без сканеров?

— Со сканерами, — буркнул Семенов. — Но у нас ведь защита.

И указал на шарик, прикрывающий от «генераторов тоски».

— Носитель такого датчика невидим для биодетектора. Солдаты Тсурры активируют их при сканировании, чтоб не путаться. Поди отличи жертву от загонщика, если биодетектор ловит десятки объектов! Думаешь, я зря те подобрал после драки?

— Ёлы-палы, — вздохнул Скотч. — Что б мы без тебя делали, Влад, ума не приложу.

— То же, что и мы без тебя. Попались бы скелетикам при первой же облаве. Ладно, потопали...

В течение ближайшего часа они успели отмахать приличный кусок пути. За это время лишь однажды над головами с характерным шелестом прошел атмосферный корабль, но никто из троицы его не сумел разглядеть: мешала густая листва.

— Так, — сказал Скотч, останавливаясь. — В принципе, мы уже близко. Надо, наверное, поближе к реке подойти.

Близился рассвет. Втроем они успели вернуться почти к самому месту недавней стоянки, затратив в полтора раза меньше времени, чем понадобилось полной группе со всем грузом.

Еще около получаса они пробирались вдоль самой воды.

Искатель Саня однажды чуть не свалился с трехметровой высоты в воду, но его вовремя поддержал Семенов.

Катер они увидели, когда начал заниматься рассвет.

— Стоп! — прошептал Скотч, останавливаясь. Остановился он резко, на полушаге, и ожидал, что Семенов ткнется ему в спину, потому что шел агент-отпускник почти вплотную. Зря ожидал. Семенов, разумеется, успел среагировать. Река в этом месте плавно изгибалась; впереди расстилался небольшой заливчик. Тут-то и ткнулся в прибрежную отмель морской катер «Амфисбена».

— Он? — почти беззвучно спросил Семенов.

— Он, — подтвердил Скотч. — Видишь, борта какие высокие? Такие только у рыбацких посудин, с северного побережья.

Вокруг было тихо и пустынно, насколько тихо и пустынно может быть в предрассветном лесу.

— Понаблюдаем немного, — решил Семенов. Скотч хотел было согласиться, но, бросив взгляд на берег, растянул губы в улыбке:

— Ни к чему, Влад. Видишь, вон зверушка на водопой выползла?

Семенов глянул:

— Вижу.

— Это косуля. Они невероятно пугливы. Если косуля пьет, вблизи точно никого нет.

— Что ж она катера-то не боится, если так пуглива? — проворчал Семенов. — Он и пахнет странно, и выглядит непривычно. Или в лесу катера сплошь и рядом попадают?

— Она ж в сторонке, смотри. Даже от тропы отошла, подальше от катера. Да и неживой он, катер-то. Косули всего живого боятся.

— Ну ладно, — вздохнул Семенов. — Тебе виднее. Двинули помалу...

Пришлось забирать влево, чтобы обогнуть излучину. К катеру они подбирались, как кот к добыче. Медленно, по шажку, мучительно вглядываясь в утренний сумрак под сенью джунглей Табаски. Тихо плескалась в русле река Сай-Ра, голосили проснувшиеся птицы, а трое землян крались к Темной, безмолвной и оттого кажущейся воплощением смерти запустения туше из тусклого темно-зеленого металлоада.

Впрочем, запустение на борту катера и около него все трое приветствовали. Наконец Семенов, Скотч и Саня Веселов подобрались почти вплотную, хоронясь в густом кустарнике у левого борта катера. «Амфисбена», чуть накренившись, застыла на отмели; пропущенный через клюз тонкий синтетический конец тянулся на берег и опоясывал молодое мангровое дерево, почему-то произрастающее целиком на суше, метрах в пяти от воды. Пляжик у места причаливания пестрел многочисленными следами. Прежде чем высадиться, скелетики основательно истоптали прибрежный песок. Все следы уводили прочь от катера, в чащу. Обратных следов Скотч не видел, но, по совести говоря, на катер можно было попасть и минуя пляжик, с поросшего бурой травой бугорка у самой кормы.

— Кажется, никого, — прошептал Семенов. — Я сейчас, ждите...

Агент-отпускник проворно и бесшумно прокрался к борту, подпрыгнул, подтянулся — выжался на руках и перевалился через планшир. По палубе катера он передвигался либо на четвереньках, либо вообще ползком. Во всяком случае, из-за борта его не было видно, хотя Скотч прекрасно разглядел отворившуюся дверь рубки.

Спустя несколько минут над бортом показалась голова и верхняя часть торса Семенова. Ни слова не говоря, он призывно замахал рукой.

Скотч кивнул Веселову, чтоб взбирался на борт, а сам кинулся отвязывать швартовочный конец. Отвязал, наскоро свернул кольцами, забросил на палубу и, навалившись, попытался столкнуть катер с мели. С третьей попытки получилось. Скотч пихнул в борт еще раз и вцепился в протянутую руку Семенова.

— На катере никого, — шепнул он Скотчу. — Ты управлять им умеешь?

— Умею, — кивнул Скотч. — Там все просто.

— Давай за штурвал тогда.

Скотч снова кивнул и, машинально пригнувшись, перебежал ко входу в рубку. «Амфисбеной» можно было управлять и с пульта, и по старинке, штурвалом. Пульт и два кресла располагались в левой части рубки; штурвал — в правой. Под лобовым стеклом вытянулись в ряд приборная панель с матрицей бортового компьютера и несколько независимых приборов — компас, барометр, датчики двигателей. Сейчас вся аппаратура катера была погашена. Матрица слепо таранилась в пустоту рубки. Скотч перешагнул через порог и сразу же сунулся к пульту управления.

Катер тем временем медленно дрейфовал прочь от берега, течение вот-вот должно было подхватить его и увлечь еще дальше на юг, к устью Сайры. А нужно было в противоположную сторону.

Коснувшись сенсора «Start», Скотч с удовлетворением проследил, как загрузилась система в бортовой комп и ожил, замигал световыми сигналами готовности весь пульт. Теперь проверить рулевое... есть. Теперь водометы. Палуба под ногами едва ощутимо завибрировала; если бы Скотч не ждал этого, вполне мог бы ничего и не заметить.

— Малый вперед, — сам себе скомандовал Скотч, передвигая ухватистую рукоятку переключателя режимов хода в соответствующее положение. Моряцкое название переключателя начисто вылетело из памяти, и сколько Скотч ни напрягал извилины — не вспоминалось.

«Амфисбена» отринула веление прихотливого течения и двинулась по реке самостоятельно. Скотч перешел к штурвалу и переложил направо. Описав величавую дугу по поверхности Сайры, катер лег на нужный курс и пошел на север, прочь от устья.

Водометы на малом ходу работали почти бесшумно. Минуты через три Скотч увеличил скорость, и в тихий плеск волн о борта тут же вплелся равномерный гул движителей. Порошкие лесом берега неспешно проплывали мимо. В рубку ввалился довольный искатель Саня.

— Удалось, кажется? — спросил он.

— А -что? — с удовольствием подтвердил Скотч.

— Кажется, Семенов где?

— Пошел кубрик и трюм перетряхивать. Говорит, может, чего полезного отыщется.

— Тоже дело, — вздохнул Скотч. — Давай-ка, Саня, дуй на палубу да на берега гляди в оба. Как бы нами не заинтересовались. Наши ноктовизоры в режим бинокля умеешь переключать?

— Умею, — сказал искатель. — Чего там уметь-то...

И вышел из рубки, направившись на корму. «Молодец, — отметил про себя Скотч, также прилаживая к глазам оптику. — Чего на палубе перед рубкой маячить — тут я и сам послежу. И, кстати, надо бы к дальнему берегу прижаться. От греха подальше. Там и растительность пышнее, если что — от шухера с воздуха укрыться легче. Да и наших все равно на том берегу подбирать».

Штурвал крутнулся влево, и катер, конечно же, тотчас отозвался на это движение. А потом Скотч еще прибавил ходу. И заодно вспомнил, как же все-таки называется старомодный переключатель режимов хода.

Звался он тоже старомодно. Телеграфом. Путь вверх по течению Сайры они проделали сплошь на нервах. Над левым берегом (для новоявленного экипажа «Амфисбены» он, понятно, казался правым) то и дело шныряли десантные боты, истребители и корабли прикрытия. Странно, но не было видно обычных разведчиков. Скотч в типах военных кораблей разбирался слабо, но у него под боком имелся спец Семенов, да и Саня Веселов, как оказалось, весьма неплохо ориентировался в парке малых космических кораблей галактики. Спутники Скотча способны были выделить несколько сот различных типов и классов летательных аппаратов производства самых разнообразных рас. Утешался Скотч тем, что ни Семенов, ни Веселов не сумели бы отличить утренний след виверны от вечернего или пальмодендроновые побеги сезона дождей от побегов сухого сезона. Скотч понимал: именно в этом сила группы. Одиночка не в состоянии знать все обо всем. Группа специалистов в различных областях знания даст одиночке даже не сто — тысячу очков вперед. И все равно в итоге выиграет. Западный берег Сайры выглядел куда более диким. Буйные джунгли сплошной стеной покрывали его. Более того, деревья нависали низко над водой, и это было здорово — кроны прикрывали идущий на север катер от разбойничьих взглядов нечисти в небе Табаски.

Семенов давно перестал шарить по трюму. Ничего путного он не нашел — разве что несколько гарпунов, способных послужить одноразовым оружием. Похоже, скелетики после захвата катера просто вышвырнули с борта все, по их мнению, ненужное — личные вещи рыбаков, разнообразную моряцкую утварь. Даже посуды на камбузе — и той не стало. Возможно, шаттсуры заранее готовили катер для перевозки своих солдат и опасались перегрузить посудину. Поэтому и вычистили ее едва ли не под ноль. С одной стороны, это было нехорошо: непригруженный катер шел медленнее, водометы работали наполовину в воздух. А с другой — как на борту окажется вся группа невольных партизан, так, пожалуй, и выйдет оптимум по весу. Вот тогда «Амфисбена» покажет все, на что способна.

Скотч рулил. Семенов и Саня обосновались на палубе, сбоку от рубки, у открытых дверей, каждый по своему борту.

— Как там наши, интересно, — задумчиво сказал Семенов. — Переправились уже, наверное.

— Должны... Хотя бы не напортачили при зачистке. Скелетики сейчас как раз к оврагу подходят.

— Слушай, — испугался вдруг Скотч. — А сканерами их засекут? В пещере еще туда-сюда, там слой почвы все-таки. Могли и не заметить. Но в лесу, у самого берега...

— Нас ведь не заметили. Не переживай, таких вот глушик, — Семенов кивнул на прилепленный над нагрудным карманом шарик, — хватает на всех. Я оставил Плужнику соответствующие инструкции. Так что все защищены и от сканеров, и от «генераторов тоски».

— А не напутают ничего? Все-таки чужая техника, да вдобавок секретная наверняка. Семенов покровительственно усмехнулся:

— Вадим! Я тебя уверяю: искатели — очень, очень ответственные люди. Ты в выборах хоть раз участвовал?

— Ну участвовал, — признался Скотч, не совсем понимая, куда клонит собеседник.

— Индекс социальной значимости у тебя какой?

— Ну двенадцать.

— У Плужника — сорок.

— Ого! — поразился Скотч и впечатление» присвистнул. — Много!

— У Сани Веселова, к слову, двадцать четыре. Вдвое выше, чем у тебя. И он среди искателей считается сопляком, кадетом.

Скотч невольно покосился на Веселова. Тот, положив руки на планшир, а голову — на ладони, неотрывно глядел на зеленую стену настоящих диких джунглей Табаски, на берег, который никогда не подвергался терраформированию.

— А у тебя какой индекс? — поинтересовался Скотч у Семенова.

Агент усмехнулся:

— У меня их четыре. И все левые, для прикрытия.

— А истинный?

— Сотрудники нашей организации не имеют индекса социальной значимости. Собственно, у меня нет ни имени, ни фамилии, ни личного кода. Я получаю все заново перед каждым заданием.

— А между заданиями? Как же ты живешь между заданиями?

Семенов улыбнулся еще шире:

— Такого состояния у нас не бывает, чтоб совсем без задания. Иногда после очередного боевого выхода я получаю задание отдохнуть — как сейчас, например. Соответственно, под это меня снабжают именем, фамилией, счетом, личным номером. Историей жизни. Всем необходимым.

— Блин, — вздохнул Скотч с пониманием. — Тяжко вам живется. А настоящая история наружу не просится? Настоящие воспоминания? Детство там, юность? Родители, первая любовь?

— У меня не бывает таких воспоминаний, Вадим. Они стерты. Нам прочищают мозги после каждой завершенной операции. Я, к примеру, не помню, чем занимался до того, как угодил сюда на психокондиционирование. Оставлено только самое необходимое.

Скотч поражение замер, сжал руки на штурвале и медленно-медленно обернулся к Семенову.

— То есть? То есть ты хочешь сказать, что вас раз за разом лишают памяти? Лишают части прожитой жизни?

— Да.

— М-мать! — рявкнул Скотч гораздо громче, чем следовало бы. — Да как ты на такое согласился?

— Не помню — как. Это ведь не вчера было, все давно стерто. Но, видимо, причина была достаточно весомой, — спокойно ответил Семенов.

— И не жалеешь? — продолжал допытываться Скотч.

— Почему же не жалею? — Семенов угловато повел плечами. — Жалею иногда. Вадим, за все в этой жизни приходится платить. Моя плата именно такова, что уж тут поделаешь.

— Но что такого особенного ты получаешь взамен?

— Я проживаю десятки жизней взамен одной.

— Но ведь ты их не помнишь!

— Ну и что? Я твердо знаю, что прожил их. Не остается памяти о событиях, но остается память об ощущениях. Я помню, что на прошлом задании мне было плохо, а года четыре назад мы с напарником провернули одно великолепное дело, нагеройствовались вволю. И помню, как после этого целых две недели жарились на пляжах Лазурного Шепота, дули пиво, клеили всех симпатичных девушек напропалую.

Человек — не только память о конкретных событиях. Это еще и память о собственной оценке этих событий. Я знаю, что по крайней мере один раз сослужил доминанте Земли очень неплохую службу. И еще несколько раз помог ей в менее значительных эпизодах. Мне хватает этого знания.

— Ч-черт! — мрачно изрек Скотч. — Извини. Но мне кажется, что с вами поступают... грязно.

— Так надо, Вадим. Так надо для дела. Я понимаю это как профессионал. Чтобы успешно осуществить что-нибудь хорошее, нужно попутно вымазаться в грязи по уши. Да и не тот плох, у кого одежда в грязи. Тот плох, у кого вместо души грязь. А одежду и отстирать недолго.

— Да, — подтвердил Скотч напоследок. — Душу отстирать неизмеримо труднее.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА». ДЕСАНТНОЕ СОЕДИНЕНИЕ «МЕЧЕНЫЙ КОРПУС»

Система Зомххад, империя Унве шот-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

Незадолго до рассвета по цепочкам десантников прокатилась команда: «Стоп! Привал!»

Шаты садились на землю, вскрывали пакеты с походными рационами. Возможно, какой-нибудь гражданский олух нашел бы странным тот факт, что несколько сот отдыхающих шат-тсуров не производили никакого шума, но дюжинный Умбасар воспринимал это как должное. Они ведь на боевой операции, а не на увеселительной прогулке.

Ротный тем временем назначил внешнее охранение и созвал дюжинных на дежурный инструктаж. На ходу дожевывая палочку питательной смеси, Умбасар поспешил на зов. Разумеется, предварительно назначив старшего по дюжине.

На месте Умбасар уселся на надувной пуфик. Ротный сидел за развернутым походным столиком и, похоже, докладывался начальству на турбазе хомо. Перед ротным загадочно мерцал видеокуб, словно диковинный лесной светляк. Умбар и остальные видели это через ноктовизор, и потому карана казалась еще более странной и феерической.

«Да, — подумал Умбасар, — хорошо, что я в свое время завербовался в десантную школу. Где еще такое увидишь? На шахтах Тсурры или Багуты?»

Он мысленно уркнул и в который раз порадовался возможности посмотреть галактику, потоптать чужие миры во славу Унве. Если бы не Унве — разве предоставилась бы такая возможность тысячам и сотням тысяч обычных парней, чей удел при владычестве азанни сводился к однообразной пахоте на шахтах или орбитальных заводах?

Наконец ротный договорил с центром и погасил видео-куб. Спрятав коммуникатор в нагрудный чехол, он шагнул к сидящим дюжинным, одновременно давая знак не вставать, хоть того и требовала воинская субординация. Видимо, ротный не желал лишнего шума.

— С рассветом продолжаем прочесывание. Только что пришла сводка от сканировщиков, засечены несколько подозрительных групп и несколько одиночных объектов. Четыре дюжины получают специальные задания. Есть потери, происшествия? Укаби!

Дюжинный Укаби из спецов, поднявший руку, коротко доложил:

— Атакованному местным хищником солдату оказана необходимая помощь. Жизнь его вне опасности, двигательные функции не нарушены, я признал его ограниченно годным к боевым действиям. Поручил функции премьер-оператора.

— Хорошо, — одобрил ротный. — Уйдз, что твой пловец.

— Уже забыл обо всем, — отозвался другой дюжинный. — Но к трясине теперь близко не подходит! Дюжинные еле слышно уркнули, веселясь.

— Увада!

— У меня потери, — доложил хмурый здоровенный дюжинный Шат Увада. — Солдат ступил в ловчую зону агрессивного растения. Подвергся химической кислотной атаке. Поражены нервные центры и глаза. Есть мелкие неопасные повреждения еще у троих.

— Медиков звал?

— Так точно, оказана первичная помощь. Раненого с одним из медиков и двумя охранниками оставил на тропе дожидаться эвакуации. На бот сопровождения отмашку дал.

— Ориентировку на опасное растение разослал?

— Так точно.

— А почему же я досих пор не в курсе? Из темноты тотчас возник замротного и что-то конфиденциально зашептал, склонившись к начальственному уху.

— Ладно, — примирительно уркнул ротный вскоре. Зам тут же ретировался в темноту.

— Что еще?

Дюжинные молчали — у остальных все было в порядке.

— Понятно. Уа, Уледо, Умбасар, Уве — на месте. Остальным — отдыхать с дюжинами до общего сигнала. Разойдись!

Неназванные тотчас встали и отбыли к своим дюжинам. Шат Умбасар, понятно, остался где сидел.

— Продолжим. — Ротный раскрыл походный блокнот и завозил ногтем по сенсорному экрану. — Уа, Ты проверишь сигнал у самой реки, во-от здесь.

Ротный показал на развернувшейся в объеме карте где.

— Скорее всего это какой-нибудь местный сугароз или пафтур безмозглый. Но проверить надо. Сигнал одиночный. Соблюдать все меры осторожности, если это животное — разрешаю пристрелить. Приступаешь по общей команде без дополнительных сигналов.

— Есть! — бодро уркнул Шат Уа.

— Уледо, Уве, вам достались сигналы на востоке — две группы, вот и вот. Четыре объекта и шесть. Зайдете с двух сторон. Если это искомые — войдете в клинч. Перед выходом проверить парализаторы. Перед атакой, буде таковая состоится — дать сигнал «либис», я вышлю подкрепление. Старший — Уледо. Приступаете по отдельной команде от меня или зама, не раньше. Свободны. Уа, ты тоже.

— Есть, — отозвался Шат Уледо и подмигнул Уве. Шат Умбасар остался перед ротным в одиночестве.

— Умбасар, тебе — одиночный сигнал прямо по ходу. Приступаешь немедленно, он совсем близко. Возможно, что наблюдатель, высланный навстречу нам. Поэтому будь так осторожен, как только сможешь. Твоя задача — не взять его, а выяснить, кто он. Понятно? Проследи, чтобы все солдаты из твоей дюжины поели, и приступай. О начале доложишь.

— Есть!

— Выполняй.

Умбасар встал и безропотно направился к свой дюжине.

«Ну вот, опять, — подумал он. — Вот оно что означает — быть на особом счету у начальства. Весь десант отдыхает до рассвета, весь — кроме дюжин Умбасара и других лучших...»

Умбасар не жаловался и не досадовал. Да, ему и его дюжине придется труднее, чем остальным. Но не затем шат-тсуры идут в десант, чтоб прохлаждаться. Служение Унве не ведает отдыха.

Об этом он и сказал своим солдатам.

Выступили почти сразу — дюжина успела благополучно расправиться с рационами и запить чуть подогретым соком. Кое-кто успел даже отключиться — пришлось расталкивать.

— Дюжинный Умбасар на связи. Приступаю, шатта, — доложил он в коммуникатор.

— Удачи, — пожелал ротный и закрыл канал.

Умбасар заранее отметил место на карте, в котором сканировщики засекли одиночный сигнал. От теперешнего местоположения оно отстояло на неполных шесть килоун. У дюжины имелся реальный шанс все как следует проверить, вернуться и даже успеть немного подремать до рассвета.

Через лес они шли с повышенной осторожностью. Одно дело — когда рядом сотни братков-десантников, и совсем другое — когда остаешься один на один с инопланетным лесом, где могут крыться такие жуткие твари, что и оружие не факт что спасет. Правда, вторая планета Замххад не очень походила на мир биологического беспредела. Это не Шабаладон, где для пришельцев смертельно все живое, от вездесущих бактерий до океанских мегасимбионтов.

Поскольку прочесывать лес в задачу не входило, шли компактной колонной, по одному, в затылок. Узкой тропой, по которой явно недавно проходили шибанутые туристы. Умбасар, как и положено дюжинному, следовал ведущим. Карманный биодетектор пока не чувствовал основную цель — слишком далеко, но исправно показывал всякую мелочь в кустах и на деревьях. В основном почему-то разнообразных птиц. Сетку с детектора Умбасар для удобства завел на левый полуплан ноктовизора.

Когда до цели осталось совсем немного и детектор благополучно засек ее, Умбасар жестом задержал дюжину. Теперь каждое слово стало излишним и более того — опасным. Десантники перешли на общение исключительно посредством жестов.

Трое ушли направо от тропы, шестеро — налево. Половина из ушедших налево должна по широкой дуге отрезать одиночке путь к отступлению. Медленно и осторожно жертву брали в надежное кольцо.

Умбасар выждал, чтобы бойцы заняли исходные позиции, потом осторожно-осторожно двинулся вперед, то и дело замирая у стволов и прячась за ними. Рядом крался ветеран Умика, шат тертый во многих стычках с пиратами и прошедший всю кампанию по усмирению Желтого Ока.

Наконец до неведомого существа осталось буквально пару десятков шагов. Судя по всему, оно крылось в большом пузатом кусте с подозрительно колючими и густыми ветками. Умбасар надеялся, что цель — просто какое-нибудь крупное животное. Тогда можно будет с чистой совестью развернуться и уйти к стоянке основной группы. Но с тем же успехом это мог оказаться и соглядатай хомо, а на что способны туристы хомо, шат Умбасар уже имел счастье убедиться визуально. Жестом Умбасар приказал всем замереть. Сигнал тотчас прокатился по цепочке и достиг каждого из дюжины быстрее, чем Умбасар успел набрать полную воздухополость ароматов Замххад-2.

Некоторое время Умбасар возился с детектором, пробовал подстроить. На таком ничтожном расстоянии цель уже выглядела не точкой, а продолговатым пятном. Судя по картинке, она пребывала в покое, вытянувшись во всю длину на земле. Но потом вдруг двинула конечностью, и дюжинный Умбасар сразу понял: никакой это не зверь. Так мог бы потянуться рукой к передужью шат. Или хомо к лицу. Или еще какой разумный сходной морфологической природы.

А вслед за тем сигнал на детекторе пропал. Р-раз! И нет пятна. Только скупая россыпь небольших пятнышек — в зарослях ночевало еще несколько мелких зверушек, любую из которых Умбасар легко мог бы спрятать в нагрудном кармане.

— Ёр-исамар! — неслышно прошептал дюжинный и поглядел вправо, на шатаУмику.

«Цель сканируешь?» — жестами запросил он.

«Цель утрачена», — ответил Умика.

«Значит, с детектором все в порядке, — понял Умбасар. — Но не мог же разумный, сугароз его загрызи, раствориться в воздухе!»

«Сжимаем кольцо!» — просигналил дюжинный, выждал положенную паузу и осторожно переполз на несколько ун вперед. Крупные листья задумчиво колыхались перед самым передужьем.

Раздался громкий шорох откуда-то слева; затем жутко заорала неведомая ночная птица. В ответ вдаль немедленно заорали еще несколько. Звуки были настолько зловещие и тоскливые, что Умбасар даже пожалел жертву в кустах: каково ей в лесу в полном одиночестве? Жуть исамарова! Особенно если Замххад-два не родной, знакомый до мелочей мир, а такой же чужой, незнакомый и непривычный, как и для любого из шатов.

До пышного куста осталось ун десять, не больше. Умбасар засек троих из своей дюжины, помимо ближайших справа и слева. Сигнал «Стоп!» снова прокатился по кольцу.

Умбасар боролся с искушением швырнуть по кусту камнем или веткой. Смушал также приказ ротного: цель предполагалось не захватить, а всего лишь опознать.

Станный приказ. Половинчатый какой-то, словно простым десанникам начальство чего-то недоговаривает. Однако приказы не обсуждают — истина куда более Старая, чем, галактические войны.

В следующий момент затаившегося за стволом Умбасара кто-то тихонько тронул за плечо. Это было неожиданно и даже жутковато, но рефлексы сработали самопроизвольно: полуоборот, выпад, рука с парализатором тычет... ...в пустоту. Позади никого не оказалось. И тут же кто-то тихо и удивительно спокойно произнес на интересе:

— Будьте так добры, уберите парализатор. И скажите своим, чтоб не стреляли.

Шат Умбасар выпрямился — пытаюсь достать неизвестного, он из положения лежа успел перегруппироваться только в . положение «на корточках». А диалог снизу вверх вряд ли можно назвать выигрышным.

— Кто вы? Покажитесь, — сказал он с напором, одновременно берясь за лучевик. Из-за ствола почти сразу вышел... кто? «Перевертыш, — с первого же взгляда определил Умбасар. — Оаонс».

Перевертыши были единственным народом, поддержавшим свободоносный поход Унве против затхлого союза высших рас. Но это отнюдь не означало, что любой встреченный перевертыш — союзник, а не враг.

В руке перевертыш держал довольно мощное плазменное ружье явно невоенного образца. Не то чтобы он угрожал —раструб плазмогасителя не глядел на Умбасара, но воспользоваться ружьем мог практически мгновенно.

— Считайте, что вы меня захватили. А теперь пойдемте к вашему командиру. Желательно побыстрее. — Голос перевертыша звучал на удивление мягко и даже как-то вкрадчиво.

— Кто вы? — повторил Умбасар, почти уже не надеясь на ответ.

— Подданный Оа, Нути-Нагути, к вашим услугам. Лучше нам побыстрее отправиться к командованию, честное слово.

Шат Умбасар решил не ломать голову и не геройствовать. Попалась птичка — и замечательно. Какая разница, что побудило ее самостоятельно влететь в клетку? Пусть ротный разбирается. На то он и ротный. А дело простых десантников — слушать приказы и выполнять их, не забывая вовремя извещать начальство. По сигналу дюжина без лишнего шума подтянулась. Десантники живо напоминали бесплотных сумеречных духов, так приноровились они к ночному лесу.

— Умик, в голову, возвращаемся. Ты следом, — велел Умбасар перевертышу. — И без глупостей.

— Глупостей не будет, — пообещал тот и как бы в Доказательство этого перевесил ружье на грудь.

«Может, отобрать ружье? — подумал Умбасар. — А вдруг заартачится? Да и помимо ружья у него, стопудового, кое-чего найдется. Ишь, какой ушлый...»

В общем, Умбасар решил оставить все как есть. Но парализатор держал наготове. Перевертыш сдержал слово: на обратном пути он не совершил ничего, что не устроило бы дюжинного Умбасара. Взяв в сопровождение Умика, дюжинный повел добычу к ротному, а остальным велел отдыхать.

Как раз занимался пока еще бледный и робкий рассвет.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА»

Система Замххад, империя Унве шат-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

Шат Урву плохо скрывал раздражение — медлительность десантников его раздражала... нет, даже не раздражала. Бесила — вот наиболее подходящее слово. Казалось бы — разве трудная задача: оцепить заданный район, сжать кольцо и переловить всех, кто окажется в окружении? Однообразные отговорки полевых командиров и с самого начала не выглядели убедительными, а уж теперь, когда Шатта Унве, владыка и отец каждого шат-тсура, мечет громы и молнии и все жестче требует результата, и вовсе стали походить на лепет перебравшего наркоты шахтера с исамарами забытого периферийного рудника. «Лес, мой командир, ночь, мой командир...» Пусть лес, пусть ночь! Ночь — неприятная, конечно, любому шат-тсуру штука. Но ведь у каждого десантника ноктовизор и оружие! Ну один из беглецов мог отсидеться в кустах, ну максимум два, так, что тройное кольцо бойцов «Меченого корпуса» прошло мимо, никого не заметив. Но не две ведь дюжины? Обязательно хоть кто-нибудь из хомо выдал бы себя, проко-лолся, попался — это подсказывает опыт и математика, а эта парочка упряма и практически непогрешима.

Шат Урву, командующий вторжением на вторую планету амххад, злился.

Заканчивалась ночь; очередной запрос Унве о состоянии дел поступил почти одновременно с известием, что один из беглецов таки попался. Настроение командующего несколько улучшилось, но все тот же опыт предостерег его от поспешного рапорта Унве, хотя ладони чесались активировать коммуникатор и запросить связников. Но Шат Урву решил подождать более весомых результатов. Пленником оказался вовсе не хомо; да еще, судя по рапорту ротного, выяснилось: никто пленника не ловил, сам вышел к десантникам и сдался. После чего потребовал аудиенции с командующим вторжением. Так эти болваны, поймав перевертыша перед самым рассветом, мариновались и решали — сообщать ли начальству о странном пленнике? — так долго, что желтый шар Замххад успел проделать почти половину пути к зениту. Второй крейсер, со штаба коллеги Ухолы, готовился сняться со стационара, покинуть атмосферу и присоединиться к армаде. Вот-вот в системе должны были начать финишировать корабли хомо, а возможно — и их союзников. Радовало только одно: вряд ли среди них окажутся надменные азанни, прежние хозяева. Шат-тсуры сумели основательно подрубить их расе креслонасесты...

Пока вызвали катер, пока катер мотнулся туда-сюда за пленником, так и вовсе полдень наступил. На всякий случай командующий все-таки сообщил в ставку Унве о

перевертыше, но очень сухо и сдержанно, без далеко идущих выводов. Верховный как раз отдыхал, а высокий приоритет рапорту Урву присваивать не стал. Зря, конечно, Шат Урву согласился на аудиенцию с пленником, надо было настоять на допросе по связи. Подумаешь, потребовал перевертыш реальной встречи! Мало ли что оаонс шатам союзники. А так — еще полсутки местных потеряно, и что хуже всего — результатов по поимке искателей все нет и нет. И пещеру их нашли, на которую перевертыш указал, и всю округу облазили — хоть бы один след! Интересно, на что теперь ротный будет жаловаться? На день?

Самое обидное, что действительно было непонятно: куда подевался отряд туристов, объединившийся со спасателями. Детекторы исправно засекали многочисленных животных и ни разу — хомо. Заслониться же от сканирования можно было только при помощи соответствующей аппаратуры, которую ни туристы, ни гиды, ни спасатели хомо иметь не могли.

Шат Урву когда-то заметил, что схожие соображения часто приходят в головы разным шатам одновременно. И — увы! — почти всегда с небольшим опозданием. Он как раз мрачно сидел в ожидании известий и перевертыша и размышлял о странностях сканирования, когда доложили о вызове из экспертной группы. Экспертов командующий слушать уже устал и хотел было досадливо отмахнуться, но тот же опыт вдруг шепнул: погоди! Впервые эксперты вызвали сами, а не вяло отбрехивались унылыми общими фразами на многочисленные запросы командного состава.

— Соедини! — велел Урву адъютанту.

В штаб-зале крейсера над уже до смерти надоевшей турбазой хомо тотчас стусился видеостолб. Эксперт был щедущ и тонок в экзоскелете; вдобавок Урву его не знал, а значит, это рядовой эксперт, а не кто-нибудь из руководителей.

— Склоняюсь, шатта! — отчеканил эксперт в формальном ключе, хотя Урву разогнал ближайших командиров с поручениями и в штаб-зале находился в одиночестве.

Разумеется, если не принимать в расчет техников и адъютантов.

— Что там у тебя? — неприветливо осведомился Урву. Хотелось побыстрее убедиться — зря он теряет время или «же, не приведи Борк, не зря. Не приведи Борк в переносном, конечно, смысле. Просто командующий привык за последние дни только к плохим новостям.

— — Мне кажется, я знаю, почему мы не можем засечь хомо в джунглях, шатта.

— Кажется или знаешь? — буркнул Урву и как раз в этот момент подумал о синхронности мыслей в разных головах.

— Кажется, знаю, шатта. Вот, взгляните.

Эксперт протянул ладонь и показал небольшой серый шарик с отчетливо видимым пятнышком вакуумного крепежа на боку.

— Это штатный поглотитель излучения тоски, ими комплектуются «Сизые скелеты», «Меченый корпус» и прочие элитные части. Регулярные части комплектуются другой моделью, попроще. Так вот, более сложная модель в одном из режимов работает одновременно и как щит от сканирования. Точнее, даже не как щит — щит засекают большие стационарные биодетекторы. Эта модель, говоря попонятнее, делает носителя прозрачным для сканирования нашим оборудованием.

— Если ты заодно объяснишь, как сделались прозрачными исамаровы хомо, я тебя прощу! — пообещал Урву ледяным тоном.

— Шатта, я осматривал трупы погибших в первой стычке десантников. Ни у одного такого детектора не осталось. Причем они не сорваны случайно — в этом случае отдирается верхний слой пластика с места крепления.. Они штатно удалены. У всех до единого. Захваченных поглотителей хватает с лихвой на предполагаемое количество хомо.

— Постой. — Шат Урву заметно оживился. — Но ведь какое-то время после стычки мы сканировали даже две группы!

— Они могли включить их не сразу. Хомо хитры, шатта.

— Опять постой! Насколько мне известно, поглотитель одновременно является и маячком. Если хомо прячутся от нас при помощи наших же приборов, мы должны легко их засечь.

— В модели, которая посложнее, режим маячка возможно отключить, шатта. Если знать как. Десантников этому не обучают, но технически такое осуществимо. Некоторое время Шат Урву сидел неподвижно и боролся с медленно вскипающей яростью. Потом не сдержался и изо всех сил хватил кулаком по столешнице; видеостолб напротив него обиженно мигнул.

— Сугароз вас всех загрызи, эксперты!! — просипел командующий и угрожающе уркнул. — Почему я об этом узнаю только сейчас? Чем вы там у себя, птичья пожива, занимаетесь, а?

— Шатта! — неожиданно твердо ответил эксперт. — Упомянутая мной возможность поглотителя недокументированная. Эксперты о ней не знают. О ней и техники не знают. Я знаю, потому что был одним из разработчиков этой модели, на Багуте-четыре.

— Все равно! Ты знал и молчал?!

— Шатта, я сумел переключить поглотитель в режим прозрачности только сегодня утром. До этого я даже не задумывался о подобной возможности. А утром подумал; не может быть, чтобы стационарные биодетекторы не брали хомо. Они как-то прячутся. Как? — подумал я. И стал искать ответ. Посмотрел справочники, обновил в памяти механизм переключения режимов и схему питания субмодулей поглотителя и пришел к выводу, что теоретически отключить маяк можно. Хотя нигде этой информации нет. Попробовал... вот, получилось, правда, не сразу.

— Кому ты уже докладывал?

— Пока никому, шатта. Я немедленно стал вызывать вас.

— Садись! — громогласно велел командующий и указал на место за столом, начисто позабыв, что перед ним не живой эксперт, а всего лишь изображение в видеостолбе. Эксперт терпеливо дождался, пока Урву созывает срочное совещание, и сказал:

— Я на поверхности, шатта, но прибуду очень быстро. Катер рядом.

— Мигом сюда! — рявкнул Урву и погасил канал связи. Мысли роились в голове. Формулировались первоочередные приказы. Параллельно какая-то часть сознания анализировала ситуацию, сопоставляла известные факты.

«Итак, либо этот головастый экспертишка ошибается, либо в группу хомо затесался гений, знающий о технике шатов больше, чем сами шаты. Возможно ли такое? В числе случайных туристов или работников этого занюханного заповедника? Ничтожная вероятность. Ничтожная. Хотя, если вспомнить, что один рукопашник и три (или четыре? Сколько их там было?) стрелка положили три полных дюжины „Сизых скелетов"... Стоп-стоп-стоп! Вот оно! Вот он, этот умелец! Сто против одного — это пресловутый рукопашник! Но тогда... тогда получается, что хомо заранее готовили всю операцию на Табас... э-э-э... на Замххад-два. Возможно ли это? И почему тогда именно сюда, именно на этот континент и в окрестности этой базы примчались и искомые искатели (извините за тавтологию), и парламентарский бот азанни без азанни на борту? И почему тогда, если доминанта Земли заранее все готовила и просчитала, так запоздали космические силы хомо и допустили вторжение шатов, тем самым поставив под угрозу срыва всю эту и так шатучую, как выдавший виды табурет, операцию?»

Мысли, казалось, не умещались под черепом. Шат Урву в отчаянии поскреб передужье, и в этот самый Момент адъютант доложил, что с поверхности доставили пленного перевертыша. Кое-кто из заместителей и экспертов — на этот раз из высшего звена — уже прибыл на совет. Салютовали и рассаживались.

«Поговорю с глазу на глаз!» — решил командующий относительно оаонс.

— Как только явится тот эксперт, который только что рапортовал, немедленно дай мне знать! — приказал он одному из адъютантов. Тот безмолвно коснулся браслета и утвердительно скрипнул экзоскелетом.

Резко повернувшись, Шат Урву направился к комнате отдыха. В штаб-зал как раз входили вооруженные охранники и занимали положенные по уставу места. А потом ввели вертыша. Другой адъютант немедленно указал, куда его.

ЭКЗОТИК-ТУР И ЭКИПАЖ ПОИСКОВОГО РЕЙДЕРА «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

— Пора ход сбрасывать, — тихо сказал Скотч. Желание говорить негромко было нелогичным, но неистребимым.

Все трое, не стовариваясь, повернули головы направо. К берегу Сайры, на котором сейчас хозяйничали шат-тсуры. Берег выглядел безжизненным, даже если его рассматривать в бинокль: десантники неприятеля к воде не совались. Единственное, что напоминало об их присутствии, это шныряющие над джунглями малые корабли.

«Амфисбена» медленно двигалась вдоль дикого и почти не изученного берега Сайры, западного. Едва не чиркала днищем по илистому дну — Скотч правил так, чтоб прижиматься к сплошной стене зарослей. Заросли прикрывали их сверху, и это было просто замечательно, потому что корабли шат-тсуров иногда, срезая углы, проходили невысоко над рекой. Правда, к дальнему берегу все равно не

приближались, но при обнаружении чего-либо подозрительного им ничего не стоит сделать лишний крюк.

Скотч перенес внимание на ближний берег, лишь время от времени зыря на дальний. Где-то тут должны ожидать туристы, искатели и коллеги-гиды. Не хотелось верить, что им не удалось переправиться — для Валти и Хиддена такая тривиальная в общем-то проблема на «раз-два». Все равно что задачка на сложение для профессионального математика.

Как-то друзья должны дать знать о своем местоположении после переправы. Как-то понятно и ненавязчиво. Но как именно? Скотч надеялся на их изобретательность.

— Та-аксь! — вдруг протянул Семенов над самым ухом и указал рукой куда-то вперед и влево. — Это вон что виднеется?

Скотч, щурясь, присмотрелся.

— Это буй, — пояснил он и облегченно расплылся в улыбке.

Чуть левее курса у самого берега бултыхался в ленивой волне поплавок с флажком на макушке тонкого стержня. Флажком служил белый носовой платок Валти с вышитой птицей-дуриндой.

— Правь туда, — посоветовал Семенов.

— Да уж конечно! — фыркнул Скотч. — Куда же еще? Перед поплавком Скотч остановил водометы; катер, вписавшись в плавную дугу, ткнулся носом в заросли. Под днищем противно заскрипел корень мангрового дерева, а с берега в воду веером ссыпались здоровые зеленые квакши.

— Пойду гляну, — сказал Скотч, отрываясь от штурвала. — Я быстро.

Он ожидал, что Семенов не удержится и обронит напутственное: «Поаккуратнее там!» — или что-нибудь в этом роде.

Семенов обошелся без пошлых и банальных слов. Да и вообще без слов. Просто прошел на корму, уселся на станину лебедки и принялся наблюдать за дальним берегом. С барабана печальными усами свисали к самой палубе обрезанные сводки рыбацких сетей.

У Сани Веселова на языке явно вертелся какой-то вопрос, но, глядя на хранящего молчание Семенова, и Саня сдержался.

Скотч соскочил с катера, увязнув в грязи по щиколотки. Берег был умеренно топкий, как и положено дикому берегу реки в джунглях. Зазевавшаяся квакша суетливо удирала под прикрытие мангровых корней. Поочередно выдернув ботинки из топкой пульпы, отчего пульпа дважды смачно чвакнула, Скотч отодвинул с дороги пышный побег стромиции и ступил под полог леса. Вокруг тучами вилась мошкара и прочие кровососы — здесь на них не было хемиорегуляции, потому эта дрянь плодилась бесконтрольно.

— Тьфу ты, — ругнулся Скотч сквозь зубы, шлепая себя по шее, в которую словно иголки впились.

Он прошел шагов пятьдесят и увидел Валти. Напарник словно лесной дух возник из-за зеленой пелерины неизвестного Скотчу дерева и радостно растопырив руки.

— Как переправились? — вместо приветствия осведомился Скотч.

— Нормально в общем. Акоп, правда, в воду свалился и чуть кайману на закуску не угодил.

— Блин, — сокрушенно вздохнул Скотч. — Бывают же такие люди... Остальные как?

— Нормально. И от наркоза все отошли уже. Словно в подтверждение из зарослей появился Солянка. На носу его красовалась иссиня-багровая полоса.

— О! — Брови Скотча поползли вверх. — А это еще что за украшение?

— Краб, — мрачно объяснил Солянка. — Сиганул, зараза, с ветки и клешней прямо по морде.

— Везет тебе на крабов, — ехидно заметил Скотч. — Ладно, будет трепаться, грузиться пора. Убраться бы отсюда побыстрее... Где все?

— Тут, в кустах.

Народ тщетно пытался поспать. Не получалось: мешал гнус. Все обзавелись веничками из свежих веток кедрокленов и энергично ими обмахивались. Появление Скотча внесло в ряды ожидающих желанное оживление.

Пожитки таскали на катер минут пятнадцать. Работали все: спасатели, гиды, туристы, искатели. Правда, советник Паулиста наладился было сачкануть и без поклажи направился к берегу, но его живо осадил неумолимый Скотч.

— Эй, как вас там! Может, у себя на Фалькау вы и важная шишка, — заявил ему Скотч без тени смущения. — Но тут не Фалькау, а Табаска. И команду тут я. Так что давайте, господин советник! Труд облагораживает! — И с этими словами Скотч взгромоздил Паулисте на загривок чей-то здоровенный рюкзак, причем с отключенным компенсатором. Советник закричал, гневно сверкнул глазами, но повиновался. Что-

то ему подсказало: стоит заупрямиться, как здешние неотесанные грубияны вполне могут на практике применить метод «Кто не работает, тот не ест». А питаться советник Хенрик. Паулиста привык регулярно, вкусно и обильно. Бригадир искателей Тахир Плужник с ехидной усмешкой на устах нес следом за советником большой тук. Крупная Обедая печать: «Поисковая База. Доминанта Земли» – совсем не выглядела чужеродной на фоне дикого леса Табаски. Наоборот, она вписывалась в окружение очень органично.

Только Семенов не принимал участия в погрузке. Вооружившись биноклем, он неотрывно наблюдал за противоположным берегом. Бинокль, он же ноктовизор, Семенов снова . предпочел искательский.

«Что ж, – подумал Скотч философски. – Его право...» Поклажу еще только растаскивали с палубы в места поукромнее, а Скотч уже столкнул катер с мели, ухватился за руку Солянки и взобрался на борт.

– Где Хидден? – осведомился он.

– Маскируется, – меланхолично пожал плечами Солянка.

– Гони его за штурвал! – велел Скотч. – Пусть правит Вдоль самого берега, мы сюда так шли. И в Полог-рукав! А потом тоже в рубку подгребай, разговор есть...

– Добро, – кивнул Солянка и направился на поиски коллеги.

Скотч же подсел к по-прежнему не сводящему бинокля с дальнего берега Семенову. Через минуту-две к ним присоединились Валти и Плужник.

Остальной люд, управившись с размещением припасов и поклажи, бесцельно бродил по палубе.

– Надо разогнать всех, – хмуро сказал Семенов. – Вниз. А сами в рубке соберемся.

– Момент! – Скотч нашел его слова дельными. В самом деле... Чего маячить на виду? Совершенно нечего.

Теперь, когда не было необходимости внимательно вглядываться в нескончаемую пелену зелени в поисках затаившихся товарищей, водометы «Амфисбены» показали свою истинную мощь. Острый белый бурун вырос за кормой, как раз между двух стекловидных пятен над вырывающимися из сопел струями. Практически, конечно, это были два сросшихся буруна, но срослись они так плотно, что граница оставалась совершенно незаметной. Нос катера ощутимо задрался, даже по палубе ходить стало труднее. Ветви мелькали над головой с пугающей быстротой, а когда вставший к штурвалу Хидден принимался маневрировать, повторять все изгибы близкого берега, становилось даже немного жутковато: каждый миг казалось, будто Хидден вот-вот не рассчитает или замешкается и катер со всей скоростью выскочит на сушу, вломится в плотные заросли и врежется в ствол ближайшего к воде дерева, что на такой скорости равнозначно смерти. Но Хидден вполне справлялся с управлением, словно водить морские катера по рекам было его каждодневным занятием в течение по меньшей мере десяти последних лет.

Уже заметно уставшая от приключений группа туристов с удовольствием разместилась в матросском кубрике. Более всего это помещение катера походило на небольшой бар с какой-нибудь из не шибко престижных и избалованных отдыхающими-толстосумами планет-курортов. Прямоугольная комната с довольно низким потолком, вдоль короткой стороны, обращенной к носу, – стойка, вдоль остальных стен – узкие то ли полки, то ли диванчики, на которых с равным успехом можно и сидеть, и лежать. В центре, под потолком – два панорамных формирователя видеоизображений. На стенах – надписи, какие-то витиеватые распечатки под ламинатом, а также следы недавно снятых вещей – штурвала, спасательного круга, еще чего-то из моряцкого обихода. На массивном металлическом крюке у входа хорошо смотрелась бы рында. Шкаф-витрина по ту сторону барной стойки был совершенно пуст, даже многочисленные полки кто-то не поленился удалить. Но туристы «Экзотик-тура» – народ запасливый, невзирая даже на непредвиденные передряги последних дней. Нашлась и выпивка, и закуска. И теперь, когда напряжение ожидания и игры в прятки с весьма решительно настроенными инопланетянами несколько спали, народ заслуженно расслаблялся.

Мрачно поглощал ром Денис Воронцов. Рядом вился Акуп; видно было, что он очень хочет о чем-то Воронцова порасспросить, но никак не решится. Костя Цубербюллер в компании Патрис Дюэль и Валентины Хилько расположился на одном из диванчиков, под светлым пятном в форме штурвала на голой стене. Гунила и Тентор Боты облюбовали угол какты. Неотрывно глядел в иллюминатор Фаусто Аркутн, не замечая, что расплескивает из неосторожно наклоненного бокала только что смешанный сестрой коктейль. Орнела о чем-то беседовала у стойки с одним изискателей – Василием Шулейко; тут же обосновались и сухопарые сестры-научницы Виола и Регина. Эти держались вроде бы и вместе с Орнелой и Шулейко, но в то же время

как бы и сами по себе. Угрюмо сопел в другом углу советник Хенрик Паулиста: только что он пытался присоединиться к уходящим на закрытый совет спасателям, но его очень бесцеремонно отшили. Уснул на Рюкзаках бывший завхоз мистер Литтл, наверстывая упущение ночью, во время переправы и последовавшей вахты. В лежащем положении пребывал и контуженный Жбан, которому многие вполне бескорыстно и искренне старались чем-нибудь помочь.

Не хватало Скотча, Валти, Солянки, Хиддена, Семенова, Плужника и Сани Веселова. И если относительно гидов, здоровых спасателей и бригадира поисковика вопросов никаких не возникло, то присутствие на совете кадета Веселова удивило по меньшей мере троих — Шулейко и сестер-научниц.

Впрочем, объяснялось все гораздо тривиальнее, чем можно было вообразить: Веселов на совете в ходовой рубке вовсе не присутствовал. Семенов оставил его на корме с активированным биноклем-ноктовизором в режиме фиксации тепловых объектов и велел глаз не сводить с восточного берега. Ноктовизор Сане вручили, понятно, привычный, искательский.

Остальные действительно совещались. Хиддену, помимо всего прочего, приходилось еще и шкиперствовать, поэтому в разговоре он почти не участвовал, хотя прислушивался исправно.

— Ну что, коллеги по одиссее, — обратился ко всем Семенов, — покалякаем, как говорится, о делах наших скорбных?

Скотч удивленно взглянул на Семенова — такой разухабистый тон он еще ни разу себе не позволял. Возможно, подумал Скотч, это прорывается на поверхность одна из прошлых жизней агента. Стертая, но не забытая напрочь. Оставшаяся глубоко внутри, в виде характерных фразочек, обрывков мыслей, неосознанных моторных реакций вроде азартного потирания ладонями.

— От скелетиков нам снова удалось на время улизнуть, продолжал Семёнов. — Катер мы нашли. Сплаваемся по без потерь. И, похоже, настало время задать Вадиму вопрос который ранее не был задан. Насколько я понимаю, мы не правляемся к морю, потом вдоль побережья на восток и конечном итоге планируем пристать и высадиться где-нибудь в непосредственной близости от турбазы. Так вот, меня интересует: а что, собственно говоря; мы намереваемся на турбазе делать? Попутно осмелюсь напомнить, что на турбазе со стопроцентной вероятностью размещается штаб войск шатсуров, а космодром при ней, бесспорно, превращен во взлетно-посадочную площадку для кораблей планетного класса. Кроме того, не следует забывать и о висящем над турбазой крейсере, каковой, уверяю вас, пребывает в полном боевом режиме. И от средств наблюдения которого уже не спасут вот эти милые датчики. — Семенов прикоснулся к шарiku на груди куртки. — Все, теперь я готов слушать. Несколько секунд все молчали.

— По-моему, это была твоя идея — направиться к турбазе, — осторожно заметил Валти чуть погодя, обращаясь к напарнику. — Не подумай, я не откреститься пытаюсь. Просто раз ты это предложил, значит, что-то планируешь. В овраге время работало против нас, там главное было не сидеть на месте. Поэтому никто и не задумался — а зачем нам турбаза?

— А затем, — спокойно ответил Скотч, — что это единственное место в пределах нашей досягаемости, где есть космические корабли. Ведь коллег искателей в первую очередь заинтересует именно это, не так ли?

Скотч в упор взглянул на Плужника. Но тертого дальним космосом искателя смутить было не так-то просто.

— Возможно, — ответил он. — Возможно. И улыбнулся.

— Тогда давайте подумаем — что мы реально в состоянии сделать? Захватить один или даже несколько кораблей, по-моему, будет несложно. Но дальше-то что? Даже если нам дадут взлететь... Во-первых, крейсер. Если предположить даже, что мы умудримся уйти из атмосферы, тут нас поджидает, во-вторых, блокада шат-тсуровской армады. Не знаю, кому как кажется, а я убежден, что столь прямолинейные действия успеха нам не принесут.

— Верно, — согласился Семенов. — Не принесут. Вновь воцарилось молчание, во время которого собеседники то и дело обменивались вопросительными взглядами.

— И что? — не выдержал Валти. — Следует отказаться от первоначального плана?

— А какие у нас альтернативы? — поинтересовался Солянка. — Выжить, в принципе, на Табаске и под шат-тсурами можно. Если только они не станут наращивать присутствие.

— Всю жизнь прятаться по лесам? Пхэ! — Валти презрительно фыркнул. — Это не по мне.

— Не забывай о туристах, за чьи жизни мы в ответе, — напомнил Скотч.

— Да какие они туристы на сегодняшний день... — неуверенно возразил Валти. — Все мы давно уже партизаны. Только одни по зову долга, а другие за компанию и из-за отсутствия viable альтернатив.

— Не скажи, — не согласился Солянка. — Альтернативы были. Можно было уйти дальше на запад после переправы.

— И стнть в джунглях? — поинтересовался Валти очень скептическим тоном. — Это не наш берег, где каждый клочок леса знаком и исхожен. И не забудь, биоблокада не вечна. Рано или поздно потребуются обновить защиту, а препарата у нас в обрез.

— Не туда свернули, — вмешался Семенов. — Давайте-ка поближе к делу. Можно я изложу свои соображения? Потом предлагаю выслушать коллегу бригадира — думаю, у него больше резонов выдвигать идеи, чем у нас.

— Почему это? — не понял Солянка.

— Потому что мы спасаем только собственные жизни, а он — нечто большее.

Солянка снова ничего не понял, но возражать не решился. Он и еще Хидден до сих пор не подозревали о положении преследуемых новорожденной империей Унве искателей с «Шустера-эпсилон-75». Но словам загадочного туриста оба спасателя «Экзотик-тура» уже привыкли доверять безоговорочно, тем более что шеф (Скотч) и его зам (Валти) поступали точно так же.

— Итак, — начал Семенов. — Я считаю, что к турбазе идти действительно необходимо, и вот почему. Первое. Это единственный реальный пункт связи с внешним миром, даром что он контролируется противником. Второе. Вы не задумывались, почему шат-тсуры спешат? Только ночь слегка подзадержала облаву вблизи оврага. Так вот: их космическая армада у Табаски неизбежно притянет сюда же силы союза, в первую очередь — силы доминанты Земли. А когда на орбите два флота, один из которых наш, песня зазвучит совершенно иначе. Это предположение подкрепил и разговор с советником Паулистой, который, по моему мнению, хоть и довольно бестолковая личность, но все же информированная получше большинства из нас. Он подтвердил, что силы союза окажутся в системе Пронг-30 весьма быстро. Возможно, они уже здесь или, что вероятнее, на подлете. И еще одна мелочь... Тахир!

Глава искателей вынул из нагрудного кармана портативный терминал, развернул его и включил. Беззвучно раскрылся видеокуб. Поманипулировав клавиатурой, Плужник вызвал в объем какую-то схему.

— На что похоже? — вкрадчиво спросил Семенов. Гиды и спасатели присмотрелись.

— На топографическую карту южного побережья, — несколько удивленно опознал картинку Скотч. — Это что?

— Это перехват отчетов со спутников слежения и с крейсера шат-тсуров.

Отчетливо виднелось синее поле океана, южная часть континента, утопающая в сплошном махровом покрове лесов, синие ленты Сайры и Мойвы, рыжевато-коричневый хребет Хуснутдинова у самого северного обреза картинки...

Семенов подмигнул Плужнику и попросил:

— Покажи!

Плужник снова коснулся клавиатуры; изображение изменилось. Большинство топографических меток исчезли, картинка сразу стала похожа на спутниковый снимок. Ряд последовательных увеличений — и стала явственно видна передающая зеленый ковер джунглей полоса, чем-то похожая на шрам. На западе, недалеко от устья Сайры, она распадалась на несколько полосок потоньше и поэтому напоминала и кисточку.

— Узнаешь, Вадим? — спросил Семенов.

— Ё-моё! — выдохнул Валти. — Да это же титанодоны идут!

— Верно! — подтвердил Семенов. — Их спугнули корабли шат-тсуров, шнырявшие у Мангрового залива и южнее. По-этому они и сбились с обычного пути миграций, поэтому поневоле несколько стад сбились в одно и пошли в единственном направлении, свободном от ежедневных поисковых рейдов шат-тсуров. Запад и юг отпадают — там Сайра и океан. Север и северо-северо-запад тоже отпадают — там трассы патрульников. Остался запад. Они туда и двинули. И на пути у них лежит...

— Наша турбаза, — закончил Солянка. — Вот это да!

— Именно! — Семенов воздел руку с оттопыренным указательным пальцем. — И до нее с такими темпами они доберутся...

— Меньше чем через сутки, — теперь фразу закончил Плужник. — Вероятнее всего, нынешней же ночью, перед самым рассветом.

— Ты предлагаешь воспользоваться неизбежной суматохой? — осторожно спросил Скотч. — Что-то слабо верится, чтоб шат-тсуры не сумели справиться со стадом животных, пусть даже это и титанодоны. Пожгут их, к чертовой матери, с крейсера. — Тем не менее это шанс. — Семенов пожал плечами. — Внимание скелетиков будет сильно отвлечено, и глупо на этом не сыграть. А посему мы должны оказаться на траверзе турбазы уже вечером и за ночь отмахать почти семьдесят километров. — Ёлы-палы, — подал голос Хидден, не отрывая взгляда от курса. — А спать когда? — Сейчас, — объявил Семенов. — На руль поставим Цубербюллера, он справится. Я спрашивал, он согласился. Патрис вызвалась ему помочь. Потом Солянка его сменит. Вася Шулеико вызвался корректировать передвижение, он ведь астрогатор, а это почти то же, что и навигатор. Приборчик господ искателей мы уже успели заценить. — Семенов кивнул на все еще работающий терминал Плужника. — А не засекут перехваты? — озабоченно спросил Валта. — А? — Не должны, — вздохнул бригадир. — Хотя теоретически это возможно, пусть и очень маловероятно. — Ну и ладненько, — подытожил Семенов. — Тогда все на боковую. Я лично уже с ног валяюсь.

Откровенно говоря, Семенов не выглядел ни сонным, ни уставшим. А вот Скотч уже начал потирать глаза и периодически мотать головой, отгоняя подступающую сонливость.

— Хид, постоишь на руле?

— Постояю.

— Солянка тебя подменит потом. Ага?

— Подменю! — заверил Солянка.

— Тогда я за спальником. Тут и упаду, у переборки.

— А я на воздухе лучше, на палубе, — сказал Семенов.

— Комарью на откорм? — хмыкнул Скотч. — Ну-ну...

— Я невкусный, — сказал Семенов и впервые зевнул.

Даже железный парень из неназванной спецслужбы иногда нуждался в отдыхе. Скотчу почему-то отрадно было убедиться в этом. Хотя для дела лучше подошел бы эдакий нестигаемый рыцарь без страха и упрека. Ведь ни для кого не секрет, что самые подготовленные и тренированные люди часто валятся на простых человеческих слабостях.

Но и работать приятнее с живым человеком, а не с роботом без души и жалости. Особенно если у тебя тоже есть душа.

Через пять минут Скотч уже спал на полу у переборки, подложив под голову ладонь и сладко посапывая. Семенов устроился у носового кнехта. Остальные, за исключением Хиддена и Солянки, спустились вниз, в кают-компанию. Солянка сменил на корме искателя Веселова — тот сразу же ушел вниз. Спать. Бессонная ночь его тоже вымотала.

«Амфисбена» резво уходила на юг.

Ближе к полудню свернули в Полог-рукав, настоящий зеленый коридор. Это неширокое русло обрамляла настолько пышная растительность, что ветви смыкались на высоте десяти — пятнадцати метров сплошным зеленым сводом. С воздуха визуально заметить катер теперь не мог никто. Да и восточный берег пропал из виду, что вселяло верный шанс добраться практически до самого моря совершенно незаметно.

А еще приблизительно через час (десятичный, местный) миновали дельту Сайры, по небольшому извилистому руслу, и оказались в обширном, постепенно расширяющемся заливе. Берега расступились, вода из мутно-коричневой незаметно стала пронзительно синей и прозрачной, а влажная удушливая жара тропического леса сменилась свежим морским бризом. Цубербюллер и Солянка к этому времени поменялись местами.

К катеру вскоре пристроились две здоровые ихтиофтеры. Обе следовали чуть сбоку по правому борту — любой мог видеть их сплюснутые с боков темные тела у самой поверхности.

Так и мчала «Амфисбена», рассекая пологую волну Южного океана. Час за часом, минуту за минутой.

Ближе к вечеру, когда Пронг уже наполовину сполз к далекому горизонту и висел чуть правее кормы, на палубу поднялся Константин Цубербюллер в сопровождении девушек — Вали Хилько и Патрис Дюэль. Стоящий на руле Солянка хотел было турнуть их, но потом подумал: а зачем, собственно? Их окружало только море. Небо вокруг оставалось чистым, поверхность океана — тоже. Кому они помешают, стоя на палубе, облокотившись на борт и глядя на скользящих параллельным курсом ихтиофтер?

И он промолчал.

А буквально минут через пять Цубербюллер вдруг стукнул в рубочную дверь. Солянка удивленно взглянул в большой круглый иллюминатор — Костя указывал рукой куда-то вперед и влево. Солянка взглянул и машинально потянулся к биноклю. Навстречу, несколько ближе к невидимому отсюда берегу, ползла еле различимая с такого расстояния точка.

Взглянув на нее посредством оптики, Солянка тут же обмер.

Это была точно такая же «Амфисбена». Она шла на запад. Стоящий на палубе шат-тсур приветственно махал им рукой. Еще дальше к берегу, совсем уже еле-еле различимой крупинкой, обозначилось еще что-то плавучее. Вполне возможно, очередная «Амфисбена».

Солянка не успел ничего предпринять: Валентина Хилько сделала несколько шагов вперед, выйдя из-за рубки на палубу, и энергично помахала рукой в ответ. Шат-тсур заметил это, потому что тут же замахал обеими руками сразу. Чуть позже к нему присоединился второй.

Так они и разминувшись: время от времени салютуя руками.

Солянка, вцепившись в штурвал, молчал. Возможно, ске-летики приняли их за своих. Хорошо, если просто помахали ручками. А если пытались вызывать по какой-то своей шат-тсуровской связи, дабы перемолвиться словечком-другим? А если передали на базу: мол, видим катер там-то и там-то, идет туда-то и туда-то. А на базе дежурный скелетище чешет в своем ороговевшем затылке и бормочет: позвольте-позвольте, но у нас нет никаких катеров в этом квадрате! Ну-ка, друг Шуш-Пуш (или Быш-Кыш), вышли-ка туда патрульный катер, пусть пройдет на бреющем да присмотрится, что это за деятели? И друг Шуш-Пуш (или как там чертовы скелетики друг дружку называют?) послушно бормочет приказ в микрофон, а минутой позже с космодромчика у турбазы в небо взмывает скоростной космическо-атмосферный кораблик с деструкторами в полной боевой готовности...

Солянку аж передернуло от таких мыслей. Но то ли объединенный отряд гидов, спасателей, туристов и искателей по-прежнему хранило небо, то ли шат-тсуры на «Амфисбене» оказались гораздо безопаснее, нежели в Со-лянкиных мыслях, то ли еще почему, но до самой темноты они больше никого не увидели, кроме привычных уже ихти-офтер да стаи летучих медуз, дождем ссыпавшихся в волны метрах в двадцати от катера.

Скотч проснулся незадолго до заката. Семенов — минутой раньше. Хиддена и Солянку тотчас отправили ужинать и спать. Перед тем как уйти, Солянка коротко рассказал все на ухо Скотчу. Его реакцию и реакцию Семенова спасатель уже не видел, потому что ушел в кубрик.

Покрасневший кругляш Пронга сполз почти к самой воде, окрашивая океан за кормой в нежно-розовые тона. Это было безумно красиво, поэтому все — и туристы, и искатели, и даже индюкоподобный советник Паулиста с' Фалькау высыпали на палубу полюбоваться.

Было чем.

— И что? — сердито выпалил Тамура. — Так и будем сидеть здесь дни напролет? Как крысы?

— А что нам остается? — как можно спокойнее поинтересовался МакГрегори.

Не то чтобы он был не согласен с Тамурой. Конечно, сидеть здесь бесконечно нельзя. Проблема в другом: МакГрегори пока еще не продумал линию дальнейшего поведения.

Положение троицы бывших диспетчеров с крохотного туристского космодрома «Экзотик-тура» смело можно было назвать аховым. Планета, очевидно, захвачена чужими. Не имеет смысла вторжение такими силами на какую-то там мелкую турбазу. Такими силами захватывают планеты целиком. Скорее всего Табаска полностью контролируется шат-тсурами. Сомнительно, чтобы крохотные людские поселения оказали чужим достойное сопротивление. МакГрегори вообще подозревал, что гиды и спасатели «Экзотик-тура» — лучше всех вооруженные и тренированные люди на Табаске. Но разве устоят пятеро против сотен и тысяч?

Бред.

Скотч и компания, можно не сомневаться, уже давно пленены.

Но с другой стороны — не пленены ведь до сих пор Тамура, Сориал и МакГрегори?

Нет.

Но опять же, если цель чужих — захват контроля над Та-баской, группу на маршруте чужие отследят и неизбежно захватят. Трое диспетчеров все еще не в плену только потому, что никому не пришло в голову их искать. Хотя плененным девчонкам с турбазы чужие наверняка задавали вопрос: «Кто еще остался на свободе?» Девчонки

могли упомянуть троих диспетчеров, а могли рискнуть и притвориться, что весь персонал уже захвачен.

Сплошная неопределенность. Слишком мало информации. МакГрегори в своих размышлениях было просто не от чего оттолкнуться. Они втроем остались без всего — без связи, без информации, без цели, в конце концов. Просто выжить — это не цель для настоящего мужчины и землянина. Все, что у них есть, — это один бласт, один сшиватель да отвертка. Ну, пара щупов еще; при наличии действующего бласта щупы рассматривать как оружие было чересчур наивно.

Бласт, кстати, их здорово спасал: съестных припасов в переночуйке обнаружилось всего ничего, поэтому Тамура, как самый искушенный, изредка отправлялся на охоту. Пустым он не вернулся ни разу. Но батарея бласта когда-нибудь истощится, это и дурынде понятно. А запасных у них нет. И на турбазе вряд ли отыщутся — бласт старый, таких давно не делают. Возможно, у директора запасные батареи и имеются, но если директор не хранит их в ящичке вместе с бластом, значит, найти их шансов практически нет. Даже не будь здесь чужих, при возможности без помех обшарить всю турбазу — и в этом случае МакГрегори сомневался в успехе поисков. В общем, в активе имелась полная неопределенность; в пассиве — она же. Сегодня утром Тамура заявил, что не видит больше смысла сиднем сидеть в лесу. Чужие не уходят, крейсер все так же висит над турбазой. Единственная перемена — снятие блокады (это отследили по заработавшему сшивателю). Но что противопоставить ожиданию и пряткам? МакГрегори не знал.

— Хорошо, — сказал он Тамуре, решив озвучить свои мысли. — Что предлагаешь ты? Идти штурмовать кишашую чужими базу? Абсурд. Уходить на север, к рыбацкому поселку? Так это, извините, тысячи километров, через весь материк! И потом, где гарантия, что над поселком не висит такой же крейсер?

МакГрегори не подозревал, насколько он прав. Второй крейсер шат-тсуров висел именно над рыбацким поселком на севере.

— Я знаю, чего не следует делать, — неожиданно спокойно ответил ему Тамура. — Не следует верить свои судьбы слепому случаю. Бездействие хуже смерти.

— Это ты сейчас так говоришь, — вздохнул МакГрегори. — А как возьмут нас чужие в оборот — сто раз пожалеешь, что снялись отсюда.

— Не пожалей, — заверил Тамура и неожиданно обратился к Сериалу: — А ты что думаешь, Жорж?

Сориал, до сих пор безмолвно внимавший опору, растерянно промычал:

— А-а-ам-м-м... Не знаю. Я правда не знаю. И сидеть тут вроде глупо, но и как поступить — тоже непонятно. Может сходить к базе в разведку? Вдруг удастся освободить которую-нибудь из девчонок...

— Освободить, — фыркнул МакГрегори. — Беда, какие вы наивные, коллеги. Во-первых, подступы к базе стопроцентно охраняются так, что кошкун не прошмыгнет незамеченным. Во-вторых, кто вам сказал, что девчонки еще на базе? Сами же видели, сколько кораблей каждый день поднимается к крейсеру и сколько валится вниз. Десятки. Если скелетики ле уходят с нашей никчемной турбазы, значит, они что-то там затевают. Строят, ждут... не знаю. Но они там задержались. Так зачем, спрашивается, балласт под боком? В конце концов, всех наших могли и просто... того...

Тамура сердито скрипнул зубами, но ничего не сказал. Сориал скорбно вздохнул и потупился.

Крейсер гигантским необъятным блином висел в небе на западе. Центр этого блина располагался как раз над турбазой «Экзотик-тура»... экс-турбазой. А как раз над переночуйкой располагался край. Странно это было видеть. На востоке, севере и юге — просто небо, обычное небо с птицами и облаками. А на западе — чудовищный сорокакилометровый диск, воплощение мощи и неотвратимости. Дальний его край терялся в белесой дымке, ближний же просматривался на диво ясно. Кто когда-нибудь глядел снизу на зависший над поверхностью планетарный крейсер — тот поймет. Чувствуешь себя не то что букашкой под подошвой великана — куда хуже. Великан скорее всего букашку просто не замечает. А тебя с крейсера, если захотят, засекут, хоть закопайся ты на километр в почву.

— Давай я схожу сам, — предложил Тамура. — Даже бласт не возьму. Осмотрюсь, прикину, что к чему. Если возьмут — я вас не выдам.

— Сунут тебя под «генератор тоски» — выдашь как миленький, — хмуро буркнул МакГрегори. — Потом, понятно, раскаиваться будешь, локти покусывать... Да только проку с того? Нет, дружище, не отпущу я тебя. Давай лучше думать. Не придумаем сегодня — придумаем завтра. В конце концов, еще древние доказали, что безвыходных ситуаций не бывает.

— То-то они помирали без счета в своих крепостях, пещерах и подводных лодках. До сих пор археологи на груды костей натываются.

— Не юродствуй.

— Я не юродствую. У меня мировоззрение такое. Национальное.

— Да брось. По крови ты — японец. А я — шотландец. А I. Жорж — вообще не пойми кто, то ли африканец, то ли француз. Но различий между нами бог знает сколько поколений уже нет. Мы — люди. Подданные доминанты Земли. Остальное — шелуха. Неизвестно куда завел бы их спор, в какие словесные дебри, но тут снаружи, где-то неподалеку над лесом прогремел натуральный гром. Как в грозу. И вместе с тем в окна переночуйки продолжало заглядывать еще не успевшее спрятаться за тушу крейсера дневное солнце.

На крыльцо все трое выскочили чуть ли не одновременно — и как только в дверной проем пролезли?

Грозы, конечно же, не было и в помине. Зато на севере, совсем недалеко, в небе вспух радужный полупрозрачный пузырь, издав далеко похожий на мыльный. Трохотнуло еще раз. Пузырь постепенно наливался фиолетовым, будто свежий синяк под глазом.

— Ой! — сказал впечатлительный Сориал.

— Что это? — недоверчиво протянул Тамура, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Это? — МакГрегори невольно напустил на себя равнодушный вид, потому что догадался о природе синяка в небе. — Это финишная сфера, коллеги. Финишная сфера звездолета с икс-приводом.

— Прямо в атмосфере? — несказанно изумился Тамура.

— Именно. Прямо в атмосфере. Не многие могут похвастаться, что наблюдали такой финиш воочию. Сориал вдруг потешно хрюкнул и засмеялся.

— Ты чего? — насторожился Тамура.

Жорж расцвел беззаботной белозубой улыбкой:

— Наша ценность на глазах растет! Мы — немногие, кто наблюдает финиш в атмосфере! Кстати, сдается мне, что финиширует небольшой корабль, потому что до нелинейности, по моим прикидкам, кидоун двадцать. Вряд ли больше. Едва речь зашла о профессиональном, о старте и финише кораблей, диспетчеры моментально и совершенно автоматически перешли с людских километров на интергалактические килоуны.

Сфера тем временем набрякла и с какого-то момента начала стремительно светлеть. Вскоре она снова стала прозрачной, хотя области нелинейности все еще бушевали по ее периметру. А в центре, там, где все уже успокоилось, из ничего возникло нечто темное и в отличие от недавнего «синяка» — материальное. Финишировавший корабль.

— Эх, приборов нет, — посетовал Сориал, всплеснув руками. — Не понять, что за зверь.

— Ты был прав, — глубокомысленно заметил Тамура. — Корабль совсем невелик.

— Это по сфере нетрудно было понять, — все еще небрежно вставил МакГрегори. — По-моему, финиш в атмосфере куда красивее и величественнее, нежели в вакууме.

— Согласен, — кивнул Тамура.

Постепенно нелинейности сошли на нет. Корабль, с крыльца переночуйки кажущийся крохотным пятнышком, стал стремительно снижаться.

А потом по верхушкам деревьев прокатился первый шквал. Локальная буря бушевала недолго, но посвирепствовала вволю. У многих деревьев пообломало верхушки, многие недосчитались старых подгнивших веток. Умолкли на какое-то время птицы. Сначала их напугала буря, а потом — корабли чужих, которые целым роем явились к месту финиша. Экс-диспетчерам пришлось снова прятаться в переночуйке и наблюдать за небом украдкой, через окна.

Странное дело, но финишировавший корабль чужие долго не могли обнаружить. Во всяком случае, они кружили и кружили над лесом, не снижаясь. Потом четыре из не менее чем трех десятков кораблей снизились, но вскоре снова взмыли. Чужие маневрировали до самой темноты; потом часть кораблей убралась на космодром, часть продолжала упорно утюжить местность.

— Ничего не понимаю! Если гость сел, обнаружить его труда не составит. А если не сел, то его бы давно уже перехватили в полете.

МакГрегори недоумевал совершенно искренне.

— Может, он опять прыгнул? Прочь? — предположил Сориал.

— Да вряд ли, тогда и второй шквал до нас докатился бы. А его не было.

— Может, оба шкала слились? Может, мы последствия финиша и сразу за ним — старта просто приняли за последствия одного только финиша?

Сориал инстинктивно пытался объяснить необъяснимое наиболее обыденным образом.

— Нет, Жорж, тут что-то другое. Гости каким-то образом успели спрятаться. Я слышал, что на некоторых правительственных кораблях ставят некие суперкамуфляжные модули ценою чуть не с целую планету. С их помощью можно оставаться невидимым, даже если ты прячешься вплотную к врагу.

Тамура фыркнул, выражая сомнения:

— Угу. Я тоже слышал о чем-то подобном. Вот только я ни разу не слышал внятного теоретического обоснования всем этим небылицам. Как, спрашивается, скрыться от стационарного сканирования, сам подумай? От потока — еще туда-сюда, но от сканирования...

— Не знаю. — МакГрегори беспечно пожал плечами. — Но думаю, что это все же возможно. На всякую хитрую задницу найдется еще более хитрый фитиль.

— Ну-ну, — не стал спорить Тамура. — Впрочем, нам-то что до всех этих штучек? Если корабль имеет защиту ценой в целую планету, то на нем прибыли такие шишки, которым до нас просто нет дела. Что правителям миров какие-то там диспетчеры?

— Вот тут ты прав, пожалуй, — согласился МакГрегори. — Завтра с утра совершим вылазку в лес.

— А патрули чужих? — хмуро спросил Тамура.

— К утру чужие их снимут. А вместо этого вышлют пехоту, вот увидишь. И мы должны пехоту опередить. Единственное, что мы реально можем сделать для нашей планеты — рассказать, как все было. Кто бы ни явился на таком непростоном корабле, если он друг, ему будет весьма интересен наш рассказ.

— А если не друг? Если это все те же скелетики или их союзники нарисовались? — усомнился Сориал.

— Тогда им не пришлось бы прятаться от патрулей шат-тсуров.

— На все у тебя готов ответ, — проворчал Тамура. МакГрегори печально вздохнул в ответ:

— К сожалению, далеко не на все.

ПАРЛАМЕНТЕРСКИЙ БОТ ДЗАННИ

Пронг-33 (Ухта) — Пронг-32 (Тобаска), доминанта Земли

Прыжок просчитывали вшестеро дольше обычного, с минимальными допусками по расстоянию на расположение финишной сферы. Допуски составляли меньше сорока килоун. Подобные «блошиные» прыжки возможно было осуществлять исключительно в пределах одной звездной системы, да и то лишь между ближайшими планетами или их спутниками и, безусловно, только при отсутствии вблизи астероидных поясов.

Маримуца с подчиненными взлетели с поверхности Ухты и закрепились на стационарной орбите, а пока компьютер трудился, ворошил россыпи цифр, внимательно следили за неприятельским флотом. Практически непрерывно бот с земными десантниками сканировался армадой шат-тсуров.

Они уже знали, чья это армада, Маримуцу известили с флагмана, когда бот приземлился на Ухте и лейтенант согласно приказу доложил о выполнении первичной задачи.

— Знаешь, — задумчиво сказал Раджабов, в очередной раз покосившись на табло стационарного счетчика, — нас определенно пасут. Определенно.

— Вижу, — недовольно буркнул Маримуца. — Но ведь не трогают пока?

— Вот я и не понимаю — почему не трогают? Если они знают, что у нас предстартовое состояние, почему не берут? Почему отпускают?

— А почему сразу не взяли, едва мы финишировали?

— Может, пытаются понять, что удумал предводитель азан-ни и вообще зачем он здесь? — неубедительно предположил Раджабов.

Маримуца едва удержался от презрительной гримасы:

— Рафик, ты что, недоспал? Какой предводитель? Скелетики давным-давно уже установили, где находится Парящий-над-Пирамидами. Информацию такого рода скрыть невозможно, ибо что это за лидер, который прячется? Кто за таким лидером пойдет? Скелетики просто не поймут, зачем мы здесь, — как не понимаем этого мы. Вот и выжидают. Их интересы явно расположены на Табаске, а мы вертимся вблизи Ухты. И раз мы готовимся смыться, гораздо полезнее будет узнать, куда фальшивый парламентарский бот направился, нежели захватить подставных болванчиков. Нас то бишь.

Раджабов вздохнул, помолчал и виновато сознался:

— Недоспал я, это верно...

Маримуца только рукой досадливо махнул. В видеокубе астрогатора беспрерывно текли столбцы вычислений, и казалось, не будет конца этому десятичному потоку. — Команда, вы как там? — осведомился Маримуца по селектору.

— Готовы, — лаконично доложил кто-то из Суондре-дов. Вероятно, Джерард, старший из близнецов, он у братьев-десантников выполнял роль капрала, хотя все Суондреды куда оставались рядовыми. Лейтенанта и унтера за прошедшие двенадцать суток успели поставить в известность о том, что Джерард старше Клемента, Арнольда и Конрада соответственно на две, пять и семь минут. Бедная их мать отказалась от дородового подращивания и выносила всех четверых, хотя, естественно, в положенный срок пришлось делать полузабытое уже врачами-акушерами кесарево сечение. Этих лбов вынимали из нее, как заряды из обоймы, одного за другим. Ужас какой-то. Дариуш Маримуца даже не подозревал, что в доминанте Земли кое-где еще практикуется такое варварство.

Обыкновенно в штатном режиме на пунктире экипажу . довольно трудно заметить прыжки. У некоторых темнеет на миг в глазах. Если после долгого пребывания в горизонтالي при повышенном тяготении резко вскочить на ноги, возникает очень похожее ощущение. Мгновенная пустота в груди, словно падаешь с высоты, но все это протекает настолько быстро и почти неуловимо, что спустя секунду начинаешь сомневаться: не почудилось ли?

Но на этот раз парламентарскому боту, а значит, и его пассажирам предстояло финишировать в атмосфере. А это чревато сильной болтанкой, даже если они не вляпаются в область переменного давления. Понятно, что Раджабов стремился навестись куда-нибудь в спокойный и желательно лишенный облачности район Табаски, но с такого расстояния стопроцентной гарантии на успех не могли дать даже близкие к совершенству приборы азанни. Поэтому Маримуца велел команде подготовиться к сюрпризам и обустроить удобные и безопасные кресла, где легко переносилась бы любая болтан-ка, любая свистопляска. Причем не с гравитационной фиксацией тела, а с механической, с тривиальными ремешками, ибо всякие встряски имеют наглость в первую очередь выводить из строя гравигенное и гравизащитное оборудование, а крепкие ремешки, как правило, спокойно выдерживают все, что угодно. «Летали, знаем, — заявил Маримуца подчиненным. — Вторично побывать непристегнутым внутри баскетбольного мяча желания абсолютно не имею и вам не рекомендую. Так что...»

Не пришлось уточнять тот факт, что мяч, в котором Маримуца имел честь оказаться, отнюдь не отлеживался у судейского столика, а, в свою очередь, имел честь быть предметом раздора десятка здоровенных долговязых мужиков. Джерард Суондред просто ответил: «Есть, сэр!», и в этой фразе явственно .слышалось: «Летали, знаем!»

Переоборудовать под человеческие фигуры несколько креслонасестов азанни оказалось в общем-то не так уж и сложно.

Остаток времени прошел в томительном ожидании: предпримут шат-тсуры какие-либо шаги для захвата наглого парламентарского бота или не предпримут?

Не предприняли.

Раздался мелодичный, похожий на трель неведомой птицы сигнал, и видеокуб астрогатора очистился от цифр. Вместо этого там возникла нежно-зеленая строка на интересе: «К пульсации готов».

— Ну, Рафик, — сказал Маримуца, вставая. — Молись!

— Я не умею, — вздохнул Раджабов и покосился на лейтенанта: — Пульт не забудь.

— Уж не забуду, — беззлобно огрызнулся Маримуца. Перед тем как покинуть рубку, он пробежался пальцами по клавиатуре головного компа и велел завести служебный видеокуб в VIP-салон бота, где Суондреды устроили противоперегрузочные кресла. До VIP-салона они добирались минуты полторы. Вегом.

Братья-десантники уже успели упаковаться в походное положение; каждый был при оружии, каждый облачен в полный комплект. Кроме того, тут же рядом имелся закрепленный тук, видимо, с припасами и боекомплект.

Ребятам явно не внове были подобные рискованные мероприятия, когда не знаешь, что сломается раньше: твое тело или космический корабль. Но что не твой дух — совершенно точно.

«Молодцы! — в который уже раз мысленно похвалил Маримуца. — Не экипаж — золото!» Кресла для лейтенанта и унтера стояли в общем ряду. Рядом покоились аккуратно сложенные комплекты.

Маримуца хмыкнул и принялся натягивать свой. Унар Раджабов в сомнении почесал затылок, потом быстро засеменил в сторону выхода.

— Ты куда, Рафик? — удивился Маримуца.

— В сортир, — бросил тот через плечо. — Чего эм-же наперед загаживать? Двусмысленной аббревиатурой МЖ обозначались сменные модули жизнеобеспечения к стандартным и специальным — вроде десантного — пустотным комплектам. Естественно, модули имели конечный ресурс, и комплекты нуждались в периодической замене МЖ.

Один из Суондредов отстегнулся, встал, сноровисто сбросил комплект и торопливо направился вслед за унтером.

— Ну да, — деланно вздохнул Маримуца, напяливая толстый пластмассовый жилет и затягивая вакуумные фиксаторы. — Треть команды — засранцы... Остальные Суондреды всего лишь вежливо улыбнулись его шутке.

Через несколько минут, когда все шестеро, полностью экипированные и пристегнутые, обосновались по креслам как раз напротив заведенного из рубки видеостолба, Маримуца громко и внятно спросил:

— Внимание, команда! Готовы?

— Готовы! — в один голос рявкнули четверо рядовых и один унтер флота «Евразия», Солнечная система, доминанта Земли.

— Старт! — объявил Маримуца и утопил подпружиненную кнопку на пульте.

Спустя несколько секунд возникло мимолетное ощущение падения с высоты и едва заметно потемнело в глазах. Но потом пришли сомнения — не показалось ли? Все миновало так быстро...

Нет, не показалось.

Парламентерский флот начало трясти, словно он обратился в исполинскую погремушку, которой забавлялся детеныш Гулливера.

Лейтенант Маримуца крепче сжал челюсти, чтоб ненароком не прикусить язык. Болтало их минут пять — семь, вряд ли больше. Потом бот стабилизировался, хотя легкие подрагивания все еще ощущались.

— Раджабов, в рубку! — скомандовал Маримуца, отстегиваясь. — Остальные — на местах до особого распоряжения.

— Есть, — коротко отозвался Джерард Суондред. Рафик уже отстегивался.

— Комплект не снимай, — напомнил лейтенант. — Мало ли?

— Угу, — промывчал Раджабов.

С пультом в руке Маримуца вернулся в рубку. Унтер спешил следом. Немного мешал пристегнутый к боку офицерский прикладной лазерник, но никто и не обещал будущим офицерам, что служба будет легкой и удобной.

Бот шел в атмосфере в каких-то двух километрах над поверхностью и постепенно снижался. Финишная сфера уже угомонилась, области нелинейности, неизбежные при проломе барьера, практически стабилизировались, только легкие завихрения, похожие на рыхлый инверсионный след, медленно таяли за кормой бота. Внизу угадывался сплошной лес, а далеко на юге расстилалось море или, скорее, океан. А совсем рядом, меньше чем в километре по правому борту, висел необъятный рябой диск планетарного крейсера.

Бот шел курсом на юго-восток.

— Нас засекли и сканируют, — предупредил Раджабов, как обычно в первую очередь приникший взглядом к табло тазинарного счетчика.

— Кто б сомневался, — буркнул Маримуца, наспех настраивая системы объемного наблюдения. — Вот и гости!

Из-под края крейсера вырвалась стайка истребителей и круто пошла вверх, наперехват.

— Зашевелились, гады дыротелые? — прошипел Маримуца, постепенно захлестываемый боевым азартом. — А вот хрен вам! Рафик, управляй камуфляжем! Сейчас мы им покажем, что умеет парламентерский бот Парящего-над-Пирамидами! Это вам не рыбацкие поселения с орбиты жечь, так вас и растак!

Лейтенант перехватил часть управления полетом и круто бросил бот вниз к зарослям. Унтер тем временем активировал мудреную антитазионарную защиту. В этот самый миг пожаловавший в атмосферу Табаски бот исчез для всех без исключения систем слежения шат-тсуров. А когда он нырнул к самой поверхности, чуть не к верхушкам деревьев, его потеряли из виду и пилоты высланных кораблей. Гость сделался невидим для глаз и приборов.

А Раджабов и Маримуца с благоговейным ужасом наблюдали, как невероятно быстро, буквально на глазах тает еще совсем недавно казавшийся почти безграничным энергозапас бота.

— Тьфу ты! Так мы останемся без энергии уже минут через пятнадцать! — заворуженно глядя на индикатор, прошептал Раджабов.

— Погоди, вот сядем, потребление упадет процентов на семьдесят.

— Спасибо, успокоил, — ничуть не повеселел Раджабов. — Ну, тогда не через пятнадцать, а через час.

— Час — это не так уж мало, — философски заметил Маримуца. — Не паникуй, Рафик, все будет тип-топ. Сядем — а там поглядим, кто кого.

«Интересно, как? Как сядем, в смысле? — подумал Раджабов. — Лес ведь внизу. Найти нас по поваленным деревьям будет проще простого».

Бот стремительно неся над лесом; Маримуца лихорадочно шелестел клавиатурой и водил рукой с чип-манипулятором перед видеокубом.

— Есть! — наконец выдохнул он. — Все, Рафик, порядок!

Совершив несколько стремительных маневров, тянувших на полновесные три с половиной G по перегрузкам, бот в последний раз качнулся, снизился и замер. Индикатор расхода энергии сразу же стал вести себя не в пример скромнее.

Маримуца торопливо гасил все корабельные системы. Скоро, кроме камуфляжного модуля, на борту не осталось ни единого работающего устройства.

В рубке воцарился полумрак; бот позаботился о том, что-бы часть наружного света проникала внутрь и экипаж не сделался слепым.

— Пойдем скажем Суондредам, чтоб отстегивались.

— А по свя... — начал было Рафик и осекся. — Н-да. Извини, забыл.

Полное молчание. Все приборы и устройства не действуют.

До чего же современный человек зависит от различных технических приспособлений, так облегчающих ему жизнь...

— Слушай, Дариуш... А с воздуха нас не заметят? — беспокойно поинтересовался Раджабов. — Мы ж небось дров наломали — за десять километров видно.

— Не заметят, не бзди. Мы теперь в озере.

Раджабов встал и непонимающе обернулся к Маримуце:

— В смысле?

— В прямом. Бот притворился лесным озером. Кругом вода.

— Не понял.

— Руководство по управлению камуфляжным модулем прочти, — фыркнул лейтенант. — Могучая, доложу тебе, штука. Неудивительно, что стоит дороже планеты...

Маримуца вручную расслоил перепонку VIP-салона и вошел. Перепонка так и осталась незатянутой.

Покачив головой, Раджабов двинулся к салону.

— Все, десантура! Сели. Отстегиваемся.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Шат Унве покончил с завтраком и сдвинул в сторону сер-вировочный поднос. Отхлебнув целебного отвара из более чем полусотни различных трав, как водится, невероятно противного на вкус, он вызвал адъютанта. Пришло время утреннего доклада.

Адъютант имел довольно бодрый вид, но все же с некоторым налетом сонливости. Рабочий день Унве начинался невероятно рано. А заканчивался, разумеется, далеко за полночь.

— Доброе утро, Шатта!

— Доброе, Утах. Начинай.

Адъютант послушно активировал браслет-терминал и принялся комментировать трансляцию. Видео столб загадочно мерцал в полумраке рабочего кабинета первого шат-тсура крепнущей империи.

— Главным событием за минувшие четыре часа, безусловно, стал финиш парламентарского бота азанни. Как мы и предполагали, он финишировал в атмосфере, вблизи резиденции Шата Урву, командующего вторжением на турбазе хомо. Вот здесь, в мертвой зоне. Высланные истребители и перехватчики почти сразу же потеряли его из виду — без сомнения, задействован элитный камуфляжный модуль бота. В данный момент Шат Урву формирует и рассылает пешие поисковые группы. Район обозначенной посадки блокируется. Ситуация затруднена совершенно диким и неосвоенным рельефом планеты, местность почти сплошь представляет собой едва-едва окультуренный лес. Специальная группа обследовала место посадки бота на третьей планете Замххад. Похоже, что экипаж бота лишь единожды покинул борт корабля: двое вышли наружу, удалились от корабля на расстояние семи с небольшим ун, затем по своим же следам

вернулись. Не похоже, чтобы они что-либо искали в точке возврата или, наоборот, прятали. Боюсь, что цель посадки бота на этот холодный мир так и останется невыясненной.

Высаженный в местах стычек с партизанами десант продолжает прочесывать территорию. Пока никто не обнаружен; сопротивление десанту также не оказано. Как и следовало ожидать, детальные исследования на борту захваченного рейдера Поисковой Базы дали нулевые результаты. Экипаж уничтожил или забрал с собой все материалы последнего поиска. Рабочие файлы, логи и базы данных бортовой компьютерной сети обнулены. Первичный тазимонарный и спектральный анализы обшивки выявили слабые следы осадочного вещества. Принадлежность и химический состав уточняются, но сомнительно, чтобы по этим данным мы смогли хотя бы приблизительно установить координаты места, где искатели обнаружили интересующий нас артефакт.

Теперь общие новости. Объединенный флот свайгов и цоофт финишировал вблизи захваченной ранее группой «Слад-за» системы двойной звезды Дау-Крон, там, где азанни сопротивлялись дольше всего, В настоящий момент кипит сражение, «Сладза» понесла значительные потери, но пока держится. Шат Убара направил на помощь часть имеющегося у его резерва в составе...

— Состав опусти, — велел Унве.

Стратегу Уба,ре диктатор вполне доверял. И профессионализму его доверял. Раз решил задействовать резерв, что ж, значит, дело того стоит. Систему Дау-Крон терять жаль, у азанни там сконцентрированы орбитальные верфи по постройке космических кораблей. Птички и сопротивлялись там дольше всего, потому что вблизи такого объекта неизбежно скапливаются некоторые силы. Недостаточные, чтобы успешно противостоят массированному удару отборных соединений Тсурры, но все-таки способные какое-то время продержаться.

Нет, Дау-Крон терять нельзя ни в коем случае!

Шат Унве сделал отметку в дневнике — изучить ситуацию .поподробнее. Время, видимо, терпит: в случае каких-либо фатальных сложностей императора уже известили бы. Раз не известили — значит, свайгов и цоофт вскоре вышвырнут из системы. А в этом случае можно чуточку повременить.

Еще раз покосившись на зеленоватый видеокубик дневника, Унве кивнул адъютанту: «Продолжай!»

— Вообще минувшие сутки ознаменовались переходом многих вражеских рас от пассивного выжидания и глухой обороны к острым и дерзким контратакам. Потеряны две планетные системы, в Треугольнике и Желтой Россыпи. Из орбитальных поселений хомо вблизи Тау Хромой Черепахи нанесены массированные удары по патрульным армадам сектора. Аналитики сообщают, что среди всех союзных рас лучше всего подготовленными оказались военные хомо. Именно от их флотов исходит наиболее ощутимый урон; действия остальных рас существенного вреда не приносят и даже не слишком связывают наши силы из наместнических охранных формирований. Боюсь, что ни один из захваченных за последнее время миров хомо удержать не удастся.

Шат Унве задумчиво кивал. В принципе, эти новости даже не следовало рассматривать как новости. Все просчитывалось заранее и прогнозировалось. Разве только боевую мощь хомо, как всегда, недооценили. Все-таки есть в этой расе нечто фатальное: они всегда дерутся, отчаянно дерутся! В самых безнадежных ситуациях, когда любой разумный предпочел бы сдаться. А хомо за счет нестигаемого духа покрывают слабость оружия и техники. Вскоочки. Агрессивные незрелые выскачки. А вот поди ж ты — результат налицо. Ни один из их миров в ближайшее время удержать не получится, тут адъютант и аналитики правы. Адъютант комментировал события, но Унве слушал не очень внимательно. Отвлекали невольные мысли.

Главное сейчас происходило на Табаске. Если искатели хомо ускользнут вместе с тайной — войну смело можно считать проигранной. Поэтому нужно сосредоточить там лучшие умы, лучшие силы. Верить во что угодно, даже в самые невероятные вещи, и сделать все, дабы не допустить их. Вот, к примеру, какова вероятность того, что искателей вместе с секретом попытаются вывезти на парламентарском боте пика пирамид азанни? Ничтожна, ибо заранее обречена на неудачу. Но следует учесть и такую безнадежную попытку. К исамару туристов-партизан, к исамару никчемный теперь земной рейдер! Искатели хомо — вот единственная цель вторгшихся на Табаску сил империи Унве.

Захват искателей не удалось осуществить без шума. Союз в лице неугомонных хомо пронюхал об операции шат-тсуров на Табаске. По данным разведки, к Пронгу-30, она же Замххад, направляются два внушительных флота из земной метрополии. Их нужно

достойно встретить. И, разумеется, не упустить главный приз в затеянной войне за мобильность, захватить искателей и выяснить местонахождение входа, межгалактический тоннель, некогда сработанный исчезнувшими исполинами древности.

— Заморозить все стратегические операции, — бесстрастно распорядился Унве.

Адъютант внимал, включив запись.

— Оборонять только захваченные объекты из перечня Шата Устибу, на остальных уничтожить коммуникации, межзвездный транспорт и руководящее звено аборигенов. Освободившиеся силы направлять к системе Замххад, для чего составить объемный план размещения флотов и групп. К исполнению приступить немедленно.

— Принято к исполнению, шатта...

— Действуй.

Адъютант почтительно скрипнул экзоскелетом, развернулся и, на ходу перетасовывая записанное, ринулся к выходу.

— И стюарда пришли, пусть уберет посуду! — бросил император в спину адъютанту. Занимаясь большими делами, вечно погрязаяшь в бытовых мелочах...

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА»

Система Замхход, империя Унве шат-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

В комнату отдыха вошли сразу четверо охранников при парализаторах и ввели оаонс. Хотелось надеяться, что союзника.

Перевертыш был метаморфирован в максимально близкую к хомо форму. Неприятно выпуклое, без единого отверстия или щели в корпусе тело, мягкая кожа, щетинистая поросль на верхней части головы, дыхательный выступ посреди лица — все это невольно настраивало командующего вторжением против перевертыша. Парадокс, но один из лучших военных империи Унве крайне редко лицом к лицу сталкивался с инопланетянами. Он водил корабли и флоты в стремительные набеги, командовал сражениями, но все это происходило либо в боевой рубке крейсера, либо в штаб-зале. Даже при высадках на чужие планеты командующий обыкновенно почти не покидал штаба. Да что далеко ходить: во время нынешней высадки на Замххад-2 Шат Урву не пришлось лицезреть ни одного из пленных хомо с турбазы. Ими занимались подчиненные.

Выглядел перевертыш неправдоподобно спокойным и на пленника не походил ничем: ни позой, открытой и независимой, ни взглядом, твердым и без намека на испуг или безнадегу; и даже заложенные за спину руки выглядели очень естественно и буднично.

— Ну, здравствуй, союзник, — поздоровался Урву, испытующе глядя перевертышу в глаза.

— Здорово, команданте, — ответил перевертыш на каком-то жутком диалекте шатов. — Достукаться до вас — крутая задвижка, еле втер вашим свеззикам, чего мне надоть. Диалект диалектом, но говорил перевертыш очень чисто: ни намека на акцент, просто слова казались странно искаженными, хотя смысл был вполне понятен.

Урву перешел с интера на всеобщий шатта:

— Ты говоришь на нашем языке?

Оаонс мгновенно съехал с диалекта и подстроился под всеобщий:

— Мы живем достаточно долго, чтобы овладеть многими языками.

В этом перевертыш не врал: оаонс действительно оставались самой долгоживущей расой галактики. Возможно, из-за того, что процесс метаморфоза хоть и требовал значительных затрат энергии и подчас сильно истощал организм, но заодно, по-видимому, очищал его от шлаков и омолаживал ткани и органы. Шат Урву все еще помнил биологический курс военной академии. И знал тот факт, что редко метаморфизирующие перевертыши быстрее стареют.

— Ладно, у меня мало времени. Сам яе знаю, зачем согласился выслушать тебя. Говори.

— Почтенный Шат... — Перевертыш сделал вопросительную паузу.

— Урву, — подсказал командующий. Взгляд перевертыша, гипнотизировал.

— Почтенный Шат Урву! Позвольте отрекомендоваться:, Нути-Нагути, оаонс, военный атташе на Багуриксе. Вот этим, я могу удостоверить свою личность.

Перевертыш ловко, как дервиш, вынул откуда-то карточку мгновенной почты с идентификатором.

— Проверьте, я настаиваю. Разговор должен быть доверительным с обеих сторон. Вас я знаю, невзирая на то что пере» спрашивал имя. За что приношу извинения.

Командующий невольно подобрался: формально должность военного атташе равнялась его собственной должности, а еще вернее — превосходила на добрую ступень, а то и две.

Карточка переключалась к адъютанту, который вставил ее в считыватель и запустил браузер почты. Спустя несколько мгновений он взглянул командующему в глаза и коротко утвердительно уркнул.

Карточка вернулась к владельцу.

Шат Урву собрался извиниться за некоторую фамильярность в начале разговора, но перевертыш не дал ему высказаться:

— Теперь мы можем говорить без. взаимного недоверия-Вы сказали, что времени мало. Насколько мало? Я имею. я вижу — сколько времени осталось до начала столкновения в системе, если флот союза уже финишировал?

Командующий неопределенно скрипнул экзоскелетом:

— Пока не финишировал, но вот-вот. Похоже, что у нас будет довольно солидное численное преимущество.

Перевертыш подслеповата», мигнул большими темными глазами:

— Это хорошо... Туристов все еще не нашли, я так понял?

—Так.

— О специалисте хомо вы уже знаете?

— В общих чертах. Известно, что среди туристоо кто-то владеет весьма впечатляющими навыками тактических и диверсионных боевых действий.

— Я покинул группу, когда туристы и спасатели соединились с искателями доминанты Земли. Искатели — и есть цель вторжения на Табаску, не так ли?

Шат Урву усилием воли вырвался из, гипнотических пут взгляда оаонс.

— Простите... Но я не уполномочен обсуждать подобные вещи с союзниками.

— Ах да, — спохватился атташе, не то всерьез, не то деланно. — Впрочем, ладно, я все равно обязан оказать вам содействие. К сожалению, я прибыл на Табаску отдохнуть, поэтому лишен сопровождения и информации. Я могу ознакомиться с событиями последнего времени? Я имею в виду доступ в гражданскую сеть.

— Конечно!

Шат Урву даже не успел сделать знак адъютанту, тот вырос рядом с креслом командующего и почтительно склонился.

— Вас проводят, — сказал Шат Урву и поднялся. Атташе Нути-Нагути тоже встал.

— Благодарю вас. Надеюсь, сумею быть вам полезен. Кстати, готов ответить на любые вопросы касательно туристов и их... а-а-а... умельца.

«А то ты не понимаешь, что нас интересуют вовсе не туристы», — подумал Шат Урву.

— Мы непременно привлечем вас в случае необходимости! Адъютант!

— Да, шатта!

— Поступаешь в полное распоряжение господина атташе! Позаботься о размещении, питании, желаниях.

— Есть, шатта!

— Еще раз благодарю, почтенный Шат Урву. — Перевертыш тоже поклонился, но, понятное дело, не адъютанту, а командующему.

«И немедленно доложить Унве об этом типе! Немедленно!» — услужливо подсказали опыт и чутье. А уж на собственный опыт Шат Урву полагался вполне.

Совещание продлилось недолго. Вскоре после полудня стало окончательно ясно, что хомо в оцепленном районе нет. Урву с помощниками тщетно ломали головы, пытаясь понять, как это удалось. Всем наземным подразделениям поступили, директива сообщать о каждом подозрительном событии, каждой странности, случившейся вблизи оцепленного района.

Дополнительно пришлось отвлечься на организацию патрулей и заслонов на западе от турбазы: гигантское стадо местных животных, оставляя за собой обширную просеку, направлялось прямо к штабу и космодрому, и непохоже было, чтоб безмозглые громадины собирались отвернуть или остановиться. Остановить их будет нетрудно, но для этого нужно озадачить пару-тройку подразделений и поручить контроль кому-нибудь из ротных потолковее.

Затем в мертвой зоне крейсера финишировал небольшой корабль — парламентарский бот азанни, причем финишировал прямо в атмосфере. Ранее он зачем-то сидел на третьей планете Замххад, теперь явился на вторую. Шат Урву всполошился: слишком уж это напоминало попытку эвакуировать искателей хомо. Вскоре тревожений прибавилось: все высланные на поиск места посадки атмосферные корабли однообразно докладывали, что бот обнаружить не удастся. Не то чтобы командующий удивился: он прекрасно знал, на что способны элитные камуфляжные модули личных

космических кораблей высшего звена, лидеров рас. Но радости подобное знание отнюдь не доставляло, Поручив руководство поисками одному из заместителей, Шат Урву вернулся к поискам хомо. Но и тут долго не было никаких новостей. Сообщение патруля на трофейном морском катере о неопознанном катере той же модели, который двигался с запада на восток на расстоянии примерно двенадцати ун от южного побережья, поступило только поздно вечером. Почти сразу стало очевидно: ни одно из подразделений, патрулирующих водные пути, в это время в указанном квадрате находиться не могло. За исключением, конечно, патрульника, с которого неопознанный катер и был замечен. Но патрульник двигался с востока на запад. По словам патрульных, катер был идентичного типа, вахтенные видели на палубе пассажиров или экипаж, но решили, что это их коллеги, даже салютами обменялись. А отличить шат-тсура от хомо с расстояния, разделявшего катера, смог бы разве что перевертыш с метаморфизованными органами зрения. Аэросканирование со спутника быстро выявило катер-фантом: на побережье, на траверзе турбазы, где располагался оперативный штаб вторжения. Максимально быстро десантников «Меченого корпуса» и «Сизых скелетов» перебросили к катеру и в точки примерно посередине двух прямых, соединяющих катер с турбазой и катер с местом предполагаемой посадки парламентарского бота. Одновременно Шат Урву распорядился усилить охрану поискового рейдера, мирно припавшего к траве местного игрушечного кос модромчика.

Шата Урву впервые посетило предчувствие близкой удачи, тем более что массовый финиш кораблей противника все еще не начался. Даже о злополучном парламентарском боте, который продолжали безуспешно искать все свободные атмосферные корабли, командующий на какое-то время перестал беспокоиться.

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Системно Пронг-30, доминанта Земли.

Финиширующий флот — зрелище не для слабонервных. Когда многокилометровые боевые звездолеты вываливаются из-за барьера, когда пространство стонет и неистовствует, когда большие области космической пустоты вдруг становятся смертельно опасными для сколь угодно стабильной материи...

Флот «Евразия» под командованием Тима Хемерсбрандт финишировал в системе Пронг-30. И флот «Антарктида», ведомый адмиралом Геннадием Лесиным, тоже финишировал в системе Пронг-30.

Мало того, в сонной и практически пустой системе далекой от Солнца желтоватой звезды вот-вот должны были финишировать еще несколько флотов.

Адмирал Хемерсбрандт точно знал, что довольно мощное соединение в поддержку войскам метрополии прислала Офелия, один из самых крупных и могущественных миров доминанты Земли. Также было известно, что враги — скелетики с Тсурры — подтянули изрядное количество сил для обороны оккупированной Табаски, что однозначно свидетельствовало: искателей с информацией о бесценной находке шат-тсуры пока не захватили.

Оба флота из Солнечной системы гасили паразитный дрейф и перестраивались в боевой порядок. Флот «Магрибба» с Офелии уже успел занять выгодную для начального удара позицию и выжидал, пока союзники из метрополии перегруппируются. Враг, давно уже перегруппировавшись, замер в ожидании атаки и в ожидании подкрепления.

Вне площади эклиптики финишировал еще кто-то, пока не установленный.

Система звезды Пронг-30 никогда доселе не знала нашествия такого количества боевых звездолетов. Обыкновенно подобные нашествия случаются не чаще одного раза в истории звезды: после битвы с участием такого количества кораблей и оружия звезда, как правило, гибнет.

— Командующий флотом «Магрибба», сэр! — громко доложил связист.

Хемерсбрандт чуть повернулся, так чтобы видеостолб оказался прямо перед ним, а не сбоку.

— Адмирал Хемерсбрандт!

— Адмирал Тонгусекав!

Два командующих чуть склонили головы в приветствии. Космические силы доминанты Земли давно не действовали сообща, но старых инструкций и наставлений никто не отменял. Адмиралы знали, как скоординировать усилия и что обсудить в первую очередь.

— Сэр, финишировали почти полсотни средних крейсеров противника. Вливаются в основную армаду. Армада разворачивается в рефлектор Беарзота.

— Ясно. Продолжаем перестроение. Мидель-сегмент займет «Магрибба», у их флагмана потоковая мощность в полтора раза выше нашей.

— Принято, пост «Централь»!

— Сэр, по ту сторону эклиптики финиширует флот свайгов! Численность — до девяноста кораблей, в том числе шесть крейсеров-планетарников и два мегадестроера!

— Ничего себе! — пробормотал Хемерсбрандт. — Мегадестроеры? Они еще сохранились? Не знал, не знал... Впрочем, ладно, связь есть?

— Пока нет, но, кажется, они сканируют наши частоты.

— Тимофеич, следи, ты ближе! — на всякий случай заострил внимание коллеги командующий.

— Слежу, — немедленно отозвался Лесин. «Антарктида» уже образовала изумительно правильную объемную сетку в своем сегменте атакующего построения.

— Свайги на связи, сэр! Премьер-адмирал Косей Ба-Хекеж!

Новый видеостолб. В нем — свайг в зеленоватом мундире и при всем великолепии развернутого гребня на голой, как и положено рептилиям, голове. Кожистый горловой мешок свай-га чуть заметно пульсирует. Нервничает премьер, что ли... Слова инопланетянина транслировались уже в переводе: разобраться в языке свайгов из людей мало кто умудрялся научиться, а учить язык людей четверке самых древних и могучих рас галактики вообще никогда не приходило на ум. Традиции, многолетние древние традиции обжитого космоса.

— Глубины, адмирал Хемерсбрандт! Повелением вновь созданной Галереи Свайге мой сат-клан прислан в поддержку силам доминанты Земли. Ожидая распоряжений!

«Во как! — Хемерсбрандт, пряча секундную растерянность, почтительно склонился: почему-то практически все разумные расы галактики воспринимали это как вежливое приветствие. — Свайги сами отдаются под наше начало! Это новость!»

— Доминанта Земли благодарна Галерее Свайге за помощь! — Дежурные слова из кодекса высших рас сами собой всплывали в памяти, хотя союз был мертв уже много лет. Оказывается, ничего не забылось. — Ваша роль в сражении уточняется экспертами, подождите немного. Финишируйте и стабилизируйте корабли клана. Каналу связи с вами присвоен приоритет «ноль». Глубины, адмирал!

Свайг понимающе пошевелил гребнем. Корабли его клана продолжают и продолжают выпадать из-за барьера — их уже больше семидесяти.

— Сэр, начштаба Рудовски! Очередной видеостолб.

— Тим, спецзаградитель «Гром» к операции готов! — бодро доложил Рудовски. — Прикажешь начинать?

В предбоевой суматохе командующий едва не забыл о капитане Фокине, то бишь лейтенанте... как его там? Лейтенанте Хмелевом, вот. И о его миссии точечной заброски в атмосферу Табаски. Конечно, пусть начинают...

— Приступайте, удачи вам!

— Есть, — кивнул Рудовски и тут же исчез.

Хорошо командующему флотом, если у него толковый начальник штаба!

Время, остающееся до решающей схватки, стремительно таяло. Вот-вот в системе звезды Пронг-30 схлестнутся силы мятежной Тсурры и возрожденного союза. Союза неясно пока скольких рас — по крайней мере шат-тсур и оаонс из союза двенадцати высших заведомо выпали.

А когда две могучие, под завязку налитые энергией армады обрушат друг на друга всю мощь бортового оружия, даже вакууму станет жарко.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

По виду адъютанта Унве сразу понял: произошло нечто малоприятное.

— Говори! — велел он сухо.

Гневаться на адъютантов — дело настолько же бессмысленное, насколько распространенное. Верховный шат-тсур никогда попусту не злился на тех, кто лишь транслирует его волю реальным исполнителям. Ну в самом деле — что может адъютант? Только точно и полно выполнить свою работу. Принять распоряжения, передать их. Принять доклады, внятно и без задержек довести их до Унве. Поэтому

император (пора уже привыкать к этому титулу!) никогда не вымещал злость на слугах, будь это адъютант, принесший дурные вести, или угол стола, о который больно ударился коленным сочленением.

Адъютант машинально поклонился и, даже не прикоснувшись к браслет-терминалу, сообщил:

— Шатта, флот хомо оказался примерно в шесть раз больше, чем мы предполагали. Корабли хомо как-то сумели финишировать группами в единичных финишных сферах. По-видимому, это какая-то новая технология межзвездных прыжков. Кроме того, им на помощь явилось довольно большое соединение союзников — свайгов.

— А что наши силы?

— Финишируют вот-вот; если все финишируют без потерь, у нас все равно намечается более чем полуторное численное превосходство. Правда, внушают опасения два мегадестроера свайгов...

— Мегадестроеры? — Унве не сумел скрыть удивление. — Эти реликты еще не протухли насквозь в союзных доках за полтысячи лет?

— Боюсь, что нет, шатта, Никакой информации о расконсервации кораблей этого класса ранее не поступало. Видимо, Галерея, невзирая на фактический роспуск, успела запечатать несколько тайных нор. И теперь уцелевшие сугаро-зы рвутся в бой.

— Птичья пожива! Так мы можем и сдать позицию! — Унве заметно обеспокоился. — Резерв в дело! Окончательно закрыть вторую планету Замххад, в двойную, а понадобится — и тройную сферу!

Впервые адъютант увидел торопящегося Унве. Унве, который не впадал поминутно в задумчивость, а тараторил, как молодой шьюцу.

— От Урву ничего нового?

— Хомо по-прежнему не найдены. Такое впечатление, что они провалились сквозь землю, шатта! Был взят в плен один из туристов, перевертыш-оаонс. Он настаивал на аудиенции у Шатом Урву...

— Так пусть получит ее! — раздраженно перебил верховный шат-тсур. — Мало ли какая у него может иметься информация!

— Аудиенция уже состоялась, шатта! Туристом оказался военный атташе с Багурикса Нути-Нагути. Последнее, как вы, наверное, догадались, — псевдоним. Под ним атташе инкогнито совершал охотничий тур во время отпуска.

— Атташе? Хм... И он был одним из этих пресловутых туристов? Я должен немедленно поговорить с ним!

— Канал связи готовится, шатта... Как только он будет готов, я тут же сообщу.

— Силам десанта: отмена приказа о захвате хомо живыми. Только искатели, и при условии, что они не попадут в руки союза, могут остаться в живых. Накрыть район поисков полем и поставить полную технблокаду! Полную!

— Осмелюсь напомнить, шатта, что одиночный крейсер без поддержки с орбиты (а сейчас мы не сможем лишать орбитальную армаду энергии) контролирует пятно диаметром самое большее сто килоун. Поиски хомо ведутся вне означенного пятна, в районе, отстоящем от текущего эпицентра не менее чем на двести килоун...

— Так пусть перебросят крейсер! — Унве раздражался все больше и больше. — Или, кроме меня, стратегов в империи больше не осталось? И первичную базу пусть эвакуируют, какой с нее нынче прок?

— А что делать с пленными?

— Мне все равно, что сделает с пленными Урву! Мне нужны только искатели! Только! Хотя бы один! В любом виде — живом, обморочном, в виде поддерживаемого мозга, в виде матриката на любой носитель! И — главное! — как только искатель этот будет захвачен и доставлен на крейсер, вся остальная армада обязана обеспечить крейсеру коридор для разгона и старта. Пусть даже ценой уничтожения армады!

— Слушаюсь, шатта, — пробормотал адъютант, не в силах отнять руку от браслета.

Адъютант хорошо понимал, что гнев великого обращен вовсе не против него. Но моральное давление Унве было столь велико, что даже верный его каждодневный слуга испытывал чудовищную вину за нерасторопность соотечественников на Табаске; за то, что какие-то искатели и туристы день за днем прячутся в лесах и обманывают едва ли не лучшие элитные десантные части империи. И задачей адъютантов Унве было выплеснуть этот гнев и это моральное давление на командующего десантом.

Связь с командирами флотов верный слуга вывел на рабочий стол Унве без всякого приказа. И принялся поочередно опрашивать коллег-адъютантов Шата Урву — их начальник последнее время стал чересчур уж трудноуловим. Совсем как пресловутые

искатели. Впрочем, адъютанты Урву тоже умеют транслировать гнев нового императора, даже если не испытали его лично. Такая уж у адъютантов служба.

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Пронг-32 (Табоско), доминанта Земли

Антигравы включались автоматически, когда пространственная свистопляска в крошечной финишной сфере уже не представляла непосредственной опасности для жизни и дополнительный силовой кокон точечной заброски истаивал на манер ледышки в микроволновке.

Хмелевой-Фокин распластался на потоке; лес приближался с пугающей быстротой. Но антиграв дело знал: чем ближе поверхность, тем сильнее противодействие тяготению. Тело сдавило, будто на глубине. На миг потемнело в глазах, но тренированное сердце быстро восстановило необходимый кровоток.

Финиш.

Хмелевой-Фокин с шелестом продрался сквозь сплетение ветвей, упал на почву и несколько раз перекатился. Потом выпростал руку из-под туловища и погасил антиграв.

Совсем рядом с чмоканьем упокоилось в луже первое оружие; спустя пару секунд, методично отсекая толстые ветки с кудрявого деревца, упало второе.

Разведчики приземлялись один за другим.

Вскоре к Хмелевому-Фокину приблизился командир разведчиков – линейный капитан Оттмар Эберхартер. Разведчики высаживались чуть раньше троицы спецов – канонира Хмелевого, кибернетика Туума и мнемотехника Гридасова. На самом деле все трое имели по несколько имен, фамилий и профессий и по большому счету работали на военную разведку. О том, что миссия представляет собой не просто тривиальный разведрейд, знала лишь эта троица и Эберхартер. Рядовые пехотинцы не подозревали ни о чем.

– Как сели? – поинтересовался Хмелевой. Точечная заброска в атмосферу была дебютом даже для взвода сорвиголов Эберхартера.

– Нормально. Два ушиба и вывих. Боевая готовность взвода – сто.

– Отлично. Тогда по плану, капитан... Если возникнет необходимость – я внесу коррективы. Орудия, кстати, будут готовы к маршу через несколько минут.

– Понял. – Эберхартер не склонен был жевать резину и задавать лишние вопросы. Поэтому он повернулся и растворился в зарослях.

Хмелевой, Туум, Гридасов и настоящий канонир Ласло Шаматари быстро и сноровисто перепаковали орудия из финишного состояния в маршевое. Рядом с ними один из пехотинцев поправлял эластичную повязку коллеге, а коллега тем временем сканировал окрестности.

Команда «Марш!» прозвучала через четыре минуты. Высажен-ная группа – одиннадцать пехотинцев-солдат, капитан Эберхартер, трое разведчиков, притворяющихся спецами, канонир и затребованный Хмелевым полевой врач – помчалась сквозь джунгли со скоростью, которой позавидовали бы матерые многоборцы.

Путь их лежал на юг. К океанскому побережью, от которого группу отделяло пятьдесят километров бездорожья. Они могли бы использовать подвижную платформу, но тогда пришлось бы взмывать над лесом, а Хмелевой-Фокин это пока начисто исключал.

Ночь только-только началась.

ЭКЗОТИК-ТУР И ЭКИПАЖ ПОИСКОВОГО РЕЙДЕРА «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Катер с сухим шелестом ткнулся носом в песок и застыл, Не дотянув до суши метра полтора.

– Приехали, – сказал Акоп Подолян и совсем по-детски шмыгнул носом. Он еще не знал, что живет последние часы.

Скотч вместо ответа молча выпрыгнул за борт. Солянка, Хидден, мистер Литтл и Цубербюллер последовали за ним.

Вода была холоднее, чем в реке, зато дно чище и совершенно не топкое. Море есть море — Скотч с удовольствием ступал по песочку, не опасаясь провалиться в невидимый омут. Дно прекрасно просматривалось, вплоть до ударающей из-под подошв живой мелочи.

Катер вытянули-вытолкали поближе к берегу, но с носа все равно приходилось сначала прыгать в воду. Семенов с добровольными помощниками уже вытаскивали поклажу из трюма на палубу, включали антигравы в походное положение. Без спешки, без ненужной суеты. Похоже, команда уже настолько привыкла к постоянно нависающей над нею опасности, что мысли об этой опасности перестали вызывать дрожь в коленках.

Выгружались недолго — гида перед туром натащили гостей на совесть. А искатели, разумеется, отлично управлялись со своей частью груза и транспортным оборудованием. На все про все ушло около пяти минут — местных, десятичных.

— Что с катером делать? — спросил Скотч у Семенова, когда закончили.

— По-хорошему его следовало бы затопить, — задумчиво отозвался тот. — Хотя с крейсера его все равно засекут и под землей, не то что на дне у самого берега. Скотч некоторое время соображал — это рекомендация к действию или просто мысли вслух?

Оказалось — второе.

— Фиг с ним. — Семенов махнул рукой и поднырнул под свой рюкзак. — Пусть стоит. Не будем тратить время попусту.

— Как скажешь, — вздохнул Скотч и натянул ноктовизор на глаза.

— Ну, что, двинули? — подал голос Плужник, еще на катере выдававший признаки нарастающего нетерпения.

— Двинули, — подтвердил Семенов.

Скотч кивнул и направился прочь от моря, увязая в песке. Но пляж был не очень широким: метров пятьдесят. Дальше вставал лес. Обычный дикий лес... лишь слегка тронутый тер-раформированием.

Да. Экзотик-тур с военными действиями Скотчу и в страшном сне никогда не грезился. А что получается? Которую ночь кряду, приходится с ружьем в руках топтать через привычные леса и ежесекундно ожидать атаки десанта скелетиков. Воины из последних, положила руку на сердце, никудашные, раз кучка гражданских умудрилась разогнать почти четыре десятка оных воинов. Однако, с другой стороны, — не будь в группе Семенова, кто поручится за аналогичный результат? Может, это как раз Семенов всех разогнал. Но, опять же, а как тогда мистер Литтл и его подвиги? Тоже ведь в одиночку положил целую группу. Не без везения, конечно. Но везет всегда сильнейшим — истина постарше, чем мир..

Да и вообще Скотч никак не мог взять в толк, что с ними всеми происходит. Тот факт, что все до единого до сих пор Живы и практически невредимы, — это везение или закономерность? Цепочка удивительно счастливых совпадений и обстоятельств или итог командного духа и человеческой стойкости?

Семенов, наверно, такими вопросами не задается. Что ему... У него все просто. Вот враг — его нужно убить, перехитрить, заморочить. Вот друг — его следует поддержать, а придется — и на себе тащить. Через «не могу». Вот загадка — ее следует разгадать. Вот река — ее следует форсировать. Вот катер — его следует затопить, но поскольку даже надне его легко обнаружат с орбиты, то черт с ним, не будем терять время. Пусть себе торчит на виду непотопленным.

Этот житейский примитивизм иногда поражал Скотча. Ну не может же быть, что разведчик, прикрывающийся безликой фамилией Семенов, и впрямь такой простак! Наверное, он и не был таким простаком. Но настоящего Семенова стерли после первого же задания. Остался вот этот странный примитив, добрый к своим и беспощадный к чужим. Знающий самые странные мелочи и не помнящий детства.

Человек, у которого отняли почти все, а взамен дали только умение не останавливаться и право не сомневаться.

Он сам не знает, как ему, должно быть, тяжело и пусто. Наверное, поэтому Семенов и не унывает. А если ему станет тяжело, если все, что он увидел и узнал на этот раз, тяжким грузом ляжет ему на душу... что ж, Семенова сотрут снова. Оставив только сноровку в обращении с оружием да знание повадок шат-тсуров. А память об этом в высшей степени экзотическом туре — сотрут. И Скотча — сотрут. Всех сотрут. Ибо тот, для кого окружающие становятся больше чем просто человеческой функцией, сразу же делается легкоуязвимым. А разведка не может позволить своим сотрудникам стать уязвимыми.

Скотч шагал сквозь лес, привычно фиксируя каждое движение, каждый подозрительный звук. И думал. Он вел всю команду — и товарищей-гидов, и спасателей, и завхоза

Литтла, и не совсем туристов Семенова и Валю Хилько, и советника с Фалькау, и настороженных, так и не расслабившихся искателей. Всех. Жизнь и судьбы группы все время зависели и от него тоже. Собственно, так всегда бывало и прежде, но прежде приходилось оберегать туристов от безобидных, зачастую — самостоятельно придуманных и лично осуществленных трудностей. А последние дни все вдруг стало слишком всерьез, без дешевых игр и легких шуточек.

Это выматывало. Изнуряло. Это начисто лишало сна и спокойствия.

Примерно через местный час Семенов обогнал основную группу и сел на хвост Скотчу.

— Ты вверх не смотрел там, на берегу? — осведомился он негромко.

Когда группа покидала песчаный пляж, как раз зажигались первые звезды.

— Нет. А что?

Скотч уже привык, что Семенов никогда не заводит разт говор просто так, ради разговора: Если заводит — ему есть чем поделиться.

— Да так... Много новых, весьма подвижных звезд. На Орбите чья-то армада. Раньше ее не было видно.

Скотч невольно задрал голову, но ветви заслоняли ночное небо. Едва не споткнувшись, Скотч вынужден был снова уставиться под ноги.

— Ты говорил кому-нибудь? — спросил он уныло.

— Пока нет. Зачем?

— Действительно... Зачем?

Скотч покосился назад. Следующая третьей Патрис Дюзль немного отстала и была поглощена исключительно тропой. А значит — ничего не слышала.

— И не говори пока, — добавил Скотч убежденно.

— Ладно, — легко согласился Семенов. — Знаешь, Вадим... Я человек не суеверный. Но этой ночью что-то случится. Я чувствую.

— Что чувствуешь?

— Не знаю. Не могу объяснить. Что-то вокруг... изменилось.

— Это как-то связано с нашим отрядом?

— Вряд ли. Скорее это связано с окружением. Скотч немного помолчал.

— Я тоже не суеверный, Володя. — Чуть ли не впервые гид назвал Семенова по имени. — Но я очень серьезно отнесусь к твоим словам.

— Спасибо.

— Не за что.

Семенов улыбнулся, хотя Скотч этого и не видел.

— Почему не за что? Очень даже есть.

В следующий миг они замерли. Вдалеке, где-то над лесом, родился низкий вибрирующий звук. Он растекался по сторонам — давящий, в чем-то зловещий и торжествующий.

Скотч сделал знак рукой, и вся следующая за ним цепочка сразу же послушно замерла на тропе.

— Дьявол! — тихо ругнулся Семенов. — Накаркал! Это гравифлифт десантного бота.

— По наши души? — тревожно уточнил Скотч.

— Не сомневайся.

— Что будем делать?

— Не знаю. Но искателям хочется пробраться на космодром и попытаться захватить корабль.

— Зачем же они свой-то тогда бросали? — запоздало удивился Скотч.

— Затем, что раньшеверху не было армады, Вадим. А сегодня — есть. Искатели ее тоже видели там, на пляже.

— Но ведь космодром охраняется! — свистящим шепотом сказал Скотч. — Там сотни шат-тсуров!

— Здесь вскорости будет не меньше, — пожал плечами Семенов. — Пойми, я потому и не спорил против твоей идеи пробиваться к космодрому. Это единственное место, где нам с ненулевыми шансами светит захватить корабль. Если попытаемся просто отсидеться в лесу... Поверь, после драки там, на орбите, не останется не то что Табаски — я сомневаюсь, что уцелеет Пронг.

Скотч совершенно ошалел от новой информации.

— Да пусть мы даже захватим корабль. Кто позволит нам взлететь? — спросил он безнадежно.

Но Семенов вопреки его ожиданиям только отмахнулся:

— Будем мы еще спрашивать! Не дрейфь, Вадим, такой наглости от нас никто не ожидает. А посему — может и получится. Если сработаем четко, сообща, слаженно и

без манд-ража — есть шансы, и неплохие. Только нужно обойти цепь. Есть идеи, как это сделать? Исключая перестрелку, до этого я и сам додумался.

— А у нас есть шансы в перестрелке?.

— Никаких. Второй раз обмануть себя скелетики не позволят. Но это только в одиночку. Если вмешается еще кто-нибудь — тогда возможно все. Кстати, на суматоху с титано-донами рассчитывать, похоже, не приходится. Скелетики их уже завернули.

— Жаль...

Скотчу вдруг пришла в голову интересная мысль. В другое время он не стал бы такую крамольную чушь произносить вслух, но после вываленной Семеновым информации у гида вдруг совершенно отключились тормоза. Он просто принял к сведению факт: Семенов способен на все, какими бы абсурдными ни казались его действия. А значит, следует озвучивать все, что приходит в голову. Совсем все.

— Слушай, — протянул он, изображая задумчивость. Только изображая — в голове сделалось пусто и гулко. — Если там звучат гравифифты... Давай захватим десантный бот? Кто его, кроме пилотов, охраняет?

— А бес его знает — кто, — отозвался Семенов. — Я как раз над этим думаю. Обойти бы десантуру... А они в камуфляже, поди.

Он ненадолго задумался. Потом поднял голову.

— Идти надо! Время идет. Десант пока далеко. И, чую, придется нам разделяться.

— Разделяться? — удивился Скотч.

— Да. Искателей нужно уводить любой ценой. Даже ценой жизнью туристов.

— Да ты что, обалдел? — Скотч возмущенно обернулся. — Я за жизни туристов башкой отвечаю!

— Вадим, на другой чаше весов — жизни миллиардов. Под угрозой вся доминанта Земли, иначе скелетики такими средствами жалкий семиместный рейдер не ловили бы.

— За миллиарды я не в ответе. А за них, — Скотч кивнул на группу ожидающих команды «Марш!» туристов, — очень даже.

— Да не дергайся ты. — Семенов поморщился. — Я не предлагаю тебе пристрелить их тут же, на тропе. Речь всего лишь о том, что искателям и кому-нибудь из твоих, лучше всего — тебе, в бой ввязываться не стоит. Остальные постараются максимально занять скелетиков, тем более что огульно палить они не смогут, им нужен хотя бы один живой искатель.

Семенов на глазах ожил: явно у него вызревал какой-то предварительный план. Он трусцой вернулся к группе, сграбастал за рукав Тахира Плужника и увлек бригадира искателей за собой, к Скотчу.

— Вот чего, — предложил он. — Нужно, чтобы комбинезоны искателей надел кто-нибудь другой. Тетки — хрен с ними, скелетики вас троих ловить будут, если не дураки. Так оно... Спокойнее, что ли. А? Что скажете?

Тахир холодно взглянул Семенову в глаза.

— Ты прав, — сухо сказал он, поразмыслив. — Но комбинезон искателя повышает шансы на выживание в случае заварушки. Поэтому Вася и кадет останутся в них. А мы с тобой, так и быть, поменяемся.

— Мне нельзя, — буркнул Семенов. — Я ж скелетиков в первых рядах колошматить буду.

— Нет уж, — отрезал Плужник и принялся сбрасывать рюкзак. — Если кто и способен вывести моих, так это ты, лиса. Раздевайся.

— Если кто и способен вывести твоих — так это он! — Семенов кивнул на Скотча. — Так что ему говори! Скотч задумчиво склонил голову набок:

— Спасти меня хочешь, что ли? Во! — И показал Семенову полновесный интергалактический кукиш. — Сам раздевайся! Семенов снова задумался.

— Детский сад! — пробурчал он несколькими секундами позже. — На нас уже коллеги косятся!

Группа и впрямь пялилась на излишне оживленное совещание.

— Ладно! — фыркнул Семенов. — У нас есть запасные туристские комбезы. Надевайте, и без фокусов! Все трое! И теткам своим тоже прикажи!

Плужник оценил новое предложение.

— Вот это мне нравится больше! Давайте ваши комбезы. Сравняемся все! Это честнее.

На переодевание ушло минут пять. От внимания Скотча не ускользнуло, что Семенов самым тщательным образом проследил, куда упаковали искательскую одежду. И — вот умеют ведь люди! — сделал это на удивление ненавязчиво. По крайней мере Скотчу показалось, что Плужник и остальные искатели не обратили на это внимания.

После они пошли дальше на север, немного отклоняясь к западу. Именно там лежала захваченная чужими турбаза. Смутные огни висящего над нею крейсера иногда проступали сквозь редкие просветы в листве. В такие моменты Семенов все время глядел на небо, на целые созвездия новых ярких звезд и тихо шептал: «Ну же? Ну где же вы, черти вас побери?»

И Скотч окончательно понял, что Семенов опять многого недоговаривает. И что Семенов ждет чего-то от кораблей там, наверху. Но чего? Начала схватки, в надежде, что десант и оккупанты с турбазы уберутся на крейсер, а крейсер — из атмосферы? Или подмоги от своих? Семенов молчал, Скотч понимал: спрашивать бесполезно. Поэтому тоже молчал, лишь мучился бесплодными загадками.

В голову цепочки Скотч заслал Валти и Солянку. Хиддену велел прикрывать левый фланг, а сам шел правее группы, ни на секунду не расслабляясь. Мистер Литтл и пока еще не пришедший в полную норму Жбан, оба без поклажи, замыкали Марш. Во время короткого привала после очередного часа к Скотчу подкатил советник Паулиста и вкрадчиво попросил его выслушать. Скотч сначала согласился, но как только услышал, что советник предлагает поручить ему переговоры с командованием шат-тсуров, тут же прервал его и отослал на место, в середину группы, рядом с искательшами-научницами Виолой и Региной и четой Ботов.

А в самом начале третьего часа марша — началось. Как водится — быстро и неожиданно, невзирая на неусыпное внимание дозорных. Коротко и предупредительно вскрикнул кто-то впереди, кажется, Валти, и без паузы началась пальба. Совершенно сумасшедшая.

Лес впереди и левее Скотча разом расцвел тусклыми множественными вспышками. Поскольку лучшие ноктовизоры, искательские, отдали Семенову и следопытам, Скотч довольно быстро увидел скелетиков. Их было много, несколько десятков, и, похоже, с запада и востока на подмогу спешили еще.

Скотч упал, вскидывая ружье. Хотел сначала избавиться от рюкзака, но тот был отрегулирован в ничтожный вес и почти не стеснял. «Пусть, — решил Скотч. — Меня легче заметить, зато и спину может в решающий момент прикрыть».

Не свернутая, а сложенная в несколько слоев палатка действительно могла от многого защитить. Не от лучемета, конечно... Но от легкого плазменника на минимуме мощности — почти наверняка. А уж от ножа или парализатора — так точно. Группа ответила дружным и на удивление плотным огнем, хотя уже кто-то кричал от боли или испуга. Скотч остервенело палил по смутным, нечетко видимым фигуркам, с удовлетворением замечая, что многие падают и уже не встают.

Семенов заранее всем растолковал, куда следует целить десантнику шат-тсуру, если дело дойдет до перестрелки. Сначала в голову. А потом — в область шеи. Точнее, места, где голова чужаков соединяется с дырчатым туловищем. «Убить с первого выстрела скорее всего не убьете, — наставлял Семенов. — Но навигацию и прицельные контуры боевого шлема повредите наверняка. А там уж...»

Чего «а там уж» Скотч сейчас испытывал на себе.

Скелетики сначала палили довольно активно, но вскоре, видимо, вспомнили, что некоторых туристов-искателей все-таки нужно сохранить живыми. И едва это произошло, там, впереди, в самой гуще вдруг началась какая-то неясная возня. Подлесок зашевелился, как живой, на Скотча сначала вылетел полуумный от испуга кошкун, а потом Солянка с перекошенным лицом. Странно, но врагов Скотч видеть перестал.

Солянка призывно замахал рукой:

— Уходим! Да живее ты!

Кто-то из коллег уже уводил группу на запад. Скотч видел, что некоторых поддерживают, а некоторых просто несут. И что он один-единственный остался с рюкзаком за плечами.

Едва он вскочил, впереди, в кустах, что-то полыхнуло, а мгновением позже оглушительно бабахнуло. Градом посыпались ломаные ветки, труха и рыхлый приморский псевдолёс.

Они с Солянкой что есть сил помчались вслед за группой, как попало продираясь сквозь заросли и сигая через преграды, и тут сверху джунгли накрыло ослепительным белым светом. Мир стал нестерпимо контрастным, до рези в глазах, и пришлось экстренно сдвигать ноктовизор. Но и без него Скотч чувствовал себя ослепленным; кроме того, если бы кроны частично не прикрывали от потоков этого безжалостного света, стало бы светло как днем.

Свет оглушил: Скотч не сразу понял, что над лесом просто завис один из вражеских кораблей и направил вниз осветители.

«Ну сейчас накроет!» — панически подумал Скотч, прикидывая, какая бомбообразная гнусность может отыскаться у скелетиков в корабельных загашниках. Но нет: свет из ослепительного белого неожиданно стал ярко-алым; бабахнуло снова, но не рядом, а вверх; родился и умер чудовищный рев, из-за которого совершенно неслышанным остался чудовищный треск, и корабль со всеми положенными шумовыми и зрительными эффектами скovyрнулся вниз. На джунгли. К счастью, метрах в ста позади Скотча и Солянки и еще дальше от основной группы.

В спину нещадно пихнуло; Скотч, потеряв из виду коллегу-спасателя, царапая и раздирая о ветки лицо, полетел вперед, совершенно невзвидя света и тьмы. Будто выпущенный из пращи камень. Спине стало очень тепло.

О древесный ствол его, вопреки ожиданиям, не приложило. Зато о землю приложило так, что ёкнуло аж в селезенке. Чувствуя во рту противный солоноватый привкус, а в ушах неприятный гул, Скотч проехался по подлеску и уперся в пышный куст жимолости. Кровь гулко грохотала в висках.

Потом все, кажется, повторилось: еще один корабль шат-тсуров упал, но на этот раз заметно дальше. Там, откуда они с Солянкой только что сбежали, снова поднялась стрельба, и Скотч запоздало понял: это, видимо, и есть те, кого так ожидал хитрюга и тихушник Семенов. Подмога. Скорее всего сверху, с орбиты, поскольку подмоге больше неоткуда было взяться. Снова возник Солянка; лицо у него было в крови, и еще спасателя сильно шатало.

— Вставай! — просипел он и принялся тянуть Скотча за одеревеневшую от удара о землю руку.

Каким-то чудом Скотч сумел подняться. Его тоже сильно повело вперед, и Солянка зачем-то, едва не вывихнув Скотчу плечевые суставы, содрал со спины шефа рюкзак. Откуда-то появились Семенов, Цубербюллер, Патрис, остальные спасатели и, что Скотча очень удивило, советник Паулиста. Все с ружьями наперевес, даже Жбан.

— Целы? — прошипел Семенов. — Живее!

Скотч привычным движением нашарил висящий на шнурке ноктовизор и приладил его к глазам. Ружье Скотч, оказывается, выронил, но не во время бегства, а уже здесь, от удара о землю. Поэтому оно нашлось рядом. Или оно упало, когда Солянка сдирал со Скотча рюкзак? Впрочем, не важно!

Соображалось плохо.

Они снова долго бежали через лес, на этот раз группой; справа тоже кто-то бежал. Скотч узнал Валти и Литтла. А секундой позже лицом к лицу столкнулись с длинной шеренгой шат-тсуров. Боевой камуфляж ни у одного не работал, Поэтому Скотч видел всех вполне ясно.

И сразу исчезло время. Как в бреду и тумане, Скотч направлял ружье и стрелял; направлял и стрелял. Кто-то рвался навстречу, кто-то падал рядом, кто-то кричал; шипели и хлопали выстрелы, сухо трещали биопарализаторы. А вверх, далеко вверх (кроны деревьев по неизвестной причине больше не заслоняли небо), плыли и плыли десятки и сотни ярких-преярких звезд, чертя на лице ночи контуры невиданных созвездий.

Некоторые из звезд гасли. А некоторые вспыхивали ярче, чтобы на короткое время превратиться в небольшую туманность и лишь после этого угаснуть.

Очнулся Скотч от удара по щеке.

Он лежал на спине и глядел в небо, ставшее из угольно-черного иссиня-черным. Ноктовизора на глазах больше не было, зато руки сжимали теплое, почти горячее ружье. Что-то больно давило в спину, где-то рядом трещал живой огонь — его звук ни с чем не спутаешь, — но горело не дерево, горела явно пластмасса. Поэтому мерзко воняло.

— Вот он! — обернувшись, сказал тот, кто хлопал Скотча по щеке.

Скотч узнал Цубербюллера. Образцовый турист был похож на погорельца, только что покинувшего дотлевающий дом. Лицо перепачкано, комбинезон тоже, волосы всклокочены.

На зов тут же явился Семенов; выглядел Семенов ничуть не лучше. С ним пришли два здоровенных лба, упакованных в какую-то мудреную милитаристского вида амуницию. Семенов склонился над Скотчем:

— Жив, Вадим? Ты как?

Скотч с трудом облизал растрескавшиеся губы и выдавил:

— Спасибо, хреново. Где все? Семенов неопределенно махнул рукой;

— Там. Кто уцелел.

— О! — пробасил вдруг один из лбов. — Вот наш капитан! С помощью Цубербюллера Скотч сел. Тело словно сквозь мясокрутку пропустили — болело все, что могло

болеть, и все, что болеть никак не могло. И тем не менее болело — даже ботинки и комбинезон, к слову сказать, перепачканный ничуть не меньше, нежели у остальных.

— Где группа? — спросил Семенов и болезненно закашлялся.

Цубербюллер опустил глаза, зыркнул на Семенова и тихо сказал:

— Вот.

— И все? — похолодел Скотч.

— Ну... Еще Валя Хилько жива, Патрис и Тентор Бот. Орнела ранена. Врач сказал, что может выжить.

— А...

— Жбан убит, — перебил Цубербюллер. — Остальные ваши ранены. Солянка легко, Валти средне. Литтл с Хидденом — сам не знаю.

— А искатели?

— Главный убит, штурман ранен. Веселов и советник целы. Что с научницами — даже не знаю, они остались с первыми ранеными.

Скотч свесил голову на грудь и с трудом подавил желание беспомощно выругаться. В ушах продолжало противно гудеть, а в голове пульсировала тупая всепроникающая боль. Мысли путались и замирали.

Вот и сохранил группу. Вот тебе и столько дней без единой жертвы. Вот тебе и командный дух и никудышные воины-шат-тсуры.

Отчаяние захлестывало душу, как штормовые волны припоздавший катер.

Семенов тем временем завел разговор еще с двумя подошедшими вояками-людьми. Один из первых козырнул и доложил на англике:

— Это тот, о котором вы предупреждали, сэр!

— Хорошо, Майки, — отозвался тот. — Я — капитан раз-ведроты, мобильная пехота, военно-космические силы доминанты Земли. А это наш... э-э-э... канонир.

Общайтесь, не буду мешать.

И обернулся к своим молодцам:

— Майки! Чак! Готовить платформу! Разведчики-пехотинцы тут же растворились в наползающем предрассветном тумане.

Действительно близился рассвет.

— Семенов? — спросил канонир.

— Семенов, — подтвердил Семенов.

— Отлично сработано, коллега! Полковник Попов тобой чрезвычайно доволен. Без дураков! Наверху о ваших подвигах на Табаске уже легенды ходят.

При упоминании полковника Попова Семенов мгновенно подобрался; откуда-то сразу проступила военная выправка.

— Ладно, — продолжил «канонир». — Все потом. Теперь мы должны вывезти искателей. Разведка готовит платформу» до космодрома домчим с ветерком.

— А... Сколько нас теперь?

— Нас? — «Канонир» повертел головой. — Семнадцать человек и два орудия. Ну, плюс уцелевшие из спасателей и туристов.

Семенов едва не отвесил челюсть:

— Всего семнадцать человек?

— А что? — не понял «канонир». — Мало?

— Турбазу охраняют...

— Никто ее больше не охраняет. Шат-тсуры эвакуируются, . Крейсер вот-вот уйдет со стационара. И мы должны успеть тоже эвакуироваться, пока планету не разнесут на камешки.

— А разнесут?

— Как только командующий вторжением доложит императору, что искателей он не захватил, император тут же решит, что искателей лучше уничтожить вместе с их тайной и с планетой заодно. По принципу «не вам и не нам».

— А вдруг командующий уже доложил?

— Не доложил. Иначе планету уничтожат вместе с командующим и этим чертовым крейсером.

Скотч слушал, затаив дыхание. Даже отчаяние понемногу отхлынуло.

Все еще далеко не закончилось.

— Но времени мало, Семенов...

Словно подслушав его, из тумана донеслось приглушенное:

— Платформа готова!

— Пошли! — без промедления отреагировал «канонир».

Цубербюллер, тоже молча внимавший разговору, помог Скотчу подняться.

Какое-то время ушло на то, чтобы собрать всех уцелевших и убитых. Убитых подобрали не всех — не нашли Воронцова, Фаусто Аркути и Жбана. Искать по затянутым сырým туманом кустам не оставалось времени. А уже на платформе «канонир», Семенов и один из разведчиков переоделись в комбинезоны искателей. Семенов безошибочно подсказал, из какого рюкзака их достать.

ЭКЗОТИК-ТУР

Пронг-32 (Табоска), доминанта Земли

Едва наметился рассвет, МакГрегори, Тамура и Сериал покинули спасительную переночуйку. Как и условливались накануне. Невзирая на ясную ночь, утро снова выдалось сырое и туманное. Сориал все время зевал да ежился. На крыльце МакГрегори протянул Тамуре бласт:

— Держи. Все равно ты с ним ловчее всех... Тамура молча принял оружие и сунул за пояс. Последние дни на охоте он привык к этому старомодному куску металлопласта, к этому ладному импульснику с лаконичным девгг зом на рукоятке. «Смерть или слава», «Death or Glory». На двух самых распространенных языках землян, русси и англике. Тамура много размышлял: кому принадлежал бласт в прошлом? Скольким принес он смерть и скольким славу? И скольким — и то и другое? Жаль, что оружие неодушевлено. Оно многое могло бы рассказать о хозяевах, которых — обычно переживает, человека за человеком. Вот этому бласту лет пятьсот, не меньше. Наверняка им владели десятки людей. Наверняка бласт вплетался в десятки судеб и наверняка что-то менял в них.

Но кто расскажет эту, без сомнений, захватывающую историю? Скорее всего никто. Разве потом директора турбазы поспросить, Вадима? Да только жив ли он еще? А если жив — то знаком ли с историей старого бласта? Вполне возможно, что и нет — бласт мог попасть к нему чисто случайно. Как к недавним диспетчерам маленького окраинного космодрома.

Тамура всегда серьезно и уважительно относился к оружию. Тем более — оружию старому и заслуженному. Его далекие-далекие предки тоже уважали оружие, еще не огнестрельное, а холодное. И споры между воинами того времени часто разрешались лишь демонстрацией оружия: тот, у кого меч был хуже, заранее признавал поражение. Во всяком случае, так рассказывали легенды.

Увы. Те времена давно минули. Теперь в моде выстрелы в спину, из-за угла. Выстрелы в безоружных — если у них есть что отнять. Вторжение на Табаску — суть тот же выстрел в безоружного, только заметно масштабнее.

Тамура против воли сцепил зубы. В целом он был добрым человеком, но прощать агрессора не умел.

— Зевай потише! — шикнул на Сериала МакГрегори. — На весь лес подвываешь!

Жорж послушно клацнул челюстью и зажал рот рукой. Переночуйка быстро растворилась в густом тумане. Тамура уверенно вел товарищей сквозь лес, прямо к месту предполагаемой посадки рискованного корабля. По предварительным прикидкам, нужно было пройти километров десять — двенадцать; это двадцать — двадцать пять килоун. И затем — расходиться. Ибо все трое прекрасно понимали: обнаружить корабль будет даже не просто. Скорее, практически невозможно. Собственно, больше они уповали не на собственную наблюдательность, а на то, что пожаловавшие смельчаки сами их обнаружат и решат пообщаться. Подобное представлялось куда более вероятным.

На фоне звуков утреннего леса далекий басовитый гул прозвучал очень чужеродно и отчетливо. Тамура сразу же встал будто вкопанный. Остальные тоже.

— Что это? — прошептал Сориал.

— Кажется, на космодроме. — МакГрегори повертел головой. — В том стороне, точно. Туман только-только начал рассеиваться.

— Блин, — пожалел эмоциональный Сериал. — И на дерево не влезешь, не поглядишь. Кругом сплошной кисель.

— Спокойно, Жорж, — осадил его МакГрегори. — Наверное, разведкорзбли скелетов опять стартуют. Тоже гостей искать хотят. Ночь переждали — и на работу.

— Надо дальше идти, — бесстрастно предложил Тамура. — Пронг поднимется, туман рассеется окончательно, тогда и поглядим. Пошли, только время зря теряем.

— Он прав. — МакГрегори легонько пихнул Сериала. — Пошли, Жорж.

Они снова двинулись сквозь волглые заросли.

— Н-да. Чую, сезон дождей в этом году ранний —будет. Туманище... — Сориал с отвращением отодвинул с дороги росистую ветку пальмодендрона.

— Это из-за крейсеров, — не оборачиваясь сказал Тамура. — Прикиньте, как они на проходе баламутят атмосферу. Все устоявшиеся воздушные течения небось сбили.

— Ха, а ведь верно! — почему-то обрадовался Сориал. — Как я сам не допер?

— Лентяй потому что, — пояснил японец добродушно. — Верхогляд.

— Так уж и верхогляд! — Сориал надулся и умолк. Ему и вправду было обидно, что сам не сопоставил ранний туман и проход крейсеров.

Некоторое время шли молча. Туман постепенно рассеивался; сквозь густые заросли все настойчивее и настойчивее пробивались желтые стрелы местного солнышка. Вскоре Тамура остановился у подходящего кедрокдена, прямого, как радиомачта. На космодроме продолжало изредка погромыхивать; издалека это сильно напоминало старт на дторой космической, не для полетов в атмосфере, а сразу для выхода за ее пределы.

— Кто полезет? —поинтересовался МакГрегори. Было видно, что ему не очень хочется.

— Я могу, — с готовностью вызвался Сориал.

— Валяй, — не стал возражать Тамура. — Гляди только не спикируй. А то костей потом не соберешь.

— Не спикирую! — Сориал подпрыгнул, уцепился за нижнюю ветвь и ловко подтянулся.

— Я, если хочешь знать, гимнастикой занимался когда-то.

— Вижу, вижу, пузо твое весьма красноречиво свидетельствует, что это было ну о-очень. когда-то

— Пузо гимнастике не помеха! — донеслось уже сверху из-за листьев.

МакГрегори сокрушенно вздохнул.

Ему всегда импонировала непосредственность и жизнерадостность Сорияа. Жаль, что в сложившейся ситуаяии она была не слишком уместна.

— Ты там смотри, высовывайся не слишком! — негромко крикнул МакГрегори. — Как бы какой-нибудь ретивый скелетик в иллюминатор тебя не узрел.

— Притворюсь обезьяной! — продолжал радоваться житии Сориал,

Некоторое время слышался только шорох, да еще несколько лиственных групп на едином черенке, плавно кружась, упали сверху.

— Слушайте, братцы! — прокричал невидимый Сориал. — А скелетики-то драпают!

— Как — драпают? — не понял МакГрегори.

— А так! Над лесом — ни одного корабля! Все чешут в подбрюшье крейсера или непосредственно в зенит! Я их еле-еле вижу! Да и крейсер, честно говоря, в аврале, огонькоаь втрое против обычного!

— Огоньки еще не означают реальной системной активности... — проворчал скептик МакГрегори. А в следующий момент встретился взглядом с Тамурой. — Что?

— Есть только одна причина, по которой шат-тсуры могут вести себя так. Пришла помощь. И флот скелетиков наверху сейчас будут колошматить.

— Ну, положим, причин больше, — задумчиво протянул МакГрегори. — Хотя ты назвал одну из двух наиболее вероятных.

— Назови вторую, — пожал плечами Тамура.

— Шат-тсуры наконец-то нашли и захватили то, зачем пришли на Табаску. Не знаю, что это, но, судя по их поведению, совсем не обосновываться здесь они намерены. Тамура не стал возражать — и такое развитие событий было вполне вероятным.

— Все посмотрел? — МакГрегори снова повысил голос, обращаясь к Сериалу. — Слезай!

— Угу, — донеслось с дерева.

Вскоре Жорж ловко спрыгнул с нижней ветви и принялся отряхивать штаны.

— Полагаю, таиться больше нет причин. Драпают скелетики, ой драпают!

— Таиться всегда есть причина, — философски заметил Тамура. — Не от шат-тсуров, так от хурмачей или виверн.

— У тебя бласт есть, — легкомысленно отмахнулся Сориал.

— Виверна может и с дерева прыгнуть. А я просто не успею достать бласт, прежде чем она перекусит кому-нибудь из нас плотку.

— Да ну тебя, — насупился Сориал. — Порадоваться не даст.

— Чему радоваться? — проворчал МакГрегори. — На базу сейчас все равно пока не сунешься. Наши — неизвестно, живы? ли. А если живы — неизвестно, отпустят их или в рабство увезут.

— В цивилизованной галактике рабство запрещено.

— В цивилизованной галактике и оккупация планет чужой доминанты запрещена.

—Сериал не нашелся в плане возражений.

— Ладно, потопали, — подвел черту мудрый Тамура. — Гостей все равно поискать стоит. Вдруг скелетики все-таки не уйдут.

И троица беглых диспетчеров снова двинулась сквозь лес. До момента, пока МакГрегори не остановился и полувопросительно не сказал: «Разделяемся?», никто не проронил ни слова. Даже Сориал.

Разделились они на узкой звериной тропе. МакГрегори пошел по ней прямо, Сориал свернул к востоку, направо, дальше от турбазы; Тамура — налево, к западу.

Наткнуться на севший неизвестно чей корабль суждено было Сериалу, но простак Жорж так и не понял, что отыскал именно то, к чему стремились все трое. Выйдя к небольшому лесному озерцу, Сориал ненадолго замер, потом внимательно огляделся. Он не обладал, как Тамура, большим опытом пребывания вне турбазы и космодрома. Строго говоря, в здешних местах Сориал вообще находился впервые. Именно поэтому он не удивился, встретив озеро на месте, где сроду не бывало никаких водоемов. Даже луж в сезон дождей.

— Так-так, — пробормотал Жорж. — Не похоже, чтоб тут кто-нибудь садился. Пойду-ка я дальше.

В одиночестве он чувствовал себя не вполне уютно, поэтому разговаривал сам с собой. Бодрился как мог.

Поверхность озера была затянута местной ряской, там и сям зелеными овалами на воде лежали листья местных кувшинок. Местные горластые лягушки, которых работники «Экзотик-тура» за директорские глаза называли скотчами, активно бултыхались и урчали в десятки голосов. В общем, самый опытный следопыт не заподозрил бы ничего неестественного в этом озере. Тамура удивился бы лишь факту возникновения озера в непривычном месте, да и то скорее счел бы, что сбился с пути и заплутал.

Задумчиво глядя в воду, Сориал присел. Ему показалось, что у самого берега шевелится крупная рыба. Вода в озере была темной, с коричневатым оттенком, что наводило на мысли о вязком илистом дне. А где ил, там и жирная рыба в избытке, это Сориал знал прекрасно. Он как раз размышлял — заняться рыбиной сейчас или на обратном пути. Вдруг уйдет в глубину, спрячется? Но и носиться с малоудобным для транспортировки уловом тоже не очень хотелось.

Сориал так и не решил — рыбачить на скорую руку или же продолжить путь, как собирался. Из воды выпросталась пятипалая рука, сграбастала незадачливого рыбака за ворот легкой куртки и рывком втащила под воду, только круги по воде пошли, ряска заволновалась да листья кувшинок заколыхались на небольшой волне. Лягушки примолкли всего на несколько секунд, но вскоре возобновили свой обычный концерт.

ПАРЛАМЕНТЕРСКИЙ БОТ ДЗАННИ

Пронг-32 (Табаско), доминанта Земли

Перепонка с сухим шелестом расслоилась, и в рубку вошел Арнольд Суондред. По его лицу Маримуца моментально все понял. Не понадобилось даже допытываться: «Ну как?» Поэтому он лишь выжидательно поглядел десантнику в лицо.

— Заносить? — меланхолично спросил Арнольд.

— Заноси!

Суондред по-кошачьи обернулся, расслоил перепонку и поманил рукой брата Конрада. Тот без видимого напряжения внес в рубку насквозь мокрого чернокожего человека, словно человек был картонный и весил не больше пары килограммов. С одежды внесенного стекала грязноватая вода пополам с ряской, но пол парламентарского бота сразу же впитывал чужеродные вещества.

Пленник нутно кашлял и беспрестанно отплевывался. Видимо, под воду его втащили, во-первых, неожиданно, а во-вторых, против желания.

— Дайте ему стул какой-нибудь, что ли, — велел Маримуца и тут же сообразил, что стульев на борту корабля азанни просто нет. Только креслонасесты, и лишь некоторые из них наспех переделаны под людские нужды. Впрочем, молодцы-десантники без напоминаний начальства позаботились об этом: пока Конрад стужал пленника на пол, Арнольд втолкнул из коридора в рубку большую пластиковую коробку из-под универсальных рационов. Через полминуты пленник уже утробно сидел на коробке, утирал рукавом нос и исподтишка зыркал на тех, кто его захватил. Впрочем, при виде формы Маримуцы и Раджабова он на глазах повеселел, а как увидел на рукавах шевроны доминанты Земли и кругляш с эмблемой Солнечной системы, так и вовсе просиял.

— Ну, здравствуй, абориген! — поздоровался Маримуца как можно миролюбивее. — Ты уж извини, что мы так бесцеремонно. Обстановка обязывает.

Пленник легкомысленно отмахнулся: пустое, мол.

— Я — лейтенант военно-космических сил Солнечной системы Дариуш Маримуца. Это мои коллеги. А ты кто будешь?

В который раз утеревшись, невольный гость представился:

— Жорж Сориал, служащий космодрома местного отделения компании «Экзотик-тур».

Бывший, наверное, служащий...

— Бывший... — понимающе протянул Маримуца и заглянул Жоржу в глаза. — Что тут у вас творится? А?

— Вторжение, — развел руками пленник. "Впрочем, пленником он вряд ли являлся.

— Поподробнее, пожалуйста! — попросил Маримуца. Сориал уселся поудобнее, шмыгнул носом и принялся рассказывать:

— Примерно неделю назад прилетел крейсер шат-тсурор, завис точно над нашей турбазой. Высадил десант; и мелких кораблей много приземлилось. Наших всех, видимо, повязали, а мне и еще двум диспетчерам удалось спрятаться в лаборатории — может, знаете, это натуральный бункер. Пересидели до ночи, а потом пробрались в лес. Там и прятались, пока вчера финиш вашего корабля не заметили. С утра пошли искать.

— А почему вы решили, будто на этом корабле друзья? — поинтересовался Маримуца, надеясь, что его не поймут неправильно.

— Да скелетики уж больно настырно вас разыскивали. — Сориал снова шмыгнул носом и белозубо улыбнулся. — Корабли до самой темноты над лесом шастали.

— А коллеги твои где?

— В лесу, где-то неподалеку. Мы разделились час назад.

Маримуца обернулся к стоящему навтыжку Арнольду:

— Бери брата и найди их.

Десантник сдержанно козырнул и неслышно выскользнул из рубки. За спиной Сериала остался только Конрад, но лейтенант был уверен, что в случае любых непредвиденных сюрпризов даже младшенький из братьев мигом скрутит кого угодно, в том числе и этого в общем-то не маленького и вполне мускулистого, но какого-то очень мирного на вид негра.

Арнольд и Клемент вернулись приблизительно через полтора часа. От Сериала за это время больше ничего вразумительного добиться не удалось: тот однообразно твердил, будто некто Дейв МакГрегори у них самый головастый, с ним лучше и потолковать, а сам Жорж Сориал совершенно сбит с толку, скелетиков в общем и целом боится и изо всех сил надеется, что вот-вот прибудет помощь от сильных человеческих миров и наведет наконец порядок. Маримуца решил дожидаться пресловутого МакГрегори, а пока двое из братьев промышляли союзников в лесу — велел остальным Суондредам беднягу диспетчера высушить и накормить. Так что к появлению мокрых и хмурых приятелей Сориал уже имел вид настолько же пристойный, насколько и довольный.

— Yo! — радостно поприветствовал он мокрых коллег и помахал им рукой. — Это наши, не бойтесь!

Коллеги — невысокий плосколицый азиат и пшенично-волосый хмурый парень с внимательным и цепким взглядом — если и боялись, то умело это скрывали. Азиат выглядел спокойным, точнее даже невозмутимым. Пшеничноволосый — настороженным и собранным, как капитан-разводящий перед выездным матчем.

Маримуца представился, снова по всей форме. Аборигены, не выглядели враждебными или затравленными, но все равно опасались сразу открываться. Их можно было понять — когда на голову рушится война, когда убивают друзей и приходится скрываться в лесах, словно диким зверям, поневоле станешь дерганым и недоверчивым.

Большая часть людей галактики не знала войны несколько сотен лет. Правда, пираты все эти годы регулярно нападали на небольшие поселения. Но с небольших поселений много не настрижешь, поэтому около них сшивается всякая брю-хоногая мелочь на древних, зачастую еще прямоточных калошах, вооруженная чем попало и радующаяся каждому лишнему грошу. Это не планетарный крейсер над мирным поселением и не глобальная оккупация сонной заштатной планетки.

Сориал не лгал: пшеничноволосый — Дейв МакГрегори — сразу попытался взять быка за рога:

— Скажите, лейтенант... У вас есть возможность наблюдения за нашим космодромом?

— Есть. А что?

МакГрегори поморщился, отер с лица влагу и объяснил:

— Нам показалось, что захватчики спешно уходят. Это так?

— Так. Вы скорее всего не знаете. Прибыла помощь из Солнечной, с Офелии, со Свайге. Наверху вот-вот разразится масштабное сражение с армадой шат-тсуров. Ночью сцепились было, но потом как-то помаду затихло. На лице МакГрегори отразилась целая гамма чувств: начиная облегчением и заканчивая усталостью. Почти бесконечной усталостью.

«Да, братцы, — подумал Маримуца сочувственно. — Несладко вам пришлось, видать».

— Ладно. Конрад, покажи коллегам, где можно вымыться и высушиться. А потом проводи на камбуз. Можешь отвечать на вопросы.

— Есть, сэр. — Десантник браво козырнул, хотя обычно на борту обходились без уставщины. Но сейчас (молодец парень!) интуитивно понял: нехитрые атрибуты могучих вооруженных сил доминанты Земли вроде повседневной офицерской формы или по-военному четких диалогов с подчиненными прольются на души аборигенов целыми потоками бальзама.

— Рафик, чего там у нас на самом деле? — справился Маримуца.

Пока лейтенант занимался местными, Раджабов вполглаза поглядывал на приборы.

— Да без изменений пока. Наверху после первой стычки — как встали в стойки, так и стоят друг напротив друга. Оба крейсера готовятся сниматься. Мелочь вся уже стартовала, турбаза их, — унтер кивнул в сторону выхода, куда Конрад увел гостей сушиться, — уже пустая скорее всего. С нашего района даже поисковый луч сняли.

— Так-так... Давай-ка тогда доложимся.

— Диктуй... — пожал плечами Раджабов и пододвинул к себе плоскую сенсорную клавиатуру.

Голосовой ввод неофициальных кораблях был очень, непопулярен.

Ответ пришел неожиданно быстро и Маримуцу озадачил.. Снова все прежние действия стали казаться ненужными и бесцельными, словно их судьбой распоряжались все время новые люди, а отдав приказ — отфутболивали эту обязанность еще кому-нибудь.

— Что такое? — заинтересовался Раджабов, едва взглянув на вытянувшееся лицо Маримуцы.

— А... — ответил тот. — Очередной бзик у начальства. Идем на космодром. Прямо под крейсер. Надо подобрать кое-кого...

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Система Пронг-30, доминанта Земли

— Что противник? — озабоченно спросил адмирал Хемерсбрандт, едва проснувшись.

— Выжидают, сэр, — с ледяным спокойствием сообщил стюард, подавая китель.

Шат-тсуры повели себя совершенно не так, как ожидалось. Во-первых, они подтянули силы и теперь имели численный перевес в кораблях. Первая стычка, разгоревшаяся несколько часов назад, завершилась вничью и выглядела скорее как пикировка. Аналитики доложили, что шат-тсуры пытались сохранить выгодное построение вблизи Табаски, а не начать общее сражение.

В принципе это походило на правду: после стычки они все еще продолжали контролировать пространство вблизи второй планеты Пронга-30. Хемерсбрандт уже собирался отдать приказ о новой атаке, но тут совершенно неожиданно из Солнечной свалился приказ: ждать. Поразмыслив, адмирал понял, что ничего особо неожиданного в приказе на самом деле нет. Солнечная и Земля ждут результатов от Хмелевого-Фокина. Можно было и раньше догадаться. Но неоправданно (по мнению адмирала) малочисленный десант сбил с толку, и Хемерсбрандт уже было решил, что разведка просто решает какие-то свои обыденные локальные задачи, никак не связанные с искателями доминанты Земли.

Шат-тсуры не нападали, а тем временем прибывало их подкрепление. Хемерсбрандт провел оперативное совещание с лидерами дружественных флотов и собственным штабом. Перегруппировали силы таким образом, чтобы офелийская «Матрибба» и оба мегадестроера образовали могучий кулак в самом центре союзной армады. В результате локальное численное превосходство шат-тсуров временно — до следующего их перестроения — перестало играть какую бы то ни было решающую роль.. Умелой рокировкой Хемерсбрандт связал противника минимум на полсутки и с чистым сердцем отправился отдыхать, ибо чувствовал: еще немного — и свалится с ног.

Когда он проснулся в месте на Табаске, где высаживался Хмелевой-Фокин с горсткой разведчиков, наступило утро. А армада шат-тсуров продолжала оборонять подходы к Табаске. Лидеры их и не подумали перестроить корабли для атаки. Хемерсбрандт вполне отдавал себе отчет: если поступит приказ атаковать армаду шат-тсуров, то первым делом скеле-тики дадут залп по планете. И Табаски не станет. Не станет и прячущихся на ней искателей. А значит, их тайна умрет вместе с ними.

Раз Солнечная послала Хмелевого-Фокина, значит, какой-то позитивный выход из сложившейся ситуации существует. Но как дюжина пехотинцев и пятерка искателей прорвутся сквозь сплошной заслон скелетиков у Табаски? Хемерсбрандт не видел ответа.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально – Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Таким задумчивым и тихим адъютант не видел Унве никогда. Не первый год тень будущего императора ни на шаг не отходил от повелителя. И думал, будто знает об Унве все.

Адъютант ошибался.

Впрочем, он догадывался, что под маской задумчивости и спокойствия великий прячет нечто совсем иное. И тут был совершенно прав. Адъютант прослужил Унве достаточно долго, дабы распознать маску. Но еще недостаточно, чтоб определить скрывающееся под нею.

Унве впервые за долгие годы пребывал одновременно в ярости и растерянности. Ярость он умело сдерживал, ибо ярость – удел дикарей. Не поддаваться ей Унве давно научился, а вот не подпускать к себе... Увы. Кто-кто, а уж первый шат-тсур прекрасно отдавал себе отчет: в любом разумном всегда остается больше от животного. Отсюда и ярость.

А вот растерянность его была остра и неподдельна. Сколько раз он затевал грандиозные дела и операции! Сколько раз планы приходилось менять прямо по ходу, молниеносно и виртуозно! Сколько было одержано побед!

Это дело вначале представлялось простеньким. Перетряхнуть планетку, отловить искателей хомо, выжать из них необходимую информацию... И вперед, в поход за наследием исполинов, ибо техника исчезнувших рас достойна лишь достойных! Невзирая на тавтологию, это утверждение казалось Унве глубоко правильным и единственно верным. Не жалким же птичкам азанни эту мощь доверять? Да и сколько их осталось в галактике, тех азанни. Гнев Унве и Тсурры отбросил их расу на века назад.

Казалось бы – все ниточки затеянной операции сходятся в умелые руки Унве, лучшим исполнителям поручено лично заниматься поимкой хомо! Только умело дергай за ниточки, только отдавай, если потребуется, приказы! И что в итоге?

Ноль! Вообще ничего! Шат Урву ковыряется на второй планете Замххад несколько суток, а результата как не было, так и нет! Мало того, он еще и осмеливается утаить от императора кое-какие сведения, чего раньше не позволял себе никогда. Впрочем, скорее всего это от той же растерянности.

Любители-хомо громят «Сизых скелетов» и «Меченый корпус»! Расскажи кому – обуркается от веселья. Потом эти же любители посредством оборудования шат-тсуров прячутся, да так, как шат-тсуры и сами не умеют. Бедняга Шат Урву мечется, будто обложенный охотниками сугароз перед норой. И снова получает по передужью, в который уже раз.

Мистика сплошная. Ну как, спрашивается, эти исамаровы туристы справились на этот раз с несколькими сотнями десантников да еще сбили несколько кораблей? Пусть даже и при помощи заброшенной группы – забросили хомо едва больше дюжины своих боевиков. Нелепая математика.

Да и теперь. Союзная армада в системе Замххад вроде начала размеренную, тактически выверенную атаку, пережевала передовое заграждение и... остановилась. И ждет.

Чего?

На месте союзного командования Унве попытался бы оттереть заграждение от второй планеты, дабы попытаться перехватить искателей хомо. Этого, разумеется,

позволять нельзя — едва возникнет угроза утраты контроля над околопланетным пространством, Унве отдаст команду на уничтожение планеты. Наследие исполинов не должно попасть в лапы хомо. Пусть лучше тайна сторит, распылится, обратится в ничто. Шат-тсуры умеют ждать. И дождутся своего, дождутся второго шанса — кто-нибудь наткнется на генератор нуль-коридора снова. Главное — не отдать тайну врагу. А союзная армада все ждет. Построила смертоносный щит из офелийского флота, пресловутых мегадестроеров и умело перевела его вспомогательными кораблями. Неужели хомо на что-то надеются? Неужели они пытаются увести искателей из-под носа у Унве? Но Шат Урву, уже начавший эвакуацию крейсера, доложил: туристы-искатели и жиденькая их подмога уселись на гравиплатформу и рванули прямо к космодрому. Прямо в руки Урву. И что теперь? Унве твердо знал только одно: пока союзная армада выжидает, нужно тоже подождать. Пусть сунутся на космодром. Пусть пытаются захватить корабль: в околопланетном пространстве сейчас, хозяин Унве. А все уничтожить — всегда успеется, нужно только не снимать пальца с воображаемой красной кнопки. И не зевать.

ЭКЗОТИК-ТУР, ЭКИПАЖ ПОИСКОВОГО РЕЙДЕРА «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»/ ВЗВОД РАЗВЕДКИ
МОБИЛЬНОЙ ПЕХОТЫ ФЛОТА «ЕВРАЗИЯ»

Пронг-32 (Тобаско), доминанта Земли

После первого шока пришло опустошение. Скотч, словно выпотрошенная поваром рыбина, лежал на краю платформы и бездумно глядел в небо. Туман почти рассеялся, созвездия прекратили менять форму, а туманности перестали вспыхивать и угасать. Две армады у Табаски либо взяли паузу в битве, либо выяснили отношения досрочно, не дойдя до взаимного истребления. Уточнять у свалившихся на головы туристам пехотинцев-землян, какой именно из этих двух вариантов верен, Скотч не стал. Он даже радости особой не испытал от появления подмоги, от осознания простой истины: доминанта Земли Табаску не бросила, старается как-то выручить. А ведь появились пехотинцы вчера, реакция Скотча была бы совсем иной. Еще бы! Тогда весь отряд, все, за кого Скотч как гид-инструктор отвечал головой, еще были живы и не важно, что война: на то и гид, чтобы отвечать за каждого вверенного его заботам туриста в любых условиях. Фаусто Аркути, совсем еще пацан, ничего толком не успевший повидать на своем веку, вчера был жив. Сестра его была невредима и не лежала под напех сооруженной капельницей, как сейчас. Веселый и неунывающий Акоп «Траншея» Подолян был жив. Мало приспособленная к дикости и войне Гунила Вот была жива. Враз осунувшийся и потерявший смысл существования Тентор не сидел идиолом над трупом жены. Неприятный и в то же время редкой отваги человек Воронцов тоже был жив. Жили и улыбались соратники и коллеги Жбан и Хидден; не лежал пластом Валти, не баюкал искалеченную лучеметом руку хитрюга Солянка. Еще вчера все было совсем иначе. Остальные тоже оставались мрачными. Цубербюллер, Патрис Дюэль и Валя Хилько, помощь которой вежливо, но твердо отверг врач-пехотинец. Завхоз Литтл — не то спасшийся от инопланетного плена, не то по глупости влипший вместе с группой экзотик-тура в губительные приключения. Растерянный искатель Саня Веселов над умирающим штурманом Василием Шулейко и враз ставшая неприкаянной научница Виола, потерявшая сестру Регину. Даже толстокожий и обычно надменный советник Паулиста с Фалькау — и тот невольно разделил общую скорбь и отчаяние. Только Семенов остался прежним — уравновешенным и замкнутым — и продолжал о чем-то шутиться с «канониром» и его подручными на корме платформы. И за это равнодушные к оборвавшимся жизням Скотч вдруг переполнился злостью. Злостью на Семенова, на которого, похоже, смерть вчерашних спутников и товарищей вообще никак не подействовала. Так, штатные потери, без которых ни одно задание не обходится.

Это казалось странным, неправильным, чудовищным, бесчеловечным. Лишь навалившаяся апатия мешала Скотчу встать, взять Семенова за грудки и высказать все, что накопилось в душе.

Даже по сторонам и вперед Скотч почти не смотрел. И чувство времени поэтому утратил. Не толкнул его в бок один из разведчиков — так и валялся бы на платформе, глядя в никуда.

От толчка Скотч вздрогнул и очнулся.

Над головами нависал край планетарного крейсера. Неправдоподобно огромный диск начисто заслонял небо в секторе запад-север. В подбрюшье этой рукотворной громады тлела россыпь огней, от габаритных до индикаторных, и даже дневной свет не в силах был приглушить или разбавить их пронзительное свечение.

Платформа все время шла низко, задевая за кроны деревьев, но можно было не сомневаться, что с крейсера ее уже давно засекли.

Скотч не имел представления, зачем они полезли в самое пекло. Именно туда, где искателей жаждали видеть пленными проклятые скелетики. Но возражать разведчикам-землянам просто не осталось моральных сил.

Скотч слишком устал. Последние дни — дни, когда снедала утомительная ответственность и догладывала постоянная опасность — начисто опустошили его. До такой степени, что теперь Скотч и сам не понимал — как сумел выдержать так долго?

— Просыпайся, — сказал разведчик; кажется, его звали Майки. — И своих буди, разделяться пора.

Скотч встал; платформа тем временем зависла над удобной полянкой и снизилась. Места были знакомые: от турбазы команду сейчас отделяло километров семь. Рядом имелись полянки и побольше, куда без труда можно было посадить средний планетарник вроде поискового рейдера.

Вяло спрыгнув на почву. Скотч наконец осознал, что в голове сильно гудит, а уши будто ватой набиты. Ночные передряги не прошли бесследно.

Приблизился Семенов.

— Ты как? — поинтересовался он бесцветным голосом. Скотч скорее угадал смысл по губам, чем услышал.

— Отвратительно, — признался Скотч. Желание брать Семенова за грудки поутихло, но окончательно все еще не прошло.

— Нужен проводник к турбазе. Справишься?

— Конечно! — заверил Скотч, с некоторым изумлением чувствуя, что морально оживает с каждой секундой. Даже боль куда-то отступила. Возможно, Скотч подспудно дошел до мысли, что досаду и злость правильнее выместить на скелетиках, чем на своих, будь они хоть во сто раз черствее и бесчувственнее Семенова.

Подождал разведчик-капитан.

— Кого из гражданских разумнее оставить за старшего? — спросил он очень серьезно. — Разумеется, из здоровых. Скотч, ни секунды не сомневаясь, ответил:

— Костю!

— Позови!

Спустя секунду непривычно мрачноватый Цубербюллер предстал.

— Константин! — обратился к нему капитан. — Мы не можем тащить раненых вплотную к космодрому, пока там хозяйничает арьергард шат-тсуров. Поэтому раненые останутся здесь. Останутся также два моих солдата, а вас я попрошу оказывать им любое возможное содействие. Справитесь?

Цубербюллер молча кивнул.

— Этот — точно справится, — подтвердил Семенов. — Кстати, он твой земляк, Отто.

— Да? — заинтересовался капитан, поглядел на Семенова, потом на Костю и протянул ему руку: — Оттмар Эберхартер, Вайдхофен, Пламмер-двенадцать!

Турист широко, но не очень радостно улыбнулся в ответ:

— Константин Цубербюллер, Баунаталь, Пламмер-двенадцать! Хотя, сейчас я перебрался на Беренгалз. Приятно встретить земляка!

— Земляка всегда приятно встретить! Особенно... в таком месте и в такое время. Капитан обернулся:

— Милютин! Шварц!

Рядом мигом оказались два пехотинца.

— Остаетесь в охране. По всем вопросам контакта с гражданскими — обращаться к нему. Познакомьтесь сами...

— Прошу прощения...

Скотч повернул голову на голос — слов он почти не расслышал. Остальные тоже обернулись.

Незаметно приблизился советник Паулиста; он явно хотел что-то высказать капитану. Собственно, он и раньше пытался это сделать, но капитан был занят с Семеновым, а Скотч этого просто не заметил, поскольку пребывал в прострации. — Я — советник президентского форума Фалькау Хенрик да Соуза Паулиста, капитан. Не могли бы вы...

— Не мог бы, — отрезал капитан тоном, не допускающим возражений. — Простите, у меня нет времени.

По его команде девять из одиннадцати пехотинцев и «канониры» (кстати, кем бы они ни оказались на самом деле — канонирские обязанности все четверо исполняли в полной мере) выстроились в шеренгу.

— Кстати, — заметил Семенов. — Возможно, нам придется разделяться, а значит, не помешают проводники. Предлагаю взять с собой не единственного аборигена. Вон, Литтл вполне здоров, да и Солянка справится, если ему руку зафиксировать как следует...

Закончить Семенов не успел. Один из пехотинцев подал условный знак капитану, тот выкрикнул короткую команду, и через долю секунды все военные уже лежали на земле; и только потом поспела команда для гражданских:

— Ложись все!

Скотч рухнул, не задумываясь. Да и остальные, включая советника, оказались в лежачем положении довольно быстро. Сказывались навыки последних дней.

— Кто-то подбирается к нам! Там, в зарослях! — шепнул капитан Семенову. А спустя пару секунд из кустов на краю полянки донесся очень знакомый голос:

— Скотч! Не стреляйте! Свои!

Эберхартер немедленно изогнулся — таким образом, чтоб взглянуть на гида.

— Кто это?

— Не пойму, — пробормотал Скотч. — В ушах шумит! Капитан колебался всего секунду:

— Выходи по одному с поднятыми руками! Давай!

Кусты зашевелились, и на полянку выскользнули один за другим трое. Скотч почти сразу узнал их.

— Действительно свои! — выдохнул он. — Это диспетчеры с туристского космодрома. Я думал, они в плену!

Под стволами пехотных лучеметов Сориал, МакЕрегори и Тамура пересекли полянку и несмело приблизились.

— Там еще трое в кустах! — сообщил капитану бдительный «канонир» со сканером. — Все трое со спецоборудованием. Нашим.

— Кто остался? — не вставая, спросил Эберхартер у диспетчеров.

— Десантники-земляне! — ответил МакГрегори, не опуская рук.

— Ух ты, — ухмыльнулся капитан. — Надо же... Ну что ж, выходите тоже, десантники, коли пришли.

Кусты вновь зашевелились. На сей раз появилась троица в полных десантных комплектах, при лучеметах и вовсе не с поднятыми руками. Впрочем, оружие все трое держали так, чтобы любой понял: пока они не собираются пускать его в ход.

— Ба! — едва ли не просиял Эберхартер. — Да это же наши близнецы из адмиральского резерва! Правда, не в полном составе...

Он встал и жестом позволил диспетчерам опустить руки. Остальные тоже поднимались с земли.

Троица приблизилась. Несмотря на отвратительное самочувствие, Скотч все-таки понял, что старший из трех пришлых напряжен, как пружина.

Но когда один из его спутников негромко произнес: «Все в порядке, мы их знаем. Это разведчики с флагмана „Евразии“. Они базу де Шатоли на Ганимеде брали», напряжение гостя как рукой сняло. Он шагнул навстречу Эберхартеру, козырнул и представился:

— Унтер Раджабов, служба внешнего наблюдения, флот «Евразия». Нам велели найти вас, капитан.

— Капитан Эберхартер, флагманская разведка. Вас здесь только трое?

«Надо же, — подумал Скотч с удивлением. — Окрестности турбазы кишмя кишат людьми! Да еще военными! Может, поэтому скелетики так на нас и обломались?»

— Вообще-то шестеро. Кроме нас — лейтенант и еще два десантника. И у нас корабль. Да не какой попало... Парламентерский бот лидера расы азанни. В приказе сказано, что вы знаете, как им распорядиться.

— Вот элитного класса? — У Эберхартера разве что глаза на лоб не полезли. — Вот это да!

Четверо «канониров» и Семенов так бурно не отреагировали, однако, все, за исключением одного, мгновенно отошли а сторону вместе с капитаном и унтером и о чем-то минут пять вполголоса спорили. Скотч не разобрал ни слова. Потом они вернулись.

— Так! — подытожил Эберхартер. — Планы меняются. Гражданские и раненые грузятся на платформу и уходят вместе с Раджабовым. Мой взвод и проводники — выполняем прежнюю задачу на космодроме. Вопросы есть?

— Есть, — подал голос Тамура. — Что делаем мы?

— Диспетчеры отлично знают местность и расположение строений на космодроме и турбазе, — зачем-то встрял Скотч. Наверное, хотел объяснить военным, что-лишними Сориал, МакГрегори и Тамура не будут.

Эберхартер раздумывал всего секунду.

— Приказывать я могу только своим солдатам. Но замечу также, что любой лишний ствол нам не помешает. Поэтому оставляю решение за каждым из вас.

Тамура молча приблизился к Скотчу, одновременно вытаскивая из-за пояса хорошо знакомый бласт.

— Шеф, — сказал экс-диспетчер. — Нам пришлось взять вот это из вашего сейфа — больше оружия мы не нашли, когда уходили с космодрома. Нет ли запасных батарей? Скотч вяло покопался по карманам:

— С собой нет... Да и зачем?

Он протянул руку и отобрал у Тамуры памятное оружие.

— Возьмите лучше ружья. У нас теперь вдоволь свободных... Бласт Скотч сунул в поясной карман, попутно взглянув на индикатор заряда. Батарея сильно подседа, но на десяток-другой полновесных импульсов бласт вполне еще был способен.

— Кто пойдет с нами, мужики? — спросил Семенов чуточку устало.

Цубербюллер деловито поправил ружье на боку и пристроился к шеренге разведчиков.

— Я землянин, — просто сказал он, считая, что этого объяснения более чем достаточно.

Тамура и МакГрегори взяли по ружью из охапки, которую принес хозяйственный мистер Литтл, и присоединились к Цубербюллеру. Секундой позже в строй встал Жорж Сориал, потом мистер Литтл, а за ним — Солянка.

— Думаешь, надо? — усомнился Семенов, глядя на перебинтованную руку спасателя. — Проводников у нас теперь хватает.

— Там наши девчонки, — насупился Солянка. — А что рука... Так у меня тоже есть бласт!

Он продемонстрировал. Бласт был поновее, чем у Скотча, и помощнее, хотя и меньше размерами.

— Полагаю, вам, советник, лучше остаться. — Семенов облегчил задачу враз вспотевшему от необходимости выбора Паулисте.

Паулиста облегченно кивнул.

«Правильно, — подумал Скотч. — Тентор и советник такие вояки, что... А пара здоровых мужиков, путь даже один пузатый, а второго соплей перешибешь, около раненых не помешают».

— Долгие прощания не для идущих в бой, — вздохнул Эберхартер. — Эх, брони на вас никакой... Возьмите хоть антигравы с рюкзаков, что ли. Хоть рикошеты нипочем будут.

Мысль была дельная: Скотч прекрасно помнил, как убило однажды ручного турбазовского кошкуна года три назад. Кто-то из туристов на стрельбище неудачно саданул из ружья — мимо мишени, в скалу. Гранитный осколок пролетел двадцать с лишним метров и проломил кошкуну череп.

— Догоняйте. — Капитан первым направился к турбазе. За ним выступили разведчики и диспетчеры, которым прощаться, помимо Валти, было не с кем.

Долгих прощаний и не получилось. Пожали руки легкораненым. Чмокнули женщин. И двинули в сторону турбазы, за Эберхартером.

Последним ушел Скотч. Вослед Семенову, который минутой раньше неожиданно обнял одновременно Валентину Хилько и Патрис Дюэль, сказал Валентине: «Спасибо за контроль. Передай своим, что я не имел нареканий, а то потом ведь могу и не вспомнить ничего», потом по очереди поцеловал девушек в губы, как показалось Скотчу — несколько нежнее, чем просто по-дружески.

Скотч секунду-другую смотрел ему в спину, затаенную в искательский комбинезон.

«И когда успел, шельмец, — подумал гид с легкой завистью. — А я фиг чего заметил!»

Девушки чмокнули Скотча сами. Одновременно, в обе щеки, с двух сторон. Слов их Скотч не запомнил.

— Простите за все, — выдохнул Скотч и побежал догонять Семенова.

Искательский комбинезон сидел на Семенове как влитой.

Еще на подходе к турбазе Скотча охватило неприятное предчувствие беды. Казалось, что скелетики расставили коварную западню, а вся сборная группа слепо лезет в нее, не замечая опасности.

Все так и дышало ложью и искусственностью: и величавая громада крейсера над головами, и кажущееся спокойствие на турбазе. Да и на космодроме было подозрительно тихо, хотя по логике там все и должно оставаться тихо. Основные силы шат-тсуры уже эвакуировали. А вообще непонятно было — чего они тут ждут? Последним подразделениям давно следовало погрузиться в последний транспортник и отбыть на крейсер, а крейсеру — сняться со стационара и уйти в околопланетное пространство, дабы присоединиться к застывшей в предбитвенном строю армаде. Кроме уже привычного шарика, который Семенов подобрал еще после первой стычки и перенастроил по пути к катеру, спец-канонир прилепил к комбинезону Скотча и остальных еще пару каких-то хитрых миниатюрных приборчиков. Сам спец неотрывно глядел на наручный терминал, напарнику приходилось его чуть ли не за ручку вести, чтоб не споткнулся и не оступился.

Турбаза не отделялась от леса ничем, похожим на ограду. Скотч просто углядел в очередном просвете меж ветвей стену крайнего домика и дал бесшумную отмашку капитану.

От платформы Скотч уходил последним, но постепенно стал ведущим группы. Чуть левее вел рассыпавшихся пехотинцев МакГрегори, чуть правее — Тамура. Сориал и Солянка замыкали группу. Семенов шаг в шаг следовал за Скотчем.

— Пришли, — громким шепотом возвестил Скотч.

В ушах все еще шумело.

Семенов только кивнул.

Откуда-то сбоку вынырнул спец с неразлучным своим терминалом. Быстро просканировав окрестности, он сказал:

— На территории в общем пусто. Но вот здесь и вот здесь — скопление крупных живых организмов. Скорее всего — людей. Думаю, это коттеджи в центре турбазы. Посмотри... — обратился спец к Скотчу.

Скотч посмотрел на полупрозрачную схему.

— Точно! Вот это — административный коттедж, а это — буфет. Самые большие строения на турбазе после запасников. Но в запасниках людей не запрешь...

— Почему? — удивился Эберхартер.

— Там оружие. И взрывчатка тоже найдется-.

— Ясно... Биринделли! Ты старший. Бери Шварца, Ахмедали, Головки, Доули, Са и половину местных. Пробираешься к буфету, вон он. Внутри предположительно персонал турбазы, но может оказаться и засада. Поэтому повнимательнее. Остальные — за мной!

Группа разделилась. Литтл, Цубербюллер, МакГрегори и Тамура отправились с капралом Биринделли. Скотч, Сориал и Солянка остались с Эберхартером и Семеновым;

— Где вход в буфет? — справился капитан.

— Слева, с запада. Отсюда не видно. Туристы обычно любили пить пиво на крылечке и любоваться закатом, поскольку бара как такового на турбазе нет. Природа и все такое, нечего под крышей сидеть.

Скотч говорил грустно, ибо понимал: те безмятежные времена безвозвратно прошли. Теперь не посидишь в хорошей компании на крылечке, не полюбуешься багровым небом Та-баски, не послушаешь цикад и сверчков.

— А в административный коттедж?

— Тоже с запада, — вздохнул Скотч, — И я тежке лгобид пить пиво на крылечке...

— Значит, так! Пехота — активировать камуфляж! Канониры — занять позицию для прицельной стрельбы. Спецы — постоянный контроль! Мы пробираемся вплотную к строению, если все тихо — даем знак, вы присоединяетесь. Потом занимаемся дверью и запорами, буде таковые найдутся. Все ясно?

Скотч кивнул. Теперь до него дошло, что из четверки непехотинцев во взводе канонирами являются только двое, а остальные двое — спецы. Скорее всего мнемотехники.

Пехотинцы в несколько секунд стали почти прозрачными, как личинки сирецетоса в ручье.

— Ждите! — донеслось из пустоты.

Скотч, Солянка, Сориал и Семенов залегли за особо пышным кустом. Канониры затаились у орудий, похожих на больших черепах с носиком, торчащим из панциря. Обстановка продолжала пребывать тихой и безмятежной.

Спустя несколько минут один из десантников показался на фоне стены и призывно помахал рукой. А потом снова исчез, камуфляж включил.

Один из канониров поколдовал над пультом; его орудие послушно взлетело на уровень пояса и зафиксировалось. Канонир схватил его за специальную рукоятку на панцире и бегом поволок к коттеджу.

— Давайте за ним! — подстегнул местных спец с пультом. Скотч и остальные не заставили себя упрашивать. Через какую-то минуту они уже прижимались спинами к стене административного коттеджа, а еще через минуту подоспел спец. Было видно, как к буфету бегом приближаются МакГрегори, Тамура, Цубербюллер и Литтл; пехоту у стен, понятно, с такого расстояния было не рассмотреть.

Тем временем двое десантников пробрались на крыльцо и вырезали лучеметами замок. Некоторое время их было не видно, не слышно; потом один вернулся. Скотч его почти не различал — только как практически прозрачный сгусток, похожий на фрагмент дрожащего воздуха над нагретой поверхностью в жаркий полдень.

— Там женщины! — донеслось из пустоты.

— Скотч! Глянь! — велел капитан. Скотч послушно взлетел на крыльцо. Внутри оказались девчонки — Верка, Мартина, буфетчица Люся, повариха тетя Даша — всего восемь человек.

— Вадим!

На шее у Скотча не повисла только тетя Даша — еле удержался на ногах.

— Тише, девочки! Тише! Где скелетики?

— А бес их знает! — прошептала Мартина, не отпуская Скотча. — Мы двое суток уже тут сидим — спасибо, что холодильники полные.

— Понятно... Давайте наружу помалу, налево и за угол. Да не пугайтесь, там наши вояки в камуфляже, на призраков похожи. И тихо, поняли? Тихо!

Мартина соизволила направиться вслед за всеми лишь после долгого поцелуя. Скотч едва не задохнулся.

— Капитан! — сказал Скотч, обращаясь к месту, где, по его ощущениям, тот находился. — Это сотрудницы турбазы...

— Дogaдываюсь, — донеслось в ответ. — Пусть кто-нибудь из твоих отведет их туда, где мы расстались с ранеными. Их подберут.

Скотч практически сразу встретился глазами с Сериалом.

— Жорж?

Сориал со вздохом кивнул. Честно говоря, Скотчу показалось, что во вздохе было больше облегчения, чем сожаления. Сориала он знал как человека веселого и исключительно мирного и поэтому даже немного удивился, когда Жорж направился с пехотой, а не остался с ранеными.

— Все сделаю, шеф!

— Давайте к лесу, — велел Эберхартер. — И дождитесь вторую группу, они сейчас подойдут. Вот, держи коммуникатор. Вызывать меня только в крайнем случае, скелетики наверняка прослушивают эфир.

Сориал принял серебристый браслет-прибор и серьезно кивнул:

— Вперед!

Девчонки, помогая грузной тете Даше, потрусили к лесу.

Сориал, каждые пять — десять секунд озираясь, направился за ними.

— Как лучше попасть на космодром? — послышался голос Эберхартера.

— Либо по тропинке от входа, либо сейчас во-он туда, мимо скалы, через стрельбище и кедрокленовую рощу, как раз на зады диспетчерской башенки.

— Понял, сейчас.

Какое-то время Скотч улавливал вокруг себя смутное движение, но ничего не слышал, то ли из-за заложенных ушей, то ли пехота и впрямь умела передвигаться совершенно бесшумно. Потом рядом снова оказался Эберхартер, которого Скотч наострился узнавать по голосу.

— Биринделли пойдет по тропе, мы — через рощу. Рывками, от укрытия до укрытия. Семенов, следите!

Перебежки до космодрома заняли минут двадцать, не меньше. Пехотинцы разных групп как-то взаимодействовали друг с другом, но Скотч не понимал как, а спрашивать у Семенова постеснялся.

Семенов все это время держался отчужденно, слова не проронил. Он оставался внимательным и собранным: взгляд цепкий, зубы стиснуты, ружье наготове. И двигался пластично и стремительно, как большой кот.

К зданию диспетчерской сумели пробраться незамеченными. Но дальше начались первые осложнения: группе Биринделли пришлось класть некстати вышедшего из корпуса скелетика. Но и после этого общей тревогой все еще не запахло.

— Так... На летном поле четыре корабля. Два патрульни-ка, транспорт и поисковый рейдер.

Как мог Эберхартер видеть то, что находится на летном поле, Скотч не знал, да не очень-то и стремился узнать. Наверное, кто-то из второй группы ему докладывал.

— Что скажешь, Семенов?

— А что тут сказать? — пожал плечами разведчик. — Прорываться надо.

Прорывайтесь. А мы отсюда прикроем, если что.

— Н-да. Небогатый план.

— На богатый времени нет. И то правда. Ладно. Всем понятно? Пехота — на поле, остальные — по обстановке.

— Может, мы пока здание подчистим? — серьезно спросил Солянка.

— Не мешает. Справитесь?

— Справимся, — буркнул Семенов.

Вырвавшийся из ниоткуда луч выжет в прозрачном стек-локераме окна неправильной формы дыру. Чьи-то невидимые руки подхватили кусок стеклокерама и опустили его у стены.

— Давайте, мы подсадим!

Окно и впрямь располагалось высоковатое: выжженный стеклокерам подхватить — еще туда-сюда, а вот влезть — уже трудновато.

— А антигравы нам на что? — невольно переняв тон Семенова, проворчал Скотч. — Идите, мы сами...

— Ваши поддержат с парадного входа, — подсказал Эберхартер напоследок. — Смотрите, друг друга не перестреляйте. Да потом на поле гляньте, вдруг мы быстро управимся.

— Не волнуйтесь, капитан, — заверил Скотч. — К скелетикам у нас свои счета.

Он первым подтянулся на руках и пролез в проделанную дыру. Коридор первого этажа был пуст. Скотч помог однорукому Солянке, дождался вместе с ним Семенова и молча кивнул в сторону лестницы.

Дежурка находилась на втором этаже.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Едва адъютант показался на пороге кабинета, Унве посетило острое предчувствие почти завершенного дела.

— Командующий Урву, шатта...

Перед императором уже сгустился видеостолб. Шат Урву выглядел лишь слегка более оживленным, чем обычно. Но и это уже о многом говорило.

— Склоняюсь, шатта! Они клкнули! Группа боевиков и несколько туристов уже на базе. Боевики в камуфляже. Остальные — без. Один из последних носит искательский комбинезон. Возможно, что именно он и не искатель, но ручаюсь: настоящие искатели находятся среди них. Вне всяких сомнений, группа попытается захватить какой-то из кораблей — скорее всего все тот же искательский рейдер.

— Смотрите не спугните! — устало пожелал Унве. «Только бы хомо не начали атаку до того, как искатели сунут головы в нору сугароза... Небо и звезды, дайте нам эту отсрочку! А там... Хотя всю свою армаду не жалко положить, лишь бы единственный крейсер с корабликом искателей и самими искателями добрался до Тсурры».

— Не спугнем, шатта. Хомо уже освободили персонал базы. Уводят освобожденных в лес, на юг. Вероятно, к морскому катеру, на котором прибыли туристы. В данный момент боевики находятся перед выходом на летное поле, а остальные пробрались в башню-диспетчерскую.

— Держать все под строжайшим контролем! Это последний шанс, Шат Урву. Мы не должны его упустить.

— Не упустим, шатта. Как только хомо окажутся на рейдере, мы поставим полную техноблокаду и поднимем рейдер на борт крейсера. И немедленно стартуем по рассчитанному вектору.

— Да будет так.

Повинуясь легкому движению руки императора, видеостолб погас. Адъютант тенью выскользнул из помещения, на ходу поправляя браслет-терминал.

ЭКЗОТИК-ТУР, ВЗВОД РАЗВЕДКИ МОБИЛЬНОЙ ПЕХОТЫ ФЛОТА «ЕВРАЗИЯ»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Первого скелетика пристрелили перед самым входом в дежурку. В затылок, причем нимало при этом не терзаясь. Скотч только свернул за угол с лестницы и сразу уперся в дырчатую спину. Руки сами сунули ружье во вражеский затылок. Башку скелетику разнесло в клочья.

А вот дальше дело пошло хуже.

Во-первых, выстрел услышали те, кто сидел в дежурке. А во-вторых, внизу, около лестницы тоже возникли шат-тсуры. Семенов схватил труп застреленного Скотчем скелетика за перекрещивающиеся лямки какой-то амуниции, рванул на себя дверь дежурки, сначала втокнул внутрь мертвеца, а потом и сам ушел в кувырок. Палить он начал задолго до того, как встал. А потом выстрелы стихли, хотя возня внутри продолжалась. Но Скотч знал, на что способен Семенов в рукопашной. Да и некогда вчерашнему гиду было отвлекаться в реальном бою.

Солянке и Скотчу пришлось отступать от лестницы в коридор, к дверям в дежурку. И вот тут-то им пришлось очень несладко, хотя оба отследили в тесном и светлом проеме несколько рвущихся навстречу почти прозрачных фигур. Скотч успел выстрелить трижды, прежде чем ружье рва-яули так сильно, что едва не вывихнули обе кисти. Потом прилетело в челюсть и висок, не то кулаком, не то прикладом лучемета. Скотч вмазался в стену и тихо сполз по ней на пол. Несколько раз добавили ногой в корпус — больно и унижительно. Завыл рядом Солянка — кажется, его хватили по раненой руке.

Дальше по крайней мере двое из шат-тсуров сунулись было в дежурку, но там действовал не кто-нибудь, а Семенов... Один тут же вылетел обратно, шваркнулся о стену и сполз на Скотча. Второй остался внутри. Оставшиеся заботливо отфутболили подальше от Скотча оброненный первым лучемет, который сразу стал видимым. Но Скотч уже вынимал из кармана бласт, чувствуя кончиками пальцев шершавость рукоятки и старую гравировку «Смерть или слава».

— Фиг вам смерть! — прошептал он и саданул снизу вверх. Раз, другой, третий. — Только слава!

Одновременно с этим от лестницы тоже выстрелили, и ла Скотча грянулся очередной скелетик. На этот раз отфутболивать лучеметы было просто некому.

У лестницы из-за угла осторожно выглянул Цуберйоллер. Скотч резво сцапал лучемет, а 'выручивший бласт снова спрятал в карман. До лучших времен.

Из дежурки выглянул Семенов — на щеке его багровела кровавая полоса. Скотч вставал, распахивая прикладом трупы. Солянка надрывно стонал в углу.

— Целы? — спросил Семенов сухо.

— Частично, — прохрипел Скотч, наконец-то вставая на колени. — Скольких ты там положил? — поинтересовался он, кивая на вход в дежурку.

— Пятерых, — признался Семенов. — И еще одного выкинул. Костя, у тебя медкомплект есть? Вкати Солянке антишока, Солянка нам нужен внятный.

Цуберйоллер немедленно склонился над недавним спасателем. У кого другого медкомплекта могло и не найтись. Но только не у образцового туриста с Пламмера-двенадцать. Спустя минуту Солянка блаженно затих, а спустя еще одну даже встал. Тем временем снизу подоспел Тамура.

— В бункере и окрестностях — никого, — деловито доложил он. — Башенка наша.

— А Литтл где? — спросил Скотч.

— Приглядывает за черным ходом... Тем, что вы проделали. А МакГрегори — за парадным.

— Вниз пора, — вмешался Семенов.

В руках он держал тот самый серебристый стержень, которым колошматил скелетиков при первом столкновении у Мангрового залива. С виду стержень выглядел вполне безобидным.

И они поспешили вниз, к главному входу в диспетчерскую башню.

МакГрегори залег у распахнутой двери и пристально глядел наружу. Ружье он держал наготове.

— В проеме не маячьте, — посоветовал Семенов, прижимаясь к стене. Остальные невольно последовали его совету.

— Что там? — прошептал Скотч, приседая рядом с МакГрегори.
— Кто-то идет, — сообщил тот, целясь. — Но по-моему, это наш.
МакГрегори угадал. Снаружи вскоре донеслось:
— Не стреляйте, свои!
Говорили на русси.
Спустя несколько секунд в дверь скользнул один из пехотинцев. Не отключая камуфляжа, он хлопнул Семенова по плечу:
— Тебя ждут на рейдере. Спецы и Хмелевой уже внутри. Вокруг тихо, хотя Гридасов сказал, что и поле, и здание сканируется. Не нравится мне это...
— А тебе оно и не должно нравиться, — буркнул Семенов. — Ладно... Пошел я. Прощайте, ребята. Надеюсь, вам повезет и в плен вас не захватят. Деритесь и дальше так же, как в последние дни.
Он, не кроясь, вышел наружу и быстро направился к летному полю.
И только тут Скотч окончательно сообразил, зачем Семенов переодевался в комбинезон искателя. Вместе со спецами-пехотинцами, которые скорее всего спецами были только по совместительству, он собирался добровольно отдаться в руки шат-тсуров. А настоящих искателей Земля планировала как-то вывезти — да хотя бы на том же парламентарском боте, о котором толковали десантники.
Но разве позволит вражеский крейсер-громада ускользнуть боту, пусть он и элитный? Даже после того, как будет захвачен поисковый рейдер?
Скотч сомневался. А Семенов, похоже, нет. В сущности, Семенов и спецы обрекали себя на пытки и, смерть. Во имя того, чтобы тайна искателей досталась все-таки людям, а не скелетикам. И еще Скотч понял: Семенову не впервой умирать. Просто раньше Семенов знал: какая-то часть его души возродится в старом теле с новыми воспоминаниями, наверняка ложными. А на этот раз он умрет окончательно. Разница лишь в малом. И Скотчу стало нестерпимо жутко.
Было видно, как Семенов приближается к рейдеру, как взбирается по трапу, как спускается в люк.
Скотч ожидал, что рейдер тут же взмлет в небо. Но... Все оказалось куда прозаичнее. Внезапно густая цепь шат-тсуров, окружающих летное поле, стала видимой. У них отключился боевой камуфляж. И еще Скотч заметил, что индикатор готовности на трофейном лучемете погас.
Крейсер в который раз поставил технблокаду.
— Так! — скомандовал Скотч шепотом. — Все назад! Выбираемся в окно, и к лесу! Дважды повторять не пришлось — близкие спины вражеских солдат убеждали лучше слов.
У «черного хода» дежурил мистер Литтл. В данный момент он нервно осматривал ружье.
— Не трудись, не стрельнёт, — обратился к нему Скотч. — Технблокада. Антигравы тоже не запустились. Поэтому пришлось попросту сигать с подоконника. На пути к рошице, у метеобудки, нос к носу столкнулись с шат-тсуром, выходящим из нее.
Ближе всех оказался Солянка. Он выпростал руку из кармана, рванул зубами какой-то пакетик и вытряхнул содержимое прямо шат-тсуру в физиономию. Шат-тсура срубил, а остальные принялись безудержно чихать. Но к роще все равно при этом отступали.
— Черт побери! Что это было? — спросил Цубербюллер, когда убрались с голого места и утерли выступившие слезы. Солянка печально вздохнул и безнадежно махнул рукой:
— Перец... каледонский... До последнего хранил...
— Ё-моё... — только и ответил Скотч. — Ну и маньяк ты, дружище! Ладно, пошли. Турбазу они обошли по широкой дуге, поминутно ожидая если не огня, так окрика из кустов. А к памятной полянке вышли около полудня.
Всю дорогу Скотч думал о Семенове и незавидной его судьбе. И о том, что война — очень страшная вещь. И еще о том, что даже к ирреальности происходящего рано или поздно привыкаешь.
— Нас ищите? — спросили измотанную команду из укрытия в колючем шаре полисаула совсем рядом с тропой. Еще хватило сил рефлекторно порскнуть в разные стороны, подобно напуганным подросткам-кошкинам.
Зря драпали. Это оказались десантники-близнецы. Их звали Джерард и Клемент, и еще оказалось, что у них есть братья Арнольд и Конрад. Различались братья только нашивками над грудными карманами.
А чуть позже Скотч наконец осознал, что бегать и стрелять ему больше вряд ли придется в ближайшее время. Вверенная гиду группа и персонал турбазы собрались в

месте, где шансы на спасение были максимальными. А именно — на борту парламентарского бота азанни. Тут хозяйничали в данный момент офицер, унтер и близнецы-десантники. Места достало на всю ораву, потому что птички-азанни отдавали предпочтение просторным помещениям. А вот припасов почти не нашлось. Но офицер заверил, что долго им тут и не сидеть. Крейсер снял техноблокаду еще засветло. Никто не сомневался, что поисковый рейдер уже там — во чреве исполинского блина, зависшего над недавним заповедником Табаски. И Семенов там, и спецы-пехотинцы. Мысли путались, пытаясь обогнать друг друга. Скотчу сказали, что у него повышенная температура, и чего-то вкололи. Но мысли продолжали путаться и прыгать, а мир становился все более ирреальным, не таким, как обычно. На плече всхлипывала Мартина. Чувствовался близкий старт. — Ну, молитесь! — вскоре посоветовал аборигенам офицер по фамилии Маримуца. — Если пройдем через орбитальные заграждения — будем жить. Молиться Скотч не умел. Голова раскалывалась. Тело болело. Ныл каждый мускул. И даже осознание того, что почти все уже позади, не приносило облегчения. Ибо впереди была только неясность. Вырвемся — не вырвемся. Но люди умеют надеяться. Огромный крейсер шат-тсуров и небольшой, по меркам боевого флота, парламентарский бот одновременно начали разгон в атмосфере обреченной Табаски. Незадолго до момента, когда командующий армадой сил союза адмирал Тим Хемерсбрандт отдал приказ к массовой атаке.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Шат Урву не заставил себя ждать с рапортом.

— Склоняюсь, шатта!

— Короче, командующий!

— Мы взяли их. Крейсер уходит со стационарной орбиты... И бот тоже уходит. Но крейсер последует за ними, и не в одиночку. Ваш персональный лидер с группой «Блеск» на борту также последует за ботом, куда бы хомо ни направились.

— Я так понимаю, на рейдере вовсе не искатели?

— Пока неясно, шатта. Мы работаем над этим.

— Постарайтесь выяснить побыстрее.

— Не волнуйтесь, «генераторы тоски» у нас всегда наготове. Что делать с отработанным материалом потом?

— Мне нужна только информация о находке искателей. И вовсе не нужны свидетели.

— Я понял вас, шатта. Все будет выполнено с максимальным тщанием.

Именно в этот момент вблизи Замххад наконец-то сшиблись в настоящем бою две могучие армады. Звезде, которую хомо называли Пронг-30, и планете Табаска, она же Пронг-32, осталось существовать немногим более четырех локальных часов. А о местных десятичных часах Табаски можно было смело забывать. Всем, кто еще недавно пользовался ими.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

февраль 2001 — март 2002 Москва, Соколиная Гора

О дальнейших событиях войны за мобильность читайте во второй книге цикла — «НИКТО, КРОМЕ НАС».

Владимир Васильев
Никто, кроме нас

Война за мобильность – ЧАСТЬ – 2

Фензин

«Владимир Васильев. Никто, кроме нас»: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2005
ISBN 5-17-023020-6

Аннотация

... Случайная находка, сделанная землянами в космосе. Непонятный артефакт давно исчезнувшей цивилизации? Или все-таки – генератор нуль-тоннелей, ведущих, согласно легенде, в другую галактику – к сокровищу, открывающему власть над Вселенной?! В войну за бесценное «наследие исполинов» втянуты ВСЕ разумные расы Галактики, и конца этой бойне не предвидится. Однако земляне понимают – они МОГУТ победить. Могут – если научатся использовать свою находку в полной мере. Вопрос – КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?

Владимир Васильев
Никто, кроме нас

ПРОЛОГ

Бот швыряло и трясло минут пять, не больше. Земных минут, локальных. Скотч постепенно привык к ним снова, хотя изредка глядел на циферблат десятичных часов Табаски и тихонько, чтобы не заметили бойцы, вздыхал. Командир взвода десантников не хотел прослыть среди бойцов сентиментальным. Да и не был Скотч в общем-то сентиментальным. Просто Табаска успела стать его второй родиной. Жаль, что эта дикая и своеобразная планета была стерта с карты Галактики крылом равнодушной войны. Вместе со своим желтым солнышком, именуемым Пронг-тридцать.

– Готовность три! – донеслось из пустоты.

Скотч подобрался и скосил глаза на информтабло. Зеленые глазки сигнализировали, что модуль жизнеобеспечения пустотного десантного скафандра и штатный антиграв пребывают в полной боевой готовности. В готовности пребывал и штурмовой двухпоточный бласт – мощное ружье, способное продырявить навывлет легкий скафандр шат-тсуров первым же импульсом.

– Готовность два!

Скотч встал. Бойцы нестройно шевелились в персональных нишах – кто-то так же косился на информтабло, кто-то на ощупь проверял амуницию, кто-то неслышно шевелил губами – видимо, молился. Старики вроде Солянки (коллеги еще по мирной работе на Табаске) выглядели спокойнее. Молодняк, для кого этот рейд всего лишь первый, второй или третий, волновался. Еще бы не волноваться!

– Готовность раз!

– Подъем, гвардия! – рявкнул Скотч зычно. – Буди антигравы!

Сам он тоже активировал генератор антигравитации, лучший из парашютов, когда-либо использовавшийся десантниками доминанты Земли и просто Земли.

– Носы выше! Внизу не рассыпаться, держать цепь! Видеть соседние взводы!

Канониры, по касанию – двойной сигнальный залп!

Скотч орал привычно и без надрыва. Такова уж сержантская доля – орать на подчиненных, чтоб те не дрейфили и не терялись перед боем.

– И помним, орелики, мы – десант! Мы – гвардия! Мы пройдем там, где завязнут остальные! Задание не выполнит никто, кроме нас! Ясно?

– Никто, кроме нас! – слаженно рявкнул взвод.

Раньше Скотчу после первого хорошего выкрика приходилось восклицать: «Не слышу!»

– и десантники повторяли клич во всю мощь тренированных легких. Теперь орелики привыкли и уже в первый раз орали так, что сотрясались упругие переборки.

В отсек бота заглянул резервный пилот. Было видно, как за его спиной медленно срывается перепонка, заслоняя внутренность кабины. Скотч успел заметить, что за лобовым колпаком никаких облаков нет.

И хорошо, и плохо.

— Готовность ноль!

— Режь перепонку! Солянка, пошел! — скомандовал Скотч.

Первым десантироваться полагалось его заму, капралу Олегу Саксину более известному под кличкой Солянка. Сам Скотч, как самый опытный, прыгал последним. Десантники один за другим вываливались в овальный люк, снаружи очень похожий на жерло вражеского конусного заградителя. Пятнадцать стрелков, четыре канонира, два орудия. И начальник этого маленького, но сверхмобильного и очень опасного в бою подразделения — сержант Вадим Шутиков по прозвищу Скотч.

Уже в воздухе Скотч привычно нашарил взглядом соседей: в отдалении чернела на фоне зеленоватого неба точка ближнего бота со вторым взводом во чреве. Бот четвертого взвода Скотчу разглядеть не удалось, стало не до того, пришлось маневрировать на потоке и управлять антигравом.

Взвод шел к поверхности на диво правильным ромбом, заглядение просто.

И касание прошло как по маслу, никто ничего не переломал и не растерял амуницию. Канониры уже через десяток секунд шарахнули сигнальными, стрелки привычно взяли сектор на стволы. Четвертый взвод, оказывается, уже пребывал на поверхности, как и положено — несколько правее. Второй как раз приземлялся; его сигнальные прозвучали в момент, когда Скотч докладывался ротному.

Рота развернулась в течение нескольких минут. А потом прозвучала команда: «Вперед! В атаку!»

Первыми на вражеские позиции спикировали плоские треугольники земных штурмовиков «Ганновер-II». Скотч знал: после них остаются в лучшем случае развалины, в худшем — начиненное обломками перепаханное поле. И в обоих случаях остается достаточно выживших шат-тсуров, «поющих скелетиков», чтобы открыть шквальный огонь на уничтожение.

Взвод поднялся и перебежками двинулся к позициям. Пока одно отделение перемещалось, второе прикрывало. Потом — наоборот. Точно так же поступали и соседи, а если враг отвечал выстрелами, залегали все и принимались последовательно давить засеченные огневые точки.

До позиций добрались примерно за полчаса; к тому моменту «Ганноверы» успели пройти над первым эшелом обороны минимум шесть раз, а выжившие скелетики сочли за благо отступить ко второму эшелону. Поэтому не только взвод Скотча, а вроде бы и вся рота добралась до цели практически без потерь.

Здесь предстояло перестроиться: второй эшелон обороны шат-тсуров обыкновенно предполагал минные поля, а также хорошо замаскированные и прикрытые с воздуха лучеметы-роботы, способные вынырнуть из-под земли или руин и выжечь все в радиусе доброй сотни ун. Сзади, со стороны батальона прикрытия, приползли закамуфлированные жучки-тральщики и жучки-саперы, а дивизионная и полковая артиллерия тем временем сыпала на головы обороняющимся скелетикам гигаваттные импульсы и рвала воздух в клочья объемными взрывами.

После второго «Вперед!» пришлось почти сразу падать: чуть ли не в лоб ахнул стационарный тазер. Атакуй на этом участке тяжелый танк или попади скелетики из тазера в штурмовик — боевой машине и экипажу можно было бы позавидовать разве что ввиду мгновенной и потому легкой смерти. Но лупить из тазера по десантуре... Лучше уж из дробовика по бактериям. Бравым канонирам Скотча понадобилось всего по четыре выстрела, причем боевыми были только первые, остальные трассирующие. По наводке сработали дивизионки и вскоре о тазере напоминала только колоссальная воронка ун тридцати глубиной. Попутно взрывом откупорило тоннель, соединяющий подземные укрепления скелетиков, что было очень кстати: Скотч немедленно дал в эфир батальонный «ALARM» и первым повел свой взвод непосредственно в крепость противника. Соседние взводы и роты быстро стягивались к воронке, и как ни пытались скелетики их задержать, не смогли. Ну а если уж десант прорвался в бункера — задраивай межблочные шлюзы, не задраивай — без разницы...

Ближайшие четверть часа взвод Скотча неистовствовал на вражеской территории. Мыслям и чувствам места не оставалось, верх сами собой брали рефлекс и боевая злость. Скотч начал беспокоиться, что не хватит запасных магазинов; вдобавок одно из орудий, сильно поврежденное управляемой гранатой, пришлось бросить. Зато почти сразу после этого Солянка с Гавайцем выкосили в замаскированной нише расчет турельного блупера, срезали сам блупер с турели и вручили осиротевшим канонирам. Пока прилаживали к блуперу гравикомпенсатор, взвод успел отбить три

яростных лобовых атаки и совершить две вылазки по соседним помещениям в недавно разработанном и отрепетированном режиме «протуберанец».

Наконец компенсатор приладили и канониры обрели подвижность; командир соседнего взвода как раз начал орать по связи: «Какого хрена третий не держит строй?», на что Скотч солидно пробасил в микрофон: «Расступись с коридора!», выждал пару секунд и скомандовал канонирам: «Пли!»

Ну, штатное оружие — оно и есть штатное оружие. Стрельнуло исправно, но импульс завяз в броне шлюзового перекрытия. Зато блупер плюнул так, что прошел не только ближайший межблочный люк, а и, как позже выяснилось, следующий за ним. А за вторым, как опять же вскоре выяснилось, располагался уже не регулярный боевой пост, а командный пункт всего укрепрайона.

Роте Скотча сегодня определенно везло. С ревом и гиканьем первый, второй и третий взводы ворвались в сердце подземной крепости, сея вокруг смерть и разруху, а четвертый взвод подчищал и прикрывал от ударов в спину. Когда же с командным пунктом было покончено, операция, по сути своей, победно завершилась, осталась только окончательная зачистка территории и организация первичного охранения, пока не сядут тяжелые дивизионные корабли.

В других укрепрайонах оборону недавно захваченной шат-тсурами планеты давили дольше, но везде в итоге задавили успешно. База противника в стратегически важном секторе космоса умерла, так и не родившись, не успев принять ни единого межзвездного транспорта.

Кто еще, кроме земного десанта, мог проделать это так быстро, четко и слаженно? Никто. Никто, кроме них — парней в пустотных комплектах, при оружии, решимости и со многими сражениями за плечами.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА СОЮЗА, ПРОЕКТ «КВАЗАР»

Галактика-2, окрестности финишного створа генератора нуль-перехода

1

— База-база, — пробубнил Саня в сторону микрофона. — Сто пятый вызывает.

— Да, Саня, — ответила база голосом кого-то из девочек.

— Сектор просеял, результаты нулевые. Прошу добро на возврат.

После секундной паузы база милостиво позволила:

— Возвращайся, сто пятый.

— Понял, возвращаюсь.

Отключив связь, Саня Веселов, искатель доминанты Земли, крутнулся в кресле к штурманскому пульту. Гипербола к исполинскому диску работы цоофт была давно просчитана и введена в память астрогатора. Запустив программу возвращения, Саня поплелся на камбуз.

Крошечный челнок класса «Черемosh» ушел в пульсацию спустя восемь минут. Саня как раз жевал горячий бутерброд и тянулся к чашечке кофе, когда у него на миг потемнело в глазах, мир умер, а затем возродился заново.

Откровенно говоря, ежедневные просевки пространства в районе финишного генератора казались Сане абсолютной бессмыслицей. Если древняя раса не оставила ничего в родной галактике, с какой стати ей оставлять что-либо по другую сторону коридора? Да и вообще казалось, что настоящим делом в нынешней миссии заняты лишь ученые, изучающие сам генератор, а это по большому счету сплошь галакты-чужие — цоофт, свайги, а'йеши, азанни. Что делать, старшие расы, им всегда достаются самые лакомые куски любого пирога. Люди формально тоже считаются старшей расой, но не за счет возраста и уровня развития, а исключительно благодаря многочисленности, вездесущести и колоссальной приспособляемости. По части выживания людей превосходят, пожалуй, лишь долгожители оаонс да неорганические кристаллы-а'йеши. Но оаонс-перевертыши слишком малочисленны, а идеология а'йешей почему-то не подразумевает обязательной экспансии. Поэтому стремительнее всех последние столетия в галактике расселялись именно люди, захватывали один нейтральный сектор за другим, пока доминанта Земли не утратила объемную целостность. Теперь контролируемые людьми области и системы располагались весьма хаотично и встречались повсеместно, в каждом спиральном рукаве, за исключением разве что Ядра. Там, где звезды едва не слипались в единый плотный ком, старшие расы все поделили и захватили тысячи и тысячи лет назад, а стало быть, людям нечего было и пытаться туда влезть. Люди и не лезли. Одно время Ядром владели нетленные и их союзники, но после памятных событий у

Волги нетленных вышибли за пределы галактики, а их расы-сателлиты оре и дашт попали в жесткую зависимость от цоофт, азанни и свайгов. Если отбросить политкорректные словеса, зависимость смело можно было назвать форменным рабством, поскольку оре и дашт в большинстве своем пахали на многочисленных рудниках вроде Пояса Ванадия или ныне принадлежащей имперцам Багуты; перемещения их строго регламентировались, а о предоставлении им каких бы то ни было технологий не могло быть и речи.

И сейчас на союзной исследовательской базе Саня чувствовал себя неуютно. Хорошо еще, что по работе общаться приходилось лишь с людьми — с такими же искателями, с девчонками-диспетчершами, да с бригадиром. Ну а в свободное время общаться с нелюдями Саню как-то не тянуло.

На обзорном экране одна из звезд становилась все ярче и ярче, постепенно превращаясь из точки в пятнышко, из пятнышка — в россыпь огней, а после — в ясно видимый на фоне звездного неба диск исследовательской базы. Звено патрульных истребителей азанни скудным роем оранжевых искр мелькнуло по левому борту и пропало. Подсвеченные гирлянды объединенных лабораторий цоофт и азанни простирались в стороны от базы словно гигантские щупальца. Несколько льдисто-синих шаров висело под диском — станции а'йшей. Плоские поисковые боты свайгов обрамляли одну из гирлянд, отчего она казалась не щупальцем, а побегом невиданного растения, а боты свайгов казались листьями.

Картина была величественная и даже в какой-то мере романтическая, но Саня за неполный год работы в «Квазаре» успел к ней привыкнуть до зевоты. В первые дни любовался, да, но не сейчас.

База провесиала для Саниного «Черемоша» финишный коридор и подсветила подлетные створы. Еще четверть часа — и финиш.

В ангаре, где «Черемоши» стояли рядами по десять, Санин кораблик, замер в оранжевом круге.

Сброс полетных режимов.

Стоп реактору.

Разгерметизация.

Вокруг уже суетились техники-цоофт, похожие на обряженных в робу страусов. Саня подхватил куртку и скорым шагом направился к шлюзу.

Перед перепонкой терпеливо дожидался позволения ступить на борт робот-уборщик.

Саня хлопнул его по сенсору на топе и посторонился, пропуская в шлюз, а сам выпрыгнул на край оранжевого круга. Техники дружно щелкнули клювами, приветствуя человека. Саня в ответ небрежно отсалютовал рукой. В конце концов, эти птички-техники сами в подчиненном положении. Низовое звено, служба. Почему-то среди галактов именно представители услуги были настроены к людям наиболее дружелюбно. Наверное, потому, что тоже тихо недолюбливали правящую элиту собственной расы.

Насвистывая «Шепот звезд», Саня зашагал к выходу. Сейчас заскочить в каюту, принять душ, потом мотнуться поужинать по-настоящему, тяпнуть пивка... А то и рому — исключительно для тонуса. И с чистой душой идти отсыпаться вплоть до следующего рейда.

Однако надеждам его не суждено было сбыться.

Браслет па руке сжался и завибрировал.

Вызов.

Коснувшись браслета, Саня на ходу пробурчал:

— Слушаю!

— Кадет! Ты где?

Вызывал бригадир.

— В ангаре.

— Ужинать топаешь?

— Сначала в душ.

— Душ отменяется. Давай прямо в столовую, четвертый зал.

— Четвертый? Это ж офицерский! — удивился Саня.

— Не бзди, пропустят. Кстати, — неожиданно сменил тему бригадир. — Тебя еще не затрахали эти ежедневные траления в пустоте?

— Если честно, шеф, затрахали по самое не могу! — искренне признался Саня.

— Это хорошо, — удовлетворенно заметил бригадир и кашлянул. — Давай сюда, рысью. И отключился.

Вздохнув по поводу несостоявшейся помывки, Саня проскочил перепонку ангара и направился к лифтам. Столовые располагались на осевом уровне, самом длинном и объемном.

У шлюза в офицерский сектор, разумеется, дежурил рослый пехотинец в каске. На Саню он едва взглянул; пробасил полуутвердительно:

— Веселов?

— Он самый.

— Направо, сорок седьмой столик.

И головой чуть заметно дернул: заходи, мол, салака штатская...

Саня кивнул и впервые в жизни вошел в офицерский сектор. Отличия имелись, хотя и незначительные: вместо обычной таблички со стрелками

Бар Столовая

< — ->

на стене пульсировала красочная голограмма в рамочке, из бегущих огней. В столовой скатерти были не синтетические, а льняные, с рисунком. Посуда не пластиковая, а фарфоровая, а приборы металлические с закосом под старинное серебро, хотя скорее всего это был какой-нибудь мельхиор или ферманит. Пол — не стандартное ворсистое покрытие, а паркет, с ходу можно даже решить, что реально деревянный. В общем, побогаче обстановочка. Когда только успели отделать — база-то птичкина, а цоофт даже столами почти не пользуются, у них в ходу циновки прямо на полу.

— Кадет!

За одним из столов призывно махнули рукой — бригадира попробуй не узнай.

Новый Санин бригадир мало напоминал прежнего, Тахира Плужник, погибшего на Табаске, но Саню также называл кадетом. Звали его Ролан Пыржек, был он миниатюрен, шустр, черняв и кучеряв. Помимо бригадира за столом сидело трое незнакомых типов и штурман Вася Шулейко, с которым Саня ходил в тот самый приснопамятный поиск, из-за которого вся каша и заварилась, а позже с ним же бок о бок воевал со скелетиками на Табаске. Васе тогда здорово досталось, чуть не погиб от тяжелого ранения, но ничего, выкарабкался в итоге, хотя шрамы на боку остались довольно устрашающего вида. Девчонки аж млеют, увидев.

— Привет, Саня, — поздоровался Шулейко, искатель без возраста.

— Здорово, Вася! — Саня от души пожал штурману руку: Вася был таким человеком, с которым все на «ты» и которому даже «кадет» всегда прощался.

Остальные Сане сдержанно кивнули.

— Садись. Вот меню, выбирай. — Бригадир передал Сане раскрытую книжцу.

Вот и еще одно различие. В столовых для низшего состава никакого меню нет и в помине: чего подадут, то и жуй со всей возможной благодарностью. А тут — меню... Официант, к счастью, оказался роботом. Саня не любил, когда люди кому-нибудь прислуживают. Ладно еще каким высокопоставленным генералам-адмиралам, у тех голова не мирскими делами забита, а возвышенным. Там не прислуживать скорее надо, а присматривать за ними, будто за детьми малыми, дабы чего не натворили в задумчивости. Взять того же Ролана Пыржека — небольшая ведь шишка, командует бригадой из полутора десятков искателей. На кой, спрашивается, ляд ему живой официант?

Впрочем, живого и нет: есть тупой, но исполнительный автомат, умеющий распознавать речь, доставлять заказы и убирать со стола.

Заказав отбивную по-флотски с жареным бататом, дежурный салат и чай, Саня захлопнул меню. Робот неожиданно веселым девчачьим голосом осведомился насчет десерта. Недолго думая, Саня присовокупил к заказу фруктовое мороженое. На этом железка угомонилась и резво укатила на кухню.

А Саня преданно уставился на Пыржека. Должно же быть этому вызову какое-нибудь достойное объяснение?

Тот перехватил его взгляд, отхлебнул из разрисованной чашки чего-то светло-коричневого, то ли кофе с молоком, то ли крепкий уклу, и словно бы невзначай заметил:

— Значит, ты тоже считаешь поиски в окрестностях генератора бессмысленными?

От Сани не ускользнуло, что обращался бригадир хоть и к Сане, но сделано это было как-то напоказ, для остальных сидящих за столом. Эдакая демонстрация независимого мнения.

— Ну, в общем, да, — вторично признался Саня. — Объяснять почему?

— Объясни, — попросил один из незнакомцев.

— Пара генераторов и нуль-коридор образуют единую транспортную систему. Вряд ли строителям этой системы нужен мусор в районе коридора. Насколько можно судить по скудным находкам, раса предтеч-исполинов уважала порядок. Скорее всего они

позаботились о том, чтобы в районе коридора всегда было чисто, и слабое антиполе тому лучшее доказательство.

— Какое антиполе? — не понял незнакомец, сидящий по правую руку от Сани.

Пришлось растолковать:

— Около генераторов и коридора действует слабая центробежная гравитация, направленная от продольной оси коридора наружу. То есть вся система в целом отталкивает разнообразную космическую пыль и прочий мусор.

— А засечь генератор по этому фону нельзя? — забеспокоился сосед.

— В том-то и дело! Если это и гравитация, то какая-то необычная. Никаких признаков работы генератора, никакого тазонарного фона. Она просто действует и все, без всяких видимых причин. Определили опытным путем. По отклонению трасс «Черемошей». Ну... и еще по ряду наблюдений.

— Ладно, допустим, — снова заговорил первый незнакомец, расположившийся напротив Сани, рядом с Васей Шулейко. — Продолжай, Ролан.

— Ага, — встрепенулся Пыржек и снова обратился к Сане: — Скажи, где бы ты сам искал новые следы предтеч-исполинов в первую очередь?

Саня в душе недоумевал. Почему подобные вопросы задают ему, простому искателю? Единственная его заслуга во всей происходящей заварухе состоит в том, что именно он, искатель Саня Веселов обнаружил стартовый генератор в родной галактике и одним из первых вместе с Васей Шулейко и покойным Тахиром Плужником прошел нуль-коридором в иную галактику. А потом вернулся. И все.

— Я могу поинтересоваться — с какой целью вы спрашиваете об этом именно меня? — осторожно сформулировал собственное недоумение Саня.

— Пока — нет, — отрезал незнакомец справа.

«Ну, нет — так нет...» — смирился Саня. Да и выбора у него в общем-то не было.

— В таком случае я искал бы следы деятельности предтеч в ближайшей звездной системе по вектору коридора. Особенно на планетах. Именно по вектору: в траверзных и ахтерных областях искать, на мой взгляд, бессмысленно.

Сидящие за столом дружно переглянулись. Дружно и многозначительно, аж озноб по спине.

— В яблочко, — прокомментировал незнакомец рядом с Васей Шулейко.

Сане как раз доставили заказ.

— Ну, что же, — решил высказаться и доселе молчавший третий незнакомец, самый старший из всех присутствующих. — Весьма убедительно, Ролан. Не будем мешать молодому человеку насыщаться после поиска. А вы, коллега, после ужина ступайте с посыльным: он будет ждать вас у выхода из столовой, подле охранника. Приятного аппетита!

Вся компания дружно встала и довольно спешно потянулась к выходу. Пыржек незаметно подмигнул Сане — вроде бы одобрительно. Тут же прикатил официант и принялся убирать грязную посуду; при этом он умудрялся не мешать Сане и вообще тактично держался поодаль, у противоположного края стола.

Кормили вкусно, но не скажешь, что много вкуснее, нежели в обычных столовых для рядового состава и obsługi. Значит, стандартная вакуумная кухня.

«Черт возьми! — подумал Саня с некоторым напряжением. — Что все это означает? Допрос какой-то непонятный, намеки, переглядывания...»

Тем не менее за учиненным допросом чувствовалась некая единая осмысленная затея. Система чувствовалась. Стройная и логичная. Саня не мог объяснить, почему так думает, просто чувствовал, ведь для искателя развитое чутье — первейшее качество.

Особенно если оно редко подводит.

Насытившись, Саня без задержек покинул столовую. Мысли на какое-то время утомонились и среди всех желаний возобладало одно, простое и первобытное: принять горизонталь и некоторое время поваляться, время от времени сыто цыкая зубом и хлопая ладонью по набитому пузу. Увы: как Сане и обещали, при выходе рядом с охранником терпеливо дожидался робот-посыльный — пупырчатая сфера размером с теннисный мячик. Висел посыльный на уровне груди и бдительно поблескивал полированными хрусталиками объектива. Завидев Саню, автомат слегка развернулся и посветил в лицо красноватым лучиком; на сетчатке глаз возникла проекция — надпись «Follow me». После этого автомат плавно заскользил вдоль коридора. Саня, машинально кивнув охраннику, поплелся за посыльным.

Как ни странно, но шар завел Саню в дальние секторы базы, где никто из искателей сроду не бывал. На миг завис перед усиленным шлюзом с трафаретом «Хозчасть» над перепонкой.

Перепонка расслоилась сама собой; из шлюза на Саню взглянул крепкий парень в простом комбинезоне без служебных меток. Испытывая так взглянул, словно рентгеном просветил.

— Входи! — велел он негромко.

Посыльный, погасив голограмму, тотчас шмыгнул куда-то вбок, а Саня прошел мимо еще четверых парней совершенно аналогичной наружности. Парни чем-то неуловимо напоминали вышибал из дорогого ресторана: такие же подчеркнуто вежливые, убийственно корректные и готовые в любой момент, не меняясь в лице, свернуть тебе шею.

В конечном итоге Саня оказался в кабинете, где уже поджидали бригадир Пыржек и самый старший и значительный из недавних сотрапезников.

— Садитесь, — незнакомец пододвинул Сане высокий табурет на трех хромированных ножках, а сам обошел комнату и устроился за столом. Пыржек сидел у стены.

— Искатель Веселов, вас решено перебросить на новый фронт работ, — сообщил незнакомец ровным и бесцветным голосом. — Работа также будет связана с поисками по разрабатываемой теме. Здесь мы можем говорить без обиняков и называть вещи своими именами. По всей видимости, искать подсказки в непосредственной близости от пары генераторов нуль-коридора действительно не имеет особого смысла, да и заниматься этим вполне могут другие. Считаю своим долгом предупредить:

информация, которой я сейчас намерен поделиться с вами, имеет высший гриф секретности. По данным, собранным искателями высших рас за тысячи циклов поиска, обнаруженный вами нуль-коридор ведет к складу-захоронению таких же генераторных пар. Вашей целью и будет обнаружение этого захоронения. На резонный вопрос:

«Почему я?» советую даже не искать ответа. По ряду причин. Вы назначены — замечать, не назначаетесь, а уже назначены — бригадиром искательского отряда. В поиск вы отправляетесь немедленно. Вас не зря недавно спрашивали о том, где, по вашему мнению, следует искать следы деятельности предтеч-исполинов. Ваше мнение полностью совпало с мнением ведущих аналитиков проекта. Стало быть, вам и карты в руки! Рейдер стартует немедленно. Оттмар!

Перепонка с чмоканьем расслоилась и в кабинет просочился военный в чине майора. Лицо его было смутно знакомым; спустя секунду Саня сообразил, что видел его на Табаске, что майор носит довольно громоздкую фамилию и что он земляк Кости Цубербюллера.

— Прошу знакомиться: бригадир Веселов, руководитель поисковой команды. Линейный майор Эберхартер, командир роты разведки. Майор и его ребята будут обеспечивать безопасность и охрану вашей группы.

Майор отсалютовал Сане — по-военному четко, без панибратства, и сказал:

— А мы уже встречались. Если не ошибаюсь, на Табаске.

Саня утвердительно кивнул и протянул руку:

— Здравствуйте, майор!

Рукопожатие Эберхартера, как и положено, было крепким и обнадеживающим.

— В качестве пилотов будут использоваться азани, с их шефом познакомитесь в процессе. Вводные и прочая информация — на борту. Прошу, господа, время дорого! Саня ошеломленно встал. События разворачивались стремительно, и он изо всех сил пытался удержаться в нужном ритме. Мысли роились, как осы у потревоженного гнезда. Основные две, впрочем, главенствовали: уже упоминавшаяся «Почему я?» и другая: «Прощай, прозвище „кадет“...»

Бригадиров кадетами не кличут.

2

Модульный рейдер цоофт был экипирован почище парламентарского бота. Во всяком случае, аппаратуры в него напичкали — мама, не горюй! Даже пресловутый элитный камуфляжный модуль имелся. Правильно, союз не хотел рисковать и задействовал ресурсы по максимуму.

До самой пульсации Саня ломал голову: что же привело к столь головокружительному взлету его карьеры? Из простого искателя сразу в бригады! Такое не каждое десятилетие случается. К слову сказать, старшим штурманом у Сани пошел Вася Шулейко. Вот так вот, все с ног на голову. Теперь Саня мог послать Шулейко драить переборки, а не наоборот, как неоднократно бывало ранее.

Неразговорчивый незнакомец из «Хозчасти» (понятно, что за этой неброской вывеской пряталась какая-то закрытая контора) вылетел вместе с искателями. Равно

как и пятерка его безмолвно-вежливых, похожих на вышибал ребят. Саня окрестил незнакомца Абсолютом, но вслух это прозвище, понятное дело, не произносил. В подчинении у Сани теперь ходило пятнадцать искателей, четыре штурмана, пяток техников и полукрыло пилотов-азанни. Рота Эберхартера подчинялась Сане поскольку-постольку: уговорились, что бригадир формулирует общую задачу, а Эберхартер с сержантами далее действует по своему усмотрению, но в рамках поставленного. Джина научных тоже подчинялась Сане лишь в смысле элементарной экспедиционной дисциплины — у них задачи были собственные, сугубо специфические, и влезать в епархию научных новоиспеченный бригадир не собирался.

Вася Шулейко, старший штурман, еще до старта задал резонный вопрос: а куда, собственно, летим, бригадир?

И тогда Саня, в присутствии Абсолюта, Эберхартера и двоих азанни, в иерархии которых разобраться было довольно сложно, изложил свои соображения по поводу дальнейших поисков.

Мысль его была проста и незамысловата: входной створ коридора всякий раз оказывается сориентированным по-разному, как правило, в зависимости от направления дрейфа финишной сферы подлетного корабля; выходной же всегда выбрасывает корабли одинаково, словно целит в некую условную точку. Причем безразлично, в каком направлении проходить коридором — из родной галактики в галактику-2 или наоборот. А если все обстоит именно так, а не иначе, значит, это кому-нибудь нужно. Еще полгода назад, когда выяснилось, что коридор отталкивает космическую пыль и периодически сам корректирует наклон продольной оси обоих генераторов к плоскости эклиптики, Саня попробовал мысленно продолжить ось в пространстве. В родной галактике ось пронизывала более двадцати световых лет пустоты и упиралась в старое пылевое облако; после консультации с космогонистами Саня узнал, что облако некогда вполне могло быть звездой или даже звездной системой, уничтоженной каким-либо катаклизмом. Дальше облака ось коридора шла только через пустоту, на протяжении более чем двух тысяч световых лет.

Продолжив ось далее финишного створа, Саня без особого удивления обнаружил, что уже в шестнадцати с небольшим световых годах воображаемая прямая пересекает эклиптику планетной системы одной из звезд; несложные вычисления показали, что раз в местный год четвертая от звезды планета оказывается «под прицелом» финишной оси нуль-коридора. А дальше — снова более двух тысяч световых лет пустоты. Саня долго размышлял — случайно это или нет, хотя размышлять тут, говоря начистоту, было нечего. И даже уже почти набрался храбрости, дабы изложить результаты своих любительских изысканий кому-либо из научных.

Не успел. Может, оно и к лучшему, что не успел? Во всяком случае, судьба предоставила ему шанс проверить все собственноручно и в официальном порядке. Первоочередной разведке подлежали области планеты, где воображаемая ось нуль-коридора начинала чертить дугу по поверхности, а также противорасположенные районы в другом полушарии.

Подлет к искомой планете рассчитали в четыре пульсации.

Звезда была рыжая и взлохмаченная, вся в космах чудовищных протуберанцев. По крайней мере такой она выглядела на экране проектора, сглаживающего губительную для сетчатки яркость. Семейство Звезды насчитывало тринадцать планет, аж четыре астероидных пояса, достаточное количество комет и блуждающих обломков, а также странное газопылевое образование, вращающееся с сильным наклоном к эклиптике между орбитами пятой и шестой планет. Все без исключения планеты имели спутники — даже ближняя к звезде, что было в общем-то несвойственно системам, подобным Солнечной: звезда, как правило, ворует спутники у ближних к себе планет.

— Эй, бригадир! — окликнул из-за пульта Вася Шумейко. — Надо бы этой звездочке название дать. И номер по каталогу присвоить. Это твоя обязанность, между прочим.

Саня обернулся к штурману:

— А что, ее разве еще не обозвали?

— Не-а! — весело сообщил Шулейко. — Да и каталогом как-то никто не озаботился с этими генераторами, так их и раззат. Собственно, на базе и астрономов-то нет. Отлучили их вроде бы от проекта — вспомни, как ты почтой к космогонистам долбился...

К космогонистам и впрямь пришлось долбиться долго, почти две недели.

— Ну... Номер, получается, первый. Скажем, AA0001. А имя... ну, скажем, Рамона. Не занято?

— Ща гляну. — Шулейко, сидящий вполоборота, лениво потянулся к компу.

— Думаю, занято, слишком уж обычное... Точно, занято. Думай дальше.

Саня несколько секунд поразмыслил. А потом неожиданно пришло решение – простое и очень правильное.

– Знаешь что, Вася... Давай назовем ее Тахир. Не возражаешь?

Шулейко враз стал серьезным, даже как-то неуловимо подобрался в кресле. Снова тронул клавиатуру, проверяя каталог родной галактики.

– Свободно... – сказал он вскоре. – Я согласен. Молодец, каде... э-э-э... извиняйте, пан бригадир.

Шулейко повернулся к компу полностью и занялся каталогом, бормоча под нос по мере заполнения соответствующих полей:

– Тахир... Номер по каталогу... Спектральный класс... Светимость... Абсолютная звездная величина... Координаты... Базовая привязка...

– Как будем подходить? – обратился Саня к вахтенному штурману, толстому индивиду лет тридцати, еле влезающему в стандартное рубочное кресло. Индивида звали Гелий Мост; был он существом удивительно аморфным и некоммуникабельным, но штурманом – каких мало. Насколько Саня знал, именно Гелий Мост дежурил на Поисковой Базе Земли в момент прихода сообщения от «Шустера-эпсилон» семьдесят пятого и обрабатывал само сообщение. За что, вероятно, и загремел на исследовательский диск цоофт в чужую галактику. Назначение, которое сначала многими воспринималось как подарок судьбы, в итоге обернулось форменной ссылкой. Колонией не слишком строгого режима.

– Подходить? С полюса, – буркнул Гелий.

– Это ж неудобно, – с сомнением протянул Саня.

– Почему неудобно? С приводом, по вращению. Там зависнем. А модули уже по ситуации станем рассылать, катапульта у нас мощная...

Рейдер цоофт действительно был снабжен завидной гравитационной катапультной, позволявшей малым разведывательным кораблям на первых порах подлета к атмосфере вообще не тратить крючее.

Очерчивая плавную правильную кривую, корабль искателей приближался к Тахиру-четыре «пешком», на прямоточниках.

Легкое замешательство вахтенного сканировщика Саня отследил далеко не сразу. Тот сам окликнул бригадира, опережая Санин вопрос:

– Шеф! – донеслось до Веселова. – Спутники!

– Что спутники? – не понял Саня.

– У Тахира-четыре есть спутники!

– Так тут у всех планет есть спутники, даже у Тахира-один! – фыркнул Саня недоуменно.

– Шеф, искусственные спутники! Смотрите сами! Разрази меня вдребезги пополам, если это не солнечные батареи растопырились!

– Искусственные?

Саня осекся и прильнул к обзорнику, куда сканировщик предупредительно завел изображение.

Сомнений быть не могло: вблизи Тахира-четыре вращался примитивный космический аппарат, весьма напоминающий музейные снимки «Союзов» и «Аполлонов», на которых человечество когда-то сделало первые робкие шаги в околоземное пространство.

– Там еще мелочи всякой навалом, поменьше, – сообщил сканировщик. – Показывать?

– По... – сказал Саня и громко икнул. – Показывай. И кто-нибудь – прослушайте радиодиапазон!

В следующую секунду рубка наполнилась звуками эфира; Тахир-четыре был окутан сплошной завесой радиосигналов, которые накладывались один на другой, глушили друг друга, интерферировали. Приемник хрипел и стонал, как стая осипших скворцов по весне.

– Вот это номер. – Саня в задумчивости почесал макушку. – Неужели это дом строителей коридора?

– Да ну, – усомнился Шулейко. – Глупость какая! Корабли допотопные, радио... Если это пресловутые исполины, то они основательно измельчали и впали в натуральную дикость.

– Так! – скомандовал Саня решительно. – К планете пока не пойдем! Вписываемся в стационар и ставим камуфляж! Раз-два, начали!

– Верное решение, – послышалось со спины. Саня обернулся – посреди рубки стояли Абсолют и один из его ребят. Когда они только успели войти?

– Рад, что вы оценили, – буркнул Веселов вполголоса. И громче: – Вася, что там? Шулейко, сноровисто обсчитывающий стационарную орбиту вокруг Тахира-четыре, невнятно ответил:

– Щазз... Пару секунд...

От компа он, разумеется, не оторвался.

3

В первый поиск Саня цинично назначил себя и двоих хорошо знакомых ребят из другой смены — Ваньку Танасевича и Сергея Забирая. Экипировались тщательно, по полной программе, под неусыпным надзором эберхартерского старшины и лично Абсолюта. Двое азанни, одетые в смешные волоконные сбруи с карманами и кобурами, терпеливо ждали в кессоне.

Аппаратуру модуля вылизали и перепроверили раза четыре. Сам модуль, обтекаемый и полупрозрачный, как линза, лежал в стартовом пазе.

Чем-то модуль напоминал призрака — не то ступок тумана видишь, не то еще нечто бесформенно-расплывчатое.

— Готов, — выдохнул первым Забиров. — Аппаратура в норме.

— У меня аналогично, — присоединился Танасевич.

У Сани тоже все работало штатно, и основной комплект, и дуближ. Вопросительно взглянув в лицо Абсолюта и уловив молчаливое благословение, бригадир чуть-чуть громче, нежели следовало, скомандовал:

— Начинаем! Группа — по местам!

С чмоканьем расслоилась перепонка. Азанни у стены кессона как по команде повернули головы.

— По местам! — повторил Саня, и птички перепорхнули на верхнюю выпуклость модуля, где располагалась пилотская кабина. Людям пришлось обойти «летающую тарелку», чтобы попасть в грузопассажирский отсек.

Мир сузился до тесного помещения с тремя креслами и множеством экранов перед ними. Первым делом — пристегнуться: по сравнению с азанни самый оголтелый лихач-человек казался образцовым и добропорядочным пилотом. Однако в исполнении азанни самые рискованные маневры лихачеством отнюдь не являлись: птички жили несколько в ином ритме и за единицу времени успевали осмыслить и совершить почти втрое больше, чем самые шустрые из людей. Плюс дополнительные органы чувств и уникальный орган равновесия — все, свойственное расе, изначально способной к свободному полету. Мир азанни существовал в объеме, в то время как люди и остальные галакты обитали в основном на плоскости. Именно поэтому лучших пилотов, чем азанни, галактика не знала.

— Модуль готов, — прошептал премьер-пилот на неплохом интересе. — Запрашиваю разрешение на старт.

— Разрешаю старт! — не без волнения скомандовал Саня.

Мгновенный, едва уловимый перепад тяготения, и плоский кораблик вылетел из стартового паза, как прожаренный хлебец из тостера. Кораблик был незрим и бестелесен, словно ступок пустоты. Он ничего не отражал, поглощал все виды излучений и ничего не излучал сам. Его словно не существовало в материальном мире. Тахир-четыре, голубоватый с желтизной по краям полумесяц, нависал над прозрачной обшивкой. Экраны показывали его сразу с нескольких ракурсов — с датчиков рейдера, с высеянных глазков. Два естественных спутника Тахира-четыре виднелись чуть в стороне — пара небольших серпиков. Тот, что побольше, — желтый, будто селентинская груша, тот, что поменьше, — серо-стальной, как полированная обшивка грузовоза.

В атмосферу вошли на силовой тяге, чтоб не оставлять после себя предательского инверсионного хвоста. Танасевич непрерывно шевелил пальцами, словно повелевал невидимой клавиатурой: монтировал карту прямо в полете. Очертания материков и архипелагов проступали и застыли на полупрозрачном голографическом макете над его руками.

Две алые дуги, расположенные на диаметрально противоположных сторонах шара, отмечали места, где воображаемая ось нуль-коридора пронзала Тахир-четыре в момент противостояния. Места первоначальных поисков.

— Точка входа, — прокомментировал Забиров, изучая развертку. — Нагорье, хребты и узкие долины. Средняя высота над уровнем моря — четыре с половиной килоуна.

Точка выхода — побережье одного из материков, шельф. Глубина океана в указанном месте — до двухсот ун. Куда сначала, командир?

Саня задумался. Действительно, куда? Нагорье и хребты ему не нравились:

захоронение, которое они искали, очень древнее, явно старше по геологическим меркам, чем оные хребты. Если там за последние миллионы лет почва вставала дыбом и из него перли выдавливаемые наружу пласты породы... Хрен чего они там разыщут

в ближайшее время. Придется сидеть и сканировать, день за днем, ун за уном. А вот над побережьем и шельфом можно совершить скользящий заход и скорее всего списать сразу здоровенный шмат территории как бесперспективный. Если, разумеется, ничего не найдется. К тому же над побережьем сейчас день.

— Давай к побережью, — велел Саня.

Пилоты немедленно бросили кораблик в плавный вираж, ложась на новый курс. Линия терминатора величаво отползала из поля зрения, а серпик постепенно становился выпуклой полусферой. Она росла, разбухала, вытесняла с экранов постепенно тускнеющие звезды, пока не заняла собою все экраны, кроме угловых, панорамных.

— Входим в плотные слои, — бесстрастно сообщил пилот. — Гашу скорость.

— Ага, — сказал Саня. Больше ему нечего было сказать, по крайней мере пока.

— У них над Северным полюсом дыра в озоновом слое, — заметил Танасевич. —

Допрыгались. Фреон, поди...

— Ты скажи, у кого такой дыры не было... — проворчал Забирай, не отрываясь от модели.

— У а'йешей, например, не было. — Танасевич был невозмутим, как статуя. — У перевертышей, говорят, тоже.

— Хе-хе... У а'йешей на материнской атмосфера метановая — откуда там озоновый слой? Да и атмосферой ее назвать... На Марсе — и то плотнее.

— Ты спрашивал, я ответил, — пожал плечами Танасевич. — О! Глядите — бот.

Атмосферный. Аборигены!

Один из экранов высвечивал изображение обтекаемого сигарообразного механизма с крыльями и вертикальным стабилизатором в хвостовой части. Вдоль корпуса шел частый ряд темных пятен, скорее всего иллюминаторов. На головной части «сигары» возвышался слабо выраженный горб.

— Далеко?

— Четыреста двадцать килоун. И он ниже нас. Модуль тем временем снизился; от поверхности Тахира-четыре его отделяли неполных пятнадцать килоун. Чуть больше семи километров. Незримой и невидимой для радаров (а у аборигенов наверняка имелись радары) тенью он рассекал воздух и стремительно терял высоту. Вскоре пилот-азанни выдал очередную реплику:

— Заходим на цель. А побережье — явно курорт.

«Курорт, — подумал Саня. — Это плохо. Значит, народу тут — туча. Гостиницы, рестораны, боулинги и бильярды. Или во что там играют местные разумные? На полоске у воды толкнутся тысячи и тысячи бездельников. Дьявол! Может, следовало лететь в горы?»

— Лучше всего для начала пройти на бреющем, все как следует заснять, а потом уйти под воду и спокойно исследовать шельф, — предложил пилот.

— Давай! — не раздумывая, согласился Саня.

Так и сделали. Второй пилот от скуки и непонятого озорства сжег пузатый аэростат, что болтался на длинном поводке над шпилом одного из зданий. Саня хотел отчитать его, но раздумал. Побережье и впрямь выглядело обычным курортом — шоссе вдоль океана, по обе стороны от шоссе — постройки, много бассейнов и зелени. пляж пестрел цветными пятнами — видать, зонтиками и навесами для защиты от солнца. И тянулось все это великолепие вдоль океана килоунами, без конца и края. Впрочем, — искателей интересовал достаточно небольшой отрезок — килоун в двести.

— Хватит, пожалуй, — сказал Саня пилоту, сверяясь с картой. — Давай под воду.

— Даю, — прощепетал азанни, бросая модуль в очередной головоломный вираж. —

Компенсаторы включите...

Переход из воздушной среды в более плотную водную без компенсатора пережил бы разве что а'йеш.

Неожиданный и беспричинный всплеск унах в трехстах от берега вряд ли кто-либо заметил, кроме случившихся поблизости рыб.

4

— Думаешь, — спросил Абсолют, — мы не ошиблись, пустив его по следу?

— Думаю, нет, — твердо ответил Шулейко. — У этого парня сверхъестественный нюх на сокровище.

Оба покосились на экраны, куда в данный момент транслировались красоты подводного мира.

— Начнем с того, что генератор обнаружил именно он, — принялся развивать свои мысли Шулейко. — Не я, не бригадир наш покойный — он. И на Табаске опять же: дважды вышел точно к складам местных гидов, в первые же сутки. Убежище нам отыскал — чуть ли не единственное в округе. Да и в прежних поисках... В общем, это феномен какой-то, а не человек, искатель по призванию. Вот увидите, недели не пройдет, а он и на Тахире что-нибудь такое обязательно отыщет.

— Что-нибудь такое нам не нужно, — проворчал Абсолют. — Нам нужно захоронение исполинов. Генераторы. Много генераторов.

— Отыщет. Если, разумеется, тут имеется захоронение.

Договорить Шулейко не успел. Модуль вызывал рейдер:

— Рейдер, я Веселов! Картинку от нас получаете?

— Получаем, — торопливо отозвался Вася, делая поярче изображение на соответствующем экране.

— Взгляните-ка! Что это по-вашему? Серега, заведи четвертый на трансляцию. Коралловый риф и стаи разноцветных рыб пропали с экрана; вместо них появилось изображение ровного песчаного дна, усеянное продолговатыми предметами, похожими на артиллерийские снаряды крупного калибра. Некоторые лежали на песке, некоторые частично были в него погружены. Некоторые стояли торчком или под наклоном. Изображение рывком наехало на один из стоящих торчком. «Снаряд» оброс целой бахромой водорослей, которые загадочно шевелились в такт колебаниям воды.

— Черт меня побери, — пробормотал Абсолют и поглядел на часы. — Говоришь, не пройдет и недели? Ха-ха! Час и сорок две минуты, милейший. Час сорок две!!!

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

1

Малая приемная была освещена неравномерно: большая часть — обыкновенными лампами дневного света, привычными любому землянину или венерианцу. Ярким пятном выделялся сегмент, в котором расположился Пик Пирамид Азанни со свитой. Желто-зелеными тонами отсвечивал сектор послов цзофт. Представители вновь созданной Галереи Свайге, разумеется, предпочли подернутые лиловым маревом сумерки родного мира. В секторе а'йешей вообще царила тьма — разумным кристаллам было решительно все равно, присутствует ли в общем потоке излучений та узенькая полоска, которую представители органических форм жизни именуют видимым спектром. Для единственной приглашенной на совет расы второй волны — сенахе — специальных условий создать просто не успели, поскольку совет получился экстренным.

Руководители пяти ведущих доминант Галактики собирались впервые за несколько веков. Да и помимо них хватало высокопоставленных лиц — политиков, военных, чиновников, ученых. Тем не менее совет считался закрытым и доступ на него был строжайше ограничен; еле уместились в малой приемной. В большой параллельно проводилась некая военная конференция — для отвода глаз.

— Итак, уважаемые союзники! — открыл совет Вернер Винцль, президент Солнечной системы, метрополии доминанты Земли. — То, чего мы ждали в течение последнего, весьма трудного цикла, свершилось. Вы понимаете, о чем я — честное слово, лишний раз не хочется произносить это вслух. Подробности будут оглашены несколько позже, а пока, я полагаю, уместнее будет выслушать руководителя научной программы, ибо даже самый малый отрезок времени может принести немало новостей. Прошу...

В приемной никто не встал, как того требовали обычаи союза, да и почти любой из рас. Дело в том, что научными изысканиями по недавней находке искателей-землян руководил представитель единственной расы, особи которой не могли ни сидеть, ни стоять — они могли только где-либо находиться. Руководитель научной программы принадлежал к технократии а'йешей. Механический голос зазвучал из скрытых громкоговорителей:

— Приветствую союз и совет от имени технократии а'йешей, а также от объединенной исследовательской группы «Квазар». К сожалению, последние малые циклы ничего не добавили к уже известному: работа исследуемого устройства опирается на покуда недоступные нам принципы. Боюсь, эти принципы лежат далеко за пределами понимания сегодняшней объединенной науки высших рас. Из опасения повредить исследуемый объект механическое вскрытие, как и было оговорено ранее

представителями шестерки, не проводилось. На текущий момент мы знаем об исследуемом объекте не больше, чем знали всегда, а именно что он существует и что он работает. Мне нечего добавить к вышесказанному.

А'йеш умолк; по сигналу Винцля встал руководитель второго направления поисков, ранее — начальник Поисковой Базы Земли. Звали его Джошуа Фергюсон и происходил он из коренных обитателей земного континента Австралия. Худощавый, невысокий, с иссиня-серой кожей и вьющимися волосами.

— Я уже докладывал президентскому совету Солнечной системы суть наших поисков и сейчас уполномочен заявить всем собравшимся: то, что мы ищем, наконец-то найдено. Копии исследуемых объектов обнаружены на планете одной из достаточно близких к финишному створу коридора звезд. По словам моих подчиненных, их десятки, а возможно, и сотни тысяч пар — точнее сказать невозможно, поскольку визуальный контакт пока удалось наладить только с малой частью захоронения. Захоронение, точнее верхняя его часть, расположено на дне океана, на глубине приблизительно восьмидесяти — девяноста ун под поверхностью. На сколько простирается захоронение в глубь шельфа, пока не установлено.

Первичный анализ показал, что захоронение произведено более трех миллиардов лет назад и неоднократно претерпевало различные воздействия в процессе меняющихся геологических условий. Тем не менее захоронение не утратило целостности и по всем признакам пережило все катаклизмы неповрежденным. В общем, хоть сейчас можно изучать и разрабатывать, а там — и использовать.

Если бы не одно «но», которое сильно усложнит разработку захоронения.

Я не хотел докладывать заранее, до момента, когда мы окончательно убедились, что нашли именно то, что искали. Но теперь придется заявить об этом во весь голос. Фергюсон умолк, потянувшись к графину с водой и стакану; один из представителей Галереи Свайге не утерпел и поторопил искателя:

— Что же это за «но», уважаемый коллега?

Спокойно утолив жажду и не проявляя внешней спешки, Фергюсон утер губы платочком, тщательно сложил его, спрятал в карман и только потом поднял глаза на собеседников.

— Планета обитаема, коллеги. Обитаема и густо населена. Уровень развития довольно низкий, но первые искусственные спутники и орбитальные станции в ближний к своему дому космос они уже запустили. Кроме того, мы перехватили несколько примитивных космических аппаратов, удалившихся от орбиты материнской планеты почти на два миллиарда килоун. Найденная раса на пороге межпланетных полетов.

Кроме того, как в свое время и мои сопланетники, они успели овладеть ядерным оружием и накопили арсенал, способный уничтожить планету несколько сот раз. Как известно, техноблокада не в состоянии остановить процесс цепной ядерной реакции, а значит, у них есть оружие против нас. Тот факт, что захоронение скорее всего защищено от подобных катаклизмов, мало что дает, ведь стопроцентной уверенности в этом нет, а рисковать находкой союз ни в коем случае не станет. Я вижу два пути, которые могут привести к успеху, но, боюсь, сие уже не моя компетенция, а компетенция уважаемых политиков и доблестных военных. Тем не менее, если мои мысли будут интересны совету, я их выскажу по первой же просьбе. Спасибо за внимание.

— Вам спасибо, господин Фергюсон, — поблагодарил искателя Винцль. — Полагаю, сейчас самое время выслушать, как образно выразился предыдущий оратор, наших доблестных военных. Адмирал, прошу вас!

Поднялся адмирал Тим Хемерсбрандт, командующий флотом «Евразия», ключевым в группе «Доминион». Группа флотов «Доминион» уже несколько столетий прикрывала и защищала сердце цивилизации хомо — Солнечную систему, а в последние годы принимала активнейшее участие в противостоянии армадам имперских захватчиков.

— Приветствую высокое собрание, — по традиции начал речь адмирал. — От меня, насколько я понял, требуется общий анализ текущей военной обстановки. Много времени я не займу, поскольку никаких серьезных сдвигов за последние недели не произошло. Прошу прощения за употребление земных единиц времени, мне удобнее ими оперировать.

Итак: противник по-прежнему превосходит нас числом боевых кораблей и периодически наносит малопредсказуемые удары. За истекший с последнего военного совета период неприятелем захвачено четыре планеты доминанты цоофт, две — свайге, одна наша и семь — других рас. Силами союза отбито восемь ранее захваченных планет и четыре из вышеупомянутых, в первую очередь развитые планеты высших рас. По-прежнему соблюдается сложившийся полцикла назад паритет: шат-

тсусы не могут прикрыть больше планет, чем они захватили, и не решаются нанести удар на уничтожение по какой-либо из высших рас, поскольку действия возрожденного союза делают подобные попытки небезопасными непосредственно для Тсурры и индустриального центра империи — Багуты. В свою очередь, мы не можем вернуть захваченные имперцами миры, поскольку их тоже нечем будет защитить. По данным разведки, интенсивность боев по-прежнему такова, что темпы постройки новых кораблей примерно равны темпам потерь, а нарастить темпы постройки в условиях хаотичных боевых действий не представляется возможным.

Никаких перемен активности в стане противника не зафиксировано. Нам известно, что они продолжают методичные поиски исследовательской базы. Тот факт, что база и флот прикрытия расположены по ту сторону коридора, противнику скорее всего известен. Поэтому я предлагаю не рисковать и отрядить в экспедицию к захоронению несколько кораблей из флота прикрытия, чтобышний раз не наводить противника на вход в коридор.

— Возражаю, — вмешался один из советников Пика Пирамид Азанни. — Экипажи кораблей прикрытия даже не подозревают, что находятся в иной галактике. В высадке целесообразнее использовать тех, кто уже так или иначе осведомлен о событиях.

Адмирал Хемерсбрандт вежливо кивнул:

— Я ценю и понимаю ваше беспокойство, коллега. Однако экипажам кораблей прикрытия вовсе не обязательно сообщать что-либо, помимо уже известных им фактов. Пусть и дальше пребывают в заблуждении, будто находятся в родной галактике. А штурманов и астрогогаторов можно дополнительно проинструктировать.

— Простите, — вмешался представитель цоофт. — Я так понял, что нападение на планету с захоронением факт уже решенный?

— А разве у нас есть другой выход? — развел руками адмирал.

Жесты и смысловые движения различных рас переводились наряду со словами, так что каждый мог вести себя наиболее естественным образом не опасаясь остаться непонятым или понятым превратно.

— Можно попытаться договориться. Торговля, уважаемые коллеги, всегда была выгоднее стрельбы.

— К сожалению, далеко не всегда, — возразил Пик Пирамид Азанни. — К тому же на переговоры у нас может не остаться времени. С момента начала операции до момента, когда все генераторы из захоронения окажутся у нас в руках, мы располагаем всего-навсего земной неделей. Кроме того, напомним уважаемому собранию, что число кораблей прикрытия по ту сторону коридора, учитывая резерв, минимально. Если мы снимем хотя бы один крейсер или корвет, совокупной огневой мощи оставшихся может не хватить, в случае если крупные корабли шат-тсусов отыщут коридор и пройдут им. Хотим мы этого или не хотим, придется готовить особый флот, как можно меньшей численности, но достаточный для захвата населенной планеты.

— Минимальная численность подразумевает элементы геноцида, — представитель цоофт «хмурился» — по-своему, по-птичь. — Не думаю, что это прибавит популярности высшим расам.

— Сдача тайны генераторов имперцам уронит популярность высших рас окончательно и бесповоротно, — терпеливо сказал адмирал Хемерсбрандт. — Поэтому если нас вынудят к решительным действиям, мы будем действовать решительно. Однако несколько ценных мыслей относительно удержания репутации высших рас все-таки имеется.

— Интересно, каких же? — с нескрываемым ехидством поинтересовался представитель цоофт.

— Планету с захоронением вооруженные силы союза захватывать не будут. Ее захватят пираты. Разумеется, должным образом проинструктированные и снаряженные. И одетые не в форму соединений союзных войск, а кто во что горазд. И вооруженные кто чем. Вы понимаете меня, коллега?

Ехидства в тоне цоофт тотчас поубавилось:

— Хм... Кажется, понимаю.

Представитель птичьей расы, разумеется, не хмыкал — он особым образом шелкал клювом. Тим Хемерсбрандт хорошо знал повадки многих чужих, поэтому еще до перевода понял, что цоофт уловил его мысль.

В приемной сдержанно зашумели. Лидеры рас спешно совещались с экспертами и советниками, с военными своих флотов. Предложение сравнительно недавно принятых в высшие расы хомо действительно шло вразрез с ныне действующей официальной внешней политикой развитых галактов. Адмиралу, да и многим другим землянам,

стало даже немного смешно: менее тысячи лет назад тогдашний союз без зазрения совести убивал людей, поскольку в те времена хомо считались низшей расой, дикарями.

Но с тех пор многое изменилось. Причем не в последнюю очередь из-за людей. Пусть люди принесли в галактику много пороков и хаоса, но именно они все же вынудили остальные расы ценить жизни разумных существ хотя бы формально.

— Я могу продолжать? — справился адмирал, когда шум поутих.

Дождавшись нужного момента, он возобновил речь:

— Тут уже говорилось, что в операции целесообразно задействовать тех, кто уже и так косвенно замешан в истории с находкой. Полностью с этим согласен, тем более что круг информированных лиц заметно шире, чем может показаться сначала. Мы задействуем всех, даже тех, кто участвовал в событиях у Фалькау и Пронга.

Связистов, передававших сообщения. Солдат, участвовавших в битвах. Черт возьми, даже героических туристов с Табаски задействуем! Они-то как раз информированы чуть ли не лучше всех! Корабли и живую силу будем переправлять частями, с прикрытием и сопутствующими отвлекающими маневрами. План формирования и экипировки особого флота уже составлен, осталось его только принять. Прошу ознакомиться, коллеги и господа, сейчас он будет транслирован каждому представительству, включая уважаемых сенахе, невзирая на их всего лишь совещательный голос в нынешнем совете.

Совет заседал еще полтора земных часа. План был принят — с соответствующими поправками. До времени «Ч», с которого начнется «горячая неделя», оставалось совсем немного.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ БАЗА ФЛОТА «ФЛАЖОЛЕТ»

Глубокий космос, нейтральное пространство

1

На новом месте пустотникам дали аж два дня отдыха. По-видимому, соединение, в котором до недавнего времени воевали «герои Табаски», находилось ближе всего к базе вспомогательного флота с Аннапурны и их доставили на место гораздо раньше, чем остальных.

В месте дислокации базы было тихо и сонно, а боевые действия скорее всего никогда не велись: не за что. Звезды далеко, все дряхлые, без планет. В общем, дыра дырой на самой периферии.

Война лишила работников «Экзотик-тура» всего: прежней жизни, работы, обретенного на Табаске дома. После сражения у Пронга-30 им стало некуда возвращаться. А тут еще подоспел приказ о мобилизации по всей доминанте... У мужчин не было выбора в любом случае. А женщины сделали единственно возможный выбор.

В недавнем прошлом завхоз Виталий Акулов, которого как и раньше называли Мистер Литтл, почти цикл прослужил в одном взводе с бывшим диспетчером Масами Тамурой и бывшим клиентом «Экзотик-тура» Константином Цубербюллером. Дейв МакГрегори, другой диспетчер, прочно обосновался в аналитическом отделе и даже успел получить офицерское звание. Женская обслуга «Экзотик-тура» частично попала в штаб шифровальщицами и связистками (Верка, Мартина), частично — в подразделения материального обеспечения (буфетчица Люська, Наталья Кортес). О стряпне поварахи тети Даши с Табаски во флоте ходили легенды. Валентина Хилько и Патрис Дюзль, которых год назад не к добру потянуло совершить путешествие с «Экзотик-туром», служили соответственно в госпитале и пресс-службе.

Валентин Ваулин, когда-то гид и заместитель директора туристического филиала на Табаске, возник несколько позже: пилотам требовалась серьезная подготовка. Или переподготовка. Но через полгода и он появился в составе флота «Гольфстрим», правда, приписали его не к флагману, где волею судеб оказались почти все остальные, а к улью, носившему истребители и штурмовики, к тому, где служил Жорж Сориал, в прошлом — третий из диспетчеров космодрома «Экзотик-тура», а ныне техник, командир рембригады при полке малых истребителей.

Из выживших туристов неизвестно куда делись только Тентор Вот, по возрасту уже не подпадающий под мобилизацию, да Орнела Аркути, потерявшая на Табаске брата. Перевертыш-оаонс по прозвищу Нути-Нагути переметнулся к шат-тсурам еще во время памятных событий, а самая незавидная судьба постигла человека-загадку Семенова: этот попал в плен к скелетикам под видом искателя.

Флот «Гольфстрим» участвовал в боевых действиях достаточно активно: месяца три бились у одной из индустриальных планет азанни, благополучно вышвырнули с нее шат-тсуров, а потом еще три месяца прикрывали от налетов, пока штаб союза не прислал свежий флот. Потом месяц отдыхали и доукомплектовывались, а после с ходу угодили в мясорубку близ Мориты Грифона. Никто не погиб, но Тамура и Валти попали в госпиталь с ранениями средней тяжести.

Новое назначение было неожиданным и свалилось как снег на голову. Людей выдергивали прямо с рабочих мест; тех кто отдыхал — из постелей. Валти отозвали из патрульного вылета. Цубербюллера на несколько дней раньше выписали из госпиталя с недолеченным ожогом руки. Сориала забрали из аудитории, где он читал коллегам лекцию об особенностях ремонта прямоточников в условиях частичной разгерметизации ремзоны. Всех, кто имел хоть малейшее отношение к событиям у Пронга-30, спешно запихнули в скоростной клипер и отправили неизвестно куда. Даже повариху тетю Дашу не позабыли.

Оказалось, привезли их на промежуточную базу резервного флота «Флажолет», где формировалась особая сводная боевая группа. Привезли первыми. А через двое суток ожидалось прибытие очередного пополнения.

Стрелков-пустотников из первой партии хватало, чтоб сформировать пару полновесных батальонов. Слухи, которые везде распространяются очень быстро, уверяли, что каждая рота, каждый взвод будут пополняться бойцами элитных подразделений — десанта, штурмовой пехоты, мобильной пехоты; будто бы даже спецназовцев и диверсантов придадут. К бойцам иных войск, понятное дело, везде относились с некоторой ревностью: все считали наилучшими именно свои войска. Поэтому разговоров среди пустотников за два дня случилось — не счесть. Гадали, строили предположения и планы.

Во время войны солдат рад любой передышке, поэтому пустотники отсыпались, писали письма-ролики, просто сидели в курилках, с удовольствием чесали языки и обсуждали былое.

Потом прибыл транспорт с офицерами; к величайшей радости Цубербюллера, Тамуры и Литтла, их прежнего ротного прислали и на новое место, хотя от роты осталась в лучшем случае треть.

А вскоре дождались и первого пополнения.

Когда от центрального ствола к казармам выползла длинная, словно гигантская гусеница, колонна десантников, Тамура и Цубербюллер как раз находились в курилке. Разговоры моментально стихли, головы дружно повернулись к идущим.

— О, — сказал кто-то с ехидцей, — небожители пожаловали...

У десантников даже боевое снаряжение было несколько другое, нежели у регулярных частей. Вместо обычных пехотных лучеметов — двухпоточные бласты; пустотные комплекты-скафандры имели расширенный набор функций и в полтора раза больший ресурс автономии; отличались комбинезоны и ботинки, что повседневные, что пустотные; а еще сразу бросалась в глаза главная гордость десанта — голубые береты. Тамура с товарищами носили обычные серые кепочки.

Колонну вели в соседнюю казарму, но едва она поравнялась с курилкой, один из пустотников по имени Клод Жанси вдруг вскочил и заорал на всю округу:

— Легранж! Морда! Ты жив?

Колонна запнулась: в третьем ряду один из десантников остановился, а потом выронил вещмешок (бласт остался пристегнутым к боку) и, протиснувшись меж товарищей, кинулся к курилке.

— Жанси!

Пустотник и десантник крепко обнялись. Офицер, ведущий колонну, глядел на происходящее без особого восторга, но не вмешивался.

Из роты на крики повалил народ: двухдневное безделье всем начало надоедать, а тут хоть какие-то новости. Второй крик раздался как раз от входа:

— Солянка!

Кричал Мистер Литтл.

Тут и Тамура с Цубербюллером встрепенулись, зашарили взглядами по колонне. А оттуда уже спешили сразу двое. Солянка с капральскими нашивками на плечах и Скотч в сержантском комбезе.

— Живы, черти!

Окружающие глядели на встречи с легкой завистью.

Плац перед ротой наполнялся людьми, колонна потеряла стройность, поэтому офицер во главе ее забеспокоился:

— Эй, союзники! Потом брататься будете, дайте людей разместить.

— Вы где? — справился Скотч у давно не виденных товарищей по одиссее на Табаске.

— Вот наша рота! — Цубербюллер указал на вход. — Кидайте вещи и давайте к нам!

— Добро! Десять минут! — заверил Скотч и дружески саданул Литтла по плечу: — У тебя топливо найдется, завхоз?

— А то! — осклабился тот. — Я навыков не теряю!

Завхозской хватки Мистер Литтл за год боев ничуть не утратил и везде непременно становился каптером, причем происходило это как бы само собой.

Десантура потянулась к соседней казарме. Еще несколько человек узнали знакомых; когда почти все уже прошагали мимо курилки, Тамура вдруг пихнул Цубербюллера в бок:

— О! Гляди! Близнецы наши!

Во втором с хвоста ряду шли все четверо братьев Суондредов: Джерард, Клемент, Арнольд и Конрад, но различить кто из них кто сейчас не представлялось никакой возможности. Ближний узнал Тамуру и Цубербюллера, улыбнулся и махнул рукой. Литтл сделал красноречивый жест: мол, поселитесь — тоже приходите. Суондред кивнул и что-то шепнул брату по правую руку.

Когда колонна десантников прошла, а пустотники возбужденно принялись делиться впечатлениями и объяснять, кто кого откуда знает, с плаца рысцой притрусил лейтенант из снабженцев.

— Эй, гвардия! — обратился он к солдатам в курилке. — Я так понимаю, у вас сейчас повальное братание начнется с десантурой.

Пустотники вопросительно притихли.

— Короче, нечего спирт в казарме хлестать, в столовой обед накрывают на час раньше, туда и ступайте. Комбаз велел водки поставить по праздничному пайку, так что расслабьтесь, ничего ныкать не нужно. Кто-нибудь, объявите по роте. Где дежурный?

Капрал Донг как раз выглянул из окна второго этажа:

— Тут, сэр! Все понял, об изменении распорядка объявлю немедленно!

Англик, традиционный уставной язык, в его устах звучал мягко и как-то стлаженно, не по-военному.

— По второй и третьей роте тоже объяви!

— Есть, сэр!

Лейтенант удовлетворенно кивнул и потрусил к казарме десантников.

— Во, блин, — удивился Тамура. — Че это посыльным целого лейтенанта погнали?

— А в столовой, поди, сплошные адмиралы! — весело поделился информацией Клод Жанси. — С утра, говорят, старшие офицеры прибыли.

— Адмиралы в офицерской столовой! — со знанием дела сообщил Литтл. — Во-он, крылечко через плац видишь? Это она и есть. Да и адмиралов тех всего-то трое... Капитаны одни.

Солдатская столовая тоже располагалась за плацем, но несколько дальше; к тому же вход в нее был с торца, так что на обед строй пустотников топал вдоль ряда казарм, в обход плаца, против часовой стрелки.

Тем временем показалась еще одна группа из пополнения. Этих было мало, всего человек двадцать, а экипировка их, в свою очередь, отличалась и от пустотной, и от десантной. К бокам были пристегнуты лучеметы нового образца, такие во флотах еще толком не распространились. Помимо тонкой скатки скафандра имелся шлем, настоящий, корпусной. Комбинезоны зачем-то были не однотонными, а камуфлированными, пятнистыми, серо-стальные пятна перемежались с коричневыми и грязно-зелеными. На головах — не кепки и даже не береты, что-то вроде шляп с мятыми полями. И зеленые шевроны на рукавах.

— Это еще кто? — спросил тот же солдат, который называл десантников небожителями. — Спецназ какой?

— Не, братец, — возразил другой голос, со значительной хрипотцой. — Спецназ супротив этих все одно что полукорвет против крейсера.

В голосе слышалось нескрываемое почтение.

— Это, братцы, пограничники! Я их однажды в деле видел... Никогда не забуду!

— Пограничники? — удивился первый голос. — И чего, круче десанта?

— Круче, не круче... Им просто, кроме себя, надеяться не на кого. Улавливаешь? Пограничники, ведомые коренастым краснолицым капитаном, остановились как раз напротив курилки.

— Эй, гвардия! Тут первая рота с «Гольфстрима» квартирует? — спросил капитан. Несколько голосов нестройно подтвердили, что да, тут, мол.

— Нам в помещение «Джи». Кто проводит?

Высокий, тощий, как марафонец, пустотник с готовностью вскочил и щелчком отправил недокуренную сигарету в урну.

— Я проведу!

Помещение «Джи» действительно пустовало и коек там имелось как раз около двух десятков.

Оружейка и каптерка при помещении «Джи» были свои, отдельные.

Один из пограничников показался Косте Цубербюллеру смутно знакомым, но лица его рассмотреть не удалось: пограничник наклонил голову и спрятался за полем своей несуразной шляпы-панамы.

2

На обеде действительно подали водку и действительно происходило сплошное братание. Солдаты бродили между столами, встречали знакомых, обнимались, пили за встречу и за былое. Офицерам в своем углу было, по-видимому, наплевать на столь вольное поведение подчиненных. И похоже, там происходило свое братание и свои встречи. Среди офицеров Скотч заметил нескольких пилотов, а когда присмотрелся внимательнее, и вовсе обомлел: в одном из пилотов он узнал сильно похудевшего и вроде бы даже помолодевшего Валти.

Чуть позже Скотч подумал, что подозрительно много перекрестных знакомств оказывается во вновь сколачиваемой сводной группе. Ненормально много. То там, то сям мелькают знакомые лица; некоторых не помнишь по имени и не знаешь, где встречал, но лица тем не менее знакомые. Вот тот здоровенный долдон-пехотинец. Где ж Скотч с ним встречался? Наверное, в финальной свалке на Табаске, когда уже помощь подоспела. Точно, вон и офицер их сидит рядом с Валти, земляк Кости Цубербюллера. Фамилия у него тоже длинная и труднозапоминаемая. Элбер... Или Эбер-чего-то-там. А вон близнецы, все четверо, с Тамурой за одним столом. Общаются. Стопудово Табаску вспоминают, судя по жестам.

В сторонке между офицерами и солдатами пристроились пограничники.

Эти почему-то держались обособленно, да и не признает их никто, никто не подходит, не жмет рук...

Скотч долго присматривался к ним. Сам не понимал — зачем?

А потом один из пограничников, сидящий спиной к основной массе народа, вдруг полуобернулся и Скотч обомлел вторично.

Потому что профиль этот не раз созерцал на последнем маршруте «Экзотик-тура», гадая: кто же ты, человек-загадка?

Семенов. Живой-живехонький, хотя Скотч пребывал в глубочайшей уверенности, что Семенов стигнул во вражеском плену. Искатели, перед тем как угодить на Табаску, накопили нечто настолько важное, что шат-тсуры не поленились направить в погоню за ними целый флот. И Семенов попал к ним в лапы одетым в искательскую униформу. Если секрет находки так важен, скелетики ни за что не выпустят информированных людей, ни живыми, ни мертвыми.

Но ведь это не кто-нибудь, а Семенов! Скотч самолично видел, как он практическими голыми руками крошил в салат скелетиков-пустотников из какого-то элитного подразделения, да и вообще показал себя сущим суперменом. Неужели сбежал?

— Хлопцы, я сейчас, — сказал Скотч соседям. Солянка, Валти, Литтл и Цубербюллер прервали разговор, но ненадолго, всего на секунду. Глянули на выбравшегося из-за стола Скотча, провели его взглядами, а затем вернулись к воспоминаниям. Скотч неторопливо дотопал до стола с пограничниками, обошел его и только потом в упор поглядел на того, кого принял за Семенова.

Тот о чем-то увлеченно болтал с соседом, но посторонний взгляд почувствовал практически мгновенно. Поднял голову и уставился на Скотча.

Семенов. Точно, Семенов. Тоже похудевший, но в отличие от Валти теперь выглядящий старше, чем на Табаске. И шрам на щеке появился.

Шагнув раз, другой, Скотч приблизился к самому столу. Пограничники разом умолкли и все как один сконцентрировали внимание на Скотче.

— Семенов? — неуверенно спросил Скотч.

— Что-что? — переспросил «Семенов».

Он выглядел так невинно и вопросительно, что Скотч уже готов был признать ошибку. Но лицо и глаза! Лицо и глаза Семенова! Сто процентов!

— Семенов, ты меня что, не узнаешь?

Пограничник с сомнением покосился на соседей, потом снова поглядел на Скотча.

— Я не Семенов, браток. Извини.

И тут до Скотча наконец дошло: Семенов же какой-то там спецгент-разведчик. Он вполне может быть на задании — под другой, разумеется, легендой, нежели на Табаске. По сути дела, Скотч узнал не человека, а одну из масок.

А главное — агентам после заданий вытирают память. Телесно это, возможно, тот самый Семенов, с которым плечо к плечу шли сквозь джунгли и дрались со скелетиками. А вот память у него уже другая. Все стерто: и Табаска, и Скотч, и спутники... А вместо — воспоминания о совершенно другой жизни. Или вообще черная бездонная пустота.

Скотча чуть не передернуло. Как жить с таким в душе? Ужас...

— Простите, — пробормотал он. — Я обознался...

Повернулся и быстро зашагал к своим.

— Что там? — спросил Валти, когда он вернулся к столу с приятелями.

— Да так... — вздохнул Скотч. — Показалось...

И почти мгновенно вдруг всплыло отчетливое, как видеозапись, воспоминание: Табаска, раннее-раннее утро, оглушенный и подавленный гибелью части подопечных туристов Скотч, пехотинцы в полной боевой выкладке, офицер в чине капитана, канонир; канонир говорит Семенову: «Полковник Попов тобою очень доволен!», тихий гул зависшей поодаль платформы...

Вон он, тот самый канонир, среди пограничников, рядом с то ли Семеновым, то ли уже не Семеновым сидит...

Дьявол! Значит, это все-таки тот самый агент. Но уже в иной ипостаси. А Скотча и Табаску действительно стерли, словно решенную задачку с доски. И ничеготеньки экс-Семенов не помнит.

До времени, когда солдат попросили из столовой (именно попросили, а не скомандовали: «Выходи строиться!»), Скотч досидел как в тумане. Отрешенно слушал восклицания друзей: «Так это вы Мориту Грифона чистили? У-у-у!!!» — «Представляешь, сразу четыре парящие мины! С термовзрывателями!» — «И тут я на полной боевой кручусь на сто восемьдесят — заметь, не меняя курса! — всаживаю в него половину боекомплекта и у него взрывается реакторное кольцо! А на мне — хоть бы царапина!»

Странно, но к казармам личный состав еще не сформированной особой группы топал не строем, а стадом и (что уж вообще пи в какие ворота не лезло) прямо через плац, а не в обход, как положено. Что-то совсем офицеры об уставной жизни позабыли: ни тебе построений, ни распорядка; к обеду — водку ставят...

Неспроста этот бардак — Скотч это чувствовал. И бардак неспроста, и то, что на эту захолустную базу собирают людей, многие из которых друг с другом знакомы. Литтл, конечно же, потащил узкий круг к себе в каптерку, продолжать, раз уж такой отпуск сам собой посреди войны случился. Скотч уже было решил выбросить из головы все размышления и впервые за много дней безбоязненно надраться с давно не виденными товарищами.

Не тут-то было. Перед самой каптеркой его перехватил «Семенов».

Сцапал за рукав и повлек в сторонку, в направлении помещения «Джи».

Между оружией и тумбочкой дневального на раскладном стуле сидел пограничник и читал книгу. Когда «Семенов» и Скотч приблизились, он вопросительно поднял голову. «Семенов» требовательно протянул руку и ему незамедлительно метнули связку ключей. Едва дверь оружейки отворилась, зазвучал противный зуммер, от которого невольно захотелось бежать, хватать бласт и строиться. «Семенов», не особо торопясь, заблокировал сигнал (стало восхитительно тихо) и плотно притворил дверь.

Скотч огляделся. В оружейном шкафу аккуратным рядом стояли новенькие лучеметы последней разработки, чуть ниже, стопочками — батареи к ним. Батареи тоже были новые, двойной емкости. В углу штабелем громоздились ящики с непонятной цифровой маркировкой на бортах. Напротив на полочке выстроились боевые шлемы, а под ними — свернутые пустотные комплекты незнакомого Скотчу образца.

— Ты гид «Экзотик-тура» с Табаски? — спросил пограничник напористо.

— Бывший, — уточнил Скотч. — А ты все-таки Семенов? Мой турист?

— Я не Семенов. Я Мельников. Андрей Мельников. Запомни на всякий случай.

Скотч безропотно кивнул.

Семенов-Мельников выглядел спокойным, даже расслабленным.

— Тебя... Тебя опять стерли? — неуверенно спросил Скотч.

Ответа Скотч не дождался, но смущения или досады почему-то не испытал. А еще подумал, что фамилию Семенов нужно срочно забыть. Все, нет загадочного туриста Семенова, был, да весь вышел. Есть пограничник Мельников. Точка.

— Ты был в плену? — продолжил расспросы Скотч.

— Был, — невозмутимо подтвердил Мельников. — Давай-ка, парень, расскажи, что ты знал о Семенове.

— Семенов прибыл на Табаску по обычной гражданской путевке, — послушно принялся излагать Скотч. — Приобрели ее где-то на Бете Вуалехвоста, не знаю точнее. Целью была психореабилитация после некоего, как он сам выразился, малоуспешного задания.

Скотч говорил о Семенове в третьем лице и это оказалось неожиданно уместным и правильным. Да и легче так было — обоим.

— За ним присматривала другая туристка, Валентина Силько. Вроде бы сотрудник того же ведомства, но по части здравоохранения. Когда началась оккупация Табаски и мне как гиду пришлось бороться за сохранение группы, Семенов несколько раз сильно помог, после чего я задал ему несколько вопросов. Наедине. Он мало что рассказал, сказал только, что работа у него особенная, навыки кое-какие имеются и в случае чего я могу на него рассчитывать. Еще сказал, что людям его профессии периодически чистят память от ненужных воспоминаний. В конце концов Семенов под видом искателя был захвачен шат-тсурами. Это все, что я знаю.

— Понятно, — кивнул Мельников. — Что же... Здравствуй во второй раз, Вадим. Извини, но я тебя действительно не помню. И ты Семенова лучше забудь. Совсем.

— Я уже забыл, — серьезно сказал Скотч, пожимая пограничнику руку.

— Мы с тобой, да и остальными участниками той заварухи, будем в одном... подразделении. Шепни им потихоньку, что Семенова нет и не было никогда. Ага? Всем — Солянке, Валти, Литтлу, Цубербюллеру.

— Шепну, — заверил Скотч, — обязательно.

— Кстати! — Мельников щелкнул пальцами и знакомо потряс кулаком, словно грозил Скотчу: — Тебе и остальным привет от Валюши Хилько и Патрис Дюзль.

— А они здесь? — изумился Скотч.

— Здесь, здесь, все здесь. Пришлось знакомиться по новой. Будешь смеяться, но и Мартина твоя здесь. И даже некая миниатюрная особа по имени Гурма Бхаго.

— У! — сказал Скотч совершенно искренне. — Ы!

— Что? — невинно поинтересовался Мельников. — Ее вживую лицезреть не довелось, но, судя по видео, оч-чень даже ничего! Прямо даже жаль, что я ее не помню. Личные коды дать?

— Давай!!! — едва не взвыл Скотч. Засмеявшись, пограничник потянулся к браслету-коммуникатору:

— Принимай, котятра мартовский...

3

— Разрешите, господин полковник?

— Входите! — велел Попов, отрываясь от микрофильма и вынимая штекер из гнезда за ухом.

Изображение застыло над кристаллом в режиме паузы. Штекер с коротким усиком антенны и бусинкой дешифратора Попов положил на массивное основание старинной настольной лампы.

Вошли двое — одинаково бесцветные мужчины неопределенного возраста с незапоминающимися лицами. Оба были облачены в комбинезоны без знаков различия, зато с яркими трафаретами на спинах: «Хозчасть».

Полковник жестом предложил им садиться.

— Ну, — спросил он, разглядывая гостей и тихо постукивая пальцами по бархатной скатерти.

— Чисто, — сообщил один из пришедших. — Либо шат-тсуры научились подсаживать психорезиденты так умело, что мы их не можем обнаружить. Лично я в это не верю. Ни на грош.

— Я тоже, — кивнул Попов. — Но тогда почему шат-тсуры его с Фокиным отпустили? Какой в этом смысл?

Говоривший посетитель безмолвно развел руками.

Некоторое время в кабинете было тихо, только огонь потрескивал в камине — настоящий живой огонь, не какая-нибудь излучающая тепло озвученная голограмма.

— Вы знаете, что его направляют в проект на общих основаниях? — поинтересовался Попов.

— Да.

— Кстати, кто он у нас теперь?

— Андрей Анатольевич Мельников, пограничник с Белутры. Подробнее?

- Потом прочту. Мельников, стало быть...
- Мельников.
- Хорошо, Мельников так Мельников. Так вот я о чем: пограничников собираются слить с пустотниками, десантом и пехотинцами. Почти все участники наземной заварушки на Табаске соберутся в одной... роте. Мельникову неизбежно расскажут о подвигах Семенова и о том, какое отношение он сам имеет к Семенову.
- Ну и что? — возразил второй посетитель, до сих пор молчавший. — Все агенты знают о периодических коррекциях памяти. Ничего нового он все равно не выяснит. Кроме того, у многих свидетелей события уже начали тускнеть в памяти, все-таки год прошел. Да не просто год — год реальной войны.
- Правда твоя, — кивнул Попов. — Но тогда имело ли смысл чистить ему память?
- Память чистили всем, — пожал плечами второй. — Причем не ради сокрытия событий на Табаске, а ради сохранения тайны находки... Ну, вы ведь в курсе, господин полковник.
- А искатели сейчас где, выяснено?
- Выяснено. Собственно, там и выяснять было нечего: бригадир и одна научница погибли на Табаске, штурман, кадет и выжившая научница — по ту сторону коридора, на исследовательской базе.
- А я слышал, что кадет активно привлекался к полевой работе на той планетке, где обнаружили... искомое.
- Возможно. В рейды посылали наших людей и искателей с базы, парами. По крайней мере так было неделю назад.
- И снова в кабинете некоторое время хозяйничало молчание.
- Что ж... — задумчиво протянул Попов. — Посмотрим. Наблюдение не снимать. Вдруг шат-тсуры все-таки научились ставить настолько изощренные психорезиденты, что их не может обнаружить даже наша аппаратура? На аллаха, как говорится, надейся, а верблюда привязывай.
- Кого привязывай? — встрепенулся первый из гостей; теперь стало ясно, что он несколько моложе спутника.
- Верблюда. Животное такое есть. Вьючное. На Земле, говорят, все еще водится.
- А, — удовлетворился ответом молодой. — Разрешите идти?
- Идите...

Когда невзрачная парочка с надписью «Хозчасть» на спинах покинула кабинет, полковник Попов некоторое время неподвижно сидел за столом, угрюмо глядя на ворс тяжелой зеленой скатерти. Скатерть эта покрывала стол последние три... или уже четыре года? Да, почти четыре. Какое-то время спустя полковник еле слышно пробормотал: «Мельников...» и снова оцепенел. Лишь огонь тихонько потрескивал в камине, словно боялся спугнуть мысли старого контрразведчика.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур

(формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

1

Это был тяжелый цикл — Тсурра и база Шатта-Унве совершили вокруг светила почти полный оборот. И за все это время ничего не произошло. Ничего.

Когда Император Унве окончательно убедился, что вместо искателей на погибшей Замххад-2 захватили подставных хомо и когда персональный лидер императора с группой «Блеск» на борту неожиданно потерял парламентарский бот азанни в периферийном секторе, казалось, все рушится. Проклятые хомо сумели обмануть шат-тсуров и сохранить местоположение генератора нуль-перехода в тайне. Оставалось наудачу отслеживать перемещения поисковых баз союза и смешанных групп, куда входили как военные, так и гражданские корабли. Чтобы изучить генератор к нему нужно перебросить исследовательский модуль, причем большой модуль, а значит, хомо это непременно сделают.

Активность действительно была отмечена, причем именно в ожидаемый период. Только на след генератора шат-тсуры так и не напали.

Унве задумался: как бы поступил он сам на месте лидеров хомо? Как бы спрятал исследовательский модуль? Ответ напрашивался: модуль следовало поместить по ту сторону перехода. И изучать парный генератор, а ближний — прикрывать издалека.

Тем временем война вошла в равновесную фазу: поиски и патрулирование загрузили основную часть армады, а боевые соединения захватили столько, сколько могли удержать, и осели в охранении. Мелкие стычки и рокировки общей картины не меняли. Унве ждал начала активных действий от союзных сил, ждал массового высева генераторов, чтобы попытаться захватить хотя бы одну пару. Тщетно. Что это могло означать?

Во-первых, что генераторы оказались для ученых союза слишком крепким орешком. Во-вторых, пресловутое захоронение, наследие исчезнувших исполинов, нужно было также отыскать, а если действующий переход на самом деле ведет в иную галактику, поиски могут занять тысячи циклов.

И если союз до сих пор не приступил к высеву генераторных пар, значит, никаких подсказок о местоположении захоронения исполины оставить не соизволили.

Можно было рискнуть, плюнуть на наблюдение и патрулирование и всей мощью имперской армады навалиться на ключевые миры четырех старших доминант, подавить их, а оставшиеся расы добивать спокойно, но по возможности быстро. Тогда даже находка и умение активировать генераторные пары союз не спасут. Нужно только действовать решительно и умело.

Император зрел к принятию этого решения последние несколько суток.

ЗАГОРОДНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ СИНДИКАТ-КЛАНА ВАЙРА-САУТА

Оа-Дирати (Иншуди), доминанта Оа

1

Зеленое солнце кому угодно могло показаться жарким, но только не оаонс-перевертышу. Соотечественники Йен-Яскера проработали метаморф-форму для Иншуди несколько тысяч циклов назад. Прогрессивный механизм охлаждения, дополнительные светофильтры на роговицу и плюмаж, слегка замедленный метаболизм, перевод почек из режима водовыделения в режим водосбережения... Тонкостей много, однако даже специалисты по метаморфозу вряд ли осмелятся утверждать, что изучили процесс всесторонне. Оаонс — раса оборотней; и хотя Творцом им дарован разум, тело во многом остается во власти инстинктов. Однако разум помогает унифицировать линейный метаморфоз, направить его по нужному пути.

Йен-Яскер начал изменять тело еще при полете к планете, на которой появился на свет. Родовой кокон все еще хранится здесь, в его семье — женщины существа сентиментальные, особенно в отношении детей и всего, что связано с продолжением рода. Довольно долго Йен-Яскер пребывал в телесной оболочке, почти неотличимой внешне от организма хомо, представителей доминанты Земли, и скрываясь за нейтральным прозвищем Нути-Нагути. Пережил довольно неприятные дни на Табаске в обществе туристов-хомо, но, к счастью, подвернулся удобный случай примкнуть к союзникам, шат-тсурам. События на Табаске с самого начала представлялись Йен-Яскеру неоднозначными, и, хотя с тех пор прошел уже без малого годовой цикл Иншуди, сказать, что они проанализированы окончательно, все еще нельзя.

Например, тот же разведчик хомо Семенов. Как он оказался в одной туристической группе с Йен-Яскером? Не случайно же. Значит, разведка хомо отслеживает перемещения высокопоставленных лиц Оа? Каким образом? Йен-Яскер немедленно спланировал и провел операцию по выявлению утечки. Результаты — нулевые, что опять же наводит на определенные размышления. Больших трудов стоило убедить императора Унве отпустить захваченных лжеискателей. Интересно, Унве действительно полагает, что снятие максимально подробных ментр-матриц двоих выживших землян ему чем-то поможет? Йен-Яскер сомневался. Еще больших трудов стоило убедить императора не имплантировать лжеискателям маячков.

Его план был куда тоньше и строился не на слепом поклонении технике, которым, увы, грешат союзники шат-тсуры, а на психологии хомо и жизненном опыте долгожителя. И сейчас Йен-Яскер ждал завершения ключевого этапа по воплощению своего плана в жизнь. Каковы на самом деле возможности разведки Оа, неизвестно никому в галактике, кроме руководителей самых влиятельных кланов синдиката. Долгожители могут себе позволить не торопиться и осуществлять отточенные в размышлениях интриги и десятками циклов, и даже сотнями.

Вот и сейчас Йен-Яскер не нервничал и не глядел то и дело на часы, как поступил бы на его месте шат-тсур или тот же хомо. Он сидел в приемной беседке и любовался маревом над серыми песками. Дюны цепочкой вставали за оградой

резиденции. Йен-Яскер пил подогретый чай (редкий случай позитивного вклада людей в культуру межзвездного сообщества) и в который раз неторопливо перебирал в памяти факты и мысли, выстраивая их то так, то эдак.

Агент явился лишь ближе к вечеру, и к моменту его появления Йен-Яскер так ни разу и не взглянул на часы. Слуга дважды приносил свежесваренный чай и убирал пустую посуду, а Йен-Яскер так и сидел, любясь дюнами и маревом над песками. Наконец доложили, что агент прибыл.

Вошел Йен-Ридт. Старший сын. Воплощение отцовских надежд и один из лучших оперативников резидентуры. Выглядел он уставшим; следы недавнего взрывного метаморфоза все еще явственно просматривались на его теле. Сын до сих пор был неприятно похож на хомо, хотя уж кому-кому, а Йен-Яскеру вроде бы не привыкать к облику землян.

— Садись, — велел Йен-Яскер и пододвинул ближе к сыну сосуд с чаем и чистую чашу; слуга только-только ополоснул ее кипятком.

Йен-Ридт с готовностью опустился на подвес и скрестил ноги. С нескрываемым удовольствием отведал чаю, поднял глаза на отца.

Впрочем, нет: в данном случае скорее на шефа, а не на отца.

— Ну? — позволил говорить Йен-Яскер.

— Записи удалось раздобыть только на одного — того, которого на Табаске звали Семенов. С ними все в порядке... почти.

Йен-Ридт, или как чаще его называли друзья и коллеги — Рин-Риду, вынул из скрытой полости в теле плоскую кассету с мнемокристаллами.

— Двадцать три записи, включая базовую. Мы сумели прочесть двадцать две. Одна, увы, была с дополнительной защитой. Насколько я могу судить, та, которая относится к периоду обучения в разведшколе. Данные утрачены безвозвратно. Остальные читаются, копии я оставил в лабораторном архиве, как ты и велел.

— Хм! Дополнительная защита? Интересно, с чего бы? Впрочем, понятно с чего: хомо берегут методики обучения. Ручаюсь, что эта запись единственная находилась в кассете не по хронологии и под ложным ярлыком. Так?

— Откуда ты знаешь? — Рин-Риду смешно двинул кожей над глазами, хотя никакого подобия человеческих бровей у него уже не просматривалось. — Именно так. Она стояла четырнадцатой, хотя маркирована как «ноль-бис». Первые пять мы проверяли по полной программе, базовую — нулевую — и первые четыре задания, остальные — только по входной маркировке. На этой первичная маркировка была обычная, вплоть до молекулярных меток, а защита стояла по низкому уровню, от двухпарольного считывания. Требовались дополнительные пароли, которых, Впрочем, у нас все равно не было. Мы не сумели бы вскрыть запись и обойти защиту, даже если бы знали о ней.

— Этих паролей в общем хранилище скорее всего нет и никогда не было, — пояснил Йен-Яскер. — Если нужно восстановить память за тот период, прибывает специалист непосредственно из разведшколы. С паролями. И вводит их самостоятельно, не открывая мнемоника хранилища. По крайней мере я бы поступал именно так.

Рид-Рину отпил еще чаю, ожидая распоряжений шефа.

— Ладно, сын, ты хорошо поработал. Кого-нибудь потерял?

— Двоих из прикрытия. Так было надо.

— Что ж... Вполне приемлемая для клана цена. Иди отдыхай. О записях я позабочусь сам.

Йен-Ридт уважительно наклонился и встал с подвеса.

— Мама здесь?

— Здесь. Хочешь ее увидеть?

— Да.

— Похвально. Ступай. Она спрашивала о тебе утром.

Снова наклонившись, Йен-Ридт покинул беседку. А глава резидентуры притронулся к кассете с кристаллами лишь после того, как опустел сосуд с чаем.

ШТАБ ФЛОТА ПРИКРЫТИЯ «КВАЗАР»

Галактика-2, окрестности финишного створа генератора нуль-коридора

1

— Все равно, — проворчал Раджабов. — Здесь все чужое. Звезды — чужие, их из Солнечной не видно.

— Из Солнечной много чего не видно! — Маримуца пожал плечами. — В нашей галактике миллиарды звезд. Большую их часть из Солнечной не видно. Так что ж теперь?

— Я не о том. — Раджабов поморщился и несколько секунд размышлял, прежде чем развить мысль. — Пусть их не видно глазом. Но ведь всегда знаешь хотя бы, в какой стороне они находятся. А где мы сейчас? Куда моей маме глядеть, чтобы пожелать сыну удачи? Где сейчас Солнечная — ты можешь показать? Мы словно в преисподнюю провалились, когда прошли нуль-коридором. Перестань он действовать — мы ведь так никогда и не узнаем, как далеко забрались от Солнечной и где искать нашу родную галактику на этом чужом небе...

— А зачем тебе это знать? — недоуменно протянул Маримуца. — Коридор работает миллионы лет. С какой стати ему ломаться? И вообще, что ты заладил: неизвестно где, неизвестно где... На кой ляд знать, в какой сектор здешнего неба тыкать пальцем, если для возвращения все равно нужно идти в сторону коридора?

Раджабов протяжно вздохнул:

— Ничего ты не понимаешь, Дари! Человек потому и человек, что родину любит. Если мне грустно и тоскливо, я могу отыскать среди тысяч звезд одну маленькую и слабую звездочку, но я знаю, что это наше Солнце, я гляжу на него — и мне становится легче. Если Солнца не видно, я просто гляжу в небо и знаю, что там, за килоунами пустоты, по ту сторону сияния каких-нибудь чужих цефеид оно все равно есть, родное наше Солнышко. И мне снова легче. Понимаешь?

— Нет, — буркнул Маримуца сердито. — Что-то тебя, Рафик, пробило на ностальгию. Ты сколько в космосе?

— Двенадцать лет, — признался Раджабов.

— А, — понимающе кивнул Маримуца. — Кризис первой дюжины. Не переживай, через пару лет пройдет.

— Да ну тебя. — Раджабов говорил тихо и беззлобно. — Я не хочу терять корни.

— А ты их и не теряешь. В доминанте Земли большинство людей никогда не видело нашего Солнца. И родиной считает совсем другие миры. Вот я, к примеру: я ведь родился на Офелии. А в Солнечную попал по чистой случайности — бате выгодную работу предложили, вот всей семьей и переехали. Мне два года всего было. Не получи батя эту работу, я бы считал родиной Офелию, а не Солнечную. И вообще, я думаю, что раз уж галакты приняли нас как равных, надо и самим становиться галактами. Наша родина — космос. Теперь уже даже не только изначальная галактика. Вот тут наш дом и есть, понимаешь? Наш дом — везде, куда дотянут икс-приводы.

— Сюда они не дотянут...

— ... а теперь — не только икс-приводы, но и нуль-коридоры, — невозмутимо поправился Маримуца. — В общем, не ной, Рафик, какая разница — видно Солнце, не видно? Оно есть, и ты это знаешь. Вот и грейся знанием. Знание — свет, знание — сила, понял?

Раджабов не ответил. Он глядел на экран, где чужие звезды складывались в чужие созвездия. Где к крошечной пустоте незримым пятном лежал финишный створ нуль-коридора.

— Кстати. — Маримуца поглядел на часы. — Сейчас должен транспорт пройти. Минут через пять. Давай-ка запросы...

Унтер Раджабов потянулся к пульту мгновенной почты.

Теоретически мгновенная почта могла бы работать и напрямую, но между родной галактикой и галактикой-2 не были описаны промежуточные гравитационные очаги, а стало быть, невозможно было выстроить корректный роутинг м-потока. Союз решил эту проблему посредством двух ретрансляторов вблизи стартового и финишного створов коридора. Правда, пришлось ставить еще и целую сеть ложных, «шумовых» ретрансляторов: хоть и ничтожен был шанс засечения м-потока противником, он все-таки существовал.

— Экспедиционный бот свайгов, — сообщил Раджабов спустя пару минут. — Водолазы. Ишь ты, видать, находочка наша затонула...

— Ты бы помалкивал, а, Рафик? — укоризненно посоветовал Маримуца. — Ну его... Раз в году и мгновенка подслушивает. Оно тебе надо?

— Ладно, ладно, — фыркнул Раджабов. — Дурацкая ситуация. Все все знают, но делают вид, что ничего такого не происходит. Не люблю.

— Не люби, никто не просит, — отозвался офицер. — Однако предписания изволь выполнять. Давно, блин, небо в алмазах не видел? Так можно устроить!

Рафик усмехнулся, но ответить не успел: на контрольном экране из финишного створа показался нос экспедиционного модуля.

Как и многие корабли постройки свайгов, модуль имел стремительные обтекаемые очертания и стремился к классической форме наконечника копья. Почему-то раса разумных рептилий сочла эту форму наиболее целесообразной для большинства некрупных кораблей. Огромные крейсеры свайгов обыкновенно имели форму тора — эдакие исполинские бублики. А вот малые — почти всегда как этот модуль. Он вырастал из пустоты — стремительно и неудержимо. В реальности проход коридора осуществлялся за доли секунды. Но на экраны выводилась замедленная запись. Зачем это делалось, никто толком не знал. Возможно, чтобы визуально-контролировать проход и быть уверенным, что нежелательных хвостов никто не приташил. Модуль давно уже проскользнул в пределы галактики-2 и удалился от финишного створа на несколько тысяч килоун, а Маримуца, Раджабов и остальные вахтенные следящей все еще созерцали его проход коридором. Погасив паразитный дрейф, модуль переориентировался, обменялся с флагманом прикрытия несколькими депешами и минут через пятнадцать ушел в пульсацию. — К Тахиру небось, — вздохнул Раджабов, но, перехватив сердитый взгляд капитана Маримуцы, торопливо добавил: — Все, молчу, молчу! Маримуца только досадливо покачал головой. До окончания вахты оставалось около получаса.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОДУЛЬ СОЮЗА, ПРОЕКТ «КВАЗАР»

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), стационарная орбита

1

Саня в последний раз проверил готовность комплекта, запахнул длинный плащ и уселся в нишу. Тут же отстрелились ремни; Саня распутал их и тщательно пристегнулся.

Правильно. Планета обитаемая. Местные летательные аппараты уже дважды пускались преследовать искательские боты, невзирая на работающую маскировку. Радиолокация, применяемая аборигенами, вообще-то не могла помочь в обнаружении ботов. Каким образом пилоты умудрялись отслеживать незваных гостей Тахира-четыре, искатели тшились понять вот уже который день.

В соседних нишах располагалась группа свайгов — из положения сидя Сане они представлялись буро-зелеными бурдюками. Одежды на них был самый минимум, да и ту свайги носили в основном из-за кобур и карманов под инструмент и приборы. На Санин плащ свайги с первого же выхода неодобрительно косились, да и не только они. Абсолют тоже встретил нештатную одежду бригадира критическим взглядом, но ни слова против в итоге не сказал. А Сане плащ нравился: во-первых, не так жарко, во-вторых, лучеет не видно, ну и в-третьих, недолюбливал Саня новомодные методы маскировки — ну их, эти голографические проекции... Куда надежнее старый добрый плащ-обманка, могущий притвориться камнем, лужей, кустом, кучей земли.

— Капсула, готовы? — проскрипел автомат-переводчик. Спрашивал свайг-инженер, ведающий отстрелом разведкапсул.

Свайги-искатели коротко просигналили гребнями.

— Готовы, — отозвался Саня.

— Даю старт!

Перегрузка при отстреле была минимальная, Саня ее не заметил, знал только, что она длится микросекунды, а потом компенсируется системой искусственной гравитации капсулы.

— Поехали, — пробормотал Саня традиционную фразу.

Говорят, это «Поехали!» ввел в обиход первый землянин, побывавший в космосе. Почему-то традицию нынче поддерживали в основном искатели: перед каждым поиском старший по должности бормотал это заклинание себе под нос; считалось, что после этого поиск не может закончиться неудачей. Не в смысле гарантированных сногшибательных находок, а в смысле предотвращения нежелательных аварий, происшествий, травм. Скажешь: «Поехали!» в момент отстрела, и считай все это искательской команде не страшно.

Капсула углублялась в атмосферу Тахира-четыре. Насколько объединенная команда модуля успела выяснить, планета пребывала на стадии первичного освоения собственной солнечной системы. Политически планета делилась более чем на две сотни государств, достаточно сильно разнящихся по уровню технологического

развития. Государства пребывали в довольно напряженном соперничестве друг с другом, а область, где было обнаружено захоронение предтеч-исполинов, как раз располагалась в приграничной зоне. А границы государствами охранялись весьма ревностно.

Все это, разумеется, не способствовало скорейшему освоению захоронения. На маскировку и прикрытие исследований уходило едва ли не больше сил, средств и времени, чем на изыскания. Хорошо еще, что Саня быстро принял неочевидное для многих решение: привлечь к работе свайгов, для которых водная стихия была столь же привычной, как и воздушная. И впрямь: водолазов лучше, чем свайги, в союзе пришлось бы еще поискать. В итоге основную часть рутинной поисковой работы взяли на себя гребенчатые союзники; Саня же сотоварищи осуществлял общее управление, обеспечивал связь, проводил первичную обработку собранных данных, координировал усилия различных подразделений.

Неожиданно для самого Сани бригадирская работа далась ему без особых трудов. Возможно, влияло постоянное присутствие Абсолюта – Веселов несколько не сомневался, что если сдуру он совершит что-либо не то, его мягко поправят. Здорово помогали советами старички и просто бывалые искатели – начиная от Васи Шулейко и заканчивая Гелием Мостом. С подчиненными у Сани сложились ровные и вполне перспективные отношения, потому что начальника из себя Веселов не строил, если чего не знал – спрашивал не стесняясь, пахал наравне со всеми, да и вообще не слишком тяготился бригадирской ответственностью.

А главное – он любил эту работу. Особенно такую, когда не приходится тыняться в заведомо пустом секторе поиска, уныло глядеть на дремлющий локатор и совершенно точно знать, что сегодня, и завтра, и послезавтра, и впрямь ты ничегошеньки не выловишь из выделенного тебе сектора, равно как и вчера, и позавчера, и неделю назад. Поиск в живом и населенном мире – что может быть интереснее? Планируешь очередную вылазку, а наблюдатели сообщают, что в означенном квадрате обнаружены аж четыре аборигенных судна, все неизвестного типа, что разведчик-автомат расстрелян на пролете замаскированным спутником, что разрушенный наметный фиксатор второй капсулы, оказывается, пострадал не от внезапной коррозии, а от местных микроорганизмов, и что Ринат Файзуллин на самом деле не упился вчера до чертиков, а поразила его злая аллергия. В общем, скучать не приходилось.

– Что там за корабли в зоне, а, командир? – спросил из ниши один из свайгов-водолазов.

– Не знаю пока, – вздохнул Саня. – Думаю, рыбаки. Кто там еще может болтаться?

Свайг не ответил. Свайги вообще не любили домыслов и догадок – предпочитали информацию проверенную и подтвержденную документально. Если таковая отсутствовала – детально разбирались на месте.

В принципе похвальное качество. Работать со свайгами тоже оказалось интересно, а главное – такое сотрудничество давало прекрасные результаты.

Саня покосился на экран, на котором отображались корабли аборигенов.

«Что-то непохожи они на рыбаков, – подумал Саня озабоченно. – Скорее на военных похожи. Очертания какие-то... хищные».

Капсула тем временем нырнула в море; свайги стали готовиться к выходу. Вода в океане была слишком жесткая для их чувствительной кожи, поэтому приходилось либо защищаться перепонкой, либо ограничивать время рейдов. Второе никому не нравилось: ни Сане, ни Абсолюту, ни самим свайгам. Но перепонка-скафандр лишала свайгов одного из органов чувств, образования вроде боковой линии земных рыб. Без этого ориентироваться в воде свайгам было заметно труднее. Поэтому они натирались специальной мазью из каких-то своих специальных водорослей, а перепонку периодически отключали.

– Водолазы пошли! – сообщил старший из галактов.

Саня представил, как зеленоватые туши рептилий-союзников, окутанные шлейфами пузырьков, выстреливаются из кессонов; от кажущейся неуклюжести и грузности не остается и следа: в воде свайги удивительно подвижны и грациозны. Саня когда-то видел тюленей в родной стихии – очень похоже.

Свайги трудились двумя группами: одна разведывала и наносила на карту границы захоронения, вторая собирала бурильщиков-пескоедов для работы под грунтом.

Именно эта группа подала сигнал тревоги уже через полчаса после начала работ. Саня, изучавший снимки близкого берега, оторвался от визора.

Свайги-техники встревоженно копошились у стоек с аппаратурой поддержки.

– Группа атакована! – пробормотал один из них.

– Какая? – растерянно спросил Саня. – Разведчики или бурильщики?

– Бурильщики. Они бросили пескоедов и спасаются бегством.

— Уточнить место на карте! Разведгруппе — немедленный возврат, по возможности подальше от места атаки! Эберхартера на связь!

— Я слушаю.

— Что делать? Полагаю, с этой минуты командование лучше осуществлять вам.

— Первым делом — не паниковать, — спокойствие майора начало передаваться даже свайгам. — Водолазам поставить перепонки — они по идее выстрел из бласта держат — и быть внимательнее. Не лезть на рожон. Возвращаться по пеленгам. Капсуле также поставить камуфляж и быть в любой момент готовой к старту.

— Корабли аборигенов взяли курс на капсулу, — доложил наблюдатель.

— Надеюсь, погружаться они не в состоянии, — проворчал Вася Шулейко, зыря на экраны.

— Зря надеешься. — Наблюдатель ничем не мог успокоить. — Вижу два подводных корабля. Идут сюда же.

Капсула, ведомая хитроумными азанни, совершила ряд сложных эволюций. Но аборигенов провести не удалось, они практически сразу же подкорректировали курс.

— Дьявол! — в сердцах выругался Саня. — Мы не можем всплыть, не подобрав водолазов!

— Мы на подходе, — невозмутимо сообщил Эберхартер. — Покрутитесь еще минут десять и с кораблями мы разберемся.

Наблюдатель не замедлил вывести зенитное сканирование на обзорник; искатели с немалым облегчением увидели четверку боевых атмосферных кораблей-штурмовиков, с одинаковым успехом способных сражаться в атмосферах любой плотности. Бывают ведь планеты с атмосферами плотнее воды.

Вскоре вернулся первый водолаз; выглядел он испуганным, гребень прижат. На боку, как раз под левой рукой, застыл ком лечебного коллоида — значит, свайга ранили под водой.

— Кто это был? — немедленно принялся выдавливать информацию Саня.

Раненый свайг, по-прежнему прижимая гребень, ответил:

— Аборигены в костюмах для подводного плавания. Вооружены гарпунными метателями. В меня попали. Да Нуш тоже ранен, его, по-моему, унесли бурильщики, но я не уверен, нас как раз разделили, пришлось рассеиваться.

— Дьявол, — снова пробормотал Саня. — Ну где ж ты, майор?

Словно услышав его, штурмовики вывалились в небо над кораблями аборигенов, построились ромбом, зашли на цели и дали первый залп.

Эберхартер не собирался быть гуманным или справедливым. Он собирался спасти разведгруппу. Любой ценой и за максимально короткое время.

Атака штурмовиков была ужасна, даже с точки зрения повидавшего боев Сани Веселова. Величавые морские суда серо-стального цвета вдруг вспухали где-то под надстройками черно-альными дымными клубами, некоторое время были даже видны хаотично и беспокойно мечущиеся по палубам и трапам моряки. А потом корабли просто разваливались на части и шли ко дну. В считанные минуты группа прикрытия потопила все суда аборигенов — все до единого. Для этого асам-азанни и канонирам Эберхартера понадобилось всего два захода. Потом четверка штурмовиков ушла под воду. Тут все разворачивалось несколько медленнее, нежели наверху, хотя крупных целей под поверхностью океана обнаружилось всего две. Строй при атаке азанни-пилоты изменили; канонирам же было все равно, в кого и из какого строя стрелять. Подводным судам повезло еще меньше, чем их собратьям на поверхности.

Выстрелы штурмовиков сопровождалась белесыми шлейфами, взрывы были темно-багровыми и распад корпуса на отдельные части следовал почти мгновенно за первым же взрывом, так что последующие попадания терзали уже не целый корабль, а отдельные обломки. Вряд ли там кто-либо выжил. Кроме того, взрывная волна умертвила и вражеских водолазов-одиночек — они всплывали на поверхность безжизненными комками кровоточащей плоти вперемежку с пластиком и резиной.

Всплыли и свайги, но эти хотя бы находились под защитой пустотных комплектов, в пузыре незримой, но несокрушимой силовой перепонки.

Капсула подобрала свайгов минут за десять. Один водолаз был мертв. Остальные пребывали в разных степенях оглушения: по-видимому, аборигены пытались захватить их живьем, но не успели.

— Капсула! Как там вы? — возник на связи Эберхартер.

— Подобрали всех, — мрачно отозвался Саня. — Есть один труп.

— Поднимайтесь на орбиту, — посоветовал майор.

Можно подумать, что у Сани имелась какая-нибудь альтернатива!

«Как все бездарно! — подумал он. — Бездарно и тупо. Почему Абсолют велел оставить штурмовики в стратосфере? Чтобы не привлекать лишнего внимания? Нечего

сказать, не привлекли... Но реакция аборигенов по всем раскладам невероятно быстра! Как они, черт возьми, вычислили нас? Где хваленый камуфляж? Где поглотители излучений? Бардак... Везде бардак!!!»

2

В принципе Саня подозревал, что его как старшего выдернут, что называется, на ковер и состоится подробный и вряд ли приятный разбор полетов. То бишь последнего рейда. Поэтому вызову в пресловутую хозчасть ничуть не удивился. Однако действительность превзошла все мыслимые и немыслимые ожидания. Впрочем, началось все достаточно буднично: в каюту постучался один из лбов Абсолюта и негромко сообщил, что Саню ждут на совещании.

К тому, что Абсолют и его развеселая компания игнорируют внутреннюю связь и предпочитают обмениваться информацией через вестовых, Саня уже привык, хотя и считал это морально — блажью, а по содержанию — пережитком каменного века. Но Саниного мнения никто не спрашивал, приходилось мириться.

— Иду, — буркнул Саня и потянулся за комбинезоном. Вестовой тактично слинял за дверь и принялся ждать в коридоре.

Миновав все препоны перед хозчастью, в число которых теперь входил и вооруженный пост, Саня вслед за вестовым вошел в зал совещаний.

И оторопел. Помимо Абсолюта в зале собралось очень много народу, весьма разношерстного. Десятка два людей, трое азанни, четверо свайгов и парочка цоофт, в одном из которых Саня узнал начальника исследовательской базы Онзулиламая. Долго торчать в дверях Сане не дали, подтолкнули в спину к свободному креслу за громадным столом, который людям показался бы, пожалуй, низковатым.

— Добрый день, — поздоровался Саня на интере.

Ему никто не ответил. В зале продолжала висеть гнетущая тишина. Саня сел, недоверчиво зыркая направо-налево.

Теперь он заметил, что в сторонке пристроилось несколько а'йешей, незамеченных ранее.

— Добрый день, Александр, — сказал вдруг один из людей, сухопарый лысый старик в старомодных очках. Очки были без диоптрий, просто затененные. — Коллеги, это он. Бригадир искателей, руководитель разведработ на Тахире. Человек, обнаруживший генератор нуль-коридора и независимо предсказавший местонахождение захоронения. Саня почувствовал себя лабораторным образцом под пристальным взглядом исследователя-исполина. Это было неприятно и тягостно. Но уж лучше окуляр микроскопа, нежели скальпель, попытался успокоить себя Саня.

Нужно было что-то сделать. Как-то отреагировать на представление очкастого. Поэтому Саня привстал и кивнул головой — ничего умнее придумать не удалось.

— Скажите, Александр, — продолжал тем временем очкастый, — вы не чувствуете в себе каких-либо изменений? За последний год?

— Изменений? — тупо переспросил Саня и покраснел от досады на собственную недогадливость и скудоумие. Ведь намекает же очкастый на что-то, однозначно намекает. Но на что?

— Бригадиром вот недавно сделали, — пробормотал он через несколько секунд. — Не понимаю почему.

— Не понимаете?

— Не понимаю, — беспомощно признался Саня под прицелом десятков обращенных к нему взглядов.

— Мы теряем время, коллеги, — пробасил самый крупный из свайгов, одновременно разворачивая потрясающе красивый гребень на голове. — Предлагаю рассказать ему.

— Поддерживаю, — скрипнул цоофт Онзулиламай, начальник базы.

— Мы тоже за то, чтобы рассказать, — подал голос предводитель азанни.

А'йеши почему-то отмолчались.

— Ну, что ж... — вздохнул очкастый. — Алексис, прошу вас.

Человек рядом с очкастым встrepенулcя, погладил браслет на руке, словно освежал в памяти какие-то документы, и попытался встать.

— Можно сидя, — сказал очкастый. — К чему официоз?

Саня заметил, что у него за ухом имеется не то нейродатчик, не то универсальный разъем. Дорогая штука, тонкая. Мало кто может себе позволить подобное. Саня пока не мог.

Тот, которого называли Алексисом, поерзал в кресле, откашлялся и начал:

— Для тех кто не знает: я здесь представляю земной филиал Фонда единого знания. Инспектор Алексис Мауро Брита. Полагаю, что все собравшиеся уже в курсе того, что я сейчас намереваюсь изложить, кроме, собственно, Александра Веселова. Поэтому заранее прошу прощения, если мой рассказ покажется вам скучным или неинтересным.

Мауро Брита сделал паузу, после чего взглянул Сане в лицо.

— Вы, Александр, были одним из первых, кто прошел обнаруженным вами же нуль-коридором...

— Ну, если говорить совсем точно, то первыми были Тахир Плужник и Регина Фрейман, — поправил Саня. — Но они погибли на Табаске. Остальные участники рейда прошли коридором примерно пятнадцатью минутами позже.

— Спасибо, мне и моим коллегам это известно, — невозмутимо отозвался Мауро Брита. — Однако ваша персона в данный момент интересует нас куда больше, чем остальные первопроходцы, как погибшие, так и выжившие. И вот почему. Сто семнадцать дней назад многие жители Земли и некоторых жилых спутников могли наблюдать странный атмосферный феномен. Выглядел он вот так.

Коснувшись браслета, Мауро Брита вывел в объем изображение. Вывел так, чтобы смотреть было удобно в основном Сане.

Голограмма походила бы на обычный городской пейзаж, снятый в произвольном людском мегаполисе: громады небоскребов, рекламные сполохи, деревья в парке, набережная, закат над рекой. Прохожие. И надо всем этим в небе — лицо Сани Веселова. Прозрачное, но видимое совершенно четко. Лицо в небе делало изображение похожим на обложку фильма или книги. Или на творение непритязательного художника-коллажиста. Состряпать такую голограмму из пары обычных снимков смог бы любой школьник.

— Изображение воочию видели тысячи жителей Волинска; кроме того, оно было заснято и показано в новостях по всей Солнечной системе и много где по доминанте Земли. Оно появлялось дважды (второй раз примерно через четверо суток), оба раза на час сорок семь минут с секундами, после чего бесследно исчезало. Исследования ничего не дали: научники твердят что-то о сложнейшей системе атмосферных линз и дружно уверяют, что существование такой системы невозможно в принципе. Знакомые узнавали вас, Александр. Нам и коллегам (вежливый кивок в сторону очкастого) даже пришлось распустить немало слухов о том, что родственники примерно двух сотен человек также признали в небесном лике кого-то определенного. А теперь взгляните еще на один снимок. — Мауро Брита коснулся браслета. В объеме появился продолговатый цилиндр, в котором Саня без труда узнал генератор нуль-коридора. Он был странно подсвечен и виден совершенно отчетливо. — Глядите внимательно. Масштаб укрупнился; на левом от Сани краю цилиндра медленно проступило опять же его лицо, словно выточенное из аспидно-черного камня и вправленное в темно-серую обшивку генератора.

— Ваше изображение выглядит объемным, но на самом деле это голограмма, поверхность генератора остается абсолютно гладкой, как и раньше. Судя по рабочим журналам исследовательских групп, появилось оно позже первого атмосферного феномена над Волинском, но однозначно раньше второго. Точное время и сам процесс возникновения голограммы, к сожалению, не зафиксировал никто.

Саня тупо глядел в видеокуб. Происходящее казалось ему не то сном, не то неумелым розыгрышем. Портреты, голограммы, невозможные системы атмосферных линз...

Бред.

— Откровенно говоря, ни один из экспертов не сумел выдвинуть сколько-нибудь осмысленной гипотезы по поводу всего вышеизложенного, — продолжал Мауро Брита. — Несомненно только одно; между вами, Александр, и генератором нуль-коридора установилась какая-то, пока необъяснимая, связь. Как долго она существует, почему возникла, к чему в конце концов приведет — на эти вопросы пока нет ответов. Наиболее здравым пока остается предположение, что исчезнувшие исполины пытаются что-то втолковать нам, нашедшим их изделие. Но что именно?

— Скажите, — спросил вдруг Саня. — А на каком из генераторов появилось мое... изображение? Генераторов ведь два.

— На стартовом. Том, что находится в нашей галактике. Том самом, который вы нашли около года назад.

Секунд двадцать Саня пытался заставить себя думать. Однако мысли в голову лезли самые дурацкие. Например, он подумал, не проявится ли на парном генераторе, финишном, его затылок. Или того хуже — задница.

Затем Саня представил в небе над Волинском исполинскую задницу и ему стало совсем тоскливо.

Неизвестно до чего бы он в итоге додумался: очкастому явно поступила какая-то новая информация, и Саня отвлекся от бесплодных фантазий. Очкастый с полминуты колдовал над браслетом, потом вставил за ухо иглу транслятора.

«Все-таки разъем», — шевельнулась у Сани одинокая мысль.

А потом очкастый спокойно и очень буднично объявил:

— Коллеги! Пришло сообщение по мгновенной. Над городком Штефан чел Маре, Офелия, имеет место странный атмосферный феномен. Никому это лицо не знакомо?

Над столом возник очередной видеокуб, но в отличие от предыдущих он медленно вращался, дабы все собравшиеся могли взглянуть на содержимое.

Характерный для Офелии синеватый дневной цвет лился на сплошную зелень небольшого городка. Повсюду рос виноград — обычное для Офелии дело, на винограде там просто помешаны. Темно-синее небо, потрясающе красивые облака. И лицо на фоне неба.

— Мне! Мне знакомо! — вырвалось у Сани. Не то чтобы он пытался что-либо скрыть, но не сдержался — нет. Просто Александр Веселов временно ошалел и утратил обычный стопроцентный контроль над собой. Поплыл по течению, словно управлял его телом и мыслями кто-то другой.

Три десятка разумных существ нескольких рас из высших внимали ему, гостю на этом совещании. Гостю и одновременно экспонату.

— Это лейтенант военно-космических сил Солнечной системы Дариуш Маримуца. Именно он вывез нас с Табаски на парламентарском боте.

3

— Разрешите, господин полковник?

— Входите, Райд. Садитесь.

Райд вошел. На нем, разумеется, был надет комбинезон с трафаретом «Хозчасть» на спине. Промаршировав по ковру, он присел на краешек кресла и сразу начал говорить, словно продолжая недавно прерванный доклад:

— Это действительно Дариуш Маримуца, теперь уже капитан военно-космических сил Солнечной, флот «Евразия». Долгое время служил на патрульно-разведывательном мониторе «Ракша»; участвовал в интересующих нас событиях на Табаске — командовал парламентарским ботом лидера азанни, на котором были вывезены искатели Веселов, Шулейко и Фреймам, а также персонал базы «Экзотик-тура» и выжившие туристы. В момент первого появления бота у Росса-сто двадцать восемь Маримуца как раз находился на вахте; впоследствии получил приказ сопроводить бот на Ухту, это третья планета Пронга-тридцать. Насколько мне удалось выяснить, бот просто пытались отослать подальше, дабы отвлечь внимание имперцев. Цель — Ухта — была выбрана стандартным методом, по месячной сетке и суточной таблице, я лично проверил. Искатели же с «Шустера» семьдесят пятого к Пронгу-тридцать попали совершенно случайно. Когда командование «Евразии» осознало, куда именно отправился парламентарский бот, было принято решение перебросить его с Ухты на Табаску, полагаю, исключительно для того, чтобы поводить за нос имперцев. Ну а там уже сложилось так, что удобнее транспорта для эвакуации не нашлось. В проект «Квазар» Маримуца привлечен с самого начала; служит в штабе флота прикрытия командиром роты наблюдателей, равно как и его напарник по одиссее на Табаске Рахмансулла Раджабов, прежде — унтер, нынче — флаг-лейтенант. Невзирая на звание, Маримуца лично несет вахты. Ничего необычного за минувший год за ним не замечено, в проект угодил в рамках первичного отсева по уровню информированности, каковая у него, сами понимаете, равняется десятке.

Теперь касательно связи с Офелией, господин полковник. Маримуца действительно родился на Офелии, именно в поселке Штефан чел Маре, хотя его семья вообще-то проживала в столице. В возрасте двух лет вместе с семьей переехал на Венеру, там вырос, учился. Далее — военно-космическая академия, звание лейтенанта и назначение во флот «Евразия». За четыре года службы имел ряд поощрений и благодарностей и четыре взыскания, все за сущие мелочи вроде пива на вахте или опоздания из отпуска на пару часов. После возвращения с Табаски получил чин капитана и сразу же был отобран в проект.

Райд сделал короткую паузу и добавил:

— У меня все.

Попов в задумчивости водил пальцами по скатерти. Толстая темно-зеленая материя была приятной на ощупь. Казалось, что прикосновения к ней приносят в мышление особенную ясность, плохо достижимую иными методами.

— Почему Маримуца родился в Штефан чел Маре, если семья жила в столице? — спросил Попов наконец.

— Отпуск, преждевременные роды, — лаконично пояснил Райд.

— Почему именно Штефан чел Маре, а не, скажем, Лазурный Шепот?

— Дело зимой было, господин полковник. Не сезон для Лазурного Шепота.

Собственно, Маримуца-старший снял коттедж с камином, баром и прочими прелестями, дабы отметить Новый год с женой и старшей дочерью.

Попов одобрительно покивал.

— Понятно. Ты выяснил, где пребывают остальные участники событий на Табаске?

Особенно сотрудники «Экзотик-тура», туристы и военные?

— Выяснил, господин полковник. Вот список, всего сорок два человека, включая пилотов десантного корабля, который высаживал Эберхартера с его взводом.

Большинство прибывает завтра, в составе сводной боевой группы с «Флажолета». Вылетели они четыре дня назад, идут сложным пунктиром к стартовому створу.

Кстати, Эберхартер неделю назад тоже побывал на «Флажолете», искателей Веселова эти дни прикрывал его зам, сержант Биринделли. Но во время вчерашнего инцидента на Тахире командовал уже Эберхартер.

— На генераторе лицо уже проявилось?

— Пока нет, господин полковник. Но некоторые изменения видны. Рядом с портретом Веселова наметилось темное пятно. Полагаю, портрет Маримуцы проявится уже в ближайшие часы. Второй генератор, у финишного створа, без изменений.

— Н-да, — вздохнул Попов. — Кто б объяснил, что означают шоу в атмосфере и портреты на этой чертовой каменке...

Райд тактично промолчал. Похоже, он уже и сам был не рад, что приходится вникать в суть столь нелепых и загадочных событий.

— Кто занимался архивами по вопросу артефактов? Кто-нибудь из твоих?

— Да, Берггунд.

— Накопал что-нибудь?

— Насколько мне известно — ничего сколько-нибудь интересного. Во всяком случае, он доложил только об одном случае, да и то связь представляется мне сомнительной. Дело о саркофаге и череде загадочных смертей. История сама по себе странная, но усматривать в смертях влияние артефакта на окружающих его людей... Я бы не рискнул, слишком много натяжек. К тому же не все погибшие рядом с саркофагом были людьми. Только пятеро из семи.

— А остальные двое кто?

— Шат-тсур и перевертыш.

— Хм. — Полов нахмурил брови. — Имперцы то бишь. Впрочем, тогда никакой империи, понятно, еще не было. Но фактик интересный, не находишь? У нас всего две расы в противниках, и как раз их представители замешаны в истории с саркофагом.

— Но остальные-то пятеро — люди. Господин полковник, по-моему, все это несущественно. Влияние саркофага на окружающих его разумных не доказано. Что же касается остальных артефактов, о которых известно более или менее широко — все они не более чем предметы. Назначение их далеко не всегда ясно, но вмешиваться в судьбы людей или инопланетян они явно не в состоянии.

— Ну, положим, генераторы в судьбы пока тоже не вмешиваются.

— Может быть, мы этого просто не замечаем? — пожал плечами Райд.

Попов нахмурился еще сильнее:

— Райд, когда мы заметим — может быть поздно.

— Я понимаю, господин полковник. Но у нас слишком мало информации.

— Ладно. — Полковник легонько хлопнул ладонью по скатерти. — С Веселова и Маримуцы наблюдение не снимать. За прибывшими героями Табаски тоже установить наблюдение. О случаях портретов над городами докладывать немедленно и реагировать соответственно — ни к чему, чтобы толпа узнала, кого именно им показывают. Чем больше слухов и имен — тем лучше. Что еще? Ах да: если портрет Маримуцы проявится на генераторе — просто пришли мне снимок. И попробуй посчитать, сколько портретов поместится на этой штуковине в ряд.

— Ясно, господин полковник.

— Что наш Мельников?

— Ничего. — Райд на мгновение сделал сожалеюще-недоуменное лицо. — Праздновал с пограничниками прибытие на «Флажолет». Контактывал с Шутиковым, Саксиным и остальными. В общем, ничего подозрительного.

— Ну, что ж... Подождем их тут, за финишным створом. Авось что-нибудь и прояснится.

— Надеюсь на это, господин полковник.

— Да, вот еще что: какой умник придумал рассказать все Веселову?

— Его вызвали на совещание руководителей «Квазара». Предложение вынес глава сат-клана свайгов Хошиги Бит, остальные поддержали, включая начальника базы и пика пилотов. Люди тоже поддержали, в лице Бекасова.

Попов с неудовольствием пожевал губами.

— По-моему, это поспешное и плохо обдуманное решение.

— Согласен, господин полковник. Однако ни я, ни Ле Бурже были не в состоянии вмешаться. Главная проблема в том, что информация о портретах над Волинском и на генераторе успела просочиться наружу и дошла до руководителей «Квазара». Я вообще был уверен, что совещание будет посвящено инциденту на Тахире и проблемам, связанным с разработкой захоронения. Однако обо всем этом было сказано как-то уж чересчур вскользь и никаких внятных решений не было принято. По-моему, все просто ждут прибытия группы с «Флажолета».

— А что группа? Это же просто военное формирование. Или вторжение на Тахир сочтено неизбежным?

— Похоже на то, господин полковник. Аборигены огрызаются, договариваться с ними времени нет. Разведка шат-тсуров и особенно перевертышей тоже ведь не спит. Вряд ли удастся долго скрывать местоположение стартового створа после того, как группа пройдет коридором. Такое движение отследить — всего лишь вопрос времени. Задумчиво покачав головой, Попов помассировал виски и устало сказал:

— Ладно. Ступай, Райд, работай.

Поднявшись, Райд по-военному четко сдвинул пятки, кивнул головой и бесшумно промаршировал к выходу той же чеканной, но вместе с тем экономной походкой, как и четверть часа назад, по приходу.

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «ОГАСТЕС ФЛИНН», ФЛАГМАН ФЛОТА ВТОРЖЕНИЯ
Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), стационарная орбита

1

«Пиратская» флотилия не тянула даже на эскадру регулярной охраны какой-нибудь забытой богом периферийной колонии. Невзирая на это обстоятельство, она громко именовалась флотом. Названия флот, конечно же, не имел — по политическим соображениям. А в обиходе именовался просто «флотом вторжения», без ненужных экивоков и обтекаемых формулировок. Флот был, спору нет, куц и смешон; доведись ему столкнуться с обычной боевой группой тех же шат-тсуров или перевертышей, его перемололи бы в труху безо всякого напряжения. Однако адмиралу Дмитрию Фисуненко предстояло воевать не с шат-тсурами, а с дикарями, аборигенами Тахира-четыре. Говоря начистоту, командовать соединением из десяти кораблей сообразнее было бы военному рангом ниже — скажем, флаг-адмиралу. Ну, в крайнем случае — контр-адмиралу. Даже вице-адмирала на такой, с позволения сказать, флот было многовато.

В битве у Пронга-тридцать Фисуненко, тогда еще вице-адмирал, командовал армадой из семидесяти двух кораблей, среди которых имелся даже трофейный тоннельный дестроер постройки свайгов. Армада входила в офелийский флот «Магрибба», присланный в помощь силам Солнечной, а Фисуненко считался правой рукой командующего флотом, железного и прославленного адмирала Тонгусекава. Флагман «Магриббы» был даже чуть больше пресловутого дестроера.

Однако Фисуненко не очень удивился, когда командовать «пиратским» «флотом» (именно так, два слова, каждое в отдельных кавычках) приказали ему. Произведенный в адмиралы герой Пронга-тридцать, Белой Лилии и скопления Трехлапая Кошка был человеком отнюдь не глупым и умел предвидеть события на несколько ходов вперед не только в объеме космических сражений. Тайны хитроумной кабинетной политики для Фисуненко переставали быть тайнами после тщательного анализа скудных данных из высших сфер и привязки их к текущим событиям на фронтах. Тот факт, что по возможности всех мало-мальски информированных участников сражения у Пронга-тридцать законсервируют при находке, Фисуненко осознал раньше, чем его озвучили непосредственно в высших сферах. Предвидел адмирал и то, что командовать вторжением доведется именно ему, поскольку

Хемерсбрандт по уши занят в Солнечной, Тонгусекав — на Офелии, Лесин возглавляет охранение генератор-пары в галактике-два, а Мьюнг Чой замаялся маскировать свой флот по дальним окрестностям стартового створа.

Однако Фисуненко не ожидал, что сил ему дадут так мало.

С другой стороны, в «пиратский» сброд подобрали отменно обученный и понюхавший плазмы народ — чего стоят одни только экипажи крейсеров-атмосферников или бравая десантура, которая успешно штурмовала редуты скелетиков у Мориты Грифона. Да и сами атмосферники, все четыре — скрипки, не корабли! Новые, укомплектованные и, невзирая на участие в космических мясорубках, ни разу серьезно не поврежденные. Впрочем, оно и понятно: миссии Фисуненко уделялось особое внимание и в его распоряжение отдали лучшее из того, что имелось. Флагманом адмирал избрал хорошо знакомый малый крейсер «Огастес Флинн», на который молодого капитан-лейтенанта Дмитрия Фисуненко назначили начальником палубной артиллерии, еще когда сам крейсер доводился на офелийских стапелях. На «Огастесе Флинне» он служил вплоть до присвоения звания флаг-адмирала и перевода в штаб флота «Магрибба» начальником разведки. С кораблем у Фисуненко были связаны самые теплые воспоминания, поэтому в выборе флагмана он не колебался ни секунды.

Хуже обстояло дело с противником, о котором не было известно ровным счетом ничего. Не грел сердце и тот факт, что весьма вероятным представлялся вариант развития событий, при котором ему, адмиралу Фисуненко, придется, не утруждаясь переговорами, громить оборону аборигенов Тахира-четыре, громить качественно и надежно, не считаясь ни с какими потерями, ни с какими кодексами высших рас или конвенциями о контактах с новоразумными. Говоря проще, ему придется стать новоявленным Кортесом, с той лишь разницей, что Кортес шел за золотом, а адмирал Фисуненко идет за артефактами, которые способны спасти галактику и ее обитателей от не ведающих что творят и ослепленных безумием имперцев.

Фисуненко был опытным воякой и прекрасно знал, что войн без жертв не бывает. Но ему предстояло не воевать. Ему предстояло устроить форменную бойню. Кровавую баню в марсианском аду, и на этот раз — безо всякой иронии в формулировке.

И еще Фисуненко знал, что если не будет другого выхода — он эту бойню устроит. Сердце его замрет от жалости к неведомым аборигенам, но голос, отдающий команду атаковать, не дрогнет.

Отчасти поэтому его и направили командовать флотом вторжения. Флотом, численностью в десять кораблей. Четыре малых атмосферника, два улья и четыре клипера прикрытия.

В первый же день после отхода с «Флажолета» Фисуненко собственноручно намалевал на перепонке адмиральской каюты Веселого Роджера. Фломастером, одним из тех, что так и не успел подарить четырехлетнему внуку перед заварухой у Пронга-тридцать.

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «АТЛАНТИКА», ФЛОТ ВТОРЖЕНИЯ

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), стационарная орбита

1

Скотч одернул непривычный комбинезон и поглядел на товарищей.

Товарищи были одеты очень разношерстно.

Сначала он вообще ничего не понял: десантную и пустотную форму у всех отобрали, потом загнали всех на огромный склад и велели подобрать по паре комплектов одежды по размерам и вкусу.

Одежда на складе была гражданская, явно ношенная, но чистая, выглаженная и со всем пуговицами-застежками. И вся, разумеется, неединообразная.

Когда одетые как попало вчерашние бойцы военно-космических сил доминанты Земли вернулись в казармы, перед ними выступили люди, также одетые в штатское, но подозрительно подтянутые и строгие с виду.

Скотч подумал, что среди них вполне естественно смотрелся бы Мельников.

Речь «штатских» тоже была полной неожиданностью. Формально вся сводная боевая группа оставалась на службе у доминанты. Но изображать должна была пиратов — вчерашнего и позавчерашнего врага.

Примерно с этого момента Скотч перестал удивляться и понял, что им предстоит какой-нибудь лихой рейд диверсионно-хулиганского толка, из тех, что регулярным войскам совершать вроде бы не с руки, но каковые политикам бывают время от времени нужны до зарезу.

Что ж... О чем-то подобном слышал каждый солдат. А каждый второй в чем-то подобном уже участвовал.

Еще сутки ушли на подбор и подгонку оружия со снаряжением. А потом всю пеструю сводную команду перегрузили с базы на борт четырех малых атмосферников и двух ульев, придали четыре скоростных клипера для походного охранения и... Дело началось.

Для Скотча оно началось, когда из очередной таинственной отлучки явился Мельников. Явился, повертел головой, стоя посреди кубрика, зевнул, потом значительно насупился и взял Скотча за рукав:

— Пойдем... — сказал Мельников. — Пошепчемся.

Пошептаться с Мельниковым Скотч был готов в любую секунду. Вообще общение с этим человеком подспудно придавало ощущение причастности к событиям важным, значимым и практически великим. И что самое смешное, впоследствии так все и оказывалось. Когорта (слово «взвод» было официально запрещено к употреблению, а лучшего пока не придумали) Скотча устроилась в стандартном жилом секторе малого крейсера — кубрике трудноописуемой формы. Наверное, наиболее точной аналогией по очертаниям смот бы послужить надкушенный кусок исполинского торта. Подобные кубрики располагались на крейсерах в восемь этажей — стоило выйти в штольню и подняться на уровень (можно было и спуститься), и ты оказывался в казарме соседнего подразделения. Скотч по-прежнему исполнял обязанности сержанта (слово «сержант» тоже было официально запрещено); в подчинении у него находилось двадцать четыре человека, включая экс-капрала Солянку, пилота Валти, каптера Мистера Литтла, технаря Сориала, бойцов Цубербюллера, Тамуру, Гавайца, четырех братьев Суондредов, Мельникова с напарником, изображавшим на Табаске канонира... К остаткам десантного взвода Скотча добавили ребят-пустотников, пехотинцев, штурмовиков, так называемых погранцов и даже одного угрюмого типа, оказавшегося боевым пловцом с Океании. Над когортой Скотча и еще тройкой подобных подразделений, названных командой, секцией и куренем, стоял бывший ротный Скотча Роналд Хрофецки в паре с одним из строгих парней, которые Скотчу напомнили не то разведчиков, не то контрразведчиков. Когорта располагала атмосферным десантным ботом, четырьмя разнокалиберными орудиями четырех различных систем и прорвой ручного оружия, еще более разнообразного. Вся наспех сформированная «пиратская» флотилия жила ожиданием скорых боев; Скотч и его люди — не исключение. Мельников увлек Скотча в его «сержантский» уголок — отгороженную переборкой камору с койкой, тумбочкой и личным столом.

Скотч плюхнулся на койку и вопросительно уставился на Мельникова.

— Скоро в дело, — негромко произнес тот, не растрачиваясь на многозначительные паузы.

Не удержавшись, Скотч фыркнул: мол, тоже мне, открыл Альфу Центавра! Ежу понятно, что скоро в дело.

— Я видел Оттмара Эберхартера, помнишь его? Командовал разведчиками, которые нас с Табаски вытаскивали.

— Помню, конечно. Я его еще на «Флажолете» узрел.

— В общем, последнее время он прикрывал изыскания наших ученых на одной из дальних планет. Вроде бы там что-то нашли, да только раскопать не успели, дали им по ушам.

— Скелетики? — спросил Скотч.

— Не. Местные. Планета обитаема. Необращенные еще, только-только в космос выходят. Сдается мне, их нам и придется приструнить в этот раз.

— Так вот откуда пиратские штучки, — смекнул Скотч. — Это чтоб доминанту Земли не обвинили в агрессии...

— Похоже на то.

— Грязноватое дельце. — Скотч недовольно поморщился. — Не находишь?

— Война по определению грязна. — Мельников пожал плечами. — Не в том дело. Дело в том, что нам на все про все дают всего-навсего неделю. За неделю нужно населению целой планеты показать, кто в галактике хозяин. А у них, между прочим, ядерное оружие имеется.

— Тьху. — Скотч огорчился еще сильнее. — Значит, техноблокада отменяется...

— Не факт. Далеко не факт. Сначала будет развед-рейд, несколько ботов, веером. Мы в их числе. Вот это точно без блокады. А вот что потом — по результатам станет ясно.

Скотч поерзал на койке:

— Веселенькое дельце...

— Между прочим, хорошо если до старта пару часов осталось. Это я так, по своим каналам выяснил. Так что будь готов, дружище.

— Мне что, я всегда готов. Правда, ребят не всех знаю — только в деле станет ясно кто есть кто. За свою десантуру я спокоен...

Тут в закуток ворвался Валти. Как и все пилоты малотоннажников, он имел младший офицерский чин, поэтому ничем не терзался перед тем, как ворваться к собственному «сержанту». Да и давнее личное знакомство сказывалось.

— Эй, Скотче, — начал он прямо с порожка; потом заметил Мельникова и запнулся, разглядывая, кто это навещает командира когорты.

— А, — разглядел он спустя несколько секунд. — Застава! Привет.

При Мельникове можно было обсуждать все что угодно, это Валти прекрасно знал.

— Привет, Валти.

— Знаете, кого я только что у рубки встретил? — страшным шепотом спросил Валти.

— Маримуцу и Раджабова! Видно, они нашим крейсером рулят и шли, надо полагать, на вахту, Маримуца уже капитан, между прочим. Так вот, он мне шепнул, что на носу атмосферные маневры и высадка!

— А мы тут как раз это обсуждаем, — небрежно заметил Скотч. — Правда, Андрюха?

Мельников только хмыкнул и подумал, что никогда во время войн не удастся удержать в секрете приближающуюся операцию.

— А куда нас забросили, он заодно не шепнул? — осведомился Мельников спустя какое-то время.

— Нет, — сознался Валти. — Правда, спрашивал, знаю ли я где мы находимся.

— И что?

— Ответил «на малом крейсере „Атлантика“». — Валти вздохнул. — Типа шутка.

— Они что, тоже не знают? — поинтересовался Скотч.

Валти взглянул на него странно:

— Тебя что, контузило? Чтобы вахтенные офицеры наблюдения не знали, где находится их корабль? Скотче, почаще из казармы выглядывай, мхом зарастешь.

— А вот у меня сложилось впечатление, — невинно заметил Мельников, — что на этом корабле вообще никто не знает наше точное местонахождение.

Валти только отмахнулся:

— Да не рассказывайте мне сказки. Я пилот все-таки, а не дуболом из штурмвзвода...

— Из чего, из чего? — с притворной строгостью переспросил Скотч.

Валти отвалился от переборки и сделал реверанс:

— Вельми понеже, оговорился! Из штурмбанды. Так лучше?

— То-то же! — заметил Скотч назидательно. — Не фиг забываться!

И в тот же миг взвыла сирена. Тревога!

— Началось, — пробормотал Мельников.

Скотч взглянул на него с легкой укоризной:

— А ты говорил — два часа, два часа...

— Пошли. — Мельников не стал уточнять, что говорил он, строго говоря, не совсем это. Он просто вскочил из-за стола и выпихнул Валти из закутка.

Молодцы Скотча по одному выскакивали из кубрика и мчались к оружейке.

«Ну, — подумал Скотч. — Храни нас небо! Раз сунули всех не пойми в какое пекло, значит, некому больше разбираться. Все как обычно: никто, кроме нас...»

2

Задача была на первый взгляд простой и незамысловатой: высадиться, осмотреться, захватить пару-тройку аборигенов и незаметно подняться на орбиту, где поджидали крейсеры.

Аналитики, в том числе и Дейв МакГрегори, в данный момент вовсю изучали местные радио и телепередачи; для создания корректного переводчика этого было, в общем, вполне достаточно, если бы не одно «но».

Времени имелась лишь неделя. А значит, нужны были живые носители языка, иначе — не успеть.

Бот шел вниз в полном камуфляже. Скотч и его когорта также были облачены в разномастные пустотные комплекты, способные делать хозяев невидимыми. Без комплектов скучали только канониры: их орудия даже не расчехляли, ибо задание на сей раз было более характерным для разведки, чем для десанта.

Перед самой погрузкой в бот Скотч успел краем глаза проглядеть спецификации Тахира-четыре. Жарковато: жарче, чем на Земле или Табаске, мир ее праху. Влажно.

Много кислорода, почти тридцать один процент, так что комплекты лучше пользоваться по полной программе. Такую команду Скотч своим и отдал сразу же по посадке в бот. Когорта у него была явно тертая: никто не мандражировал, никто не нервничал. Боевой пловец так и вовсе спал в нише. Братья Суондреды тоже дружно зевали. Солянка торчал в незатянutom перепонкой люке пилотской кабины и заглядывал Валти через плечо. Бот шел над облаками, постепенно снижаясь. Снаружи было солнечно и празднично.

— Эй, Солянка! — рявкнул Скотч. — А ну на место!

Тот обернулся: чучело чучелом с точки зрения бравого сержанта-десантника. Одет в какой-то легкомысленный цветастый комбез и кроссовки; на голове бандана с «Веселым Роджером». И когда только повязать успел? На физиономии написано неудовольствие.

— Давай, давай, нечего рожи корчить! — поторопил его Скотч и обратился ко всем сразу: — Ну, что, братцы-смертнички? Попиратствуем?

По отсеку прокатились сдержанные смешки, хмыканье. С точки зрения солдат, последние год-два проведенных в непрерывных боях и не выпадающих у смерти из-под прицела, нынешний рейд выглядел просто увеселительной прогулкой. Однако...

Собственно, об этом и хотел рассказать Скотч.

— Там, внизу, наши искатели ковырялись. Под водой. Тихо-мирно ковырялись, никого не трогали. Так вот, их атаквали аборигены — непонятно, как засекли, непонятно, как сумели подобраться незамеченными, минуя охранные системы. Есть жертвы, правда, не люди — свайги. Однако разница небольшая — союзники, как-никак. Так что вполне возможно, что и нас внизу поджидают не курортники на пляже, а регулярные войска. И нечего тешить себя мыслями, что они только-только в космос выходят и вооружены древними пулевиками. Кто начеку, тому и тазер не страшен, а кто спит на ходу, того и пуля-дура догонит. Уразумели? Комплекты проверить!

Скотч начинал привычно повышать голос, переходя на сержантский ор.

— Антигравы проверить! Оружие проверить! Не зевать! Эй, водолаз, давай, продирай глаза! Конрад, пни его!

Боевой пловец приоткрыл один глаз и жестом показал, что у него со снаряжением все о'кей. При этом он даже позы не изменил. Скотчу этого вполне хватило: чувствовались в пловце и внутренний стержень, и немалый опыт боевых действий.

— Друг друга поддерживать! Приказы слушать и, соответственно, выполнять не мешкая! И помнить: мы — наикрутейшие пираты всех времен и народов! Задание не выполнит никто, кроме нас!

Бывшие десантники дружно рявкнули:

— Никто, кроме нас!

Остальные покосились на них с некоторым удивлением. И только Мельников с напарником шевельнули губами в такт девизу десанта: если и не прокричали его, то хотя бы прошептали.

«Что-то я сегодня многословен, — подумал Скотч. — Волнуюсь, что ли?»

Он поразмыслил и понял, что именно беспокоит больше всего: плохое знание самим Скотчем большей части когорты. Да и ребята непритертые, не понимают пока друг друга с полужеста. Как начнут друг перед другом понтоваться: разведка перед пустотниками, пустотники перед пловцом...

«Не приведи небо!» — мысленно взмолился Скотч.

— Садимся! — предупредил Валти. Перепонка в кабину была по-прежнему расслоена. — Мелководье, до берега метров сорок. Берег пустынный, вдали какие-то строения. «Строения — это хорошо!» — подумал Скотч и громко скомандовал:

— Комплекты задействовать! Камуфляж включить!

Ему понравилось, что все выполнили приказ — без суеты, но четко и своевременно. Все-таки в сводную группу брали бывалых людей.

Вот опустился пузом в воду. Наблюдай кто со стороны — изумился бы: поперек волн вдруг возникла длинная борозда, словно с неба плюхнулась невидимая лодка и резво пошла к близкому берегу. Но наблюдать было некому, а местные птицы интереса к феномену не проявили.

Вскоре бот ткнулся носовым срезом в песок.

— Ты и ты! — Скотч ткнул пальцем в двоих едва видимых бойцов, из незнакомых. — Обеспечиваете охранение у катера! Валти и канониры — если все тихо, с борта ни шагу; в крайнем случае чего помогаете наружникам. Остальные — на берег! Марш!

Чудеса продолжались: вокруг еще не успокоившегося пятна на воде стали возникать парные всплески, а чуть позже на влажном прибрежном песке сами собой начали отпечатываться цепочки следов.

— Расходимся веером, группами по трое! Времени — час на все! Встречаем аборигенов — вяжем одного-двух, больше не нужно. Вещички их прихватываем, пригодятся. Связь задействовать только в экстренных случаях, между собой переговариваться голосом. Разобрались! Образовалось пять троек и некомплектная пара из самого Скотча и Гавайца.

— Время пошло! Разошлись!

Скотч пихнул Гавайца и двинулся прочь от моря, слегка забирая вправо. Остальные тройки быстро разобрали направления: две пошли вдоль береговой линии, прочие вклинились между линией и Скотчем, одна правее, две левее. Операция по захвату языков началась.

Коллег-«пиратов» Скотч потерял из виду уже шагов через двадцать. Действительно, человека в боевом камуфляже с такого расстояния не рассмотреть, если он свое присутствие не афиширует. Только Гаваец виднелся слева смутным почти прозрачным пятном — не то пылинка в глаз попала и мерещится всякое, не то перегретый воздух пляшет над перегретой почвой...

Но Скотч знал, на что способна эта пылинка в реальном бою.

Под ногами шуршала трава, невзирая на жару не сухая, а довольно сочная, — видимо, сказывалась повышенная влажность. Удирала из-под ног разнообразная насекомая мелочь. Скотч подумал, что жизнь на большинстве землеподобных планет удивительно похожа, чтобы не сказать однотипна. Везде, где доводилось высаживаться или просто бывать, непременно находилось что-нибудь общее с Землей, Табаской, Офелией, Селентиной...

Примерно килоунах в полутора посреди разнотравья возвышались одноэтажные строения с покато конической крышей. Скотч направлялся к ним.

Под ногами периодически попадался всякий мусор, напоминающий о цивилизации: пустые бутылки гантелеобразной формы, вроде бы пластиковые, обрывки бумаги или картона; раз Скотч задержался у рваного тапочка, только не привычно продолговатого, а почти круглого по форме.

Вдали, у самого горизонта, в сиреновой дымке угадывались горы. Невысокие, без снежных вершин — скорее, просто холмы. Вскоре стала видна убегающая в ту сторону дорога. Строения впереди стояли как раз у поворота дороги. Ни единого экипажа в пределах видимости не маячило. Скотч удивился: где-то поблизости располагался местный курорт, вроде бы движение должно быть интенсивным. Однако дорога оставалась пустынной.

— Гаваец! — вполголоса позвал Скотч.

— А? — отозвалась пустота голосом Гавайца.

— Давай к домикам. Внутри небось какой-нибудь дорожный патруль отдыхает.

Спеленаем одного-двух, прихватим какой-нибудь техники и назад.

— Добро. Кто работает?

— Ты, — буркнул Скотч. — Я прикрою. И парализатор держи наготове, нечего местным зубы вышибать.

— Может, у них и зубов-то нету, — беспечно отозвался Гаваец.

Скотч отчетливо услышал щелчок снимаемого с предохранителя биопарализатора. Есть зубы у аборигенов, нету — а несложный нервно-сенсорный шокер должен был подействовать и на них. По крайней мере, до сих пор шокер действовал на все известные союзу органические формы жизни. На а'йешей парализаторы оказывали действие, сходное с опьянением или наркозом: временно нарушалась неоднородная электропроводимость их кристаллических тел.

На всякий случай Скотч тоже вынул парализатор и сдвинул рычажок предохранителя. До строений осталось метров полтораста.

Дальнейшее было делом техники и рефлексов. Скотч первым припал плечом к стене рядом с дверью. Призрак Гавайца виднелся в двух шагах.

Дверь была самая обычная, на обильно смазанных металлических петлях. Без смазки петли при такой влажности несомненно проржавели бы насквозь. Открывалась дверь вовнутрь домика.

— Начали! — прошептал Скотч и бросился плечом на дверь.

Она распахнулась до половины, ударившись обо что-то и оставшись в полуоткрытом состоянии. Скотч ввалился в щель и бросился на пол, чуть в сторону от входа, вправо. С парализатором в руках. Это было, конечно, по-дурацки — падать с парализатором в руках. С бластом или хотя бы лазерником — еще туда-сюда, стрелять можно и лежа. Но с парализатором, который можно использовать только при непосредственном контакте... Однако, здраво рассудил Скотч, у аборигенов вполне может оказаться наготове что-нибудь стреляющее. Так что лучше уж на пол, от греха подальше.

Гаваец сквознячком ворвался следом спустя полсекунды. Только он падать не стал. Внутренность домика состояла из единственной комнатенки с двумя окнами. У дальней стены помещался обыкновеннейший письменный стол, несколько старомодного, по мнению Скотча, вида. Стол был завален листами не то пластика, не то архаичной бумаги, с пола было не рассмотреть. За столом восседал абориген в темно-синей одежде. Второй абориген валялся на полу за дверью — именно его сшиб Скотч, когда ввалился сюда непрошеным гостем. Еще в помещении имелся солидный шкаф со слегка выпуклыми дверцами и вешалка в углу; на ней висели две одежды, которые с ходу хотелось назвать плащами. Стену над головой первого аборигена украшал лик местного, надо полагать, вождя.

Аборигены выглядели плохой пародией на помесь хомо и цоофт, по крайней мере верхняя половина тела так выглядела. Узкая вытянутая голова, похожая на тренажерное седло или кобуру от ручного бласта, покатые плечи, незаметно переходящие в туловище, пара длинных рук. При взгляде на лежащего Скотч понял, что тазовый пояс у аборигенов несколько шире плечевого, а ноги гнутся на манер цоофт или земных птиц, назад. А стоя аборигены, вероятно, абрисом напоминают офелийскую винную бутылку, только на ножках.

Гаваец действовал как истый десантник. Сначала он качнулся влево и ткнул лежащего парализатором в шею. Затрещало, запахло озоном; лежащий коротко вякнул, как щен-подросток — ломким баском. Вторым темпом Гаваец перевалился через стол, сметая на пол бумаги и столь же сноровисто и молниеносно угостил парализатором следующего аборигена. Тот опрокинулся вместе со стулом, так приложившись о стену, что портрет местного вождя не удержался и спикировал прямо на Гавайца. Гаваец, впрочем, увернулся — десантура все-таки, не рохля какой-нибудь тыловой. — Молоток, — похвалил Скотч напарника, вставая и пряча парализатор. — Готовь антиграв.

Сам Скотч тем временем решил пошарить в шкафу.

Однако шкаф оказался заперт на механический замок. Пришлось перетряхнуть аборигенам карманы; у того, что ранее сидел за столом, на пристегнутом к мундиру кожаном сыромятном ремешке обнаружилась связка ключей — эдаких забавных иззубренных штырьков. Подобрать нужный удалось минуты за две. Гаваец пока рассматривал трофей, обнаруженный вместе с ключами — продолговатую черную хреновину с усиком, вероятно, радиостанцию.

— Возьмем, — не оборачиваясь, подсказал Скотч. — Образцы техники нашим спецам тоже интересны.

Гаваец молча сунул упомянутый образец в карман — тот быстро истаял, стал невидимым в зоне действия камуфляжного модуля.

В шкафу обнаружили еще три аналогичных приборчика, одна кубическая машинка посложнее, с ребром примерно в пол-уна, и пять продолговатых предметов, в которых безошибочно угадывалось компактное ручное оружие, скорее всего автоматическое. На нижней полке стояла коробка с магазинами, из которых выглядывали желтенькие головки патронов, а также объемистая бутылка светлого стекла, до половины наполненная сизоватой жидкостью.

За спиной довольно ухмыльнулся Гаваец:

— Ручаюсь, Скотче, это бухло! Как думаешь, нашим спецам оно интересно?

Скотч нехотя потянулся к бутылке и после секундной заминки отвернул крышку (резьба была обратная). Осторожно понюхал. Разило плохо очищенной сивухой, во всяком случае запах был однозначно спиртовой.

— Думаю, нашим спецам это неинтересно, — сказал Скотч с некоторым сомнением.

— А нам? — не унимался Гаваец.

— Нам — тем более. Травануться еще не хватало! На, крепи!

Скотч сунул Гавайцу кубический приборчик с верхней полки, и напарник послушно принялся подвешивать его к антиграву. Местная пушка достаточно удачно вписалась на бок полувоенного комбинезона Скотча, под липучку. Одна из обоев перекочевала в карман на бедре.

Следом Скотч обшарил ящики стола; не нашлось ничего примечательного, сплошные бумаги. Из общей кучи были отобраны два журнала, один явно порнографический (что было весьма кстати для изучения биологии аборигенов), один вроде бы спортивный. После некоторых колебаний Скотч решил прихватить также пухлый рукописный талмуд и типографскую книгу, подозрительно смахивающую на руководство по обращению с оружием, если судить по многочисленным несложным рисункам. Пленных обыскивать не стали, успеется.

— Все, — выдохнул Скотч. — Сматываемся.

Он помог Гавайцу вытолкать парящих в воздухе аборигенов за двери и трусой двинул к побережью. Следом с буксировочным линем в руке бежал Гаваец. Дышал он равномерно и легко.

Увидь кто-нибудь подобную картину — удивился бы до смерти. Два полусогнутых аборигена, словно переброшенные через руку пиджаки, реяли над травой, периодически дергаясь, когда натягивался лить. В такие моменты тихонько позвякивали металлические пуговицы мундиров о кубический аборигенный приборчик. Жутковатая картина, ей-ей.

Добрались «пираты» без приключений; у бота уже поджидали Солянка с одним из Суондредов и боевым пловцом, а также пара из охранения, канониры и Валти. Канониры сидели на носовом колпаке, остальные расположились на песочке. Камуфляж, понятное дело, никто не отключал, поэтому Скотч велел всем идентнуться голосом. Тройка Солянки выловила из моря какого-то одинокого купальщика килоунах в трех к западу, при этом, по словам бывшего капрала, особо отличился боевой пловец. Купальщик в данный момент пребывал в прострации и трюме.

Захваченных Скотчем и Гавайцем аборигенов также перегрузили в трюм; Скотч не допускающим возражений тоном загнал всех, кроме Солянки, в бот. Сам же с Солянкой остался дожидаться остальных снаружи.

В течение часа с небольшим все тройки вернулись. Все — с добычей. В общей сложности когорта захватила восьмерых пленников и довольно много разнообразной аборигенной техники. Здоровенный экс-пехотинец по прозвищу Домкрат припер на себе даже нечто вроде небольшого трицикла с моторчиком. Задание можно было считать выполненным. С блеском, на «ять».

«Не, все-таки толковые у меня хлопцы в когорте! — с удовольствием подумал Скотч. — Даром, что многие не из десанта...»

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОДУЛЬ СОЮЗА, ПРОЕКТ «КВАЗАР»

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), стационарная орбита

1

Спецы-лингвисты завершили работу глубокой ночью. Язык аборигенов Тахира-четыре (точнее, язык жителей нужного побережья) перестал быть загадкой. Среди захваченных десантниками пленников оказалось двое иностранцев; их нативные языки лингвисты тоже на всякий случай освоили и вогнали гибкие переводческие программы вместе с накопленными словарями в жадную память машин-трансляторов. Конечно же, не только пленные дали материал для изучения: не меньшую роль сыграл перехват местных радио- и телепередач.

Одновременно с лингвистами работали и другие аналитики, конструирующие живые модели экономического, политического и культурного устройства государства, на территории которого нашлось захоронение исполинов. Новая раса предстала перед объединенным знанием союза обычной новой расой, никаких особенных отклонений от базовых теорий и статистических наработок. Примечательным в аборигенах Тахира было лишь одно: они стали первой иногалактической расой, с которой столкнулся союз. Поначалу многие внутренне робели — а ну как в неведомо на сколько бесконечностей удаленной от родных мест галактике разум окажется иным? Столь же бесконечно чужим и далеким? Но нет. Природа оказалась последовательной: ни биологи, ни социоисторики, ни экономисты так и не столкнулись в первые дни с чем-либо принципиально отличным от всего, им уже известного. Тахир вполне мог находиться и в одной с союзом галактике, по крайней мере никого бы он там не удивил. Впрочем, если именно сюда провесили нуль-коридор исчезнувшие исполины — стоит ли удивляться? Большинство рас союза в первую очередь интересуются мирами, похожими на собственный дом. Просто расы союза до сих пор применительно к понятию «дом» оперировали планетами, а раса конструкторов коридора, похоже, считала домом всю галактику. И как знать, одну ли?

Дальнейшие планы союза были просты: обращение к правительству прибрежного государства, а затем вторжение, поскольку никто не сомневался, что аборигены откажут пришельцам в праве безнаказанно грабить их недра. Кое-кто считал обращение напрасной тратой времени, тем более что имидж пиратов какие-либо обращения в общем-то исключал, однако командующий флотом адмирал Фисуненко остался непреклонным: истинным корсарам во все времена не была чужда своеобразная честь. Обращению быть.

Текст был составлен давным-давно; этой ночью он был переведен на местный язык и записан в видео-, аудио- и криптовариантах. Состоявшееся раним утром совещание в конечном итоге свелось к обсуждению способа, каковым сие сообщение будет доведено до правительства прибрежного государства, условно названного, кстати, Клондайком. Вполне понятно почему.

Саню Веселова тоже вызвали на это совещание.

Он не замедлил явиться по вызову — хмур и мрачен. Кроме того, Саня совершенно не выпался, что тоже не добавляло настроения и не красило мир в праздничные цвета. Приходилось до ломоты напрягать челюсти, дабы не зевать во всю варежку перед людьми, еще недавно казавшимися высоким и недостижимым начальством.

Первые приступы робости и юношеский пиетет перед оным начали потихоньку покидать Саню. В конце концов искатель Веселов делал важное в рамках миссии дело, и большею частью делал толково. Не его же в конце концов вина, что аборигены так быстро пронюхали об искателях у захоронения и отважились атаковать, убив одного водолаз-свайга. Прикрой Эберхартер водолазов получше, может, и не случилось бы этой в высшей степени бессмысленной жертвы. Хотя Эберхартер тоже ведь не бог и не самодержец: оставить корабли на орбите ему скорее всего приказали.

Странные иногда сверху поступают приказы. Взять этот же случай. На кой ляд, спрашивается, охранение, если оно болтается на орбите, в то время как охраняемые ковыряются на поверхности планеты? Получается, что Эберхартер охранял искателей от угрозы извне, из космоса, а не от аборигенов? В итоге внутреннюю угрозу все дружно прохлопали. Упавали на неожиданность и техническое превосходство. И допрыгались. А казалось бы — вспомни историю, вспомни, как на месте аборигенов Тахира были сами земляне! Как тогдашний союз высокомерно полагал людей дикарями и как получал, бывало, от упомянутых дикарей по сусалам по полной программе. На Волге, на Пламмере-12, в окрестностях многострадальной Тау Хромой Черепахи... История имеет свойство повторяться. И всегда развивается по спирали.

— По спирали, — пробормотал Саня. — Все по спирали...

И — очень непоследовательно и не ко времени мысленно скаламбурил:

«Удачу — поспирали. Сон — поспирали. Жалованье, того и гляди, тоже сопрут...»

Абсолют, не в пример Сане, выглядел свежим и бодрым. Лишь красноватые и едва заметно припухшие глаза главаря «хозчасти» свидетельствовали, что бойцам невидимого фронта тоже не приходится отлеживать в безделье бока.

— Все собрались? Кого еще ждем? — справился начальник штаба флота и одновременно ученик адмирала Фисуненко Григорий Харшавин, капком, как именовали на флотах капитан-командоров. Референт-ординарец тут же услужливо зашептал что-то ему на ухо.

Фисуненко мрачно оглядел собравшихся в зале заседаний, особенно тех, кто расположился за низким круглым столом.

Тут присутствовали и ученые, и искатели в лице Сани с Шулейко, и руководство базы — пара неотличимых друг от друга цоофт, и глава пилотов азанни, и первейший водолаз-свайг, и охрана (Эберхартер с заместителем), и незнакомые Сане верзилы, одетые пестро и разношерстно.

С полминуты Фисуненко и Харшавин шептались; потом адмирал сделал знак Абсолюту, и тот, обойдя вокруг стола, приблизился. Фисуненко стал что-то выпрашивать у Абсолюта; Саня совершенно отчетливо прочел ответы по губам: сначала «Да», потом решительное «Нет!».

Наконец за столом воцарилась тишина, и Харшавин церемонно встал.

— Уважаемые господа союзники, господа офицеры! Времени у нас не так много, поэтому заранее прошу не затевать бесплодных дискуссий. В ближайшее время нам предстоит решить: каким именно способом мы проинформируем правительство Клондайка о своих претензиях на захоронение. По мнению большинства ответственных лиц, не только находящихся здесь, но и из числа руководства доминанты, претензии наши должны носить ультимативный характер и должны быть высказаны с позиции силы, хотя это и противоречит многочисленным актам межрасового права и некоторым уложениям кодекса высших рас. Собственно, вариантов у нас немного: обращение по местной информационной сети, по местной трансляционной сети, предпочтительнее в видеорежиме, письменная нота. Вот, пожалуй, и все.

— Телевидение не пойдет, — сухо заметил Абсолют. — Дело должно решиться на высшем уровне, без огласки, шума и неизбежной паники в народе. Так что второй вариант отбраковывается сразу.

— На сеть я бы тоже сильно не рассчитывал, — подал голос кто-то из ученых. — Ручаюсь: если наш ультиматум поступит из сети, местный президент, а точнее, его

команда, сначала сочтут это глупым розыгрышем или банальным хулиганством. Ну, или провокацией кого-либо из соседей на худой конец.

— Тогда остается старый как мир, тысячелетиями проверенный вариант, — развел руками Харшавин. — Парламентер. Живой и зримый парламентер. Желательно в сопровождении соответствующего эскорта.

— Думаете, его к президенту подпустят? — проворчал Эберхартер с сомнением. — Там же охрана, телохранители, то-се...

— А вот это уже должно волновать собственно парламентаря. Нас же должно волновать другое: выбор такого парламентаря, который прорвется через любые кордоны.

Фисуненко с неудовольствием покачал головой, одновременно поджав губы.

— Что такое, Дмитрий Степанович? — напрягся Харшавин.

Некоторое время адмирал глядел в столешницу, потом поднял тяжелый взгляд на присутствующих.

— Детство какое-то... — сказал он глухо. — Несерьезно.

— Действительно, — поддержал его Абсолют. — Не забывайте, мы же пираты, подонки без чести и совести. Давайте прикинем: как на нашем месте поступили бы настоящие пираты?

— Что тут думать? — Галакт-свайг шевельнул роскошным цветным гребнем на голове.

— Долбанули бы по всем кораблям в районе захоронения, шарахнули бы по побережью, чтоб распугать туристов... И спокойненько разрабатывали бы само захоронение. Кто суется — со всех калибров, без расспросов и сентенций...

«Ишь ты! — подумал Саня. — Разошелся! Хотя понять можно: сам свайг не военный, а уже потерял подчиненного».

— Ага, — ответил Фисуненко, не скрывая иронии. — А президент местный тем временем отдает приказ «ядерная атака» и на шельф валяются атомные бомбы, которые мы, между прочим, сбить-то еще можем, да только поможет ли это нам?

— Между прочим, тоже выход, — вновь встрял представитель ученых. — Ну, взрыв, ну и что? А то наши персональные комплекты не позволяют полноценно работать в эпицентре взрыва!

— Но не в момент же взрыва! — возразил Харшавин.

— Не в момент, — подтвердил ученый. — Сразу после. Местные после взрыва в интересующий нас район ни в жизнь не сунутся. Что и требуется.

— А если они не станут сбрасывать бомбы, что тогда? — резонно спросил Фисуненко.

— Тогда вообще проблем нет. Периметр, наружная технблокада, желательно прикрытие крейсера сверху. Можно двух, — меланхолично отвечал ученый. Попросил слова представитель руководства базы, галакт-цоофт:

— Я что-то не пойму, мы хотим выглядеть красиво или хотим добиться успеха? — защелкал и засвистел он в нагрудный транслятор, воспроизводящий птичью речь в виде стандартного синтезированного интера. — Зачем нам местный президент? Неужели мы не можем просто прийти и взять, по праву содружества сильных и развитых рас? К чему оглядываться на дикарей?

— К тому, уважаемый коллега, — мягко пояснил Абсолют, — что в случае успешных переговоров с правительством Клондайка мы сможем обойтись без столь нежелательного шума. Наша задача — сделать все максимально тихо и незаметно, чтоб ни бит информации не просочился к имперцам. Устроить тут бойню с ядерными взрывами — значит чуть ли не открытым текстом выдать местоположение захоронения. И не надо говорить, что шат-тсуров в этой галактике нет. Зато тут есть несколько тысяч фактически отрезанных от дома исследователей и несколько десятков тысяч солдат, среди которых вполне могут оказаться вражеские агенты.

— В общем, — неожиданно для себя выпалил Саня, — придется...

За столом мгновенно стало тихо; все присутствующие обратили взгляды на новоиспеченного бригадира искателей.

— Продолжайте, продолжайте, — велел Фисуненко запнувшегося Сани.

— Придется украсть президента, доставить его сюда. Дабы воочию убедиться, что это не розыгрыш и не сетевая шутка, продемонстрировать наши возможности... Пригрозить, возможно...

— Должен заметить, весьма здравая идея, — поддержал Абсолют. — Я как раз хотел предложить практически идентичный план.

— У вас и такой план имеется? — покосился на него Фисуненко.

— Разумеется. — Абсолют машинально приосанился. — Кстати, напоминаю, что у нас мало времени.

— Отчет, который мне предоставили два часа назад, это полная и окончательная версия? Или будут дополнения и уточнения? — спросил командующий.

— Отчет окончательный, с момента его подачи аналитики больше не обрабатывали поступающие сведения.

Фисуненко кивнул и обратился к кому-то из верзил:

— Журра! Вы готовы к подобным подвигам?

Один из обряженных в разномастные комбинезоны вояк вскочил:

— Мы всегда готовы, господин адмирал!

— Тогда запрягайте, капитан. Сценарий «Кобра». К полудню президент Клондайка должен пребывать на борту «Огастеса Флинна», целехонький, вменяемый, в блестящей упаковочке и при подобающей свите. К выполнению приступить через час.

— Ай-ай, сэр! — изображающий пирата капитан малого атмосферника «Атлантика» Йозеф Журра акцентированно отдал честь, кивнул кому-то из своих и в сопровождении совершенно неотличимых с виду типов торопливо покинул зал заседаний. Саня проводил их не очень веселым взглядом и подумал:

«Ох, не завидую я президентской охране...»

— Вот и решили, — прошипел в транслятор свайт.

В словах его содержалась определенная доля иронии: адмирал флота вторжения фактически решил вопрос единолично, не спрашивая мнения присутствующих. И если в отношении собратьев адмирала по расе галакты претензий явно не имели, то тот факт, что мнением свайгов, цоофт, азанни и научных-а'йшей военные хомо довольно бесцеремонно пренебрегли, галактов, конечно же, напряг.

Но не слишком: самую-самую малость. К нахрапистости молодой расы союзники за несколько веков успели привыкнуть.

2

После совещания Саня решил идти досыпать, да не тут-то было. Его с Васей Шулейко перехватил Абсолют со своими молодчиками

— Веселов! Поздравляю, ты идешь на захват президента вместе с военными, — сообщил Абсолют, неожиданно переходя на «ты».

— Я? — опешил Саня. — А зачем?

Спецатент поглядел ему в глаза, внимательно и цепко, даже можно сказать — оценивающе.

— А что? Воишься? На Табаске ты вроде не боялся.

— Нет, не боюсь, чего тут бояться, — пожал плечами Саня. — Скорее продолжаю удивляться...

Бояться тут и правда было особо нечего. В первые ряды военные его все равно не сунут, а от шального импульса (пардон, пули, если учесть уровень развития аборигенов Клондайка) уберет пустотный комплект. После обнаружения коридора и нечаянного вояжа в чужую галактику Саню вообще трудно было чем-нибудь испугать.

— Правильно. Бояться нечего. Давай к седьмому шлюзу, оттуда сейчас бот на «Атлантику» стартует.

— И все-таки, — не унимался Саня, — какой смысл посылать меня? Не понимаю.

— А ты не думай об этом, — посоветовал Абсолют. — За тебя есть кому думать. Меньше знаешь — слаще спишь.

— Вот поспал бы я с великим удовольствием, — проворчал Саня.

— В полете покемаришь, время будет, — обнадежил его Абсолют. — Давай, давай, доминанта тебя не забудет. Василий, вы возьмете на себя обязанности бригадира поисковой группы на время отсутствия.

— Да какие тут обязанности? — хмыкнул Вася. — Поиск-то прекращен.

— Тем более, — не очень логично закруглился Абсолют и снова обратился к Сане. — Давай беги, бот вот-вот стартует.

Изрыгая средней тяжести проклятия (не очень громко, чтоб никто не слышал), Саня поплелся к транспортеру в шлюз-зону. Странности продолжались.

Сначала назначение бригадиром, потом шокирующий рассказ научных о Санином лике над родным Волинском и на генераторе нуль-коридора, теперь вот непонятный посыл в десант, операцию по определению военную. А военные отнюдь не склонны таскать за собой балласт, каковым, вне всякого сомнения, явится новоявленный искатель-бригадир.

У седьмого шлюза Саня нос к носу столкнулся со второй «жертвой» артефакта: капитаном Маримуцей. Вторым, удостоившимся сомнительной чести запечатлеться в небесах родной планеты и на генераторе работы исполинов. И флаг-лейтенант

Раджабов отыскался здесь же. Старые знакомцы по заварухе у Пронга-тридцать... При виде Веселова оба оживились.

— Саня! — воскликнул Маримуца. — Привет!

— Здравствуй, Дариуш! Привет, Рафик!

Поручкались.

— Ты куда?

— Да это... — Саня замялся. Наверное, болтать об операции не стоит. Даже знакомым. — Командировка...

— погоди. — Маримуца пытливо взглянул Сане в глаза. — Ты к боту на «Атлантику»?

— Да.

Взгляд Маримуцы стал еще пронзительнее.

— А потом?

— А потом — как прикажут, — попытался выкрутиться Саня.

Тут из шлюза показался низкорослый «пират» при оружии и пустотном комплекте:

— Эй, балласт! Давайте на борт, живо! — осклабился он. — Старт через восемь минут.

— Я те дам, балласт! — беззлобно буркнул Маримуца, безошибочным чутьем офицера распознавший солдата. — Звание?

— Заслуженный корсар доминанты, — низкорослый продолжал весело скалиться во все тридцать два зуба.

— Значит, рядовой, — фыркнул Маримуца. — Эй, корсар, перед тобой целый капитан, между прочим! И флаг-лейтенант в придачу.

— Ой, как страшно, — заслуженного корсара было трудно смутить. — Прямо дрожу весь. Давайте, давайте, господа офицеры, шевелите копытами, меня мой атаман в палубу вотрет, если еще минуту промедлим.

— Бардак, — пожаловался Маримуца Рафику.

Однако подобные вольности, невозможные в другое время, в пиратском флоте вторжения допускались и даже вяло поощрялись. Вяло, потому как субординацию и прочую воинскую дисциплину в одно мгновение из служивых не выбьешь.

Спустя несколько минут Саня и соратники по подвигам на Табаске уже пристегивались в нишах транспортного бота. Среди остальных пассажиров угадывалось несколько старших офицеров и десятков солдат, но одеты все были, разумеется, кому как вздумается. Кроме того, показалось, что хмурого типа в крайней по левому борту нише Саня пару раз встречал во владениях Абсолюта. Если действительно так — значит, соглядатай.

«Ну и фиг с ним, — подумал Саня с неожиданным ожесточением. — Чего мне бояться? Заданий мне никто не давал, ответственности никакой... Пока».

Вот именно. Пока. А если вспомнить непонятную связь Сани и финишного генератора, так и вовсе неудивительно, что Абсолют отрядил специального человека — спецслужбы предпочитают приглядывать за своими клиентами.

А вскоре бот стартовал, и Саня отвлекся от размышлений. Отвлекся по тривиальному и весьма уважительному поводу: просто заснул.

Растолкали его уже на борту «Атлантики».

— Эй, балласт! — все тот же низкорослый улыбчивый солдат потряс Саню за плечо. — Полундра, приехали!

Саня проснулся мгновенно, как всегда. Потянулся к ремням, но они уже были отстегнуты — видно, разбудивший его солдат постарался.

Он протянул Сане руку; искатель с громким шлепком ухватился за нее и встал.

Бот приняли в шлюз тактического ангара, где в промежутках между боями оттаивались разведчики и истребители в ожидании мелкого ремонта, а во время боев малые корабли и боты дозаправлялись и пополняли боезапас.

— Вагнер! — послышалось откуда-то из-за бота.

— Я! — отозвался низкорослый.

— Искателя сдай в когарту Скотча! Орамус велел!

— Якши, дост! Сдам! — пообещал Вагнер и подмигнул Сане: — Пошли, балласт!

Маримуцы и Раджабова нигде не было видно — должно быть, их уже увели. В какую-нибудь другую когарту.

И только тут Веселов осознал: его намереваются сдать под начало Скотча. Неужели того самого? Бывшего гида «Экзотик-тура» на Табаске?

«А ведь похоже на то! — подумал Саня, окончательно страхивая остатки дремы. —

Сначала Маримуца с Раджабовым, теперь Скотч... Нас что, снова собирают до кучи? Но зачем? Мы же все спецы каждый в своей области, какой смысл формировать боевую группу из случайно столкнувшихся на Табаске людей? Пусть даже эти люди в свое время сумели выкрутиться из практически безвыходной ситуации...»

Пехтура оказалась народом весьма шустрым: едва Маримуца и Раджабов дошли до штаба, началось экстренное совещание. Заседали недолго, среди бывших десантников и спецназовцев не нашлось любителей без толку болтать. Задача перед «пиратами» стояла простая: найти где-то там, внизу, президента Клондайка и захватить его в плен. В сущности, собравшиеся лишь распределили роли в давно проработанном плане.

Местоположение президента было известно: загородная резиденция килоунах в ста к юго-востоку от столицы. План не казался невыполнимым, да и вообще был достаточно прост: крейсер входит в атмосферу и зависает над заданным местом; затем высаживает наземный десант. Для вящего впечатления решили не пользоваться камуфляжем, пусть аборигены потрепещут перед могуществом пришельцев из соседней галактики. Двухсот человек по идее должно было хватить — ведь это две полноценных роты, с поддержкой мобильной артиллерии (в каждом взводе по четыре орудия против обычных двух), воздушной поддержкой (истребители и штурмовики будут прикрывать и крейсер, и высаженный десант от авиации противника — хоть она и исключительно атмосферная, а шороху наверняка способна навести, если зевнуть атаку). Но счет ворон и шапкозакидательские настроения среди «пиратов» были не в чести: здесь собрался народ стреляный и бывалый. Профессионалы.

Двадцати минут хватило, чтобы расписать операцию пошагово; аналитики как раз подкинули достаточно точные координаты резиденции и первичный анализ организации президентского охранения.

Маримуце и Раджабову, а также еще нескольким офицерам «Атлантики» выпало изображать почетный эскорт при парламентаре — если президент не станет дурить и покорится, как сформулировал капитан крейсера, обстоятельствам неодолимой силы. Парламентарем шел мрачноватый тип, несомненно, представляющий разведку. Выброску решили проводить комбинированную: и посредством гравифифтов, и ботами. К выполнению приступили сразу же по окончании совещания.

Дариуш Маримуца за почти пять лет военной службы не раз нес боевое дежурство и не раз принимал участие в боевых операциях. Однако ввиду особенностей военной специальности собственно стрельбой и беготней ему заниматься почти не приходилось — разве что на Табаске. Пилотирование кораблей наблюдения и разведки — особое искусство, оно тоже ценится весьма высоко, но в десанте почетными и уважаемыми являются совсем другие навыки.

Наверное, поэтому Маримуцу и Раджабова сразу же отловил плотный широкоплечий парень с обожженным лицом.

— Привет. Наблюдатели? — спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

— Наблюдатели, — уныло подтвердил Маримуца.

— Офицер Хрофецки, — представился десантник. — Ротный. Пойдете со мной в боте.

— Ясно, — вздохнул Маримуца. — Может, хоть ты скажешь, на кой ляд нас гонят в десант?

— Понятия не имею. Приказ.

Маримуца кивнул:

— Так я и думал. Извини, коллега, нам очень не хочется путаться у твоих молодцов под ногами. Поэтому сразу предлагаю: определи нас куда-нибудь, где мы сможем принести хотя бы минимальную пользу. А...

— Я ж сказал, на кэ-шэ-бэ. Там две «Зорьки» имеются, но мы обычно пользуем только одну. Вторая — в вашем распоряжении.

Хрофецки взглянул в глаза Маримуце.

— Я ж все понимаю... — добавил он уже мягче. — Спасибо за то, что и вы все понимаете.

«Хоть с этим повезло, — облегченно подумал Маримуца. — Внятный парень командует десантурой, не выделяется и все такое. Так бы и дальше».

Наблюдатели прекрасно представляли все возможные радости от присутствия чужаков в сбитой и прикатанной команде. Все равно что в отлаженный и смазанный механизм сунуть титановый лом — как раз между шестеренок.

— Там с нами еще один шпак прилетел, — на всякий случай предупредил Маримуца. — Искатель.

— Веселов?

— Ага.

— Я в курсе, — кивнул Хрофецки. — Этот пойдет вниз. Говорят, ищайка по призванию. Поглядим, может, и правда.

— Он нормальный парень, — поспешил заверить Маримуца. — Мы с ним партизанили одно время.

— Да знаю я, — усмехнулся Хрофецки. — У меня один взвод чуть ли не сплошь гиды с Табаски.

Брови Маримуцы дружно поползли вверх, на лоб:

— Даже так?

— Ага. Ладно, время, вернемся — поболтаем.

И в сторону:

— Литтл!

— Я! — отозвался долговязый хлопец в джинсах и легкомысленной белой майке с полуголой девицей на груди. Лицо его тоже было знакомо по бегству с Табаски, хотя имени Маримуца не помнил — вроде бы этот долговязый пребывал среди раненых и большую часть памятного полета провалялся в бессознательном состоянии.

— Проведи к кэ-шэ-бэшке!

— Яволь!

Под аббревиатурой КШБ подразумевался батальонный командно-штабной бот. Тот, кого называли Литтлом, по-хозяйски оглядел наблюдателей и хитро прищурился:

— Ага. Команду продолжают собирать. Ну, пойдемте, герои Табаски. — И не без артистизма проинформировал: — Плюнуть некуда на «Атлантике», кругом мы. Чую, грядет вторая серия.

— Да, мы уже встречали как-то одного из ваших — Валти, если имя не путаю, — кивнул Маримуца.

Это было еще до странного вызова на исследовательскую базу, где наблюдатели имели две беседы с какими-то маловразумительными типами из некоей «хозчасти». От оной «хозчасти» за версту разило спецслужбами; Маримуца с Раджабовым напряглись было, но на допрос обе беседы совершенно не походили. Так ничего и не поняв, наблюдатели отправлялись обратно на «Атлантику», причем не к привычным обязанностям, а зачем-то в ближайший десант.

По дороге к ангарам Маримуца то и дело косился на Раджабова — не нравилось капитану, что подчиненный и одновременно старый приятель неразговорчив и напряжен. Чего-то с ним не так, явно не так. Неужели переживает по поводу несуразного вызова в «хозчасть»?

— Рафик! — окликнул он Раджабова. — Ты чего нос повесил? Случилось что?

Раджабов покосился в ответ.

— Да так, — сказал он немного погодя. — Ищу подвох.

— В смысле?

— Никак не смекну, что мы здесь делаем, Дари! Опять нас суют не пойми куда. Невзирая на основную специальность. А что приключилось в прошлый раз, ты должен помнить...

— Да брось ты, — возразил Маримуца, хотя нельзя было не признать, что в словах Раджабова имеется определенный резон. — Мы люди военные, куда пошлют, туда и пойдем.

— Да я не об этом, собственно, — задумчиво протянул Раджабов. — Просто интересно: в какое дерьмо мы вляпаемся на этот раз?

— Хуже, чем на Табаске, уже не будет, — встрял в разговор провожатый. — И на том спасибо. Все, пришли...

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «АТЛАНТИКА», ФЛОТ ВТОРЖЕНИЯ

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), траектория входа в атмосферу

1

На этот раз наземным группам дали возможность экипироваться неспешно. Командный состав еще только ждал кого-то с «Квазара», а двум офицерам, стоящим над когортами, командами, секциями и прочими куренями числом восемь (читай — двумя ротами, восьми взводами), отдали приказ готовиться к очередной выброске. И на этот раз предстояла не разведка, а реальная боевая операция. Кого-то там предстояло захватить. Пираты из когорты Скотча не торопясь готовили оружие, подгоняли снаряжение и, разумеется, точили ляды. Скотч поглядывал на своих

молодцов из сержантского закутка, будто шур из норы. Дважды прибежал Валти, как и все пилоты в основном отирающийся у взводного бота. Новостей особых он не принес, сообщил только, что с флагмана грядут парламентареры. Потом оказалось – не с флагмана, а с исследовательской базы «Квазара», там тоже хватало военных. Мельников со своим дружкой-соратником дважды исчезали, по поводу чего остальные молодцы принялись было глухо роптать. Однако Скотч ропот мигом пресек, заявив, что у пограничников возможны спецзадания, и не праздно шататься они отлучаются, а на особый инструктаж. Волею случая слова Скотча получили весомое подтверждение: неожиданно явился какой-то пузатый чин в гражданском, вызвал в штольню боевого пловца и минуты три что-то ему сосредоточенно внушал. В казарму пловец вернулся задумчивым.

После совещания в штабе Скотчу наконец сформулировали задачу: захват президента страны, на чьей территории расположено захоронение генераторов.

«И то дело, – подумал Скотч отстраненно. – Спеленаем в лучшем виде!»

В успехе он ничуть не сомневался: ну не в состоянии аборигены Тахира противостоять регулярным силам союза, даже в личине раздолбаев-пиратов. Приказу отказаться от камуфляжа Скотч тоже порадовался: это означало, что операция предстоит еще и веселая.

В общем, молодцы готовились и зубоскалили, Скотч ожидал команды: «По ботам!», в воздухе висело обычное предцесантное напряжение. Ничего нового, последний год многие из когорты жили именно так.

А там и команда прошла.

– Дейзи, Хасан, Шутиков, Козаченко! – грянуло в казарме голосом Роналда Хрофецки. – Личному составу – по ботам! Главарям – ко мне на инструктаж! Было немного смешно слышать несуразное слово «главари» вместо привычного «сержанты». Солянка не преминул поиздеваться:

– Давай, главарь, дуй на втирание! И вазелин не забудь!

Посадкой в бот предстояло командовать ему – зам все-таки. Капрал всегда остается капралом, даже если само слово запретить.

– Хорош ржать, козья морда! – огрызнулся Скотч. – Вот распишу всем, как ты у Патрис каледонский перец на Табаске стянуть пытался...

Соратники из десанта, разумеется, эту историю уже слышали. А вот остальные пираты – вряд ли, подобных баек у бойцов всех времен не счесть, очередь могла еще и не дойти.

Солянка заткнулся, пробубнил что-то неразборчиво и принялся орать на рядовых. Что еще делать мелкому начальству перед боевой операцией, как не орать на рядовых? Головы выше, не зевать, никто, кроме нас, и все такое.

«Знатно орет, – подумал Скотч на выходе. – Если здесь, на Тахире, все пройдет тип-топ, быть Солянке сержантом. А мне, ротный намекал, уже и унтер светит. Расту, блин!»

Особым честолюбием Скотч не отличался, но об очередном звании думать было, чего уж там, приятно. И денег больше опять же...

В командирском боте обнаружили две знакомые физиономии: Маримуца и Раджабов. В присутствии ротного и при комбате на связи фамильярничать с офицерами было не с руки, поэтому обошлись обычными приветствиями, суховатыми и подчеркнуто официальными.

Скотча давно уже перестал удивлять тот факт, что он постоянно натывается на людей, знакомых по Табаске. Так или иначе объяснение этому простое: все, кто там побывал, оказались в итоге в галактике-2, при проекте «Квазар». Стоит ли удивляться? Смешной вопрос.

Родимое сержантство уже было в сборе – и Крис Дейзи, и Халед Хасан, и Тарас Козаченко по прозвищу Бульба. С Хасаном и Бульбой последние полгода водили взводы в бой; Дейзи месяца три назад угодил в госпиталь и вернулся уже сюда, на новое место, даже на «Флажолет» не поспел.

Хрофецки жестом велел занимать места перед тактическим пультом.

Пульт был штукой простой и хорошо знакомой. В центре уже сгустилось голографическое изображение какого-то объекта, судя по многим характерным деталям, хорошо охраняемого. Надо понимать, резиденция царька местного. А, пардон, президента – у тахирцев (по крайней мере в этой стране) общественный строй напоминал земные демократии двадцать первого века.

– Итак, граждане флибустьеры, имеем охраняемый объект, – начал ротный. – Хорошо укрепленный форт с тремя эшелонами обороны. Эшелон первый: колючая проволока, не исключено что со встроенной сигнальной системой. Охраняется мобильными постами и несколькими стационарными, все при наземных трассах. Между первым и вторым

эшелоном сосредоточены места дислокации охраны, посадочные площадки для летательных аппаратов, вспомогательные объекты вроде складов... Скотч внимал, немного отрешенно, но внимал. Информация откладывалась в сержантской памяти автоматически, даже когда Скотч думал о чем-то своем. Инструктаж промелькнул быстро. Как всегда перед боем. А потом привычно грузились в бот, орали хором: «Никто, кроме нас!», вжимались спинами в ниши при стартовых и маневровых перегрузках... Высадка. Десант. Один из многих.

2

Бот ходко неся чуть впереди и заметно ниже крейсера. Десятикилометровый блин малого атмосферника шел на высоте двух километров, оставляя после себя мощный инверсионный след. Второй крейсер сейчас заходил на побережье, собираясь повиснуть над захоронением исполинов. Морские корабли аборигенов пытались его обстреливать, но капитан это мигом пресек, долбанув малым калибром по площадям. Корабли разметало, океан взбаламутило; повредить захоронению залп не мог, но перемешать генераторы с песком был вполне в состоянии. Скотч понимал капитана: боевой пловец успел шепнуть перед высадкой, что начальство «Квазара» наконец выяснило, каким образом аборигены сумели обнаружить искательские группы. Аппаратура местная тут была ни при чем: камуфляж искателей работал вполне добросовестно. Водолазов заметили дрессированные животные, которых тахирские вояки натаскивали на подбрасывание мин гипотетическому неприятелю. Животные оказались сообразительными, вроде земных дельфинов, и дали знать хозяевам о необычном оживлении в районе пограничного шельфа. Впрочем, побочной целью залпа было еще и распугивание дрессированной фауны. Нечего им около места будущих работ шастать!

Над Клондайком уже поднялась суматоха — истребители аборигенов пытались атаковать вылетевшие звенья союзных истребителей. Большей частью безуспешно: и скорость у них была не та, и огневая мощь. Но числом и везением летчикам Клондайка удалось сбить два союзных истребителя и повредить еще четыре. До цели осталось всего ничего, килоун двадцать. Скотч привычно косился на информтабло: тахирцы разворачивали оборону. Скорее всего президента попытаются вывезти в безопасное место. Да только вряд ли это получится: крейсер вот-вот должен был поставить кольцевую технблокаду. Резиденция правителя Клондайка будет окружена эдаким широким бубликом, зоной, где техника работать не в состоянии. Даже союзная.

— Снижаемся! — рявкнул из пилотской Валти; голос его полнился боевым азартом. Канониры зашевелились, активируя антигравы орудий. Бойцы держали руки на сенсорах.

— Готовность три! — предупредил Хрофецки.

«Ну, — подумал Скотч, — удачи нам!»

— Готовность два!

Все. Пора вставать. Проорали еще раз десантное заклинание.

— Готовность раз!

— Подъем, гвардия! — во всю мощь легких выдохнул Скотч.

Гвардия слаженно вскочила. Не только десантники, привычные к высадкам — остальные тоже. Не зря тренировались, не зря!

— Готовность ноль!

— Режь перепонку!

Солянка, стоящий у люка, полоснул ножом по серой мембране, и в бот ворвался влажный и теплый воздух Тахира.

— Йо-ху-у-у!!! — взвыл Солянка, вываливаясь наружу и лягухой распластываясь на потоке.

Рябая туша крейсера обгоняла — передний край уехал далеко вперед и застил небо. Еще дальше едва различимыми точками вились истребители — не то свои, не то тахирские, а вернее всего и те, и другие. Редкие сполохи защитного поля сигнализировали о том, что противник стреляет. Надо же, настырные какие. Скотч начал испытывать к тахирцам нечто вроде солдатского уважения: даже чокнутые имперцы-скелетики при подобном перевесе союзных сил не решались сопротивляться атакующему десанту. А тут вообще — чуть ли не с каменными топорами на лучеметы. Надо быть храбрецами, чтобы решиться на такое.

Храбрецами — или законченными идиотами. Но вряд ли жители Тахира-четыре идиоты. Скотч видел записи допросов. Еще тогда он подумал, что аборигены очень похожи на людей — больше, чем азанни, свайги или цоофт. Люди были такими, давно, но были. А вот союзники-галакты — нет. Им безрассудная смелость чужда, они прагматики и законники. Потому и согнулись под натиском молодой и нахрапистой человеческой расы. «Ну и к лучшему», — подумал Скотч. А в следующее мгновение антиграв мягко опустил его на поверхность, и время потекло для Скотча и его молодцов по-иному: в боевом режиме, в нужные моменты ускоряясь, а порою растягиваясь и замедляясь. Взвод мигом развернулся правильной дугой; на флангах разворачивались соседи. Зависли над сочной травой похожие на больших носатых черепах орудия; канониры только команды ждали, чтоб всадить пару увесистых импульсов в обнаруженную цель. Но целей пока не находилось. Скотч просигналил ротному двойным вызовом: мол, когорта развернулась. Не задержался и условный циркуляр: вперед!

— Давай, гвардия! Двинули!

Все это происходило уже не однажды. Прикрывая друг друга, солдаты по очереди перебегали ун на тридцать-пятьдесят и падали, выцеливая стволами лучеметов неприятеля. Тем временем перебегали остальные, прикрывавшие ранее.

До препятствия в виде колючей проволоки осталось не больше ста ун.

— Где-то тут кольцо блокады намечается, — буркнул Скотч.

Ее поставят, когда президент будет захвачен и десанту скомандуют отход; пока же вся техника должна работать исправно.

Колючку покровсали длинными импульсами. Вдали завывли сирены. И почти сразу по десанту открыли огонь из пулевиков — оружия старого и в среде космических вояк очень непопулярного ввиду сильной инерционности, но совсем не ставшего оттого менее убийственным.

Правда, боевые комплекты прямое попадание держали: человека только сбивало с ног и награждало здоровенным синяком. Не очень, разумеется, приятно, но уж куда лучше, чем умирать от варварского оружия.

В когорте Скотча не по своей воле с ног попадали сразу пятеро; оборонявшиеся стрелять умели. Умели они и маскироваться — Скотч пока не понял, откуда стреляют. Никаких внятных коммуникаций между первой полосой колючки и второй не просматривалось, только трава, в которой, впрочем, при определенном навыке можно было неплохо замаскироваться. За второй колючкой начиналась голая вспаханная полоса.

Скотч сдернул с пояса биосканер.

— Ага, — пробормотал он. — Вот вы где, голубцы...

Действительно, впереди было полно снайперов. Биосканер показал, где именно они притаились, а волновой бинокль позволил их обнаружить визуально. Аборигены оказались упакованы на славу: пучки травы, упругие стебли, размалеванные вертикальными разводами физиономии... Р-рейнджеры, так их!

— Канониры, целеуказание!

Скотч привычно слил координаты целей. Дружный залп из всех четырех стволов вздыбил землю перед второй колючкой. Раз, еще раз, и еще. Над головой очень вовремя прошла волна штурмовиков — зрелище было еще то. Заодно перемешали с ошметками травы второй ряд колючки — резать там стало нечего, гуляй как по проспекту. И сирены очень кстати заткнулись.

Штурмовики пронеслись вперед; двинул дальше и десант, благо стрелять по нему было больше некому.

— Ур-роды, — пробормотал Солянка, падая рядом со Скотчем после очередной перебежки. — На смерть ведь вояк шлют, неужели непонятно?

Впереди как раз торопливо шныряли в окопы защитники президентской базы.

— Не твоего ума забота, — буркнул Скотч, прильнув к биноклю. — Канониры, цели!

«Вообще-то нас вполне можно было высаживать и внутри колючки, — подумал Скотч с неудовольствием. Вся нынешняя беготня с перестрелками, по его мнению, была совершенно излишней. — Но, кажется, я догадываюсь, почему так происходит.

Начальству нужна демонстрация силы. Тахирцев нужно сначала унижить и деморализовать. Дабы были впредь поговорчивее. Интересно: с ними вообще пробовали договориться по-хорошему? Вряд ли, на это просто нет времени. А значит — стреляй, солдат, и по возможности глуши голос совести и здравого смысла...»

Скотч не знал, отдал бы он приказ своим людям стрелять в тахирцев, если бы те не сопротивлялись. Наверное, не стал бы он отдавать такого приказа.

Но тахирцы стреляли, упорно и фанатично, а когда противник сопротивляется — его давят.

Миновали и вторую колючку, и минное поле, по которому прошлись кроты-тральщики, высеянные саперами. Подходы к президентской базе все больше стали напоминать эпицентр мощного взрыва или последствия прохода не слабенького торнадо. Вдали виднелись строения навроде коттеджей – этажа в два, не более.

То и дело поднималась пальба: аборигенов-солдат тут было как на военной базе, не счесть. Одному бойцу сломало руку – кинетический удар от крупнокалиберной пули. Гаваец озверел от четырех попаданий в себя кряду и предлагал пустить в дело гранаты. Мельников со своим неразлучным приятелем-погранцом от души веселились, то и дело затеявая со снайперами-тахирцами короткие дуэли. Мельников не проиграл ни одной. Солянка умело подгонял свою часть когорты, капральствовал, словом. Боевой пловец меланхолично падал в траву и ждал, пока очередную огневую точку противника придушат капониры. Братья Суондреды, напротив, стреляли много и охотно, периодически перебрасываясь свежими батареями.

Такая война больше напоминала детскую игру «Зарница» с игрушечным оружием и игрушечными жертвами. Вот только тахирцам она таковой точно не казалась: их жертвы были вполне настоящими.

Тем временем крейсер просел на должную высоту и совершенно закрыл собою местное небо.

«Сейчас агитацию начнут, – подумал Скотч. – Давно пора».

Не нравилось ему стрелять в практически безоружных аборигенов. Говоря по совести, в этот десант следовало идти с парализаторами, а не с лучеметами и импульсными орудиями.

И действительно, непривычные звуки тахирской речи полились из поднебесья. Они не были особенно громкими, но слышали их все – даже президент в своем бункере наверняка слышал.

А минут через пять прошла команда залечь и прекратить огонь. Как позже узнал Скотч, ввиду того, что президент предпочел прервать ненужное кровопролитие и сдался на милость захватчиков.

Когорта, понятное дело, залегла. За милую душу. Валяться на травке всяко лучше, чем воевать, – даже вот так воевать, по-игрушечному.

Валялись долго, минут сорок. Обороняющиеся с позиций куда-то слились, а поскольку команды стрелять не было – никто и не стрелял. Скотч успел отлежать один бок, потом другой, а никаких новостей и указаний все не поступало. Гаваец, отдыхающий через одного справа, начал громко костерить судьбу; на него издали рыкнул Солянка – по связи, понятное дело. Рыкнул в общем-то развязно – ну так и десант нынче изображал не самих себя, а пиратов.

Потом приполз Мельников, причем без напарника. Приполз, устроился рядом со Скотчем и жестом предложил отрубить связь. Пошептаться, стало быть. Пошептаться с погранцом Скотч и раньше был не прочь, а теперь так и вовсе рад: бесцельное ожидание для солдата бывает хуже вражеской атаки. Особенно когда затягивается. Касание сенсора – и связь отключена. Свою Мельников отключил раньше.

– Не правится мне это, – с ходу пробурчал Мельников. – Проходило что-нибудь по командной?

– Нет. – Скотч качнул шлемом. – Вообще ничего. Скомандовали залечь – и все.

– Я видел, в центр базы наш бот сажился.

– Бот? – изумился Скотч. – Не понял. Я ничего не видел.

– Он сажился в полном камуфляже.

Скотч покосился на пограничный шлем и подумал, что на самом деле аппаратуры там стопудово поболее, чем в обычном пограничном шлеме. Не следует забывать, что Мельников, в прошлом Семенов, работает на одну из спецслужб.

– И чего теперь? – спросил Скотч.

– Вот я и думаю, – вздохнул Мельников, – чего? Президента скорее всего взяли. И увезли.

– Почему же тогда нет сигнала отходить?

Мельников пожал плечами.

– Давай прикинем... – прошептал он. – Зачем мы можем понадобиться здесь?

Скотч честно напряг извилины.

– Ума не приложу, – сознался он спустя какое-то время.

– Если начистоту – я тоже. Оставлять нас здесь имеет смысл только для окончательного захвата базы.

– Значит, будем захватывать базу.

– А на кой нам эта база? Последний уборщик в «Квазаре» знает, что нужно командованию в первую голову. И находится это совсем не здесь. Скотче, захват базы и даже захват президента – совершенно пустая акция. Поверь мне, поставить

блокаду и вывезти захоронение можно, наплевав на аборигенов. И никакая ядерная атака этому не помешает, она даже начаться не сможет. Мы здесь с совершенно иной целью, а захват президента — просто формальный повод. Прикрытие.

— Блин, — пожаловался Скотч. — Я окончательно запутался! Я уже ни хрена не понимаю — совсем!

Мельников затих, потом приподнялся на локтях, вглядываясь туда, откуда еще совсем недавно постреливали тахирцы. Скотч взглянул туда же, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, но впереди различалось только колыхание влажного воздуха.

— У тебя вызов мигает, — не поворачивая головы, сообщил Мельников.

Скотч покосился: и правда! Ну-ка, ну-ка...

— Скотч! — ворвался под череп голос Хрофецки. — Ты где там?

— На связи, — отозвался Скотч.

— Остаешься на месте. По сигналу начинаешь двигаться вперед. Стрельбы скорее всего не будет, но все равно держать нос по ветру. За вами наблюдают по позиционированию и будут корректировать движение в случае чего. Когда доберетесь до места — дадут знать.

— Понял.

Нестроевая команда вырвалась у Скотча сама собой: он отвыкал быть военным так же быстро и легко, как чуть больше года назад привыкал к обратному.

— Внимание, всем! — скомандовал Хрофецки уже циркуляром. — Шутиков на месте, остальные — возврат к боту! Исполнять!

Скотч тоскливо заозирался — коллеги по роте, а также соседние роты дружной шеренгой стали отступать туда, откуда пришли. Без суеты, по-хозяйски, где пятясь, где боком, где перебежками, но непременно оглядываясь и обратив оружие куда положено — против движения.

— Чего там? — сразу подсуетился Солянка.

— Когорта, мы лежим дальше, — огласил Скотч непонятный приказ. — У нас спецзадание.

Потом подумал и добавил:

— Вероятно...

— Эй, Скотче, — шепнул Мельников. — Я рядом с тобой буду, ладно? Ты держи меня в курсе, что там по командному каналу отгружают, лады?

— Ага... Женьшень, Гаваец, а ну подвинулись! У нас тут с пограничниками междусобойчик...

Десантура без лишних слов перекатилась правее, пододвинув заодно остальных с правого флага. Дружок Мельникова, впрочем, остался где-то совсем справа, не стал присоединяться к напарнику. Скотч наскоро поглядел на сержантского сексота — служебную картинку со спутника, роль которого в данный момент выполнял висящий над головами крейсер.

Ну-ка, ну-ка, чем заняты brave корсары из его когорты?

Ага. Солянка с Бестией и двумя бывшими пехотинцами-пустотниками режутся в карты. Пловец дрыхнет. Остальные вроде ничем особым не заняты — втихую чешут языки с соседями или тарашатся кто куда — на строения вдали, на крейсер, на траву перед самым лицом. Жучков, кстати, там ползает вдоволь; многие весьма забавны на вид. В другое время Скотч бы картежникам... Впрочем, сейчас не другое время.

Слишком часто приходится напоминать себе, что участие в нынешней миссии в черт знает какой далекой галактике — это не военная служба в обычном понимании.

Додумать Скотч не успел, его снова вызвали, по резервному каналу.

— Скотч?

Голос был удивительно знакомый, а на изображения в боевых условия обычно не тратятся. Особенно тогда, когда они и не нужны.

— Я! — отозвался Скотч.

— Позиционирование, Маримуца. Проверка связи.

— Слышу вас нормально.

— Отлично. Оставайтесь на месте, сейчас высадят экспертов, которые пойдут с когортой. Дождетесь — озадачим. Как понял?

— Все понял, ждем экспертов.

— До связи.

— До связи...

КОСМОДРОМ

Сигма Черной Ресницы, спутник четвертой планеты, безымянной.

Рин-Риду давно уже не нервничал перед операциями. Что поделаешь, у перевертышей на всем лежит печать долголетия, неторопливости и спокойствия. Среди собратьев по клану Рин-Риду числился одним из самых молодых, хотя первые операции с его участием проходили, когда корифеи разведок других рас еще не родились. Он ждал в захудалом космопорте захудалой человеческой базы уже третий день, а связной все не появлялся. Впрочем, волноваться было все равно рано: связной, служивший поваром на малом рейдере-почтаре, и сам не знал точных дат старта и прибытия. Он не знал также, откуда прибывает почтарь и куда направляется. Возможно, связной прибудет вместе со своим кораблем сегодня, а возможно — через двое-трое суток. Возможно, он вообще не прибудет — из десяти удачно спрогнозированных трасс эту капитан почтаря избирал четырежды, причем в последний раз ею не пользовался. Если не воспользуется и на этот раз, вскоре придется снова тащиться сюда через полгалактики и снова поджидать несколько суток. И опять, может быть, безрезультатно.

Однако интуиция подсказывала Рин-Риду, что ждет он не зря. Связной появится. Судя по шевелению в штабах военщины союза, научники и искатели «Квазара» дали первые результаты, а значит, дипломатическая почта польется через ретрансляторы обильным потоком. Перехватить ее можно, а вот расшифровать в приемлемые сроки — вряд ли. До сих пор по крайней мере не удавалось. Остро не хватало того, чего у оаонс обыкновенно хоть отбавляй — времени. Взбалмошные хомо живут и действуют в таком бешеном ритме, что даже объединенной вычислительной мощи перевертышей и шат-тсуров не сладить с достаточным числом подстановочных вариантов: к моменту, когда перебор завершится, новость давно перестанет быть новостью и, следовательно, потеряет реальную цену.

Конечно, почтарь хомо не возил никаких опечатанных конвертов в опечатанных сейфах — подобные нелепости встречаются только в дешевых видеопостановках. Почтарь всего лишь ретранслятор, хаотично блуждающий по произвольному икс-пунктиру и большую часть времени издающий пустой и никому не интересный белый шум. Однако в этот шум периодически вплетаются короткие импульсы мгновенной связи и информация уходит на очередной ретранслятор. Единичного почтаря еще можно выследить и изловить, но выследить и изловить всю сеть...

Безнадежное занятие. Тем более что одна и та же депеша дробится на части и идет к адресату десятками разных цепочек, собираясь в единое целое только на финише. Однако именно почтарь со внедренным агентом-«поваром» (кстати, готовит изумительно!) почему-то уже четырежды дозаправлялся и догружался припасами именно здесь и начинал свою безумную ретрансляционную пляску именно отсюда. Рин-Риду поставлял в космопорт продукты. Под видом, понятное дело, человека. Связной, в отличие от разведчика, был настоящим человеком. Но человеком синдикат-клана: он вырос на Оа и удостоился чести бывать на Иншуди. Конечно, урожденный оаонс на его месте устроил бы разведку перевертышей куда больше, но ведь и разведку хомо такой вариант категорически не устраивал, а в том, что всем мало-мальски связанным с серьезными тайнами работникам хомо то и дело учиняют негласные генетические проверки — клан уже успел убедиться. Так что даже глубокий метаморфоз разведчика-оаонс не спас бы.

Нет, связным мог быть только человек, предатель собственной расы. Внедряли его долго и трудно, и, понятно, начали гораздо раньше истории с находкой генератора. До поры до времени агент пребывал в состоянии консервации, пока от главы резидентуры и шефа обеих контрразведок оаонс не поступил соответствующий приказ. Наверное, отец долго и тщательно обдумывал каждый шаг, прежде чем дать знать агенту, что сонная жизнь закончилась и началось настоящее дело. Три предварительные проверки и только потом осторожное реальное задание, маленькое и пустячное.

Вроде бы «повар» не двурушничал. Информация его была ценной, но пока бесполезной. Разведка оаонс в общих чертах представляла состояние дел в окрестностях межгалактического коридора, но не знала, где находится сам коридор. Известно было, что союзники отыскали пресловутое захоронение генераторов, в которое многие аналитики оаонс и шат-тсуров долго не верили. Известно было, что союз столкнулся с трудностями при разработке, чуть позже установили даже с какими именно — повар на почтаре был не единственным агентом имперцев, побывавшим в галактике-2.

Что ж, когда-нибудь это должно было произойти — столкновение с иногалактической жизнью. И это произошло. Жаль, что не оаонс представляют свою галактику перед далекими чужаками. Но это поправимо.

Рин-Риду заказал еще чаю и вызвал на локальный терминал сводку новостей. Не торопясь просмотрел — никаких сколько-нибудь значимых перемен. Вялотекущая позиционная возня около шатких в оборонительном смысле систем и планет. Следовало признать: амбиции империи оказались выше ее реальных возможностей. Каких-то полтора-два годовых цикла назад Унве еще мог проглотить достаточное количество миров в галактике, чтобы его доминирование стало необратимым, но момент был безвозвратно упущен — союз сплотился, собрался с духом, реанимировал совместные вооруженные силы, с которыми давно перестали считаться как с реальным противником. И все — глухой и беспросветный паритет. Все-таки галактика чересчур огромна, что для империи, что для союза. Да и император в решающий момент повел себя, мягко говоря, странно. Понятно, что изворотливые хомо подсунули шатам у Табаски вместо искателей совершенно левых индивидов, однако при известной настойчивости можно было добиться куда больших результатов. Унве же спустил все на тормозах и предпочел стать бессильным свидетелем событий, которые медленно, но верно рисовали черную метку на его имперских амбициях. Рин-Риду как-то заикнулся в разговоре с отцом, что поведение императора кажется ему странным, однако отец, прожженный политикан и разведчик, только рассмеялся.

— Унве оказался куда более умным и дальновидным, чем мы все думали, сын.

Император избрал единственный путь, который все-таки может привести его к победе, хотя путь этот пока вовсе не кажется таковым. Чтобы взять все, нужно уметь поступаться многим. Запомни это. И поразмышляй на досуге.

Рин-Риду размышлял много, но главенствующего смысла в игре императора так и не уловил. И дело было даже не в слабом уровне информированности его как разведчика низшего звена — если бы отец не был уверен, что Рин-Риду располагает всей информацией для верных выводов, он бы не советовал поразмыслить над этой логической загадкой. Значит, ответ таился где-то на поверхности, просто его трудно разглядеть.

Однако Рин-Риду так ни до чего путем и не додумался. Наиболее перспективным ему самому казалось предположение, что император просто не хочет меняться ролями с хомо и союзниками. Ну узнает он координаты коридора, ну захватит генератор. Перепрячет его, разумеется. И будет вынужден изучать артефакт предтеч-исполинов самостоятельно, под прессом ищек союзников, а это, как легко догадаться, удовольствие сомнительное. Поэтому император просто ждет, пока хомо не выполнят за него всю черновую работу, чтобы драться уже за конечный результат. Именно поэтому он мгновенно прекратил борьбу за секрет искателей, едва убедился, что правители хомо и других союзных рас владеют информацией о генераторе и местонахождении коридора. Но столь смелая игра казалась Рин-Риду неоправданно рискованной, даже если Унве уже известны реальные координаты коридора. Почтарь не появился и в этот день. Рин-Риду прождал до самого вечера и подумал, что завтра, пожалуй, следует прислать дублера: слишком он сам намотозлил на людском космодроме глаза местным дармоедам.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ БАЗА ФЛОТА «ФЛАЖОЛЕТ»

Глубокий космос, нейтральное пространство

1

— Господин полковник?

— Да?

— К вам посетители.

— Это... — Полковник Попов сделал многозначительную паузу с явной вопросительной интонацией.

— Да, это со спецрейса.

— Проси.

Никто уже толком и не помнил, когда полковник Попов, позволяя посетителям войти, говорил: «Проси». Обычно он приказывал — тон его оставался мягким, но никто не посмел бы усомниться, что произнесен именно приказ, а не просьба.

Сотрудники «Хозчасти» не знали пришедших в лицо, но по той помпе, с которой прибыл дипломатический бот (в сопровождении солидного охранения, конечно),

нетрудно было догадаться — пожаловали высокопоставленные лица. Не президент Солнечной, разумеется — Вернера Винцля любой подданный доминанты Земли знал по многочисленным телепрограммам и портретам. Президент — персона публичная. На «Флажолет» же прибыли скорее всего доверенные люди — советники, например. Возможно, доминант-секретарь или шеф службы безопасности. Теневики, одним словом. Силовики-теневики. Серые кардиналы, чьи лица известны считанным людям, но чья власть простирается по галактике очень широко и далеко, на манер спиральных рукавов. Вошли трое; перепонка в кабинет тотчас была плотно сомкнута и тут же зарощена.

— Добрый день, господа! — Полковник поднялся навстречу гостям. — У меня тут не слишком уютно, но тем не менее располагайтесь.

Полковник поздоровался с каждым из вошедших за руку и жестом указал на старинные стулья. По правде говоря, насчет уюта он малость покривил душой — в кабинете имелся даже камин с живым огнем, что на космических станциях было редкостью и роскошью. Здесь, на «Флажолете» полковник сумел отстоять камин, а вот в «Хозчасти» на «Квазаре» — уже нет. Там, в «Галактике-2» приходилось себе отказывать во многом — естественно, во имя великой цели.

Впрочем, посетители не знали, что полковник лично бывает на «Квазаре». Знай — непременно назвали бы самодеятельностью и неоправданным риском; однако у полковника Попова на подобные вещи был свой взгляд, достаточно своеобразный. Когда гости расселись, самый молодой из них вынул стерженек персонального блокнота и изобразил готовность фиксировать события.

— Ну, полковник? — начал тот, который выглядел самым возрастным и умудренным жизнью. — Чем порадуете?

Попов вернулся за стол, покрытый зеленой скатертью.

— Радоваться еще рано, господа, но должен сказать, что куда все идет не так уж плохо. По основному направлению работа практически завершилась — я имею в виду монтаж икс-привода в районе захоронения. Пока имперцы не проявляют беспокойства, скорее всего они ломают головы, какого рожна мы затеяли войнушку с аборигенами, вместо того чтобы втихую вывозить генераторы. Как и ожидалось, с «Квазара» имеется утечка информации, однако не напрямую к императору, а, вернее всего, к разведке перевертышей. Пресечь утечку вряд ли предоставится возможность — операция по выявлению сети все равно займет больше времени, чем есть у нас до завершения основной миссии «Квазара».

— То есть вы предлагаете ничего не трогать? — осторожно спросил старший.

— Именно так. Пусть себе сливают информацию, причем даже не ту, которую мы им могли бы скормить. Ту, которая официально считается официальной, простите за неуклюжую формулировку. Ничего нового шат-тсуры и перевертыши все равно не узнают, а у нас будут развязаны руки вплоть до запуска икс-привода.

— На Тахире вы собираетесь кого-нибудь оставить?

— Разумеется. Так называемый экспедиционный корпус. Роту, или, как теперь она называется, когарту сводных пиратских сил. — Полковник говорил с нескрываемым сарказмом. — Плюс некоторую поддержку с орбиты, скорее всего один клипер. Флот вторжения побарражирует вблизи Тахира еще примерно сутки, после чего пойдет к коридору и примется изображать транспорт. А скутеры с парными генераторами из второй и третьей комплиментарных пар уйдут к Солнечной и Офелии вместе с вами. Лучше всего прямо на борту, вместо аварийных ботов. Ну а как провесим коридоры непосредственно в Солнечную и к Офелии — тут уж за судьбу остальных генераторов можно будет более не волноваться и спокойно планировать высеив.

Старший из гостей после этих слов не без нервозности оглядел кабинет Попова.

— А вы уверены, полковник, что эта ваша... нора не имеет сторонних ушей?

— Уверен. А вот вашему юному коллеге я бы посоветовал не мучиться со своим блокнотом, запись все равно блокируется. Простите, но запрет на фиксацию изображений и звуков распространяется даже на вас. В интересах дела...

Самый молодой из гостей слегка покраснел, вскользь глянул на стержень и спрятал его в карман — несколько поспешнее, чем того требовала ситуация.

— Я правильно понял, полковник, что в этом вашем экспедиционном корпусе останутся все восемь портретистов?

— Совершенно верно. Будь моя воля, я бы вообще запретил им возвращаться в нашу галактику.

— Но ведь там один из ваших лучших...

— Это ничуть не меняет дела, — перебил Попов. Голос его враз исполнился твердости титана. — На его месте мог оказаться я. Или вы. Или президент Винцль.

Позиция доминанты все равно не изменилась бы ни на йоту. Тем более что мы неожиданно наткнулись на еще одну любопытную информацию.

— Например?

— У аборигенов Тахира — причем именно того государства, с которым мы затеяли показательный военный конфликт — имеется секретное подразделение по исследованию инопланетян и следов инопланетного присутствия в их мире. Напомню, что документально зарегистрированных контактов между тахирцами и пришельцами извне до сих пор зарегистрировано не было. Однако в распоряжении упомянутого подразделения имеется как минимум три частично поврежденных летательных аппарата, тела как минимум двух пришельцев и несколько артефактов невыясненного назначения. У нас есть некоторые основания полагать, что по крайней мере один из артефактов нам отчасти знаком. Точно такой же предмет всплывал в нашей галактике, информация проверенная.

Полковник Попов полез в ящик стола и вынул архаичную папку с несколькими листами распечатки.

— Дело о «Черной эстафете», — пояснил он, протягивая папку предводителю гостей.

— Позвольте... Та самая темная история? Гипотетический визит Роя к перевертышам и саркофаг, повлекший за собой целый шлейф необъяснимых смертей?

— Совершенно верно, она. Не знаю, как визит Роя, но история с саркофагом действительно имела место; на основании кое-каких данных я склонен предполагать, что разведслужбы перевертышей все еще ведут это дело.

— И что? Саркофаг обнаружился на Тахире?

— У меня пока мало информации для столь скоропалительных выводов. Но если опираться на ту, что имеется — не исключено. Кстати, экспедиционному корпусу я поручу уточнить все детали — чего им зря сидеть без дела? Тем более что там найдется, как вы верно подметили, самый ценный... ну, вы поняли.

— Когда вы все успеваете, полковник? — проворчал старший визитер, невнимательно листая распечатки.

— Бросьте, пока искатели соображали, где следует искать захоронение, я провел довольно успешную работу с аборигенами Тахира. Не так уж это было и сложно, если говорить начистоту.

— Ну, что же... В общих чертах я уяснил суть будущего доклада президенту. Благодарю вас, полковник. Продолжайте в том же духе. Когда вы отбываете на «Квазар»?

— Прямо сейчас.

— Тогда не смею больше задерживать!

Визитеры одновременно встали; предводитель положил папку на зеленое сукно и пожал руку полковнику. Остальные двое кивнули и покинули кабинет. Едва они успели выйти, появился ординарец.

— Какие-нибудь указания будут? — справился он деловито.

— Собираемся, — велел Попов. — Не забудь упаковать скатерть, мне без нее плохо думается.

— Что вы, господин полковник, как можно! Никогда не забывать о скатерти — это первое, что вбил в меня мой предшественник! — Ординарец непринужденно улыбнулся.

— Еще что-нибудь?

— Да вроде ничего сверх обычного. Почта была в последние четверть часа?

— Нет.

— А Равиль не вернулся еще?

— К сожалению, нет.

— Чего он тянет?... — задумчиво протянул полковник. — Ладно, я пошел обедать, а ты собирайся.

— Приятного аппетита, господин полковник!

— Спасибо.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС СИЛ ВТОРЖЕНИЯ

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4)

1

Скотч утрюмо глядел, как тает в зените слабенький инверсионный след только что улетевшего бота. Очень хотелось, чтобы кто-нибудь — например, Мельников —

подошел и ободряюще хлопнул по плечу, без дурацких и неуместных слов, просто дабы подчеркнуть: ты не один, крепись, старина.

Но никто не подошел. Солянка так же угрюмо глядел в низкое чужое небо, Мельников по обыкновению шушукался в сторонке с неразговорчивым напарником, а пиратская братия занималась высевом зародышей под походные домики-палатки. Первые пузыри будущих палаток уже проклюнулись, набухли и вяло колыхались на слабом ветру, но долго им не колыхаться: скоро обретут положенную форму и отвердеют.

На душе было гадко. Сначала война эта ненатуральная — до того ненатуральная, что Скотч живо себе представил, как воротилы «Квазара» втихую договариваются с президентом Клондайка, совместно решают произвести войнушку (подумаешь, пристрелят десяток другой тахирцев!), а потом, достигнув своих таинственных целей, преспокойно отваливают Клондайку заранее оговоренный куш, забирают свое и отбывают восвояси. А тех, кто был вынужден стрелять по ни в чем не повинным солдатам из президентской охраны, банально кидают на позиции.

И что? Кому они теперь нужны?

Еще недавно все было просто и понятно. Скотч был десантником и командовал взводом таких же прямодушных обормотов. Был враг, его следовало уничтожать, были свои, их следовало оберегать и выручать из всяческих передряг. И вдруг все в одночасье изменилось.

Скотч прекрасно понимал: вокруг истории с инопланетным захоронением вяжется целый клубок событий, неприглядных и откровенно грязных, потому что политика занимается исключительно такими делами — неприглядными, грязными и лживыми. Скотч перестал быть защитником, солдатом родной доминанты и вместе с коллегами превратился в игрушку, солдатику, разменную фигуру на чужом игровом поле. Он прикоснулся к государственной тайне, поэтому назад хода нет, слишком велика вероятность, что его изловит враг и препарирует мозги, выудив попутно все, что Скотч умудрился узнать за последние год с небольшим. И с остальными героями Табаски такая же история.

Гадко было на душе, ой гадко... Вот ребятам легче — далеко не все понимали, что происходит, для большинства нынешние события выглядели просто очередным боевым заданием. Вражеские импульсы над головами не стрекочут — и то ладно. Но кое-кто прекрасно осознавал происходящее.

Скотч опустил голову и исподлобья взглянул на Мельникова. Тот, кривовато улыбаясь, поманил его пальцем. Словно ждал этого взгляда, тихушник чертов...

Сейчас Скотч злился и на него тоже — ведь ему понятно, человек знает куда больше, чем говорит. И в происходящем видит какую-то неумолимую и однозначную логику. Нет, чтобы поделиться, вдохнуть жизнь в номинального командира, — так нет, молчит, зараза, улыбается только кривенько да снисходительно...

Скотч зло сплюнул под ноги и направился к нему. Мож, соизволит просветить? — Чего? — хмуро спросил он, приблизившись.

Мельников отослал приятеля-погранца к работающим «пиратам» и поманил Скотча дальше, к пологому берегу озера, разлившегося посреди парка.

Они уселись на крутобоких валунах у самой воды. Валуны были крупные и явно привозные — уж слишком декоративно и живописно были расставлены.

— Сейчас Саня Веселов подойдет, — сообщил Мельников непринужденно.

Помимо когорты Скотча, на поверхности оставили нескольких искателей, в том числе Веселова, аналитика МакГрегори, пяток ученых и зачем-то двоих офицеров из службы наблюдения — хорошо всем знакомых Дариуша Маримуцу и Рафика Раджабова. Никак герои Табаски не разлучатся, сводит их судьба вместе раз за разом.

— И что? — буркнул Скотч не слишком радостно.

— Поговорить надо. Кроме того, нужно будет устроить вылазку кое-куда. Но об этом пока лучше помалкивать.

Скотч горестно вздохнул. Терпеть он не мог ситуаций, когда собеседник знает и понимает в разы больше. Ужасно неприятно чувствовать себя идиотом — во-первых, потому, что не в силах дойти до истины своим умом, а во-вторых, что тебя до сих пор не сочли достойным рассказа.

Веселов, одетый в длинный плащ серо-стального цвета, пришел минуты через три. Он уселся на прибрежный валун напротив Скотча и Мельникова.

— Ну что? — начал Мельников. — Ты, Скотче, явно ломаешь голову над смыслом того, зачем нас здесь оставили. Не трудись, смысла немного, но на месте этих, — Мельников многозначительно указал взглядом в зенит, — я бы тоже стал держать нас подальше от Земли и вообще планет доминанты.

Скотч угрюмо слушал. Пока понятнее не стало.

— Расскажи ему, Саня, — неожиданно мягко попросил Мельников.

Веселов задумчиво плюнул в набегающую волну, поправил лучевик на груди, а потом и вовсе его снял, положил на валун рядом с собой.

— Ты вообще догадываешься, зачем мы здесь? — спросил он Скотча. — Здесь, на Тахире?

— Глобально? Захватить склад древних хреновин, которые позволяют путешествовать без затрат времени. Я так думаю, с их помощью союз намерен выиграть решающую битву с имперцами.

— Верно, — кивнул Саня. — Эти, как ты выразился, хреновины внешне выглядят как полутораметровые цилиндры. Эдакие гильзы-переростки. Тот, что остался в нашей галактике, до поры до времени ничем от своего собрата не отличался. Но потом на нем проступило голографическое изображение. Не поверишь, но это мое лицо. Портрет, так сказать, на родине героя. Впрочем, чего я, на родине героя все было гораздо интереснее: несколько раз на несколько часов в небе появлялось огромное голографическое изображение опять-таки моей физиономии. Над городком, где я родился, над Волинском. По времени первое изображение над Волинском возникло раньше, чем голограмма проявилась на генераторе. Сначала я думал — это оттого, что я прошел нуль-коридором одним из первых. Однако в небе над очередным городком, правда, не на Земле, а на Офелии, вскоре появилось другое лицо, возникшее впоследствии и на генераторе.

— Кто? — угрюмо спросил Скотч.

— Дариуш Маримуца.

— И родился он, надо понимать, в этом городке на Офелии? Над которым проявилось его лицо?

— Верно мыслишь. Именно в этом городке Дариуш и родился.

— Н-да, — вздохнул Скотч. — Полагаю, теперь весь стартовый генератор испещрен нашими рожами, а в небесах наших э-э-э... как родина во множественном числе? Ну, в общем, там, где мы родились, в небесах наши морды. Я угадал?

— Почти, — вмешался Мельников. — Саня, слушай, ты этого тоже пока не знаешь. Лиц на генераторе уже какое-то время восемь и новые появляться перестали. Собственно, на генераторе и места больше не осталось. Сохранилась и закономерность с появлением голограмм в небе над местами рождений. В семи случаях — в восьмом мы вынуждены просто поверить, потому что обладатель лица не знает, где родился.

— И все восемь сейчас тут, на Тахире?

— Да.

— Кто?

— Кроме нас троих — уже упоминавшийся Маримуца, Тамура, МакГрегори, Цубербюллер и Солянка.

Насчет себя Скотч уже пару минут как не сомневался: зачем бы ему все это рассказывали? А вот о Мельникове он сразу не подумал, хотя догадаться было несложно — кто еще мог оставаться в неведении относительно места своего рождения?

— Ну, ладно, — сказал Скотч. — С нашей восьмеркой все ясно. Держат подальше от родной галактики, как взрыватели от мин. Но остальных-то зачем тут бросать? Зачем клипер оставлять на орбите?

— А захоронение?

— Хм... — Скотч поразмыслил. — Тоже нелогично. Где мы, а где захоронение! Да и охрана там нужна посolidнее. И вообще, вывозить надо эти генераторы, сначала на «Квазар», потом в нашу галактику. Не понимаю, чего они тянут?

— Скотче, а головой думать ты не пробовал? — поинтересовался Мельников с нескрываемым сарказмом. — У нас чертова уйма генераторов нуль-коридора. На хрена нам вывозить их обычным манером, через «Квазар» и первый коридор, а потом этапами по галактике, под носом у имперцев?

— А... — пробормотал Скотч и секундой позже до него дошло. — Что, провешивают второй коридор? Непосредственно к цели?

— Ну, наконец-то! — Мельников картинно поаплодировал.

— А куда? В Солнечную?

— Не знаю, наверное. Причем я полагаю, что коридоров провешат несколько, к ключевым мирам доминанты. Союзники в свою очередь занимаются тем же. Парные генераторы уже в пути. А на шельфе смонтирован средний икс-привод. Захоронение вместе с куском Тахира уедет, как только соответствующий генератор будет инициирован. Куда уедет — в данную минуту не знает никто, по обстановке. Захоронение сейчас, как мышь перед гигантским куском сыра, испещренным дырами. Осталось только выбрать, в какую дыру влезть.

— Погоди. — Скотч ошалел от обилия новой информации. — Ты сказал — вместе с куском шельфа? Да там же цунами образуется! Океан хлынет в оставшуюся воронку...

— Можешь не сомневаться. Цунами образуется. Океан хлынет. Непременно.

— Полпобережья смое!

— Смоет, — подтвердил Мельников. — Тебе-то что?

Скотч насупил. Что ж... Война. Жертвы. Все логично, все как всегда. Лес рубят, щепки летят.

— Но ведь... местные нас после этого...

— Сомневаюсь. — Мельников был невозмутим. — Оружие и камуфляж у нас имеются. А еще у нас осталось невыполненное задание здесь, на Тахире. Надо кое-что разнюхать. Пойдем небольшой командой, человек восемь-десять. Вы идете.

— Это приказ? — спросил Скотч.

— Для меня — да. — Мельников пожал плечами. — Если ты не хочешь, возьму кого-нибудь из твоих молодцов, полномочия у меня есть. Впрочем, ты не откажешься. Скотч мысленно выругался — Мельников снова был прав. Сидеть без дела он не станет, сидящий без дела сержант провоцирует подчиненных на разболтанность, а кому оно нужно?

— Идет вся восьмерка... меченых?

— Не обязательно. Нам нужны эксперты, поэтому я хотел бы прихватить тебя, Саня, а также Маримуцу, МакГрегори и Сориала. И нам нужны бойцы — это ты, Скотч, я, ну и те же Цубербюллер, Тамура, Суондреды. Но большая толпа тоже ни к чему, мы не на штурм идем, а скорее в разведку.

— Я бы взял Гавайца, — посоветовал Скотч. — Проверено.

— Бери, — не стал возражать Мельников. — Пошли, надо перекусить, чем начальство послало, и идти. Не думаю, что у нас прорва времени.

Мельников встал. Встали и Скотч с Саней Веселовым — этот человек без прошлого и будущего действовал на окружающих гипнотически. И Скотч, и Саня сначала оказались на ногах и только потом это осознали.

— Ну, дела, — проворчал Скотч на ходу и подумал: «Надо сказать ребятам, чтобы палатки замаскировали как следует и не снимали пустотных комплектов. Так оно спокойнее будет».

Осознание того, что горстка землян осталась на невообразимо далекой чужой планете, аборигены которой вряд ли питают к пришельцам теплые чувства, давно уже не пугало бывшего десантника.

2

Резиденции главы Клондайка здорово досталось: было видно, что некогда ухоженный парк во многих местах обезображен следами обстрела, а аккуратные домики частично разрушены. Нигде не было видно ни души, видимо, и президент, и другие важные лица, и охрана, и обслуга эвакуировались в более спокойное место. Шли скрытно, с включенным камуфляжем — мало ли что? Скользили тенями мимо проломов на дорожках, мимо валяющихся под ногами отстриженных импульсами ветвей, мимо брошенных автомобилей, мимо опустевших строений. Вскоре вышли к высоченному забору, увитому побегами местного плюща. На верхней кромке забора среди побегов безошибочно угадывались спирали колючей проволоки.

Штурмовать забор не стали, Мельников сказал, что где-то неподалеку должны располагаться ворота, надо только отыскать дорогу, петляющую в парке. То, что дорога прихотливо извивалась, Скотч мысленно одобрил: аборигены знали толк в делах охраны и безопасности. Нечего по такому важному объекту, как резиденция первого лица государства, гонять на повышенных скоростях. Да и противника в случае штурма ворот легче перехватить, если он на колесах. А что до пеших — так пешим и бездорожье не помеха.

Ворота (двойные, кстати) они отыскили минут через семь. И внутри периметра, и за вторыми воротами приткнулись будочки охраны. Между воротами по бокам дорогу сдавливали две толстые бетонные трубы с бойницами — надо полагать, для расстрела непрошенных гостей.

Во внешней будочке дежурили два аборигена в униформе и при оружии. Будь на их месте люди, они бы явно выглядели бледными с лица. Аборигены вели себя тревожно даже на взгляд Скотча, видевшего их второй раз в жизни — озирались, то и дело поглядывали в окна, да и оружие не выпускали из рук.

— Снять? — шепотом спросил Гаваец.

— Не надо, — тихо отозвался Мельников. — Так пройдем.

Он вдруг отключил камуфляж и, не кроясь, пошел к воротам. Приблизился, постучал. Ворота стали медленно уезжать вбок, освободив проход для одного человека. Мельников сделал неуловимый жест — один за другим десантники принялись просачиваться в щель мимо него, пока Мельников якобы замешкался. Просочились, отбежали в сторону от ворот, присели на обочине. Мельников совершенно спокойно вошел в будочку к аборигенам; сквозь прозрачную мембрану окна было видно, как он с ними беседует, сдержанно жестикулируя. — Вот шельма! — восхищенно прошептал Гаваец. — Уже и язык выучил! Скорые ребята эти, пограницы!

Скотч не ответил. Пограниец, как же... Впрочем, в словах Гавайца проступал некоторый сарказм, вполне возможно, что он догадывался, кем приходится служить Мельникову на самом деле.

МакГрегори, Тамура и Цубербюллер молча вслушивались в диалог. Вскоре Мельников вышел из будочки и уверенно направился вдоль по дороге. Шаге примерно на двадцатом он врубил камуфляж и исчез — визуально, понятное дело. Аборигены в будочке тут же спрятались за стол и присели.

— Пошли, — сказал Мельников, проходя мимо коллег. — Минут двадцать топать. Вдали, в совершенно чистом поле виднелись какие-то приземистые ангары, а еще дальше, подернутый влажной дымкой, вставал исполинский горный хребет. И никакого намека на снежные шапки — сказывался более теплый климат Тахира. Топали и впрямь минут двадцать; примерно за километр до очередного периметра в виде проволочного ограждения Солянка углядел на обочине упрятанную в траву штукунину, удивительно похожую на металлический гриб с глазком. Мельников на всякий случай велел всем замереть, только Саня Веселов, Сориал и МакГрегори осторожно подобрались поближе к грибу.

Гриб оказался не металлическим, а керамическим и внутри был начинен электроникой. Даже Скотч, далекий от специальной техники вояка, после сканирования не усомнился: это датчик слежения. Скорее всего местность вокруг напичкана такими же.

Дальше двинулись осторожнее, тщательно сканируя путь перед собой. «Все смешалось, — думал Скотч отстранение. — Пограниец в чине рядового командует отрядом из капитана, флаг-лейтенанта, сержанта, двоих капралов, одного гражданского и троих таких же рядовых. Вот они, будни спецслужб». Капитан Маримуца подчинялся Мельникову безропотно: скорее всего имел соответствующие указания. МакГрегори и технарь-Сориал тоже восприняли это как должное. А у Скотча и его бойцов просто не оставалось выбора.

«Впрочем, — продолжал размышлять Скотч, — при чем тут звания? Мы сейчас пираты, просто пираты в разномастных комплектах и вооруженные кто чем. Какие офицеры, какие рядовые? Осколок когорты ведет самый осведомленный. Так и должно быть». Путь к ограждению оказался извилист — пришлось огибать все те же датчики. Аборигены явно сильно не желали допускать к ангарам посторонних. Тем не менее пришлось допустить: как и пророчил Мельников, минут через двадцать разведкоманда миновала все препоны и углубилась на территорию базы. От строения к строению перебежали с осторожностями, двумя группами — территория, без сомнения, охранялась.

Невидимый Мельников тронул невидимого Скотча за плечо, когда вся команда залегла напротив входа в один из корпусов, отличный по внешнему виду от большинства остальных ангаров.

— Нам сюда, — тихо сказал Мельников. — Знаешь, что это за контора?

— Откуда? — сердито прошептал Скотч. — Вы ж молчите, как кошки в засаде... пограницы, вашу мать.

— Злишься? — с некоторой иронией уточнил Мельников. — В принципе по делу злишься... Эта контора исследует следы инопланетного присутствия на Тахире. Заметь, аборигены до нас не имели официально подтвержденных контактов с инопланетными расами.

— Ну и что?

— А то... Мы для них — диковина и откровение. Символ начала новой эпохи. Нужно по их холодильникам пошерстить. По идее, мы должны отыскать нечто интересное. Собственно, в этом и состоит наше задание.

— Интересно, — хмыкнул Скотч, — а мы разберемся в местных реалиях? В местной технике? Я с трудом представляю, как попасть внутрь.

— Это как раз не проблема — зря, что ли, мы прихватили искателя-универсала и братков-экспертов? К тому же у нас будет помощник. Добровольно-платный. Абориген, здесь работает.

— Абориген? Тахирец? — удивился Скотч. — Елы-палы! Когда вы все успеваете?

— Профессия обязывает. К тому же наши люди на Тахире высадились раньше, чем эта планетка официально была — хе-хе! — открыта и занесена в каталог.

— К-конспираторы, — прошептал Скотч с отвращением. — Рыцари плаща, кинжала и бака с помоями.

— Чего это ты раздухарился? — слегка удивился Мельников.

— Да задолбала уже эта грязь! Грязь и говно, куда ни сунься. Политика доминанты, чтоб ее!

— Не мы такие, жизнь такая, — меланхолично отозвался Мельников. — Во! Наш кенгуренок нарисовался!

Сравнение с едва не вымершим земным животным было очень точным: гнущиеся в коленях назад ноги аборигена делали его действительно похожим не то на кенгуру, не то на диковинную бескрылую птицу. Абориген выглянул из массивной овальной двери. Кажется, он собирался выйти, но почему-то замешкался в дверном проеме. Позади него легко различался второй абориген, крупнее габаритами и с оружием на шее.

— Взяли, — тихо скомандовал Мельников; Скотч с Гавайцем тотчас синхронно рванулись вперед.

Пеленать противника, который тебя не видит — дело не слишком хлопотное. Поэтому хватило нескольких секунд, большая часть которых ушла на короткую перебежку к двери. Гаваец успокоил охранника, потом второго, уже внутри. Скотч тактично взял за шиворот завербованного тахирца.

Спустя еще пару секунд у дверей материализовался Мельников, втолкнул Скотча с аборигеном внутрь, убедился, что вся группа также вошла в здание, и снял маскировку. При виде появляющихся из пустоты «пиратов»-инопланетян абориген явно струхнул — а кто не струхнул бы на его месте? Тем более что официальных контактов с иными расами тахирцы и впрямь еще не имели и происходящее с их точки зрения носило ярко выраженную экстраординарность.

— Молодчина, Бурый, — похвалил Мельников по-русски; плоский модуль транслятора-переводчика дублировал сказанное на местном наречии прямо из кармана мельниковского комбеа. — Отлично сработано. Теперь нам нужно попасть к экспонатам. Ты говорил, что есть еще один охранный пост. Так?

— Так. Перед шлюзом в гермозону и в самой гермозоне. По два охранника.

— Кто-нибудь из ученых или из начальства сейчас присутствует в гермозоне?

— Да, профессор, имя не перевелось, и его ассистенты как раз работают с образцами. Кроме них там еще с десятков техников и столько же особей из obsługi.

— Хорошо. Сейчас мы снова исчезнем, а ты ступай к шлюзу в гермозону. Как только мы войдем внутрь, можешь считать себя свободным.

— Понял, иду.

Маленький абориген, которого Мельников назвал Бурый, послушно повернулся и, смешно переставляя ноги, пошел в глубь здания.

— Камуфляж! — скомандовал Мельников, задействуя свой модуль.

Земляне снова обратились в призраков, стремительных и бесплотных. Они проворно скользили по коридорам, вдоль выкрашенных в лимонный цвет стен, дважды поднимались по лестницам и один раз опускались на лифте — похоже, упомянутая гермозона располагалась под землей, но вел туда единственный лифт и только с самого верхнего этажа здания.

Охранников перед гермозонной пристукнули в обычном стиле — быстро, бесцеремонно, но не насмерть. Пока Бурый проделывал какие-то маловнятные манипуляции с модулем идентификации, Мельников коротко скомандовал Гавайцу остаться перед входом и покараулить — вдруг охрана очухается или принесет нелегкая кого-нибудь, кто в состоянии поднять тревогу.

Внутри заходить завербованный абориген не стал, остался в коридоре — никто не стал вдаваться почему, видимо, это входило в условия вербовки.

Внутреннюю охрану взяли Тамура и Цубербюллер — Скотч аж залюбовался. Пустотники флота «Гольфстрим» явно не просиживали по тихим углам прошедший после событий на Табаске год. Можно сколько угодно твердить о превосходстве десанта над регулярными подразделениями, однако реальная война уравнивает всех: или становишься профессионалом, или тебя убивают.

Гермозона представляла собой просторный зал, поделенный примерно пополам монолитной прозрачной стеной от пола до потолка. Помещение было залито ярким светом, светильники располагались как в операционных — бестеневым методом. В центре той половинки, куда попали земляне, помещался полукруглый пульт, за

которым примостилось душ десять аборигенов в белых хламидах, перчатках и с повязками на физиономиях — только глаза наружу.

— Камуфляж долой, — скомандовал Мельников и в зале произошло нечто на манер немой сцены.

— Костя, Тамура, здесь! — продолжал руководить. Мельников.

Цубербюллер послушно занял пост у дверей, Тамура встал перед пультом, красноречиво поводя стволом лазерника. Подобные жесты не нуждались в толкованиях.

Тем временем Мельников прихватил за шкурку крайнего аборигена из сидящих за пультом и задействовал транслятор.

— Нам нужно войти туда!

И поощрительный пинок, после которого абориген запрыгал, как кенгуру, в нужную сторону.

Замки шлюза, насколько успел подсмотреть Скотч, представляли собой гибрид кодово-символьных и идентификационных — тахирец вставил в щель похожий на укороченный карандаш стержень, пристегнутый цепочкой к запястью, а другой рукой несколько раз потыркал в кнопки. Огонек на панели замка сменился с оранжевого на тускло-зеленый и внешняя створка шлюза плавно отъехала в сторону. Похожая манипуляция со вторым замком (абориген явно спешил, вполне возможно, что на отпираание внутреннего замка отводилось некое заранее оговоренное время, после чего в шлюз впрыскивалась какая-нибудь парализующая пакость), и внутренняя створка пропустила землян в гермозону.

— Скотч, здесь! — велел Мельников.

Правильно, кто-то ведь должен держать вход? Скотч — последний из еще не озадаченных боевиков, поэтому придется торчать у шлюза, хотя очень хочется посмотреть на местные диковины поближе.

Бестолково топчущегося аборигена Скотч сграбастал за плечо и спровадил на пол, к прозрачной стеночке — сиди, мол, голубец, и не отвечивай почему зря.

Мельников, МакГрегори, Саня Веселов, Маримуца и Раджабов охватили исследователей полукольцом. От входа Скотч успел рассмотреть шесть продолговатых танков, подсвеченных изнутри; в каждом под прозрачным колпаком на низких то ли столиках, то ли топчанах покоилось... нечто.

В крайнем слева угадывались плохо сохранившиеся фрагменты тела какого-то существа — часть корпуса и оторванные конечности, вряд ли комплектные.

Определить, чьи это останки, Скотч не сумел, да не особо и пытался — не спец. В соседнем хранилось неповрежденное тело бесспорно гуманоидной морфологии, скорее всего оаонс-перевертыш в практически изначальном виде, то бишь без следов телесного метаморфоза. Третий слева танк был больше размерами и вмещал в себе нечто вроде объемистого коричневого шкафа или ящика; Скотчу показалось, что поверхность ящика чешуйчатая. Четвертый танк, также повышенных габаритов, был пуст. В пятом, снова небольшом, находилось что-то вроде гигантского насекомого, во всяком случае при виде хранящегося внутри тела возникали однозначные инсектоидные ассоциации — усики, челюсти, петипальпы у ротового отверстия, тоненькие перетяжки между частями корпуса, коготки и характерные волоски на сухопарых лапах. Существо смутно напоминало непомерно большого муравья или термита, но только напоминало — различий тоже было много. Шестой танк, крайний справа, пустовал.

— Добрый день, профессор. — Мельников обратился к одному из застывших аборигенов, по каким-то одному ему понятным признакам выделив его среди остальных. — Похоже, у вас сегодня праздник, объект ваших исследований явился к вам в гости, а?

Транслятор завывал, переводя слова на язык тахирцев.

— Не бойтесь, хоть мы и вооружены, явились с миром. Все, что нам нужно, это взглянуть на объекты, которые вы изучаете. Мы посмотрим и уйдем, ничего не тронув. Если, разумеется, вы и ваши коллеги будете вести себя благоразумно и не станете нам препятствовать. Если же станете, что ж... могу сообщить: мы — военные, поэтому склонны сначала стрелять, а потом разбираться, стоило ли это делать. Советую не искушать судьбу. Вы меня поняли?

Тахирец-профессор ответил; транслятор перевел это так:

— Мы согласны, пожалуйста, не разрушайте образцы.

О собственном благополучии и благополучии ассистентов абориген (как и все истинные ученые) думал лишь во вторую очередь, отчего Скотч проникся к нему невольным уважением.

Мельников отключил транслятор.

— Саня! Поди сюда.

Веселов с готовностью подошел ко второму слева танку.

— Что скажешь?

Бегло оглядев гуманоида под колпаком, Саня без колебаний заключил:

— Перевертыш.

— А вы, братцы-эксперты?

— Согласен, — подтвердил Маримуца. — Неметаморфированная стадия.

МакГрегори безмолвно кивнул.

— А это? — Мельников указал на четвертый танк с «муравьем».

Ответ Веселова последовал незамедлительно, похоже, тот для себя все заранее решил:

— Рой, малый рабочий.

Маримуца не баловал разнообразием реакций:

— Согласен.

МакГрегори решил последовать примеру Дариуша и вторично кивнул, так и не проронив ни слова.

— Прелестно. — Мельников приблизился к заключенному в танк чешуйчатому ящику. — Ну а насчет этой штуки вы можете и не знать... Ладно, здесь я увидел все, что хотел.

Мельников снова включил транслятор и обратился к покорно ожидающим аборигенам:

— Профессор, мне нужно также взглянуть на предметы, захваченные вместе с телами этих существ.

— Они не здесь, они в соседних лабораториях.

— Значит, мы отправимся туда. Велите своим коллегам выйти в смежное помещение и вести себя спокойно и тихо.

— Все слышали? — промяукал профессор, обращаясь к своим. — Делайте, как они говорят!

Делегация тахирцев просочилась в пультовый зал; последним гермозону покинул Скотч, подгоняя стволом лучемета самого малоподвижного аборигена. Здесь Мельников сдал местную братию на попечение Тамуры и Цубербюллера, а сам в сопровождении профессора, Скотча и четверки экспертов вышел в коридор. Гаваец исправно нес вахту снаружи: незримой тенью маячил у стены. Охранников он аккуратно посадил рядом с собой, привалив спинами друг к другу — все ж лучше, чем просто валялись бы поперек прохода.

В течение следующей четверти часа Мельников шастал по лабораториям и глазел на экспонаты местного «музея», изредка выключая транслятор и обмениваясь короткими репликами с искателем и экспертами из военных. Предметы попадались самые разные: гражданская аптечка из комплекта пассажирских судов, пьезобритва, портативный терминал мгновенной связи, упаковка офелийской жвачки, использованная гильза из-под пиропатрона, тусклых красок порнографический журнал издания свайгов, купюра в двести пангала почти трехсотлетней давности, ручной игломет без обоймы, расческа, засохшая ватрушка с творогом, очки с модулем нейроусиления и усиком приемной антенны над левой дужкой...

Несколько предметов никто опознать не смог.

— Закругляемся, — через какое-то время скомандовал Мельников и связался с Тамурой, Цубербюллером и Гавайцем. Потом обратился к профессору, очень миролюбиво и, как показалось Скотчу, с нескрываемой симпатией: — Уважаемый! Мы уходим. Поверьте, поднимать тревогу бессмысленно — после недавнего побоища в резиденции вашего лидера, о коем вы, безусловно, слышали, вряд ли ваше сообщение кого-либо впечатлит. Наш визит имел чисто информативный, ознакомительный характер. Как видите, мы сдержали слово и никого не тронули. Ведите себя так же благоразумно еще какое-то время после нашего ухода, и для вас все благополучно завершится. Прощайте.

Земляне отступили под прикрытием камуфляжа и без помех покинули сначала здание, а потом и территорию секретной базы Клондайка.

Можно было не сомневаться: в свете событий последнего времени важность этой базы в глазах правителей Клондайка сильно упала.

Инопланетяне пришли на Тахир, пришли не прячась и вели себя весьма бесцеремонно. Какой смысл изучать плохо сохранившиеся останки или хорошо сохранившиеся трупы, если пришельцы с небес открыто разгуливают по Тахиру и обделяют свои малопонятные делишки? Гораздо разумнее попробовать с ними договориться.

«Хотя, — думал Скотч, — наши верхи с верхами по крайней мере Клондайка скорее всего давно навели мосты. А мы и простые тахирцы лишь исполняем извечную роль статистов в циничном спектакле больших политиков».

Впрочем, ему понравилось, что на этот раз обошлось без глупых и бессмысленных жертв. А что охранники получили по головам, так у них работа такая. Профессиональный, так сказать, риск. До лагеря добрались без приключений, однако выражение физиономии встречавшего их Солянки Скотчу сразу не понравилось. — Что такое? — забеспокоился и Мельников. — Империя перешла в наступление, — угрюмо сообщил Солянка. — Только что по мгновению сообщили: атакваны Солнечная, Офелия, Пламмер-двенадцать и еще несколько ключевых миров доминанты. Скотч с тоской опустил голову. И в это время ощутимо дрогнула почва под ногами.

ОБЛАСТЬ ШТАТНОЙ ДИСЛОКАЦИИ ФЛОТОВ ГРУППЫ «ДОМИНИОН» Окрестности Солнечной системы, доминанта Земли

1

Странно, но в жизни полно невероятнейших совпадений. Группа флотов «Доминион» располагала тысячами разведывательных кораблей и сотнями станций наблюдения, разбросанных по периферии системы и сканирующих пространство вблизи родины человечества. Однако слепой выбор судьбы вновь пал на патрульный монитор «Ракша», несущий вахту в окрестностях звезды Росс-128. До Солнца отсюда было примерно одиннадцать световых лет. Когда-то здесь служили Дариуш Маримуца и Рахмансулла Раджабов. Когда-то именно их смена засекла приближение парламентарского бота с Пиком Пирамид Азанни, верховным лидером птичьей расы на борту. Именно этот бот принес в Солнечную систему известие о начале войны за мобильность. Этому же монитору выпала сомнительная честь засечь не менее значимое, но куда более печальное событие: война пришла в Солнечную. «Ракша», как и год назад, дрейфовала в нескольких десятках мегаметров от ближайшей стационарной станции слежения, и дежурил именно Белькевич, прежний начальник Маримуцы и Раджабова, правда, уже не капитан, а майор. — Высота, я Кернел! — услышал Белькевич панический призыв вахтенных наблюдателей посреди довольно-таки спокойной смены. — Высо... — Здесь Высота, — отозвался Белькевич. — Что там у вас? — Множественный финиш! — доложил юный лейтенант с Кернела и судорожно вдохнул, будто захлебнулся словами. — Сколько сфер? — подчеркнуто спокойно уточнил Белькевич. — Не знаю, сэр... Прибор зашкалило. Значит... «Значит, более двухсот, — мысленно продолжил Белькевич. — Это вторжение». — Спокойно, лейтенант, без паники. Коммутируйте показания всех приборов к нам и на Константу, можете использовать все резервные каналы. Подвахтенным на станции — готовиться к эвакуации, сценарий и приоритеты будут уточнены в ближайшие десять минут. Сейф с кодами и таблицами подготовить к уничтожению. — Есть, сэр! — Я и дежурный по мгновению постоянно на канале, обо всех изменениях обстановки дублировать информацию голосом. — Есть сэр! — Выполняйте! — велел Белькевич, оживляя видеостолб перед пультом. На «Ракше» и небольших станциях наблюдения теперь дежурили безусые юнцы, зачастую еще даже не закончившие академию кадеты — офицеров поопытнее подобрала война. Хоть флоты «Доминиона» и не вели регулярных боевых действий, стычки с залетными группами противника и частые партизанские вылазки закономерно привели к потерям, и среди кораблей, и среди экипажей. Войн без жертв не бывает. И если корабли можно построить в любой момент, то кадры на голом месте и за короткий срок не взрастишь и не воспитаешь. — Константа, я Высота. Предварительный аларм. Повторяю: предварительный. Данные уточняются, но, похоже, началось. Как поняли? — Я Константа, приняли, — угрюмо отозвался флагман флота «Евразия». — Ожидайте соединения с командующим... Собственно, вторжения ждали. Ждали уже не первый месяц. И, разумеется, оно началось в самый неудобный момент.

Флот, разбросанный в пространстве на миллионы километров, оживал. Вскикивали поднятые по тревоге люди, просыпались от ждущего режима двигателя, перегруппировывались соединения малых кораблей. Ординарцы будили командиров — по единому бортовому времени стояла ночь. Спустя всего десять минут Белькевич уже участвовал в оперативной видеоконференции командования флотов.

Тим Хемерсбрандт, командующий флотом «Евразия», взглянул на Белькевича из видеостолба. Глаза у адмирала были припухшие — вряд ли ему в последние недели доводилось полноценно, отдыхать.

— Доброй ночи, — поздоровался он.

— Здравия желаю! — по-уставному отозвался Белькевич. — Сообщение со следящей Росс-128 Кернел, монитор «Ракша», Множественное эхо, более двухсот финишных сфер. Расчетное время подлета — два-три часа. Общий дрейф — в сторону Солнечной, в целом по изогравам и основному радианту. Сферы большие, сэр, это несомненно, флот вторжения.

Адмирал сухо кивнул и повернулся к изображению другого офицера:

— Офелия? Селентина?

— К Офелии также приближается флот вторжения, сэр. Селентина и прочие штабы из списка сорока трех предупреждены. Кроме того, поступило сообщение с Пламмера-двенадцать: их тоже атакуют. Боюсь, Пламмер прикрыть будет нечем.

Хемерсбрандт в ответ снова лишь кивнул.

— Чиль! — вызвал он командующего флотом «Африка».

— Слушаю.

— Что скажешь?

Чиль Онте был старейшим адмиралом «Доминиона» и негласным главой адмиральского совета. В сущности, командовать обороной Солнечной системы предстояло ему, даже более высокий статус командующего «Евразией» особой роли не играл: Чиль Онте был старше и опытнее.

— Базовый два, полагаю. — Голос у Онте был на удивление чистый и молодой. Белькевич знал, что многие органы старого адмирала искусственные. Наверняка звучит не настоящий его голос, наверняка Онте использует синтезатор речи. Чиль Онте, по сути дела, был больше чем наполовину киборгом, это знали все флотские. Он и мыслил как машина — холодно, отстраненно и рационально, без ненужных эмоций, паники и спешки.

— Согласен, — кивнул Хемерсбрандт. — Коллеги?

— Гости только с одной стороны? — справился Геннадий Лесин, командующий «Антарктидой», недавно вернувшейся в Солнечную.

— Пока — да.

— Ну, тогда действительно второй. А если пожалуй еще одним вектором, придется выбирать который-нибудь из композитов.

— Пожалуй, тогда и выберем, — пресек дискуссию Онте.

Командующие «Америкой» и «Австралией» возражений не высказали.

Базовый оборонительный план за номером два предполагал двухэтапную защиту с поддержкой стационарных спутников, активной энергоподпиткой кораблей, заградительными полями генераторов нелинейности, минными объемами и прочими сюрпризами для атакующих. В общем и целом, имперцам придется атаковать в плоскости эклиптики — остальное пространство было прикрыто все теми же генераторами нелинейности. Солнечная уже больше года ожидала вторжения, поэтому пришлось свернуть все перемещения вне плоскости эклиптики и наглухо закрыться. По сути дела, целая планетная система сейчас являла собой пару гигантских выпуклых защитных блинов, разделенных узенькой щелью нормального пространства. Подобная форма пассивной обороны была дорога и неудобна для астрогации, но выбирать не приходилось. Примерно половина энергии Солнечной тратилась на поддержание этих щитов. Относительная безопасность влетала налогоплательщикам в копеечку, однако дело себя оправдывало: две пробные атаки имперцев в самом начале войны захлебнулись и Солнечная осталась неприступной.

Однако на этот раз имперцы задействовали силы не в пример большие.

— Эвакуацию объявлять? — мрачно спросил оперативный дежурный с флагмана.

— А что, есть варианты? — Хемерсбрандт передернул плечами. — Внешним поселениям — немедленно. Всем, кто ближе орбиты Урана — готовность. Так, Чиль?

Онте молча кивнул; оперативный дежурный тотчас принялся оповещать коллег по цепочке. Станции, рудники, поселения — все это обезлюдит в ближайшие часы. Последний год периферийные обитаемые точки Солнечной жили как на пороховой бочке, в постоянной готовности собрать пожитки, нырнуть в катера и живо драпать поближе к Земле и Венере. Крысы драпают к спасительной норе, а поселенцы к

защищенным местам. Всегда так было — и на Диком Западе, и при экспансии на Венеру, и когда человечество вырвалось к чужим звездам. Врагу достанутся пустые орбиталки, скупо освещенные мертвенным перекрестным светом искусственных микросолнц.

— Сколько у нас времени? — Чиль Онте так взглянул на Белькевича, что майора с «Ракши» аж озноб пробрал. Можно подумать, это Белькевич виноват в атаке имперцев!

— Финиширует вражеский флот часа через три. Гасить дрейф и перестраиваться, пожалуй, будет столько же. Потом пойдет в финальный прыжок, это еще около часа.

— Тим, — жестко сказал Онте. — И ты, Тобиас. Как только просчитаете область следующего финиша в пределах Солнечной — немедленно высылайте ульи на перехват. Без прикрытия, только с истребителями-одиночками и штурмовиками-двойками. Не крупнее. Пока шат-тсуры не перестроятся и не поставят заградительные поля — пусть наши жгут все, что получится.

Хемерсбрандт нахмурился.

— Но... это же потери, Чиль! Колоссальные!

— Когда флоты построятся в боевой порядок — потери будут еще большие. А так мы их задержим не меньше чем на полсутки, а если повезет — кое-что еще и порушим. На выходе из-за барьера пара истребителей может угробить целый корвет. При определенном раскладе.

— Хорошо, — согласился Хемерсбрандт обреченно. — Сколько отсылать истребителей?

— Половину.

— Вернется процентов сорок от вылетевших, — наскоро прикинул Тобиас Блейзи, командующий «Австралией».

— Больше. Шестьдесят.

— Шат-тсуры в последнее время усилили защиту от сверхмалых кораблей, — заметил Блейзи. — Больше половины вряд ли вернется. Автоматы тоже посылать?

— Автоматы в первую очередь. Их не жалко.

— Ну что? — Блейзи безнадежно взглянул на Хемерсбрандта. К предполагаемому месту финиша по-любому успеют только истребители внешних флотов — «Евразии» и «Австралии», остальные три базировались совсем уж далеко, внутри астероидного пояса, за орбитой Марса.

— С ближней дуги отправляйте всех. Дальнюю дугу — перераспределяйте в зависимости от направления атак, — продолжал давать советы Чиль Онте.

— И... главное — не дрейфить. Отобьемся. Скелетики будут спешить. А мы это используем.

Хемерсбрандт несколько раз мелко кивнул и обернулся к пульту связи с оперативным дежурным флота.

— Ульям и палубникам — оперативная тревога! Двойной боекомплект! Старт по боевому-два!

Краем глаза Тим Хемерсбрандт видел, как Тобиас Блейзи отдает аналогичные команды своему дежурному.

— Давайте, орлы! — прошептал Хемерсбрандт. — Зададим им жару! Чтоб по гроб запомнили и детям заказали соваться в Солнечную!

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

1

— Господин президент!

— Мне некогда, Шарль!

— Господин президент, осмелюсь настаивать: сообщение с грифом «трилистник». Прибыло только что. Я также имел смелость вызвать господина Байрамова, он прибудет с минуты на минуту.

— «Трилистник»? — Вернер Винцль, президент Солнечной системы, непроизвольно нахмурился.

Под этим грифом сообщения приходили чрезвычайно редко. «Трилистник» означал некие новые разведданные, не имеющие сиюминутного значения, но потенциально способные возыметь весьма серьезные последствия в будущем. Более того, гриф «трилистник» сообщениям могли присвоить всего несколько человек во всей доминанте и еще несколько за ее пределами.

- За чьей подписью?
- За подписью полковника Попова, господин президент.
- Давай!

В голосе Винцля сквозило нескрываемое раздражение — ему действительно было некогда отвлекаться. Худшие опасения оправдались: едва настало время «Ч», время транспортировки найденных генераторов к основным мирам союза, империя предприняла атаку, причем опоздала всего на пару-тройку часов. Это означало, что Унве информирован несравненно лучше, чем ожидали союзники, и что завеса секретности над деятельностью проекта «Квазар» отнюдь не так непроницаема, как хотелось бы.

Координация сил — вот и все, что оставалось союзникам, ибо империя бросила в бой блеск и гордость своих флотов. Армада, вывалившаяся из-за барьера вблизи Солнечной, превосходила группу «Доминион» и земные пограничные части минимум в два с половиной раза. Кроме всего прочего, имперцы имели в распоряжении более полусотни больших кораблей, ядро же земных сил составляли средние крейсера и мини-линкоры.

Не лучше обстояли дела и в других мирах доминанты: самый многочисленный офелийский флот «Магрибба» также уступал по численности атакующим имперцам; Пламмер-двенадцать собственного флота вообще не имел и до сих пор избежал вторжения только за счет прикрывавших его соседей и удобного расположения. Если бы кто-нибудь прислал помощь, хотя бы в половину сил Солнечной, от имперцев скорее всего удалось бы отбиться без особых потерь. Но на помощь рассчитывать не приходилось: соседи сами оборонялись и не прочь были принять поддержку. Собственно, сценарий будущих битв легко угадывался: затяжная позиционная возня с медленным взаимным истреблением. Однако у имперцев останутся силы в метрополии и резерве — примерно столько же, сколько сейчас готовится вступить в бой. А союзникам прикрывать свои миры будет уже нечем.

И в такую минуту приходит сообщение с пресловутым грифом «трилистник»! Страшная радость...

Вернер Винцль привычно подавил почти непреодолимое желание в голос выругаться. Нет уж. Изрыгающий проклятия президент — это поражение еще до битвы. Президент обязан выглядеть сосредоточенным, уверенным в собственных силах и силах доминанты, должен служить примером и вдохновителем... А раз обязан и должен — значит, и будет служить. И все, и точка.

— Давай, Шарль.

Референт бесшумно положил на рабочий стол раскрытую папку с одним-единственным листком распечатки.

«Срочно. Секретно. Гриф „трилистник“. Начальник хозяйки проекта „Квазар“ полковник Попов — министру внешних сношений Ильхану Байрамову. Докладываю: операция «Фраггер» успешно проведена.

(комментарий для президента В. Винцля: операция «Фраггер» проводилась на планете Тахир, галактика-2, базовой планете захоронения, и предполагала проникновение на секретную базу государства Клондайк, изучающую следы инопланетного присутствия на Тахире)

В результате операции установлено, что аборигены Клондайка располагают трупом взрослой особи оаонс мужского пола, трупом особи Роя (малый рабочий), фрагментарными останками еще как минимум одного существа, предположительно — сенахе, а также рядом предметов из обихода рас союза. Особняком следует упомянуть предмет, имеющий форму, сходную с параллелепипедом размерами 4,2 x 2,1 x 1,75 ун. Поверхность предмета имеет чешуйчатую структуру. По всей вероятности, этот предмет идентичен пресловутому «саркофагу» (см. ссылку на дело за архивным номером NNNN), а возможно, является тем самым «саркофагом».

Упомянутые находки заставляют сделать следующие выводы:

галактика-2 посещалась выходцами из нашей галактики до обнаружения первого генератора искателями доминанты Земли, либо выходцы из галактики-2 посещали нашу галактику и вывезли ряд предметов и существ в галактику-2;

не исключено, хотя и очень маловероятно, что одним из свойств «саркофага» является возможность путешествия между галактиками, по крайней мере между нашей галактикой и галактикой-2;

отдельные представители расы оаонс и Роя скорее всего осведомлены об этих свойствах (см. упомянутый документ «Дело о саркофаге»);

наиболее вероятным представляется вывод, что поддержка расой оаонс имперского мятежа шат-тсуров обусловлена именно этим знанием или же надеждой им овладеть;

повышенный интерес разведслужб оаонс к проекту «Квазар» скорее всего объясняется в том числе и вышеперечисленными находками и соображениями.

В свете вышеизложенного считаю, что делать какие-либо выводы и предпринимать какие-либо действия пока преждевременно, но принять к сведению все факты и выводы в корне необходимо.

В качестве одной из мер, способной принести дополнительную информацию, считаю необходимым разработать и провести операцию по захвату и вывозу в пределы доминанты Земли шефа одного из разведподразделений оаонс на Иншуди.

(комментарий для президента В. Винцля: с большой вероятностью именно этот оаонс крылся под именем Нути-Нагути среди клиентов печально известного «Экзотик-тура» на Табаске, Пронг-32).

Исследовательский модуль «Квазар», дата».

Вернер Винцль оторвал взгляд от документа и обнаружил, что перед столом стоит министр внешних сношений Ильхан Байрамов, а охранники министра столбами маячат в проеме дальней комнаты.

— Что скажешь? — Президент выразительно приподнял над столешницей рапорт Попова. Времени на расшаркивания и дипломатические экивоки не было — ни секунды.

— Пока рано делать выводы, там верно сказано. Но ручаюсь: в свое время это будет бомба.

— А с захватом этого... перевертыша?

— Я уже санкционировал.

— И, думаешь, получится?

— Раз Попов предлагает, значит, способ пленить перевертыша действительно существует.

— Понятно. Что ж, спасибо за информацию... — Президент вздохнул, вернул лист обратно в папку и отодвинул на край стола. — Что там на подлете?

— «Евразия» и «Австралия» построились в боевую воронку, пояс заградительного огня в боевой готовности. «Африка», «Америка» и «Антарктида» группируются вторым эшелонном. Даже если кто-нибудь прорвется сквозь заслоны, дальше орбиты Марса им не пройти. По крайней мере Онте на это надеется. Области вне эклиптики прикрыты генераторами нелинейности, но имперцы, похоже, об этом знают.

— Сколько, по-твоему, до столкновения?

— Лучше спроси у Хемерсбрандта, ему виднее. Но, полагаю, не менее суток.

Вернер Винцль глубоко вздохнул.

Нет, все-таки не случайно давно ожидаемая лавинная атака имперцев совпала с «горячей неделей». Черти бы побрали этого Унве!

— Шарль! Открытый канал на Офелию! — потребовал президент и, не дожидаясь референтского «Слушаюсь, господин президент!», потянулся к старомодной трубке оперативного пульта.

КОСМОДРОМ

Сигма Черной Ресницы, спутник четвертой планеты, безымянной.

Экс-территория на границах доминант Земли и Л'лато

1

К полудню хомо разгрузили корабль-холодильник Рин-Риду, перевели на счет оговоренную сумму, подписали все бумаги и угомонились. Рин-Риду облегченно вздохнул, запер входной шлюз и, насвистывая (чисто человеческая привычка), направился в космопорт, в бар. Действительно, куда еще может направиться поставщик продуктов после долгой разгрузки в захудалом порту на самой границе обитаемых территорий? Не посетишь бар — только подозрения ненужные возбудить. Тем более чаю хотелось совсем не понарошку.

Сегодня связной появится вряд ли; по крайней мере так говорят аналитики, а они в своем деле кое-что смыслят. Но успеть дозаправить свой бот-холодильник и подготовить к старту еще сегодня Рин-Риду все равно не удастся. Так и так торчать тут суток двое-трое. Куковать, как выражаются хомо, а Рин-Риду сейчас изображал именно человека, хотя на деле был перевертышем. Но тупоголовым обитателям спутника безымянной планеты знать об этом совершенно необязательно. В баре Рин-Риду с видом завсегдатая кивнул незнакомому бармену (текучка тут у них, что ли?), заказал обед, чаю и новости на терминал, хотя сомневался, что

новости удастся вдумчиво изучить: в углу шумно пировала компания хомо – космодромные рабочие, пограничники и толстый таможенник с округлой пурпурной рыхой, который утром едва не вынул из Рин-Риду душу на досмотре. Судя по тостам, праздновали чей-то день рождения – имелся у хомо нелепый обычай раз в цикл коллективно напиваться в зюю по столь странному поводу.

Хорошо, что связной сегодня не придет. Вряд ли в это сборище нетрезвых рыл затесался соглядатай, но... осторожность превыше всего. Рин-Риду не стал бы заговаривать со связным на виду у пограничников.

А пока можно цинично пить чай и заодно морочить голову гипотетическому соглядатаю – пусть как следует попарит мозги над смыслом сидения Рин-Риду в баре!

«Однако эти олухи все равно могут мне помешать, – размышлял разведчик оаонс с неудовольствием. – Например, завтра похмеляться припрутся, жертвы несовершенного организма...»

Любой перевертыш без труда ликвидировал различные отравления легкой корректировкой метаболизма, но люди на подобное не способны, вот и мучаются похмельем поутру.

«Не перенести ли встречу на борт холодильника?» – подумал Рин-Риду, чувствуя, что сомнения одолевают его все сильнее и сильнее.

Подобный способ связи был предусмотрен, стоит лишь подать связному соответствующий знак. Но это вариант одноразовый, и, используя его, Рин-Риду лишал себя возможности располагать им в дальнейшем, а вариантами разбрасываться тоже не дело. Настоящий разведчик связью дорожит. И правильно делает.

Подали обед; Рин-Риду успел неторопливо поглотить около половины и так и не пришел к однозначному выводу, стоит ли переносить встречу. И тут его отвлекли: от компании хомо отделился пограничник в чине капрала и, слегка пошатываясь, направился прямо к столу замаскировавшегося перевертыша.

Рин-Риду напрягся; импульсный бласт, казалось, сам шевельнулся под полкой рыжей пилотской куртки.

– Эй, братан! Извини, у тебя сигарет нету? Наши кончились, а в баре только местное сено... Выручи именинника!

Курить табак, как хомо, за последние пару столетий приучились многие оаонс, но Рин-Риду не принадлежал к их числу. В свободное время он мог пожевать традиционный для Иншуди хош, вдохнуть дорогой селайи из метрополии или, в конце концов, засандалить универсального межрасового алкоголя – на кислорододышащие формы жизни этиловый спирт и его растворы действовали схожим образом. Но травиться никотином, капля которого, как известно, убивает лошадь, а хомяка просто-таки разрывает на части? Нет, как говорят хомо – нема дурных! Человеческие идиомы давно стали частью мыслей Рин-Риду – он был способным разведчиком.

– С собой нет, – ответил он сдержанно. – На корабле разве что.

В жилом отсеке холодильника действительно валялась упаковка селентинских сигарет «Житаника». Пожалуй, для местного сброда они чересчур хороши, но других у Рин-Риду все равно не было. Он даже помнил, где эта упаковка лежит – на камбузе, в крайнем слева шкафу, на верхней полочке.

– Слушай, не в службу, а в дружбу – давай стоняем, а? Неохота приятелю праздник портить, день рождения все-таки! Выручай!

Рин-Риду нахмурился. Тащиться на летное поле совершенно не хотелось.

Но, видимо, придется – с этих станется и драку затеять. Или, что хуже, применить власть – младшие чины это особенно любят.

– Может, попозже, коллега? – предложил Рин-Риду уныло. – Дай хоть доесть, остынет же...

Говорил разведчик с легким офелийским акцентом, совершенно естественным.

Погранец тем временем плюхнулся на соседний стул:

– Не вопрос, рубай! Меня Лехой зовут! Держи краба!

Пришлось поручкаться.

– Значит, стоняем, да?

– Стоняем, – смирился Рин-Риду.

– Ну, спасибо! – Капрал на радостях саданул перевертышу ладонью по плечу. – Ну, выручил! Давай приканчивай пайку и побежали! Ща я тебе сто грамм налью. Выпьешь с нами? За здоровье именинника?

– Отчего же не выпить, – пожал плечами Рин-Риду. – Тем более за здоровье.

Отказываться бесполезно – подобные типы не отвяжутся, пока не опрокинешь с ними чарку, проверено. Х-хомо...

— Я ща! — Пограниец еще раз ободряюще хлопнул Рин-Риду по плечу, покачнулся, чуть не столкнул его со стула, но все же в последний момент удержал равновесие и выпрямился. — Эх! Штормит сегодня!

По-свойски подмигнув, хомо по замысловатой траектории вернулся к столу и тут же загремел там стеклом. Спустя полминуты он вернулся, держа в одной руке сразу два стакана с водкой, а в другой вилку с наколотым грибком — традиционной закуской. «Пожри тебя вакуум», — подумал Рин-Риду без особой, впрочем, тоски.

Действительно, если бы компания буйствовала и задирали окружающих, было бы хуже. А так тяпнешь с ними, выдашь сигарет — и мир навеки.

— Держи! — Капрал деловито вручил Рин-Риду один из стаканов, обернулся к своим и весело заорал:

— Зинетула! Твое здоровье!

Несколько человек в компании приветственно воздели над головами наполненные стаканы. Рин-Риду тоже приподнял стакан и вежливо кивнул.

«Хрен с вами... Сегодня можно», — решил он и одним глотком выпил водку.

В следующее мгновение лопатки ему свело мучительной судорогой, тело одеревенело и Рин-Риду изумленно сверзился со стула на керамическую плитку пола. Странно: водка была обычной, да и не отравишь перевертыша никакой гадостью, особенно если перевертыш — разведчик, метаморфизированный под задание связника-одиночки. Только в падении Рин-Риду рассмотрел невесть откуда возникшего за спинкой своего стула хомо с мощным биопарализатором в волосатой лапше.

Проклятие! Заболтал его окаянный пограничник со своей водкой, расслабился всего на миг, утратил контроль за окружением, и вот расплата.

Из последних сил Рин-Риду потянулся ртом к воротнику куртки, но шея не желала двигаться, будто и правда обратилась в неподатливое дерево.

— Не трудитесь, господин Йен-Ридт, — насмешливо сказал капрал совершенно трезвым голосом и залпом засадил свою порцию водки. — Хе! — выдохнул он спустя секунду.

— Ампулу с цианидом я срезал. Такие дела.

Рин-Риду скосил глаза, но ворот куртки толком не рассмотрел. Впрочем, судя по тому, что его имя знают, и по тому, как чисто его спеленали — можно не сомневаться: и вправду срезали.

Самым обидным было то, что даже оаонс-перевертыши не могли средствами метаморфоза убить себя: организм просто не выполнял губительные приказы. Осознанные команды в данном случае наглухо блокировались инстинктами. А значит...

А значит, контрразведка хомо вывернет его наизнанку и вынет все сведения об операции. Все связи, все данные... Манарра, как глупо... И ничего не сделаешь. Он, разведчик оаонс со стажем, превышающим суммарный стаж всего окружившего человеческого быдла, попался. Влип — хуже не придумаешь. После форсированных методов допроса порою и метаморфоз не помогает, превратят в растение, в безмозглое, пускающее слюни существо без проблеска сознания.

Но это еще можно пережить. Личная смерть — ничто.

Рин-Риду боялся представить, что смогут натворить спецслужбы хомо, воспользовавшись выбитыми из него сведениями. Ведь знал он довольно много и именно сейчас это знание было особенно важно сохранить от противников империи. Словно подслушав его мысли, хомо с парализатором в руке склонился над плененным и победно осклабился:

— Ну что, оборотень? Потолкуем о твоём папаше?

Рин-Риду не смог бы ответить, даже если бы захотел: мышцы лица и язык отказывались повиноваться.

— Упакуй его, Джарвис, — велел хомо спустя несколько секунд кому-то невидимому.

— И вколи стан, не дай боже очухается — эти твари на многое способны.

— Хорошо, Равиль. Все сделаю.

Последнее, что увидел Рин-Риду, — это сбросивший фартук бармен, названивающий куда-то по портативному коммуникатору.

«Манарра! Даже новый бармен меня не насторожил...» — подумал напоследок Рин-Риду, с трудом ворочая извилинами, и провалился в черное забытие.

СТАЦИОНАРНАЯ ОРБИТА НАД ЗАГОРОДНОЙ РЕЗИДЕНЦИЕЙ СИНДИКАТ-КЛАНА ВАЙРА-САУТА
Оа-Дирати (Иншуди), доминанта Оа

Кораблик был крохотный и неудобный. Особенно если учесть, что в кабину набилось полтора десятка взрослых мужчин немаленького размера, а рассчитан он был на троих. Да плюс снаряжение...

То есть к Иншуди с Тахира летели более или менее солидно: на клипере «Черная хризантема». Правда, клипер тоже не образец избыточной обитаемости, но все же не десантный бот. И тем более не трехместный кораблик. В полупустом фуражном трюме клипера размером со средний спортзал и жили, и ежедневно тренировались. Жила вся рота (кроме офицеров, разумеется), а тренировались только пятнадцать избранных. Избранных для... Впрочем, об этом ниже.

А вот в катерке летели уже словно маринованные сельди в банке. Противно жужжали приборчики на висках почти всех «сельдей» — трудилась защита от биосканирования. По легенде на кораблике обретались двое — сынок (он же подчиненный) будущей жертвы и абстрактный пилот, вряд ли имеющий отношение к конторе, на штурм которой шли. Натужно урчали поглотители углекислоты — еле справлялись с перегрузкой. В плане температуры было проще: легко охлаждаться, когда вокруг вакуум. В смысле, есть куда сбрасывать излишки тепла, поэтому два климатических лазера чувствовали себя вполне комфортно. Привычные к «тяготам и лишениям воинской службы» [(с) «Боевой устав военно-космических сил»], вояки даже умудрялись сидеть и лежать не друг на друге, а более или менее равномерным слоем поверх столь же равномерно распределенного снаряжения.

В десантном боте было бы куда удобнее. А тут Скотчу даже не хотелось традиционно поорать перед операцией, хотя кораблик уже заруливал на посадку.

Это не осталось незамеченным.

— Эй, начальник! — весело обратился к Скотчу бывший подчиненный еще по гражданской работе Тамура. — Зачем молчишь? Где ваши десантные заклинания? «Никто, кроме нас!» и все такое?

На операцию из «родного» взвода Скотча шло трое: Солянка, Гаваец и сам Скотч. Остальные — уже привычный по «пиратству» винегрет, хотя лица большей частью знакомые еще по Табаске. Да и «пираты» успели примелькаться, тот же подремывающий в сторонке боевой пловец.

С пиратством, впрочем, было покончено, Скотч снова стал сержантом, командиром взвода. Правда, непонятным оставался статус сего взвода. Скорее всего нынче более уместным было бы название «боевая группа спецназа». По навыкам посланный в пекло осколок взвода на это вполне тянул.

На замену экипировки времени не нашлось, да и смысла в том было немного. Так что внешне все выглядели теми же пиратами — одеты кто во что горазд, снаряжение разномастное. Похоже, это уже стало фирменным знаком сколоченной на «Флажолете» дружины. Но сержантский ор перед высадкой был такой же неотъемлемой частью операции, обязательной и нужной бойцам, как «будь здоров!» после «апчи!» Скотч перехватил ироничный взгляд Мельникова.

— В самом деле, Скотч, — поддакнул «пограничник». — Я понимаю, нет былого запала, но хоть традиции-то соблюдать надо?

Скотч решил не ломаться, только орать не стал, сказал обычным голосом:

— Ну, что, парни? Сунули нас, как обычно, в самую задницу. Глубокую, как каньон Колабрис на Дельте Росомахи, или даже глубже — хотя куда уж глубже? Не знаю, что там за кашу заварили на этот раз высокие адмиральские чины... Тем не менее постарайся эту кашу расхлебать, причем стараться будем по полной программе, без дураков. Ибо судьба наша такова... и более никакова. Если бы в нас не верили, не послали бы сюда, верно? Так что, давайте хором: никто, кроме нас! Ага?

— Никто, кроме нас! — дружно отозвались все. Почти все. Тоже нормальными голосами, без крика. Впервые на памяти Скотча в этой войне.

— А ты чего молчишь, ихтиандр? — Солянка поддал локтем под ребра дремлющему боевому пловцу. — Вон, даже Валти за штурвалом — и тот поддержал! Бери пример. Пловец, не разлепляя век, степенно проинформировал:

— У нас в таких случаях говорят иначе.

— У кого — у вас?

— У подводников.

— И как же говорят у подводников?

— Нас мало, но мы в тельняшках.

Полосатый тельник действительно выглядывал из распахнутого ворота спецкостюма пловца.

— Ну, так говори!

Пловец разлепил один глаз и покосился на Солянку.

— Я уже сказал. А повторяться у нас не принято.

Глаз закрылся.

— Между прочим, — глубокомысленно заметил Костя Цубербюллер, — высказывание ничем не хуже. Извини, Скотч, я ведь тоже не десантник.

— Мне порой кажется, что десантником я был в прошлой жизни, — сокрушенно вздохнул Скотч. — Но сегодня мы все — точно десантники. Расчет помним, орлы? Орлы помнили.

Уповать на личное знакомство с Нути-Нагути (какой-то шишкой во вражеской разведке, как шепнул по секрету Мельников) явно не приходилось: перевертыш за время, прошедшее после «Экзотик-тура», явно успел не один раз метаморфизироваться, по внешнему виду не опознаешь. Однако вводная гласила, что на территории резиденции окажется не так уж много мужчин и что большинство из них — внешняя охрана. А вокруг резиденции на десятки килоунов сплошная песчаная пустыня, раскаленное рыжее пекло умеренного пояса планеты Иншуды.

Что творится в экваториальном поясе Иншуды, Скотчу даже представлять не хотелось.

Задание выглядело сумасбродным и суицидальным по всем статьям. На крошечном кораблике сунуться в самое логово врага. Высадиться на одну из ключевых планет, в резиденцию разведки и захватить там главу резиденции. Силами одного отделения! В военное время! Каково, а?

Полгода назад Скотч расхохотался бы, слушая подобную вводную. А сейчас упрямо выслушал и молча кивнул — понял, мол.

Впрочем, на задание шли Мельников и его неразлучный спутник-погранец. В одной компании с ними Скотч перестал удивляться, напрочь. На что-то же они надеются, черти их поберут?

Кораблик не расстреляли на подходе к планете, чего втайне боялся Скотч. Даже запрашивать ничего не стали — передали посадочный коридор и перестали обращать внимание. Да и сядут десантники скорее всего без помех. А вот дальше...

Затем по идее должен был начаться форменный цирк. В жестко определенное время, практически в момент посадки десанта, из-за барьера должны были вывалиться шесть боевых роботов и сжечь стационарные спутники над резиденцией. Почему вводная полагала, что ломающихся из-за барьера роботов не заметят и тем более позволят им жечь спутники, Скотч тоже не понимал. Дальше у боевой группы оставалось примерно четверть часа на поверхности, чтобы смять охрану, перетряхнуть резиденцию и пленить Нути-Нагути, после чего группа с пленником должна была эвакуироваться на другом корабле, которому еще только предстояло сесть здесь же. Или, как гласила вводная, «уйти иным способом». Причем иным способом — вероятнее.

Вот такая вот операция. Вероятно, выполняемая. И, вероятно, выполнить ее могли действительно только они: отмеченные Табаской и запечатленные на генераторе исчезнувших Исполинов. Они — и те немногие, кто имел несчастье повстречаться на их пути.

Они — и никто, кроме них.

2

— Касание! — выдохнул Валти, выбираясь из кресла и меняя пилотский шлем на боевой. — Открываю шлюз!

— Начали, орлы! — отрывисто скомандовал Скотч и первым незримой тенью выскочил в печной ад Иншуды.

Без сомнения, слабые блики включенного камуфляжа напрочь потеряются в «пляске призраков», как именовали перевертыши воздушное марево над раскаленными песками пустыни. Это плюс.

Станный десант на планету оаонс вошел в активную фазу.

Кораблик сел внутри периметра резиденции, точно в центр круга из спекшегося и отвердевшего, словно пенобетон, песка. Никто из землян уже толком и не помнил, что такие вот круги (правда, не такие геометрически безупречные) оставались после посадки любого древнего космического корабля-прямоточника. Даже после того, как Земля была признана галактическим союзом и получила антигравитацию, ветераны-прямоточники еще какое-то время использовались весьма активно. Но с тех пор прошло больше пяти веков.

Метрах в трехстах от посадочной площадки виднелись невысокие строения, разбавленные реденькой, с отливом желтизны, зеленью, но на фоне окрестных дюн это место казалось сущим оазисом. Да оно и было оазисом, с запасами воды,

климатическими установками, мощными охладителями и прочими прелестями цивилизации. Непокорная природа оказалась временно вытеснена за пределы огороженной территории, но при мимолетном взгляде на дюны сразу становилось понятно, сколь зыбко владычество разума на этом пятачке внутри периметра и насколько легко пустыня может ворваться сюда и мигом вернуть все на круги своя. По дорожке к месту посадки катера направлялись двое местных; с такого расстояния было видно только то, что они облачены в светлые одежды.

Но оба вооружены, в этом можно не сомневаться ни секунды.

Десантники действовали по отработанному за две недели перелета на «Черной хризантеме» сценарию: почти все, кто в камуфляже, резво разбежались в разные стороны, но посадочную площадку не покидали – возникающие в сыпучем песке следы выдали бы их с головой. Мельников, камуфляжа не включавший, медленно вышел из корабля. Он шагал с трудом, держась рукой за все еще прохладную обшивку кораблика, и вдруг сполз на песок у самого шлюза, словно его оставили силы. Двое на дорожке это видели и, естественно, обеспокоились: перешли с размеренного шага на бег. Добежали они быстро, примерно за минуту.

Хитрец Мельников упал так; что снаружи осталось туловище и ноги, а верхняя часть корпуса пряталась в шлюзе. Да к тому же упал он лицом вниз – максимально оттягивал момент узнавания. Точнее – неузнавания, момент, когда охранники поймут, что прилетел вовсе не сынок резидента. Второй бескамуфляжный, напарник-погранец, напялил пилотский шлем и склонился над Мельниковым – с понтом, помощь оказывал. Скотч с Гавайцем, которые невидимками стояли на подхвате, все это уже несколько десятков раз отрабатывали на тренировках и не могли не признать: выглядело сие представление очень правдоподобно.

Охранники так ничего и не заподозрили. И сообразить успели не больше. Скотчу с Гавайцем работы вообще не досталось: Мельников с товарищем синхронно взяли обоих, никто даже не пикнул. Секунда – и перевертыши с прожженными насквозь головами были втянуты внутрь корабля. Одежду с них моментально содрали; Мельников с напарником облачились, а Скотч с Гавайцем отключили боевой камуфляж – теперь прибывших пилота и резидента предстояло изображать им. Скотч, играя роль то ли уставшего, то ли раненого, шел подволакивая ноги и держался за плечо Мельникова, а Гаваец бурно жестикулировал на ходу, словно объяснял какие-то неожиданные маневры корабля. Движения его точь-в-точь напоминали пассы пилотов-истребителей, которые с одиночек.

Собственно, Гаваец и бормотал на ходу нечто пилотское: «Захожу я ему в хвост...» Жучков с микрофонами и прочей дрянью на одежде охранников не было – проверили, поэтому Гаваец мог молотить любую чушь, любую рыбу, хоть детскую сказку в изложении старого пропойцы.

Остальная часть группы побежала вперед, стараясь не ступать на неспекшийся песок.

Когда одолели примерно полпути ко внутреннему периметру, Мельников негромко сообщил:

– Спутникам над нами хана. Роботам тоже.

Ему никто не ответил.

У антикварных ворот с механическим приводом поджидали еще два охранника; едва четверка актеров-импровизаторов приблизилась настолько, что подмену смогли бы распознать, охранников у ворот сняли ушедшие вперед невидимки. Сняли столь же быстро и безжалостно, ибо другого выхода попросту не было: война есть война, особенно если действуешь в глубоком тылу противника.

Теперь медлить и прятаться не имело смысла: за воротами наверняка велось видеонаблюдение. Вопрос лишь насколько тщательное. Десантники рванулись во внутренний дворик – к центральному входу, к двум боковым, через перила на веранду. Шарахнулся с дороги согбенный перевертыш с подносом в руках – его на бегу пристрелил один из Суондредов. Скотч, Гаваец и Мельников с напарником расстояние до ворот преодолели коротким спринтерским рывком.

Дальняя резиденция одного из влиятельнейших кланов доминанты Оа занимала довольно обширную площадь, но зато была малоэтажной: надземная часть практически везде имела лишь один уровень, только кое-где возвышались округлые, похожие на половинки гигантских яиц, двухэтажные купола, каждый с отдельной лестницей. Подземная также имела один уровень, кроме центральной области: там крылись еще какие-то помещения уровнем ниже, но об их назначении вводная умалчивала. Логично было предположить, что там вход в какой-нибудь бункер. Именно этот бункер следовало отрезать в первую очередь: к лифту на подземный уровень прорвались

четверо братьев-Суондредов, однако массивный силовой шлюз был уже заперт, и, судя по всему, изнутри.

Остальные десантники сражались с охраной. Довольно многочисленной: в самом начале операции были убиты четверо охранников; в фазе прочесывания — еще десятка два, а когда стало понятно, что главы резиденции на обследованных уровнях нет, отбиваться продолжали еще шесть-восемь. Волновой камуфляж перевертыши не использовали — видимо, чисто военное оборудование было у них не в чести. А напрасно: к моменту, когда пристрелили последнего оаонс в светлой униформе, все нападавшие были живы, хотя довольно неприятное ранение в бедро получил пилот Валти, да Мистеру Литтлу попали из плазменника в руку. Защита сработала, но сильнейший ожог Мистер Литтл таки схлопотал.

Хуже было другое: по сути дела, операция закончилась крахом. Да, они захватили объект; да, нейтрализовали охрану, а уцелевших перевертышей из obsługi и еще какой-то непонятный народ, включая женщин и детей, заперли от греха подальше в подвале. Нути-Нагути и шестерых его ближайших подчиненных не оказалось ни среди пленных, ни среди убитых. По крайней мере так сказал мрачный, как туча, Мельников. Перед тем как раздавить ногтем шарик пси-семафора.

Они застряли в самом логове врага и неизвестно было — успели охранники сообщить куда-нибудь о нападении или нет. Предполагать, ясное дело, следовало худшее. Из-за малонаселенности Иншуди десант получил некоторую фору: вряд ли кто мог поспеть в это дикое место раньше локальных двух часов. Однако над резиденцией наверняка соорудят силовой щит, да и парочку военных кораблей на орбиту подвешат. Второй раз трюк с туземным катером не пройдет, это яснее ясного. Что оставалось? Ждать свой бот, который тоже скорее всего не выпустят, даже если бот умудрится прорваться и сесть? Так ведь Мельников уже отсемафорил: операция провалилась. Станет ли бот вообще садиться, подвергать экипаж неоправданному риску? Вряд ли. Значит, десанту остается только «иной способ», о котором издевательски умолчала вводная.

Все взгляды невольно скрестились на «пограничниках».

— И что теперь, а? — спросил Солянка. Вопреки ситуации уныние в его вопросе вовсе не сквозило. Скорее — любопытство школяра-игромана, завершившего очередной уровень квеста и теперь изучающего следующий.

— Первым делом — не паниковать, — ответил Мельников буднично. — Уж извини за банальность. У кого сканер? Давай сюда!

Боевой пловец подал Мельникову кругляш биосканера.

— Так... — Мельников принялся разбираться с приборчиком. — Где тут переход по высоте? Ага, вижу... А позиционирование?

— Снизу, — пробасил пловец.

Мельников перевернул плоский, как коробочка с леденцами, сканер дисплеем вниз.

— Ага, понял... Хм! А нас почему видно, у нас же защита?

— Прибор-то тоже наш, как и защита.

— Однако! Ладно, это мы, это пленные... Трупы как исключить?

— Пока никак, жарища тут, остынут не скоро. Смотри по положению — если продолговатый сигнал, значит, валается. Если округлый — стоит.

Мельников некоторое время манипулировал с прибором.

— Зараза... Второй подземный уровень не берет.

— А что ты хотел? — пожал плечами пловец. — Это ж портативка.

— Боюсь, что нижний бункер и стационар не взял бы, — мрачно предположил Скотч. — Вы шлюз видали? Такие на пустотные десантовоы ставят, причем снаружи. А что ты, собственно, пытаешься выяснить?

Мельников вернул сканер пловцу и задумчиво поскреб небритый подбородок.

— Видишь ли, Скотче, — смилостивился и объяснил он. — Нижний бункер — это, собственно, жилой модуль на сверхмалом икс-приводе.

«Так вот что это за „иной способ“...» — запоздало догадался Скотч.

— ... и от того, заперся ли там Нути-Нагути со своими прихвостнями или же нам круто подфартило и мы приперлись просто в его отсутствие, зависит наше дальнейшее поведение. Шлюз, я так понимаю, приступом не возьмешь?

— Правильно понимаешь! Хотя из десятка тазеров пали, — заверил Гаваец, оживленно прислушивающийся к разговору.

Пятнадцать десантников собрались в центральном холле резиденции, у лифта на нижние ярусы. Со стороны веранды неспешно втекал горячий сухой воздух Иншуди. Невидимость они отключили — переговоры с пустотой практически всем действовали на нервы.

— Так, братцы! — Мельников быстро справился с ситуацией — это был уже не разочарованный неудачей, хмурый, небритый и невыспавшийся тип, а хищник, идущий по следу, целенаправленно и холодно. — Комплекты отключить вообще, не только камуфляж. Экономим энергию.

— Так поджаримся же! — недовольно заметил Арнольд Суондред.

— Не карамелька, не растаешь, — оскалился Мельников. — Лучше прикинь, что будет, если мы сейчас вместе с этим особнячком скакнем куда-нибудь в открытый космос. Светолет эдак за двести.

Суондред умолк — аргумент был весомее некуда. Десантники гасили комплекты до режима тревожного ожидания — если они все действительно вдруг окажутся в вакууме, комплекты включатся раньше, чем люди погибнут.

— Тамура! Ты у нас вроде диспетчером на космодроме раньше подвизался? — продолжал руководить Мельников.

— Было такое, — подтвердил черноволосый малыш Тамура.

— Аппаратный зал у них во-он в том куполе! Давай туда, осматривайся пока.

— Понял!

Тамура с готовностью убежал к лестнице — здешние лифты ходили только под землю.

— Вы, мушкетеры! — Мельников звонко хлопнул в ладоши, глядя на близнецов. — Уж извините, я вас путаю. Бейтесь на две пары и в охрану — двое к подвалу с пленными, двое к шлюзу.

— Есть!

Братья Суондреды оставались военными даже на Тахире. Язык приказов — это был их язык, наиболее понятный и близкий.

— Кто из нас соображает в медицине хоть что-нибудь? Сойдет диплом ветеринара.

Соображающих оказалось достаточно: во-первых, Скотч — еще со времен работы гидом ему приходилось врачевать особо ретивых туристов. Аналогичные навыки имел и Солянка, ибо на Табаске был спасателем. Валти, как третий из «Экзотик-тура», в общем и целом отпадал — сам был ранен и до собственного бедра ему трудновато было добраться, ибо импульс пришелся аккурат под ягодицу. Зато кое-что в излечении ран соображал Костя Цубербюллер, в прошлом бывалый турист. Мистером Литтлом и Валти занялись совместно и безотлагательно, прямо в холле.

— Гаваец, Рагназь... Скотч, отдай аптечку соседу, ты мне нужен. И ты еще. — Мельников указал на пловца. — Давайте наружу, крестиком. Наблюдение — поверхность, небо.

Скотч кивнул, оставил раненых на попечение Солянки с Цубербюллером и подошел к остальным, назначенным во внешнее охранение. Хватило пары быстрых взглядов, чтобы разобрать направления, после чего четверка разошлась в разные стороны. Шаге на пятом Скотч услышал, как Мельников негромко обращается к своему безымянному напарнику:

— Ты в кораблик дуй... И чуть что...

— Знаю, — буркнул напарник. — Мухой...

Многословием он никогда не страдал.

Сам Мельников текучим аллюром хорошо тренированного человека взлетел по лестнице туда, где недавно исчез Тамура. Но любоваться его движениями было уже некому. Вскоре Скотч с изумлением обнаружил, что растерянность его волшебным образом улетучилась. Чуть позже он догадался почему — когда личный состав при деле, теряться некогда. Первая сержантская заповедь. Даже странно, что он сам сначала растерялся, вроде как по чину не положено.

Но с другой стороны, когда не владеешь информацией в достаточной мере — командовать невозможно. Именно поэтому ситуацию быстро и жестко разругил Мельников, больше разругивать было некому. А Скотч ощутил, в который уже раз, что просто подчиняться и выполнять приказы куда легче, чем самолично принимать решения.

Впрочем, к принятию решений его и не допускали, умело отсекая от информации. Может, оно и к лучшему? Многие знания рожают большие печали. А если по-простому, по-солдатски — меньше знаешь, крепче спишь. Проверено временем.

Скотч не успел как следует обдумать все это, устроившись на веранде второго уровня и разглядывая серо-рыжие дюны, безжизненные и прожаренные сумасшедшим солнцем Иншуды. Минут через пятнадцать рысцей прибежал Костя Цубербюллер.

— Скотче! Тебя Мельников в аппаратный зовет. А я тут вместо тебя понаблюдаю.

С готовностью подцепив бласт за ремень, Скотч встал:

— Как там Валти с Литтлом?

Цубербюллер махнул рукой:

— Жить будут. Хотя если Литтл соберется на конкурс красоты — придется пересаживать кожу.

— Ну и ладно, — кивнул Скотч и поспешил к лестнице.

В аппаратном Мельников, Тамура и Валти сообщали колдовали над стандартным диспетчерским пультом. Валти сидел на краешке кресла — усестся по-нормальному мешала рана. На штанине виднелись неопрятные потеки лечебной биопены.

— Не, — убежденно сказал Тамура, глядя в развернутый перед пультом видеокуб, — это не наши. Стопудово.

В видеокубе стремительно мелькали столбцы каких-то данных и периодически вспыхивали несложные символы, вроде обозначений на тактических картах.

— А это? — допытывался Мельников.

— А это мусор. Может, остатки спутников, может, наших роботов.

— А тут?

— Это орбитальный лазер, он аж над экватором, не обращай внимания.

— Ага... Вот дьявол! Они что, вообще не финишировали?

Вероятно, Мельников занимался поисками десантного бота, хотя зачем это было нужно, Скотч не брался предположить.

Его появление не внесло никаких изменений — Мельников все так же дотошно тыкал пальцем в куб, а Тамура шевелил пестиком позиционирования и объяснял. Изредка вклинивался Валти и что-нибудь комментировал.

Скотч довольно быстро заскучал и направился к свободному креслу. Но едва он уселся, Мельников неожиданно прекратил изыскания, взгромоздился на стол и проникновенно сообщил:

— А ведь это беда, братцы! Похоже, нас кинули.

Задавать вопросы было бессмысленно, все присутствующие это знали. А Мельников продолжал дозировать информацию наперстком:

— Такое впечатление, что нас сунули в заведомо пустую нору просто в качестве отвлекающего маневра! Причем вытаскивать нас отсюда с самого начала никто не планировал.

— И что? — едко спросил Скотч. — Твоя контора с тобой так поступает впервые?

— Сомневаюсь. — Мельников соорудил сожалеющую гримасу — поджал губы, приподнял брови. — Собственно, уже в текущей фазе так поступали трижды, но как-то всегда удавалось выкрутиться. Да и раньше удавалось, раз жив пока. Но я тебя уверяю, Скотч: гробить таких бравых погранцов контора не стала бы. Достаточно было послать только вас. Нет, тут что-то другое.

— Да что другое? — взорвался Скотч. — Через час примчится глайдер с регулярной армией и нас тут перемешают с песком! Запекут! Десантура гриль — видал когда-нибудь?

— Ну, положим, это не так легко будет сделать... — Мельников машинально поскреб небритый подбородок. — Я тут пару каких-то громыхалок на турелях видел. Внизу. Думаю, разберемся... если поднимем.

— Чего? В каком смысле — поднимем?

— В прямом. Здоровые больно. Можем не дотащить.

— А почему бы не поспросить местных? — подал идею Валти. — С пристрастием?

— Да это шпаки, сразу видно. Канцелярщина какая-то или, что вероятней, родственники. Судя по детям. Только изуродуем зря. Что они могут знать?

— Например, куда делся наш несостоявшийся пленник. Раз семью с собой не забрал, значит, никаких опасностей не предполагалось, верно?

Валти был довольно логичен, не отнять.

— Оно-то верно, — вздохнул Мельников без энтузиазма. — Да только мало нам поможет. Ладно, скажу, чтоб не маялись: групп, подобной нашей, высажено аж шесть. На различные одиночные объекты, судя по всему, проходящие по тому же ведомству. Нас должны подобрать — по идее — с шумом, помпой и фейерверками.

— Это на Иншуди-то? — не поверил Скотч. — На второй по значимости планете перевертышей? С помпой? Ой ли...

— Ага, на ней. Ты не знаешь, тут драчка была недавно, мы все тогда на Тахире куковали. Население эвакуировано на Оа, остался только боевой резерв да зондеркоманда. И эти... которые зараженные области деактивируют, как их? Скелетики, в общем.

Скотч недоверчиво покосился на видеокуб, словно и впрямь рассчитывал увидеть там фейерверк.

— Слушай, Мельников, — сказал он тягуче. — Из нас что, сознательно идиотов делают? Я вообще не представляю, в какой фазе сейчас война, трудно, что ли, сообщить?

— Идиотов из нас сделали в момент выдачи военной формы, — огрызнулся Мельников. — Думаешь, мне говорят больше твоего? Ага, шаз! Самому приходится вертеться. Откапывать, доходить...

— Ну и что ты, блин, накопал? Что вообще происходит? Можешь объяснить? И что, разрази гром эту Иншуди, нам делать дальше?

— А не знаю! — беспечно сказал Мельников. — Думаю, заранее вытащить эти хрени турельные на веранды. Авось пригодятся. Пошли, нечего тут больше делать. Ждем пси — авось дадут весточку.

Следующие полчаса пришлось попотеть не по-детски, тем более в таком климате, потому что Мельников категорически запретил пользоваться антигравами — те заметно сажали батареи, коих было немного. Турельные, как выразился Мельников, хрени оказались магнитодинамическими орудиями, малозффективными в миниатюре, но имеющими попросту убийную мощь при укрупнении размеров, причем увеличение диаметра основной кольцевой спарки вдвое давало восьмикратный прирост мощности. Куб то бишь. Вот какие-то умельцы и не постеснялись, изобразили мастодонтов в ненатуральную величину — с укрупнением, не стесняясь. Пришлось мобилизовать рабскую силу — всех пленников-мужчин, даже двоих подростков. В процессе перетаскивания третьего орудия один из подростков попытался выхватить из кобуры Скотча бласт. Оторвать подростку голову помешал Мельников — иначе Скотч не стал бы сдерживаться.

Когда последнее орудие обратило жерло ствола в сторону пустыни, Тамура нашел в транспортном ангаре рабочий местный антиграв и десант минут пять увлеченно изрыгал проклятия на полудюжине языков.

Потом Мельников какое-то время изучал задраенный шлюз на второй подземный уровень — даже ухо прикладывал и вслушивался, как будто рассчитывал что-либо услышать. Скотчу его художества давно надоели, а поскольку Мельников больше ничего не рассказывал, сержант на все плюнул, реквизировал Солянку и пошел обследовать камбуз под предлогом, «если жрать не хочется прямо сейчас, значит, захочется очень скоро».

С момента атаки прошло почти три часа, а про их души так никто и не явился. Ни свои, ни чужие.

И неизвестно, что было обиднее.

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «ОГАСТЕС ФЛИНН», ФЛАГМАН ФЛОТА СЕЯТЕЛЕЙ Система Офелии, периферия, доминанта Земли

1

Адмирал Фисуненко не спал третьи сутки кряду. Глаза и щеки командующего миниатюрным союзным флотом ввалились, и сейчас он все больше напоминал умудренного годами старца, хотя был одним из самых молодых адмиралов доминанты. Флот его по-прежнему выглядел игрушечным: после не слишком приглядного по меркам межзвездного права вторжения на Тахир и захвата тысяч генераторных пар количество подчиненных кораблей даже уменьшилось: один из четырех клиперов пришлось оставить вблизи разграбленной планеты. Фисуненко краем уха слышал, что надолго клипер «Черная хризантема» вблизи Тахира не задержался: опальных пиратов-десантников сначала вроде бы оставили в качестве экспедиционного корпуса (хотя больше все смахивало на попытку держать этот разномастный, но весьма боевитый сброд подальше от доминанты Земли). Однако едва флот Фисуненко отбыл по новому назначению, сменив заодно и название с флота вторжения на флот сеятелей, «Черная хризантема» спешно погрузила упомянутый сброд в плохо приспособленные для этого трюмы и канула за барьер. Вроде бы сначала она направилась на базу «Флажолет», а потом еще дальше, в рейд по тылам перевертышей. Впрочем, Фисуненко полагал это скорее слухами: рейд на единственном клипере по тылам противника — фантастика та еще.

Вскоре после старта к флоту сеятелей присоединилась целая туча гражданских кораблей — большей частью человеческих, хотя довольно много было также кораблей свайгов и цоофт. Почему-то ни единого корабля не прибыло от а'йешей. Каждый из гражданских кораблей погрузил на борт несколько распарованных генераторов и отправился по индивидуальному маршруту. Никто из сеятелей не знал, на каком именно корабле едут комплиментарные погруженным генераторы и куда будет вести нуль-коридор, один конец которого им предстоит установить. Союз делал все, чтобы

неизбежные утечки дали противнику как можно меньше информации. По всей видимости, даже захват непарного генератора шат-тсурами или перевертышами рокового значения уже не имел: счет пошел на дни. Если в течение ближайших земных недель сеть рабочих тоннелей будет успешно развернута, имперцам конец. Но имперцы это понимают ничуть не хуже адмирала Фисуненко, поэтому предстоящие недели будут трудными.

Надо побеждать; к концу операции галактика-1 будет напоминать гигантский кусок сыра, испещренный дырами-коридорами, но союз пяти высших рас заведет совершенно новые отношения с пространством, временем и расстояниями. Отныне за несколько нуль-переходов можно будет пересечь галактику из конца в конец. Раньше на это уходило несколько недель. Теперь достаточно будет нескольких суток, причем основную часть времени сожрут переходы от финиша одного коридора к стартовому створу другого.

Дмитрий Фисуненко представлял и действия коллег-военных: в метрополию шат-тсуров и оаонс забрасывается одинокий корабль с генератором на борту, подбирается максимально близко к планете противника, активирует коридор, и в самом сердце империи начинает финишировать объединенный флот. Картина боевых действий настолько ярко разворачивалась перед мысленным взором адмирала, что впору было писать эпическое полотно «Закат империи». Лишь об одном сожалел Фисуненко: ему вряд ли доведется участвовать в разгроме скелетиков и перевертышей лично. Флот сеятелей, конечно же, останется в стороне, в тени, до полной победы. Разумеется, это оправданно. Разумеется, это неизбежно.

Но так хочется отдать команду: «К бою!» и прильнуть к тактическому пульту! Адмирал вздохнул, потер раскрасневшиеся глаза и развернул в видеокубе очередной график. Работа сеятеля рутинна и с виду совсем не героична. Однако именно от сеятелей сейчас зависит судьба галактик — теперь уже двух. Империя или союз. Диктатура или свобода. Люди, свайги, цоофт, а'йеши и почти истребленные азанни — или поющие скелетики шат-тсуры и оаонс-перевертыши. Кто кого?

НАУЧНАЯ СТАНЦИЯ «БОРО-БОРО», 329-й ПРОЕКТ
Гелиопауза, наветренный радиус, граница Солнечной системы

1

О приближении неприятеля инженер Нери Йонас узнал из утренней летучки. Всему исследовательскому комплексу предстояло эвакуироваться, поэтому никакой работы — только предотлетная суэта, судорожные сборы и неприятная пустота в груди. До сих пор война ученых и инженеров касалась мало — разве что тем, кто не занимался вооружениями напрямую, сильно урезали ассигнования и дотации, в остальном же приходилось как обычно пахать на науку. Йонас и пахал. На университетскую степень он в свое время не сподобился, зато стал очень неплохим инженером, за что его с охотой и взяли в проект, форпост человечества в открытом космосе, в место, где солнечное притяжение уравнивается и с давлением солнечного ветра, и с притяжением соседних звезд. Проект располагал несколькими научными станциями, на которых имелось достаточно капризной аппаратуры, чтобы Йонасу некогда было скучать. Станции растянулись цепочкой от зоны гелиопаузы до границы ударной волны.

Накануне Йонас прилетел на своем драндулете на самую дальнюю станцию, лабораторию холодного лития и синтеза «Боро-Боро», где весь день промаялся с забарахлившими конвекторами в базис-системе. Дальше «Боро-Боро» болтались только семь заброшенных, кое-как тлеющих микросолнц работы а'йешей, кое-какой земной мусор да древние орбитальные лазеры, вывезенные от греха подальше из Солнечной. Девать их было некуда, демонтировать накладно, вот и бросили там же, где в свое время бросили микросолнца и управляющий модуль к ним. На самой заре проекта кто-то додумался одно микросолнце активировать и разогреть процентов до тридцати пяти мощности — его светом и теплом и пользовались ученые проекта триста двадцать девять.

В принципе микросолнца а'йешей были неплохой задумкой — для своего времени, разумеется. Сами а'йеши прекратили их производить и пользоваться тысячи три лет назад; со входом доминанты Земли в высший галактический свет люди получили много знаний, которые для галактов были днем вчерашним, а для людей — в лучшем случае

послезавтрашним. Однако технологии будущего люди освоили на удивление быстро и натякали в своих планетных системах этих микросолнц видимо-невидимо – практически каждое искусственное поселение зажигало миниатюрную звезду рядом с собой. Позже вопрос освещения и обогрева решился много удачнее и экономнее; многие микросолнца были погашены и демонтированы, однако многие просто брошены на произвол судьбы. Предоставленные самим себе, микросолнца постепенно угасали. Примерно на пятнадцать – двадцати процентах мощности они впадали в самоподдерживающуюся полосу стабильности и в таком состоянии просуществовали лет по пятьсот – восемьсот. Очень часто около брошенных микросолнц образовывались свалки; искусственные светила, случалось, поглощали мусор и бесплатно для человечества утилизировали. Эти комки управляемого мезовещества имели размеры примерно с километр в поперечнике и умели излучать в достаточно широком спектре. Здесь, на границе родины человечества, рядом с семеркой микросолнц бросили много чего – и комплект орбитальных лазеров вместе с централизованным управленческим модулем, похожим на здоровенный бублик, и десятка два древних прямоточных кораблей в совершенно убитом состоянии (прижимистый завхоз 329-го проекта долго донимал инженеров просьбой покопаться в этом хайтековском ломе и свинтить из многих хотя бы один действующий катерок, однако ничего путного из этой затеи так и не вышло). Остальной мусор носил невыраженный характер и легко описывался словосочетанием «разнообразная хрень» – от гроздьев отработавших свое батарей до использованных модулей жизнеобеспечения.

Так случилось, что армада имперцев перла прямо на эту свалку и, соответственно, на все станции проекта. На эвакуацию военные дали шесть часов; уже через полчаса после ее объявления в окрестностях «Боро-Боро» вынырнул малый конусный баградитель и принялся утюжить пространство вблизи – Йонас не уловил цели этого барражирования.

Мысли Йонаса были заняты совершенно иным. Во-первых, ему не хотелось уезжать, потому что работу свою Йонас любил, да и платили весьма прилично, а мечта купить домик где-нибудь в курортной зоне Венеры его не покидала последние года три. Чертова война расстроила все планы – платить стали ощутимо меньше, а теперь и вовсе, считай, лишали возможности заработать.

Раздражение Йонаса было столь велико, что, объяви военные набор добровольцев, он взял бы в руки оружие и пошел бы кромсать скелетиков с превеликим удовольствием. Вражеская армада, по слухам, была довольно велика. Поэтому мысли о способах насолить агрессору одолевали Йонаса с самого утра.

Он был человеком последовательным, поэтому первым делом задумался: а что могло на «Боро-Боро» и соседних станциях послужить оружием? Да еще таким, чтобы оно представляло хоть какую-нибудь угрозу для агрессора – романтиком Йонас не был и фразу «взять в руки оружие» понимал вовсе не буквально и с шашкой на лучеметы ходить отнюдь не собирался. Ответ был, увы, неутешительным: оружием не могло служить ничего. Даже пресловутые орбитальные лазеры – чтобы накачать их до боевого состояния, требовалась пропасть энергии, которую нужно было откуда-нибудь взять. Насколько Йонас помнил, накачивали их близкими ядерными взрывами. Стало быть, лазеры эти почти наверняка были рентгеновскими. Увы, суммарная энергетическая мощь проекта вряд ли намного превосходила даже взрыв первой в истории Земли атомной бомбы, сброшенной в древности на Японию. Ну не занимался триста двадцать девятый энергоемкими процессами!

Однако довольно быстро Нери Йонас обратил взор на тлеющие неподалеку микросолнца. Эти косматые километровые шарики, в сущности, были стутками энергии, в их недрах шел медленный синтез. Йонас сунулся в служебную сеть, нарыл документацию по лазерам и микросолнцам и прикинул мощности. Получался перекоп: если запустить лавинную реакцию, микросолнце взрывалось и выделяло энергии просто дофига, но, во-первых, освобождалась она бесконтрольно и, во-вторых, во всех направлениях. Если Йонас не ошибался, взрыв микросолнца вряд ли бы доставил много неприятностей даже среднему военному кораблю, например атмосферному крейсеру, особенно укутанному защитными полями. А вот малые корабли и сверхмалые одно-трехместные катерки пострадали бы сильно, правда, лишь в непосредственной близости от взрыва.

Лазеры умели концентрировать энергию в пучок и лупить по неприятелю прицельно. Но оперировали они несколько иными величинами, лавинные реакции микросолнц убили бы эти лазеры в момент импульса. Однако, вчитавшись в документацию, Йонас с некоторым изумлением осознал, что орбитальные лазеры, собственно, и делались конструктивно одноразовыми – они испарялись сразу же после залпа и вследствие его.

Впрочем, до Йонаса быстро дошло, что даже один солидный лазерный залп по врагу — тоже хорошо. Тем более единственным взрывом можно попытаться накачать сразу все лазеры — все тридцать две штуки. И управлялись они с центрального модуля, как автономно, так и синхронно.

Вокруг суматошно собирались-складывались коллеги, а Нери Йонас неподвижно сидел перед сетевым терминалом и терпеливо вгрызался в необъятные файлы документации на лазеры и микросолнца.

В сущности, мысль его была проста и возникла только благодаря странному стечению обстоятельств: микросолнца и лазеры обнаружили бок о бок, на одной свалке.

Накачивать орбитальные лазеры таким варварским способом не пришло бы в голову никому, как никому не приходит в голову забивать гвозди утюгом или подставкой настольной лампы, хотя на практике это вполне возможно.

Наверное, Йонас удивился бы, если бы узнал, что у физиков-оптиков уже несколько веков в ходу фразочка «забивать гвозди лазером». Но физиков-оптиков, дабы поведать об этом, рядом не случилось.

Йонас так увлекся, что не заметил, как прошли три часа из отпущенных на эвакуацию шести. Он выяснил, что система лазеров удивительно удачно сконструирована под его идею — возможно, Йонас, как и многие до него, просто стал очередным изобретателем очередного велосипеда.

В общем и целом, орбитальный комплекс походил на гигантское беличье колесо, по окружности которого располагались переключатели стержней-лазеров. На некотором, очень небольшом, расстоянии от тыльной окружности располагались область взрывов и область обращения волнового фронта — еще одно колесо. Взрывы тщательно синхронизировались с каждым из тридцати двух лазеров. Центральный управленческий модуль обыкновенно удаляли на безопасное расстояние — камикадзе среди конструкторов комплекса явно не было.

В общем, вскоре Йонас понял, что теоретически он может даже попытаться взорвать одно микросолнце прямо внутри колеса, но так и не придумал, как его туда поместить. С беличьим колесом было проще — его так и не пограбили на стандартный модуль сопряжения с любым транспортником, имеющим на борту самый обыкновенный икс-привод. Однако икс-привод кораблика Нери Йонаса, понятное дело, был сверхмалым и категорически не годился в качестве транспортного. Да и рассчитать столь короткий прыжок тривиально не хватало времени — прошло уже три часа.

Конечно, можно было не заморачиваться — мощность взрыва, как известно, убывает с кубом расстояния, и рвануть микросолнце вообще черт-те где, мощности взрыва по идее должно было хватить — но тогда не получалось корректно накачать отдельные лазеры, в силу каких-то особенностей распределения пучков, сути которых Йонас не уловил, не хватило знаний. Зато он быстро прикинул граничное расстояние от взрыва до комплекса, соотнес его со сферой безопасного приближения к микросолнцу и в очередной раз удивился, насколько все опять гармонично срослось.

Тогда он потихоньку позвонил Гектору О'Риди — механику транспортника с «Боро-Боро» — и поинтересовался, как ведет себя его чертов катамаран с каким-нибудь грузом на буксире. О'Риди посмотрел на него, как на больного, и сообщил, что буксиры бывают только при ненулевом тяготении. Невзирая на антигравитацию. «А если очень надо?» — поинтересовался Нери Йонас.

Гектор О'Риди, пилот-ас по прозвищу Ювелир, до сих пор не угодил в боевой флот только по одной причине — у него не было левой руки и кораблем он управлял при помощи индивидуально напыленного нейрочипа в голове. Солнечная еще не дошла до той грани, когда на войну забирают даже инвалидов, а поработать на гражданке Гектор согласился сразу и легко. Возить людей ему было запрещено, поэтому О'Риди числился механиком. Однако, вопреки запретам, свой катамаран он пилотировал довольно часто (ибо пилотов обыкновенно катастрофически не хватает) и всегда — без единого человека на борту, кроме себя. Тем не менее Йонас знал, что это лишь до первой аварии или первой истерики со стороны начальства. Истерики пока не случалось. Аварий тоже.

— Что везем? — угрюмо спросил О'Риди. Похоже, он решил, что Йонас хочет эвакуировать какую-нибудь левоту вроде самогона и лома ценных металлов из запасников.

— Лазеры, — коротко сообщил Йонас. — Со свалки. Поближе к микросолнцам.

— Вес? — уточнил О'Риди.

Йонас сказал — довольно приблизительно.

— Ты псих. — О'Риди вздохнул, но было видно, что произнесенное слово «лазеры» уже сделало свое дело. Не одному Нери Йонасу хотелось хоть чем-нибудь помочь Солнечной.

Времени, конечно же, не хватило, невзирая на немедленный старт, и шеф лаял их по громкой связи, закатив-таки давно ожидаемую истерику. Долго лаял, изощренно и матерно.

— У вас хватает транспорта, — единственный раз огрызнулся О'Риди. — А у нас — дела.

— Дела!!! Какие, порази вас брочинг, дела??? Я обоих под трибунал отдам, сейчас же! — орал шеф, хотя наличие у него подобных прав имело под собой, мягко говоря, немного оснований. Выслать из проекта — это да, это сколько угодно. Но под трибунал? Пхэ...

— Ну и отдавай, — закрутился О'Риди. — Руки короткие.

Больше Ювелир на громкую не реагировал, хотя и не выключал ее.

Работали они в паре. Йонас указал на ближнее, самое разогретое микросолнце из всех, и показал, с какой стороны и на каком расстоянии от него нужно будет разместить беличье колесо. Потом Йонасу предстояло запрыгивать в свой драндулет и мчаться в центр управления орбитальным комплексом, а О'Риди на катамаране — в дежурку головного модуля микросолнца.

В принципе при желании шеф мог вызвать военных с патрулирующего неподалеку заградителя, но понятно, куда бы его послали с подобной просьбой в такое время. Поэтому Йонас с сообщником не спешили. К моменту, когда все необходимые эволюции были успешно завершены, вражеский флот еще толком не показался, зато «Боро-Боро» надежно обезлюдела, а шеф наконец соизволил заткнуться. Потом смылся и заградитель. Астрогатор катамарана рассчитывал пульсацию — к орбите Юпитера, а Йонас наводил последний лоск на нехитрую программку, которая управляла залпом по ближайшему скоплению масс, а не по цели на поверхности планеты, как это обыкновенно бывает с орбитальными лазерами. У орбитального оружия не существует спускового крючка — на этот раз сигналом подготовки залпа предстояло стать началу аварийного разогрева микросолнца.

А потом детекторы масс пронзительно заверещали — это перла вражеская армада, на досветовой, в режиме предпульсационного строя, когда корабли должны уходить за барьер в строгой очередности и с идентичными скоростями. Имперцы прекрасно знали, где ждет их объединенный флот Солнечной, и шли разделаться с ним, шли уверенно и без суеты. Сначала смять первый заслон, потом второй, а после начинать методично долбить защиту в сфере малых планет, пока Венера и Земля не лягут от истощения и Солнечная не падет к ногам их самозванного императора. Йонас и О'Риди одновременно запустили таймеры, а спустя примерно час ушли в пульсацию.

Они давно уже тянули к Ганимеду-Интра, когда все и произошло — жаль, что наиболее достойные участники битвы за Солнечную систему не увидели этого воочию. Громадный имперский флот, похожий на стаю диковинных рыб, уже начал лавиной проваливаться за барьер, когда обреченное микросолнце в последний раз вспыхнуло и взорвалось. Микросекундами позже плынули и испарились лазеры — залп угодил в малый штурмовой крейсер шат-тсуров, готовый вот-вот уйти за барьер, угодил как раз в самое буйство нелинейности над лобастой нашлепкой ходовых генераторов; угодил, может быть, именно в тот неуловимый миг, когда икс-привод крейсера находился в режиме дубликации и обратного сдвига по времени — стартующий корабль успел возникнуть в финишной сфере, но не успел исчезнуть из стартовой.

Практически одновременно с этим, совсем уж непонятно почему, в полную силу засветили шесть оставшихся микросолнц. Взрыв крейсера был не очень похож на взрыв — неяркая вспышка, и затем такие пространственные искажения, каких, наверное, не создал бы и икс-привод размером с Солнечную систему. Нечто, похожее на исполинскую стартовую сферу, поглотило и имперский флот целиком, и микросолнца, и всю космическую свалку, и обезлюдевшую станцию «Боро-Боро», сиротливо приткнувшуюся при гелиопаузе...

Тем не менее в районе предполагаемого финиша армады скелетиков никаких особенных катаклизмов отмечено не было: корабли головной заградительной воронки землян зафиксировали в фокусе множественный финиш и вскоре увидели вражеские корабли, один за другим выныривающие из-за барьера именно там, где их и ждали.

Наблюдатели отметили лишь необычно высокий разброс по направлениям дрейфа, который финиширующий флот почему-то не спешил гасить и выравнивать.

Хищная рыба стая, медленно теряя строй, надвигалась на землян. Без блеска и мерцания защитных полей перед ударными сборами. Без обычной лавины поставленных помех. Без черных ям нелинейности, гонимых могучими генераторами больших кораблей. Вообще без единого огонька, темная, безмолвная и оттого еще более страшная.

«Евразия» и «Австралия» наспех выстроили оборонительную сеть под странный расползающийся строй неприятеля и даже успели дать несколько пристрелочных залпов.

Потом в глубине имперской армады столкнулись два дестроера, без взрывов и бешенства защитных экранов, словно пара обычных астероидов. Скорости и векторы их движения не слишком различались, поэтому никаких особенных визуальных эффектов наблюдающие так и не дождались — дестроеры, словно пара сцепившихся педалями велосипедистов в плотном пелетоне, встретились, вмяли друг другу бока и чуть изменили направление полета, а значит, стали задевать и расталкивать всех вокруг себя.

В пелетоне в таком случае возникают грандиозные завалы. Строя не стало вовсе. Корабли таранили друг друга, принимались сумбурно и беспорядочно вращаться, некоторые разрывало на части обыкновенной динамикой, некоторые протыкало чуть не насквозь, некоторые намертво сцеплялись — все это продолжалось более десяти часов, во мраке, безмолвии и хладе космоса.

К середине третьего часа недоумевающие земляне сумели отловить на периферии этого ада несколько малых кораблей шат-тсуров и убедиться, что армада мертва и что из-за барьера вывалилось лишь процентов около семидесяти имперских кораблей — остальные потерялись за барьером.

И что ни на одном корабле, от флагмана до последнего крошечного разведчика, не осталось ни единого живого скелетика. И ни одного работающего устройства.

Из имперцев словно выпили жизнь — всю, до последней капли.

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

1

Президент Вернер Винцль давно не видел растерянности на лицах своих сподвижников. Сторонний наблюдатель не увидел бы ее и сейчас, но президент слишком хорошо знал этих людей. Их выдавали не лица, а множество бесполезных и бесцельных действий — взгляды на часы, верчение коммуникаторов в пальцах, утирание лба платочками, быстрые взгляды.

Наверное, хорошо знающие своего президента люди тоже заметили, что первое лицо Солнечной системы слегка нервничает.

Неизвестность всегда заставляет чувствовать себя не уютно — и чем выше лежащая на тебе ответственность, тем неуютнее себя чувствуешь.

Зато военные выглядели как на подбор — бравыми, заслуженными и уверенными, не хватало только сверкающих галунов: парадные мундиры в очередной раз вышли из моды лет сорок назад. Даже полукерамический Чиль Онте поблескивал своими зеркальными линзами с весьма победным видом. Можно подумать это их, военных, заслуга, что атака имперской армады на родину человечества закончилась эдакой счастливой мистикой!

Политики, ученые и военные Солнечной ожидали прямого канала связи с Офелией. Лично в малой приемной «Гелиотропа» находились только сам Винцль, некоторые министры да бывший начальник Поисковой Базы Земли Джошуа Фергюсон. Остальные присутствовали в режиме видеоконференции — объемными изображениями.

Наконец в отведенном для представителей Офелии секторе сконцентрировалось несколько видеостолбов. Подключились президент системы Валерий Сытников, командующий флотом «Магрибба» адмирал Тонгусекав, шеф службы безопасности Рональд Рональд и еще несколько влиятельных лиц второго по значимости и первого по могуществу мира доминанты Земли.

С изображением не здороваешься за руку, поэтому пышные дипломатические приветствия давно ушли в прошлое. «Прибывшие» на экстренный закрытый совет ограничивались кивками; лишь адмирал Тонгусекав отсалютовал рукой, в основном коллегам-военным.

— Доброе время суток, господа! Вы готовы? — Вернер Винцль не хуже других понимал: времени не то что нет — его нет совсем. Предсказать и упредить реакцию имперцев на произошедшее невозможно, а ведь придется это делать...

— И вам доброе время, господа! Да, мы готовы начать, — отозвался Сытников.

— Тогда начнем с вашей истории, если не возражаете. Пожалуйста подробности, и, полагаю, лучше в изложении военных.

— Адмирал? — Сытников чуть повернулся в сторону командующего сильнейшим из флотов человечества.

Аврелий Тонгусекав акцентированно кивнул и сделал быстрый знак кому-то невидимому. Из-за его спины, прямо из пустоты возник еще один военный в форме полковника. Он сделал несколько шагов вперед и застыл по стойке «смирно».

— Полковник Фоз, начальник разведки одной из крейсерских групп «Магриббы», — представил его Тонгусекав. — Начинайте, полковник.

Тот кивнул и заговорил, пожалуй, чуточку сухоовато, но зато без отвлекающих подробностей, коротко и доходчиво:

— В задачу моего подразделения входил сбор полной информации по финишу армады шат-тсуров вблизи Офелии, как-то: примерная численность, состав, характер боевого строя, параметры ожидаемого ухода за барьер и тому подобные данные. Зону ожидаемого финиша мы спрогнозировали своевременно и не замедлили активировать локальные датчики; кроме того, были высланы разведчики-одиночки, почти тысяча катеров. С самого начала операция проходила в штатном режиме, ничего особенно необычного ни пилоты, ни датчики не зафиксировали...

— Простите, — вмешался один из научных с Венеры; кто-то из вновь назначенных, Винцль его еще не знал. — Что значит — особенно необычного?

Фоз чуть приподнял брови, словно удивился, но ответил прежним тоном, ровным и благожелательным:

— Видите ли, космос велик, по-моему, это не нужно объяснять. Там всегда что-нибудь случается. На задание вылетела почти тысяча пилотов. Понятно, что были необъяснимые отказы техники, были рапорты о наблюдении несуществующих, как позже выяснилось, объектов — мы их называем миражами. Такое происходит сплошь и рядом. Я хотел сказать, что процент и общее распределение подобных случаев на этот раз не выходили за рамки средних значений.

— Спасибо, понятно, — поблагодарил настырный научник.

— Я продолжаю, — обратился Фоз ко всем. — В течение примерно семи часов шла нормальная рутинная работа по сбору и обработке данных; произошло несколько столкновений с истребителями противника, но это тоже вполне обычное дело перед боем. В штатном режиме происходил и отход. Разведгруппа подобрала все катера и отступила в заданном — направлении. Говоря «все катера», я имею в виду «все вернувшиеся катера».

— А были и не вернувшиеся? — снова вмешался научник.

Фоз слегка развел руки в стороны:

— Мы на войне, господа. А на войне бывают потери. Потери бывают и в мирное время, они так и называются — небоевые потери. Любая военная операция в мирное время допускает до трех процентов потерь личного состава. Обычно бывает меньше, редко, когда больше одного.

— И каковы были потери в вашем случае? — Вернер Винцль решил переключить внимание на себя. Откровенно говоря, потери его интересовали мало. То есть он, конечно, жалел погибших пилотов и, будь его воля вернуть их к жизни — как и всякий нормальный человек, сделал бы это, не задумываясь. Но сейчас вопросы чрезмерно любопытного научника лишь отвлекали, поэтому Винцль изящно и тактично возвращал полковника к изложению подробностей офелийского феномена. Второго за истекшие сутки.

— Мы потеряли десять кораблей. Чуть больше процента. Итак, мы подобрали всех вернувшихся пилотов и отступили, в срок передав собранные разведданные в штаб флота и в аналитический отдел. К тому моменту армада шат-тсуров справилась с дрейфом и перестроением и изготавилась к прыжку. Мы доложили о первой волне нелинейности в стартовых сферах, после чего получили приказ уходить в заранее заданную точку. Этот отход производился в досветовом режиме, без прокола барьера. Мы продолжали наблюдения до момента, когда около трех четвертей вражеской армады уже ушло в прыжок, внешне совершенно в штатном режиме. Однако уход арьергарда мы не зафиксировали, повторяю, покинув зону наблюдения в соответствии с полученным приказом. Дальнейшее можно выразить несколькими словами, но, думаю, все присутствующие осведомлены, что из прыжка ни один корабль армады так и не вышел. Никаких намеков на финишные сферы в ожидаемых областях также не наблюдалось. У меня все.

Ни Вернер Винцль, ни остальные члены совещания (вопреки не очень уверенным ожиданиям) ничего нового не услышали. Всего лишь более-развернутое изложение первой, короткой и растерянной депеши по дипканалу: «Сражение не состоялось. Противник исчез. Офелия». Несколько позже, разумеется, пришел аналитический

комментарий, но особо аналитическим его назвать было трудно, ибо сводился он ко все тому же: «Вражеский флот ушел за барьер и не появился в расчетном объеме». Интересно, получится ли у Солнечной удивить представителей Офелии? Вряд ли, хотя некоторые интересные факты, связанные с уходом вражеской армады от «Боро-Боро», действительно всплыли, однако о них у большинства присутствующих имелась также весьма скудная и непроверенная информация. В данный момент она уточнялась.

— Господа, прошу минутку внимания. Только что получено сообщение из аналитического отдела. — Фоз вернулся на позицию оратора. — Меня попросили огласить. Неожиданно, но это касается того, что мы обсуждали буквально десять минут назад, а именно странностей в космосе. Так называемых миражей. Во время возглавляемого мною разведрейда некоторые из пилотов докладывали о визуальном наблюдении малых скаутов Роя. Более мощная аппаратура мониторов, однако, в указанных точках ничего не сканировала. Сообщений было семь, от шести пилотов — один из них наблюдал скаут дважды. Я даже боюсь делать выводы, господа. Все шестеро не вернулись из рейда.

В малой приемной воцарилась безмолвная буря. На целых пять секунд.

— Стоп! У меня вопрос! — попросил слова Фергюсон, бывший глава искателей. — Разрешите?

Винцль коротко кивнул.

— Скажите, были ли скауты Роя единственными миражами, наблюдавшимися в этом рейде?

— Нет, что вы! Миражи видит примерно каждый сороковой пилот. Всего, включая эти семь, было доложено о двадцати восьми миражах, в основном о хорошо знакомых нам объектах «спираль» и «малая роза». Четыре миража идентифицировать не удалось.

— Понятно, — пробормотал Фергюсон и уселся.

— Кажется, у вас тоже есть вопрос, адмирал? — Президент Солнечной хоть и был ошарашен последним сообщением, наблюдательности все же не утратил.

— Доклаживали ли о миражах остальные четыре не вернувшихся пилота? — спросил старый гриб Чиль Онте синтезированным молодым голосом.

Фоз поднес палец к бусине коммуникатора в ухе, отстранение повел глазами, прислушиваясь, и сообщил:

— Нет.

— Наблюдались ли подобные миражи в окрестностях Офелии ранее? — Чиль Онте умел вычленять самое существенное и задавать самые важные вопросы.

Фоз снова потянулся к коммуникатору. Слушал он несколько секунд.

— Да, наблюдались. Три на прошлой неделе и один — полтора года назад.

И снова воцарилась звенящая, как селентинский хрусталь, тишина.

— Итак, Рой вернулся, — подытожил Тим Хемерсбрандт угрюмо.

— Подождем с выводами, — предостерег его Онте и поглядел на коллег-адмиралов. — Я запрошу циркуляр о наблюдении кораблей Роя, по всей доминанте. Разумеется, никто не возразил.

С полминуты он, не раздвигая губ и остекленело уставившись в пустоту, просидел неподвижно. К этому времени присутствующие единодушно согласились принять информацию к сведению и немедленно оповестить субъектов доминанты, однако с выводами действительно повременить.

Фоз уже исчез из видеостолба, его доклад закончился, Настала очередь Солнечной делиться информацией с соседями.

В качестве оратора выступил адмирал флота «Антарктида» Геннадий Лесин:

— У нас начиналось все примерно так же. Активация датчиков, разведчики, с той лишь разницей, что стычек с истребителями противника не произошло и, как мне только что сообщили, скаутов Роя никто не наблюдал, хотя об обычных миражах докладывали, большей частью о все тех же «спиралях» и «малых розах». Разведчики передали наблюдения и отступили. Армада шат-тсуров готовилась к уходу за барьер, имея построение «верхний полуторный клин». Первые звенья, судя по всему, начали пульсацию штатно, однако в дальнейшем что-то у имперцев пошло не так. Нелинейность скачкообразно возросла до совершенно немыслимого уровня — ученые говорят, что считали подобное в принципе невозможным. Как мне объяснили, в месте старта армады сначала были зарегистрированы то ли две, то ли три вспышки, похожих на взрывы довольно большой силы, после чего мгновенно возникла стартовая сфера за пределами больших размеров и поглотила все, что находилось внутри нее, включая армаду, станцию «Боро-Боро», соседствующую с ней зону утилизации, а также ряд малых небесных тел. На финише картина была не столь аномальной, наблюдался только заметно больший, чем обычно, раздраз финишных векторов и паразитного дрейфа среди кораблей армады. Отсутствие силовых полей и техногенной

активности в первые минуты вообще никто не отметил, как это странно ни звучит. Затем начались беспорядочные столкновения внутри построения, и стало очевидно, что корабли противника неуправляемы. Еще чуть позже выяснилось, что все живые организмы внутри кораблей, вплоть до бактерий, мертвы, а все техногенные изделия неработоспособны. По данным наблюдателей установлено также, что финишировало лишь семьдесят четыре процента кораблей армады, остальные из-за барьера не вышли. Захваченные небесные тела также вышли из-за барьера не в полном составе, кое-что потерялось. А теперь позвольте передать слово работнику подразделения «Оникс» — он как раз подоспел с докладом о... как там выразился полковник Фоз? О странностях в космосе? Прошу вас, коллега!

Работник подразделения «Оникс», как нетрудно догадаться, был профессиональным дознавателем. Естественно, после финиша мертвой армады «Ониксу» была дана команда вынюхать малейшие подозрительные моменты, связанные с ее стартом. Копать начали с просмотра записей, высеянных и активированных как раз перед вторжением датчиков, — а с чего еще можно было начать?. Незадолго до совещания Вернеру Винцлю доложили, что датчиками перед самой гибелью был зафиксирован взрыв микросолнца, используемого работниками проекта 329 (какие-то научные исследования на самой периферии Солнечной), а также явление, удивительно похожее на залп системы орбитальных лазеров. Более подробных сводок пока не поступало, поэтому президент слушал наравне с остальными, не скрывая интереса.

— Я не займу много времени, господа, потому что наветренный радиус гелиопаузы удивительно безлюдное место, — деловито начал речь дознаватель. — Получив команду расследовать необычные случаи незадолго до атаки имперцев, мы проверили около двух десятков объектов, расположенных на разумном расстоянии от бывшего центра аномальной сферы нелинейности. Я не стану утомлять вас и перечислять все объекты, сообщу только, что внимание наше приковали всего два случая. Случай первый: один из объектов, которым полагалось пребывать в означенной сфере, по данным последней проверки, отсутствовал. Речь идет о небольшом зонде-регистраторе реликтового излучения, стабильно работающем в районе гелиопаузы уже более четырехсот лет. Вернее, работавшем. Поскольку зонд беспилотный, тики он отдавал только дважды в сутки. Последний тик зафиксирован четыре дня назад, в полдень. Если бы не мы, отсутствие зонда, боюсь, заметили бы очень не скоро. К сожалению, ничего, кроме самого факта исчезновения зонда, установить нам не удалось: наблюдение в тех местах ведется, только когда это действительно нужно. Случай второй: проект триста двадцать девять, самая дальняя станция «Боро-Боро», исследовательский центр немагнитного холодного литья и некоторых сопутствующих научных дисциплин. Не могу сказать, что коллектив проекта и отдельные его представители могут служить образцами добродетели и светочами-духа — мелкие грешки и нарушения отыщутся везде, где присутствует хотя бы один человек. Странно, если бы на «Боро-Боро» их не было. Наскоро изучив официальные сводки и опросив членов проекта, мы довольно быстро отбросили несколько чисто технических и одно чисто дисциплинарное чз-пэ. Совершенно нормальный коллектив на пороге собственного дома, нудная работа и долгая изоляция. Можно понять.

Однако! Начальник проекта триста двадцать девять рапортовал о самовольной отлучке двоих подчиненных, механика Гектора О'Риди и инженера-ремонтника Нери Йонаса, уже после того, как на станции «Боро-Боро» была объявлена эвакуация. По его словам, двое работников проекта, не принадлежащих к числу постоянных обитателей «Боро-Боро», угнали транспортный катамаран класса «Минамбрес» и устаревший ремонтный скутер класса «Вивьен», после чего направились к брошенному более пяти столетий назад микросолнцу за номером МС-107-826, слегка разогретому с началом проекта триста двадцать девять. Катамаран должен был принимать участие в эвакуации имущества станции «Боро-Боро», однако О'Риди приказам прямого начальника не подчинился. Мы опросили работников «Боро-Боро»: по их свидетельствам, ни один из беглецов никогда не вызывал ничьих подозрений; в день эвакуации О'Риди практически до самого отлета находился на борту катамарана, а Йонас, как говорят его коллеги, вместо того, чтобы готовить имущество к эвакуации, все утро безвылазно просидел перед сетевым терминалом. Судя по отслеженным запросам, в это время он изучал техническую документацию на микросолнца а'йшей и орбитальные лазерные комплексы типа «Анубис». Один из таких комплексов, списанный некоторое время назад с Ио, был оставлен в местной зоне утилизации.

С учетом данных наблюдения и в соответствии с комментариями специалистов все это складывается в довольно стройную и последовательную картину. Инженер Нери Йонас, наверняка неоднократно снимавший разнообразные блоки и техмодули с брошенных на

местной свал... простите, в зоне утилизации старых механизмов, о существовании лазерного комплекса явно знал. Тот факт, что он с утра изучал документацию на лазеры и микросолнца наводит на мысль, что инженеру Йонасу пришла в голову мысль встретить врага добрым залпом, а накачать комплекс перед залпом он, вероятнее всего, намеревался с помощью микросолнца. Видимо, у нас списывают неплохо сохранившиеся лазерные комплексы, поскольку, по данным наблюдения, залп действительно состоялся. Микросолнце в результате взорвалось. И соседние микросолнца — я не упоминал, всего их в зоне утилизации насчитывалось семь, одно прогретое, остальные в стабильной постфазе — тоже, по всей видимости, разделили судьбу разогретого. По косвенным данным можно с большой долей уверенности сказать, что как минимум один корабль противника, скорее всего малый крейсер или что-то уровня эсминца, Йонас и О'Риди таки умудрились уничтожить...

— По-моему, — неожиданно прервал дознавателя Чиль Онте, — они умудрились уничтожить целый ударный флот.

Работник «Оникса» выдержал тактичную паузу, не слишком, впрочем, долгую, и сказал:

— Об этом, наверное, следует судить не нам, а ученым. Господа президенты, господа министры, уважаемые коллеги! На основании приведенных фактов я и мои соратники склонны считать Нери Йонаса и Гектора О'Риди не нарушителями, не подозреваемыми в шпионаже и подрывной деятельности, а настоящими героями и, возможно, спасителями Солнечной. Во всяком случае, наше расследование продолжается в этой тональности.

Задумчиво глядя в пустоту перед собой, Вернер Винцль произнес, чуточку скорбно, чуточку торжественно — как того и требовал момент:

— Полагаю, в любом случае следует их наградить. Отдать жизнь, пусть даже так безрассудно... И так и не узнать, что жертва их не была напрасной...

— Одну минуточку, господин президент, — вежливо прервал его дознаватель.

Винцль готов был вспыхнуть, по крайней мере взгляд у него стал серо-стальным — момент был пафосный и нужный истории, его наверняка потом крутили бы во всех новостях по всей доминанте, а его прерывает эта ищейка!

— Вы зря полагаете Йонаса и О'Риди погибшими. Свою машинерию они оставили работать в автоматическом режиме, а сами благополучно отбыли к Ганимеду, где их... — дознаватель взглянул на часы, — около четырех часов назад подобрал авральный рейдер службы. В данный момент, если ничего не произошло, рейдер готовится к пульсации и оба наших героя скоро будут здесь. Заодно узнаем, кто научил их накачивать лазеры от взрыва микросолнца...

— Живы? — Винцль умело скрыл неловкость. — Хм, ну что ж, прекрасно! Не придется награждать их посмертно! У вас есть их изображения? Наверняка ведь есть.

Покажите, пожалуйста.

Дознаватель вынул персоналку-коммуникатор и сноровисто сотворил рядом с собой два вращающихся видеостолба. На президента Винцля и остальных участников совещания взглянули двое. Первый — невысокий усатый мужичонка совершенно негероической внешности, довольно хлипкий, сутулый, небритый, с узким и острым лицом; второй — с фигурой крепыша, обритой наголо головой с явственно видимой имплантированной сшивкой на темени, и еще — без левой руки. Оба были одеты в простые рабочие комбинезоны и пустотные ботинки; однорукий, кроме того, прятал глаза за плотно сидящими на лице темными светофильтрами без дужек.

— Если армаду убили они, — задумчиво сказал адмирал Хемерсбрандт, — из них нужно делать символ. Символ нашей победы, победы вообще. Черт побери, представьте агитролики: эти двое, подobaющая музыка, слоган какой-нибудь чеканный вроде «Солнце для всех», а потом секунд десять финиш мертвой армады — да наши парни-солдаты из любого подразделения, из любого угла доминанты, от Дабизиса до Черной Ресницы всех скелетиков и перевертышей вотрут в грунт и развеют по вакууму!

— А если с армадой разобрались не они, — с нескрываемой иронией поддакнул Чиль Онте, — из них все равно нужно делать символ. Кстати, я не шучу, господа. Это как раз то, чего сейчас не хватает. Идеи. Идеи возрождения после ударов более сильного противника. Представьте, Солнечная и Офелия отбивают нападение империи, когда нас уже все заранее похоронили... Это перелом, форменный перелом в войне, в сознаниях людей! Я уже не говорю о союзниках — мы окончательно выйдем в лидеры...

— Мы и так давно в лидерах, Чиль. — Президент Сытников почему-то выглядел не слишком обнадеженным. — Время ли думать о символах? Вам-то хорошо, вы уже видели свою мертвую армаду, поэтому можете рассуждать об идеях и о возрождении. А каково нам? Вдруг наша армада все-таки выскочит из-за барьера? Вдруг шат-тсуры с

таймингом что-нибудь начудили и ненадолго застряли на той стороне? Или Рой начудил? Вы можете поручиться?

— Валерий Георгиевич, — укоризненно, но вместе с тем уважительно обратился к президенту Офелии один из его земляков. — Ну какие чудеса с таймингом? Это же невозможно, физика...

— Физика называла невозможным икс-принцип Роя еще в прошлом веке, — раздраженно отмахнулся Сытников. — Я, конечно, не ученый, но прекрасно представляю, что во вселенной по-прежнему куда больше непознанного, чем познанного. Невзирая на ту пропасть, которая разделяет человека, охотившегося на мамонтов на старушке Земле, и человека сегодняшнего, побывавшего уже и в иных галактиках.

— Пока только в одной, помимо нашей, — проворчал Винцль. — Валерий Георгиевич, вы забываете о главном. Мы выиграли время, которого катастрофически не хватало. Еще сутки-двое — и между Солнечной и Офелией заработает нуль-коридор. «Доминион» и «Магрибба» в паре отразят любое нашествие! А когда подключатся еще и Селентина, Фелиция, Хобарт... Мы прошли по краю, это так, но все-таки прошли, не рухнули!

— Не накаркай, — вздохнул Сытников по-свойски. Похоже, он немного успокоился. Перестал хмуриться, поглядел на часы. — Все-таки еще долго...

— Задавить нас уже не успеют, — авторитетно заявил Чиль Онте. — На данном этапе даже если еще одна армада появится вблизи Солнечной или Офелии, с нуль-коридором мы ее сделаем. Я обещаю.

— А если появятся две армады? — с живейшим интересом спросил Байрамов, министр внешних сношений.

— Без разницы.

Байрамов глубоко вздохнул:

— Вот честно скажу... Я себя считаю неглупым человеком. Но все равно не пойму, почему две армады порознь побивают два обороняющихся флота, а если флоты объединить — не побивают.

Чиль Онте усмехнулся жутковатой улыбкой киборга.

— Потому что в космической войне, Ильхан Мансурович, главное — мобильность. За это, собственно, и воюем.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА СОЮЗА, ПРОЕКТ «КВАЗАР»

Галактика-2, окрестности финишного створа генератора нуль-перехода

1

Шулейко миновал охраняемый шлюз перед «Хозчастью», привычно кивнул охранникам и столь же привычно свернул к кабинету местного шефа. Черт возьми, как быстро этот путь стал для него обыденным! А ведь он не подписывал никаких бумаг, не заключал никаких соглашений — даже на словах. Однажды попав сюда (не по своей инициативе, разумеется) и побеседовав с «хозяйственниками», Вася как-то сразу и навсегда утратил желание задавать вопросы.

Перепонка в кабинет шефа была расслоена; шеф, склонившись над покрытым любимой зеленой скатертью столом, рассматривал в лупу какую-то тусклую распечатку.

— Вызывали? — спросил Вася с порога.

Шеф оторвался от распечатки, смерил колючим взглядом.

— Да, вызывал. Входи.

Шулейко вошел и, по уже сложившейся традиции, тут же взгромоздился на высокий трехногий табурет у етены. Возможно, таким образом Вася пытался компенсировать статус подчиненного — оседлав табурет, на шефа он смотрел сверху вниз. Шефа это нимало не смущало.

— Как там твой гений поиска? Не закис на поверхности?

— Да вроде нет, не закис. — Вася нервно передернул плечами. — Наоборот, пообщался со знакомыми по Табаске, отоспался. Правда, задумчивым каким-то стал. — Задумчивым — это хорошо, — вздохнул шеф. — Ну, что, как полагаешь, не пора ли его снова пускать по следу?

Вася подумал и уверенно ответил:

— По-моему, самое время. А что на этот раз ищем?

— Да все то же. — Шеф опять вздохнул. — Ветра в поле. Если конкретнее — я хочу, чтобы ваша команда поглядела на реконструкцию ухода имперских арм за барьер. Той, что вынырнула в Солнечной с трупами на борту, и той, что вообще не

вынырнула у Офелии. Спокойно поглядите, вдумчиво. Я еще аналитиков пришлю — МакГрегори и Сориала.

— Сориала? Он же технарь, а не концептуалист.

— Ничего. Сориал и МакГрегори дружки, мож чего вспомнят. У Дейва этого тоже нух... будь здоров. И... наблюдай за ними обоими, я имею в виду Веселова и МакГрегори. Должны же мы понять, как они раз за разом находят верные решения в абсолютной тьме, там, где данных вроде бы и нет? Вовсе нет.

— Ну, это в основном Веселова касается, — протянул Шулейко задумчиво.

— МакГрегори тоже выдает нестандартные ходы, пусть и реже. В общем... доминанта на тебя надеется, искатель Шулейко.

— Догадываюсь. — Слова Васи прозвучали довольно уныло; бывший кадровик Поисковой Базы Соломон Блюменфельд точно таким же тоном, помнится, вопрошал: «А деньги где?» после очередной объявленной благодарности. А еще он любил говорить: «"Спасибо" не булькает».

— Не бойсь, Вася. Война не вечна. Ты никогда не пожалеешь, что работал на «Хозчасть».

— Война-то не вечна, — отозвался Вася, сползая с табурета. — Но и мы не долгожители. На наш век смертей хватит. Ладно, не волнуйтесь, сделаю все в лучшем виде, вы меня знаете.

Когда Шулейко вышел, шеф «Хозчасти» некоторое время сонно глядел ему вслед; потом встрепенулся, потер покрасневшие от недосыпания глаза и снова потянулся к лупе и распечатке.

2

К тому, что у военных семь пятниц на неделе, Саня Веселов давно привык. В самом деле: сначала на Тахире оставили «экспедиционный корпус» — взвод Скотча плюс нескольких экспертов. Смехота, а не корпус, даже Саня это сознавал. По всему выходило, что торчать им здесь придется долго, что одолеет всех скучища, и хорошо если аборигены не озлятся и не шарахнут по ним чем-нибудь мегатонным — такой вариант развития событий попросту напрашивался. Сомнительно, чтобы с корнями вырванный шмат побережья, улетучившийся в дальние дали, и последующая стихийная свистопляска улучшили отношение тахирцев к чужакам.

Однако за Скотчем, Солянкой, Мельниковым и еще несколькими «пиратами» буквально через пару дней пригнали тупорылый транспортный бот с клипера «Черная хризантема». Экспедиционный корпус сильно ужух в смысле численности. А еще через сутки безделья со второй попытки (погодка после старта захоронения разгулялась будь-будь) сел искательский бот с «Квазара». Когда между палатками и ботом навели силовой коридор, первым на землю Тахира ступил, к изумлению Сани, не кто иной, как Абсолют. В сопровождении своих мальчиков, понятное дело.

В общем, не пришлось торчать на Тахире, скучать и ждать безрадостных известий из атакованной Солнечной да мести рассерженных тахирцев.

Бот увез всех на основную базу «Квазара». Через несколько часов Саня уже здоровался с Васей Шулейко и остальными подчиненными — формально он по-прежнему числился бригадиром искателей. Уже здесь Саня узнал, что Солнечная и Офелия так и не были в итоге атакованы — вражеская армада в Солнечной вышла из-за барьера в неполном составе и с мертвыми экипажами, а атаковавший Офелию флот и вовсе стигнул без следа. Известия были, что и говорить, радостными, но Саня прекрасно знал — бесплатный сыр можно отыскать только в мышеловках. И что за нежданные удачи приходится платить, порою непомерно дорого.

О мистике, спасшей от атак Солнечную и Офелию, Сане рассказал Абсолют. Но как-то вскользь, скупое, без подробностей. И все время выжидательно на Саню глядел.

Саня, разумеется, клянул:

— А модели какие-нибудь успели построить? Хотелось бы поглядеть на уход имперских армад в пульсацию. Режимы, там, нелинейности...

Абсолют, сразу ставший похожим на довольного кота, очень удачно расколотившего плоску со сметаной, сообщил, что модели как раз в данную минуту доводятся.

В общем, спустя два часа после возвращения на базу Саня уже сидел в лаборатории и слушал сжатые комментарии Васи Шулейко. По другую руку от Васи сидели Дейв МакГрегори и Жорж Сориал, МакГрегори слушал внимательно, а Сориал, не кроясь, зевал во всю варежку и, похоже, плохо понимал, зачем он здесь.

Но вскоре и Сориалу дело нашлось: Саня принялся сверять нелинейности с табличными, а для этого нужно было прикидывать массы покоя для каждого типа

корабля. Конечно, легко было запросить данные по массам в сети, но Сориал барабанил цифры на память и ни разу не ошибся.

Старт имперской армады у Офелии ничем примечательным не порадовал и оставил на душе неприятный осадок, словно так и не разгаданная головоломка, а вот события в Солнечной протекали не в пример веселее и занятнее. Саня и МакГрегори напряглись и вылизали процесс чуть не поминутно — почти до самой катастрофы все шло в общем-то штатно.

Потом раз шесть подряд запускали мини-ролик, понятно, в условном масштабе; особо эффектно смотрелись взрыв микросолнца и лазерный залп. Корабль имперцев тоже бабахнул на загляденье. Саня прокручивал этот момент, бесспорно ключевой, и пытался поймать ускользающую мысль — что-то его смущало в рассматриваемой реконструкции.

— Чуть назад, — попросил он Васю Шулейко, манипулирующего видеостолбом. — Вот так... Стоп. Дай-ка мне.

Объемное изображение застыло, похожее на кадр из приключенческого фильма. Рисочки кораблей, выстроившихся в стартовый клин, могучий фронт нелинейности, видимый даже без схематики, ослепительная точка — подогретое микросолнце. Шесть точек потусклее — остальные микросолнца, в пост-режиме, если верить комментариям. Впрочем, верить можно, простым взглядом видно — так оно и есть. Саня отметил крошечный по человеческим меркам отрезок записи, закольцевал его и прокрутил пофрактально. Взрыв активного микросолнца, залп, взрыв корабля. На фоне разгораются остальные микросолнца.

— Черт! — сказал Саня, чувствуя в ладони хвост коварно ускользающей мысли. — Где-то я уже видел нечто... подобное

МакГрегори вопросительно уставился на него:

— Ты о чем?

— Да вот посмотри сам! Конечно, это грубо и масштабы не соблюдаются. Да и по времени некоторый разброс. Но все-таки: шесть микросолнц. Зацени, как они расположены? И плюс две силовые точки — яркое микросолнце и взорвавшийся корабль имперцев. Ничего не напоминает?

Саня для наглядности залил описанный объем цветом. МакГрегори сообразил спустя пару секунд.

— Ух ты! Так это ж кварк-гравитонная сшивка! Грубо, но похоже, похоже, не отнять! И что это нам даст?

Сориал с сомнением пялился на застывший фрактал изображения.

— Че-то вы мудрите, други, — пробормотал он с сомнением. — Какая еще сшивка, мать ее? Это не менее похоже, например, на дохлого осьминога.

МакГрегори покосился на него, то ли неодобрительно, то ли оценивающе, однако смолчал.

— Ладно, — вздохнул Саня. — Запомним и смотрим дальше. Хотя... Чего там смотреть-то? Сплошная объемная нелинейность.

— Давай финиш теперь прокрутим, — предложил Шулейко. — Я уже дважды глянул — мороз по коже. Хотя, как подумаешь, что армада могла финишировать штатно... Кто знает, что стало бы с Солнечной?

Они вертели изображение и так, и сяк, и эдак; просматривали его линейно и враздрай; смотрели инверсно; и мысли Сани то и дело возвращались к фракталу с залитым объемом, действительно до странности похожим на схематичное изображение пресловутой гравитонной сшивки, базисного понятия физики икс-привода, мгновенной почты, не говоря уж о банальной антигравитации. Разумеется, схема этой сшивки была весьма условной и напоминала реальное распределение полей не более, чем схема атома водорода (протон с вращающимся в некотором отдалении по орбите электроном) напоминает реальный атом водорода.

Но все-таки...

Что-то подсказывало Веселову — неспроста это сходство.

— Слышь, Вася... А никак нельзя узнать: эти микросолнца так и болтались кучкой или дрейфовали относительно друг друга? А?

Шулейко с сомнением двинул бровями:

— Да кто ж разберет теперь.... Бросили их лет семьсот назад, если я ничего не путаю. Кто ж будет за свалкой следить? Кому это на фиг нужно?

Саня оторченно вздохнул.

— А база эта, рядом которая? Вели же они наблюдения хоть иногда? Наверняка по фону можно выяснить? А?

— Дело говоришь, — поддержал молодого бригадира МакГрегори. — На станции данные должны храниться. Вряд ли регулярные, но за последние лет десять несколько

записей наверняка найдется. Персонал с базы вроде эвакуировался? Надо через «хозчасть» запросить, пусть раскопают.

Саня машинально потянулся к коммуникатору, но тут входная перепонка с чмоканьем расслоилась и в лабораторию ввалился Эдик Свирский — физик из основной команды «Квазара», больше года тшкетно штурмующей тайны генераторов.

— Привет! — поздоровался он; взгляд у Эдика был диковатый. Отчасти оттого, что он слегка, почти незаметно, косил, отчасти потому, что Эдик являл собой образчик классического сумасшедшего ученого в молодости. Постоянное общение с а'йедами свело почти на нет остатки Эдикова человекоподобия, он уже и мыслил не вполне как человек, как-то иначе. Но физиком был, как слышал Саня, многообещающим.

— Здравствуй, Эдик.

— Мне тут сказали, будто вы накопили что-то интересное? Ы?

Саня переглянулся с МакГрегори — самое время было выдать что-нибудь вроде: «На ловца и зверь бежит». Мак-Грегори едва заметно кивнул.

— А кто сказал-то? — поинтересовался Саня.

— Да эти... Громилы из «хозчасти». Приперся один и грит: а не сходить ли тебе, яйцеголовый, в четвертую лабораторию? Я и пошел.

Саня задумчиво кивнул, подумав: «А не опережает ли Абсолют события?»; потом коротким движением раскрыл над пультом заветный фрактал с закрашенным «осьминогом» (тоже было, в общем, похоже) и вяло ткнул пальцем:

— Вот... Ничего не напоминает?

Эдик всмотрелся. Внимательно, цепко.

— Напоминает вообще-то. Каракатицу на мелководье. А что это?

Саня объяснил. Эдик задумался. А потом с размаху уселся на пол.

— Е-мое! Вы хоть сами соображаете, что это означает? Нет? Я так и думал...

3

Ведущий физик «Квазара» был инопланетянином. Разумным кристаллом с холодной планеты Са-А'йеши. В вольном переводе это означало нечто вроде «Новая родина». Впрочем, к полковнику Попову обратился все равно не он, и это было как нельзя кстати. Обратился лучший из физиков-людей, профессор Андрей Бекасов с Офелии, один из замов босса-а'йеши.

Андрей Бекасов выглядел на удивление импозантно — высоченный, широкоплечий, с совершенно седой шевелюрой и такой же бородой-эспаньолкой, в стильной, подчеркнуто-небрежно сидящей паре и начищенных штиблетах со встроенными в подошву пустотками. От него так и веяло породой и голубыми кровями. Насколько Попов знал, Бекасов действительно происходил из знатного и богатого рода, а его совокупное состояние в пангала выражалось по крайней мере одиннадцатизначной цифрой.

Появился он неожиданно; во всяком случае вот так вот быстро полковник Попов научных в гости не ждал. С момента, когда искатель Шулейко покинул кабинет полковника и отправился охмурять безотказного Саню Веселова, прошло всего шесть часов с небольшим.

Сначала ожил коммуникатор. Один из восьми меченых, Дейв МакГрегори, попросил уточнить бывшее расположение микросолнц вблизи «Боро-Боро». Полковник распорядился — Райд помчался исполнять.

Потом вошел Ле Бурже — глаза на лбу. Он молча предъявил три голограммы, на которых красовались три схематических «ежика» — несколько точек, соединенных линиями. Точек везде было восемь, располагались они единообразно: две в центре, четыре — чуть в отдалении, наклонным ромбиком, и две — еще дальше, по обе стороны ромбика.

Попов внимательно рассмотрел голограммы и вопросительно уставился на Ле Бурже. Тот принялся объяснять:

— Это, — сказал он, указывая, на первую голограмму, — схема расположения микросолнц и взорванного имперского корабля на окраине Солнечной. Это, — Ле Бурже указал на вторую, — схематическое изображение гравитационного диполя, оно же — кварк-гравитонная сшивка. И наконец, это, — рука зависла над третьей, — взаимное расположение звездных систем в галактике, на планетах которых родились наши меченые.

Попов еще раз взглянул на голограммы. Топологическое сходство расположения восьми точек на каждой из них было налицо.

— Масштабы кое-где соблюдены нечетко и мелкие погрешности, разумеется, есть. Но в целом схемы выдержаны очень строго, — добавил Ле Бурже.

— И? — Попов как всегда не спешил делать выводы.

Ле Бурже развел руками:

— Я не знаю, что думать, господин полковник. Но это определенно не может быть простым совпадением.

Попов на минуту задумался. Он пытался уловить связь между этими тремя системами.

— Давно ты это раскопал? — спросил он вскоре.

— Только что. Собственно, сходство диполя и расположения микросолнц заметили Веселов и МакГрегори. И еще научник один, из молодых, Эдуард Свирский. Сообщили мне. Я глянул — и смутился: больно знакомая фигура получается, я это совершенно точно уже видел раньше. Сунулся в базу — и почти сразу нашел: один из планов разработки «Лицо в небесах». Скопировал и сразу к вам.

Попов жестом попросил Ле Бурже помолчать, ненадолго задумался, а спустя буквально пару минут вошел ординарец и сообщил, что профессор Бекасов просит аудиенции. Полковник велел Ле Бурже оставить снимки и пойти проветриться, а сам принялся ожидать Бекасова.

Тот появился тотчас же, видимо, действительно ждал за перепонкой.

Бекасов, обыкновенно вальяжный и добродушный, на этот раз хмурился и подозрительно блеснул глазами. Как студент. Умудренному годами и наукой профессору подобный блеск был несвойственен — и это еще мягко сказано.

— Уважаемый... э-э-э... коллега, — сказал Бекасов с порога.

Попов не приветствовал, когда его называли по имени-отчеству, предпочитал безличную форму обращения или нейтральное «господин полковник».

— Я вас слушаю, профессор. Проходите.

Бекасов продефилировал по кабинету и, подпернув штанины брюк, сел на стул.

— Скажите, это помещение прослушивается? — поинтересовался он, довольно живо. Чувствовалось, что профессор не считает этот вопрос праздным.

— Посторонними — нет, — пускаться в пространные объяснения Попов не любил. Не стал и сейчас.

— Отлично. Для начала подчеркну: все, что я собираюсь изложить, пока не стоит принимать за достоверную информацию, это пока более или менее подкрепленные вычислениями догадки и гипотезы. Однако я счел необходимым сначала поставить в известность вас, а уж потом делиться соображениями с физиками проекта — я имею в виду ученых иных рас.

— Весьма разумно, — скупой похвалил полковник. В самом деле: поделиться убойной информацией с чужими всегда успеется. Сначала нужно выжать из нее все полезное для родной доминанты.

— Итак... Вам уже, вероятно, приносили голограммы от Ле Бурже? Он запрашивал данные по гравидиполям не далее как пару часов назад. Легко понять зачем.

— Приносили.

— Я полагаю, ваш коллега вряд ли в состоянии адекватно интерпретировать обнаруженное сходство.

— А вы на это способны, профессор?

— Полагаю, да.

— Только, прошу вас, не забывайте, я не ученый. В академии нам читали курс физики, но сомневаюсь, что вы сочтете мой уровень достаточным. Прошу вас делать скидку на мою научную эрудицию. Точнее, на отсутствие таковой.

— Ну-ну, коллега, не прибедняйтесь, — усмехнулся Бекасов, изящно выгнув ус. — Помнится, на предыдущих собеседованиях вы показали себя достаточно знающим человеком.

— И тем не менее. Об этих ваших диполях я знаю только то, что они существуют и что на использовании их физических свойств основана искусственная антигравитация.

— Не только антигравитация, — рассеянно заметил Бекасов. — Впрочем, не в этом дело. Ладно, когда будет непонятно — переспрашивайте, я постараюсь найти какие-нибудь несложные аналогии. Итак, первое... Кстати, это скорее вывод, чем объяснение. Высев генераторных пар, вероятнее всего, придется прекратить. Точнее, производить его по иной схеме.

— В каком смысле? — насторожился Попов. Схема высева генераторных пар была выстрадана за двое суток специально сколоченной командой планировщиков. Большей головной боли у Попова и его коллег (а также у руководства доминанты) с начала войны еще не бывало. И вдруг заявляется Бекасов и недвусмысленно намекает, что схема никуда не годится?

— В прямом. Высевать нужно не пары.

— А что? — удивился Попов.

— Сшивки. Скорее всего из восьми генераторов. Увязанные и ориентированные по образу и подобию гравитационного диполя. Я попытаюсь объяснить, что это даст. Вы прекрасно знаете, что атомы различных веществ состоят из одних и тех же элементарных частиц, а разные элементарные частицы, в свою очередь, состоят из подобных типов кварков. Однако многочисленные комбинации одних и тех же кирпичиков в результате образуют более сотни химических элементов, обладающих совершенно различными свойствами. Примерно то же и с нашими генераторами: они ведь, строго говоря, состоят не из вещества. Помните, мы так и не сумели установить их глубинную структуру? Полагаю, по той простой причине, что у них нет структуры. Они — сами по себе являются элементарными частицами, мономерами, квантами некоей пока несформулированной сущности, неволновой и некорпускулярной одновременно. Эдакие кирпичики мироздания.

— Не великоваты ли они для квантов? — проворчал Попов, недоверчиво поглядывая на профессора.

Бекасов деликатно улыбнулся:

— Коллега, боюсь, что видимые линейные размеры — это не более чем абстракция, данная нам в скудных ощущениях. Любой генератор легко может представлять собой идеальную точку и одновременно вмещать целую вселенную. Это тема для отдельного исследования, уверяю вас, сулящего немислимые перспективы. Например, галактика-два, куда ведет обнаруженный нуль-коридор, вполне может не принадлежать нашей вселенной. А вселенная, где расположена галактика-два, вполне может крыться внутри одного из захваченных нами генераторов. И пропавший у Офелии флот имперцев вполне мог потеряться там — с нашей точки зрения, в одном из генераторов, а с их точки зрения — в новой вселенной.

Попов недовольно поморщился: с учеными всегда так — они удивительно быстро и весьма охотно съезжают с дел сугубо практических к чистому теоретизированию, которое на хлеб не намажешь и к делу не подошьешь.

— Погодите, Андрей Константинович, — прервал Бекасова полковник. — Давайте вернемся к нашим баранам. То бишь диполям и схеме высева. Развейте мысль.

— Охотно. Я пытаюсь вам объяснить, что простейшая система, которой является генераторная пара и нуль-коридор между ними, не является единственно возможной схемой взаимодействия между генераторами. Большее число генераторов скорее всего можно объединить в систему посложнее, и такая система будет обладать куда более причудливыми и разнообразными свойствами, нежели простая генерация примитивного двунаправленного коридора.

Попов про себя усмехнулся: нуль-коридор, еще совсем недавно казавшийся чудом на грани реальности и вымысла, уже обозван примитивным! Ну, дают эти рыцари от науки!

— Новыми свойствами? Например, какими? — уточнил он.

— Например, способностью транспортировать материальные объекты не в единственную точку пространства у финишного створа, а в любое место, где имеется неподалеку подобная же сшивка. Да и объемами-массами такая сшивка оперировать будет уже более впечатляющими: скорее всего появится возможность транспортировать не только какие-нибудь мегадестроеры, а и целые планеты.

Вот тут у Попова по спине прошелся неприятный холодок. Если все, что говорит Бекасов — правда, то... Перспективы действительно рисовались грандиозные. Но полковник Попов был прагматиком, закоренелым и неисправимым.

— Простите, Андрей Константинович. Это все, разумеется, безумно интересно, но меня смущают ваши формулировки. «Появится возможность» или «Скорее всего появится возможность»? Согласитесь, разница разительная.

— Без сомнений, выкладки нужно проверить экспериментально. Я не обсчитывал более сложные системы, чем дипольная, из восьми генераторов, на это просто нет времени.

— Вот-вот. Сколько времени уйдет на обсчитывание и практическую проверку?

— Ну... трудно сказать. Как все пойдет. И мне нужны будут еще генераторы — десятка два. Ле Бурже оставил нам только четыре.

— Генераторы будут, — заверил Попов. — Вы мне вот что скажите... Если эти ваши выкладки подтвердятся, простую систему из двух генераторов можно будет потом превратить в сложную из восьми?

— Безусловно, — не колеблясь, ответил Бекасов. — Мы научились инициировать пары, научимся инициировать и диполя, не думаю, что принцип окажется много сложнее.

— Это хорошо. — Попов потер подбородок. — Тогда не вижу смысла прерывать высев. Пусть заработает для начала простейшая сеть тоннелей. А потом уж будем ее по мере возможностей усложнять.

— Ну... можно и так. Да, пожалуй, сеть ведь наверняка будет использоваться для военных целей уже в ближайшее время.

— Конечно, будет!

— Тогда да. Продолжайте высев. Пары потом легко превратить в диполя, выборочные диполя — в более сложные системы, а лишние генераторы всегда можно снять и подмонтировать к другим системам.

— Лишние? Что вы имеете в виду?

— Видите ли, судя по всему при некоем граничном уровне сложности системы финишные генераторы вообще не понадобятся — стартовая будет забрасывать цель куда угодно, в любую воображимую точку.

— Любой воображимой вселенной? — не удержался и съязвил Попов, но Бекасов то ли не уловил сарказма, то ли проигнорировал его.

— Совершенно верно. Вы даже не подозреваете, насколько недалеки от истины, коллега. Дорогой мой, эти монодомены, которые кто-то недалекий обозвал генераторами, в идеале не только позволяют повелевать существующей вселенной. Они могут позволить творить новые вселенные, по своему вкусу и усмотрению. С заданными физическими законами. Простите меня, но транспортная функция — это крохотный побочный эффект. Монодомены — это истинно орудие демиургов, которыми мы, к сожалению, пока не являемся.

Наверное, Бекасов ждал, что полковник впечатлится. Однако тот, с непрошибаемостью толстокожего вояки, отшутился:

— Ну, раз на демиургов мы с союзниками не тянем, будем пока пользоваться транспортной функцию. Надеюсь, наука не возражает?

4

— Господин президент!

— Господин полковник! Хочется верить, что у вас хорошие новости!

Полковник Попов секунду помедлил, прежде чем ответить.

В самом деле — поди пойми, хорошие новости или нет? Новости вообще чаще всего не бывают однозначно хорошими или однозначно плохими.

Впрочем, нет, однозначно плохими, к сожалению, бывают. Довольно часто.

— Во всяком случае, в свете этих новостей наши возможности могут существенно возрасти и расшириться, — уклончиво ответил Попов.

Закрытый канал передавал изображение президента в малый объем — фигурка высотой с горошинку битую легко уместилась над рабочим столом полковника. Стол, конечно же, был покрыт знаменитой зеленой скатертью.

— Какие именно возможности? — сдержанно поинтересовался президент Солнечной.

— Наука утверждает, что генераторные пары — это простейший вариант использования нашей находки. По идее есть способ объединять несколько генераторов в единую сшивку; если разместить в нужных местах такие сшивки, тоннели откроются от каждой к каждой. Это существенно упростит передвижение по галактике, не нужно будет скакать по нескольким тоннелям — раз, и не нужно будет провешивать выборочные тоннели — этот на Офелию, этот на Селентину, этот на Хобарт. Единственная сшивка обеспечит доступность всех направлений. Это два.

— Хм. — Вернер Винцль опустил взгляд; на лице его отразилась напряженная работа мысли. — Это действительно упростит дело. Вы говорите, подобная возможность пока недостаточно изучена?

— Да, понадобятся дополнительные эксперименты. Бекасов пока не стал широко оглашать свои наработки; обнаруженное подобие гравитационных диполей со схемой расположения микросолнц перед катастрофой у «Боро-Боро» и расположением «лиц в небесах» — чисто наше открытие, союзники, надеюсь, еще не в курсе.

— Немедленно приступайте к экспериментам! И не в рамках «Квазара», а где-нибудь в уголке, понезаметнее.

Полковник понимающе кивнул.

— Кроме того, появилось первое более или менее правдоподобное объяснение феномену «лиц в небесах», — продолжал Попов.

— И какое же? Подсказка исполинов?

Ну конечно! У первого лица Солнечной весьма цепкий ум, он умеет быстро вычленять самое важное из любой информации.

— Совершенно верно, — подтвердил шеф «хозчасти». — Создатели генераторов попросту объясняют нам, как пользоваться их изделиями. Только не спрашивайте меня о способе — я понятия не имею, каким образом давно исчезнувшая раса сумела спрогнозировать взаимное расположение восьми планетных систем в отдаленном будущем и как выбрала людей, которым, с точки зрения исполинов, предстояло родиться через миллионы, если не миллиарды лет.

— И почему только людей, — пробормотал президент и в упор взглянул на полковника.

— Возможно, лишь людей исполины сочли достойными? — не очень уверенно предположил Попов.

— Ну-ну, полковник, патриотизм хорош в разумных дозах. А полагать свою расу достойнее прочих хоть и похвально, но все же весьма самонадеянно.

— Вы правы, господин президент. Однако на генераторе и в небесах восемь человеческих портретов и ни одного портрета союзников.

— Откуда вы знаете, может быть, те же свайги или а'йеши втихую изучают генератор, на котором проявились портреты их расы?

— У меня нет таких данных, — сухо сказал Попов.

Президент, не изменившись в лице, продолжил:

— Нет данных — еще не значит нет явления.

— Господин президент, с момента возникновения первого портрета ни один обнаруженный генератор не контролируется исключительно чужими. Рядом с каждым так или иначе вертится хотя бы один мой человек. Лица проявились только на самом первом обнаруженном генераторе, остальные не подверглись никаким изменениям.

— Ну, посмотрим. — Президент тактично сменил тему. — Итак, вам нужна моя санкция на дополнительные исследования? Я ее даю. Что еще?

— По линии «Рой» что-нибудь поступало? Я имею в виду закрытые дипломатические каналы, информацию по остальным я отслеживаю.

— Кое-что было. Сказать, чтобы отправили внеочередную сводку?

— Если это возможно. — Тон полковника отнюдь не звучал просительно.

Президент прекрасно знал, что разведка и контрразведка нуждаются в оперативной информации, приходящей по дипломатическим каналам. Собственно, эта информация по-любому попала бы на столы к Попову и его аналитикам, вопрос только, насколько своевременно. Нынче ситуация сложилась так, что каждый выигранный час мог изменить расстановку сил.

— Пожалуй, я велю, чтобы сводки вам отправляли не каждый час, а каждые полчаса,

— задумчиво проговорил президент. — Устроит?

— Было бы просто здорово, — кивнул полковник. — И последнее. Вы намерены одобрить контрудар по имперцам на Пламмере-двенадцать или же станете возражать против одного?

— Еще не решил, — честно признался президент. — Откровенно говоря, я предпочту поддержать официальную позицию Офелии в этом вопросе.

— Понятно. — Попов снова кивнул. — Спасибо, господин президент. Я буду держать вас в курсе относительно... дополнительных исследований. Отчеты будут иметь гриф «Квазар-четыре».

— Удачи, полковник!

— Благодарю, господин президент. Удача понадобится.

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «ОГАСТЕС ФЛИНН», ФЛАГМАН ФЛОТА СЕЯТЕЛЕЙ
Система Хоанги, периферия, доминанта Земли

1

«Огастес Флинн» готовился уйти за барьер. Астрогаторы просчитали четырехкомпонентный пунктир к Пламмеру-12 около часа назад; передовые эскадры с Офелии, Фелиции, Пеломена, Солнечной и Тай-Томори вынырнули из нуль-коридоров в хорошо защищенной системе Хоанги с ее четырьмя населенными планетами и дюжиной гигантских орбитальных крепостей. Хоанга отнюдь не располагалась вблизи любого из Пламмеров — она вообще принадлежала к другому спиральному рукаву. Если глядеть на галактику «сверху» и вообразить, что ее окружность представляет собой циферблат исполинских часов, то захваченное имперцами скопление Пламмер соответствовало двенадцати часам, а Хоанга — восьми. Кроме того, Хоанга была

существенно ближе к ядру; Пламмер же тяготел к окраине, практически точно с подветренной стороны.

Но теперь расстояния ничего не решали. Генераторной паре было все равно, на сколько светолет провешивать коридор — хоть на один, хоть на тысячу, хоть на сто тысяч — через всю галактику. Хоангу избрали по той простой причине, что в случае неудачной атаки и захвата имперцами передового генератора воспользоваться им неприятелю будет чрезвычайно трудно: укрепленная Хоанга в состоянии блокировать створ своего конца коридора. Диаметр створа не так уж и велик, большие корабли и планетоиды с максимальными икс-приводами в него не проходят, а что бывает, если задеть границу створа, все прекрасно помнили — рассеченный на две части крейсер а'йешей, из-за которого и обнаружили первый генератор, красноречиво предостерегал от экспериментов и лихачества. Тактика обороны была предельно ясна: следует быстро давить поочередно выходящие из коридора вражеские корабли и можно считать Хоангу в безопасности.

Ситуацией же на мобильном конце коридора можно управлять. Генератор расположили на самом носу «Огастеса Флинна» — его даже не нужно будет перемещать наружу, финишный створ формируется чуть впереди корабля. Единственное неудобство — из отсека с генератором придется откачать воздух и отключить искусственную гравитацию. Генераторы сохраняли работоспособность только в условиях, близких к космическим: вакуум и невесомость. Именно поэтому их вывозили с Тахира посредством икс-привода и лишь потом воспользовались заранее активированной генераторной парой.

«Огастес Флинн» подкрадется к захваченной системе, выберет какой-нибудь не слишком оживленный вектор полета и...

Адмирал Фисуненко живо представлял, как буквально из ничего выскальзывают корабли землян, быстро перестраиваются в смертоносный штурмовой клин и дальше идут уже на досвете, в боевом режиме и во всем блеске — окутанные заградительными полями, гоня перед собой фронт поставленных помех, а на траверзах оставляя области нелинейности.

Атака должна быть дерзкой и стремительной — освобождение Пламмера-12 планировалось как показательная операция, как проба сил в новой, мобильной космической войне. Как демонстрация нового оружия союза, оружия, которое само по себе не убивает, но зато отменяет преграды, до сих пор сдерживающие боевые корабли и разделяющие миры.

Отменяет мегаметры пустоты и время, необходимое для их преодоления.

В сущности, война за мобильность заканчивалась. Начиналась мобильная война. Война на истребление — после того, как имперцы уничтожили почти три четверти азанни и захватили бесчисленное количество миров, они не станут сдаваться даже превосходящим силам союза. Не рассчитывают они на пощаду, их клич «Империя или смерть» слишком долго заставлял людей бессильно скрипеть зубами, свайгов — гневно топорщить гребни, азанни — в ненависти приоткрывать крючковые клювы... Око за око, самозванный император Унве. Подобная поговорка есть в языке каждой расы, даже у морозных кристаллов-а'йешей. Зуб за зуб, коварные оаонс-перевертыши. Не союз развязал эту чудовищную войну, в которой сторают планеты и гаснут солнца. Так будьте же готовы, что гнев галактов обрушится на ваши мятежные головы. Гнев, подкрепленный знанием давно исчезнувших из галактики исполинов.

Адмирал Фисуненко почувствовал, как мир на неуловимый миг раздвоился, а сам он воскрес и умер. Воскрес на пути к Пламмеру и умер в Хоанге — именно в такой последовательности.

«Огастес Флинн» совершил первый прыжок и принялся готовиться ко второму.

ИСКУССТВЕННЫЙ СПУТНИК «ЖЕЛТАЯ ТЕНЬ»

Венеростационарная орбита, Солнечная система, доминанта Земли; частная территория

1

«Желтая тень» и впрямь официально считалась частной территорией. Правда, реальным владельцем этого небольшого, напичканного новейшей аппаратурой спутника в конечном итоге являлась контрразведка доминанты Земли, причем, как ни странно, не отделение Солнечной, а селентинское отделение. Впрочем, странным это

обстоятельство показалось бы только стороннему человеку (или нечеловеку) – подобные «частные территории» Солнечная имела по всей галактике. Внутри конторы о таких спутниках тоже были осведомлены далеко не все, что и понятно. Так что о сторонних людях и нелюдях рассуждать можно было лишь гипотетически.

Райд уже светился здесь позавчера. Прибыл незадолго до того, как на «Желтую тень» доставили двоих героев обороны Солнечной – Гектора О'Риди и Нери Йонаса. Геройство геройством, но обоим чересчур расторопным труженикам проекта 329, которым по штату никакое особенное геройство не полагалось, вполне ожидаемо решили промыть мозги – причем наличие в черепашке первого из героев напыленного нейрочипа делало подобную операцию практически неизбежной. Возможно, это было дутьем на воду после обжига на молоке, но проколоться на ровном месте никому не хотелось. Особенно в свете последних выводов о причинах катастрофы, укокошившей всех до единого имперцев армады еще до непосредственной атаки Солнечной. Разумеется, никто не полагал О'Риди или Йонаса шпионами Унве – слишком уж велик был причиненный империи ущерб. А вот упорно маячащий на самой границе зоны достоверности Рой...

В самом деле. И в системе Офелии, и на пороге Солнечной вроде бы наблюдались скауты Роя. Результат – две имперские армады вычеркнуты из списка действующих. Одна так вообще стинула без следа, а вторая превратилась во внушительный парк мертвых корпусов боевых космических кораблей – начинку оживить люди так и не сумели. Кто может поручиться, что Рой не обработал этих парней, О'Риди и Йонаса? Слишком уж натянутым кажется совпадение – семь расположенных нужным образом микросолнц, нетривиальное использование давно выброшенного в хлам лазера... Так и торчат отовсюду белые нитки. Кстати, проверка показала, что изначально брошенные микросолнца располагались вовсе не там и не так, как во время взрыва. Их кто-то передвинул и особым образом сгруппировал. Но кто и когда? Люди из проекта 329 этого попросту не заметили – ну кого, скажите на милость, может заинтересовать взаимное расположение хлама на свалке? Кто его вообще удосужится зафиксировать, расположение хлама? Последним документальным свидетельством о микросолнцах была стан-запись одного из малозначительных экспериментов на только что открывшейся «Боро-Боро», и эксперимент этот был проведен без малого тридцать четыре локальных года назад. Микросолнца попали в запись по счастливой случайности, в качестве периферийного фона. То есть с момента появления их на свалке почти восемь столетий тому и вплоть до этого эксперимента они просто дрейфовали вместе со всей свалкой, медленно разлетаясь от условного центра масс. За последние тридцать четыре года взаиморасположение их радикально изменилось: крайнее, ближнее к «Боро-Боро» микросолнце разбудили и слегка разогрели сами земляне. А вот кто и когда перегруппировал остальные шесть? На это ответа найти не удалось.

Ситуация, в которой Рой группирует микросолнца, обрабатывает одного из будущих героев обороны (а возможно, и обоих) и сводит атаку имперской армады к катастрофе, вовсе не казалась экспертам-контрразведчикам высосанной из пальца. Контрразведка просто обязана расследовать подобные случаи; работа этой конторы, в сущности, и заключается в перелопачивании гор шлака и поиске реальных самородков, то бишь следов тайной деятельности инопланетян в пределах доминанты Земли. И не важно, что в данном случае вмешательство привело к позитивным результатам (а говоря более прямо и без обиняков – спасло Солнечную от неминуемой интервенции). Раз у инопланетян нашлись причины делать это тайно, значит, необходимо приложить все мыслимые усилия и узнать правду. Вот и принялись за геройскую парочку. Чип в голове пилота-механика только укрепил подозрения контрразведки: наличие напыленных кристаллов в коре мозга существенно упрощает процесс обращения человека свободной воли в послушного робота.

Райда послали в качестве не то наблюдателя от «Квазара», не то в качестве почтальона: оперативная группа контрразведки должна была отчитаться перед ним, сообщить все результаты дознания. Устно. Райд, в свою очередь, должен был вернуться на «Квазар» и доложить все полковнику Попову.

Почему устно? Райд подозревал, что властные структуры доминанты всерьез озаботились присутствием Роя в галактике. Возможно, Рой куда и не уходил. Он просто стал невидимым, незаметным для остальных разумных, базируясь на каком-то новом уровне знания. Но, похоже на то, вовсе не удалился от дел и продолжает влиять на события галактической политики.

Такое положение дел было неприятным, однако вполне вероятным. А значит... А значит, для спецслужб снова наступило время сплошной головной боли и пахоты без

отдыха и передышек. Впрочем, за последний военный год об отдыхе говорить вообще не приходилось.

Катер медленно дрейфовал к шлюзу «Желтой тени».

Еще утром Райд находился в другой галактике, вблизи Тахира. Могучая все-таки штука эти генераторы исполинов – миг, и ты оказываешься в невообразимой дали. Расстояния стали ничем, просто абстрактной численной величиной. Мгновенный прыжок через световые годы, короткая пульсация от финишного створа, расположенного между орбитами Земли и Венеры, к спутнику «Желтая тень»... И все. Стыковка. Выравнивание давлений. Биоконтроль. Финиш.

Райд стремительно сошел по пологой сходне. Встречал его, как и позавчера, молодой селентинский контрразведчик по прозвищу Гиви. Вряд ли это было настоящее имя – Райда тоже по документам звали совершенно иначе. Странно, но мелкая сошка разведок и подобных контор сплошь анонимна, а вот руководители, вроде того же полковника Попова, пользуются фамилиями достаточно открыто. Хотя поди узнай – реальные это фамилии или нет? Однако начальнические имена в обиходе остаются долго, во всяком случае куда дольше, нежели псевдонимы оперативников. Года два назад Райда все знали как Карстена. А теперь поди разыщи кого-нибудь, помнящего этот псевдоним... Полковник Попов разве что.

– Здравствуй, Гиви.

– Здравствуй, Райд. Мы только что закончили, можешь даже пилотов не отпускать.

– Ага. Хорошо. – Райд обернулся к пилотам, как раз спускающимся по сходне. – Хлопцы, говорят, я быстро. Так что перекур-перекус – и назад. Не разбредайтесь.

– Добро, Райд, – кивнул старший – медноликий, черноволосый, с орлиным профилем. В среде пилотов он был известен как Вождь.

Гиви уже шагнул к выходу из ангара и Райд поспешил следом.

Его снова привели в небольшую каюту, где местные проводили рабочие совещания. Аппаратуры тут было минимум; одна стена, несомненно, была односторонне-прозрачной. Последнее мало волновало Райда – перекрестные проверки и подглядывания давно стали обычным делом в его ремесле. Странно, если бы проверок не случалось.

Расслоив перепонку, Гиви приглашающе повел рукой, но сам в каюту не вошел, остался снаружи. Внутри обнаружился еще один знакомый контрразведчик, которого Райду позавчера представили как Эльдара. Он как раз тасовал в объеме видеокуба какие-то записи.

– Добрый день, – поздоровался Райд.

– Скорее вечер, – отозвался Эльдар. – Садитесь. Мне сказали, что у вас мало времени. Я буду краток.

– Прекрасно. Слушаю вас.

Райд опустился в вертящееся кресло.

– Так... Первый, Гектор О'Риди, который калека с чипом в голове. Как ни странно, чист, а младенец. Ментосрезы у него хранятся в наружной механической памяти. Спецы говорят, что чип никто не перешивал с момента напыления. Вот данные по сканированию и тазиограмма. – Эльдар передал Райду мутно-серый инфокристалл с сеточкой активной защиты на поверхности. – Будьте осторожны, это второй экземпляр из двух.

– Разумеется, буду, – заверил Райд, пожалуй, излишне сухо. Эльдар все прекрасно понимает – не пришлют же за данными ротозея? Но предупредить и призвать к осторожности обязан. Заранее зная, что ответят ему вежливо, но... излишне сухо.

– А вот со вторым сложнее. – Эльдар вызвал в видеокуб несколько роликов и разместил их на фоне. – Во-первых, инициатором залпа по армаде выступал именно он, Нери Йонас, а О'Риди до последнего момента был ни сном ни духом о будущей акции. Во-вторых, Йонас действительно шел к идее накачки лазера от микросолнца последовательно и логично, используя общедоступные материалы. Ну, почти общедоступные: как работник научного проекта у него был доступ к большинству закрытых архивов. Не засекреченных, а закрытых, подчеркиваю. Собственно, до всего этого может додуматься любой достаточно грамотный инженер. Нужен только первый посыл и некоторое упорство. Вот на посыле мы и сконцентрировались. Провели первое сканирование и сразу же уперлись в мощнейший блок. Наши спецы даже приготовились разочарованно вздохнуть, а не тут-то было: за блоком было чисто. То есть никаких воспоминаний, ни интересующих нас, ни прочих – вообще никаких. И определенно никаких следов коррекции памяти. Такое впечатление, что некто обратился к свободной области и поставил блок. Эдакий забор в чистом поле, непонятно, кого от кого отгораживающий. Дальше – больше: принялись вылизывать

свежую память. Сразу же наткнулись на затертые области — затертые небрежно и поспешно, словно кто-то спешил освободить место на подоконнике и нетерпеливо смахнул на пол горшки с цветами — все разом.

Райд еле заметно усмехнулся — контрразведчик Эльдар мыслил образно, метафорически. Не совсем обычное дело для контрразведчика.

— Восстановить затертое оказалось несложно. Восстановили. Смотреть будем?

— А надо? — усомнился Райд. — Может, на словах?

— Ну, без просмотра много вы не потеряете, — Эльдар задумчиво почесал кончик носа. — Если на словах — то снова никакого криминала. Обычная бытовуха. А позже выяснилось, что два месяца назад Нери Йонас обращался к психокорректору. Легально. Сравнили — оно.

— Так я и думал. — Райд довольно кивнул. Он действительно сразу заподозрил нечто вроде этого. В противном случае Эльдар не стал бы спрашивать — смотреть, не смотреть. Включил бы и показал. Обычное дело.

— В общем, потрошили мы его долго и основательно. Чисто. И когда уже решили, что и этот чист — на выходе поймали эхо. Вот этот кадр.

На этот раз Эльдар не стал ни о чем спрашивать, просто запустил один из роликов. Собственно, это был даже не ролик, а статичная голограмма. Восьмилепое существо, похожее на помесь термита с богомолем. Горизонтальное туловище с округлым брюшком, три кольца перед полувертикальной головогрудью, голова, похожая на спортивную гирию, две пары усиков-эффекторов, черные пятна глаз...

— Особь Роя, — опознал Райд, что было в общем-то несложно. — Только специализацию не скажу. Точно не рабочий и не солдат.

— Верно, — подтвердил Эльдар и уточнил: — Это толмач. Одна из шести разумных форм.

— Сопроводилка есть? — нахмурившись, справился Райд,

Не нравилась ему эта нарочитость. Похоже на то, что Рой просто оставил нечто вроде послания: «Да, мы имеем к этому отношение. Но какое именно — не ваше дело».

— Нет сопроводилки. Сдается мне, это просто визитная карточка. Рой осознал, что мы догадываемся о его присутствии в галактике и о вмешательстве в дела союза. Соответственно он дает знать, что действительно вмешивается.

— Вообще-то из союза Рой никто не изгонял, насколько я помню. Он сам ушел лет четыреста назад.

— Больше четырехсот. Но в общем верно — Рой и в самом деле не изгоняли, не исключали, не выводили из... — Эльдар смешно наморщил нос и лоб и глубоко вздохнул. Потом резко махнул рукой и закруглился: — Резюме аналитиков: визитная карточка. Нери Йонас в принципе чист, программ у него в голове нет. По крайней мере таких, какие мы в состоянии распознать и обезвредить. А если Рой все-таки вложил в него какую-нибудь программу... то горе нам, грешным. Мы все равно с ней не совладаем при нынешнем уровне знания.

— Понятно, — пробормотал Райд, протягивая руку. Через секунду второй кристалл присоединился к первому, очутившись в специальном кейсе. Кейс был, понятно, с приличной защитой и секретами. — Что-нибудь еще?

— Пожалуй, больше ничего. О новом циркуляре относительно наблюдения кораблей Роя у вас наверняка уже знают.

— Конечно, знают.

— Тогда честь имею, — Райд встал.

— Спасибо, Эльдар. Удачи. Держите тут тылы крепче.

— Взаимно, Райд. А вы уж там на передовой стойте насмерть.

— Всенепременнейше!

Обратный путь в ангар Райд проделал снова в обществе Гиви. Пилоты цинично курили рядом с заправщиком, и местные космодромные рабочие не посмели их прогнать, только неодобрительно зыркали. Еще бы: у Вождя на комбинезоне красовались аж четыре нашивки от «Славы», две — от «Георгия» и матовая голограмма «100 сбитых». В свое время истребители империи шарахались от его «Могиканина», словно мухи от ласточки.

— Что, уже все? — удивился Вождь при виде Райда.

— Наступило быстрое время, Вождь, — задумчиво произнес Райд. — Быстро летаешь — быстро живешь. Надо учиться быстрее думать.

— Нам даже жрать еще не принесли. О, вон несут как раз.

В ангар действительно вплыл робот-официант, серебристый куб на антиграве, уставленный сверху столовыми приборами. Он размеренно приблизился к боту, строго держась желтых линий палубной разметки.

— Возьмем сухпакет, — сказал Райд. — По дороге перекусим.
— Что, плохие новости?
Вождь никогда не пытался вникнуть в проблемы конторы, по общее настроение зубров «хозчасти» улавливал всегда верно.
— Хрен их разберет — хорошие, плохие... Но лучше бы никаких новостей не было, ни хороших, ни плохих.
Понимающе кивнув, Вождь повернулся к официанту:
— Привет, железяка! Чем попотчуете? Синя, помогай!
Второй пилот взял в каждую руку по подносу со снедью, а Райд уже поднимался по сходне.
Теперь имело смысл торопиться — он доставит информацию из метрополии полковнику Попову уже сегодня, а не несколькими неделями спустя.
Жизнь в очередной раз утопила акселератор до отказа.

ЗАГОРОДНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ СИНДИКАТ-КЛАНА ВАЙРА-САУТА
Оа-Дирати (Иншуди), доминанта Оа

1

Шевеление началось только ближе к вечеру. До этого потерянные десантники Скотча успели перекусить и разбрестись по резиденции, медленно дурея от жары. Боевой пловец стал похож на выпрыгнувшую из аквариума рыбку — распластался на низком диване, широко разинув рот, и почти не двигался. На соседнем диване валялись раненные — Валти с Мистером Литтлом. Им тоже приходилось несладко.
Только часовые пытались бдеть.
Слабое пятнышко на самом горизонте заметил Гаваец, дежуривший на западной башне. Секунд десять он, щурясь на заходящее солнце Иншуди, вглядывался, потом поднял бинокль с волновым усилением.
После этого сомнений не осталось: к резиденции перевертышей приближались гости. А возможно, и хозяева.
Вот тут-то десант и зашевелился, словно и не бывало изнуряющего зноя. Очнулся от раздумий Мельников. Встрепенулся Скотч. Подобрался Солянка. Даже боевой пловец прижал жабры, захлопнул рот и перестал соловеть от жары.
А ведь в помещении было куда прохладнее, чем снаружи...
— Платформа на антиграве, — докладывал Гаваец тем временем. — Здоровая. Если полная — внутри легко может прятаться душ двадцать. Прет с запада, точно к нам. Здесь будет минут через пять.
— Что делаем? — справился Скотч у «погранцов».
— Ховаемся, — сказал Мельников, ни секунды не колеблясь. — Исчезаем. И смотрим, что гости станут делать. Солянка, Суондреды — давайте вниз, к пленным. Ежли полезут туда, кладите всех, кроме одного, язык понадобится. Остальным — рассредоточиться по зданию, без команды ничего не предпринимать. Часовым укрыться на местах и по возможности не прерывать наблюдения.
Сборная доминанты Земли рассыпалась по резиденции и растворилась в интерьере. Без следа. Как умели только прирожденные диверсанты.
Скотч, готовый в любой момент задействовать камуфляж, присел на веранде первого яруса, как раз под наблюдательным пунктом Гавайца.
Глядя сквозь ажурное ограждение с перильцами, он ясно видел приближающуюся платформу, похожую издали на гигантское пирожное эклер.
Во внешнем периметре ворот не было вовсе; ворота внутреннего были прикрыты, но не заперты. И, понятное дело, будочка охраны сейчас пустовала. Трупы перевертышей в белых одеждах от ворот и из катерка убрали еще днем, сразу после атаки, да и по помещениям прибрались — валяющихся тут и там покойников любой счел бы непорядком.
Платформа размеренно тянула к резиденции; по истечении указанных пяти минут она с ходу перемахнула первый периметр, потом второй — несколько в стороне от ворот — и, описав плавную дугу, застыла перед парадным входом. Сошли с нее всего двое.
— Ждем, — пискнула оперативная связь голосом Мельникова.
Приехавшие оаонс целеустремленно поднялись по лесенке и вошли в холл. Здесь они ненадолго задержались, озираясь и гортанно окликаая кого-то, видимо, службу. Никто, понятное дело, не явился и не отозвался.

Тогда оба направились на нижний ярус, прямо к запертому шлюзу. По дороге они продолжали вертеть головами, но больше никого не звали. По идее опустевшая резиденция должна была их насторожить, однако беспокойства перевертыши не высказали и никаких особых мер предосторожности не предприняли, даже оружие не сняли с поясов, хотя каждый был при довольно мощном однопоточном бласте.

Похоже, они не были осведомлены о нападении.

«Может, они думают, что обитатели резиденции эвакуировались?»

Мельников говорил, на планете мало кто остался, только военные да похоронная команда...» — подумал Скотч.

Однако, если рассуждать трезво, на таком важном объекте перевертыши не могли забыть никого из своих. Что-то за всем этим крылось.

К пленникам пришлые не полезли. Нет, они целенаправленно двинулись на самый нижний ярус, туда, где Мельников с приятелем совсем недавно колдовали над неприступным пультом шлюза — колдовали поочередно и вполне безуспешно. А вот гости открыли его меньше чем за минуту.

— Взять! — скомандовал Мельников, и у шлюза произошло короткое множественное движение; оба перевертыша мигом оказались схваченными, прямо в кессоне. Кто-то невидимый в камуфляже — кажется, Суондреды — ворвались в доселе запертую камеру за шлюзом. Скотч с Солянкой, а также боевой пловец остались с пленными на пороге.

— Пусто, — спустя пару минут доложил один из Суондредов (в камеру проникли действительно двое из четырех братьев и с ними Зденек Рагназь).

Невидимый Мельников коротко выругался. Потом спросил:

— Гаваец! Больше гостей не видно?

— Не видно. Горизонт чист.

— А с других сторон?

Часовые доложили — гостей больше не намечается, по крайней мере в ближайшее время.

Мельников снова выругался и снял камуфляж

— Проверить, нет ли кого еще на платформе.

Бестелесная тень тотчас перемахнула через перила веранды и метнулась к «пирожному».

— Пусто, — донеслось спустя минуту. — Датчики движения тоже молчат.

— А биосканеры?

— Двое гостей, мы и пленные в подвале. Больше ни души.

Мельников что-то неразборчиво пробормотал, затем позвал:

— Тамура!

— Я!

— Ты где?

— На восточной башне.

— Пусть тебя кто-нибудь подменит и давай сюда!

Подменить вызвался раненый Валти — сказал, в свалке от него все равно сейчас немного толку, а глаза пока работают. Да, откровенно говоря, свалки и не намечалось.

Вскоре примчался Тамура — как всегда собранный и наэлектризованный. Казалось, маленький японец состоит сплошь из тугих пружинок, настолько он выглядел готовым к любым активным действиям. Только что не подпрыгивал на ходу.

— Скотч! Ступай со мной, — продолжал командовать Мельников.

Вчетвером — оба погранца, Скотч и Тамура — они миновали шлюз и оказались в стандартном центре управления сверхмалым икс-приводом, разве что отделанном с непривычной роскошью. Вместо тусклого углепластика стен в глаза бросались узорчатые ковры; пол также был устлан коврами. Привычные светопанели отсутствовали, зато под потолком виднелись замысловатые витые светильники, наверняка ручной работы. И наверняка дорожные. Рядом с головным пультом стояла даже какая-то статуя наподобие античных греческих или римских, только совершенно целая. Статуя изображала слегка метаморфизированного перевертыша, борющегося с незнакомой тварью весьма неприятной наружности. Перевертыш одолевал. Тварь в бессильной злобе скалила крокодилий пасть.

Внутри модуля действительно не нашлось ни единой живой души — ни в комнатах отдыха, ни на камбузе, ни в обширном санузле — нигде.

— Ну, что же, — процедил Мельников, после того как первый обход завершился. — По крайней мере мы получили транспорт. Тамура, оживляй автоматику.

— Там, поди, все на языке Оа...

— Разберемся.

Тамура кивнул и уселся в кресло перед клавиатурой.

А вот тут землян поджидал неприятный сюрприз: вход в управляющий комп был серьезно запаролен. Без нормального доступа невозможно было даже подогреть бутерброды на камбузе. А ломать пароль... Даже если это и возможно, потребует значительного времени.

Мельников хмуро поглядел сверху вниз на сидящего за пультом Тамуру. Тот беспомощно развел руками — в объеме видеокуба цвела строка приглашения ко входу в систему и мигал кубик курсора в поле ввода пароля.

— Так-так... — процедил Мельников и нехорошо покосился в сторону шлюза. — Эй, хлопцы! Пленных сюда!

И — чуть тише:

— Поглядим, много ли вы знаете...

Солянка и пловец втокнули в модуль обоих пленных. Руки у них были схвачены силовыми наручниками — за спинами, как положено. И Солянка, и пловец держали наготове виброножи, штуку в ближнем бою весьма неприятную. Для противника.

— Раз вы сюда сунулись, — жестко сказал Мельников на интере, — значит, кое-чего знаете. Нам нужен пароль.

Пленники молчали.

— Учтите, — предупредил Мельников. — Жалость и сострадание не входят в число присущих нам добродетелей. А о галактическом кодексе можно на время и позабыть. Пароль!

Перевертыш повыше ростом оставался бесстрастным. Он отрешенно глядел в пустоту. А вот у второго глазки предательски бегали. Он и заговорил первым:

— Мы не знаем пароля.

— Да ну? — Мельников изобразил легкое удивление. А потом в его руке вдруг возник маленький ручной бласт.

Шихнул одиночный импульс.

Высокий перевертыш тихо охнул и неловко повалился на пол — в обуви его зияла прожженная дыра. Ступня, понятное дело, тоже была прострелена, насквозь. На ковре осталось темное обугленное пятно.

— А сейчас как? — поинтересовался Мельников. — Память не освежилась?

Высокий подавил стоны и снова умолк. Лицо его приобрело легкий синюшный оттенок — он явно собирался метаморфировать. Перевертыши были на редкость живучими созданиями.

— Мы не знаем паролей, правда, — с дрожью в голосе сказал второй оаонс. — Их знал только шеф.

— Так-так, — Мельников вдруг шагнул к разговорчивому пленному, страбастал его за шкуру и поднес бласт к виску. — А если еще подумать? Повспоминать?

Пленный передернул плечами, но не проронил ни звука.

— Ну что? Не вспоминается?

Выдержав жутковатую паузу, Мельников убрал бласт от головы разговорчивого перевертыша, медленно-медленно перенаправил его на голову высокого и произнес:

— Пароль. Считаю до трех. Раз.

— Мы правда не знаем! — взвизгнул разговорчивый.

— Два.

— Нам не положено их знать! Приводом мог воспользоваться только шеф разведки, в экстренном случае!

— Три!

Сухо шихнуло и в голове высокого образовалась такая же дыра, как в ступне.

Разговорчивый подавился очередной фразой. Секунд двадцать он судорожно дергал головой и глядел на землян чумными глазами.

— Это персональный привод, — обреченно добавил он. — Пароля недостаточно, для старта нужна генная идентификация.

Мельников бросил быстрый взгляд на Тамуру; тот поколдовал над пультом и действительно обнаружил сектор управления биопробами.

— Похоже на правду, — заключил Тамура после короткого осмотра.

— А ну возьми пробы с этого! — велел Мельников, указывая на труп. — Больно мужественно он молчал.

«Зачем? — удивился Скотч. — Пароля все равно нет...»

Тамуре помогли дотащить труп до пульта и опустить левую руку на панель папиллятора. Аппаратура послушно сделала соскоб и считала генную карту. В объеме куба вспыхнула оранжевая надпись.

— Не он, — заключил Тамура после секундного раздумья.

— Теперь ты! — Мельников качнул головой и разговорчивый перевертыш послушно сунулся к пульта, придерживаемый за шиворот боевым пловцом. Однако и его пробы модуль отверг.

— Дерьмо, — буркнул Мельников с видом человека, надежды которого не оправдались.

— Значит, убраться отсюда с комфортом не удастся. На слежении есть кто-нибудь?

— Есть, — послышался голос безымянного «погранца».

— Векторы взлета все еще перекрыты?

— Перекрыты.

«Вот незадача, — подумал Скотч, молча внимающий происходящему, — катеру по-прежнему не судьба стартовать. Зачем спутники жгли, только отход завалили сами себе...»

— На платформе! — окликнул Мельников.

— Я!

Отвечал один из Суондредов.

— Проверь управление, Там, надеюсь, паролей и идентификации нет?

После недолгой паузы донеслось:

— Нет ничего. Управляется.

— Внимание всем! Уходим. Замки на подвале с пленными испортить. Взять воды и сухпай из запасника, Скотче, местный антиграв прихвати. Пять минут на все!

Скотч с готовностью встал.

— Прощай, — сказал Мельников разговорчивому пленному и застрелил его, так же равнодушно и холодно, как и первого. Вряд ли разведчик при этом испытал какие-нибудь чувства вроде жалости. С чего бы?

— Надеюсь, вы оба попадете в свой перевернутый рай...

2

Через пять минут команда собралась перед одним из входов в резиденцию. Пятнадцать человек в дремлющих пустотных комплектах, при оружии и груды припасов, сложенных в сетчатые торбы и принайтованных к мощному гражданскому антиграву.

Мельников критически оглядел команду.

— Так, братцы... Давайте-ка жратву и прочее — на платформу. Антигравом берите катер, и на буксир. Гаваец!

— Да?

— Дуй наверх, к орудиям. Как катер с места сойдет, лупи по месту посадки и окрестностям. Желательно снести часть периметра. Типа, чтобы издалека казалось, будто тут война шла со скрежетом и взрывами. Мы тебя во-он там подождем, северо-восточнее.

— Понял; — уронил Гаваец и умчался.

Тамура и Цубербюллер закрепили антиграв в захватах катера и подцепились силовым лучом к приемнику платформы. Скотч проконтролировал — не вследствие недоверия, а по старой боевой привычке: по возможности дублировать любые действия. Две пары глаз всегда лучше одной.

— Грузимся! — скомандовал он Тамуре и Костику, когда убедился, что все в порядке.

На платформе, под сетчатой крышей, расположились десантники. Мельников изучал развернутую перед глазами карту местности. Дружок его поднялся в башенку и шарил окулярами волнового усилителя по близкому горизонту. Солнце садилось.

— Двинули! — предупредил Валти, конечно же, оккупировавший водительское кресло и уверенно держащийся за фрикционы.

Платформа плавно приподнялась над песком и скользнула вперед, к воротам. Едва успели отъехать метров на тридцать, Гаваец шарахнул по посадочной площадке из магнитодинамики. Раз, другой, третий. Потом по периметру. Песок и осколки забора вставали дыбом, чтобы секундой позже осыпаться сухим удушливым дождем.

Гаваец успел выстрелить раз тридцать, прежде чем Мельников оторвался на миг от карты и буркнул в переговорник:

— Довольно! На борт.

Выстрелы прекратились, а пять минут спустя на платформу запрыгнул довольный Гаваец — этот тип любил пострелять из чего-нибудь мощного.

— Поехали! — весело гаркнул он, и Валти тронул. Платформа с катером на буксире ринулась к дюнам, заскользила над песками стремительной керамической ящеркой. Грунта она, разумеется, не касалась и следов, стало быть, не оставляла.

— А зачем мы прихватили катер? — спросил Скотч. — Ты же говорил, что его не выпускают в космос.

— Говорил, — не стал возражать Мельников. — Видишь ли, к резиденции в течение двух-трех часов кто-нибудь стопудово явится, ибо пассажиров этой платформы хватятся в ближайшее же время. А теперь прикинь, много ли логики в наших действиях? Постреляли из пушки, прихватили катер, убили двоих, но не тронули остальных пленных...

— Откровенно говоря, — признался Скотч, — я вообще не улавливаю логики.

— И это здорово! — Мельников значительно указал на Скотча пальцем, а спустя пару секунд хитро подмигнул. — Логика в наших действиях просто нет. Пусть себе перевертыши ломают голову почему зря. А мы тем временем проскочим к ближайшему гражданскому космодрому, пошумим там слегка и двинем во-от сюда, к объекту «Лайзо». Знаешь что это?

— Нет.

— Тоже космодром. Резервный.

С момента произнесения слова «космодром» Скотч наконец прозрел и в общих чертах расколол план разведчика. На резервных космодромах обыкновенно имеется хотя бы один законсервированный космический корабль. Если действовать быстро и решительно, на нем действительно можно успеть взлететь и уйти в пульсацию в аварийном режиме, прямо из стратосферы. Успеть раньше, чем орбитальная оборона сожжет опознанный корабль, не ответивший на стартовые запросы. Особенно если параметры пульсации уже просчитаны, а астронавигационный диск заботливо уложен в драйв считывателя. Что касается шума на обычном космодроме, так это не что иное, как снова-таки отвлекающий маневр на пути к спасению. В целом Мельников был прав: если толком не знаешь что делать — делай любые глупости, не раздумывая и не теряя времени. Опережай противника на ход. Не дай ему перехватить инициативу.

— Интересно, откуда ты узнал о резервном космодроме? Во вводной, насколько я помню, ничего подобного не было.

— А из памяти вот этой самой платформы и узнал. Правда, информация еще довоенная. Так что... идем наудачу. Впрочем, иных вариантов у нас все равно пока нет.

Когда стемнело — как это бывает в пустынях стремительно, почти без сумерек, — чуть в стороне от зенита вдруг багрово полыхнуло и в землю уперлась ветвистая молния.

— Стоп! — чужим голосом скомандовал Скотч. Валти рефлекторно тормознул.

— Всем прочь от платформы! Врассыпную! Как можно дальше!

Сержант-десантник прекрасно знал, что это такое — орбитальный залп.

Если передвижение платформы отслеживается со спутников...

Полтора десятка фигур, врубив камуфляж, растворились в пустыне. Скотч отбежал метров на двести — пожалуй, беги он на довоенной Олимпиаде, спорткомитету доминанты Земли было бы за него не стыдно. Целых двести метров, и он был все еще жив. После этого Скотч упал и пополз.

Что такое двести метров для орбитального лазера? В сущности, ничто. Но под защитой работающего пустотного комплекта — это граница жизни и смерти.

Теперь можно было упасть и ползти, что Скотч и сделал. Боковым зрением он видел — справа на песке тоже чертится след: кто-то полз рядом с ним.

Через долгую минуту оглушительно гроыхнуло и мазнуло свирепым шквалом по пескам. Шквал налетел и схлынул, словно шальная волна на берег. Позади за горизонтом, там где оставалась резиденция разведки перевертышей, разгорелось неяркое сияние, тоже багровое, как перед этим в небесах. Но его мало кто видел — десантники, сознательно не поднимая голов, ползли прочь от платформы.

Еще двести метров. Еще. По-пластунски. На пузе, локтях и коленях.

Вторично гром из поднебесья так и не грянул. На орбите почему-то решили уничтожить захваченную резиденцию, но окрестности отслеживать на предмет беглецов на платформах или катерках при этом не стали. Скотч поймал себя на мысли, что в поступках перевертышей тоже совершенно не чувствует логики, и похоже на то, что противник, как и они, действует наобум, лишь бы не бездействовать.

— Твою мать, — сказала пустота справа голосом Мельникова. — У меня до сих пор поджилки трясутся.

— У меня аналогично, — буркнул Скотч, осторожно приподнимая голову над песком. — Что делать-то будем?

— Подождем, — решил Мельников. — Однако ты молодец, Скотче. Быстрее меня среагировал.

— Это не я, — признался Скотч. — Это... жопа. Рефлексы, одним словом. Я сначала заорал и только потом испугался.

— И это правильно. — Мельников хмыкнул. — Все-таки по общевойсковым навыкам вас, фронтовиков, хрен оставишь. Сколько ни тренируйся.

Скотч только протяжно вздохнул в ответ.

— Что делать-то будем? — спросил он немного погодя, когда ноктовизоры сбросили шоковое затемнение, а глаза снова приноровились к ночному режиму.

— Думаю... — протянул Мельников и неожиданно спросил: — Мож, бросим эту платформу к чертям свинячьим?

— И пешком по пустыне? — усомнился Скотч. — Далеко не уйдем, точно говорю.

— Ты прав, припасы на себе тащить — дело кислое, а антиграв засекут с той же вероятностью, что и платформу. — Разведчик по обыкновению размышлял вслух.

— В платформе, между прочим, легко может стоять маячок, — заметил Скотч. Мельников тихо фыркнул:

— Да он стопудово там стоит. Точно так же, как и в антиграве с базы. Нет, нельзя платформу бросать. На ней мы до «Лайзо» доберемся часа за два с таким. А пешком... Короче, риск практически одинаковый, а по времени на платформе будет солидная фора.

— Ну, смотри... — Скотч кашлянул. — Ты сказал...

— Ты не согласен, что ли? — спросил Мельников настороженно.

— Почему не согласен... — Скотч хотел пожать плечами, но раздумал: при включенном камуфляже собеседник все равно этого не увидит. — Согласен. Я сразу сказал, что пешком по пустыне топать не в радость.

— Ага. — Мельников, в свою очередь, воздержался от кивка, однако Скотч этого, понятное дело, не знал. — Пловец! — позвал разведчик по связи.

— Я, — отозвался тот.

— Сканер у тебя?

— У меня, — вмешался Тамура. — Я уже глянул, только мы и какая-то зверушка в полусотне ун к западу.

— Зверушка? Уверен?

— Ну... В данный момент она чешет прочь от взрыва. В нашу сторону, но проскочит мимо.

Воцарилась недолгая выжидательная пауза.

— Проскочила, — сообщил Тамура примерно через минуту.

В темноте поодаль действительно мелькнуло что-то продолговатое. Скотч попытался подстроить ноктовизор, но рассмотрел до смешного мало. Ему показалось, что зверушка была похожа на крупного варана или сухопутного каймана с Табаски, только передвигалась существенно быстрее.

— Тыфу ты, пропадь, — ругнулся Мельников. — Тамура, что сейчас?

— Убегает.

— Ладно... Давайте все помалу к платформе. Только не в рост, пригибайтесь хотя бы.

— Стоп! — зловещим шепотом предостерег Валти. — Радар! Лежать всем!

«Радар? — мысленно удивился Скотч. — Экая древность... Впрочем, тут и собака-ищейка пригодилась бы... Главное — результат».

В принципе включенный камуфляж не отражал радиоволн. Однако грамотный оператор теоретически мог засечь вторичную интерференцию от движущейся группы — идеальной системы камуфляжа в природе до сих пор не существовало, только более или менее удачные.

— Откуда следят? — Мельников тоже зачем-то перешел на шепот.

Переговоры десантников радаром не засечешь: радиосвязью люди перестали пользоваться вскоре после вступления в союз, перейдя на существенно более действенную и экономичную мгновенку.

— Восток-юго-восток... Откуда-нибудь с джун, например.

— Черт. — Мельников явно злился. — Ждем...

Однако злился он недолго. И отнюдь не ввиду покладистого характера. Дальнейшее произошло стремительно, неправдоподобно стремительно; сознание не успевало за событиями, будто землян-десантников опоили каким-нибудь дурманящим зельем.

Сначала стало светло, как днем. Правда, свет был нехарактерный для Иншуди — белый, а не зеленоватый. На дюны легли рубленые контрастные тени, а из поднебесья вдруг свалился округлый блин эскадренного штурмовика конструкции свайгов.

Потом разом отрубались пустотные комплекты и погасли огоньки готовности на бластах и лазерниках. Отказала даже связь, хотя обычно техноблокада мгновенку не затрагивала.

Ну а следом когарту Скотча и Мельникова взяли в кольцо высадившиеся из штурмовика солдаты-перевертыши.

Они были метаморфированы под рукопашный бой и вооружены метательными сетками и кастетами. Скотч сотоварищи не могли воспользоваться даже виброножами — только обычными тесаками, а вот пневматические метатели сеток по конструкции были не сложнее ножниц, поэтому опять же работали в условиях любой техноблокады.

Боя не получилось. Здоровенные оаонс напористо атаковали, земляне просто не успевали кромсать ножами пути из поликерамики. Да и резались поликерамические шнуры плохо. Скотч споткнулся, когда сетка заплела ему ноги, получил кастетом в ухо и рухнул на песок; секундой позже на него навалились сверху. Мельников каким-то чудом умудрился вырубить двух перевертышей в партере, но третий все же достал его кастетом. Солянка успел куснуть кого-то за руку в бессильной злобе, рыча, как бешеный пес. Мистеру Литтлу дали по раненой руке. Дольше всех сопротивлялся боевой пловец, но и его в конце концов успокоили. Семеро из пятнадцати землян валялись на песке в крови и без сознания. Остальных скрутили и связали; однако все были живы. А перевертыши понесли потери: Мельников двоих, как выяснилось, зарезал, а пловец одного задушил. Но могло ли это кого-нибудь из землян утешить, если все угодили в плен?

Кровь заливала Скотчу лицо, однако он увидел, как откуда-то из-за спин боевиков появились четверо перевертышей начальственного вида. Одного сержант узнал сразу, хотя не видел его больше года.

— Нути-Нагути, — прохрипел Скотч еле слышно. — Вот ты где, собака...

Тот, на кого они охотились, провел их и нанес ответный удар. Коварный и непредвиденный. При этом он не выглядел ни торжествующим, ни даже просто удовлетворенным — лицо перевертыша было бесстрастным, как клановая маска. Он тихо произнес что-то на незнакомом языке, указывая на Мельникова и его неразговорчивого напарника-погранца, также пребывающего в беспамятстве. Их тотчас подхватили боевики и поволокли куда-то в сторону.

А потом Нути-Нагути в упор поглядел на Скотча и медленно поднял руку, указывая на него тоже. И добавил пару отрывистых слов.

Удар по затылку зажег перед глазами Скотча ослепительную вспышку, сознание раскололось на мириады осколков и Вадим Шутиков погрузился в кромешную тьму.

Роковую или спасительную, он не успел задуматься.

СВОДНЫЙ ФЛОТ «НЕРИ ЙОНАС»

Пламмер-12, доминанта Земли, территория, временно оккупированная империей

1

Сачала нуль-коридором прошла пара тендеров, потом несколько малых заградителей, потом битый-перебитый полудредноут и лишь после этого появилась основа — клиперы и корветы. Ну а конусные заградители, улыи, малые крейсера и гвоздь программы — два близнеца-минидестроера цоофт — вошли в пределы оккупированной планетной системы, лишь когда первая оборонительная воронка была уже полностью сформирована.

И пошло.

Боевые корабли один за другим проходили нуль-коридором, перепрыгивали через половину галактики, от Хоанги к Пламмеру. И занимали место в строю.

Оборонительная воронка постепенно трансформировалась в ударный клин, который, в свою очередь, очень скоро распался на три поменьше.

К этому моменту имперцы заметили вторжение и лихорадочно маневрировали у орбитальных баз двенадцатой планеты. Однако любому мало-мальски опытному офицеру было очевидно: они не успеют перестроиться. Сводный флот «Нери Йонас» выскочил из ничего, будто чертик из коробки, близко-близко, ему даже не требовалась нырять за барьер, чтобы подойти поближе — и на досвете он успевал застать все еще празднующих победу имперцев врасплох.

Адмирал Ингвар Дамнер удовлетворенно глядел на боевой пульт. Потом покосился на помощников.

— Ну что, господа? Начнем? И да поможет нам космос...

Его слышали все офицеры и солдаты флота. Каждый из них прошептал несколько слов, тех, что разумные обычно шепчут перед боем, из которого могут не вернуться.

— Вперед! Да здравствует союз!

«И смерть империи», — мысленно добавил каждый.

Светящееся марево заградительных полей окутывало лавину кораблей, что строем неслись через пустоту. Строй гнал перед собой плотный фронт поставленных помех и в любой момент был готов задействовать генераторы нелинейности — тогда всему, что встретится на пути флота, будь то вражеский звездолет или шальной астероид, придется несладко.

Пузатые, похожие на бутылки коллекционного вина, ульи образовывали несколько правильных вертикальных колец, при этом «горлышки» были направлены примерно между вектором движения и внешним траверзом. Пилоты истребителей (двоек и одиночек) и команды штурмовиков давно заняли штатные места и готовы были в любой момент уйти в автоном. Кольца ульев прикрывали целые стаи заградителей, в свою очередь, прикрытые изящно выгнутой цепочкой крейсеров. Мониторы, лидеры и корветы образовывали перед всем этим своеобразный защитный зонтик, ось которого опиралась на строй линкоров и оба мини-дестроера.

Даже по меркам нынешней войны флот был большим. Планетные системы нередко захватывались куда меньшими силами, и имперцы это прекрасно понимали. Ну а у союза не было иного выхода: операция по освобождению Пламмера-12 рассматривалась как идеологически ключевая, а значит, права на ошибку союз не имел.

«Какое все-таки это великое дело — быстро оперировать всеми силами, невзирая на расстояния, — подумал Дамнер. — Еще вчера этот флот был разбросан по десяткам звездных систем во всей Галактике. Раньше, чтобы собрать его, потребовались бы недели, а то и месяцы. А теперь? Амба скелетикам и перевертышам... Я не завидую тебе, самозванный император Унве; если ты не припас в рукаве какой-нибудь сюрприз — тебе конец. Причем очень, очень скорый. Но не надейся, что голос мой дрогнет, отдавая последний приказ...»

Адмирал Ингвар Дамнер был родом с Пламмера-12.

2

Четырехместным штурмовиком «Найтар» управлял смешанный экипаж. Пилотом был азанни по прозвищу Зу-Зу — кому еще повелевать пилотским пультом, если не прирожденному летуну? Целиком его звали Заузи-Айниц, но все кислорододышащие расы союза в обыденной обстановке предпочитали пользоваться сокращениями от полных имен или и вовсе прозвищами. Зу-Зу не был исключением.

Технарем-бортинженером ходил голенастый цоофт Хатолиламай; его обычно называли Хато. Как и все цоофт, он обладал феноменальным чутьем прирожденного механика, и очень часто ремонт забарахлившего узла или прибора в исполнении Хато сводился к почти мистическому наложению рук. То бишь крыльев.

А в боевой рубке хозяйничали самые свирепые существа галактики — люди. По крайней мере и Зу-Зу, и Хато в этом были свято убеждены: до тех пор как стали формировать смешанные экипажи и в боевой рубке не появились люди, на счету «Найтара» было всего четыре сбитых истребителя скелетиков и один слабо поврежденный монитор оаонс. Ныне счет уничтоженных экипажем «Найтара» малых и средних кораблей имперцев подбирался к полусотне, а сожженную мелочь вроде одиночек и двоек штурм-бригада давно перестала считать. «Найтару» тоже немало досталось: обшивку во многих местах была латаной-перелатаной, да и внутри тут и там виднелись разной свежести следы молекулярной сварки. Однако штурмовик исправно летал, принял участие во многих операциях и каждый из четверки от души желал ему долгого боевого пути.

Зу-Зу летал на «Найтаре» дольше всех. Собственно, он принимал штурмовик со стапелей ныне захваченной имперцами До-Ниамеи и успел похоронить троих канониров-азанни, одного бортинженера азанни и одного бортинженера цоофт. Потом, уже вместе с Хато, «Найтар» потерял одного канонира-свайга и одного человека. С тех пор в боевой рубке обосновались — надолго, больше, чем на полгода — нынешние канониры. Две девчонки, Кира и Анжела. Похожие и непохожие. Блондинка Кира, в бою схватывающая роскошную гриву в конских хвост, и брюнетка Анжела, предпочитающая короткую, почти мужскую стрижку. Азартная и живая, как ртуть, Кира и уравновешенная Анжела. Прямо классический лед и пламень. Или, если угодно, пламень и лед. Чуть не вся мужская часть бригады (человеческая, понятно)

увивалась за ними — половина за сердцеедкой Кирой, половина за неприступной Анжелой. Лишь в одном мнении девушек сходилось: замужество — после победы. Зу-Зу и Хато к ухажерам, вечно отирающимся у «Найтара», относились с раздолбайским юмором, но в случае чего готовы были постоять за родимый экипаж и физически, благо Хато был в среднем сильнее человека, хотя и менее вынослив, а малыш-азанни умел летать, а что такое пикирующий азанни, не дай боже кому узнать... Представьте себе сову ростом в метр. Представили? А теперь представьте, какие у нее когти и клюв... Даже со скидкой на цивилизованность. Впрочем, сейчас канонирам «Найтара» было не до ухажеров. Штурмовик покоился в стартовом пазе улья бок о бок с такими же штурмовиками. Улей был уцелевшим осколком разбитого флота азанни, который после разгрома метрополии птичек подобрали и доукомплектовали союзники. Однако штурмовые бригады и по сей день придерживались традиционной для азанни тактики построений. Предстартовая лихорадка с беготней, комплектацией, посадкой в корабли и контрольными тестами уже миновала: все заняли штатные места и ждали отстрела и перехода в автоном. Ну а после — ждали боя, чего еще ждать штурмовикам?

Зу-Зу щебетал по связи с пилотом соседнего корабля, Хато подстраивал автоматику под ожидаемый режим боя. Командование сулило стремительную атаку, и это очень радовало экипаж: прежде все больше приходилось обороняться и — увы! — отступать. Штурмовики с «Найтара», как, впрочем, и остальные союзники, изо всех сил надеялись, что отступать перед имперцами им больше не придется. Никогда.

Команду: «Звено — отстрел!» им не пришлось ждать слишком долго. Зу-Зу моментально унял щебет и дал стартовый отсчет. Автоматика подхватила исходную синхронизацию — кораблям предстояло покидать стартовые пазы в строжайшей очередности. «Наитар» слабо завибрировал перед отстрелом, а потом пришло короткое мгновение перегрузки, тут же компенсированное антигравитацией. Штурмовик вырвался наружу, в открытый космос и занял подходящее место в строю. Тысячи кораблей устремились в атаку — не беда, что большей частью это были малые и сверхмалые скорлупки. Люди лучше всего умели воевать именно так — полчищами малых кораблей, разрывая оборону гигантов в клочья и обращая их в слепые и глухие братские могилы. Не умеешь сжечь — ослепи, лиши возможности обороняться, сковырни с поверхности все, что в состоянии скovyрнуть. Горькая галактическая шутка: что не сделает крейсер, сделают пяток миллионов хомо с отвертками. В этой шутке содержалась лишь доля шутки. Когда доминанта Земли только набирала вес и силу в галактическом сообществе, она располагала всего несколькими средними кораблями; больших и гигантских не имела вовсе. А небольшие корабли люди строили сами, пусть и монтировали туда купленные у галактов икс-приводы и еще кое-какое оборудование. Поневоле научишься воевать роем и жалить гигантов — часто до смерти. И недаром имперцы приходили в ужас вовсе не при виде дестроеров свайге или модульных крейсеров а'йешей, а в основном при появлении полчищ истребителей и штурмовиков хомо.

Зу-Зу что-то тоненько верещал в шлемофон — он всегда пел в полете. Кира с Анжелой не отлипали от ПУЛов — пультов управления лучеметами. Хато наводил оперативный глянец на последовательность режимов.

— Хорошо едем! — сказал Хато и азартно пощелкал клювом.

Волна штурмовиков начала распадаться на отдельные рои.

— Наша цель, — объявил Зу-Зу уже на интересе, — опорная орбитальная база, как раз в захвате, любуйтесь. Первый заход, работа по антеннам и огневым точкам. Второй — то же самое. Третий — по обстановке. После нас ударят клиперы, так что отваливаться будем под горизонт, на форсаже. Кто не спрятался, я не виноват...

— Хато, что режимы? — крикнула Кира, натягивая управляющие браслеты. Браслеты были украшены селентинским бисером.

— Наводка есть, поля у них мощные. Авангард ломает, мы в прорехи, залпы по наводкам.

— У-у... — огорчилась Кира. — По наводкам...

Куда веселее стрельба в автономе, во все, что видишь, что успеваешь зафиксировать видоискателем. Но приказ есть приказ.

— Вижу наводки, — сухо сообщила Анжела. — Кирюха, давай не как в прошлый раз, а? Кира вздохнула: в прошлый раз она действительно не удержалась и вместо управляемого наводкой залпа палила в автономе по особо настырному вражескому

истребителю. А ведь могли и не вскрыть тогда внешнюю обшивку шат-тсуровского клипера...

— Да мне начальство уже все извилины запарафиново, — фыркнула Кира.

— Я тебе всю задницу запарафину! — холодно пообещала Анжела.

А вот к этой угрозе следовало отнестись вполне серьезно: это только на людях тихоня Анжела выглядела скромницей. А напарнице-канонирке порой доставалось так, что «обильно летели бы перья, будь хомо птицами», как выразился однажды Зу-Зу в порыве откровенности.

Смешно, но хулиганистой Кире такие выволочки периодически бывали необходимы — возможно, потому, что она рано потеряла мать и старшую сестру.

— Буду умницей! — пообещала Кира, преданно выкатив глазищи.

— Смотри у меня, — закруглилась Анжела несколько мягче.

— Готовность раз, — буркнул Зу-Зу. В бою у него всегда прорезался сильный акцент, потому что мозг летающего создания использовал все резервы, в том числе частично загружал те отделы, которые отвечали за речь. — Извините, конечно, что отвлекаю от воспитательного процесса...

— Не ехидничай, Зу-Зу! — отмахнулась Кира.

— Есть готовность, — на всякий случай проинформировала Анжела, тоже натянув браслеты — без всяких украшений, разве что изрядно потертые.

На обзорном экране маячил красный квадратик с точкой внутри: орбитальную базу, захваченную имперцами, было видно уже при штатном усилении.

— Форсаж!

«Найтар» рывком нарастил скорость; понятно, что не в одиночку, а в составе обоих крыльев строя. Остальные пары крыльев заходили каждая на свою цель. Где-то там впереди лихорадочно метались имперские истребители прикрытия, пытались понять, какие из векторов подлета истинные, а какие всего лишь результат поставленных помех.

Союзники выскочили на базу спустя несколько минут. Шарахнулся в сторону одинокий истребитель имперцев; его тут же сожгло звено верхнего прикрытия. Звено нижнего прикрытия красиво убралось с вектора атаки и построилось малым зонтиком над штурмовиками.

Штурмовики шли в десятке метров от обшивки базы и избирательно вколачивали залпы в уязвимые точки. Кира и Анжела давно были не здесь, а в иллюзорных мирах ментошлемов, дирижировали этой убойной симфонией огня и гибели. Зу-Зу вел «Найтара» по идеальной траектории, Хато оставался на подхвате и по-прежнему следил за соблюдением групповых режимов, Первый заход занял двенадцать секунд. Крыло выскользнуло из плоскости атаки и пошло в разворот. Прикрытие уже снова было на месте: отгоняло пытающихся сопротивляться имперцев на двойках.

— Форсаж!

Второй заход длился на полсекунды меньше.

Третьего не понадобилось: Зу-Зу увел штурмовик в зенит, а откуда-то сбоку ослепительно шарахнуло с клипера, да, похоже, не с одного.

— Йо-хо!!! — крикнула Кира в порыве боевого веселья.

— Отход, маневровая готовность! — командовал Зу-Зу.

Канониршам можно было ненадолго сдвинуть шлемы и вернуться в реальный мир. В оперативном видеокубе роились цветные огоньки — свои зеленые, противник — красный. Судя по общей картине, красным приходилось несладко. Да что там несладко! Уже после первого темпа атаки штурмовиков и нескольких стартовых залпов с больших кораблей союза от строя имперцев остались лишь жиденькие лохмотья. Все семь орбитальных баз прикрытия потеряли возможность серьезно сопротивляться.

Штурмовики заходили на цели еще трижды. Между каждым темпом атаки наносились удары основных энергокалибров. Имперцев плющили и размазывали по пустоте с остервенением обреченных, которые вчера потеряли родных и надежду, а сегодня снова обрели надежду вместе с силой и безудержной жадой мести.

«Найтар», вышедший из очередного маневрового штопора, выравнивал положение в крыле; канониршы опять переводили дух в реальном мире, Хато колдовал над рабочим пультом, а Зу-Зу пристально изучал положение армады и обороняющихся имперцев в видеокубе.

— Глядите-ка! — прошепел он вскоре, не скрывая удивления. — А скелетики-то сдаются!

Уцелевшие корабли имперцев отчаянно сигналили всеми возможными способами — по мгновенке, в оптическом диапазоне, галактическим модальным кодом. Аналогом их сигналов на Земле издревле служил выброшенный белый флаг.

— Значит, — довольно подытожил Хато, — четвертого темпа не будет!

— У-у-у... — Кира вовсе не обрадовалась окончанию боя. — Я только во вкус вошла. Что-то скелетик пошел хлипкий.

— Ага, — скептически ответила ей Анжела. — Хлипкий... Наша армада во сколько раз больше и сильнее, прикидывала?

— Ну, — пожала плечами Кира, — сильнее, конечно. Раз в двадцать, что ли. Так ведь не все же время ломаться под этими чертовыми имперцами! Пора и им переломиться, чем угодно клянусь!

— Четвертый темп! — неожиданно объявил Зу-Зу. — Работаем по шлюзам, предварилровка под наш десант. Два фронтальных захода, один полуконтрой, с петлей. Поехали!

— Ух ты... — растерянно протянула Кира, натягивая браслеты.

Анжела не сказала ничего.

3

— Они сдаются, господин адмирал! — повторил начальник штаба, тучный свайг, вице-адмирал сат-клана. Вице-адмирала звали Онис Оуи и пребывал он в легком замешательстве.

— Представьте себе, я вижу, — сухо ответил командующий флотом «Нери Йонас». Минуту назад штаб флота убедился, что противник действительно сдается, что это не иллюзия от поставленных помех и не очередная имперская уловка. И тем не менее адмирал Ингвар Дамнер отдал приказ продолжать атаку, давно уже перешедшую в стадию разгрома.

— Я... Осмелюсь сообщить, что не понимаю вас, господин адмирал. Зачем атаковать сдающегося противника? Это противоречит...

— Это противоречит кодексу старших рас, я знаю, — перебил Дамнер так же сухо. Интер — сам по себе небогатый эмоциональной окраской язык, он скорее подчеркнуто информативен. Однако Онису Оуи показалось, что кожа его от слов адмирала стала иссушенной и шелушащейся. Свайг чуть приоткрыл рот и втянул нижнее небо, так, что горловой мешок стал почти не виден.

— Так почему же...

— Уважаемый коллега союзник. — Дамнер повернулся к начальнику штаба. Лицо командующего было строгим и невозмутимым. — Вы представляете, сколько имперцев в данный момент находятся на орбитальных базах и уцелевших кораблях? А на самом Пламмере и внешних сооружениях?

Свайг мигнул, соображая, к чему этот вопрос. Ответить он не успел, на помощь пришел начальник разведки, азанни по имени Виенни-па-Цитарис:

— С учетом наших атак, полагаю, осталось от сорока до шестидесяти пяти процентов личного состава.

— А теперь прикиньте, сколько понадобится галактов и средств, чтобы официально пленить, охранять и содержать пленных. Прикинули? Солдаты будут вынуждены стать тюремщиками и прислугой! А воевать кто будет? И что останется в итоге от флота? Который, как вы знаете, является сводным и набран из кораблей, прикрывающих основные миры и системы в том числе и ваших рас?

В штабе повисло тяжелое молчание.

Формально адмирал Ингвар Дамнер был прав. Пленить и содержать такое количество имперцев союз не мог себе позволить — иначе оголялись тылы и сокращались силы обороны. Не исключено, что имперцы именно поэтому и решили сдаться раньше, чем того требовала ситуация.

— Но кодекс... — попробовал напомнить Онис Оуи. Голос его звучал не слишком убедительно.

— Вспоминали ли о кодексе имперцы, когда захватывали миры вашей доминанты, адмирал? — жестко поинтересовался Дамнер у свайга.

Тот не нашелся что ответить.

— А когда шат-тсуры истребили больше трех четвертей ваших сородичей по всей галактике? — Дамнер повернулся к начальнику разведки.

И азанни не нашел что возразить командующему.

— Я понимаю ваши чувства, господи, — продолжал Дамнер. — Но, увы, не разделяю их. Да, мы не имперцы и должны руководствоваться кодексом старших рас, кодексом цивилизованной войны. Но сейчас ситуация такова, что мы вынуждены пренебречь кодексом, дабы союз выжил и победил. Я знаю, мои слова ужасны, а то, что я собираюсь совершить — по сути дела, преступление. Но я пойду на него и возьму

всю ответственность на себя, поскольку кто-то должен это сделать. Пламмер-двенадцать должен быть освобожден, флот сохранен и расформирован по местам постоянной дислокации. Мы не вправе дать империи даже крошечный шанс перейти в контрнаступление. Повторяю: это мое решение, решение командующего флотом и я принимаю на себя всю полноту ответственности. Приказываю: продолжать атаку и подготовить десант на все орбитальные базы, а также на поверхность планеты. Пленных не брать. Живых имперцев не оставлять. Уничтожить всех до единого, кроме разве что высшего руководящего звена числом до тридцати особей. Трупы аннигилировать или уничтожить иным способом, по обстановке. На все нам двое суток Пламмера-двенадцать. Приказ ясен?

Прижав гребень, начальник штаба прогудел:

— Приказ ясен, мой адмирал...

— Выполняйте!

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

1

«После захвата Гвармиса, Суань-Бо и Эсперансы-4 отступление имперских сил из ранее захваченных систем и областей пространства стало носить массовый характер. Со времени операции у Пламмера-12 силами союза отбиты и освобождены тридцать шесть планетных систем категории „Прим“, включая Месьер, Дабл-Дастин, Ману-Свайге, Азанни и Галило-Цо. Еще пятьдесят две системы (данные на 10.00 утра) имперцы покинули самостоятельно. По выкладкам аналитиков, имперцы пытаются сконцентрировать все оставшиеся в наличии силы около метрополий — Тсурры и Оа — и стратегически ключевых миров вроде Багуты или Файд-Зегу. Исключение составляет разве что Иншуди — ранее проведенная союзом операция вынудила оаонс покинуть планету и в данный момент штабом готовится тактический план по окончательной зачистке всей системы Иншуди.

В периферийных областях пространства нередко случаи добровольной капитуляции гарнизонов, укомплектованных шат-тсурами (ни одного случая сдачи в плен оаонс не зафиксировано). Оружие и техника, сложенные сдавшимися, осваиваются

добровольцами из ополчения и заметно активизировавшимися партизанами. Пленные принудительно привлечены к работам на орбитальных заводах и рудниках.

Несомненно, что необходимость уничтожить сдающихся отпала: их легко и охотно берут под контроль жители освобожденных миров.

Несомненно и то, что война входит в заключительную фазу: нам предстоит лишь спланировать и провести операции по окончательному разгрому метрополий Оа и Тсурры, сырьевого и экономического центра в системе Багуты и энергетического сердца доминанты Оа — Файд-Зегу. После захвата упомянутых систем и пленения самозванного императора Унве победу союза можно будет считать безоговорочной и необратимой».

Президент Вернер Винцль не удержался и прочел сводку еще раз. Давно ему не случалось читать документы, звучащие чуть ли не как музыка. И дело не в языке, не в скрытом ритме текста. Дело в содержании. Дело во вкусе победы, который все чаще стал появляться при чтении ежедневных сводок.

Произошло то, что и должно было произойти. Едва в войне стали активно использоваться генераторы исполинов — империя посыпалась. Даже простые нуль-коридоры привели бы точно к такому же результату. А уж внедрение многомерных сшивок и вовсе ускорило процесс освобождения ранее захваченных миров и стремительного отступления имперцев к бывшим границам своих доминант и даже дальше.

Финал войны начал вырисовываться необычайно четко. Осталось только нанести несколько сокрушительных ударов, выверенных и беспощадных. Один из них подсказал полковник Попов.

Поначалу президенту идея показалась невыполнимой. Однако только за последний год люди Попова совершили столько невыполнимого, что президент решил лично вникнуть в детали плана, а пока Попов готовил сжатый доклад, президент как раз успел прочесть ежедневную сводку.

Сводка улучшила его настроение, если такое вообще было возможно.

Легко было заметить, что на «Гелиотропе» стало гораздо больше улыбающихся лиц. А вспомнишь положенные накануне пресловутой атаки имперской армады, которую Солнечная могла и не отразить...

Лозунги лозунгами, а все равно великое спасибо хитроумному простаку Нери Йонасу, наплевавшему на приказы болвана-шефа, и приятелю-инвалиду Йонаса Гектору О'Риди. Вернер Винцль в который раз подумал, что могло бы произойти, не вздумай эта парочка пальнуть из рогатки по линкору, то бишь из списанного лазера по уходящей за барьер армаде...

Но нет, нет, лучше и приятнее думать о том, что говорится в сегодняшней сводке. Гораздо приятнее!

2

— Разрешите, господин президент?

— Входите, полковник, входите! Жду вас с нетерпением.

Полковник Попов, не нарушая тиши президентского кабинета, тенью переместился к гостевому креслу. Рядом с креслом висел над покрывающим пол ковром небольшой столик для документов.

— Не правда ли, неизмеримо приятнее встречаться вот так, лично и разговаривать не с изображением в видеостолбе, а с живым человеком? — усмехнувшись, спросил президент. Заполнить неизбежную паузу — святое дело!

— Не знаю, мне все равно, — равнодушно отозвался Попов. — Но теперь действительно можно позволить себе наносить персональные визиты вместо виртуальных. Перелеты перестали отнимать уйму времени. Это и в самом деле радует.

Попов и не думал рисоваться. Его пост подразумевал отрешенность от романтики, да и вообще от эмоций. Полукиборг Чиль Опте и то выглядел живее шефа контрразведки доминанты. Наверное, так и должно быть — если вдуматься как следует.

Президент терпеливо ожидал.

Полковник не любил ненужной спешки, поэтому он неторопливо уселся в кресло, неторопливо раскрыл тоненькую непрозрачную папочку с вакуумным замком, пристроил ее на столике и лишь после этого изобразил на лице готовность к диалогу.

— Итак, что вы снова затеяли? — оживился Вернер Винцль.

— Господин президент! Я в общих чертах знаком с выкладками аналитиков и с планом предстоящих чрезвычайных ударов по Тсурре, Оа, Файд-Зегу и Багуте. Однако я считаю, что перед этим следует провести еще одну операцию. Суперчрезвычайную, если не возражаете против подобной формулировки.

— Какую же?

— Непосредственный захват императора Унве и доставку его в контролируемую нами область пространства.

До сих пор президент слушал с живейшим интересом, подавшись к собеседнику.

Однако последняя фраза заставила его откинуться на спинку кресла.

— Но полковник... Если вам не удалось на брошенной силами оаонс Иншуди захватить шефа их клановой разведки, то как...

Президент умолк, справедливо посчитав дальнейшие слова излишними. В самом деле — уж шеф-то контрразведки доминанты Земли прекрасно осведомлен, в какой неприступной крепости обитает главный баламут галактики и основная головная боль стратегов союза — самозванный император Шат Унве. От империи которого, к счастью, на сегодняшний день мало что осталось. Но чтобы додавить эту неуступчивую гидру, все равно придется изрядно попотеть и вложить немало средств, это уж без сомнений. А полковник Попов предлагает новую авантюру после того, как провалилась многообещающая прежняя, калибром поуже!

— По поводу ваших последних слов у меня два комментария, господин президент. Комментарий первый: к моменту начала операции на Иншуди мы еще не располагали генераторной сшивкой достаточно сложной топологии. Сегодня мы ею располагаем. Дабы не вдаваться в ненужные подробности, скажу вам, что семнадцать часов назад физики «Квазара-четыре» успешно транстрессировали в мой кабинет...

— Простите, — перебил президент. — Транс — что?

— Транстрессировали, — невозмутимо пояснил Попов. — Новый, а точнее, хорошо забытый старый термин, означающий нетрадиционное перемещение вещества в пространстве. С некоторых пор этим термином физики союза описывают транспортировку материальных тел посредством генераторных сшивок исполинов.

— Ага, понял, продолжайте.

— Так вот, — не меняя тона, вернулся к докладу Попов. — Семнадцать часов назад физики проекта «Квазар-четыре», испытывающие генераторную сшивку сложной топологии, трансгрессировали в мой кабинет вот этого крепыша.

Попов подал президенту плоскую голограмму, изображавшую рыжего хомяка, самозабвенно грызущего морковку.

— Крепыша зовут Сольдо; морковку он начал грызть в пятидесяти двух тысячах световых лет от моего кабинета. Так вместе с морковкой мне на стол и плюхнулся, прямо на скатерть. Погрешность трансгрессии — семь сантиметров. Чуть меньше.

Попов умолк, выжидательно глядя.

— То есть... — неуверенно начал, президент, приглашая развить мысль.

— То есть для десантирования группы захвата не нужно засылать корабль с финишным генератором. Мы можем отправить группу непосредственно в помещение, где пребывает император.

Президент все еще недоверчиво глядел на Попова.

— Но ведь отправить группу — это всего лишь полдела...

Однако. Попова трудно было смутить:

— Я еще не все вам рассказал, господин президент. Просидев у меня на столе пятнадцать минут, благополучно расправившись с морковкой и малость попутешествовав по скатерти, крепыш Сольдо отправился назад, в точку старта. За пятьдесят две тысячи световых лет. И вытащила его все та же сшивка сложной топологии. Безо всяких коридоров и финишных генераторов.

— Погодите... насколько я помню, генераторы работают только в вакууме и невесомости? Или на сшивке это правило не распространяется?

— Распространяется, господин президент. Сшивка, перемещавшая Сольдо, все время находилась именно в вакууме и именно в невесомости. Сольдо был помещен в специальный сосуд с воздухом, а сосуд — в стартовую сферу. Так вот, сшивка вынула Сольдо и часть воздуха прямо из герметичного сосуда.

Президент, подавшийся было вперед, снова откинулся в кресле и провел рукой по враз покрывшемуся испариной лбу.

— Господи... Что же за джинна работы исполинов мы выпускаем на свободу? Что еще можно сотворить с этими вашими сшивками? — глухо промолвил он.

— Пока не знаю, господин президент. На сегодняшний день могу лишь сообщить, что у нас в распоряжении появился идеальный транспорт. Мобильность порядком выше я пока не могу себе даже представить. Мы выиграли эту войну, господин президент, осталось лишь несколько финальных штрихов.

Некоторое время президент молчал. Потом поднял тяжелый взгляд на полковника и устало спросил:

— И кого вы намерены послать на эту... суперчрезвычайную операцию?

На это у Попова имелся заранее приготовленный ответ:

— Да все тех же сорвиголов, которых посылал на Иншуди.

Президент удивленно вздернул брови:

— Но позвольте! Их ведь захватила разведка Оа!

— Прошу прощения, но этого как раз касается второй комментарий к докладу, господин президент. Операция на Иншуди представляла собой более сложную, с позволения сказать, сшивку, нежели казалось со стороны. Живы наши сорвиголови, здоровы и свободны, чего им сделается? И шеф клановой разведки нами захвачен, по нему как раз сейчас работают молодцы из отдела дознания. Уж извините, но кое-какие детали операции я позволил себе скрыть даже от вас — исключительно для пользы дела. Главное, что эта матрешка блестяще сработала...

БАЗА РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ «ХОЗЧАСТИ»

Естественный спутник планеты Вуэз, она же Кассандра-6, доминанта Земли

1

Скотч вынырнул из беспамятства, словно без минуты утопленник, внезапно глотнувший воздуха. За веками брезжил желтоватый свет. Он помнил все, вплоть до момента, когда его хватили по голове. «Плен», — подумал Скотч уныло и потерянно. Продолжение мысли было отчетливо нецензурным.

— Давай-давай, отворяй очи, — насмешливо сказали рядом до боли знакомым голосом.
— Веки все равно дрожат, не притворяйся. Мы тебе лошадиную дозу стимулятора вогнали.

Тотчас знакомо заныло плечо — действительно вроде как после инъекции.

— Ау, Скотче! Оживай давай, хорошие новости.

Голос принадлежал не кому иному, как Мельникову.

Скотч медленно открыл глаза. Он лежал на обычном топчанчике, какие составляют неперемнную часть обстановки любого медпункта. Рядом переминался с ноги на ногу румяный толстячок в белом халате; чуть дальше стоял Мельников собственной персоной. Толстячок улыбался — рот до ушей, Мельников ухмылялся — с эдакой дружелюбной ехидцей.

— Ну что? Уже успел придумать способ самоубийства, а? Гвардия умирает, но не сдаётся, а?

— Кхе-кхе... — Скотч прокашлялся и поинтересовался: — Где это мы?

— Считай, дома! — Мельников снова ухмыльнулся. Толстячок-врач (несомненно врач — над карманом белого халата красовалась эмблема медицинской службы флота и планочка медали «Воскреситель», которой награждали только военных медиков), не переставая улыбаться, вопросительно поглядел на Мельникова.

— Прошу вас, доктор! — Мельников картинно, будто актер во время спектакля, указал на приподнявшегося на локте Скотча.

В руках у кавалера «Воскресителя» имелся портативный диагност, каковой спустя пару секунд был приставлен к груди Скотча. Над прибором раскрылся маленький видеокуб, в котором замелькали циферки с данными и цветные графики.

— Угу, — удовлетворенно прогудел врач спустя еще несколько секунд. — Норма, пан офицер. Забирайте.

Говорил врач по-русски, хотя у военных чаще в ходу англик.

— Слыхал, Скотче? — осведомился Мельников. — Ты в норме. Вставай давай, будет валяться.

Скотч послушно сел, причем ноги сами попали в тапочки, будто он специально целился. Мельников критически наблюдал.

«Чего он издевается?» — подумал Скотч чутьчку растерянно.

Вадим Шутиков по прозвищу Скотч по-прежнему не мог понять, как из имперского плена очутился в каком-то, судя по всему, своем госпитале.

Поднявшись на ноги, Скотч убедился, что и вправду жив-здоров, голова после удара не кружится, ничего у него не болит, если не считать слабо саднящего в месте инъекции плеча.

— Пошли! — Мельников взял его под локоток и увлек к двери. Румяный врач провожал их взглядом, улыбаясь еще шире. Вид у него был как у человека, который хорошо поработал и теперь любит результаты.

Когда отворилась дверь, Скотч чуть не споткнулся. Он ожидал освещенного дежурным светом коридора или какого-нибудь корабельного вестибюля. А дверь вела на поросшую травой лужайку. Ослепительно сияли сразу два солнца, желтое и почти белое, пели птицы, чуть поодаль шелестели на слабом ветерке деревья. Воздух полнился полузабытыми растительными запахами.

Словно оглушенный, Скотч замер на пороге. Со времен Табаски он обитал большей частью на кораблях и космических станциях, а если и высаживался на планеты, так исключительно для беготни, прятка и стрельбы. Там было не до запахов листвы — там пахло перегретой керамикой и озоном от множества импульсов, пахло потом, страхом, кровью и смертью.

— Чего встал, топай давай, — пихнул его в спину Мельников. — Вон, к тропинке. Налюбуйся еще, нам две недели реабилитации прописали.

«Так это реабилитационный центр, — запоздало осознал Скотч. — Причем из крутых, это реально поверхность, не имитация. Интересно, что за планета?»

— Слушай, хорош пихаться, — буркнул Скотч Мельникову и ступил на траву. Ощущения были непередаваемые, тем более что мягкие тапочки — это вам не пустотные десантные ботинки на толстой подошве. — Лучше бы объяснил в двух словах чего было.

— А, ничего особенного, — махнул рукой Мельников. — Оказалось, наши ловили Нути-Нагути на живца. И живцом, как теперь нетрудно догадаться, были мы.

Основное Скотч понял. Осталось выслушать частности.

— С-скоты, — процедил он с удовольствием, причем в данную минуту Скотч совершенно искренне ненавидел тех, кто так с их группой обошелся, кто все это затеял и реализовал. И вместе с тем Скотч знал: когда эти самые скоты прикажут

лезть в очередное пекло — ползет как миленький. — Слушай, Мельников, у вас в конторе это что, в порядке вещей — кидать и подставлять своих?

— А ты еще не привык? — Мельников равнодушно пожал плечами. — И потом, никто никого не кидал на этот раз. Едва орлы Нути-Нагути нас повязали, с неба крейсер с пустотниками свалился. И тут уж принялись вязать перевертышей.

— Крейсер? — У Скотча уже не осталось сил удивляться. — Откуда он вблизи Иншуди взялся?

— Вблизи Иншуди его и не было. Забросили издалека, прямо в точку зависания. Говорят, даже без дрейфа. Не зря, видать, мы на Тахире находочку колупали, многое теперь меняется. Особенно в плане межзвездных прыжков.

Скотч только вздохнул.

Тропинка вела к коттеджу, внешне неотличимому от того, из которого Скотч с Мельниковым недавно вышли и где остался румяный врач-воскреситель.

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

1

— Добрый день, полковник. Добрый день, господин Бекасов. Проходите, садитесь. Полагаю, нет нужды представлять вам собравшихся? Если вы кого и не знаете — это аналитики.

— Добрый день, господа!

Попов немедленно уселся в отведенное кресло; профессор Бекасов сперва вальяжно поклонился президенту, министрам и адмиралам и лишь потом занял место рядом с полковником.

— Вы готовы, полковник?

— Готов, господин президент.

— Отлично. Откровенно говоря, еще во время первой беседы меня так и подмывало задать несколько напрашивающихся вопросов по реализации вашего плана. Однако я решил не спешить и сперва обратиться к экспертам. Должен сказать, что сформулированные ими вопросы во многом совпали — с теми, которые хотелось задать мне. Приятно сознавать, что голова у президента доминанты еще варит, не правда ли, господа?

Президент усмехнулся и поглядел на собравшихся. Он так и планировал — с самого начала придать совещанию легкий налет неполной официальности. Натянутые до предела нервы закрепощают разум. Ковать победу нужно легко и непринужденно, смеясь. Вернер Винцль это прекрасно сознавал.

И правда: до сих пор сидящие, будто по струнке, эксперты малость расслабились; министр внешних сношений усмехнулся; Джошуа Фергюсон даже ногу за ногу закинул, чего за ним обыкновенно не замечалось.

— Итак, полковник! Раз уж вопросы все равно должны быть заданы, задам их я. Никто не возражает?

Никто не возражал.

— Если я что-нибудь упущу — дополняйте меня, поправляйте, если нужно, не стесняйтесь. В этом кабинете все имеют равные права. Только обязанности и ответственность у нас несколько... разные.

Никто почему-то не удивился некоторой фривольности, которая сквозила в поведении и словах президента. Вкус близкой победы расслабил всех — но не настолько, чтобы совсем уж размякнуть и упустить победу в последний момент.

— Насколько я понимаю, у нас появилась возможность транспортировать практически любое тело практически в любую точку нашей галактики с высокой точностью. Так?

— Так. Кстати, не только нашей галактики, господин президент. В отношении галактики-два утверждение также справедливо, эксперименты проводились и были успешными.

— И вы намерены забросить группу захвата непосредственно в апартаменты императора Унве, пленить президента и трансгрессировать, — последнее слово Вернер Винцль произнес с особенным удовольствием, — группу в точку старта. Так?

— В целом — так, господин президент.

— В таком случае, что мешает просто трансгрессировать императора Унве хоть бы и в этот кабинет? Прямо сейчас?

Попов и Бекасов переглянулись.

— Я отвечу, — баском сказал Бекасов и встал. — Господа! Механизм трансгрессии посредством генераторной сшивки не позволяет перемещать любой предмет произвольным образом. Некая стартовая область все-таки присутствует. Сшивка фиксирует перемещаемую массу, берет ее, условно говоря, в захват, и только потом трансгрессия становится возможной. Как вы сами понимаете, император Унве находится вне стартовой области, посему сшивка не сможет трансгрессировать его.

— Но позвольте, — Вернер Винцль слегка наклонил голову, — полковник упоминал некоего крепыша Сольдо, который был перемещен за пятьдесят две тысячи световых лет и возвращен в точку старта. Как я понимаю, стол полковника Попова также находился вне стартовой области сшивки. Так ведь?

— Так, господин-президент, — подтвердил Бекасов. — Однако вы не учитываете, что все время пребывания на столе у полковника крепыш Сольдо не выпадал из захвата сшивки. В сущности, это была одна трансгрессия, разбитая на два цикла — цикл «туда» и цикл «обратно». Сними мы захват — и обратная транспортировка крепыша Сольдо стала бы невозможной.

— Хм... — президент задумался.

— Чтобы было понятнее, могу привести не совсем верную, но чрезвычайно доходчивую аналогию. Представьте себе, что сшивка перемещает не тела как таковые, а стартовую область со всем ее содержимым. Причем размер и форма этой области могут слегка меняться в зависимости от ряда факторов, — сказал Бекасов. — И перемещения возможно совершать сколь угодно долго, цикл за циклом. Покуда не снят захват, то бишь контроль над перемещаемой областью — трансгрессия остается управляемой.

— Есть вопрос! — поднял руку один из аналитиков, молодой лейтенант с цепким пронзительным взглядом. — Разрешите?

— Прошу! — Вернер Винцль, похоже, продолжал обдумывать услышанное, но вместе с тем готов был и эксперта выслушать.

— Распространяется ли на все циклы трансгрессии закон сохранения масс? То есть второй раз перемещается только то, что было заброшено в первый? Или же столько, сколько было заброшено? Или механизм иной? Проясните, пожалуйста!

Полковник чуть заметно кивнул: видимо, он был готов к подобному вопросу. Однако ответил снова Бекасов:

— Механизм одновременно и прост, и замысловат, господа. Во-первых, трансгрессия органики и неорганики происходит по-разному. Неорганика транспортируется по массе и объему, с небольшим зазором плюс-минус, то есть сшивка учитывает, что состояние и состав транспортируемых объектов могут изменяться; однако зазор при этом достаточно невелик. Что касается органики, тут ситуация пока не вполне ясная. Разумные существа сшивка транспортирует, условно говоря, «по головам». Есть предположение, что она фиксирует высшую нервную деятельность. Мы проводили эксперименты — как бы ни перемещались между циклами «туда» и «обратно» трансгрессированные существа, назад возвращается столько же, сколько стартовало. Независимо от массы и объема. Хотя последнее скорее всего просто результат более свободного зазора. Если один перемещенный в промежуточной точке удаляется от группы, по команде «возврат» перемещается остаток группы плюс любое существо, обладающее достаточно сложной нервной деятельностью, которое находилось ближе всего к группе в момент возврата. Причем характер и метод нервной деятельности не важен — вместо человека или свайга может переместиться а'йеш или какое-нибудь высшее животное, например собака. А вот крепыш Сольдо вряд ли бы смог заменить выбывшего в промежуточной точке человека.

— То есть, — оживился эксперт, — планируется заброска группы и замена одного из членов группы на императора?

— Именно так! — подтвердил Попов.

— Стало быть, один из наших людей вынужден будет остаться в резиденции императора и очутится в плену?

Полковник Попов удивленно взглянул на эксперта.

— Зачем один из наших? Включим в группу какого-нибудь пленного шат-тсура или перевертыша.

Эксперт, в первую секунду не подумавший о таком несложном ходе, смутился:

— В самом деле... Прошу прощения...

«Высочка, — подумал президент об эксперте. — Занимает чужое место. Ход с разменом настоящий спец должен выдавать мгновенно и без напряжения».

Президент заметил также, что шеф аналитического отдела хмурится и недобро глядит на пунцового от неловкости и злости на себя эксперта. Бедняга сам себе подписал приговор. Нет, не смертный. Всего лишь приговор об увольнении.

— Сыровато как-то это все, — недовольно проворчал министр внешних сношений Ильхан Байрамов. — Похоже, наши доблестные ученые сами толком не понимают, как работает сшивка.

— Вы полагаете операцию слишком рискованной? — с некоторой иронией поинтересовался Попов.

— Нет, почему же? — Байрамов пожал плечами. — В любом случае мы ничего не теряем — разве что заброшенную группу. В конце концов принцип действия икс-привода и мгновенной связи мы тоже до сих пор не понимаем. Однако это не мешает пользоваться и тем, и другим на протяжении столетий.

— Резонно, — заметил президент, кивая. — Ладно, будем считать, что наука теоретическую часть обеспечила по максимуму возможного. Пару слов о практике. Полковник, проясните ход операции.

— Охотно, — отозвался Попов. — Накануне ближайшего праздника шат-тсуров, а это приблизительно через неделю, ожидается традиционное обращение императора к подданным. Унве не упустит возможности подбодрить свой народ. Практически всегда Унве выступает в прямом эфире, записи он не любит. Мы исходим из того, что и сейчас он поступит так же. Расположение императорской студии на стратегической базе Тсурра-два нам известно. Навестись туда будет несложно. Я планирую послать восемь групп. Одну группу захвата, одну дублирующую и шесть групп прикрытия. Каждая группа будет заброшена и возвращена отдельной сшивкой. Группы прикрытия забрасываются октаэдром, в каждый из шести вестибюлей вокруг студии. Группы захвата и дубля — в центр октаэдра. Первые наработки и тренировки показали, что для исполнения потребуется от полуминуты до минуты. Осталось отшлифовать графики каждой группы и скоординировать совместные действия.

— Черт возьми, полковник! Вы представляете себе политические последствия в случае успеха операции? — воскликнул президент, осененный внезапно пришедшей мыслью.

— Прекрасно представляю, господин президент, — невозмутимо подтвердил Попов. — Похищение императора, транслирующееся на всю галактику, это весьма серьезный идеологический и моральный удар по противнику. Я не мог упустить такую блестящую возможность приблизить нашу победу.

ОБЛАСТЬ ШТАТНОЙ ДИСЛОКАЦИИ ФЛОТОВ ГРУППЫ «ДОМИНИОН»

Патрульный монитор «Ракша», окрестности Солнечной системы, доминанта Земли

1

Когда-то в этом самом кресле сживал капитан (впоследствии — майор) Белькевич. А теперь его занимал капитан Маримуца. Сегодняшний дежурный по сектору. Чуть меньше года назад он вызывал Высоту, теперь же сам откликнулся на этот вызов.

— Высота, я Флигель!

Дариуш протянул руку и включил микрофон громкой.

— Здесь Высота. Что там у вас?

Флигель — одна из многочисленных станций слежения вблизи Солнечной системы вышла на связь с центром обработки данных.

— Лейтенант Кваресма, смену принял. Представьтесь, пожалуйста.

Ага. Значит, уже восемнадцать ноль-ноль локального.

Маримуца поднял взгляд на часы, висящие между суточными таблицами перед пультом дежурного. Действительно шесть вечера. Пошла последняя четверть смены. Дежурный по сектору заступает на сутки, в то время как наблюдатели дежурят по схеме «шесть через шесть», поэтому заступивший на Высоту Кваресма и не знает, кто дежурит.

— Маримуца, — буркнул Дариуш, вспоминая, как сам некогда будучи наблюдателем в случае какого-нибудь ЧП вносил в вахтенный журнал, что, мол, дежурному по сектору имярек доложено, старший смены Маримуца.

С шести утра дежурил другой лейтенантик, значит, смены по какому-то поводу перетасовали — обыкновенно с нуля и двенадцати ходила одна смена, с шести и восемнадцати — вторая. Изредка состав парных смен слегка менялся. Не то чтобы это была такая уж редкость, но и нормой замены тоже не считались.

В течение примерно четверти часа свежеступившие на боевое дежурство офицеры-наблюдатели коротко докладывались Маримуце; представиться больше никто не просил, значит, на прочих постах все спокойно и вроде бы обошлось без замен.

— Высота, ответьте Константе...

Маримуца машинально включил микрофон и уже набрал в грудь воздуха, чтобы с ленцой отозваться, но тут же встряхнулся.

Константа! Флагман флота! Не какой-нибудь вам захудалый Флигель или еще более захудалая Линза...

— Здесь Высота, капитан Маримуца!

Начальству лучше представиться без напоминания.

— Маримуца? Как удачно. Сдавайте смену. Вместе с флагманом Раджабовым — приказываю немедленно отбыть на Константу. Девяткин уже оповещен.

— Есть! — отозвался Маримуца с максимальной возможной бодростью в голосе.

И уныло подумал: «Опять! Вроде только вернулся на привычное место, пусть и с повышением, и снова вызов черт-те куда...»

Откровенно говоря, нештатные приключения ему уже надоели. Зачем была нужна командировка на Тахир и участие в довольно странном налете на научную станцию тахирцев, Дариуш не понял, да не слишком и пытался понять. И зачем потом сидел на Тахире, хотя «пиратскую» команду довольно быстро из экспедиционного корпуса убрали, тоже не понял. Что-то за этим стояло, безусловно, но что — не сообщили ни Маримуце, ни его приятелю Рафику Раджабову. Перелом в войне, разумеется, не мог их не радовать, но так уж получилось, что большую часть этого времени они бестолково пересидели на Тахире и чуть позже — на станции «Квазар». И личного вклада в будущую победу как бы и не внесли — во всяком случае, очевидного. Капитан Маримуца был далек от завышенной самооценки, но даже привычные дежурства на «Ракше» считал маленьким, но нужным делом. Бестолковое же пребывание в галактике — два более походило на домашний арест, чем на службу.

Однако не им решать...

В рубку дежурного, прошелестев перепонкой, ввалился Лесли Шин, тоже капитан, коллега.

— Привет, Дари. Сменяю, Девяткин приказал.

— Ага. — Маримуца встал из кресла. — С Константы уже распорядились. Извини, не знаю, с чего бы это.

— Да ладно, первый раз, что ли? Приказ есть приказ...

У Шина сегодня был свободный день — не выходной, выходных на войне не бывает, но свободный от вахты. Маримуца чувствовал легкую вину перед приятелем, которому свободный день испоганили. Впрочем, он понимал, что вина эта в общем-то ложная, и понимал, что Шин тоже это понимает. Однако сам на месте Шина, точно так же понимая все, испытывал бы легкую досаду, каковую Шин особо и не пытался скрыть.

— Тут спокойно все, — сообщил Маримуца напоследок. — Только на Флигеле смену перетасовали, вместо Дементьева с восемнадцати Кваресма заступил.

— Угу.

Шин приземлился в кресло и по-хозяйски переориентировал видеокубики над пультом на свой, привычный манер.

— Удачи, Дари!

— Бывай...

До каюты было меньше двух минут ходу. Так, кейс с вещами, документы. Вроде все. Военные издревле легки на подъем.

На выходе встретился Раджабов.

— Привет! Ты готов уже?

— А чего тут готовиться, — буркнул Маримуца. — Ну, флаглей? Поехали в очередной бестолковый вояж?

— Может, это по другому поводу? — усомнился Раджабов. — Мало ли?

— Наивный ты, Рафик, — фыркнул на ходу Маримуца. — Мы теперь меченые. Черт бы его побрал...

Техник в шлюп-камере уже приготовил капсулу. Маримуца угрюмо выслушал его доклад, вынул местный коммуникатор и вызвал капитана «Ракши» Николая Девяткина.

— Сэр! — перешел он на уставной англик. — Капитан Маримуца, флаг-лейтенант Раджабов! Разрешите отбыть согласно приказу с Константы?

— Отбывайте, капитан. Удачи вам и на этот раз.

— Спасибо, сэр...

Перелеты теперь стали до смешного короткими. Четверть часа до транспортного рейдера, коридором до ближайшей шивки и заброс к флагману «Евразии». Финиш миниатюрных капсул также успели отработать до автоматизма — Маримуца и Раджабов не успели даже сочинить внятное обоснование новому вызову, а капсулу уже припарковали в промт-ангаре. На выходе терпеливо дожидался летающий робот-посыльный. «Follow me», — спроецировал он надпись на сетчатке глаз новоприбывших

и неторопливо заскользил вдоль желтой пешеходной линии к одной из бесчисленных внутренних перепонок ангара.

Сначала Маримуца полагал, что их ведут к оперативному дежурному, однако посыльный еще перед поворотом к сети основных гравифифтов свернул в VIP-зону. Пост придиричиво сверил идентификационные номера с суточным напылением на гостевой карте, после чего пришлось сдать табельное оружие и коммуникаторы. У Раджабова отобрали даже антикварную гелевую авторучку. Потом прибывших с «Ракши» еще дважды просвечивали и единожды обыскали вручную — перед шлюзом в чьи-то немаленькие апартаменты.

Маримуца начал догадываться чьи.

— Входите! — велел отворивший толстую деревянную дверь ординарец.

Маримуца и Раджабов бесшумно прошли по ковру.

— Видал? — прошептал Раджабов. — Не перепонка! Дерево!

— Прошу! — Ординарец отворил еще одну дверь и наблюдатели с «Ракши» оказались не то в большом кабинете, не то в маленьком зале для совещаний. Человека, сидящего за необъятным столом, трудно было не узнать, хотя сейчас он был облачен не в мундир, а в свободный тренировочный костюм.

— Господин адмирал! — немедленно доложил Дариуш, отдавая честь. — Капитан Маримуца и флаг-лейтенант Раджабов, патрульный монитор «Ракша», по вашему приказу прибыли!

— Здравствуйте, господа офицеры, — поздоровался командующий флотом «Евразия» Тим Хемерсбрандт.

— Здравия желаю, мой адмирал! — в один голос проорали Маримуца и Раджабов и застыли перед столом по стойке «смирно».

— Вольно.

Нетрудно было узнать и второго человека, сидящего чуть поодаль в специальном кресле, хотя, строго говоря, человеком он был менее чем наполовину. Чиль Онте, старейший военный Солнечной системы.

Кроме адмиралов в кабинете находились также несколько людей в штатском и референты в служебном секторе — там рябило в глазах от множества открытых видеостолбов.

— У вас ведь имеется опыт командования на инопланетных кораблях vip-класса, так, капитан? — осведомился Хемерсбрандт, бегло проглядывая сброшюрованную мини-распечатку.

— Так точно, господин адмирал! Командовал кораблями класса «Оши-люкс», «Теомар» и «А'йени», а также парламентарским ботом Пика Пирамид Азанни, год назад. Лично пилотировал каждый из них. Аналогичный опыт имеется и у флаг-лейтенанта Раджабова, без него я командовал только «Теомаром».

— Отлично, капитан. Нечто сходное предстоит вам и на этот раз. Готовы?

— Служу доминанте, господин адмирал! — не задумываясь, отозвался Маримуца и отсалютовал.

Раджабову по уставу отвечать не требовалось — он и стоял молча, только преданно выкатил глаза.

— Спецзадание, капитан. Снова бот азанни, но на этот раз не парламентарский, а разведывательный. Вводную получите в каюте — жилой каюте на флагмане, имеется в виду, на подготовку у вас неделя. Команде вас представят, как только она будет сформирована. Если справитесь — вы и еще кое-кто, — возможно, это будет последнее ваше спецзадание в нынешней войне. Если у вас или лейтенанта есть хоть малейшие сомнения в моральной — или физической готовности — рекомендую отказаться сразу. На дальнейшей карьере это не скажется.

— Мы готовы, господин адмирал!

Никто не смог бы заподозрить капитана Маримуцу в сомнениях или мнительности. Он отвечал твердо и уверенно.

— А вы, лейтенант?

— Я также всецело готов к любому заданию, господин адмирал! — столь же уверенно отчеканил Раджабов.

— Что ж, отлично. Реджи, займись ими!

Подле стоящих навтыжку офицеров «Ракши» неслышно возник очкастый парень в парадном мундире с нашивками советника-референта.

— Господа офицеры, прошу следовать за мной.

Оба адмирала — Хемерсбрандт и Онте — одновременно отсалютовали (им, капитану и флаг лейтенанту!), после чего Хемерсбрандт жестом отпустил обоих.

В холле перед кабинетом все еще висел робот-посыльный, однако референт вынул крошечный пульт и куда-то отослал летающего проводника. Наверное, провожать

очередных визитеров на ковер к начальству — недаром же Хемерсбрандт упоминал еще «кое-кого», кому предстоит некое важное задание.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКО-ПОИСКОВАЯ БАЗА ДОМИНАНТЫ ЗЕМЛИ, ПРОЕКТ «КВАЗАР-4»
Глубокий космос, нейтральное пространство

1

— Серега, правее! — с чувством рывкнул в переговорник бригадир искателей Саня Веселов. — Сколько можно говорить, елы-палы?

В нескольких метрах от базы небольшой манипулятор-шунт послушно переместил продолговатый цилиндр генератора нуль-коридора в нужном направлении и снова замер в ожидании приказов.

— Стоп! Пока не трогай!

Взъерошенный Саня резво отлип от переговорника и взглянул в окуляр. Смотрел он долго и придиристо.

— Вроде годится, — пробормотал он. — Вася, заводи картинку Свирскому.

Шулейко без возражений потянулся к пульту. Свирский по обыкновению молчал и не поправлял искателей-операторов — работая, он часто забывал обо всем на свете. Прошло минуты три, не меньше.

— Ну, что там? — послышался устало-терпеливый голос Сергея Забирана, управляющего шунтом. Маневры с последним генератором успели ему изрядно надоесть. Чуть правее, чуть левее, переориентируй по продольной оси, компенсируй дрейф... Тьфу. Сами не знают, чего хотят эти научники!

— Эдик! Ау! — воззвал Веселов к физикам. — Что скажешь?

— Нормально, нормально, — ожил Свирский. — Убирайте шунт.

— Серега, ты пока все, — снова припал к переговорнику Саня. — Отползай!

Шунт, похожий на статую шестирукой индийской богини, медленно отдрейфовал прочь из очерченной зоны захвата и развернулся ребром к базе. Теперь он стал похож на застывшее среди звезд насекомое, освещенное желтоватым габаритным шлейфом.

Красный габаритный огонек посреди ровного свечения шлейфа сигнализировал, что шунт обращен к окуляру видеозахвата правым бортом.

Метрах в четырех от Сани, за технарским пультом вышел из рабочего транса Дейв МакГрегори (до сих пор контролировавший общую топологию сшивки) и пихнул локтем Жоржа Сориала (до сих пор цинично спящего за соседним техпультом):

— Просыпайся, Жорж! Сейчас Бекасов пожалует, чтоб мне лопнуть.

МакГрегори как в воду глядел: через полминуты с чмоканьем расслоилась перепонка и в аппаратную пожаловал сам Мистер Импозантность — Андрей Бекасов, руководитель проекта.

— Ну, что, коллеги? — пробасил он не без воодушевления. — Я вижу, вы закончили?

— Да, шеф, — подтвердил Саня. — Однако изобрели вы, господа физики, топологию — еле разобрались, что куда распахивать!

«Квазар-четыре», в отличие от просто «Квазара», был очень небольшим проектом, в нем были задействованы всего девять ученых плюс шестнадцать искателей, техников и рабочих-подсобников. Присутствовало также неизвестное число военных из батальона охраны и обязательные лбы в комбинезонах «Хозчасти», но эта публика редко показывалась на глаза, предпочитала отсиживаться в тени и исполнять прямые обязанности. Поэтому отношения в исследовательском коллективе сложились достаточно семейные, свойские. Саня подозревал, что «Квазар-четыре» засекречен даже от союзников — все без исключения участники проекта были людьми, причем с достаточно высоким уровнем допуска. Наверняка здешние физики только ставят задачи да снимают результаты экспериментов и решающих испытаний — обсчитывается все на стороне, по частям, чтобы невозможно было вычислить целое. А занимался проект не чем иным, как топологией сложных сшивок. Выявлял новые свойства и испытывал возможности самых причудливых объемных комбинаций из генераторов работы исполинов.

— Отлично. — Бекасов удовлетворенно щелкнул пальцами. — Эдик, ты готов?

— Готов, шеф! — отозвался Свирский по громкой.

— Начинаем!

Саня предупредительно вывел контрольное построение в большой видеостолб посреди аппаратной. Все с интересом принялись наблюдать, даже заспанный Сориал.

— Ванька, давай на позицию «омикрон»! — скомандовал Саня в переговорник.

Ванька Танасевич, один на четырехместном боте, послушно потянул в область захвата. Данные его движения – скорость, курс, дрейф, ускорение, момент вращения, погрешности, скважность потока и тому подобное – выводились в видеокуб над пультом и дублировались в лабораторию, где орудовал Эдик Свирский с коллегами-физиками.

– Активирую захват, – предупредил окончательно оживившийся Эдик спустя несколько минут, а чуть позже сообщил: – Есть захват! Плотненький, шеф, на загляденье!

– Это хорошо, – величаво кивнул Бекасов. – Продолжайте.

Во время экспериментов он обыкновенно, заложив руки за спину, стоял посреди аппаратной или лениво разгуливал перед видеостолбом.

– Наведение норма. Тоже плотненькое. Вроде все штатно. Стартуем?

– Стартуем, – подтвердил Бекасов.

Все, не стовариваясь, поглядели на объемную масс-диаграмму. Там, в нескольких метрах от базы, висела объемная сшивка и бот с Ванькой Танасевичем на борту.

– Старт! – выдохнул Свирский, активируя сшивку. Бот пропал. И с диаграммы, и из окрестностей базы.

Если и на этот раз все прошло, как задумано, он должен был возникнуть далеко-далеко, за тысячи световых лет, в зоне приема поблизости спутника «Желтая Тень», в Солнечной системе.

Ожил пульт мгновенной связи, также заведенный на громкую.

– База, я бот, – послышался довольный голос Танасевича. – Вижу Венеру! Вижу Солнце! Вижу контрольный тик «Желтой Тени»!

Бекасов счастливо заулыбался в бородку.

– Ы! – радостно сказал Саня и с размаху хлопнул по плечу сидящего рядом Васю Шулейко: – Ай да мы! Ай да молодчаги!

– Ну, что же, коллеги! – Бекасов обернулся к искателям и технарям у пультов и величаво всплеснул руками. – Поздравляю! От души поздравляю всех с успешно проведенным испытанием! Сшивку «Омикрон-два» – в список активных. Возвращайте бот, подбирайте хвосты и на разбор.

– Йеп, шеф! – настроение у Сани, понятное дело, было лучше некуда.

– Кстати. – Бекасов вторично обернулся по пути к выходу, на этот раз персонально к Васе Шулейко. – Я слышал, у тебя «Розовое Фалькау» водится, Василий Евгеньич? Шулейко смиренно потупил взор:

– Ну... Как вам сказать...

– Будь любезен, прихвати на разбор. Бокалы прихвачу я. – Бекасов усмехнулся и вышел.

2

В кабинете Бекасов действительно вынул из шкафа коробку с фамильными бокалами божьего хрусталя, по давней традиции мечтательно вздохнул, прикинув, сколько этим бокалам лет, поставил коробку на стол и уселся в любимое кресло. В отличие от бокалов – новое и весьма современное. Внимательно поглядел на дополнительный пульт мгновенной связи, настроенный всего на один адрес, и медленно, словно бы неохотно, коснулся сенсора вызова.

Над пультом тотчас раскрылся видеокуб. Сначала он был мутным и почти непрозрачным, однако вскоре посветлел и явил изображение.

– Добрый вечер, господин полковник, – поздоровался Бекасов.

– У меня утро, профессор, – проворчал Попов без особого, впрочем, недовольства.

– Что у вас?

– У нас – все, – вздохнул Бекасов с усталым облегчением. – Сшивка «Омикрон-два» готова к использованию. Только что завершилось финальное испытание. Разумеется, завершилось успешно, иначе я бы вас не тревожил.

– Отлично, – кивнул Попов с видом человека, который ничего иного и не ждал. – Должен сказать, ваша группа опередила самые смелые графики операции. Во всяком случае, моя группа еще не готова.

– Все равно еще придется обучать персонал управлению. – Бекасов пожал плечами. – Успеете, я думаю.

– А зачем обучать? – простодушно спросил Попов. – Разве уже обученные люди не надежнее?

На миг Бекасов нахмурился, потом многозначительно протянул:

– Хм... Так что? Испытаний больше не будет?

– В нынешнем виде – нет.

— А сколько людей вы отзовете из проекта?

— Четверых искателей, двоих технарей и вашего гения Свирского. Достаточно?

— Для операции — более чем. Однако Свирский был бы мне необходим для обработки накопленного материала, для общего мониторинга темы, для... В конце концов, он пишет фундаментальную работу по физике монодоменов, и я как научный руководитель...

— Андрей Константинович, — прервал Бекасова Попов. — Операция займет максимум сутки. После этого забирайте своего Свирского на здоровье, никто не возражает. Но на операции управлять сшивкой будет он, и только он. Потому что никто лучше него со сшивками не управляется, вы ведь сами говорили.

— Понятно, — вздохнул успокоенный Бекасов. — Что ж, мне остается лишь подчиниться и пожелать вам удачи. Когда придет транспорт за моими... хотя, наверное, теперь уже не моими людьми?

— Часа через два, полагаю. Намекните Веселову, Шулейко, Забирану, Танасевичу, МакГрегори и Сориалу, чтоб паковали вещички. Ну и Свирскому, разумеется.

— Понял, господин полковник. Это все?

— Все.

— До свидания.

— До свидания, профессор.

Бекасов уже протянул руку к сенсору, когда Попов неожиданно снова окликнул его:

— Профессор!

— Да, коллега?

— Спасибо вам. Вам и вашей группе.

Бекасов улыбнулся, шевельнув эспаньолкой, и протяжно вздохнул:

— Служу доминанте...

3

Разбор закончили быстро, минут за сорок, и к великой радости не обнаружили никаких отклонений от загодя просчитанного графика. Впрочем, если Бекасов, не дожидаясь обратной переброски бота, дал команду вносить испытываемую сшивку в список активных, значит, он на двести, на тысячу двести процентов уверен в положительном результате.

После разбора с шутками-прибаутками ухнули две бутылки розового игристого вина с Фалькау. Сориал чуть не разбил фамильный бекасовский бокал какого-то древнего хрусталя — спасибо, Вася Шулейко среагировал, поймал на лету, у самого пола. Бекасов пообещал зашвырнуть Сориала куда-нибудь в хромосферу Регора или, например, Менкиба. Сориал ужаснулся — можно было легко подумать, что искренне. Саня, приятно одурманенный шампанским, уже прикидывал, какой будет следующая сшивка. Практически все варианты усиленной октагональной схемы они отработали, так что можно переходить и к схемам позамысловатее. Эдик Свирский вполголоса толковал об этом же с другим физиком — Найджелом Вайнштейном. В общем, настроение у квазаровцев было приподнятое.

И только Бекасов казался печальным. Нет, он вел себя совершенно естественно, шутил, смеялся, чокался своим любимым хрусталем. Но глаза... Его выдавали глаза. Саня как заметил это — сердце екнуло.

«Та-а-ак! — подумал он, быстро трезвея. — Кажется, грянут перемены...»

И действительно: через полчаса Бекасов встрепенулся, отгоняя какие-то свои непостижимые мысли, и тихо, тише, чем обычно и чем требовала обстановка, объявил:

— Ну, что, коллеги? Как выяснилось, мы сделали, все, что от нас требовалось. «Квазар-четыре» расформируются.

— То есть как? — не поверил Эдик Свирский. — Мы же только начали?

— Сейчас война, — напомнил Бекасов. — Исследования, конечно же, когда-нибудь будут продолжены, возможно, даже (и я на это надеюсь) кем-то из нас. Но это будет уже не «Квазар-четыре». За диссертацию, Эдик, не беспокойся, ничего, в сущности, не меняется и я тебя не бросаю. Только тебе, а также кое-кому еще, придется сначала выполнить еще одну миссию — очень важную, насколько я понимаю.

— Кое-кому — это кому? — пробасил Вайнштейн с нескрываемым подозрением.

— Не тебе, Найджел, — успокоил его Бекасов. — Искателям. Тоже не всем. Веселову, Шулейко, Забирану и Танасевичу. А также вам, Дейв и Жорж. Причем отбыть вам предстоит прямо сейчас — примерно через час придет бот. Дела сдавать не нужно,

тут есть кому разобраться. Идите пакуйте вещи. Только очень прошу: без прощаний и объятий, я этого не люблю. Обнимемся, когда встретимся вновь. До свидания. Бекасов по очереди пожал руки всем, кому велел отбыть, кивнул остальным и вышел, даже не забрав свой любимый хрусталь.

Часа хватило и на сборы, и на финальные посиделки с ребятами – правда, без Бекасова. Просто не решились его позвать, раз шеф предпочел попрощаться заранее. А потом пришел бот и семеро из более не существующего проекта «Квазар-четыре» довольно быстро переместились на просто-таки огромный корабль. Еще на подлете МакГрегори, глядя в иллюминатор, впечатление присвистнул:

– Ого! Флагман флота! Ничего себе!

– А откуда видно, что флагман? – спросил Свирский, который помимо физики и математики в жизни знал мало что.

– Огни, – снисходительно пояснил Серега Забिरый. – Причем мы сейчас находимся где-то в тылу, иначе огней не было бы.

Он говорил сущую правду. Искатели в таких вещах разбираются не хуже военных.

– Братцы, – вдруг встрепенулся Вася Шулейко, до этого мирно дремавший в кресле.

– Е-мое! На созвездия взгляните! Мы же в Солнечной! Это «Евразия», не иначе!

И Вася не ошибся. Большой корабль действительно оказался флагманом флота «Евразия».

Им не дали даже толком разместиться – велели оставить вещи в отведенных каютах и привели в класс-кабинет, где предложили рассаживаться за изогнутые столики. В классе, кроме прибывших с «Квазара-четыре», было человек десять военных и четверо в штатском. Едва экс-квазаровцы расселись, один из штатских вышел к небольшой трибуне, призванной скорее удобно раскладывать записи и трансляторы, нежели возвысить оратора над слушателями.

– Господа! – обратился он к присутствующим. – Война вступает в заключительную фазу, и это не может не вселять в наши сердца оптимизм. Однако враг еще не разгромлен. Вы призваны союзом и доминантой нанести врагу один из решающих сокрушительных ударов. Для всех присутствующих в общем и целом не секрет, чем вы занимались еще сегодняшним утром, поэтому буду говорить без обиняков: ваша миссия состоит в управлении одной из последних отработанных объемных сшивок. Цель миссии – забросить группу из пятнадцати человек и одного шат-тсура в указанную точку пространства, а в указанное время вернуть ее в стартовую область, то есть нужна типовая двухцикловая трансгрессия. Предварительно вы должны будете в исключительно сжатые сроки обучить еще семь групп, состоящих из инженеров и ученых, уже имеющих довольно богатый опыт работы с несложными объемными сшивками. Времени у нас в обрез, поэтому начинаем прямо – сейчас. Учебные группы уже сформированы; группой А будет руководить Эдуард Свирский – это физики, группой В – Александр Веселов и Василий Шулейко, соответственно – головная наводка и позиционирование, группой С – Иван Танасевич и Сергей Забيران, оперативные работы и группой D – Денис МакГрегори и Жорж Сориал, техноконтроль и дубляж. Занятия...

– Простите, можно вопрос? – перебил оратора Свирский.

Тот поиграл желваками, видимо, не привык, когда его перебивают, но все же позволил:

– Только коротко.

– Сшивки какого типа предстоит использовать?

– Вам и еще одной группе – «Омикрон-два», остальным – «Омикрон-один-бис». Еще вопросы будут?

– Пока – нет, – ответил Свирский и чему-то заулыбался.

– С вашего позволения, я продолжу. Итак, занятия...

«Неужели все? – отрешенно подумал Саня. – Неужели конец войне? Неужели напряжемся еще разок и наконец-то расхлебаем эту кашу, которую заварили мы с Тахиром, мир его праху, Васькой и мымрами-научницами?»

Хотелось в это верить.

Веселов встряхнул головой, отгоняя назойливые мысли, и принялся внимательно слушать сурового, как и все силовики из начальства, мужчину в штатском.

ИСКУССТВЕННЫЙ СПУТНИК «СОЛЬПУГА»

Стационарная орбита у Чагды, она же Аморфис-2, доминанта Земли; частная территория

Чагда только-только начала оправляться от разразившейся на ней полвека назад чудовищной эпидемии. Заселенные территории занимали около семи процентов суши; в большую часть медленно ветшающих и разваливающихся городов после мора так никто и не сошелся. Выжившие и их потомки смыслом жизни сделали возрождение планеты, но колонисты упорно не желали сюда переселяться (что, впрочем, не вызывало особого удивления). Не решились сунуться сюда и имперцы — война оставалась в восприятии чагдоров просто абстрактным словом да информационными сводками в новостях.

Однако кое-кто в окрестностях Чагды все же возник. Малопосещаемость этой звездной системы новоприбывшим была только на руку.

«Сольпуга» была родной сестрой «Желтой Тени», и по принадлежности, и по конструкции. И гнездилась здесь, как нетрудно догадаться, контрразведка. Полковник Попов постукивал пальцами левой руки по столу, застеленному зеленой скатертью, и внимательно изучал видеосводку, только что присланную Райдом. Сам Райд колдовал у кофейного аппарата в углу кабинета.

— Н-да, — пробормотал Попов, досмотрев сводку. — А сам-то ты что обо всем этом думаешь?

Райд как раз подходил к столу с двумя чашечками в руках. Одну он поставил на блюде перед Поповым, другую продолжал держать в руке.

— А что я могу думать? — ответил он, усаживаясь напротив шефа. — Миражами мы занялись не так давно, мало материала.

Попов кивнул, рассеянно помешивая ложечкой кофе.

С некоторых пор контрразведка доминанты изучала и фиксировала наблюдения космических миражей всех типов. Понятно, что в первую очередь Земля пыталась отследить присутствие Роя в галактике; остальные миражи были в общем-то безобидны и контрразведке малоинтересны (ученым разве что, да статистикам). И тем не менее Попов распорядился регистрировать все миражи без исключения. Картина складывалась почти ровная: график частоты наблюдений различных объектов колебался около средних величин с незначительными девиациями. Аномалий было ровно три; сразу несколько миражей в виде кораблей Роя, чаще всего скаутов; по времени эта аномалия совпала с исчезновением имперской армады у Офелии и гибелью экипажей и аппаратуры на кораблях другой армады в Солнечной. Спустя три недели в течение суток в семь раз больше обычного наблюдалось миражей типа «спираль»; спустя еще полторы недели начисто исчезли из виду объекты типа «девятка с хвостом» и «косая звезда». Оба объекта не появлялись пять с половиной суток, хотя ранее показывались раз по двадцать на дню. По истечении пяти с половиной суток число наблюдаемых объектов этого типа вновь вернулось к привычным цифрам. И все. Рой, который больше всех интересовал контрразведку, единожды отметился у Офелии еще до войны, трижды — незадолго до исчезновения армады, семикратно непосредственно перед исчезновением, а после примерно раз в неделю-две мелькал по всей галактике, совершенно бессистемно и без видимых последствий. В Солнечной в период всплеска о кораблях Роя никто не докладывал, но в то время и наблюдения еще не велись. Вблизи прародины человечества Рой так и не проявился, зато было одно наблюдение в относительной близости — в полутора световых часах от общего центра масс двойной Центавра.

Объекты типа «спрут», «малая роза», «У зеркальное» и прочие вели себя на редкость стабильно. Не особенно много было открыто и новых типов миражей, также вполне стабильных. Однако Попов все-таки выбил у президента «добро» на учреждение специальной службы, о результатах работы которой Райд периодически и докладывал.

— Ну не случайным было внезапное появление Роя перед ударами по армадам, хоть убей — не случайным, — сказал Попов чуточку раздраженно.

— А я что, возражаю? — Райд пожал плечами. — Такое впечатление, что они сделали свое дело и затаились. Так, помаленьку контролируют ситуацию и не особо высываются.

— Но почему не выйти на контакт? Почему не поговорить с нами? Зачем они вообще помогали союзу, а конкретнее — людям, Солнечной и Офелии?

Райд только печально вздохнул. Откуда он мог знать — почему?

В преддверии решающей операции эта неопределенная ситуация с бывшими союзниками стала головной болью не одного государственного мужа. И по мере приближения времени «Ч» боль только возрастала.

— Тьма их заberi, этих термитов-переростков, — проворчал Попов. — Ладно, по этой теме я все понял. А что там наш бравый перевертыш?

— Упирается, шеф. Ему на родине столько ментоблоков понатыкали, что наши спецы только охают. Да и лет ему сколько — с возрастом, говорят, учишься контролировать даже мысли.

— Правду говорят. — Попов не собирался опровергать это довольно рискованное утверждение.

Райд тем временем продолжал:

— Его нейрошунтом — он закрывается. Его стимуляторами — он засыпает. И молчит, молчит. Не жре... в смысле — не ест даже. Внутривенно кормят, когда спит.

— Может, ему не позволять спать? — задумчиво проговорил Попов. — Хотя вряд ли поможет, будет спать, как дельфин, по очереди каждым полушарием. Черт возьми, людям бы такой организм!

— Да уж. — Райд мечтательно закатил глаза. — Жили бы лет по восьмьсот...

Его прервал резкий зуммер тревожной линии. Никто не дернулся, не уронил чашечку с остатками кофе. Попов всего лишь скосил взгляд на пульт, Райд повернул голову.

— Ответ, — сдержанно скомандовал полковник пулту. — На связи.

Послышался также довольно спокойный голос Ле Бурже, но знающие его люди моментально определили бы: новости он собирается сообщить важные и не терпящие отлагательств. И Райд, и, разумеется, Попов знали Ле Бурже лучше, чем прекрасно.

— Шеф, на открытом канале свайги. Вершитель Аххо Тео, Галерея.

Глаза Попова стали похожи на щелочки, Ле Бурже продолжал:

— Он настаивает на личных переговорах. Что ответить?

— Переводи на закрытый канал и коммутируй на меня, — велел Попов внешне бесстрастно.

— Есть, шеф! — Ле Бурже временно отключился.

— Райд, — просто и без нажима обратился к подчиненному Попов. — Иди работай.

— Есть, шеф! — Райд послушно вскочил.

Он понял (еще бы ему не понять), что аудиенции просит один из весьма влиятельных представителей расы свайгов. Не знал Райд только одного: что вершитель Аххо Тео на Галерее возглавляет службу, аналогичную контрразведке Земли.

В отличие от более молодого коллеги полковник Попов вершителя Тео знал, причем даже лично. Однако с ходу не мог вообразить ни единого мало-мальски правдоподобного повода, по которому шеф контрразведки Свайге мог бы вот так запросто обратиться к коллеге-человеку. А когда не можешь представить — просто жди и ни о чем не думай, все прояснится в ближайшее время.

Первым делом полковник погасил все видеокубы, кроме того, по которому устанавливали связь. Затем убрал в ящик стола все, что до этого находилось на знаменитой зеленой скатерти, даже обе чашечки и оба блюдца. На столе остался только личный пульт, настольная лампа и старинная стойка для распечаток.

Связь установили довольно быстро. Впрочем, операция была немногим сложнее надевания тапок — ее трудно было затянуть.

Из видеокуба на полковника взглянул серо-зеленый ящер с торжественно развернутым теменным гребнем. Ящер был облачен в нечто вроде хламиды — у тех, кто хвостат, штаны как-то не пользуются особой популярностью. Хламида была гражданской, но официального покроя, вроде костюма и галстука у людей.

— От имени Галереи Свайге приветствую уважаемого союзника! — поздоровался вершитель в формальном ключе и шевельнул гребнем. После чего добавил уже попроще: — Здравствуй, По!

— Да окрепнет союз! — не стал нарушать традиции галактов и полковник. — Будь здоров, Тео, да не иссохнут твои чешуйки!

Тео шевельнул горловым мешком, что означало легкое веселье — человек на его месте рассмеялся бы, запрокинув голову.

— По, я тебе много раз говорил, это приветствие устарело два-по-восемь веков назад.

— Ну и что? — ничуть не смутился Попов. — Можно подумать, тебе будет приятно, если твои чешуйки в самом деле иссохнут.

Свайг изобразил веселье вторично:

— Ну, тогда желаю тебе много вкусного мяса и хорошей погоды!

— Спасибо, Тео, — с самым серьезным видом поблагодарил Попов.

— Извини, По, в этот раз не удастся просто поболтать, времени мало. Я так полагаю, этот разговор прослушивается и пишется?

— Ну а ты как думаешь?

— В таком случае буду максимально краток: разреши мне прибыть на «Сольпугу» лично (название спутника свайг не произносил — вклеили запись речевого синтезатора). Со вполне официальным визитом.

— Хм... — Полковник Попов на мгновение задумался. — Но, дорогой Тео, ты ведь прекрасно знаешь — это спутник моей... службы и пускать сюда союзников как бы не принято. В конце концов вы даже не должны знать, где он находится.

— И тем не менее я настаиваю, а кроме того, еще и прошу в личном порядке. Дорогой По, дело исключительной важности, можешь считать меня посланцем своей расы, только не на уровне вершитель-президент, а на уровне лиц нашей профессии. Людей это касается не в меньшей степени, нежели свайгов и прочих союзников, а наш разговор может возыметь весьма далеко идущие последствия в общегалактическом масштабе. Разумеется, я не должен знать, где находится ваш спутник и кто на нем хозяйничает... Но так уж случилось, что я знаю. Ты меня поймешь, когда выслушаешь. Я не буду протестовать, даже если меня посадят по дороге в мешок или если ты решишь принять меня на продуктовом складе. Но поговорить мы должны с глазу на глаз и именно у тебя. Между прочим, мое начальство о визите не осведомлено.

— Хорошо, — принял решение Попов. — Но приходи один. Я pošлю бот к нуль-коридору на Чагду... ну, ты знаешь, куда именно. На ТУ сторону. Разумеется, я даю все гарантии твоего благополучного возвращения.

— Договорились. Спасибо, По, я верил в твое благоразумие и дальновидность!

— Глубины, Тео. Я жду.

Видеокуб погас. Полковник Попов подался вперед, к столу, оперся о столешницу локтями и крепко задумался, потирая виски. Так он просидел минуты две. Потом потянулся к селектору:

— Ле Бурже!

— Да, шеф?

— Выслать бот с охраной — четверых хватит. Без парада, «Хозчасть» и все, но при оружии и броне, по полному комплекту. Кого — сам решай. К местному створу, на ту сторону, там принять на борт одного — подчеркиваю, одного! — свайга и доставить сюда, в мой кабинет.

— Есть, шеф... А как с ним обращаться?

— Как со мной. Выполняй.

— Есть, шеф!

Ле Бурже, неслышимый из кабинета, отдавал распоряжения. Полковник снова замер и задумался — на целых пять минут. Потом снова неторопливо потянулся к селектору, вызвал стюарда и попросил сервировать обед в малой приемной. На одну персону.

2

Они сидели друг напротив друга, за столом, разделенные зеленой скатертью и самой природой: человек и свайг, гуманоид и рептилоид.

Два профессионала, связанные странной дружбой, в которой не можешь полностью доверять другу никогда и ни в чем. Но вполне доверяешь простому слову, обыкновенному обещанию, которое порою бывает неизмеримо крепче скрепленных десятками печатей пактов.

Попов сидел где обычно, в кресле; для вершителя Тео из запасника принесли специальный стул с гнутой трубчатой спинкой. Полковник пил чай, свайг — общепринятый в галактике напиток уклу, который не употребляли разве что а'йеши.

— Слушай меня внимательно, По, я сейчас говорю вроде бы неофициально, но... об очень официальных вещах. Галерея и Триада Цо в общих чертах осведомлена, что вы захватили шефа клановой разведки перевертышей Яскера. Вы наверняка знаете, что разведкой его деятельность не ограничивалась и что он занимает как минимум два министерских поста в правительстве доминанты Оа. Собственно, этот перевертыш, его знания и связи — ключ к обороне Оа и Файд-Зегу. И Галерея, и Триада крайне недовольны тем, что Земля до сих пор не поставила союзников в известность о факте пленения такой важной особы. Триаду, как нетрудно догадаться, полностью поддерживают уцелевшие правители азанни.

— Но...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Вы еще не выпотрошили память Яскера. По, люди просто не в состоянии это сделать достаточно быстро, ментоманипуляции никогда не были вашей сильной стороной. Тем более следовало обратиться к союзникам — в

особенности к нам. В нейрофизиологии высших позвоночных наша раса не имеет равных, и ты не можешь это отрицать. В высших сферах готовы возобладать весьма шаткие настроения. Вот-вот будет высказано обвинение в том, что хомо почуяли победу над империей и пытаются урвать кусок пожирнее. Свяжись с президентом Солнечной, По, свяжись, еще не поздно.

Полковник Попов чуть заметно качнул головой (причем так, что не понять было — соглашается он или отрицает сказанное) и ответил:

— Ну, допустим. Допустим, я свяжусь. Что дальше?

— А дальше — там, откуда меня забирали, дрейфует готовая госпитальная станция. Мы даже не требуем отдать Яскера нам. Позвольте нашим специалистам поработать с Яскером прямо у вас — и добытая информация станет достоянием союза, в том числе и достоянием людей. Учти, время идет, и завтра все, что знает Яскер, может устареть.

— Хорошо. — Попов и сам понимал, что с президентом и военными придется связываться по-любому. Так чего понапрасну упираться? — Я свяжусь с президентом в ту же секунду, как бот с тобой на борту пройдет нуль-коридором в обратную сторону.

— погоди, По, я еще не все сказал. Яскер — не единственный повод, по которому я сюда прибыл.

— Я слушаю. — Попов выглядел суровее, чем обычно. Его мозг привычно прокручивал всевозможные варианты и сочетания фактов и событий. Что реально стоит за визитом вершителя Тео? Кому это выгодно? Как извлечь выгоду из этого Земле?

— На Галерее известно также о том, что в скором времени Земля готовит еще одну операцию чрезвычайной важности и что в этой операции будут задействованы результаты ваших последних экспериментов с генераторными сшивками. Это ведь опять будет точечная операция, вроде похищения Яскера, так?

— Возможно, — ответил Попов бесстрастно. — А возможно, и нет.

— Я не пытаюсь выудить информацию, По. Я просто даю совет — тебе и всей твоей расе. Если операция точечная, предложи своему правительству включить в состав группы хотя бы по одному представителю высших рас. Азанни — пилотом, цоофт — технарем, и так далее. Никто не просит посвящать их во все детали, просто поставьте им посильную задачу, и пусть они ее выполнят. Войну должен выиграть союз, а не хомо.

Теперь полковник Попов наконец-то кивнул:

— Я понял, Тео. Честное слово, я представляю, чем ты рискуешь, прилетев сюда. Я сделаю все, что смогу. Мне ведь тоже не слишком радостно видеть в свайгах врагов — это означает, что придется схлестнуться с тобой всерьез, а ты слишком сильный противник.

— Ты не слабее, По. Извини, мне пора. И помни: времени очень мало.

Вершитель Тео встал, аккуратно вынул хвост из отверстия в спинке стула и на пару секунд расправил гребень.

— Удачи, По.

— Глубины, Тео.

3

Полковник Попов закончил сжатый доклад первым лицам Солнечной, отложил транслятор с рабочими заметками и сложил руки с переплетенными пальцами на столе в ожидании официальной реакции правителей Солнечной.

Президент Вернер Винцль отвечать не спешил. Сначала взглянул в видеостолбы, где темнели изображения адмиралов Хемерсбрандта и Онте, Ильхана Байрамова и нового шефа разведки Изольды Крамер. Видеоконференция «большой шестерки» началась пять минут назад.

— Глупо было предполагать, что все останется в тайне, — проворчал Байрамов, насупившись.

— Никто и не предполагал, — сказал Попов. — У меня отработаны все варианты. Я всего лишь жду, какой вариант мы выберем.

Президент первым делом обратился к военным:

— Чиль?

Командующий «Африкой», не иначе тоже заранее был готов к подобному повороту событий:

— На сегодняшний день ситуация такова, что империю мы додавим и без союзников, — сказал он. — Однако после победы союзники не исчезнут и нам с ними жить бок о бок. И с этим фактом хочешь, не хочешь — а придется считаться.

— То есть вы за то, чтобы привлечь их? — уточнил Винцль.

— Да. У Тима можете не спрашивать, я огласил решение штаба. На случай... В общем, именно на наш сегодняшний случай.

— Ильхан Мансурович?

— Я — министр ВНЕШНИХ сношений. Если мы обидим союзников, после войны с ними трудно будет... гм... сношаться. Извините за невольный каламбур. В общем, я предпочитаю дружить со всеми, с кем возможно, и вы уже должны были к этому привыкнуть, господа.

— Мы привыкли. — Президент улыбнулся уголком рта. — Но если бы тебя не спросили, это было бы по меньшей мере невежливо. Ладно. Теперь вы, миссис Крамер. Кстати, очень жаль, что информация пришла не через вас, а через полковника Попова. Вообще-то первой узнавать об умонастроениях Галереи, Триады, Технократии и прочих союзных верхушек должны вы.

— А кто вам сказал, что я ничего не знаю? — невозмутимо ответила Изольда и вынула из серебристого кейса одноразовый диск. — У меня, конечно, нет приятеля в контрразведке Свайге, но, уверяю вас, ничего нового я сейчас не услышала. Можете удостовериться.

Президент чуть заметно нахмурил брови:

— Мисс Крамер, ничего нового ни один из нас не услышал. Считайте, что упрек был простым комментарием, не более. Смотреть мы ничего не станем, ибо нужно принять решение, причем как можно скорее. Итак, ваше мнение?

— Мое мнение таково: привлечение союзников к ментоскопированию Йен-Яскера — оправданно. К операции «Группер» — нет.

— Позвольте поинтересоваться почему?

— Свайги действительно лучше нас владеют техникой ментоскопирования, что и неудивительно — у них фора в полторы тысячи лет исследований. Поэтому нужно как можно быстрее выпотрошить Йен-Яскера и добраться до кодов орбитальной обороны Оа и Файд-Зегу. Кстати, именно штурмом метрополии оаонс целесообразнее заняться союзникам — у них больше крупных кораблей, а ломать орбитальную оборону... Хорошо, хорошо, господин Онте, я не буду разжевывать очевидное. В общем, секреты доминанты Оа в области высоких технологий не идут ни в какое сравнение с уровнем Тсурры и Багуты, багаж перевертышей по определению выше. Именно поэтому союзники охотно ухватятся за возможность взять Оа и Файд-Зегу без нас, в первую очередь, конечно, а'йеши, свайги и цоофт. Азанни по идее должны бы поддержать цоофт, птичьи расы всегда поддерживают друг друга, но сегодня не тот случай: три четверти их расы уничтожено шат-тсурами, бывшими сателлитами. Поэтому азанни предпочтут штурмовать более отсталые технологически Тсурру и Багуту в связке с нами. Но азанни осталось немного в смысле численности, поэтому большая часть трофеев так или иначе попадет к нам. Если же допустить союзников к обоим операциям — нам как обычно достанется лишь то, что не подойдет старым расам. Изольда на секунду умолкла и, коротко взглянув на президента, с едва ощутимой ехидцей добавила:

— Извините, если не сказала ничего нового, господа.

Чиль Онте даже поаплодировал:

— Браво, Изольда! Браво, девочка! Тебе бы не разведкой командовать, а генштабом.

— В разведке тоже полный порядок, можете верить. — Изольду Крамер нереально было смутить.

— Я не согласен, — возразил Попов. — К операции «Группер» нужно привлечь нескольких союзников, обязательно. Двоих-троих. Но не в штурмовые группы, а в экипаж к Маримуце, например. Это и перед галактами нас оправдает, и, по сути дела, ничего не изменит. В штурмовые группы мы их не возьмем по той простой причине, что с людьми в лобовых столкновениях действительно не сравнится никто. А вот если мы не возьмем пилота-азанни... Тут нас могут, как говорится, не понять.

— Кстати, верно, — поддакнул президент. — По-моему, лучше нам ничего не изобрести. Как считаете?

— Флот согласен, — переглянувшись с Хемерсбрандтом сказал Чиль Онте.

— Согласен, — кивнул Байрамов.

— Предварительные резюме сравнивать будем? — поинтересовался президент, вставая.

— А чего их сравнивать? — Байрамов безнадежно махнул рукой. — Все равно ведь в целом совпадут. Мне давно уже кажется, что мы утрясаем только детали, а решения принимаются еще до совещания.

— Это и называется единством мышления, — пошутил напоследок президент. — Ну, что, полковник? Пусть Йен-Яскером вплотную займутся свайги. И подберите Маримуце действительно достойный экипаж.

— Кстати, касательно экипажа у меня есть на примете очень интересный вариант! — оживился Чиль Онте. — Полковник, не изволите ли на отдельный канал?

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Солнечная система, орбиты Юпитера и Сатурна, противофазное состояние

1

Дариуш Маримуца и Рахмансулла Раджабов изучали вводную около часа. В принципе задание можно было описать несколькими фразами — скрытно прибыть в пределы системы Тсурры и с расстояния двести — триста мегаметров от светила осуществить предварительную наводку на стратегическую базу шат-тсуров, резиденцию императора Унве. Однако на каждый пункт вводной имелась масса комментариев и ссылок, так что разбираться пришлось дольше, чем казалось сначала.

Потом познакомились с ботом — удивительно ладным и совершенным кораблем вип-класса. Парламентерскому боту азанни, на котором Маримуца, Раджабов и десантники год назад летали на снежную Ухту, этот, увы, уступал и камуфляжный модуль имел не элитного, а только продвинутого класса. Но сравнивать с регулярными ботами его все равно было грешно — разница на несколько порядков.

С кораблем сживались почти трое суток. К вечеру третьего дня на флагманском линкоре «Евразия» Маримуца знал вип-бот не хуже собственного кармана. Забавно, но именно в тот момент, когда Дариуш решил, что дальнейшее ознакомление будет пустой тратой времени — все довершит полет — и прозвучал вызов Реджинальда Финнея, куратора процесса подготовки.

— Капитан?

— Да, сэр.

Реджи был немного моложе Маримуцы, но служил при штабе «Доминиона» уже восьмой год. Воинского звания не имел, выдвинулся по линии советников. Скорее всего Реджи происходил из богатой и знатной семьи — Маримуце иногда хотелось смачно зарядить ему в нос и удостовериться, что кровь польется голубая, а не как у всех. Держался советник сухо и подчеркнуто вежливо, но чувствовалось, что себя он считает неизмеримо выше каких-то там офицеришек. Однако дело Реджи Финней знал безукоризненно и по части подготовки Маримуца при всем желании не смог бы высказать ни единого нарекания.

— Капитан, прилетел ваш экипаж. Сейчас их расселяют, а через двадцать минут извольте прибыть на представление, палуба шестнадцать, учебные классы, аудитория маневрового пилотажа. Разумеется, это касается и флаг-лейтенанта Раджабова.

— Есть, сэр, через двадцать минут.

— Спасибо.

Это «спасибо» в конце каждого разговора особенно бесило Маримуцу. Видимо, и сейчас на лице отразилось нечто такое... сообразное моменту.

— Ничего. — Рафик похлопал приятеля по плечу. — Станем героями расы — непременно набьем ему рожу. По очереди и одной рукой, чтоб не трындел никто, что хлипких обижаем.

Маримуца только вздохнул:

— Ладно, пошли. Нам только топать минут десять. Опоздаем — начальству ведь наступит...

Маримуца лукавил: Реджи Финней, при всем его высокомерии, был не из стукачей. Однако при малейшей оплошности обдавал таким холодным и молчаливым презрением, что хотелось сначала удавить его, а потом застрелиться от осознания собственной неполноценности.

Из базис-ангара на общедоступные палубы вел всего один лифт. А вернее, Маримуца с Раджабовым знали только об одном — линкор-флагман даже им, флотским офицерам, повидавшим немало, глянулся неописуемо огромным. Это был даже не летающий город — нечто большее. Рукотворный жилой астероид, напичканный оружием, энергетическими установками и мириадами типов разнообразной машинерии. Маримуца,

попавший на борт линкора впервые, боялся теперь вообразить, что же собой представляют дестроеры и мегадестроеры галактов. Флагман «Евразии» по галактическим меркам заметно превосходил средние корабли и немного не дотягивал до больших. Корабли существовали еще сверхбольшие; под гигантские икс-приводы галакты кораблей не строили, монтировали их прямо на специально подготовленные естественные небесные тела.

До указанной аудитории добрались за двенадцать минут. У перепонки дежурили двое пехотинцев-пустотников при лучеметах. Когда Маримуца и Раджабов подошли вплотную, пехотинцы синхронно щелкнули каблуками и вытянулись (ну да, при оружии честь не отдается), потом один предупредительно расслоил перепонку, придерживая ближний к себе край. Маримуца благодарно кивнул – ребята старались, да и вообще эти три дня все встречные действительно смотрели на них как на будущих героев. Для подготовки операции «Группер» на флагмане выделили целый сектор, поэтому каждый, кто имел туда допуск, хотя бы смутно представлял себе: готовится нечто важное, если не эпохальное.

В аудитории (кто б сомневался!) уже пребывал Реджи, трое его помощников и несколько людей и галактов. Едва Маримуца миновал перепонку – все, кроме держащихся особняком советников, встали.

– Вольно, – скомандовал Маримуца как старший по званию и остановился между столами и проекционной стеной, внимательно рассматривая свой будущий экипаж. Первый, на ком остановился взгляд, был не кто иной, как герой обороны Солнечной Нери Йонас – простой штатский инженер, чей лик недавно стал известен всей доминанте. Голографии и плакатов с изображением Йонаса и Гектора О'Риди успели наклепать несколько миллиардов и разместить буквально везде.

О'Риди, кстати, тоже присутствовал, только в отличие от плакатного образа он уже не был одноруким: то ли прижили бион, то ли сделали протез. Реджи немедленно захватил инициативу:

– Господа! Имею честь представить вам командира корабля капитана Дариуша Маримуцу (Маримуца кивнул) и его заместителя Рахмансуллу Раджабова (Раджабов кивнул).

Тонем солидного конферансье Реджи начал церемонию представления – хоть она, говоря откровенно, на флотах с такой помпой редко когда проводилась.

– Господин капитан, господин флаг-лейтенант! Извольте, ваш экипаж! Первый пилот – Заузи-Айниц!

Поскольку маленький азанни не мог встать – даже во весь рост он едва достанет до пояса человеку среднего роста, – он, чрезвычайно изящно двигаясь, вспорхнул, сделал над столом мертвую петлю и мягко опустился на столешницу, на то самое место, где сидел перед взлетом. Его сальто было настолько выверенным и безукоризненным, что сразу пропадали малейшие опасения за пилота разведывательного бота.

– Боевой пилот-истребитель, более сотни вылетов, десятки уничтоженных и поврежденных кораблей противника, в том числе два легких клипера, монитор и полудредноут. Последняя машина – штурмовик-четверка, «Найтар», седьмая ударная группа флота «Африка».

Маримуца кивнул маленькой птице, как того требовал флотский устав и кодекс старших рас. Азанни отсалютовал крылурукой.

– Второй пилот, – продолжал представление Реджи, – Гектор О'Риди. Хоть Гектор и лицо гражданское, на время операции ему присвоено звание сержанта. После известных событий в Солнечной Гектор прошел курс лечения в VIP-клинике на Лазурном Шепоте, а также перенес замену напыленного нейрочипа. Кораблем он способен управлять в бинарном режиме, подключаясь напрямую к полетному интерфейсу. Смеем заверить – довольно редкое умение. Кстати, еще в старые времена Гектор заслужил звание пилота-аса и прозвище Ювелир.

Вопреки всем уставам и кодексам Гектору О'Риди Маримуца с удовольствием пожал руку:

– Как давно вы летаете с чипом, сержант?

– Живу двенадцать лет, летаю – полтора. С чипом старого типа мне было запрещено пилотировать корабли с людьми на борту, а на хайтековский не хватало денег... Спасибо, вот, поставили...

– Отлично. Полетаем! – Маримуца подмигнул и приблизился к следующему члену экипажа.

– Бортинженер. Хатолиламай. Как изволите видеть – цоофт. Последнее время воевал на том же «Найтаре». Как мне сообщили из техслужбы группы – сказать, что Хатолиламай опытный технар, значит, ничего не сказать.

Инженеру Маримуца отсалютовал ладонью — большинство инопланетян избегало физических контактов с представителями иных рас.

— Боты вип-класса шупали, инженер? — поинтересовался Маримуца.

— Неоднократно. Разведчики этого типа неплохо знаю.

— Замечательно!

— Второй инженер — прекрасно всем известный Нери Йонас. Прошел спецкурс по кораблям вип-класса. Боевого опыта почти не имеет, зато блестяще доказал, что...

— Спасибо, господин Финней, — тихо перебил Реджинальда Нери Йонас. — Я уже столько раз слышал...

— Действительно, не будем, — поддержал Маримуца, пожимая Йонасу руку. — Рад, что вы в моем экипаже, Нери.

Инженер скупно улыбнулся. Похоже, внезапно свалившаяся слава и известность его тяготили.

— Стрелки — Кира Стойкова и Анжела Андреюк. Воевали на «Найтаре»...

— Ага, «Найтаре», значит, в полном составе?

— Именно так, капитан.

— Хорошо. Прикатанный экипаж — всегда хорошо.

Девчонки были — смерть мужикам! Одна длинноволосая блондинка, вторая — брюнетка с короткой стрижкой. Но взгляды у обеих были из разряда «не подходи», только разной полярности. Если подойдешь, Кира, вероятнее всего, тут же разорвет на части, а Анжела попросту заморозит, как а'йеш-десантник. Собственно, об этой парочке Дариуш даже слышал ранее: мол, есть в седьмой группе «Африки» две звезды, скелетиков колошматят в боях, а между боями раздирают сердца всему мужскому контингенту группы. Никогда бы не подумал, что придется ими командовать!

— Приветствую, дамы! Руку пожать можно, не пристрелите здесь же? — справился Маримуца.

Кира обворожительно улыбнулась, протягивая руку Дариушу, потом Рафику. У Анжелы во взгляде незначительно поубавилось льда — и только.

Из неназванных остались только коллеги Реджи да еще примостившийся в самом углу свайт в форме психолог-подклана. Какого именно из кланов Свайге, Маримуца не разобрал, их у союзников-ящеров было немыслимо много по всей доминанте, но эмблему психологической службы не узнать было трудно.

— Кроме полетного экипажа бот понесет еще спецгруппу, семь человек. — Реджи на секунду заглянул в записи. — Они сейчас заняты тренажами, могу перечислить фамилии. Нужно?

— Да лучше потом, что мне скажут фамилии? — усомнился Маримуца.

— Скажут, скажут. По крайней мере две должны сказать — Веселев и Шулейко.

— А, — слегка удивился Маримуца. — Искатели! Снова вместе, снова рядом...

«Если это совпадение — то из ряда вон выходящее, — подумал Маримуца. — По-моему, нас просто ведут параллельными курсами. Табаска, все Табаска, чтоб я позеленел — все она виновата».

А впрочем — какая разница? Знакомые в экипаже даже лучше, особенно внятные знакомые. А оба искателя остались в памяти Маримуцы и Раджабова вполне внятными ребятами.

— Коллега Шхэ Суон, — Реджи указал на свайга, — назначен штатным психоаналитиком процесса подготовки. На задание он с вами не пойдет, но весь процесс тренажей будет контролировать.

Свайг поднялся на ноги и развернул гребень — как оказалось, в двух местах гребень был поврежден, скорее всего из баста или лучемета задело. Коллега-психолог явно успел понюхать боевых действий.

— Приветствую! — Маримуца привычно отсалютовал ящеру и обратился сразу ко всем с этой минуты подчиненным: — Господа! Рад приветствовать вас в качестве капитана экипажа. Мой зам также всех вас приветствует. Мы надеемся, что выполним возложенную на нас миссию наилучшим образом, поскольку тут собрались профессионалы из профессионалов, лучшие из лучших! Самое правильное, что мы можем сейчас сделать, — это немедленно приступить к курсу подготовки! А значит — за дело!

— Да окрепнет союз! — довольно дружно отчеканил на интересе экипаж, включая свайга-психолога.

— За дело возьметесь несколько позже, — проинформировал Реджи Финней, перелистывая записи в маленьком видеокубе перед лицом. — По графику сейчас акклиматизация и сопряжение биоритмов. Если проще, то два часа свободного времени, вечерний чай и отбой. Подъем завтра в восемь по корабельному времени,

кто не сверился — вон часы над перепонкой. Устраивайтесь, знакомьтесь. Завтра — ознакомление с кораблем и пробные вылеты. Есть вопросы? Нет? Тогда все свободны. Капитан, прошу вас задержаться на пару минут. Спасибо.

2

— Внимание! Три! Два! Один! Переход!

Мир привычно схлопнулся и раскрылся уже иным. Мигнула, подстраиваясь под переменившееся освещение, изомерная линза у лица. Справа и слева кто-то уже остервенело палил короткими очередями из импульсника, хотя Скотч пока не успел вычленивать ни единой цели. Да ему это и не полагалось, Скотч шел на задание безоружным, если не считать ручной бласт в кобуре и вибронож на поясе. Руки его были заняты совершенно иным: правая — варежкой-пультом портативного поясного гравизахвата, а левой Скотч держал за шиворот пустотного комбеза ополоумевшего шат-тсура, разменного «болвана».

Группа, до момента перехода тесная и спрессованная, раскрылась, будто диковинный цветок. Гаваец, Тамура, Костя Цубербюллер, братья Суондреды, Рагназь — вся боевая десятка стреляла из бластов по охране, одновременно перемещаясь к объекту. Им пытались помешать, но слишком уж для скелетиков все быстро и неожиданно складывалось — многие в студии не успели толком сообразить, что же на самом деле происходит.

А происходил налет, дерзкий в своем безумии и безумный в своей дерзости. Мельников и его молчаливый напарник, невзирая на стрельбу и сопротивление охраны, продрались к объекту и дружно повисли на нем, словно регбисты-защитники на атакующем форварде соперника.

— Отстрел! — рявкнул Скотч, снимая с «болвана» гравизахват и одновременно отвешивая ему увесистого пинка под твердый зад. Шат-тсур улетел к стене, кажется, попутно нараввшись корпусом на импульс из лучемета. Солянка тем временем активировал второй гравизахват, в результате чего объект и висящих на нем Мельникова с напарником снова притянуло к группе.

— Уход раз! — скомандовал Скотч надсадно, так что заломило в висках и запершило в горле. Но надо было именно так, чтобы слышали все свои — невзирая на портативные переговорники на основе мгновенки, группа захвата мало что слышала, такой в студии стоял грохот и гам. Группа, прекратив стрелять, снова сжалась в тесный ком вокруг Мельникова, второго погранца и объекта.

— Уход два! — рявкнул Скотч чуть тише.

Мир привычно схлопнулся и раскрылся уже иным. Мигнула, подстраиваясь под переменившееся освещение, изомерная линза у лица. Ком из людских тел развалился, на этот раз словно бы нехотя. Стрелки просто попадали на пол, тяжело дыша и пытаясь утереть лица — тщетно, мешала силовая защита боевых комплектов. Мельников с погранцом держали под локотки объект — ничего не сообщающего шат-тсура, уже другого.

— Ну что ж, — заметил Ле Бурже с помоста. — Одиннадцать секунд. Превосходно! Просто превосходно!

— Да ну, просто нас трансгрессировали очень близко — до объекта было всего семь метров, — проворчал Скотч для очистки совести. — Реально, думаю, будет дальше. Я бы все-таки забивался на полминуты.

Он обернулся к валяющимся на полу стрелкам.

— Кого-нибудь задело?

— Меня убило, — мрачно сообщил Цубербюллер. — На девятой секунде.

— Шальным?

— Наверное. Не успел заметить.

— Меня ранило. — Боевой пловец меланхолично поднял руку. — Шальным.

Не похоже было, чтобы пловец сильно расстроился из-за тренировочного «ранения».

— Ура, я выиграл! — радостно возопил Гаваец. — Литтл, с тебя литр... э-э-э... ну, ты знаешь, в общем, чего.

— Та-а-ак! — Тон Ле Бурже стал необъятно начальственным, а сам он, сойдя с помоста, ступил в освещенный круг тренировочной зоны. — Литр, говорите? Позвольте поинтересоваться, литр чего?

— Томатного сока, — невинно и без малейших следов раскаяния на физиономии заявил Мистер Литтл.

Ле Бурже глядел на прирожденного завхоза с тем же выражением лица, что и матерый повар на таракана в супе.

— Сок, говоришь? Опять на спирт пари заключаете, так вас через это самое?

— Что вы, как можно? — холодно и вроде бы даже обиженно открестился Мистер Литтл.

«Придушу, — подумал Скотч. — Гавайца. За длинный язык и неумение сдерживаться...»

— Шеф, мы на сок спорили, честное слово! — горячо взмолился Гаваец. — Вы ж меня уже в прошлый раз проверяли — был чист!

Ле Бурже и впрямь как-то, рассвирепев, проверил Гавайца на алкоголь — тот, ко всеобщему удивлению, оказался трезв, аки младенец. К счастью, всех тогда проверять не стали, ибо Скотч с Мельниковым в то утро проверку однозначно провалили бы.

— На что спорили? — Ле Бурже решил придавить боевого пловца, но того давить было заведомо бесполезно.

— Откуда мне знать? — пожал плечами пловец. — Я ни с кем не спорил.

Некоторое время Ле Бурже гневно сверкал очами, но потом махнул рукой и обреченно убрел к помосту.

— Перекур десять минут и на просмотр записи, — объявил он из полумрака. — Скотч, ко мне.

«Ща песочить станут, — уныло подумал Скотч. — Ну что за люди, последнее задание, а у них все залеты да залеты. Поубиваю. Ей-ей...»

— Господин майор? Сержант Шу...

— Скотч! Ну что за... — перебил его Ле Бурже.

— Господин майор! Ну результат-то есть?

— Результат! Нечего мне на результат кивать! Вот в самый решающий момент напортачит кто-нибудь — что тогда?

— Эти, — с неожиданной уверенностью заявил Скотч, — не напортачат. Только если погибнут, да и то вряд ли. Точно вам говорю.

3

— Правее! Еще правее! Стоп!

Саня припал к визору, оценивая точность размещения муляжей на стартовой площадке.

— Номер одиннадцать опять криво, — крикнул он, не отрываясь от окуляра.

Щеголяя фиолетовым фингалом, Сергей Забиран пошел поправлять одиннадцатый муляж. Фингал Сергей заработал перед завтраком, когда что-то не то сказал Кире Стойковой, и в этот день несчастнее человека не было во всем флоте — только ленивый над ним не издевался. Впрочем, многие издевались из чистого злорадства, ибо ранее получили тот же от ворот поворот, только без фингалов. Были и такие, кто Забирану симпатизировал и всячески ободрял: раз фингал, значит, решился на нечто такое, на что не решились прежние отшитые кавалеры. Мужик, стало быть!

— Стоп!

— Саня, — донеслось из логова заскукавших физиков. — Может, хватит муляжи двигать? Они все равно в захвате. Доставим как-нибудь.

— Ага, — мрачно уточнил Шулейко. — Доставите, знаю я вас. Ногами вперед. Не слушай их, Саня, выставляй как след.

Саня, говоря начистоту, и не думал слушать физиков. Не дураки ведь просчитывали эту стартовую позицию, верно? Сшивка, никто не спорит, успешно доставит и муляжи, и живых десантников, но вычислили же умные люди, что именно при таком расположении группа выиграет несколько драгоценных секунд? И потом, нужно учитывать неизбежный дрейф. Это только кажется, что звезды и планеты в галактике неподвижны друг относительно друга. А сиганешь за пятьдесят световых лет — так тебя перекукожит, мама родная не узнает. Нет уж. Инструкция есть инструкция. Физикам плевать, они ее не читали, может, даже вообще о таковой не слышали — исполнителям сообщают лишь то, что они обязаны непосредственно выполнить, и ничего о работе соседей.

И правильно. Чужие уши могут прятаться всюду. Лучше перестраховаться.

— Муляж номер два, Серега!

Серега переместился к муляжу номер два; через пару минут Веселов счел и его положение идеальным.

— Ну, вроде нормально. Эдик, твой выход!

За дело взялись физики. У них наверняка имелись свои индивидуальные инструкции, потому что Свирский возился с захватом минут двадцать, не меньше. Но в конце концов и он объявил:

— Готово!

— Внимание! — разнеслось по громкой. — Начинаем! Попытка шестнадцать, пошел отсчет!

Монотонный синтезированный голос принялся отсекал пункты, начав с пятидесяти. Когда отсчет дошел до нуля, из стартовой области разом исчезли все до единого муляжи.

Полковник Попов, Райд и Ле Бурже наблюдали за этим по выделенному видеоканалу мгновенья.

— Ну что? — ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Попов. — Как думаете?

Получится в итоге?

Райд и Ле Бурже переглянулись и очень одинаково хмыкнули, словно репетировали этот номер заранее.

— Шеф! У других, может, не получилось бы. А у нас... Угадайте с одного раза.

СИМЕИЗ, ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ГОРОДОК

Офелия, Жемчужное побережье

1

Море накатывалось на белый кварцевый песок и оставляло у линии прибоя длинные языки пены. пляж был почти пустынен, если не считать нескольких небольших компаний. Правительственная территория, сюда никого не пускали. Те, кто на пляже — скорее всего жены и дети политиков и министров.

На вымощенном плиткой пятачке под тремя огромными пальмодендронами стоял столик на колесиках, рядом — два шезлонга. Поодаль маячили фигуры охранников, а в небе висело несколько роботов-кибердисков и пара патрульных гравипланов.

В шезлонгах сидели президенты Офелии и Солнечной Валерий Сытников и Вернер Винцль. В доминанте существовали люди, способные посоперничать с этой парой по влиятельности, но по занимаемым ныне постам — вряд ли. Солнечная была и оставалась моральной столицей людей, тогда как Офелия давно стала самым населенным, богатым и экономически мощным миром межзвездного человеческого сообщества.

Обстановка была в меру неформальной, однако важность разговора вынудила Вернера Винцля покинуть Солнечную и отправиться к Офелии лично.

Конечно, власть президентов имела множество ограничений и оба служили скорее символами правительств, однако даже на личных контактах эти люди умудрялись делать очень много и достигали порой результатов, которых не удавалось достичь самыми длительными переговорами.

Нынче речь шла как раз об этом: о недавнем контакте шефов контрразведок Земли и Свайге.

Политические отношения практически всегда многослойны. Зачастую обе стороны прекрасно представляют и общую картину, и степень осведомленности друг друга. Однако на переговорах начинают все буквально с нуля, как будто никто ничего не знает.

И Сытников, и Винцль, равно как и их министерские кабинеты, и до визита свайга Аххо Тео на спутник у Чагды в целом представляли себе умонастроения союзников. И недовольство цоофт (в первую очередь именно их) спрогнозировали заранее, точно так же, как вероятную поддержку амбициозных птичек со стороны Галереи Свайге. И кажущееся спокойствие в среде технократов-а'йшей не стало для политиков доминанты Земли сюрпризом, и виноватое молчание азанни, которым очень хотелось примкнуть к давним друзьям-цоофт, да мешал совсем свежий моральный долг перед людьми, благодаря которым азанни сохранились как единая раса.

Никто особо не сомневался, что визит Аххо Тео на деле был вовсе не приватным. Послали его скорее всего по рекомендации Галереи, но мудрецы-свайги как всегда попытались облечь это в форму, которая не повлекла бы за собой серьезных официальных размолвок и нежелательной напряженности отношений. А так — тайный дружеский визит, осторожный дружеский совет, попробуй подкопайся. В крайнем случае шеф контрразведки Свайге просто вылетел бы из кресла. И без того не слишком-то уютного.

Да и сейчас президенты предпочли официальной встрече и аналитическим консультациям вот эту, внешне похожую на отдых, посиделку. Море, пальмы, стол с закусками, знаменитое офелийское вино и неспешная беседа, когда не приходится по несколько раз взвешивать каждое слово.

Винцль, поднеся бокал с «Рубином Жемчужного Берега» к лицу, любовался насыщенным цветом вина и солнечным бликами в слое напитка. Желтое светило Офелии простреливало бокал навывлет; на лице президента Солнечной подрагивал красноватый зайчик. Сытников высказывался:

— Меня только одно волнует, Вернер. Рекомендации свайгов, а значит, и цоофт, на удивление точно совпали с линией, которая наиболее устраивает нас — в случае компромисса.

— Не могли же они не учесть наших интересов, — отозвался Винцль, не отрываясь от созерцания солнца в бокале. — В конце концов они прекрасно понимают, что империю мы можем дожать и без их участия. И единым махом устранить оставшиеся между нами и галактами технологические пробелы. Они ведь специально держали нас на полуголодном пайке, с самых событий у Волги. Они боятся, Валерий, реально боятся. Люди давно показали, что могут обойти всех галактов вместе взятых. Вот нас и пытаются притормозить, изо всех сил пытаются. Но уже сейчас тормозить нас небезопасно, поэтому они рады и себя не обделить, и нас не рассердить.

Сытников недоверчиво покачал головой и пригубил вино.

— Не рано ли ты записал нас в фавориты?

— А что? — Винцль несколько оживился, шевельнулся в кресле, поставил бокал на столик. — Разве не все сколько-нибудь значимые сдвиги последнее время так или иначе связаны именно с людьми, с доминантой Земли? Если бы не мы, империя сейчас медленно доедала бы остатки союза. В сущности, союз должен быть нам благодарен.

— Да я не спорю, — проворчал Сытников. — Я просто хочу сказать: не перехвали.

— Я разве хвалю? Я рассуждаю. Вот скажи, на месте Триады ты бы посмел требовать чего-то большего?

— Я и этого требовать поостерегся бы...

— Это ты. А цоофт — старая раса, мы для них всего лишь дети, на глазах превратившиеся из подростков во взрослых. От нас еще можно требовать, но на нас уже опасно кричать. Вот они и подослали свайга.

— Ну, свайги тоже не простофили, просто так собой манипулировать они не позволят.

— Конечно, не позволят. Но цоофт подкинули решение, выгодное и свайгам тоже.

Сытников снова покачал головой:

— И все равно настораживает меня тот факт, что события совпали с прогнозом чуть ли не стопроцентно. Обязательно должна быть некоторая дисперсия. А тут ее нет.

— Может быть, мы просто научились делать точные прогнозы? — предположил Винцль.

— Точных прогнозов не бывает, Вернер. Информация имеет свойство устаревать.

— Не отменять же операцию из-за того, что отсутствует дисперсия в прогнозах. — Президент Солнечной снова взялся за бокал.

— Не отменять. Но задуматься надо.

— Собственно, аналитики уже озадачены, чего еще?

— Еще? — Сытников в упор поглядел на коллегу. — Еще нужно держать нос по ветру, а ушки на макушке, Вернер. Не забывай, существует также и Рой. Караулит где-то за кадром, выжидает. Спроси себя, готовы ли мы к его внезапному появлению на сцене?

Вернер Винцль подозрительно поглядел на Сытникова:

— Валерий... По-моему, у тебя есть какая-то идея. Я прав?

— Да, — отозвался Сытников. — Ты прав. Относительно Роя у меня действительно есть идея. Давай-ка ее сейчас не торопясь обмозгуем и только потом скорим аналитикам. Передай, будь добр, вон тот сыр.

ВТОРАЯ УДАРНАЯ ГРУППА, ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ»

Глубокий космос, нейтральное пространство

1

Сам собой включился свет в каюте, секунду погодя прозвучал мелодичный сигнал побудки. Маримуца разлепил глаза и поглядел на часы посреди противоположной стены.

Было полпятого утра.
Он встал и побрел в санузел.
Через десять минут, сравнительно свежий и выбритый, он вернулся в каюту и принялся одеваться.
Стук в дверь не заставил себя ждать — когда Маримуца расслоил перепонку, на пороге возник капрал-вестовой.
— Господин капитан, до сигнала тревоги двадцать минут. Прикажете поднимать экипаж?
— А Раджабова ты уже поднял?
— Так точно, поднял.
— Поднимай и экипаж. И спецгруппу тоже буди.
— Есть!
Вестовой убежал.
Врасплох сигнал тревоги застает только при обороне. Так было в начале войны. А последние месяцы, когда союзные войска больше наступали, солдаты и офицеры, как правило, просыпались до сигнала тревоги и в бой шли достаточно подготовленными. Маримуца оделся, окинул взглядом каюту. Мелкие вещи вроде бритвы или зубной щетки решил не брать — плохая примета, возьмешь — вылет действительно может затянуться. Да и вообще, таскать вещи за собой флотские офицеры не любили — в этом подразумевалась неявная вероятность не вернуться.
К черту! Вылет обещает быть коротким, уже сегодня к вечеру, если повезет, войне конец.
Маримуца надел кепи. Десять звезд на начищенной кокарде загадочно блеснули в зеркале.
— Удачи, капитан! — пожелал сам себе Маримуца и шагнул к перепонке.

2

Скотч проснулся от тихого шевеления рядом.
Казарму освещал тускло-синий ночной фонарь. Рядом возился Мельников — одевался. Его безымянный приятель тоже уже не спал — зевая, сидел на кровати и тер спросонья глаза.
— Вставай, вставай, — подстегнул Скотча Мельников. — Все равно сейчас тревогу сыграют.
Просыпался и остальной народ — зашевелился на верхней полке Гаваец, прыгнул вниз Рагназь, будил братьев Клемент Суондред. Или не Клемент? Хрен различишь этих четверняшек, если буквы над карманом не видно!
При необходимости группа экипировалась бы в считанные минуты. Но экипировка неспешная, вдумчивая — имеет массу преимуществ.
Когда сыграли тревогу, вся команда в пятнадцать человек успела надеть комплекты и вооружиться. Осталось только пробежать через тревожный рукав к скоростному катеру «Всплеск».
Скотч знал, что сейчас множество групп, похожих и непохожих на его группу, готовятся исполнить свою мини-задачу в большой и довольно сложной операции. Возможно — в одной из последних операций нынешней войны за ее величество Мобильность.
Отрешиться от всего, что остается за шлюзом «Всплеска». Просто проделать все, что отшлифовано до блеска на многочисленных тренировках последних дней. Кстати, а где «болван»? Ага, вон ведут. Накачанный какой-то одуряющей дрянью шат-тсур. Наверное, пленный. Двигаться может, соображать нет. И чудненько, не хватало еще от «болвана» дожидаться какой-нибудь пакости.
Конвоиры сдали скелетика братьям Суондредам.
— Ну что, гвардия! — рявкнул Скотч на весь салон. — В который раз — никто, кроме нас?
— Никто, кроме нас! — с удовольствием проорала в ответ гвардия.
А боевой пловец при этом еще и потрогал тельняшку под комбинезоном.

3

Сане Веселову и его команде, так же как и команде Свирского, пока работы не было. Вип-бот готовился к старту. Где-то на соседних палубах точно так же готовились к старту и другие команды, в том числе недавно натасканные Саней с

коллегами. В операции предстояло участвовать примерно трем десяткам объемных сшивок, и пусть советники-референты сколько угодно талдычат о восьми — их явно будет больше. Восемь — это основная группа и прикрытие. А ведь нужно еще навести шуму где-нибудь в местах скопления войск империи — дабы отвлечь и дезориентировать. Тут и сшивки в дело пойдут, и простые двунаправленные тоннели, и обычные прыжки-пульсации. В общем, весело будет. Вип-бот обладал размерами, достаточными для размещения и экипажа, и группы управления сшивкой. Сама сшивка оставалась где-то тут; после прыжка бота к Тсурре на нее должны были завести телеметрию по мгновенке. Процесс неоднократно отрепетировали, отработали и вылизали до мелочей, каждый знал свою роль назубок. Саня все чаще ловил себя на ощущении, что разум ему теперь не очень-то и нужен — руки сами знали что делать. Наверное, именно так устроен Рой — исполнители по определению безмозглы, но отменно натасканы на какую-нибудь несложную операцию, поэтому им трудно напортачить. Разум нужен тем, кто всем заправляет, к кому сходятся все нити, как к опытному кукловоду от десятков послушных марионеток. Высшим выводом из подобных размышлений служила на первый взгляд парадоксальная аксиома: разум — безусловное зло. Жизни лучше без разума. Как только живые обретают разум, они тут же принимаются убивать и угнетать себе подобных, и чем изощреннее разум — тем сложнее, беспощаднее и замысловатее методы убийств и подчинения.

В сущности, союз побеждал империю только потому, что сумел использовать обыкновенный транспорт в качестве оружия. Интересно, к этому ли стремились канувшие в Лету исполины духа, изобретатели генераторов нуль-коридора? Этого ли они хотели, подсказав землянам идею компоновать парные генераторы в сложные объемные сшивки? И если к этому — не предвидели ли они еще большего зла от воцарившейся в галактике империи? Кто знает...

Транспортные корабли выходили на заданные позиции и готовились к прыжкам или ныркам в нуль-коридоры. Группы захвата и прикрытия занимали места в стартовых областях. Соединения боевых кораблей готовились нанести отвлекающие удары. А империя готовилась к празднику — не очень веселому, поскольку за последнее время потеряла почти все, что сумела захватить ранее. Империя ждала слова верховного правителя в надежде обрести утраченную уверенность и исполниться новых сил в борьбе против старших рас — с их точки зрения, заносчивых и несправедливых.

4

— Господа президенты! Все готово.

Голос адмирала Тима Хемерсбрандта был сух и по-деловому лишен эмоций.

Президенты Солнечной и Офелии переглянулись.

— Что ж... — сказал Вернер Винцль.. — Начинайте, адмирал! И да поможет нам... все, что может помочь!

— Слушаюсь, господин президент.

Секунду спустя Хемерсбрандт взглянул на изображение оперативного дежурного и коротко скомандовал по спецканалу:

— Нулевая фаза. Начали!

Дежурный открыл операцию.

Четырнадцать ударных групп четырех флотов доминанты Земли и около двадцати боевых соединений остальных рас союза ушли за барьер в течение следующих пяти минут. Системы Оа, Файд-Зегу и все еще захваченный имперцами Рианон-2 собирались штурмовать всерьез. На остальных участках — пошуметь, заставить противника понервничать и попаниковать.

Под нулевую фазу стратегии отвели два часа. За это время вип-бот, ведомый пилотом-азанни Зу-Зу, в четыре пульсации и два прохода нуль-коридором преодолел расстояние до материнской системы шат-тсуров. Команда Свирского и Веселова приступила к расчетам скорых забросок.

За это время ударные группы глубоко вклинились в пределы оборонительных рубежей империи сразу во многих местах и завязали ожесточенные дуэли с флотами и укрепбазами противника.

За это время высокие чины многих союзных рас успели принять массу стимуляторов и успокаивающих лекарств, но вряд ли хоть кому-то из них это сильно помогло. Один из инструкторов «Хозчасти» скончался от внезапной остановки сердца, и помочь ему не смогли. Один из вершителей Галереи Свайге ненадолго отлучился — решил

посидеть в нише для отдыха, уснул и потом уже не проснулся. Двое представителей технократии а'йшей после того, как опекаемый ими модульный крейсер выпал из боя и вернуться в бой не сумел из-за неполадок технического свойства, предпочли саморазрушиться без каких-либо объяснений или заявлений.

Полковник Попов все это время провел в кабинете, за столом, покрытым зеленой скатертью. То и дело в развернутые над столешницей видеокубы стекалась свежая информация о ходе событий. Кроме того, в большой видеостолб посреди кабинета был заведен общеимперский канал эс-ви-вещания. Именно по этому каналу должен был вскорости выступить император Унве.

Минут за пятнадцать до начала передачи союзные силы принялись потихоньку отступать — во всех точках, которые недавно атаковали, кроме упомянутых Файд-Зегу, Оа и Рианон-2.

Чуть ранее группа управления сшивкой под началом Веселова и Свирского доложила, что наведение завершено как на резиденцию императора, так и на эс-ви-студию в пределах станции. Остальные также успешно навелись — семь групп поддержки, четыре группы предварительного заброса, и более десятка групп дублирования. Сшивки и группы управления были разбросаны по разным мирам доминанты Земли; места их дислокации и развертывания были прикрыты значительными силами союзных войск от случайных и неслучайных ударов противника.

Президенты Солнечной и Офелии также наблюдали за имперским эс-ви каналом — специальной трансляции эксперты-планировщики нарочно не предусмотрели во избежание возможного перехвата. В самом деле, все должно быть прекрасно видно и по эс-ви, тем более что на это и делался основной расчет. В случае успеха операции «Группер» запись похищения императора планировали несколько раз показать по вещанию каждого из обитаемых миров союза, а имперцам так и вообще предстояло увидеть все в прямом эфире.

За две минуты до начала выступления императора, когда в видеостолбах и видеокубах уже появилась столь же знакомая, сколь и ненавистная заставка «Тсурра-новостей», на связь вышел наблюдатель на разведчике-одиночке, один из тех, кто патрулировал космос не遠далеке от бота Маримуцы.

— Закат, я Ринго, вижу мираж «скаут Роя»... Поправка — два миража «скаут Роя»... Поправка... ой, йо!

— Ринго, здесь Закат, докладывайте! Что случилось?

— Вижу астероид Роя. Скауты сосчитать не могу, их навскидку несколько десятков, есть малые, средние и несколько больших. Кроме того, вижу миражи типа «малая роза» и «тюрбан».

— Обеспечьте видео!

— Момент...

Разведчик не лгал. Те, кому было положено, действительно увидели астероид Роя (их ни с чем не спутаешь) и россыпь малых кораблей.

— Чиль, Хемерсбрандт, что делаем? — нервно справился президент Винцль по закрытой мгновенке.

— Ждем, — невозмутимо ответил старый адмирал президенту и распорядился командующему резервом: — Двадцать шестую ударную на старт! Цель — область «Тсурра-подлет»! Старт только по команде!

— Есть, мой адмирал!

Рой, неожиданно появившийся на сцене, с ходу вмешиваться в события не стал. Большинство скаутов неожиданно порскнуло в разные стороны, как рой метеоров в ночном небе; спустя несколько секунд они исчезли из обычного пространства. Без каких-либо линейных возмущений, но теперь никто из посвященных в технологию транстрессии и нуль-прыжков не рискнул бы сказать, что корабли Роя исчезли за барьером. Это раньше так думали, пока о генераторах исполинов никто ничего не знал.

То, что бывшие союзники вмешиваться не стали, было хорошо. Плохо было другое: к астероиду направилось несколько оборонных дредноутов Тсурры. Если они будут продолжать двигаться теми же курсами, вскоре смогут обнаружить бот Маримуцы и его жиденькое прикрытие.

— Ле Бурже! — позвал Попов помощника.

— Тут, шеф!

— Где еще появился Рой?

— Пока нигде, шеф... А должен?

— Не знаю! — Полковник Попов озабоченным не выглядел, но, безусловно, озабоченным был. Операция по большому счету еще не началась, а сценарий уже нарушен.

— Сколько у нас времени?

Ле Бурже собрался ответить, но тут зазвучал бравурный военный марш шат-тсуров и заставка в видеостолбе сменилась изображением эс-ви-студии. Повсюду знамена с гербом Тсурры, коричнево-синие цвета империи...

И император Унве на трибуне — привезенной, кстати сказать, из разграбленного исторического музея Проксимы Ландыша, более известной как Оранта-1. Трибуна была красивая, вырезанная из цельной глыбы какого-то добытого на Багуте несколько веков назад минерала — полковник Попов названия минерала не помнил. Император запел. То есть в общепринятом смысле он заговорил, но речь шат-тсуров казалась людям пением — за это мятежные сателлиты птиц-азанни и получили прозвище «поющие скелеты».

— Времени, шеф? — переспросил Ле Бурже. — Вы имеете в виду, сколько продлится речь императора? Минут десять.

Попов досадливо поморщился — он явно имел в виду что-то другое, но распекать Ле Бурже не стал, сразу склонился к переговорнику с координаторами:

— Опал, я Нельма! Начинайте немедленно! Без санкции с Линейного!

Полковник Попов опередил Линейного всего на полсекунды — приказ начинать прозвучал, когда полковник произносил слово «санкции»:

— Фаза один! — скомандовал Линейный, то бишь адмирал Хемерсбрандт.

Сработали первые три сшивки, забросившие шоковые гранаты, ослепители и капсулы с нервно-паралитическими препаратами в студию, где выпевал обращение к нации император Унве.

Это было красиво — в студии вдруг расцвело несколько ярко-белых роз, потом видеостолбы по всей галактике тоже стали ослепительно белыми, так что почти у всех зрителей (кроме тех, кто был к этому готов) резануло глаза. Те, кто был готов, отметили только срабатывание светофильтров на поверхности видеостолбов — опасная для зрения спектральная полоса была попросту вырезана из изображения. Президент Вернер Винцль точно не знал, сколько секунд должно пройти между заброской «подарков» охране императора и заброской собственно группы захвата. Ему показалось, что возня в студии (а камеры продолжали исправно работать) началась еще во время вспышек, хотя на самом деле это было не так.

5

— Внимание! Три! Два! Один! Переход!

Мир привычно схлопнулся и раскрылся уже иным. Мигнула, подстраиваясь под переменившееся освещение, изомерная линза у лица. Справа и слева кто-то уже остервенело стрелял из импульсника, хотя Скотч пока не успел вычленить ни единой цели. Да ему это и не полагалось, Скотч шел на задание безоружным. Если, конечно, не считать ручного бласта в кобуре и виброножа на поясе. Руки его были заняты совершенно иным: правая — варежкой-пультом портативного поясного гравизахвата, а левой Скотч держал за шиворот пустотного комбеза ополоумевшего шат-тсура, разменного «болвана».

Группа, до момента перехода тесная и спрессованная, раскрылась, будто диковинный цветок. Гаваец, Тамура, Костя Цубербюллер, братья Суондреды, Рагназь — вся боевая десятка палила из бластов по охране, одновременно перемещаясь к объекту. Им пытались помешать — шоковые гранаты и паралитик не взяли личную охрану императора, да и роботов-телохранителей повредить удалось далеко не всех. Зато остальная публика исправно валялась на полу.

Объект прятался под шикарнейшей трибуной, задрапированной под крапчатый камень.

Мельников и безымянный пограничник упорно стремились туда, нарываясь на импульсы из бластов охраны, но тройная силовая защита лучевые удары пока держала.

Охранники тоже были облачены в защитные комплекты, но такой вариант был заранее предусмотрен: по ним били не лазерным оружием, а динамическим, из подствольников. Рослые шат-тсуры из личной гвардии императора Унве влипали в стены, оставляя в них заметные вмятины, и бессильно сползали на пол. Досталось и роботам, причем с ними возиться пришлось дольше, чем с живой охраной.

Все, Мельников с приятелем вот-вот возьмут объект... ан нет: оба с размаху натыкаются на какое-то препятствие и падают.

Дьявол! Похоже, вокруг трибуны тоже стоит защита — то ли силовая, то ли гравитационная.

Решение пришло мгновенно. Если не гора к Магомету, значит, наоборот, чего тут думать.

— Внимание! — заорал Скотч надсадно, так, что заломило в висках и запершило в горле. — Все к трибуне! Полукольцом!

Поняли, слушаются.

— Отстрел!

Скотч снял гравизахват с «болвана» и пнул ничего не соображающего скелетика так, что тот улетел к противоположной стене.

— Чужих — долой!

Понимают, молодцы — валяющихся работников студии хватают за что попало и расшвыривают в стороны. Пять-десять секунд — и вокруг трибуны остаются только свои. А под трибуной — объект.

— Уход раз! — проорал Скотч, и все как один прижались к невидимому защитному, колпаку. Император злобно зыркал на происходящее из-под трибуны и шарил рукой на поясе...

— Уход два!

«Ах ты! — подумал Скотч, уже крикнув. — Он ведь вооружен!»

Хорошо, что изнутри защитный колпак проницаем в той же мере, что и снаружи. Но подготовиться надо!

Мир привычно схлопнулся и раскрылся уже иным. Мигнула, подстраиваясь под переменившееся освещение, изомерная линза у лица. Пол предательски саданул по ногам бойцам группы захвата — почти все попадали на пол. И в тот же миг защитный колпак исчез, хотя Скотч чувствовал его первые мгновения после перемещения. Значит, защитой управлял сам император и генератор поля у него где-нибудь в кармане или на рукаве.

Впрочем, это в данный момент было не важно, куда больше Скотча занимало другое обстоятельство. А именно — бласт в руке Унве.

Распрямившись, будто пружина, Скотч прыгнул. Он был готов к этому прыжку, он начал к нему готовиться еще там, в отстоящей от точки старта и финиша на метры и световые годы студии. И поэтому он успел.

У Скотча и впрямь не было оружия — только древний ручной бласт с надписью «Смерть или слава» на рукоятке да вибронож. С самой Табаски Скотч никогда и никуда не ходил без ножа — даже в уборную. И сейчас верный и любимый SpyderEdge удобно лежал в ладони, а чуть изогнутое и зазубренное, словно коготь гигантского насекомого, лезвие было готово кромсать все, что попадет под руку.

Например, жесткий экзоскелет шат-тсура. В самом деле, не стрелять же в такого ценного пленника из бласта! А вот малость подпортить шкурку, то бишь экзоскелет...

Унве заорал и уронил бласт, так и не выстрелив, когда Скотч располосовал ему правую кисть.

— На пол, руки за голову! — рявкнул Скотч на интересе, окончательно срывая голос. И, не выдержав, отвесил императору безжалостный подзатыльник.

Унве привык не подчиняться командам, а отдавать их, поэтому он не выполнил приказ так быстро, как хотелось бы похитителям. Но на полу все равно оказался мигом — рука у Скотча была тяжелая.

— Фаза два! — прошел сигнал Линейного. Корабли с группами наведения торопливо уходили за барьер. Пустую космостанцию, где оборудовали стартово-финишную площадку группы захвата, медленно втягивал в грузовой трюм малый атмосферный крейсер «Огастес Флинн» под командованием адмирала Дмитрия Фисуненко.

Потрясенная галактика замерла у видеостолбов и эс-ви экранов, не зная, верить в случившееся или не верить, действительно империя лишилась головы или же это какая-то непонятная мистификация.

На миры шат-тсуров и оаонс немедленно начали трансляцию агитационных роликов с призывами к капитуляции. Союзные силы получили приказ атаковать Багуту и Тсурру — на этот раз всерьез, а не для отвода глаз.

Астероид Роя вместе с немногими оставшимися скаутами, так ничего и не предприняв, исчез.

Только Скотч ничего этого еще не знал. Он, как и вся группа захвата, знал лишь одно: они выполнили миссию, после чего началась фаза два.

— Кого-нибудь задело? — спросил Скотч, глядя на свою гвардию.

— Меня, — виновато держась за предплечье, сообщил Мистер Литтл. — Опять в руку!

В ту же, представляешь?

— Везет тебе, — проворчал Скотч. — Жить будешь?

— А то!

Послышался далекий лязг; пол ощутимо дрогнул — космостанция утвердилась в грузовом трюме крейсера, а несколькими секундами позднее крейсер был переброшен в Солнечную загодя наведенной шшивкой. Операция «Группер» завершилась: важная добыча была успешно проглочена. На глазах у всех обитателей галактики.

ЭПИЛОГ

Союз все рассчитал верно: лишенные предводителя скелетики окончательно потеряли боевой дух и сдались почти без боев. Оставшихся в меньшинстве перевертышей задавили банальным числом, для верности отправив вперед автоматы. Империя окончательно испустила дух по истечении земной недели после похищения Унве. Конечно же, готовился громкий судебный процесс — повторного мятежа старшие галакты допустить не могли, поэтому старательно вколачивали в сознание более молодых, сплошь и рядом недовольных собственным положением рас, нехитрую мысль: смирение лучше бунта.

Скотч и его боевая группа, как ни странно, никаких особых почестей не дождались. Особенно Скотч: за нанесенную императору травму руки его основательно взгрели. Зато лица Нери Йонаса и Гектора О'Риди ежедневно мелькали на всех эс-ви-каналах; эту парочку носили чуть ли не на руках. Было еще несколько личностей, оказавшихся после победы в центре внимания, но их вклад в операцию «Группер» от глаз непосредственных исполнителей как-то ускользнул.

Вскоре стало понятно почему: группа Скотча в полном составе; а также Веселов, Шулейко, Маримуца с Раджабовым и МакГрегори с Сориалом получили предложение от настоящих коллег Мельникова-Семенова. Легко догадаться какое. Произошло это на Кассандре-6, во все том же госпитале-санатории «Хозчасти». Народ расслаблялся; даже на фляги со спиртным руководство теперь глядело сквозь пальцы. Победа...

Три типа в штатском заявили на шестнадцатый день после пленения Унве. Как раз накануне куда-то исчезли Мельников и его напарник; Скотч с ожесточением подумал, что эти двое вполне могут назавтра не узнать его, случайно встретив в коридоре. Что Мельников назовется другой фамилией, а его молчаливый приятель снова не назовется никак.

Скотч угадал; его вызвали первым.

Трое в штатском расположились в комнате для свиданий очень по-хозяйски — чувствовалось, что они везде ведут себя как дома.

— Добрый день, Вадим. Меня зовут Ле Бурже, его Райд, а его — Равиль. Мы представляем здесь одну из мощнейших структур доминанты, на которую вы с товарищами, собственно, и работали последнее время.

— Это какую же? Пресловутую «Хозчасть»?

— Именно.

— И как она зовется по-нормальному? Или мне пока не положено знать?

— Так вы согласны?

— Еще нет.

Ле Бурже улыбнулся — не то чтобы снисходительно, но как-то до жути уверенно, словно знал наперед все, чему суждено было произойти.

— Мы называемся генеральной службой контрразведки доминанты Земли. Вы с товарищами немало поработали в последнее время. И показали себя с наилучшей стороны. Вполне естественно было привлечь вас на регулярную работу, раз уж вы так много узнали и так хорошо себя проявили. Кстати, Мельников лично о вас очень высокого мнения.

Скотч злился все сильнее и сильнее.

— Скажите, а это обычное дело для вашей службы — все время подставлять своих?

Ле Бурже продолжал улыбаться:

— Вадим, мы не знаем слова «подставлять». Мы знаем только одно-единственное слово, точнее словосочетание — «обеспечивать безопасность доминанты Земли». Остальное — частности. Если понадобится отдать жизнь за доминанту, любой из нас делает это, не задумываясь. Вы ведь тоже такой, поэтому мы с вами сейчас и разговариваем.

— А зачем вы промываете память своим людям после каждого задания?

— Разумеется, исключительно для пользы дела. Ис-кдю-чи-тель-но!

Скотч отвернулся и долго глядел в сторону.

— А если я откажусь? — спросил он глухо.

— Ваше право. — Ле Бурже чуть заметно пожал плечами и быстро переглянулся с Райдом. — Но я не советую. Некоторых из вас мы просто не сможем отпустить. Всем вам по-любому придется пройти через коррекцию памяти. Когда вы очнетесь, вы будете помнить только то, что нужно, причем будете твердо убеждены, что согласились работать на нас. Так же мы поступим со всеми, кто нам нужен безоговорочно. Вот видите, как я откровенен.

— То есть, — сказал Скотч холодея, — все уже решено за меня? И выбора, по сути дела, нет?

— Ну почему же нет? Работать в контрразведке лучше добровольно и осознанно. Так что соглашайтесь — в подсознании все равно остается слишком многое, чего никак не вытравить никакими коррекциями памяти. Согласитесь сейчас — можете далеко пойти. Откажетесь... тогда вас ожидает скорая гибель на какой-нибудь пустячной миссии. Подсознание не обманешь.

Скотч снова отвернулся.

— А кого вы еще намерены... пригласить?

— Всех.

— Всех?

— Да, всех. Всю вашу группу. Искателей Веселова и Шулейко. Ваших приятелей по Табаске — МакГрегори и Сориала. Офицеров Маримуцу и Раджабова. Всех, кто не жалел себя для победы. А уж работы на наш век хватит, можете не сомневаться, каждому по умениям. Кстати, у нас работают только офицеры, так что можете подбирать новые нашивки.

Минуту спустя Скотч, все еще глядя в пол, дал ответ:

— Черт с вами... я согласен. Но могу я попросить, чтобы мне не терли из памяти абсолютно все? Ведь можно же кое-что оставить?

— Мы обсудим этот вопрос в индивидуальном порядке, Вадим. Спасибо, мы в вас не ошиблись. Будьте добры, пригласите сюда вашего зама, капрала Саксина.

Скотч, ощущая в голове и груди гулкую пустоту, вышел и поманил к себе Солянку.

— Иди, — сказал он.

— Покупают? — поинтересовался Солянка.

— Да...

— Задорого?

— За офицерское звание.

— Понятно. На шару, стало быть. Ты продался?

— Продался.

— Угу. Ну, тогда еще ничего. По крайней мере скучно не будет.

— Это уж точно. Поскучаем только после смерти.

Продались все — и Цубербюллер, и Тамура, и Суондреды, и боевой пловец, и Рагназь. С особой охотой продался Гаваец.

Отказались только Валти (по возрасту) и, к удивлению Скотча, Мистер Литтл.

— Литтл? Ты отказался? Почему?

— Понимаешь, — вздохнул тот, баюкая дважды раненую руку, — у меня сын родился... Ромка. Куда мне?

— Сын? — Скотч опешил. — Когда ж ты успел, шельма?

— Да вот... — Литтл расплылся в характерной улыбке новоиспеченного папаши. — Вику Кузнецову помнишь? С «Дифферента»?

— Конечно, помню!

— Вот она...

Скотч, сцепив зубы и стараясь не думать о том, что скорее всего никогда не вспомнит ни этого момента, ни мистера Литтла, обнял своего бывшего завхоза и процедил, стараясь, чтобы это не прозвучало зло:

— Ну, будь счастлив, старик...

Примерно в это же время на Офелии в президентском дворце происходил торжественный прием, на который прибыли наиболее влиятельные лица пяти старших рас плюс приглашенные гости из рас второй волны.

Приглашены были и адмиралы флотов Солнечной, и адмирал Фисуненко, немало потрудившийся на ниве спецзаданий, и даже полковник Попов присутствовал, хотя его тут знали очень немногие — разве что свайт Аххо Тео.

Естественно, не обошлось без торжественных речей и тостов.

Адмирал Тим Хемерсбрандт, держа в руках бокал с офелийским вином, слушал очередную речь и потихоньку размышлял обо всем понемногу.

О недавней победе и о пропасти, по краю которой прошелся союз. О наступлении совершенно новой эпохи, когда воевать по-старому будет практически невозможно — операция «Группер» наглядно доказала, что изобретательность и быстрота мышления могут приспосабливать генераторы и сшивки для все новых и новых дел. О галактике-2, которую скорее всего предстоит исследовать им, военным, потому что куда-то нужно после войны применить силы миллионов солдат. О достигнутой почти абсолютной мобильности, когда расстояния утратили бывшее значение и в ту же галактику-два попасть не сложнее и не дольше, чем в соседнюю комнату.

— Уважаемые союзники! — говорил вершитель Орхуд с Галереи Свайге, торжественно развернув гребень. — Мы пережили ужасное время. Мы пережили смуту, попытку передела давно устоявшегося порядка вещей. Свайг говорил витиевато и напыщенно, явно полагая, что именно здесь и именно так делается история.

— Однако мы сумели преодолеть это, сплотив ряды и объединив усилия. Союз в очередной раз доказал: он, и только он, является оплотом равновесия и стабильности в галактике. И теперь, когда мы впервые за многие и многие циклы прорубили окно в новую галактику, мы обязаны принести туда наши ценности и свободы.

Хемерсбрандт усмехнулся. Свайги явно нацелились расширить свою доминанту в галактику-два. Ну-ну!

— Агрессор наказан и посрамлен! Союзу — виват! Мы в очередной раз доказали, что дух и твердость — непобедимы! — Свайг завершал парадную речь. — Пирамиды Азанни, Триада Цоофт, Технократия а'йешей, доминанта Земли и Галерея Свайге сделали все это вместе. Мы победили! И никто, никто, кроме нас, не справился бы с монстром по имени империя!

Хемерсбрандт все же не удержался — пафос самодовольной, практически лишенной юмора рептилии мог по-настоящему пронять разве что самих свайгов да обе расы птичек. Что до а'йешей с их малопонятной логикой и совершенно непостижимой моралью — их понять могли только они сами, с этим давно смирилась вся галактика. Но людям речь вершителя Орхуда, невзирая на формальную истинность, все равно казалась смешной. Поэтому Тим Хемерсбрандт коротко и сдержанно рассмеялся.

— Вы не согласны со мной, адмирал? — удивленно спросил вершитель и еще шире развернул над головой роскошный гребень.

Пришлось взять себя в руки, приосаниться, напустить серьезности на лицо и ответить именно так, как ожидали окружающие:

— Ну, почему же не согласен, уважаемый коллега? Совершенно с вами согласен! Действительно, победить империю не мог никто, кроме нас!

И закончил фразу мысленно: «... кроме нас. Людей».

июнь 2003 — октябрь 2004
Николаев — Москва

Внимание! При написании этой книги не пострадал ни один Семецкий-2!